(Годъ сорокъ четвертый).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1906

9.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1906.

Изъ рѣчи Л. М. Савелова 22-го Іюня 1906 г. на третьемъ областномъ Историко-археологическомъ съѣздѣ во Владимирѣ.

Кромѣ архивовъ правительственныхъ и общественныхъ, проливающихъ намъ свѣтъ на нашу политическую и общественную исторію, дающихъ намъ картину общественной дѣятельности нашихъ предковъ, т.-е. представляющихъ прошлое нашего отечества, такъ сказать, съ внѣшней, показной стороны—мы имѣемъ еще другой видъ архивовъ, въ нѣдрахъ которыхъ заключена какъ бы душа, внутреннее „я" былыхъ дѣятелей нашей родины, строившихъ и созидавшихъ великую Россію.

Я говорю, милостивые государи, о семейныхъ архивахъ, вносящихъ жизнь въ офиціальныя, нерѣдко сухія, сообщенія правительственныхъ и общественныхъ архивовъ.

Гдѣ нѣтъ исторіи городовъ и учрежденій, тамъ (говорятъ намъ), не можетъ быть и общей исторіи; гдѣ нѣтъ частныхъ, семейныхъ архивовъ, тамъ (прибавлю я) не можетъ быть возстановлена и полная картина быта нашихъ предковъ. Вотъ причина, почему изслѣдователь родной старины долженъ съ особеннымъ вниманіемъ относиться къ тѣмъ немногимъ остаткамъ семейной, письменной старины, которая только въ жалкихъ обрывкахъ дошла до нашихъ дней, съ особеннымъ вниманіемъ еще и потому, что правительственные и общественные архивы, несмотря на наше варварское отношеніе къ архивнымъ сокровищамъ, на полное непониманіе ихъ цѣнности, несмотря даже на то, что мы систематически и съ упорствомъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, старались всѣми мѣрами истреблять ихъ, бросая въ сырые подвалы, на пыльные чердаки, отдавая во власть мышамъ, подчасъ сваливая ихъ просто въ рѣки и т. п., все же сохранили еще массу рукописнаго матеріала, большею частью даже еще и неразобраннаго и ожидающаго своихъ изслѣдователей.

Частными архивами Россія не была никогда богата; но незначительное ихъ количество нельзя объяснить однимъ небрежнымъ отношеніемъ къ нимъ нашихъ отдаленныхъ, а еще болѣе нашихъ ближайшихъ предковъ и насъ самихъ; несомнѣнно въ ихъ исчезновеніи принимали участіе и другія причины. Особенно много ихъ и не могло быть, такъ какъ наши предки до Петра Великаго въ громадномъ большинствѣ не знали грамотѣ; второй причиной были частые пожары, уничтожавшіе нерѣдко цѣлые города нашей деревянной Руси, и наконецъ, надо вспомнить и про тѣ невзгоды, которыя приходилось переживать нашей родинѣ. Мы не дальше какъ вчера слышали о томъ, что Владимирская область 13 разъ страдала отъ Татарскаго нашествія. Трудно ожидать, чтобы, что нибудь могло уцѣлѣть отъ этихъ непрошеныхъ гостей, покрывавшихъ страну трупами и дымящимися пожарищами, а что̀ уцѣлѣло послѣ нихъ уничтожалось нашими вѣчными врагами —Поляками съ одной стороны, шайками Пугачева съ другой, и затѣмъ подверглось разгрому великой арміи Наполеона, а въ этомъ отношеніи сыны Запада оказались не лучше дикихъ сыновъ Востока. А что̀ сохранилось отъ огня и погромовъ въ прошедшіе вѣка не могло выдержать новыхъ условій жизни, когда, начиная съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, множество нашихъ помѣщиковъ, не сумѣвшихъ справиться съ новымъ укладомъ, покинули свои насиженныя гнѣзда, а съ ними вмѣстѣ побросали и тѣ немногіе письменные памятники своей семейной старины, которые еще сохранялись у нихъ.

Кто же тѣ счастливцы, которые обладаютъ еще и теперь фамильными архивами?

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1906.

III.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

Обычай правъ, усопшихъ важный сонъ
Намъ почитать издревле повелѣвшій.

Баратынскій.

1906.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.
1906.

ЗАПИСКИ ПРИСУТСТВУЮЩАГО ВЪ СВЯТѢЙШЕМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМЪ ВСЕРОССІЙСКОМЪ СИНОДѢ *).

(Архіепископа Херсонскаго Никанора).

1887 г.

Разскажемъ сперва о томъ, какъ я наконецъ вошелъ въ Святѣйшій Синодъ. Случилось это 10 Іюня, въ Среду, ровно чрезъ недѣлю послѣ прибытія въ Петербургъ. Мнѣ напередъ разсказано было, что, по прибытіи въ синодскія палаты, я долженъ войти въ директорскую, откуда меня введутъ въ самый Синодъ, когда прибудетъ митрополитъ. Я прибылъ около полчаса 12. Митрополитъ Исидоръ въ обычное время, ровно въ 12. Н. П. Смирновъ, къ которымъ мы бесѣдовали, поднявшись, повелъ меня въ синодскую палату. При входѣ, по обычаю, предъ святою иконою я перекрестился, митрополиту и прочимъ отцамъ поклонился, поцѣловали другъ други руки. Митрополитъ говоритъ: «снимите камилавку..., поднимите персты кверху..., читайте присягу». Преосвященный епископъ Германъ возложилъ на себя епатрахиль въ качествѣ приводящаго къ присягѣ. Оба мы стали предъ оберъ-секретарскимъ пюпитромъ покрытымъ церковною пеленою, на которой возлежали крестъ и евангеліе, всегда стоящіе на синодскомъ столѣ. По окончаніи присяги, митрополитъ говоритъ: «поздравляю, садитесь», указывая стулъ возлѣ себя. Распорядокъ сидѣнія соблюдается теперь не обычный. Обычный долженъ бы быть таковъ: посреди залы виситъ портретъ царствующаго Императора, противъ него, во главѣ стола императорское кресло; по бокамъ синодскаго стола стоятъ по четыре кресла; члены должны бы сидѣть такъ: справа отъ императорскаго стула, на первомъ креслѣ, первенствующій митрополитъ, слѣва старѣйшій, за нимъ справа слѣдующій и т. д. Передъ столомъ стоитъ оберъ-секретарскій пюпитръ. Но такъ какъ первенствующій старецъ теперь тяжелъ на ухо и лучше слышитъ правымъ,

*) См. вторую книгу „Русскаго Архива“ сего года, стр. 355 и 427.

чѣмъ лѣвымъ ухомъ, то онъ и садится поближе къ докладывающимъ оберъ-секретарямъ, на послѣднемъ креслѣ справа; слѣва же, на послѣднемъ креслѣ, сидитъ преосвященный Германъ. Возлѣ митрополита, справа у стола, сижу я, и слѣва, на второмъ отъ конца креслѣ, сидитъ преосвященный экзархъ Павелъ. На креслѣ преосвященнаго Германа въ послѣдніе дни возсѣдалъ преосвященный Уфимскій Діонисій. У пюпитра всегда стоитъ докладывающій оберъ-секретарь. Прочіе оберъ-секретари, дожидающіе очереди доклада, всегда жмутся къ стѣнкѣ, всегда стоя. Директоръ синодальной канцеляріи, когда хочетъ, садится въ одно изъ креселъ, стоящихъ у стѣны. Оберъ-прокуроръ и его товарищъ садятся, когда хотятъ, у своего оберъ-прокурорскаго стола, на первомъ креслѣ, стоящемъ во главѣ стола. Чиновники за оберъ-прокурорскимъ столомъ при мнѣ ни раза не садились. Вообще же оберъ-прокуроръ, его товарищъ, директоръ В. К. С. и вице-директоръ С. В. Керскій часто перемѣняютъ мѣста, подходятъ къ оберъ-секретарскому пюпитру, когда хотятъ разъяснить что либо, чаще къ самому уху митрополита, при чемъ стараются выкрикивагь каждое отдѣльно слово. Этимъ искусствомъ, какъ и многими пріятными искусствами, отличается особенно В. К. С.; онъ и не кричитъ, а какъ-то мягко внушаетъ слова и понятія, начиная всегда ласкательнымъ: «владыка»... Н. П. С. говоритъ вяло и тихо, но раздѣльно; К. П. сыплетъ скороговоркою; В. К. раздѣльно, толково и точно. Обсужденіе происходитъ такъ. Когда оберъ-секретарь доложитъ дѣло, старецъ-первенствующій почти всегда тутъ же и изрекаетъ рѣшеніе. Рѣшеніе многихъ обыкновенныхъ ходячихъ дѣлъ тѣмъ и оканчивается. Иногда же вставляются замѣчанія, чаще всего оберъ-секретарями, иногда вице-директоромъ, директоромъ, товарищемъ оберъ-прокурора; изъ присутствующихъ чаще всего преосвященнымъ экзархомъ Павломъ. иногда преосв. Германомъ, какъ уже давними, привычными членами; я же, особенно въ присутствіи митрополита, больше помалчиваю. И молчаніе это не предосудительно, а даже похвально, такъ какъ разсужденія еще ни разу не касались догматическихъ или же каноническихъ моихъ воззрѣній; а дадутъ ли тому-то дьячку медаль, или благословеніе съ граматою, мнѣ какое дѣло. Да случается и такъ, что общее мнѣніе всѣхъ членовъ Синода остается втунѣ. Поднялся какъ-то вопросъ (но поднялся случайно, безъ особаго доклада) о переносѣ церкви С.-Петербургской Д. Семинаріи изъ стараго мѣста въ новостроющійся флигель (дѣло уже рѣшенное Синодомъ, и флигель уже строится); мы всѣ четыре присутствующихъ, со старцемъ во главѣ, высказались за оставленіе церкви на старомъ, любезномъ всѣмъ намъ, мѣстѣ. А новая церковь все-таки строится. Архіепископъ Ярославскій Іоаѳанъ представилъ въ Святѣйшій Синодъ ходатайство Ярославскаго духовенства о разрѣшеніи наимено-

вать новопостроенное епархіальное училище «Іонаѳановскимъ»; всѣ мы высказались противъ ходатайства; но былъ тутъ самъ Ярославскій архіепископъ и, слышно, ходатайствовалъ лично. Я подозрѣваю, что его личное ходатайство уважено имущими силу, если и не власть; а намъ и журнала о семъ для подписи не подавали. Докладываютъ представленіе епископа Саратовскаго съ ходатайствомъ опредѣлить ректоромъ Семинаріи инспектора, протоіерея Из—ва, но лучше бы прислать монаха-архимандрита. Я указываю на смотрителя Херсонскаго д. училища, іеромонаха Николая; разсудивши, всѣ согласились; присутствовалъ и товарищъ оберъ-прокурора Н. П. С. и не возражалъ. Но возразилъ, впрочемъ основательно, не присутствовавшій К-нъ П-чъ, оберъ-прокуроръ, и дѣло стало: въ Саратовъ ректоромъ будетъ утвержденъ Из—въ, а о. Николай, повидимому, получитъ назначеніе также на мѣсто ректора въ Вологду. А что мнѣніе юнѣйшаго члена, каковыхъ у насъ никто не спрашиваетъ, остается втунѣ, когда старѣйшіе, или же одинъ старѣйшій, старецъ-митрополитъ, рѣшаютъ иначе, это самое обыкновенное явленіе. Нельзя сказать однакоже, что наши голоса остаются совсѣмъ втунѣ; они все-таки содѣйствуютъ разъясненію текущихъ вопросовъ. О старцѣ-митрополитѣ Исидорѣ замѣтить нужно, что онъ олицетвореніе здравомыслія, опытность огромная и, повидимому, не слабѣющая память, въ словѣ остроуміе, почти всегда добродушное, въ сужденіяхъ мѣткость и зрѣлость, воспитанная сколько лѣтами и многолѣтнимъ опытомъ, столько же и природою. Эта естественная основательность, однакоже, при дипломатической гибкости, при полнѣйшемъ отсутствіи желанія прать противъ рожна. Поэтому, когда его желанія и мнѣнія не сходятся съ господствующими теченіями, съ ними, конечно, соображаются болѣе или менѣе, а затѣмъ такъ или иначе обходятъ и творятъ, еже хотятъ. Есть (движеніе пока тайно) одинъ вопросъ, по которому я собирался ратовать, собирался со страхомъ и тревогою, тѣмъ не менѣе сочту долгомъ присяги возвысить голосъ, конечно со всевозможною мягкостью, со всевозможными словоизвитіями. Дѣло заключается въ настоятельномъ ходатайствѣ военныхъ, подкрѣпляемомъ форменною бумагою Великаго Князя Владиміра Александровича, чтобы Святѣйшій Синодъ разрѣшилъ творить заупокойныя молитвы о всѣхъ иновѣрцахъ-католикахъ, протестантахъ и т. п. Слышно, да и мнѣ извѣстно, что въ частныхъ случаяхъ владыка Исидоръ разрѣшалъ даже отпѣвать иновѣрцевъ. Говорятъ, будто настоятель Сергіевой пустыни, гдѣ похоронено столько бояръ иновѣрныхъ, начиная съ принцевъ Ольденбургскихъ, архимандритъ Игнатій, вовсе не стѣсняется чинить о нихъ заупокойныя поминовенія, конечно, съ вѣдома и благословенія владыки-митрополита Исидора. Слышалъ я секретно, что оберъ-

прокуроръ К—нъ П—чъ держитъ бумагу Великаго Князя подъ сурдиной пока, затрудняясь доложить ее Святѣйшему Синоду. Бѣдствіе, если доложатъ.... Я уже шепталъ кое кому, чтобъ не докладывали, аще возможно, да мимо идетъ отъ насъ чаша сія. Обаче, не якоже азъ хочу, но да будетъ воля Божія *).

Изъ замѣчательныхъ засѣданій и сужденій Святѣйшаго Синода было, когда докладывали результаты, добытые ревизіею Вологодской Семинаріи. Докладывалъ самъ же ревизоръ С. В. К—ій, докладывалъ подробно, обстоятельно, съ представленіемъ фактическихъ доказательствъ, особенно въ письменныхъ объясненіяхъ прикосновенныхъ лицъ. Дѣло въ томъ, что ректоромъ этой Семинаріи былъ вдовецъ, протоіерей Л—въ, котораго преосвященный Амвросій Харьковскій просилъ себѣ въ викарія. Инспекторомъ же въ эту Семинарію прислали изъ Литвы іеромонаха Каллиста или Климента (имя его забылъ). Инспекторъ сразу вступилъ въ препирательство съ ректоромъ, сталъ укорять ректора въ хищеніяхъ, даже въ нечистой жизни; а ректоръ-то весьма дѣльный и возвысилъ порядокъ по семинарской экономіи, съ увеличеніемъ даже средствъ. А между тѣмъ инспекторъ ѣлъ открыто въ публикѣ мясо въ посты, гулялъ по улицамъ и бульварамъ, ходилъ въ торговую баню, предавался игрѣ на музыкальныхъ инструментахъ, надъ учениками надзиралъ слабо, возлагалъ всѣ обязанности надзора на своихъ помощниковъ; никогда не бывалъ съ учениками даже на молитвѣ. Въ Синодѣ сидѣло насъ трое: экзархъ, я и преосвященный Германъ. Владыка же митрополитъ въ эти дни уѣзжалъ въ Званку, святить церковь. К. П., пока докладывались другія обычныя дѣла, сидѣлъ въ директорской, занимаясь дѣлами; когда же начался докладъ по дѣлу Вологодской Семинаріи, вошелъ къ намъ и смирно сидѣлъ на своемъ креслѣ. Когда докладъ пришелъ къ концу, и выяснилось, что инспекторъ-монахъ кругомъ виноватъ, К—нъ П—чъ подскочилъ къ нашему столу и съ выразительными жестами заговорилъ: «А все это владыка Московскій. Окружилъ себя родствомъ въ Москвѣ. Всюду подкатываетъ племянниковъ, да племянницъ. И въ Вологду заѣхала одна его племянница, тамъ за наставникомъ Семинаріи М. Инспекторъ сдружился съ этимъ М., и оба они одни въ цѣлой Семинаріи возстали противъ ректора. А М.-то этотъ пьяница и племянницу митрополита безпощадно бьетъ. Произведена одна ревизія. Инспекторъ виноватъ, ректоръ правъ.

---

*) Митрополитъ Іоанникій такъ и не дозволилъ отслужить въ Москвѣ торжественную панихиду по схороненномъ на островѣ Эзелѣ бывшемъ начальникѣ Московскаго военнаго округа А. И. Гильденштубе; въ частномъ домѣ можно, но въ собраніи общественномъ не подобаетъ. П. Б.

М. пишетъ къ дядюшкѣ Московскому. Тотъ: «не можетъ быть; инспекторъ правъ, ректоръ виноватъ». Нечего дѣлать, послали другую ревизію. Ну, и вотъ вамъ результаты!.. Охъ, ужъ эти мнѣ родственнички архіерейскіе». Когда мы выходили изъ засѣданія, К—нъ П—чъ, идя со мною рядомъ до синодской пріемной, говорилъ мнѣ въ полголоса: «Заведется вотъ у инаго архіерея одинъ родственничекъ; да и тотъ бѣдъ надѣлаетъ цѣлую гору. Вотъ А. Пензенскій привезъ съ собою немного, одного только племянника-діакона; такъ тотъ съ первыхъ же дней сталъ въ воротахъ архіерейскаго дома да и протягиваетъ руку, такъ что ни войти, ни выдти нельзя, не ублаготворивши протянутую руку архіерейскаго племянничка». Вотъ, думаю себѣ, и секретъ, по которому оберъ-прокуроръ ѣдетъ въ Пензу, на жительство, чуть ли не на мѣсяцъ. Въ этотъ же разъ, уже въ самомъ выходѣ на лѣстницу, К—нъ П—чъ расписываетъ мнѣ: «Тамъ, у васъ въ Одессѣ была одна моя родственница. Заѣзжала въ Успенскій монастырь. Пишетъ, что увидѣла въ церкви полнѣйшій безпорядокъ. Монахи вели себя не благоговѣйно и безпорядочно. Были причастники; по причащеніи, одинъ монахъ вышелъ и крикнулъ на всю церковь: «эй, всѣ ли причастились?» Нѣкоторые подошли еще; но ихъ причастили уже по отнесеніи св. даровъ». Я говорю: «это бываетъ». «И самъ я знаю, что бываетъ. Но преосвященный Мемнонъ?» Я говорю, что я не даромъ хвалю преосв. Мемнона; онъ человѣкъ богомольный; ежедневно за всякою службою бываетъ въ церкви, но быть можетъ не силенъ установить строгій порядокъ въ братіи. Да и братія-то старикъ на старикѣ, старцы совсѣмъ дряхлые, простые.

«Да, преосвященный Мемнонъ есть звонъ которому другой долженъ давать тонъ», сшутилъ К—нъ П—чъ.

Въ тотъ же разъ, не знаю зачѣмъ, онъ шепчетъ мнѣ: «несчастный этотъ Новосельскій, Боже мой! Да помочь же ему нельзя. Вѣдь, онъ человѣкъ большаго размѣра. Да, прожилъ милліоны. Пустилъ по міру не одного милліонера. Примѣръ—Л—ій *); а ни одинъ изъ его кліентовъ не хочетъ протянуть ему руку помощи. И вѣдь, представьте, человѣку просто ѣсть нечего».

Слово о Николаѣ Александровичѣ Новосельскомъ. Въ день, когда я впервыя вступилъ въ Святѣйшій Синодъ и въ ожиданіи ввода сидѣлъ въ синодской директорской, бесѣдуя съ Н. П. С—мъ, сей послѣдній коснулся Н. А. Новосельскаго, какъ моего знакомаго. На мой вопросъ, что съ нимъ, какъ онъ поживаетъ, Н. П. разсказалъ: «Плохи его дѣла. Относительно своихъ угольныхъ копей онъ вошелъ въ соглашеніе съ

*) Лярскій или Вонлярлярскій? П. Б.

NN (имени не помню). Вдвоемъ они дали въ сильныхъ сферахъ взятку въ 800000 руб.»—«Боже мой, въ 800000!»—«Да, въ 800000. А тамъ въ Министерствѣ Двора для нихъ ничего и не сдѣлали. Теперь они хотятъ судиться».—«Ужели же берутъ въ высшей инстанціи (названо было имя)—«Ну, въ высшей, не въ высшей, а въ подчиненныхъ возмутъ»—«И высшимъ передадутъ?»—»Ну, ужъ это кто ихъ знаетъ». Чрезъ нѣсколько дней пожаловалъ ко мнѣ самъ Николай Александровичъ. При первомъ взглядѣ кидалось въ глаза, что онъ одѣтъ бѣдно, по лѣтнему, но во всемъ помятомъ. А разсуждаетъ, какъ государственный человѣкъ, какъ высшій умъ, освѣдомленный обо всемъ въ самыхъ высшихъ сферахъ. «Ну, что?»—«Плоховато. Этотъ Вышнеградскій обѣщалъ, не надежду подавалъ, а обѣщалъ, когда восходилъ на министерство, обѣщалъ много. А теперь снюхался и молчитъ. Пока все по старому. Ничего не замѣтно».—«Ну, а нашъ К—нъ П—чъ?»—«Единственный человѣкъ, который говоритъ Государю правду, не смотря ни на что. Единственный искренній проводникъ къ Государю нуждъ и желаній народа. Умри этотъ человѣкъ, не останется у престола ни одной души, которая была бы этимъ проводникомъ». — «Ну, а...? «О, жизнелюбецъ. Онъ говоритъ: знаю мое военное дѣло. Я не хочу быть К. Н. Опытъ поучителенъ».—«А М. Н.?»—«Ума мало; да и любитъ либеральничать. Весь Государственный Совѣтъ у насъ состоитъ главнымъ образомъ изъ лицъ набора К. Н. Все это большею частью юристы; частью военные. У военныхъ ума мало, да они и либеральны. Юристы же гнутъ на свою сторону. Къ нимъ пристаютъ военные. Всѣ они вмѣстѣ увлекаютъ нерѣдко и предсѣдателя. Остается П—въ и немногіе другіе, маленькая улика».—«А графъ Т—ой?»—«Уменъ-то онъ, уменъ, но жить хочетъ. Труда не хочетъ. Дорожитъ своимъ положеніемъ. Послѣ насъ трава не расти».—«Скоро онъ умретъ? Правда ли, что онъ такъ боленъ?»—«Кто его знаетъ. Просто не хочетъ работать и запирается. Говорятъ: боленъ; а поди тамъ разбери. Я вамъ скажу, батенька: плоховато у насъ, шатко. Всѣ государственныя цѣнности шатаются; состоянія колеблются и падаютъ; принципы исчезаютъ, и всякій норовитъ захватить блага міра, елико можетъ награбить, елико рука захватитъ. Хищничество-главный стимулъ теперешней общественной жизни». Общимъ заключительнымъ освѣщеніемъ этой личности было сообщеніе К-на П-ча, что онъ, бывшій милліонеръ и всегдашній благородный человѣкъ—теперь нищій, ѣсть нечего.

Теперь и объ обѣдцѣ скажемъ; но предварительно сказаніе о нашемъ проповѣдничествѣ въ Петербургѣ.

Надо имѣть въ виду, что не сильную, коренную, а главную жи-

вую силу въ синодскомъ управленіи представляетъ въ своемъ лицѣ В. К. Саблеръ. Несомнѣнно отъ него исходитъ сила многихъ начинаній. Онъ же должно быть главная причина и моего вызова въ Святѣйшій Синодъ и преосвященнаго Діонисія, епископа Уфимскаго. Онъ же и тутъ въ Петербургѣ направляетъ наши судьбы. Между прочимъ, узнавъ отъ меня, что я намѣренъ открыть чтенія акаѳистовъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ церкви своего подворья, онъ внушаетъ: «и проповѣдывать будете?»—«А отчего бы?»—«Противно стариннымъ канонамъ и новѣйшимъ Петербургскимъ обычаямъ».—«Какимъ бы это?»—«Здѣсь чужая, не моя епархія; а по стариннымъ канонамъ нельзя учить народъ чужому архіерею въ чужой епархіи. И въ Петербургѣ были прецеденты подобнаго рода; именно присутствовавшій въ Святѣйшемъ Синодѣ, Ѳеофилактъ Русановъ, архіепископъ Рязанскій, человѣкъ ученый и умный, открылъ было рядъ собесѣдованій съ народомъ у себя, на подворьѣ; такъ, ему запрещено было это митрополитомъ Амвросіемъ Подобѣдовымъ, котораго руководилъ въ этомъ случаѣ Филаретъ, ректоръ Академіи, впослѣдствіи митрополитъ Московскій».—«Да, здѣсь, возражаетъ Владиміръ К—чъ, преосвященный Леонтій постоянно поучалъ»—«Очень можетъ быть; но думаю, что преосв. Леонтію позволялось это по особой близости его къ старцу-митрополиту Исидору».—«Повѣрьте, увѣряетъ В—ръ К—чъ, старецъ такъ толерантенъ, имѣетъ такія широкія воззрѣнія, до такой степени не любитъ полагать преграду чему либо хорошему, что онъ ничего противъ этого не скажетъ. Стоитъ только доложить ему объ этомъ». А надо сказать, что, уѣзжая сюда изъ Одессы, я уже навѣшивался навсегда смежить свои уста, потому что уже голова слабѣетъ; потому что, сказать правду, написано и напечатано мною довольно, славы заслужено уже довольно, лучшаго не дослужишься, а скорѣе переживешь себя, какъ вообще старцы себя переживаютъ; почему и Филаретъ въ послѣдніе годы жизни уже ничего не говорилъ съ каѳедры и не печаталъ. Мнѣ не хотѣлось начинать здѣсь, въ Петербургѣ, свое проповѣданіе сколько по личнымъ моимъ соображеніямъ, какъ по условіямъ уже моего возраста и преднамѣренности моихъ занятій. Я пробую смягчить В-ра К-ча: «А по книгѣ прочитать что либо позволительно?»—«Нѣтъ, живое слово, пожалуйста, живое слово! Вѣдь народъ жаждетъ; всѣ замолчали», — «Г-мъ!» Нелегкая, сложная, щекотливая задача. Ѣду къ преосв. Герману, моему товарищу, тонкому и осмотрительному уму, съ сообщеніемъ и за совѣтцемъ. «Представьте, вотъ В—ръ К—чъ предлагаетъ то-то и то-то, проповѣданіе за всякою вечернею, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Разсказываю, что̀ и какъ говорилось. Подумавши, преосв. Германъ говоритъ: «Знаете, совѣтую вамъ уклониться. Начавъ это дѣло,

вы натерпитесь хлопотъ и непріятностей. Ну, преосвященный Леонтій, извѣстно, въ чемъ состоитъ его проповѣдничество! Много не думая, выйдетъ, скажетъ простое назиданіе, и аминь. А вы, вѣдь, будете проповѣдывать, какъ Всероссійская извѣстность; васъ кинутся слушать, какъ знаменитаго проповѣдника; вы возбудите около себя большое любопытство, особый интересъ. Хорошо, коли удовлетворите напряженности ожиданія; но во всякомъ случаѣ возбудите сильную и, вѣроятно, въ нѣкоторыхъ и злостную критику. Не обольщайтесь, не думайте, что всѣ въ восторгѣ отъ вашего проповѣдничества. Сообразите и то, что въ Петербургѣ живутъ и другіе архіереи, митрополиты; тѣ не проповѣдуютъ, а вы же что? Въ силу какого это права именно вы будете выставляться? Нѣтъ, никакъ не совѣтую!» Разумность этого совѣта была очевидна, да по моимъ разсчетамъ и совершенно мнѣ сочувственна. Но чрезъ нѣсколько дней В—ръ К—чъ возвращается къ тому же предмету. Да и я кстати подумалъ и надумавши говорю: «Пожалуй, я могъ бы начать рядъ собесѣдованій, именно въ систематическомъ порядкѣ, рядъ собесѣдованій апологетическаго содержанія. Взялъ бы какую нибудь изъ апологій и бралъ бы по порядку отдѣльныя раскрытыя въ ней темы, а придѣлать къ готовой темѣ приступъ и краткое нравственное приложеніе, это не составило бы труда».—«И прекрасно!»—«Но самъ я, говорю я, ни за что не возмусь говорить объ этомъ со старцемъ-митрополитомъ. А не угодно ли вамъ заикнуться? Посмотримъ, что̀ онъ скажетъ».—«Я увѣренъ, что старецъ ничему доброму не помѣшаетъ», увѣряетъ себя и меня В—ръ К—чъ. «У него такія широкія воззрѣнія. Преосвященный Леонтій говоритъ же» и т. д. Черезъ день, черезъ два пріѣзжаетъ опять и говоритъ: «Говорилъ со старцемъ. Онъ не прочь. Но вы сами къ нему съѣздите, онъ охотно согласится». Прекрасно. Я писалъ, что В. П. Базилевская и Н. Н. Маслова, сдѣлавъ мнѣ визитъ, разсказали, какъ владыка-митрополитъ, шутя, высказалъ: «пусть самъ сдѣлаетъ обѣдъ, такъ мы его и поздравимъ». Надежда Николаевна, забѣжавъ опять ко мнѣ послѣ какого-то богослуженія, повторяетъ: «не забудьте же объ обѣдцѣ». Когда я прибылъ со вторымъ визитомъ къ В. П., она повторяетъ тоже: «не забудьте объ обѣдцѣ». Оказывалось неизбѣжнымъ заговорить объ этомъ обѣдѣ со старцемъ.

Кромѣ того очень давно я навѣсился, если попаду въ Петербургъ, отслужить заупокойную литургію въ память всѣхъ моихъ Петербургскихъ воспитателей, наставниковъ, товарищей, сослуживцевъ, близкихъ и знаемыхъ, которые почти всѣ и легли своими костями на новомъ Александровскомъ кладбищѣ, что̀ за лаврскимъ соборомъ. Это поминовеніе я навѣсился учинить 11 Іюля, въ день благовѣрныя княгини Оль-

ги, въ день имянинъ Ольги Васильевны Чистовичъ, памятной для моего сердца, которую мы, близкіе къ ней люди, называли «ангелоподобною», за необычную мягкость и доброту ея сердца. Съ этими тремя матеріями я и поѣхалъ ко владыкѣ-митрополиту Исидору, именно съ вопрошеніями о служеніи 11 Іюля въ лаврской кладбищенской церкви, о моемъ проповѣдничествѣ и объ обѣдцѣ.

Помнится 9 Іюля я поѣхалъ въ лавру, въ раннее утро, часамъ къ 9. Доложили. «Пожалуйте!» Старецъ-владыка также садится на диванъ, а меня приглашаетъ сѣсть въ близко придвинутое имъ къ себѣ кресло, также подъ самое ухо. Начинаю съ проповѣдничества, какъ можно отчетливѣе выкрикивая каждое слово. «Мы у себя на подворьѣ открыли служеніе акаѳистовъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, по указу Святѣйшаго Синода, вслѣдствіе постановленія отцовъ, собиравшихся во градѣ Казани».—«Акаѳистовъ?»—«Акаѳистовъ по указу Святѣйшаго Синода».—«Ну, да!»—«Не благоволите ли за этими службами прочитывать что либо, а иногда и сказать?» «Сказать, т. е. проповѣдь?»—«Да, по книжкѣ прочитать что либо, или сказать».—«Ну, нѣтъ, отчеканилъ старецъ, противно канонамъ. Вотъ Филаретъ Московскій мнѣ говорилъ, что когда вотъ и онъ проживалъ въ Петербургѣ, вотъ и хотѣлось бы иной разъ что либо сказать, да противно канонамъ. Что же дѣлать, коли у насъ каноны такіе?!» Вижу, что мнѣ приходится поправляться. «Я самъ знаю это, говорю я, владыка святый, и примѣры знаю, что это не дозволялось; но тутъ есть свѣтскія вліянія». «Свѣтскіе, отчеканиваетъ старецъ, что̀ намъ ихъ слушать? Если намъ ихъ слушать во всемъ, то мы далеко зайдемъ. А другіе-то чтожъ, другіе архіереи? Вы тамъ будете проповѣдовать, а другіе будутъ молчать. Да тутъ всякихъ плетеній не оберетесь». Начинаю другую матерію. «Вотъ, владыка святый, я желалъ бы помянуть за упокой всѣхъ своихъ Петербургскихъ воспитателей, благодѣтелей, товарищей. Хотѣлъ бы отслужить литургію въ церкви новаго лаврскаго кладбища». «Это въ Никольской?» «Не знаю ваше-ство, вотъ въ этой, что̀ прямо отсюда, за соборомъ». «А, это въ Никольской».—«Хотѣлъ бы отслужить именно 11 Іюля».—«11-го? Это царскій день. А впрочемъ теперь эти малые табели переносятся на воскресные дни. Чтожъ? Пожалуй! Вѣдь, у васъ свита своя?»—«Своя, владыка святый».—«Пожалуй». Ободренный приступаю къ третьей матеріи. «Не благоволите ли, владыко святый, освятить мои кельи вашимъ посѣщеніемъ въ какой-либо изъ ближайшихъ дней и откушать у меня хлѣба-соли». Онъ слегка улыбнулся въ мою сторону. «Чтожъ? Пожалуй! Вотъ, какъ либо послѣ синодскаго засѣданія, чтобъ не два раза подниматься, за одинъ выѣздъ. Въ какой либо сѣренькій день, а въ солнечный тяжело. А то вотъ на дняхъ (5

Іюля) служилъ я въ Сергіевой пустыни; тамъ народу было столько, что дышать нечѣмъ, въ воздухѣ одинъ азотъ. А вышли съ крестнымъ ходомъ, такъ пыль подняли такую, что и свѣта Божьяго не видно. А вотъ вчера (8 Іюля) въ Казанскомъ соборѣ, такъ я уже и не рѣшился служить, викарія посылалъ, потому что тамъ, когда я служу, народу бываетъ столько, что хоть поголовамъ ходи». Я откланялся, предваривъ, что о днѣ обѣда я буду имѣть честь предварить, когда условлюсь съ другими.

Отъ владыки-митрополита я въ тотъ же день поѣхалъ къ К—ну П—чу. Приняли. Объясняю, что молъ «между владыкою-митрополитомъ и мною названо слово-обѣдъ. Старецъ владыка желаетъ, чтобъ это было послѣ синодскаго засѣданія, чтобы не два раза подниматься, значитъ нужно въ Среду».—«А въ Среду у насъ что такое?» спрашиваетъ К—нъ П—чъ? «Въ Среду 15 Іюля».—«Да, значитъ вы желаете, чтобъ и я присутствовалъ?»—«Именно, это самое. Покорнѣйше прошу сдѣлать честь моимъ кельямъ. Въ Среду князя Владиміра», прибавляю я. «Владиміра», задумался К—нъ П—чъ, «нѣтъ, это мнѣ не помѣшаетъ. Владиміра Александровича? Нѣтъ, это мнѣ не помѣшаетъ. Чтожъ, такъ и будемъ знать, что въ Среду, очень радъ». Такъ, почти и рѣшено, что въ Среду, 15 Іюля, обѣдецъ.

У прочихъ, кого хотѣлъ пригласить, я своевременно побывалъ. Всѣ обѣщали. Владыкѣ-митрополиту опять лично я доложилъ, что обѣдцу приходится быть въ Среду, 15 Іюля. Владыка скрѣпилъ общее соглашеніе своимъ согласіемъ. Между тѣмъ уже наканунѣ обѣда, 14 Іюля, получено извѣстіе отъ нашего друга, И. А. Чистовича, что К—нъ П—чъ извиняется,—завтра кушать у меня не можетъ, такъ какъ онъ долженъ быть съ поздравленіемъ у великаго князя Владиміра Александровича, почему не можетъ быть также и въ Синодѣ. Въ тотъ же день отъ деликатнѣйшаго К—на П—ча получаю и собственноручную записку: «не прогнѣвайтесь, что я не вѣренъ своему обѣщанію; у насъ есть vis major, которая можетъ встрѣчаться на каждомъ шагу. Я не сообразилъ достаточно, что завтрашній день Среда есть день св. Владиміра. По обстоятельствамъ оказывается необходимымъ быть въ это утро у Великаго Князя и еще, можетъ быть, имѣть нѣкоторый докладъ у Государя. Итакъ на завтрашнее утро прошу не ожидать меня въ числѣ почтенныхъ гостей вашихъ, съ коими не могу на сей разъ, къ сожалѣнію, раздѣлить гостепріимную вашу трапезу. Душевно уважающій и преданный»... «Ну, жаль, безъ К—на П—ча, говорилъ И. А. Чистовичъ, обѣдъ будетъ скученъ, и владыка будетъ не въ духѣ. Жаль; однакоже дѣло обошлось. Въ Среду, 15 Іюля, послѣ засѣданія въ Святѣйшемъ Синодѣ, собрались мои гости: экзархъ Грузіи, архіепископъ

Павелъ, епископы: Германъ, Сергій Ладожскій, Антоній Выборгскій, (Владимиръ Нарвскій былъ приглашенъ, но отбылъ для обозрѣнія епархіи), протоіерей о. Алексѣй Парвовъ, предсѣдатель Учебнаго Комитета; изъ свѣтскихъ товарищъ оберъ-прокурора Николай Павловичъ Смирновъ, директоръ Хозяйственнаго Управленія, Андрей Григорьевичъ Ильинскій, нашъ другъ И. А. Чистовичъ, теперь завѣдующій канцеляріей оберъ-прокурора и завѣдующій синодальною канцеляріей, С. В. Керскій. Для встрѣчи владыки-митрополита Исидора я вышелъ на крыльцо, а въ прихожей поставилъ двухъ иподіаконовъ, чтобы вести старца на парадную лѣстницу. Что я самъ вышелъ на крыльцо, старцу это не понравилось; послѣ обѣда онъ и запретилъ мнѣ провожать его внизъ по лѣстницѣ, даже не принялъ услугъ иподіаконовъ и пошелъ самъ одинъ, до кареты. Взятъ былъ для устройства обѣда извѣстный кухмистеръ Холеиновъ, мастеръ своего дѣла, за много уже лѣтъ привычный къ владыкѣ-митрополиту. Съ лица взято было по 12 руб. за 12 персонъ, хотя обѣдало только 11. Обѣдъ былъ если не сервированъ, то составленъ съ изысканной роскошью. Вина, подъ диктовку опытнаго кухмистера, взяли мы сами у Елисѣева, не ниже 3 руб. за бутылку. Любимый старцемъ владыкою и всѣми портвейнъ былъ взятъ по 4 руб. По собственному моему указанію взято было вино Сан-перей, подмѣченное мною на обѣдѣ у великой княгини Александры Петровны, въ Кіевѣ. Владыка-митрополитъ сѣлъ посрединѣ стола, лицомъ не отъ оконъ, какъ большею частью принято, а къ окнамъ. Свое вино Сан-перей разливалъ въ широкіе бакалы всѣмъ я съ самаго начала. И какъ только стали причмокивать, то первый старецъ поднялъ вопросъ: «что это за вино?»—«Сан-перей».—«Прекрасное».—«Я подмѣтилъ его, правда, и у нашего генералъ-губернатора Роопа, главнымъ же образомъ у великой княгини Александры Петровны». Чмокаютъ, прикушиваютъ, хорошо, любопытствуютъ, гдѣ берется. Я велѣлъ представить на глаза старца самую бутылку; старецъ записалъ названіе вина на особую записочку, которую и положилъ въ карманъ. Обѣдъ совсѣмъ оживился. Старецъ сталъ разговорчивъ, шутливъ, сталъ говорить, оставя слова. Кто говорилъ: «это вино тоже Шампанское». Старецъ возражаетъ: «неправда; для этого вина поставлены низкіе, вотъ и широкіе бокалы, а для Шампанскаго узкіе и высокіе». Разсказалъ, что въ Тифлисѣ въ его пору былъ генералъ, котораго приглашали на обѣдъ; между прочимъ замѣтили, что онъ говорилъ спичи и острыя слова. Провозглашаютъ здоровье хозяина, князя Воронцова. Чрезъ минуту генералъ встаетъ и говоритъ спичъ: «Богъ сотворилъ человѣка сперва одного мужа; потомъ, видя, что ему не хорошо жить, беретъ у него ребро и создаетъ жену. За здоровье ребра!» Пьютъ за здоровье

ребра и кричать «ура». Чрезъ секунду генералъ встаетъ и провозглашаетъ: «за здоровье ура». Всѣ опять кричать ура и пьютъ за ура»... При первомъ свиданіи К—нъ П—чъ спрашиваетъ нашего друга, Иллaріона Алексѣевича: «а что̀, обѣдъ?»—«Роскошь, великолѣпіе». В—ра К—ча на обѣдцѣ не было, потому что не было и въ Петербургѣ: находился въ отъѣздѣ въ Москву и въ Кіевъ по миссіонерскимъ дѣламъ. По возвращеніи его, къ слову какъ-то замѣчаю: «а у насъ тутъ и обѣдецъ былъ». «Освѣдомленъ, отвѣчаетъ Вл—ръ К—чъ. К—нъ П—чъ писалъ мнѣ и до и послѣ обѣда». Ого! Въ великіе люди мы попали, когда такіе великіе люди пишутъ о нашемъ обѣдѣ и до и послѣ онаго.

Надо замѣтить, что къ сему 15 Іюля я совершенно устроилъ мою квартиру. Квартира сама по себѣ и достаточна, и хороша. Хорошая, широкая, пологая парадная лѣстница, прихожая совершенно приличная, двѣ келейницкихъ, по этой линіи мой кабинетъ, ванная и по улицѣ моленная, зала, гостиная, столовая, малый кабинетъ и спальная. Комнаты, хотя и не велики, но приличны. Мебель также совсѣмъ приличная, полы паркетные. Съ непривычки царапало мнѣ глаза только то, что стѣны были совсѣмъ голы, обиты обоями, а глаза мои уже издавна привыкли видѣть стѣны увѣшанныя картинами. Такъ въ Одессѣ, такъ было въ Уфѣ, Новочеркасскѣ, Казани. Потому, и въ Петербургъ я выписалъ, мнѣ самому принадлежащіе, портреты: Государя царствующаго, Государя покойнаго, митрополитовъ Филарета и Макарія, оберъ-прокурора К. П. Побѣдоносцева, архіепископа Василія Лужинскаго и Антонія Казанскаго, Іоанна епископа Смоленскго, Пушкина, и мой собственный, давній, отлично красивый портретъ; а портретъ владыки-митрополита Исидора заказалъ здѣсь. Кромѣ того въ картинномъ магазинѣ купилъ хорошіе портреты Государыни Имератрицы Маріи Александровны полу-молодой, юныхъ Цесаревича Александра Александровича и супруги его Маріи Ѳеодоровны и митрополита Никанора. Такимъ образомъ, мои стѣны въ залѣ и гостиной оказались увѣшанными достаточно. На полахъ разостлали привезенные ковры, на столахъ положили шитыя салфетки, даже роскошныя и художественныя, на диванахъ шитыя подушки, весьма художественныя. И нарядъ вышелъ весьма приличный. Портретъ владыки Исидора стоилъ мнѣ съ хорошею рамою 95 руб.; вышелъ по лицу нѣсколько моложавъ, но схожъ. Самъ владыка посмотрѣлъ и при этомъ разсказалъ быль: «Сдѣлали мой портретъ въ Тифлисѣ, я показываю его намѣстнику (не помню какому), а онъ и спрашиваетъ меня: чей же это портретъ? Ужъ это худшая хула, когда спрашиваютъ, чей же это портретъ, въ виду подлинника».

Особенно, совсѣмъ не шумя, прославились мы нашимъ пѣніемъ, чтеніемъ, вообще священнодѣйствіемъ. Запишу факты сине ира ет

студіо *). Пока свита наша вся не прибыла изъ Одессы, пока пѣла только часть свиты, а мы не служили, всѣ были, да, въ напряженномъ состояніи и ожидали. Толкуютъ: «Здѣсь, на этомъ подворьѣ всегда, у всѣхъ архіереевъ бывали хорошіе хоры. Казанцы были отличный хоръ, гремѣли здѣсь». Наконецъ, 20 Іюня вся остальная свита наша прибыла, и 21 Іюня, въ Воскресенье, мы отслужили нашу первую архіерейскую обѣдню, за каковою присутствовалъ на лѣвомъ клиросѣ любитель и знатокъ церковной уставности В. К. Саблеръ. Уходя отъ меня послѣ обѣдни, онъ произнесъ мнѣ слѣдующую рѣчь: «Свое впечатлѣніе, сегодня вынесенное, я опредѣлю такъ. Я видѣлъ и слышалъ все лучшее въ мірѣ: дворцы, храмы, оркестры, театры, хоры инструментальные, музыкальные, въ Россіи, какъ и за границей; но для меня нѣтъ высшаго наслажденія, какъ хорошо поставленная и исполненная Божія служба. И такое наслажденіе я получилъ сегодня здѣсь». Изъ народа выдѣлился сразу же такой голосъ: «молодцы-хохлы; всѣмъ взяли и чтеніемъ, и пѣніемъ».

А кстати тутъ разсказать, какое впечатлѣніе произвело на насъ Петербургское священнослуженіе. Въ первую же Субботу поѣхалъ я въ Казанскій соборъ, на всенощную. Оказалось, что хоръ полный и звучный. Соборъ голосистый. Хоръ пѣлъ какое-то неслыханное: «благослови, душе, моя; свѣте тихій; Господь воцарися» тоже, да не то, обычное и хорошо редижированное. Псалтиря предъ «Господи, воззвахъ» не читали; по «Господи, воззвахъ» стихиру пѣвчіе пропѣли одну; на стиховнѣ ни одной. Читалъ старый псаломщикъ среди собора вычурнымъ речитативомъ. Шестопсалміе читали сполна. Тутъ мы уѣхали въ Исакіевскій соборъ и застали, что тамъ еще только что поютъ догматикъ по «Господи, воззвахъ». Пѣніе хорошее же, правильное, но совершенно безъ экспрессіи, совершенно ровно. Чтецъ, заштатный священникъ, читалъ совершенно проповѣдническимъ речитативомъ: «Гоосподи-и-и, что-о-о ся умно-о-ожишася».. крайне напряженно и протяжно. Внутренность собора погружена была во мракѣ, хотя день еще и не потухъ; да онъ въ эти дни (Іюня 6—12) и совсѣмъ не потухаетъ въ Петербургѣ. За то, когда мы отодвинулись назадъ, къ старостинскому ящику, здѣсь обдало насъ цѣлыми волнами свѣта. Староста подходитъ и, думая видѣть во мнѣ новичка, говоритъ: «пожалуйте въ алтарь, у насъ можно». Я говорю: «благодарю васъ; я тутъ почти родился и здѣшніе порядки знаю». Когда началось шестопсалміе, мы подвинулись въ алтарь. За чтеніемъ шестопсалмія мы вступили въ бесѣду съ служащимъ о. протоіереемъ Ис-вымъ. «Этотъ чтецъ всегда у васъ такъ

*) Латинское: sine ira et studio, т. е. безъ горячности и напряженія.

растягиваетъ?»—«Увы! всегда. Барынямъ нравится. Говорятъ: «теперь только мы поняли красоту богослуженія».—«Да, выходитъ, что у васъ служба должна идти долгонько».—«И не говорите! Бѣда просто. Вѣдь мы стоимъ на юру. То К-нъ П-чъ (оберъ-прокуроръ), то В-ръ К-чъ (Саблеръ) заходятъ къ намъ постоянно, распекаютъ насъ постоянно: да отчего-то у васъ не такъ, это не такъ! Бѣда просто. Хуже монастыря мы стали. А забываютъ они, что мы не монастырь». Выходитъ, что служба Божія идетъ здѣсь довольно обстоятельно. Всенощная кончилась въ 9 часовъ. Да звонъ-то начался чуть ли не въ 7 часовъ. Пѣніе, по массивности и глухотѣ собора, не выходитъ такъ полнозвучно, какъ въ Казанскомъ соборѣ. Поютъ все исключительно простое, по придворному обиходу. Вообще же въ Исакіевскомъ соборѣ служба Божія поставлена удовлетворительно. На завтра я поѣхалъ къ литургіи въ лавру. Такъ какъ соборъ ремонтируется, то поздняя обѣдня шла въ Духовской церкви. Служилъ преосвященный Владиміръ Нарвскій. Служитъ хорошо, но очень напряженно; свита же скомпанована совсѣмъ плохо. Голосъ у архидіакона Валеріана совсѣмъ ослабѣлъ, изъ прекраснаго баритона обратился въ тихій, чуть не теноръ. Второй діаконъ Кириллъ совсѣмъ развалина. Иподіаконы подобраны плохо по росту, по виду, особенно же по голосамъ, плохіе ба́сики. Исполатчики въ алтарѣ стоятъ совсѣмъ же небрежно: руки въ карманахъ, пересмѣиваются, пропѣли плохо, не́хотя. Пѣніе на клиросѣ совсѣмъ ровное, технически правильное, но безъ малѣйшаго выраженія. Хоръ собственно монашескій, лаврскій, какой-то обнищалый голосами, особенно по количеству, да и качество не значительное; басовъ особо замѣтныхъ скудость. При такомъ сравненіи ничего мудренаго, что мы Херсонскіе вообще выдаемся. Въ Субботу, 13 Іюня, я поѣхалъ въ лавру же, на всенощную и былъ изумленъ. Въ лаврѣ уставъ совершенно палъ. Не помню, читали ль псалтирь предъ «Господи, воззвахъ»; на «Господи воззвахъ» пропѣто, помнится, двѣ стихиры, кое-что прочитано, затѣмъ догматикъ. Прокименъ «Господь воцарися» трижды. На стиховнѣ пропѣта одна стихира, «Богородице Дѣво», чуть ли не единожды. На «Богъ Господь» тропарь единожды, и все подобнымъ же образомъ, все съ пропущеніемъ и сокращеніемъ. Намѣстника на воскресной всенощной не было. Подхожу къ о. архимандриту духовнику, такъ лѣтъ подъ 50, изъ кончившихъ семинарскій курсъ, изъ учителей. Спрашиваю: «давно ль это у васъ въ лаврѣ пошатнулся уставъ?»—«Какъ это, спрашиваетъ?»—«Да, видите, уставъ не соблюдается; а я помню лавру эту самую стараго времени, тогда все выполнялось отъ буквы до буквы».—«Я здѣсь уже 14 лѣтъ, говоритъ о. духовникъ, и къ этому порядку привыкъ, такъ и не знаю, какъ же иначе. Мнѣ кажется, что уставъ у насъ соблю-

дается». Да-а-а, вотъ оно что выходитъ; про уставъ уже забыли. «Давно ли у васъ пошло такъ?» спрашиваю впослѣдствіи о. ризничаго, архимандрита Митрофана, который еще помнилъ старыя лучшія времена. «Да, со смерти митрополита Григорія, отвѣчаетъ. О, при томъ было строго: столповое пѣніе, уставъ отъ буквы до буквы, а при томъ пѣвчіе, бывало, затянутъ, утомляютъ. Ну, оно такъ и пошло. За пѣвчими никто не глядитъ, уставъ и не требуется. И потомъ всякій молодецъ на свой образецъ. Оно и то сказать, что владыка и не видитъ и не знаетъ. А намѣстники все пошли перемѣнные, да непривычные. И пошло колесить черезъ пятое, да черезъ десятое. Помолитесь!» Слышалъ, наконецъ, самое торжественное богослуженіе въ Смольномъ соборѣ 22 Іюля. Служилъ владыка-митрополитъ. Подборъ діаконовъ крайне невзрачный. Архидіаконъ Валеріанъ ростъ большой, одинъ; прочіе всѣ до одного, ниже средняго. На пѣніи въ алтарѣ діаконы стоятъ въ розсыпь, кто-гдѣ. Никакого ансамбля, поютъ всякій по себѣ, коекакъ. Никакого величія. А прежде при служеніяхъ владыки Исидора въ лаврскомъ и Исакіевскомъ соборахъ алтарное пѣніе выходило и полнозвучнымъ, и многогласнымъ, и гармоничнымъ, и представительнымъ. Слышалъ, наконецъ, пѣніе и въ Сергіевой пустыни, нарочно ѣздилъ посмотрѣть и послушать. Хлопочутъ о стройности и правильности; но что же хорошее можетъ выйти, когда теноръ 1-й держитъ два голоса, теноръ 2-й одинъ, альтъ одинъ, басъ два, а поютъ, примѣрно, громоздкое «Милость мира», которое нашъ большой Одесскій хоръ пѣвалъ только въ самые торжественные дни? У насъ это выходило дѣйствительно величественно, а здѣсь выходитъ убого, хотя и довольно стройно, впрочемъ не всегда строго-правильно. Напр. теноръ, держащій партію дисканта, дубоватый самъ по себѣ, поетъ одинъ и фальшивитъ. И это препрославленное въ Петербургѣ «Сергіевское» пѣніе.

Тріумфомъ для нашего хора было приглашеніе пѣть обѣдню въ церкви Д. Академіи по случаю храмоваго праздника, 30 Іюня, въ день св. Апостоловъ. Пригласилъ ихъ съ нашего благословенія староста академической церкви, богатый купецъ и, какъ оказалось, большой любитель и даже знатокъ церковнаго пѣнія. Я въ этотъ же день, пока единственный разъ, служилъ литургію въ Петропавловскомъ соборѣ, по назначенію отъ владыки-митрополита; а послѣ обѣдни приглашенъ былъ на обѣдъ въ Академію, среди академической корпораціи. Во время обѣда староста подалъ сигналъ къ цѣлому хору похвалъ: «Ахъ, ваше—ство! Я въ восторгѣ, отъ роду не слыхивалъ. Я вамъ въ ножки поклонился бы. Это пѣніе вашихъ.... Ахъ». Тутъ всѣ: «Ахъ, какая сила голосовъ! Этотъ дискантъ, дискантъ, божественный дискантъ! Эти выразительность и своеобразіе напѣвовъ» и т. д. Тутъ несчастный о. намѣстникъ лавры

заикнулся что-то о лаврскомъ митрополичьемъ хорѣ. Какъ вдругъ схватится староста, подскакивая къ креслу о. намѣстника: «Лаврскіе пѣвчіе?! Простите меня, о. намѣстникъ. Ваши лаврскіе пѣвчіе-шва-а-ахъ, давно швахъ», съ превыразительнымъ жестомъ». Всѣ покатились со смѣху... «Было въ лаврѣ пѣніе, да при митрополитѣ Григоріи. Это было пѣніе. Я ни одной службы не пропускалъ. А теперь, простите, въ лавру ходить не зачѣмъ. Слушать у васъ нечего. А у себя я не запомню за столько-то лѣтъ такой службы, какая была сегодня». Этотъ академическій восторгъ отразился и въ печати, въ официальномъ, академическомъ журналѣ, въ Церковномъ Вѣстникѣ, откуда попалъ и въ другія газеты.

Торжествомъ же для насъ, хотя и печальнымъ, нѣсколько своеобразнымъ, въ этомъ отношеніи было служеніе нами литургіи съ панихидою въ Никольской кладбищенской церкви, въ лаврѣ, 11 Іюля. Поминалъ я о памяти и оставленіи грѣховъ рабовъ Божіихъ, преосвященныхъ митрополитовъ Никанора, Макарія, архіепископовъ: Аѳанасія, Евсевія, Нектарія, Ѳеогноста, Іоанникія; епископовъ Іоанна и Кирилла; протопресвитеровъ Василія и Михаила; священноархимандритовъ Асинкрита (ректора Калужскаго), Аѳанасія (ректора Минскаго) протоіереевъ Іоакинѳа (Семеновича Кочетова), Александра (Орлова), Василія (Петровича Палисадова), Самуила (Василія Михайловскаго), Павла (Васильевича Лебедева), Іоанна (Алексѣевича Вознесенскаго); священноіереевъ Петра и Павла; іеромонаха Діодора; болярынь Ольги (Васильевны Чистовичъ-Бажановой) и Елисаветы (Чистовичъ); болеръ Василія (Николаевича Карпова), Димитрія (Ѳедоровича Воскресенскаго), Димитрія (Ивановича Ростиславова), Василія (Андреевича Левисона), Александра (Ивановича Мишина), Моисѣя (Александровича Голубева), Андрея (Ивановича Беневоленскаго), Іоанна (Васильевича Добрякова), и Іоанна (Осинина), убіеннаго на брани (на островѣ Бомарзундѣ) моего родного брата, доктора (Елпидифора), Льва, брата же родного, умершаго отъ холеры въ Медицинской Академіи, погребеннаго въ киновіи, и сродниковъ ихъ скончавшихся.

При составленіи этого списка, замѣтить нужно, я ломалъ себѣ голову, не забылъ ли кого и кого именно. Обстоятельство не лишенное знаменательности. Когда кончили мы обѣдню и панихиду и, вышедши на кладбище, къ могилѣ Ольги Васильевны Чистовичъ, отпѣли здѣсь литію и возгласили всѣмъ поминаемымъ вѣчную память, присутствовавшій здѣсь съ семействомъ, другъ нашъ И. А. Чистовичъ беретъ меня подъ руку и скороговоркой говоритъ: «Пожалуйста, пожалуйста, литію надъ могилами нашихъ академическихъ... Они тутъ гдѣ-то вмѣстѣ.. Пожалуйста».. Мнѣ не хотѣлось. я не навѣсился и

усталъ. Я возражаю, упираясь: «Да, пѣли же, всѣхъ поминали, всѣмъ вѣчную память сказали». А тотъ тащитъ меня подъ руку и твердитъ свое: «Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста.. Да гдѣ они тутъ?» И самъ сбился между множествомъ могилъ. «Да, вотъ наконецъ», и ставитъ меня прямо противъ могилы Ивана Васильевича Чельцова. Гляжу, читаю на памятникѣ: «Іоаннъ Васильевичъ Чельцовъ». Его-то я и забылъ. Товарищъ по Академіи и сослуживецъ, вмѣстѣ со мною назначенъ былъ баккалавромъ въ Академію, въ 1851 году, и служилъ со мною до 1856 года, года моего отбытія въ Ригу, въ званіи ректора Семинаріи. И совѣстно мнѣ стало, что его-то я и забылъ. Вспомнилъ двухъ Іоанновъ, врача и наставника моего по медицинѣ въ Петербургской Д. Семинаріи, Іоанна Осинина, только ученика моего по Академіи, не болѣе, а товарища Ивана Чельцова забылъ. Думаю себѣ, вотъ напомнилъ о себѣ. Ну, помяни его, Господи! Не очень-то другъ мнѣ былъ, но и не дурной и умный человѣкъ.

Служила со мной конечно наша свита; пѣли наши пѣвчіе. Церковь небольшая, но вся прикрытая пологимъ куполомъ, въ видѣ кувуклія, необыкновенно голосистая. Пѣли, по моему собственному чутью, старательно, выдержанно, воодушевленно, вообще превосходно. Но лаврская братія не похвалила, изъ зависти, или изъ ослино-Крыловскаго суемудрія: «Что это за пѣніе? Вотъ, нашихъ бы они послушали». А вотъ пѣли мы панихиду по Катковѣ, у себя, на подворьѣ. Пѣли не такъ старательно, въ нижней церкви, которая очень глуха. Тѣмъ не менѣе какой-то христолюбецъ, слушавшій эту панихиду, расхвалилъ насъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ: «Кто-де слышалъ эту панихиду, тотъ въ вѣкъ ея не забудетъ». Нашлась еще одна личность, которая не то что не похвалила, не то что похулила, а обругала наше пѣніе, и это чуть ли не самъ г. Балакиревъ, директоръ придворной пѣвческой капеллы.

16 Августа вся наша свита побѣжала, чтобы пробраться въ соборъ зимняго дворца, такъ какъ въ этотъ день храмовой праздникъ главнаго придворнаго собора, единственный день въ году, когда пускаютъ туда невозбранно всю публику, кому только удастся туда протискаться. Пробралась вся свита, и пѣніе очень хвалили, говорятъ: «Поютъ, какъ органъ». Но когда выходили изъ собора, какой-то чиновный господинъ, предъ которымъ всѣ вставали и раскланивались, поймалъ двухъ, выходившихъ вмѣстѣ нашихъ, одного пѣвчаго и одного діакона.—«Вы, спрашиваетъ, изъ провинціи?»—«Изъ провинціи».—«Откуда»—«Изъ Одессы».—«А, значитъ, вы Херсонскіе?» —«Да, Херсонскіе».—«Я долженъ вамъ сказать, изрекаетъ сія особа, что вы поете безобразно. У васъ тамъ какое-то безумное стакато. Вы

надрываете и разрушаете вашихъ теноровъ», и прочіе безумные глаголы. Никакого стакато у насъ нѣтъ, ни безумнаго, ни умнаго. Онъ ругаетъ насъ заурядъ съ извѣстнымъ композиторомъ Д. Н. Сол-мъ, раздраженный тѣмъ, что единодержавію и самодержавію придворной капеллы, повидимому, угрожаетъ конецъ. Потому онъ и выражается въ такихъ ругательныхъ словоизверженіяхъ. А я говорю: «Желательно было бы увѣриться, дѣйствительно ли это ругался самъ Балакиревъ. Взялъ ли онъ во вниманіе, что какъ авторитетъ и власть по пѣвческому дѣлу, онъ долженъ имѣть дѣло со мною? А это выходитъ что же? То, что онъ возмущаетъ моихъ подчиненныхъ противъ своего начальника. Всѣми признано было, что Воронежскій хоръ при архіепископѣ Серафимѣ былъ именитый, прекрасный хоръ. И между тѣмъ директоръ пѣвческой капеллы, тогдашній, Бахметевъ накинулся было на регента этого хора публично, чуть ли не во время какого-то концерта: «Я бы вамъ запретилъ пѣть», и прочіе безумные глаголы. Изъ этого источника объясняютъ зоильство г. Б-ва С. В. К. и В. К. С. Что же касается похвалъ, то онѣ довольно оригинальны. Протодіаконъ Петропавловскаго собора заявилъ, что онъ впродолженіе 40 лѣтъ Петербургской своей жизни не видалъ архіерея, который бы такъ служилъ, какъ Херсонскій. Я заявилъ своимъ, что слышу это не въ первый разъ; тоже заявилъ намъ, послѣ нашей хиротоніи, протодіаконъ Оболенскій. Одесскій священникъ въ вагонѣ желѣзно-конной дороги слышалъ, какъ одинъ пассажиръ побуждалъ другого: «не ходите никуда; идите въ церковь на подворьѣ; тамъ архіерей, какъ картина, пѣніе и все такое». Онъ же заходитъ въ лавочку, около самой лавры; торговецъ, человѣкъ старый, говоритъ: «Вы съ подворья?—«Нѣтъ, я изъ Одессы».—«Такъ, но мы видѣли васъ на подворьѣ; мы, батюшка, теперь уже не ходимъ въ лавру молиться Богу, а ходимъ все на подворье».—Когда я былъ въ Сергіевой пустыни, то обратно, на желѣзнодорожномъ вокзалѣ, забрались мы за полтора часа до отхода поѣзда. Входитъ старый купецъ, проситъ усиленно: «Сдѣлайте честь нашей дачѣ, мы тутъ живемъ поблизости; все равно, вамъ больше часа ждать». Не хотѣлось мнѣ огорчить отказомъ его степенство. Я подался и пошелъ. Между тѣмъ почему мы ему стали извѣстны? У него есть, не помню, сынъ, не помню, зять, о которомъ онъ и говоритъ: «Къ вамъ поѣхалъ на подворье. Онъ все къ вамъ ѣздитъ и говоритъ, что къ другимъ не зачѣмъ ѣздить. У васъ-де такое пѣніе, чтеніе, служеніе, что въ другихъ мѣстахъ не отыщешь. При вступленіи моемъ въ составъ Училищнаго Совѣта, въ качествѣ предсѣдателя, по мысли В. И. Шемякина (существеннѣйшаго, хотя и младшаго изъ членовъ), я рѣшилъ, чтобы нашею свитою, въ залѣ совѣта пропѣто было молебствіе, между прочимъ пропѣто было Москов-

ское «Достойно есть». По этому поводу извѣстный композиторъ Д. Н. С., онъ же и членъ-спеціалистъ въ Совѣтѣ, говорилъ: «Превосходно! Превосходно!» Сейчасъ былъ у меня Исакіевскій протоіерей, мой товарищъ по Семинаріи и Академіи, Пл. П-чъ Тр-кій. Онъ тоже слышалъ отзывы о нашемъ пѣніи: «Превосходно! Превосходно»!

Кстати записать, что сей о. протоіерей, многосвѣдущій въ Петербургскихъ событіяхъ и теченіяхъ, сказывалъ мнѣ сейчасъ, глядя у меня въ гостиной на портретъ преосв. митрополита Макарія: «Въ Петербургѣ оставилъ по себѣ прекрасную память, а въ Москвѣ его не любили. Любилъ плыть по теченію, хотя иногда являлся и самостоятельнымъ».—«Представьте, говорю, министръ народнаго просвѣщенія мнѣ сказывалъ, что въ дѣлѣ судебной реформы онъ былъ на сторонѣ большинства».—«Да, да, я былъ близокъ тогда еще съ профессоромъ, нынѣ архіепископомъ Литовскимъ Алексіемъ. Алексій убилъ эту реформу своими брошюрами, изъ которыхъ составилась «Елагинская» книга «о церковномъ судѣ». Я говорю: «вѣдь, это Макарій подписалъ себѣ безчестіе, вѣдь это пасквиль на церковь, все, что̀ эта судо-реформаторская комиссія подписала». Да, и ругали же его тогда. Одинъ Агаѳангелъ Волынскій вылилъ ему на голову цѣлый ушатъ помой.— «Да и преосвященный Платонъ, тогда архіепископъ Донской, нынѣ митрополитъ Кіевскій, выражался о немъ ругательски. Министръ И. Д. Деляновъ сказывалъ, что онъ самъ лично, въ одномъ собраніи, имѣлъ по предмету судебной реформы разговоръ съ Макаріемъ. Нѣтъ, Макарій былъ, несомнѣнно, увлеченъ; его заговорили всѣ эти свѣтскіе юристы, которые засѣдали съ нимъ въ комиссіи. «А тогда, заключилъ Иванъ Давыдовичъ, что̀ вышло бы изъ архіереевъ? Простые чиновники, администраторы, безъ всякой власти надъ духовенствомъ».

Теперь остается сказать о положеніи преосв. Павла, экзарха, преосв. епископа Германа и о моемъ собственномъ въ качествѣ предсѣдателя Духовно-училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ.

Положеніе архіепископа Павла, экзарха, нѣсколько щекотливо. Всякій разъ, какъ мы съ нимъ видѣлись (а вижусь я съ нимъ чаще, чѣмъ съ кѣмъ-либо другимъ) онъ самъ касается именно щекотливости своего положенія. Ему кажется, будто всѣ противъ него, начиная съ владыки-митрополита Исидора. Какъ относится къ нему старецъ Исидоръ, не знаю. Знаю только (Базилевская передавала), что у нея на обѣдѣ владыка выразился: «вотъ, я хотѣлъ послать въ Грузію экзархомъ Палладія; меня тогда не послушались, а теперь Палладій не желаетъ въ Грузію». Вообще старецъ сильно на сторонѣ Палладія, а Палладій не долюбливаетъ Павла, какъ и обратно. Владиміръ Карловичъ выражался о Павлѣ, какъ о лучшемъ изъ архіереевъ, какъ о

свѣтлой головѣ и т. д. Но К-нъ П-чъ, видно, охладѣлъ къ нему, думаю, вслѣдствіе неудачи; оттого, что именно К-нъ П-чъ настоялъ, чтобы въ Грузію послали Павла, не Палладія. А теперь какъ будто пророчество старца Исидора сбылось: Павлу въ Грузіи не удалось, приходится убирать его оттуда и посылать Палладія, разрушая сдѣланное и начиная съизнова, да уже и попорченное дѣло. Потому-то К-нъ П-чъ и выразился довольно угрюмо, когда мы ѣхали съ нимъ въ одномъ купе изъ Петербурга: «вотъ послали Павла въ Грузію; къ сожалѣнію оказался не на мѣстѣ; ему нужно было молчать и молча дѣлать, а онъ сталъ говорить и возбудилъ всѣхъ противъ себя». Замѣчателенъ разговоръ владыки Павла со мною въ одинъ вечеръ въ академическомъ саду. «Неопредѣленно и, скажу, печально мое положеніе. Ну, ректора убили. Ударъ направлялся противъ меня самого. Послали какого-то Паисія, архимандрита поправлять Семинарію. Этотъ Паисій творитъ тамъ ужасы. Онъ окончательно растлѣваетъ эту несчастную Семинарію. Начать съ того, что гласно и открыто позоритъ меня. А что̀ онъ съ учениками творитъ, уму не постижимо. Просто цѣлуется, обнимается съ ними. Возбуждаетъ ихъ противъ инспектора, противъ наставниковъ». Разсказываются факты безтактности ректора Паисія и искательства его передъ учениками. «Не знаю, что̀ дѣлать. Не знаю, что̀ они обо мнѣ думаютъ. Поѣду, говоритъ, къ нашему другу Иларіону Алексѣевичу (Чистовичу) и объясню ему все». Я говорю: «Знаете, во время наведенія потерпи, не буди скоръ и изведетъ Промыслъ судьбу твою, яко полудне. Что̀ вамъ теперь до Тифлисской Семинаріи, когда вы рѣшили съ Тифлисъ не возвращаться. Чего добраго, они теперь и слушать васъ не станутъ, подумаютъ, пожалуй, что въ васъ говоритъ чувство зоильства къ будущему. Теперь туда скоро назначатъ другого экзарха; ну и скажутъ: пріѣдетъ новый экзархъ, онъ и увидитъ, и направитъ Семинарію, какъ найдетъ лучшимъ». — «Кто, Палладій, вы думаете направитъ?» — «Да, почему бы и не Палладій?!» — «Въ Казань я ни за что не поѣду».—«А почему бы нѣтъ?» — «Боюсь за горло, которое у меня всегда раздражено». — «Вотъ, лучшій бы человѣкъ для Тифлиса, говорю я, былъ бы Литовскій Алексій, гибкій, ловкій, ласковый. И пусть бы не даромъ достался ему санъ митрополита; вѣдь митрополитомъ онъ будетъ. Такъ пусть бы заслужилъ такую высоту. А то прямо изъ викаріевъ высокое историческое положеніе Литовскаго архіепископа».—«Я и въ Литву не поѣду», замѣчаетъ раздраженно владыка Павелъ; представьте, они угощаютъ меня даже Полтавой, этого не доставало? Быть соперникомъ какого-нибудь И—на (викарія Полтавскаго, изъ семинаристовъ, который основательно разсчитываетъ быть Полтавскимъ). Куда же, думаю, разсчитываетъ поступить владыка Павелъ?

Въ Грузіи оставаться не желаетъ, въ Казань ѣхать не желаетъ, въ Литву также, въ Полтаву попасть, его оскорбляетъ самая мысль объ этомъ. Очевидно, онъ разсчитываетъ попасть именно въ Одессу. Но я ни слова не сказалъ ни тогда, ни послѣ объ Одессѣ.

Дня черезъ два, черезъ три ѣду къ преосвященному Герману. Разсказываю содержаніе предыдущаго разговора съ преосвященнымъ Павломъ и прибавляю: «Я знаю, что онъ думаетъ именно объ Одессѣ. Его, вѣдь, прочили въ Одессу, когда онъ былъ въ Кишиневѣ, онъ самъ мнѣ писалъ; тогда онъ уклонился, а теперь жалѣетъ».—«Ну, коли вы не знаете, чего онъ хочетъ, говоритъ преосвященный Германъ, то я вамъ скажу. Онъ именно желаетъ въ Одессу. Онъ самъ мнѣ говорилъ: вотъ преосвященному Никанору взять бы Казань, а мнѣ предоставить бы Одессу. Очевидно, онъ говорилъ мнѣ съ тою цѣлью, чтобы я вамъ передалъ»—«Хорошо,—говорю я, «я объ этомъ подумалъ, много разъ и со всѣхъ сторонъ подумалъ. Со стороны владыки Павла я видѣлъ много добра въ жизни и нимало не огорчился бы, если бы меня взяли изъ Одессы именно для него; но пусть сдѣлаютъ это помимо меня. Эти сдѣлки, когда одинъ архіерей избираетъ себѣ Одессу, а другой Казань, я признаю несовмѣстимыми съ нашимъ монашенскимъ званіемъ и съ утвердившеюся практикою. Я ни въ какія сдѣлки вступать не желаю, свой выборъ предъявлять не хочу. А пусть меня переведутъ. Но пусть и то возьмутъ во вниманіе, что въ Одессѣ я только четвертый годъ, что меня уже многократно перекидывали съ конца въ конецъ Россіи, что теперь пришлось бы трясти уже старыя кости, подниматься со всѣмъ своимъ добромъ, а у меня много картинъ, гробъ и другія громоздкія вещи. Главное же, пусть возмутъ во вниманіе ,что поднять мнѣ сюда всю мою свиту—это стоило большихъ денегъ. И все это выкинуть за окно! Меня въ шею изъ Петербурга. Да что же станется со всею этою свитою? Конечно, Одесса безъ меня не провалится сквозь землю, но были же у меня назначенія. Всякій разъ, когда перемѣняется такой высокій начальникъ, какъ архіерей, перемѣняется духъ, перемѣняется направленіе управленія. Но скажите владыкѣ Павлу, что отъ него я видѣлъ много добра въ жизни и не огорчусь, если для него тронутъ меня изъ Одессы; а только самъ ни въ какую сдѣлку вступать не желаю. Пусть переведутъ. Имѣйте въ виду, что и то уже изъ Одессы справляются и такъ и этакъ, переводятъ ли меня, или нѣтъ. А это вредно для дѣла. Я нарочно еще жестче натягиваю начальственную струну».—«Знаете, задумчиво говоритъ преосвященный Германъ, я не вмѣшиваюсь въ это дѣло. Пускай, оно идетъ своимъ чередомъ». Черезъ нѣсколько дней пріѣзжаетъ ко мнѣ владыка-экзархъ самъ: «сейчасъ отъ К-на П-ча!»—«Ну, что же?»—Въ Казань! Заговорилъ было

о Литвѣ, чтобы Литовскаго Алексія сдѣлать экзархомъ»—«Куда ему, говоритъ К-нъ П-чъ, онъ ласковъ, кланяется, поставилъ себя тамъ въ Литвѣ благополучно; ну и пускай его».

Теперь о судьбѣ преосвящ. епископа Германа. Съ самаго начала какъ-то В. К. Саблеръ говоритъ: «Владыка, извините конфиденціально. Видите, положеніе преосв. Германа въ Петербургѣ затруднительно. Ну, онъ теперь на покоѣ; дѣйствительно, больной человѣкъ; настоятельствуетъ въ Донскомъ монастырѣ и въ монастырѣ не живетъ. Этотъ лучшій изъ Московскихъ монастырей приходитъ въ совершенный упадокъ. Да и всѣ Московскіе монастыри не процвѣтаютъ. Настоятели тамъ все отставные архіереи. Возьмите Іоанна, бывшаго Алеутскаго; вѣдь, это дитя. Да и здѣсь положеніе преосвященнаго Германа даже странно. Живетъ на синодальномъ подворьѣ, свиты не держитъ, всѣхъ распустилъ. Церковь на подворьѣ закрыта, что́ противно преданіямъ. Архіерей живетъ безъ службы Божіей. Да и самъ онъ затрудняется своимъ положеніемъ. Онъ хотѣлъ бы поступить на жительство въ лавру, старецъ-владыка не соизволяетъ. Главнымъ же образомъ К—нъ П—чъ озабочивается положеніемъ Донского монастыря. Здѣсь владыка Германъ предсѣдательствуетъ въ Училищномъ Совѣтѣ. Такъ если онъ отправится въ Москву, такъ согласны ли бы вы были принять предсѣдательство? Мы васъ тогда попросимъ. Но это я сообщаю вамъ конфиденціально. А теперь я съѣзжу къ старцу-владыкѣ переговорить». Смотрю, В. К. Саблеръ отбылъ въ Москву, на съѣздъ раскольническихъ миссіонеровъ, а преосвященный Германъ сразу очутился на жительствѣ въ лаврѣ. Объясняетъ мнѣ: «Владыка-митрополитъ въ Петропавловскомъ соборѣ вдругъ беретъ меня за руку и говоритъ: «Перебирайтесь въ лавру». Я показываю видъ невѣдущаго. Преосвященный Германъ объясняетъ преблагодушно и съ легкимъ юморомъ надъ самимъ собой: «Какъ-то рѣчь объ этомъ прежде была. Неловко мое положеніе. Я пробовалъ держать при себѣ свиту. Сегодня пьянъ одинъ,—я прогоняю въ Москву, завтра другой,—туда же. Ну, и остался самъ другъ съ келейникомъ. Кучеръ и тотъ часто загуливаетъ, что̀ подѣлаешь! Вотъ какъ бы да въ лавру. Но старецъ помалчиваетъ. Конечно, лаврскимъ съ какой стати брать къ себѣ лишнихъ людей? Ну, и конечно здоровье мое. Объяснялся съ Владиміромъ Карлычемъ. Тотъ спрашиваетъ меня письмомъ, я отвѣчаю ему письменно (замѣтьте), что, молъ, я нездоровъ и прочее. Онъ ѣздилъ объясняться къ старцу. Старецъ теперь поправляется; не поздно ли только? Что въ Москву, то я поѣду на праздникъ, 19 Августа, это вѣрно. Самъ попрошусь. Вообще неопредѣленно попрошусь. Но какъ бы тамъ и не остаться совсѣмъ. Я со своей стороны ничего противъ этого не имѣю. Буду знать свой

монастырь, что я монастырскій человѣкъ, не больше. Это имѣетъ свою хорошую сторону. На покоѣ, знаете». Старецъ-владыка, очевидно, хотѣлъ его приласкать напослѣдяхъ и взялъ его съ собой въ Званку, бывшее имѣнье поэта Державина, куда самъ ѣздилъ освящать церковь въ основанной тамъ женской общинѣ. Къ сожалѣнію поздно. Должно быть, 9 Августа, въ Воскресенье вечеромъ, было мое послѣднее свиданіе съ преосвященнымъ Германомъ въ его лаврской квартирѣ. Онъ также задумчиво подшучивалъ надъ своимъ положеніемъ. Мы условились съ нимъ, что все-таки видимся съ нимъ не въ послѣдній разъ. 11-го, во Вторникъ, прибылъ въ Петербургъ, для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ, преосвященный Діонисій, епископъ Уфимскій. Прибылъ и сразу же съ дебаркадера отправился въ лавру, ко владыкѣ-митрополиту, затѣмъ тамъ же и къ преосвященному Герману. А тотъ ему и говоритъ: «А, вы пріѣхали?.. Ну, значитъ, я могу уѣхать». И въ тотъ же день отправился на желѣзнодорожный вокзалъ, а оттуда въ Москву. Въ Среду мы съѣзжаемся въ Синодъ. Увы! Единаго изъ насъ уже нѣтъ. До засѣданія владыка-экзархъ обращается къ В—ру К—чу: «А преосвященнаго Германа уже нѣтъ? Какъ жаль!» Я прибавляю: «самый удобный и дешевый былъ бы членъ Синода». В—ръ К—чъ какъ будто сконфузился и конфузливо объясняетъ: «Знаете, К—нъ П—чъ остановился на мысли о разстройствѣ Московскихъ монастырей. А вотъ какъ преосвященный Германъ поустроитъ свой монастырь, ну и отдохнетъ, мы опять его позовемъ». Выходимъ изъ засѣданія (въ которомъ уже я приводилъ къ присягѣ новоприбывшаго присутствующаго преосвященнаго епископа Діонисія), тутъ подходитъ ко мнѣ дѣлопроизводитель и главная дѣйствующая сила въ Училищномъ Совѣтѣ и съ видомъ печали говоритъ: «Вотъ преосвященный Германъ насъ и оставилъ. Мы просимъ вашего совѣта. Мы желали бы чѣмъ либо выразить вниманіе бывшему нашему предсѣдателю. Онъ много потрудился и въ самую трудовую эпоху самосозиданія нашего совѣта. Мы желали бы поднести преосвященному Герману икону».—«Такъ, зачѣмъ же дѣло? Стоитъ только сложиться по 5 рублей и купить икону въ магазинѣ».—«Мы желали бы его ангела».—«Ну, это же просто: купить Сергія и Германа Валаамскихъ».—«Мы хотѣли бы послать депутацію».—«Зачѣмъ вамъ себя утруждать? Просто бы написать и подписать адресъ и послать съ иконою въ Москву». Я думалъ, что дѣло тѣмъ и кончилось. Поговорили и забудутъ. Въ первое за симъ синодское засѣданіе, 19 Августа, когда старецъ-митрополитъ вошелъ въ Синодъ, В—ръ К—чъ подходитъ къ нему и говоритъ: «Владыка, нужно назначить преемника преосвященному Герману по предсѣдательству въ Училищномъ Совѣтѣ».—«Ну, вотъ преосвященнаго Никанора», гово-

ритъ съ грустью старецъ. Я поднялся и поклонился. Тутъ же на столѣ уже лежалъ протоколъ о моемъ предсѣдательствѣ; тутъ же подписалъ его владыка, подписали и другіе. 22 Августа, въ Субботу я началъ свое предсѣдательство въ Училищномъ Совѣтѣ молебствіемъ, которое отслужила и отпѣла въ залѣ совѣта моя свита. Въ это же первое засѣданіе рѣшено перенести засѣданія совѣта съ Субботы на Вторникъ. При совѣщаніи съ дѣлопроизводителемъ В. И. Ш., наканунѣ этой первой Субботы, я навѣсился было провести мысль, что слѣдовало бы чѣмъ либо ознаменовать службу преосвященнаго Германа въ Святѣйшемъ Синодѣ и по Училищному Совѣту; если нельзя сдѣлать архіепископомъ, то нельзя ли дать Александра Невскаго или же жалованную панагію; но лишь только я заикнулся о томъ, что вотъ преосвященный Германъ служилъ..., В. И. говоритъ, что мы всѣ писали къ К—ну П—чу (онъ теперь отбылъ изъ Петербурга въ Пензу, Калугу, Смоленскъ и Литву) и получили отвѣтъ, что преосв. Германъ будетъ возведенъ въ званіе члена Св. Синода. А во Вторникъ В. И. кстати сказалъ мнѣ, что заказать икону святыхъ Сергія и Германа для преосвященнаго Германа взялся В. К. О томъ и другомъ я извѣстилъ преосвященнаго Германа двумя письмами, чтобъ его утѣшить.

30 Августа былъ Александроневскій праздникъ въ Александроневской лаврѣ.

Еще 26 Августа, въ Среду, о. архимандритъ Исаія, экономъ митрополичьяго дома, явился въ зданіе Святѣйшаго Синода съ прошеніемъ отъ владыки-митрополита каждому изъ присутствующихъ въ Синодѣ архіереевъ явиться въ 9 часовъ утра, 30 Августа, въ лавру, для участія въ молебствіи и затѣмъ послѣ литургіи къ владыкѣ-митрополиту на обѣдъ. Но прежде того я поѣхалъ въ лавру еще 29 вечеромъ, на всенощную. Къ этому дню лаврскій Александроневскій соборъ отдѣлали великолѣпно за сумму 50000. Собравшагося народа соборъ, конечно, не вмѣщалъ. На правомъ клиросѣ пѣлъ лаврскій хоръ въ полномъ своемъ составѣ, подъ управленіемъ уже престарѣлаго регента Львовскаго. Пѣли вообще и громогласно, и стройно «Благослови, душе моя» переложенія Львовскаго по церковному обиходу. Пѣли сполна весь псаломъ «Блаженъ мужъ», композиціи также Львовскаго. «Нынѣ отпущаеши» Турчанинова. «Хвалите имя Господне» Львова. Славословіе Кіевское. Всенощная шла весьма торжественно и протяжно до 9 съ тремя четверт. часовъ вечера. Тѣмъ не менѣе уставъ не соблюдался. На «Господи воззвахъ» пропѣта одна стихира воскресенію, по 5 гласу, одна св. Александру и слова гласа: «въ Чермнѣмъ мори» переложенія Виноградова съ имитаціею Д. Н. Соловьеву. На литіи, на стиховнѣ, на хвалитѣхъ также пѣли по одной стихирѣ и затѣмъ сряду

«слава». Всенощную служилъ преосвященный Сергій Ладожскій; присутствовали на всенощной кромѣ меня, преосв. экзархъ Павелъ и Владимиръ Нарвскій. Назавтра, 30 Августа, посадивъ съ собой въ карету двухъ иподіаконовъ, чиновщика и посошника, я двинулся въ лавру, по рану, такъ что прибылъ въ соборъ не позже 8 три четверти час. утра. Впрочемъ, сейчасъ же ударили въ колоколъ. Чрезъ полчаса владыка Исидоръ пришелъ въ соборъ и тотчасъ же по облаченіи и прочтеніи часовъ всѣ мы вышли на молебенъ. Архіереи Павелъ, экзархъ, архіепископъ Херсонскій, Антоній Выборгскій, ректоръ Академіи и Владимиръ Нарвскій. Молебенъ пѣли у раки св. Александра Невскаго. Послѣ молебствія, прикладываясь къ мощамъ, владыка Исидоръ нѣсколько мгновеній лежалъ на ракѣ; явно, молился усердно Угоднику. Продлитъ ли Господь жизнь еще на годъ? Послѣ молебствія пошли мы, подъ предстоятельствомъ экзарха, встрѣчать крестный ходъ и высочайшихъ особъ за лаврскіе врата. Крестный ходъ шелъ подъ предстоятельствомъ Сергія, епископа Ладожскаго. Къ нашему архіерейскому сонму прибавился Діонисій, епископъ Уфимскій, опоздавшій по какимъ-то обстоятельствамъ. Сряду же за крестнымъ ходомъ прибыли и высочайшія особы: первымъ прибылъ фельдмаршалъ Николай Николаевичъ, подошелъ и поздоровался съ экзархомъ Павломъ, съ которымъ давно знакомъ по Кишиневу. Народъ осудилъ, что великій князь, цѣлуя руку экзарха и давая ему свою для поцѣлуя, не снялъ перчатку. «Вишь, народъ громко зароптал, еще старый князь даетъ архіерею цѣловать собачью кожу». Чрезъ нѣсколько минутъ пріѣхали великолѣпныя кареты, одна, другая, третья и привезли Великаго Князя Владимира съ супругой и другихъ великихъ князей и княгинь, которыхъ я не разобралъ. Всѣ они подошли ко кресту и поздоровались съ экзархомъ. А затѣмъ всѣ мы двинулись въ соборъ. День былъ сѣренькій, но дождя не было. Великія княгини были нарядны. Весь соборъ наполненъ былъ офицерствомъ, генеральствомъ и высшими государственными чинами. Пѣли два или три хора: придворный, митрополичій, въ соединеніи будто бы съ Казанскимъ хоромъ. Пѣли протяжно и, отличіе придворнаго хора нынѣшняго отъ прежнихъ, пѣли весьма сдержанно. Херувимскую пѣли, говорятъ, № 2, Львова, которую я называю игрою въ аккорды, фокусомъ въ музыкальномъ смыслѣ и непозволительною нелѣпостью въ церковномъ. «Вѣрую» пѣли Березовскаго, вещь тоже непозволительная. «Милость мира» простое и совершенно безсодержательное. «Достойно есть» Бортнянскаго: тянули, тянули, душу вытянули, едва дождались конца. Хорошо пропѣли только причастенъ: «въ память вѣчную будетъ праведникъ». Владыка митрополитъ Исидоръ выдерживалъ и выдержалъ себя молод-

цомъ. Когда выходили мы кланяться ихъ высочествамъ, то условлено было между нами цѣловать руку только у Владимира Александровича. Мнѣ приходилось идти во главѣ архіереевъ, потому что экзархъ Павелъ стоялъ у мощей. Улучивъ минуту, я поклонился Великому Князю и подошелъ ко взаимному руколобызанію. Въ эту минуту Марія Павловна супруга двинулась ко мнѣ, тоже къ руколобызанію; но я только поклонился довольно глубоко и отошелъ въ сторону. За мной тоже сдѣлали и другіе архіереи, какъ было условлено. Въ кельи митрополита мы шли попарно. Дошли до главной гостиной и тутъ остановились. Столы накрыты были въ малой гостиной, гдѣ засѣдали только высочайшія особы съ митрополитомъ, въ большой гостиной, гдѣ всѣ государственныя величія, съ Гирсомъ, Вышнеградскимъ, Деляновымъ и т. д. сбились какъ сельди въ бочкѣ, гдѣ, прижавшись къ стѣнкѣ, торчали и мы и въ залѣ, гдѣ скучилось офицерство. Иностранныхъ пословъ не было ни одного. Высочайшія особы сидѣли не коротко, по меньшей мѣрѣ полчаса. Наконецъ, вышли митрополитъ Исидоръ подъ руку съ Маріей Павловной, В. К. Владимиръ подъ руку съ в. к. Александрой Іосифовной и всѣ. По принятому обычаю мы спустились въ кельи о. архимандрита Исаіи, гдѣ накрыта была особая закуска. Тутъ собрались всѣ синодскіе чины, министръ Деляновъ, Петербургскій губернаторъ, вообще приглашенные къ обѣду...

Обѣдъ у митрополита былъ большой и великолѣпный, съ пѣніемъ пѣвчихъ. Въ началѣ обѣда владыка Исидоръ снялъ клобукъ. Мы не смѣли. Тогда сидѣвшій визави со мною Ив. Дав. Деляновъ говоритъ, обращаясь ко владыкѣ Исидору и ко мнѣ: «мы говоримъ (съ Н. П. С—мъ, товарищемъ оберъ-прокурора, сидѣвшимъ визави съ митрополитомъ), почему бы вамъ (т. е. мнѣ) не послѣдовать примѣру владыки», показывая на голову. Я подумалъ, подумалъ, да и снялъ клобукъ. Моему примѣру чрезъ нѣсколько минутъ послѣдовали и прочіе архіереи. Обѣдъ прошелъ торжественно и даже довольно оживленно.

1 Сентября я сдѣлалъ визитъ протоіерею (второму) Казанскаго собора Ст—чу. Онъ мнѣ разсказалъ слѣдующій случай. «Вотъ эти друзья! Извѣстно, что Платонъ Рижскій (тогда архіепископъ, а нынѣ митрополитъ Кіевскій) и князь Суворовъ, бывшій Рижскимъ генералъ-губернаторомъ, были друзья. Въ 70-хъ годахъ, когда владыка Платонъ засѣдалъ въ Святѣйшемъ Синодѣ, появилась въ Петербургѣ Пущина, жена Декабриста, возвращеннаго изъ ссылки. Тогда на этихъ возвращенныхъ Декабристовъ была настоящая мода. Всѣ съ ними возились. Эта Пущина была благосклонно принята даже у императрицы Маріи Александровны. Отъ нечего дѣлать она написала толкованіе на литургію и, вмѣсто того, чтобы вести къ изданію свое сочиненіе обычнымъ

путемъ, т. е. подать въ цензуру, она, какъ избалованная высокимъ вниманіемъ, пошла со своей рукописью прямо ко владыкѣ-митрополиту Исидору. Ну, знаете, жена штабсъ-капитана, старушка, одѣта бѣдно. Митрополитъ ея не зналъ и принялъ жестко. «Зачѣмъ вы беретесь не за свое дѣло? Да отсюда у насъ всѣ ереси, что свѣтскіе берутся толковать священное, чего сами хорошо не понимаютъ». Та говоритъ: «Да вы прочитайте прежде, никакихъ ересей у меня нѣтъ! Я писала, чтобъ удовлетворить насущную потребность народа». «А кто васъ просилъ?» —«Да, отчего же вы сами не пишете? Ну, напишите, тогда мы писать не станемъ» и т. д. Посчитались, знаете. Идетъ Пущина къ Императрицѣ. «Такъ, молъ, и такъ: митрополитъ принялъ не ласково» и т. д. Пошли въ царской семьѣ толки, что митрополитъ Исидоръ и такой, и сякой, и неловокъ-то и проч. А Суворовъ въ послѣдніе годы постоянно терся тамъ и вставляетъ отъ себя: «Ваше Величество, вотъ лучше бы Санктпетербургскимъ сдѣлать Платона Рижскаго»; онъ-де и ловокъ, и уменъ, и ласковъ». «А съ Исидоромъ какъ же?»—«Да его оставить Новгородскимъ». «Что же пожалуй, говоритъ покойный Государь, я не прочь; но мѣшаться самъ въ это дѣло не хочу. Пускай Синодъ». Суворовъ передалъ это оберъ-прокурору Ахматову, но Ахматовъ не захотѣлъ. Конечно, Платонъ, быть можетъ, совсѣмъ и не зналъ этого; тѣмъ не менѣе возбудилъ противъ себя Исидора. А дальше тотъ же Суворовъ уронилъ Платона и въ глазахъ покойнаго Государя. Вѣдь онъ игралъ при дворѣ роль придворнаго шута; никто его въ послѣдніе годы не уважалъ. Тамъ, при дворѣ онъ постоянно издѣвался надъ Платономъ, какъ онъ любитъ поѣсть, принимаетъ лѣкарства для варенія желудка, какъ онъ занимается гимнастикой и т. п. Совершенно уронилъ Платона въ глазахъ Государя, и Государь приказалъ удалить его изъ Риги». «Ну, говорю я, удаленію владыки Платона изъ Риги было много причинъ. Первая, что генералъ-губернаторъ Альбединскій, еще только что отправляясь въ Ригу, заявилъ: «или я, или онъ; я Альбединскій (съ своею великою заслугою мужа г-жи Долгоруковой), или онъ Платонъ». Платономъ пожертвовали. Тутъ главное въ Остзейскомъ вопросѣ, гдѣ одинъ Платонъ отстаивалъ Русское начало противъ Нѣмцевъ, Русскаго правительства и самого Русскаго Государя.

Еще о нашемъ пѣніи (1887 г., Сентября 24). Пѣли мы весьма торжественно на всенощной Преображенія, въ день Преображенія литургію и опять всенощную, а назавтра, Августа 7-го, литургію, по случаю храмового праздника нашей верхней церкви, въ день святителя Митрофана. Послѣ обѣдни приглашены были мною на чай двое старостъ, нашъ (бывшій въ первый и чуть ли пока не послѣдній разъ

при мнѣ въ церкви) и академическій, староста церкви Духовной Академіи. За чаемъ главною темою разговоровъ было, конечно, наше пѣніе. Я искусительно ставлю вопросъ: «вотъ, когда мы прибыли сюда, очень уже хвалили нашихъ предмѣстниковъ, Казанскихъ пѣвцовъ».— «Что Казанскіе», подхватываютъ оба старосты, какіе-то пѣвчіе! Какъ можно сравнивать?»—«Эхъ, смѣюсь я, а намъ уже напередъ было совѣстно предъ Казанскими!»

Былъ здѣсь Новочеркасскій каѳедральный протоіерей Про-кій, магистръ богословія. Я зазвалъ его на акаѳистъ, даже служить вмѣстѣ съ нами. «Ну, ваше выс-ство, говоритъ онъ послѣ акаѳиста, нигдѣ ничего подобнаго. Это что-то совсѣмъ особенное! Въ чемъ тутъ секретъ, я не знаю. Но вѣдь поразительное впечатлѣніе. Нигдѣ ничего подобнаго».

Тутъ же какъ-то, да именно наканунѣ Успенія, прибыли въ нашу церковь на всенощную В-ръ К-чъ С-ръ, С. В. Керскій и Д. Н. Соловьевъ, извѣстный старофилъ-композиторъ. Послѣ всенощной рѣчи тѣже. «Нигдѣ ничего подобнаго. Отчего бы это?» Д. Н. Соловьевъ разрѣшаетъ вопросъ такимъ образомъ, близко къ истинѣ: «Это пѣніе совершенно свободное. Въ Петербургѣ всѣ хоры до того втиснуты въ извѣстныя рамки, что хоровое пѣніе стало совсѣмъ безжизненно; а здѣсь всякій голосъ поетъ совершенно свободно». По моему секретъ заключается 1) въ человѣкѣ, т. е. во мнѣ (умри я, умретъ со мной и это пѣніе, 2) въ совершенной технической безупречности, 3) въ высокохудожественной сдержанности, хотя и не фальшивомъ піано, 4) въ экспрессивности или выразительности пѣнія, на которой я настаиваю и 5) въ строѣ или распорядкѣ голосовъ, въ ихъ помѣси, такъ какъ у насъ партію терціи поютъ альты и вмѣстѣ басы, партію квинты дисканты и теноры, партію тенора теноры-дисканты, альты и басы; голоса малыхъ пѣвчихъ смягчаютъ пѣніе, а большихъ даютъ пѣнію выразительность и смыслъ. Это 5-ое вмѣстѣ съ 1 пунктомъ и составляетъ сущность секрета.

1887 г., 17 Октября. Совершились событія. Пора взяться за перо. Не то многое вылетитъ изъ памяти.

Первое, отбытіе изъ Петербурга преосвященнаго архіепископа Павла. Надобно замѣтить, что В. К. С. еще разъ ѣздилъ теперь въ Харьковъ и Полтаву; зачѣмъ, не знаю. Передъ отбытіемъ онъ сообщаетъ мнѣ по секрету: «Былъ у старца. Нужно же какъ нибудь устроить преосвященнаго Павла. Представьте, старецъ упрямится; говоритъ: «пусть ѣдетъ-де назадъ въ Грузію, непочетно-де отступить; пусть тамъ проживетъ годъ-другой, а потомъ мы его переведемъ. А то выходитъ, что Грузины не захотѣли экзарха, и мы его сейчасъ же перевели». Дня черезъ три, не сообщая ничего, слышу отъ экзарха Павла тоже самое.

«Представьте, старецъ посылаетъ меня опять же въ Грузію. Говоритъ: некрасиво отступить. Вѣдь, жертвовали же собою св. апостолы»... Я говорю: «Владыко святый, апостолы жертвовали собой, но знали, за кого и за что жертвуютъ. За что же я собою пожертвую? Принесетъ ли это какую нибудь пользу церкви Божіей?»—«Впрочемъ, заключилъ владыка-митрополитъ, это дѣло отъ меня и не зависитъ». Чрезъ два-три дня поѣхалъ я къ другу И. А. Чистовичу, въ первый разъ по возвращеніи его съ дачи. Разговоръ былъ самый откровенный объ очень многомъ. «Ну, что касается преосв. Павла, то докладъ о переводѣ его въ Казань уже пошелъ къ Государю».—«На его мѣсто Алексій Литовскій?»—«Ну, не скажу. Митрополитъ не согласится. Назначьте, говоритъ, Леонтія. Леонтій и вызывается. Первый кандидатъ на митрополію, несомнѣнный. Его еще въ Москву прочилъ митрополитъ и даже поздравлялъ его. Леонтій и былъ увѣренъ».—«Кому же обязанъ своимъ назначеніемъ митрополитъ Іоанникій?»—«Повидимому, великому князю Михаилу Николаевичу, точнѣе великой княгинѣ. А Леонтій прочится на Кіевскую митрополію».—«Почему же не на Петербургскую»?—«Объ этомъ, почему не на Петербургскую, я вамъ разскажу. Былъ у насъ тогда разговоръ съ К-мъ П-мъ. Надо вамъ сказать, что мои отношенія къ К-ну П-чу что̀ твоя волна морская; то вотъ этакъ, то вотъ такъ, то крѣпко вверхъ, то глубоко внизъ. Тутъ волна была въ прибоѣ, въ нарастаніи. Говоритъ: вотъ что, Леонтію приходится не быть въ Москвѣ».—«Почему?»—«Да онъ и вотъ этакъ, и вотъ такъ» (не имѣетъ изящныхъ манеръ). «Какъ же? Жаль, вѣдь онъ былъ увѣренъ».—«Въ томъ-то и дѣло, что увѣренъ. Ему обѣщано. Надо его утѣшить какъ либо. Вотъ что: съѣздите вы къ нему, объявите»!—«Щекотливое дѣло».—«Я знаю, что щекотливое. Объяснитесь, какъ знаете. За то скажите, что Кіевская митрополія будетъ уже навѣрное его». Поѣхалъ, засталъ, что онъ гуляетъ въ садикѣ.—«Ну, что новенькаго?» Кое-какъ, кое-какъ добрался до сути дѣла, до Москвы. Натужившись, высказался, да и спѣшу прибавить, что К-нъ П-чъ говоритъ: «за то онъ (Леонтій) уже навѣрное будетъ Кіевскимъ».—«А почему же не Петербургскимъ?» спрашиваетъ меня самъ Леонтій. Вотъ тутъ-то я и не нашелся, что̀ отвѣтить. «Къ тому-то я и веду весь этотъ разговоръ по поводу вашего вопроса: «почему же не Петербургскимъ?» Я говорю, т.-е. повторяю, что̀ говорю часто: «Богъ святой знаетъ, кто гдѣ будетъ, кто кого переживетъ».—«Вопросъ объ его назначеніи на Кіевскую каѳедру поднимался и въ другой разъ, продолжаетъ Чистовичъ, и вотъ какимъ образомъ. Не знаю съ чего, но Платонъ Кіевскій самъ поднималъ рѣчь: «вотъ мнѣ дали бы коадъютора; бывали же коадъюторы въ старые годы; я бы охотно подѣлился съ Павломъ; я бы

оставилъ себѣ только лавру, да и изъ лаврскихъ окладовъ уступилъ бы ему часть». Ведемъ по этому поводу разговоръ съ К-мъ П-мъ. Говорю: «почему бы не дать владыкѣ Кіевскому въ коадъюторы Леонтія?» На это К-нъ П-чъ: «никакъ невозможно: вѣдь, Платонъ и Леонтій не выносятъ другъ друга».—«Да, это владыка Платонъ, замѣчаю я, пробуетъ почву»—«Ну, говоритъ Иларіонъ Алексѣевичъ, проба-то опасная; чего добраго, возьмутъ, да и сдѣлаютъ».

Случилось такъ, что и преосв. Діонисій Уфимскій заболѣлъ. Заговорили о томъ, что вотъ и въ Синодѣ присутствовать некому. Тутъ кто-то, должно быть С. В. Керскій, говоритъ: «Да, вотъ пріѣдетъ преосв. Леонтій Варшавскій. Не знаю, зналъ ли до этого владыка Павелъ о вызовѣ Леонтія или нѣтъ; я не сказывалъ, потому что мнѣ это сообщено было подъ секретомъ. А въ эту минуту входитъ К-нъ П-чъ». «Преосвященный Леонтій, оживленно подшучивая говоритъ К-нъ П-чъ, да, онъ не замедлитъ себя ждать, у него уже все давно уложено; онъ сію же минуту прилетитъ, прилетитъ». При семъ К-нъ П-чъ, премило размахивая руками, изображалъ маханіе крыльями. А въ эту минуту входитъ и владыка-митрополитъ. Поздоровались пресерьезно. А К-нъ П-чъ и ему тоже: «О, преосвященный Леонтій не заставитъ себя ждать. Онъ сію же минуту, я говорю, прилетитъ, прилетитъ». И опять размахиваетъ руками во всю ихъ ширину.—«Вы, владыка, ему писали?»—«Нѣтъ, не писалъ».—«Ну, а я написалъ. Онъ сію же минуту прилетитъ, прилетитъ». Сѣли. Еще до сидѣнья о преосв. Діонисіи улышали рѣчи сожалительныя. «Представьте, боленъ, говоритъ К-нъ П-чъ, и тяжко боленъ и надолго боленъ. Самъ говоритъ, что мѣсяца на три. Да сказываютъ, ему и жить совсѣмъ не на что».

На прощанье я давалъ преосвященному Павлу обѣдецъ, роскошный по обычаю, хотя и немноголюдный. Приглашены были, кромѣ новаго архіепископа Казанскаго, Ал-ръ, епископъ Костромской (бывшій въ Петербургѣ по какимъ - то дѣламъ), Антоній епископъ, ректоръ Академіи, И. А. Чистовичъ, С. В. Керскій, В. И. Шемякинъ и проф. Академіи И. Ф. Н - ій, другъ владыки Павла, отчасти и мой. Кромѣ того ожидался и В. К. Саблеръ; ожидали его пріѣзда изъ Полтавы въ эту Среду, а онъ прибылъ только назавтра въ Четвергъ. Обѣдецъ прошелъ весело, хотя былъ и печальный по смыслу. Когда я, посѣтивъ владыку Павла въ Академіи, поздравлялъ его словами: «Поздравляю, если вы сами довольны и рады», онъ говоритъ совсѣмъ искренно: «Какъ же, совершенно доволенъ». Узнано было, что К-нъ П-чъ, самъ собственноручно написавъ представленіе о переводѣ владыки Павла въ Казань къ Государю, выразился о владыкѣ въ самыхъ сочувственныхъ и сильныхъ выраженіяхъ. А Государь написалъ: «очень жалѣю, хотя для дѣла это, быть можетъ, и лучше».

Съ владыкою Павломъ въ предпослѣдній разъ мы видѣлись на вечерѣ у И. А. Чистовича, который и прощальныхъ возліяній уготовалъ обильное множество, и рѣчами почтилъ обоихъ насъ самыми сильными и сочувственными. На этомъ вечерѣ кромѣ насъ и хозяина присутствовали еще И. А. Нен-въ, В. К. Саблеръ, оный же проф. Н-ій, протоіерей Пар-въ, предсѣдатель Учебнаго Комитета. Въ послѣдній же разъ, въ послѣднюю Суботу, мы увидѣлись такъ: я ѣхалъ въ Академію, ко владыкѣ Павлу, а онъ ко мнѣ. Встрѣтились мы у Владимирской церкви, и оба повернули ко мнѣ. Тутъ, у себя, я пожелалъ его высокопреосвященству скораго возвращенія въ Петербургъ. Разстались мы братски. Онъ совершенно отклонилъ мой прощальный визитъ въ Академію. Да и я провожать его не могъ, такъ какъ онъ уѣзжалъ во время всенощной, которую я долженъ былъ служить, потому что назавтра служилъ обѣдню.

Въ послѣднее засѣданіе, въ Среду, владыка-митрополитъ входитъ въ Синодскую залу и застаетъ только меня одного. Я кланяюсь, а старецъ шутитъ: «А, отецъ Синодъ!»—Я говорю: «К-на П-ча ожидаютъ, но пока еще не прибылъ».—«Но вотъ и оберъ-секретарей нѣтъ ни одного». Тутъ вошли всѣ, и во главѣ К-нъ П-чъ. Здороваются. «Что же Уфимскій?»—«Все боленъ!»—«Да, вотъ что, говоритъ владыка хмуро, какъ онъ поправится настолько, что можетъ уѣхать, отправить бы его домой. Вѣдь, его болѣзнь упорна, эти застарѣлые ревматизмы опять сейчасъ возобновятся». Такъ, вѣроятно и будетъ.

Октября 23, 1887 года. Въ послѣднюю Среду преосв. Діонисій Уфимскій уже былъ въ синодскомъ засѣданіи, отчасти выздоровѣлъ, хотя на ногахъ и стоитъ не крѣпко. Сегодня мнѣ сказывали, что прибыла свита Холмсковаршавскаго архіепископа, а завтра, къ вечеру будетъ онъ самъ.

Вчера, въ день Казанской Божіей Матери, было общее собраніе С.-Петербургскаго Богородицкаго братства, въ прекрасной залѣ оберъ-прокурорскаго дома. Мнѣ дано знать, что нужно пріѣхать минутъ за 10 до 7 часовъ. Я такъ и сдѣлалъ. Въ обширной и ярко-освѣщенной швейцарской большого барскаго порядка я не усмотрѣлъ. Прислуги было много, т.-е. курьеровъ и прочаго люда; но пригласили снять и положили верхнее платье просто въ углѣ. Мнѣ показалось, что при такомъ патріархальномъ отношеніи примѣрно мое верхнее платье можетъ очутиться на черной спинѣ, особенно же свѣтлыя платья, каково было платье моего секретаря, моего келейника. Зала большая и великолѣпная. Устроилъ этотъ домъ на Синодскіе 400000 руб. оберъ-прокуроръ графъ Димитрій Андреевичъ Толстой. Освѣщенія было мно-

го, даже слишкомъ. И народа немало. Всѣ мѣста были заняты. Но я тихонько пробрался впередъ и сѣлъ въ первомъ ряду, на диванѣ. Никто меня не встрѣтилъ, не проводилъ. Но когда я уже занялъ мѣсто, подошелъ ко мнѣ предсѣдатель общества, преосв. С. викарій и растолковалъ, что я, какъ старшее духовное лицо, долженъ буду преподать архіерейское благословеніе, по пропѣтіи молитвы, какъ при открытіи собранія, такъ и по закрытіи. Къ началу собранія вышелъ и хозяинъ, К. П. Побѣдоносцевъ, въ партикулярномъ сюртукѣ, безъ орденовъ, сѣлъ около меня въ креслѣ, или просто на стулѣ. Изъ именитыхъ людей были министръ народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновъ, который стоялъ въ толпѣ народа и, говорятъ, никакъ не согласился сѣсть; возлѣ К-на П-ча сидѣлъ Петербургскій губернаторъ, почтенный старецъ; за столомъ предсѣдательствовалъ преосв. епископъ Ладожскій С., справа около него возсѣдалъ Бычковъ, слѣва В. К. Саблеръ, во фракѣ безъ отличія, и нѣсколько духовныхъ лицъ. Справа, около меня, на диванчикѣ сидѣлъ о. Игнатій со звѣздами и въ лентѣ, архимандритъ и настоятель Сергіевой пустыни, за нимъ преосв. В. Нарвскій. Ректоръ Академіи, преосв. Антоній, отсутствовалъ. Тутъ я вслушался въ пѣніе Д. Н. Соловьева. Пѣли до 90 человѣкъ. Пѣли безукоризненно. Мотивы его композиціи повторяются. Тѣмъ не менѣе пѣніе не только оригинальное, но неслыханное въ Россіи. Дисканты совершенно исключаются. Господствуютъ надъ мелодіею альты-примы. Теноры совершенно заглушены альтами. Скажу, что пѣніе строгое, не скажу умилительное или трогательное. Думаю, что оно можетъ привиться къ народу, такъ какъ такихъ альтовъ, какіе требуются для этого пѣнія, главнымъ образомъ между дѣтьми, много. Да всѣ дѣти—такіе альты. Послѣ молитвы первую рѣчь о значеніи и дѣятельности общества говорилъ преосв. предсѣдатель. Говорилъ наизусть, долго, безъ записки и весьма толково, съ вѣсомъ. Затѣмъ было пѣніе. Затѣмъ протоіерей Михайловскій читалъ отчетъ. Сдѣлано очень много. Книгъ изъ складовъ братства продано на десятки тысячъ. Собираются обществомъ десятки тысячъ рублей. Послѣ отчета опять пѣніе. Затѣмъ протоіерей Леонидъ Петровъ читалъ статью, сравнивая вліяніе законоучительства съ вліяніемъ богослуженія. Чтеніе хорошее. Во все время засѣданія я чувствовалъ себя грустно за все свое прошлое. Чувствовалъ, что я уже всѣмъ складомъ душевнаго строя отжилъ вмѣстѣ съ прошлымъ царствованіемъ. Это что-то новое, новое вѣяніе, какое-то возрожденіе Русскаго духа, религіознаго духа. Надолго ли, не знаю. До сихъ поръ мы привыкли слушать въ такихъ большихъ собраніяхъ, примѣрно на университетскихъ актахъ, длинныя и ученыя рѣчи о томъ, какъ люди выдумали Бога за 500 лѣтъ до Р. Хр., о томъ, какъ, еще въ прошломъ столѣтіи, въ ме-

дицинско-полицейскихъ актахъ, даже въ Западной Европѣ, люди постоянно ссылались на дьявола; или о томъ, что напрасно Пушкина обвиняютъ, что онъ въ послѣдніе годы жизни измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ, сталъ льстить власти и т. п., что, напротивъ, неизданныя, открытыя по его смерти, его бумаги показываютъ, что онъ уже въ свою пору развивалъ идеи соціалистическія и т. п. Чувствовалось, что это новое вѣяніе—новаго царствованія, что во всемъ этомъ собраніи вѣетъ духъ К. П. Побѣдоносцева; что это поетъ К. П. Побѣдоносцевъ, рѣчи говоритъ К. П. Побѣдоносцевъ. А умри онъ, умретъ онъ, будетъ нѣчто новое, а что̀, то Богъ вѣдаетъ. Я чувствовалъ, что я не то что отжилъ для всѣхъ этихъ новыхъ вѣяній, что я имъ не сочувствую; нѣтъ, но чувствовалъ, что я уже не могу взяться за дѣло въ новомъ духѣ, что мы свое уже сдѣлали, что̀ смогли сдѣлать, что пѣснь наша спѣта, что складъ нашей головы образовался уже подъ вліяніемъ условій прошлаго царствованія. Послѣ засѣданія К. П. пригласилъ меня на чашку чаю. Тутъ я увидѣлъ его супругу. Постановка дома великолѣпная. Но вообще писать мнѣ какъ-то не хочется. Не въ моемъ вкусѣ это отрывчатое нанизыванье фактовъ.

Сейчасъ только отъ меня вышелъ священникъ К. Вѣт-кій дѣятель не послѣдній, имъ ведется Общество любителей духовнаго просвѣщенія; онъ законоучительствуетъ въ домѣ Пашкова, въ разныхъ аристократическихъ домахъ. По его словамъ почти вся аристократія—Пашковцы. По его наблюденіямъ, кто приметъ пашковство, тотъ повреждается въ умѣ и не способенъ къ умственному здравомыслію. Пашковецъ-юноша не способенъ кончить университетскій курсъ. Пашковство поставлено прочно. У нихъ милліонныя средства. Теперь они нѣсколько посократились, а прежде они пропагандировали крѣпко. Всѣ богадѣльни, пріюты были въ ихъ рукахъ. И теперь въ Лондонѣ у нихъ есть институтъ, гдѣ они воспитываютъ Россійскихъ мужичковъ, каковыхъ и посылаютъ миссіонерами во всю Россію, отъ Архангельска до Одессы. Спросилъ я его объ о. Іоаннѣ Сергіевѣ. Оказалось, что о. Вѣт-кій знаетъ его ближайшимъ образомъ, какъ близкаго къ семейству Вѣт-кихъ. Чудесъ о. Сергіева о. Вѣт-ій не знаетъ, но вліяніе о. Сергіева на народъ огромно и благотворно; онъ нервенъ, богослуженіе его даже нѣсколько странно, такъ какъ его постоянно подергиваетъ, но молится онъ искренно, и это уважается. Вѣдь это, когда онъ молится, все реветъ, плачетъ навзрыдъ, какъ въ купеческихъ, такъ и въ аристократическихъ домахъ. Отецъ Вѣт-кій того мнѣнія, что народъ жаждетъ слова Божія; что учащій священникъ—сила; а я говорю, что во всякомъ случаѣ въ новой эпохѣ слышится новое вѣяніе, мистическое вѣяніе.

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ЕРМОЛОВЪ.

Въ письмахъ къ бывшимъ своимъ адъютантамъ.

Къ числу даровъ, которыми природа щедро надѣлила Алексѣя Петровича Ермолова, принадлежалъ даръ овладѣвать людьми, внушая имъ беззавѣтную преданность. У него былъ рядъ приверженцевъ, готовыхъ идти для него, что̀ называется, въ огонь и въ воду. Такою приверженностью отличались служившіе при немъ на Кавказѣ его адъютанты Воейковъ и Шимановскій, ближайшіе свидѣтели боевыхъ и правительственныхъ подвиговъ Ермолова на Кавказѣ.

Николай Павловичъ Воейковъ не разъ посыланный Ермоловымъ къ Персидскому шаху и душеприкащикъ Ермолова служилъ впослѣдствіи предводителемъ дворянства въ Медынскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи. Ермоловъ называлъ его *моя собственность*, при чемъ повторялъ афоризмъ Прудона la propriété c'est un vol (собственность есть кража). Скончался Воейковъ въ Декабрѣ 1871 года, и сынъ его Павелъ Николаевичъ, черезъ зятя своего, князя Ѳедора Петровича Куракина, любезно передалъ въ „Русскій Архивъ" нижеслѣдующія письма, которыя всѣ относятся ко второй половинѣ жизни Ермолова, когда герой 1812 года и Кульма томился бездѣйствіемъ и подобно Филарету и Хомякову, озабочивалъ собою императора Николая Павловича. П. Б.

I.

Письма къ Н. П. Воейкову.

11 Февраля 1831. Изъ деревни.

О себѣ все тоже скажу, что живу постоянно, и даже зимою, въ деревнѣ [1]), привыкъ быть одинъ и даже не скучать. Но весною рѣшился приступить къ постройкѣ библіотеки и переѣду въ подмосковную [2]), ибо скучно весьма быть въ разлукѣ съ тѣми, которые давно уже находятся въ Москвѣ.

Въ жизни моей однакоже послѣдовала нѣкоторая перемѣна. Отпустивъ иностранца, дядьку дѣтей моихъ [3]), я самъ былъ ихъ учителемъ. Вообразивъ меня въ сей должности, ты конечно смѣяться будешь, но чего случиться не можетъ? А то, что̀ со мною бываетъ, и удивлять перестало. Два уже мѣсяца живетъ у меня Романъ Ивановичъ [4]), пробирающійся въ Петербургъ къ Коцебу, который получилъ мѣсто въ поселе-

[1]) Въ сельцѣ Лукьянчиковѣ, въ 12 верстахъ отъ Орла.

[2]) Въ сельцо Осоргино, по Можайкѣ.

[3]) Прижитыхъ на Кавказѣ Викторѣ, Клавдіи и Северѣ.

[4]) Баронъ фонъ-деръ-Ховенъ, тоже служившій при Ермоловѣ на Кавказѣ.

ніяхъ Новгородскихъ. Вмѣстѣ съ нимъ воспоминаемъ мы о Грузіи, но весьма рѣдко имѣемъ извѣстія. Читаемъ прилежно множество книгъ, и время проходитъ непримѣтно. Онъ занимается моими ребятами, и я еще короче познакомился съ его терпѣніемъ, а чрезъ него—съ моею нетерпѣливостію.

Недавно жилъ въ Орлѣ нѣкоторое время и бывалъ у меня полковн. Ладинской. Онъ, служа по внутренней стражѣ, объѣзжалъ здѣшній округъ. Заѣзжалъ также одинъ офицеръ изъ Грузіи, котораго нѣкогда любилъ я, какъ храбраго, и кое-что распросилъ я о знакомыхъ. Пріятны воспоминанія о странѣ, гдѣ прожили мы такъ долгое время.

Ты вѣрно пожалѣлъ о Соколовскомъ; но знаешь ли, что онъ нѣсколько времени предъ смертью совсѣмъ пересталъ пить вино и, въ Константиногорскѣ, излишне употребляя воды, чрезвычайно разстроилъ себя и, можетъ быть, пріуготовилъ себя къ сильнѣйшему вліянію холеры. Многихъ знакомыхъ нашихъ истребила холера, и примѣтно исчезаютъ прежніе сослуживцы.

Въ подмосковную привезу я съ собою пріятную мысль, что, сблизившись съ любезнѣйшимъ и благороднѣйшимъ Воейковымъ, нѣкогда моею собственностію, я чаще буду видѣться съ нимъ, и онъ будетъ посѣщать уединенное мое жилище. Вѣрь, что сею мыслію я часто себя утѣшаю. Мы и почитаемъ вмѣстѣ, будемъ улучшать нашъ садъ, превратимъ въ море одинъ изъ прудовъ. Есть у насъ и болото, знаменитое бекасами, а ты стрѣлокъ. Сосѣдъ же ближайшій—братъ Петръ [1]), котораго ты любишь и котораго нельзя не любить за его чудесныя свойства. Весьма не мѣшаетъ, что я недалеко буду отъ Александра Павловича [2]); ибо, желая его видѣть, иногда прикинешь и мнѣ лишнее посѣщеніе.

25 Іюня 1831. Собакино.

Наконецъ есть извѣстіе изъ арміи, и видно худо положеніе Поляковъ, что уже и графъ Курута одерживаетъ знаменитыя побѣды. Быть фельдмаршаломъ! Не будетъ уже Константинъ Павловичъ утѣшаться его славою. Судьба жестокая и сего услажденія не предоставила.

И такъ Дибичъ оставилъ поприще славы Паскевичу. Увидимъ!

Л. Вас. [3]) пишетъ Н. П. Похвисневу, что онъ уже отправился

---

[1]) Двоюродный братъ А. П. Ермолова, Петръ Николаевичъ Ермоловъ проживалъ въ подмосковномъ сельцѣ Собакинѣ.

[2]) Это—братъ Н. П. Воейкова.

[3]) Левъ Васильевичъ Давыдовъ.

на мѣсто умершаго. Гдѣ всѣ замыслы, величіе? И многое достигаемо было не наилучшими способами.

Странно, что еще ничего не слышно о прибытіи къ войскамъ великаго полководца. Не видно однакоже, чтобы графъ Толь хотѣлъ, пользуясь неприбытіемъ, снискать безсмертіе.

С.-Петербургъ, 21 Декабря 1831.

Гончаровой-Пушкиной не можетъ женщина быть прелестнѣе. Здѣсь многіе находятъ ее несравненно лучше красавицы Завадовской. Я здѣсь на обѣдахъ у иностранцевъ и на балахъ, и представить себѣ можешь, какъ мнѣ все это весело!

14 Марта 1832. С.-Петербургъ.

Я былъ боленъ, но на Масляницѣ долженъ былъ выѣхать, дабы предупредить отъѣздъ фельдмаршала [1]) и не дать повода говорить, что я его пережидалъ. Я видѣлъ его во дворцѣ, на праздникѣ Кадетскаго корпуса; размѣнялся съ нимъ парою низкихъ весьма поклоновъ безъ рѣчей, и такъ разстались. Я съ горя пустился по театрамъ, и въ нихъ былъ три дни сряду. Сбросивъ излишнюю толстоту, а съ нею и тягость, я къ движенію сдѣлался способнымъ.

Положеніе мое все тоже, и въ немъ нѣтъ и, кажется, какъ будто и не должно произойти ни малѣйшей перемѣны. Со времени отъѣзда твоего я ни разу и не встрѣтился даже... [2]) Можешь представить себѣ, сколько подобное сближеніе облегчитъ средства узнать меня. Просто, любезный братъ, насмѣхаются надъ мною, и развѣ Май мѣсяцъ избавитъ меня. О намѣреніи семъ немногіе знаютъ, или никто кромѣ Петра Андреевича [3]), и потому молчи!

17 Марта 1832. С.-Петербургъ.

Надежды на продолженіе мира увеличиваются, и слышно, что Англія не довольна высадкой Французовъ въ Анкону. Хорошо, если то правда. Скоро должны обстоятельства объясниться. Мы не прочь отъ мира; тогда празднуемъ его въ Осоргинѣ. Отсюда выѣхалъ къ вамъ Раевскій. Скажи ему, что онъ увезъ у меня извѣстный ouvrage par Thierry, съ нѣкоторымъ трудомъ достанный мною безъ усѣченія цензурнаго.

(Изъ письма Шимановскаго къ Воейкову отъ 12 Мая 1832).

1-го Мая, на разводѣ, Государь, подозвавши къ себѣ Алексѣя Петровича, взялъ за руку и весьма милостиво изъяснилъ слѣдующее:

---

[1]) Паскевича, князя Варшавскаго.

[2]) Т. е. съ Государемъ.

[3]) Кикина.

«Я поручилъ гр. Чернышеву показать тебѣ бумагу. Пожалуйста, прочитай внимательно и скажи мнѣ, можешь ли ты согласиться на то, чего бы я желалъ». Послѣ разводу является адъютантъ Чернышева просить генерала, можетъ ли онъ его принять въ 7 часовъ. Генералъ отвѣчалъ, что онъ самъ будетъ въ то время у графа.

Ты можешь себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я возвращенія генерала. Но Алексѣй Петровичъ предузнавалъ, что не можетъ быть ничего хорошаго изъ образа изъясненія Государя; стало быть, Государь не былъ увѣренъ, что предполагаемое назначеніе можетъ быть пріятно и прилично Алексѣю Петровичу. Но чѣмъ же дѣло оканчивается? Чернышевъ уже былъ тотъ день назначенъ военнымъ министромъ. По новому образованію министерства положено учредить генералъ-аудиторіатъ, и посрамленіе: въ предсѣдатели сего-то аудиторіата предложилъ онъ Алексѣю Петровичу! Что Государь сего-то и желалъ!!! Одѣвая это разными розсказнями, что Государь сему присутственному мѣсту, какъ верховному военному судилищу, хочетъ вручить... и пр. и пр. Въ семъ судилищѣ будутъ членами два полныхъ генерала, два генералъ-лейтенанта и два генералъ-маіора. Вотъ, братъ, любезный тёска, какое наконецъ придумали было мѣстечко нашему Алексѣю Петровичу. Предоставляю тебѣ, судить, любезный другъ, какова эта штука!

Генералъ, разумѣется, сохраняя въ прочемъ всю умѣренность и хладнокровіе, отказался отъ сего мѣста, поставляя на видъ 40-лѣтнее служеніе всегда въ полѣ, и просилъ въ заключеніе Чернышева исходатайствовать ему случай видѣть Государя. Чернышевъ на другой же день увѣдомилъ, что Государь предоставилъ себѣ назначить время. Потомъ черезъ два дня пригласили обѣдать, и Государь послѣ обѣда такъ, мимоходомъ, сказалъ генералу, что онъ очень жалѣетъ, и что впослѣдствіи онъ объяснитъ ему, что какъ это важно. Тѣмъ и кончилось.

Теперь генералъ только ожидаетъ извѣстія изъ Орла, живъ ли старикъ *), то намѣренъ немедленно проситься и во всякомъ случаѣ вѣроятно будетъ уволенъ безъ затрудненія. Я долженъ буду остаться на нѣсколько дней послѣ генерала и конечно неоглядкой годеру изъ этого города, который мнѣ послѣ всѣхъ мерзостей такъ опротивѣлъ, что и объяснить тебѣ не могу.

Приписка Ермолова.

Надѣюсь получить отпускъ и въ концѣ мѣсяца выѣхать непремѣнно. Призналъ бы милостію Божіей, если бъ отсюда навсегда! Можно

*) Отецъ Ермолова, Петръ Алексѣевичъ, жившій тогда уже въ монастырѣ.

ли было ожидать, чтобы сдѣлали мнѣ подобное предложеніе? Что̀ долженъ былъ я чувствовать?

21 Апрѣля 1833 (Осоргино).

Воейковъ, любезная собственность!

Я пріѣхалъ благополучно и скоро. Имѣлъ счастіе быть представленъ Императору и, въ душѣ исполненный благодарности, пользуюсь милостивымъ позволеніемъ его лечиться Московскими водами. Думаю, что быть у васъ 4 Маія ничто пока не воспрепятствуетъ. Дай знать моимъ ребятишкамъ, которымъ не вѣрилось, что я возвращусь.

Прочти письмо брату Петру Николаевичу, по приказанію коего отыскиваю искусственную піявку, но доселѣ не могъ попасть на оную.

Не вѣрю прибытію Великаго Князя, хотя впрочемъ Башиловъ лучше всѣхъ можетъ знать о томъ. Что̀ ему здѣсь дѣлать? А если далѣе ѣхать, то дороги непроходимы. Если же, сверхъ ожиданія, онъ пріѣдетъ, попроси отъ меня Александра Петровича, чтобы онъ тотчасъ прислалъ ко мнѣ верхомъ человѣка. Ему полицеймейстеръ Миллеръ дастъ тотчасъ знать о пріѣздѣ. Сдѣлай одолженіе, распоряди все это порядкомъ: я буду покоенъ. Мнѣ непремѣнно надобно будетъ пріѣхать, и я, не скучая, сдѣлаю то, ибо отъ души благодаренъ я благодѣтелю *).

Любезный Воейковъ-собственность.

Благодарю за доставленныя письма, за бѣлую книгу, точно такую, какъ я желалъ, за примочку для усовъ. Сію послѣднюю я уже испытывалъ, и она должна быть хороша, хотя впрочемъ опытъ мой не весьма былъ удаченъ. Но тутъ моя вина. Доселѣ я весьма былъ счастливъ и жизнь велъ покойную; но надобно было завести усы, заботиться о ихъ украшеніи, или, лучше сказать, крашеніи, и я познакомился съ мукой адской. Не знаю, можно ли непріятелю своему пожелать бо̀льшаго зла, какъ *сѣдыхъ усовъ*. На головѣ сѣдые волосы ничего не значитъ, но какъ внести въ комнату таковые усы, особливо когда они ростутъ въ родѣ рогатокъ и не покоряются никакой другой формѣ.

Не знаю, любезный Воейковъ, что̀ дѣлать. Ибо точно неизвѣстно, будетъ ли Государь въ Орлѣ, хотя впрочемъ думать надобно, что иначе нельзя попасть въ Тулу. А и то случиться можетъ, что будетъ въ Орлѣ, но такъ мало времени, что никого къ нему не приказано будетъ допускать. Тогда я буду въ дуракахъ.

---

*) Т. е великому князю Михаилу Павловичу, за опредѣленіе сыновей Ермолова въ Артиллерійское Училище.

28 Декабря 1834. Москва.

Я слышалъ, что Алексѣй Александровичъ [1]) имѣлъ весьма горячія съ Закубанцами схватки, но что кончилъ все съ желаемымъ успѣхомъ и совершенно сходно съ начертаннымъ имъ планомъ, въ чемъ ни малѣйшаго не предстояло сумнѣнія. Я видѣлъ приказъ, отданный имъ войскамъ, и многіе говорятъ, что это продолженіе прежняго порядка вещей, столько недавно еще казавшагося безпорядочнымъ.

Розенъ, котораго ожидали въ Москвѣ, остановленъ, какъ говорятъ, по причинѣ смерти шаха. Ничего совершенно не слышно, но едва ли можетъ быть покойно въ Персіи: нельзя ожидать отъ семидесяти братьевъ ангельской кротости и чтобы всѣ единодушно согласились покорствовать сыну Аббасъ-Мирзы, еще довольно глупенькому юношѣ. И батюшка его не умѣлъ бы того заставить.

Одну знаю, пустую, кажется новость, что камергеры и камеръюнкеры въ Русскихъ кафтанахъ, цвѣтныхъ сапогахъ и собольихъ шапкахъ. Къ заготовленію письма сего въ деревнѣ я пріѣхалъ въ городъ и услышалъ новость многими подтверждаемую, что командиромъ Кавказскаго корпуса назначенъ Муравьевъ [2]). Жаль тёски, но вѣроятно онъ сдѣланъ будетъ корпуснымъ также командиромъ. О Персіи слышно, что тамъ уже нѣсколько шаховъ, и у слабѣйшихъ изъ претендентовъ трещатъ глаза, почитаемые излишнею и безполезною прихотью. Будетъ не безъ потѣхи!

Изъ письма П. Н. Ермолова [3]).

Москва, 7 Генваря 1835.

Москва пляшетъ, Москва скачетъ, Москва веселится! Въ Крещенье у князя Д. В. Голицына маскарадъ, занимающій всю публику уже нѣсколько дней. У многихъ послѣдній грошъ заплакалъ и, вѣроятно, многіе костюмы на счетъ вновь рожденныхъ по 8 ревизіи; ибо говорятъ, роскошь нарядовъ чрезвычайная. Только и слышно, что 1000 или 800 рублей сталъ костюмъ такого-то или такой-то; а тѣ, которые употребили 500 или 600 руб., въ отчаяніи, что не истратили для сего общеполезнаго дѣла вдвое или втрое. Алексѣй Петр. пробылъ у насъ съ 27 по 3 Янв., и мы по прошлогоднему встрѣтили Новый годъ.

---

[1]) Вельяминовъ, съ давнихъ поръ пріятель Ермолова и бывшій у него начальникомъ штаба на Кавказѣ, а теперь командиромъ войскъ на Кавказской линіи. Ермоловъ звалъ его тёскою.

[2]) Николай Николаевичъ. Это назначеніе состоялось двадцать лѣтъ позднѣе.

[3]) У него было три дочери.

Изъ писемъ барона Р. И. Фонъ-деръ-Ховена къ Н. П. Воейкову.

Осоргино, 1 Октября 1835.

Сегодня поутру вхожу въ обыкновенное время къ Алексѣю Петровичу, не примѣчая и не подозрѣвая ничего. Вдругъ вижу на столѣ маленькій ящикъ, обшитый холстомъ и запечатанный. Весьма естественно, что я спросилъ, что̀ это за посылочка и откуда она явилась. «Вчера ввечеру, лишь только ты отъ меня вышелъ, какъ привезли ее изъ Москвы», а между тѣмъ продолжаетъ поправлять свой каталогъ. Я взялъ посылку, перевернулъ и читаю надпись: *знаки ордена св. Андрея*. Вы можете вообразить себѣ, любезный Николай Павловичъ, мою радость. Я забросалъ его вопросами: какъ, откуда, когда? «Изъ Теплица, отъ 17 Апрѣля». — Покажите рескриптъ! — «Я послалъ его къ Петру Николаевичу». И это проговорено все такъ сухо и такъ хладнокровно какъ будто разговоръ былъ о погодѣ. Между тѣмъ А. П. отправился въ библіотеку, а я поспѣшилъ на верхъ, чтобы воспользоваться поѣздкою сейчасъ гувернера въ Москву и сообщить вамъ сію пріятную для насъ вѣсть. Догадкамъ открыто обширное поле и вамъ, и намъ. Хотя А. П. и не вѣритъ, но мнѣ кажется, что ему готовится особенное назначеніе, а вѣрнѣе еще то, что ему должно будетъ ѣхать въ Петербургъ. Всего вѣрнѣе узна̀емъ по прибытіи Государя въ Москву. По офиціальнымъ извѣстіямъ, Государя ожидаютъ къ 23-му числу, а по Московскимъ извѣстіямъ Государь изъ Кіева прямо возвратится въ Петербургъ.

Осоргино, 1-го Августа 1836.

Вамъ извѣстенъ отшельническій образъ жизни нашей. Дни проходятъ безъ всякой перемѣны. Даже колокольчикъ, дѣлающій обыкновенно эпоху въ жизни деревенской, слышимъ мы только тогда, когда Петръ Николаевичъ, проѣзжая въ Москву, заглянетъ сюда на часокъ.

Чудесное выздоровленіе Алексѣя Петровича пріобрѣло полную мою довѣренность къ гомеопатіи: послѣ трехъ пріемовъ самаго мелкаго бисера, котораго безъ очковъ и усмотрѣть было трудно, а проглотить невозможно не разсмѣявшись, кашель совершенно исчезъ и хотя онъ, нѣсколько разъ разъѣзжая верхомъ, былъ настигнутъ грозою и промокалъ до нитки, но это нимало ему не повредило, и кашель не возобновился, что̀ должно было ожидать.

Съ нѣкотораго времени однакожъ оказывается у него новая болѣзнь: онъ страдаетъ безсонницею. Съ вечера онъ засыпаетъ скоро, но послѣ полуночи онъ принужденъ бываетъ встать, и отъ нечего дѣлать прохаживается иногда по саду, какъ водится, босикомъ, и это ему не вредитъ; но примѣтно, что въ теченіе дня движенія его не такъ живы,

какъ обыкновенно, и весьма естественно, что силы его должны ослабѣвать. 9-го числа ожидаютъ Государя въ Москву. Черезъ недѣлю долженъ будетъ и Алексѣй Петровичъ явиться туда. Будемъ надѣяться, что воздухъ столичный и образъ жизни столичный возвратятъ ему сонъ.

Послѣ отъѣзда вашего навѣстилъ его Шимановскій: пробывъ здѣсь сутки съ небольшимъ, онъ возвратился въ Шую. Вскорѣ послѣ него заѣзжалъ сюда Нагибинъ; онъ переселялся изъ Крыма въ Москву, слѣдовательно однимъ изъ Закавказскихъ знакомыхъ нашихъ въ Москвѣ прибыло.

30 Апрѣля 1838 (С.-Пб.)

Я никакъ не воображалъ встрѣтить препятствіе на возвращеніе въ мое уединеніе. Я задержанъ по единственной причинѣ, что изъ Совѣта*) многіе члены отпущены, и нужно имѣть оныхъ какое-то количество. Богъ свидѣтель, что напрасно занимаю мѣсто, но по крайней мѣрѣ не упрекну себя тѣмъ, чтобы не признавался въ моей неспособности. Не притворствую!

Пишу не съ почтою, и потому скажу тебѣ и чтобъ извѣстно было одному брату Петру Николаевичу. Сначала встрѣченъ я былъ Государемъ съ особеннымъ благоволеніемъ, но вскорѣ мнѣ оказано величайшее равнодушіе, и во все пребываніе видѣлъ его три раза, изъ коихъ два раза на балѣ. Окружающіе смотрятъ на меня, какъ на чорта; многіе встревожились, что я пріѣхалъ, полагая, что я не могъ появиться безъ намѣренія. Одинъ изъ тончайшихъ плутовъ сказалъ мнѣ сіи слова: вы всѣхъ напугали, васъ боятся, и вы здѣсь никогда мѣста не получите. Сему подобные слухи до меня доходятъ во множествѣ.

Никому о семъ ни слова!

Москва, 30 Марта 1842.

Любезный Воейковъ, нѣкогда моя собственность.

Ты, кажется, уже не сомнѣваешься, что я ни малѣйшаго о хозяйствѣ не имѣю понятія; но когда состояніе заключается въ единственной деревнѣ изъ *150 душъ*, то надобно заниматься ею и знать съ точностію, чего отъ ней ожидать или требовать возможно.

Твое знаніе въ хозяйствѣ, любовь къ порядку и дружба ко мнѣ, издавна мною испытанная, совершенно успокаиваютъ меня, что ты тогда только допустишь соблюсти выгоды мои, когда онѣ согласоваться будутъ съ благосостояніемъ крестьянъ, единственнымъ обезпеченіемъ тѣхъ вы-

---

*) Государственнаго. По уму своему, по силѣ сочувствія къ нему въ Московскомъ обществѣ и въ войскахъ Ермоловъ считался неудобнымъ на службѣ. Это было электрическое имя, въ которомъ слышалось осужденіе тогдашнихъ пріемовъ правительственной власти.

годъ, и то одолженіе со стороны твоей такъ будетъ велико, что я всю жизнь мою долженъ буду помнить. Пахатное имѣніе знаю, что выгоднѣе оброчнаго, но я не хочу измѣнять того, что̀ было при покойномъ отцѣ моемъ и никакими не увлекусь выгодами. Одно позволю себѣ желать, чтобы не потерять 6 т. рублей ассигнацій оброка, который платили крестьяне отцу моему. Но если бы были справедливыя причины облегчить его, я и на то готовъ и вашего опредѣленія ожидаю.

Не скрою отъ васъ, что я продамъ имѣніе, если представится мнѣ покупщикъ, могущій дать хорошую цѣну, но не иначе. Будущею осенью и *Викторъ офицеръ*! Цѣну имѣнья долженъ возвышать лѣсъ въ томъ краю довольно рѣдкій, если онъ не истребленъ. Взглядъ твой для того и строгое приказаніе необходимы, а бурмистра (недавно смѣненнаго), допустившаго крестьянъ до самовольства и порубки, надлежитъ наказать порядочно.

Ѳед. Осиповичъ передастъ тебѣ всѣ вѣдомости, подворную опись, словомъ, всѣ имѣющіяся свѣдѣнія о деревнѣ, и ты увидишь, что засѣяно господскою рожью *сто одиннадцать десятинъ*. Меня спрашиваетъ онъ, что̀ съ нею дѣлать? Весьма справедливо собрать ее въ мою пользу; но, кажется, уже не должно будетъ брать съ крестьянъ оброка или по усмотрѣнію сложить часть онаго: нельзя допустить въ одно время двухъ повинностей. Подумай хорошенько! Такое же число десятинъ (111) надобно засѣять овсомъ. Въ прошломъ году ярового не было; у крестьянъ денегъ быть не можетъ, а потому на покупку сѣмянъ надобно употребить собственныхъ. Спрашиваю тебя, сѣять ли овесъ въ пользу мою, какъ выше сказалъ я о ржи, или предоставить урожай крестьянамъ съ тѣмъ, чтобы заплатили они деньги употребленныя на сѣмена, или отдали овсомъ на таковую сумму, и его тотчасъ продать въ Ельцѣ или если для нихъ выгоднѣе будетъ въ Орлѣ, но это по ихъ произволу. Негодный бурмистръ допустилъ, что осталась незасѣянною широкая запашка и не было сбору въ запасной магазинъ. Разсмотри это, любезный Воейковъ, и чтобы запасъ былъ по положенію непремѣнно.

Дунаевскій полагалъ, что я пожелаю имѣть деревню на пашнѣ и уже спрашивалъ, не собирать ли *повытное*? Въ жизни я не слыхивалъ этого имени и не понялъ бы, еслибы онъ не объяснилъ, что должно заключаться въ баранахъ, гусяхъ, курахъ, яйцахъ и прочемъ. Не хочу ничего подобнаго и прошу запретить сборъ, а до меня дошло, что это сдѣла̀но было. Возьми къ себѣ планы деревни, подъ твоимъ руководствомъ нѣкогда составленные.

Имѣй въ виду бывшаго при покойномъ отцѣ моемъ бурмистра. Это такая бестія, котораго уличай на мошенничествѣ весьма, впрочемъ явномъ. Покойный не обращалъ вниманія, и онъ дѣлалъ, что̀ хотѣлъ такъ, что я уже разъ ему говорилъ, что истреблю его. Мудрено ли, если онъ могъ значить при Дунаевскомъ? Я предостерегалъ его, но онъ все-таки имѣлъ вліяніе на дѣла. И едвали при сборахъ въ магазинъ запаса не онъ мошенничалъ. Развѣдай и какъ надлежитъ осади плута. При всей надеждѣ на тебя остается мнѣ сказать, что если еще разъ долженъ я буду столько же писать какъ теперешній разъ, то я отступлюсь отъ всѣхъ выгодъ и радъ буду скорѣе сбыть съ рукъ имѣнье.

17 Мая 1842. Осоргино.

Ожидаю, что нѣсколько вниманія со стороны твоей познакомитъ тебя съ моими обширными владѣніями, что наконецъ буду я знать цѣнность имѣнія и что̀, по справедливости, можно будетъ требовать за него при продажѣ, о которой я думать не перестаю и что̀ необходимо нужно.

Дать одному изъ сыновей на часть—будетъ слишкомъ другимъ обидно, особливо когда по суммѣ способовъ моихъ имѣнье составляетъ ихъ половину, слѣдовательно должно составлять часть двухъ сыновей, которые вмѣстѣ могутъ и не желать жить. И кажется, другъ любезнѣйшій, безъ ошибки угадать можно, что ни одного не выйдетъ такъ хорошаго, чтобъ позволить себѣ сдѣлать подобное предпочтеніе въ раздѣлѣ. Кажется и не весьма мудрено, но даже и на меня не будетъ ни одного похожаго. О старшемъ не очень утѣшительныя извѣстія. Лишь бы въ офицеры, а тамъ пусть достаетъ съ конца шпаги; и гораздо, и несравненно достойнѣйшимъ часто не предлежитъ другихъ средствъ. На Кавказѣ въ сію минуту должны быть важныя происшествія. Надобно ожидать, что смирятъ наконецъ дерзость горцевъ. Государь обращаетъ на все вниманіе; самъ занимается всѣмъ относящимся до края. Войскъ большое количество, и ни въ чемъ не встрѣчается недостатка; напротивъ, нѣтъ ни въ чемъ отказа. Дана обширная власть начальникамъ. Какое блистательное положеніе военнаго министра, облеченнаго въ величайшую довѣренность! По мѣрѣ сего какъ не ожидать важнѣйшихъ и рѣшительныхъ результатовъ? Не такова нѣкогда бывала наша участь, но и тогда можно было дѣлать не все худое и сохраниться безъ сраму.

Я дней пять какъ переѣхалъ въ деревню. Романъ Ивановичъ въ Петербургѣ, и кончилось пріятнѣйшее и почти единственное занятіе мое со смертію переплетчика моего Ѳедора. Это для меня невознагра-

димая потеря [1])! Не благосклонна судьба ко мнѣ! Не за то ли душитъ она меня, что я кое-какъ держусь противъ ея жестокостей?

26 Сентября 1842. Осоргино.

Я подожду твоего сюда пріѣзда, чтобы сдѣлать публикацію въ газетахъ о продажѣ имѣнія. Самъ я не составлю нужнаго описанія, если его потребуютъ желающіе купить. А надобно думать о продажѣ, ибо не таковъ кажется мнѣ Викторъ, чтобы хотѣлъ я ему повѣрить ту часть, которую долженъ онъ удѣлять прочимъ братьямъ изъ дохода.

Въ Ельцѣ утѣшительны цѣны хлѣба. Не понимаю, чѣмъ могутъ жить бѣдные дворяне. Хорошо мнѣ, имѣющему огромный пенсіонъ [2]), который не только удаляетъ отъ меня недостатки, но даже даетъ средство сберечь для дѣтей весьма немало.

Осоргино, 26 Октября 1842 г.

Любезнѣйшій Николай Павловичъ, ты собираешься сдѣлать самую безполезную вещь и даже мнѣ досадную. Ты намѣреваешься пріѣхать сюда, чтобы пригласить меня на свадьбу [3]). Неужели думаешь, что я не пріѣхалъ бы безъ приглашенія, тогда какъ всегда желалъ я видѣть тебя женатымъ и еще болѣе когда дѣлаешься ты мнѣ роднымъ. Прошу не обижать меня и ко мнѣ не ѣздить, а я не отниму у себя удовольствія быть у тебя. Не сердись на меня, любезный мой Воейковъ, что я не буду посаженнымъ отцомъ; этого мнѣ не хочется, и ты будешь имѣть снисхожденіе не принуждать меня противъ воли. Хочется дожить вѣкъ, не имѣя причины негодовать на тебя, а это былъ бы первый случай несогласія между нами. Пустое названіе не сдѣлаетъ меня болѣе къ тебѣ привязаннымъ. И безъ того я давно уже родной тебѣ наилучшій. И такъ не сердись, а я съ душевнымъ удовольствіемъ у тебя пирую. Прошу не ѣздить и не толкать себѣ бока и денегъ не бросать напрасно.

Осоргино, 26 Октября 1843 г.

Я ожидалъ тебя въ Москву на пути въ Петербургъ, но долженъ думать, что повсюду ужаснѣйшія дороги тебя удерживаютъ, въ осо-

---

[1]) А. П. Ермоловъ много читалъ, и у него была превосходная библіотека. Жуковскій подарилъ ему свои стихотворенія съ надписью: на чтеніе и въ переплетъ.

[2]) Императоръ Александръ наградилъ Ермолова пансіономъ въ 12 тысячъ, императоръ Николай увеличилъ его на 10 тысячъ.

[3]) Н. П. Воейковъ женился на родственницѣ Ермолова, Екатеринѣ Дмитріевнѣ, дочери автора „Постоялаго Двора“, Дмитрія Никитича Бѣгичева.

бенности всѣми прославляемая Тульская шоссе, съ которымъ не можетъ сравниться даже самая Нижегородская, достигшая большой уже степени совершенства. У насъ для шоссе опасное время ихъ юности; далѣе обращаются онѣ въ состояніе обыкновенныхъ дорогъ, къ которымъ у насъ привычка, и шоссе какъ будто не бывало.

Ручаюсь, что у г. Клейнмихеля этого не будетъ. Онъ не возмется вдругъ за множество предметовъ, но что́ будетъ сдѣлано, я увѣренъ, будетъ прочно, и деньги не будутъ втоптаны въ грязь. По справедливости дѣловой человѣкъ.

Теперь обращусь къ дѣлу, къ которому прошу склонить благопріятный слухъ вашъ. Въ нынѣшній рекрутскій наборъ, *съ помѣстьевъ моихъ* Московской губерніи, Звенигородскаго уѣзда, просто сказать съ *сельца Осоргина*, назначается одинъ рекрутъ (вѣроятно для низложенія Шамиля и покоренія Кавказа). Здѣсь мнѣ отдать некого, а тебя давно я просилъ и по распоряженію твоему въ Елецкой деревнѣ замѣчены люди достойные вознестись со славою на вершины Кавказа. Прикажи, сдѣлай величайшее одолженіе, и какъ можно скорѣе, одного изъ таковыхъ представить въ рекрутское присутствіе и поставить за сельцо Осоргино. Если бы сего было невозможно, то просто въ зачетъ, а полученную квитанцію прикажи скорѣе доставить ко мнѣ.

13 Іюля 1845. Москва.

Жалѣю о всякомъ несчастномъ, осужденномъ читать одни скучныя и несносныя письма о бурмистрахъ, размежеваніи, о несправедливомъ взысканіи подушныхъ денегъ за крестьянъ, давно проданныхъ какому-нибудь мошеннику Греку, впрочемъ Русскому дворянину и чиновнику. Подожметъ хвостъ набродная отовсюду каналья послѣ новаго о дворянствѣ постановленія. Давно пора, и слава Богу, что хватились!

О Кавказѣ есть извѣстія, и весьма утѣшительныя. Успѣхи значительные, и къ Октябрю можно ожидать ощутительныхъ послѣдствій и перемѣнъ въ положеніи страны. Кажется, поправляются прежнія погрѣшности.

Москва, 10 Декабря 1845 г.

Недавно получилъ отъ Виктора письмо, который весьма счастливо продолжаетъ службу. Князь Воронцовъ лично замѣтилъ его офицеромъ отлично смѣлымъ; писалъ о немъ съ большою похвалою, и впослѣдствіи видѣлъ я изъ частныхъ писемъ, что онъ сдѣлался извѣстнымъ въ войскѣ.

Видя его въ дѣйствіи, нѣкоторые изъ начальниковъ послали узнать о имени офицера. Государь Наслѣдникъ изволилъ говорить мнѣ о немъ, и что онъ слышалъ о немъ отъ принца Гессенскаго и своего адъютанта Барятинскаго. Послѣдній самъ молодецъ и служитъ примѣрно. Виктору данъ орденъ Св. Анны 3 степени съ бантомъ и чинъ поручика, который много его подвинулъ при медленномъ по артилеріи производствѣ. Видишь, любезный Николай, что и мнѣ бываютъ удовольствія. Это конечно величайшее въ 20 лѣтъ. Въ Октябрѣ отправились туда и остальные вельможи-прапорщики, которымъ не желаю я лучшей участи. Я по скромности не все сказалъ тебѣ слышанное мною о Викторѣ. Слава Богу! На Кавказѣ, какъ говорятъ, все очень хорошо и совершенно спокойно. Надобно думать, что ихъ смирили чувствительныя потери.

Москва, 17 Февраля 1846 г.

Жалкія существа осужденныя жить въ провинціи! Тебя спрошу, любезный мой Николай Павловичъ, какъ умѣете такъ проводить время, какое увеселеніе ваше во время празднествъ? Вы, я думаю, и въ самую масляницу находили время быть среди родныхъ, раздѣляете удовольствіе съ лучшими изъ пріятелей; мы, жители столицы, скажемъ, что это можно видѣть и между низшими состояніями, и потому это должно быть скучно и даже пошло (сильная логика!) Мы съ перваго дня въ вихрѣ увеселеній, съ утра насъ закармливаютъ на цѣлые сутки, потому что вечеромъ, въ манежахъ до изнеможенія, усталымъ пища на умъ уже не приходитъ. Когда видѣться съ близкими друзьями? Всюду на одного малознакомаго девять невиданныхъ. Какъ весело! У васъ все по старинному, и я увѣренъ, что даже въ недѣлю масленицы только одинъ послѣдній день называется la folle journée. У насъ съ самаго начала. А есть счастливыя мѣста, гдѣ такъ и въ недѣлю смиренія и предъ исповѣдью. Вотъ настоящая, полная жизнь!

Февраль 1846. Москва.

Продажа имѣнія моего въ казну весьма сумнительна, ибо вообще въ подобныхъ случаяхъ предлагаются очень тягостныя условія. Мною по сему предмету получено слѣдующее извѣщеніе.

По принятому правилу казна не пріобрѣтаетъ покупкою частныхъ имѣній, и если было нѣсколько случаевъ, то это дѣлалось по высочайшимъ повелѣніямъ, вслѣдствіе особыхъ какихъ-либо обстоятельствъ. Въ сихъ случаяхъ наблюдались слѣдующія условія. 1) Имѣніе предварительно осматривалось мѣстнымъ управляющимъ Палатою Государственныхъ Имуществъ, для удостовѣренія въ его достоинствѣ и доходности.

2) Цѣна опредѣлялась по представленію управляющаго и засвидѣтельствованію начальника губерніи, по 6-ти процентному разсчету, т. е. чтобы доходъ равнялся 6% на капитальную сумму за имѣніе, или, другими словами, за каждые 6 р. дохода назначалось 100 р. цѣнности имѣнія. Тогда капитальная сумма, по высочайшей волѣ, заимствовалась изъ банковъ и, по выдачѣ продавцу, уплачивалась изъ дохода на 37-лѣтнихъ правилахъ. Но въ настоящее время и въ семъ способѣ встрѣчается затрудненіе; ибо, по состоянію банковъ, въ нынѣшнемъ году пріостановлены всѣ отпуски на подобныя операціи. Я и безъ изъясненныхъ препятствій не ожидалъ бы встрѣтить большого желанія благотворить мнѣ или моему семейству. Недавно нѣсколько милліоновъ дано за имѣніе графини Орловой. Куплено въ казну имѣніе умершаго брата графа Орлова; но моя фигура не столько прелестна, и сумма 150 т., мною назначенная, чрезмѣрно для казны отяготительна [1]).

4 Марта 1846. Москва.

Получилъ письмо твое отъ 25 Февраля, и оно весьма пріятно мнѣ было, особенно когда незадолго предъ тѣмъ бранилъ я и тебя, и великаго стряпчаго Мовненскихъ дѣлъ, и за всѣхъ васъ растерзанъ былъ Парижской, не знаю впрочемъ по какому праву.

Ты виноватъ болѣе всѣхъ, потому что давно знаешь Задунайскаго. Тебѣ извѣстно, какъ продаваемы были на сводъ крестьяне и какая допущена запутанность по ревизскимъ сказкамъ. И ты доселѣ не подумалъ привести все въ ясность и понуждать его, чтобы подавалъ прошеніе, на основаніи данной ему довѣренности! Развѣ, любезный Николай, ты не знаешь, что у меня никого нѣтъ, если ты не возмешь успокоить старика? Непріятно, когда платимъ за проданныхъ людей деньги: бьютъ бурмистра и печатаютъ амбары за недоимки.

Два дни назадъ отправилъ я бурмистра, котораго присылалъ сюда Н. Н. Муравьевъ съ бумагами, самъ не предполагавши быть здѣсь. Обо всемъ я разспросилъ и за невѣрность въ числѣ душъ ужасно бѣсился. Неизвѣстно даже, какое семейство и кому поступило въ продажу. Задунайскій особенно заботился о выборѣ крестьянъ Жданову, и только о нихъ знаетъ съ точностью бурмистръ.

Съ мнѣніемъ твоимъ совершенно согласенъ, что лучше продать имѣніе въ казну, хотя Муравьевъ [2]) и говорилъ (по слухамъ), что крестьяне очень богаты, что̀ подтвердилъ и бурмистръ.

---

[1]) Позднѣе Орловское имѣніе А. П. Ермолова было куплено въ казну.

[2]) Н. Н. Муравьевъ проживалъ это время по близости, въ Задонскомъ имѣніи супруги своей, Скорняковѣ, и тоже въ отставкѣ.

10 Мая 1846 г.

Любезный и почтенный Воейковъ.

Чудесный приступъ къ письму человѣка готоваго кусаться. Скажи, отчего напала на тебя страсть къ многописанію и великодушное стремленіе замучить посланіями твоими одного изъ лучшихъ пріятелей. Это я, невинный страдалецъ, и вотъ чѣмъ еще горестнѣе судьба моя, что когда хотѣлъ бы я разругать и растерзать тебя, обязанъ напротивъ благодарить за попеченіе о дѣлахъ моихъ. Поистинѣ, любезнѣйшая собственность моя, не возможно болѣе заботиться обо мнѣ; продолжай по усмотрѣнію своему, и конечно это будетъ лучше моихъ указаній.

14 Мая 1846. Москва. (Дополн. 16 Мая).

Есть слухи и есть пріѣзжіе съ Кавказа. Шамиль, съ большимъ скопищемъ горцевъ, перешедши Сунжу близь Ташъ-кечў, отправился въ Большую Кабарду. Фрейтагъ изъ Грозной пошелъ за нимъ, и пѣхота дѣлала не менѣе 60 верстъ въ день. Шамиль успѣлъ переправиться на лѣвой берегъ Терека у Мечетскаго моста (помнишь минаретъ у Татартупа?); отрядъ изъ 2 батал. при 2 орудіяхъ, съ 200 казаковъ, дравшись отлично, не могъ воспрепятствовать переправѣ и отступилъ къ Уруху. Въ тотъ же день Фрейтагъ у самой переправы расположился лагеремъ противъ Шамиля. Изъ Владикавказа генер. Нестеровъ приспѣвалъ съ войсками; изъ Воздвиженскаго укрѣпленія полк. Миллеръ шелъ съ ужасною быстротою. Шамиль, боясь быть аттакованъ всѣми вдругъ, ушелъ ночью въ Черенское ущелье. Фрейтагъ поспѣшилъ къ Нальчику, чтобы не взволновались Кабарды, гдѣ нѣкоторые обнаружились измѣнниками; но всѣ остались покойными. Шамиль, пробывши 6 дней въ Кабардѣ, перешелъ обратно Терекъ на той же самой переправѣ, и изъ множества нашихъ войскъ одинъ молодецъ полк. Миллеръ догналъ на переправѣ его арріергардъ и нанесъ ему большой вредъ, ибо воды были высоки. Кажется, Шамиль пошелъ по знакомой тебѣ рѣчкѣ Курпъ и на Константиновской редутъ, возобновленный для того, чтобы препятствовать Чеченцамъ дѣлать набѣги на лѣвый берегъ Терека. Какая предусмотрительность! Фрейтагъ отъ Нальчика пустился за Шамилемъ и потому спѣшитъ, что въ Чечнѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, оставались слабыя части войскъ. Кажется, исполнилась извѣстная пословица: семеро одного не ждутъ, и всѣ разбѣжались въ разныя стороны.

Говорятъ, что у Шамиля была и пѣхота, чему трудно вѣрить, ибо онъ могъ потерять ее. Впрочемъ, чего не случается въ нынѣшнее

время, когда все гораздо лучше прежняго! Съ Шамилемъ была артиллерія, и онъ имѣлъ неловкость не оставить ни одного орудія. Это было бы немалымъ украшеніемъ для реляціи, которую надобно умѣть ловко составить, ибо доселѣ есть большія неясности, и многое совсѣмъ непонятно. Быть можетъ однакоже, что дальнѣйшее преслѣдованіе увѣнчано полнымъ успѣхомъ.

Воронцовъ оказываетъ чудесную дѣятельность: 14 Апрѣля онъ выѣхалъ въ Елисаветполь, былъ въ Шемахѣ и, оттуда возвратясь въ Тифлисъ, былъ уже 24 числа во Владикавказѣ, куда вскорѣ пришли изъ Грузіи три баталіона гренадеръ. Замѣть, что въ концѣ Апрѣля самая опасная въ горахъ дорога и обвалы. Впрочемъ, когда онъ пріѣхалъ во Владикавказъ, все уже было кончено, и Шамиль возвратился. Изъ письма намѣстника Булгакову *), почтъ-директору, видно, что Шамиль въ 36 часовъ сдѣлалъ 150 верстъ. Вѣроятно это дѣлается безъ пѣхоты. А баталіоны (если правда) приходили изъ Грузіи напрасно, и это представитъ Шамиля еще опаснѣйшимъ, нежели онъ есть, и конечно не нашу умножитъ моральную силу. Какъ счастливы наши глупыя времена, что не случались подобныя происшествія! При малыхъ средствахъ тогдашнихъ немудрено было бы потерять голову, и я за перваго себя не ручаюсь. Давно ли читали мы, что у Шамиля потери велики, что онъ лишился многихъ отличныхъ изъ старшинъ, что примѣтно охлажденіе къ нему горцевъ и упадающій ихъ духъ. А какую злодѣйскую удралъ штуку!

Москва, Мая 23 дня 1846.

Бурмистръ увѣдомляетъ меня, что пріѣзжалъ предсѣдатель палаты, г. Норовъ, осматривать имѣніе. Сдѣлай дружбу, поспѣши повидаться съ г. Норовымъ и попроси его, можешь даже и отъ меня собственно, чтобы въ донесеніи начальству не сказалъ онъ, что имѣніе не стоитъ назначаемой мною цѣны (если она поставлена ему на видъ), ибо тѣмъ можетъ навсегда быть уничтожена возможность продать его въ казну. Но если г. Норовъ, по усмотрѣнію его, находитъ небезполезнымъ пріобрѣтеніе его съ уменьшеніемъ цѣны, то чтобы въ донесеніи его назначилъ онъ опредѣлительно его цѣнность. Я тогда могу согласиться или нѣтъ на предложеніе, и будетъ мѣсто нѣкоторымъ соображеніямъ съ моей стороны. Соображенія—я разумѣю пословицу, которой во всю жизнь мою руководствуюсь: гдѣ наше не пропадало! Я на много готовъ, чтобы избавиться непріятныхъ хлопотъ.

---

*) Тогда не позволялось печатать извѣстій о томъ, что̀ происходило на Кавказѣ. Князь М. С. Воронцовъ сообщалъ ихъ въ письмахъ къ почтдиректору А. Я. Булгакову. Сборникъ этихъ писемъ пріобрѣтенъ и отданъ въ Одесскій архивъ князей Воронцовыхъ. П. Б.

Сію минуту принесли мнѣ страховое письмо, заключающее несносныя жалобы Елецкихъ гнуснѣйшихъ крестьянъ, которое на разсмотрѣніе твое посылаю. Увидишь изъ него, чему впрочемъ не могу вѣрить, будто Евгеній Николаевичъ Норовъ объявилъ крестьянамъ, что они поступятъ въ вѣдѣніе казенное и мнѣ требуемая сумма выплатится въ теченіи 37-ми лѣтъ. Не знаю, министръ или г. Норовъ почитаетъ меня сумасшедшимъ, чтобы съ казною хотѣлъ я войти въ подобные разсчеты. Я лучше продамъ въ частныя руки за 130 т. рублей, и даже готовъ взять нѣсколько менѣе. Мужики имѣютъ глупость думать, что казна согласится взимать съ нихъ въ продолженіи 37 лѣтъ по 4054 рубля въ годъ (150,000 : 37), когда извѣстно ей, что мнѣ оброку въ годъ вносятъ они по 6000 р. Мнѣ, и вѣроятно г. Норову, пишетъ министръ, что казна не иначе пріобрѣтаетъ частныя имѣнія, какъ разсчитывая по 6 процентовъ на сто за выданную сумму. Слѣдовательно безумные мужики явно заблуждаются. Ради Бога, развяжи мнѣ эту загадку.

Москва, 30 Іюня 1846.

Получилъ описаніе Елецкаго имѣнія. Г. Норовъ могъ описать его не съ такою подробностію, и описаніе было бы еще весьма хорошимъ; но, кромѣ точнаго исполненія обязанности своей, легко видѣть можно желаніе сдѣлать одолженіе продавцу изысканіемъ способовъ, представляющихъ имѣніе выгоднымъ для казны пріобрѣтеніемъ. Г. Норова не должно было пускать въ мое имѣніе, ибо взглядомъ на имѣніе и описаніемъ его онъ познакомилъ меня съ нимъ и то сдѣлалъ, что мнѣ жаль стало продать его, и возобновилось горестное чувство, что *Сѣверъ* мой не имѣетъ правъ дворянства, которому одному желалъ бы я сохранить его.

Ты меня пугаешь затрудненіемъ составить ревизскую сказку, а надобно необходимо это сдѣлать, или мы не избавимся большихъ хлопотъ впослѣдствіи, какъ самъ говоришь о томъ. Отъ Задунайскаго, я также думаю, что невозможно добиться толку, и онъ же прогнѣвался на меня, что я не пишу ему особенныхъ посланій, а иногда прошу тебя сообщить ему. Какая щекотливость людей знатнаго происхожденія!... Отнюдь не желаю дѣлать сплетни и ссорить, но не могу не видѣть, что онъ тебя не жалуетъ, и что бѣситъ его, когда чрезъ тебя я дѣйствую. Не скрою отъ тебя, что давно уже знаю хорошо этого вельможу и потому только имѣю съ нимъ дѣло, что не было у меня никого другаго. Будь я плутъ Мовчинъ, онъ по сочувствію искалъ бы угодить мнѣ; но какъ между нами нѣтъ ничего сходнаго, ему конечно непріятны сношенія со мною.

Теща твоя, по письму къ ней Павлова*), спрашивала меня, въ память покойной сестры, не соглашусь ли я уплатить часть долговъ ея. Каковы замыслы презрительнѣйшаго изъ мерзавцевъ? И, признаюсь, я удивленъ былъ принятіемъ подобнаго препорученія.

14 Маія 1847. Москва.

Возрастающая съ давняго времени моя лѣность достигла до того, что изъ меня вышло самое лѣнивое животное (или просто самая лѣнивая бестія), и оттого болѣе мѣсяца лежитъ предо мною твое письмо, которое прочиталъ я конечно не менѣе пяти разъ, и рука не поднимается на самый короткій отвѣтъ. Ну, что̀ сдѣлаешь ты порядочнаго изъ такого созданія и какого добьешься толку? Спроси же меня самого, я вѣрно о себѣ очень недурнаго мнѣнія и найду тебя, любезный Воейковъ, очень страннымъ, что ты давно меня не бросилъ. Всякій поступокъ твой почтетъ благороднымъ, и я думаю, что невозможно разумѣть его иначе; но скажи мнѣ, какая добродѣтель дѣлать добро недостойнымъ и даже непонимающимъ собственныхъ выгодъ??

Но дуракамъ счастье, то-есть мнѣ. Я лѣнюсь, не хочу тебѣ писать, тоже дѣлаю съ другими; бумаги на столѣ лежатъ горою и въ ящики не прячутся. Надобно ящиковъ умножить число и передѣлать столъ. Приступлено; выкладываются бумаги и, о Боже, какое восхитительное зрѣлище! Предо мною двѣ подлинныя квитанціи, выданныя казначействомъ бурмистру Никифору Николаеву! Никогда въ молодости письмо красавицы не казалось трогательнѣе, краснорѣчивѣе. Ты убѣдишься въ этомъ изъ препровождаемыхъ у сего копій. Не могъ разстаться съ подлинниками; но, если необходимы они, я соберусь съ силами и рѣшусь наконецъ сообщить ихъ тебѣ.

Прошу не погнѣваться: какъ все обдѣлалось! Теперь квитанціи поступили въ особенный конвертъ съ надписью: *требующія скорѣйшаго отвѣта*, конвертъ, въ который, скажу по совѣсти, я болѣе полугоду не заглядывалъ.

Клавдій получилъ Владимирскій крестъ съ бантомъ. Онъ представленъ былъ къ золотой шпагѣ, послѣ отказа Георгіевскаго креста, что̀ почитается большою наградою, ибо дается въ полковничьемъ чинѣ. Государю доложено было, что Воронцовъ проситъ о пожалованіи ордена, съ которымъ вмѣстѣ пріобрѣтаются права дворянства, и Государь

*) Это супругъ единственной сестры Ермолова Анны Петровны.

имѣлъ великодушіе пожаловать орденъ. И такъ Клавдій—дворянинъ потомственный. Если бы и чрезъ пять лѣтъ, то очень счастливо!

Напрасно торжествуешь отъ того, что не распечаталъ письмо Шимановскаго. И въ семъ случаѣ тотъ же педантизмъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, тотъ же, котораго я не люблю въ тебѣ. Письмо прислано чрезъ тебя, и о содержаніи онаго тебѣ сказано. По чувствамъ твоимъ, коротко мнѣ знакомымъ, я увѣренъ, что тебя все то радуетъ, что̀ мнѣ можетъ быть пріятнымъ, и такъ ты не одолжилъ меня, не распечатавши письма.

Я препровождаю его къ тебѣ, и ты увидишь, что оно довольно пустое. Не вызываютъ меня, а просто называемся мы сами. О(рло)ва изнасильствовали, и надобно было ему что-нибудь сказать. Разумѣется, нельзя досадовать, что я пріѣду, ибо я умножаю толпу поклонниковъ, и потому О(рловъ) рѣшился сказать свое мнѣніе. А между тѣмъ я и самъ знаю, что мнѣ нельзя лучше избрать время, какъ теперь ѣхать; ибо болѣе двухъ недѣль я тамъ не пробуду, а чѣмъ короче, тѣмъ для меня лучше. Поѣздка доставитъ мнѣ ту выгоду, что я буду имѣть отпускъ и вмѣстѣ, можетъ быть, средство продолжить его, что̀ теперь не весьма ловко мнѣ сдѣлать.

Покажи письмо Шимановскаго Петру Андреевичу, а Александру Петровичу, слегка скажи, что *графъ Орловъ* говоритъ, что мнѣ *прилично* бы пріѣхать, но что говоритъ собственное мнѣніе, и ничего *свыше*.

II.

Къ Н. В. Шимановскому [1].

Любезный Шимановскій!

Знаю, что безъ нужды и только на четыре мѣсяца ты въ отпускъ не поѣдешь, и не въ томъ находишься ты положеніи, чтобы могъ бросать издержки на безполезную прогулку.

Жалѣю, но на отъѣздъ твой согласиться долженъ. Выздоравливай и ступай съ Богомъ.

Душевно любящій Ермоловъ.

19 Августа 1826 [2].

Не благодарилъ я тебя любезный Николай Викторовичъ, за присланную мнѣ наливку. Она чудесная, и во времена древности, была бы названа напиткомъ боговъ, а ты поишь ею отставного солдата. Я хвалю

[1]) Сообщены намъ (по кончинѣ Ермолова) самимъ Николаемъ Викторовичемъ Шимановскимъ, которому принадлежатъ и примѣчанія, кромѣ означенныхъ буквами П. Б.

[2]) Писано еще на Кавказѣ.

ее, и правъ, а ты прослывешь невѣждою, подобно мнѣ, ее расточая. По истинѣ, многіе находятъ ее необыкновенно хорошею; впрочемъ, и моею не пренебрегай похвалою, ибо въ большомъ свѣтѣ, между многихъ приписываемыхъ мнѣ качествъ, не отнято у меня и пьянство. И такъ, поддерживая репутацію, я не откажусь, если ты вздумаешь потѣшить нѣсколькими бутылками.

Я чрезъ два дня ѣду въ Москву, гдѣ думаю пробыть не болѣе недѣль шести. Ты обѣщалъ пріѣхать, и я тебя ожидать буду. Жаль, что ты не будешь, когда, въ новомъ для меня костюмѣ, буду я изобрѣтать моды. Чтò плащи твои съ лучезарною подкладкою, чтò платки à la Marie-Louise? Я, просвѣтивъ тебя, пустился бы съ тобою и въ волокитство; но ты помнишь, что въ семъ отношеніи я всегда жалѣлъ о тебѣ... Впрочемъ я скроменъ и боюсь, прославившись во многихъ родахъ, возбудить завидующихъ. Прощай. Стыдно, если не пріѣдешь, и не забывай, что и отсюда ты ускользнулъ у меня.

20 Генварь 1828. Орелъ.

Виноватъ, что не писалъ къ тебѣ и не благодарилъ за подарки, присланные моимъ ребятишкамъ. Северъ въ восхищеніи отъ книжки и бережливо поступаетъ съ нею. Знай однакоже, что, до полученія оной, пилъ всякій день за твое здоровье.

Я собираюсь ѣхать къ Петру Андреевичу [1]) въ деревню, но гнуснѣйшая погода и дожди безпрерывные меня удержали, и я рѣшился, если онъ пробудетъ въ деревнѣ зиму, ѣхать къ нему по первому пути. Мнѣ препятствуетъ и то, что у меня по тѣлу сыпь, съ которою не ловко путешествовать въ холодное время.

Я достроилъ небольшой свой домикъ, но онъ теплъ, и я живу въ немъ пресчастливо и также, какъ ты знаешь, уединенно. Теперь пріѣхалъ ко мнѣ изъ Тулы тёска, Алексѣй Александровичъ [2]) и пробудетъ у меня недѣлю. Онъ любитъ тебя весьма и тебѣ кланяется.

---

[1]) Кикину, который жилъ тогда у дочери своей, княгини Волконской, подъ Ряжскомъ, въ селѣ Алёшнѣ.

[2]) А. А. Вельяминовъ былъ начальникомъ штаба у Ермолова. Съ назначеніемъ Паскевича, онъ сказался больнымъ и уѣхалъ въ Тульскую деревню свою (Алексинскаго у.) село Медвѣдки. Осенью 1826 года Дибичъ, возвращаясь съ Кавказа, на маневрахъ подъ Вязьмою, доложилъ Государю, что Вельяминову принадлежитъ вся слава окончившихся военныхъ дѣйствій. Онъ просился въ отставку, но уволенъ на годъ съ сохраненіемъ содержанія.

Не забудь любезный Шимановскій, обѣщанія посѣтить меня; ты одолжишь чувствительно. Не страшись моего уединенія [1]); мы можемъ побывать въ городѣ, гдѣ зимою, говорятъ, много будетъ людей, и ты можешь побѣдить какую-нибудь красавицу. Подумай о семъ и излучи время. Старики твои позволятъ навѣстить прежняго сослуживца.

Мои рыцари тебѣ кланяются. Отъ Владимировскаго князя [2]) имѣю извѣстіе, что его тѣснятъ, и онъ даже помышляетъ оставить свои владѣнія и переселиться оттуда. Фокусникъ [3]) дышетъ на него гнѣвомъ.

7 Октября 1828 г. Изъ деревни.

Третьяго дня отправился отсюда братъ Петръ Николаевичъ [4]), проживши у матери недѣлю.

Получилъ послѣднее письмо твое. Вижу, что ты пустился въ разныя хлопоты по хозяйству и, судя по себѣ, понимаю, сколько ты долженъ быть ловокъ. Я также начинаю распоряжаться премудрымъ образомъ, но съ тою разницею, что мнѣ поздно уже научиться, а ты успѣешь.

Жалѣю, что ты ко мнѣ не можешь пріѣхать, а не мѣшало бы навѣстить пустынника. Я точно живу таковымъ и намѣренъ пробыть въ деревнѣ до конца Декабря. Испытываю, что́ значитъ скука деревенская въ зимнее время и какъ существуютъ, завалены будучи снѣгами.

Пріѣзжай, когда будешь свободенъ. Le petit [5]) пишетъ тебѣ вздоръ и чего, вѣрь мнѣ, никакъ быть не можетъ. Надобно знать лица, и онъ согласится, что въ семъ случаѣ я не менѣе его хорошо ихъ знаю. Впрочемъ и здѣсь былъ глупый сей слухъ.

Говорятъ, фокусникъ отъиде сего свѣта. Къ чему послужили разныя подлости? Напишетъ какой-нибудь льстецъ пышную некрологію, и тѣмъ все кончится. И сему еще не всѣ повѣрятъ. А славными дѣлами не успѣлъ еще наполнить свѣта.

Ты вѣрно уже слышалъ, что красавица Тифлисская [6]) вышла за-

---

[1]) Въ сельцѣ Лукьянчиковѣ, въ 12 верстахъ отъ Орла.

[2]) Это извѣстный шелководъ Ребровъ, владѣвшій въ Георгіевскомъ уѣздѣ на Кавказѣ помѣстьемъ Владимировкой. Онъ служилъ при Ермоловѣ чиновникомъ особыхъ порученій.

[3]) Тифлисскій губернаторъ Сипягинъ.

[4]) Двоюродный братъ, П. Н. Ермоловъ.

[5]) Т. е. коротышъ. Это Талызинъ, впослѣдствіи губернаторъ въ Уфѣ.

[6]) Княжна Нина Александровна Чавчавадзе. Грибоѣдовъ женился внезапно передъ отъѣздомъ въ Персію. Говорили, будто во время вѣнчанія носили его на креслахъ. Выпущенный

мужъ. Супругъ дипломатъ и въ восторгахъ любви не пойдетъ прямою дорогою. По крайней мѣрѣ доселѣ не этотъ былъ любимый путь.

Ты надѣлилъ моихъ рыцарей подарками. Северъ гордъ ужасно отъ записной книжки и всякій день пьетъ за твое здоровье.

Совѣстно, любезный Шимановскій.

4 Ноября 1828 г. Изъ деревни.

Получилъ письмо твое и порадованъ намѣреніемъ твоимъ пріѣхать ко мнѣ, чѣмъ сдѣлаешь мнѣ величайшее удовольствіе. Ты вселишь веселіе въ пустынное жилище мое; вспомнимъ прошедшее, и неужели еще усмѣшка не можетъ появиться на пасмурномъ лицѣ моемъ? Такъ недавно пріѣхавшій изъ Грузіи Сергѣй [1]) потѣшилъ меня разными разсказами, и ты его найдешь здѣсь. Хорошо, что ты предупредилъ меня о своемъ пріѣздѣ, иначе могли бы мы разъѣхаться; ибо я въ концѣ сего мѣсяца или въ началѣ Генваря хочу отправиться къ Петру Андреевичу, заѣду къ тёскѣ въ Тулу, и поѣздка моя продолжится не менѣе мѣсяца. Надобно разсчесть, много ли лишняго изъ Владимира до Орла чрезъ Рязань, и если бы ты тамъ очутился. П. А. живетъ въ городѣ по неудобству дома въ деревнѣ. Впрочемъ не упрашиваю тебя, дабы не ошибиться во времени, ибо не думаю пробыть у него болѣе 10-ти дней.

На дняхъ получилъ я твои наливки и морсъ клюковный. Все весьма хорошо; но наливки, особенно черная смородина, не такъ хороша какъ прошлаго года, которой всѣ удивлялись. Надобно приняться за составъ другой, дождавшись лѣта. Нѣтъ ли въ странѣ вашей мамуры или паленики; знаю, что есть въ Костромѣ [2]). Изъ сего надобно сдѣлать наливку, и будетъ божественнымъ напиткомъ.

Удивись! Жихаревъ [3]) женится на Александринѣ Перфильевой. Онъ и все семейство о томъ меня увѣдомляютъ и приглашаютъ быть посаженымъ отцемъ. Я знаю не одного его, что̀ не замучитъ красавицы нѣжностью. Разница только въ томъ, что другой, по молодости, остав-

---

изъ подъ ареста въ Петербургѣ (по дѣлу 14 Декабря), Грибоѣдовъ получилъ отъ Государя (вѣроятно по ходатайству Паскевича) 700 червонцевъ.

[1]) Двоюродный братъ А. П. Ермолова, по его ходатайству сдѣланный при Воронцовѣ Тифлисскимъ губернаторомъ. Это отецъ бывшиго въ наши дни министра Государственныхъ Имуществъ? П. Б.

[2]) Куда А. П. Ермоловъ, въ царствованіе Павла, былъ сосланъ. П. Б.

[3]) Степанъ Васильевичъ Жихаревъ, командиръ 44-го егерскаго полка.

ляетъ надежду, что поправится. Не назову несчастнаго, чтобы не тронуть вашей чувствительности.

Дѣти тебѣ кланяются. Северъ ежедневно вспоминаетъ тебя, и увидишь, какъ онъ дѣлается умнѣе.

Въ газетахъ читаешь ты побѣды Эмануеля, безпрерывныя прогулки за Кубань, что̀ прежде вмѣнялось мнѣ въ вину, а въ другихъ похваляемо! Однако же объ линіи проскальзываютъ иногда не самыя лучшія вѣсти.

Скоро и меня бранить перестанутъ!

18 Декабря 1828. Изъ деревни.

Получилъ письмо твое, любезный Николай Викторовичъ, и радъ очень, что ты вступилъ въ службу. Хлопочи о жалованьи, ибо по состоянію твоему нельзя быть долго безъ онаго. И такъ ты въ первобытномъ состояніи, какъ до отъѣзда въ Грузію. Можешь возобновить прежнія знакомства; но будь осторожнѣе съ тѣми, которыя съ тобою на Кавказъ отправляли большія протекціи. Чтобы съ тамошнихъ богатырскихъ водъ возвратился ты атлетомъ. Впрочемъ едва ли допустить можно мысль, что были такія знакомства, которыя бы ожидали тебя шесть лѣтъ *безъ всякаго между тѣмъ упражненія*. Этого требуютъ только отъ супругъ, и часто безуспѣшно! Знаю, что не покажешь письма сего Талызину; но скажи ему, отчего онъ болѣе двухъ мѣсяцевъ ничего ко мнѣ не пишетъ. Даже не присылаетъ газетъ, о которыхъ такъ давно писалъ я ему. Я не понимаю, что̀ сдѣлалось изъ сего акуратнѣйшаго человѣка.

Обращусь къ службѣ твоей. Можетъ быть, когда-нибудь направятъ тебя въ нашу сторону какія либо порученія, посѣти пустынника, и я обниму тебя съ удовольствіемъ! Будь терпѣливъ, не смотри на успѣхи сослуживцевъ. Не всѣмъ одинаковое счастіе. Много всегда значитъ протекція, а у тебя нѣтъ никакой; прилежи къ должности, и начальнику твоему не трудно будетъ познакомиться съ похвальными твоими свойствами и правилами. Такъ нѣкогда узнавалъ я тебя и всегда любить тебя буду. Прощай. Не пиши, когда нечего. Не ожидаю и не требую.

3 Апрѣля 1829. Орелъ.

P. S. Напиши къ Андрею Степановичу *), что я тебя благодарилъ

*) Молчанову, управлявшему конторою ассигнаціоннаго банка въ Москвѣ. Это братъ извѣстнаго статсъ-секретаря Петра Степановича.

за доставленное мнѣ его знакомство. Ты вспомнишь, что не разъ прежде говаривалъ я тебѣ, что чувствую къ нему особенное расположеніе. Онъ не испугалъ меня своею молчаливостію.

Письмо твое, любезный Шимановскій, и два кувшина прекрасной наливки отъ Осиповой мнѣ доставлены тёскою. Безпокоила бы меня болѣзнь твоя, но она не можетъ происходить отъ жизни невоздержной, и потому, конечно, ты скоро освободишься отъ оной. Къ тому же вѣрно немало способствуетъ опредѣленіе по медицинскому департаменту. Не пренебрегай симъ назначеніемъ: оно даже Кавказскія воды замѣнить можетъ!

Подлинно несчастливъ ты по службѣ; едва успѣлъ ты пристроиться, какъ начальникъ тотъ, который желалъ бы быть тебѣ полезнымъ, оставляетъ свое мѣсто и, конечно, безвозвратно. Не одобряю я мысль твою искать мѣсто въ арміи; ты не найдешь тамъ выгодъ, и какъ приступить къ сему? Для меня, конечно, ничего не сдѣлаютъ, и не повреждаю ли я тому, за кого просить стану? Подумай хорошенько. Неужели не легче опредѣлиться въ Петербургѣ? Поговори съ Василіемъ Романовичемъ *).

Съ тёскою много говорили мы о тебѣ, и онъ согласенъ съ названіемъ даннымъ тебѣ Денисомъ. Какъ онъ доволенъ былъ, что нашелся между прежними своими знакомыми!

Дѣти мои отъ души тебя любятъ и ежедневно помнятъ. Благодарятъ тебя за конфекты; старшій же въ особенности за книгу.

Какъ, любезный Николай, отыскалъ ты прежнія знакомства? Неужели цѣломудренно ожидали возвращенія твоего? Не дай Богъ! Я воображаю, какія претензіи! Ты былъ на водахъ; былъ не одинъ разъ, не безъ причины долго въ томъ краю. Молва доноситъ до насъ знаменитые твои подвиги; тобою на линіи умножено народонаселеніе, и здѣсь медицинскій департаментъ представляетъ тебѣ всѣ средства. Ну если потребуютъ доказательствъ? Не отъ того ли ты смотришь за Дунай? Имѣй терпѣніе, еще все поправить возможно. Прощай, люблю тебя душевно.

29 Апрѣля 1829. Орелъ.

Благодарю, любезный Николай Викторовичъ, за пріятное письмо твое, которое впрочемъ и немало досадно мнѣ было по причинѣ пріема

---

*) Это Марченко, государственный секретарь. Онъ былъ пріятелемъ А. П. Ермолову.

сдѣланнаго тебѣ начальникомъ. Это непонятно. Я не думалъ, чтобы въ семъ случаѣ могли дѣйствовать внушенія, и сего весьма жаль. Впрочемъ не сомнѣваюсь, что объясненіе твое положитъ конецъ непріятностямъ. Надобно непремѣнно, чтобы ты говорилъ съ нимъ. Если бы онъ тебя не позвалъ, подай ему письмо и проси позволенія объясниться.

При свиданіи съ нимъ я говорилъ о тебѣ, и онъ обѣщалъ назначить жалованье. Я не сказывалъ ему о намѣреніи твоемъ жениться, но говорилъ, что тебѣ нуженъ отпускъ, и замѣчалъ въ немъ наилучшее расположеніе и желаніе быть тебѣ полезнымъ. Приложи стараніе и, конечно, успѣешь сыскать его благосклонность.

Смѣшнымъ кажется мнѣ Яшвиль, въ которомъ доселѣ не угасла прежняя непріязнь ко мнѣ. Кажется, я никому уже не мѣшаю. Пусть бѣсится, что мимо его идутъ въ фельдмаршалы, тогда какъ онъ не находилъ себѣ равнаго!

Есть однакоже люди, которыя не находятъ удовольствія ругать меня. Мало, конечно, доброжелательствующихъ мнѣ; но мнѣ, преставшему существовать политически, какая въ томъ нужда? И счастливымъ завидовать не должно; а меня, кажется, можно было бы оставить въ покоѣ. Нельзя было въ лучшемъ положеніи быть фокусника, а и того дѣйствія изыскивать будутъ. Безъ сумнѣнія и я буду въ виду, но справедливо замѣчаніе твое, что болѣе фокусника нельзя было подъискиваться, и онъ не успѣлъ. Ничего не страшусь; напротивъ ожидаю, что ближайшее разсмотрѣніе дѣлъ покажетъ постоянное стремленіе мое къ полезному.

Какъ жаль мнѣ Мадатова! Говорятъ, что могущественный Дибичъ, благодѣтельствовалъ ему и конечно за блистательную его храбрость. За что же я ему желалъ добра, знавши даже, что онъ не хорошо говаривалъ обо мнѣ?

Ожидалъ моего тёску въ концѣ Сентября, но слуха нѣтъ. Боюсь за его здоровье: оно никогда не было молодецкимъ.

Жаль мнѣ, что не засталъ меня въ Москвѣ почтенный твой дядя; я желалъ бы сдѣлаться ему извѣстнымъ.

Желаю, любезный другъ, чтобы исполнилось намѣреніе твое жениться. Вѣрное состояніе лучше невѣрныхъ надеждъ. Не каждому благопріятствуетъ служба, и теперь не менѣе, какъ и всегда, необходимо покровительство.

Чтò сдѣлалось съ le petit? Давно чрезвычайно не пишетъ, и ты ни слова не говоришь о немъ. Увѣдомь меня, чтò онъ дѣлаетъ?

Прощай, будь благополученъ. Душевно любящій Ермоловъ.

16 Октября 1829. Орелъ.

Я получилъ письмо твое изъ Владимира, отъ 29 Октября; не писалъ доселѣ, поджидая твоего брата.

По адресу тобою данному я писалъ тебѣ въ Петербургъ, но спустя нѣсколько дней вижу въ газетахъ пріѣхавшимъ тебя въ Москву. Не знаю, чтò сдѣлается съ письмомъ. Жаль 700 верстъ лишнихъ, чтò не бездѣлица, и потому совѣстно зазывать тебя сюда. И не дѣлай сего: пріѣхать на короткое время не стоитъ труда, лучше послѣ увидимся гдѣ нибудь. Нынѣшнею зимою я въ Москвѣ не буду, но раннимъ лѣтомъ совсѣмъ уже переберусь въ подмосковную. Сіе дѣлается уже и для дѣтей надобнымъ. Старшаго думаю отдать учиться въ пансіонъ.

Всетаки служба не представляетъ тебѣ пріятностей, и я не удивляюсь, что прежде получаетъ мѣсто Мѣшковскій *). У него протекція, а за тебя кто? Ничего не значатъ просьбы человѣка умершаго политически; знаешь, о комъ я говорю. Лучше гораздо, если ты успѣешь сладить женидьбу, а при состояніи и служить удобнѣе можно, и даже безъ службы существовать пріятно. Не упускай, пока еще игривый румянецъ украшаетъ нѣжныя и пухловатыя щеки. Померкнетъ, и жена требовать будетъ прочнѣйшаго въ замѣну. Тутъ нельзя будетъ питаться надеждою будущихъ наслажденій. Женщины любятъ настоящее, и въ семъ смыслѣ у нихъ минута дорогà.

Не вкусилъ ли ты проѣздомъ чрезъ Москву искусственной водицы? Тамъ готовились подражать Кавказскому источнику богатырской воды. Ты нахмурился, но тихонько; я знаю, что не пренебрежешь совѣтомъ добраго пріятеля. Тамъ же можно разсказывать, что пользуешься отъ грудной болѣзни, которая напоминаетъ молодость нѣсколько бурливую, Въ Москвѣ восхищены всякимъ геройскимъ подвигомъ, и это въ своемъ родѣ важные подвиги. Старушки и женщины искусныя возгремятъ тебѣ хвалу.

Каковъ le petit, пустившійся въ большой свѣтъ и въ любовныя интриги, которыя бывало прежде не превосходили унтеръ-офицерскаго ранга? Ко мнѣ уже болѣе трехъ мѣсяцевъ онъ совсѣмъ не пишетъ. Я думалъ даже, что его нѣтъ въ Петербургѣ. Подобной лѣни я не ожи-

*) Зять Марченки.

далъ отъ него; впрочемъ ничто иное какъ лѣнь, ибо не могъ я подать никакой другой причины; ты самъ знаешь. Зачѣмъ же лгалъ онъ тебѣ, что часто ко мнѣ пишетъ?

Умерла достойнѣйшая Марья Ардаліоновна [1]). Воображаю положеніе Петра Андреевича. Я слышалъ, что онъ ѣдетъ въ Петербургъ.

20 Ноября 1829. Орелъ.

Получилъ письмо твое изъ Шуи отъ 1-го Декабря и воспоминаю о Денисѣ, сказавшемъ разительную истину о постоянствѣ расположенія твоего, котораго никакія обстоятельства не измѣняютъ.

Но со всѣмъ тѣмъ, что видѣться съ тобою есть душевное удовольствіе, я не престаю сражаться противъ намѣренія твоего быть ко мнѣ. Употреблю простое выраженіе: только напорошишь глаза. Не ѣзди, не дѣлай шалости; а вотъ тебѣ пречудесный проэктъ: ты въ Москвѣ будешь въ то самое время, какъ и Денисъ хотѣлъ туда не надолго пріѣхать. Онъ конечно пожелаетъ видѣться со мною, и я предложу ему съѣхаться на половинѣ дороги, то-есть въ Тулѣ у тёски. И ты съ нимъ вмѣстѣ, и мы всѣ тебѣ рады душевно. Я уже говорилъ о семъ съ тёскою. Не правда ли, что мысль богатая, и право первая толковая съ тѣхъ поръ, какъ живу въ деревнѣ? Могутъ справедливо потѣшиться друзья мои, что я поглупѣлъ чрезвычайно, и только того одного мнѣ жаль, что изъ нихъ многіе того примѣтить не умѣютъ. Дабы скрыть сколько возможно, я употребляю уловку самъ говорить о томъ, сдѣлавъ наблюденіе, что ни одинъ изъ дураковъ того не дѣлаетъ. Я могъ бы указать на людей весьма знаменитыхъ.

Тёска недавно здѣсь проѣхалъ, и въ Малороссіи встрѣтился съ Петромъ Максимовичемъ [2]), который живетъ порядочно, получивъ по наслѣдству изрядное имѣніе; о возвращеніи въ Грузію не весьма помышляетъ.

О бюстѣ пишешь какъ о сокровищѣ, и я поздравляю тебя съ рѣдкостію! Довъ, не перенесъ сего и умеръ [3]). Вотъ каково меня обезобразить!

Наливкою твоею восхищаю рѣдкихъ посѣтителей моихъ. Отъ клюковнаго морса не откажусь.

А знаешь ли ты, что великій музикусъ нашъ Соколовскій [4]) же-

---

[1]) Урожденная Тарсукова, супруга П. А. Кикина.

[2]) Устимовичемъ, служившимъ при Ермоловѣ.

[3]) Бюстъ Ермолова дѣлалъ самъ Доу, написавшій чудесный его портретъ.

[4]) Чехъ, капельмейстеръ Кавказскихъ войскъ.

нится на Еленѣ Христофоровнѣ. Братъ Петръ Николаевичъ о томъ увѣдомляетъ. Не пьяный не можетъ того сдѣлать.

Старикъ мой отъ души тебѣ кланяется и обвороженъ тобою. Дѣти мои научены почитать тебя.

23 Декабря 1829. Орелъ.

Письмо твое, любезный Николай Викторовичъ, доставилъ мнѣ Л. А. М., и сколько ни случилось съ тобою непріятностей, хорошо по крайней мѣрѣ, что ты уже здоровъ. Вижу съ сожалѣніемъ, что счастіе по службѣ тебѣ не благопріятствуетъ. Неужель могъ ты породить зависть въ комъ нибудь, и дѣлаютъ тебѣ препятствія? Не таковы успѣхи счастливыхъ! Посмотримъ, не будетъ ли тебѣ годенъ на что нибудь Андрей Ивановичъ, человѣкъ прекраснѣйшій и который также не хочетъ забыть обо мнѣ.

Что̀ сказать о себѣ? Разлитіе, распутица во всѣ праздники удержали меня въ деревнѣ, и я даже не видалъ старика моего. Ты знаешь уединенное мое пребываніе, и уже почти цѣлый годъ нѣтъ единственнаго моего сосѣда Л. В. Давыдова.

О Грузіи, знаю по слухамъ, что дѣлаются розыски о злоупотребленіяхъ прежняго начальства, но со всѣмъ тѣмъ думаю, что нынѣшнему небольшой предстоять будетъ трудъ исправить прежніе безпорядки. Тамъ составилась кампанія для усовершенствованія винодѣлія. Извѣстный Мартиненго [1]) и Ванька Каинъ [2]) играютъ въ ней важныя роли. Сей послѣдній, по благоволенію начальства, сдѣлался богатымъ весьма человѣкомъ. Первому же видѣлъ въ газетахъ, что дана великолѣпная земля, которую конечно бы при мнѣ не достали у казны. Сказываютъ что Нина, нѣкогда прелестная, находитъ утѣшеніе. Въ семействѣ не встрѣтитъ она примѣровъ поражающихъ строгою добродѣтелью.

Отъ Романа Ивановича [3]) получаю иногда письма. Онъ живетъ у зятя своего [4]) и въ большомъ недостаткѣ, удѣляя изъ скудныхъ средствъ своихъ нуждающемуся семейству. Невеликодушно поступилъ съ нимъ его могущественный начальникъ.

Le petit совсѣмъ забылъ обо мнѣ. Одолѣло его мое ничтожество, и вѣроятно прилѣпился онъ къ кому нибудь изъ счастливѣйшихъ. Но пріятельски прошу тебя не говорить ему о семъ ни слова, ибо не хочу, чтобы думалъ онъ, что я упрекаю. Насильственно ни у кого не вырываютъ добраго расположенія.

---

[1]) Это докторъ.—[2]) Иванъ Осиповъ Курганов.—[3]) Фонъ-деръ-Ховена. — [4]) Морица Коцебу.

Ребятишки мои тебѣ кланяются. Северъ особенно тебя помнитъ, и когда заслуживаетъ за что нибудь похвалу, его въ награду называютъ твоимъ именемъ.

14 Апрѣля 1830. Изъ деревни.

Въ тотъ самый день какъ проѣзжалъ Николай Михайловичъ [1]), нечаянно былъ я въ городѣ; но письмо твое было уже отправлено въ деревню и разошлось со мною. И такъ, первая мысль представится тебѣ, что, при свиданіи съ нимъ, я забылъ о тебѣ. Нѣтъ, другъ любезный: не нужно было письма̀ твоего, чтобы я помнилъ, и вотъ тому нѣкоторое доказательство. По возвращеніи беретъ онъ тебя къ себѣ, и когда сказалъ я ему, что о томъ тебя увѣдомлю, онъ прибавилъ, чтобы извѣстилъ я тебя отъ его имени. Я не сумнѣваюсь въ семъ, ибо онъ хорошаго весьма о тебѣ мнѣнія по отношеніямъ г-на Фондуклея [2]), который, какъ онъ сказывалъ, у него служитъ. Не знаю я сего господина, но нетрудно понять, что его о тебѣ отзывы наиблагороднѣйшіе, и конечно желаетъ онъ тебѣ добра. Жаль, что ты безуспѣшно много потерялъ времени; но вина на моей сторонѣ, ибо я судилъ слишкомъ простодушно, а справедливѣе сказать глупо, то-есть по себѣ. Впрочемъ, можетъ, передалъ я тебѣ и частичку собственнаго счастія. Если ты замѣтишь, то старайся отъ него отдѣлаться, ибо оно не одну только спину мнѣ показываетъ. Николай Михайловичъ того же пріятнаго обращенія, того же, какъ и прежде, расположенія обязательнаго, и ты стараться долженъ заслужить его вниманіе, въ чемъ и нетрудно будетъ тебѣ успѣть, продолжая тоже поведеніе, которое всегда пріобрѣтало тебѣ отъ всѣхъ уваженіе. Отъ души желаю тебѣ болѣе счастія.

И такъ тамъ и въ поминѣ обо мнѣ нѣтъ! Это не новое, хотя бы, впрочемъ, и могло быть иначе. Я уже ко многому привыкъ. Не правду ли я сказалъ, что наскучило мое ничтожество?... Я давно замѣтилъ сіе, но не давалъ почувствовать, и ты весьма хорошо поступилъ, что тоже самое сдѣлалъ. Не надобно огорчать укоризною безполезно.

Я живу въ деревнѣ постоянно и въ городъ пріѣзжаю навѣстить моего старика, который тебѣ усердно кланяется. Принялся я за лѣкарства противъ неукротимыхъ моихъ лишаевъ и буду бороться съ ними. Ребятишки мои приносятъ тебѣ почтеніе. У Севера есть сюртукъ, въ которомъ онъ воображаетъ, что похожъ на тебя. Онъ хочетъ упо-

---

[1]) Статсъ-секретарь Лонгиновъ.

[2]) Ивана Ивановича (впослѣдствіи члена Госуд. Совѣта). Его отецъ, Иванъ Юрьевичъ, въ Потемкинское время служилъ писаремъ у Ѳадеева.

добиться тебѣ въ щегольствѣ, а я бы желалъ, чтобы умѣлъ онъ тебя передразнить во многихъ другихъ свойствахъ.

1 Іюня 1830. Орелъ.

И такъ, любезный Николай Викторовичъ, ты перемѣнилъ мѣсто твоего служенія и прежнее оставилъ безъ пріобрѣтенія даже малѣйшей выгоды. Признаюсь тебѣ, что я ожидалъ совсѣмъ иного. Впрочемъ обстоятельства перемѣнчивы, и нѣтъ ничего новаго подъ луною. Желаю отъ души, чтобы тебѣ счастливѣе было новое служеніе, въ чемъ, кажется, не должно сомнѣваться, по прекраснымъ свойствамъ твоего начальника и по благорасположенію къ тебѣ. По крайней мѣрѣ онъ обѣщалъ мнѣ имѣть тебя во вниманіи. Надобно тебѣ заботиться о жалованьи, ибо по состоянію твоему трудно безъ онаго содержать себя въ столицѣ.

На сихъ дняхъ получилъ я письмо отъ Алексѣя Александровича и успокоенъ совершенно на счетъ его. Онъ благополучно проѣхалъ мѣстами, гдѣ свирѣпствовала холера, а въ Грозной, гдѣ дивизіонная квартира, и окрестностяхъ, она была слаба и произвела весьма мало вреда. Равно какъ и тебѣ, жаль мнѣ Ефимовича [1]) и прекраснаго Унгерна [2]); но досадно, что никто не пишетъ о многихъ другихъ, о которыхъ желалъ бы я не менѣе имѣть извѣстіе. Съ водъ, какъ слышно, разбѣжались испуганные посѣтители, и между прочими повелитель правовѣрныхъ. Не знаю, что́ сдѣлалось съ Жихаревымъ, который былъ тамъ для утвержденія колеблющагося носа. Вѣроятно молодая пригожая жена о томъ заботилась. А онъ гордъ чрезвычайно, что ежегодно производитъ наслѣдниковъ!

Благодарю тебя за извѣстіе о женитьбѣ Суворова. Давно уже слухи давали ему въ супруги красавицу Урусову; другіе говорили, что будто она не приняла предложенія его. Теперь уже нѣтъ сумнѣнія [3]), и я воображаю Суворова совершенно счастливымъ. По благороднымъ свойствамъ его, онъ совершенно того достоинъ, и я, нѣкогда по дружественному расположенію ко мнѣ отца его, по тѣмъ чувствамъ, которыя онъ самъ начиналъ мнѣ оказывать въ короткое время его пребыванія со мною, я желаю ему отъ чистаго сердца всякаго счастія. Поклонись ему отъ меня и скажи, что всегда съ особеннымъ удовольствіемъ его вспоминаю.

---

[1]) Командира Гребенскаго казачьяго полка, умершаго отъ холеры.

[2]) Укрѣплявшаго Терекъ въ Кизлярѣ.

[3]) Князь А. А. Суворовъ женился на фрейлинѣ Любовь Васильевнѣ Ярцовой.

Не знаю, какъ адресовать le petit и потому прошу отдать ему у сего приложенное письмо. Послѣ долгаго весьма молчанія, онъ вздумалъ написать ко мнѣ. Не говори однакоже ему, что молчаніе его казалось мнѣ страннымъ. Прощай! Душевно любящій Ермоловъ.

6 Октября 1830. Орелъ.

P. S. Я полагаю, что письмо мое уже не найдетъ Алексѣя Ѳедоровича; но впрочемъ какъ пріѣзжающіе по дѣламъ въ столицу не могутъ навѣрно опредѣлять время своего тамъ пребыванія, и потому случиться можетъ, что онъ еще у васъ: скажи ему мое почтеніе и что я его ожидаю нетерпѣливо. Не пишу ему единственно потому, что увѣренъ не могу быть, что онъ точно еще въ Петербургѣ.

Дѣти мои тебѣ кланяются. Северъ непремѣнно всякій день тебя помнитъ и научаетъ послѣдняго *), котораго ты не знаешь, любить тебя. И этотъ молодецъ преизрядный!

Благодарю, любезный Николай Викторовичъ, за письмо отъ 8 Ноября. Всегда очень желаю знать, чтó съ тобою дѣлается, и пріятно мнѣ ожидать, что новая твоя служба будетъ тебѣ полезнѣе. Старайся обратить вниманіе твоего начальника. Нравиться не маловажное дѣло. Я не говорю по собственному опыту, ибо я принадлежу къ числу чудаковъ, у которыхъ ничего не проигрываютъ тѣ, кои не весьма нравятся; но ты живешь съ людьми порядочными, и конечно между ними рѣдко попадаются чудаки. Не худо однакоже, если бы кто ловкимъ образомъ напомнилъ о твоемъ жалованьи, ибо безъ онаго съ твоимъ состояніемъ трудно жить въ столицѣ. Впрочемъ хорошо, что въ отношеніи къ сему предмету ты осторожно поступаешь. Я не противорѣчу тому, чтобы со временемъ получить мѣсто въ губерніи. Напротивъ, имѣя постоянное, можно будетъ подумать и о женитьбѣ, и какъ нѣжности не замѣняютъ пищи, то позволительно помыслить и о состояніи. Невозможно вѣчно жить побѣдами надъ прелестнымъ поломъ, и побѣды сіи наиболѣе неприбыточны. Помню при семъ случаѣ благодѣтельную старушку, которая научила тебя проклятому пасіансу, который ты конечно употреблялъ во время отдохновенія отъ любовныхъ ошибокъ. Воображаю удовольствіе твое, что я представляю тебя удалымъ бойцемъ. Опускаемъ завѣсу на горькія неудачи и.... ни слова! Смѣялся я весьма о сынѣ Лудвига XVI и не понимаю, какъ можно напечатать подобную нелѣпость. Хотѣлъ бы, чтобы еще разъ то повторено было, и не сумнѣваюсь, что

*) Это Николай Алексѣевичъ Ермоловъ, рожденный уже по оставленіи Кавказа отцомъ его.

найдутся многіе вѣрующіе. Будутъ и такіе, что станутъ говорить, что давно замѣчаема была въ немъ высокая порода; найдутъ сходство въ лицѣ, въ ухваткахъ, станутъ жалѣть, что природную Французскую ловкость обезобразило Нѣмецкое воспитаніе. Впрочемъ, если и не будетъ онъ королемъ, то довольно нехудо и теперешнее его положеніе.

Отъ тёски имѣлъ я два письма, и до того весьма боялся за его здоровье. Линію порядочно посѣтила злодѣйка-холера. Что̀ значитъ, что повелитель возвратился? Или почелъ горцевъ недостойными его перуновъ? Не прикинулись ли они покорными? Но ты говоришь, что ихъ карать будетъ начальникъ штаба. Это не комплементъ мѣстному начальнику. Грузія, какъ слышно, много потерпѣла отъ заразы. Правду говоришь ты, что во время пребыванія нашего счастливо мы отъ всего отдѣлались. Я какъ талисманъ отъ подобныхъ случаевъ, и точно можно многое отнести къ моему счастію. Долго еще буду я воспоминаться въ той странѣ....

Жаль мнѣ Нагибина [1]). Хотя весьма не оправдываю я его поступка, но я слышалъ, что его разстроилъ съ старикомъ И. А. [2]) братъ его, который, какъ говорятъ, преизрядный плутецъ. Онъ проѣзжалъ здѣсь, и признаюсь, не очаровалъ меня. Что́ будетъ дѣлать Нагибинъ безъ всякихъ средствъ существованія? Онъ до сего всегда былъ честнымъ человѣкомъ. Р. И. Ховенъ живетъ въ Курской губерніи, ѣхалъ ко мнѣ, но встрѣченный 14 дневнымъ карантиномъ возвратился, и я не знаю когда уже мы увидимся.

Попался тёска Алексѣй Ѳедоровичъ и не знаетъ, какъ выѣхать. Досадно, если на шелководство его не обратятъ достаточно вниманія. Можно бы изъ предлагаемаго имъ большую извлечь пользу. Жду его съ нетерпѣніемъ и не пишу потому, что нѣтъ сумнѣнія, что письмо его уже не застало бы. Теперь, съ разными предосторожностями, письма идутъ несравненно долѣе.

Скажи мое совершеннѣйшее почтеніе Петру Степановичу. Не умѣю сказать тебѣ, какъ я былъ радъ, что сдѣлался ему извѣстнымъ. Онъ видалъ меня у Василья Степановича Попова, но едвали замѣтилъ, ибо я былъ что-то такое въ родѣ Сухозанета, не имѣя однакоже знаменитыхъ его свойствъ. Мнѣ чрезвычайно было пріятно вниманіе, котораго старикъ меня удостоилъ.

24 Ноября 1830. Орелъ.

---

[1]) Василій Аѳанасьевичъ Нагибинъ, позднѣе губернаторъ въ Тобольскѣ.

[2]) И. А. Вельяминовымъ, который былъ на 15 лѣтъ старше Алексѣя Александровича.

Наконецъ, дождался я Алексѣя Ѳедоровича, который, пробывши у меня дней нѣсколько, отправился, по дѣламъ своимъ, обратно въ Москву. Онъ былъ у меня съ цѣлымъ грузомъ твоихъ подарковъ моимъ ребятамъ. Севера нѣтъ счастливѣе на свѣтѣ, и я въ немъ ободряю нѣкоторое чувство гордости, что ты называешь его другомъ. Кажется, всѣ они въ жизни своей немногихъ будутъ считать таковыми, и я передамъ имъ весьма небогатый запасъ собственныхъ.

Итакъ, ты проводилъ брата своего въ походъ. Не продолжителенъ долженъ быть оный, ибо безумные замыслы измѣнниковъ вскорѣ низпровержены будутъ. Ихъ пріуготовятъ къ тому и собственные раздоры, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ.

Недавно видѣлъ я одного проѣзжаго изъ Грузіи, разспросилъ о прежнихъ знакомыхъ, которые также нѣсколько меня помнятъ; пожалѣлъ о нѣкоторыхъ пораженныхъ холерою. Кто бы думалъ, что ускорить смерть Соколовскаго немало способствовала вода. Онъ совершенно пересталъ пить вино и слишкомъ неосмотрительно употреблялъ минеральную воду, которая, разслабивъ тѣло, можетъ быть, расположила его къ принятію вліянія болѣзни. Но Краќовскаго вы уморили въ Петербургѣ, а онъ не мыслитъ доселѣ повиноваться вашему приговору. Дѣтей своихъ онъ похоронилъ; не неужели, имѣя пригожую жену, трудно укомплектовать ихъ? Этого не умѣетъ сдѣлать одинъ Жихаревъ, который, говорятъ, похудѣлъ и постарѣлъ невѣроятнымъ образомъ.

На сихъ дняхъ имѣлъ письмо отъ тёски, который здоровъ; недавно выходилъ для наказанія непокорныхъ Чеченцевъ. Онъ поступаетъ по прежнему и, кажется, довольно изрядно, пока по новому образу придумаютъ лучше.

Я сижу въ деревнѣ. У меня живетъ Романъ Ивановичъ, котораго преслѣдуютъ различныя болѣзни. Онъ повѣствуетъ мнѣ случаи временъ протекшихъ и дѣянія великихъ героевъ. Въ городъ ѣзжу я навѣстить моего старика, и не иначе, какъ на короткое довольно время.

26 Генваря 1831, изъ деревни.

Каково награждена знаменитая экспедиція въ Осетію Ренненкамфа?

Давно, любезный другъ, Николай Викторовичъ, не писалъ я тебѣ, но совершенно и сказать нечего: живу въ глуши ужаснѣйшей. Я не благодарилъ даже и за Béranger, а подарокъ поистинѣ прекрасный. Ты удивишься подателю письма и конечно не ожидалъ его видѣть. Услышишь отъ него много любопытнаго, и я разспрашивалъ о странѣ, гдѣ столько времени я прожилъ, и не всегда безполезно. Тамъ, какъ

онъ говоритъ, еще нѣкоторые меня помнятъ; спроси между прочими и о шельмовствѣ que les yeux me crevent. Онъ не просто поступаетъ. Какъ многому можно научиться при хорошемъ начальникѣ! Ты услышишь, какъ все тамъ перемѣнилось, какъ все въ большемъ несравненно размѣрѣ. Я радъ весьма, что неосновательными оказались слухи насчетъ смерти шельмовства. Его уморили какъ шаха, и оба здравствуютъ!

Письмо сіе, вѣроятно, получишь послѣ Святой, и уже конечно отпразднуете покореніе Варшавы. Худое время сдѣлало побѣды не столько быстрыми, какъ того можно было ожидать при нашихъ средствахъ; однакоже и Поляки жестоко огрызаются! Какъ доселѣ они существуютъ, и неужели еще въ состояніи противиться? Непонятное дѣло!

Въ Маѣ предполагаю я ѣхать въ подмосковную и принимаюсь за построеніе библіотеки, чтó весьма меня занимаетъ. Великолѣпное зданіе сіе будетъ до 14 аршинъ въ фасадѣ, и натурально въ одинъ этажъ. Можетъ быть, проѣздомъ къ старику твоему, когда нибудь посѣтишь меня, и я приму съ душевною радостію стараго сослуживца.

9 Апрѣля 1831. Изъ деревни.

Имѣя случай, не писать къ любезному Николаю Викторовичу непростительно, а потому скажу нѣсколько словъ, которыя дополнитъ повѣствованіемъ Романъ Ивановичъ. Ты доволенъ будешь свиданьемъ сего благороднѣйшаго человѣка.

Теперь ты вѣрно имѣешь уже письмо мое съ Молочковымъ. Воображаю, сколько удивитъ онъ тебя своимъ появленіемъ. Онъ весьма любопытныя знаетъ вещи и имѣетъ великодушіе не скрывать, что немало способствовалъ паденію его Левашевъ, котораго зналъ ты при мнѣ казакомъ, нынѣ весьма значущая особа у начальницы. Не худо, если хотя одного произведетъ онъ на свѣтъ подъ великолѣпнымъ именемъ, чтобы въ семьѣ было что-нибудь хорошаго. Забавно, если это правда.

Отъ брата Льва Васильевича, узналъ я, что le petit отправленъ въ Витебскъ. Онъ конечно не будетъ подверженъ большимъ опасностямъ; но, если благоволятъ ему начальники, могутъ однакоже чѣмъ нибудь поправить его службу. Я радъ сему, и меня утѣшаетъ то, что онъ могъ отдѣлаться отъ прелестницы, которая, по словамъ твоимъ, могла бы прибрать его къ рукамъ. Однакоже, не вѣрю я, чтобы онъ тебя ревновалъ; ибо когда богатырская вода не помогла, неужели что нибудь въ состояніи была произвести Невская? Вытерпливалъ я хвастовство, и бывало ты не краснѣешь; а за тысячу верстъ еще легче.

Скажи однакоже, какая нужда была прочитывать каждому мои письма? Нечѣмъ хвастать, что я пишу; полезнѣе было бы заставить забыть, что онъ когда-нибудь служилъ при мнѣ. Впрочемъ, отецъ его не писалъ бы ему лучшихъ наставленій, даже относительно и самыхъ домашнихъ дѣлъ. Всегда внушалъ я ему терпѣніе, смирялъ излишнюю порывчивость.

Я не слыву за хорошаго человѣка; однакоже, умѣю не сердиться на тебя, и по прежнему въ любезномъ Шимановскомъ пріятно мнѣ находить всѣ тѣ свойства, которыя душевно я уважаю. Пиши ко мнѣ въ Москву на имя Н. И. Похвиснева*). Я скоро намѣреваюсь отправиться въ подмосковную, а лѣтомъ перетащу и ребятишекъ.

5 Мая 1831. Орелъ.

Ты знаешь или, по крайней мѣрѣ, слышалъ о хорошемъ знакомомъ моемъ Александрѣ Дмитріевичѣ Боборыкинѣ. Онъ просилъ меня передать тебѣ записку о его дѣлѣ, и я при семъ ее препровождаю. Ему дѣлаютъ пакости здѣшніе откупщики, и вотъ въ чемъ состоитъ его желаніе. Дѣло уже доведено до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ, то чтобы оно не было предано забвенію или бы не подверглось чрезвычайной медленности, постарайся о томъ съ своей стороны посредствомъ твоихъ знакомыхъ. Въ послѣдствіи, буде нужно будетъ, самъ уже Боборыкинъ адресуется къ тебѣ, и уже взялъ у меня твой адресъ. Можетъ, найдешь ты средство попросить кого нибудь, чтобы и у министра финансовъ не залежалось дѣло, куда вѣроятно оно препроводится; сдѣлай дружбу, не откажи.

Вчера отъ тёски, изъ Грозной, получилъ, что онъ на Святой недѣлѣ выступаетъ въ Рязань. Радъ весьма, что близко къ роднымъ, и желаетъ видѣться со мною. Но слышно, что корпусъ изъ Москвы выходитъ въ составъ резервной арміи, и тёску, можетъ быть, съ дороги туда же направятъ, и его ожиданія не исполнятся, чтó мнѣ чрезвычайно жаль. Le petit также пишетъ изъ мѣста новаго своего пребыванія, гдѣ ему будетъ не безъ хлопотъ. Желаю, чтобы уже перемѣнилось его положеніе, которое ничего добраго не обѣщало; но примѣтно, что онъ неохотно разстался съ Петербургомъ. Видно привязала его прелестница. Что, если бы ты похитилъ у него красавицу? У васъ произошла бы баталія, но плутъ зналъ хорошо, что.... тебя бояться не должно. А какъ ты думаешь, любезный Шимановскій, вѣрю ли я тому? Помню, что воды ни къ чему не послужили, и оказалось къ тому, что въ Ека-

---

*) Служившаго экзекуторомъ въ почтамтѣ.

терипградѣ имѣлъ ты весьма дѣятельнаго сотрудника, которому приписываютъ всю славу подвига. Впрочемъ, чего нельзя ожидать отъ молодыхъ лѣтъ и (хотя по необходимости) отъ воздержной жизни? Теперь конечно досадно.

10 Мая 1831. Орелъ.

Я живу по прежнему у брата, прилежно наблюдаю за производствомъ строеній, которыя идутъ успѣшно, и я утѣшаюсь библіотекой; весьма скоро увижу ее отдѣланною вчернѣ. Позволяю себѣ нѣкоторыя прихоти, и до того даже, что приступилъ къ другому еще строенію, польза коего признана всѣми вообще: это будетъ погребъ. Съ того времени какъ вмѣстѣ съ тобою были мы въ Москвѣ, я глазъ тамъ не показывалъ, ибо книгопродавцы не получили своихъ транспортовъ, а до другого, какъ ты знаешь, нѣтъ мнѣ дѣла. Новостей множество, большею частію нелѣпыхъ, и я, мало вѣривши имъ въ отдаленіи, по мѣрѣ приближенія къ словоохотливой Москвѣ еще менѣе нахожу ихъ достойными довѣрія. Воейковъ, преблагороднѣйшее существо, посѣщаетъ насъ всякую почти недѣлю. Отъ брата Льва Васильевича [1]) имѣю я письма изъ Тверской ихъ деревни, куда онъ удалился, бѣжавши отъ холеры Петербургской, гдѣ оставилъ онъ дѣла, въ которыхъ не ожидаетъ никакого благопріятнаго оборота и увидѣлъ наконецъ, что на нихъ вниманія даже не обращаютъ. Здѣсь Евдокимъ Васильевичъ [2]) съ женою, и мы къ брату Льву послали вмѣстѣ зазывную грамоту, на которую ждемъ отвѣта. Изъ Орла давно не имѣю извѣстій и слышу, что тамъ свирѣпствуетъ холера. Говорятъ, что проѣзжающіе минуютъ городъ. О ребятишкахъ ничего не знаю, а они живутъ въ городѣ.

Тёска на дняхъ пишетъ, что 21 числа онъ долженъ быть въ Рязани. Я думалъ, что могущественный его начальникъ возметъ его къ себѣ, и не понимаю, какъ то не сдѣлалось. Доброму Роману Ивановичу улыбнулась надежда получить прекрасное мѣсто по Горному Департаменту, которое дастъ ему средства быть полезнымъ службѣ усердіемъ своимъ и рѣдкимъ безкорыстіемъ, и въ тоже время возможность помогать своимъ дѣтямъ.

Я намѣреваюсь въ началѣ будущаго мѣсяца ѣхать къ старику моему, который скучаетъ моимъ отсутствіемъ, и постараюсь дѣтей перевезть сюда на житье. Вотъ все, что̀ я нашелъ написать тебѣ, и уже

---

[1]) Давыдова. Онъ позднѣе служилъ директоромъ Кадетскаго корпуса въ Москвѣ.

[2]) Предсѣдатель военнаго суда.

болѣе ничего не осталось. Прощай, будь благополученъ, люби меня по-прежнему и ты только квитаться будешь съ моею къ тебѣ привязанностію.

27 Іюля 1831. Изъ подмосковной.

А. А. Вельяминовъ 21 Іюля съ дивизіею прибылъ въ Рязань, а 26-го числа получилъ съ фельдъегеремъ повелѣніе отправиться на Кавказскую линію и начальствовать оною до выздоровленія генерала Эмануеля [1]), котораго Чеченцы, подъ крѣпостью Внезапною, прострѣлили насквозь въ грудь. Тамъ, слышно, дѣла не въ наилучшемъ видѣ, не взирая, что войскъ несравненно болѣе прежняго. Пишетъ le petit, что за дѣйствія противъ мятежниковъ въ Литвѣ Верзилинъ [2]) представленъ въ генералъ-маіоры. Это преизрядный пролазъ. Майвальдовъ [3]) вышелъ въ отставку съ большимъ весьма пенсіономъ, едва ли не вдвое противъ добраго Романа Ивановича.

Я живу у брата П. Н., и родныхъ съѣхалось сколько я никогда не видывалъ. Жена брата Дениса, Евдокимъ Васильевичъ и его жена съ сестрою, Левъ Васильевичъ, и намъ весьма не скучно. У насъ Воейковъ, и объ тебѣ, любезный Шимановскій, мы часто поговариваемъ. Библіотека моя вчернѣ приходитъ къ окончанію. Въ домѣ сдѣлалъ я большія перемѣны. Изъ Орла намѣреваюсь перевезти моихъ ребятишекъ и здѣсь зимовать съ семействомъ.

О кончинѣ достойнаго Петра Степановича я зналъ прежде тебя, но въ письмѣ къ тебѣ не упомянулъ, знавши, сколько то огорчитъ тебя. Если бы не холера, по здоровому его сложенію нельзя было ожидать того. Ты, любезный другъ, потерялъ человѣка тебя любившаго.

Въ Сентябрѣ я надѣюсь возвратиться изъ Орла; хорошо, если къ тому времени ты кончишь дѣла твои. Въ Осоргинѣ будетъ особая и покойная для тебя комната. До того мы не увидимся, и въ Орелъ я тебя не зову, гдѣ самъ, не знаю я вѣрно, сколько долженъ буду прожить.

Августа 1831. Собакино.

Письмо чрезъ С. А. Маслова мнѣ доставлено. Благодарю за все о чемъ увѣдомляешь. Графиня необыкновенно добра и любезна, но въ переписку съ нею я не хотѣлъ бы вступать, ибо этому дадутъ разные толки. Кн. Л. [4]) точно оказывалъ мнѣ уваженіе, и можетъ быть, не со

---

[1]) Венгерецъ, вышедшій въ люди въ царствованіе Павла.

[2]) Командиръ Горскаго казачьяго полка, женатый на вдовѣ Клингенбергъ.

[3]) Казначей въ канцеляріи намѣстника.

[4]) Князь Ливенъ? П. Б.

многими былъ столько откровененъ. Я радъ, что ты повидался съ нимъ. Изъ прежнихъ писемъ моихъ увидишь причину, почему я не ѣду за границу, но и на Кавказъ, думаю не должно мнѣ ѣхать; ибо Меншиковъ не даромъ далъ тебѣ сіе разумѣть въ разговорѣ. Это могло бы сдѣлать непріятность тёскѣ, и меня припутали бы къ какому нибудь происшествію, а конечно уже сказали бы, что я мѣшаюсь съ моими совѣтами, хотя въ нихъ тёска ни малѣйшей не имѣетъ надобности, лучше гораздо меня зная обстоятельства. Вотъ положеніе мое, и по необходимости я долженъ довольствоваться здѣшними водами. Весною я за нихъ принимаюсь непремѣнно. До того хорошо бы мнѣ побывать у васъ; но я жду, что́ скажетъ гр. Орловъ, ибо вѣроятно онъ хотѣлъ имѣть время или спросить, или предупредить, дабы пріѣздъ мой не былъ неожиданнымъ или не показался страннымъ. Можетъ быть, онъ уже и забылъ о томъ, что́ говорилъ тебѣ и что хотѣлъ за тобою прислать. Господамъ симъ нельзя напоминать, но не безполезно было бы попасть ему на глаза и дать себя замѣтить. Поступи такимъ образомъ, и посмотримъ, что́ будетъ. Или нѣтъ ли у тебя знакомаго, который бы или о тебѣ сказалъ или упомянулъ вскользь обо мнѣ. Весною на одинъ мѣсяцъ я бы пустился.

Вы теперь возитесь съ великимъ вождемъ; но чѣмъ забавляете вы его въ великій постъ? Упражненія его дѣла государственныя, а въ отдохновеніе даютъ ему празднества! Въ первыхъ онъ себя вамъ покажетъ, а послѣдними онъ тогда только доволенъ будетъ, когда на нихъ играетъ онъ первую ролю. Я думаю, онъ напугалъ, заболѣвши въ Брестѣ? Это ловко.

Поблагодари молодаго героя Розена за портреты Кази-Муллы и за то, что меня помнитъ. Я отъ души любовался имъ, и я радъ за отца его, всегда прежде добраго мнѣ пріятеля; воображаю, сколько онъ его утѣшаетъ собою. Желаю счастія сему доброму семейству. Кази-Мулла взбѣситъ Варшавскаго, котораго завоеванія и побѣды не укротили Кавказа, и что безъ него могли смирить оный. Надобно, чтобы у него былъ экземпляръ, который бы напоминалъ, что и послѣ него осталось что́ дѣлать въ той сторонѣ. Есть портреты Варшавскаго, да и Кази-Муллы есть портретъ! Въ своемъ родѣ, можетъ быть, сей и не менѣе знаменитъ!!!

Скажи мое почтеніе князю М. А. Дундукову-Корсакову, который припомнилъ меня. Я любилъ его еще молодымъ человѣкомъ, а послѣ онъ доказалъ мнѣ самымъ пріятнымъ образомъ свое доброе расположеніе. Мнѣ помнится, я сказывалъ тебѣ, что онъ хлопоталъ о сиротахъ

моихъ. Они тебѣ кланяются, безпрестанно помнятъ. Съ Н. П. Пражевскимъ [1]) пиши, а я и благодаренъ тебѣ, и люблю тебя душевно.

9 Марта. Изъ деревни.

Мнѣ совѣстно чрезвычайно, что почтенная матушка твоя занимается моими ребятишками, тогда какъ и самъ я ей неизвѣстенъ. Твои же отношенія на счетъ мой, право, не безпристрастны, и я боюсь, что при встрѣчѣ со мной она найдетъ совсѣмъ другое существо.

Я готовъ былъ отправиться въ Орелъ; но есть вѣрное извѣстіе, что Государь 24 числа будетъ въ Москву на нѣсколько дней, и потому я остался. Выпрося же продолженіе отпуска, пущусь въ путь, гдѣ мнѣ быть необходимо нужно по извѣстнымъ тебѣ моимъ дѣламъ. И время и дороги будутъ прелестныя; но дѣлать нечего, пущусь!

Возвратившійся А. Ѳ. Ребровъ сказывалъ, что былъ у тебя въ Шуѣ, но не засталъ матушки твоей. Собственно говоря о Манчестерѣ вашемъ, утверждаетъ, что онъ города хуже не видывалъ.

Ты увезъ съ собою мой романъ въ двухъ томахъ la Salamandre.

12 Сентября 1832. Москва.

Вотъ тебѣ, любезный Николай Викторовичъ, пространный отвѣтъ на первое письмо твое, по дружбѣ ко мнѣ весьма обстоятельное. Ты правду говоришь вопрошающимъ тебя, что у меня лишаи; ибо они мучатъ меня ужасно, и я непремѣнно весною употреблю здѣшнія искусственныя воды. Теперь связаны у меня руки, и я изъ нихъ не весьма свободное дѣлаю употребленіе; боюсь, чтобы лишаи не раскинулись далѣе.

Весьма вѣрю, что ты хорошо былъ принятъ Леонтіемъ Васильевичемъ [2]); ибо на счетъ его не обманываетъ меня сердце, и онъ утѣшилъ меня письмомъ пріятнѣйшимъ. Я научился быть осмотрительнымъ и уже тому нѣсколько лѣтъ, что подобнаго ему не пріобрѣлъ я знакомаго. Скажи ему, что я жалѣю о потерѣ ихъ, и у меня стало менѣе однимъ сослуживцемъ. Такъ скоро и обо мнѣ скажутъ остающіеся. Поклонись отъ меня достойной супругѣ его [3]). Отъ человѣка моихъ лѣтъ можетъ она выслушать не краснѣя справедливое привѣтствіе. Я говорю, что очарователенъ пріемъ ея; разговоръ ея не повторяетъ того, чтó слышу я отъ другихъ; она не ищетъ выказаться, и не замѣтить ея невозможно.

---

[1]) Николай Прокофьевичъ Пражевскій, правитель канцеляріи у Сакена въ Могилевѣ на Днѣпрѣ.

[2]) Дубельтомъ.

[3]) Урожденной Перской, родственницѣ адмирала графа Н. С. Мордвинова. П. Б.

Съ удовольствіемъ слышу здѣсь, что здоровье графа Бенкендорфа въ лучшемъ положеніи. По деликатнымъ его со мной поступкамъ я не могу не желать ему всего лучшаго. Ты знаешь, любезный Шимановскій, давняя собственность моя, что я не имѣю никакихъ видовъ; слѣдовательно мнѣ нѣтъ нужды искать въ немъ, но знаю, что онъ благородный человѣкъ и желаю, чтобы онъ зналъ меня въ настоящемъ моемъ видѣ. Безъ самолюбія скажу, что я бы не проигралъ. Средствомъ симъ снискалъ бы я спокойствіе, которое одно есть цѣлію моею.

Послѣ тебя не получаю уже я ругательныхъ писемъ Анны Петровны, ибо ядъ нуженъ имъ для другого предмета, и я слышу, что г. Павловъ послалъ просьбу въ Петербургъ, вѣроятно, съ прекрасными насчетъ мой отзывами. Онъ конечно надѣется еще на другой указъ, въ которомъ бы выставлены были высокія его добродѣтели, терпѣливость, умѣренность и безкорыстіе и всѣ гнусные мои пороки. Конечно надобенъ указъ, ибо безъ онаго ничего не возмутъ у меня, а собственнымъ побужденіемъ я не плачу̀ за мерзкіе доносы. Не менѣе того однакоже досадны подобныя дѣла для человѣка не имѣвшаго во всю жизнь никакой тяжбы и споровъ. Какъ давно узналъ я мерзавца Павлова; ибо три года тому, какъ прекращена съ нимъ переписка. Больно, что Анна Петровна соперничествуетъ съ нимъ въ гнусностяхъ.

Весьма любопытенъ для меня разговоръ твой съ гр. Орловымъ; но я не всему вѣрю, что́ онъ тебѣ говорилъ. Можетъ быть, когда нибудь говорилъ ему обо мнѣ Государь, но едвали что въ пользу мою. Скорѣе можно думать, что говорилъ Бенкендорфу, когда тотъ сказалъ, что указъ огорчаетъ меня. Тутъ надобно было сказать что-нибудь! Впрочемъ пріѣхать на двѣ или три недѣли я готовъ, и это мысль короткихъ мнѣ людей, съ которыми могъ я посовѣтываться. Богъ свидѣтель, что я ничего столько не желаю, какъ жить въ Осоргинѣ; но отнюдь также не хочу дѣлать ничего, что̀ можетъ казаться непріятнымъ, и не можетъ входить въ расчетъ мой умничать или упрямствовать, ибо не равны средства. Ты въ разговорѣ можешь сказать гр. Орлову, что я готовъ на всякій поступокъ, которымъ изъявляется должное почтеніе достоинству Государя, ибо кромѣ обязанности всякаго подданнаго, я знаю и то, что сіе нужно для примѣра. Побывай непремѣнно у него, когда онъ пришлетъ за тобою, и старайся въ точности передать, что онъ скажетъ. Не согласенъ я съ мнѣніемъ совѣтующихъ ѣхать за границу. Я знаю, что тамъ было бы мнѣ не скучно, и что лѣчиться тамъ удобнѣе; но если здѣсь, когда живу я уединенно и почти не имѣю знакомствъ, выдумываютъ небылицы, то чего не скажутъ, когда буду за границею и какихъ не припишутъ мнѣ связей, какихъ рѣчей не вложатъ въ уста

мои? Недоброжелатели мои найдутъ обширное поле вредить мнѣ и вымысламъ дадутъ видъ правдоподобія. Нѣтъ, мнѣ не должно ѣхать изъ Россіи! И такъ отложенные тобою 4000 рублей могутъ быть на другое употреблены. Впрочемъ, любезный другъ, я бы позаботился объ экипажѣ, и это не твое было бы дѣло, и я надѣюсь, что мы бы отправились не въ разныхъ; ибо за границей почта составляетъ одну изъ важнѣйшихъ издержекъ, и было бы смѣшно, если бы у каждаго былъ экипажъ особенный; развѣ къ тому ты вздумаешь жениться? Неужели въ дорогѣ проведешь ты les mois de miel? Вижу, какъ досадно тебѣ, что разболтано о бывшемъ намѣреніи твоемъ жениться, и конечно непростительно семейству Мартыновыхъ. Напиши что̀ ты узналъ о нихъ. Какъ мнѣ жаль Катерину, вышедшую за полумертваго. Немного она поживится. Чуть, чуть было не таже участь и старшей. Видно такъ предопредѣлено! Не знаю, но что-то говоритъ мнѣ, что не должно жалѣть о неудачѣ.

Скажи Суворову, что я его люблю и увѣренъ въ его дружбѣ, которую не за что отнять у меня, ибо я постояненъ въ моихъ чувствахъ. Скажи ему, что любуюсь его портретомъ, отлично похожимъ. Проси его, чтобы поклонился отъ меня Рауху, котораго много благодарю за воспоминаніе обо мнѣ. Онъ, будучи адъютантомъ храброй Прусской гвардіи, конечно былъ болѣе прочихъ знако̀мъ со мною. Суворовъ станетъ отъ души помогать Роману Ивановичу, какъ старому солдату безъ покровительства; поговори ему, чтобы наклонялъ въ пользу его благороднаго Адлерберга.

Благодарю весьма за уплату долга г-жѣ Волковой и заемное письмо съ надписью: получилъ. Оставшіе проценты пришли мнѣ при случаѣ. Впрочемъ, любезный Николай, можешь употребить изъ нихъ на три штучки гравированныя на мѣди для переплетчика. Увижу по выбору вкусъ твой. Не ударь въ грязь лицомъ. А. М. Княжевичу скажи мое почтеніе и что я весьма благодарю за воспоминаніе о моихъ просьбахъ. Скажи Максиму Константиновичу Крыжановскому мое почтеніе. Недавно видѣлся я съ генераломъ Купріяновымъ, который доказалъ мнѣ, что старый сослуживецъ меня помнитъ.

Дѣтишки мои усердно кланяются, Северъ же особенно; они радуютъ меня тѣмъ, что разумѣютъ тебя благодѣтелемъ. Мусульмане сіи говѣютъ въ Москвѣ и завтра пріобщаются Святыхъ Таинъ. Тоже было и въ прошломъ году и непремѣнно ежегодно. Чѣмъ хотѣлъ вредить подлѣйшій мошенникъ!

22 Февраля 1833. Изъ деревни.

Давно было готово письмо мое къ тебѣ, но Алексѣй Өедоровичъ отложилъ отъѣздъ свой, а между тѣмъ Власовъ *) доставилъ твое письмо, и я къ своему дѣлаю сіе прибавленіе. Правду ты говоришь, что ни одного случая не пропускаешь, но за то знаешь ли, какъ меня тѣмъ утѣшаешь? Получаю изрѣдка письма отъ тёски и теперь твои, одни для меня пріятныя. Не думаю, чтобы кто другой имѣлъ столько малую переписку.

Тёскѣ, по желанію твоему, буду я писать о Власовѣ, котораго чрезвычайно мнѣ жаль; но какъ весьма недавно еще просилъ я его объ одномъ офицерѣ, рекомендуемомъ Воейковымъ, то я боюсь ему наскучить, и потому пиши ты самъ, и сообщи ему, что̀ я говорю на сей счетъ. Однакоже я писать буду. Впрочемъ, это не такъ легко ему сдѣлать. Лучше было бы, если бы онъ былъ назначенъ въ Нижегородской драгунскій полкъ. Какъ гнусно и подло съ нимъ поступлено!

Не удивляюсь пріему, сдѣланному тебѣ кн. Меншиковымъ. Онъ хочетъ закрыть поступки свои въ отношеніи ко мнѣ благовидною наружностію. Много онъ мнѣ вредилъ и теперь продолжаетъ, не знаю за что. Слова его, что я вѣрно не захочу ѣхать на Кавказъ, не сказаны на вѣтеръ. Конечно, о томъ онъ что-нибудь слышалъ. Но не согласенъ я съ нимъ, чтобы ѣхать въ Ахенъ, и подозрительно, что онъ туда меня охотно провожаетъ. Не поѣду я, любезный Николай, и прежде сказалъ тебѣ тому причины. Испытаю лѣчиться здѣсь и посмотрю, что́ дѣлать далѣе. Между тѣмъ поживу въ Осоргинѣ, гдѣ затѣялъ нѣкоторыя постройки вновь, и ты найдешь домъ вывороченный наизнанку. Это будетъ занимать меня. А библіотека!!! Гр. Орловъ, который показывалъ тебѣ столько во мнѣ участія, кажется, отдѣлалъ тебя пустыми словами, сказавъ, что онъ пришлетъ за тобою, когда надобно будетъ. Не думалъ ли онъ, что, по порученію моему, ты будешь посѣщать его и просить о чемъ-нибудь? Въ этомъ онъ ошибся. Подождемъ, не оправдаются ли мои подозрѣнія, и не отзовется ли онъ впослѣдствіи. Но ты самъ, безъ приглашенія, не ходи къ нему. Далѣе отъ знатныхъ лучше.

Ты мнѣ ничего о себѣ не пишешь; но Власовъ сказывалъ, что ты не прочь и въ отставку, если служба не представитъ ничего выгоднѣйшаго. Это жаль, и я не понимаю, почему не хочешь служить въ губерніи, какъ прежде была мысль твоя.

Теперь скажу объ Аннѣ Петровнѣ: если она уже не въ Москвѣ, то на дняхъ ея ожидаютъ. Она съ достойнымъ супругомъ, и конечно,

---

*) Командиръ Моздокскаго казачьяго полка.

не безъ совѣта Бѣгичева, придумали просить, *по бѣдности*, пособія подпискою и къ первому для того обратиться Государю, а потомъ по Россіи. Адская мысль срамить меня алчностію и корыстолюбіемъ. Имѣнія и денегъ, положенныхъ по духовной, не принимаютъ. Думаютъ доказывать, что духовная не законная, и силою взять у меня имѣніе. Какое несчастье имѣть въ семействѣ подобное Павлову животное!

Отдай собственноручно письмо доброму Роману Ивановичу. Приложенное у сего письмо ко мнѣ гр. Воронцова прочти ему и, взявъ обратно, возврати мнѣ при случаѣ.

Какъ не сказать о красавицѣ Мартыновой? Вчера Воейковъ проѣхалъ въ деревню своего отца, и говорилъ, что она задумчива, худѣетъ ужасно, позеленѣла и едвали, не пылаетъ страстію. Не завидуй счастливцу, а я право не жалѣю, что не сдѣлалось. Повидайся съ Александромъ Васильевичемъ *), и заплати ему, изъ оставшихся процентовъ, за починку часовъ Винтергальтеру. Не оставляй общаго пріятеля Гауера, и нѣтъ ли объявленій о новыхъ примѣчательныхъ изданіяхъ въ Парижѣ? Напоминай о моихъ ему порученіяхъ и чтобы доставалъ онъ мнѣ отъ Диксона что̀ у него появится изъ видовъ, какіе онъ для меня у него бралъ.

Прощай, душевно люблю тебя, какъ брата. Прошу убѣдительнѣйше не оставлять ни строки изъ моихъ писемъ: я имѣю причины.

1833. Изъ деревни.

Меня грызутъ лишаи ужасно, и я нетерпѣливо ожидаю весны, чтобы прилежно приняться за лѣченіе. Несносно мучусь, и обѣ руки связанныя не даютъ свободнаго движенія. Какой послѣдователь Ганемана говорилъ тебѣ, что есть легкій способъ излѣчить ихъ и довольно скоро? Не знаю, правда ли, но такъ мнѣ сказывали. Увѣдомь. Какъ досадно мнѣ была медленность А. Ф. Реброва, ибо до того не имѣлъ я случая писать. Можетъ быть, въ Москвѣ нашелъ бы я оный; но тамъ, отговѣвши первую недѣлю, я не былъ до половины шестой. И на святой, развѣ въ концѣ, поѣду взглянуть на забавы народныя. Привыкъ я къ Осоргину, и свидѣтель тебѣ старикъ Романъ Ивановичъ, что, встрѣчая новый годъ, я просилъ Бога, чтобы онъ не лучше былъ прошедшаго. Правда, что г. Павловъ старался позлатить мнѣ оный, но я жилъ покойно, и время мнѣ принадлежало. Теперь, какъ слышу, замышляетъ разныя мерзости, но я ничего другого и не ожидаю.

---

*) Казадаевымъ.

Теперь о комиссіяхъ: Гауеръ имѣетъ переслать ко мнѣ нѣкоторыя вещи. Найди случай доставить мнѣ ихъ не повредя. Теперь нѣтъ время, но я буду къ нему писать вскорѣ и подробно. Я думаю, Алексѣй Өедоровичъ не откажется взять его посылку. Пришли какія нибудь три или четыре, не болѣе, штучки хорошихъ штемпелей и филетовъ для переплетчика. Это будетъ у насъ праздникъ! Я радъ чрезвычайно, что завелся у меня артистъ и что работа сія составляетъ пріятное для меня занятіе. Благодарю тебя за перья, изъ коихъ однимъ пишу письмо сіе. Я не восхищенъ ими, но одну нахожу безцѣнную выгоду, что онѣ почеркъ мой дѣлаютъ совершенно на твой похожимъ. Я въ большомъ, разумѣется, выигрышѣ, ибо надѣюсь достигнуть до того, что тебѣ не менѣе трудно будетъ прочитывать мои письма, какъ мнѣ твои. Однакоже ничто не можетъ быть ближе съ натуральнымъ; также и брызгать могутъ, только, что послѣднія не прорѣзываютъ бумаги.

28 Марта 1833. Изъ деревни.

P. S. Поклонись отъ меня достойному Суворову, котораго люблю душевно. Скажи совершенное мое почтеніе княгинѣ, которой какъ бы ни удалось придать эпитетъ, онъ будетъ далеко ниже ея достоинства и по скромности ея будетъ принятъ за комплиментъ, которыхъ я однакоже ей не дѣлалъ. Скажи однакоже, можно ли сдѣлать пріятнѣйшее привѣтствіе какъ дать мнѣ позволеніе помѣстить въ ея альбомѣ портретъ мой? Чувствительно благодаренъ я за сіе и понимаю, что она даетъ мнѣ мѣсто въ немъ какъ человѣку служившему нѣкогда подъ начальствомъ и дѣда, и отца ея мужа. Николаю Михайловичу, по желанію твоему, я писалъ; но при всѣхъ наилучшихъ его свойствахъ, онъ человѣкъ весьма холодный, и это ни къ чему не послужитъ, ибо въ канцеляріи хотятъ сдѣлать, не входя съ докладомъ о перемѣщеніи твоемъ. Не вѣрю, чтобы по полученіи письма моего сіе перемѣнилось, впрочемъ, посмотримъ.

Слухи о Грузіи, что Розенъ никакъ оставаться не хочетъ, и будто бы просится оттуда. Говорятъ, что к. Меншиковъ на мѣсто его, и будто отказывается. Сему не вѣрю. Если же справедливо, то думать надобно, что тёска заступитъ его мѣсто, ибо ему другого не предпочтутъ. Красовскій сего добивается, но не въ томъ онъ положеніи, и сего для края желать не должно. Было бы плутней и безтолочью!

Вчера на нѣсколько часовъ заѣзжалъ ко мнѣ le petit, отправленный по порученіямъ военнаго министра на Донъ, въ Саратовъ и другія разныя губерніи. Кажется, его положеніе перемѣнилось, и онъ будетъ находиться собственно при министрѣ, не завися отъ Клейнмихеля, котораго впрочемъ оборотъ сей не раздражаетъ. Пора ему воспользоваться какою-нибудь выгодою за его терпѣніе.

Здоровье мое нимало не улучшается, невзирая на самое точное и строгое исполненіе постановленія медиковъ. Не вижу конца болѣзни и, можетъ быть, не избѣгу необходимости ѣхать за границу.

15 Іюля 1833. Осоргино.

Ты хочешь знать о моемъ здоровьи; скажу въ кратцѣ: лѣчился прилежно, соблюдалъ и продолжаю діету строго, но не примѣчаю, чтобы была польза. Не знаю, какъ избавиться отъ проклятой болѣзни. Неужели только за границею?

Весьма недавно пріѣхалъ Палашковскій, служившій у Ивана Александровича и вышедшій въ отставку. Онъ весьма знакомъ съ соперникомъ моего пріятеля и большія говоритъ о немъ похвалы, словомъ находитъ одинъ ему упрекъ, небережливость или мотовство несоразмѣрное состоянію. Я старался все развѣдать, не открывая настоящей причины любопытства. Итакъ, любезный другъ, пріятелю нашему небольшія надежды! Впрочемъ, какъ онъ, кажется, довольно великой сердечкинъ, то ожидать можно, что скоро найдетъ другой предметъ. Какъ можно согласить эту готовность любить съ молвою о его физическихъ способностяхъ? Не на ловца бѣжитъ звѣрь! Вотъ если бы тебѣ попался! Съ тобою у меня вѣчная вражда, если на Кавказъ уѣдешь не видавшись. Отсюда до Ноября не близко; неужели все это время займутъ у тебя хозяйственныя упражненія. Ты небольшой бывалъ до нихъ охотникъ. Не хочу думать, чтобы я не видалъ тебя до отъѣзда; это было бы похоже на ссору, которой я не подалъ причины, и тёскѣ показалось бы страннымъ. Дѣти мои кланяются тебѣ; знаю, что любимецъ твой Северъ сочиняетъ эпистолу.

31 Августа 1833. Осоргино.

Примѣчаешь ли, любезный другъ, мое счастіе? Оно, кажется, твоему не уступаетъ. Что̀ произвело мое письмо Н. М.? Весьма досадно, что никогда и ни на что не былъ я тебѣ годнымъ. Всегда не удавалось! А если бы его попросилъ кто другой не въ равномъ со мною положеніи; посмотрѣлъ бы я на отказъ. Говорилъ же я тебѣ. Не думай однакоже, чтобы я досадовалъ, что писалъ, ей Богу нѣтъ! Ты меня знаешь, и что я всегда жалѣю о тѣхъ, которые не дѣлаютъ добра, имѣвши возможность его дѣлать.

Обыкновенно, когда пишутъ къ лѣнивцу, который не отвѣчаетъ, его бросаютъ наконецъ. Но не смотрѣть на то и продолжать писать есть уже великое снисхожденіе, и ты сей великодушный рыцарь! Благодарю тебя за письма твои, въ которыхъ вижу чувства прежней твоей дружбы, участіе въ моихъ ребятишкахъ, усердно тебѣ кланяющихся.

Я въ продолженіе цѣлаго лѣта былъ одинъ разъ въ городѣ, сидѣлъ въ деревнѣ и лѣчился отъ несносныхъ лишаевъ, которые большею частію излѣчены, и оставшіе совершенно измѣнили видъ свой. Со страхомъ ожидаю приближенія зимы, боясь, чтобы не возобновилась болѣзнь. До того худо было мое здоровье, что я не могъ быть при открытіи памятника въ Петербургѣ, два раза не могъ имѣть счастія представиться Государю, когда проѣзжалъ онъ Москву и только удостоился сего въ послѣдній его проѣздъ. Теперь остаюсь совершенно одинъ, ибо Романъ Ивановичъ отправляется въ Петербургъ на свиданіе съ дѣтьми и проводить Коцебу, который при производствѣ въ чинъ получилъ бригаду, кажется въ 3-мъ корпусѣ. Долго онъ ожидалъ сего, и я радъ, что наконецъ получилъ. Теперь, какъ человѣку семьянистому, можно будетъ помышлять о мѣстѣ болѣе прочномъ или осѣдломъ.

Скажу теперь тебѣ объ обстоятельствѣ, которое ты примешь съ удовольствіемъ. Покойный Петръ Андреевичъ, который не переставалъ дѣлать добро, по возможности, между прочимъ заботился и о дѣтяхъ моихъ, и незадолго до смерти писалъ мнѣ, что онъ говорилъ о нихъ съ генераломъ Сумароковымъ. Сей представилъ затрудненія мои Великому Князю, и его высочество оказалъ достойное его великодушіе, приказавъ зачислить ихъ кандидатами въ артиллерійской школѣ. Два старшихъ уже зачислены и названы изъ купцовъ 2-й гильдіи Ермоловыми. На сіе была собственная его воля; ибо я желалъ, чтобы они назывались Горскими, согласно съ происхожденіемъ ихъ [1]). Богъ дастъ впослѣдствіи можно будетъ пристроить и остальныхъ сиротъ. Можешь представить, какъ въ душѣ благодаренъ я за сіе благодѣяніе! Вотъ все, и конечно многое; ибо уже много прошло лѣтъ, что не только подобной радости я не имѣлъ, но бѣжали отъ меня и малѣйшія удовольствія.

Октября 1834.

Твой Петръ Кириловичъ [2]), любя меня, разсказываетъ тебѣ пріятные слухи на мой счетъ, которые впрочемъ ничего не значатъ и еще, быть можетъ, пріумножены. Не вѣрь ничему, кромѣ того, что хорошаго со мною ничего не случится.

Ребровъ пробылъ въ Москвѣ около мѣсяца, у меня былъ на самое короткое время и, какъ кажется, не имѣетъ уже ко мнѣ прежняго расположенія. Сказывалъ, что тёска заваленъ работою и весьма мало имѣетъ отдохновенія. Баронъ Розенъ, ѣхавши въ Петербургъ, былъ въ Ставрополѣ сутки и казался хорошъ съ тёскою, на возвратномъ пути

[1]) У дѣтей А. П. Ермолова было свидѣтельство отъ шамхала Тарковскаго.

[2]) Сенаторъ Меркуловъ.

пробылъ долѣе, и не произошло ничего непріятнаго; но можно было примѣтить, что онъ не совсѣмъ былъ доволенъ; проговорилъ даже, что онъ вскорѣ пріѣдетъ на продолжительнѣйшее время, давая чувствовать, какъ будто для того, чтобы исправить нѣкоторыя упущенія по части управленія. Конечно не будетъ онъ поправлять того, что̀ собственно сдѣлалъ тёска; но немудрено, что не все будетъ хорошо, что̀ сдѣлалъ Максимъ. Тоже что̀ и ты сказывалъ Ребровъ, что къ нему охладѣлъ нѣсколько военный министръ, теперь болѣе прежняго могущественный. Розенъ добился его расположенія и чрезъ него обрабатываетъ свои дѣла. Ему весьма хорошо, и недавно еще одну дочь его сдѣлали фрейлиною; какъ будто ему не довольно наградъ. Тёска примѣчаетъ, что, въ бытность въ Петербургѣ, онъ ему дѣлалъ пакости; ибо теперь только выходятъ награды по его представленіемъ, тогда какъ всѣмъ своимъ, и кому только хотѣлъ, онъ выпросилъ ихъ въ Петербургѣ. Тёска проситъ отпуска, и ему непремѣнно надобно будетъ ѣхать, или иначе не прекратятся непріятности. Я увѣренъ, что при первомъ объясненіи съ военнымъ министромъ онъ откроетъ настоящій ходъ дѣлъ, и усмотрятъ, сколько недостаточны данные ему способы, и что удивляться надобно тому, что̀ онъ успѣлъ сдѣлать.

Благодарю за двѣ баночки грибовъ; посмотрю, каково твое хозяйство, ибо это уже не материны распоряженія. Ѳедоръ Николаевичъ, вѣрно ошибочно, прислалъ еще боченокъ, котораго вышибленное дно обнаружило, что онъ начиненъ дичью, и по увѣренію моего Максимыча, будто фазанами; но какъ ты ничего не пишешь о немъ, то я его и возвратилъ, какъ не принадлежащій мнѣ. Но болѣе всего благодарю за носки. Приближается зима, и я конечно, ходилъ бы съ голыми пальцами. Теперь я обутъ великолѣпно и гордъ какъ вельможа.

25 Августа 1835. Осоргино.

Я погрѣшилъ бы противъ тебя, если бы минуту подумалъ, что тебѣ трудно сдѣлать мнѣ одолженіе; но признаюсь, что я не безъ затрудненія обращаюсь къ тебѣ съ просьбою, ибо знаю хозяйственныя твои дѣла, занятія послѣ случившагося пожара, знаю, что ты не прежде Декабря мѣсяца располагалъ отлучиться. Вотъ въ чемъ дѣло. Въ будущемъ Августѣ надобно мнѣ необходимо двухъ старшихъ сыновей отправить въ Петербургъ, дабы не упустить время и они могли успѣть пріуготовиться къ экзамену. Родныхъ, какъ ты знаешь, у меня нѣтъ, на кого могъ бы я въ таковомъ случаѣ положиться. Я писалъ къ Воейкову, но онъ въ зависимости отъ отца, и сей, быть можетъ, не намѣренъ сдѣлать мнѣ одолженіе. Одинъ добрый старикъ, Романъ Ивановичъ, по добротѣ своей, вызывается ѣхать съ юношами; но мнѣ со-

вѣстно занять его ими, а таковое порученіе требуетъ нѣкоторыхъ заботъ. Итакъ, если Воейковъ встрѣтитъ несговорчивость отца, тогда ты, любезнѣйшій другъ, не откажись одолжить меня самымъ чувствительнѣйшимъ образомъ и отвези моихъ юношей. Первоначально надобно будетъ ихъ отдать для пріуготовленія знакомому тебѣ офицеру, служившему въ Грузіи, Цилову; далѣе опредѣленіе ихъ въ Артиллерійское Училище будетъ дѣлаться чрезъ ген.-адъют. Сумарокова и фл.-адъютанта Стаховича. Итакъ, тебѣ надобно будетъ пробыть въ Петербургѣ самое короткое время. Неужели, любезнѣйшій другъ, откажешься сдѣлать доброе дѣло и помочь въ затрудненіи человѣку, у котораго нѣтъ никого другого? Бывалъ я нѣкогда въ положеніи дѣлать другимъ удовольствіе и даже услуги, но, по обыкновенному вещей порядку, меня забываютъ, когда я пересталъ быть годнымъ. Лишь только получу отвѣтъ Воейкова, немедленно тебя увѣдомлю и, если уже надобно будетъ, собирайся въ Петербургъ и пріѣзжай сюда безъ потери времени.

28 Іюля 1836. Осоргино.

P. S. Прикажи, любезный Николай Викторовичъ, сдѣлать мнѣ шесть паръ носковъ, не весьма тонкой, но прочной пряжи, и просторнѣе тѣхъ, чтó ты мнѣ подарилъ. Я нѣкоторыхъ, за тѣснотою, не одѣваю. Если бы могъ я дождаться, чтобы ты позволилъ мнѣ заплатить за носки чего они стоятъ, то я бы смѣлъ просить приказать сдѣлать еще полдюжины чулокъ. Не знаю, почему долженъ я получать отъ тебя подарки, а тебѣ во всю жизнь подарить только одинъ черенокъ перочиннаго ножа съ изображеніемъ Веллингтона, да и то съ большими еще со стороны твоей хлопотами. Это довольно небезвыгодно!!!

Чрезвычайно досадовалъ я, что, получа письмо твое, я за хлопотами не могъ на него отвѣчать, и просить твоего Ѳедора Николаевича сдѣлать то за меня. Не благодарилъ даже тебя за согласіе ѣхать въ Петербургъ съ моими рекрутами, тогда какъ ты не прежде намѣревался какъ въ Декабрѣ туда отправиться. Я радъ былъ, что отецъ Воейкова не воспрепятствовалъ ему одолжить меня; ибо жаль бы мнѣ было отрывать тебя отъ занятій и, вопреки предположеній, заставить тебя дѣйствовать, а пришлось бы это сдѣлать, ибо самому мнѣ не ловко было бы везти ихъ по слѣдующимъ причинамъ. Нѣсколько разъ, проѣзжая Москву, Государь, хотя въ видѣ привѣтствія, говаривалъ прежде, что я забылъ, что бросилъ Петербургъ; а въ послѣдній разъ изволилъ сказать: «Если бы ты видѣлъ маневры гвардіи и прочее», но ничего не упомянулъ о возвращеніи въ Петербургъ; слѣдовательно, если мнѣ и ѣхать туда, то ко времени маневровъ будущаго года, а не прежде. Въ томъ же смыслѣ говорилъ мнѣ и гр. Бенкендорфъ. Итакъ, любезный

Николай Викторовичъ, надлежало бы мнѣ командировать кого нибудь изъ моей собственности.

При послѣднемъ письмѣ твоемъ двѣ банки варенья мнѣ доставлены, за которыя усердно благодарю тебя. Носокъ, по приказанію твоему, посылаю. Но что за ненасытимая алчность! Я безпрестанно принимаю отъ тебя подарки и тебѣ не дарю ничего. Не могу забыть ножного черенка съ изображеніемъ Веллингтона, но и тотъ не прежде подаренъ, какъ уже ножи всѣ истреблены были. Надобно правду сказать, что милость сія не разорила благотворящаго. Въ Декабрѣ не разсчитывай быть здѣсь только проѣздомъ, но расположи такъ, чтобы прожить нѣсколько. Къ тому времени будетъ у меня домикъ свой. Я рѣшился купить небольшой деревянный, и между прочимъ твой Өедоръ Николаевичъ помогаетъ мнѣ отыскать таковой.

31 Августа 1836. Москва.

P. S. Теперь бы быть тебѣ здѣсь, любезный Шимановскій, ибо я совершенно одинъ. Завтра ѣдутъ двое старшихъ въ Петербургъ, и послѣдніе двое здѣсь же и чрезъ два дня поступаютъ въ Институтъ Лазаревыхъ, гдѣ, какъ я достовѣрно узналъ, и учатъ хорошо, и присмотръ добрый.

Дѣтей моихъ двухъ старшихъ я отправилъ въ Петербургъ, и Викторъ, надѣюсь, по выдержаніи экзамена, будетъ опредѣленъ въ Артиллерійское Училище. Двое меньшихъ отданы въ Институтъ г.г. Лазаревыхъ и со временемъ, какъ и Клавдій, туда же поступить должны, ибо, по благодѣянію великаго князя, также зачислены кандидатами училища. И такъ я одинъ съ Романомъ Ивановичемъ, который весьма огорченъ несчастіемъ старшаго сына, переведеннаго въ армейскій полкъ. Жаль бѣднаго старика, чего онъ не претерпѣлъ! Говоря тебѣ объ одинаковой всегда моей жизни, я не сказалъ, что ищу прервать ея однообразіе. Я купилъ здѣсь домикъ и зимою намѣреваюсь пріѣзжать изъ деревни чаще прежняго. Домикъ деревянный *), не весьма важный, но довольно хорошій и не далеко отъ того мѣста, гдѣ большею частію живутъ мои родные. Можемъ иногда и тебя, любезный другъ, пригласить остановиться въ проѣздъ чрезъ Москву.

Теперь позволь у тебя спросить отчета, отчего не изволишь долгое время писать. Не думаешь ли считаться письмами какъ визитами? Со стариками сего не дѣлаютъ! Что ты сидишь въ деревнѣ? Люди го-

*) На Пречистенскомъ бульварѣ, близъ Сивцева Вражка, нынѣ Шапошникова.

раздо болѣе тебя хозяева начинаютъ уже собираться въ Москву, а твое пребываніе въ деревнѣ немного весьма нужнѣе моего, слѣдовательно почти нѣтъ разницы, тамъ ли ты или здѣсь? Пріѣзжай, любезнѣйшій другъ, и побудь съ нами нѣкоторое время. Родные мои всѣ тебѣ кланяются, и братъ Денисъ возвратился изъ бѣговъ. Нѣкоторые собирались извѣстить тебя о печальномъ происшествіи, но я долженъ былъ принять это на себя, какъ первый принимавшій нѣкогда страстные твои вздохи. Изгладь изъ сердца сдѣланное впечатлѣніе прелестнаго. Изгони воспоминанія о неблагодарной! Какимъ ангеломъ казалась она тебѣ, всегда горестная, неутѣшная, всегда страждущая о супругѣ. Равнымъ постоянствомъ чувствъ могла она сдѣлать счастливою жизнь твою, если бы кромѣ супруга умѣла она полюбить другого. Но что̀ въ состояніи поколебать привязанность ея, усугубляемую несчастіемъ его; кто въ сердцѣ ея замѣтитъ обожаемаго? Помнишь ли ее здѣсь въ черномъ платьѣ, всегда въ слезахъ? А лишь отсюда, одѣта щегольски и въ танцахъ, и чѣмъ кончила? Она уже замужемъ! *) Нѣкто г-нъ Шостакъ, служившій въ кавалерійскихъ поселеніяхъ, не въ большихъ весьма чинахъ, лѣтами гораздо ея моложе, овладѣлъ ея сердцемъ, и она точно плѣнилась имъ, ибо состояніе его чрезвычайно умѣренно. Пріѣзжай, мы совокупно стараться будемъ облечить горесть твою, и буде возможно, представить утѣшеніе. Прощай!

Попрежнему люблю тебя душевно.

15 Октября 1836. Москва.

Двѣ недѣли просидѣлъ я дома отъ того что, выходя изъ саней, зацѣпился шпорою за полость и, упавъ на каменную лѣстницу, больно очень разбилъ себѣ ногу. Нерѣдко случается это съ неосторожною молодежью; но жаль только, что не тогда когда преслѣдуешь красавицу; было бы по крайней мѣрѣ за что терпѣть! По причинѣ болѣзни, я только разъ видѣлъ твою Вѣру Васильевну и досадую, ибо съ перваго разу видѣлъ бы, что она несравненно здоровѣе того какъ прежде я ее видалъ. Пріѣхавши по гнусной дорогѣ и въ зиму проклятую, я думалъ, что она имѣла нужду въ скоромъ пособіи. Чрезвычайно радъ, что обманулся. Однакоже ей совѣтуетъ докторъ ѣхать къ морскимъ ваннамъ. Я полагаю, ты предпочтешь Ревель Гельсингфорсу: ванны тѣже, а болѣе и Русскихъ, и общество прекрасное. Много наслышался я отъ покойнаго П. А. Кикина, который хвалилъ его чрезвычайно. Посмотрю я, какъ ты самъ ея не проводишь? Это будетъ достойно жесточай-

*) Она была урожденная Бородина, а первый мужъ ея Поджіо сосланъ въ Сибирь.

шаго ругательства, и конечно, ничѣмъ извиняемо быть не можетъ. Неужели у тебя такого рода хозяйство, что безъ тебя оно идти не можетъ? Кто будетъ столько недальновидной человѣкъ, что этому повѣритъ? Покрайней мѣрѣ, не смѣйся надъ нами, душевно любящими тебя, конечно, не за искусство въ хозяйствѣ. Тутъ ужъ ты насъ не восхищаешь. Чтò сказать тебѣ о Кавказѣ? Намѣстникъ [1]) проѣхалъ здѣсь исполненный отличнаго духа и надеждъ, и я полагаю, что онъ, при огромныхъ данныхъ ему способахъ, все кончитъ согласно съ ожиданіями. Его на все станетъ, и конечно, невозможно сдѣлать лучшаго выбора. Все вниманіе обращено на него, и пріемъ сдѣланъ ему какъ бы отечеству угрожаютъ опасности. Какія рѣчи, какая хвала!

И Ладинской у него важною весьма особою. Гражданской части онъ совершенно не знаетъ, а мошенникъ превосходный; прежде, при м. Паулучи, онъ сидѣлъ за какія-то провіантскія плутни, а теперь широкое поле! Позену не удалось сѣсть на Воронцова, и онъ слетѣлъ, не взирая на дружескую связь съ могущественнымъ министромъ. Это многихъ удивило; но ожидаютъ, что онъ войдетъ въ службу, когда захочетъ. На дняхъ выѣхалъ отъ сюда Головинъ, потребованный въ Петербургъ, по высочайшему повелѣнію. Никто не знаетъ его назначенія, но Москва выдумываетъ разнообразныя. Теперь тамъ фельдмаршалъ, и вѣроятно исходатайствуетъ ему значительное мѣсто. Онъ всегда былъ его сотвореніемъ и у ногъ своего создателя. Собирался въ Грузію Аѳанасій Ивановичъ [2]), но выжидаетъ, какъ утвердится тамъ другъ его Ладинской, котораго потому только не отразилъ Воронцовъ, что за него ходатайствовалъ Котляревскій, не стыдящійся называть его своимъ другомъ. Прощай; радъ, что ты уже не предводитель. А ты вѣрно жалѣешь, что не продолжаешь службу. Слышалъ, какъ готовились услужить тебѣ, если бы допустилъ балотировать себя въ губернскіе. Каково бы поступили? Какая признательность! Душевно почитающій и любящій Ермоловъ.

23 Марта 1845. Москва.

---

[1]) М. С. Воронцовъ, тогда еще графъ.

[2]) Сняксаревъ.

БРАТЬЯ ЗЛАТОРОЗОВАГО КРЕСТА.

(Къ исторіи розенкрейцерства въ Россіи).

Братья Златорозоваго Креста въ Россіи были избранными въ средѣ избранныхъ: лелѣять мечту и имѣть желаніе быть принятыми въ Розенкрейцеры могли дерзать лишь испытанные, вѣрные братья-каменьщики, лишь братья сильной воли, свѣтлаго ума и строгой жизни, прошедшіе три первыя Іоанновскія и Шотландскія степени (ученика, товарища и мастера), которые почитались пріуготовленіемъ къ розенкрейцерству.

Розенкрейцерство было однимъ изъ развѣтвленій, одною изъ отраслей высшаго масонства. Іоанновскіе масоны работали надъ устройствомъ своего внутренняго міра, стараясь познать свои страсти и стать отъ нихъ свободными; братья Шотландскихъ ложъ работали ужѐ надъ разрѣшеніемъ вопросовъ о происхожденіи человѣческаго существа, о происхожденіи тѣла и души, о начальной причинѣ бытія всего существующаго; наконецъ, Розенкрейцеры стремились достигнуть сверхнатуральнаго состоянія, чтобы бесѣдовать съ Богомъ, вызывать духовъ, повелѣвать ими и, познавъ всѣ тайны природы, быть властителями своей судьбы. Конечною же цѣлью священнаго масонскаго ордена братья Златорозоваго Креста, также какъ братья Іоанновскіе и Шотландскіе, признавали соединеніе всѣхъ націй и племенъ въ одну великую всемірную семью, почитая своею первѣйшею обязанностію стараться образовать „разумное общество, въ которое каждый членъ вноситъ тѣ качества, которыя дѣлаютъ общество полезнымъ и пріятнымъ". Іоанновскіе масоны ограничивали свою дѣятельность самоусовершенствованіемъ и служеніемъ человѣчеству дѣлами благотворенія. Масоны-розенкрейцеры шли далѣе. Бичъ людей на землѣ—нищета, старость, болѣзнь; въ уничтоженіи этихъ человѣческихъ бичей братья Златорозоваго креста видѣли единственное средство уничтоженія на землѣ всякаго страданія. Поэтому они устремлялись къ отысканію средства „дѣлать золото" и обращать всѣ металлы въ благородные, а камни „нестоющіе" въ драгоцѣнные. Они искали средства изготовленія жизненнаго элексира, способнаго поддержать молодость и силы. И въ виду важности цѣли они оправдывали всѣ средства для ея достиженія.

Часто Розенкрейцеры, особенно носители высшихъ степеней, хвалились знаніемъ божественныхъ тайнъ; но этими знаніями они дѣлились съ немногими, окружая себя таинственностью и тѣмъ побуждая масоновъ низшихъ

степеней, сгоравшихъ желаніемъ проникнуть въ ихъ тайны, искать познаній въ постепенномъ повышеніи по іерархической масонской лѣстницѣ.

Люди всегда и вездѣ остаются въ сущности одними и тѣми же. Одни въ бесѣдѣ съ Богомъ, въ религіозномъ экстазѣ, въ молитвѣ, ищутъ блаженнаго состоянія; другіе этого блаженства достигаютъ въ положеніи своихъ душъ за други своя; третьи, Эпикурейцы, видятъ цѣль и предѣлъ своихъ вожделѣній въ наслажденіи земными благами. Розенкрейцерство (какъ это ни странно) привлекало къ себѣ людей всѣхъ этихъ категорій. Всѣ вновь вступившіе въ розенкрейцерство получали (по крайней мѣрѣ въ первое по вступленіи время) все ими желаемое. Искавшіе сверхнатуральнаго состоянія достигали его постояннымъ самоуглубленіемъ, молитвою, чтеніемъ мистическихъ книгъ, бесѣдами на соотвѣтствующія темы, наконецъ помощью сообщаемыхъ старшими братьями „механическихъ пріемовъ". Многіе Розенкрейцеры свидѣтельствовали о невозможности изобразить блаженное и безсмертное состояніе тѣла, въ которое они погружались въ то время, какъ отдавались стремленію достичь „экстатическаго" состоянія. Отзвукъ подобнаго экстаза слышится намъ въ масонской пѣснѣ:

Вспарилъ превыше облаковъ,
Услышалъ хоры, пѣсни, радость,
О, мой Господь! о, Свѣтъ свѣтовъ!
Я—съ Нимъ, я—въ Немъ! О, жизнь! О, сладость!
Въ Немъ—сердце, мысли, умъ и взоръ!
Греми со мной небесный хоръ!

Людямъ же, работавшимъ на пользу человѣчества, какъ и тѣмъ, которые жаждали испить до дна всю чашу земныхъ наслажденій, одинаково было желательно имѣть средство добывать деньги, прекращать всякія физическія страданія и до безконечности продолжать пору молодости и физическаго неувяданія.

Принятіе въ Розенкрейцеры имѣло свой особый церемоніалъ. Розенкрейцерская ложа отличалась особымъ убранствомъ; украшенія братьевъ Златорозоваго Креста были также иныя, чѣмъ у масоновъ низшихъ степеней. Посвященіе въ Розенкрейцеры, вступленіе въ давно желанное таинственное святилище, въ храмъ премудрости, повергали многихъ братьевъ въ умиленіе и восторгъ. Имъ казалось, что уже одного посвященія было достаточно, чтобы почувствовать отдѣленіе отъ всего прочаго міра и открытіе доступа къ завѣтнымъ и долго ожидаемымъ тайнамъ. „Сегодня, наконецъ, посвященъ я въ Розенкрейцеры", записываетъ въ свой дневникъ одинъ масонъ; „ахъ, милосердый Господь, не допусти меня до паденія, Господь Богъ Саваоѳъ.... Послѣ принятія я отправился домой, молился, былъ углубленъ въ самого себя, чтобы размышлять о священномъ принятіи".

Чѣмъ же вызывалось столь приподнятое настроеніе? Что̀ такое видѣлъ новопосвященный въ Розенкрейцерской ложѣ? Что̀ приводило его въ трепетъ? Совершалось ли поклоненіе нечистой силѣ? Или вызванные изъ-за гроба духи умершихъ испугали его?

Нѣтъ. Ничего подобнаго не бывало. Правда, иногда въ ложахъ прибѣгали къ ухищреніямъ подобнаго рода для запугиванія принимаемыхъ, но это были рѣдкія затѣи единичныхъ шарлатановъ. Въ розенкрейцерскомъ ритуалѣ было нѣчто другое, способное взволновать принимаемаго, которому неминуемо должно было бы показаться, что онъ порвалъ со своимъ прошлымъ, со своею прежнею религіею, что онъ принялъ какую-то новую вѣру; въ этомъ ритуалѣ было нѣчто такое, что̀ дѣлало вполнѣ естественной фразу въ устахъ принятаго: „теперь пусть располагаетъ мною Богъ!“

Въ ложѣ, обитой черньмъ сукномъ, только три столба треугольной формы бросались въ глаза. Это были столбы: вѣры—на Западѣ, надежды—на Полднѣ и любви—на Востокѣ. Надписи на столбахъ сдѣланы прозрачными буквами. Риторъ внушалъ брату, что эти три христіанскія добродѣтели должны быть основаніемъ всѣхъ его поступковъ. Новопосвящаемый приносилъ клятву „словомъ честнаго человѣка и вольнаго каменщика“ никому не открывать ввѣренныхъ ему тайнъ. Черные покровы ниспадали. Открывалась ложа, одѣтая пурпуромъ; на Востокѣ виднѣлся возвышенный, на семи ступеняхъ, жертвенникъ, а на немъ—прозрачная картина, изображавшая распятіе; два боковые креста на ней пусты, а на среднемъ роза; на надписи поверху читалось слово INRI, составленное изъ первыхъ буквъ словъ той Латинской надписи, которая была сдѣлана на крестѣ Іисуса Христа (Іисусъ Назорей, Царь Іудейскій); внизу передъ картиной—разбитые столбы и на нихъ спящіе стражи, а между ними гробъ съ отвороченнымъ камнемъ и покрывало. Великій мастеръ или Велемудрый, какъ его величали Розенкрейцеры, приглашалъ посвящаемаго подойти къ алтарю и, покрывъ его своею шапкою, говорилъ: „данною мнѣ властію отъ высшихъ начальниковъ и при семъ почтенномъ собраніи ровныхъ мнѣ братьевъ-кавалеровъ, дѣлаю, принимаю и утверждаю тебя теперь и навсегда кавалеромъ, княземъ орла и пеликана, совершенно-свободнымъ каменщикомъ подъ названіемъ высокаго Розенкрейцера, дабы ты могъ пользоваться титлами и преимуществами князей совершенныхъ каменщиковъ. Притомъ даю тебѣ власть управлять ложею, сзывать и учреждать ложу, принимать своею собственною властію въ каменщики до шестой степени, не требуя отъ насъ помощи“. Затѣмъ великій мастеръ давалъ новопосвящаемому ленту, на которой были прикрѣплены Розенкрейцерскіе символы: сверху циркуль, затѣмъ крестъ съ розой и внизу четверть круга съ изображеніемъ пеликана, кормящаго своею кровью дѣтенышей; пеликанъ знаменовалъ собою Спасителя міра; крестъ же съ розою, давшій названіе розенкрейцерамъ, воспѣвался масонами.

Взвейтесь сердцами
Выше всѣхъ звѣздъ,
Блещетъ предъ вами
Розовый крестъ.

Затѣмъ Велемудрый научалъ розенкрейцерскимъ условнымъ знакамъ и словамъ, такъ сказать Розенкрейцерскому паролю. Между великимъ мастеромъ и посвящаемымъ происходилъ діалогъ. Вопросъ: Многопочтенный ка-

валеръ, откуда ты пришелъ? Отвѣтъ: Изъ Іерусалима. В. Гдѣ ты проходилъ? О. Чрезъ Назаретъ. В. Кто тебя водилъ? О. Рафаилъ. В. Какого ты колѣна? О. Іудова. В. Собери сіи начальныя буквы. О. Я не могу того учинить безъ вашей помощи.

Послѣ этого сказывалось слово INRI. Розенкрейцерскій „знакъ", иначе говоря условное тѣлодвиженіе, дѣлалось, сложеніемъ рукъ на крестъ и присяданіемъ, будто становясь на колѣни. Наконецъ, розенкрейцерское „прикосновеніе" заключалось въ томъ, что клали другъ другу правую руку на правое плечо, а лѣвую руку на лѣвое плечо, такъ, чтобы руки образовывали крестъ; затѣмъ братья обнимались и говорили другъ другу, одинъ—Emmanuel, а другой—Pax vobis. Посвященіе было окончено. Новый кавалеръ, новый князь орла и пеликана, зналъ лозунги и пароли, и Велемудрый спрашивалъ: „какая же есть цѣль Розенкрейцера?" *) Новопосвящаемый отвѣчалъ: „чтить волю Всевышняго, поклоняться Великому Архитектору и уничижаться предъ всѣмъ начертывающимъ Его образъ". Велемудрый приглашалъ къ колѣнопреклоненію, а затѣмъ совершалось закрытіе ложи или, по розенкрейцерски, высокаго капитула, что̀ знаменовалось ударомъ, при чемъ розенкрейцерскіе удары отличались отъ ударовъ, принятыхъ въ масонскихъ ложахъ низшихъ степеней: у Розенкрейцеровъ великій мастеръ дѣлалъ семь ударовъ, пять долгихъ и два короткихъ.

Если день былъ „будній", то на этомъ и кончался обрядъ; но если пріемъ новаго брата Златорозоваго Креста приходился въ торжество Іоаннова дня или въ Великій Четвертокъ, напримѣръ, то новый братъ видѣлъ еще и совершеніе св. причащенія, тутъ же, въ ложѣ, куда и вносился столъ, хлѣбъ, чаша съ виномъ и бумага съ надписью „Inri". Братья, держа въ рукахъ жезлы, окружали сначала столъ, а затѣмъ, совершивъ семикратное путешествіе вокругъ ложи, останавливались противъ Востока, и Велемудрый, взявъ хлѣбъ и часть отложивъ себѣ, передавалъ его первому надзирателю вправо; надзиратель, отложивъ свою долю, передавалъ слѣдующему брату и т. д., пока хлѣбъ не обходилъ кругъ всѣхъ братьевъ; также кругъ братьевъ обходила и чаша съ виномъ, которая, будучи выпитой до дна, возвращалась Велемудрому. Принявъ опустошенную чашу, Велемудрый показывалъ братьямъ, что она испита до послѣдней капли и вложивъ въ нее бумагу, со словомъ „Inri", сжигалъ эту бумагу, произнося заключительныя слова ритуала: Et consumatum est. Что же долженъ былъ чувствовать при описанномъ выше посвященіи новый кавалеръ? Или ужасъ святотатственнаго дѣла, ужасъ предъ недостойной игрой святыми словами, или радостное сознаніе перехода отъ обрядовъ одной, теперь имъ оставленной, религіи къ обрядамъ другой религіи, въ которой онъ ожидалъ найти разрѣшеніе мучившихъ его вопросовъ, вѣчныхъ

---

*) Высокая цѣль ордена Златорозоваго Креста, читаемъ въ другомъ обрядникѣ, заключается въ томъ, чтобы „черезъ грѣхи помраченное и обезображенное подобіе Божее, еще прежде гроба, въ сей жизни по возможности въ прежній божественный видъ облещи".

и тяжкихъ вопросовъ о смыслѣ и цѣли бытія. Во всякомъ случаѣ, каждый новопринятый, подчиняясь при своемъ вступленіи въ орденъ златорозоваго креста невѣдомымъ тайнымъ начальникамъ, отдавъ имъ свой силуетъ, даже, написавъ клятву, подобно Фаусту, своею кровью, т. е. принеся самую страшную клятву, связывалъ себя такими крѣпкими узами съ остальными братьями, что раскаяваться было уже поздно, а надо было лишь пользоваться преимуществами своего новаго положенія... Въ заключеніе замѣчу, что въ Россіи при Екатеринѣ II-й были Розенкрейцерами, между прочими, Н. И. Новиковъ [1]), И. Е. Шварцъ, кн. Николай Никитичъ Трубецкой [2]), Иванъ Владимировичъ Лопухинъ [3]).

Тира Соколовская.

*

Масонствомъ увлекались не только люди въ родѣ князя Александръ Николаевича Голицына, но и такіе сильные умы, какъ Филаретъ Московскій, и отъ этого увлеченія не совсѣмъ освободился онъ даже и до своей кончины. Осенью 1866 года, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" напечатанъ некрологъ М. А. Дмитріева (который былъ другомъ Лабзина); митрополитъ пожелалъ видѣть писавшаго и заговаривалъ съ нимъ о масонствѣ, но тотчасъ же перемѣнилъ бесѣду, услышавъ отъ собесѣдника выраженіе И. С. Аксакова: „За чѣмъ заходить къ Богу съ задняго крыльца, коль скоро, по Его милости, открыто переднее?" Филаретъ скончался 19 Ноября 1867 года. Это былъ день воскресный, когда по вечерамъ принималъ С. М. Соловьевъ. Одинъ изъ его посѣтителей замѣтилъ, что, какъ бы кто ни думалъ о почившемъ, но во всякомъ случаѣ его кончина оставляетъ за собою пустоту.—„Да, пустоту свѣжаго воздуха", возразилъ историкъ и потомъ разсказалъ слѣдующее. Будучи студентомъ, онъ проводилъ лѣтніе мѣсяцы у дѣда своего Ярославскаго архіепископа Авраамія, служки котораго передавали ему, какъ они въ Петербургѣ, на Ярославскомъ архіерейскомъ подворьѣ, подглядывали въ дверныя щелки за масонскими собраніями, бывавшими у Филарета въ бытность его Ярославскимъ архіепископомъ: надѣвались бѣлыя сорочки съ какими-то лентами, происходили круженія съ припѣвами, и участіе принималъ самъ оберъ-прокуроръ Св. Синода. П. Б.

---

[1]) Преданіе гласитъ, будто Н. И. Новиковъ въ своей усадьбѣ Авдотьинѣ нерѣдко совершалъ св. причащеніе у себя дома (священникъ оставлялъ ему св. дары); это тѣмъ болѣе любопытно, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и причащался все же по обряду православной церкви.

[2]) См. покаянное письмо его къ Воронежскому намѣстнику В. А. Черткову („Русскій Архивъ" 1895, I, 480—481). П. Б.

[3]) Предвосхищавшій волю Божію въ распредѣленіи земныхъ благъ и на бѣдняковъ тратившій не свои деньги, а тѣ, которые вымогалъ онъ у другихъ. Екатерина, свѣтлымъ умомъ своимъ и вполнѣ обрусѣлымъ сердцемъ, отлично опредѣлила, что́ такое масонство (см. ея рескриптъ В. А. Черткову въ „Русскомъ Архивѣ" 1895, I, 480). П. Б.

ИЗЪ ПИСЕМЪ А. Я. БУЛГАКОВА КЪ ЕГО ДОЧЕРИ КНЯГИНѢ О. А. ДОЛГОРУКОЙ [1]).

1835.

Moscou, le 19 Mai 1835.

Вотъ и Соломірскій, il vient de recevoir des lettres fort agréables de ses usines; on l'engage beaucoup à y venir voir tout de ses yeux, car pour le 1-er de Julilet on lui promet 20 poudes d'or. Jamais il n'y eut une récolte pareille, c'est 10 poudes par mois, les travaux ayant commencé au mois de Mai.

On parle beaucoup de la fin tragique d'un m-r Tolstoy, Павелъ Алексѣевичъ, qui a été tué à la campagne par un de ses gens, qui, la chose faite, n'a même pas voulu fuir, disant: я погубилъ одну душу, но 3000 душъ спасъ отъ мученья. On dit que c'était un tyran pour ses paysans.

Переводъ.

Москва, 30 Мая 1835.

Вотъ и Соломірскій, онъ сейчасъ получилъ очень пріятныя письма со своихъ заводовъ; его очень убѣждаютъ поѣхать туда, чтобы лично все увидать, такъ какъ къ 1-му Іюля ему обѣщаютъ 20 пудовъ золота; никогда еще не было такой добычи, это выходитъ 10 пудовъ въ мѣсяцъ, такъ какъ работы начались въ Маѣ.

Много говорятъ о трагической кончинѣ нѣкоего Толстого, Павла Алексѣевича [2]), убитаго въ деревнѣ однимъ изъ своихъ слугъ, который, совершивъ свое дѣло, не захотѣлъ даже бѣжать, говоря: я погубилъ одну душу, но 3000 душъ спасъ отъ мученья. Говорятъ, что былъ тиранъ для своихъ слугъ и крестьянъ.

Moscou, le 3 Juin 1835.

Mon frère m'annonce l'arrivée de Vielgorsky, enchanté de Moscou, de vous et de nous tous. Ne faut-il pas que sa voiture casse dans les

---

[1]) См. вторую книгу „Русского Архива", сего года, стр. 525.

[2]) Въ Россійской Родословной книгѣ кн. П. В. Долгорукаго № 103-й.

rues de Pétersbourg; au reste voilà son billet à mon frère; только что пріѣхалъ, а былъ въ театрѣ, смотрѣлъ новый балетъ la Sylphide, а вечеромъ былъ у брата. La cour devait partir le 1-er pour Peterhof. Le p-ce Pierre a aussi dîné une fois et passé la soirée chez mon frère, lui aussi ne parle que de Moscou. En fait de nouvelles il y a le mariage de m-lle Bésobrazoff avec Pierre Démidoff, le frère de la Бехтеева, aide-de-camp de l'Empereur. Tantôt Catherine entre chez moi les yeux rouges. Qu'avez vous? Ужъ не женихъ ли тебя прибилъ?—Нѣтъ, папенька, не до шутокъ, imaginez vous que la pauvre Lise Hilkof vient de mourir. Elle était comme tombée en enfance, elle s'était entourée de poupées et jouait avec, comme si elle avait trois ans, et elle est morte en causant avec ces joujoux. Le petit frère ne la quittait plus d'un instant et lui prodigait tous les soins possibles. Lomonossof, l'Américain, a été fait conseiller d'état, et mon frère m'écrit: жените его въ Москвѣ, чтобы не скучно ему было въ Америкѣ. Nesselrode devait partir aujourd'hui pour Carlsbad. Ce n'est plus m-r Divof, mais le p-ce Léon, qui le remplace en attendant, mais il me semble qu'il est à craindre que le p-ce L. ne prenne racine et goût à cette place.

Переводъ.

Москва, 3 Іюня 1835.

Братъ сообщаетъ о пріѣздѣ Вьельгорскаго, который въ восторгѣ отъ Москвы, отъ васъ и всѣхъ насъ. Нужно было чтобъ карета его обломалась на улицахъ Петербурга, но только вотъ его записка къ моему брату... Дворъ долженъ былъ выѣхать къ 1-му числу въ Петергофъ. Князь Петръ *) тоже обѣдалъ разъ у брата и провелъ вечеръ; онъ тоже только и говоритъ что̀ о Москвѣ. Изъ новостей—свадьба m-elle Безобразовой съ Петромъ Демидовымъ, братомъ Бехтеевой, адъютантомъ Государя. Недавно Катя входитъ ко мнѣ съ красными глазами. Что̀ съ тобой? Ужъ не женихъ ли тебя прибилъ?—Нѣтъ, папенька, не до шутокъ: вообразите, бѣдная Лиза Хилкова только что скончалась. Она точно впала въ дѣтство, окружила себя куклами и играла съ ними какъ трехлѣтній ребенокъ. И умерла она разговаривая съ этими игрушками. Ея маленькій братъ не оставлялъ ея ни на минуту и оказывалъ ей всевозможныя заботы. Ломоносовъ, Американецъ, произведенъ въ статскіе совѣтники, и братъ пишетъ мнѣ: жените его въ Москвѣ, чтобы не скучно ему было въ Америкѣ. Нессельроде долженъ былъ ѣхать сегодня въ Карлсбадъ. Не Дивовъ, а кн. Левъ временно замѣнитъ его; но мнѣ кажется, что можно опасаться какъ бы кн. Левъ, войдя во вкусъ, не укоренился на этомъ мѣстѣ.

Moscou, le 4 Juin 1835.

Rien de nouveau à Moscou. Nous nous tracassons pour le trousseau. Je vous assure que je ne veux pas que la noce se fasse à Смердино;

*) Министръ двора.

ce serait ridicule, et puis vous savez comme il est difficile pour moi de m'absenter d'ici. Donc: ou à Moscou ou bien à Chémétovo; cela porterait bonheur à m-elle Catherine, mais ce sujet n'a pas été encore mis sur le tapis.

Переводъ.

Москва, 4 Іюня 1835.

Новаго ничего нѣтъ въ Москвѣ. Мы хлопочемъ съ приданымъ. Увѣряю тебя, что я не хочу, чтобы свадьба была въ Смердинѣ, это было бы смѣшно, и потомъ ты знаешь, какъ мнѣ трудно отлучаться отсюда. И такъ: либо въ Москвѣ, либо въ Шеметовѣ, это принесло бы счастье Катеринѣ; но мы это еще не обсуждали.

Moscou, le 6 Juin 1835.

Принцъ Фридрихъ и принцесса Нидерландскіе прибыли 1-го Іюня въ Петербургъ, 3 числа дворъ переѣзжаетъ въ Петергофъ, ибо скоро начнутся маневры.

Ce matin j'ai eu une grande dispute avec maman au sujet de la noce à Smerdino, c'est une idée bizarre et qui ne répond pas même aux vues de maman: au lieu d'économie, il y a double dépense, je ne suis pas sûr de pouvoir y aller et à peine la cérémonie finie, je dois fuir.

Переводъ.

Москва, 6 Іюня 1835.

Сегодня утромъ у меня былъ большой споръ съ маменькой по поводу свадьбы въ Смердинѣ, это странная мысль и даже не отвѣчающая видамъ маменьки: вмѣсто сбереженія будетъ двойной расходъ; я не увѣренъ въ возможности поѣхать туда и лишь только окончится вѣнчаніе, я долженъ буду бѣжать.

Moscou, le 10 Juin 1835.

Il n'y a rien de nouveau dans le monde. Mon frère m'annonce seulement l'arriveé de la princesse des Pays-bas qui ressemble beaucoup à son papa, le roi de Prusse. La cour est partie pour Peterhof et les manoeuvres vont bientôt commencer.

Переводъ.

Москва, 10 Іюня 1835.

Ничего нѣтъ новаго въ свѣтѣ. Братъ только сообщаетъ мнѣ о пріѣздѣ Нидерландской принцессы, которая очень похожа на своего папеньку, короля Прусскаго. Дворъ уѣхалъ въ Петергофъ, скоро начнутся маневры.

Сокольники, le 15 Juin 1835.

Je ne puis résister à la tentation de vous envoyer une estafette pour vous annoncer que j'ai reçu de Vienne la réponse que nous atten-

dions avec tant d'impatience. Дм. Павл. m'écrit une charmante lettre, en donnant son consentement; il dit combien cette union le comble de joie. Скажу какъ Государь, ajoute-t-il: съ Богомъ!

Maintenant je vais vous raconter, какъ дѣло было. Сѣли мы, было. въ Cayenne [1]), но явился Сматовъ. Маменька потащила его и Соломірскаго въ спальню говорить о дѣлахъ, остался я съ Катею и ***Клабзиною*** [2]). Говорятъ, почтальонъ: давай сюда! Что̀ бы могло быть? не почта: я послѣ 9 часовъ не велѣлъ ее присылать, а было 10. Входитъ почтальонъ, и точно, почта. C'est drôle que Catherine se mit au clavecin et me dit: помните, папенька, какъ мы тутъ пѣли для Дм. Павловича? Je décachète le paquet de mon frère, une lettre en tombe, votre soeur la ramasse en disant: ah, papa, une lettre avec un cachet noir! Je regarde l'adresse, je reconnais l'écriture de m-r Tatischeff. Oui, ma chère, malgré ce cachet noir, c'est une lettre qui vous regarde et qui sûrement nous sera agréable. Quoi donc, papa? а я только глазами окинулъ начало, увидѣлъ, что все какъ нужно было ожидать.—Voyez vous cela? Катя очень обрадовалась, увидя подпись Дм. Павл. Mais pourquoi ce cachet noir?—Ma chère amie, c'est que la poste de Vienne n'aurait pas reçu d'un ambassadeur une lettre à autre cachet, quand il y a grand deuil pour la mort de l'empereur d'Autriche. M-r. T. devait se conformer à l'étiquette. Nous avons lu la lettre ensemble, et puis je lui ai dit de la porter à son sposo, qui déploye, ne se doutant de rien, le papier. J'entends un cri de joie, votre maman et S. qui s'embrassent comme des pauvres, j'arrive pour faire la même chose et après avoir serré dans mes bras mon Дишка № 2, je lui dis: voyons, m-r, comment vous vous y prendrez: embrassez votre promise. La jeunesse ne songea pas à faire une bouche comme celle de votre Sachka et ne se fit pas non plus tirer l'oreille. Vous pouvez vous imaginer si ce premier baiser fut tendre. Seulement Solomirsky est insoutenable et voudrait déjà faire tout à la fois: se marier demain, partir le jour suivant, revenir, repartir pour Vienne, revenir et avoir un fils dans deux semaines. Avec tout cela je vois qu'il faudra extrêmement précipiter tout; au reste, on pourra travailler à bien des choses du trousseau pendant leur absence. Le huzard a à coeur de se marier le jour de votre naissance, mais comment arranger cela? La nôce, très décidément, se fait ici à Moscou et pas à Smerdino. Au reste, je vous parlerai de tout cela une fois tout décidé.

---

[1]) Это карточная игра (ее называли у насъ *окаянная*).

[2]) Не ручаемся, такъ ли. При своемъ многописаніи А. Я. Булгаковъ писалъ неразборчиво.

Maman voulait la chapelle de cette louve de К. Н. Нарышкина, mais je ne veux pas en entendre parler: можно другую домовую церковь найти.

Переводъ.

Сокольники, 15 Іюня 1835.

Не могу устоять противъ соблазна отправить къ тебѣ эстафету, чтобъ сообщить, что я получилъ изъ Вѣны отвѣтъ, котораго мы ждали съ такимъ нетерпѣніемъ. Дм. Павл. пишетъ мнѣ прелестное письмо; давая свое согласіе, онъ говоритъ насколько этотъ бракъ его радуетъ. Скажу какъ Государь, прибавляетъ онъ: съ Богомъ! Теперь разскажу тебѣ какъ дѣло было. Забавно, что Катя сѣла за фортепіано и говоритъ мнѣ: помните, папенька, какъ мы тутъ пѣли для Дм. Павл.? Я распечатываю пакетъ отъ брата, оттуда выпадаетъ письмо, сестра твоя поднимаетъ его, говоря: ахъ, папенька, письмо съ черной печатью! Смотрю адресъ, узнаю почеркъ Татищева.—Да, моя дорогая, не смотря на эту черную печать, это письмо, касающееся тебя, и вѣроятно оно намъ будетъ пріятно.—Что же это, папенька?—А я только глазами окинулъ начало, видѣлъ, что все какъ нужно было ожидать.—Ты это видишь?—Катя очень обрадовалась, увидя подпись Дм. Павл. А почему же эта черная печать?—Дорогой другъ мой, да потому, что Вѣнская почта не приняла бы отъ посла письмо съ иною печатью, когда глубокій трауръ по случаю кончины Австрійскаго императора; Татищеву пришлось сообразоваться съ этикетомъ. Мы прочли письмо вмѣстѣ, а затѣмъ я сказалъ ей отнести его своему жениху, который, ничего не подозрѣвая, развернулъ бумагу. Я слышу радостный крикъ, твоя маменька и С. цѣлуются, я прихожу, чтобы сдѣлать тоже, и прижавъ въ объятіяхъ своего Дишку № 2, говорю ему: ну-ка, сударь, посмотримъ, какъ ты за это возьмешься: цѣлуй свою невѣсту. Молодежь не подумала сложить такой ротикъ какъ у твоей Сашки и не заставила принуждать себя. Ты можешь себѣ представить, какъ нѣженъ былъ этотъ первый поцѣлуй. Но Соломірскій несносенъ и ужъ хотѣлъ бы сдѣлать все сразу: жениться завтра же, уѣхать на слѣдующій день, вернуться, снова уѣхать въ Вѣну, вернуться и черезъ двѣ недѣли имѣть сына. Въ виду всего этого вижу, что придется крайне все ускорить; впрочемъ, можно будетъ дѣлать многое изъ приданаго во время ихъ отсутствія. Гусару хочется жениться въ день твоего рожденія, но какъ это устроить? Свадьба рѣшительно будетъ въ Москвѣ, а не въ Смердинѣ. Впрочемъ сообщу тебѣ объ этомъ, когда все будетъ рѣшено. Маменькѣ хотѣлось домовую церковь этой волчицы К. Н. Нарышкиной, но я слышать о ней не хочу; можно другую домовую церковь найти.

Sokolniki, le 17 Juin 1835 г.

Хочется имъ и намъ, чтобы была свадьба въ день твоего рожденія: bonne augure! Его кумъ Серг. Павл. Тат., а кума княгиня Ек. Павл. *), а для Кати онъ желаетъ тебя и князя Ст. Алекс. Хилкова, qui est parent à nous et a été son chef. La tante Pauline est une veuve; d'abord je n'aime pas cela, et puis cela la fatiguerait trop. Elle est à peine convalescente.

Il n'y aura pas de billets ni de fiançailles en forme, cela obligerait le monde à venir féliciter, et nous sommes à Сокольники, ce serait une

*) Урусова, ур. Татищева.

véritable corvée pour tout le monde. Il n'y a rien de nouveau dans le monde. Il faut que je vous raconte une anecdote arrivée à l'Empereur. S. M. allait avec l'Impératrice au théâtre Alexandrine, tout à coup l'essieu de la voiture casse. L. L. M. M. restent près de Цѣпной мостъ dans la rue, l'Impératrice coiffée en cheveux. Que faire? Ne faut-il pas que le petit Lobanoff vienne justement à passer dans sa petite voiture, bonbonïère de docteur, sans domestique. Нѣтъ! нашъ князь на это простъ: il saute de sa voiture et très galamment la propose à S. M. Ce n'était pas le cas de refuser, et après quelques мнѣ право князь совѣстно, да какъ же вы поѣдете? А нашъ князь ну кланяться, да ну просить, да ну увѣрять что время прекрасное, что пѣшкомъ дойдетъ, что есть ванюшки. Государь посадилъ Императрицу въ каретку и маршъ. Подъѣзжають къ императорскому подъѣзду особенному. Voilà que la police, les gendarmes, se jettent en travers en criant au cocher: Ты, дурачина, куда со своею каретiонкою? Пошелъ мимо! Ты видишь, что ждутъ Государя. Le cocher était si fier et si heureux, que la tête lui avait tourné. Я самъ, dit-il, Государевъ кучеръ, чтобы не было вамъ дурно самимъ.—Тащи его съ козелъ, онъ еще умничаетъ. Seulement figurez vous l'étonnement des m-rs de la police quand ils voyent l'Empereur sortir de la voiture et faire descendre l'Impératrice. S. M. demande au cocher: ты наемный?—Нѣтъ, В. В., крѣпостной князя.—Скажи князю, что я и Императрица очень его благодаримъ, а ты погоди здѣсь. Voilà ce cocher qu'on voulait traîner à la police et qui devient l'objet des hommages de tout le monde, surtout après qu'un domestique de la cour lui apporta de la part de l'Empereur 500 rbl. Voilà qui n'est pas malheureux, et je pense que нашъ князь eût préféré быть «нашимъ» кучеромъ.

Переводъ.

Сокольники, 17 Iюня 1835.

.... который намъ родня и былъ его командиромъ. Тетенька Полина вдова, вопервыхъ это мнѣ не нравится, а затѣмъ это слишкомъ бы утомило ее. Она только что начинаетъ выздоравливать.

Пригласительныхъ билетовъ и формальнаго обрученiя не будетъ, это заставило бы прiѣзжать поздравлять, а мы живемъ въ Сокольникахъ, такъ что это было бы настоящимъ затрудненiемъ для всѣхъ. Нужно тебѣ разсказать анекдотъ, случившiйся съ Государемъ. Его В-ство ѣхалъ съ Императрицей въ Александринскiй театръ, вдругъ ось кареты ломается, Ихъ В-ства стоятъ на улицѣ возлѣ Цѣпного моста, Императрица безъ шляпы, чтò дѣлать? Нужно же было, чтобъ маленькiй Лобановъ именно въ это время проѣзжалъ въ своей докторской кареткѣ-бомбоньеркѣ безъ лакея. Нѣтъ! нашъ князь на это простъ: онъ выскакиваетъ изъ своей кареты и очень любезно предлагаетъ ее Государю. Въ данномъ случаѣ было не до отказа и послѣ нѣсколькихъ „мнѣ право, князь, совѣстно, да какъ же вы поѣдете?“ а

нашъ князь ну кланяться, да ну просить, да ну увѣрять, что погода прекрасная, что пѣшкомъ дойдетъ, что есть ванюшки, Государь посадилъ Императрицу въ каретку и маршъ. Подъѣзжаютъ къ императорскому подъѣзду, особенному. Вдругъ полиція, жандармы, кидаются поперекъ и кричатъ кучеру: Ты, дурачина, куда со своею каретіонкою? Пошелъ мимо, ты видишь, что ждутъ Государя. Кучеръ былъ такъ гордъ и счастливъ, что ему вскружило голову.—Я самъ, сказалъ онъ, государевъ кучеръ, чтобы не было вамъ дурно самимъ.—Тащи его съ козелъ, онъ еще умничаетъ. Ты только представь себѣ удивленіе господъ полицейскихъ, когда они видятъ, что изъ кареты выходитъ Государь и высаживаетъ изъ нея Императрицу. Его В-ство спросилъ кучера: ты наемный? Нѣтъ, В. В., крѣпостной князя.—Скажи князю, что я и Императрица очень его благодаримъ, а ты погоди здѣсь. И вотъ кучеръ, котораго хотѣли тащить въ полицію, дѣлается предметомъ всеобщаго уваженія, особенно послѣ того какъ придворный лакей принесъ ему отъ имени Государя 500 р. Вотъ это недурно и, я думаю, нашъ князь предпочелъ бы быть самъ своимъ кучеромъ.

Sokolniki, le 20 Juin 1835.

Paolino est tout à fait bon garçon. Cela fait plaisir de les voir car ils s'aiment bien tendrement, et j'aime à faire rougir votre soeur en ajoutant la phrase de rigueur: oui! oui! en attendant, *la cochonne* est enchantée de se marier, ou bien: la cochonne est enchantée que son huzard l'embrasse, ce qui cependant n'arrive qu'à des intervalles très respectables. Vous ne sauriez croire la curiosité que le mariage de votre soeur provoque: да когда свадьба? да гдѣ? Je veux attendre quelques jours, не подъѣдешь ли ты, pour faire les fiançailles, c'est à dire que nous les bénirons simplement avec une image, et voilà tout, mais ni cartes, ni avis, ni félicitations, mais pal! Le mariage, et tout sera dit. Le lit et ce qui y appartient est très joli; j'aurais voulu, comme chez vous, du rose et blanc pour le rideau, mais maman trouve que ce damas vert à palmes fait bien. J'ai fait écrire (entre nous) une lettre au p-ce Pierre par Catherine pour le prier d'obtenir de S. M. l'argent de trousseau des d-lles d' h. qui se marient. Je suis sûr que l'Empereur l'accordera volontiers, et ce serait un superbe renfort pour nous. Catherine a écrit une fort jolie lettre à l'Impératrice. Je ne sais où je l'ai fourrée, je vous en enverrai le brouillon que vous lirez à la maman Calme. Paul souffre de la tête, et cela se conçoit: le sang, allumé par l'amour, monte; c'est le Vésuve qui, ne pouvant pas vomir de flammes et de la lave, est déchiré par des tremblements de terre.

Переводъ.

Сокольники, 20-е Іюня 1835.

Паолино*) совсѣмъ добрый малый. Пріятно видѣть ихъ; они очень нѣжно любятъ другъ друга, и я люблю заставлять краснѣть твою сестру, при-

*) Павелъ Дм. Соломірскій, женихъ Екатерины Александровны Булгаковой.

бавляя необходимую фразу: да! да! между тѣмъ *свинка* въ восторгѣ, что выходитъ замужъ, или: свинка въ восторгѣ, что ея гусаръ цѣлуетъ ее, что впрочемъ случается черезъ большіе промежутки времени. Ты не повѣришь, какое любопытство возбуждаетъ свадьба твоей сестры: да когда свадьба? да гдѣ? Хочу подождать нѣсколько дней, не подъѣдешь ли ты, чтобы устроить помолвку, т. е. просто мы благословимъ ихъ иконою, вотъ и все, но ни пригласительныхъ билетовъ, ни увѣдомленій, ни поздравленій, а пафъ! вѣнчаніе, и все тутъ. Постель и все къ ней принадлежащее очень красиво; я бы хотѣлъ, чтобы пологъ былъ, какъ у тебя, розовый съ бѣлымъ; но маменька находитъ, что эта зеленая матерія съ Турецкими букетами хорошо подходитъ. Я заставилъ твою сестру (это между нами) написать письмо кн. Петру, чтобы просить его выпросить у Е. В. деньги, полагающіяся на приданое фрейлинамъ, выходящимъ замужъ. Я увѣренъ, что Государь охотно дастъ свое согласіе на это, а это было бы для насъ большимъ подспорьемъ. Катя написала прелестное письмо Императрицѣ. Не знаю, куда я его засунулъ; пришлю тебѣ черновикъ, который ты прочтешь маменькѣ Кальмъ [1]). Поль страдаетъ головной болью, и это понятно: приливаетъ кровь, воспламененная любовью; это Везувій, который, не имѣя возможности извергать пламя и лаву, разрывается землетрясеніями.

Moscou, le 24 Juin 1835.

Maman avait de l'humeur de ne pas vous voir *vous* au lieu de votre lettre; au reste, dit elle: Olga doit faire la volonté des autres. Je lui ai prouvé qu'il n'était pas raisonable de vous séparer de votre mari et de vous séparer pour dix jours sans une raison urgente. Sûrement eût-il mieux valu que vous fussiez tous ici, да какъ же быть! Hier ont eu donc lieu les fiançailles en forme; il n'y avait que Loubienka P. et encore par hasard, и всѣ приняли ее. Мы благословили *новонареченныхъ* образомъ, жалованнымъ императрицей Елизаветой Петровной бабкѣ твоей маменьки [2]). Oui, ma chère, comme je l'ai écrit à mon frère: c'est prodigieux ce qu'il faut de choses pour une fille à établir *outre le mari.* Le temps est très court, le jour du 5 Juillet, qui fut pour moi un jour heureux avant cette union de Catherine, ce jour n'est pas éloigné. La Moniguetti fait travailler jour et nuit. Je pense que la cérémonie se fera dans la chapelle de мад. Gléboff, car maman veut que personne ne sâche, ne voit (je ne sais trop pourquoi); les époux sont cependant des êtres à montrer très fort. Votre soeur paraît beaucoup aimer Paulino, et en vérité il le mérite, il témoigne beaucoup d'amour à sa promise et à nous une tendresse qui ne se démentit pas un instant, il est fort gai et drôle, rieur au possible, et vous serez de grands amis ensemble.

Переводъ.

Москва, 24-е Іюня 1835.

Маменька досадовала, что не увидитъ *тебя* вмѣсто твоего письма; впрочемъ, сказала она: Ольга должна исполнять волю другихъ. Я доказывалъ ей,

---

[1]) Княгиня Екатерина Алексѣевна Долгорукая, мать Дишки.

[2]) Прасковьѣ Васильевнѣ Нарышкиной, урожд. княжнѣ Репниной.

что неблагоразумно разлучаться тебѣ съ мужемъ и разлучаться на 10 дней безъ крайней нужды. Конечно, было бы лучше, чтобы всѣ вы были здѣсь, да какъ же быть! Итакъ, вчера было формальное обрученіе; была одна лишь Любинька П., да и то случайно, и всѣ приняли ее. Мы благословили *новонареченныхъ* образомъ, жалованнымъ императрицей Елисаветой Петровной бабкѣ твоей маменьки. Да, дорогая моя, я пишу брату: это удивительно, сколько вещей нужно дѣвушкѣ выходящей замужъ, *кромѣ мужа*. Времени мало, 5-е Іюля, день, бывшій для меня счастливымъ и до свадьбы Кати, этотъ день не далекъ. Монигетти заставляетъ шить день и ночь. Я полагаю, что бракосочетаніе совершится въ церкви Глѣбовой, такъ какъ маменька хочетъ, чтобы никто не зналъ, не видѣлъ, ужъ не знаю почему. Между тѣмъ супруги очень стòятъ, чтобъ ихъ показать. Твоя сестра, видимо, очень любитъ Паолино, и дѣйствительно онъ этого заслуживаетъ; онъ выказываетъ много любви къ своей невѣстѣ, а намъ нѣжность, не ослабѣвающую ни на минуту; онъ очень веселъ, хохотунъ до невозможности, и вы будете большими друзьями.

Moscou, le 29 Juin 1835.

Wiazemsky m'annonce l'ambassadeur de France, le fameux Horace Vernet et un acteur Louis Weymars, qui fournit beaucoup d'articles à la Revue de Paris et va écrire sur la Russie aussi. Je ne comprends pas trop comment il fera la connaissance de madame la Russie ne sachant pas la langue, la voyant pour la première fois pour peu de temps, s'étant posé le principe de ne rien lire de tout ce qui a été écrit sur la Russie pour ne pas être influencé. Si son ouvrage sera bien, on pourra dire qu'il n'a pas écrit, mais deviné juste. W. me dit: Я хотѣлъ имъ рекомендовать нашихъ Московскихъ красавицъ, но кого? Княгини Ольги нѣтъ въ Москвѣ, Пушкина въ траурѣ, не знаю гдѣ Кирѣева, а Хвощинская на томъ свѣтѣ, кѣмъ же пощеголять, кѣмъ пококетствовать? Я зналъ бы кѣмъ, но В. ея не назвалъ, да ея скоро здѣсь не будетъ. J'ai été hier chez les Pouchkine; comme ils sont troublés et consternés de cette mort inattendue! La c-sse E. est toute défaite. Voici une lettre d'elle pour vous, de plus une pour la p-se Léon, de plus une pour le Léon lui-même; dites leur mille choses amicales de ma part. Какъ-то они доѣхали? Довольны ли были почтами? А не то какъ поѣду, то всѣхъ смотрителей смѣню, а почтальоновъ перепорю безъ жалости.

Переводъ.

Москва, 29-е Іюня 1835.

Вяземскій возвѣщаетъ мнѣ пріѣздъ Французскаго посла, знаменитаго Горація Вернэ и актера Людовика Веймарса, который снабжаетъ многими статьями „Обозрѣніе Парижа" и будетъ писать также о Россіи. Не совсѣмъ понимаю, какъ онъ будетъ знакомиться съ госпожею Россіей, не зная языка, видя ее впервыя на короткое время и поставивъ себѣ правиломъ не читать ничего уже написаннаго о Россіи, дабы не поддаться постороннему влія-

нію. Если его произведеніе окажется хорошимъ, можно будетъ, сказать, что онъ не написалъ, а угадалъ правильно [1]). Вяз. говоритъ мнѣ: Я хотѣлъ имъ рекомендовать нашихъ Московскихъ красавицъ, но кого? Княгини Ольги нѣтъ въ Москвѣ, Пушкина въ траурѣ, не знаю гдѣ Кирѣева, а Хвощинская на томъ свѣтѣ; кѣмъ же пощеголять, кѣмъ пококетствовать? Я зналъ бы кѣмъ, но В. ея не назвалъ; да ея скоро здѣсь не будетъ. Вчера я былъ у Пушкиныхъ; до чего они опечалены и изумлены этой неожиданной смертью! Гр. Эмилія совсѣмъ извелась. Вотъ письмо отъ нея къ тебѣ, еще одно для жены князя Льва, одно для самого Льва, передай имъ дружескіе привѣты отъ меня.

Moscou, le 9 Juillet 1835.

Tourguéneff sort de chez moi, toujours le même; ennuyé de voir Moscou déserte, de n'avoir pas où courir, ni de qui s'amouracher, il veut partir dans quelques jours pour Simbirsk. Il m'a donné un beau portrait de Capodstria, lithographié à Dresde d'après l'original, fait d'après nature peu de temps avant la mort du pauvre comte. Il paraît qu'il avait beaucoup changé. Je trouve le portrait, qu'avait mon frère, plus ressemblant. Avec quelle joie j'ai lu dans l'Invalide: *за отличіе* юнкеръ Булгаковъ въ офицеры, т.-е. въ корнеты.

Переводъ.

Москва, 9-е Іюля 1835.

Только что вышелъ отъ меня Тургеневъ, все тотъ же. Соскучившись видѣть Москву пустынной, не имѣя куда бѣгать и въ кого влюбиться, онъ хочетъ черезъ нѣсколько дней ѣхать въ Симбирскъ. Онъ далъ мнѣ прекрасный портретъ Каподистріи, литографированный въ Дрезденѣ съ оригинала, сдѣланнаго съ натуры, не за долго передъ смертью бѣднаго графа. Кажется, что тотъ, который былъ у брата, болѣе похожъ.

Съ какой радостью я прочелъ въ Инвалидѣ: *за отличіе* юнкеръ Булгаковъ—въ офицеры, т.-е. корнеты.

Moscou, le 13 Juillet 1835.

Mon frère m'écrit une lettre toute joyeuse; il paraît être dans le ravissement de notre mariage et me dit entr'autre: выдалъ ты обѣихъ дочерей за прекраснѣйшихъ людей.

On dit que l'Empereur a pardonné à la c-sse Potemkine [2]) les 50 m. qu'elle doit aux Enfants Trouvés, de sorte qu'elle peut conserver son petit bien ou au moins jouir des revenus.

---

[1]) Булгаковъ ошибался: Лёве-Веймарсъ (для котораго Пушкинъ перевелъ по-французски наши народныя пѣсни) былъ человѣкъ замѣчательный. Онъ женился на Русской. См. въ „Р. Архивѣ", въ Дневникѣ И. М. Снѣгирева, а также въ „Русскомъ Архивѣ" 1885, III, 451.

[2]) Графиня Елисавета Петровна, сестра Декабриста кн. Трубецкаго. Прекрасное письмо къ ней императора Николая Павловича, служащее опроверженіемъ навѣтовъ взводимыхъ на него въ журналѣ „Былое" 1906 года, напечатано въ „Русскомъ Архивѣ" 1872 года, стр. 425.

Переводъ.

Москва, 13-е Іюля 1835.

Братъ пишетъ мнѣ очень радостное письмо, онъ видимо въ восхищеніи отъ нашего брака и между прочимъ говоритъ мнѣ: выдалъ ты обѣихъ дочерей за прекраснѣйшихъ людей.

Говорятъ, Государь простилъ гр. Потемкиной 50 т. р., которые она должна Воспитательному Дому, такъ что она можетъ сохранить свое маленькое имѣніе или по крайней мѣрѣ пользоваться доходами.

Moscou, le 22 Juillet 1835.

Le 16 de ce mois, c'était la fête de mad. Юленька Samoyloff. Comment croyez vous, quel est le cadeau que le vieux Litta lui a fait? Un charment petit .... un joli bijou, une bagatelle fort utile .... en un mot 100 m. rbl. en argent comptant. On le dit tout-à-fait ensorcelé par elle, ce petit cadeau le prouverait assez, car c'est ce que l'Empereur aurait pu donné à l'Héritier.

Il paraît que le départ de l'Empereur est fixé au 1-er d'Août.

Переводъ.

Москва, 22-е Іюля 1835.

16-го числа этого мѣсяца былъ день именинъ Юленьки Самойловой. Какъ ты думаешь, какой подарокъ сдѣлалъ ей старикъ Литта? Прелестный маленькій .... красивую бездѣлушку, очень полезный пустячокъ.... однимъ словомъ, 100 т. руб. наличными деньгами. Говорятъ, онъ совершенно околдованъ ею, что въ достаточной мѣрѣ доказываетъ этотъ ничтожный подарокъ: подобную сумму могъ бы Государь дать Наслѣднику. Кажется, отъѣздъ Государя назначенъ на 1-е Августа.

Moscou, le 25 Juillet 1835.

M-me Lise *), en causant d'une chose et d'une autre, me parla d'une conversation avec l'Empereur. Il va, dit elle à S. M., y avoir une émigration de jolies femmes chez nous. «Comment cela?» —Mais beaucoup, Sire, partent pour l'étranger.—«Qui donc?»—Mais la c-sse Pouchkine, la c-sse Rostopthine, Olga Dolgorouky. «Je ne sais pas des autres, mais pour Olga D. je ne la laisserai pas partir; je ne veux pas qu'une charmante personne, comme elle, quitte le pays, et s'il s'agit de voyage pour elle, il faudra qu'elle vienne à Pétersbourg.—Lise m'a dit que sans cela l'Empereur avait fait beaucoup votre éloge. J'aime assez que vous me parliez politique et vous suiviez les journaux. Il est ridicule qu'une femme n'ait que cela en tête et en parle toujours, mais aussi il est hon-

*) Елисавета Петровна ур. Кindякова, супруга Александра Васильевича Пашкова.

teux de ne pas placer son petit mot quand on parle des événements de l'Europe, et cela vous sera fort utile si jamais vous êtes à Pétersbourg. Vous avez les notions indispensables d'histoire et de géorgaphie, il s'agit donc d'avoir dans sa tête la suite des événements modernes. Vous n'êtes pas comme cette dame qui croyait que Castille était une charge de cour en Espagne, т. е. кастелянша.

Переводъ.

Москва, 25 Іюля 1835.

Лиза, говоря о томъ, о другомъ, передала мнѣ одинъ разговоръ, бывшій у нея съ Государемъ. У насъ, сказала она Е. В., будетъ эмиграція хорошенькихъ женщинъ. „Какъ такъ?"—Да многія, В. В., ѣдутъ въ чужіе края.—„Кто же?"—Да вотъ графиня Пушкина, гр. Ростопчина, Ольга Долгорукая.—„Про остальныхъ не знаю, что же касается Ольги Долгорукой, не пущу ея; я не хочу, чтобы такая прелестная особа, какъ она, покидала страну, а если дѣло идетъ о путешествіи для нея, нужно ей пріѣхать въ Петербургъ. Лиза мнѣ говорила, что помимо этого Государь очень тебя расхваливаетъ. Я доволенъ, что ты говоришь со мной о политикѣ и слѣдишь за газетами. Смѣшно, если у женщины только это въ головѣ, и она постоянно говоритъ объ этомъ; но и стыдно не вставить своего словечка, когда, говорятъ о событіяхъ въ Европѣ, и тебѣ это будетъ очень полезно въ случаѣ, если будешь когда въ Петербургѣ. Ты имѣешь необходимыя свѣдѣнія по исторіи и географіи; значитъ нужно, чтобы въ головѣ была связь современныхъ событій. Ты же не такая какъ та дама, которая думала, что Кастилія есть придворная должность въ Испаніи, т. е. кастелянша.

Moscou, le 29 Juillet 1835.

Comment trouvez—vous votre soeur, qui n'est pas encore partie? Elle a été avant-hier au lit avec de beaux maux de reins et des nausées; en vérité je voudrais que ces pauvres reins se reposassent et que Paul aille seul. C'est bientôt dit 1900 verstes aller et 1900 revenir! Elle sera abîmée, et puis le voyage de Vienne. Comment suffire à ces fatigues? Mais le huzard est amoureux, et il lui semble que ce qui fait son bonheur doit arranger l'univers entier. Je le travaillerai cependant sans relâche. Ils sont comme deux tourteraux, забыли вселенную, все дома.

Переводъ.

Москва, 29-е Іюля 1835.

Какъ тебѣ нравится твоя сестра, которая все еще не уѣхала; третьяго дня она была въ постели съ сильными болями въ почкахъ и тошнотой; по правдѣ сказать, мнѣ бы хотѣлось, чтобы ея бѣдныя почки успокоились, а чтобы Поль ѣхалъ одинъ. Легко сказать 1900 верстъ туда, да 1900 обратно! Она изведется, а потомъ путешествіе въ Вѣну. Какъ вынести всѣ эти утомленія? Но гусаръ влюбленъ, и ему кажется, что то, что̀ составляетъ его счастье, должно всему свѣту быть удобно. Тѣмъ не менѣе неослабно буду его уговаривать. Они точно два голубка.

le 1 Août 1835.

Votre soeur sort; quant au départ, il n'en est pas question, et je ne souffle pas le mot: Катя aura le temps de se remettre. Entre autres maladies elle a celle de l'insatiable faim. On lui met un plat de quelque chose sur la table près du lit et la nuit mad. Solomirsky s'en donne.

L'Empereur doit partir aujourd'hui. S. M. s'embarque sur un pyroscaphe. On dit que cette revue de Kalisch sera quelque chose d'extraordinaire, il y aura des fêtes militaires superbes. Пропасть Англичанъ и Французовъ молодыхъ военныхъ ѣдутъ туда, названные сотнями. Въ домѣ заведенія водъ Петербургскихъ былъ еще балъ по подпискѣ, было 600 человѣкъ, и ихъ величества изволили быть со всею царскою фамиліею. Государь съ братомъ два раза разговаривалъ и спрашивалъ объ насъ всѣхъ и о новобрачныхъ очень милостиво.

J'ai écrit une longue pancarte à Bachiloff. Il faut que je vous transcrive au moins le commencement de la lettre que je lui ai adressée.

Ангелъ Хранитель,
Отецъ строитель,
Юстиція служитель,
Правосудія блюститель,
Процессовъ уничтожитель,
Забавъ учредитель,
Цыганъ покровитель,
Сердецъ разоритель,
Мужей гонитель,
Женъ покоритель,
Дѣвъ похититель,
Сигаръ истребитель,
Бартеневыхъ попечитель,
Полтавцевыхъ } примиритель
Андріевскихъ }
Каены оберъ-учитель!

P. S. La poste arrive dans le moment. Mon frère m'annonce qu'il y a eu à Paris un attentat contre la vie du roi Philippe, une espèce de machine infernale; le cheval du roi a été bléssé, d'autres n'ont pas été aussi heureux, le pauvre maréchal Mortier a été tué roide, et beaucoup d'autres. Каковы господа Французы! Чего они хотятъ проклятые? Mon frère me dit que je trouverai les détails dans la Gazette de Francfort.

Переводъ.

1 е Августа 1835.

Твоя сестра уже выходитъ. Что касается отъѣзда, о немъ нѣтъ рѣчи и я не говорю ни слова, Катя успѣетъ поправиться. Въ числѣ другихъ бо-

лѣзней у нея ненасытный голодъ. Ей ставятъ блюдо съ чѣмъ-нибудь на столикъ, около кровати, и ночью madame Соломирская наслаждается вволю.

Государь долженъ выѣхать сегодня. Е. В. поѣдетъ пароходомъ. Говорятъ, этотъ смотръ въ Калишѣ будетъ чѣмъ-то необыкновеннымъ, будутъ великолѣпныя военныя празднества. Я написалъ длинное обращеніе къ Башилову, нужно переписать тебѣ хоть начало письма, которое я къ нему отправилъ.

P. S. Сію минуту пришла почта. Братъ сообщаетъ, что въ Парижѣ было покушеніе на жизнь короля Филиппа, родъ адской машины; лошадь короля была ранена, остальные не были такъ счастливы, бѣдный маршалъ Мортье былъ убитъ наповалъ и многіе другіе. Каковы господа Французы! Чего они хотятъ, проклятые? Братъ пишетъ, что я найду подробности во Франкфуртской Газетѣ.

Moscou, le 5 Août 1835.

Comment trouvez vous ces diables de Français! Que veulent-ils donc finalement? Je pense qu'ils ne le savent pas eux-mêmes. Les journaux vont devenir très intéressants. Je ne suis pas grand cousin du roi Philippe, mais je me réjouis qu'il l'a échappé si belle. Les Français sont des fous, mais cependant des hommes et si le roi avait péri, il y aurait des flots de sang.

Переводъ.

Москва, 5 Августа 1835.

Какъ тебѣ нравятся эти черти Французы! Чего жъ они хотятъ, въ концѣ концовъ? Я думаю, сами они этого не знаютъ. Теперь газеты будутъ интересны. Я не двоюродный братъ королю Филиппу, а все-таки радуюсь, что онъ такъ дешево отдѣлался. Французы безумцы, но тѣмъ не менѣе они люди и если бы король погибъ, полились бы потоки крови.

Moscou, le 8 Août 1835.

Наши молодые все еще ни съ мѣста et quand je pense comme ce mauvais sujet nous a dépêché pour le trousseau, que de soucis et de dépenses de plus et les voilà encore ici, tandis qu'il me répétait *1-го Іюля* свадьба, а 3-го выѣздъ въ Сибирь. La santé de Катя est toujours de même, et il n'y a rien de positif quant à son état.

Que vous dire de nouveau? L'Empereur et l'Impératrice se sont embarqués à bord du pyroscaphe pour Dantzig. Le petit grand amiral et la gr.-duchesse Olga les accompagnent, il y a ces autres dans la suite: Benkendorf, Alex Orlof, Menchikoff, Litke, la c-sse Tiesenhausen et m-elle Solovoy, outre la p-sse des Pays-Bas et la p-sse de Nassau.

Переводъ.

Москва, 8-е Августа 1835.

Наши молодые все еще ни съ мѣста, а какъ подумаю какъ этотъ мошенникъ торопилъ насъ съ приданымъ, сколько было лишнихъ хлопотъ и расходовъ, а вотъ они все еще здѣсь, между тѣмъ онъ все повторялъ мнѣ: 1-го Іюля свадьба, а 3-го выѣздъ въ Сибирь. Здоровье Кати все тоже, и нѣтъ ничего опредѣленнаго въ ея состояніи.

Что новаго сказать тебѣ? Государь и Императрица уѣхали моремъ въ Данцигъ. Маленькій генералъ-адмиралъ и в. княжна Ольга сопровождаютъ ихъ; свиту составляютъ слѣдующія лица: Бенкендорфъ, Алексѣй Орловъ, Меньшиковъ, Литке, графиня Тизенгаузенъ и фрейлина Соловая, кромѣ принцессы Нидерландской и принцессы Нассауской.

Moscou, le 12 Août 1835.

Voyons ce que j'ai de nouveau à vous dire? D'abord des mariages sans fin; je ne sais si je vous en ai déjà parlé; n'importe, je vais les récapituler au risque de me répéter. La richarde Яковлева épouse un officier des gardes Steinbock, et le papa s'excuse de ne pas lui donner beaucoup pour le moment, rien que 100 m. r. de revenu, une maison montée à Pétersbourg, de la vaisselle d'or et d'argent, un trousseau, les équipages... Sensate del pocco! La jolie m-elle Soukhtélène, dont le richard Maltzow est amoureux et dont elle ne veut pas, épouse Alexis Boutourline. Quand elle vint demander à l'Impératrice la permission de se marier, au moment où S. M. partait pour la Prusse, l'Impératrice lui dit: ah, voilà donc enfin ce pauvre Maltzow au comble de son bonheur, la S. répondit toute interdite: mais c'est m-r Boutourline que je vous demande, Madame, la permission d'épouser.—Selon moi ce n'est pas le mari qu'il fallait à cette intéressante personne. Continuons: m-elle Abamélek épouse m-r Baratinsky, aide-de-camp de l'Empereur, que vous avez vu chez les Pachkoff. Les uns disent que c'est assorti, d'autres que non. M-r Litke, aide-de-camp de l'Empereur géné-l à la suite de S. M. et marin du petit grand-duc Constantin, épouse une jeune Anglaise qui est auprès de la gr.-duchesse Marie Nicolaéwna. Le Cupidon Marchenko, que vous connaissez, épouse m-elle Oubril; on la dit très petite, mais très jolie.

J'ai parlé longuement à maman de mad. Élise, c'est en vérité une drôle de femme, et il faut convenir toutefois que sa société est fort agréable. Elle est très curieuse. Comme de raison, vous n'avez pas été oubliés, vous et Дишка. Il faut, disait-elle, que D. se laisse diriger par sa femme; il est bon, mais c'est une tête évaporée; elle, toute jeune qu'elle est, le conduira très bien, on la croit coquette, et pas du tout, c'est comme cela un enfantillage, gaieté, envie de s'amuser, je la crois

très sage.... etc. Нѣтъ, моя любезнѣющая, me suis-je dit, шалишь, меня не поддѣнешь! Хотя сердце и отцовское у меня, я сталъ тебѣ отдавать справедливость, но прибавилъ: vous ne connaissez donc pas Dolg., ou bien il aura beaucoup changé depuis; je vous réponds, qu'il n'est pas évaporé, il dit souvent des choses qui n'ont ni queue ni tête, mais je vous réponds qu'il ne les pense pas, qu'au milieu d'un tas d'écervelés il sait se posséder; on ne lui fera pas faire ce qu'il ne veut pas (я думалъ себѣ: on ne lui fera pas épouser la Nesselrode) et le grand point c'est qu'il a un bon coeur.... Она перебила рѣчь и начала хвалить твоего мужа и говорить точно то что̀ есть. On voyait que son idée était seulement de me faire jouir. Je ne sais pas elle, dit elle, mais lui n'est pas jaloux du tout, n'est-ce pas?—Ni l'un ni l'autre; en un mot cela fait un ménage à ravir, et Dieu veuille que cela continue.

Maman arrange une grande affaire, elle doit se conclure ce soir ou demain, et certes si elle finit, elle devra remercier le Ciel, car avoir 70 m. rbl de revenu sans les moindres soucis ou risques, c'est le paradis.

Переводъ.

Москва, 12 Августа 1835.

Посмотримъ, что̀ у меня новенькаго для тебя? Во-первыхъ, свадьбы безъ конца; не знаю, писалъ ли я уже о нихъ, все равно, перечислю вкратцѣ, подъ опасеніемъ повторяться. Богачка Яковлева выходитъ замужъ за гвардейскаго офицера Стенбока, и папаша ея извиняется, что пока даетъ ей немного, всего только 100 т. руб. дохода, отдѣланный домъ въ Петербургѣ, золотую и серебряную посуду, приданое, экипажи... и т. д. Sensata del pocco! Хорошенькая Сухтеленъ, въ которую влюбленъ богачъ Мальцевъ, котораго она въ свою очередь не хочетъ, выходитъ за Алексѣя Бутурлина. Когда она пришла просить у Императрицы разрѣшенія выйти замужъ, какъ разъ въ минуту отъѣзда Ея В-ства въ Пруссію, Императрица сказала ей: а, наконецъ-то этотъ бѣдный Мальцевъ достигъ своего счастья, С, изумленная, отвѣтила: В. В., я вѣдь прошу у Васъ позволенія выйти замужъ за Бутурлина.—По моему онъ не тотъ мужъ какого бы слѣдовало этой интересной особѣ. Будемъ продолжать: m.-elle Абамеликъ выходитъ за Баратынскаго, адъютанта Государя, котораго ты видѣла у Пашковыхъ. Одни говорятъ, что они соотвѣтствуютъ другъ другу, другіе, что нѣтъ. Литке, адъютантъ Государя. флиг.-ад. въ свитѣ Е. И. В. морякъ при маленькомъ в. к. Константинѣ, женится на молодой Англичанкѣ, состоящей при в. к. Маріи Николаевнѣ. Купидонъ Марченко, котораго ты знаешь, женится на Убри; говорятъ, она очень мала ростомъ, но прехорошенькая.

Я долго говорилъ съ маменькой о mad. Элизѣ.*) Она въ самомъ дѣлѣ престранная женщина, хотя нужно признаться, ея общество весьма пріятно. Она очень любопытна; конечно не была забыта и ты съ Дишкой. Слѣдовало бы, сказала она, чтобы Дишка предоставилъ своей женѣ руководить имъ, онъ добръ, но это вѣтреная голова; а она, несмотря на свою молодость, отлично выведетъ его; ее считаютъ кокеткой, но вовсе нѣтъ,

*) Это, если не ошибаемся, Елисавета Михайловна Хитрова.

это только такъ, ребячество, веселость, желаніе позабавиться; мнѣ она кажется очень разумной... и т. д. Нѣтъ, моя любезнѣющая, сказалъ я себѣ, шалишь, меня не поддѣнешь. Хотя сердце и отцовское у меня, я сталъ тебѣ отдавать справедливость, но прибавилъ: вы, значитъ, не знаете Долгорукаго, или онъ за это время очень измѣнился; ручаюсь вамъ, что онъ не вѣтренникъ, часто онъ говоритъ вздоръ, но ручаюсь вамъ, что онъ такъ не думаетъ; въ обществѣ повѣсъ онъ умѣетъ владѣть собой, его не заставишь сдѣлать то̀, чего онъ не хочетъ (я думалъ себѣ: не заставишь его жениться на Нессельроде), а главное—у него доброе сердце... Она перебила рѣчь и начала хвалить твоего мужа и говорить точно то, что̀ есть. Видно было, что у нея была только мысль освѣдомить меня. Не знаю про нее, сказала она, но онъ совсѣмъ не ревнивъ, не правда ли?—Ни онъ, ни она; однимъ словомъ, они живутъ замѣчательно согласно, и дай Богъ, чтобъ это продолжалось.

Маменька устраиваетъ большое дѣло, оно должно окончиться сегодня вечеромъ или завтра и конечно, если она его кончитъ, то должна возблагодарить Небо, ибо 70 т. руб. дохода безъ малѣйшихъ заботъ и риска, это рай.

Lundi, le 12.

J'ai été chez Catherine, elle ne se sent pas assez bien pour dîner par ce mauvais temps aux Sokolniki, j'ai encore travaillé Paolino; il me semble que je l'ai un peu ébranlé, car il m'a dit qu'il enverrait chercher Richter et le consulterait; or, si Richter a un peu de sens commun, il dira ce que je dis moi.

Переводъ.

Понедѣльникъ, 12-го.

Былъ я у Кати, она не настолько хорошо себя чувствуетъ, чтобы, въ такую плохую погоду ѣхать обѣдать въ Сокольники. Я опять убѣждалъ Паолино и, кажется, немного поколебалъ его, такъ какъ онъ сказалъ мнѣ, что пошлетъ за Рихтеромъ и посовѣтуется съ нимъ; но если у Рихтера хоть немного здраваго смысла, онъ скажетъ тоже, что̀ и я.

Moscou, le 15 Août 1835.

Je suis parvenu à faire peur à Solomirsky, et il paraît qu'il fera le voyage de la Sibérie seul, en nous laissant sa femme ici en dépôt, ce qui me comble de joie; en vérité, ce serait une folie de la traîner par ces chemins quand elle a pas une, mais deux ou au moins *une santé et demie* à ménager.

Переводъ.

Москва, 15 Августа 1835.

Я добился того, что напугалъ Соломирскаго и, кажется, онъ совершитъ путешествіе въ Сибирь одинъ, оставляя намъ свою жену на храненіе, что̀ преисполняетъ меня радостью; въ самомъ дѣлѣ, было бы безуміемъ тащить ее по этимъ дорогамъ, когда ей приходится беречь не одно, а два или по меньшей мѣрѣ *полтора* здоровья.

Moscou, le 19 Août 1835.

Quel plaisir j'ai eu de revoir cette bonne princesse Calme! Toutes les personnes qui me sont chères, je les revois petit à petit, il n'y a que Дишка qui tarde extrêmement à venir à Moscou, mais celui-là est devenu le Bachiloff de vos contrées, c'est à dire le отецъ-строитель! Maman dit que son Alexandrie est un petit bijou. Mon Dieu, combien j'aurais désiré voir tout cela!

Le p-ce Dmitry m'a gardé longtemps les №№ derniers de la Mode. Je vous les envoye. Ils sont intéressants, celui du 10 Août vous donnera une idée de la manière dont Fiesko a voulu décamper après son attentat. Suivez des yeux la lithographie en lisant la description. Il vit encore, c'est drôle qu'on soigne et tâche de guérir un homme pour lui faire perdre sa tête sur un échafaud. Il en est de même de l'assassin de Kotzebou, l'étudiant Sand.

Enfin, Dieu soit loué, il est décidé que Катя reste avec nous, j'en suis aux anges; il faut, en vérité, la ménager.

L' Empereur est déjà à Kalich, il y est arrivé de Dantzig le 7 (19) en 30 heures, en refusant de se servir des équipages que le mar. Paskevitz avait préparé à chaque station.

Переводъ.

Москва, 19 Августа 1835.

Съ какимъ удовольствіемъ я снова увидѣлъ добрѣйшую княгиню Кальмъ! Всѣхъ, кто мнѣ дорогъ, я понемногу вижу, одинъ Дишка чрезмѣрно медлитъ съ пріѣздомъ въ Москву, но вѣдь онъ сдѣлался Башиловымъ вашихъ мѣстъ, т. е. отцомъ-строителемъ! Маменька говоритъ, что его Александрія—прелесть. Боже мой, какъ бы я хотѣлъ увидѣть все это!

Князь Дмитрій долго держалъ мои послѣдія №№ Моды. Посылаю ихъ тебѣ. Они интересны, № отъ 10-го Августа дастъ тебѣ понятіе, какимъ способомъ Fiesko хотѣлъ удрать, совершивъ покушеніе. Читая описаніе, слѣди глазами за литографіей. Онъ еще живъ; странно, что лѣчатъ и стараются вылѣчить человѣка, чтобы снять съ него потомъ голову на эшафотѣ. Тоже самое было съ убійцей Коцебу, студентомъ Зандомъ.

Наконецъ, слава Богу, рѣшено, что Катя останется съ нами, я на седьмомъ небѣ; въ самомъ дѣлѣ нужно ее беречь.

Государь уже въ Калишѣ, онъ прибылъ туда изъ Данцига 7 (19) числа, черезъ 30 часовъ, отказываясь пользоваться экипажами, которые фельдмаршалъ Паскевичъ приготовилъ на каждой станціи.

Moscou, le 22 Août 1835.

La fête de Safonoff a été très jolie, il y avait toutes les grandes autorités, le p-ce Dmitri etc. J'y ai vu une de mes anciennes connaissan-

ces, m-r Ribeaupierre. Je suis étonné qu'il soit à Moscou, tandis que l'Empereur et l'Impératrice sont à Berlin; il me semble qu'il serait décent pour lui de s'y trouver aussi.

Переводъ.

Москва, 26-е Августа 1835.

Празднество у Сафонова было очень мило, были всѣ высшія власти, кн. Дмитрій и т. д. Видѣлъ я тамъ своего стариннаго знакомаго, Рибопьера. Удивляюсь, что онъ въ Москвѣ, тогда какъ Государь и Императрица въ Берлинѣ; по моему приличнѣе было бы и ему находиться тамъ.

Moscou, le 26 Août 1835.

Я не хотѣлъ тебѣ писать о моемъ горѣ съ Костею. Вообрази, что его назначили въ Волынскій полкъ, который стоитъ въ Кронштадтѣ. Я писалъ къ Бистрому и Шлипенбаху, прося ихъ, а между тѣмъ брату написалъ, что ежели быть такъ, то я Костю беру рѣшительно къ себѣ въ Москву служить по статской; ибо не хочу, чтобы въ обществѣ недовольныхъ офицеровъ, не любящихъ Русскихъ, онъ сдѣлался дурнымъ Русскимъ; а долго ли сбить мальчика. Да я же хочу, чтобы онъ служилъ непремѣнно подъ глазами дядюшки своего. Я брату писалъ, что ежели вакансіи нѣтъ въ Преображенскомъ, какъ говоритъ Шлипенбахъ, то хотя въ Семеновскій или Измайловскій. Очень меня это мучало. Братъ пишетъ вчера, что назначеніе въ Волынскій полкъ отмѣнено, а что онъ старается всѣми силами у Бистрома устроить по моему желанію.

Сашка *) a été nommé вахмистръ, ce qui lui donne la dragonne d'officier et puis un droit dont ils sont fiers et jaloux, de faire je ne sais quel rapport directement à l'Empereur, quand on fait les Dimanches le service au palais. Mon frère en est tout heureux.

Je vous envoye les journaux d'hier. Vous verrez que l'Espagne est en feu, les révolutions éclatent de tous les côtés; mais je ne sais pas trop les expliquer, car si elles sont contre la reine, elles ne sont pas en faveur de Don-Carlos, puisqu'on brûle les couvents, massacre les moines, pille les caisses. A Barcelonne ces cannibales de révolutionnaires ont brûlé vif le général qui y commandait. Stander et un autre capitaine-général sont en fuite, et on dit que la reine se dispose aussi à fuire en France.

Переводъ.

Москва, 26 Августа 1835.

Сашка назначенъ вахмистромъ, что̀ даетъ ему офицерскій темлякъ, а затѣмъ право, которымъ они гордятся и которому завидуютъ: дѣлать не

---

*) Сынъ Константина Яковлевича Булгакова.

знаю какой-то рапортъ непосредственно Государю во время дежурства во дворцѣ по Воскресеньямъ. Братъ пресчастливъ этимъ.

Посылаю тебѣ вчерашнія газеты. Ты увидишь, что Испанія въ огнѣ, революціи вспыхиваютъ со всѣхъ сторонъ. Не могу хорошенько ихъ объяснить себѣ; если онѣ противъ королевы, то и не въ пользу Донъ-Карлоса, такъ какъ жгутъ монастыри, убиваютъ монаховъ, грабятъ кассы. Въ Барцелоннѣ эти жестокосердые революціонеры сожгли живьемъ генерала, командующаго тамъ. Стандеръ и другой намѣстникъ бѣжали и, говорятъ, что королева тоже собирается бѣжать во Францію.

Moscou, le 28 Août 1835.

J'ai vu Дишка, qui est plus beau que jamais.

Solomirsky part cette nuit; il ne veut pas dire adieu à sa femme; je crois que c'est pire. Sur Костя soyez tranquille: il n'ira pas à Cronstadt et sera, j'espère, bien placé. Le bon Michel Wielhorsky est allé chez le p-ce d'Oldenbourg pour le prier. Il faut lui envoyer son argent, mais c'est qu'il s'agit de l'emprunter, car je suis à sec: je dois avec 7000 rbl. vivre jusqu'au premier de Janvier.

Переводъ.

Москва, 28 Августа 1835.

Видѣлъ я Дишку, который красивѣе чѣмъ когда-либо.

Соломирскій уѣзжаетъ въ эту ночь; онъ не хочетъ прощаться съ женой; я думаю, это хуже. Относительно Кости будь покойна: онъ не поѣдетъ въ Кронштадтъ и, надѣюсь, будетъ хорошо опредѣленъ. Добрый Михаилъ Віельгорскій ѣздилъ къ принцу Ольденбургскому просить. Слѣдуетъ послать ему денегъ, но приходится ихъ занять, такъ какъ я въ крайне стѣсненномъ положеніи: на 7000 р. я долженъ прожить до 1-го Января.

Moscou, le 29 Août 1835.

Pour ne pas perdre une minute, je vous écris ces lignes pendant que Solomirsky met son habit de voyage. Il va dans le moment monter en voiture, il a laissé votre soeur endormie, elle a désiré elle-même que les choses se passent ainsi. Je ne veux pas le montrer, mais je regarde comme un grand malheur ou plutôt une grande joie de moins l'accident qui a privé Catherine de sa grossesse. Elle n'en sera que plus sur ses gardes à l'avenir. Ils sont tous les deux fort peinés et se cachent leur peine mutuellement. Votre soeur vous envoie des pahitos par maman. Voilà le huzard qui va monter à cheval; пойду его провожать; маменька тоже встала, хотя и 7 часовъ утра, а утро преславное! Nous l'avons béni, et il vient de partir, notre cher Paul. Votre soeur dort d'un profond sommeil, il a laissé une lettre d'adieu pour elle, mais je la laisserai dormir sa grasse matinée.

Переводъ.

Москва, 29 Августа 1835.

Дабы не терять ни минуты, пишу тебѣ эти строки, пока Соломирскій надѣваетъ дорожное платье, онъ сейчасъ сядетъ въ карету, оставивъ твою сестру спящею; она сама пожелала, чтобы было такъ. Не хочу показывать, но считаю большимъ несчастіемъ или скорѣе одной большой радостью меньше—случай, лишившій Катю беременности. Она отъ этого будетъ только осторожнѣе въ будущемъ. Оба они очень огорчены и скрываютъ другъ отъ друга свою печаль. Сестра твоя посылаетъ тебѣ пахитосы черезъ маму. Вотъ нашъ гусаръ садится на лошадь... Мы благословили его; онъ уѣзжаетъ, нашъ дорогой Павелъ. Сестра твоя спитъ крѣпкимъ сномъ, онъ оставилъ ей прощальное письмо, но пусть она поспитъ вдоволь.

Moscou, le 29 Août 1835.

Voilà ce qui s'appelle une correspondance active: ce n'est ni plus ni moins que la troisième lettre que je vous écris aujourd'hui, ma chère Olga. Je ne quitte pas votre soeur, qui pleure toutes ses larmes et qui se désespère que Paul soit parti sans lui dire adieu. J'ai eu toutes les peines du monde de la calmer; elle est presque malade. Je serais bien heureux si je pouvais d'abord moi-même aller chez vous et puis si je l'amenais avec moi. Ce serait pour elle une distraction, mais elle ne veut pas en entendre parler, elle est toute à sa douleur; mais j'aime à croire que cela se calmera. Elle me fait bien de la peine; des adieux cependant n'auraient pas eu de fin et l'auraient amolli lui, il était sans cela assez triste en partant. La poste vient d'arriver. Костя entre dans le régiment Московской, qui forme avec celui de Préobrajensky la première brigade de la garde à pied, le grand-duc Michel en est chef. C'est toujours bien, mais j'aurais voulu du Préobrajensky à cause du corps d'officiers. Cela pourra s'arranger après.

Въ Мадритѣ была каша: королева бѣжала, la milice urbaine a demandé le renvoi des ministres, les armes à la main. Vous trouverez les détails dans la G. de Francfort.

Переводъ.

Москва, 29 Августа 1835.

Вотъ это называется дѣятельной перепиской: сегодня пишу тебѣ ни болѣе ни менѣе какъ въ третій разъ, дорогая моя Ольга. Я не оставляю твоей сестры, которая заливается слезами и въ отчаяніи, что Поль уѣхалъ, не простившись съ нею. Мнѣ стоило величайшихъ трудовъ успокоить ее; она почти больна. Я былъ бы очень счастливъ, если бы могъ, во первыхъ, самъ поѣхать къ вамъ, а затѣмъ и ее привезти съ собой; это было бы для нея развлеченіемъ, но она и слышать объ этомъ не хочетъ, всецѣло предавшись своему горю; я надѣюсь, что это утихнетъ, мнѣ ея очень жаль.

Между тѣмъ прощанію не было бы конца, и оно разслабило бы его, а онъ и безъ того былъ достаточно грустенъ, когда уѣзжалъ. Только что пришла почта. Костя поступаетъ въ Московскій полкъ, который съ Преображенскимъ, составляетъ первую бригаду пѣшей гвардіи; в. к. Михаилъ командиръ его. Это все-таки хорошо, но я желалъ бы Преображенскій полкъ изъ за состава офицеровъ. Это можетъ устроиться впослѣдствіи.

Въ Мадритѣ была каша: королева бѣжала, городская милиція, съ оружіемъ въ рукахъ, требовала отставки министровъ. Подробности найдешь во Франкфуртской Газетѣ.

Moscou, le 7 Septembre 1835.

Enfin il paraît que nous allons partir pour Gorbowo, ma chère Olga. Je laisse Костя à la pension, car dans la maison il n'y aura que Пашка; il aura défense de quitter la pension à moins que vous n'arriviez ici ou la maman, ce qui n'est pas à prévoir. Catherine vient avec nous; не хочется ей, да нечего дѣлать. Вчера она жигитировала у Пашковыхъ, tout le monde l'a trouvé embellie, on l'a fait chanter.

Новаго только, что Башиловъ на мѣсто Поливанова въ комиссію о построеніи Москвы, а П. въ сенаторы пожалованъ; стало быть вмѣсто того, чтобы строить куры, Башиловъ будетъ строить домà.

У короля Шведскаго родился внукъ, и ему дали имя *Nicolas*-Auguste, и король просилъ Государя быть воспріемникомъ съ вел. кн. Еленой Павловною, на что Государь далъ свое согласіе. Вотъ какъ чужіе цари нашего величаютъ!

Переводъ.

Москва, 7 Сентября 1835.

Наконецъ мы, кажется, поѣдемъ въ Горбово, дорогая моя Ольга. Оставляю Костю въ пансіонѣ, такъ какъ въ домѣ будетъ одинъ Пашка; ему будетъ запрещено уходить изъ пансіона кромѣ развѣ если ты пріѣдешь сюда или маменька, чего не предвидится. Катя ѣдетъ съ нами; не хочется ей, да нечего дѣлать. Вчера она жигитировала у Пашковыхъ; всѣ нашли, что она похорошѣла, заставили ее пѣть.

Moscou, le 9 Septembre 1835.

Nous avons passé toute la journée d'hier à fêter la nouvelle née, mad. Nadine.

La pauvre Barténeff-mère a décidément un cancer au sein, l'opération est aussi douloureuse que dangereuse. Son cher mari était aussi chez Над. Серг. ce soir et aussi bavard et gai que de coutume, annonçant qu'on répétait à outrance le nouvel opéra qu'on va donner «Аскольдова Могила» de Werstowsky, paroles de Zagoskine. On dit que c'est

monté avec magnificence et qu'il y a de beaux morceaux, beaucoup de vols. Wassilieff prétend qu'il a volé même des messes de Bartniansky.

Переводъ.

Москва, 9 Сентября 1835.

Весь вчерашній день мы провели въ празднованіи Надежды Сергѣевны. У бѣдной Бартеневой-матери дѣйствительно ракъ въ груди, операція столь же мучительна какъ и опасна. Ея милый мужъ тоже былъ вечеромъ у Над. Серг., по обыкновенію все такой же веселый говорунъ; сообщилъ, что усиленно повторяютъ новую оперу „Аскольдова Могила" Верстовскаго, слова Загоскина, которую скоро будутъ давать; говорятъ, что поставлена она будетъ роскошно и есть красивыя мѣста, но много краденаго. Васильевъ увѣряетъ, что онъ даже укралъ изъ обѣдни Бартнянскаго.

Moscou, le 12 Septembre 1835.

J'ai dévoré ces jours-ci un chagrin que j'ai caché de tout le monde, et cette phrase que j'entendais de tous côtés: mon Dieu qu'avez-vous? augmentait ma peine. Костя a fait des farces encore; il a été dîner à l'auberge avec Gervais, Tcherkasky et autres, après ils ont abîmé dans le jardin de Yélaguine (je crois) des fleurs, des palissades; on les a saisi, il ne s'agissait de rien moins que d'être envoyé au Caucase comme soldat, peut-être... Cette nouvelle était comme un coup de foudre pour moi; au moment d'être officier, au moment où je me tourmente pour l'équiper, voilà les cadeaux qu'il me fait! J'ai tout épuisé avec lui, il n'a aucune pitié de moi; aussi tout mon amour je le verse sur vous et Catherine, je n'ai jamais eu de vous que des consolations et des moments délicieux, aussi Dieu vous bénit visiblement toutes les deux. Пашка est encore tout entier dans l'avenir. Quelque grand que fut mon mécontentement contre Костя, j'étais dans des tourments pour savoir la fin de l'histoire. Par bonheur les officiers n'ont pas voulu dénoncer Костя et ont déposé qu'il n'avait fait que se promener avec eux, se trouvant là par hasard. Le g-l Bistrom, par égard pour moi et mon frère, fut aussi plus indulgent. Cependant, connaissant Костя par le portrait que mon frère lui avait fait шалунъ и трусливъ, il lui dit: знаете ли вы, что все это пахнетъ Кавказомъ? Увидимъ, а теперь ступайте подъ арестъ. Костя écrivit une lettre de désespoir et de repentir à mon frère, mais de ces lettres j'en ai toute une collection, je n'y compte pas. Dans ce moment mon frère m'annonce que Костя est relâché; tout fâché que j'étais contre lui, cela m'a ôté un grand poids du coeur, mais je lui revaudrai tout, je ne lui écris plus, c'est fini. Il faut qu'il se rende digne de ma lettre. Si le grand-duc avait été à Pétersbourg ou si s. a. était arrivé pendant les arrêts de Костя, cela aurait mal tourné,

il est encore trop heureux de voir ses farces ne pas tourner à son malheur. Tout cela m'a fait bien du mauvais sang, je vous assure.

Переводъ.

Москва, 12 Сентября 1835.

Въ эти дни я пережилъ горе, которое скрывалъ отъ всѣхъ, а фраза, слышанная мною со всѣхъ сторонъ: Боже мой, что съ вами? увеличивала мое горе. Костя опять напроказилъ: онъ отправился въ гостинницу обѣдать съ Жервэ, Черкасскимъ и другими, послѣ этого въ Елагиномъ саду (кажется) они испортили цвѣты, изгороди; ихъ схватили, и дѣло шло ни болѣе ни менѣе какъ о высылкѣ ихъ на Кавказъ, быть можетъ даже солдатами... Это извѣстіе было громовымъ ударомъ для меня; передъ самымъ производствомъ въ офицеры, когда я мучаюсь, чтобы обмундировать его, вотъ какія вещи онъ мнѣ приподноситъ! Я все исчерпалъ съ нимъ, у него нѣтъ никакой жалости ко мнѣ; за то всю свою любовь я вкладываю въ тебя и Катю, отъ васъ я никогда ничего не имѣлъ кромѣ утѣшенія и пріятныхъ минутъ; за то, видимо, и Господь благословляетъ васъ обѣихъ. Пашка еще весь въ будущемъ. Какъ ни велико было мое негодованіе на Костю, мнѣ мучительно хотѣлось знать конецъ исторіи. Къ счастію, офицеры не захотѣли выдать Костю и показали, будто онъ только гулялъ съ ними, очутившись тамъ случайно. Генералъ Бистромъ, изъ уваженія ко мнѣ и къ брату, былъ тоже болѣе снисходителенъ; между тѣмъ, зная Костю, по описанію брата, шалунъ и трусливъ, онъ сказалъ ему: знаете ли вы, что все это пахнетъ Кавказомъ? Увидимъ, а теперь ступайте подъ арестъ. Костя написалъ отчаянное и раскаянное письмо моему брату, но такихъ писемъ я имѣю цѣлую коллекцію; я на нихъ не полагаюсь. Сію минуту братъ сообщаетъ мнѣ, что Костя отпущенъ. Какъ ни былъ я сердитъ на него, это сняло съ моего сердца большой камень; но за все это я ему отплачу: я больше не пишу ему, кончено. Пусть постарается быть достойнымъ моего письма. Если бы в. князь былъ въ Петербургѣ или его высоч. изволилъ бы пріѣхать во время ареста Кости, дѣло кончилось бы печально; хорошо еще, что его продѣлки не причинили ему несчастья. Все это испортило мнѣ много крови, увѣряю тебя.

Moscou, le Septembre 1835.

Ce n'est que depuis ce matin que je commence à respirer un peu librement, ma chère Olga. J'ai été menacé (au moins l'étais-je dans mon imagination) du plus grand malheur que Dieu ait pu m'infliger. Vendredi j'ai reçu de mon frère une lettre de quelques lignes; il me disait qu'il était tombé malade, que Savenko, par précaution, l'avait mis au lit, qu'il m'écrivait peu pour me rassurer, mais qu'il ne savait pas écrire dans le lit. Je voyais à la vérité son écriture, mais j'étais dans une cruelle agitation jusqu'au lendemain pour savoir ce qui en était. La poste arrive Samedi, je trouve les journaux comme à l'ordinaire, mais rien de mon frère; je me sens une forte sueur froide, je pensais me trouver mal; je vois une lettre de Сашка, mais de ces lettres insignifiantes, mensongères qu'on écrit aux vielles femmes pour les ras-

surer en les trompant. Des sanglots me suffoquent, mes gens accourent, on appelle Catherine, je n'ai pas la force de lui parler, elle s'empare de la lettre de Сашка et me dit: mais, papa, au nom du Ciel, vous connaissez la sensibilité de Сашка, aurait-il eu la force de vous écrire, si son père avait été si mal? Revenu un peu à moi par cette observation si simple et si naturelle, je me mis à décacheter les autres lettres; j'en ouvre une, elle était de Michel Wielgorsky, je n'avais reconnu ni son cachet, ni son écriture. Cet ange de bonté ne m'oublia pas dans un

А. Я. Булгаковъ
(1781 † 1873, въ Дрезденѣ).

moment pareil et me parle de tout dans le plus grand détail. S'il était là, je me serais jeté à ses pieds pour le remercier. Dieu l'a envoyé dans un moment comme celui-là; c'est lui qui s'occupe du malade, et sa présence d'esprit dans un moment où tout le monde avait perdu la tête, sauva peut-être notre ange malade. Il me coûte trop de vous parler de tout cela. Je vous envoye la lettre de Сашка et de Wielgorsky qui vous mettront au fait de tout. C'était un coup de sang, et, sans la saignée, Dieu sait ce qui serait de mon frère et de moi. Votre

mère est partie avec Пашка à Gorbowo, je suis seul. Le Ciel m'a envoyé dans un moment comme cela Catherine, qui a été pour moi d'un grand secours et d'une grande consolation. Vous pouvez comprendre mon état, ma chère Olga. Dieu seul sait ce que j'ai souffert pendant cette journée cruelle. Je profite du premier instant de tranquillité pour vous écrire, cela me soulage, je vais me coucher. Dieu sait si je pourrai dormir. La bonne Катя est toujours avec moi et me donne du courage. Voyons ce que la poste de demain dira et si Dieu aura pitié de moi et de

Княгиня О. А. Долгорукая

(1813 † 1865, въ Ниццѣ).

toute notre famille. Qu'ai-je donc fait pour qu'Il me punisse d'une manière si cruelle! Adieu, mon ange, j'avais besoin de verser mon chagrin dans votre coeur.

Переводъ.

Москва, Сентября 1835.

Только съ сегодняшняго утра начинаю дышать немного свободнѣе, дорогая Ольга. Мнѣ угрожало (по крайней мѣрѣ въ воображеніи) самое большое горе, какое могъ бы послать мнѣ Господь. Въ Пятницу я получилъ

отъ брата письмо въ нѣсколько строкъ; онъ писалъ, что заболѣлъ, что Савенко, изъ предосторожности, уложилъ его въ постель, что онъ пишетъ, дабы меня успокоить, но что въ постели не умѣетъ писать. Въ самомъ дѣлѣ, я видѣлъ его почеркъ и тѣмъ не менѣе находился въ жестокомъ безпокойствѣ до слѣдующаго утра, не зная, въ чемъ дѣло. Приходитъ почта въ Субботу: нахожу, по обыкновенію, газеты, а отъ брата ничего; чувствую обильный холодный потъ, подумалъ, что упаду въ обморокъ; вижу письмо отъ Сашки, но одно изъ тѣхъ ничтожныхъ, обманчивыхъ писемъ, которыя пишутъ старымъ женщинамъ, чтобы, обманувъ, успокоить ихъ. Рыданія душили меня; прибѣжали мои люди, зовутъ Катю, у меня нѣтъ силъ говорить съ нею, она схватываетъ Сашкино письмо и говоритъ мнѣ: папенька, ради Бога, вѣдь вы же знаете чувствительность Сашки; развѣ онъ имѣлъ бы силы писать вамъ, если бы отцу его было такъ плохо? Придя немного въ себя отъ этого столь простого и естественнаго замѣчанія, я принялся распечатывать остальныя письма; открываю одно изъ нихъ, оно было отъ Михаила Віельгорскаго, я не узналъ ни его печати, ни почерка. Этотъ ангелъ доброты не забылъ обо мнѣ въ такую минуту и говоритъ обо всемъ съ самыми большими подробностями. Будь онъ здѣсь, я бросился бы ему въ ноги, чтобы поблагодарить его. Господь послалъ его въ такую минуту; онъ ходитъ за больнымъ, и его присутствіе духа въ минуту когда всѣ потеряли голову, можетъ быть, спасло нашего больного ангела. Мнѣ слишкомъ тяжело говорить тебѣ обо всемъ этомъ. Посылаю тебѣ письма Сашки и Віельгорскаго, изъ которыхъ все узнаешь. Это былъ ударъ, и безъ кровопусканія. Богъ знаетъ что̀ сталось бы съ моимъ братомъ и со мной. Твоя маменька уѣхала съ Пашкой въ Горбово, я одинъ. Небо послало мнѣ въ такую минуту Катю, которая была для меня большимъ спасеніемъ и утѣшеніемъ. Ты можешь понять мое состояніе, дорогая Ольга. Одинъ Богъ знаетъ что̀ выстрадалъ я за этотъ ужасный день; пользуюсь первой минутой спокойствія чтобы написать тебѣ, это облегчаетъ меня, пойду спать. Богъ знаетъ, смогу ли заснуть. Добрая Катя все время со мной и придаетъ мнѣ мужества. Посмотримъ что̀ скажетъ завтрашняя почта и смилуется ли Господь надо мной и всѣмъ нашимъ семействомъ. Что же я сдѣлалъ, чтобы Богъ наказалъ меня такъ жестоко! Прощай, мой ангелъ, мнѣ нужно было излить въ твое сердце мое горе.

Dimanche.

Dieu soit loué, les nouvelles sont rassurantes. C'est Соня *) qui m'écrit, Сашка étant retourné au régiment, ce qui me prouve aussi que le malade va mieux; le bon Wielgorsky m'écrit aussi que tout va bien, il m'envoie le bulletin de Savenko, que je vous envoye aussi pour vous tranquilliser. Dieu a eu miséricorde de nous. Quel homme ce bon Wielgorsky; tant que je vivrai, je n'oublierai pas ce qu'il a fait pour nous et qu'il s'est rappelé de moi dans un moment pareil. Je lui écris et je le conjure de ne pas permettre que mon frère s'occupe de rien que de sa santé. Dieu merci, tout va mieux à présent, et je suis rendu à la vie. Il y a deux ans que Savenko prie mon frère d'aller à Carlsbad se nettoyer un peu; il faudra qu'il le fasse absolument au printemps prochain.

---

*) Софья Константиновна, дочь больного, позднѣе графиня Перовская.

Je ne donnerai pas de repos au p-ce Galitzine qu'il ne le fasse partir par force s'il le fallait. Ah! chère Olga, quelle journée j'ai passé hier! J'ai eu la fièvre, une chaleur dévorante, j'a bu peut-être deux carafes d'eau dans une heure, le corps comme un brasier. Je me sens renaître aujourd'hui, ma tête n'est plus embarrassée et mon coeur est calme, j'ai dîné même avec appétit en tête-à-tête avec Catherine.

Je viens de recevoir, ma chère enfant, votre lettre du 14. Celle que vous écrivez à votre frère est parfaite. Dieu veuille qu'elle fasse son effet, mais Костя dans ce moment est un être tout à fait secondaire pour moi, je n'ai qu'une pensée, qu'un désir, qu'une prière au Ciel: la santé de mon frère. Mon fils sera longtemps à attendre que je lui écrive, mon coeur s'est refroidi pour lui au moins pour quelque temps. Tout ce que vous lui dites est tendre et sage, et il doit rougir d'avoir à écouter des choses pareilles d'une soeur cadette. Il sera touché de vos avis, j'en suis sûr, mais ce sera pour quelques jours seulement.

L'homme d'affaire de Paolino, Орловъ, est arrivé ici, et il est reparti pour S. Pétersbourg chercher de l'argent. Il a vu Paul passé à Nijni Novgorod; il a l'air d'un brave homme et dévoué aux intérêts de Paul. Il dit qu'il y aura l'année prochaine au moins 200 m. rbl. de revenu. C'est une bonne nouvelle.

Переводъ.

Воскресенье.

Слава Богу, извѣстія успокоительны. Пишетъ мнѣ Соня. Такъ какъ Сашка вернулся въ полкъ, это тоже доказываетъ, что больному лучше; добрый Віельгорскій тоже пишетъ, что все благополучно, онъ прислалъ мнѣ бюллетень Савенки, который посылаю тебѣ, чтобъ тебя успокоить. Господь смилостивился надъ нами. Что̀ за человѣкъ, этотъ Віельгорскій; пока буду живъ, не забуду того, что́ онъ для насъ сдѣлалъ и что вспомнилъ обо мнѣ въ такую минуту. Пишу ему и умоляю не позволять брату ничѣмъ заниматься кромѣ своего здоровья. Слава Богу, теперь все идетъ лучше, и я ожилъ. Вотъ уже два года какъ Савенко проситъ брата поѣхать въ Карлсбадъ, почиститься немного; слѣдуетъ ему непремѣнно это сдѣлать будущей весной. Я не дамъ покоя князю Голицыну, пока онъ не заставитъ его поѣхать хотя бы насильно, если потребуется. Ахъ, дорогая Ольга, какой день я провелъ вчера. У меня была лихорадка, убійственный жаръ, я выпилъ, пожалуй, два графина воды въ часъ, тѣло было точно жаровня. Сегодня я чувствую себя возродившимся, голова не тяжела и сердце покойно, я обѣдалъ даже съ апетитомъ съ глазу на глазъ съ Катей.

Дорогое дитя мое, только что получилъ твое письмо отъ 14-го. Письмо, написанное тобой къ твоему брату, безукоризненно. Дай Богъ, чтобъ оно возымѣло свое дѣйствіе, но въ данное время Костя существо совершенно второстепенное для меня, у меня только одна мысль, одно желаніе, одна мольба къ Небу: здоровье моего брата. Долго моему сыну придется ждать,

пока я ему напишу, сердце мое остыло къ нему по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время. Все, что ты ему говоришь, ласково, благоразумно, и онъ долженъ краснѣть, выслушивая подобныя вещи отъ младшей сестры. Онъ будетъ тронутъ твоими совѣтами, я въ этомъ увѣренъ, но это только на нѣсколько дней.

Сюда пріѣзжалъ управляющій Паолина, Орловъ и снова уѣхалъ въ Петербургъ, чтобы достать денегъ. Онъ видѣлъ Поля, ѣдущаго въ Нижній Новгородъ; онъ имѣетъ видъ честнаго человѣка, преданнаго интересамъ Поля. Говоритъ, что въ будущемъ году будетъ по крайней мѣрѣ 200 т. р. дохода. Это пріятное извѣстіе.

Moscou, le 29 Septembre 1835.

J'ai reçu une lettre de Костя qui m'a passablement fâché. Comme elle est sans date, je suppose qu'il l'aura écrite avant ou en recevant les 3500 rbl que je lui ai envoyés il y a dix jours. Il me dit ce qui suit: ma tante est venue me dire en larmes que mon oncle avait été dérangé dans sa santé à cause de ce que vous lui écriviez à mon sujet et qu'elle a eu toutes les peines du monde de le tranquilliser; cela me déchire le coeur, et je vous conjure de ne pas lui écrire à mon égard. Il me parle ensuite de 500 rbl. de dette, qu'il avait contracté à l'école et me prie de les payer etc. Je vous demande, ma chère amie, si c'est à un polisson qui a donné assez de chagrin à cet oncle qui l'aime tant que moi, à me donner des avis. Ce ne sera ni à lui, ni à sa chère tante à m'apprendre à aimer mon frère et à écarter de lui tout ce qui pourrait lui faire la moindre peine. J'ai su éviter cela depuis 50 ans. Je suis sûr de n'avoir rien écrit de pareil à mon frère, au moins pas pendant sa maladie. Je n'ai pas répondu à Костя, car il n'aura pas de si tôt de mes lettres. Quant à sa dette, comme jamais je ne souffrirai que son honneur et même son nom soient entachés le moins du monde, j'ai envoyé tout de suite les 500 rbl à S..., auquel je dis de vérifier ces dettes, de les payer sur-le-champ et dire aux créanciers que ce retard n'était pas dû à Костя. Enfin je le mets à couverture entièrement. Je puis être fâché contre lui, Dieu veuille que cela ne se répète plus dans l'avenir; mais jamais je ne souffrirai qu'il soit dans le besoin, j'aime mieux souffrir moi, et certes, si votre frère se conduit bien et sert avec zèle, il aura toujours même le superflu.

Revenons maintenant à mon frère. Tout allait très bien, mais il a eu de nouveau un accès de fièvre. Savenko ne voit pas le moment de le transporter en ville, chose qu'il désire lui-même très vivement, car ce voisinage de l'eau est mauvais pour la fièvre. On avait voulu le transporter Mercredi, mais la fièvre vint ce jour-là, et pour comble

de disgrâces il y avait un temps épouventable, vent, pluie, grêle, neige et inondation; l'eau était dans la rue qui sépare la maison de la Néva. Cependant la nuit fut tranquille, et le malade a bien dormi et il a même mis, avant de se coucher, en règle tous ses papiers, en séparant ceux qu'il devait prendre avec de ceux qui devaient rester à la campagne. Wielgorsky me dit que sans cette fièvre tout irait au mieux, mais que son état est toujours celui d'une pleine convalescence; on lui donne des pilules de quinquina.

Wielgorsky me prie de dire mille tendresses à mes anges gardiens (vous et Катя) et surtout à l'ange qui est retourné à Chémétovo et dont il baise les ailes. Sa famille est arrivée, il a été deux jours sans m'écrire; il ajoute: comme je n'ai pas vu votre frère ces jours, cela vous prouve qu'il va bien et n'avait pas besoin de mes soins.

Maman est encore à sa fabrique où tout va bien, Dieu merci. Le marchand est revenu hier et m'a apporté une lettre de maman; il est aussi très content de Gorbowo. Voilà donc votre mère ressuscitée tout-à-fait. Dieu veuille que mon frère mette le comble à nos voeux en se remettant promptement.

Переводъ.

Москва, 29 Сентября 1835.

Я получилъ отъ Кости письмо, которое изрядно таки меня разсердило. Такъ какъ оно безъ числа, предполагаю, что онъ написалъ его до или въ минуту полученія 3,500 р., которые я отправилъ ему дней десять тому назадъ. Онъ говоритъ мнѣ слѣдующее: тетя въ слезахъ пришла мнѣ сказать, что дядино здоровье разстроено тѣмъ, что̀ вы писали ему относительно меня и что ей стоило всѣхъ усилій на свѣтѣ, чтобы его успокоить; это терзаетъ мнѣ душу, и я васъ умоляю не писать ему обо мнѣ. Затѣмъ онъ говоритъ о 500 р. долгу, который онъ сдѣлалъ въ училищѣ и проситъ меня заплатить его и т. д. Спрашиваю тебя, дорогой мой другъ, этому ли повѣсѣ, доставившему довольно горя мнѣ и дядѣ, который его также какъ и я, любитъ, давать мнѣ совѣты? Не ему и не его милой тетушкѣ учить меня, какъ мнѣ любить брата и какъ отстранять отъ него все, что̀ могло бы въ малѣйшей степени обезпокоить его. Я умѣлъ избѣгать этого въ теченіи 50 лѣтъ. Увѣренъ, что не писалъ брату ничего такого, по крайней мѣрѣ во время его болѣзни. Я не отвѣтилъ Костѣ, не очень-то скоро онъ дождется отъ меня писемъ. Что касается его долга, такъ какъ никогда не потерплю, чтобы его честь и даже его имя были мало-мальски запятнаны, я тотчась послалъ 500 р. къ С., котораго прошу провѣрить эти долги и тотчасъ уплатить ихъ, сказавъ кредиторамъ, что такое промедленіе произошло не по Костиной винѣ. Словомъ, я совершенно выгораживаю его. Я могу на него сердиться, дай Богъ, чтобъ это въ будущемъ не повторялось; но никогда не потерплю, чтобъ онъ былъ въ нуждѣ, лучше я самъ буду страдать, и, конечно, если твой братъ будетъ хорошо себя вести и служить усердно, у него всегда будетъ даже излишекъ.

Теперь вернемся къ брату. Все шло очень хорошо, и вдругъ опять приступъ лихорадки. Савенко не дождется времени, когда можно будетъ его пе-

ревезти въ городъ, чего и самъ онъ горячо желаетъ, такъ какъ сосѣдство воды плохо дѣйствуетъ на лихорадку. Хотѣли перевезти его въ Среду, но въ этотъ день была лихорадка и, къ довершенію несчастья, страшная погода: вѣтеръ, дождь, градъ, снѣгъ и наводненіе; вода стояла на улицѣ, отдѣляющей домъ отъ Невы. Тѣмъ не менѣе ночь прошла спокойно, и больной спалъ хорошо; онъ даже, передъ тѣмъ какъ лечь спать, разобралъ всѣ свои бумаги, отдѣливъ тѣ, которыя долженъ былъ взять съ собой отъ остающихся на дачѣ. Віельгорскій пишетъ, что не будь этой лихорадки, все бы шло прекрасно, но что онъ все таки въ положеніи полнаго выздоровленія; ему даютъ хининъ въ пилюляхъ.

Віельгорскій проситъ меня передать тысячу нѣжностей моимъ ангеламъ хранителямъ (тебѣ и Катѣ) и особенно ангелу, вернувшемуся въ Шеметово, которому онъ цѣлуетъ крылья. Пріѣхала его семья, поэтому онъ два дня не писалъ мнѣ и прибавляетъ: эти дни я не видѣлъ вашего брата, а это доказываетъ, что онъ чувствуетъ себя хорошо и не нуждался въ моемъ уходѣ. Маменька еще у себя на фабрикѣ, гдѣ все идетъ хорошо, слава Богу. Вчера вернулся оттуда купецъ и привезъ мнѣ письмо отъ маменьки, онъ тоже очень доволенъ Горбовымъ. Итакъ твоя маменька совсѣмъ оживилась. Дай Богъ чтобы братъ, быстро поправившись, довершилъ исполненіе нашихъ желаній.

Moscou, le 30 Septembre 1835.

Revenez nous ici plus belle ou plutôt plus *jolie* (car c'est par là que vous brillez) que jamais, а мы приготовимъ тебѣ обожателей, et d'ailleurs n'aurons nous pas notre ange-gardien, notre Dieu-tutélaire Nicolas, auquel il faut tout montrer en beau.

Переводъ.

Москва, 30 Сентября 1835.

Вернись сюда краше или, вѣрнѣе, *милѣе* чѣмъ когда либо (вѣдь ты этимъ блестишь), а мы приготовимъ тебѣ обожателей, да впрочемъ развѣ не будетъ у насъ нашего ангела-хранителя, нашего бога-покровителя, Николая, которому нужно показать все въ лучшемъ видѣ.

Moscou, le 3 Octobre 1835.

L'état de mon frère est le même. Il y avait même des améliorations, il n'y a que cette fièvre qui me tourmente beaucoup. Comme elle n'est pas la suite d'un refroidissement, ni de quelque aliment, puisqu'il ne mange qu'un peu de soupe, elle tient donc à sa faiblesse ou au mal principal. Dans le premier cas ce ne serait rien au dire du vieux Phèle, que j'ai été voir hier; mais si non, la fièvre annonce un reste d'inflammation qu'il faut détruire. Savenko, il paraît, pensait de même et voulut même appliquer encore des sangsues, mais la fièvre ayant changé d'heure et s'étant diminuée, il renonça à un moyen qui aurait affaibli le malade.

La nuit du Lundi j'ai eu la fièvre, cette nuit-ci j'ai eu un très petit accès. Voilà donc ma joie partie, car je croyais que Dieu dans

Sa miséricorde m'avait donné le mal de mon frère. Je ne suis ni romanesque, ni exhalté, mais cette idée me souriait; je me porte bien, j'aurais donc mieux supporté la fièvre que mon pauvre frère, qui est faible sans cela. C'est un état horrible que le mien. Je cours sans cesse demander si la poste est arrivée et quand on me l'apporte, j'ai d'affreuses palpitations, je tremble d'apprendre quelque chose de fâcheux et quand les nouvelles me rassurent, je dis: il était comme cela, il y a trois jours de cela, que lui arrive-t-il maintenant? Cet état d'alarmes continuelles est pis que la mort. Une grande consolation pour moi c'est de le savoir en ville et entre les mais d'un homme habile et qui lui est tendrement attaché. Savenko peut le voir à chaque heure, il est aidé du conseil de Rauch et de Schiebel. Enfin je le remets lui et moi entre les mains de Dieu et si j'ai eu le malheur de commettre des péchés, le Ciel me les fait expier bien cruellement. Une chose, ma chère amie, qui me tourmente encore, se sont les visites de Faste. Vous savez comme il est désespérant, il m'ôte le peu de courage que j'ai. Jugez qu'il a le propos de partir pour Pétersbourg. Il désespérera mon frère. J'ai eu beau lui dire: что ты дѣлаешь, ты брата испугаешь, онъ заключитъ отъ твоего пріѣзда, что онъ въ опасности, всякое смущеніе, даже радость, для него гибельны; mais il ne veut pas entendre raison. Je me rappelle de tout ce qui arrivait chez lui quand son Пашенька était malade; il se mettait à genoux au chevet de son lit, pleurait et lui disait adieu pour toujours, quand l'autre n'était pas encore si mal. Je ne puis vous dire combien ce voyage me tourmente, mais j'ai l'espoir qu'on ne lui donnera pas la permission qu'il a demandée au ministre. J'aime Faste comme un frère, vous le savez; mais dans les moments de détresse il ne sait que l'augmenter. Tout cela me donne du noir et quand Dieu aura eu pitié de moi et aura rétabli mon frère, je serai certes l'être de la terre le plus heureux.

J'ai reçu hier un paquet de l'étranger avec l'ordre de St. André pour le g-l Yermoloff. Le sachant à sa campagne, je lui ai envoyé une estafette; il m'a répondu par une lettre charmante, il paraît très content et a fait cadeau de 200 rbl. au postillon. L'Empereur, posant à Teplitz avec l'empereur d'Autriche et le roi de Prusse la première pierre pour le monument à la mémoire des braves qui rachetèrent au prix de leur vie la victoire de Culm, a bien voulu se rappeler que c'était Yermoloff qui commandait les gardes; il reçut alors le 2 St.-Georges, mais l'Empereur a voulu y joindre le cordon bleu encore.

L'Empereur sera ici pour la fin du mois. Le 1-e Nov. S. M. sera de retour à Pétersbourg. Il doit être maintenant à Varsovie.

Переводъ.

Москва, 3 Октября 1835.

Положеніе брата все тò же. Было даже улучшеніе, вотъ только эта лихорадка очень меня безпокоитъ. Такъ какъ она не есть послѣдствіе простуды или какого-нибудь кушанія (онъ ѣстъ только немного супу), значитъ она происходитъ отъ его слабости или отъ главной болѣзни. Въ первомъ случаѣ это было бы ничего, по словамъ Пфеля, у котораго я былъ вчера; въ противномъ же случаѣ лихорадка свидѣтельствуетъ, что еще есть воспалительный процессъ, который нужно уничтожить. Савенко, кажется, предполагалъ тоже самое и даже хотѣлъ поставить еще пьявокъ, но такъ какъ лихорадка стала появляться въ другіе часы и въ болѣе слабой степени, онъ отказался отъ средства, которое ослабило бы брата.

Въ ночь на Понедѣльникъ у меня была лихорадка, эту ночь пароксизмъ былъ очень слабый. Такимъ образомъ исчезла моя радость, а то я думалъ, что Господь, въ милосердіи Своемъ, послалъ мнѣ болѣзнь брата. Я не мистикъ, не экзальтированный, но эта мысль улыбалась мнѣ; я здоровъ, значитъ могъ бы легче перенести лихорадку, чѣмъ мой бѣдный братъ, который и безъ того слабъ. Мое душевное состояніе ужасно. Я безпрестанно бѣгаю спрашивать пришла ли почта, а когда мнѣ ее приносятъ, со мной дѣлаются страшныя біенія сердца, я дрожу отъ страха узнать что нибудь нехорошее; когда же извѣстія успокаювающія, я говорю себѣ: такъ ему было три дня тому назадъ, а чтò съ нимъ теперь? Такое состояніе постоянной тревоги хуже чѣмъ смерть. Большое для меня утѣшеніе знать, что онъ въ городѣ, въ рукахъ искуснаго человѣка, который нѣжно ему преданъ, Савенко можетъ видѣть его во всякое время; ему помогаютъ совѣтами Раухъ и Шибель. Однимъ словомъ, его и себя предаю въ руки Божіи и если я имѣлъ несчастіе нагрѣшить, Небо заставляетъ меня жестоко искупить эти грѣхи. Чтò еще меня мучаетъ, дорогой мой другъ, это посѣщенія Фаста; ты знаешь, какъ онъ умѣетъ приводить въ отчаяніе, онъ отнимаетъ у меня то мужество, какое во мнѣ есть. Представь себѣ, онъ имѣетъ намѣреніе ѣхать въ Петербургъ. Онъ обезнадежитъ брата. Ужъ я говорилъ ему: что ты дѣлаешь, ты брата испугаешь, онъ заключитъ отъ твоего пріѣзда, что онъ въ опасности, всякое смущеніе, даже радость, для него гибельны; но онъ объ этомъ и слышать ничего не хочетъ. Я помню чтò съ нимъ бывало когда его Пашенька былъ боленъ; онъ становился на колѣни у его изголовья, плакалъ и прощался съ нимъ навсегда, когда тотъ былъ вовсе еще не такъ плохъ. Не могу сказать тебѣ насколько меня мучаетъ эта поѣздка; но надѣюсь, что ему не дадутъ на это разрѣшенія, котораго онъ испрашивалъ у министра. Ты знаешь, я люблю Фаста какъ брата, но въ минуты отчаянія онъ только его увеличиваетъ. Все это наводитъ на меня мрачныя мысли, а если Господь смилостивится надо мной и спасетъ моего брата, я, конечно, буду самымъ счастливымъ существомъ въ мірѣ.

Вчера я получилъ изъ заграницы пакетъ съ орденомъ Андрея Первозваннаго для Ермолова. Зная, что онъ у себя въ деревнѣ, я послалъ къ нему эстафету; онъ отвѣтилъ мнѣ прелестнымъ письмомъ, видимо очень доволенъ и подарилъ почтальону 200 р. Государь, кладя вмѣстѣ съ императоромъ Австрійскимъ и королемъ Прусскимъ первый камень при закладкѣ въ Теплицѣ памятника храбрецамъ, цѣною своей жизни купившимъ Кульмскую побѣду, изволилъ вспомнить, что гвардейцами командовалъ Ермоловъ; въ то

время онъ получилъ Георгія 2-й степени, а Государь пожелалъ присовокупить къ нему еще голубую ленту.

Государь будетъ здѣсь въ концѣ мѣсяца. 1-го Ноября Его Величество вернется въ Петербургъ. Теперь онъ долженъ быть въ Варшавѣ.

Moscou, le 7 Octobre 1835.

Je suis aujourd'hui plus calme. Mon frère a été deux jours sans fièvre, mais je tremble toujours, car elle l'avait déjà quitté deux fois et revient toujours à la moindre émotion. Le sommeil est une chose si précieuse, il avait dormi jusqu'à 9 heures et $^1/_2$ d'un excellent sommeil; à peine réveillé, on lui annonça la visite du prince Galitzine, qui s'était fait annoncer la veille. Le voilà qu'il se fâche: зачѣмъ меня не разбудили прежде, не дали время выбриться, пріодѣться; tandis que le sommeil est un bienfait pour lui, le voilà qu'il se fâche. Ce qui, avec la visite du prince, qui dura $^3/_4$ d'heure, lui donna un accès de fièvre et le fatigua, tout agréable qu'elle fût pour lui. Vous voyez comme il faut peu et quelle mauvaise raison il faut pour que sa santé s'en ressente. J'ai tellement peur de le fatiguer même par quelques lignes, que je ne lui écris plus que deux fois par semaine. Au reste, Соня a tous les jours de mes lettres, car c'est elle qu'il demande: чтó братъ пишетъ?

J'ai été chez mad. Kindiakoff, qui m'a engagé à venir écouter Orloff, Michel,, qui a lu son fragment sur la capitulation de Paris qu'il traita, comme vous savez, avec le maréchal Marmont par ordre de l'empereur Alexandre. C'est très intéressant, mais je trouve qu'il a rempli cela de trop de réflexions, de dissertations, qui ne se rapportent pas au sujet; il y a trop de poésie, quelque fois même c'est un sermon.

Переводъ.

Москва, 7 Октября 1835.

Сегодня я покойнѣе: у брата два дня не было лихорадки, но я все-таки боюсь, такъ какъ два раза уже она покидала его и снова возвращается при малѣйшемъ волненіи. Сонъ такая драгоцѣнная вещь, онъ хорошо спалъ до $9^1/_2$ часовъ; только что проснулся, ему доложили о пріѣздѣ князя Голицына, который предупредилъ о своемъ пріѣздѣ еще наканунѣ. И вотъ братъ сердится: зачѣмъ меня не разбудили прежде, не дали время выбриться, пріодѣться; тогда какъ сонъ для него благотворенъ, а онъ сердится, и это вмѣстѣ съ посѣщеніемъ князя, продолжавшимся $^3/_4$ часа, вызвало у него приступъ лихорадки и утомило его, несмотря на всю пріятность посѣщенія. Ты видишь, какъ мало нужно и какой ничтожной причины достаточно, чтобы отразилась на его здоровьѣ; я до такой степени боюсь утомить его даже нѣсколькими строчками, что пишу ему только два раза въ недѣлю. Впрочемъ Соня получаетъ отъ меня письма ежедневно, такъ какъ ее онъ спрашиваетъ: чтò братъ пишетъ?

Былъ я у Киндяковой, которая позвала меня слушать Михаила Орлова; онъ прочелъ отрывокъ изъ своего описанія капитуляціи Парижа, которую онъ заключилъ съ маршаломъ Мармономъ по приказанію императора Александра. Это очень интересно; но я нахожу, что онъ слишкомъ переполнилъ это описаніе соображеніями и разсужденіями, не относящимися къ предмету; слишкомъ много тутъ поэзіи, подчасъ это даже проповѣдь.

Moscou, le 1835.

J'ai vu Barténeff, qui est venu dire adieu il part demain pour Pétersbourg, cependant il dit que sa femme va mieux.

La poste n'est pas venue encore. Je suis toujours à l'attendre et à la redouter en même temps. Cependant cette fois-ci je m'attends à des nouvelles tranquillisantes, au moins la lettre d'hier de ma soeur me prépara à cela. C'est cruel de souffrir si longtemps. Je sais bien que le danger est passé, mais que de soins, que de ménagement il faut donner à cette cruelle convalescence. Cela me tourmente de ne pas être à Pétersbourg pour le soigner.

Combien j'étais heureux avant cette maladie de mon frère! Je ne sentais pas assez combien grande était la bonté de Dieu envers moi, et Dieu m'a puni.

Soyez sûre, ma chère Olga, que si tout m'était ravi dans ce monde, vous m'y attacheriez toujours. Je pense souvent à mes excellents enfants. Катя n'est pas vous, je vous le dis à vous à l'oreille, elle n'est ni affable, ni expansive, ni prévenante comme vous; mais vous êtes l'une et l'autre bonnes, tendres, attachées à votre père. Votre retour me comble de joie, j'espère que ce sera pour le 20 à peu près, car le 25 ou le 26 l'Empereur sera ici.

J'ai beaucoup ri des préparatifs que le roi Philippe fait aux Tuilleries; сама прочтешь. Comme on se moque de lui!

Переводъ.

Москва, 1835.

Видѣлъ Бартенева, который пріѣзжалъ прощаться; завтра онъ ѣдетъ въ Петербургъ, между тѣмъ онъ говоритъ, что женѣ его легче. Почта еще не пришла. Я все ее жду и въ тоже время страшусь ея. Между тѣмъ на этотъ разъ ожидаю успокоительныхъ извѣстій, по крайней мѣрѣ вчерашнее письмо сестры*) подготовило меня къ этому. Жестоко страдать такъ долго. Я вѣдь знаю, что опасность миновала, но сколько же заботъ, сколько осторожности нужно при этомъ жестокомъ выздоровленіи. Меня мучаетъ то, что нѣтъ меня въ Петербургѣ, чтобы ходить за нимъ.

Какъ счастливъ я былъ до этой болѣзни брата. Я недостаточно чувствовалъ сколь велика была милость Божія ко мнѣ, и Богъ меня наказалъ.

---

*) Шумлянской.

Будь увѣрена, дорогая Ольга, что если бы все въ этомъ мірѣ было у меня отнято, ты все-таки привязывала бы меня къ жизни. Я часто думаю о своихъ прекрасныхъ дѣтяхъ. Катя не ты (говорю это тебѣ одной, на ушко), она не такъ ласкова, ни сообщительна, ни предупредительна, какъ ты, но вы и та и другая добры, нѣжны, преданы вашему отцу. Твое возвращеніе преисполняетъ меня радостью; я надѣюсь, это будетъ приблизительно 20-го числа, такъ какъ 25 или 26 будетъ здѣсь Государь.

Я много смѣялся надъ приготовленіями, которыя король Филиппъ дѣлаетъ въ Тюильри; сама прочтешь. Какъ надъ нимъ смѣются!

Moscou, le 14 Octobre 1835.

J'ai passé encore une mauvaise journée, ma soeur Lise m'ayant informé que Savenko avait jugé nécessaire d'appliquer encore des sangsues à mon frère, ayant la certitude, que la fièvre ne disparaîtrait entièrement qu'avec tout germe d'inflammation et en effet, le pouls fut excellent après, et mon frère a bien dormi la nuit. Une bonne nouvelle l'attendait le lendemain. Le p-ce Galitzine lui apporta une lettre de l'Empereur, dans laquelle S. M. I. disait au prince ce qui suit: Я весьма жалѣю о болѣзни Б.; скажи ему, что я *очень*, *очень* ему кланяться велѣлъ и что я требую, чтобы онъ къ моему возвращенію въ Петербургъ былъ здоровъ. Vous pouvez vous imaginer si tout cela a dû être agréable à un homme dévoué et sensible comme l'est mon frère. Il a été touché extrêmement et a dit au prince en plaisantant: что̀ касается до послѣдней фразы Государя Императора, то позвольте объявить высочайшую волю Савенкѣ, а я готовъ повиноваться его приказаніямъ. Wielgorsky me dit que cela a eu une influence salutaire sur son moral et qu'il est plus patient et docile. Il a reçu Abram Norof, le cher Lolo, même la cousine Nousse et mes soeurs, tandis qu'on ne laissait entrer personne avant; il a mangé avec assez d'appetit une pomme cuite et en a demandé pour le soir. Tout cela est, Dieu merci, consolant et m'a relèvé de mon abattement.

Que vous dire en fait d'autres nouvelles? Il y en a une qui fait bruit à Pétersbourg, savoir: le richard Démidoff, Paul, se décide tout à coup à se marier et comme homme sûr de son fait, il va chez le p-ce Basile Dolgorouky demander la main de sa fille Marie *) Grande rumeur: la grand'maman dans le ravissement, le papa ne dit ni oui ni non, mais plutôt oui. Il dit qu'il en parlera à sa fille; celle-ci répond qu'elle ne connait pas assez Démidoff, qu'on l'amène; il vient, vient tous les jours presque. Un beau matin la princesse convoitée vient chez son

*) Позднѣе, супруга князя В. А. Долгорукаго, Московскаго генералъ-губернатора.

père et lui dit: je ferai ce que vous m'ordonnerez; si vous voulez me consulter sur ce choix, je ne veux pas de ce m-r, et jamais il ne fera mon bonheur, et sur cela le millionaire a un refus. Je trouve cela beau de sa part, car dans ce siècle sur 100 demoiselles 90 auraient dit: oui. Ce qui est plaisant, c'est que Démidoff, au lieu de se formaliser, a été le premier à publier le refus et à admirer la conduite de la jeune beauté. Pour vous rapporter tous les-on-dit: d'autres prétendent que Démidoff a dit: c'est bon; mais avant un mois je serai marié et donnerai à la p-sse Marie une fête qui me coûtera 500 m. rbl. Je m'imagine comme ce sera agréable à sa femme de faire les honneurs d'une fête dont une autre sera la reine. J'ai vu aujourd'hui le g-l Neigardt, qui a remplacé le p-ce Hilkoff et m'a dit que le gr.-duc Michel l'avait chargé de bien des compliments pour moi et *tous les miens*; donc, prenez en votre part. S. A. I. ne reviendra en Russie qu'au mois de Novembre.

Paskewitch a reçu de l'Empereur un million de gratifications, Ridiger 50 m. rbl. et beaucoup d'autres encore. On croit que les biens confisqués aux rebelles Polonais seront distribués parmi les généraux russes qui le méritent le plus.

Переводъ.

Москва, 14 Октября 1835.

Я опять провелъ плохой день, такъ какъ сестра Лиза сообщила мнѣ, что Савенко нашелъ нужнымъ поставить брату еще пьявокъ, будучи увѣренъ, что лихорадка исчезнетъ совершенно только при исчезновеніи источника воспаленія, и дѣйствительно, послѣ этого пульсъ сталъ отличный, и братъ хорошо спалъ ночь. На другой день его ожидала добрая вѣсть. Кн. Голицынъ привезъ ему письмо Государя, въ которомъ Е. В. писалъ князю слѣдующее...

Можешь себѣ представить, какъ все это должно было быть пріятно человѣку столь преданному и чувствительному какъ мой братъ. Онъ былъ чрезвычайно тронутъ и шутя сказалъ князю..... Віельгорскій говоритъ, что это имѣло благотворное вліяніе на его моральное состояніе и что онъ сталъ терпѣливѣе и послушнѣе. Онъ принялъ Абрама Норова, дорогого Лоло, даже кузину Нусъ и моихъ сестеръ, тогда какъ раньше никого не впускали; онъ съѣлъ съ порядочнымъ аппетитомъ печеное яблоко и спросилъ другое къ вечеру. Все это, слава Богу, утѣшительно и вывело меня изъ унынія. Что сказать тебѣ относительно другихъ новостей? Есть одна, надѣлавшая шуму въ Петербургѣ, а именно: богачъ Павелъ Демидовъ вдругъ рѣшилъ жениться и, какъ человѣкъ увѣренный въ успѣхѣ своего предпріятія, ѣдетъ къ князю Василію Долгорукому просить руки его дочери Маріи; большое волненіе: бабушка въ восхищеніи, папенька не говоритъ ни да ни нѣтъ, но скорѣе да; онъ сказалъ, что поговоритъ съ дочерью, а она отвѣтила, что не достаточно знаетъ Демидова, пусть его привезутъ. Онъ пріѣзжаетъ, ѣздитъ

почти каждый день. Въ одно прекрасное утро желанная княжна приходитъ къ своему отцу и говоритъ ему: я сдѣлаю то, что̀ вы мнѣ прикажете; если же хотите спросить меня относительно этого выбора, не хочу я этого господина и никогда не составитъ онъ моего счастья. Послѣ этого милліонеру было отказано. Я нахожу, что это съ ея стороны прекрасно, такъ какъ въ теперешній вѣкъ на 100 барышень 90 отвѣтили бы: да. Забавно, что Демидовъ, вмѣсто того чтобъ обидѣться, первый объявилъ объ отказѣ и восхищался поступкомъ молодой красавицы. Ужъ если передавать тебѣ всѣ слухи, нѣкоторые увѣряютъ, будто Демидовъ сказалъ: Хорошо же! Но раньше мѣсяца я уже буду женатъ и сдѣлаю въ честь княжны Маріи празднество, которое будетъ мнѣ стоить 500 т. р. Воображаю себѣ, какъ его женѣ будетъ пріятно быть хозяйкой на торжествѣ, царицей котораго будетъ другая. Я видѣлъ сегодня генерала Нейгарда, который замѣстилъ кн. Хилкова; онъ сказалъ мнѣ, что в. к. Михаилъ Павловичъ поручилъ ему передать привѣтъ мнѣ и *всѣмъ моимъ*; значитъ, принимай это и на свой счетъ. Его в-ство вернется въ Россію только въ Ноябрѣ.

Паскевичъ получилъ отъ Государя въ награду милліонъ, Ридигеръ 50 т. р. и многіе еще. Полагаютъ, что конфискованныя имѣнія мятежныхъ Поляковъ будутъ розданы тѣмъ изъ Русскихъ генераловъ, которые болѣе заслужили.

*

К. Я. Булгаковъ скончался 29 Октября 1835 и былъ оплаканъ многими. Вотъ что писалъ о немъ графъ Нессельроде графу Воронцову отъ 12 Ноября 1835 года.

„Начинаемъ старѣть, а лучшіе друзья наши опережаютъ насъ въ могилу. Въ этомъ отношеніи мы понесли за эти два года ужасныя потери и, конечно, послѣдняя—одна изъ самыхъ чувствительныхъ. Я все еще не могу свыкнуться съ мыслью, что нашего чудеснаго Булгакова уже нѣтъ на свѣтѣ. Я и пріѣхалъ-то сюда, чтобы въ нѣкоторомъ родѣ принять его послѣдній вздохъ. Я имѣлъ еще то утѣшеніе, что засталъ эго въ живыхъ. Онъ былъ въ полномъ разсудкѣ, но какое раздирающее зрѣлище! Къ довершенію несчастія, онъ оставляетъ семью въ совершенной бѣдности. Вы знаете, онъ всегда думалъ о другихъ и никогда о себѣ. Конечно, Государь много сдѣлалъ, назначивъ вдовѣ пенсію въ 6000 р., а семьѣ аренду въ 3000 р. на 24 года. Къ несчастью, количество долговъ огромно; кромѣ долга въ банкъ, которымъ обременена его земля въ Бѣлоруссіи, частные долги достигаютъ 260 т. р.“ („Архивъ Князя Воронцова“ XL, 123).

ПРИГЛАСИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО В. А. ЖУКОВСКОМУ.

1808.

Обширная переписка князя П. А. Вяземскаго съ В. А. Жуковскимъ хранится въ Остафьевскомъ архивѣ. Она начинается съ 1808 года, когда 16-ти лѣтній хозяинъ подмосковнаго села Остафьева (которое унаслѣдовано имъ послѣ скончавшагося за годъ передъ тѣмъ его отца) обращается къ Жуковскому съ слѣдующимъ посланіемъ:

I.

Соперникъ, мастеръ въ той наукѣ,
Въ которой ты—Музъ славныхъ жрецъ,
А я—стиховъ простой кузнецъ,
Пишу къ тебѣ при страшномъ стукѣ
Моихъ несносныхъ молотковъ.
По твоему письму узнавши
Что, какъ на печкѣ мой стоящій
Notron *) одиннадцать часовъ
Пробьетъ, то ты ко мнѣ пріѣдешь,
Рѣшился я писать къ тебѣ,
Что такъ желается судьбѣ:
Что если будешь, то уѣдешь,
Курносый не видавъ носъ мой;
Ибо мнѣ завтра должно ѣхать
И поздно лишь къ себѣ пріѣхать
На Колымажный дворъ домой.
А ежели послѣ обѣда,
Какъ мнѣ твоя-моя бесѣда
Тебѣ пріятность принесетъ,
То князь Жуковскаго зоветъ.
Ему жъ онъ будетъ столь доволенъ
Сколь пьяница, когда онъ воленъ
Вина отдуть бутылокъ шесть....

---

*) Имя часовыхъ дѣлъ мастера?

Съ поклономъ быть имѣю честь
Слугою вашимъ—и позоромъ
Пѣвцовъ Россійскихъ. Но я вздоромъ
Своимъ наскучилъ вамъ.... Болтать
Давно пора мнѣ перестать.

Князь Петръ Вяземскій.

Москва, Маія 12. 1808.

Въ томъ же году князь зоветъ его въ Остафьево, куда Жуковскій и пріѣхалъ, и съ той поры начинается ихъ неразрывная дружба. Съ того же времени они переходятъ на ты. Черезъ четыре года они вмѣстѣ были въ арміи Кутузова, гдѣ въ Бородинскій день подъ княземъ Вяземскимъ (тогда Мамоновскимъ казакомъ) убиты двѣ лошади.

Г. С. Ш.

Князь Вяземскій познакомился съ Жуковскимъ (который былъ лѣтъ на десять старше его) конечно, еще у своего отца, человѣка отлично просвѣщеннаго. За Карамзинымъ была сестра князя Екатерина Андреевна. Карамзины жили въ Москвѣ у Антипія, близъ такъ называемаго Колымажнаго двора (гдѣ нынѣ возведенъ Музей Императора Александра III-го), въ домѣ князя Вяземскаго (нынѣ князя Долгорукаго); Жуковскій же занималъ крошечную комнату въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ у А. А. Прокоповича-Антонскаго. Князь Вяземскій передавалъ намъ, что иногда, возвращаясь за полночь съ какой-нибудь вечеринки или бала Газетнымъ переулкомъ, онъ видѣлъ въ окнѣ у Жуковскаго свѣтъ и заѣзжалъ къ нему на бесѣду. Крайне желательно, чтобы переписка ихъ была обнародована также и столь же тщательно, какъ переписка князя Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ. П. Б.

ПИСЬМА КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО КЪ Д. Г. БИБИКОВУ.

Подвергнувшійся полицейскому надзору за то, что былъ знакомъ и даже друженъ съ нѣкоторыми изъ Декабристовъ, раздѣлявшій дѣятельно ихъ мысль о необходимости раскрѣпощенія помѣщичихъ крестьянъ, но вполнѣ чуждый разрушительныхъ замысловъ, которые они питали, князь Вяземскій нѣсколько лѣтъ сряду находился въ отставкѣ послѣ своей Варшавской службы при Новосильцовѣ. Въ Мартѣ 1830 года императоръ Николай Павловичъ пріѣхалъ въ Москву и сообщилъ двумъ-тремъ лицамъ не только мысль свою объ освобожденіи крестьянъ съ землею, но и составленное о томъ положеніе (оно было напечатано въ Аугсбургской Газетѣ въ Нѣмецкомъ переводѣ). Тогда князь Вяземскій попросился поступить вновь на службу. Государь выразилъ желаніе, чтобы онъ служилъ въ Министерствѣ Финансовъ, дабы отрезвиться отъ политическихъ мечтаній (по выраженію Государя). Князь опредѣлился подъ начальство графа Канкрина, вице-директоромъ Департамента Внѣшней Торговли, директоромъ котораго былъ Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ, соучастникъ его въ Бородинскомъ сраженіи (гдѣ у Бибикова оторвало руку). Ихъ служебно-дружескія отношенія видны по слѣдующимъ письмамъ. П. Б.

1.

Святыми молитвами вашего превосходительства Департаментъ Внѣшней Торговли состоитъ благополучно. Государь Императоръ неожиданно посѣтилъ вчерашняго числа таможню, въ 4-мъ часу пополудни, все осматривалъ и, оставшись всѣмъ доволенъ, объявилъ свое высочайшее благоволеніе. Оно тѣмъ замѣчательнѣе, что пріѣхалъ онъ туда вѣроятно не въ добромъ расположеніи духа, ибо прежде того былъ онъ на пробѣ парада, назначеннаго къ 30-му Августа при открытіи колонны, и былъ недоволенъ какою-то неисправностью при работахъ колонны, такъ, что всѣмъ членамъ и особенно архитектору Монферану крѣпко досталось. Министра по отъѣздѣ вашемъ я еще не видалъ; поѣду завтра съ докладомъ. Пособіе 8000 рублей Тимирязеву высочайше назначено. Новаго, достойнаго передачи вамъ, ничего нѣтъ. Погода все такая же, то-есть отлично-гадкая. Изъ заграничныхъ извѣстій, хотя и не газет-

ныхъ, кажется достовѣрно то, что Англійскій король помѣшался въ умѣ, и что сынъ Бельгійскаго короля скончался.

При семъ посылаю нѣсколько изъ писемъ на имя ваше полученныхъ. Мое письмо отправляется съ вице-директоршою, которая сейчасъ ѣдетъ въ Москву и которую имѣю честь рекомендовать вашему превосходительству.

Сдѣлайте одолженіе, поручите г-ну Самойлову содѣйствовать успѣшному и поспѣшному заключенію условія по моей суконной фабрикѣ.

Прошу покорнѣйше передать мое нижайшее и *нѣжнѣйшее* (заочно позволите) почтеніе Софьѣ Сергѣевнѣ [1]) и примите увѣреніе въ моемъ душевномъ почтеніи и неизмѣнной преданности. Вяземскій.

С.-Петербургъ.
Мая 20-го 1834 г.

2.

Имѣю честь донести вашему превосходительству, что вчерашній докладъ сошелъ благополучно. Назначеніе г-на Арсеньева и перемѣщеніе Хвостова и Игнатьева подписаны. Впрочемъ ничего замѣчательнаго въ докладѣ не было. Новостей также не имѣется никакихъ. Погода все продолжается холодная.

Съ душевнымъ почтеніемъ вашему превосходительству неизмѣнно преданный. Вяземскій.

22-го Мая.

3.

Все идетъ своимъ порядкомъ, или лучше сказать, порядкомъ вашего превосходительства. Два Понедѣльника сошли благополучно. Дѣло о 3-хъ процентахъ по Азіатскимъ таможнямъ кончено. Перемѣщеніе Хвостова и Игнатьева также. По прошенію Хвостова уже и указъ объ отставкѣ его подписанъ. Графъ [2]) спрашивалъ вчера: кѣмъ полагаютъ замѣстить его? Дѣло объ усиленіи таможенной стражи въ Бессарабіи и Новороссійскомъ краѣ, по совокупномъ разсмотрѣніи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и представленной отъ обоихъ министровъ докладной запискѣ Государю Императору, идетъ еще къ графу Воронцову: ибо найдено, что дать столько людей, по крайней мѣрѣ вдругъ, невозможно, тѣмъ болѣе, что по военнымъ видамъ нужно будетъ вся таки оставить на той границѣ до четырехъ козачьихъ полковъ. По приказанію Его

---

[1]) Эго супруга Д. Г. Бибикова, ур. Кушникова.

[2]) Канкринъ.

Величества о награжденіи нижнихъ чинамъ С.-Петербургской таможни за порядокъ найденый Государемъ въ таможнѣ, министръ приказалъ выдать всѣмъ дежурнымъ въ тотъ день по 15-ти, 10-ти и 5-ти рублей. Мы получили блистательную реляцію отъ главнокомандующаго Юрбургской арміи статскаго совѣтника Спиридонова о кровопролитномъ дѣлѣ съ Прусскими контрабандистами. Шутки въ сторону, наши дѣйствовали очень хорошо. Будетъ составлена о томъ докладная записка. Парижскій Мейендорфъ напечаталъ въ Revue d'économie politique статью о внѣшней торговлѣ Россіи. Прикажу повѣрить ее въ счетномъ отдѣленіи, перевести и напечатать въ Газетѣ [1]).

Впрочемъ ничего новаго нѣтъ ни у насъ, ни у прочихъ. Графъ имѣлъ опять подагрическій припадокъ; ему лучше, но вчера я нашелъ, что онъ довольно слабъ и разстроенъ.

Ожидаемъ васъ въ скоромъ времени. Въ городѣ пусто и скучно, а мнѣ и грустно отъ печальныхъ извѣстій изъ Москвы о здоровіи дочери моей. Пользуюсь однакожѐ позволеніемъ обожать заочно Софію Сергѣевну и прошу передать ей мое сердечное колѣнопреклоненіе. Съ истиннымъ почтеніемъ вашему превосходительству неизмѣнно преданный Вяземскій.

Кто навараксалъ купеческую рѣчь князю Голицыну [2])? Вотъ одолжили! Дѣло о копорскомъ чаѣ идетъ дѣятельно, и Государю докладываютъ о немъ еженедѣльно.

5-го Іюля 1834.

4.

Любекъ, 16 (28) Августа 1834.

Для облегченія нашего дорожнаго багажа, который по Русской привычкѣ и по неопытности нашей въ путешествіи наполнили мы всякою всячиною намъ ненужною, отсылаемъ мы обратно съ пароходомъ нѣсколько узловъ съ бѣльемъ и прочими пожитками. Все это отдано нами родственникамъ моимъ Свербѣевымъ, возвращающимся въ Россію и съ которыми встрѣтились мы въ Любекѣ. Обращаюсь къ вашему превосходительству съ покорнѣйшею просьбою приказать осмотрѣть въ таможнѣ эти узлы и потомъ попросить Аркадія Семеновича Тимирязева отъ меня отложить ихъ къ другимъ вещамъ, которыя онъ изъ одолженія ко мнѣ обѣщался хранить до возвращенія моего. Мы благополучно

---

[1]) Т. е. въ Коммерческой Газетѣ.

[2]) Это рѣчь на празднествѣ, которое дало Московское купечество князю Д. В. Голицыну.

прибыли сюда вчера вечеромъ. Плаваніе наше продолжалось трое сутокъ съ половиною, и хотя по временамъ отъ качки довольно тяжкое, было однакоже благопріятное. Больная наша [1]), слава Богу, выдержала путь хорошо. Завтра отправляемся далѣе. Доселѣ любопытнаго сказать еще нечего, но со временемъ надѣюсь буду имѣть случай сообщать вамъ извѣстія, заслуживающія вниманія.

Осмѣливаюсь напомнить вашему превосходительству о просьбѣ подполковника Каверина, желающаго служить подъ начальствомъ вашимъ по таможенной стражѣ и за котораго ходатайствовали и ручались князь Долгорукій Виленскій и генералъ Офенбергъ. Онъ хотѣлъ пріѣхать въ Петербургъ, чтобы имѣть честь представиться къ вамъ. Я увѣренъ, что онъ оправдалъ бы довѣренность вашу.

Если Свербѣевы, возвращающіеся въ Россію, послѣ полуторагодового пребыванія за границею, обратятся къ вашему превосходительству съ просьбою оказать имъ возможное снисхожденіе въ пропускѣ нѣкоторыхъ вещей, имъ принадлежащихъ, позвольте мнѣ надѣяться, что вы не откажете имъ въ покровительствѣ, таможенными постановленіями дозволенномъ.

Прошу васъ передать мой нижайшій поклонъ милостивой государынѣ Софіи Сергѣевнѣ и его высокопр-ву Сергѣю Сергѣевичу [2]) и принять увѣреніе въ истинномъ почтеніи неизмѣнно преданнаго вамъ. Вяземскій.

5.

Ганау, 4 (16) Окт. 1834.

Опасаясь, чтобы ваше превосходительство не почли меня пропавшимъ безъ вѣсти и вслѣдствіе того не исключили изъ книги животныхъ, а имя мое изъ послужныхъ списковъ, осмѣливаюсь напомнить вамъ и сказать нѣсколько словъ о себѣ. Около шести недѣль находимся здѣсь, то-есть въ Ганау, а что̀ такое Ганау, едва ли догадаетесь безъ помощи географическаго словаря. Городъ сей изъ числа тѣхъ, которые въ самомъ дѣлѣ имѣютъ одно географическое существованіе, какъ многіе люди одно нарицательное или адресъ-календарное. Но не по наружности должно судить о предметахъ и о лицахъ. Иной человѣкъ, мало извѣстный и повидимому одна рядовая единица въ общемъ итогѣ человѣчества, бываетъ въ нѣкоторомъ отношеніи значительное число и очень на счету въ частномъ кругу своемъ; такъ и Ганау, скромная, уѣздная,

---

[1]) Старшая дочь князя, княжна Прасковья Петровна.

[2]) Кушникову.

едва-ли не заштатная Ганау, важнѣе и дороже для насъ всякой столицы, ибо здѣсь приблизились мы нѣсколько къ цѣли, которую единственно имѣлъ я въ виду, отправляясь за границу. Здѣшній докторъ Коппъ былъ намъ рекомендованъ еще въ Петербургѣ Жуковскимъ, знавшимъ его лично, и Арндтомъ, знавшимъ его по сочиненіямъ и по Европейской репутаціи. Донынѣ онъ совершенно оправдалъ довѣренность нашу. Свѣдѣній и опытности въ немъ много, заботливости, внимательности и предусмотрительности какъ нельзя болѣе. Онъ много помогъ нашей больной. Положеніе ея поправляется медленно, но онъ попалъ на болѣзнь ея, остановилъ ее и дѣйствуетъ на нее, кажется, самымъ надежнымъ образомъ. Послѣ того нечего сказывать мнѣ, что я не жалуюсь на свой карантинъ и не скучаю уединеніемъ и однообразностью нашего пребыванія. Но если нашлись бы въ Петербургѣ добрые люди, которые, завидуя участи моей, стали говорить, что я ликую и пирую въ чужихъ краяхъ, то, сдѣлайте одолженіе, пришлите ихъ въ Ганау, и увидимъ, что̀ скажутъ они. Я похожъ на человѣка, котораго въ кои-то вѣки отпустили въ театръ и посадили въ дыру суфлера спиною къ сценѣ *). Даже нечего мнѣ промыслить здѣсь и для Коммерческой Газеты въ должности ея корреспондента. Торговля здѣшняя не обширна, но Ганау славится двумя отраслями промышленности: издѣліемъ ковровъ и золотыхъ дѣлъ мастерствомъ, не уступающими Англійскимъ и Французскимъ, но уступающимъ имъ въ цѣнѣ. Здѣшніе ковры идутъ въ Петербургъ за Англійскіе, и Плинке въ сношеніи съ здѣшнею мануфактурою. Я нарочно ѣздилъ во Франкфуртъ (въ двухъ часахъ разстоянія отсюда) во время ярмонки, надѣясь поживиться какими нибудь торговыми наблюденіями, но не удалось: во первыхъ пріѣхалъ я къ концу ярмонки, а во вторыхъ по настоящему не было ей и начала. Съ тѣхъ поръ, что̀ вольный городъ Франкфуртъ запертъ таможенною линіею новаго Прусскаго союза, нѣтъ свободнаго исхода товарамъ изъ него, и слѣдовательно ярмонка должна была упасть. Ея упадкомъ возникла и въ нынѣшнемъ году довольно разрослась Офенбахская ярмонка, потому что Офенбахъ, который въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Франкфурта, принадлежитъ Гессенъ-Дармстадскому владѣнію, вошедшему въ составъ таможеннаго союза. Полагаютъ, что и Франкфурту должно будетъ наконецъ покориться необходимости. Этотъ союзъ мастерская выдумка Пруссіи: ибо хотя въ теоріи равенство выгодъ отъ уничтоженія таможенныхъ сборовъ между разными Нѣмецкими владѣніями и кажется общимъ, но на дѣлѣ выходитъ, что доля Пруссіи болѣе про-

---

*) Это было первое путешествіе князя Вяземскаго за границу, гдѣ потомъ бывалъ онъ многократно, гдѣ и скончался. П. Б.

чихъ, ибо она прочихъ промышленнѣе и мануфактурнѣе. Она разчистила издѣліямъ своимъ слѣды во всѣ стороны, зная, что ей нечего опасаться ни совмѣстничества въ чужихъ областяхъ, ни подрыва дома отъ чужихъ промышленностей, которыя всѣ вмѣстѣ не въ силахъ тягаться съ нею.

Ганау однакоже намъ городъ не чужой: это родина графа Канкрина, и я видѣлъ домъ, въ которомъ онъ родился. Память отца его здѣсь очень уважается. Онъ былъ дворцовымъ архитекторомъ и *финансъ-совѣтникомъ*, завѣдывающимъ строительною частью и солеварнями. Вслѣдствіе придворной интриги бывшій президентъ Фонъ-Галь былъ отданъ покойнымъ курфирстомъ подъ судъ, а съ нимъ и Канкринъ, который былъ ему пріятель. Произведенное надъ ними слѣдствіе обнаружило совершенную невинность ихъ. Курфирстъ хотѣлъ замять это дѣло, но обвиненные требовали формальнаго и гласнаго оправданія, которое и объявлено было слѣдствіе жалобы ихъ на курфирста высшему суду въ Вѣнѣ. Послѣ того Канкринъ поѣхалъ въ Россію, вступилъ въ службу нашу и былъ опредѣленъ по вѣдомству соляныхъ дѣлъ, кажется, въ Старую-Русь. Всему этому болѣе 50 лѣтъ, слѣдовательно нашъ графъ былъ тогда ребенкомъ. Позднѣе обучался онъ въ Гисенскомъ университетѣ, который и нынѣ пользуется хорошею славою въ Гессенъ-Дармстадскомъ великомъ княжествѣ. Фамиліи Канкриной здѣсь уже нѣтъ. Мы вчера лазили на башню въ древнемъ вкусѣ, построенную Канкринымъ; его же трудовъ памятникъ и заведеніе баней, или такъ называемый Wilhelmsbad, увеселительный зàмокъ, къ которому примыкаетъ большой паркъ, обыкновенное гульбище городскихъ жителей и окрестныхъ, такъ что бываютъ посѣтители и изъ Франкфурта, особенно по Воскресеньямъ. Вотъ и здѣсь видно дѣйствіе какой-то симпатіи въ томъ, что судьба привела меня въ Ганау, темное и маленькое гнѣздышко, изъ коего должно было вылетѣть ширококрылое, и уже не двуглавое, а многоглавое Русское Министерство Финансовъ. А чтобы еще болѣе держать меня подъ поучительными впечатлѣніями и не развлекать отъ воспоминаній службы, возлѣ дома нашего стоитъ таможня и громогласно вопіетъ ко мнѣ: помни Департаментъ Внѣшней Торговли! Вы видите, ваше превосходительство, что я почти не въ отпуску, по крайней мѣрѣ помышленіями могу считать себя въ дѣйствительной службѣ. Докторъ Коппъ не позволяетъ дочери моей оставаться на зиму въ Германіи и посылаетъ ее въ Римъ. Такимъ образомъ приходится мнѣ сиднемъ просидѣть у Ганауской таможни и курьеромъ проскакать сквозь Италію. Полагаю, что изготовленный мнѣ маршрутъ былъ написанъ судьбою подъ диктовку Полевого, или чрез-

мѣрно сострадательной души, которая опасалась за меня, что могу избаловаться въ чужихъ краяхъ. Вѣроятно выѣдемъ отсюда недѣли черезъ двѣ. Провожу моихъ по довольно затруднительной дорогѣ чрезъ горы, а иногда и—чего добраго—сквозь разбойническія шайки, пристрою къ мѣсту, предамъ ихъ покровительству святѣйшаго отца и благодатнаго голубого неба Италіи, и поспѣшно возвращусь на сиротствующій мой вице-директорскій стулъ, чтобы облегчить руку вашего превосходительства, очищающую нынѣ и мои нумера, когда у васъ своихъ довольно. А если я просрочилъ бы нѣсколько? Что̀ въ такомъ случаѣ будетъ со мною? Знаю, что укорочу пряжку свою, но это небольшая бѣда. Тутъ есть утѣшеніе: малолѣтняя пряжка молодитъ, а на старости оно пріятно. Но боюсь пряжки и напрягàя, которые вы мнѣ зададите. Нѣтъ, шутки въ сторону, изъ удовольствія не позволю себѣ ни дня промѣшкать. Исполнивъ обязанность семейную, исполню немедленно обязанность и подчиненнаго. Съ этой стороны совѣсть моя покойна, и пребываніе мое въ Ганау, когда легко могъ бы я обрыскать въ это время много занимательныхъ и привлекательныхъ мѣстъ, лучшее свидѣтельство, что у меня въ путешествіи была одна цѣль и одно на умѣ и на сердцѣ. Новостей ни литературныхъ, ни политическихъ сообщить вамъ не могу. Нашъ городъ не изъ передовыхъ, а изъ запасныхъ. Главное общее участіе устремлено на несостоятельность Испанскаго правительства, потому что многіе интересованы въ Гебгардскомъ и въ другихъ займахъ. Впрочемъ теперь нѣтъ закулисной политики: вся политика видна каждому съ площади и всенародно преподается телеграфическими движеніями и газетными станками. Сегодняшняя тайна кабинетовъ имѣетъ завтра свою разгадку въ журналахъ, а иногда еще и вчера. Кто-то спрашивалъ Талейрана: кто былъ прямымъ основателемъ *de la quadruple alliance*? Quelqu'un, отвѣчалъ онъ, qui a plus d'esprit que vous et moi; c'est tout le monde. Если вамъ угодно будетъ почтить меня какимъ нибудь порученіемъ, то адресуйте письмо ваше во Франкфуртъ на имя Маркелова, секретаря миссіи нашей. Прошу покорнѣйше напомнить обо мнѣ и засвидѣтельствовать мое почтеніе Софіи Сергѣевнѣ и Сергѣю Сергѣевичу при случаѣ прошу также сказать е. с. графу Егору Францовичу, что почелъ бы за счастіе себѣ, если могъ бы исполнить за границею какое ни есть приказаніе его, а не осмѣливаюсь писать къ нему, потому что нечего интереснаго писать. Душевно и почтительно в. п. преданный Вяземскій.

Ганау, 18 (30) Окт. 1834 г.

6.

Сейчасъ отправляемся изъ Ганау на Мюнхенъ и въ Римъ. Докторъ Коппъ высылаетъ насъ немедленно, чтобы убраться заблаговременно

отъ Германской зимы, которая по общимъ догадкамъ будетъ въ нынѣшнемъ году довольно ранняя и суровая, и уже стучится къ намъ въ дверь и въ окно, а ваше превосходительство знаете, что̀ за окошки и двери водятся въ Германіи: все сквозныя, такъ, что никогда въ крещенскіе морозы не бывало намъ такъ холодно въ Россіи, какъ здѣсь въ комнатахъ и въ эту пору года. Теперь погода опять очень поправилась, и спѣшимъ воспользоваться лоскуткомъ благопріятнаго времени, чтобы перевалиться чрезъ горы. Изъ Рима напишу къ вамъ пространнѣе, а теперь, прося передать прилагаемое у сего письмо, имѣю честь засвидѣтельствовать вашему превосходительству чувства моего искренняго уваженія и неизмѣнной преданности. Вяземскій.

Прошу предписать мнѣ въ Римъ, что̀ сказать отъ васъ святѣйшему отцу, во владѣніяхъ коего, по замѣчанію одного путешественника, *есть таможни, но нѣтъ торговли.*

Его превосходительству Дмитрію Гавриловичу Бибикову. Г. директору Департамента Внѣшней Торговли. Въ С.-Петербургѣ. Отъ к. Вяземскаго.

7.

Буюкдере, 12 (24) Окт. 1849.

Позвольте мнѣ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Дмитрій Гаврилович, поручить вашему благосклонному расположенію Русскаго художника г-на Лавецари, который, объѣздивъ Востокъ, возвращается нынѣ въ Россію и хочетъ осмотрѣть Кіевъ [1]) и изучить его памятники и древности. Удостойте его покровительствомъ и дайте ему средство воспользоваться пребываніемъ своимъ въ богоспасаемомъ градѣ вашемъ. Что̀ сказать вамъ о нашемъ житьѣ-бытьѣ въ здѣшней поганой сторонѣ? Природа здѣсь прекрасная и много любопытнаго и занимательнаго, но люди ее портятъ, и вообще жить здѣсь довольно трудно. Впрочемъ главная цѣль нашей поѣздки сюда благополучно достигнута. Мы убѣдились въ счастіи сына нашего, которому Провидѣніе даровало добрую и милую жену, а на дняхъ Богъ даровалъ имъ и дочку [2]). Мы полагали провести здѣсь зиму съ ними, но теперь политическія обстоятельства могутъ измѣнить планы наши. Вы изъ Петербурга, а во всякомъ случаѣ изъ иностранныхъ газетъ, знаете о томъ, что̀ у насъ дѣлается. Если мы имѣли бы дѣло съ одними Турками, то успѣхъ былъ бы несомнителенъ; но Турки куклы, а дѣйствующія лица, которыя за нихъ

---

[1]) Гдѣ Д. Г. Бибиковъ былъ тогда генералъ-губернаторомъ.

[2]) Нынѣ графиню Екатерину Павловну Шереметеву.

говорятъ и приводятъ ихъ въ движеніе—это Французы и Англичане, особенно послѣдніе. Англичане у себя на Іоническихъ островахъ казнятъ своихъ бунтовщиковъ, но къ чужимъ бунтовщикамъ они очень сердобольны, въ надеждѣ, что они имъ пригодятся. Замѣчательно, что во всѣхъ событіяхъ послѣдняго времени конецъ одного дѣла рождаетъ начало другаго. Казалось, что съ окончаніемъ Венгерской войны всѣ затрудненія побѣждены и остается только отдохнуть на лаврахъ. Совсѣмъ не такъ: Венгерскій пожаръ потушили, но въ лицѣ Бема, Дембянскаго и другихъ остались головни, отъ которыхъ можетъ разгорѣться новый пожаръ пуще прежняго. Ожидаемъ, какое рѣшеніе дадутъ этому дѣлу въ Петербургѣ. Разумѣется, намъ нельзя желать войны, которая можетъ обратиться въ Европейскую. Но нельзя намъ и уступить. Можетъ быть, послѣ 12-го года не было въ нашей политической жизни минуты важнѣе настоящей *). Въ иностранныхъ журналахъ всю отвѣтственность взваливаютъ на насъ однихъ и увѣряютъ, что Царь требуетъ выдачи и Поляковъ, и Венгерцевъ. Но дѣло въ томъ, что Австрія такъ же настойчива какъ и мы, если еще не настойчивѣе.

Во всякомъ случаѣ, надѣюсь весною погостить у васъ. Когда будете писать къ Софьѣ Сергѣевнѣ, передайте ей наше сердечное привѣтствіе. Надѣемся. что она и все семейство ваше здоровы. Хорошо бы, если на будущій годъ прислали васъ сюда Константинопольскимъ, виноватъ, Цареградскимъ военнымъ генералъ- губернаторомъ. А почему бы и нѣтъ?

Въ ожиданіи того позвольте васъ обнять и примите увѣреніе въ моемъ искреннемъ почтеніи и неизмѣнной преданности. Вяземскій.

(Изъ пятой книги «Сборника П. И. Щукина»).

---

*) Лѣтомъ 1831 года Пушкинъ тоже говорилъ, что послѣ 12-го года не было для Россіи болѣе тяжкаго политическаго положенія. П. Б.

НѢКОТОРЫЯ ПОДРОБНОСТИ О КОНЧИНѢ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

Покойный Государь постоянно носилъ шерстяные носки; на свадьбу дочери графа Клейнмихеля, боясь, что будетъ жарко, надѣлъ нитяные, вслѣдствіе чего и простудился. Несмотря на то, его вел. ежедневно выѣзжалъ, и хотя чувствовалъ внутренній холодъ, не принималъ никакихъ лѣкарствъ. Болѣзнь усиливалась; но, не взирая на это, въ Субботу онъ былъ въ Михайловскомъ манежѣ, гдѣ провожалъ гвард. маршевые батальоны, идущіе въ походъ; между прочимъ распекъ смотрителя за то, что манежъ нетопленъ, тогда какъ было тамъ тепло. За трое сутокъ до кончины, Государь потребовалъ военнаго министра; но ему доложили, что кн. Долгорукій боленъ и не выѣзжаетъ. Е. Вел. велѣлъ подать сани и самъ поѣхалъ къ нему. Возвратясь во дворецъ, онъ почувствовалъ себя такъ нехорошо, что слегъ, но продолжалъ заниматься государственными дѣлами и слушалъ доклады Наслѣдника.

Въ Четвергъ, въ 3 ч. утра, Наслѣдникъ и Константинъ Никол. уже знали о безнадежности положенія Государя и предварили Императрицу. Она пришла и просила Царя исповѣдываться и причаститься, говоря, что это ему поможетъ, и что ей этого хочется. «Развѣ мнѣ такъ худо?» спросилъ Государь и велѣлъ позвать доктора, котораго спросилъ по-латыни. Мандтъ отвѣчалъ, склонивъ голову. «А, сказалъ Императоръ, рѣшительная минута наступила». Исполнилъ долгъ христіанина твердо и спокойно.

Ночью велѣлъ онъ позвать Наслѣдника, съ которымъ бесѣдовалъ нѣсколько часовъ. Въ 6 час. утра позвалъ Наслѣдницу, которая была въ ближайшей комнатѣ, и просилъ обоихъ окружать мать тѣми же вниманіями, какими самъ окружалъ ее, прибавивъ: «я хочу, чтобы она жила, она должна жить!» Потомъ спросилъ: «а гдѣ жъ она?» Императрицу привели, она склонилась къ нему. Онъ цѣловалъ ее и сказалъ: «Полно плакать! Я этого не хочу! Я хочу, чтобъ ты жила, жила, жила непремѣнно. Живи памятью моей любви! А прочти Отче Нашъ!» Она

стала читать и когда дошла до словъ: «да будетъ воля Твоя», онъ остановилъ ее и громко и твердо сказалъ: «и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ!» Потомъ велѣлъ дать знать по телеграфу въ Москву *), Кіевъ и Варшаву: Государь кончается. Когда донесли ему, что повелѣніе исполнено, онъ сказалъ Наслѣднику: «а когда все будетъ кончено то, Александръ, сію минуту вели измѣнить слова, чтобъ телеграфъ сказалъ: Государь скончался, царствуетъ Александръ II». Онъ продолжалъ: «обычай требуетъ, чтобы тѣло императора было выставлено для народа шесть недѣль; но теперь не то время, чтобы заниматься тебѣ этими церемоніями, и потому употребляю послѣдніе звуки моего голоса. Саша, чтобы просить тебя и приказать, какъ отецъ и императоръ, исполнить послѣднюю мою волю: недѣлю тѣло мое пусть стоитъ здѣсь, и еще недѣлю въ крѣпости, и довольно. Я хочу, чтобы трауръ по мнѣ носили самый короткій срокъ, какъ только допуститъ приличіе».

Царь прощался со всѣмъ своимъ семействомъ и велѣлъ принести даже Вѣру Константиновну. Въ каждомъ словѣ его было слышно его теплое любящее сердце. Потомъ онъ спросилъ съ улыбкой: «а гдѣ же завтрашній или даже сегодняшній Цесаревичъ Nix?» Малютка подошелъ къ умирающему, сталъ на колѣни у низкой походной желѣзной кровати съ кожанымъ тюфякомъ, на которомъ скончался Царь. Е. Вел., положивъ руку на голову ребенка, сказалъ: «смотри, Коля, будь послушенъ твоему отцу и твоей матери, какъ отецъ твой былъ послушенъ намъ съ бабушкой; кромѣ радостей я и она отъ твоего отца ничего не видали; смотри, Коля, помни это, что дѣдушка за тобою и оттуда будетъ смотрѣть» (показалъ на небо.) Маленькій вел. кн. плакалъ и цѣловалъ руки. Государь усилился, чтобы притянуть его къ себѣ и сказалъ: «Слушай по военному, слушай команду, полно плакать. Ну, цѣлуй меня!» Но у самого слезы текли ручьями. Потомъ онъ сказалъ: «мнѣ хорошо, мнѣ прекрасно, мнѣ отрадно, мнѣ сладко, желаю всякому того же».

Государь прощался со всей своей приближенной прислугой, даже съ кучеромъ своимъ Яковомъ, который страшно ревѣлъ. Царь приказалъ ему не плакать, обѣщая, что Наслѣдникъ его не оставитъ. Вспомнилъ объ одномъ камеръ-лакеѣ, котораго когда-то ударилъ и, приказавъ позвать его, сказалъ ему: «я тебя обидѣлъ разъ—помнишь ли? Я ударилъ тебя. Прости меня, братецъ, за мою невоздержность». Лакей рыдая цѣловалъ ноги Царя. Всѣ плакали.

---

*) Въ Москвѣ о кончинѣ Государя узнали позже, чѣмъ въ Лондонѣ. По распоряженію графа Закревскаго, получившаго, вѣроятно, приказаніе о томъ изъ Петербурга, казармы, до манифеста о новомъ царствованіи, были заперты. П. Б.

Кто-то доложилъ умирающему, что Варвара Аркадьевна Нелидова*) желала бы имѣть счастье проститься съ нимъ. Онъ отказалъ. (Послѣ кончины—нынѣшній Государь былъ у нея и бесѣдовалъ болѣе часу.) Но все это утомило его, онъ сталъ безпокоиться; нѣсколько успокоительныхъ капель облегчили его. Императрица сказала ему: «хочешь ли, я прочту тебѣ письма сыновей изъ Севастополя?» (Духовникъ Бажановъ читалъ въ это время отходную) «Нѣтъ, благодарю, мой другъ! Вѣдь я уже не принадлежу земному». Перекрестился, затихъ и угасъ совершенно, 18-го Февраля 1855 года, въ 12 ч. 20 м. пополудни.

Дежурный по карауламъ полковникъ Измайловскаго полка . . . . ., приходившій въ 2 ч. прощаться съ тѣломъ его, видѣлъ его лежащаго на походной кровати, покрытаго солдатской шинелью, лицо обвязанное фуляромъ, и на глазахъ два металлическіе кружка.

*

За оглашеніе этой записки читатели обязаны П. И. Щукину, помѣстившему ее въ V-й книгѣ своего „Сборника", вѣроятно изъ Мухановскихъ бумагъ, которыя, къ счастію для любителей родной старины, перешли въ его Музей. (Очень можетъ быть, что записка написана Н. А. Мухановымъ, которому близко бывало извѣстно происходивше въ Зимнемъ дворцѣ по самой близости его мѣстожительства на дворцовой набережной). Этою запискою опровергается распространенная въ Россіи и за границею молва о томъ, будто Николай Павловичъ содѣйствовалъ своей кончинѣ чрезмѣрными пріемами успокоительныхъ лекарствъ. Его сокрушили наши неудачи въ Севастополѣ (гдѣ знаменитые редуты, Камчатскій, Волынскій и Селенчинскій возведены были не только по его приказанію, но и по своеручнымъ его чертежамъ), измѣна союзниковъ и разочарованіе въ пріемахъ государственнаго правленія. Печатаемую записку слѣдуетъ сличить съ запискою доктора Мандта, которая напечатана въ первой тетради „Русскаго Архива" 1884 года. Кстати сказать, что приведенное въ ней письмо принадлежитъ графинѣ А. Д. Блудовой и что сама записка написана Мандтомъ вскорѣ послѣ событія въ видѣ письма находившейся во Франкфуртѣ на Одерѣ его супругѣ П. Б.

---

*) Это дама сердца, каковою для императора Павла была Екатерина Ивановна Нелидова. Подобно своему отцу, Николай Павловичъ хотѣлъ быть средне-вѣковымъ рыцаремъ. Недавно скончавшаяся В. А. Нелидова пользовалась общимъ уваженіемъ двора и знакомыхъ. Она отказалась отъ значительныхъ денегъ ей завѣщанныхъ поклонникомъ ея. П. Б.

КЪ РАЗСКАЗАМЪ В. А. СУХОВО-КОБЫЛИНА ОБЪ АРАКЧЕЕВѢ.

(Р. Арх., 1906, VII).

Записки В. А. Сухово-Кобылина о графѣ А. А. Аракчеевѣ заставляютъ меня написать нижеслѣдующія строки.

Отзывъ автора объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ благопріятный. Другіе же современники Аракчеева отзывались о немъ очень рѣзко. Письма, напримѣръ, гр. П. Д. Киселева, А. А. Закревскаго, кн. М. Н. Волконскаго пестрятъ эпитетомъ „Змѣй-Горюнычъ", которые они давали Аракчееву. Для сохраненія равновѣсія, столь необходимаго при постановленіи историческаго приговора, нужно прислушаться и къ голосамъ неоппозиціонныхъ. Не даромъ образно выражался остроумный князь П. А. Вяземскій: „я не одержанъ безусловной аракчеевофобіей, которою страждутъ многіе; считаю, что и Аракчеева должно всецѣло изслѣдовать и безъ пристрастія судить, а не то что прямо начать съ четвертованія его" (Полн. Собр. соч., т. VIII, стр. 205—6).

Относительно служебныхъ требованій Аракчеева и характера его отношеній къ подчиненнымъ полагаю нелишнимъ сообщить нѣсколько конкретныхъ случаевъ. Объ этомъ мною было напечатано въ журналѣ Михайловскаго Артиллерійскаго Училища („Михайловецъ"); повторяю тоже, въ „Русскомъ Архивѣ", такъ какъ Михайловецъ обслуживаетъ небольшую аудиторію и есть органъ корпоративный. Въ инструкціи 1799 года обозному Андрееву Аракчеевъ помѣстилъ требованіе, чтобы счетъ на конскія принадлежности былъ „не аптекарскимъ, а христіанскимъ". Въ томъ же году полковнику Тарарыкину, по поводу вкравшейся въ отчетъ ошибки, Аракчеевъ писалъ: „писарь за ошибку не отвѣчаетъ, а отвѣчаетъ командиръ; въ службѣ же викарныхъ нѣту, а должны командиры сами всякій свое дѣло дѣлать, а когда силы ослабнутъ, то можетъ выбрать себѣ покой; пока же служитъ, то долженъ трудиться, а правителя, если кто хочетъ, тотъ можетъ нанять отъ себя, хоть оберъ-секретаря". При разсмотрѣніи расходовъ по крѣпости Св. Дмитрія Аракчеевъ обратилъ вниманіе на то, что была израсходована необычайно большая сумма на веревки и пеньку; поэтому въ 1803 г. онъ писалъ генералу Гельвигу, что „защита крѣпостей не состоитъ въ цыновкахъ, рогожахъ и мочальныхъ веревкахъ". Считая, что его приказаніе должно быть выполнено, онъ писалъ въ 1804 г. полковнику Бурмейеру: „никакія затрудненія не могутъ быть мнѣ доносимы, кромѣ рапорта вашего объ исполненіи онаго".

Считаю нужнымъ еще поправить неточность Сухово-Кобылина о сформированіи Аракчеевымъ ста артиллерійскихъ ротъ *въ 1801 г.* Этого онъ сдѣлать *въ 1801 г.* не могъ, такъ какъ съ 1 Октября *1799 г.* до 14 Мая *1803 г.* находился въ отставкѣ.

Мих. Соколовскій.

Г. А. ВУЛЬФЕРТЪ.

Однимъ изъ самоотверженныхъ, хотя и не громкихъ, дѣятелей былъ братъ моей матери Г. А. Вульфертъ, оставившій по себѣ неизгладимую память въ сердцахъ людей знавшихъ его высокія качества, его всегдашнюю готовность, запечатлѣнную кровью, жертвовать жизнью на полѣ брани за славу и благоденствіе Россіи. Густавъ Александровичъ родился въ Финляндіи, гдѣ отецъ его былъ главнымъ начальникомъ почтъ Великаго Княжества. Вульферты происходили изъ старинной дворянской семьи, родомъ изъ Баваріи, откуда переселились въ Финляндію. Отецъ Густава Александровича, одно время издававшій „S.-Petersturger Zeitung", былъ человѣкомъ разносторонне образованнымъ и, несмотря на свое иностранное происхожденіе, искренно любилъ Россію. Въ Гельсингфорсѣ въ домѣ Вульфертовъ собиралось мѣстное просвѣщенное общество, привлекаемое умомъ и начитанностью гостепріимнаго хозяина, красотою и привѣтливостью его супруги *). Таковы были впечатлѣнія дѣтства Густава Александровича, чтѣ не помѣшало ему впослѣдствіи быть горячимъ сторонникомъ Славянофильства

Получивъ первоначальное образованіе подъ руководствомъ отца, онъ посѣщалъ классическую гимназію въ Гельсингфорсѣ, затѣмъ былъ помѣщенъ въ Фридрихсгамскій Кадетскій корпусъ и окончилъ свое образованіе въ Пажескомъ корпусѣ, откуда выпущенъ въ 1860 г. прапорщикомъ въ гвардейскій стрѣлковый батальонъ. Будучи человѣкомъ храбрымъ и энергичнымъ, Густавъ Александровичъ не долго оставался, въ Петербургѣ; онъ перевелся въ гусарскій Бѣлорусскій полкъ штабъ-ротмистромъ въ Оренбургъ, откуда предвидѣлась экспедиція въ Среднюю Азію, и состоялъ адъютантомъ при генералъ-губернаторѣ А. П. Безакѣ. Здѣсь онъ впервыя познакомился и сошелся съ Михаиломъ Григорьевичемъ Черняевымъ (впослѣдствіи женившимся на сестрѣ его Антонинѣ Александровнѣ). Недолго пробывъ въ Оренбургѣ, онъ всего 24-хъ лѣтъ отъ роду, участвовалъ подъ начальствомъ полковника Веревкина въ экспедиціи, отправленной изъ форта Перовскаго въ среднюю Азію, противъ Коканцевъ.

Съ самаго начала своей боевой службы Густавъ Александровичъ всегда стремился туда, гдѣ происходилъ бой. Убѣдившись изъ опыта, что въ пылу сраженія, въ самомъ его пеклѣ, присутствіе энергичнаго офицера не только необходимо, но часто дѣйствуетъ рѣшительно на исходъ сраженія, онъ всегда предлагалъ свои услуги тамъ, гдѣ, по его соображеніямъ, могъ принести пользу.

*) Смотри переписку Я. К. Грота.

Во время этой экспедиціи, при осадѣ Туркестана, 9-го Іюня 1864 г., онъ вмѣстѣ съ начальникомъ отряда полковникомъ Веревкинымъ и другими офицерами находился на городскомъ базарѣ. Ночью сюда принесли убитаго капитана генеральнаго штаба Каховскаго, командовавшаго прикрытіемъ при траншейныхъ работахъ и смертельно раненаго изъ цитадели. Увидѣвъ убитаго, начальникъ отряда, полковникъ Веревкинъ растерялся и, обращаясь къ присутствующимъ, громко воскликнулъ: „Ахъ, какъ мнѣ его жаль; теперь безъ него въ траншеяхъ плохо, люди остались безъ надежнаго командира". Всѣ молчали. Тогда Густавъ Александровичъ подошелъ къ Веревкину, и предложилъ себя. Веревкинъ, отпуская его, простился съ нимъ, обнялъ и благодарилъ. Прибывъ на мѣсто, Густавъ Александровичъ увидѣлъ, что люди лежали на совершенно открытой выстрѣламъ мѣстности. Пули изъ крѣпости свистѣли кругомъ и наносили сильный уронъ нашимъ солдатамъ. Шаговъ въ 300 отъ этого мѣста находился непріятельскій ровъ, а недалеко отъ него стѣна городской крѣпости, которая своей близостью мѣшала пулямъ попадать въ ровъ. Между рвомъ и крѣпостной стѣной находился глазисъ, за нимъ второй ровъ и крѣпостной валъ. Обошедши людей лежавшихъ на землѣ и принявъ въ соображеніе все вышеизложенное, Густавъ Александровичъ крикнулъ: „Ребята, кто молодецъ, иди за мной!" Добѣжавъ до городского рва, онъ со своими людьми былъ прикрытъ этимъ рвомъ отъ выстрѣловъ. Тотчасъ же, чтобы не терять времени, онъ приказалъ солдатамъ приступить къ землянымъ работамъ и рыть траншею на встрѣчу той, которая уже велась нашими инженерами. Но противоположный отъ крѣпости скатъ рва былъ подверженъ непріятельскому огню, и пули ударяли въ него. Тогда, чтобы отвлечь непріятеля отъ работающихъ солдатъ, Густавъ Александровичъ придумалъ слѣдующее. Онъ влѣзъ на плеча одного изъ солдатъ, высунувшагося изъ рва; снизу ему подавали ружья, изъ которыхъ онъ выпускалъ одну пулю за другой, мѣтко цѣлясь въ бойницы непріятельской крѣпости. Непріятель никакъ не ожидалъ, что Русскіе могутъ подойти такъ близко и былъ пораженъ смущеніемъ. Ночью въ нашемъ отрядикѣ ясно были слышны изъ крѣпости шумъ, говоръ и топотъ лошадей. Впослѣдствіи оказалось, что въ эту самую ночь султанъ Садыкъ съ своими сарбазами вышелъ изъ крѣпости, ошибочно предполагая, что къ ней подошелъ почти вплотную значительный Русскій отрядъ. Утромъ Густавъ Александровичъ замѣтилъ, что въ главной траншеѣ, которую вели наши инженеры, работы прекратились; до окончаніи же траншей оставлять ровъ было невозможно, такъ какъ во время перехода днемъ, въ виду непріятеля, половина людей была бы перебита. Тогда, чтобы узнать причину прекращенія работъ въ главной траншеѣ, онъ рѣшился самъ перебѣжать туда, что̀ ему удалось исполнить благополучно. Добѣжавъ до цѣли, онъ увидѣлъ, что въ траншеѣ инженера не было, солдаты очень устали, потому что смѣна во́ время не была выслана, и преспокойно бросили работу. Ободривъ ихъ и немедленно приказавъ взяться за дѣло, онъ объяснилъ имъ, что засѣдавшіе во рву работаютъ имъ навстрѣчу и до окончанія траншеи не могутъ оттуда освобо-

диться. Направивъ работы и не желая покинуть своихъ молодцовъ, Густавъ Александровичъ выскочилъ изъ траншеи, пустился бѣгомъ обратно подъ градомъ пуль и снова невредимо достигъ рва. Въ тотъ же день въ нашъ лагерь явилась депутація туземцевъ и объявила, что городъ сдается и войска ихъ выступили уже изъ Туркестана. Какъ одинъ изъ наиболѣе отличившихся офицеровъ, Вульфертъ былъ посланъ въ Петербургъ для представленія Государю Императору главнаго знамени города Туркестана и другого знамени, отбитаго у Коканцевъ подъ Акъ-Булакомъ. Онъ получилъ тогда орденъ св. Анны 3-й степени съ мечами.

Въ Февралѣ 1865 г. Вульфертъ былъ командированъ въ распоряженіе М. Г. Черняева. 9-го Мая 1865 года въ сраженіи подъ Ташкентомъ, на возвышенности Сары-Тюбе, гдѣ М. Г. Черняевымъ рѣшена судьба Средней Азіи, Коканцы выступили подъ начальствомъ своего знаменитаго полководца Алимъ-Кулы изъ Ташкента и выстроились на разсвѣтѣ передъ нашимъ лагеремъ, откуда было немедленно выдвинуто нѣсколько ротъ. Въ это время одна непріятельская граната ударила недалеко отъ лагеря и убила лошадь запряженную въ орудіе. Такъ какъ у насъ подъ Ташкентомъ было всего 12 орудій, то Черняевъ приказалъ ротмистру Вульферту поскакать къ артилеріи съ приказаніемъ немедленно двинуть впередъ еще одну батарею. Прибывъ къ мѣсту, гдѣ летали ядра, Густавъ Александровичъ, хотя и не получилъ на то приказанія, не вернулся обратно, а принялъ, какъ старшій, начальство надъ передовымъ отрядомъ, и всѣ ротные командиры безпрекословно стали ему повиноваться. Мѣстность отъ нашего лагеря до позиціи непріятеля была перерѣзана небольшими овражками и горками, довольно близко одна отъ другой. Густавъ Александровичъ, раздѣливъ отрядъ на двѣ части, послалъ впередъ одну по правую, другую по лѣвую сторону дороги. Солдаты, съ крикомъ ура, бросились впередъ и залегли въ одномъ изъ овражковъ. Въ это время непріятель, стрѣлявшій изъ двухъ орудій, вдругъ открылъ огонь изъ сорока на приблизившихся Русскихъ, которые, вскочивъ, снова бросились впередъ и снова залегли во встрѣчномъ рву. Тутъ же храбрый предводитель Коканцевъ мулла, Алимъ-Кула былъ смертельно раненъ. Нашъ передовой отрядъ подъ начальствомъ Густава Александровича находился всего въ 200 шагахъ отъ непріятеля и захватилъ нѣсколько орудій. Коканцы не выдержали натиска нашихъ войскъ, дрогнули и побѣжали. Русскіе, съ передовымъ отрядомъ во главѣ, бросились ихъ преслѣдовать, думая на плечахъ непріятеля ворваться въ Ташкентъ, но были встрѣчены со стѣнъ города такимъ артиллерійскимъ огнемъ, что принуждены были отступить, не рѣшаясь рисковать своими небольшими силами. Въ этомъ сраженіи подъ Ташкентомъ противъ насъ были выставлены лучшія силы Коканцевъ, наканунѣ пришедшихъ изъ Кокана, вмѣстѣ съ правителемъ ханства, муллою Алимъ-Кулою, во главѣ сорокатысячнаго скопища, среди котораго было до десяти тысячъ регулярной пѣхоты, при 48 орудіяхъ. Наши же силы не превышали 2000 тыс. человѣкъ, при 12 орудіяхъ и гладкоствольныхъ ружьяхъ.

Отводя воду отъ города и стараясь пріобрѣсти себѣ тамъ сторонни-

ковъ, желавшихъ Русскаго подданства, Черняевъ рѣшилъ дождаться благопріятной минуты. Однако въ Ташкентѣ взяла верхъ враждебная намъ партія, состоявшая изъ духовенства и войска и пославшая къ Бухарскому эмиру депутацію съ выраженіемъ желанія принять его подданство. Узнавъ объ этомъ отъ перебѣжчиковъ, Черняевъ укрѣпилъ Сары-Тюбе и сошелъ съ Коканской дороги находившейся на восточной сторонѣ Ташкента къ Югу, на Бухарскую. Черезъ нѣкоторое время было получено еще болѣе тревожное извѣстіе о томъ, что Бухарскій эмиръ, собравъ большую армію, идетъ на выручку осажденному Ташкенту.

13-го Іюня, рѣшивъ выйти изъ выжидательнаго положенія, Черняевъ придумалъ отвлечь вниманіе осажденныхъ отъ главныхъ силъ своего отряда. Вульферту было имъ поручено сдѣлать съ двумя ротами фальшивую диверсію на Ташкентъ, со стороны противоположной той, гдѣ стоялъ главный отрядъ. Черезъ сады и предмѣстья Вульфертъ дошелъ до самаго городского вала и 14-го Іюня послѣ обѣда вернулся обратно, сдѣлавъ 65 верстъ.

Ночью съ 14 на 15 Іюня Черняевъ рѣшился взять Ташкентъ штурмомъ. Вульфертъ вызвался командовать охотниками. Весь отрядъ шелъ въ такой тишинѣ (колеса орудій были обмотаны войлокомъ и дано было строгое приказаніе никому не курить), что караулъ, стоявшій у воротъ Ташкента, замѣтилъ охотниковъ только тогда, когда они подошли къ нему почти вплотную; караулъ уничтоженъ, не имѣвъ даже времени произвести тревогу. Послѣ этого охотники поспѣшно поставили къ стѣнамъ длинныя штурмовыя лѣстницы и взлѣзли на стѣну. Среди нихъ первымъ былъ Густавъ Александровичъ. Оставивъ часть своихъ людей у воротъ, чтобы разломить ихъ, онъ съ другой частью отправился къ цитадели и былъ раненъ въ лѣвое плечо. За эту экспедицію 1865 года и за взятіе Ташкента онъ былъ произведенъ въ маіоры и награжденъ офицерскимъ Георгіемъ.

Вскорѣ послѣ взятія Ташкента, Густавъ Александровичъ получилъ шестимѣсячный отпускъ за границу для излеченія раны, а затѣмъ десять лѣтъ пробылъ на Кавказѣ, состоялъ сначала въ распоряженіи Августѣйшаго намѣстника Кавказа, а затѣмъ былъ назначенъ адъютантомъ Великаго Князя Михаила Николаевича съ зачисленіемъ въ гусарскій Его Величества полкъ.

Съ этихъ поръ до конца своей жизни, Густавъ Александровичъ пользовался расположеніемъ и сочувствіемъ своего Августѣйшаго начальника и всей великокняжеской семьи и сохранилъ о Кавказѣ наилучшія воспоминанія.

Сблизившись въ Москвѣ и Петербургѣ съ кружкомъ Славянофиловъ, онъ сочувственно относился къ ихъ ученію и принималъ дѣятельное участіе въ общественномъ движеніи, проявившемся въ 1876 г. Жестокости, творимыя Турками надъ беззащитнымъ христіанскимъ населеніемъ на Балканскомъ полуостровѣ, произвели сильное впечатлѣніе на рыцарски благородную личность Густава Александровича, на его отзывчивое и сострадательное сердце. Во время Сербско-Турецкой войны 1876 г. онъ пріѣхалъ въ Сербію и принялъ участіе въ сраженіи подъ Великимъ Изворомъ, въ атакѣ позиціи Османа-паши. Выѣхавъ далеко впередъ, Густавъ Александровичъ увидѣлъ батарею, которая снима-

лась съ позиціи и собиралась двинуться обратно. На вопросъ Густава Александровича, почему батарея снимается, офицеръ отвѣчалъ, что въ виду сильнаго огня выбрать позицію невозможно, тѣмъ болѣе, что не видно непріятеля. Густавъ Александровичъ объявилъ, что въ Россіи за подобное разстрѣливаютъ. Тономъ, не терпящимъ противорѣчія, онъ приказалъ повернуть батарею и подъ страшнымъ огнемъ подвезъ ее къ непріятелю, выбралъ позицію, открылъ огонь и такъ водушевилъ своимъ присутствіемъ нижнихъ чиновъ, что они дѣйствовали за все это время выше всякой похвалы. Это можетъ служить доказательствомъ, какимъ вліяніемъ пользуется подъ непріятельскимъ огнемъ тотъ, кто обладаетъ военной доблестью, даже не будучи облеченъ властью начальника.

Осенью 1876 года Вульфертъ, къ чинѣ полковника, назначенъ начальникомъ Закатальскаго округа, но вскорѣ покинулъ это мѣсто, чтобы принять участіе въ нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Турціи на Дунаѣ. Въ началѣ войны онъ командовалъ полкомъ Кавказской милиціи Ингушевскаго племени, а по расформированіи этого полка находился при главнокомандующемъ Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ.

8-го Мая 1877 года Вульфертъ былъ при занятіи нашими войсками Журжева, 14-го при бомбардированіи нашей позиціи у деревни Слободзеи. Въ ночь съ 7 на 8 Іюня онъ участвовалъ въ устройствѣ загражденій на Дунаѣ у Парапана, а 8-го днемъ при перестрѣлкѣ Парапанской осадной батареи съ Турецкимъ броненосцемъ. 14 и 15 Іюня, въ присутствіи Государя Императора, состоялся артиллерійскій бой Турецкихъ батарей съ крѣпостью Никополемъ, гдѣ находился и Густавъ Александровичъ. 7-го Іюля былъ онъ въ отрядѣ Гурки и кн. Святополкъ-Мирскаго, занявшаго Шипкинскій перевалъ, 18-го участвовалъ въ сраженіи при гор. Ени-Загрѣ и взятіи его подъ начальствомъ генерала Гурки. 19-го Іюля, въ сраженіи придеревнѣ Джуранли, онъ находился въ передовомъ отрядѣ, которымъ лично командовалъ Гурко, и 20 Іюля при обратномъ движеніи отряда, перешедшаго черезъ Малые Балканы (Караджадагъ). Съ 26 по 30 Августа Густавъ Александровичъ благополучно вышелъ изъ огня во время четырехдневнаго артиллерійскаго боя и штурма города Плевны.

1-го Августа, послѣ этого страшнаго штурма, онъ просилъ разрѣшенія у Великаго Князя, главнокомандующаго, отлучиться изъ его ставки; но Его Высочество, не имѣя никакихъ извѣстій изъ Гривицкаго редута, взятаго нами наканунѣ, приказалъ ему отправиться туда, подробно осмотрѣть расположеніе войскъ въ редутѣ, освѣдомиться, снабжены ли всѣ части боевыми припасами и пищею и удостовѣриться, какія производятся работы для приведенія редута въ должный порядокъ. Состоявшіе при главной квартирѣ военные агенты Шведскій, Датскій, Сербскій и Черногорскій просили Густава Александровича взять ихъ съ собою. Доѣхавъ до редута, онъ оставилъ ихъ въ безопасномъ мѣстѣ, а самъ отправился далѣе. Непріятельскій редутъ находился шагахъ въ 300-хъ отъ нашего, и перестрѣлка, хотя довольно слабая, не прекращалась. Тѣла убитыхъ наканунѣ убраны еще не были. Выйдя на

открытое мѣсто и осмотрѣвъ окрестности, Густавъ Александровичъ уже хотѣлъ было вернуться обратно, но замѣтилъ лежавшаго солдата, который, какъ ему показалось, еще дышалъ; онъ остановился надъ нимъ, желая удостовѣриться, живъ ли онъ, и подать ему помощь. Турки, замѣтивъ офицера, открыли по немъ ружейный огонь. Одна пуля попала Вульферту, въ лѣвое плечо и свалила, прежде нежели онъ успѣлъ исполнить свое великодушное намѣреніе.

Первая перевязка была ему сдѣлана въ редутѣ Французскимъ докторомъ, а затѣмъ его перенесли къ Румынскому перевязочному пункту. Дорогою несущимъ раненаго встрѣтился князь Суворовъ, который, увидѣвъ тяжело раненаго, повернулъ обратно и проводилъ его до лазарета. Боль отъ раны была такъ жестока, что доктора сдѣлали ему подкожное впрыскиваніе морфіемъ. Пуля вошла выше лопатки, задѣла легкія, произведя кровохарканіе и кровоизліяніе въ полости груди и вышла изъ шеи около самой сонной артеріи. Главные нервы у шеи были частью перебиты, частью поражены, и вся лѣвая рука совершенно парализована. На другой день Вульферта перевезли въ Булгарени, а черезъ двѣ недѣли въ Систово, въ лазаретъ доктора Каде. На 30-й день послѣ пораненія рана закрылась, но нестерпимыя боли не прекращались.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Вульфертъ обращался ко всѣмъ знаменитостямъ медицинскаго міра, но никакого облегченія не получилъ. Адскія мученія не покидали страдальца ни днемъ, ни ночью, и только подкожныя впрыскиванія большихъ дозъ морфія, по пяти разъ въ день, нѣсколько утишали боль. Причину страданій доктора́ объясняли различно; другіе же совсѣмъ ея не объясняли.

Весною больной по совѣту докторовъ отправился въ Теплицъ, воды котораго принесли ему нѣкоторое облегченіе. Оттуда онъ поѣхалъ въ Вюрцбургъ къ извѣстному хирургу, профессору Бергману. Въ началѣ нашей послѣдней войны съ Турціей, работая въ нашихъ госпиталяхъ въ Болгаріи, Бергманъ, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, покинулъ Русскую службу и занялъ каѳедру въ Вюрцбургскомъ университетѣ. Внимательно осмотрѣвъ Густава Александровича, онъ предложилъ сдѣлать ему операцію. Несмотря на близость сонной артеріи, онъ сдѣлалъ ему глубокій надрѣзъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ вошла пуля и гдѣ образовалось значительное затвердѣніе, и ощупалъ всѣ главные нервы *). На ихъ сплетеніи оказался рубецъ, который онъ отрѣзалъ и вынулъ 8 кусочковъ свинца, давившихъ на нервы и втеченіе цѣлаго года производившихъ воспалительное состояніе нервовъ. Бергманъ ободрилъ больного надеждой, что со временемъ воспалительный процесъ понемногу пройдетъ, и одновременно постепенно стихнутъ и страданія. При этомъ онъ посовѣтовалъ, для общаго подкрѣпленія его сильно пошатнувшихся силъ, отправиться на морскія купанья въ Біарицъ. Но здѣсь къ физическимъ страданіямъ Густава Александровича присоединились еще и нрав-

*) Эта операція была подробно описана Бергманомъ въ одномъ изъ Нѣмецкихъ медицинскихъ журналовъ.

ственныя. Причины этому были слѣдующія. Храбрость его возбуждала зависть въ числѣ тѣхъ лицъ, которые, прикомандировавшись къ штабамъ высшаго начальства, пріѣзжаютъ на войну съ цѣлью получить награды, не подвергаясь опасности, не жертвуя собой, и достигаютъ желаемаго часто не побывавши ни разу въ огнѣ. Когда Густавъ Александровичъ былъ раненъ, обстоятельства этого событія въ его жизни были преднамѣренно совершенно ложно переданы Государю Императору, который, лично зная бывшаго адъютанта своего Августѣйшаго брата, выразилъ по этому поводу свое сожалѣніе и отеческое порицаніе излишней, по разсказу, храбрости молодого полковника. Это конечно еще болѣе поощрило тѣхъ, которые, вопреки статуту ордена Св. Георгія, которымъ награждается тотъ кто самъ вызвался на опасное порученіе и выполнилъ его съ полнымъ успѣхомъ, постарались изобразить хвастливой бравадою исполненіе долга и самоотверженное въ виду опасности чувство состраданія. Люди безъ души и сердца, не имѣющіе понятія о томъ что̀ такое отвага и храбрость, ставившіе выше всего собственное спокойствіе и веселую жизнь, бросали упрекъ искалѣченному страдальцу за то, что, исполнивъ приказаніе своего начальства, онъ хотѣлъ спасти жизнь умирающему изъ той сѣрой геройской среды, которую полюбилъ онъ еще будучи совсѣмъ молодымъ офицеромъ въ знойныхъ степяхъ Средней Азіи. Вращаясь въ средѣ Русскаго общества въ Біарицѣ, онъ тотчасъ замѣтилъ какое-то ненормальное къ себѣ отношеніе, притворное сожалѣніе и насмѣшки, возбудившія въ немъ глубокое негодованіе при сохраненіи присущей ему внѣшней невозмутимости. Тутъ же, на морскихъ купаньяхъ, онъ познакомился съ графомъ Сологубомъ, который написалъ очерки Русско-Турецкой войны и вставилъ туда эпизодъ относящійся къ Густаву Александровичу. Сологубъ признался, что изобразилъ дѣло по дошедшимъ до него слухамъ и просилъ разсказать какъ оно произошло въ дѣйствительности. Раздраженный всѣмъ предшествующимъ и ища единственно душевнаго покоя, Густавъ Александровичъ оставилъ просьбу писателя безъ удовлетворенія. Несмотря на поданную профессоромъ Бергманомъ надежду, страданія нисколько не уменьшались, и Густавъ Александровичъ рѣшился подвергнуть себя новой операціи въ Парижѣ, подъ наблюденіемъ знаменитаго Шарко *). Находившійся въ это время тамъ же Великій Князь Николай Николаевичъ принялъ сердечное участіе въ больномъ и часто навѣщалъ его, когда онъ оправился послѣ тяжелой операціи. Съ возродившейся надеждой сталъ онъ ожидать благихъ результатовъ, но вскорѣ страданія его еще усилились.

Затѣмъ, по прошествіи нѣкотораго времени, ему сдѣлана была мучительная операція растяженія нервовъ, тоже не принесшая облегченія, что̀ побудило его рѣшиться на крайнее средство—разстаться съ рукой, которая уже висѣла у него какъ плеть, какъ инородное тѣло. Рука была вылущена

*) Операція эта, сдѣланная хирургомъ Вернелемъ подъ руководствомъ Шарко, была сдѣлана спѣшно и небрежно и принесла больному только новыя страданія. Парижскія знаменитости такъ торопились на слѣдующую операцію, что обрѣзали двигательные нервы, вмѣсто чувствительныхъ.

изъ плеча, которое впослѣдствіи значительно уменьшилось въ объемѣ и высохло, но ужасныя боли отзывались въ пальцахъ несуществующей уже руки. Съ этихъ поръ онъ примирился съ безъисходными страданіями, которыя въ теченіи десяти лѣтъ превратили его изъ красиваго, сравнительно еще молодого, человѣка, въ изнуреннаго и посѣдѣвшаго старика.

Въ восмидесятыхъ годахъ онъ опредѣлился по собственному желанію комендантомъ Гельсингфорса, думая спокойно закончить жизнь на родинѣ; но привыкнувъ къ широкимъ умственнымъ интересамъ и горизонтамъ коренной Россіи, онъ соскучился на родной ему окраинѣ и вскорѣ ее покинулъ. Съ этихъ поръ, наѣзжая въ Петербургъ, онъ скитался по Европѣ и тщетно старался найти климатъ, который бы хотя нѣсколько облегчилъ его муки и подкрѣпилъ падающія силы. Свои страданія онъ переносилъ молча, никому не жалуясь, съ истиннымъ стоицизмомъ. Когда же онѣ особенно обострялись и къ нимъ еще присоединялись жестокія пароксизмы Кавказской лихорадки, которыя періодически его донимали всю жизнь, онъ уединялся совершенно и переживалъ это время въ сообществѣ своего вѣрнаго санбернара, никогда его не покидавшаго. Имѣя много искреннихъ друзей, онъ жилъ уединенно, совершеннымъ аскетомъ, и питался одною растительною пищей. Строгій къ самому себѣ, онъ безвозвратно отворачивался отъ того, кого подозрѣвалъ въ малѣйшемъ уклоненіи отъ законовъ чести и долга; за то лица, пользовавшіяся его расположеніемъ, пріобрѣтали въ немъ вѣрнаго и преданнаго друга. Истинный рыцарь безъ страха и упрека, суровый на видъ, необщительный и молчаливый, онъ относился всегда сердечно къ нуждамъ и страданіямъ ближняго, помогая каждому по мѣрѣ силъ по Евангельскому завѣту, такъ чтобы лѣвая рука не знала о томъ что́ творитъ правая. Онъ былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ дѣятелей Славянскаго объединенія, и посмертное письмо его изъ Фонтенбло къ Черняеву посвящено Болгарскимъ современнымъ событіямъ.

Почувствовавъ большой упадокъ силъ, но не подозрѣвая близкой кончины, онъ вызвалъ въ Парижъ племянника своего *) и скончался отъ аневризма на его рукахъ 7-го Сентября 1894 г. Воспринявъ широкіе идеалы Русскаго народа, Густавъ Александровичъ не остался чуждъ тому, что̀ составляетъ лучшее содержаніе народной души и выразилъ желаніе упокоиться въ землѣ, освященной Православной церковью, при молитвенномъ благословеніи православнаго священника. „Я видѣлъ такіе ужасы въ Болгаріи, что не сожалѣю о полученной тамъ мною ранѣ“, сказалъ онъ умирая.

Согласно его желанію тѣло его было перевезено изъ Парижа въ родовое имѣніе М. Г. Черняева и погребено возлѣ церкви села Тубышекъ Могилевской губерніи. Четыре года спустя сошелъ въ могилу и Михаилъ Григорьевичъ. Встрѣтясь впервыя полные силъ и надеждъ въ знойныхъ степяхъ Средней Азіи, они спятъ одинъ подлѣ другаго вѣчнымъ сномъ подъ сѣнью и шелестомъ вѣковыхъ липъ.

А. Черняева.

---

[1]) Александра Михайловича Черняева, подпоручика Преображенскаго полка.

АНДРЕЕВСКІЙ МОНАСТЫРЬ ВЪ МОСКВѢ.

Вблизи Москвы, почти у самыхъ Воробьевыхъ горъ, на правомъ, возвышенномъ берегу Москвы рѣки, съ незапамятныхъ временъ существовалъ небольшой приходскій храмъ во имя св. мученика Андрея Стратилата. Отъ сосѣдняго урочища „Плѣницы" (узы) этотъ храмъ именовался „что̀ въ Плѣницахъ". Появленіе здѣсь приходскаго храма могло быть вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что въ этомъ урочищѣ возникла колонія поселенцевъ, которыхъ привлекали сюда выгодныя условія мѣстности: Москва-рѣка, близость важнаго и населеннаго города, обиліе лѣса, богатыя пастбища, большія удобства для скотоводства и земледѣлія. Каменная шатровая церковь св. Андрея упоминается уже въ царствованіе Іоанна IV, при чемъ въ то время она была уже не новою [1]). Въ XVII вѣка эта мѣстность начала привлекать вниманіе ревнителей иноческаго житія.

Въ 1648 г., указомъ царя Алексѣя Михайловича, поручено келарю Новоспасскаго монастыря Пафнутію Еропкину, устроить здѣсь монастырь [2]). Этотъ царскій указъ, несомнѣнно, былъ слѣдствіемъ ходатайства Ѳ. М. Ртищева, извѣстнаго любимца царя Алексѣя. Ртищевъ задумалъ завести здѣсь просвѣтительную колонію. Въ томъ же году этотъ Ртищевъ на свой счетъ сооружаетъ здѣсь же, при монастырѣ, церковь во имя Преображенія и принимаетъ на себя содержаніе монастыря. Здѣсь онъ поселилъ вызванныхъ имъ въ 1645—1647 г.г. тридцать иноковъ изъ Кіево-Печерской лавры, Межигорскаго и другихъ монастырей.

Такимъ образомъ при Андреевскомъ монастырѣ возникаетъ нѣчто въ родѣ братства съ просвѣтительными цѣлями. Образовалась „школа Андреевская", куда желающіе могли приходить учиться, а иноки занимались, главнымъ образомъ, книжнымъ ученіемъ, изданіемъ новыхъ исправленныхъ переводовъ Библіи и богослужебныхъ книгъ, приготовленіемъ будущихъ

---

[1]) Русск. Старина въ памятникахъ церков. и гражд. зодчества, А. Мартынова и И. Снѣгирева. М. 1860, стр. 4.

[2]) Собраніе постановленій по вѣд. православ. исповѣданія Росс. Имперіи 1877 стр. 287.

переводчиковъ Св. Писанія и исправителей церковныхъ книгъ [1]). Есть свидѣтельство о томъ, что правительство отпускало деньги на „школу“: ученые иноки получали жалованье отъ казны [2]). Царь Алексѣй неоднократно посѣщалъ Андреевскій монастырь и жаловалъ его отъ своихъ щедротъ [3]); не оставляли его безъ вниманія и патріархи [4]).

Въ 1649 году въ Москву пріѣхали, по вызову царя, два важныхъ ученыхъ, Арсеній Сатановскій и Епифаній Славенецкій. Сей послѣдній нѣкоторое время пользовался гостепріимствомъ Ртищева въ Андреевскомъ монастырѣ [5]); но такъ какъ оба эти инока были заняты ученой работой при печатномъ дворѣ, то они должны были поселиться въ серединѣ города; мѣстомъ постояннаго жительства Епифанія былъ Чудовъ монастырь. Впрочемъ, Арсеній и Епифаній были въ постоянныхъ сношеніихъ со своими земляками, жившими въ Андреевскомъ монастырѣ. Кромѣ того, Епифаній вскорѣ, по просьбѣ Ртищева, составилъ лексиконъ Грекославянскій, который понадобился для Андреевскаго братства.

Пріѣздъ ученыхъ иноковъ по вызову Ртищева, а затѣмъ и по вызову самого царя, и хорошій пріемъ, который они въ Москвѣ встрѣтили, сдѣлались извѣстны въ Малороссіи, и пріѣзды Малороссіянъ становятся съ этихъ поръ часты. Пріѣзжавшіе выбирали для своего пріѣзда какой-нибудь поводъ; но дѣлами они не ограничивались: заводили въ Москвѣ много частныхъ знакомствъ и очень любили дѣлиться своими свѣдѣніями съ Москвичами.

Въ тоже время гораздо болѣе ученая работа Кіевлянъ - колонистовъ Андреевскаго монастыря шла своимъ чередомъ и оказала великія услуги Русскому обществу. Начался рядъ церковныхъ преобразованій. Улучшена внѣшность богослуженія, введены устныя проповѣди, предпринято новое исправленіе богослужебныхъ книгъ. Всѣ эти улучшенія получили толчокъ именно отъ Кіевскихъ ученыхъ, поселившихся въ Москвѣ. Въ Андреевскомъ монастырѣ ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо, ввели единогласіе вмѣсто „многогласія“ въ богослуженіи; сюда пріѣзжали и здѣсь жили выписанные Ртищевымъ изъ Кіева хоры пѣвчихъ [6]), здѣсь начались изустныя проповѣди, отсюда исходилъ починъ разбора того, что̀ печаталось въ богослужебныхъ книгахъ.

Но эта дѣятельность пріѣзжихъ Кіевлянъ не всѣмъ Москвичамъ полюбилась. Одни изъ нихъ отнеслись къ ученымъ гостямъ съ радушіемъ и даже, подчинясь ихъ вліянію, сами не прочь были съѣздить поучиться въ

---

[1]) „Еще же призва отъ Кіева... священно-монаха Епифанія... и другихъ иноковъ, во ученіи извѣстныхъ, да предадятъ ученіе грамматики Славенской и Греческой, даже до реторики и философіи хотящимъ тому ученію внимати““ (Житіе Ртищева).

[2]) Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Дѣла Малоросс., 1651 г.

[3]) Русск. Старина Мартынова и Снѣгирева, стр. 5.

[4]) Напр. 31 Авг. 1656 г. патр. Никонъ пожаловалъ монастырю 50 рублей (850 руб. на наши деньги). Расх. Кн. Патр. Казен. Приказа, № 41, 1656 г., л. 272.

[5]) Забѣлинъ, Исторія г. Москвы, 2-е изд., ч. I, стр. 305.

[6]) Разумовскій, Церковное пѣніе въ Россіи, в. I, стр. 210.

„Русскій Парижъ"—Кіевъ; другіе заподозрѣли въ этихъ новыхъ вѣяніяхъ нѣчто зловредное. Нѣкто Лукьянъ Голосовъ, побывавшій въ Андреевской школѣ, говорилъ: я у Кіевскихъ чернецовъ учиться не хочу, старцы недобрые, я въ нихъ добра не позналъ; теперь я маню Ѳедору Ртищеву, боясь его; впередъ учиться никакъ не хочу". Какъ выяснилось, причиною такого отношенія была новизна предметовъ обученія: „въ Греческой грамотѣ еретичество есть"; „кто по латыни научится, тотъ съ праваго пути своротится" [1]).

Была и другая причина, почему Кіевляне вызывали нѣкоторое недовѣріе къ себѣ. Привыкнувъ къ инымъ порядкамъ и общественнымъ отношеніямъ въ Польшѣ, они казались Москвичамъ людьми подозрительными. Мы не знаемъ, откуда родомъ былъ первый игуменъ монастыря, Досиѳей, котораго „Житіе Ртищева" называетъ достойнымъ мужемъ; знаемъ только, что впослѣдствіи онъ сдѣлался однимъ изъ видныхъ сотрудниковъ протопопа Аввакума въ дѣлѣ раскола; но относительно другого игумена, Петронія, у насъ есть такія свѣдѣнія. Въ 1669 г. власти Иверскаго монастыря, узнавъ, что Петронія думаютъ перевести изъ Андреевскаго монастыря къ нимъ, просили высшее начальство не дѣлать этого, потому что Петроній, человѣкъ „крамолистый, своеобычный и необщительный", что „прежь которые у насъ въ Иверскомъ монастырѣ бывшіе Андреевскаго монастыря старцы и они за смуту и бунтовство высланы вонъ" [2]). Сходство этого заявленія съ заявленіемъ Лукьяна Голосова о Кіевскихъ чернецахъ („старцы недобрые, я въ нихъ добра не позналъ") замѣчательно. Значитъ, Кіевскіе колонисты пришлись Москвѣ не совсѣмъ „ко двору".

Ѳ. М. Ртищевъ извѣстенъ благотворительной дѣятельностью. Андреевскій монастырь сдѣлался и очагомъ благотворительности. Одинъ изъ питомцевъ этого монастыря написалъ цѣлую тетрадь стиховъ въ честь монастыря и его иконъ.

Во славу въ Троици Бога единосущнаго,
Поемаго отъ всего зданія сущаго,
Во имя же Андрея, Христомъ первозванна
Апостола, обитель сія бысть создана
Благодарнаго мужа (т. е. Ѳеодора) обилноданіемъ
И тщателей монаховъ трудоснисканіемъ.
Первая симъ званіемъ въ Росіи назвася,
Въ прибѣжище странныхъ и нищихъ основася.
Въ юже не имѣяй гдѣ главы приклонити
Ничтоже усумнявся изволитъ входити.
И любяй трудитися сѣмо пребываетъ.
Не туне хлѣбъ жителе ясти стяжеваютъ,
Но въ потѣ лица трудно той пріобрѣтаютъ.
Празднолюбезнiи здѣ не водворяются,

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи въ изд. Общ. Пользы, кн. II, 1525.

[2]) Каптеревъ, Патр. Никонъ и его противники, I, стр. 19.

Люботрудніи токмо пропитываются.
Симъ молитвы Андрея патрона
Врачевство бываютъ душъ и отъ врагъ оброна [1]).

Андреевскій монастырь съ существовавшей при немъ „школой" пережилъ своего основателя (Ртищевъ умеръ въ 1673 г.); но дальнѣйшую дѣятельность монастыря и „школы" прослѣдить довольно трудно. Мы знаемъ только, что, благодаря щедротамъ царей, монастырь этотъ считался богатымъ. До 1678 г. къ нему были приписаны Донской монастырь и Марчуговская пустынь (основанная извѣстнымъ Стефаномъ Вонифатьевымъ у Краснаго Холма, а затѣмъ перенесенная къ Бронницамъ). Въ „дозорной и описной книгѣ церквей и церковныхъ земель 7188—7189 г.", № 140, л. 38, читаемъ: „Андреевской монастырь... пашни церковной въ полѣ по 56 чети, а въ дву потому жъ; у церкви два двора поповыхъ, дворъ дьячковъ, мѣсто пономарское пусто, мѣсто просвирницыно, дворъ бобыльской; на церковной землѣ сараи, въ нихъ жгутъ кирпичи" [2]). Въ описаніи монастырскаго архива мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ „данныхъ" на разное недвижимое имущество.

Когда первое поколѣніе „просвѣтителей" сошло въ могилу, Андреевскій монастырь долженъ былъ уступить мѣсто другому просвѣтительному центру: замышлена Академія при Заиконоспасскомъ монастырѣ. Въ „привилегіи на Академію", подписанной царемъ Θеодоромъ, говорится, что къ Заиконоспасскому монастырю приписывается и Андреевскій, „ради въ ономъ монастырѣ Россійскаго рода во просвѣщеніи свободныхъ мудростей ученія". „Привилегія" была утверждена царевной Софіей, и Академія Славяно-греко-латинская начала свою дѣятельность. Осуществилось ли предположеніе „Привилегіи" объ Андреевскомъ монастырѣ, неизвѣстно.

Снова встрѣчаемся съ упоминаніемъ объ Андреевскомъ монастырѣ въ царствованіе Петра I. Онъ, подобно отцу и брату, отнесся съ большимъ вниманіемъ къ монастырю [3]), но о книжной дѣятельности монаховъ въ это время и о Кіевскихъ колонистахъ здѣсь ничего не упоминается. Петръ основалъ въ Андреевскомъ монастырѣ заведеніе для пріема подкидышей и безпризорныхъ дѣтей, такъ что, очевидно, отдалъ предпочтеніе благотворительной сторонѣ дѣятельности монастыря.

Заведеніе для пріема подкидышей было закрыто въ 1731 году, но обитель все еще продолжала существовать. Но средства для ея содержанія, очевидно, оскудѣваютъ, зданія пустѣютъ. Наконецъ, во время сокращенія числа монастырей при Екатеринѣ II-й, Андреевскій монастырь испыталъ послѣднюю превратность судьбы. Когда послѣдовало изданіе „Учрежденія о духовныхъ штатахъ", то состоялось распоряженіе Московскаго архіеп. Тимоѳея о закрытіи Андреевскаго монастыря. Въ монастырѣ въ это время уже не было

---

[1]) Эти стихи принадлежатъ извѣстному іеромонаху Евѳимію, ученику Епифанія Славинецкаго (сборникъ Моск. Синод. Библ., № 369).

[2]) Описаніе докум. и бумагъ, хранящ. въ Моск. Архивѣ Мин. Юст., II кн., III, 55

[3]) Русск. Старина Мартынова и Снѣгирева, стр. 5.

монашествующихъ, были только архимандритъ Антоній и одинъ священникъ. „Весьма богатая“ (по словамъ составленной описи) утварь монастыря подверглась было расхищенію, но вскорѣ переведена была въ Чудовъ монастырь; найденный архивъ впослѣдствіи былъ препровожденъ въ Коллегію Экономіи. Сохранилась опись этого архива [1]). Въ немъ были слѣдующіе документы: 1) грамоты царей Алексѣя (на рыбныя ловли, 7163 г.) и Θеодора; 2) данная изъ Земскаго Приказа на лугъ, что противъ монастыря за Москвою-рѣкою; 3) данныя, памяти, записи, купчія и пр. на разныя земли, мельницы, дворы, пустоши и пр.; 4) порядная крестьянская. Всего поименовано въ описи 31 бумага, всѣ владѣльческаго характера.

Упраздненіе монастыря состоялось 17 Января 1765 года [2]).

Въ 1771 году предписано было, по требованію фельдмаршала Салтыкова, очистить пустыя зданія Андреевскаго монастыря для помѣщенія заразныхъ больныхъ, но переводъ сюда больныхъ не состоялся.

18 Августа 1775 года указано отдать зданія Андреевскаго монастыря для учрежденія женскаго работнаго дома [3]); но этотъ проектъ, повидимому, также не удался, потому что въ началѣ XIX в. мы застаемъ зданія монастыря попрежнему пустыми.

20 Мая 1803 года Московскому военному губернатору И. П. Салтыкову подано прошеніе отъ Московскаго купеческаго и мѣщанскаго общества. Общество просило отвести имъ для богадѣльни упраздненный Андреевскій монастырь, „зданія коего издавна пустыя остаются и гибнутъ безъ всякаго употребленія“. „Положеніе мѣста, чистый и свободный воздухъ и близость церкви, куда призираемые безъ труда и изнеможенія могутъ почасту приходить на славословіе Творца вселенной, все сіе будетъ для нихъ великою замѣною терпимыхъ ими недостатковъ и болѣзней [4])“.

2 Іюля того же года послѣдовало высочайшее соизволеніе на отдачу зданій Андреевскаго монастыря купечеству. Общество приговорило: „учредить сверхъ предназначеннаго богадѣленнаго заведенія еще на общественномъ купеческомъ иждивеніи въ помянутомъ зданіи (?) коммерческій классъ, въ коемъ содержать изъ бѣдныхъ и сиротъ купеческихъ и мѣщанскихъ дѣтей до 50 человѣкъ, для чего и нанять знающихъ обучать словесныя науки, т. е. читать и писать по русски, французски и нѣмецки, а также ариѳметикѣ и бухгалтеріи [5])“.

На этотъ разъ школѣ не суждено было здѣсь возникнуть. Учрежденное вновь Коммерческое Училище взято было подъ покровительство Императрицы

---

[1]) Дѣло Воскресенской церкви въ Архивѣ Москов. Духовной Консисторіи.

[2]) Дѣло Воскресенской церкви (изъ этого дѣла почерпнуты и предыдущія свѣдѣнія).

[3]) Исторія Моск. епарх. Управленія П. Розанова, т. III, кн. I, примѣч. 100.

[4]) Матеріалы для исторіи Москов. купечества, т. I, стр. 272—3.

[5]) Матеріалы для Ист. Моск. куп., I, стр. 274. Любопытно сопоставить этотъ текстъ съ приведеннымъ выше текстомъ „Житія Ртищева“ (особенно перечисленіе предметовъ преподаванія).

Маріи Ѳеодоровны, и для него понадобилось лучшее помѣщеніе въ самомъ городѣ, а не въ окрестностяхъ [1]).

Другое предпріятіе купечества, богадѣльня, организовалось здѣсь прочно. Въ 1806 году купечество, освѣдомясь, что земли при Андреевскомъ монастырѣ должно было быть значительно больше, ходатайствовало о возобновленіи стараго межеванія, объ очисткѣ монастырской земли, занятой обывателями. Относительно пришедшихъ въ ветхость церквей свв. Андрея Стратилата и Ѳеодора Стратилата купечество рѣшило просить митрополита Платона первую церковь возобновить на счетъ купечества, а вторую упразднить. Платонъ разрѣшилъ; но, вѣрный своей любви къ исторической наукѣ и древностямъ, выразилъ желаніе, чтобы купеческое общество согласилось, кромѣ приходскаго священника и церковника, принять еще одного іеромонаха, одного іеродіакона и двухъ монаховъ и назначить имъ содержаніе для того, чтобы „монастырь Андреевскій всегда остался при своемъ древнемъ наименованіи и чрезъ то поддержалъ бы честь святой древности [2])“. Такое предложеніе пришлось купечеству не по душѣ, и оно отказалось принять его подъ предлогомъ, что среди богадѣленныхъ будутъ женщины. Итакъ, возстановленіе Андреевскаго монастыря не состоялось.

Въ томъ же году была отстроена окончательно половина богадѣленныхъ помѣщеній, и призрѣваемые переведены туда изъ временно нанятого помѣщенія. Въ 1808 г. была ассигнована купечествомъ сумма въ 30000 руб. на отстройку послѣдней половины [3]).

Андреевская богадѣльня существуетъ и до настоящаго времени; а церковь св. Андрея Стратилата лишь недавно прекратила свое существованіе. Лѣтомъ 1890 г. эта церковь была разобрана, и матеріалъ ея поступилъ на постройку храма въ с. Рожественѣ на р. Всходнѣ [4]). Послѣдніе слѣды Андреевскаго монастыря съ разрушеніемъ церкви исчезли совершенно; ничто не поддержало „честь святой древности“, и память о славной Кіевской просвѣтительной колоніи сохранилась лишь въ исторіи Московскаго просвѣщенія.

Итакъ, мѣстность Андреевскаго монастыря два раза привлекала вниманіе Московскаго общества, и оба раза по однимъ и тѣмъ же поводамъ: любовались природою и удобствами этой мѣстности и желали устроить здѣсь убѣжище для алчущихъ духовно и тѣлесно. Ртищевъ устроилъ здѣсь монастырь, убѣжище для бѣдныхъ, ученое братство; Московское купечество, полтора вѣка спустя, основало здѣсь благотворительныя учрежденія и предполагало устроить школу, согласно своимъ потребностямъ.

И. Козловскій.

Кіевъ.

---

1) Нынѣ Московское Коммерческое Училище на Остоженкѣ.

2) Матеріалы для ист. Моск. куп., I, 354—355.

3) Матеріалы для ист. Моск. куп., I, 356 и 377.

4) И. Забѣлинъ, Исторія г. Москвы, 2-е изд., стр. 13.

Особенно много мы ихъ не назовемъ: князья Куракины, гр. Шереметевы, гр. Воронцовы-Дашковы, гр-ня Н. М. Соллогубъ (ей принадлежитъ архивъ рода Колычевыхъ), гр. Уваровы, гр. Милорадовичъ, Кашкины. Конечно мы здѣсь имѣемъ въ виду болѣе крупные архивы; мелкихъ, содержащихъ въ себѣ десятки и можетъ быть сотни документовъ, не менѣе важныхъ для исторіи, конечно еще много разбросано по разнымъ угламъ и захолустьямъ матушки-Руси, и вотъ объ ихъ судьбѣ невольно задумывается всякій, кто дорожитъ своимъ прошлымъ, кто желаетъ знать какъ жили, что дѣлали, о чемъ думали его отцы и дѣды.

Но въ настоящее время мы стоимъ передъ завѣсою будущаго и не знаемъ, что „день грядущій намъ готовитъ". Мы должы быть готовыми къ самому худшему, и наша обязанность въ настоящую минуту подумать о тѣхъ сокровищахъ родной старины, которыя сохранились еще въ разныхъ захолустьяхъ нашего обширнаго отечества и которымъ угрожаетъ серіозная опасность окончательнаго истребленія и чего мы не должны, не имѣемъ нравственнаго права допустить, если дѣйствительно мы любимъ наше прошлое, а мы должны его любить, какое бы оно ни было—темное или свѣтлое.

Не будемъ здѣсь останавливаться на причинахъ всего происходящаго вокругъ насъ, такъ какъ не для этого мы собрались сюда, но подумаемъ, господа, что нужно, что можно сдѣлать.

Пользуясь присутствіемъ многихъ представителей губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій, я рѣшаюсь обратиться къ нимъ и просить ихъ употребить всѣ мѣры у себя, на мѣстахъ, къ тому, чтобы спасти остатки нашей письменной старины.

Господа, время не терпитъ, надо спѣшить—иначе все погибнетъ. Гроза не приближается, она уже надъ нами, и громъ уже грянулъ. На дняхъ погибъ Борисовскій архивъ Шереметевыхъ и если Шереметевы не могли спасти своего архива, то чего можно ожидать отъ кокого-нибудь мелкопомѣстнаго помѣщика, ожидающаго, что завтра онъ самъ и его семья будутъ выгнаны на улицу безъ средствъ къ существованію? Тутъ не уже до архивовъ.

Нужно заблаговременно извлечь все, что еще сохранилось и перенезти въ сохранныя мѣста. Мнѣ могутъ сказать, что для этого нужны помѣщенія, а у архивныхъ коммиссій, ютящихся въ большинствѣ случаевъ изъ милости на кухнѣ, ихъ нѣтъ. Но неужели не найдется мѣста при правительственныхъ учрежденіяхъ? Вѣдь его не такъ много надо; нужно только желаніе, и мѣсто найдется. Наконецъ я могу заявить, что Академія Наукъ не откажется дать помѣщеніе въ своихъ громадныхъ зданіяхъ; не откажется помочь и Московское Археологическое Общество. Нужны только хлопоты, нужна любовь къ дѣлу, нужна работа; но не все же бастуетъ на Руси. Если забастовало просвѣщеніе въ нашей школѣ, то пусть работаютъ искренніе представители науки, которая должна быть свободна отъ политическихъ увлеченій.

Къ вамъ, скромнымъ труженикамъ на нивѣ родной исторіи, къ представителямъ ученыхъ архивныхъ коммиссій, обращаюсь я, вамъ низко бью челомъ — помогите! Но помните, что событія не ждутъ, и пословица „лучше поздно, чѣмъ никогда" не примѣнима. Лучше вспомнимъ другую пословицу: „если бы зналъ гдѣ упалъ, тамъ бы соломки подостлалъ".

„Историко-Родословное Общество въ Москвѣ" (Арбатъ, Калошинъ пер., д. Борщова, кв. № 17) готово оказать всякое содѣйствіе лицамъ, которыя пожелали бы войти въ переговоры съ какимъ-либо правительственнымъ или ученымъ учрежденіемъ и обществомъ по вопросу о сохраненіи частнаго архива.

«РУССКІЙ АРХИВЪ» БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ 1907-мъ ГОДУ.

(45-й годъ изданія).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1906

10.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,

на Страстномъ бульварѣ.

1906.

Записки императрицы Екатерины Великой. Новое Петербургское издание.

Наконецъ-то Русскіе люди могутъ безвозбранно читать удивительную лѣтопись тяжелыхъ испытаній, вынесенныхъ дочерью древняго Сербскаго княжескаго дома, которой предназначено было сдѣлаться основательницей нынѣ царствующей династіи, и воспрославить Русское имя во всемъ мірѣ: ее восхвалялъ даже Наполеонъ на островѣ Св. Елены, а одинъ Французъ-республиканецъ прозвалъ Юпитеромъ женскаго пола (Jupiterfemelle). Покойный Государь Александръ Александровичъ однажды изволилъ выразиться, говоря про Ораніенбаумъ: „тамъ великая Екатерина страдала и училась царствовать". Въ теченіе 18 лѣтъ съ пріѣзда въ Россію и до воцаренія имѣла она достаточно досуга для занятій чтеніемъ и писаніемъ и впослѣдствіи говаривала, что ей непривычно провести день, не исписавши нѣсколько листовъ. Въ Государственномъ Архивѣ хранится семь толстыхъ переплетенныхъ книгъ съ ея рукописями (нынѣ большею частію уже обнародованными); но это лишь малая доля того, что̀ она на своемъ вѣку написала. Письма ея все еще открываются, и мы увѣрены, что много ихъ найдется въ частныхъ и общественныхъ архивахъ заграничныхъ. Имѣя сношенія съ вліятельными дѣятелями вѣка, знала она что̀ происходило въ любомъ государствѣ. Было бы исполненіемъ долга благодарности издать все что̀ осталось отъ написаннаго Екатериною. Въ Германіи печатается возможно-полное письменное наслѣдіе Фридриха Великаго. Еще болѣе заслуживаетъ этого наша Екатерина; ибо созиданія Фридриха очень скоро оказались несостоятельными, тогда какъ благодаря Екатерининскому царствованію и поколѣнію выросшему при ней и воспитавшемуся на ея политическихъ началахъ, Россія побѣдоносно вынесла нашествіе Западноевропейскихъ народовъ. Она же вчинательница Русскаго историческаго самосознанія.

Изданіе литературныхъ трудовъ Екатерины, начатое Академіею Наукъ, остановилось по кончинѣ А. Н. Пыпина, и преемника ему до сихъ поръ еще не найдено. Письма по дѣламъ внѣшней политики печатаются въ Сборникѣ Императорскаго Историческаго Общества, издавшаго кромѣ того нѣсколько томовъ бумагъ писемъ Екатерины. Что̀ касается до ея автобіографическихъ записокъ, то Французскій ихъ подлинникъ, изданный въ 1859 г. въ Лондонѣ, запрещался до нынѣ ко ввозу въ Россію. Въ царствованіе Александра Павловича лишь немногія лица прочитали ихъ, въ томъ числѣ Карамзинъ, писавшій о томъ И. И. Дмитріеву, и князь М. С. Воронцовъ. Списокъ ихъ хранится въ Одессѣ, въ Воронцовскомъ архивѣ, откуда можно было получить ихъ А. Н. Раевскому, отъ котораго имѣлъ ихъ и Пушкинъ. Когда Т. Н. Грановскій занимался воспитаніемъ племянниковъ Раевскаго, то

ЗАПИСКИ ПРИСУТСТВУЮЩАГО ВЪ СВЯТѢЙШЕМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМЪ ВСЕРОССІЙСКОМЪ СИНОДѢ *).

(Архіепископа Херсонскаго Никанора).

1887 г.

Часть вторая.

Не могу ясно вспомнить день пріѣзда преосв. Леонтія. Должно быть, дѣло было такъ. 24 Октября, вечеромъ, послѣ всенощной, В. К. Саблеръ сказалъ мнѣ, что владыка Леонтій Варшавскій прибылъ. Тутъ же между словъ я поймалъ черту, что В. К. встрѣчать владыку Леонтія не выѣзжалъ... Не могу никакъ установиться въ воспоминаніяхъ. Вышло какъ-то такъ, что и я не выѣхалъ встрѣтить владыку Леонтія, хотя у меня и была мысль объ этомъ. Должно быть, онъ прибылъ наканунѣ Казанской; мнѣ сказано было, что онъ прибудетъ во время всенощной, а вышло, что онъ прибылъ поутру и прямо съ вокзала отправился къ владыкѣ-митрополиту, а затѣмъ къ оберъ-прокурору. «Владыка-митрополитъ, сообщаетъ мнѣ В. К., продержалъ преосв. Леонтія цѣлый часъ; давно не говорилъ по душѣ». На завтра я надѣлъ свои регаліи и отбылъ послѣ обѣдни представляться его Варшавскому высокопреосвященству. Остановился онъ на Благовѣщенскомъ подворьѣ. Выходитъ со звѣздами и въ клобукѣ въ прихожую и простираетъ объятія. «Ну, вотъ гдѣ и когда привелъ Богъ встрѣтиться». Гляжу: тотъ же, только сѣдой. «Ну, ну, пожалуйте». Пришли въ гостиную, сѣли. Рѣчи изъ устъ его медовыя полилися. Тотъ же простой, откровенный, чуточку рѣзкій; выраженія иногда не гладкія. «Вы пожалуйста... Иногда придется откровенно что-нибудь сказать»... Я кланяюсь. «Намъ съ вами нужно сообща... Вотъ пріѣхалъ Московскій... Мнѣ онъ что̀. У меня онъ испекторомъ былъ... Вѣдь я знаете, съ нимъ иногда просто говорю. Вотъ и Кіевскій. Ну, и васъ зацѣпляетъ. А я ему: «А что Никаноръ? Хорошо правитъ Никаноръ?» Онъ мнѣ разъ говоритъ, что у меня-де и то нехорошо, и то худо. А я ему: «А у васъ сколько на-

---

*) См. выше, стр. 5.

задъ въ Ригѣ ушло? И вы отпустили? Вы думаете, что это неизвѣстно. Все исторія раскроетъ. Помалчивайте только». Коснулись и преосвященнаго Павла, архіепископа Казанскаго, но поистинѣ безъ желчи, безъ злости. Вообще же вынесъ я отъ него пріятное впечатлѣніе. Поистинѣ жаль, что онъ въ простомъ разговорѣ хранитъ гримировку лица. Совсѣмъ бы не нужно. Замѣчательно, что въ засѣданіяхъ Синода онъ держитъ себя просто, скромно и прилично. На другой, на третій день онъ отдалъ мнѣ визитъ. Сидѣлъ, ходилъ, разсматривалъ мое помѣщеніе, бесѣдовалъ о разныхъ матеріяхъ, но коротко. «Вотъ, это я все устраивалъ. Эти обои я выбиралъ. Матерію на стульяхъ я же. У Саввы тутъ плохо было, плохо, скверно». Я поправилъ, что преосвященный Савва, какъ старецъ, повидимому, боится провѣтривать свои внутренніе апартаменты; нѣчто подобное и я въ Твери замѣтилъ, между тѣмъ самъ по привычкѣ не чувствуетъ, что духъ у него спирается, хотя по убранству комнатъ онъ весьма наряденъ. Вотъ къ вамъ иногда вечеромъ. У васъ, говорятъ, пѣвчіе поютъ хорошо»...

Во Вторникъ, Октября 27, въ засѣданіи Училищнаго Совѣта, узналъ я отъ того же В. К—ча, что и преосвященный Палладій прибылъ, при чемъ, какъ будто въ самооправданіе, проведена была черта, что навстрѣчу высокопреосвященнаго Палладія В. К—чъ выѣзжалъ. Это потому, что Палладій телеграфировалъ о прибытіи. Мнѣ показалось, однакоже, что къ одному благоволятъ больше, чѣмъ къ другому. Надо замѣтить, что преосв. Палладій составляетъ предметъ самыхъ симпатичныхъ бесѣдъ синодской прислуги. Онъ былъ ласковъ и щедръ. Вотъ мой келейникъ Петръ, вечеромъ, раздѣвая меня, и процѣживаетъ: «Вотъ былъ портной отъ лавры. Какъ это они тамъ все знаютъ! Уже толкуютъ, что Палладій прибылъ и завтра будетъ первенствовать въ Синодѣ». Положеніе выходило щекотливое. Назавтра, на Среду, на 28 Октября, назначено было нареченіе архимандрита Петра (Лосева) во епископа; а владыка-митрополитъ отказался быть въ засѣданіи, сберегая свое здоровье. Я подумалъ, что неловко будетъ положеніе владыки Леонтія, который долженъ будетъ уступить предсѣдательство Палладію. Въ Среду, довольно рано, я выѣхалъ въ лавру, чтобы предварить посѣщеніемъ владыку Палладія. Въ лаврскихъ вратахъ спрашиваемъ: гдѣ остановился экзархъ Палладій? Говорятъ: тамъ, гдѣ преосв. Германъ квартировалъ. Ѣдемъ, поднимаемся вверхъ по знакомой лѣстницѣ, доходимъ до двери; но тутъ лаврскій служитель объясняетъ, что преосв. Палладій перешли-съ въ Академію, къ ректору. Ѣхать въ Академію уже время не позволило: поопасался опоздать на засѣданіе въ Синодъ и поѣхалъ назадъ. Думаю, лично объясню экзарху, что ѣздилъ, но не засталъ. Входя въ синодскую палату, вижу, что преосв. Леонтій

и Діонисій уже здѣсь. Вотъ никакъ не могу припомнить, первое-ль это было засѣданіе владыки Леонтія въ Синодѣ, или же второе. Ясно только помню, что въ этотъ разъ, въ Среду, только лишь я вошелъ въ синодскую палату, киръ-Леонтій сталъ заботливо разсуждать, гдѣ и какъ намъ сѣсть. «Нѣтъ, говоритъ, я никакъ не сяду на митрополичье мѣсто. Скажутъ: вотъ забрался. Нѣтъ, не сяду. Думаю, что я сяду здѣсь». Указываетъ на второе справа отъ Государева портрета мѣсто. А вы сядете вотъ тамъ, визави». А я и спроси: «А какъ же Палладій? Вѣдь онъ прибылъ».—«Нѣтъ, онъ не будетъ», отвѣчаетъ владыка Леонтій, «ему митрополитъ запретилъ, да и зачѣмъ ему?» Засѣданіе синодальное прошло тихо и кротко. Предсѣдательствующій, очевидно, склонялся къ смягченію мѣръ взысканія. Около получаса втораго В. К. далъ сигналъ, что пора приступать къ обряду нареченія. К. П-чъ и другіе свѣтскіе синодальные возложили на себя ленты, архіереи возложили на себя мантіи, а предсѣдательствующій и омофоръ. Пущенъ народъ, котораго оказалось немного. Затѣмъ я вступился въ столъ и ни на кого, ни на что не смотрѣлъ и ничего не видѣлъ, потому что съ перваго момента обряда пришелъ въ истерическое волненіе, потому что вспомнилъ прошлое: какъ-то вся жизнь моя прошла у меня тутъ, предъ очами, прошелъ и этотъ поворотный въ моей и внѣшней и внутренне-душевной жизни поворотъ, мое собственное нареченіе во епископа. Кромѣ того сзади, изъ-за народа, слышалось мнѣ всхлипываніе; мнѣ подумалось: это плачетъ дочь нарекаемаго, ученая, получила дипломъ на лѣкаря. А истерика вызываетъ истерику... Впрочемъ, я не точно сказалъ. Сперва, когда ввели нарекаемаго, я чувствовалъ себя еще бодро. Когда первенствующій благословилъ священнодѣйствіе, я пѣлъ бодро, тогда какъ два другіе мѣшали. Но лишь только сѣли, лишь только нарекаемый произнесъ первыя слова рѣчи, я долженъ былъ душить въ себѣ рыданія. Рѣчь была сказана хорошо, съ ораторскими пріемами, чистымъ, звучнымъ голосомъ. Протодіаконъ Громовъ многолѣтіе сказалъ хорошо. Экзарха Палладія въ засѣданіи не было. Я подумалъ, что старецъ-митрополитъ распорядился предусмотрительно и заботливо относительно киръ-Леонтія.

Назавтра, въ Четвергъ, я собрался сдѣлать экзарху визитъ въ Академію. Около часу сталъ было уже одѣваться, какъ вдругъ докладываютъ: «преосвященный Палладій». Во всѣхъ регаліяхъ ѣздилъ съ визитами. Сидѣлъ некоротко. Осмотрѣлъ только церковь, любопытствуя, какъ ее заново отдѣлали. Павла Казанскаго коснулся только словами: «Преосв. Павлу тамъ будетъ хорошо. Вѣдь я все отдѣлалъ заново. Вы бы теперь не узнали. Конечно мнѣ жаль оставлять Казань. Провожали меня съ такою любовью, что я и не ожидалъ. А что ждетъ меня въ

Грузіи, то Богъ вѣдаетъ»... Лишь только онъ отбылъ, я сейчасъ же сѣлъ въ карету и поѣхалъ въ Академію додѣлывать свой визитъ. Засталъ уже дома. У экзарха засталъ Батюшкова. Простились мы до свиданія.

Въ Пятницу экзархъ въ засѣданіе Синода опять же не прибылъ. Увидѣлись мы съ нимъ снова и окончательно простились уже въ Воскресенье при хиротоніи преосв. Петра. Не зная, что есть обычай звонить къ хиротоніи въ 9 ½ часовъ, я прибылъ ровно къ 10 часамъ, чуть не опоздалъ. Уже звонили во всѣ колокола, митрополитъ шелъ въ лаврскій соборъ. Въ алтарѣ всѣ уже были въ сборѣ. Поздоровавшись съ владыкою Варшавскимъ, смотрю: гдѣ же экзархъ? У престола облачается. «Ахъ, говорю киръ-Леонтію, нужно идти къ экзарху».—«Зачѣмъ не ходите».—«Неловко, не хорошо, если онъ ко мнѣ подойдетъ». Я подошелъ; любезно разцѣловались. Вопрошаю старца Холмскаго: «какъ же мы станемъ?»—«Я, говоритъ, стану слѣва отъ митрополита, вы около меня. Мы съ митрополитомъ составимъ первую пару; вы съ Палладіемъ вторую, всѣхъ насъ восемь.»—«Г-мъ», думаю себѣ. Исполнилъ я, какъ было сказано, ставъ слѣва отъ владыки Леонтія. Палладій сталъ справа отъ митрополита. Священнодѣйствіе совершалось торжественно. Во время малаго входа инцидентъ, тѣмъ болѣе что замѣченъ и сталъ предметомъ толковъ. Входя въ алтарь за митрополитомъ, владыка Леонтій разсѣялся, должно быть, и когда митрополитъ сталъ осѣнять, Леонтій пошелъ впередъ митрополита въ царскіе врата. Предъ престоломъ онъ сталъ слѣва же отъ митрополита. Но когда нужно было первымъ двумъ по митрополитѣ выйти изъ алтаря, для ввода новорукополагаемаго, то Холмскій сталъ справа, а экзархъ слѣва. Не разберу, было ли это внушено, или дѣлалось само собой по иниціативѣ старѣйшаго, которому казалось невмѣстно стать ниже юнѣйшаго. Послѣ литургіи, которую довершалъ митрополитъ съ преосв. Вл-омъ Нарвскимъ и новорукоположеннымъ, мы сейчасъ же всѣ разъѣхались по домамъ. Тутъ мы окончательно простились съ высокопреосв. экзархомъ. За то порядокъ свое взялъ: когда пришлось подписывать всѣмъ намъ архіерейскую присягу новорукоположеннаго, на первомъ мѣстѣ подписался митрополитъ, за нимъ экзархъ, затѣмъ широкій пробѣлъ, внизу викаріи: я подписался чуть-чуть надъ ними; Холмскому придется подписаться въ широкомъ пробѣлѣ. Преосв. Діонисій Уфимскій оправился нѣсколько и въ хиротоніи участвовалъ.

5-го Ноября прибылъ и Московскій. Узналъ я объ этомъ потому, что вчера, 6-го, вдругъ является ко мнѣ отъ него послушникъ съ вопросомъ: будетъ ли сегодня (т. е. вчера) засѣданіе? Я отвѣчаю: въ прошлую Среду не было по той рѣдкой причинѣ, что заболѣли оба

и об.-прокуроръ, и товарищъ его). Сегодня будетъ ли засѣданіе, не знаю; но я уже одѣваюсь и сейчасъ ѣду». Кстати надѣлъ и ленты. Входя въ синодскую залу, нахожу уже на мѣстахъ киръ-Леонтія и Уфимскаго. Извѣщаю, что сейчасъ прибудетъ Московскій. «Да, ленты-то вы зачѣмъ надѣли? О, политикъ!»—«Говорю: «послѣ засѣданія поѣду къ Московскому».—«Да, можно и безъ лентъ».—Говорю: «вамъ можно, мнѣ неудобно». Входитъ владыка Московскій, крестится, раскланивается. Сѣли: владыка Московскій отъ портрета слѣва, на второмъ креслѣ, Леонтій справа. Начались доклады. Дѣла шли живо. Много говорилъ Московскій, ему вторилъ Холмскій, не молчалъ Уфимскій, помалчивалъ Херсонскій. Замѣчательный инцидентъ. Докладывалось дѣло о священникѣ: послѣ обѣда запрягъ пару своихъ лошадей, посадилъ въ сани трехъ гостей, самъ правилъ, при поворотѣ наскочилъ на обозъ (везли бревна), смяли одного возчика, который черезъ четыре дня и Богу душу отдалъ. Епархіальное начальство запретило въ священнослуженіи и спрашиваетъ: какъ быть? Судъ уголовный оправдалъ несчастнаго, выяснивъ, что бревно ударило лошадей по ногамъ, лошади понесли, обозъ шарахнулся, бревно третьихъ саней сбило съ ногъ крестьянина и помяло его. Двое старѣйшіе стали на томъ, что несчастное, да убійство. Вступили въ разъясненіе всѣ. В-ръ К-чъ поднялся, Н. Пав-чъ съ мѣста; говорятъ свѣтскіе: вмѣнить уже понесенное наказаніе. Я добавляю: перевесть въ другой приходъ, чтобы не указывали пальцемъ, какъ на убійцу... Да, и думаю себѣ: сколько можетъ быть случайностей, именно въ ѣздѣ, въ которыхъ можешь стать невольнымъ убійцей, и вотъ тебѣ запретятъ священнослуженіе. Не высказалъ я это единственно потому, что всѣ говорили и говорили уже много. И представьте: владыка Холмскій, лишь только отъѣхалъ отъ Синода, переѣхалъ 13 лѣтняго мальчика, который поднятъ еле живымъ. Но, разсказывая это моему келейнику, кучеръ мой сказывалъ уже, что мальчикъ умеръ. Каково положеніе! Каково совпаденіе?!

Послѣ засѣданія, чуточку промедливъ, я заѣхалъ на Московское подворье. Но сказано: «легли отдыхать». Сію минуту посѣтилъ меня самъ владыка Московскій.

Января 7-го 1888 г. О. преосв. Павлѣ Казанскомъ я вспоминалъ каждый день. Вспоминая, покушался браться за перо, но хотѣлъ написать большое письмо, а для длиннаго писанья требуется не короткое и время, и потому все откладывалъ. Вчера вечеромъ подписалъ массу синодскихъ бумагъ. Сегодня вотъ первымъ дѣломъ взялся за это письмо, хотя мой дѣловой столъ и заваленъ кипами бумагъ. Да и то еще сегодня нужно сдѣлать два визита, а затѣмъ къ двумъ часамъ ѣхать на праздничный обѣдъ къ владыкѣ-митрополиту Кіевскому.

Какія бъ это событія совершились у насъ въ Синодѣ за послѣднее время? Состоялся вызовъ въ Синодъ преосв. Германа. Недостаточно извѣстно даже мнѣ (хотя другими и самимъ пр. Германомъ подозрѣвается), что тутъ въ этомъ вызовѣ есть задняя сторона, касающаяся и меня. Въ одномъ компетентномъ мѣстѣ я поймалъ слѣдующую закулисность. Именно: назначенный въ Одессу ревизоръ П. К. Зинченко разсказалъ мнѣ со словъ Е. М. Крыжановскаго, что «преосвященный-де Никаноръ поставилъ дѣло въ Училищномъ Совѣтѣ на новый ладъ: всякое дѣло голосуется въ Совѣтѣ, оттого дѣлами Совѣта управляетъ Совѣтъ».—«А прежде же какъ было?»—«Управляли В. И. Шемякинъ съ пр. Германомъ, точнѣе В. И. скажетъ пр. Герману, а тотъ и гнетъ въ одну струну». Можетъ быть, я и оказываюсь неудобнымъ съ своимъ голосованіемъ; за то своей собственной воли въ Совѣтѣ я вовсе не проявляю, опираясь на общее мнѣніе. Впрочемъ, съ В. И. Шемякинымъ мы, повидимому, даже друзья. Точнѣе я всячески стараюсь изучить направленіе его идей, его желаній, видя на опытѣ, что онъ дѣйствительно ревнуетъ о дѣлѣ народно-религіознаго образованія. Предъ каждымъ засѣданіемъ Совѣта (эти засѣданія у насъ бываютъ по утрамъ, во Вторникъ), онъ проводитъ у меня вечеръ наканунѣ; мы проглядываемъ напередъ каждое дѣло изъ предлежащихъ назавтра къ докладу и совѣтуемся предварительно. Между прочимъ онъ настойчиво внушалъ мнѣ, чтобы въ слѣдующемъ году, въ лѣтнюю ваканцію, я устроилъ въ Одессѣ съѣздъ учителей всѣхъ народныхъ нашихъ и министерскихъ училищъ, для обученія ихъ учителей церковному пѣнію. По его взгляду выходило, что лѣтомъ мнѣ слѣдовало бы быть уже въ Одессѣ. Въ разговорахъ съ нимъ я въ этомъ смыслѣ и высказывался, что вотъ-де поѣдемъ въ Одессу и тамъ устроимъ все по мѣрѣ возможности.

Таинственный смыслъ этого разъяснилъ мнѣ нашъ другъ И. А. Чистовичъ. Надо сказать, что предъ праздниками я былъ серьезно боленъ. Навѣстить меня прибылъ нашъ другъ. Надо сказать, что онъ не особенно долюбливаетъ В. И. Шемякина. «Берегитесь вы этого человѣка. У насъ думаютъ, что глядящій ушами, а не глазами не все то сдѣлаетъ, чего хочетъ В. К., но все исполнитъ, чего хочетъ В. И. Пр. Германа вызываетъ въ Синодъ не кто иной, какъ В. И.».—«Для чего онъ ему нуженъ?»—«Для чего нуженъ, не вѣдаю; а только нуженъ. У васъ не слышно чего либо о присоединеніи къ вамъ и нашего Учебнаго Комитета? Откуда-то, отъ кого-то я слышалъ, что для о. протоіерея Парвова ждутъ только вакансіи оберъ-священника Покровскаго. Теперь о. Покровскій устранился по болѣзни, повидимому, навсегда. Въ Синодѣ, когда пошло объ этомъ разсужденіе, первый на мѣсто Покровскаго преосвященный Леонтій назвалъ протоіерея Жело-

бовскаго, а не Парвова. Всѣ сразу же и согласились. «Обдумано было напередъ», говоритъ другъ. «Не знаю, говорю я, но по совѣщаніямъ въ Синодѣ казалось, что имя о. Желобовскаго названо преосв. Леонтіемъ случайно».—«Ну, толкуйте, случайно, возражаетъ другъ; давно обдумано, и рѣшено, и условлено—Желобовскаго; вѣроятно, старецъ Исидоръ подсказалъ Леонтію Желобовскаго; оттого всѣ такъ скоро и спѣлись. Но отсюда ясно, что не имѣется въ виду принять Парвова изъ вашего Комитета, но имѣется въ виду порѣшить съ вашимъ Комитетомъ. Но мысль-то у нихъ есть соединить оба наши ученыя учрежденія, а предсѣдателемъ посадить Германа, чтобъ онъ вѣдалъ учебную часть. Для того онъ имъ и нуженъ». До здѣ откровенія друга. Отсюда я вывелъ заключеніе, что я-то имъ не особенно нуженъ.

Въ этомъ убѣдили меня и другія соображенія. Въ день Покрова я служилъ въ Покровской общинѣ, по желанію Ея Высочества В. К. Александры Петровны. Тогда выяснилось, что владыкѣ-митрополиту это не понравилось. Игуменья общины разсказала мнѣ, что онъ, даже давъ согласіе на то, чтобы я служилъ, приглашалъ ее вторично и допытывался, зачѣмъ бы это нуженъ имъ былъ преосв. Никаноръ? Я подсказываю ей: «да это значило, что вы должны были пригласить его самаго».—«Я такъ и сама подумала, говоритъ игуменья, да не посмѣла, такъ какъ должна была исполнить волю Ея Высочества». Съ тѣхъ поръ митрополитъ ко мнѣ ни одного ласковаго взгляда, ни одного слова, даже до послѣднихъ дней. Только вотъ въ Новый годъ, въ Зимнемъ дворцѣ, онъ явно ласково взглянулъ на меня, а вчера тамъ же сказалъ даже ласковое слово: «поздравляю съ праздникомъ!» Не узналъ ли, что я самъ уже толкую о своемъ отбытіи въ Одессу? Тутъ произошли еще тонкости со стороны. К. П. и В. К. думали, несомнѣнно, вызвать въ Синодъ или Харьковскаго, или Литовскаго. И поѣхали В. К. къ Харьковскому, а К. П. къ Литовскому. Съѣздили, и произошла перемѣна взглядовъ. В. К. выразился: «все-таки попомъ глядитъ; тамъ у него не совсѣмъ чисто!» Какія впечатлѣнія вывезены изъ Литвы, не знаю, но произошли перемѣны и въ распоряженіяхъ. Вызваны старожилы Петербургскіе Леонтій и Германъ. О мотивахъ къ вызову перваго далъ мнѣ разумѣніе С. В. Керскій. Какъ-то, съ самаго начала по прибытіи Леонтія, кто-то мнѣ сказалъ: «Старецъ-митрополитъ такъ обрадовался прибытію Леонтія, что при первомъ посѣщеніи сего послѣдняго продержалъ его у себя цѣлый часъ. Давно ни съ кѣмъ не говорилъ по душѣ». На второй день праздниковъ, митр. Исидоръ принялъ отъ насъ поздравительные поклоны, а въ первый день праздника Р. Хр., въ Исакіевскомъ соборѣ, выразилъ желаніе, чтобы на домъ къ нему никто не ѣздилъ. Поѣхалъ я на Васильевскій островъ и первымъ дѣ-

домъ прослѣдовалъ по 8 линіи къ владыкѣ Леонтію. Не заставъ его дома, толкнулся къ С. В. Керскому. Къ удивленію былъ принятъ и просидѣлъ некоротко. Сей достойнѣйшій мужъ сыздавна принималъ во мнѣ участіе. Таковое выразилъ онъ и на сей разъ по случаю приглашенія на обѣдъ. Я прошу его на обѣдъ ко мнѣ въ 4 часа на четвертый день и прибавляю, что собственно устрояю обѣдецъ для старца владыки Кіевскаго (Холмско-Варшавскаго я уже чествовалъ своимъ хлѣбомъ-солью), кромѣ старца Кіевскаго приглашаю Холмско-Варшавскаго, Уфимскаго, ректора Академіи, друга И. А. Чистовича, В. К. Саблера, его Сергія Васильевича и В. И. Шемякина. На это С. В. задаетъ мнѣ вопросъ: «отчего бы вамъ не попросить и старѣйшаго старца?» Я отвѣчаю: «Мнѣ это въ голову не пришло. Если его просить, то нужно попросить и К. П. Побѣдоносцева и Николая Павловича, и того, и другого, и третьяго, вообще сдѣлать обѣдъ человѣкъ на 20. А это сочтите, чего бы стоило? По 12 рублей съ персоны, кромѣ винъ; вообще дать обѣду другой совсѣмъ, торжественный колоритъ». На это С. В. соображаетъ: «И зачѣмъ бы такъ много?»—«Неловко иначе. Слишкомъ важные тузы. А у насъ предполагается обѣдецъ дружескій, семейный».—«Да, вѣдь и старецъ любитъ такъ посидѣть по семейному, потолковать. Можно бы пригласить только присутствіе Святѣйшаго Синода, вотъ какъ мы собираемся на синодскія засѣданія. И были тому примѣры. А это важно было бы вотъ въ какомъ отношеніи. Вамъ полезно было бы старца... не знаю, какъ выразиться... пріучать, приручать къ себѣ. Да именно пріучать, приручать, а то онъ все какъ-то дичится васъ».—«А вотъ что, ваше превосходительство: для чего бы я сталъ хлопотать объ этомъ? Цѣлый вѣкъ я живу, не пользуясь его благосклонностью. Авось, Богъ дастъ, какъ-либо и дотяну вѣкъ. Я къ этому уже привыкъ».—«А все было бы лучше».—«Для чего же лучше?»—«Да, дѣло дѣлали бы вмѣстѣ».—«Э, цѣлые вѣки дѣло дѣлалось безъ меня и будетъ дѣлаться безъ меня. Если бы я усиливался оставаться въ Петербургѣ, то нелишне было бы хлопотать объ этомъ; но когда я рѣшилъ лѣтомъ воротиться въ Одессу, то... Насильно милъ не будешь. А ловить на лету ласковые взгляды я не привыкъ, жизнь не пріучила, не избаловала меня высоко-благосклонными улыбками. Я привыкъ смотрѣть въ глаза судьбѣ угрюмо. Я уже чуточку пробовалъ разговаривать и съ В. К., что думаю убраться лѣтомъ восвояси».—«Жаль, говоритъ его превосходительство, работникъ-то вы хорошій!» Я улыбнулся и подумалъ про себя: «коли работникъ я хорошій, то другіе должны желать удержать меня здѣсь, но уже никакъ не я долженъ употреблять усилія остаться здѣсь».—«Впрочемъ, прибавилъ Сергій Васильевичъ, самъ старецъ перемѣнилъ теперь свои воз-

зрѣнія на васъ, и онъ считаетъ васъ хорошимъ работникомъ». Все-таки относительно большого обѣда я заключилъ, что въ настоящую пору нѣтъ подходящаго повода. Объ этомъ нужно подумать, чтобъ не осрамиться. Старецъ, чего добраго не поѣдетъ. Да при старѣйшемъ и Кіевскому старцу выпадетъ положеніе второстепенное; а мнѣ нужно приласкаться къ нему, такъ какъ ему я много обязанъ въ жизни. Старецъ Кіевскій меня въ этотъ день не принялъ. Сказано: «легъ отдыхать». У С. В. за интересною бесѣдою просидѣлъ я некоротко. Да и Уфимскій, къ которому я заѣхалъ напередъ, принялъ же; и съ этимъ потолковали, такъ что на Кіевское подворье попалъ я уже за три часа, уже смеркалось. И хорошо я сдѣлалъ, что сдѣлалъ маленькій обѣдъ. Обѣдъ вышелъ шикъ, особенно по винной части, и превеселый. Старецъ Платонъ былъ въ духѣ и въ этотъ разъ показался съ наилучшей своей стороны, такъ что даже хмурый другъ нашъ, И. А. Чистовичъ, и тотъ остался отъ старца въ восторгѣ. Этакій чудный старикъ! Сколько ума! Сколько привлекательнаго! Сидѣлъ у меня часовъ до 8-ми. Холмско-Варшавскій заѣзжалъ еще на третій день, чтобы отказаться; какъ оказалось, онъ званъ былъ на тотъ же 4-й день къ Каземъ-Бекамъ вмѣстѣ и съ преосв. Антоніемъ-ректоромъ. А послѣ жалѣлъ, когда Антоній подъ вечеръ прибылъ туда же, съ моего обѣда, къ Каземъ-Бекамъ и разсказалъ, какъ у насъ все вышло хорошо.

Я уже намекнулъ, что пробовалъ заговаривать съ В. К. о моемъ отбытіи изъ Петербурга въ сіе наступающее лѣто. На это онъ мнѣ сказалъ. «Нельзя ли какъ либо такъ устроить, чтобы вы съѣздили въ Одессу на одно лѣто, а къ зимѣ возвратились?» На это я замѣтилъ, что затрудненіе выйдетъ со свитою: не то брать ихъ въ Одессу, не то оставить ихъ здѣсь. Нѣкоторые начинаютъ тяготиться; двое есть семейныхъ, у которыхъ семьи остались въ Одессѣ; прочіе всѣ начинаютъ скучать по родинѣ. А чтобы протащить ихъ въ Одессу и воротиться на зиму сюда съ другой свитой, сколько на это понадобилось бы средствъ! Вообще же благорасположенность В. К. къ намъ я не знаю какъ оцѣнить. Тутъ я серьезно разболѣлся было гастрикою, хотя въ постель и не ложился. Даже въ синодскія засѣданія не ѣздилъ, не былъ на нареченіи пр. Владимира Алеутскаго, не былъ и въ лаврѣ на хиротоніи: не могъ, не имѣлъ отваги. И хорошо сдѣлалъ, что не поѣхалъ. Два засѣданія Училищнаго Совѣта происходили въ моихъ кельяхъ. Въ это время явили мнѣ участіе и Сергій Васильевичъ, и Илларіонъ Алексѣевичъ, даже К. П., который самолично заѣзжалъ ко мнѣ, но не велѣлъ безпокоить, такъ какъ я отдыхалъ. Но В. К. бывалъ у меня почти ежедневно. Надо сказать, что нашъ другъ недовѣрчивъ. «И вы вѣруете въ его доброту?»—«Да, вотъ посудите. Не говорю о томъ,

что его всюду осаждаютъ просители о помощи, не только по его вліянію, но и по карману, по личной его помощи. И дѣлаетъ онъ много. Но вотъ что меня поразило. Въ день Александра Невскаго, 30 Августа, появляется въ лаврскомъ соборѣ оберъ-священникъ, старецъ Покровскій, ну совсѣмъ ветхій старецъ, подходитъ ко всѣмъ, ласкается. На привѣты старцу отвѣчаютъ всѣ холоднымъ привѣтомъ: кому какое до него дѣло? И на обѣдъ къ владыкѣ-митрополиту онъ званъ; а ноги и съ лѣстницы снести его не могутъ, и на лѣстницу поднять безсильны. Кому какое до немощнаго старца дѣло? Но смотрю: тотъ же В. К. тащитъ немощнаго старца въ домъ митрополита съ лѣстницы. Смотрю: тотъ же В. К. тащитъ немощнаго старца и на лѣстницу. Это меня тронуло. Такъ, одинъ разъ, въ очень старые годы, въ день Великаго Пятка, я самолично таскалъ старца-протоіерея Турчанинова, извѣстнаго композитора... Я знаю, что это нелегко. Нѣтъ, онъ Божій человѣкъ, этотъ В. К. «Но вотъ у насъ разсуждаютъ, что онъ роковой человѣкъ. Куда ни съѣздитъ, тамъ катастрофа. Съѣздилъ въ Кишиневъ, оттуда полетѣлъ викарій. Съѣздилъ въ Полтаву, оттуда полетѣлъ архіеп. Іоаннъ. Съѣздилъ во Владимиръ, оттуда полетѣлъ викарій же». Правда-то, правда, а все же хорошій, богобоязненный, теплый сердцемъ, скорый на помощь человѣкъ. Не говорю о томъ, что готовъ бывать въ церкви хоть каждый день. Стоитъ примѣрно у насъ трехчасовую литургію наканунѣ Крещенія. Тутъ же, послѣ легкой кутьи, садится въ моемъ кабинетѣ и пишетъ нѣсколько писемъ, отвѣчая архіереямъ на поздравленія. А получилъ онъ болѣе 40 писемъ отъ преосв. архіереевъ, кромѣ телеграммъ. Тутъ же идетъ къ намъ на трехъ съ половиной-часовую всенощную, которую стоитъ всю до конца, не присѣдая ни на одну минуту, не смотря на мои приглашенія и на удобство присѣсть въ моей моленной. По отцу и дѣти. Онъ теперь водитъ къ намъ всѣхъ трехъ своихъ сынковъ: Святослава, Юрія и Сергія. Святославъ держитъ у меня и свѣчку. Эти дѣти тоже отстаиваютъ не только наши обѣдни, но и трехчасовыя всенощныя, напр. наканунѣ Рождества или Новаго года. Да и къ обѣднямъ явились, пѣшкомъ пришли (не нашли извозчика) въ Рождество къ 7 час. утра, а въ Новый годъ даже въ 6½ час. утра же. Нѣтъ, примѣрный онъ человѣкъ въ наше время, примѣрный отецъ, добрый христіанинъ.

Кстати онъ высказывалъ радостныя впечатлѣнія отъ письма къ нему пр. Казанскаго Павла. «Представьте, владыка Павелъ очень радостенъ! Не нарадуется на свою Казань. Все нашелъ тамъ въ прекрасномъ видѣ». А и экзархъ пишетъ, что также до сихъ поръ пока не имѣетъ никакихъ поводовъ къ жалобамъ.

Прерву свою запись сообщеніемъ самаго живаго свойства, что

пр. Павелъ Казанскій тронулъ здѣсь всѣ сердца своимъ поступкомъ. благопокорнымъ и самоотверженнымъ отъѣздомъ въ Екатеринбургъ, на погребеніе новопреставленнаго преосв. епископа Наѳанаила. Это теперь для него хорошо, и думаю, пригодится и для будущаго.

Продолжаю разсказъ о своемъ отношеніи къ Петербургу. На дняхъ вотъ, именно въ прошлое Воскресенье, послѣ акаѳиста, я, какъ навѣсился и какъ обѣщалъ своимъ, заговорилъ съ В. К. о своемъ отбытіи въ Одессу весною или лѣтомъ. На этотъ разъ дѣло происходило при свидѣтеляхъ, при пр. Владимирѣ Алеутскомъ и моемъ секретарѣ П. С. Лобачевскомъ. Мы обѣдали. В. К. построилъ только жалобное выраженіе лица съ улыбкою, но не сказалъ ни слова. Этимъ онъ совсѣмъ связалъ меня: ничего я не разузналъ, а заговорить съ нимъ объ этомъ въ третій разъ неловко.

На дняхъ тутъ чуть было не разыгралась трагедія въ видѣ серьезнаго столкновенія со старцами. Да она и разыгрывалась, да уладилъ тотъ же прелюбезный В. К. На 7-ое Января владыка - митрополитъ Кіевскій приглашаетъ меня къ себѣ обѣдать въ 2 часа, приглашаетъ чрезъ келейника. Думаю: что̀ такъ рано? Надѣюсь увидѣть тамъ нашихъ, начиная съ владыки Леонтія. Пріѣзжаю въ мою пору. Вижу, въ залѣ самого старца нѣтъ, какія-то старушки, пѣвица Лавровская, монахиня здѣшняго монастыря Ушакова, двое Кіево-печерскихъ архимандритовъ, архидіаконъ, архіереевъ никого. Не очень скоро вышли изъ кабинета старца братья Бобриковы, кажется, оба генералы, безъ эполетъ. Не очень скоро вышелъ старецъ и объясняетъ: «Знаете ли, почему я сегодня пригласилъ васъ? Именно сего дня, именно васъ. Сегодня день ангела моего отца, я поминаю своихъ родныхъ и пригласилъ васъ, какъ родныхъ своихъ». Мы поклонились. Обѣдъ вышелъ совсѣмъ неудачный. Старецъ сперва ворчалъ, потомъ сталъ раздражаться на прислугу... Публика была дребедень. Но за Бобриковыхъ мнѣ было совѣстно. Когда эта утомительно-длинная церемонія кончилась, старецъ пошелъ съ Бобриковыми и нѣкоторыми другими въ свой кабинетъ. Дождались мы его выхода нескоро. Я поспѣшилъ поцѣловать ему руку въ надеждѣ сейчасъ же исчезнуть. Не тутъ-то было. «Мнѣ нужно съ вами потолковать». Стоимъ добрыхъ полчаса; а сзади старца стоятъ Бобриковы, сзади меня бабье. Старецъ не довидитъ и забываетъ, а разговоръ со мной ведетъ совершенно конфиденціальнаго свойства. Самъ, не довидя, приближаетъ свой носъ на разстояніе не болѣе четверти аршина отъ моего носа, такъ что глазамъ моимъ больно, а пальцами своими разбираетъ мою бороду, говоритъ же такъ непрерывно. спѣшно и возбужденно, что не даетъ мнѣ вставить ни одного слова. Терплю и слушаю. «Что̀ это дѣлается? Говорю вамъ, какъ другу...

Это дѣло Люндеквиста».... Его сущность въ короткѣ. Въ 1879 году офицеръ, нынѣ подполковникъ, Лютеранинъ Люндеквистъ, женатый на Русской-тифлискѣ, подалъ о разводѣ по прелюбодѣянію жены; экзархъ Іоанникій слушалъ судоговореніе и призналъ жену виновною; Синодъ отказалъ въ разводѣ, по рутинѣ, по недостатку двухъ очевидцевъ. Теперь подполковникъ Люндеквистъ подалъ прошеніе на высочайшее имя, попросивъ Рихтера, который попросилъ К-на П-ча. Членамъ Синода разосланы печатныя тетради съ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Дѣло докладывалось предъ праздниками Р. Хр. Улики несомнѣнны. Всѣ были за разводъ. Старѣйшаго старца не было; но Кіевскій: «Помилуйте, я хочу, чтобы Святѣйшій Синодъ былъ святѣйшимъ; а, это что же? Тогда отказать, теперь рѣшеніе отмѣнить; и улики не достаточны: собственнаго сознанія жены нѣтъ, очевидныхъ свидѣтелей нѣтъ». Рѣшеніе тогда не выяснилось, за отсутствіемъ первенствующаго. Предъ самымъ Рождествомъ, во время моей болѣзни, дѣло докладывалось снова, спорили, и первенствующій рѣшилъ передать дѣло юрисконсульту. Вотъ теперь-то старецъ Кіевскій и внушаетъ мнѣ: «Дѣло въ Среду будетъ снова докладываться. У насъ вѣдь два синода: святѣйшій одинъ и правительствующій другой. Рихтеръ попросилъ правительствующій Синодъ, и мы, Синодъ святѣйшій, должны отмѣнить свое рѣшеніе. А улики какія? Никакихъ!» Идетъ длинный, предлинный разборъ всѣхъ уликъ. Слушаю... Переходитъ къ новому дѣлу. «Вотъ, умерла Толстая, жена Юрія Толстого; дрянной онъ былъ человѣкъ. Съ женою не жилъ *). Теперь дайте на похороны, дайте пособіе дѣтямъ! Готовится докладъ Синоду. Имѣемъ ли мы средства, имѣемъ ли мы право транжирить Синодскія денежки? Я жалѣю, что согласился подписать оберъ-прокурору 6000 ежегодной ассигновки на непредвидѣнныя надобности. Теперь готовится снова докладъ о прибавкѣ къ 6000 руб. еще 2000 р. ассигновки на таковыя же надобности. Я спрашиваю: всѣ ли эти деньги расходуются на нужды? Отвѣтъ: «Почти всѣ»... Почти всѣ! А Синоду, несомнѣнно, грозитъ крахъ. Теперь эти свѣтскіе мѣшаются во все. Вмѣшались въ выборы игуменьи въ здѣшнемъ женскомъ монастырѣ. На что похоже? Зачѣмъ же онъ (владыка Исидоръ) поступается своими правами?..» Сущность разговора я передалъ; всѣ подробности передать нельзя, было бы долго. Я успѣлъ только спросить: «Подписывали-ль ваше высокопреосвященство дѣло Люндеквиста въ 1879 году?» Оказалось, что не подписывался. Я радъ былъ уклониться отъ дальнѣйшей бесѣды, тѣмъ болѣе, что мы стояли всѣ на

*) Сущая клевета. Мы даже не понимаемъ, какъ она могла возникнуть. П. Б.

ногахъ. Бесѣда имѣла щекотливое содержаніе. И всѣ могли ее слышать при всеобщемъ молчаніи, хотя старецъ и старался говорить въ полголоса. И жаль мнѣ было Бобриковыхъ, которые также все время стояли.

Въ первое послѣ этого обѣда и праздниковъ засѣданіе, именно въ Пятницу, присутствіе Синода составили: старецъ Кіевскій, владыка Леонтій, Херсонскій и Уфимскій. Докладываетъ Николай Павловичъ, вице-оберъ-прокуроръ, о похоронахъ Толстой, съ краской на лицѣ. А онъ велъ уже переговоры съ Кіевскимъ. Молчитъ. Я спрашиваю: «Что же у нихъ осталось что нибудь?»—«Ничего, никакого состоянія *)».—«Сколько же бы вы полагали ассигновать?» К-нъ П-чъ полагалъ бы до 500 р.»—«Быть можетъ, говорю я, у нихъ и на гробъ нѣтъ, и священника не на что нанять. Отъ 500 р. Святѣйшій Синодъ не обнищаетъ». Кіевскій старецъ вскинулъ на меня свои глаза очень выразительно: «Что-де я тебѣ говорилъ?» Леонтій: «Что же? 500 руб., такъ 500 руб.! Конечно, бѣдность, нищета». Докладываютъ объ ежегодной ассигновкѣ 2000 руб. въ распоряженіе оберъ-прокурора (соображеніе Хозяйственнаго Управленія) на раздаяніе больнымъ и всякимъ неимущимъ духовнымъ, являющимся за пособіемъ въ Петербургъ. Заговорилъ теперь старецъ: «А прежде мы сколько ассигновали въ распоряженіе оберъ-прокурора?»—«6000 рублей».—«Имѣемъ ли мы право такъ расходовать?» Молчаніе. В. К. чувствуетъ себя неловко. К-на П-ча нѣтъ. «Предметъ важный, говоритъ Кіевскій старецъ, отложить бы до Среды. Вотъ будетъ присутствовать старѣйшій: ему лучше насъ извѣстно, какія у Синода имѣются способы, какъ ихъ лучше расходовать. Онъ и рѣшитъ». Докладъ снятъ.

За вчера, во Вторникъ, послѣ засѣданія Училищнаго Совѣта, шепчетъ мнѣ В. К.: «Мнѣ нужно съ вами поговорить». Кое-какъ прощаемся съ другими. Начинается длинная, откровенная и, кажется, предостерегательная бесѣда: «Я сейчасъ отъ владыки-митрополита» (какого, я не разобралъ, В. К. во фракѣ, со звѣздою). «Цѣлая буря! Протокола о назначеніи игуменьи въ сей Воскресенскій монастырь Кіевскій владыка не подписалъ. Я туда, сюда, гдѣ, что?! Протоколъ задержанъ. Я къ Кіевскому. Смущенъ. Боже мой, говоритъ: монастырь общежительный; таковымъ давно предоставлено право выбора настоятельницъ; тутъ взята настоятельница со стороны и навязывается вопреки желанію сестеръ; на ея мѣсто настоятельницы назначается игуменья, которую я удалилъ изъ Флоровскаго монастыря, назначается безъ сношенія со мною. Такъ невозможно, такъ я не могу и не хочу. Я уѣду». «Вотъ оно куда пошло», замѣчаетъ В. К., дѣло приняло со-

*) Вотъ это совершенная правда. П. Б.

всѣмъ серьезный оборотъ. Старецъ сейчасъ же потребовалъ къ себѣ Уфимскаго и смутилъ его, смутилъ. Я къ старѣйшему. Тоже. Увы, раздраженъ! Я ищу описанія Воскресенскаго монастыря; сами же монахини сдѣлали. Изволите видѣть!» Показываетъ. «Сей монастырь учрежденъ, какъ штатный, первоклассный; монахинямъ положено отъ казны штатное жалованье; а въ штатныхъ монастыряхъ настоятели и настоятельницы назначаются епархіальнымъ начальствомъ. Опять къ старцамъ. «А зачѣмъ онъ, говоритъ Кіевскій, назначилъ настоятельницу, удаленную мною отъ настоятельства, не снесясь со мною?»—«Я такъ и этакъ, объясняетъ В. К., объясняю это оплошностью Консисторіи. Старѣйшій старецъ принялъ ее къ себѣ, быть можетъ, и по невѣдѣнію; посваталъ ее (т. е. предложилъ) владыка Леонтій. Не знаю, что̀ теперь выйдетъ. Все это должно разыграться завтра, въ засѣданіи. Кіевскій сейчасъ же потребовалъ къ себѣ Уфимскаго и смутилъ его, смутилъ».—«Вы, говорю я, боитесь, чтобы не смутило и меня; нѣтъ, я чуждъ этого дѣла. Выборъ игуменьи дѣло митрополита. Ему насъ судить Богъ судилъ, а не намъ его. Я далеко не всегда раздѣлялъ воззрѣнія старца Кіевскаго, хотя онъ и благодѣтель мой, и ему это извѣстно. Я всегда руковожусь началомъ, что у меня моя собственная голова на плечахъ. Я очень обсуждаю даже то, что̀ полезно не только для дѣла, но и лично для меня самого. Тутъ въ дѣлахъ выбора игуменій я не вижу для себя никакой нужды вмѣшиваться; а въ дѣлѣ Люндеквиста я рѣшительно не раздѣляю воззрѣній старца Кіевскаго; признаю жену виновною, а Люндеквиста обиженнымъ. Жаль, конечно, что Святѣйшій Синодъ уже разрѣшилъ это дѣло, по моему убѣжденію, неправо. Нѣтъ, меня не смутятъ».

Пріѣзжаю на завтра, т.-е. вчера, 13 Января, въ Среду, въ Святѣйшій Синодъ. Собираются Уфимскій, преосв. Германъ, Леонтій Московскій, такой ласковый ко всѣмъ и ко мнѣ въ частности. Ждемъ, стоя. Входитъ старѣйшій.... Впрочемъ, тутъ эпизодъ, достойный вниманія. Давно какъ-то нашъ другъ, Ил. А-чъ, мнѣ сказалъ, что насъ ожидаетъ вскорѣ обсужденіе очень щекотливаго вопроса. Митрополитъ Московскій не разрѣшаетъ пѣть погребенія панихиды, поминовенія по инославнымъ, С.-Петербургскій разрѣшаетъ. Теперь по войскамъ возбуждено движеніе: требуютъ разрѣшенія поминать, погребать по православному обряду иновѣрцевъ, товарищей, уважаемыхъ начальниковъ. По этому сообщенію друга, я уже давно надумывалъ выступить въ вопросѣ этомъ твердо, въ защиту исконныхъ воззрѣній, исконной практики церкви и, правду сказать, подумывалъ объ этомъ не безъ тревоги. Сказано было это лѣтомъ. А потомъ вопросъ не возбуждался, я и забылъ. Но во вчерашнее собраніе вошли первыми я и пр. Германъ.

Отворяютъ дверь, и входитъ К-нъ П-чъ. Здоровается ласково. «Вотъ забота», говоритъ: преосв. Павелъ Казанскій уѣхалъ, а тутъ телеграфируютъ изъ Чистополя два доктора. Умеръ ихъ товарищъ-католикъ; за неимѣніемъ ксендза просятъ, чтобы покойнаго отпѣть въ православной церкви, по православному». Я говорю: «Въ моей практикѣ былъ прецедентъ. Въ Уфѣ появился старецъ-докторъ Малаховскій, который нѣсколько десятковъ лѣтъ служилъ врачемъ въ Саратовской Семинаріи, лѣчилъ тамъ и меня цѣлыхъ семь лѣтъ. Въ эту пору, когда онъ прибылъ въ Уфу, ему было уже 80 лѣтъ. Заболѣлъ онъ тяжко воспаленіемъ мочевыхъ путей. Требуетъ меня къ своему одру. Вотъ, говоритъ, я боленъ; меня обнадеживаютъ, но я знаю, что въ 80 лѣтъ отъ такой болѣзни не выздоравливаютъ. Разрѣшите православному священнику причастить меня». Я говорю: «пусть священникъ прочитаетъ молитву присоединенія безъ отреченій, безъ осужденія вашей церкви».—«Нѣтъ, говоритъ, не могу; если нельзя безъ присоединенія, то поручаю духъ свой Богу, а тѣло мое вамъ; надѣюсь, вы меня похороните». И я самъ выносилъ его. На дому его мы пропѣли: «святый Боже», «пресвятая Троице», «Отче нашъ», потомъ я сказалъ рѣчь, возгласилъ «вѣчную память» и понесли къ могилѣ; надъ могилою также пропѣли «вѣчную память». Такъ, говорю, нужно поступить и здѣсь».—«Да, вотъ говоритъ К-нъ П-чъ, я заваленъ письмами, прошеніями, требованіями по этому вопросу. Вотъ военныя начальства прямо требуютъ, войска требуютъ. Одни изъ архіереевъ разрѣшаютъ, другіе не разрѣшаютъ. Здѣсь, въ Петербургѣ служатъ надъ иновѣрцами сплошь и рядомъ.. Вотъ, надъ принцемъ Ольденбургскимъ.—«И вся Россія, говорю я, глядитъ и смущается. Этотъ примѣръ стѣсняетъ насъ. Вонъ, въ Новочеркасскѣ убитъ былъ на желѣзной дорогѣ генералъ Реми. Владыки Платона не было, я былъ викарій. Отъ меня неотступно требовали моего согласія на православные похороны».—«Да, это все не искренно со стороны иновѣрцевъ, вставляетъ пр. Германъ, они сами не желаютъ молитвъ нашей церкви».—«Вонъ, говорю я, митрополитъ Гинтовтъ (говорилъ В. К.), стоя на литургіи въ Зимнемъ дворцѣ, ни раза не перекрестился. Они никогда не вступятъ съ нами въ общеніе молитвы».—«Ну, чтó митрополитъ, говоритъ К-нъ П-чъ, а вѣдь многіе служащіе относятся къ нашей церкви не такъ; одни чуждаются, а другіе совсѣмъ обрусѣли и постоянно посѣщаютъ нашу церковь, только присоединиться не хотятъ».—«Въ томъ-то и дѣло, говоритъ пр. Германъ, а придетъ смерть, имъ нужны молитвы нашей церкви».—«Да, замѣчаетъ К-нъ П-чъ, они требуютъ отданія имъ послѣдней чести».—«Такъ зачѣмъ же, произноситъ рѣзко и рѣшительно пр. Германъ, трепать такъ нашу церковь, какъ тряпку?»—«Я вотъ думаю, говоритъ К-нъ П-чъ, что докладывать

Св. Синоду объ этомъ неудобно; но думаю частнымъ образомъ написать объ этомъ ко всѣмъ преосвященнымъ».—«Нужно имѣть въ виду, говорю я, что Греческая церковь разъ уже анаѳематствовала за подобныя отступленія отъ древне-церковной практики. Вѣдь, этакъ церковь православная разобьется на клочки». Разговоръ прервался, потому что въ эту, кажется, минуту входилъ въ Синодъ первенствующій старецъ. Сѣли.

Старецъ хмуро вопрошаетъ: «Что же? Кіевскій не будетъ что ли?»—«Обѣщалъ быть, собирается», отвѣчаетъ В. К.—«Что же васъ мало?» обращается старецъ съ замѣчаніемъ къ лѣвой сторонѣ, гдѣ возсѣдали пр. Леонтій и чрезъ стулъ пр. Германъ; а Уфимскій сѣлъ около меня справа. «Оно такъ и нужно, хмуро продолжаетъ старецъ, чтобы оппозиція была въ меньшинствѣ; а если бы наоборотъ, то житья не было бы». Начался докладъ дѣлъ. Старецъ-митрополитъ слушалъ угрюмо, подперши лицо двумя локтями, опертыми на столъ. Зашумѣло сзади: входитъ Кіевскій. Старецъ Исидоръ не пошевелился. Я поднялся, за мною Уфимскій, пр. Германъ. Кіевскій, поздоровавшись со встрѣчными свѣтскими, пошелъ кругомъ стола, гдѣ, встрѣтившись съ К. П., заговорился съ нимъ надолго. Мы, три архіерея, стояли, стояли, да и сѣли. Кончивъ бесѣду съ К-мъ П-мъ, Кіевскій поздоровался съ первенствующимъ и понесъ къ В. К., повидимому, подписанные спорные протоколы. У всѣхъ отъ сердца отлегло. Улучивъ удобную минуту, Кіевскій, поднявшись, пододвигается къ первенствующему и начинаетъ ласкательно объяснять ему, что къ нему, къ Кіевскому, пишетъ изъ-за границы Адлербергъ, прося тамъ, въ какую-то заграничную свою домовую церковь, псаломщика, назначая таковому 15 руб. въ мѣсяцъ жалованья. Старцу Исидору эта матерія была давно знакома и стала на этотъ разъ предметомъ легкаго его юмора: графъ хочетъ-де переманить къ себѣ всѣхъ псаломщиковъ Россіи, назначивъ жалованья 15 руб. въ мѣсяцъ. Добраго сторожа не найдешь теперь за такія деньги. Въ переводѣ по курсу это будетъ равняться какимъ-либо 7—8 руб. Кто же пойдетъ? Пошутили оба, и возсіяло надъ всѣми мирное солнце весенняго утра. Такъ прошло и все засѣданіе. Исидоръ впалъ въ тонъ полнѣйшаго благодушія. Много острилъ, обращаясь то къ Московскому, то ко всѣмъ, то даже ко мнѣ. Верхъ благодушія! И Московскій на этотъ разъ обращался ко мнѣ тоже весьма благоволительно, а умиротворилъ все и всѣхъ миротворецъ, Божье чадо, В. К. Послѣ засѣданія онъ говоритъ мнѣ: «а, что, каковы старцы!» Я говорю: «мирное весеннее солнце надъ всѣми возсіяло». Вчера, 14 Января, онъ былъ на балѣ въ Зимнемъ дворцѣ. «Представьте, говоритъ сегодня, въ ботин-

кахъ, въ чулкахъ, какъ-то странно на себя смотрѣть! А оригинально! Старинная нарядность!»

Теперь слово о назначеніи архіеп. Павла Казанскаго къ поѣздкѣ въ Екатеринбургъ. Должно быть, въ Воскресенье, вечеромъ, послѣ акаѳиста, В. К. говоритъ: получена телеграмма, скончался пр. Наѳанаилъ Екатеринбургскій. Теперь затрудненіе, кого послать на погребеніе. (Нѣтъ, это было въ Суботу, послѣ всенощной. Однимъ словомъ, не сображу). «Пермскаго Ефрема послать никакъ нельзя: не поѣдетъ. Они были съ покойнымъ въ открытой враждѣ. Въ Казани, во время собора, и не служили вмѣстѣ; нарочно избѣгали. Ефремъ говорилъ: «онъ (Наѳанаилъ) оторвалъ половину моего тѣла», разумѣя, что Наѳанаилъ отдѣлилъ Екатеринбургъ отъ Перми. Стали перебирать: Уфимскаго нѣтъ дома, Оренбургскому далеко, Самарскому еще дальше; да и старъ. и, говорятъ, боленъ же. Тутъ у насъ и не были названы Казанскіе; а при слѣдующемъ свиданіи В. К. говоритъ: «Знаете ли, что мы со старцемъ придумали? Телеграфировали пр. Павлу Казанскому, чтобы онъ самъ потрудился съѣздить въ Екатеринбургъ, а если не можетъ, то командировалъ бы своего викарія, пр. Кирилла. «Это, я говорю, не легкое дѣло. Помоги имъ Боже!» Вотъ это было уже въ Среду, предъ засѣданіемъ. В. К. всѣмъ говоритъ: «представьте, вѣдь самъ поѣхалъ!» —«Кто?»—«Павелъ Казанскій; пожалѣлъ викарія». Всѣ его пожалѣли и въ душѣ похвалили.

Главнымъ предметомъ разсужденій въ прошлую Среду было назначеніе архіерея на Екатеринбургскую каѳедру. Старецъ Исидоръ привезъ даже и списокъ викаріевъ, и начали по старѣйшинству съ Мелетія. Долго толковали, говорили сочувственно. А тутъ вошелъ Кіевскій. разсужденіе замялось, зашумѣли стулья. Исидоръ не поднялся. И когда все утихло, я слышу толкуетъ: «ну, такъ Кирилла, викарія Казанскаго». На томъ и дѣло стало. О Кириллѣ толковали также сочувственно. Затѣмъ перебрали опять всѣхъ кандидатовъ на архіерейство. Евгеній теперь уроненъ, повидимому, владыкою Леонтіемъ, который разумѣетъ его очень дурно. О преемникѣ Кириллу выразились: «кого-то теперь изберетъ Павелъ?» Владыко Московскій смутилъ: «не возмемъ ли Александра Тифлисскаго?» Сегодня дѣло касалось Гавріила Имеретинскаго, неособенно съ лестной стороны, по доносу какого-то іеродіакона на архим. Серапіона и на Гавріила совмѣстно.

Сегодня (15 Января) слушалъ у насъ обѣдню протопресвитеръ І. Л. Янышевъ; слушалъ, собственно, нашего протодіакона, котораго думаютъ взять ко двору, а придворные протодіаконы совсѣмъ слабы.

Богъ вознесъ пр. Павла и такъ уже высоко, а думаю, вознесетъ и еще выше. Не забудутъ, конечно, что исторія выдвинула его пре-

выше братіи въ историческую годину объявленія Восточной войны, въ годину, въ которую онъ явился достойнымъ исторической минуты. И нѣкоторымъ образомъ онъ сподвижникъ всѣхъ подвизавшихся на послѣдней брани, начиная съ высочайшихъ особъ, начиная съ Государя въ Бозѣ почившаго и нынѣ царствующаго. И не даромъ Россія намѣтила въ немъ особаго избранника. Изъ Казани идутъ о немъ вѣсти самыя лучшія и лестныя.

Кстати объ Ефремѣ Пермскомъ. Владыка Исидоръ выразился: «вотъ, быть можетъ, Ефремъ откажется?» Думаю, что онъ уронилъ себя крѣпко тѣмъ, что не поѣхалъ на похороны въ Екатеринбургъ. Изъ Перми губернаторъ нашелъ нужнымъ телеграфировать сюда, что Ефремъ не можетъ ѣхать хоронить пр. Наѳанаила.

Мая 16-го 1888 г. Желая написать больше, я долженъ набрасывать чернякъ, такъ какъ у меня, когда я забочусь о почеркѣ, обыкновенно стѣсняется мысль, а начерно я пишу быстро, даже весьма быстро, при чемъ у меня предъ носомъ летаетъ только мысль, начертаніе же буквъ отходитъ на задній планъ. Чтобы начать, чтобы раскидаться, я начну отъ 9-го Марта.

Да! Илларіонъ Алексѣевичъ оказался на новомъ мѣстѣ, хотя и не блистательномъ, но самостоятельномъ. Съ Терс-мъ сдѣлалось худо за карточнымъ столомъ Ненарокомова. Здѣсь онъ тронутъ параличемъ. Его подняли и увезли въ квартиру, пожилъ съ недѣлю. Уговаривали его сдѣлать духовное завѣщаніе, но онъ откладывалъ, пока и не померъ. Осталось у него около 60000 р. капитала, который поступилъ въ собственность его родственникамъ. Хоронили его въ одно изъ Воскресеньевъ, когда была хиротонія, помнится, пр. Митрофана (бывшаго протоіерея Невскаго, ректора Курскаго). Оттого всѣ архіереи были на хиротоніи. Отпѣваніе же совершалъ пр. Владимиръ Американскій. Кстати! Нашъ христолюбецъ В. К., вынося Терс—го изъ Духовской церкви на лаврское кладбище, шелъ въ мундирѣ, безъ шляпы, простудился, за что самъ поплатился мѣсячною болѣзнью, гриппомъ, довольно серьезнымъ, который чуть-чуть было не перешелъ въ рожу.

Кстати и объ Американскомъ епископѣ, пр. Владимирѣ. Держитъ онъ себя какъ-то оригинально, чтобы не сказать странно. Напр. является къ оберъ-прокурору, не застаетъ дома, пишетъ на карточкѣ, зачѣмъ являлся и уходитъ. Вырѣзалъ печать: «епископъ Американскій», и съ таковой разсылаетъ пакеты по Петербургу. Такія странности, каковыхъ было немало, которыя заставляли предполагать, что у него въ головѣ не совсѣмъ добропорядочно, крайне озабочивали К-ча П-ча. «Боже мой, Боже мой, ночей не сплю, повторялъ онъ въ Синодѣ, что́ изъ него будетъ тамъ, когда онъ уѣдетъ въ свою Америку. Молодъ

онъ, неоснователенъ, неосмотрителенъ. Вонъ, беретъ свиту въ 20 человѣкъ. Что онъ тамъ съ ними подѣлаетъ за тридевять-то земель?» и т. д. Ну, наконецъ-то сплавили, выдавъ ему, кажется, 8000 руб. золотомъ. По Петербургу разъѣзжалъ на извозчикѣ, въ камилавкѣ и т. д. Владыка-митрополитъ, кажется, читалъ ему ноту. Впрочемъ, старецъ же и защищалъ его въ Синодѣ. А то К. П. начиналъ уже тормозить дѣло, все повторяя: «Боже мой, Боже мой! Что изъ него тамъ будетъ? Боюсь, боюсь!»

Думаю, что Иларіонъ А-чъ теперь удовлетворенъ, потому что сталъ начальникомъ отдѣльной части и избавленъ отъ подначальства Ив. А. Ненарокомова. Когда дѣло шло о назначеніи его, К. П. нѣсколько хмурился, однакоже призналъ нужнымъ и возможнымъ отдать ему эту справедливость.

Казанскій Павелъ поставилъ себя отлично; это общая молва, повторяемая здѣсь разными лицами, въ томъ числѣ, всего болѣе В-мъ К-чемъ, чему онъ не нарадуется. Вполнѣ убѣжденъ, что поѣздка его въ Екатеринбургъ не была подложена никакимъ злымъ умысломъ. В. К. въ бесѣдахъ со мною перебралъ всѣхъ кандидатовъ - архіеревъ, кого бы послать въ Екатеринбургъ. Все оказывалось неудобнымъ. Потомъ, возвратившись отъ владыки-старца, говорилъ: «Знаете ли, до чего мы договорились? Рѣшили просить пр. Павла, чтобы онъ взялъ на себя этотъ трудъ. Есть тамъ, конечно, пр. Кириллъ; но мы боимся, что тотъ откажется по болѣзни. А дѣло не терпитъ отлагательства. Нужно придти къ какому либо рѣшенію». И это повернуло или вернуло къ пр. Павлу Казанскому всѣ сердца, что онъ исполнилъ этотъ тяжкій, непріятный трудъ. Не думаю, что шансы его понизились. Поймана фраза компетентнымъ лицомъ самаго компетентнаго лица: «Я съ бо̀льшимъ удовольствіемъ увидѣлъ бы тамъ пр. Павла, чѣмъ».... Рѣчь шла о Кіевѣ въ предположеніи, что старецъ Кіевскій предваритъ въ грядущемъ градѣ старца Петербургскаго, который куды какъ бодрѣе перваго. Казанскіе профессора, Николай Ивановичъ Ивановскій, въ послѣднюю здѣсь въ Петербургѣ бытность, какъ и Николай Яковлевичъ Бѣляевъ, отзывались о пр. архіеп. Павлѣ въ самыхъ сочувственныхъ и даже сильныхъ выраженіяхъ. А какъ смотрятъ на него въ послѣднее время самыя высшія сферы, это я уже сообщилъ. Думаю, что и на Варшаву остается прежній взглядъ, подновленный въ самые послѣдніе дни.

Объ экзархѣ думаю, что онъ самъ себя хвалилъ, свидѣтельствуя, что у него все благоустрояется прекрасно; но не слышу, чтобъ его хвалили другіе. Поднималась уже рѣчь о необходимости удалить тамошняго ректора. Повидимому, самъ экзархъ пишетъ объ этомъ сюда.

В. К. я все-таки считаю рѣдкимъ христіаниномъ. Онъ можетъ

удобно хвалить и пр. Павла, и экзарха, потому что почти никогда ни о комъ, особенно же объ архіереяхъ, не отзывается худо. Но то фактъ, что пр. Павла онъ часто хвалитъ, часто вспоминаетъ, а объ экзархѣ какъ-то помалчиваетъ. Я же съ своей стороны держусь принципа никогда ни о чемъ не спрашивать его, опасаясь затруднить отвѣтами и себя, и его. Онъ, конечно, начиненъ всякими секретами, которые еще неудобно разбрасывать по улицѣ; а я не страдаю болѣзненнымъ любопытствомъ, даже избѣгаю знать о вещахъ, которыя меня не касаются, между прочимъ и изъ опасенія, какъ бы въ забывчивости не разболтать что либо такое, что̀ разбалтывать не слѣдуетъ.

Кстати замѣтить, что посвященіе Казанскаго викарія устроилъ не кто другой, какъ именно В. К. Произошло это такъ. Казанскому дѣлу предшествовало рѣшеніе о посвященіи Ярославскаго викарія въ Ростовѣ. Мысль эту подалъ, кажется, самъ К. П. Старецъ-владыка тутъ не воспротивился, по крайней мѣрѣ, открыто. Владыка Московскій поставилъ на видъ, что для хиротоніи слѣдовало бы прослѣдовать въ Ярославль члену Святѣйшаго Синода, т. е. ему самому. Ему никто не возразилъ. Въ этомъ смыслѣ направилось и рѣшеніе. А тутъ послѣдовало представленіе Казанскаго архіепископа о Сергіи и о рукоположеніи именно въ Казани. Случилось, что К. П. во время синодскаго совѣщанія объ этомъ сидѣлъ въ директорской. В. К. оттуда вынесъ слово, что противъ назначенія Сергія К. П. не имѣетъ ничего. Но противъ посвященія именно въ Казани сталъ возражать старецъ, довольно угрюмо, что это нововведеніе, противно преданіямъ, даже уставамъ, ослабляетъ значеніе архіерейской хиротоніи. Владыка Московскій поддерживалъ старца, прочіе молчали. Повидимому, это было еще при Кіевскомъ. Тотъ помалчивалъ, потому что самъ въ тоже время ходатайствовалъ о рукоположеніи Иринея въ Кіевѣ. Мы, конечно, молчали. Въ защиту мысли пр. Павла Казанскаго разъ и два выступилъ именно В. К., что-де Казань старый городъ, какое торжество, невиданное, неслыханное, пріѣдутъ Нижегородскій, Симбирскій; преосвященнѣйшій-де Павелъ проситъ этого разрѣшенія, какъ особой милости.... Старецъ замолчалъ, но къ этой матеріи, помню, возвращались и старецъ, и В. К. каждый съ своей точки зрѣнія. В. К., наконецъ, подсунулъ протоколъ, и всѣ тутъ же подписали.

О. Платона Трав-каго отпѣвали мы съ пр. Германомъ, какъ товарища. Онъ такъ чѣмъ-то слегка занедуговалъ; доктора осматривали, ничего серьезнаго не нашли, вылѣчили совсѣмъ; онъ собирался уже выходить, между тѣмъ его нашли стоящимъ на колѣняхъ, опершимся на кровать, въ смертной агоніи. Пришли доктора, чтобы только констатировать фактъ смерти. Оберъ-священникъ Покровскій

долго былъ боленъ, а наконецъ и померъ. Смерть его прошла совсѣмъ незамѣтно. Отпѣвалъ кто-то изъ викаріевъ, кажется, пр. Владиміръ. Думаютъ это синодальное подворье, гдѣ жили оберъ-священники, взять опять въ вѣдѣніе Святѣйшаго Синода и отдавать присутствующимъ въ Свят. Синодѣ. Думаютъ, или думали, кромѣ пр. Германа держать еще постояннаго присутствующаго, или же члена. Мысль падала на пр. Витебскаго Маркела, за которымъ, говорятъ, стоитъ вся Галиція; но, повидимому, пока теперь эта мысль оставлена.

Я оставленіемъ своимъ на второй годъ здѣсь обязанъ главнымъ образомъ В-ру К-чу. К. П. выразился: «Преосв. Никаноръ нуженъ и тамъ, нуженъ и здѣсь». Старецъ согласился, и присуждено мнѣ ѣхать въ Одесссу на лѣтніе мѣсяцы. Но съ своей стороны старецъ потребовалъ, чтобы и владыка Леонтій былъ вызванъ на зимніе мѣсяцы, а на лѣтніе отпущенъ. Онъ и уѣхалъ. Его положеніе здѣсь я понимаю такъ: онъ занимается не столько книгами, сколько дѣлами человѣческими. Онъ знаетъ всю Всероссійскую іерархическую подноготную и собираетъ свѣдѣнія. Съ таковыми онъ обращается къ старцу, у котораго онъ и grata persona и нужный, интересный собесѣдникъ. Оттого въ засѣданіи Синода владыка Леонтій являлся съ подготовленнымъ рѣшеніемъ по совѣщаніи со старцемъ. Въ обращеніи его съ двумя другими митрополитами видится иногда фамильярность. Думаю, что «Правительствующій» Синодъ (владыка Кіевскій дѣлитъ Синодъ на «Правительствующій» и «Святѣйшій») имѣетъ нѣчто противъ него, противъ внѣшнихъ неровностей. Старецъ же владыка пожелалъ, чтобы на лѣтніе мѣсяцы (говорится, что это новая форма вызова въ Святѣйшій Синодъ) былъ вызванъ пр. Гермогенъ Псковскій. Относительно же вызова пр. Александра Костромскаго настоялъ Правительствующій Синодъ, съ одной стороны понимая его, какъ человѣка съ тактомъ, а съ другой потому, что въ Костромѣ имѣется викарій. Пр. Александръ прибудетъ сюда 20 Мая. Относительно же пр. Гермогена толкуютъ даже, что онъ здѣсь въ Петербургѣ проживаетъ якобы у дочери, но пока не являетъ себя мірови. Я уѣзжаю, должно быть, 30 Мая. Ворочусь сюда, Богу изволившу, около половины Октября. Снеслись съ Харьковскимъ, но онъ не пожелалъ въ этомъ году быть въ Свят. Синодѣ. Свѣтскіе сильно хотѣли вызвать Литовскаго и вызовутъ, но владыка-старецъ какъ-то отклоняетъ подъ предлогомъ, что весьма-де нуженъ на мѣстѣ.

Коснемся теперь внутреннихъ синодскихъ дѣлъ. Есть и таковыя, даже важныя. Первое дѣло о похоронахъ и поминовеніи иновѣрцевъ, второе о покаянномъ канонѣ, третье о дозволеніи православнымъ священникамъ священнодѣйствовать по единовѣрческимъ книгамъ, четвертое о браковѣнчаніи каторжниковъ и вообще разведенныхъ, пятое о

тайнѣ любви, шестое о празднованіи 900-лѣтняго юбилея въ Кіевѣ, въ Тавріи и т. д.

Извѣстно, что въ Петербургѣ въ послѣднее время стало обыденнымъ дѣломъ поминовеніе иновѣрцевъ. Напр. умираетъ протестантъ, его родственники идутъ приглашать православнаго священника отслужить панихиду, священникъ является и таковую служитъ. Я знаю примѣры, что родственники идутъ къ старцу-митрополиту просить отпѣть протестанта по православному, и старецъ разрѣшаетъ. Извѣстно, что въ Сергіевой пустыни о. архимандритъ Игнатій поминаетъ по православному принца Ольденбургскаго. Еще лѣтомъ прошлаго года нашъ другъ раскрылъ планъ, что домогаются для войска Всероссійскаго разрѣшенія, чтобы всѣхъ иновѣрцевъ, имѣющихся въ войскахъ, православные священники, гдѣ нѣтъ иновѣрческихъ ксендзовъ или пасторовъ, хоронили и поминали по православному. Переписка объ этомъ поднята уже давно. К. П. затруднялся доложить объ этомъ Святѣйшему Синоду; но разъ какъ-то (я чуть ли не писалъ объ этомъ) заговорилъ объ этомъ предъ засѣданіемъ, заговорилъ съ пр. Германомъ и мною. Я сказалъ, что Греческая церковь еще въ прошломъ столѣтіи анаѳемствовала насъ за подобныя послабленія, что намъ не неизвѣстно; а пр. Германъ сталъ развивать мысли, что иновѣрцы, при жизни, не желаютъ присоединенія къ нашей церкви, да не желаютъ принадлежать къ нашей церкви и при смерти, а домогаются, да и то скорѣе наши же, чтобъ мы православные отдавали иновѣрцамъ только похоронную почесть. «Такъ зачѣмъ же, заключилъ онъ довольно рѣзко, требовать отъ насъ такой унизительной уступки? Зачѣмъ трепать нашу церковь, какъ тряпку!» Разговоръ на томъ прервался, но чрезъ нѣсколько времени тотъ же разговоръ поднятъ уже въ засѣданіи Святѣйшаго Синода самимъ старцемъ. «Вотъ, говоритъ онъ (повидимому послѣ предварительныхъ переговоровъ съ В. К.), пора бы установить какое-либо точное опредѣленіе по вопросу о поминовеніи иновѣрцевъ. Теперь вотъ выходитъ разнорѣчивая практика: одни отказываются поминать ихъ, а другіе поминаютъ, ничтоже сумняся. Это ставитъ всѣхъ въ затрудненіе. Держаться бы уже одного. Бываютъ нужды, бываютъ случаи, когда нужно поминать иновѣрцевъ. Вотъ полковые священники, тѣмъ просто начальство приказываетъ хоронить иновѣрцевъ, или служить по нимъ панихиды. Они иначе и не могутъ поступать, какъ покоряться начальству. Да и приходскіе здѣсь священники, также домовые, тѣхъ также приглашаютъ. Иногда присутствуютъ высшія, даже высочайшія особы, какъ отказать?». Старецъ хмуро разсуждаетъ самъ съ собой. Оба митрополита, Кіевскій и Московскій, молчатъ. Леонтій, Діонисій Уфимскій, Германъ молчатъ. Пр. Германъ посматриваетъ на меня. Я

разверзаю уста и презвонкимъ голосомъ изрекаю: «Долгомъ моего архіерейства считаю заявить, что сдѣлать этого нельзя, такъ какъ это было бы противно древле-вселенской практикѣ, и Греческая церковь осудила бы насъ за это...» Это промелькнуло чѣмъ-то въ родѣ далекаго грома изъ накопляющихся тучъ. Владыка Московскій сказалъ вполголоса: «Я всегда былъ противъ этого». Старецъ Кіевскій вполголоса: «А, помните, преосвященный, въ Новочеркасскѣ?»—«Помню». Въ Новочеркасскѣ владыка Платонъ чуть было подъ судъ не отдалъ законоучителя гимназіи, магистра Фесенкова, за его чуть не осуществившуюся отвагу почтить по настоянію города православнымъ погребеніемъ убитаго на желѣзной дорогѣ генерала. Реми, протестанта, Владыка Платонъ ѣздилъ тогда по епархіи... Старецъ замолчалъ. Бесѣда въ Святѣйшемъ Синодѣ пошла о другомъ. Такъ и похоронили дѣло до урѣченнаго предѣла. Недѣли двѣ спустя однакоже послѣ этого, В. К., послѣ засѣданія въ Училищномъ Совѣтѣ, отзываетъ меня къ окну и сообщаетъ по секрету телеграмму Ташкентскаго генералъ-губернатора Розенбаха: умеръ-де такой-то докторъ, очень почтенный, заслуженный, общеуважаемый, католикъ; ксендза нѣтъ, разрѣшите отпѣть по православному. «Сейчасъ, говоритъ В. К., я отъ старца. Старецъ держится воззрѣнія, что можно бы отпѣть, такъ какъ католики вѣруютъ въ молитвы за умершихъ. Пожимая плечами, я разсказываю аналогичный случай. «Жилъ-былъ въ Саратовѣ Антонъ Доминиковичъ Малаховскій, докторъ, католикъ, женатый на православной, лѣчилъ меня во всю мою бытность въ Саратовѣ, хорошій человѣкъ. Въ бытность мою уже въ Уфѣ, будучи 80 лѣтъ, съ единственнымъ сыномъ и женою, прибылъ на жительство въ Уфу, куда сынъ назначенъ былъ на службу. Чрезъ полгода по прибытіи въ Уфу, зовутъ меня къ его смертному одру, предваряя, что онъ будетъ меня просить, чтобы причастилъ его православный священникъ. «Отчего бы не присоединиться?» Не желаетъ. Пріѣзжаю, вхожу въ кабинетъ, сидитъ на постели, говоритъ совершенно ясно и свободно: «разстройство мочевыхъ путей, вмѣсто урины кровь; опи меня обнадеживаютъ, но я самъ медикъ и знаю, что въ 80 лѣтъ отъ такой болѣзни не выздоравливаютъ; разрѣшите, чтобы православный священникъ причастилъ меня». «Пусть, говорю, прочитаетъ надъ вами разрѣшительную молитву по присоединеніи; не надо ни отрицаній, ни осужденій вашей церкви». Говоритъ: «никакъ не могу. Отцы, дѣды. Не хочу и по смерти отстать отъ нихъ». «Увы! не могу и я разрѣшить причастить безъ разрѣшительной молитвы. Если Богъ судитъ, я самъ отдамъ долгъ чести, но этого не могу». «Такъ вотъ же что, рѣшаетъ умирающій: вручаю тѣло мое вамъ для похоронъ, а душу мою Богу». Разстались въ мирѣ и любви. Чрезъ

нѣсколько дней онъ померъ. Я самъ его выносилъ. Пропѣли: «св. Боже, пресв. Троице, Отче нашъ»... Затѣмъ я сказалъ рѣчь. Затѣмъ запѣли: «Святый Боже», и пошли. Католики несли гробъ и тихо пѣли свои псалмы. Похоронили благолѣпно, но съ полнымъ соблюденіемъ церковнаго устава. Говорю В. К.: «Вѣдь законъ предусмотрѣлъ, что̀ можемъ мы православные сдѣлать при похоронахъ иновѣрцевъ. Законъ введенъ при Павлѣ I-мъ. Тогда же вѣдь обсуждалось, безъ сомнѣнія, что̀ можно и должно. Почему же теперь слѣдуютъ шаги впередъ, къ уступкамъ?» В. К. предъявляетъ мнѣ проектъ отвѣтной телеграммы К. П-ча Розенбаху; въ отвѣтѣ проглядывала мысль о молитвѣ, хотя и не о погребеніи. Затруднялись вопросомъ, какъ отнесется къ этому Ташкентскій преосвященный. А что̀ въ заключеніи сдѣлано, того не вѣдаю: не освѣдомлялся. Не помню ясно, въ это ли описанное засѣданіе Святѣйшаго Синода, или въ какое послѣдующее, владыка Московскій, выходя изъ-за стола, говоритъ мнѣ вполголоса: «поддерживайте пожалуйста, а то до сихъ поръ я былъ одинъ въ Синодѣ». Не скажу, что это слово не было для меня лестно. И очень скоро пришлось мнѣ оказать поддержку, и сильную, въ вопросѣ не меньшей важности.

Да, припоминаю! Это слово было сказано послѣ засѣданія, въ которомъ рѣчь была о покаянномъ канонѣ первой великопостной недѣли. Не помню, какъ поднялась эта рѣчь. Должно быть потому, что предполагалось издавать вновь этотъ канонъ. Владыка Московскій сталъ толковать, что хорошо бы пересмотрѣть его основательно, такъ какъ въ немъ есть реченія нелѣпыя, даже неудобныя, которыя при чтеніи въ церкви приходится измѣнять или же замалчивать. Я держался того же мнѣнія. Ни къ какому рѣшенію на этотъ разъ, однакоже, не приблизились. Послѣ этого-то засѣданія владыка Московскій мнѣ и шепнулъ: «поддерживайте пожалуйста; а то я въ Синодѣ былъ одинъ». Чрезъ нѣсколько дней получаю отъ В. К. записку: «препровождается ко мнѣ перечень поправокъ, предположенныхъ для внесенія въ покаянный канонъ синодскимъ справщикомъ Бергомъ. Я-де посмотрю, и довольно. Смотрю: исправленія незначительныя, касающіяся только грамматическихъ формъ, напр.: «капли испусти слезъ», вмѣсто: «каплю испусти слезъ»; «старца и старую вдовицу» (Симеона и Анну) вмѣсто: «старцы и старыя вдовицы» и т. п. Пишу въ отвѣтъ: противъ поправокъ ничего не имѣю. Но владыка Московскій въ синодскомъ совѣщаніи предполагалъ поправки болѣе глубокія, касающіяся самаго смысла; я и полагалъ бы, что предполагаемыя поправки слѣдуетъ разсмотрѣть въ особо составленной комиссіи, подъ предсѣдательствомъ митрополита Московскаго; о себѣ же прошу, чтобъ и имя мое не связывалось съ поправками сего канона, чтобы наши не сказали, что я вершу дѣла

касающіяся всей церкви». Смотрю: приглашают меня въ засѣданіе комиссіи, къ владыкѣ митр. Московскому, для разсужденія объ исправленіи покаяннаго канона и другихъ предметовъ (о другихъ скажу ниже). Комиссія состояла изъ Холмско-варшавскаго Леонтія, архіеп. Херсонскаго, Діонисія Уфимскаго и пр. Германа, далѣе изъ В. К. и двухъ оберъ-секретарей. Скажемъ напередъ, что комиссія имѣла нѣсколько (5—6—7) засѣданій. Холмско-Варшавскій засѣдалъ только разъ или два, а потомъ перестал ѣздить. Уфимскій, помнится, заболѣлъ, и остались, кромѣ предсѣдателя, двое насъ архіереевъ, Германъ и пишущій. Поправки канона сошли на крайне-немногое. Особенно пр. Германъ выдавался нон-поссумизмомъ: «уши привыкли; зачѣмъ обижать старушекъ; всякое слово православному народу дорого». Поворочаемъ, поворочаемъ какое слово, да такъ и оставимъ, какъ было прежде. Помнится: «капли слезъ» пропустили вмѣсто: «каплю слезъ». Но «старца» (Симеона) и «старую вдовицу» (пророчицу Анну) такъ и не пропустили, хотя въ Греческомъ подлинникѣ и стоитъ: «старца и старую вдовицу». Зачѣмъ? Иная старушка тутъ-то себя и разумѣетъ! А тутъ на, поди! Не нужно тебя! Да, поди еще выразумѣй, что̀ тутъ разумѣется не всякій старецъ, не всякая старушка, а именно старецъ Симеонъ, да Анна Фануилева». Мы всѣ охотно принимали эти разсужденія. Такъ ни я не отстоялъ замѣну фразы: «каломъ смѣсихся» (говорятъ: сами замѣняйте, какъ знаете; какъ замѣнить Греческое пилосъ—грязь), ни даже владыка Московскій не настоялъ на замѣнѣ; «и прочіе безумные глаголы», никого-де не соблазняетъ, всѣ привыкли. Владыка Леонтій не очень возражалъ, но такъ какъ неловко, должно быть, казалось сидѣть у гостиннаго стола, сбоку, такъ и перестал ѣздить.

Поважнѣе оказалась другая матерія—разсмотрѣніе постановленій, учиненныхъ съѣздомъ противораскольническихъ миссіонеровъ въ Москвѣ: предметъ особенно близкій сердцу В. К. Наканунѣ засѣданія онъ пріѣхалъ ко мнѣ нарочно, чтобъ меня предварить и предрасположить Его сердцу особенно дорого было ходатайство съѣзда, чтобъ всѣмъ православнымъ священникамъ разрѣшено было служить для сумнящихся по старымъ книгамъ на дому, особенно же совершать для таковыхъ на дому требы по старымъ книгамъ, по личному усмотрѣнію каждаго священника. Отъ него же, В. К., я слышалъ, что владыка Московскій потому и не даетъ хода всему этому дѣлу (которое съѣздомъ миссіонеровъ передано было въ его руки), что многому не сочувствуетъ. Да. Профессоръ Н. И. Ивановскій шепнулъ мнѣ въ Рождественскую свою бытность въ Петербургѣ, что самому оберъ-прокурору онъ сказалъ, что сдѣлать этого нельзя, что это повело бы къ путаницѣ понятій, что тогда расколъ поворотилъ бы самое православіе по своему,

самимъ архіереямъ въ своихъ соборахъ придется служить по старымъ книгамъ. Заѣхалъ я какъ-то и къ Н. Ф. Нильскому; тотъ тоже твердитъ, тѣмъ же пугаетъ. «В.-де К., говоритъ, все возится съ своими Ксенофонтами Крючковыми, не подозрѣвая, что они тянутъ въ свою сторону». В. К. не коротко и явно нарочито доказывалъ мнѣ основательность и благотворность предгаданій Московскаго съѣзда противураскольническихъ миссіонеровъ, особенно же постановленія о правѣ каждаго православнаго священника совершать на домахъ требы для каждаго желающаго по старопечатнымъ книгамъ. «Вѣдь, подумайте. они немощные, они дѣти, имъ совѣсть претитъ; вѣдь никакой канонъ церковный не воспрещаетъ этого; вѣдь старопечатныя книги церковью благословлены; отправленіе по нимъ службъ благословлено. Вѣдь нельзя же этимъ немощнымъ (а ихъ тысячи) погибать внѣ ограды церкви. безъ церковнаго священнодѣйствія, безъ покаянія, безъ таинствъ» и т. д. Явно, ему хотѣлось, чтобъ я показалъ, что убѣжденъ, что я становлюсь на его точку зрѣнія. Я молчалъ и улыбался. Онъ начиналъ снова убѣждать меня. Тогда я говорю, наконецъ: «Одинъ разъ, скоро по прибытіи моемъ въ Одессу, богачъ голова Маразли сдѣлалъ самый роскошный обѣдъ, на который пригласилъ меня и человѣкъ десять высшей аристократіи (безъ генералъ-губернатора однакоже), она же и высшая интеллигенція. Тогда двигался вопросъ о дозволеніи театральныхъ зрѣлищъ въ великій постъ. Этотъ вопросъ поставили и мнѣ за нашимъ обѣдомъ. Улыбаясь, я замялся отвѣтить; а въ первую за симъ архіерейскую службу сказалъ проповѣдь о театрахъ, начавъ съ изреченія: «архіерей сый лѣту тому прорече». За обѣдомъ я былъ только сообѣдникъ, а за обѣдней, на проповѣднической каѳедрѣ, я былъ архіерей и говорилъ, какъ архіерей, отъ лица церкви. Такъ и теперь я скажу свое слово, когда буду сидѣть въ собраніи архіереевъ».—«Да, помилуйте, это ясно! Ужели вамъ не жаль этихъ несчастныхъ, этихъ немощныхъ совѣстью дѣтей?»—«Ужели не ясно, говорю я въ свою очередь, что это язва церкви?» Оба незлобиво разсмѣялись и разошлись.

На завтра съѣхались мы на Московскомъ подворьѣ для засѣданія. подъ предсѣдательствомъ митр. Московскаго, для обсужденія дѣяній и постановленій Московскаго съѣзда противораскольническихъ миссіонеровъ. Этихъ засѣданій было нѣсколько. Помнится, на первомъ былъ и Уфимскій, а на послѣдующихъ не было и того. Холмско-Варшавскаго не было. Присутствовали, кромѣ предсѣдателя, Германъ да я, В. К. да два секретаря. Статей обсужденія было много. Обсужденіе подвигалось туго. Большинство постановленій мы принимали однакоже безъ пререканій, хотя кое-что и измѣняли. Но когда, наконецъ (во второе или

даже въ третье сѣдѣніе) дошли до щекотливаго пункта, до разрѣшенія служить и православнымъ священникамъ по единовѣрчески на домахъ для желающихъ, тогда владыка Московскій заговорилъ не безъ сдержанности, что онъ всегда былъ противъ этого; что нужно обсудить, къ чему это поведетъ; поведетъ къ повальному заполоненію старовѣріемъ нашего православія и т. д. В. К. сталъ возражать, развивая свои виды, указывая на показанія Павла Прусскаго, что молъ «посмотрите, вотъ они бывшіе наши единовѣрцы, нѣкогда обратившіеся изъ раскола въ единовѣріе, вотъ они всѣ теперь ходятъ въ православныя церкви, а наши единовѣрческія церкви пусты». Тогда я навѣсившись, изрекаю: «Я совершенно согласенъ съ воззрѣніями на этотъ предметъ владыки митрополита Московскаго». Пр. Германъ изрекаетъ тоже. Рѣчь обобщилась, оживилась и одушевилась. Возстановить все, что̀ говорилось, я не могу, да и не нужно. Конечно, яснѣе помню то, что̀ самъ говорилъ; да на мою долю и выпали болѣе горячія филиппики. Пр. Германъ, помню, настаивалъ на томъ особенно, что «эти-де дѣти, эти немощные, они требуютъ уступокъ только отъ православія, отъ насъ; мы обязаны уступать имъ, они же не уступаютъ своего ни въ чемъ. Гдѣ же справедливость? Гдѣ равенство? Пусть они скажутъ, что можно спастись и двоеперстіемъ и троеперстіемъ, крестомъ четвероконечнымъ и осьмиконечнымъ, старопечатными и новопечатными книгами. Нѣтъ! Они говорятъ: все ваше намъ претитъ, претитъ нашей-де совѣсти, и вы въ своемъ намъ уступите. И мы эти уступки дѣлаемъ шагъ за шагомъ. Гдѣ остановиться, не видно». Владыка Московскій и я развивали, что «грошовый интересъ, да и самая невозможность остановиться заставятъ православныхъ священниковъ править единовѣрческую службу для всякаго изъ желающихъ: всякіе акаѳисты, молебны, всякія требы; старовѣры будутъ дѣйствовать на всю братію, на вся христіаны православныя, просто терроромъ, чтобы поставить на своемъ. Заставятъ служить по единовѣрчески и въ церквахъ, и какимъ резономъ можно бы остановить это требованіе? Разрѣшено-де... Заставятъ по старообрядчески отслужить и въ великомъ Успенскомъ соборѣ, на Москвѣ. Что же, поворотить совсѣмъ назадъ, вмѣнить Никоново исправленіе, якоже не бысть?» Именно я повелъ вопросъ и дальше, что-де «и теперь нелишне обсудить, въ какой мѣрѣ для насъ, для церкви, для Святѣйшаго Синода полезно самое единовѣріе. Единовѣрцы—самая тревожная, самая непокорная часть паствы каждаго архіерея». Всѣ, особенно владыка Московскій, съ этимъ согласились. «Ни властію, ни убѣжденіями ихъ успокоить нельзя. Мѣняютъ священниковъ, ставя архіерея въ большое затрудненіе. На внутренніе церковные ихъ распорядки архіерей не можетъ имѣть вліянія. Изъ своихъ церковныхъ суммъ

не даютъ на общецерковныя нужды ни гроша. Между тѣмъ сами не прочь попользоваться на счетъ православныхъ, воспитаніемъ дѣтей, пенсіями причтамъ, ассигнованіемъ суммъ на постройки ихъ церквей, чего домогаются постоянно. А должно обратить вниманіе, что духъ единовѣрческаго своеволія и непокорства теперь разливается всюду повально. Теперь и въ православныхъ приходахъ прихожане однихъ священниковъ хотятъ сгонять, другихъ защищать, въ церковное хозяйство мѣшаться Старосты многіе просто бунтуютъ противъ церковной власти, потворствуя обществамъ. Въ церковные старосты идутъ дворяне, землевладѣльцы, князья да графы; соединяются съ попечителями церквей. Ужели мы не замѣчаемъ, что центръ тяжести церковной сдвигается сверху внизъ, отъ Святѣйшаго Синода, отъ архіереевъ къ старостамъ и приходамъ, къ попечителямъ, попечительствамъ и обществамъ? Не должно ли предвидѣть, что въ недалекомъ будущемъ какъ бы не пришлось поставить тамъ, гдѣ теперь Святѣйшій Синодъ?...» (Я провелъ пальцемъ по столу двѣ перекрещенныя черты). Этотъ вопросъ не можемъ рѣшить не только мы, не можетъ рѣшить благонадежно Святѣйшій Синодъ; могли бы рѣшить соборнѣ всѣ архіереи Россійской церкви, да не лишне было бы привлечь къ общему соглашенію и Восточныхъ». На этомъ стали всѣ. В. К. говоритъ: «Что же! Это можно, спросить всѣхъ преосвященныхъ». Я говорю: «Нѣтъ. Спросить, каждый станетъ колебаться самъ съ собою, станетъ освѣдомляться, какой вѣтеръ дуетъ отсюда, изъ Петербурга; на соборахъ иногда одинъ голосъ склонялъ совѣщаніе въ ту или другую сторону, одинъ отстаивалъ православіе; да каждый самъ одинъ и не обсмотритъ такъ предметъ всесторонне, какъ могли бы разсмотрѣть всѣ». Засѣданіе кончилось, мы разъѣхались. Какое рѣшеніе будетъ формулировано, не знаемъ; ничего подписывать намъ еще не приносили. Несомнѣнно то, что мы, всѣ трое, были между собою солидарны вполнѣ; мнѣнія своего сквозь зубы не цѣдили и себя не приберегали, высказываясь съ полнѣйшею свободою и даже горячностью. Да всего и не перескажешь.

Тутъ же шелъ вопросъ о перепечаткѣ учебной псалтири, объ исправленіи предисловія, о троеперстіи и двуперстіи. Сравнительно со старыми изданіями предисловіе уже было кѣмъ-то исправлено. «Потрудитесь прочитать, какъ было исправлено, какъ предполагается исправить вновь».—Читаютъ.—«Извините. Тутъ говорится, что старообрядцы ничего неправильно не проповѣдуютъ, слагая два перста въ два естества Христовы, а три перста въ три лица. Но мнѣ помнится, что кѣмъ-то воспрещено обозначать двумя перстами два естества, когда одинъ изъ трехъ перстовъ уже означаетъ лицо Христа,

въ двухъ естествахъ познаваемое. «Позвольте справиться?» — «Справьтесь».—Я поѣхалъ къ И. Ѳ. Нильскому: такъ-то и такъ-то. Кто запретилъ?—«Кто? Да самъ великій Московскій соборъ». Въ слѣдующее засѣданіе везу въ Святѣйшій Синодъ Дѣянія Московскаго собора: «извольте-де видѣть».—«Какъ же такъ? А теперь вошло во всѣ уже учебники, что и у насъ три перста означаютъ три лица Святыя Троицы.

Вотъ сію минуту (9 часовъ утра, 18 Мая сего 1888 года) я первый и единственный пока разъ не подписалъ подписанный двумя митрополитами, Петербургскимъ Исидоромъ и Московскимъ Іоанникіемъ и пр. Германомъ, а также К. П. Побѣдоносцевымъ, протоколъ, съ разрѣшеніемъ Волынскимъ Чехамъ, при православномъ погребеніи, употреблять музыку. Противъ музыки я не имѣю ровно ничего; но кто же, когда и какъ разрѣшалъ православнымъ священникамъ учинять православное погребеніе надъ Чехами, которые въ Чехіи исповѣдывали Римское католичество, а въ Россіи принадлежатъ къ неизвѣстному вѣроисповѣданію, всячески не принадлежатъ къ православной церкви. Это вѣдь прецедентъ tacito consensu: Св. Синодъ разрѣшаетъ православное погребеніе неправославнымъ!

Важный же вопросъ о разрѣшеніи брака для лишенныхъ всѣхъ правъ состояній и вообще для всѣхъ разведенныхъ. Извѣстно, что вопросъ этотъ поднятъ пр. Веніаминомъ, архіеп. Иркутскимъ, въ бытность его въ прошедшемъ году въ Св. Синодѣ. Вопросъ этотъ обошелъ всѣ прикосновенныя министерства и оттуда воротился въ Св. Синодъ, съ соединеннымъ ходатайствомъ какъ представителя духовной власти въ Сибири, такъ и разныхъ гражданскихъ вѣдомствъ. Докладываютъ. Помалчиваютъ. К. П. вставляетъ свое слово, что вотъ въ Греціи всѣхъ вѣнчаютъ, да тамъ и не могутъ не вѣнчать, потому-де что тамъ у церкви силы нѣтъ. Да и въ древности всяко бывало. Мы говоримъ, т.-е. я же и говорю: «желательно бы это видѣть, какъ это въ древности бывало. Полезно было бы отдать этотъ вопросъ на разсмотрѣніе коммиссіи изъ спеціалистовъ, профессоровъ каноническаго права въ академіяхъ. Какія тамъ основанія приводитъ Иркутскій архіеп. изъ св. апостола Павла, желательно послушать». Оберъ-прокуроръ отыскиваетъ и читаетъ. Старецъ владыка, который не дослышалъ всей этой бесѣды, поднимаетъ глаза на оберъ-секретаря. В. К. подскакиваетъ къ нему и громкимъ голосомъ начинаетъ выкрикивать ему на ухо: «св. апостолъ Павелъ въ посланіи къ Коринѳянамъ»... Тутъ владыка-старецъ вскидываетъ на него свои глаза и съ обычнымъ ему юморомъ говоритъ: «ну, что вы тутъ пріурочиваете св. апостола Павла? При чемъ тутъ св. апостолъ Павелъ?!» Разсмѣялись. На томъ и порѣшили, что передать этотъ вопросъ на разсмотрѣніе канонистамъ въ Академію.

«Да, вотъ погодите, выкрикиваетъ К. П., я просилъ профессора Павлова доставить мнѣ свои соображенія по этому предмету. Да еще мы дадимъ вамъ для прочтенія одну книжицу». Соображенія Павлова доставлены: брачное право установилось въ Византійской имперіи волею императоровъ Константина, Юстиніана и другихъ; а у насъ на Руси есть свои мудрые Юстиніаны. Другая книжица—это сборникъ мнѣній уже всѣхъ нашихъ канонистовъ по тому же вопросу, начиная съ архіеп. Литовскаго Алексія, кончая отзывами о. о. архим. Константинопольскаго Смарагда и Аѳинскаго Анатолія о томъ, какая брачная практика существуетъ нынѣ въ Константинопольской и Аѳинской церквахъ. Въ Эллинской церкви разводы совершаются гражданскими судами по всякой винѣ, помимо вины прелюбодѣянія, послѣ чего обѣ разведенныя стороны вѣнчаются въ большинствѣ самими архіереями. Таковъ обычай пріятный и для вѣнчанныхъ, и для вѣнчающихъ. Въ древней Византійской церкви разведенныя обѣ стороны также вступали въ новое брачное сожительство, но повидимому не вѣнчались въ церкви. Гражданская форма брака существовала несомнѣнно; но какъ намъ она не выгодна, то кажись слѣдовало бы надъ разведенными совершать молитвословіе по сокращенному чину для второбрачныхъ, оставивъ въ немъ исключительно только покаянныя молитвы, безъ вѣнчанія, безъ хожденія вокругъ святыни, безъ «Исаіе, ликуй» и т. п.

Вопросъ о тайнѣ любви возникъ какъ-то внезапно. В. К. толкуетъ какъ-то: «Ужасное стихотвореніе, ужаснѣйшее подлѣйшее кощунство!» Поговорили какъ-то разъ. Въ слѣдующее засѣданіе, именно 11 Мая, К. П. присутствовалъ; но старецъ-владыка, отслуживъ съ нами молебенъ Кириллу и Меѳодію въ Исакіевскомъ соборѣ, въ Синодъ не прибылъ вслѣдствіе усталости. Поднимаетъ рѣчь владыка Московскій, что «вотъ откуда-то онъ получилъ это стихотвореніе. Боже мой! Что же это? Можетъ ли что либо быть ужаснѣе, нахальнѣе, подлѣе! Что же мы? Ужели все это должны сносить молча?»—«Да, что же дѣлать?» возражаетъ К. П. Я спрашиваю Ѳе-ва: «какъ это они пропустили»? А онъ и говоритъ, что обращалъ на это вниманіе своего цензурнаго кометета; а они всѣ и говорятъ, что ничего, можно».—«Да, Богъ съ ними со всѣми, возражаетъ владыка Московскій, не нужно намъ гражданскихъ казней. Государство не можетъ или не хочетъ, это его дѣло; но мы должны сдѣлать свое. Я не знаю, какъ это начать. Какъ его, автора-то? Фофановъ что ли? Если онъ не православный, то и Богъ съ нимъ; если же православный, то чрезъ епархіальнаго архіерея потребовать бы отъ него, чтобы отрекся отъ своего богохульства и отрекся публично, что̀ долженъ и заявить. Если же не захочетъ, то предать его отлученію-что ли? Я знаю, что насъ ругать за это станутъ. Но Богъ

съ ними: пускай ругаютъ! По крайней мѣрѣ я такъ смотрю на дѣло». И я совершенно согласенъ съ воззрѣніемъ владыки митрополита Московскаго», говорю я.—«И я согласенъ», говоритъ пр. Германъ.—«Но, подумайте, говоритъ К. П., что вы сдѣлаете? Чего достигнемъ? Къ чему это поведетъ? Вы не слѣдите за всѣмъ, что пишутъ. А подумайте, вѣдь всѣ такъ пишутъ. Всѣ идутъ противъ вѣры».—«Прекрасно, всѣ; но нужно дѣйствовать не противъ всѣхъ, а противъ нѣкоторыхъ, наиболѣе отчаянныхъ».—«Да, они будутъ продолжать тоже, еще хуже! Нельзя всѣхъ ссылать».—Тутъ заговорилъ пр. Германъ: «Оставьте церковь дѣйствовать ея собственными средствами. Почему это мы должны во всемъ обращаться къ канцелярскимъ способамъ? Подумайте, стоитъ ли гоняться за какимъ либо Фофановымъ. Вѣдь, ужъ если выступать съ анаѳемами и отлученіями, то это нужно торжественнѣе дѣлать, захватывать шире и глубже, ну захватить Толстаго, Пашкова, штунду и т. д. А то что такое Фофановъ? Дѣло изучить нужно, обдумать основательно, и тогда начинать».—«Оставляя всѣ эти антихристіанскія проявленія, говорю я, которыя со дня на день растутъ больше и больше, безъ всякаго съ нашей стороны протеста, безъ всякаго воздѣйствія, мы сами какъ-то расплываемся среди этой повальной заразы. Посмотрите кругомъ: самоубійцъ хоронятъ вездѣ; разрѣшеніе хоронить ихъ даетъ не архіерей, а всякій мелкій квартальный».—«И что же? Что противъ этого сдѣлать, когда никто слушать не желаетъ? Вотъ, я говорю Ѳеоктистову, а Ѳео-въ вотъ что отвѣчаетъ»: «Вы, какъ оберъ-прокуроръ Св. Синода, имѣете предъ нами свое значеніе; но если бы за вами выступалъ Св. Синодъ съ своими, не канцелярскими, а дѣйствительными мѣропріятіями, вы имѣли бы тогда другое значеніе, другую силу. За нами всетаки народъ, и онъ встрепенется, когда мы вступимъ дѣйствительною силою. А то теперь народъ и не знаетъ Св. Синода. Синодъ—отвлеченное понятіе».—«Да, говоритъ К. П. задумчиво, дѣйствительно Синодъ—отвлеченное понятіе. Во первыхъ, требуется согласіе!»—«Да, вотъ мы всѣ тутъ сегодня составляемъ Синодъ, и мы всѣ согласны»...—«А-х-хъ», искренно, кажется съ огорченіемъ, вздохнулъ К. П., взявшись за голову и съ этимъ вздохомъ вышелъ изъ синодской палаты въ директорскую. Я не въ силахъ передать всю живость этой сцены, думаю, безпримѣрной въ лѣтописяхъ Св. Синода. Всѣ мы остались въ предѣлахъ приличія, хотя и говорили возбужденно. Не могу передать ни логику этой бесѣды, ни всѣ отдѣльные инциденты. Между прочимъ я говорю: «Отчего же это все такъ разслабѣло въ два послѣднія царствованія? Вѣдь, если бы... если бы случилось то, что сказалъ мнѣ графъ Строгановъ въ Одессѣ».—«Александръ Григорьевичъ»? спрашиваетъ К. П.—«Да! Я не скажу, что онъ

сказалъ; но если бы кто либо напечаталъ что либо хульное противъ кое-кого?..»—«Ну, и напечаталъ бы» подтверждаетъ К. П. «А мнѣ сказалъ графъ Строгановъ: нельзя же кому либо напечатать, что ...плохо танцуетъ вальсъ, а.... плохо сидитъ и ѣздитъ на лошади. А о Богѣ можно наконецъ напечатать величайшее кощунство совершенно безнаказанно. Есть же, наконецъ, у насъ высочайшая власть».—«То прискорбно, говоритъ Московскій владыка, что вѣдь многіе прочитаютъ это, молодежь и повѣритъ».—«Да, теперь такъ безъ шума дѣло и замретъ, утверждаетъ К. П.; а поднимите вы шумъ, эта пакость разойдется въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ». По выходѣ его стали разсуждать, какъ бы это можно было провозгласить анаѳему. Оберъ-секретарь Гавриловъ говорилъ, что примѣры отлученій бывали еще въ прошломъ столѣтіи. Отыскали и правила анаѳемствованія въ Регламентѣ. В. К., сочувствуя этому, обѣщалъ поговорить со старцемъ-митрополитомъ и съ К. П. При слѣдующемъ свиданіи говоритъ, что К. П. встревоженъ послѣднимъ засѣданіемъ, сейчасъ потребовалъ къ себѣ Ѳеоктистова, говоритъ, что доложитъ Государю. Въ послѣднее засѣданіе братства, въ своей квартирѣ завчера, въ Воскресенье, К. П. лично мнѣ говоритъ: «Вотъ вы тогда говорили... «Наблюдатель» (журналъ, въ которомъ напечатано «Таинство любви») запрещенъ на шесть мѣсяцевъ». Тѣмъ, повидимому, дѣло и кончилось. Въ сегодняшнемъ засѣданіи (въ Среду Преполовенія) въ Синодѣ по этому предмету уже никто ни слова. Совсѣмъ другими предметами были заняты.

Это вчерашнее засѣданіе также не незамѣчательно, впрочемъ по одному только эпизоду. Вошелъ я, пр. Германъ, владыка Московскій, К. П. и прочіе. Владыка Московскій толкуетъ по своимъ дѣламъ. Входитъ старецъ; кланяемся. Подходитъ къ нему К. П. и начинаетъ толковать. Владыка Московскій, пока стоя, толкуетъ свое; старецъ, пока не садясь, толкуетъ съ К. П. свое. Я, стоя, прислушиваюсь. К. П.: «Пал-я въ Пермь изъ Волыни, какъ бы не было уже тяжко? А, вотъ Калужскаго бы въ Пермь!»—«Что же, да за что-же»?—«Да, все деньги тамъ въ ходу».—«Ахъ, да! Ну, вотъ, если ужъ Калужскаго въ Пермь, то я прошу въ Калугу назначить моего викарія Анастасія. Лучшей каѳедры ему не дождаться!»—«Ну, что же и Анастасія. А викаріемъ къ себѣ кого же вы возмете?»—«Да я давно уже готовлю тамъ Владимира». Сѣли, перекрестились и рѣшили: Калужскаго въ Пермь, Анастасія въ Калугу, на мѣсто Анастасія архим. Владимира. Отсюда не трудно уразумѣть, что и Волынскому предлежитъ птичій перелетъ. Объ этомъ по секрету толкуется уже давно. Вредятъ ему Чешскія и подобныя иныя дѣла. Старецъ-владыка даже высказалъ: «Вотъ, туда бы Никанора. Сейчасъ бы удалилъ всѣ дѣла».—«Палладія въ Одессу? Ни

за что», изрекъ К. П. Вчера же сказано, что настоящему Тифлисскому ректору угрожаетъ тоже самое, что̀ и предмѣстнику его. Вопросъ объ удаленiи его изъ Тифлиса рѣшенъ; не знаютъ только, куда пристроить его.

На 900-лѣтiе въ Кiевъ Константинъ Петровичъ не ѣдетъ; ѣдетъ только В. К. Я же, повидимому, поѣду на празднованiе въ Крымъ, въ Херсонесъ.

Свою Философiю, 3-iй томъ, я велѣлъ было переплесть, чтобы послать Казанскому владыкѣ; принесли ее предъ самымъ праздникомъ; я отодвинулъ въ сторону и забылъ. Да просмотрѣть ее никогда не поздно; чтенiе не интересное. Былъ на трехъ чтенiяхъ Н. И. Ивановскаго. Народу была масса. Всѣхъ желавшихъ и домогавшихся пустить нельзя было за множествомъ.

30 или 31 Мая уѣзжаю въ Одессу на все лѣто, до половины Октября.

*

28 Декабря 1888 года, четвертый день праздника. Начну немного издалека, чтобы занести на бумагу замѣчательные факты, имѣющiе главнымъ образомъ общее значенiе, конечно и личное для меня.

Писалъ мнѣ Казанскiй архiепископъ Павелъ: «отецъ архимандритъ С. тамъ проповѣдуетъ», т. е. въ Петербургѣ. Но онъ здѣсь не былъ, у меня не былъ. Да ни отъ кого я и не слышалъ, чтобы онъ посѣщалъ Петербургъ. Вл-ръ Кар-чъ не преминулъ бы сказать послѣднее. Сочиненiе о. С. доставилъ мнѣ секретарь владыки, митрополита Кiевскаго.

Всю прошлую зиму старецъ Кiевскiй твердилъ, что ѣдетъ въ Одессу. Я велѣлъ отдѣлать приморское свое помѣщенiе, на что истратилъ 1000 рублей, для меня совсѣмъ не кстати. Но я готовился къ его прiему совсѣмъ серьезно. Въ Кiевѣ ждали моего прiѣзда, какъ неизбѣжнаго, конечно, съ почтительными приглашенiями осчастливить Одессу посѣщенiемъ. Я же воздержался отъ этого, желая главнымъ образомъ воспользоваться случаемъ, чтобъ увидѣть Вильну и преосвященнаго Алексiя, возможно и даже вѣроятно «Московскаго»; потому что князь Долгорукiй и Москвичи, говорятъ, воздыхаютъ объ этомъ. Здѣсь не скрывается, что Москвичи не жалуютъ Московскаго. Объ этомъ говорилъ самъ Государь. Повидимому, и наши правительствующiе, признавая достоинства его, не особенно симпатизируютъ ему. До здѣ о настоящемъ Московскомъ.

Вильна, какъ городъ, показалась мнѣ жалкою. Не только съ Одессой или Казанью, Вильну нельзя сравнивать даже съ Могилевомъ и Витебскомъ. Даже эти города представительнѣе Вильны. Жидовско-польскiй городъ. Ново и художественно отдѣланныя Муравьевымъ церкви

торчатъ въ ней какимъ-то диссонансомъ. Соборъ также не понравился. Нельзя сравнивать ни съ Одесскимъ, ни съ Казанскимъ, ни съ Уфимскимъ: темный и скудный Польскій костелъ, въ которомъ нѣкоторыя православныя детали только единство стиля нарушаютъ. Утро было дождливое, улицы грязныя, но я успѣлъ зайти почти во всѣ костелы; было утро Воскресенья. Понравился мнѣ только соборный костелъ. Зданіе большое, содержится чисто. Около главнаго входа двѣ часовни, по бокамъ, даже изящны. Передъ обѣдней я успѣлъ зайти и въ Троицкій семинарскій монастырь, совершеннымъ инкогнито монахомъ, и въ семинарію. Семинарія понравилась; семинаристы благовоспитанные; много красивыхъ лицъ, съ тонкими чертами. Подъ конецъ посѣщенія семинаріи разобралъ помощникъ инспектора моего секретаря П. С. Лобачевскаго, и чрезъ него дошли, кто и я таковъ. Выскочилъ и инспекторъ и т. д. Пропала прелесть инкогнитства. Кстати замѣтить, что я успѣлъ уже посѣтить и всѣ церкви, за исключеніемъ только тѣхъ, которыя были заперты. Ползу загрязненный въ Свято-Духовъ монастырь, гдѣ имѣлъ литургисать владыка Алексій, ожидаемый изъ своего загороднаго Триноподя. Монастырь чистъ, обсаженъ тополями. Церковь чиста, но убранствомъ скудна, вообще по западному, не по русски, гдѣ, т. е. въ Великороссіи, всегда прежде всего кидается въ глаза обиліе позолоты. Звонятъ къ обѣднѣ. Я повернулъ, по входѣ въ церковь, прямо направо, за старостинскую стойку, настаивая на своемъ инкогнито, прикрытый грязною верхнею рясою. Не тутъ-то было. Подходитъ архимандритъ: «пожалуйте, молъ, въ алтарь.» «Это мое дѣло», отвѣчаю. Ввязался одинъ протоіерей, собиравшійся служить со владыкою изъ отставныхъ полковыхъ, Могилевецъ, съ нескончаемыми разспросами и разговорами, которые утомили меня такъ, что я напомнилъ ему, что ему надо служить, а я усталъ отъ безсонной ночи и утреннихъ похожденій. «Ахъ, извините, извините»... Владыка Алексій заставилъ таки подождать. Наконецъ, слышу: раздается звонъ во вся, но слабый, легковѣсный звонъ, не Казанскій, конечно. Слышу, какъ будто и подъѣхалъ. Но не входитъ. Это ему докладываютъ о прибытіи гостя. Наконецъ, владыка появляется, прямо поворачиваетъ въ мою сторону и кланяется мнѣ глубоко, землекасательно. Я отвѣчаю ему тѣмъ же. —«Пожалуйте въ алтарь». Я говорю: «пойду, но позвольте сперва присмотрѣться къ храму, къ людямъ, къ вашимъ обычаямъ богослуженія». Онъ пошелъ облачаться, а я остался на своемъ мѣстѣ. Манера его священнодѣйствія, дѣйствительно, сановита, но немножко широка, впрочемъ, соотвѣтственна его святительскому росту, благоговѣйна, можетъ нравиться Москвичамъ, величественна. За часами я пошелъ въ алтарь. Не стану описывать всякую подробность. Служеніе хорошее,

сановитое, степенное; пѣніе удовлетворительное; за всякимъ благословеніемъ владыка Алексій кланялся мнѣ въ поясъ; имя мое поминалось выше имени епархіальнаго архіерея; за Херувимскою самъ владыка поднесъ мнѣ просфору, послѣ литургіи поднесъ икону. Ласковость безпримѣрная. Народу было немного.

Что замѣчательно, это домъ. Торчитъ онъ прямо на улицу, безъ двора. Это неудобство большое. Но внутри все хорошо. Все напоминаетъ великаго святителя Іосифа. Множество картинъ и хорошихъ, Іосифовскаго времени. Есть особая большая комната, увѣшанная портретами Іосифа и всѣхъ его сотрудниковъ. Сказывали, будто владыка Макарій приказалъ было убрать всѣ эти портреты на чердакъ, что по моему чувству было ошибкою, унизительнымъ обнаруженіемъ чувства зоильства. Увы! Слабость и замѣчательныхъ людей. Я вотъ, маленькій человѣкъ, дѣйствую наоборотъ. Въ Уфѣ я сдѣлалъ 14 живописныхъ портретовъ всѣхъ моихъ предмѣстниковъ, съ рамами, которые и вывѣсилъ въ залѣ. А мой преемникъ велѣлъ выкинуть ихъ. Въ Одессѣ портреты всѣхъ моихъ предмѣстниковъ были; но я сдѣлалъ три портрета вновь: Кіевскаго митрополита Платона, Димитрія, какъ старца, и Иннокентія, какъ старца. Иннокентія нашъ теперь лучшій въ Россіи портретъ, какъ говорятъ современники, славнаго нашего витіи.

Обѣдали у владыки Алексія въ городскомъ домѣ, но тотчасъ послѣ обѣда уѣхали, на весь остатокъ дня и на ночь, въ его загородный Тринополь. Вотъ, этотъ Тринополь чудесное, восхитительное, въ своемъ родѣ единственное мѣсто. Это бывшій католическій монастырь, раскинутый по горамъ, между горами, надъ рѣкою Виліей, окруженный неисходнымъ садомъ и рощей, прорѣзанный протоками, прудами и т. д. Необычайно игривое мѣсто. Въ Казани загородный архіерейскій домъ хорошъ, но онъ больше грандіозенъ и серьезѐнъ, чѣмъ игривъ. О Тринополѣ же можно сказать, что это рѣдкая прелесть. Хороши загородные домы Казанскій и Воронежскій; но лучшій между таковыми это Тринополь.

Въ раннее утро самъ владыка Алексій проводилъ меня на вокзалъ желѣзной дороги, по которой я и прокатилъ до Одессы, не останавливаясь. Кіевъ я объѣхалъ на сей разъ мимо, потому что на Вильну до Одессы лежитъ самый прямой путь, и мнѣ хотѣлось имѣть понятіе какъ о Вильнѣ, такъ и объ архипастырѣ ея, въ которомъ готовятъ будущаго митрополита, о которомъ я слышалъ такъ много хорошаго, и я нимало въ немъ не разочаровался. Онъ представителенъ и въ высшей степени радушенъ.

Въ Крымъ на торжество 900-лѣтія меня никто не посылалъ. Напротивъ, о Кіевѣ еще въ Петербургѣ было говорено просто, что я ко-

нечно явлюсь на это торжество. А мнѣ не особенно хотѣлось ни туда, ни сюда. Я просто разсчитывалъ совершить это торжество въ своей богоспасаемой Одессѣ, тѣмъ болѣе что въ великомъ историческомъ фактѣ крещенія Руси нѣкоторымъ образомъ «и мы пахали». «Пахали» потому, что св. Владиміръ ѣхалъ по нашимъ Херсонско-Днѣпровскимъ водамъ; потому, что имя «Херсонъ» есть отраженіе стариннаго Херсонеса; потому что Таврія была частью нашей Херсонской епархіи и наконецъ, потому, что Одесса сама по себѣ большой городъ. Не поѣхали же въ Кіевъ митрополиты С.-Петербургскій и Московскій. Тѣмъ не менѣе я послалъ въ Кіевъ своего ключаря развѣдать передъ 15 Іюля, въ какой мѣрѣ тамъ меня ожидаютъ, и получилъ увѣдомленіе: въ Кіевѣ васъ не ждутъ. Это телеграфомъ. А на словахъ, по возвращеніи, онъ сказалъ мнѣ, что въ Кіевѣ такъ много набилось пріѣзжихъ, что затрудняются всѣхъ размѣстить. «И хорошо сдѣлали, что не поѣхали». Въ Кіевъ меня и не приглашали. Въ Крымъ же, наоборотъ, звали не-разъ, и звали настойчиво, какъ оффиціальными письмами, такъ и телеграфомъ. Еще наканунѣ отъѣзда я не зналъ, поѣду-ль, или не поѣду. Думалъ, что не поѣду, боясь и безпокойства, и издержекъ. Но ночью мнѣ врѣзалась въ голову мысль: «а что если и всякій изъ архіереевъ разсудитъ также, какъ и я, и не поѣдетъ на это историческое торжество. Ни одинъ изъ насъ! А вообразимъ, что и преосвященный Мартиніанъ Таврическій заболѣетъ, и торжество лишено будетъ даже архіерейскаго священнодѣйствія. И этотъ фактъ станетъ достояніемъ исторіи». А надо сказать, что наканунѣ я получилъ изъ Крыма вторую телеграмму: «прибуду-ль я, или нѣтъ?» Я и подумалъ, что это настойчивое приглашеніе, чтобъ я прибылъ, вызывается какою либо необходимостью. Что̀, если преосв. Мартиніанъ самъ боленъ? А въ такое знойное лѣто трудно-ли заболѣть! Въ этихъ думахъ, возставши отъ сна, я телеграфировалъ въ Крымъ, что выѣзжаю и сдѣлалъ всѣ распоряженія къ отъѣзду въ тотъ же день, съ протодіакономъ, о которомъ просили изъ Крыма, иподіаконами, регентомъ и двумя келейниками. Описывать, какъ происходило торжество, не стану. Оффиціальное описаніе есть въ печати. Скажу, что съ своей стороны я остался вполнѣ доволенъ торжествомъ. Изъ Севастополя я никуда не ѣздилъ: было слишкомъ знойно, и неохотно я передвигаюсь вообще. Старо уже и въ архіерейскомъ санѣ громоздко, когда всѣ въ Крыму норовятъ сорвать съ тебя самымъ нахальнымъ образомъ, елико можно. Это нахальство показалось мнѣ отвратительнымъ. Я не пожелалъ имѣть съ нимъ никакого дѣла. Въ Севастополѣ съѣздилъ только на Малаховъ курганъ; но побывать на Малаховомъ курганѣ—это значитъ познакомиться со всѣмъ ходомъ исполинской Севастопольской борьбы. Въ Одессу вернулся я также благополучно, какъ съѣздилъ въ Крымъ.

Надо сказать, что въ это лѣто я и не выѣзжалъ на свое загородное жительство, въ Успенскій, Больше-Фонтанскій монастырь. Вопервыхъ потому, что это жительство готовилось, по прямому распоряженію Кіевскаго старца, принять его на лѣтнее жительство. Вовторыхъ потому, что я ждалъ проѣзда чрезъ Одессу въ Кіевъ заграничныхъ гостей, начиная съ патріарховъ. Была объ нихъ пріѣздѣ даже оффиціальная переписка. Никто однакоже, не пріѣхалъ, кромѣ одного Грузинскаго архіерея. И наконецъ я дождался сперва нежданнаго гостя, митрополита Митрофана Черногорскаго, который, по прибытіи, жилъ у меня съ протодіакономъ и келейниками болѣе мѣсяца, лѣчась въ нашихъ лиманахъ отъ ревматизма. Человѣкъ онъ сравнительно съ нами молодой—50 лѣтъ «не у имать», умный, деликатный и весьма пріятный, совершенно благовоспитанный, вообще хорошей души, добраго настроенія. Наконецъ, послѣ многихъ откладываній со дня на день, послѣ многихъ объявленій о днѣ отбытія и прибытія, прибылъ и Кіевскій старецъ. На встрѣчу ему мы двинулись на вокзалъ. Выѣзжать куда либо впередъ, на станцію, было воспрещено. Одесса къ прибытію старца явила замѣчательную невнимательность, чего я и ждалъ. Явила по самой простой причинѣ, что Одесса уже большой занятой городъ. Ее не удивишь. Всѣ нàбольшіе заняты были тогда заботами о встрѣчѣ Государя. До другихъ ли тутъ? Да и просто лѣтомъ поразъѣхались. Замѣчательно однакоже, что генералъ - губернаторъ, старецъ - графъ Строгановъ, голова М. не позаботились отдать старцу-митрополиту визитовъ. Роппа, конечно, не было въ городѣ, но онъ хотя чрезъ адъютанта сдѣлалъ бы какое-либо привѣтствіе. Не подумано. Строгановъ не пошевелился даже извиниться предъ старцемъ. М. пріѣзжалъ въ Одессу, но не подумалъ отдать визитъ. Замѣчательная, повидимому, намѣренная невнимательность къ старцу-митрополиту. А это значитъ, что митрополитство полезно и умѣстно показывать тамъ, гдѣ Богъ его утвердилъ, въ Кіевѣ, въ Москвѣ, въ Петербургѣ, а не развозить его по Одесско-Донскимъ площадямъ. Да! Народъ это и показываетъ. Къ собору, на встрѣчу народу набралось ни много, ни мало, а такъ себѣ, нѣсколько сѣроватой публики. Крестовая при встрѣчѣ была пуста, не смотря на раздавшіеся по всему городу звоны, возвѣщавшіе прибытіе митрополита. Съ визитомъ въ мой домъ явились тѣже лица, которыя встрѣчали на вокзалѣ: градоначальникъ, полиціймейстеръ и..... только. Я съ своей стороны принялъ высокаго старца совсѣмъ радушно и совершенно прилично. Сдѣлалъ одинъ большой обѣдъ человѣкъ на 35, нѣсколько малыхъ. Жилъ старецъ у меня, въ моемъ кабинетѣ. Внизу, въ кельяхъ викарія жилъ владыка - митрополитъ Черногорскій. Къ обѣду, къ чаю собирались въ моей столовой. Оба митрополита были благо-

душны. Старецъ тотъ-же. Когда разговорится, то и живъ, и здоровъ, и благодушенъ. Проживъ въ моемъ городскомъ домѣ съ недѣлю, онъ отбылъ на Большой Фонтанъ, въ мое помѣщеніе, гдѣ жилъ уже хозяиномъ, на свои средства. Тамъ они нѣсколько распекали скупую неповоротливость и неподатливость преосвящ. Мемнона. Напр.: «нельзя-ли возить по бочкѣ морской воды для купанья старца?»—«А нельзя-ли нанять вамъ самимъ особаго возчика?»—«Ну, дайте хоть бочку для возки воды».—«Да и бочки нѣтъ». Идутъ сами по монастырю разыскивать бочку, отыскали и какъ-то устроились съ возкой морской воды. Послѣ этого старецъ шутитъ въ глаза преосв. Мемнону, при встрѣчѣ, при насъ: «Вотъ, преосвященный Мемнонъ долженъ быть намъ благодаренъ: не зналъ, есть ли у него бочка въ монастырѣ, а мы ему отыскали» . . и прочее въ томъ же родѣ. По праздникамъ старецъ наѣзжалъ въ городъ. Служилъ раза два-три, только молебны, да благословлялъ народъ. Черногорскій же литургисалъ раза два-три, и 15-го Августа, совмѣстно со мною, нѣсколько конфузясь занимать первенствующее положеніе. Вообще, мы всѣ трое прожили мирно; я угождалъ тому и другому по возможности, что̀ впрочемъ и не трудно было, пока 23-го Августа я не отбылъ въ Елисаветградъ, для встрѣчи Ихъ Величествъ. Владыка Черногорскій, не смотря на мои приглашенія остаться въ архіерейскомъ домѣ, отбылъ въ гостинницу еще на 10 дней, такъ какъ не кончилъ курса лѣченья. А старецъ Кіевскій говорилъ, что проживетъ до половины Октября. Однакоже въ началѣ Сентября вдругъ неожиданно собрался отбыть въ Кишиневъ, гдѣ обѣщалъ лѣчиться виноградомъ. Но оттуда еще неожиданнѣе отбылъ въ Кіевъ, такъ что быстрота посѣщенія Кишинева осталась для меня даже загадкой. Объявлено было въ газетахъ, что изъ Кіева старецъ получилъ приглашеніе со стороны подчиненныхъ отпраздновать особенно чтимый имъ день 8 Сентября въ ихъ средѣ, въ Кіевѣ. Чѣмъ нибудь это да подложено. 15 Іюля онъ остался угрюмо - недоволенъ, и имъ остались недовольны. Алмазы на Андреѣ нарочито не хотѣли возсіять. Въ неожиданной смерти генералъ-губернатора Дрентельна и нашего Крыжановскаго старецъ, по обычаю, видѣлъ перстъ Божій. Вдова Дрентельна теперь славитъ о немъ по Петербургу съ глубокимъ огорченіемъ. Онъ самъ говорилъ, что не хотѣлъ отпѣвать генералъ - губернатора единственно потому, что она изъ мелочной экономіи настояла отпѣть мужа въ малой домовой церкви, гдѣ и стать митрополиту было негдѣ. Старецъ отъ заправляющаго на торжествѣ положенія уклонился намѣренно. «Спасибо, говоритъ, втроемъ (К. П. Побѣдоносцевъ, В. К. Саблеръ и Крыжановскій) пожаловали, чтобъ мы тамъ не надѣлали какихъ глупостей». Въ свою очередь и К-нъ П-чъ тяготился тѣмъ, что митрополитъ отъ всего уклонялся.

Вообще, торжество это еще больше дало матерьяла для взаимныхъ неудовольствій, для ворчанья съ одной стороны и смѣшливыхъ намековъ съ другой. Думается, не отсюда ли что либо повѣяло, или же со стороны преосвященнаго С., что старецъ Кіевскій такъ быстро воздвигся изъ Кишинева восвояси. Владыка Черногорскій отбылъ изъ Одессы, когда кончилъ курсъ лѣченія, когда меня уже не было въ Одессѣ. Я отбылъ въ Елисаветградъ, для встрѣчи Ихъ Величествъ.

О преднамѣренномъ прибытіи Государя въ наши края я зналъ заблаговременно. Нашъ генералъ-губернаторъ предварительно совѣщался со мной о томъ участіи, какое мы намѣрены принять въ этомъ важномъ событіи, точнѣе, какое намъ было предуказано расписаніемъ изъ Петербурга. «Ваше преос-во располагаетъ выѣхать на встрѣчу Государя?»—«Съ величайшимъ удовольствіемъ, если позволите». —«Предполагаете учинить встрѣчу въ Елисаветградскомъ соборѣ?»—«Съ величайшимъ удовольствіемъ, если позволите». «Предположено краткое привѣтствіе, угодно вамъ будетъ сказать его?»—«Съ величайшимъ удовольствіемъ, если позволите».—«Угодно вамъ будетъ взять съ собою свиту, пѣвчихъ? Или, можетъ быть, удовольствуемся Елисаветградскими пѣвчими; тамъ есть пѣвцы изъ кантонистовъ?»—«Нѣтъ, уже я возму своихъ». «Я увѣренъ, что вы исполните все, какъ можно лучше». Я, сидя, кланяюсь. «Предположено на 30 Августа служеніе въ Новой Прагѣ. Угодно вамъ будетъ и туда пожаловать?»—«Съ величайшимъ удовольствіемъ, если позволите».—«Угодно вамъ будетъ взять съ собою свиту?»—«Непремѣнно».—«Я увѣренъ, что вы исполните все, какъ лучше. Молебствіе вы изволите отслужить до обѣдни.»—«Слушаю. Будетъ исполнено».—«Они, обыкновенно, молебствія не слушаютъ, а одну только обѣдню. Позволено предварить, что обѣдня должна продолжаться отъ одного часа до часа съ четвертью».—«Слушаю, знаю, постараемся».—«Ризницу тамъ изволите на мѣстѣ собрать?»—«Нѣтъ, думаю, придется все отсюда захватить».—«Я увѣренъ, что вы исполните все какъ лучше. Позвольте предварить, что все это не больше, какъ только предположенія. Такъ предполагали мы съ княземъ Оболенскимъ.» На этомъ мы разстались. Программа ясна.

Съ того дня я сталъ служить у себя, въ Одессѣ, неиначе, какъ придворныя обѣдни, стараясь втискать ихъ въ часъ съ небольшимъ времени, и чтобы въ тоже время все было прилично, подбирая уже и напѣвы тѣ самые, какіе были бы годны для царской обѣдни. Сперва дѣло шло не совсѣмъ складно; а затѣмъ мы вышколились. Смущало то, что подходило самое время прибытія Государя; между тѣмъ генералъ-губернатора въ Одессѣ нѣтъ, спросить не у кого, никто навѣрное ничего не знаетъ, никто вѣрнаго ничего не говоритъ. Отъ военныхъ я

узнавалъ только расписаніе сроковъ для маневровъ, расписаніе, изъ котораго тускло явствовало, что Государя ждутъ въ Елисаветградѣ именно 26 Августа.

23-го мы тронулись въ путь на Елисаветградъ, по желѣзной дорогѣ. Мы думали сперва, что подъемъ въ эту путину намъ будетъ стоить рублей 300—400. А какъ посчитали цѣны по тарифамъ, туда и обратно, да содержаніе, то и оказалось, что и 1000 руб. будетъ мало. Я бралъ съ собою всю утварь, кромѣ священныхъ сосудовъ и евангелій; впрочемъ изъ Елисаветграда брали и священныя сосуды. Брали ковры, красное сукно, два полныхъ прибора ризницы, такъ какъ приходилось служить не только 30-го, но и 29 Августа о «воинѣхъ падшихъ на брани»; брали парадную одежду для пѣвчихъ и т. д.; брали двухъ протоіереевъ, одного священника, пять діаконовъ, 20 пѣвцовъ, регента, келейника, даже посошниковъ, рипидчиковъ, мальчиковъ, красавца къ красавцу, привычныхъ, вышколенныхъ, знаменитаго Костюкнигодержца и т. п., моего секретаря. Елисаветградскій соборъ зданіе грандіозное, хотя и тяжеловѣсное, въ старинномъ Русскомъ стилѣ. Убрали мы его съ безукоризненнымъ приличіемъ. Внутрь собора, ко встрѣчѣ пущено было человѣкъ 30 только по билетамъ, большею частью дамъ, да нѣсколько душъ отставныхъ военныхъ-инвалидовъ. Ровно въ шесть часовъ вечера звонарь съ запертой колокольни, постучавшись въ притворъ, далъ знать, что второй царскій поѣздъ прибылъ и на дворцѣ выкинутъ императорскій штандартъ. Уже вечерѣло. Раздались народные клики, гулъ колоколовъ. Стоя противъ входа, вижу, какъ Государь, выравниваясь съ Императрицею, подвигается къ собору. Входятъ, освѣщаемые сзади потухающимъ солнцемъ, а спереди тусклымъ свѣтомъ зажженныхъ въ храмѣ свѣчей. Государь такой спокойный; сталъ онъ ко мнѣ очень близко, лицомъ къ лицу. Я потупилъ глаза и сказалъ свою рѣчь. Пѣвчіе въ пустомъ соборѣ пропѣли отлично. По окончаніи литіи, по цѣлованіи креста, я пошелъ впереди Ихъ Величествъ: хотѣлъ идти до самыхъ вратъ ограды, но на крыльцѣ Государь остановилъ меня: «Довольно, дальше не ходите». Я поклонился. Государыня поклонилась мнѣ головою нѣсколько разъ съ привѣтливѣйшей улыбкой. Съ генералъ-губернаторомъ мы тутъ же расцѣловались. Чувствовалось, что дѣло сошло хорошо. Воротившись въ соборъ, теперь. уже при многочисленномъ стеченіи народа, мы отслужили благодарственное молебствіе.

Думалось, что Елисаветградская исторія для насъ и кончилась. Завтра въ часъ мы должны были поспѣть на желѣзную дорогу, чтобы продвинуться выше, къ Новой Прагѣ. Въ Елисаветградѣ я останавливался у купца Куцына, почти противъ собора. Домъ хорошій, съ по-

рядочнымъ подъѣздомъ. На-завтра, часовъ около 11 съ половиной, поданъ былъ завтракъ, т. е. для насъ полный обѣдъ. Сидѣли въ залѣ за столомъ я, хозяинъ съ супругою, три протоіерея, регентъ (смотритель Одесскаго Духовнаго Училища) и секретарь мой. Вдругъ слышимъ на улицѣ народные крики. Бросились мы къ окну. «Ваше высокопреосвященство, это къ вамъ». Я пошелъ въ кабинетъ надѣть клобукъ и вышелъ съ о. ключаремъ въ подъѣздъ, не сходя впрочемъ со второго этажа. Вижу: поднимаются ихъ высочества Наслѣдникъ Цесаревичъ, в. к. Георгій Александровичъ и Владимиръ Александровичъ. Я поклонился Наслѣднику землекасательно. Поцѣловались со всѣми рука въ руку. При входѣ въ залу, я представляю высокимъ гостямъ выстроившихся у стола хозяевъ и гостей. Пошли въ очень нарядную гостинную, съ зеленою бархатною мебелью, и сѣли, Наслѣдникъ и Владимиръ Александровичъ на диванѣ, Георгій Александровичъ поодаль, на стулѣ, у окна, я на стулѣ у предиваннаго столика. Въ разговорѣ доминировалъ Владимиръ Александровичъ. Цесаревичъ выглядывалъ милою бѣлокожею дѣвочкою, съ прекраснымъ нѣжнымъ голосомъ. Онъ теперь сталъ гораздо красивѣе, чѣмъ былъ. Георгій Александровичъ мужественнѣе старшаго брата, но въ разговорѣ не принималъ участія. Разговоръ начался съ того, что вотъ жилъ я временно въ Петербургѣ, теперь временно живу въ Одессѣ, къ осени опять въ Петербургъ. «А, понравился вамъ Петербургъ?»—«Я знаю его издавна: я въ немъ выросъ».—«Какъ дѣйствуетъ на ваше здоровье?»—«Удивительно дѣйствуетъ. Я избавился въ немъ почти отъ всѣхъ недуговъ, какіе нажилъ въ жизни, и отъ одного очень важнаго. У меня уже лѣтъ вотъ шесть болѣло сердце;—въ Петербургѣ перестало, безъ всякаго лѣченья».—«Вотъ удивительно», говоритъ Владимиръ Александровичъ. «Перваго въ жизни встрѣчаю человѣка, который хвалитъ въ Петербургѣ Петербургскій климатъ. Что̀ до меня, то я нѣтъ, извините; Богъ съ нимъ, съ Петербургомъ! Три мѣсяца видишь солнце, а девять мѣсяцевъ холоду, дождя, всякой слякости». Разговоръ естественно перекинулся на Югъ, на Севастополь, въ которомъ я недавно былъ. Я говорю: «Севастополь производитъ впечатлѣніе города, которому предстоитъ не только Всероссійская, но міровая будущность».—«А почему вы такъ думаете?»—«Благоволите взять во вниманіе этотъ не замерзающій единственный въ мірѣ по удобству портъ. Другой портъ около Херсонеса, въ который могутъ заходить также корабли. Не вдалекѣ отъ него портъ Бакаклавскій. Тамъ далѣе Ливадія, готовое жилище царей. Климатъ, сравнительно съ Петербургомъ, желательный, теплый, даже, увы, слишкомъ знойный. Сюда со временемъ непремѣнно перенесется центръ тяготѣнія Россіи». Владимиръ Александровичъ говоритъ такимъ звучнымъ

голосомъ, баритономъ, такой бодрый, веселый, словоохотливый. Чтобъ не держать перваго гостя въ тѣни, я, не забывая, кто онъ, часто переносилъ на него свои глаза и къ нему обращалъ свою рѣчь. Тронулись и поднялись. Глубоко поклонившись опять, я поблагодарилъ за высокую честь, которой меня удостоили. Провожали до того же пункта, на которомъ и встрѣтили. Дальше провожать не дозволено. Когда воротился я въ залу, мой старый хозяинъ сталъ выражать свой восторгъ, свое умиленіе. «Ну, теперь слава Богу, можно умереть! Мой домъ сподобился такой чести! Можно умереть!» Чрезъ нѣсколько минутъ мы поднялись отправляться на желѣзную дорогу.

Новая Прага не на желѣзной дорогѣ. Нужно было еще ѣхать въ экипажахъ въ сторону, верстъ 15. Прибыли на мѣсто уже позднимъ вечеромъ, даже ночью. Вдаль свѣтило намъ зажженное въ Новой Прагѣ электрическое солнце. На-завтра, за полдень прибыли Ихъ Величества. На 29 назначенъ былъ главный бой маневрирующихъ войскъ. Общее впечатлѣніе было таково, что наши Одесскіе дѣйствуютъ умнѣе. На 29 мы служили въ одной изъ Ново-Пражскихъ церквей (ихъ три, ближайшая ко дворцу каменная, хотя и меньше другой деревянной); мы служили литургію и обычную панихиду. Послѣ обѣда лазили на колокольню смотрѣть на сраженіе. Но сраженіе происходило верстахъ въ 15 впереди Праги. Съ колокольни видны были только клубы постоянно вспыхивавшаго дыма, но даже звука пушечныхъ выстрѣловъ не было слышно, и войскъ за холмами не было видно. Новая Прага— это изстари, со временъ Николая І-го, былъ особый военный пунктъ. Херсонская губернія при Николаѣ Павловичѣ имѣла много военныхъ поселеній. Елисаветградъ возникъ, какъ военное поселеніе. Также и Новая Прага. Въ ней немало старыхъ военныхъ зданій. Теперь часть этихъ зданій превращена была во дворцы, для временнаго пребыванія высочайшей фамиліи. Николай І-й былъ въ Новой Прагѣ также для маневровъ, кажется, два раза. Поглядѣвъ на маневръ, мы, спустившись съ колокольни, принялись за чистку и уборку церкви къ завтрашнему высочайшему выходу: Распоряжался я самолично. Велѣно вынести много иконъ совсѣмъ сельскаго характера, повѣшанныхъ въ безпорядкѣ. Вынесены лишніе, несолидные аналои, некрасивые подсвѣчники и т. д.; насланы привезенные нами ковры, красное сукно, вообще церковь приведена въ возможно-благолѣпный видъ. На крыльцѣ поставлены оранжерейныя деревья въ кадкахъ, доставленныя земствомъ. На завтра, въ свою пору, мы, полнымъ нашимъ, безукоризненно-подобраннымъ и облаченнымъ соборомъ, отслужили молебствіе. Генералъ-губернаторъ заглянулъ, улыбнулся: все-де хорошо, и вышелъ. Въ 11 часовъ съ небольшимъ раздался звонъ колоколовъ, и войсковые клики вмѣстѣ съ народ-

ными. Государь съ Императрицею, не знаю, обходили, не знаю объѣзжали по площади войска. Обѣдню мы отпѣли ровно въ одинъ часъ и восемь минутъ, своимъ строемъ, не рабствуя придворному. По моему чувству священнодѣйствіе совершилось безукоризненно, благолѣпно и трогательно. Когда я поднесъ одному Государю просфору, Государь не сразу тронулся къ выходу. Казалось, что онъ былъ тронутъ. Выходятъ. Я провелъ до крыльца. На крыльцѣ Государь подалъ мнѣ руку, которую я успѣлъ поцѣловать. Но Государыня прошла на этотъ разъ угрюмо, даже не посмотрѣвъ въ мою сторону. Чтò-бъ это значило? Великій князь-фельдмаршалъ Николай Николаевичъ, увы! замѣтно постарѣвшій, подалъ мнѣ руку, на что я успѣлъ сказать ему: «имѣлъ честь быть представленнымъ вашему высочеству въ Ново-Черкаскѣ, на завтракѣ у атамана».—«Краснокутскаго? Помню, помню!» Въ Елисаветградѣ я въ его мѣстопребываніи расписался. Послѣ обѣдни тотчасъ я былъ приглашенъ на царскій завтракъ. Чрезъ массу войскъ и народа я съ трудомъ пробрался къ царскому помѣщенію, тотчасъ послѣ обѣдни, не заходя домой, не пивши и чая. Во дворцѣ меня сейчасъ же отвели въ столовую, нарочно разбитую палатку и поставили за столъ, по срединѣ стола, прямо противъ входа и увы! прямо противъ свѣта, чтó дѣйствуетъ на мои глаза и на лицо, вызывая особо усиленный приливъ крови. Да еще нужно было ѣсть въ клобукѣ, да еще не пивши чаю, да еще пить вино. Все это дѣйствовало на меня неблагопріятно. Не думаю, что я былъ красивъ за завтракомъ. Ждать царскаго выхода пришлось некоротко. Государь, повидимому, здоровался съ войсками на площади, а потомъ заходилъ и во внутренніе свои покои. Палатка, пустая при моемъ входѣ, стала наполняться военными и другими чинами. Вкушающихъ царскую трапезу было человѣкъ 300 сидящихъ и столько же стоящихъ; стоя, ѣли и пили. Оказалось, что я посаженъ былъ лицомъ къ лицу съ Государемъ. Противъ Государыни сидѣлъ министръ двора. Передняя линія: Государь, слѣва отъ него Государыня, далѣе Цесаревичъ, далѣе прочія царствующія, справа отъ Государя: м-мъ Рад-ая, довольно представительная особа, в. к. Николай Николаевичъ и другіе. На нашей линіи: министръ двора, справа Рад-ій, слѣва—я, слѣва отъ меня генералъ-губернаторъ Роппъ и т. д. Я уже не разбиралъ. За завтракомъ Государыня хмурилась и ёжилась. День былъ хотя и солнечный, но свѣжій и вѣтряный. Въ огромную, совершенно закрытую палатку сильно дуло прямо въ спину Государынѣ, такъ что она потребовала и надѣла теплую кофту. Вообще, замѣтно было, что она не въ духѣ. Государь говорилъ больше съ сидящими визави. Ко мнѣ обращался два раза. «Ваши пѣвчіе пѣли хорошо».—«Рады слышать, Ваше Императорское Величество!»—«Можно

сказать, даже стройно», продолжаетъ Государь; «быть можетъ, нѣсколько громко».—Наше пѣніе расчитано на большую церковь».—«И голоса хороши, продолжаетъ Государь, да и гдѣ имъ и быть, какъ не въ Малороссіи?» Потомъ заговорилъ, не помню съ чего, о церкви, о церквахъ въ Новой Прагѣ. Я докладываю, что «другая здѣсь деревянная церковь лучше, просторнѣе, благоустроеннѣе каменной, въ которой мы служили»—«Отчего же не тамъ служба была?»—«Та дальше, да и нужно бы было счищать и сносить цѣлый базаръ». Государыня ко мнѣ съ рѣчью не обращалась, но къ концу завтрака обратилась къ генералъ-губернатору. Тотъ: «позвольте, Ваше Величество, дѣтямъ пропѣть: они готовились». Государыня не разслышала и говоритъ: «въ церкви пѣли от--ли--ч-но», т. е. это мы отлично пѣли. Генералъ-губернаторъ поправился: «я прошу о дѣтяхъ-ученикахъ, которые готовились. Позвольте имъ вечеромъ пропѣть». Позволеніе дано. За завтракомъ Государь пилъ здоровье многихъ военныхъ и лицъ, и учрежденій. Въ концѣ завтрака несутъ шоколадъ и кофе. Я отказываюсь отъ того и другаго. «Не пьете?» обращается ко мнѣ Государь. «Вредно, Ваше Величество».—«Не хотите ли чаю?» Я кланяюсь: «боюсь затруднять, долго ждать». «Чаю», приказалъ Государь слугѣ. Но и царское приказаніе осталось втунѣ; съ необходимостью и боги не воюютъ: чай не былъ приготовленъ, какъ я предвидѣлъ. Поднялись. Государь въ туже минуту вышелъ изъ палатки. Генералъ-губернаторъ говоритъ мнѣ: «пожалуйте!» Намъ приходилось обойти вокругъ весьма длинныхъ столовъ. «Пожалуйте, пожалуйте!» Я не соображаю, куда меня ведутъ, и вдругъ мы очутились у выхода палатки, предъ лицомъ самого Государя, около котораго образовался обширный кругъ сановниковъ, большею частью военныхъ, и дамъ. Государь обходитъ кругъ и разговариваетъ то съ тѣмъ, то съ другимъ лицомъ. Государыня дѣлаетъ тоже самое, большею частью относительно дамъ. Государь и тутъ, пробираясь мимо меня къ нашему предводителю дворянства Курису, который стоялъ за моею спиною, сказалъ мнѣ тоже нѣсколько словъ: «былъ ли я въ Новой Прагѣ прежде?»—«Былъ въ прошломъ году, обозрѣвая епархію» и т. д. Но Государыня, даже разговаривая съ супругою нашего генералъ-губернатора, М. С , съ которою я стоялъ рядомъ, не сказала мнѣ ни слова. Я задалъ себѣ вопросъ: «отчего бы это?» Въ Николаевѣ два года назадъ, въ Елисаветградѣ три дня назадъ, она была такая ласковая. Вѣроятно, мы въ церкви сдѣлали что либо не такъ. Отчасти разгадку мнѣ скоро принесъ нѣкто Никифоръ Захарьевичъ Зубовскій, тогда Харьковскій, теперь Кіевскій главный военно-медицинскій инспекторъ. «А отчего вы не поднесли Государынѣ просфору?»—«Просфору?»—«Да!»—«Мы совѣщались съ ключаремъ, подносить, или не подносить, и рѣ-

шили не подносить, чтобы не обременить. Да и просфоры простоваты! Развѣ это замѣчено?»—«Вышло, что, когда вы Государю поднесли просфору, а Государынѣ нѣтъ, Государь ей и показываетъ: А что, молъ? Тебѣ вотъ не дали, а мнѣ дали!»—«Да, развѣ это составило предметъ говора? Вы отъ кого слышали?»—«Отъ моего патрона, генерала Рад-го». —«Ну, что дѣлать! Дѣлали, какъ умѣли, обдумывая каждый шагъ; а спросить было не у кого». Можетъ быть, и еще чѣмъ либо обошли нашу прекрасную Государыню, но совсѣмъ не отъ недостатка глубочайшаго къ ней уваженія. Можетъ быть, мы и кадили ей не девять разъ, такъ какъ приказано было кадить девять разъ только по направленію Государя, а прочимъ по обычаю.

Думалось, не сдѣлалъ ли Государь общаго отзыва о нашемъ богослуженіи. Въ Новой Прагѣ не послѣдовало ничего. Въ Одессѣ, послѣ проводовъ Ихъ Величествъ, я поставилъ вопросъ Х. Х. Роппу и супругѣ его, не замѣчено ли ими, что Государыня за что-то была нами недовольна. Ничего не замѣчено. По прибытіи въ Петербургъ, я очень откровенно разсказалъ всѣ эти подробности К. П. Онъ также успокоилъ: «нѣтъ, Государыня могла быть просто не въ духѣ, или же нездоровилось». Когда Государь возвратился изъ своего счастливаго-несчастливаго путешествія, онъ, конечно, сдѣлалъ отзывы о своихъ церковныхъ впечатлѣніяхъ. О преосвященномъ Леонтіи, еще до возвращенія Государя въ Пететербургъ, самъ К-нъ П-чъ кинулъ мнѣ фразу: «видно по всему, что Государь отнесся къ нему благосклонно». Далѣе В. К. С. передавалъ мнѣ общій отзывъ Государя. «Тутъ разсказывалъ Государь К. П-у, что экзархъ уже говорилъ, говорилъ безъ конца... А тутъ мухи ползаютъ по шеѣ... Впрочемъ, онъ (экзархъ) такой добрый, ласковый...» Больше ничего, на нашу долю ни слова. Мѣсяца черезъ два придворный говоръ дошелъ до насъ, изъ низшихъ сферъ. Адъютантъ в. к. фельдмаршала Николая Николаевича въ одномъ семействѣ говорилъ о Ново-Пражскихъ церковныхъ впечатлѣніяхъ: «пойдемъ, не пойдемъ въ церковь къ обѣднѣ?»—«На что намъ идти? Какіе-либо козлы тамъ драть будутъ. А пришли, какіе тутъ козлы? И мой патронъ былъ очень удовлетворенъ». Получили мы и еще рикошетный отзывъ отъ лица самого Государя. Пишетъ вотъ отъ 21 Декабря ректоръ Ставропольской семинаріи, о. архимандритъ Николай Адоратскій: «Въ Сентябрѣ владыка (В. Ставропольскій) ѣздилъ для встрѣчи Ихъ Величествъ и Высочествъ. Владыка и меня бралъ съ собою, и я удостоился чести лицезрѣть высокихъ и дорогихъ гостей. За завтракомъ у наказного атамана (22 Сентября) Его Величество Государь изволилъ вспомнить про пѣніе нашего хора и вполнѣ одобрилъ его, замѣтивъ, что пѣніе

Кіевскаго митрополичьяго хора ему не понравилось. Пока и слава Богу!

Выѣхалъ я изъ Одессы 14, прибылъ 17 Октября вечеромъ, въ самый день великой катастрофы и божественнаго чуда. Изъ Одессы выѣхали, было тепло. Около Бѣлостока сталъ моросить дождикъ; въ Вильнѣ позднимъ вечеромъ лилъ дождь. Назавтра въ Витебской губерніи мы увидѣли первый снѣжокъ. Въ Псковской губерніи лежалъ уже плотный, сплошной, хотя и не глубокій, снѣгъ; а въ Петербургской губерніи, вечеромъ 17 Октября чувствовалась уже оттепель. По желѣзнодорожной линіи замѣтны были разставленныя войска, въ ожиданіи проѣзда Государя. А въ Петербургѣ, когда вышелъ я изъ своего особаго вагона, даннаго мнѣ пролетомъ насквозь отъ Одессы до Петербурга, вагона, въ которомъ я безвыходно высидѣлъ ровно трое сутокъ, здѣсь, въ Петербургѣ оказалось, что рано выпавшая зима уходитъ. И съ тѣхъ поръ, по моему счету, досконально сошло девять зимъ. Теперь у насъ въ Петербургѣ ни снѣжинки; такъ прошли всѣ Рождественскіе праздники. Ѣзда производится на колесахъ. Оригинально будетъ, если и Крещенье пройдетъ безъ зимы, безъ снѣга, хотя и съ Крещенскими морозами.

Когда прибылъ я въ Петербургъ, оказалось, что владыка-митрополитъ Исидоръ здравствуетъ, Московскій митрополитъ и Леонтій, равно и Кіевскій, еще не прибыли. Затѣмъ единъ по единому стали прибывать, сперва Леонтій, далѣе Московскій и наконецъ ново-вызванный Литовскій архіепископъ Алексій. А въ концѣ и Кіевскій. Преосвященный Германъ здравствуетъ. Алексія, при вступленіи въ Святѣйшій Синодъ, къ присягѣ не приводили, такъ какъ онъ произносилъ туже присягу, какъ членъ Московской Синодальной Конторы. Кіевскій владыка еще изъ Кіева телеграфировалъ, что теперь онъ нездоровъ, а чрезъ недѣлю прибудетъ. Когда объ этомъ заявили было въ Святѣйшемъ Синодѣ, то старецъ сострилъ: «А почему онъ знаетъ, что будетъ здоровъ чрезъ недѣлю? Онъ воображаетъ, что здѣсь ждутъ его съ распростертыми объятіями, а лучше бы телеграфировалъ, что совсѣмъ не пріѣдетъ». Но Кіевскій старецъ всетаки пріѣхалъ, какъ назначилъ. Пріѣхалъ, а въ Синодъ не ѣдетъ, что̀ давало старцу поводъ опять острить: «ну, что Кіевскій?»—«Лошади стоятъ у подъѣзда», отвѣчаетъ Литовскій. Въ концѣ засѣданія старецъ опять: «ну, вотъ лошади и простояли у подъѣзда». Въ слѣдующемъ засѣданіи опять тоже: «ну что̀, лошади опять стоятъ у подъѣзда?» Н. П., товарищъ оберъ-прокурора, шепчетъ мнѣ: «а вѣдь, Кіевскій плохъ!»—«А что?»—Я былъ у него. Самъ говоритъ—плохъ. Поносъ, аппетита совсѣмъ нѣтъ». Я ѣздилъ къ нему, заодно и къ Алексію Литовскому, въ день пріѣзда

его, Кіевскаго старца, и расписался въ книгѣ. Теперь, думаю, дай, съѣзжу. Нехорошо же, если онъ таетъ, а мы никто и не навѣстимъ, его. Пріѣзжаю и вижу, сидятъ въ гостиной у него дама-генеральша Пущина, жена Декабриста и докторъ. Старецъ сидитъ и по обычаю говоритъ то о болѣзни, то о томъ, то о семъ. Вижу, тотъ же. Вглядываюсь, вслушиваюсь въ то особенно, что̀ говорилъ докторъ. Владыка выходилъ и въ кабинетъ; тутъ я самъ допрашивалъ доктора. «Да, ничего особеннаго. Ну дорога, потревожился, необычно скушалъ. Разстройство желудка незначительное. Важнѣе у него разстройство. мочевыхъ путей, которое всегда серьезно, а въ такіе годы и подавно». Я вывелъ заключеніе, что старецъ скушалъ сразу два обѣда въ Москвѣ, у князя Долгорукаго и у Греческаго консула З.; конечно, накушался, и шампанскаго выпилъ въ Твери,—путевое разстройство. А отдохнетъ, и поздоровѣетъ. Крѣпкая натура. Такъ, оно и случилось. Замѣчателенъ входъ его въ Святѣйшій Синодъ. Входилъ онъ въ Пятницу, когда первенствующій старецъ не бываетъ. Всѣ остальные были въ сборѣ. Слышу, отворяется дверь синодской залы. Идетъ. Я вышелъ изъ-за стола и выстроился къ сторонѣ, чтобы дать старцу проходъ. За мной вышли Германъ и Алексій. Старецъ съ ними поздоровался. Выдвигается Леонтій со словами: «здравствуйте, владыка!» Поздоровались. Сидѣвшій Московскій не поднялся. Кіевскій старецъ, обходя кругомъ секретарскій пюпитръ, идя уже по своей правой сторонѣ, кидаетъ на лѣвую—Московскому фразу: «здравствуйте, преосвященный!» Московскій, приподнявшись, отвѣчаетъ тоже чѣмъ-то въ родѣ: «здравствуйте!» И сѣли.

Что̀ дальше замѣчательнаго? Встрѣча Государя въ Казанскомъ соборѣ, послѣ катастрофы 17 Октября. Вѣсть о катастрофѣ сперва разнеслась по Петербургу какъ-то глухо. «Что̀, молъ, такъ себѣ! Ничего». Но на другой день зовутъ въ Исакіевскій соборъ, къ служенію молебна. «Куды тебѣ, ничего! Что-то ужасное случилось». Первенствовалъ владыка Леонтій. Стеченіе въ соборѣ было огромное. Говорятъ, были всѣ Великіе Князья. Затѣмъ, съ каждымъ днемъ стали приходить все болѣе и болѣе страшныя и чудесныя подробности. Прибыли и Ихъ Величества. Митрополитъ прибаливалъ горломъ. Но тутъ ему говорятъ: «ваше высокопреосвященство, хоть умрите, а надо ѣхать въ Казанскій соборъ». Пріѣхалъ и держалъ себя молодцомъ. Да серьезной и болѣзни у него не было, такъ себѣ небольшое скрыпѣнье въ горлѣ. Но его бережетъ докторъ, и самъ онъ себя бережетъ. Въ соборѣ же онъ держалъ себя нещадно. Насъ было четверо: митрополитъ Исидоръ, Леонтій, я и Германъ. Прочіе еще не прибыли въ Петербургъ. Долго мы стояли у входной двери. Она была закрыта, но

дуло страшно. Митрополиту дали кресло, онъ сидѣлъ, не выпуская креста изъ рукъ. Наконецъ, отворяется дверь. Видимъ: выходятъ изъ экипажа Государь съ Государыней. Площадь предъ соборомъ наполнена была школьниками, начиная со студентовъ университета. Внутренность же собора наполнена женскими учебными заведеніями. Не смотря на смертельно дувшій въ дверь холодъ, старецъ митрополитъ осѣнилъ Ихъ Величества и Высочества въ высшей степени благолѣпно. Во время встрѣчной литіи, Государь стоялъ на солеѣ, и слезы свѣтились на глазахъ его. Послѣ литіи митрополитъ, осѣнивъ его иконою, говорилъ какія-то привѣтственныя слова, и тоже дрожащимъ отъ слезъ голосомъ. Затѣмъ мы пошли къ выходу, на самое крыльцо. Старецъ остановился у самыхъ ступенекъ крыльца, гдѣ намъ пришлось стоять не коротко, такъ какъ Ихъ Величества, вѣроятно, бесѣдовали съ тѣми и другими лицами, внутри собора. Затѣмъ уже на крыльцѣ Государь не коротко застегивалъ шубу у Государыни, а упрямая пуговица не слушалась. Затѣмъ Государь, проходя мимо насъ, остановился ласковымъ взоромъ на Леонтіи, подалъ ему руку и сказалъ какія-то привѣтливыя слова. Говорилъ ли съ митрополитомъ, не замѣтилъ, такъ какъ затертъ былъ народомъ. Площадь огласилась восклицаніями. Студенты и вся молодежь умилили Годударя своею восторженностью. И видѣніе исчезло.

Въ Пятницу, безъ старца Исидора, докладывается большое дѣло о расписаніи Великой Церкви Кіево-Печерской лавры. Дѣло на мѣстѣ разсматривалось комиссіями лучшихъ техниковъ въ Россіи. Московскій владыка заволновался: «Такъ какъ же это? Будетъ ли то и то хорошо?.. Видите, какая выходитъ исторія!.. Покажите, покажите!.. Кіевскій старецъ сперва молчалъ. А потомъ и говоритъ съ апломбомъ Кіевскаго старца: «Да вы, преосвященный, не безпокойтесь. Повѣрьте, дѣло будетъ сдѣлано хорошо. Никто не имѣетъ интереса сдѣлать его худо. Не безпокойтесь!»

Преосвященный Александръ Костромской (пишутъ) скончался оттого, что сидѣлъ въ семинаріи въ полу-топленой семинарской залѣ и много говорилъ. Тутъ же почувствовалъ себя дурно, а чрезъ 24 часа скончался, отъ крупознаго воспаленія легкихъ. Сообщая, что объ этомъ извѣщается телеграммами изъ Костромы, В. К. говоритъ, что теперь «надо бы устроить преосвященнаго Ав—на. Поддержите!» Чрезъ день, чрезъ два, сообщаетъ, что старецъ-владыка соглашается. Черезъ день, черезъ два сообщаетъ, что дѣла преосв. Ав—на плохи. К. П. останавливается на мысли, что въ Костромѣ онъ будетъ совсѣмъ некстати, Малороссъ, Хохолъ. Въ послѣднюю предъ Рождествомъ Среду прибылъ и первенствующій старецъ. Первымъ вопросомъ поставлено

назначеніе въ Кострому. Названъ и Ав—нъ, помнится преосвященнымъ Леонтіемъ. Молчаніе. Владыка Московскій толкуетъ свое старое, что онъ—Хохолъ, крещенъ обливаніемъ; Костромичи скажутъ, что онъ не крещенъ. Туды-сюды, вопросъ ни съ мѣста. Видя это, В. К. поднялся и тихонько сходилъ въ канцелярію, въ которой сидѣлъ К—нъ П—чъ. Тотъ входитъ и, какъ бы продолжая начатый разговоръ, говоритъ: «Ну, что же Ав-на, такъ Ав-на. Конечно, онъ чудаковатъ, но всѣ говорятъ, что уменъ». Тогда и старецъ говоритъ: «Ну что же Ав-на. Согласны?» Московскій говоритъ: Я лично противъ него ничего не имѣю». Мы поклонились. Быть Ав-ну. Макарій Донской викарія себѣ не желаетъ. Хорошаго мнѣнія о немъ здѣсь не составилось.

Какъ поставилъ себя здѣсь Алексій Литовскій, не могу пока сказать. Теперь движется здѣсь вопросъ о празднованіи 50-лѣтія присоединенія уніатовъ. В. К. не прочь былъ желать, чтобы празднованіе совершилось поторжественнѣе, чтобъ собрался въ Вильнѣ соборъ западныхъ епископовъ и т. п. Но Алексій почему-то, молча, противупоставляетъ этому свое нежеланіе, такъ что дѣло склоняется къ празднованію самому тихому и скромному. Не знаю по этой ли, или по другой причинѣ, В. К. называетъ преосвященнаго Алексія «хитроумный». Его пригласили сюда, какъ канониста; но не видно пока еще, чтобы въ какомъ либо случаѣ воспользовались имъ, какъ канонистомъ. Несомнѣнно только, что онъ имѣетъ свой собственный толкъ. По части пѣнія, богослуженія они не взяли. Говорятъ, что онъ, какъ и Холмско-Варшавскій, захватилъ съ собою шесть человѣкъ пѣвчихъ. Но съ шестью человѣками прельстишь немногихъ, такъ что мы по этой части лицомъ въ грязь не ударили и до сего дне.

Вскорѣ по выбытіи преосвященнаго Павла изъ Петербурга въ Казань толковалось, что какъ онъ въ Казани, такъ и новый экзархъ въ Грузіи поставили себя отлично. Теперь осенью молчалось и объ особѣ Павла, и объ экзархѣ. Однажды только, не помню по какому случаю, В. К. принялся хвалить преосв. Павла: «умный, дѣловой, энергическій, благородный» и т. п. Вдругъ передъ праздниками В. К. говоритъ мнѣ съ веселою улыбкой: «А я вамъ новость скажу: на главѣ экзарха возсіяваетъ крестъ».—«Это за посѣщеніе Кавказа Государемъ?»—«Да, и за посѣщеніе. Старецъ все твердилъ: «крестъ экзарху. Крестъ экзарху!» Я доложилъ К. П. Тотъ сперва «Ну, вотъ они все съ своими крестами. Мало имъ пасхальныхъ наградъ? Ну, дождались бы до Пасхи!» А потомъ согласился и доложилъ Государю, и крестъ уже посланъ».—«Выходитъ, что старецъ настаивалъ?»—«Да, старецъ!» Я сейчасъ же поздравилъ экзарха телеграммою (можетъ быть, будущее начальство) и получилъ очень ласковый отвѣтъ. Дня черезъ два-три

В. К. говоритъ: «Тоже получилъ телеграмму отъ экзарха. Пишетъ, что заносы и къ Рождеству крестъ не полученъ. Вообще, о немъ прекраснѣйшіе отзывы. Ласковый, обходительный, мягкій. Богослуженіе поставилъ прекрасно, величественно. Вообразите, какую штуку онъ выкинулъ. Взялъ, да всѣхъ Грузинскихъ архіереевъ и представилъ къ наградамъ, всѣхъ до единаго. Оно и кстати, по поводу посѣщенія Грузіи Императоромъ. Вѣдь, вотъ онъ какой»... Тонкій политикъ. Иларіонъ Алексѣевичъ начинаетъ держаться мнѣнія, что звѣзда его возсіяваетъ. «Любезный, мягкій, умѣетъ приспособиться. Подите, вотъ въ Казани во время собора, какъ это у него ладилось. Всѣ архіереи въ мантіяхъ выходятъ изъ церкви, подъ открытое небо. Нарядно и величественно. Умѣетъ, нечего сказать». Тутъ были какіе-то магнаты изъ Грузіи, и отзывались въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ объ его мягкости, любезности, тактѣ.

Сказать еще развѣ о дѣлѣ, касающемся оберъ-священниковъ? Должно быть, въ присутствованіе преосв. Павла въ Св. Синодѣ составленъ печатный проектъ о реформѣ управленія военнымъ духовенствомъ. Этотъ проектъ изъ Синода посылали къ Великому Князю Владиміру Александровичу, и къ министрамъ военному и морскому. Всѣ три лица дали отзывъ единогласный: желаютъ возстановленія statu quo ante..., со введеніемъ главныхъ священниковъ и въ Синодъ. Военный министръ употребилъ даже фразу, что онъ «на Синодскій проектъ никоимъ образомъ согласиться не можетъ». Теперь на праздникахъ Р. Хр. мы собирались у владыки Московскаго, который нынѣ на праздники не поѣхалъ въ Москву (поѣхалъ преосв. Германъ). При самомъ началѣ совѣщаній, я говорю: «напередъ нужно установить причину нашихъ сужденій, взвѣсивъ возможности, чего мы можемъ достигнуть». На это мнѣ отвѣчаютъ: «наше дѣло постановить свое сужденіе на основаніи канонозъ; а тамъ, что̀ бы ни вышло». «А-а-а», говорю я. Такъ и начали судить на основаніи каноновъ, т. е. мы остались при своемъ: приходскія военныя церкви подчинить мѣстнымъ архіереямъ; въ Синодъ главныхъ священниковъ, какъ пресвитеровъ, не допускать.

Сказать что-либо о моей постановкѣ. По части богослуженія и пѣнія мы держимъ свое знамя высоко, по прежнему. Сегодня я подаю сильную записку «О православномъ погребеніи и поминовеніи умершихъ еретиковъ и раскольниковъ». Молю Бога, чтобы мнѣ самому записка зла не сдѣлала. Уже заикаемся насчетъ рѣшительнаго моего отъѣзда въ Одессу, передъ Пасхою ли, послѣ ли Пасхи. Вѣроятный мой преемникъ Амвросій Харьковскій. Старецъ-владыка ко мнѣ неласковъ.

Идетъ негоціація объ увольненіи преосв. Маркелла отъ Полоцкой каѳедры и о посажденіи въ Синодъ. Дѣло затягивается по финансовымъ

соображеніямъ. Въ первый день Рождества старецъ-владыка служилъ обѣдню даже въ большомъ Лаврскомъ соборѣ, а молебенъ въ Исакіевскомъ. Полную, старую молитву *) читалъ, особенно подъ конецъ, очень громко. Въ первый день Новаго года всѣ присутствовали въ Зимнемъ дворцѣ. Болѣе замѣчательнаго не припоминаю ничего. Въ Новый годъ старецъ Кіевскій показался мнѣ очень измѣнившимся; у него какъ-то лицо вытянулось на смертельный складъ.

Вчера въ Воскресенье, 8 Января 1889 г., былъ у меня обѣдецъ. Присутствовали преосвященный Алексій, архіепископъ Литовскій, преосв. Антоній ректоръ, Иларіонъ Алексѣевичъ Чистовичъ, В. К. и В. Н. Ш-нъ. Былъ прошенъ Сергій Васильевичъ Керскій, но отказался по болѣзни. Онъ уже давно сидитъ дома, сказываясь больнымъ; а В. К. говоритъ, что ему поручено важное дѣло. Вопросъ о посажденіи преосв. Маркелла въ Святѣйшій Синодъ считается рѣшеннымъ. На его мѣсто, въ Витебскъ предполагаютъ преосв. Ант-на, викарія Литовскаго, но встрѣчаются затрудненія въ отысканіи ему преемника. Если не Ант-на, то называется и преосвященный Мит-нъ, здѣшній викарій, человѣкъ безспорно способный. Сказано, что и Рязанскій не легко боленъ. Конечно, самый интересный вопросъ дня это рескриптъ экзарху. По разнымъ сообщеніямъ знаю, что писанъ онъ въ канцеляріи оберъ-прокурора. И хлопотали, чтобы прежняго экзарха не затронуть. Но съ первой строчки повели рѣчь очень конкретно, тогда какъ можно бы повести рѣчь общѣе, тогда они не затронули бы ничего: «во вниманіе къ тому-то и тому-то жалуемъ»... А то вышло: «поставили васъ при обстоятельствахъ такихъ-то; вы въ нихъ повели себя какъ нельзя лучше»... Желая смягчить и обобщить, первую редакцію поправляли; не знаю, къ лучшему ли. Вѣрно только, что бывшаго экзарха въ самыхъ высшихъ сферахъ и наивысшихъ очень хвалятъ и теперь. Помоги ему Боже! Въ день Крещенья литургисалъ въ Зимнемъ дворцѣ старецъ Исидоръ и пресановито. Свѣтлость ума ему не измѣняетъ. Кто-то желаетъ ему прожить сто лѣтъ.—«Сто лѣтъ», это много», острить старецъ, а вотъ хоть бы десятокъ годковъ еще прожить!» Вышло очень находчиво и остроумно. На рѣку въ ходѣ первенствовалъ Московскій владыка. По улицамъ не было ни снѣжинки въ день Крещенья, а къ вечеру стало маленько снѣжить; сегодня (9-го Января) открылась и санная ѣзда, небольшая.

Слышалъ, что о. архимандритъ Казанскій Сергій былъ здѣсь, но не могу сообразить, когда и какъ это было.

*) Филаретовскую. Ее сократили было въ 1870 году, въ угодность послу Французскому; но по желанію Александра III-го искаженные экземпляры были изъяты и разосланы прежніе. Обстоятельство знаменательное. П. Б.

Вспоминая о преосвященномъ Павлѣ Казанскомъ, думаю, что въ Казани ему нечего бояться какихъ либо интригъ. Никто его не тронетъ. Не знаю только, какъ чувствуетъ себя къ нему старецъ, а свѣтскіе всѣ до высшихъ сферъ отлично къ нему благорасположены. Митрополиты умирать, очевидно, не хотятъ и не думаютъ. Да. Владыка Павелъ утѣшалъ меня и поддерживалъ во многіе годы моего угнетеннаго положенія. Радъ бы былъ я утѣшить его по силѣ-возможности. Господь искусилъ его подъ конецъ вѣка. Онъ же не оставитъ насъ искуситься паче, еже можемъ понести.

Да, я забылъ! Конечно, въ бытность Государя въ Тифлисѣ, были разспросы и разговоры объ экзархѣ. Онъ же, мастеръ своего дѣла, привелъ Грузинъ въ восторгъ своею рѣчью Государю, въ которой назвалъ Грузію лучшею жемчужиною въ вѣнцѣ Русскаго Императора. Восторгъ былъ такъ великъ, что Грузинскія дамы посылали къ экзарху особую депутацію благодарить его за такую прекрасную оцѣнку значенія Грузіи. Конечно, это ему очень помогло, такъ какъ въ самые дни пребыванія Государя около экзарха образовался очень благопріятный для него шумъ... Очевидно, обстоятельства благопріятствовали, Богу тако изволившу.

Нѣсколько замѣтокъ, относящихся къ минувшему и къ настоящему 1889 году.

Помнится, на Масляной прошлаго года, 26 Февраля, по утру, въ Исакіевскомъ соборѣ синодалы толковали, что императоръ Вильгельмъ скончался, но нужно ждать еще подтвержденія. Думали, что не объявляютъ, чтобы не испортить свѣтлость праздника, дня рожденія Государя Императора Александра III-го. Не помню, въ тотъ ли самый день, не помню, на завтра ли, узнано, что Вильгельмъ скончался не 25, а именно 26, въ 8 съ половиной часовъ утра, въ самый день рожденія нашего Государя.. Во дворцѣ телеграмма получена была Гирсомъ, во время обѣдни. Я слышалъ отъ очевидца; всѣ, увидѣвъ, какъ подана была телеграмма, поняли, что великая жизнь кончилась. Что-то будетъ? Пока всѣ симптомы отношенія къ намъ, къ Россіи новаго императора, Фридриха III-го благопріятны. Нашъ Наслѣдникъ поѣхалъ въ Берлинъ. Дай-то Богъ! Не лучше ли было бы Пруссіи опираться на Россію, а Россіи на Пруссію. Тогда весь міръ былъ бы имъ не страшенъ.

Припоминаю, что первая моя привѣтственная рѣчь Государю Императору въ Елисаветградскомъ соборѣ, написанная на тему о пользѣ войны, была забракована Константиномъ Петровичемъ, оберъ-прокуроромъ, впрочемъ благожелательно, изъ опасенія, что можно произвести неблагопріятное впечатлѣніе, опасеніе, которое въ настоящихъ обстоятельствахъ, послѣ посѣщенія нашего Государя императоромъ Германскимъ

Вильгельмомъ III-мъ, теперь еще основательнѣе, и предостереженіе мнѣ теперь еще разумнѣе, чѣмъ когда либо. Нужно всячески, чтобы привѣтственная рѣчь не произвела неумѣстнаго, неблагопріятнаго впечатлѣнія.

2-го Января, въ 10 часовъ вечера скончался въ Одессѣ о. архимандритъ Владимиръ Терлецкій, послѣ весьма продолжительнаго недуга, напутствованный всѣми напутствіями церкви. Умеръ, какъ святой. Богъ долго приготовлялъ его къ блаженному успенію.

16 Января. Вчера совершили юбилейное торжество Павла Андреевича Троицкаго. Я наскоро провозгласилъ свою рѣчь. Юбиляръ прошепталъ: «осчастливили». Видѣлъ своего наставника по живописи, Солнцева, уже ветхаго старца. Видѣлъ своего наставника по Священному Писанію въ Петерб. Семинаріи, Павла Ивановича Савваитова, уже ветшающаго старца. При первомъ взглядѣ другъ на друга и онъ, и я чуть не расплакались. Мнѣ нужно было утирать слезы. «Посѣдѣлъ», прошепталъ онъ, взглянувъ на меня, «а мы что же?» Даже время старостью наклоняетъ головы, чтобы подсѣчь косою смерти. Невесело.

15 Февраля. Вчера были на обѣдцѣ у владыки митрополита Кіевскаго. Владыка Исидоръ не былъ прошенъ. Московскій Іоанникій не соизволилъ пожаловать. Присутствовали Варшавскій Леонтій, Херсонскій, Литовскій Алексій, преосв. Германъ, преосв. Василій, бывшій Тобольскій, преосв. викарій В., товарищъ оберъ-прокурора Н. П. С., В. К. С., С. В. Керскій, Тертій Ивановичъ Филипповъ, генералъ Бобриковъ и кое-кто еще. Обѣдецъ былъ во вкусѣ хозяина.

16 Марта. Сегодня похоронили о. іеромонаха Вячеслава (изъ нашихъ Херсонскихъ). Заболѣлъ разстройствомъ желудка, получилъ тифъ, но умеръ собственно отъ удара.

25 Апрѣля. Объявлено съ одной стороны, что въ половинѣ Іюня насъ отпустятъ совсѣмъ въ Одессу, а съ другой стороны, что имѣются въ виду нѣкоторыя особыя предположенія, пока не созрѣвшія, хотя и сильно двигаемыя. На дняхъ дѣло разъяснится.

7 Мая. Вчера удостоился отъ его выс-ства, митрополита Исидора высокой чести: благословенія литургисать въ Исакіевскомъ соборѣ. Слышалъ, что Цесаревичъ сдѣлался членомъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ. Дурново назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Великій Князь Константинъ Константиновичъ назначенъ президентомъ Императорской Академіи Наукъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО ФИЛАРЕТА [1]).

Всѣ исторіи, кромѣ библейской, невѣрны, ибо часто изъясняютъ событія совсѣмъ не своими дѣйствительными причинами. И въ автобіографіяхъ человѣкъ часто не знаетъ самъ, почему онъ такъ, а не иначе поступилъ, и освѣщаетъ себя ложнымъ свѣтомъ. Для меня уже прошло время. Мнѣ некогда, и при томъ я многое забылъ. Въ Петербургѣ я начиналъ писать о томъ, что̀ казалось болѣе примѣчательно; но опасно объ этихъ вещахъ и писать. А правда, что въ моихъ рукахъ бывали ключи отъ важныхъ событій, а нѣкоторыя обстоятельства такъ и остались загадками

Передъ двѣнадцатымъ годомъ правительство утратило довѣріе. Государя звали *глухимъ тетеревомъ*, императрицу Марію *коровницей*, и нѣкоторые — пока Наполеонъ былъ вдали—ждали его, какъ освободителя [2]). Тогда нѣкто Леонидъ, мой товарищъ по Троицкой лаврѣ, быв-

---

[1]) Записано его викаріемъ Леонидомъ Краснопѣвковымъ въ 1859 году. (См. „Душеполезное Чтеніе“ 1906 г. IX). Митрополитъ въ царствованіе Александра Николаевича словно ожилъ, сталъ менѣе стеречься властей и напримѣръ въ письмахъ къ архимандриту Антонію бывалъ откровененъ. Про великую княгиню Елену Павловну, пріѣзжавшую въ Москву и сносившуюся со старообрядцами. онъ выразился тогда, что она всегда отличалась любознательностью „нынѣ и предпріимчивостью“. По его требованію, остановлено было въ „Свѣточѣ“ печатаніе протоколовъ Петровскаго „всешутѣйшаго собора“, а когда зашла рѣчь о томъ, что у Бодянскаго, въ Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и древностей, проскользнуло упоминаніе о томъ, что Елисавета Петровна появилась на свѣтъ Божій до брака своихъ родителей, онъ выразился при пишущемъ эти строки и, можетъ быть, съ цѣлью преподать ему наставленіе: „Къ чему это? Вѣдь не всѣ же части нашего тѣла мы обнажаемъ“. Филаретъ, почтивъ вниманіемъ своимъ „Русскій Архивъ“, изъявилъ желаніе побесѣдовать съ его издателемъ, который никогда не забудетъ этой двукратной бесѣды. П. Б.

[2]) Покойная А. П. Васильчикова (ур. Архарова) передавала намъ, что въ 1812 году общественное настроеніе было очень тревожно, и въ гостиныхъ шопотомъ говорили объ устраненіи Александра Павловича и приглашеніи на престолъ Екатерины Павловны изъ Твери, гдѣ у нея гащивали Карамзинъ и графъ Растопчинъ. Сличи Записки графини Эдлингъ (въ I-й книгѣ „Р. Архива“ 1887 г.) о посѣщеніи Казанскаго собора въ 1812. П. Б.

шій потомъ подъ руководствомъ преосвященнаго Ѳеофилакта наставникомъ словесности, сказывалъ мнѣ: «будетъ тайное ополченіе, и преосвященный Ѳеофилактъ пойдетъ въ тайное ополченіе». Чтò за тайное ополченіе—это и до сихъ поръ осталось загадкою. Но вотъ я хорошо другое знаю. Напримѣръ, постепенность обращенія императора Александра къ вѣрѣ. Онъ получилъ совершенно философское образованіе и чуждъ былъ вѣрѣ. Товарищъ его дѣтства князь А. Н. Голицынъ тоже не имѣлъ ея. Когда Императоръ назначилъ его оберъ-прокуроромъ, онъ сказалъ: «Какой я оберъ-прокуроръ Синода? Вы знаете, что я не имѣю никакой вѣры». — «Ну полно, шалунъ, остепенишься». — «Когда же—говорилъ послѣ Голицынъ—я увидѣлъ, что члены Синода дѣлами занимаются серьезно и не какъ ремесломъ, а съ убѣжденіемъ: то мало-по-малу и самъ сталъ серьезнѣе, почтительнѣе относиться къ дѣламъ вѣры и Церкви; когда черезъ годъ или два спросилъ себя, «вѣрую ли я», то увидѣлъ, что вѣрую, какъ вѣровалъ въ дѣтствѣ, наученный бабушкою, хотя иностранное и придворное общество такъ удалило меня отъ вѣры, что изъ всѣхъ уроковъ бабушки остался одинъ: перекреститься, ложась въ постель». Голицынъ и гофмейстеръ Кошелевъ старались какъ-нибудь направить Государя и дали прочитать на Французскомъ книгу, гдѣ философскимъ путемъ доказана необходимость христіанства и объяснены главные его догматы, хотя ни догматы его, ни оно само не названы по имени. Эта книга произвела на Государя впечатлѣніе, но все еще въ историческое христіанство онъ не вѣровалъ. Когда пришелъ двѣнадцатый годъ, тутъ онъ сталъ молиться. На дорогу ему, когда ѣхалъ въ Финляндію на свиданіе съ наслѣдникомъ-принцемъ Шведскимъ, Голицынъ успѣлъ дать въ руки Новый Завѣтъ. По тогдашнимъ тамъ дорогамъ надо было ѣхать въ дрожкахъ: Государь и читалъ дорогою посланія апостола Павла, которыя нравились своимъ ученіемъ; его, какъ имѣющаго направленіе философское, они плѣнили. Да неужели вы прежде въ церкви ничего не слыхали?— «Да въ церкви, во-первыхъ, діаконы орутъ такъ, что ничего нельзя разобрать; а во-вторыхъ, я тугъ на ухо». Съ тѣхъ поръ принято было имъ за правило читать главу изъ Ветхаго или Новаго Завѣта и изъ Апокалипсиса ежедневно, такъ что Апокалипсисъ прочитывался чаще.

Я вижу надъ архіереями особенный промыслъ Божій.

Митрополитъ Гавріилъ былъ человѣкъ очень умный, но не развитой и для занятій серьезныхъ неприготовленный. Его книга о Церкви и таинствахъ не показываетъ въ немъ учености, хотя въ то время первенствующій членъ Синода не имѣлъ столько занятій, какъ нынѣ,

и могъ удѣлять время на ученый трудъ; но онъ былъ отлично-практическій человѣкъ. Странное было въ немъ сочетаніе: онъ любилъ монашество и самъ былъ хорошій монахъ. На Валаамѣ, особенно на Каневцѣ, онъ устроилъ монашество назидательное изъ ничего; но въ то же время онъ былъ философъ. Его 3 или 4 проповѣди были изданы: это философскіе афоризмы. Но этотъ философскій духъ и былъ особенно пригоденъ для того времени. Императрица (Екатерина II) имѣла тоже философское направленіе, и вотъ почему онъ имѣлъ на нее вліяніе; она признавала его на совѣтъ въ научныхъ случаяхъ и посвятила ему переводъ Мармонтелева Велизарія, сдѣланный во время плаванія по Волгѣ. Онъ просидѣлъ надъ нею [1]) сутки. Одни говорятъ, что она не очнулась, а другіе, что онъ воспользовался минутой возвращенія сознанія и пріобщилъ ее [2]).

По вступленіи на престолъ Павла нуженъ былъ инокъ дѣятельный. У Государя былъ характеръ живой и сильная воля; при немъ нужна была живость и находчивость: иногда указъ требовалъ исполненія быстраго, но и изворотливости, чтобы не скомпрометировать правительство и подвергнуть себя гнѣву. На это былъ способенъ Амвросій. Онъ не имѣлъ сильныхъ дарованій, но былъ человѣкъ практическій и живой. Митрополитъ Гавріилъ отъѣхалъ на лѣто въ Новгородъ. За нимъ сталъ Амвросій, Государь въ это время его узналъ короче прежняго. Гавріилъ по возвращеніи замѣтилъ холодность Государя, отпросился на жительство въ Новгородъ, и мѣсто его заступилъ Амвросій, и Павлово время для церковнаго управленія было самое спокойное. Былъ одинъ только случай съ Вологодскимъ архіереемъ, угодливо рѣшенное дѣло объ открытіи мощей Ѳеодосія Тотемскаго, которое вообще поспѣшно было ведено.

Но при новомъ Государѣ Амвросій оказался неудовлетворительнымъ. Тутъ шли преобразованія, которымъ онъ не сочувствовалъ, и всегда былъ одинъ со своимъ голосомъ, хотя въ его залѣ собирался комитетъ. Какъ Сперанскій думалъ дать устройство училищамъ Нѣмецкое и какъ многое въ проектахъ было оскорбительно для религіозныхъ убѣжденій митрополита, то и трудно было ему сочувствовать; впрочемъ онъ оказалъ большую услугу Церкви тѣмъ, что

---

[1]) Т. е. надъ пораженною ударомъ Екатериною. П. Б.

[2]) Вотъ дополнительная черта къ той картинѣ происходившаго въ Зимнемъ дворцѣ 5 и 6 Ноября 1796 года, которая оставлена намъ графомъ Ростопчинымъ (см. VIII книгу „Архива Князя Воронцова“). П. Б.

твердо сидѣлъ на своемъ мѣстѣ. Въ то время сталъ подыматься Ѳеофилактъ, человѣкъ съ свѣтскимъ направленіемъ. Онъ поддѣлывался къ Голицыну, Сперанскому и старался дать себѣ значеніе; его кліентъ іеромонахъ Леонидъ говорилъ: Смотрите, какую преосвященный Ѳеофилактъ имѣетъ легкую походку; это потому, что учился хорошо ходить. Когда куда ѣдетъ, онъ узнаётъ заранѣе, съ кѣмъ встрѣтится тамъ и обдумаетъ, что̀ съ кѣмъ говорить, даже читаетъ книги о тѣхъ предметахъ, о которыхъ въ извѣстномъ обществѣ принято будетъ начать разговоръ. Поэтому онъ очень нравился... Старались всячески раздражать митрополита; тотъ видѣлъ это, но говорилъ: не самъ я поставилъ себя на это мѣсто, не самъ и сниму себя съ этого мѣста. Мало-по-малу Ѳеофилакта узнали, проводили его сначала для обозрѣнія пострадавшихъ отъ непріятеля епархій, а потомъ и въ Рязань, и Императоръ, не любившій его [1]), сталъ со временемъ уважать его. (Способности его преемника Михаила были выше).

И нынѣшній митрополитъ [2]) дѣйствуетъ съ пользою, ибо дѣйствуетъ искренно. Другой не сдѣлалъ бы то, что̀ онъ дѣлаетъ, не сказалъ бы, что̀ онъ скажетъ, и надобно, чтобы онъ остался. Книга его о расколѣ совершенно удовлетворила требованіямъ. Жаль только, что онъ менѣе надлежащаго обращаетъ вниманія на дѣла Синода, погруженный въ дѣла ученыя, не любитъ принимать, и доступъ къ нему труденъ. Человѣкъ, не стоющій довѣрія, секретарь имъ овладѣлъ. Но избави Богъ, если онъ сойдетъ со своего мѣста.

---

[1]) Т.-е. Амвросія.
[2]) Григорій. Воспоминанія относятся къ 1859 году. П. Б.

ИЗЪ ПИСЕМЪ А. Я. БУЛГАКОВА КЪ ЕГО ДОЧЕРИ КНЯГИНѢ О. А. ДОЛГОРУКОЙ *).

1835.

Moscou, le 17 Octobre 1835.

J'ai été à la vérité trois jours fort gai et tranquille sur l'état de mon frère, mais depuis Sophie m'a écrit que la fièvre lui était revenu. Je travaillé à me mettre dans un état au quel je ne pourrais jamais atteindre, c'est de ne pas me désoler des nouvelles fâcheuses, ni de me trop réjouir des bonnes, car cela varie continuellement, et ces secousses de l'âme l'use prodigieusement. Dieu m'a envoyé une bien cruelle croix, et je Lui demande la force de la supporter. Mais point de lettres. Celles d'aujourd'hui je les attends avec un sentiment bien pénible. Je ne sais si je dois espérer ou craindre. Priez Dieu, mes chers amis! Vous avez parfaitement deviné ce que j'ai écrit au p-ce Galitzine ou peut-être me suis. je trahi en vous écrivant avec franchise et abandon et surtout vous connaissant discrète. Je vous assure que c'eût été mon désir de faire une visite à mon frère, mais il faut pour cela qu'il soit presque tout à fait remis. Ces scènes de sensibilité ne valent rien pour un homme relevant à peine d'une grande maladie. Moi-même je ne saurais pas me maîtriser et pourrais lui faire du mal.

Adieu, chère amie. Je baise les mains de l'excellente maman. Mad. Junot № 18 lui fera plaisir; il y a les visites de l'empereur Alexandre qui sont très intéressantes, mais comme elle ment!

Переводъ.

Москва, 17 Октября 1835.

Дѣйствительно, три дня я былъ очень веселъ и покоенъ относительно состоянія здоровья брата, но послѣ того Соня мнѣ писала, что у него снова была лихорадка. Я стараюсь привести себя въ такое состояніе, какого никогда не смогу достигнуть, а именно: не приходить въ отчаяніе отъ непріят-

---

*) См. выше, стр. 94.

ныхъ извѣстій и не черезчуръ радоваться хорошимъ вѣстямъ, такъ какъ онѣ постоянно чередуются, а эти душевныя потрясенія страшно изнуряютъ. Тяжелый крестъ послалъ на меня Господь, молю Его дать мнѣ силы нести его. А писемъ нѣтъ; сегодняшнихъ жду съ очень тяжелымъ чувствомъ. Не знаю, надѣяться ли или страшиться. Молитесь Богу, дорогіе друзья мои! Ты совершенно вѣрно угадала, о чемъ я писалъ кн. Голицыну, или быть можетъ я самъ проговорился когда писалъ тебѣ откровенно, зная, какая ты благоразумная. Увѣряю тебя, моимъ желаніемъ было бы навѣстить брата; но для этого нужно, чтобы онъ почти совсѣмъ оправился. Чувствительныя сцены совсѣмъ не годятся для человѣка, едва оправляющагося отъ серьезной болѣзни. Я и самъ не сумѣю владѣть собой и могу ему повредить. Прощай, дорогой другъ. Цѣлую ручки чудесной маменьки. Мад. Жюно, № 18, доставитъ ей удовольствіе; тамъ очень интересны посѣщенія императора Александра, но какъ она вретъ!

Moscou, le 20 Octobre 1835.

J'ai des nouvelles satisfaisantes de mon frère; la lettre de Sophie d'hier m'a fait bien du plaisir: mon frère, qui mangeait avec dégoût et par force, commence à voir de l'appétit; il passait les nuits blanches et ne sommeillait que le jour par intervalles, maintenant il dort les nuits; or le sommeil et la nourriture sont deux points très importants pour les hommes en général et encore plus pour les malades. Il est fâcheux que le pauvre Savenko soit dans la peine, car il a son enfant qui se meurt des dents, et cela tracasse aussi mon frère qui demande continuellement des nouvelles de la petite Savenko.

Avant de vous parler de Moscou, je vous remercie pour votre lettre du 15. Oui, ma chère, il faut avouer que notre Empereur est un homme extraordinaire; rien ne lui échappe, avec les intérêts de l'Europe sur les bras, entre deux têtes couronnées, entouré de 27 princes régnants, il n'oublie pas un de ses sujets malade et un sujet si subalterne. Rien ne lui échappe. Voyez cette course à Vienne qu'il fait à l'insu de tout le monde. Il assure qu'il va expédier un courrier à Vienne, prend les lettres de l'empereur Ferdinand du p-ce Metternich et les porte lui-même à l'impératrice, douairière et à la p-sse Metternich. Ce voyage a ensorcelé les Viennois, ils sont fous de notre Empereur. Vous trouverez dans les journaux des détails intéressants sur ce voyage. Quel plaisir j'aurai de revoir notre bien aimé Souverain, il me semble qu'on l'aime chaque fois plus et qu'on est payé pour cela.

Переводъ.

Москва, 20 Октября 1835.

Имѣю удовлетворительныя извѣстія о братѣ, вчерашнее письмо Сони очень меня порадовало: братъ, который ѣлъ съ отвращеніемъ и насильно, начинаетъ получать апетитъ; прежде онъ проводилъ безсонныя ночи и только

днемъ дремалъ съ перерывами, теперь же онъ спитъ ночью, а вѣдь сонъ и пища два очень существенные вопроса для людей вообще, а тѣмъ болѣе для больныхъ. Прискорбно, что у бѣднаго Савенки бѣда: его ребенокъ при смерти боленъ отъ прорѣзыванія зубовъ, и это тревожитъ также брата, который постоянно спрашиваетъ о здоровьѣ малютки Савенки.

Прежде чѣмъ говорить о Москвѣ, благодарю тебя за письмо отъ 15-го. Да, дорогая моя, нужно признать, что нашъ Государь человѣкъ необыкновенный. Ничто отъ него не ускользаетъ; имѣя на рукахъ интересы Европы, будучи между двумя вѣнценосцами, окруженный 27 владѣтельными принцами, онъ не забываетъ своего больного подданнаго, да еще такого подначальнаго подданнаго. Ничто отъ него не ускользаетъ. Ты посмотри эту поѣздку въ Вѣну, которую онъ совершилъ такъ, что никто объ этомъ не зналъ. Онъ увѣряетъ, что сейчасъ отправитъ курьера въ Вѣну, беретъ письма императора Фердинанда, князя Меттерниха и самъ отвозитъ ихъ къ вдовствующей императрицѣ и княгинѣ Меттернихъ. Эта поѣздка обворожила Вѣнцевъ, они безъ ума отъ нашего Государя *). Въ газетахъ ты найдешь интересныя подробности объ этой поѣздкѣ. Какое для меня будетъ удовольствіе снова увидѣть нашего Монарха; мнѣ кажется, что съ каждымъ разомъ его любишь все больше и бываешь вознагражденъ за это.

Moscou, le 21 Octobre 1835.

Lord Durham occupe tout le monde. J'ai dîné avec lui et un choix des principaux personnages de la ville chez le prince Dmitri, hier. Je lui trouve une figure expressive et sentimentale. Le prince m'a présenté à lui, et nous avons causé, chose dont il s'aquitte très bien en français; il y a beaucoup de douceur dans sa conversation et on ne croirait pas que c'est le même bilieux, quant il attaque ses adversaires moins liberaux que lui. Le prince a porté la santé de S. M. le roi de la Gr. Bretagne et à son amitié avec notre Empereur; tout le monde était debout. Ensuite Durham prit un verre, se leva et prononça le toast suivant que j'ai bien retenu: à la prospérité de la *nation* russe et à l'union entre *les deux gouvernements* d'Angleterre et de Russie. Cette affectation de parler de la nation et de ne nommer ni son roi ni notre Empereur m'a frappé. La princesse était la seule dame avec nous, et il a été trés aimable et causant avec elle. Il y avait Ив. Вас. Тутолминъ, le p-ce Serge Gallitzin, le p-ce Serge Gagarine, Дмитріевъ, le g-l Lévachoff, Neidgardt, Ozéroff, Léon de Yacovleff, Тучковъ, le c-te Goudowitch, Massalsky, Strogonoff, le p-ce André Gortchakoff et moi. C'est Novossiltzeff qui l'accompagne partout. Le soir il a été aux Français. Ce soir il y a eu grande soirée chez Goudowitch, mais Durham n'y vint pas; et son secrétaire vint faire ses excuses; il est malade, dit-on. Je n'ai fait qu'une apparition; il y avait assez de monde et beaucoup de demoiselles qui s'ennuyaient, car il ne fut pas possible d'organiser même un quadrille faute de cavaliers. Mad. Kiréeff était

*) Въ замкѣ Фаллѣ подъ Ревелемъ имѣется относящійся къ этому времени рѣдкій литографированный портретъ Николая Павловича во фракѣ. П. Б.

très belle, puis les Tchetwertinsky, Bering, Bodé, mad. Lanskoy C. П. avec sa fille, les Scherbatoff et tout ce qui s'en suit. La p-sse Goudowitch m'a tout de suite demandé des nouvelles de sa favorite, de son amour, de *vous* enfin et si vous viendriez ici pour le séjour de l'Empereur? J'ai répondu que probablement non, car comme il n'y aurait pas de soirée l'Empereur ne restant que deux jours, vous n'auriez pas l'occasion de voir S. M. et par conséquent il n'y aurait pas de but pour venir.—Mais je suppose qu'il y aura une assemblée?—Mais ce n'est qu'une supposition, elle ne répliqua rien et c'est ce que je dis à tous ceux qui me demandent si vous viendrez ici. Le bruit a couru que l'Impératrice viendrait ici faire une surprise à l'Empereur et le recevoir au palais; celle vient même d'une assez bonne source, mais je ne crois pas la chose probable. Faites vous raconter par Démidoff la pièce donnée pour le bénéfice de la Répine, Иванъ Савельичъ, on jase beaucoup de cela ici; il y a beaucoup de mécontents, car on a représenté въ натурѣ à se méprendre m-r Бачмановъ, le p-ce Chalikoff, m-lle Zachariefsky, mon petit Coco, et d'autres personnes connues. Parmi les mécontents il y a Савельичъ lui-même qui est allé dire à Zagoskine: какъ ты глупъ, Мишенька! ужъ ежели ты хотѣлъ меня вывести на сцену, то лучше бы пустилъ меня самого, я самъ себя лучше всѣхъ бы представилъ, а не то выучилъ бы твоего актера всѣмъ моимъ ужимкамъ и ухваткамъ. On croit cependant que cette pièce sera défendue.

D'après les lettres d'avant-hier et hier mon frère était dans le même état. Алек. Петр. sort de chez moi; son avis est qu'il faudrait pendant quelques jours ne pas droguer mon frère et laisser agir la nature, il dit le plus grand bien du vieux Bouch que Savenko a aussi associé à Rauch, il est habile, sage et expérimenté.

Переводъ.

Москва, 21 Октября 1835.

Лордъ Дюргамъ занимаетъ всѣхъ. Вчера у кн. Дмитрія я обѣдалъ съ нимъ и избранными изъ первыхъ лицъ въ городѣ. Я нахожу, что у него лицо выразительное и приторно-чувствительное. Князь представилъ меня ему, и мы бесѣдовали; онъ отлично справляется на Французскомъ языкѣ, въ его разговорѣ много мягкости, и трудно повѣрить, что это тотъ самый желчный человѣкъ, нападающій на своихъ менѣе его либеральныхъ противниковъ. Князь пилъ за здоровье е. в. короля Великобританіи и за его дружбу съ нашимъ Государемъ; всѣ стояли. Затѣмъ Дюргамъ взялъ бокалъ, всталъ и провозгласилъ слѣдующій тостъ, который я хорошо запомнилъ: за процвѣтаніе Русскаго *народа* и за союзъ между *обоими правительствами*, Англійскимъ и Русскимъ. Преднамѣренность, съ какою онъ говорилъ о народѣ, не упомянувъ ни о своемъ королѣ, ни о нашемъ Государѣ, поразила меня. Княгиня была единственная дама между нами, и онъ былъ очень любезенъ и разговорчивъ съ нею. Были тамъ: Ив. Вас. Тутолминъ, кн. Сергѣй Го-

лицынъ, кн. Сергѣй Гагаринъ, Дмитріевъ, генер. Левашевъ, Нейдгартъ, Озеровъ, Левъ Яковлевъ, Тучковъ, гр. Гудовичъ, Масальскій, Строгановъ, кн. Андрей Горчаковъ и я. Новосильцевъ всюду сопровождаетъ его. Вечеромъ онъ былъ во Французскомъ театрѣ. Сегодня былъ большой вечеръ у Гудовича, но Дюргамъ не пріѣхалъ; секретарь его пріѣзжалъ съ извиненіемъ за него; говорятъ, онъ нездоровъ. Я только показался; народу было порядочно и много барышень, которыя скучали, такъ какъ за недостаткомъ кавалеровъ невозможно было устроить даже кадриль. Кирѣева была очень хороша, потомъ Четвертинскія, Берингъ, Боде, Ланская, В. И. съ дочерью, Щербатова и всѣ проч. Княгиня Гудовичъ тотчасъ спросила меня про свою любимицу, свою любовь, словомъ про *тебя* и про то, пріѣдешь ли ты сюда на время пребыванія здѣсь Государя? Я отвѣтилъ, что вѣроятно нѣтъ, въ виду того, что Государь пробудетъ здѣсь всего два дня, вѣроятно вечера не будетъ, и ты не будешь имѣть случая видѣть Е. В., а слѣдовательно не будетъ и цѣли пріѣзжать.—Но я предполагаю, будетъ собраніе?—Это только предположеніе.—Она ничего не возразила, а я тоже отвѣчаю всѣмъ кто спрашиваетъ, пріѣдешь ли ты. Прошелъ слухъ, будто Императрица пріѣдетъ сюда, чтобы сдѣлать Государю сюрпризъ и встрѣтить его во дворцѣ; это исходитъ даже изъ довольно вѣрнаго источника, но я не думаю, чтобы это было вѣроятно. Заставь Демидова разсказать тебѣ пьесу, которую поставили для бенефиса Рѣпиной, „Иванъ Савельичъ". Здѣсь много болтаютъ объ этомъ, много есть недовольныхъ, такъ какъ изображены въ натурѣ до того, что можно ошибиться: Бачмановъ, кн. Шаликовъ, m-lle Захарьевская, мой маленькій Коко и другія извѣстныя лица. Между недовольными самъ Савельичъ, который отправился сказать Загоскину.... Однакожъ думаютъ, что эта пьеса будетъ запрещена.

Судя по письмамъ отъ третьяго и вчерашняго дня, братъ находился въ томъ же положеніи. Сейчасъ отъ меня вышелъ Алек. Петр.; по его мнѣнію, въ теченіе нѣсколькихъ дней не слѣдовало бы брату давать лекарствъ, а предоставить натурѣ дѣйствовать; онъ очень хорошо отзывается о старомъ Бушѣ, котораго Савенко тоже пригласилъ вмѣстѣ съ Раухомъ, онъ искусный, благоразумный и опытный.

Moscou, le 24 Octobre 1835.

Je suis mal monté aujourd'hui, ma chère Olga. Vous savez d'où me viennent toutes mes joies et toutes mes peines depuis quelque temps et je n'ai rien de consolant de mon frère. Je ne conçois rien à cette obstination de la fièvre qui revient toujours et doit l'épuiser horriblement. La nature aide les médecins, puisque l'appétit revient avec le sommeil, et cependant la convalescense n'avance pas. Les soins, le savoir ne manquent pas, puisque outre Savenko il y a Rauch et Bousch, hommes de grande expérience et savoir, et cependant le malade est toujours dans le même état, et cette fièvre ne peut que lui enlever ses dernières forces. Le courage, je vous assure, m'abandonne pour céder la place au désespoir. Je n'ai rien qui me soutienne au fond de mon coeur, et je crains jusqu'aux lettres de Pétersbourg, je ne désire pour ça plus la poste et décachette les lettres avec effroi. Je vous jure que cet état est bien violent et accablant. Enfin je veux vous épargner la description de

mon état pour ne pas vous affliger. Ce sont en vérité les moments les plus tranquilles pour moi que ceux que je passe à vous écrire et à recevoir de vos nouvelles. Les demandes que tout le monde me fait me font du mal, je suis comme changé. J'avais peur de Faste avant à cause de sa manière de voir les choses si noires, si désespèrées, et à présent je le préfère aux autres, c'est comme si il me soulageait en me faisant de la peine. Qu'avons nous donc fait à Dieu pour qu'Il soit sans pitié pour nous? Aujourd'hui pas de nouvelles, je ne sais si demain la poste viendra avant que je ne vous ai expédié celle-ci. Laissons plutôt ce sujet si triste, surtout pour la nuit; je ne m'endors jamais avant 3 ou 4 h. du matin, quoique je lise jusqu'à avoir mal aux yeux.

Que vous dire de nouveau? Depuis Kieff nous ne savons rien de l'Empereur, mais ce qui vous intéressera beaucoup, vous et la maman, qui savez rendre justice au caractère noble, franc et ferme de l'Empereur, c'est son audience aux députés Polonais à Varsowie. Puisque j'ai du temps, je vais vous conter cela, c'est dommage qu'on ne puisse pas mettre cela dans ces gazettes. Il faut savoir que l'Empereur ne voulait pas aller à Varsovie disant: они того не стоятъ! mais le m-l Paskewitch ayant beaucoup prié l'Empereur, S. M. a voulu qu'on sache combien était grande sa déférence pour le maréchal, et il consentit. Dès que cela fut connu, toutes les voyewodies du royaumes choisirent des députés pour complimenter l'Empereur qui fixa une heure pour leur réception avec beaucoup d'appareil. L'Empereur paraît; à peine le plus avancé eut-il prononcé Sire! que l'Empereur, l'arrêtant de la main, dit: je devine à peu près ce que vous allez me dire, des louanges, des protestations; laissez moi plutôt parler *moi*. Les députés s'inclinèrent, l'orateur se tut, et l'Empereur continuant: les salutations que vous m'avez faites en 1829 et avant à l'Empereur mon défunt frère et votre bienfaîteur, étaient bien plus profondes encore que celle-ci et vous vous êtes révoltés l'année suivante.... pourquoi?..... parce que la Pologne était un des pays les plus heureux de l'Europe, parce que votre commerce prospérait au détriment de celui de la Russie!... Je ne vous conseille pas de vous révolter encore une fois, car j'aurai alors les bras dégagés pour agir comme il me plaira....... ne comptez pas sur l'appui de la France, ni des autres puissances... Qu'ont-elles fait pour vous soutenir? Rien! tout est retombé sur vous seuls, et il n'y a d'heureux parmi les Polonais que ceux, qui sont restés fidèles à leur serment, les autres courent le monde comme des Juifs errants, et leurs noms sont attachés à toutes les conspirations qui se trament en Europe. Je vous répète...... Votre bonheur, celui de la Pologne, vous ne pouvez l'espérer, l'obtenir que *de*

moi, de moi seul! J'aurais continué l'oeuvre de mon défunt frère, vous seriez heureux, riches et tranquilles; mais vous avez préféré inonder la Pologne de sang et mériter la malédiction de vos concitoyens et de la postérité. Je vous ai parlé sans détour et sans colère, je n'ai pas de rancune et ne confonderai jamais les instigateurs avec les malheureuses victimes de votre révolte. Retournez chez vous, vivez en paix, parlez de vos besoins au maréchal, il est là pour vous écouter et moi pour cicatriser vos plaies. Сказавъ, поклонился, повернулся и ушелъ, оставивъ тѣхъ окаменѣлыми. Депутаты бросились къ Паскевичу; такъ какъ они были выбраны между людьми намъ преданными, то ихъ это опечалило, и они желали оправдаться; но Государь велѣлъ имъ сказать, что они не должны сомнѣваться въ его благоволеніи, что слова его не относились къ лицамъ ихъ, но ко всему народу Польскому, который они представляли въ семъ случаѣ. Много надѣлало это тревоги въ Варшавѣ, и я увѣренъ, что эти *безмозглые* одумаются, а я бы у Государя разцѣловалъ ножки. Tout ce qu'il fait est si sage! Продли Богъ вѣкъ его для блага не насъ однихъ, но цѣлой вселенной, коей онъ благодѣтельный геній.

Переводъ.

Москва, 24 Октября 1835.

Сегодня я въ дурномъ настроеніи, дорогая Ольга; тебѣ извѣстно, откуда съ нѣкоторыхъ поръ всѣ мои радости и печали, а я не имѣю ничего утѣшительнаго относительно брата. Не понимаю, что это за упорная лихорадка, которая все возвращается и должна страшно истощать его. Натура помогаетъ докторамъ, такъ какъ со сномъ возвращается и аппетитъ, а между тѣмъ выздоровленіе не подвигается. Въ уходѣ, знаніи нѣтъ недостатка, такъ какъ помимо Савенко его лѣчатъ Раухъ и Бушъ, люди большого опыта и знанія, а между тѣмъ больной все въ томъ же положеніи, и эта лихорадка можетъ только отнять у него послѣднія силы. Увѣряю тебя, я теряю бодрость духа, которую замѣняетъ отчаяніе. Нѣтъ ничего въ глубинѣ души моей, что̀ поддерживало бы меня, и я боюсь даже писемъ изъ Петербурга, поэтому больше не жажду почты и распечатываю письма съ ужасомъ. Клянусь тебѣ, такое состояніе очень мучительно и тяжело. Однако я избавлю тебя отъ описаній моего состоянія, дабы тебя не огорчать. Поистинѣ, самое спокойное для меня время то, которое я провожу за письмами къ тебѣ или отъ тебя. Вопросы, обращаемые ко мнѣ всѣми, мучительны для меня. Я точно измѣнился. Прежде я боялся Фаста изъ-за его мрачнаго, безнадежнаго взгляда на все, а теперь предпочитаю его другимъ: доставляя мнѣ огорченія, онъ точно облегчаетъ меня. Чѣмъ же мы согрѣшили передъ Богомъ, что Онъ такъ безжалостенъ къ намъ! Сегодня извѣстій нѣтъ; не знаю, придетъ ли завтра почта раньше, чѣмъ я отправлю эту почту. Лучше прекратимъ столь грустный разговоръ, особенно на ночь; я никогда не засыпаю раньше 3 или 4 часовъ утра, хоть и читаю до боли глазъ.

Что̀ сказать тебѣ новаго? Послѣ Кіева мы ничего не знаемъ о Государѣ; но что̀ тебѣ и маменькѣ Кальмъ будетъ очень интересно, вамъ, умѣю-

нимъ отдавать должное благородному, прямому и твердому характеру Государя, это его ауденція Польскимъ депутатамъ въ Варшавѣ. Такъ какъ у меня есть время, разскажу тебѣ; жалко, что нельзя этого помѣстить въ газетахъ. Нужно знать, что Государь не хотѣлъ ѣхать въ Варшаву, говоря: они того не стоятъ! Но Паскевичъ очень объ этомъ просилъ Государя, и Е. В. пожелалъ, чтобы было извѣстно, насколько онъ уважаетъ фельдмаршала, и согласился. Какъ только это стало извѣстно, всѣ воеводства царства Польскаго избрали депутатовъ для привѣтствія Государя, который назначилъ часъ для ихъ пріема съ большимъ великолѣпіемъ. Показывается Государь; едва впереди стоящій произнесъ „Ваше Величество", какъ Государь, остановивъ его рукой, сказалъ: „Я приблизительно угадываю, что̀ вы собираетесь мнѣ сказать, восхваленія, обѣщанія. Лучше дайте, *я самъ* буду говорить". Депутаты поклонились, ораторъ смолкъ, а Государь продолжалъ: „Поклоны, съ которыми вы являлись ко мнѣ въ 1829 году и раньше къ Государю, покойному брату моему, а вашему благодѣтелю, были гораздо ниже еще, чѣмъ теперь, а въ слѣдующемъ году вы возстали..... отчего?..... оттого, что Польша была однимъ изъ самыхъ счастливыхъ краевъ Европы, оттого, что ваша торговля процвѣтала въ ущербъ торговли Россіи!..... Не совѣтую вамъ еще разъ возставать, потому что въ такомъ случаѣ у меня будутъ руки развязаны, чтобы поступить какъ пожелаю.... Не разсчитывайте на поддержку Франціи или другихъ державъ..... Что̀ онѣ сдѣлали, чтобы поддержать васъ? Ничего! Все пало на васъ однихъ, и между Поляками счастливы только тѣ, которые остались вѣрными своей присягѣ, остальные скитаются по бѣлу-свѣту какъ вѣчные Жиды, и имена ихъ связаны со всѣми заговорами, затѣваемыми въ Европѣ. Повторяю вамъ... свое счастье, счастье Польши, вы можете ожидать и получить только отъ *меня*, отъ *меня одного*! Я продолжалъ бы дѣло моего покойнаго брата, вы были бы счастливы, богаты и покойны; но вы предпочли залить Польшу кровью и заслужить проклятіе своихъ согражданъ и своего потомства. Я говорю съ вами безъ околичностей и безъ гнѣва, у меня нѣтъ злопамятства, и никогда я не буду смѣшивать подстрекателей съ несчастными жертвами вашего возстанія. Вернитесь къ себѣ, живите въ мирѣ, обращайтесь со своими нуждами къ фельдмаршалу; онъ здѣсь для того, чтобы выслушивать васъ, а я—чтобы залѣчивать ваши раны". Все, что̀ онъ дѣлаетъ—такъ мудро!

Moscou, le 28 Octobre 1835.

L'Empereur est arrivé ici Samedi à 11 heures et demie du soir en parfaite santé. Il a fait le trajet de Серпуховъ à ici en traîneau et en 3 heures et quart. C'est prodigieux. Aussi toute la suite est restée en arrière. De Toula à Серпуховъ l'Empereur a voyagé en перекладная. Je le trouve maigri, pas tant de la figure que du corps; il n'a plus ses hanches, et les cuisses se sont amincies, ce qui ne gâte rien au bel homme. Malgré la neige qui tombait, l'Empereur est allé à pied à la cathédrale, entouré, comme toujours, d'une foule innombrable de peuple qui criait ура. Comme je n'aime pas à me fourrer devant, S. M. ne m'a pas remarqué; au reste son passage dans les salles était si rapide qu'il n'a eu que le temps de dire deux mots au g-l Ermoloff et au vieux Мухановъ. L'Empereur a dîné chez le p-ce Dmitri. On ne sait pas encore combien il restera ici, mais le bruit sur l'arrivée de l'Impé-

ratrice, bruit sans aucun fondement, c'est tellement accrédité, que même le p-ce Dmitri me demandait si c'était vrai. On ne savait pas hier s'il y aurait présentation et quelque réunion pour S. M., et ce matin je n'ai pas encore vu Benkendorf. Il m'a tout de suite demandé de vous, Olga: что̀ *моя* т. е. наша, car le *моя* serait trop beau, что̀ наша красавица, mad. Olga? Ce qu'on raconte du séjour de l'Empereur dans l'étranger est merveilleux et tout-à-fait intéressant. Le c-te B. m'a dit qu'il est impossible de donner une idée de l'enthousiasme que l'Empereur a imprimé à Vienne par son arrivée subite dans cette ville; je vous conterai des anecdotes charmantes sur cela. Il n'y avait encore ici hier que le p-ce Souvoroff, Gresser, Rauch et Adlerberg, dont la figure a tout-à-fait changé depuis qu'il porte de grosses barbiches.

J'ai Dieu merci de bonnes nouvelles à vous donner sur mon frère, d'après la lettre d'hier de Sophie; il a été un jour sans avoir de la fièvre et a passé une excellente nuit. Si cela pouvait seulement continuer! Je n'ose plus m'abandonner à l'espérance, elle a été tant de fois vaine.

L'Empereur est un peu préoccupé; on dit que l'Impératrice est un peu indisposée s'étant refroidie au théâtre Alexandre.

Un arrivé de Pétersbourg et qui a parlé à Bouch, qui est son parent, tient de lui qu'il ne faut pas s'inquiéter de l'état de К. Я., mais qu'il faut lui donner bien des soins. Cela m'a beaucoup tranquillisé. J'enverrai votre remède, j'en ai eu un dans ce genre hier de Над. Серг., et je l'ai déjà envoyé à mon frère.

Вотъ тебѣ на! Давеча я былъ у гр. Бенкендорфа, онъ ничего не зналъ объ отъѣздѣ, но правда, что только что всталъ съ постели и Государя еще не видалъ, а теперь велѣлъ имѣть тотчасъ 15 лошадей въ готовности для отъѣзда Государева. La tête me tourne, en vérité. Je serai au désespoir si je ne vois pas l'Empereur avant son départ.

Переводъ.

Москва, 28 Октября 1835.

Государь пріѣхалъ сюда въ полномъ здравіи въ Субботу, въ $11\frac{1}{2}$ часовъ вечера. Переѣздъ изъ Серпухова сюда онъ сдѣлалъ въ саняхъ въ $3\frac{1}{4}$ часа. Это удивительно. Поэтому-то вся свита осталась назади. Изъ Тулы въ Серпуховъ Государь ѣхалъ на перекладной. Я нахожу, что онъ похудѣлъ не столько въ лицѣ сколько въ тѣлѣ; нѣтъ у него больше такихъ бёдеръ и ноги стали тоньше что̀ нисколько не портитъ его красоту. Несмотря на снѣгъ, Государь шелъ въ Соборъ пѣшкомъ, какъ всегда, окруженный безчисленной толпой народа, кричащей ура! Такъ какъ я не люблю соваться

впередъ, Е. В. не замѣтилъ меня; впрочемъ его прохожденіе по заламъ было такъ быстро, что онъ только и успѣлъ сказать два слова ген. Ермолову и старику Муханову. Государь обѣдалъ у кн. Дмитрія. Неизвѣстно еще, сколько онъ пробудетъ здѣсь, но слухъ о пріѣздѣ Императрицы, слухъ ни на чемъ не основанный, до такой степени распространился, что даже кн. Дмитрій спрашивалъ меня, правда ли это. Вчера не знали, будетъ ли пріемъ и какое нибудь собраніе для Е. В., а сегодня утромъ я еще не видѣлъ Бенкендорфа. Онъ тотчасъ спросилъ меня: что *моя* т. е. наша. такъ какъ *моя* было бы слишкомъ хорошо, что наша красавица, княгиня Ольга? Что разсказываютъ о пребываніи Государя въ чужихъ краяхъ, удивительно и необычайно интересно. Графъ Б. говорилъ мнѣ, что нѣтъ возможности дать представленіе объ энтузіазмѣ, который Государь вызвалъ въ Вѣнѣ своимъ неожиданнымъ пріѣздомъ въ городъ; я разскажу тебѣ прелестные анекдоты по этому поводу. Вчера были здѣсь только кн. Суворовъ, Грессеръ, Раухъ и Адлербергъ, у котораго совсѣмъ измѣнилось лицо съ тѣхъ поръ какъ онъ носитъ большіе бакены. Слава Богу, могу сообщить тебѣ добрыя вѣсти о братѣ; судя по вчерашнему письму Сони, былъ день, что у него не было лихорадки и онъ прекрасно провелъ ночь. Если бы только это могло продолжаться! Не смѣю больше отдаваться надеждѣ, сколько разъ она была напрасна. Государь нѣсколько озабоченъ; говорятъ, Императрица не совсѣмъ здорова, простудившись въ Александринскомъ театрѣ. Пріѣзжій изъ Петербурга, говорившій съ Бушемъ, который ему родственникъ, узналъ отъ него, что безпокоиться о состояніи здоровья К. Я. не слѣдуетъ, но нуженъ за нимъ большой уходъ. Это очень меня успокоило. Пошлю твое лѣкарство, вчера я получилъ въ этомъ же родѣ средство отъ Над. Серг. и уже послалъ его брату. .... По правдѣ сказать, у меня голова кругомъ идетъ. Я буду въ отчаяніи, если не увижу Государя до его отъѣзда.

St.-Pétersbourg, le 22 Novembre 1835 *).

J'ai reçu hier vos lettres du 18, quand la mienne était déjà partie, mes chères amies. Vous me dites que vous êtes contentes de ma dernière lettre, chère Olga. Hélas! il m'arrive plus d'une fois dans la journée d'être moins sombre, mais si l'on pouvait entrer dans mon âme, on verrait que c'est bien la même chose toujours. Il n'est qne très sûr que je ne trouverai plus cette gaieté qui fut de tout temps le fond de mon caractère et que j'ai légué à vous, Olga et à Костя. Il a fait, dit-on, tant de farces hier soir chez sa tante, que mad. Baliaco a failli se trouver mal à force de rire. Au reste, Pétersbourg est un lieu horrible pour moi. Je ne trouverai pas la joie à Moscou, mais j'espère que Dieu m'y enverra au moins la tranquillité, une fois que je me verrai entouré de vous tous. Il n'y pas autre chose à dire ni à faire: il faut se résigner, la mal est sans remède. Jamais, jamais, ce malheur ne m'était entré dans la pensée.

Votre arrivée ici, mon cher huzard et ma chère лейбгусарша, me réjouira bien grandement. C'est alors que je me déciderai peut-être à

*) Писано уже по кончинѣ Константина Яковлевича († 29 Октября 1835).

attendre ici les six semaines revolues, et qu'après avoir salué la tombe de mon adorable frère, je partirai pour Moscou. D'après votre lettre il paraît que c'est le 26 que vous partez. J'espère que personne ne pensera ici au 23, j'ai prié ma soeur de garder le silence et de ne pas même ôter le deuil ce jour, mais le 24 il me sera pénible de le passer loin de vous, ma chère Катя. Je vous félicite d'avance, mon ange; embrassez Olga, la petite Catalani et le picolo Turco. Mon Dieu, qu'ils devoient être jolis et quelle joie ce sera pour moi de revoir ces chers petits choux que mon pauvre frère, hélas, n'a même pas connu!

J'ai fait votre commission auprès d'Hélène, ma chère Катя; elle vous embrasse et vous tend les bras déjà d'avance. Voilà, certes, ma plus grande consolation ici. Avec elle je suis toujours plus calme, elle a une éloquence si simple, si touchante, si consolante. Elle fait aimer Dieu sans paraître employer aucun moyen pour cela. Elle a tant de raison et de sensibilité et surtout de foi. Il est sûr qu'on ne peut que bien faire en suivant ses conseils. Une de mes grandes jouissances sera sûrement la correspondence qui s'établira entre nous une fois que je ne serai plus ici.

J'ai reçu hier une lettre de Bachiloff; il me dit que W. Pouchkine a perdu un million et demi, qu'ils s'en vont tous pour 6 ans dans ses terres éloignées etc. Comme vous ne m'en parlez pas, ni l'une ni l'autre, j'aime encore mieux attendre pour y croire, malgré que le premier article ne paraisse pas sujet à caution. О карты проклятыя! La femme et les enfants d'un joueur sont des êtres bien à plaindre! J'adresse cette lettre encore à Catherine, et à l'avenir ce sera à vous, ma chère Olga.

Переводъ.

Петербургъ, 22 Ноября 18?5.

Дорогіе друзья мои, вчера я получилъ ваши письма отъ 18-го въ то время, когда мое было уже отправлено. Ты пишешь, дорогая Ольга, что довольна послѣднимъ моимъ письмомъ; увы! случается нѣсколько разъ за день что я бываю менѣе мраченъ; но если бы можно было заглянуть въ мою душу, увидали бы, что въ ней все одно и тоже. Слишкомъ вѣроятно, что ко мнѣ не вернется больше та веселость, которая во всѣ времена составляла сущность моего характера и которую я передалъ тебѣ, Ольга, и Костѣ. Вчера, говорятъ, онъ устраивалъ столько штукъ у своей тетки, что съ mad. Baliaco чуть дурно не сдѣлалось отъ смѣха. Впрочемъ, для меня, Петербургъ ужасное мѣсто. Не найду радости и въ Москвѣ, но надѣюсь, что тамъ Господь пошлетъ мнѣ успокоеніе, разъ что я увижу себя окруженнымъ всѣми вами. Ничего не остается больше ни говорить, ни дѣлать, нужно покориться. Боль неизлѣчима. Никогда, никогда это несчастье не приходило мнѣ на мысль.

Вашъ пріѣздъ сюда, дорогой мой гусаръ и дорогая моя лейбгусарша, сильно меня обрадуетъ; вотъ тогда, можетъ быть, я рѣшусь дождаться здѣсь 6 недѣль и, поклонившись могилѣ моего обожаемаго брата, уѣду въ Москву. Судя по письму, вы выѣзжаете, кажется, 26-го. Надѣюсь, никто здѣсь не вспомнитъ о 23-мъ [1]), я просилъ сестру молчать и даже не снимать въ этотъ день траура, но вотъ 24-е мнѣ будетъ тяжело провести вдали отъ тебя, дорогая Катя. Заранѣе поздравляю тебя, мой ангелъ; поцѣлуй Ольгу, маленькую Каталòнку и маленькаго Турка. Боже мой, какъ они должны были быть хороши, и какою радостью будетъ для меня снова увидать эти дорогіе маленькіе кочàнчики, которыхъ увы мой бѣдный братъ даже не зналъ! Я исполнилъ твое порученіе къ Лёнѣ [2]), дорогая Катя: она цѣлуетъ тебя и заранѣе уже горитъ желаніемъ повидаться съ вами. Вотъ, по истинѣ, самое большое мое утѣшеніе здѣсь! Съ нею я всегда спокоенъ, она обладаетъ такимъ простымъ, такимъ трогательнымъ и утѣшающимъ краснорѣчіемъ. Она заставляетъ любить Бога, не употребляя, повидимому, никакихъ способовъ къ тому. У нея столько разсудительности и чувствительности, а особенно вѣры. Можно быть увѣреннымъ, что, слѣдуя ея совѣтамъ, будешь непремѣнно поступать хорошо. Вѣроятно одной изъ моихъ радостей будетъ переписка, которая установится между нами, когда меня здѣсь больше не будетъ. Вчера я получилъ письмо отъ Башилова; онъ пишетъ, что В. Пушкинъ [3]) проигралъ полтора милліона, что всѣ они уѣзжаютъ на 6 лѣтъ въ дальнее имѣніе и т. д. Такъ какъ вы, ни та ни другая не пишите мнѣ объ этомъ, я радъ подождать вѣрить, несмотря на то, что и первое сообщеніе не внушаетъ сомнѣнія. О, карты проклятыя! Жена и дѣти игрока существа достойныя сожалѣнія! Посылаю это письмо еще на имя Кати, а впослѣдствіи буду посылать ихъ тебѣ, дорогая моя Ольга.

St.-Pétersbourg, le 3 Décembre 1835.

J'étais sûr que ces horreurs imprimées contre notre excellent Empereur dans les journaux étrangers provoqueraient l'indignation des bons habitants de Moscou et surtout la vôtre. Je ne les aurais jamais réfutées: il faut répondre à des choses pareilles par le silence et le mépris. J'écrirai, ma chère Olga, qu'on vous délivre le Journal de Francfort comme de mon temps, il ne faut pas que vous perdiez le fil des événements; avez-vous vu cet article de l'Étincelle que je vous ai indiqué dans une de mes lettres précédentes? C'est très intéressant. Chez vous c'est tranquille, et ici on n'entend parler que de bals. Je ne puis vous dire comme ce mot de bal me paraît extraordinaire et repoussant; c'est comme si on me disait: ce soir il y aura un incendie ou une inondation. Quand on est triste, on ne comprend pas que les autres puissent s'amuser. On travaille à présent à faire un portrait ressemblant de mon

[1]) День именинъ А. Я. Булгакова, а на слѣдующій его дочери Соломирской.

[2]) Сводная сестра братьевъ Булгаковыхъ отъ брака матери ихъ съ докторомъ Шумлянскимъ. Она занималась духовидѣніемъ, и ее навѣщалъ князь А. Н. Голицынъ, когда она жила у брата своего Константина. Какъ и сестра ея Елисавета, она получила отличное воспитаніе. Отецъ ихъ Александръ Михайловичъ († 1795), былъ профессоромъ акушерской школы въ Москвѣ.

[3]) Графъ Владиміръ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ.

frère, en prenant un peu de celui d'Isabey, de Benner etc. Dans les boutiques on vend partout de ses portraits, et même ceux-là sont devenus rares, tout mauvais qu'ils soient; ils étaient à 5 rbls, maintenant ils sont déjà à 10, malgré qu'ils ne lui ressemblent pas du tout. Je vous donnerai, Olga, volontiers à copier celui qui est chez moi à mon retour.

Demain je dois me lever de bonne heure pour m'occuper du quartier de Костя et de mes soeurs. Vendredi est le grand jour pour votre frère. Je reviens du palais de la Tauride, j'y ai conduit ma soeur pour voir le logement. Je l'ai trouvé très bien, propre et gai, mais petit. Dieu arrange tout pour le mieux. Le p-ce Galitzine nous avait parlé des m-elles Poutiatine, qui y logent et aux quelles il devait nous recommander; il se trouve que ce sont des anciennes connaissances et amies à moi, des cousines de Tourguéneff Alexandre; elles m'ont reçu à bras ouverts et m'ont fait toutes les offres possibles en faveur de ma soeur. Nous nous arrangerons très bien: d'un côté il y a donc ces dames et de l'autre une excellente personne, m-elle Alénine, la soeur d'Алексѣй Николаевичъ, une très ancienne connaissance à nous. Le p-ce Pierre étant malade, je dois seulement aller chez le c-te Koutayssoff pour le prier de faire donner de bons meubles. A trois heures je vais voir le quartier de Костя, au moins je partirai tranquille, si tout cela s'arrange devant moi.

Переводъ.

Петербургъ, 3 Декабря 1835.

Я былъ увѣренъ, что гнусности, напечатанныя въ иностранныхъ газетахъ про нашего чудеснаго Государя, вызовутъ негодованіе добрыхъ Москвичей и въ особенности твое. Я бы никогда не сталъ опровергать ихъ: на подобныя вещи слѣдуетъ отвѣчать молчаніемъ и презрѣніемъ. Дорогая Ольга, я напишу, чтобы тебѣ отправляли Франкфуртскую Газету, какъ было при мнѣ: тебѣ не слѣдуетъ терять нить событій. Прочла ли ты въ Искрѣ ту статью, на которую я тебѣ указывалъ въ одномъ изъ предъидущихъ писемъ? Это очень интересно. У васъ тихо, а здѣсь только и слышишь разговоры о балахъ. Не могу тебѣ сказать, до чего самое слово балъ кажется мнѣ страннымъ и противнымъ, точно если бы мнѣ сказали: сегодня вечеромъ будетъ пожаръ или наводненіе. Когда самъ печаленъ, не понимаешь, какъ другіе могутъ веселиться. Теперь стараются сдѣлать похожій портретъ брата, заимствуя понемногу изъ портретовъ работы Изабѐ, Беннера и друг. Вездѣ въ лавкахъ продаются его портреты, но и тѣ стали рѣдки, хотя плохи; прежде они были по 5 р., а теперь уже по 10, несмотря на то, что совсѣмъ на него не похожи. Дорогая Ольга, по возвращеніи я охотно дамъ тебѣ списать тотъ, который у меня.

Завтра я долженъ рано встать, чтобы заняться квартирою Кости и моихъ сестеръ. Пятница великій день для твоего брата. Только что вернулся изъ Таврическаго дворца, куда возилъ сестру, посмотрѣть помѣщеніе. Нахожу его прекраснымъ, чистымъ, веселымъ, но маленькимъ. Богъ все устраиваетъ къ

лучшему. Кн. Голицынъ говорилъ намъ о дѣвицахъ Путятиныхъ, которыя тамъ живутъ и которымъ ему пришлось насъ поручить; оказывается, это мои старинныя знакомыя и друзья, двоюродныя сестры Александра Тургенева; онѣ приняли меня съ распростертыми объятіями и предложили всевозможныя свои услуги моей сестрѣ. Мы отлично устроимся; съ одной стороны, значитъ, эти дамы, а съ другой прелестная особа, дѣвица Оленина, сестра Алекѣя Николаевича, очень старинная наша знакомая. Такъ какъ кн. Петръ *) боленъ, мнѣ нужно поѣхать только къ графу Кутайсову, чтобы попросить его велѣть дать хорошую мебель. Въ 3 часа поѣду посмотрѣть Костину квартиру. По крайней мѣрѣ уѣду спокойно, если все устроится при мнѣ.

S.-Pétersbourg, le 4 Décembre 1835.

On demande pour le quartier de Костя 1700 rbls, il vaut certes plus de 2000, mais c'est toujours beaucoup; cependant je me déciderai, je crois: c'est près de partout, à la Perspective et bien arrangé; en outre, Engelgardt, qui adore m-r Constantin, veut lui meubler cela comme il faut, et c'est un grand objet. Костя est toujours le même. Savez où sa passion pour la musique l'a conduit ce matin? Wielgorsky lui a parlé de la beauté de la musique d'orgue et du talent de l'organiste de l'église catholique. Костя l'a déterré, il l'a conduit ce matin de très bonne heure à l'église avec d'autres mélomanes et leur a joué plusieurs morceaux de maîtres les plus célèbres. Костя était dans le ravissement. Eh bien, lui dit l'autre, essayez de jouer vous-même; il lui montre le mécanisme, qui est assez compliqué. Seulement au bout de 5 minutes Костя joue comme s'il n'avait pas fait autre chose toute sa vie, et l'Allemand ne voulut jamais croire qu'il n'avait jamais appris et ne connaissait pas la basse-générale. Каковъ же нашъ подпрапорщикъ! Le bon Allemand, voyant que cela amusait votre frère, lui proposa de venir quelque fois le matin à l'église jouer même sans lui, qu'il ordonnerait au portier de le laisser entrer, il ferait fermer l'église pour les autres. Костя est tout-à-fait fou de Robert-le-Diable et joue cet opéra et le chante d'un bout à l'autre.

Il m'a demandé 20 rbls. На что тебѣ? изволь, дамъ, но на что? Après avoir longtemps hésité, il m'avoue que c'était pour faire imprimer des cartes: «гвардіи офицеръ Булгаковъ». Mais, mon cher ami, vous n'êtes pas encore officier; si on apprend que vous faites déjà graver votre titre d'officier avant le приказъ, on vous renverra pour punition à trois mois encore. Tenez vous tranquille, au nom du Ciel; graver des cartes c'est l'affaire d'un jour. Vous voyez que c'est du vif-argent comme avant. Je tremble toujours qu'il n'arrive quelque chose avant ce fameux 6 de

*) Министръ двора, кн. Петръ Михайловичъ Волконскій. Позднѣе и другая сестра Булгаковыхъ, Елисавета Александровна Шумлянская получила себѣ помѣщеніе въ Таврическомъ дворцѣ, гдѣ обѣ онѣ и скончались.

Décembre. J'ai oublié de vous dire hier que le g-l Lévachoff avait été nommé général-gouverneur de trois provinces: de Poltava, Харьковъ et Tchernigoff, ce qu'avait Répnine, avec Харьковъ de plus. Je le tiens de Kisséleff, ce sera probablement dans le приказъ un de ces jours. Il n'y aura rien le 6, et le bal est remis, l'Impératrice est encore indisposée. S. M. a eu une fièvre d'ortie.

Переводъ.

Петербургъ, 4 Декабря 1835.

За Костину квартиру просятъ 1700 р., она стоитъ, конечно, больше 2000, но и это много; тѣмъ не менѣе, думаю, что рѣшусь: отовсюду она близка, на Проспектѣ и хорошо отдѣлана; кромѣ того Энгельгардтъ, который обожаетъ Константина, хочетъ ему хорошенько меблировать ее, а это важная вещь. Костя все тотъ же. Знаешь, куда привела его сегодня страсть его къ музыкѣ? Віельгорскій говорилъ ему о прелести органной музыки и о талантѣ органиста въ католической церкви. Костя откопалъ его, и тотъ повелъ его сегодня очень рано утромъ вмѣстѣ съ другими меломанами въ церковь и сыгралъ имъ нѣсколько вещей самыхъ великихъ мастеровъ. Костя былъ въ восхищеніи. А ну, сказалъ тотъ, попробуйте сами поиграть; онъ показалъ ему механизмъ, который довольно сложенъ. И вдругъ, черезъ 5 минутъ, Костя заигралъ такъ, будто всю жизнь ничѣмъ инымъ не занимался, а Нѣмецъ ни за что не хотѣлъ вѣрить, что онъ никогда не учился и не знаетъ генералъ-баса. Каковъ же нашъ подпрапорщикъ! Добрый Нѣмецъ, видя, что это занимаетъ твоего брата, предложилъ ему приходить иногда по утрамъ въ церковь играть даже безъ него; онъ велитъ привратнику впускать его и запирать церковь для другихъ. Костя совсѣмъ съ ума сходитъ отъ Роберта-Дьявола и играетъ эту оперу и поетъ ее отъ начала до конца.

Онъ просилъ у меня 20 руб.—На что тебѣ? изволь, дамъ, но на что? Послѣ долгаго колебанія онъ сознался, что для напечатанія карточекъ: „гвардіи офицеръ Булгаковъ". Но, милый другъ мой, ты еще не офицеръ, если узнаютъ, что ты уже печатаешь свое офицерское званіе до приказа, тебѣ отсрочатъ производство еще на три мѣсяца. Бога ради, сиди смирно, напечатать карточки дѣло одного дня. Ты видишь, что это таже ртуть какъ и прежде. Я все дрожу, не случилось бы чего до этого знаменательнаго 6-го Декабря. Вчера забылъ сказать тебѣ, что генер. Левашевъ назначенъ генер.-губернаторомъ трехъ губерній: Полтавской, Харьковской и Черниговской: это то, что̀ имѣлъ Репнинъ съ прибавленіемъ Харьков. губ. Я узналъ это отъ Киселева; вѣроятно, жа дняхъ объ этомъ будетъ въ приказѣ. 6-го ничего не будетъ, и балъ отложенъ, Императрица все еще нездорова. У Ея В-ства была крапивная лихорадка.

S. Pétersburg, le 5 Décembre 1835.

Je suis plus tourmenté d'impatience, je crois, que Костя lui-même. Demain est donc le grand jour, et il faut croire que la chose sera notifiée déjà ce soir. Костя est aujourd'hui de service; si j'apprends quelque chose, je volerai aux casernes pour être le premier à le féliciter. J'ai grand'envie d'aller cet après-dîner chez le grand-duc, il y a bien

longtemps que je ne lui ai fait ma cour. L'Empereur et l'Impératrice ont quitté le palais Аничковъ et hier L. L. M. M. ont déjà couché au château.

Que vous dire de nouveau? La femme de Jérome Bonaparte est morte; je pense qu'on prendra le deuil pour elle à la cour; elle est de la maison de Würtemberg et proche parente de notre famille Impériale, cousine ou tante de la gr.-duchesse Hélène. C'etait une femme très respectable et qui savait se retrouver dans sa position difficile.

Переводъ.

С.-Петербургъ, 5 Декабря 1835.

Кажется, я больше мучаюсь нетерпѣніемъ, чѣмъ самъ Костя. Итакъ, завтра великій день; нужно полагать, что уже сегодня вечеромъ все будетъ объявлено. Сегодня Костя на дежурствѣ; если я что нибудь узнаю, полечу въ казармы, чтобы первому поздравить его. Мнѣ очень хочется поѣхать сегодня послѣ обѣда къ вел. князю, давно я ему не представлялся. Государь и Императрица покинули Аничковъ дворецъ; и вчера Ихъ Вел-ства ночевали уже въ Зимнемъ дворцѣ.

Что̀ сказать тебѣ новаго? Жена Жерома Бонапарта умерла; я думаю, при дворѣ будетъ наложенъ по ней трауръ, она принадлежитъ къ Вюртембергской королевской семьѣ, близкая родственница нашей императорской фамиліи, двоюродная сестра или тётка великой княгини Елены Павловны *). Это была очень почтенная женщина, умѣвшая найтись въ своемъ трудномъ положеніи.

S.-Pétersbourg, le 6 Décembre 1835.

Je viens de chez monseigneur le grand-duc, qui m'aborda par les mots: завтра сынъ твой будетъ офицеромъ. Malgré que la chose était assez sûre, je ne puis vous dire quel plaisir cela m'a fait, mes très chères amies. Monseigneur s'habillait quand le valet de chambre m'a dit d'entrer. Pardon, dit s. a. i., je dois aller au château et pour être plus longtemps avec vous et ne pas vous faire attendre, je vous reçois comme cela, sans cérémonie. Il fit toute sa toilette et se lava même devant moi. Il fut, comme toujours, très bon avec moi, me demanda de vos nouvelles à toutes, en me chargeant de vous faire bien ses compliments. Когда будутъ *наши* Соломирскіе?—Они рѣшились ожидать мое возвращеніе въ Москву, чтобъ долѣе со мною побыть. S. a. s'est rappelé que le semestre de Paolino expirait au mois de Janvier. Il fut assez longtemps question de Костя. Главное, dit-il, чтобы выбиралъ хорошо товарищей и не связывался съ повѣсами; въ полку, гдѣ онъ будетъ служить, корпусъ офицеровъ хорошъ вообще.

*) Родная тётка, дочь погибшей въ замкѣ Лòде „Зельмиры", родившаяся въ Петербургѣ, когда ея родитель былъ Выборгскимъ генералъ-губернаторомъ.

Il fut question de nouveau de Сашка *), dont je lui dit tout le bien qu'il méritait. Il me parla du deuil qu'il y avait dans la famille à cause de la mort de mad. Jérôme Bonaparte: была, dit-il, королева, потомъ сдѣлалась герцогиня, а теперь ничего; mais il en dit beaucoup de bien et ajouta: elle était la tante de ma femme et cousine à moi par ma mère. Le gr.-duc envoya Нащокинъ porter au général Bistrom le grand cordon de Wladimir, et S. M. I. accompagnait cette grâce d'une autre pour le moins aussi agréable: de 50 m. rbls. Son a. me demanda quand je partirai?—Скоро послѣ 12-го числа.—Но я съ тобою не прощаюсь, заѣзжай ко мнѣ передъ отъѣздомъ. Il me parla beaucoup de Moscou, de Zakrefsky, qu'il aime toujours beaucoup, de Bachiloff etc. Comme deux de ses aides-de-camp vont être fait généraux, s. a. prend à leur place Chérémétеff et Baranoff, un frère de la Pachkoff et de la Galitzine Michel. De chez monseigneur je volais à la caserne où Костя est de service.—Отчего вы въ звѣздѣ, папенька?—Я отъ вел. князя сейчасъ; е. в. меня поздравилъ съ твоимъ офицерствомъ. Il fallait voir son bonheur. Ахъ зачѣмъ вы мнѣ сказали, я ночь не буду спать.—Il n'y aurait pas de mal, mon cher, lui répondis-je, à passer beaucoup de nuits blanches dans ce genre. Les camarades accoururent pour l'embrasser, et je vis là combien il était aimé dans le régiment. Demain (car je vous écris la veille, avant de me coucher) cela sera dans le приказъ, mais comme il y a des formes assez lentes, il ne pourra mettre l'uniforme que Dimanche; je crois, que les trois jours lui paraîtront bien longs. Mais enfin, Dieu merci, le voilà donc officier et officier aux gardes. On parle de beaucoup de promotions, de grâces et changements pour demain. Demain je vais au château faire mes félicitions, j'irai à la messe impériale. Le grand-duc m'a dit qu'il y aurait выходъ et baise-main. Je verrai donc aussi l'Impératrice; je n'ai pas encore eu ce bonheur depuis mon arrivée. Dans le moment sort de chez moi Wielgorsky, il m'a dit une nouvelle qui m'a fait grand plaisir: Marie Wiasemsky a eu le chiffre.

Je ne sais en vérité par où commencer. J'ai tout vu, tout observé, j'arrive dans le moment de la cour. Dieu sait qui je n'ai pas vu. Une foule de monde m'a demandé de vos nouvelles, да гдѣ всѣхъ вспомнить? Je vais tâcher de me rappeler de toutes les grâces, au moins des principales. Cordons de St. André au g-l Prussien Zitten et au g-l Soukine, Alexis Orloff et le p-ce Troubetzky aide-de c. et membre du Conseil. Marie Wiasemsky et la fille du p-ce Stcherbatoff (aide-de-c. 1)

---

*) Это Александръ Константиновичъ Булгаковъ.

demoiselles d'honneur; есть третья, да не помню. Alex. Strcgonoff m'a dit que son frère Serge avait été nommé aide-de-camp-général de l'Empereur. Etienne Apraxine et plusieurs autres généraux des gardes le 2-e Wladimir. Ayant vu le c-te Tshernichoff, je me suis approché de lui: permettez, à titre d'ancien camarade de jeunesse, que je vous demande si mon fils a été fait officier officiellement. Il mit sa main dans sa poche et en tira le приказъ.—Въ которомъ полку?—Въ Московскомъ.—Вотъ онъ, dit-il, ayant trouvé l'article, поздравляю, et il me fit cadeau du приказъ. Je ne puis le rattraper, Костя s'en est emparé, le baise comme une relique et le fait lire dans les salons; quand je l'aurai dégagé des mains des curieux, je le mettrai dans cette lettre pour vous, mon cher Paolino. Un instant après passe le grand-duc et dès qu'il me vit, il me cria de loin: Булгаковъ, твой сынъ офицеромъ, продравляю тебя. Начали съѣзжаться. Богъ знаетъ кто ко мнѣ ни подходилъ, tous les grands de ce bas monde, même jusqu'à m-r Spéransky. Il y a eu sortie avec toute la pompe; il n'y avait que l'Empereur avec la grande-duchesse Olga qui est belle tout-à-fait. Elle était mise simplement, mais avec tant de goût! Après l'Héritier et le gr.-duc Michel. On se rendit donc processionellement dans la chapelle. L'Empereur était en uniforme de cosaque. Что это за служба и за пѣніе прелестное, surtout le Отче. H. m'a touché bien profondément. Vers la fin de la messe arriva l'Impératrice et la gr.-duchesse Hélène. On se rendit dans la salle dite de Pierre-le-Grand. Là était rangé le corps diplomatique. L'Empereur alla droit à lord Durham et l'Impératrice à Fikelmont, et tous deux entretenaient alternativement tous les ministres étrangers et assez longtemps, à commencer par lord Durham et à finir par le p-ce Butera de Naples. Ensuite on se rendit dans la salle dite концертная, pour se préparer à la présentation; mais Wanicha Worontzow sortit en disant: S. M. l'Impératrice recevra toutes les dames, mais des hommes seulement les membres du Conseil et les grandes charges de la cour; donc, le Sénat et enfin nous tous n'avions rien à faire. Mais je suis resté pour admirer cette belle cour que je n'avais pas encore vue avec les costumes russes. C'est vraiment beau; je ne vous dis rien de l'Impératrice, elle était toute resplendissante et en véritable Impératrice de Russie.

J'ai regardé tout cela comme un éternel adieu que je fais à la cour et à cette ville funeste de Pétersbourg; j'ai donc observé tout à mon aise, mais mon Dieu comme toutes les dames que j'ai connues assez bien il y a trois ans, commes elles ont toutes vielli et changé! C'est effrayant en vérité; j'ai vu peu de belles et de jolies figures ou plutôt pas du tout. La p-ce Troubetzky, mad. Wichniakoff, la Pouchkine (poète)

qui a embelli beaucoup, et la p-se Dolgorouky, qui a de beaux yeux noirs et cette paleur que j'aime tant et une belle expression dans la figure.

Étant déjà au château, je suis monté chez Pauline Barténeff et j'y ai trouvé la p-se Youssoupoff, belle comme le jour; elle venait d'avoir une audience particulière de l'Impératrice. Elle était si gaie qu'elle me dit: voyons, m-r B., essayons de valser. Y pensez-vous, p-sse? Vous avec votre béquille et moi qui ne reviens pas de mon étonnement comment j'ai été à la cour; il fallait un jour comme *celui-là* pour que je me montre en public. Она, право, какъ коза прыгаетъ. Напрасно она бередитъ ногу безъ нужды.

Arrivé à la maison, j'ai bien embrassé notre cher officier, lui ai permis de mettre son uniforme d'officier, mais à condition de ne pas se montrer en public.

Переводъ.

Петербургъ, 6 Декабря 1835.

Только что вернулся отъ вел. князя, который встрѣтилъ меня словами: завтра сынъ твой будетъ офицеромъ. Несмотря на то, что дѣло довольно вѣрное, не могу сказать, какое удовольствіе это мнѣ доставило, дорогіе друзья мои. Его в-ство одѣвался, когда лакей меня провелъ. Извини, сказалъ е. в-ство, я долженъ ѣхать во дворецъ, а чтобы быть подольше съ тобою и не заставлять тебя ждать, принимаю тебя такъ безцеремонно. Онъ одѣвался и даже умылся при мнѣ. По обыкновенію, онъ былъ очень милостивъ ко мнѣ, разспрашивалъ меня обо всѣхъ васъ и поручилъ передать вамъ его привѣтъ. Когда будутъ *наши* Соломирскіе?—Они рѣшились ожидать мое возвращеніе въ Москву, чтобы долѣе со мною побыть. Е. в-ство вспомнилъ, что отпускъ Паолино истекаетъ въ Январѣ. Довольно долго шла рѣчь о Костѣ... Зашла рѣчь опять о Сашкѣ, котораго я хвалилъ по его заслугамъ. В. кн. говорилъ о траурѣ въ ихъ семьѣ по женѣ Жерома Бонапарта: была, сказалъ онъ, королева, потомъ сдѣлалась герцогиней, а теперь ничего; но онъ ее очень хвалилъ, прибавивъ: она была тетка моей жены и двоюродная сестра моя по моей матери. В. кн. послалъ Нащокина отвезти генералу Бистрому орденскую ленту Св. Владиміра, а Его Величество присовокупилъ къ этой милости еще другую, не менѣе пріятную: 50 т. р. Его в-ство, спросилъ меня когда я уѣзжаю?.. Онъ много со мной говорилъ о Москвѣ, о Закревскомъ, котораго по прежнему очень любитъ, о Башиловѣ и др. Такъ какъ двое изъ его адъютантовъ производятся въ генералы, то е. в. беретъ къ себѣ на ихъ мѣсто Шереметева и Баранова, брата Пашковой и жены Михаила Голицына. Отъ в. к. я полетѣлъ въ казармы, гдѣ Костя былъ дежурнымъ... Нужно было видѣть его счастье! Ахъ, зачѣмъ вы мнѣ сказали, я ночь не буду спать. — Дорогой мой, сказалъ я ему, не худо было бы провести нѣсколько безсонныхъ ночей въ этомъ родѣ. Прибѣжали его товарищи, стали цѣловать его, и тутъ я увидалъ, насколько онъ любимъ въ полку. Завтра (пишу вамъ наканунѣ, передъ сномъ) это будетъ въ приказѣ, но такъ какъ существуютъ нѣкоторые довольно медлительные порядки производства, то кажется онъ будетъ имѣть право надѣть форму только въ Вос-

ресенье; эти три дня покажутся ему очень долгими. Однимъ словомъ, слава Богу, вотъ онъ и офицеръ, да еще въ гвардіи. Говорятъ о многихъ производствахъ, наградахъ и перемѣнахъ на завтра. Ѣду завтра во дворецъ принести свои поздравленія, поѣду къ царской обѣднѣ. В. кн. говорилъ мнѣ, что будетъ выходъ и цѣлованіе руки. Значитъ, я увижу и Императрицу; со времени своего пріѣзда сюда не имѣлъ еще этого счастья. Сію минуту вышелъ отъ меня Віельгорскій; онъ сообщилъ мнѣ новость, которой я очень обрадовался: Мари Вяземская *) получила шифръ.

Право, не знаю, съ чего начать. Столько я видѣлъ, столько наблюдалъ! Сію минуту вернулся изъ дворца. Богъ знаетъ, кого только я не видѣлъ. Множество людей спрашивали меня объ васъ, да гдѣ всѣхъ вспомнить? Постараюсь припомнить всѣ награды, по крайней мѣрѣ главныя. Андреевскія ленты пожалованы Прусскому генералу Цитену и генералу Сукину, Алексѣй Орловъ и кн. Трубецкой ген.-адъютанты и члены Госуд. Совѣта. Мари Вяземская и дочь кн. Щербатова, г.-адъютанта, фрейлины; есть третья, да не вспомню. Алекс. Строгоновъ сказалъ мнѣ, что братъ его, Сергѣй, назначенъ генералъ-адъютантомъ Государя. Степанъ Апраксинъ и нѣсколько другихъ генераловъ отъ гвардіи получили Владимира 2-й степени. Увидѣвъ гр. Чернышева, я подошелъ къ нему: позвольте мнѣ, въ качествѣ стариннаго товарища вашей юности, спросить васъ, произведенъ ли мой сынъ офиціально въ офицеры. Онъ положилъ руку въ карманъ и досталъ оттуда приказъ.— Въ какомъ полку?—Въ Московскомъ.—Вотъ онъ, сказалъ онъ, найдя статью объ этомъ, поздравляю. И онъ подарилъ мнѣ приказъ. Не могу получить его снова: Костя завладѣлъ имъ, цѣлуетъ какъ мощи и даетъ читать во всѣхъ гостиныхъ; когда выручу его изъ рукъ любопытныхъ, положу его въ это письмо для тебя, дорогой мой Паолино. Минуту спустя, проходитъ в. кн. и завидѣвъ меня издали крикнулъ: Булгаковъ, твой сынъ офицеромъ, поздравляю тебя. Начали съѣзжаться. Богъ знаетъ кто ко мнѣ ни подходилъ, всѣ сильные міра сего, включительно до Сперанскаго. Былъ выходъ со всею пышностью, вышелъ одинъ Государь съ в. кн. Ольгой Ник., которая совсѣмъ красавица. Она была одѣта просто, но съ такимъ вкусомъ! Затѣмъ Наслѣдникъ и вел. кн. Михаилъ Павловичъ. Процессія направилась въ дворцовую церковь. Государь былъ въ казачьемъ мундирѣ. Что̀ это за служба и за пѣніе прелестное, особенно глубоко меня тронуло „Отче нашъ". Къ концу обѣдни вошла Императрица съ в. кн. Еленой Павловной. Всѣ пошли въ такъ называемый залъ Петра Великаго. Тамъ находился дипломатическій корпусъ. Государь подошелъ прямо къ лорду Дургаму, а Императрица къ Фикельмонту и оба бесѣдовали по очереди со всѣми иностранными послами и довольно, начиная съ лорда Дургама и кончая Неаполитанцемъ, княземъ Бутерою. Затѣмъ всѣ направились въ концертный залъ, чтобы приготовиться къ представленію; но Ванюша Воронцовъ вышелъ и сказалъ, что Императрица приметъ всѣхъ дамъ, а изъ мужчинъ только членовъ Госуд. Совѣта и первыхъ чиновъ двора. И такъ Сенату и всѣмъ намъ дѣлать было нечего, но я остался полюбоваться блестящимъ дворомъ, котораго еще не видѣлъ въ Русскихъ платьяхъ. Это дѣйствительно красиво, ужъ не говорю про Императрицу, она была совсѣмъ лучезарна и поистинѣ Русской Императрицей. Я на все это смотрѣлъ какъ на прощаніе навсегда съ дворомъ и съ Петербургомъ, этимъ пагубнымъ городомъ. Итакъ, не стѣсняясь, я наблюдалъ за всѣмъ; но, Боже, какъ всѣ дамы, которыхъ я довольно хорошо зналъ года три тому назадъ, какъ всѣ онѣ постарѣли и измѣнились! Въ

*) Дочь князя П. А. Вяземскаго, съ 1837 года Валуева.

самомъ дѣлѣ страшно. Я видѣлъ мало красивыхъ и хорошенькихъ лицъ, или вѣрнѣе совсѣмъ ихъ не видалъ. Княгиня Трубецкая, Вишнякова, Пушкина (поэтша), которая очень похорошѣла, и кн. Долгорукая, у которой красивые черные глаза, блѣдность, которую я такъ люблю и прекрасное выраженіе лица. Будучи во дворцѣ, я поднялся ужъ и къ Полинѣ Бартеневой и засталъ у нея кн. Юсупову, которая хороша какъ день; она только что имѣла особую аудіенцію у Императрицы, и была настолько весела, что сказала мнѣ: ну-ка, Б., попробуемте провальсировать.—Вы думаете, княгиня? Вы со своимъ костылемъ, а я не приходящій въ себя отъ удивленія, какъ я попалъ во дворецъ; нуженъ былъ такой день какъ *сегодня*, чтобы я показался въ обществѣ. Вернувшись домой, я расцѣловалъ нашего дорогого офицера и позволилъ ему надѣть офицерскую форму, но съ условіемъ, чтобы онъ въ обществѣ не показывался.

Къ Е. А. и П. Д. Соломирскимъ.

S.-Pétersbourg, le 7 Décembre 1835.

Il y a déjà une lettre de moi, mais néanmoins je veux vous écrire encore à part, mes chers Paolino et Катя.

Побывайте у Фаста [1]), это другъ истинный, и ему очень будетъ это пріятно.

Какъ бы только скорѣе распроститься съ этимъ несноснымъ Петербургомъ! Tout le monde y est en vérité sans entrailles plus ou moins. A la cour ils avaient le courage de me parler du grand bal de Mardi. Il a fallu mon adoration pour l'Empereur pour venir à la cour avant les 6 semaines; mais c'était le 6 Décembre, un si grand jour pour tout bon Russe, qu'il faut tout lui sacrifier; j'ai fait là mon bonjour et mon adieu universel pour toujours.

Tout ce que vous me dites, Paolino, au sujet de Костя, c'est à dire de ses dépenses et revenus, est marqué au coin de la sagesse, et je suis charmé de m'être rencontré avec vous, car c'est ainsi que j'arrange les choses [2]).

Il y a m-r Staer, qui payera tout pour le jeune homme, qui n'aura à lui que son argent de poche, libre à lui, comme vous le dites si drôlement, de manquer d'argent pendant 29 jours et d'en avoir un le 1-er de cocagne chaque mois. En général j'aime que vous me parliez tou-

---

[1]) Фавстъ Петровичъ Макеровскій, о которомъ часто говорится въ „Русскомъ Архивѣ“ прошлыхъ годовъ, въ перепискѣ братьевъ Булгаковыхъ.

[2]) Въ противорѣчіе съ этимъ, А. Я. Булгаковъ не могъ воздержаться, чтобы не избаловать сына. Кромѣ необыкновенной даровитости, Константинъ Александровичъ Булгаковъ былъ и по душѣ прекрасный человѣкъ; но „свой даръ, какъ жизнь, онъ тратилъ безъ вниманія“ и весьма печально кончилъ довольно долгую жизнь свою въ Москвѣ, почти въ нищетѣ.

jours à coeur ouvert; je ne pourrai jamais avoir que de bonnes intentions pour mes enfants, mais je puis me tromper comme chacun et ne pas connaître les besoins de la jeunesse aussi bien que vous, par la raison d'abord que nos temps de jeunesse et ceux de la jeunesse d'aprésent ce sont deux choses tout-à-fait différentes.

Ну только какія здѣсь все шкуры! Entre nous soit dit, je vous assure que je n'ai pas vu deux personnes qui puissent être comparées à ma Катя et Olga.

Переводъ.

Петербургъ, 7 Декабря 1835

Отъ меня уже есть письмо, тѣмъ не менѣе хочу написать еще отдѣльно къ вамъ, дорогіе мои Паолино и Катя.... Поистинѣ, здѣсь всѣ болѣе или менѣе не знаютъ состраданія. Во дворцѣ они имѣли храбрость говорить со мной о большомъ балѣ, который долженъ быть во Вторникъ. Нужно было мое обожаніе къ Государю, чтобы явиться при дворѣ раньше 6 недѣль *); но вѣдь это было 6-е Декабря, столь великій день для каждаго истинно-Русскаго человѣка, что нужно всѣмъ для него жертвовать; тамъ я совершилъ всеобщее свое привѣтствіе и прощаніе навсегда.

Все, что ты говоришь мнѣ, Паолино, о Костѣ, т. е. объ его расходахъ и приходахъ, носитъ на себѣ отпечатокъ благоразумія, и я очень радъ, что посовѣтовался съ тобой, ибо я такъ и устрою дѣла. Есть нѣкій m-r Стёръ, который будетъ платить за молодого человѣка, у котораго будутъ только карманныя деньги; если хочетъ, пусть, какъ ты забавно говоришь, не имѣетъ денегъ въ теченіе 29 дней, чтобы одинъ день въ мѣсяцѣ имѣть ихъ въ изобиліи. Вообще мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты говорилъ со мной откровенно; у меня не можетъ быть никогда иныхъ кромѣ хорошихъ намѣреній относительно моихъ дѣтей, но я могу ошибаться, какъ и каждый, и не знать такъ хорошо какъ ты потребностей юношества по той прежде всего причинѣ, что времена нашей молодости и теперешней двѣ вещи совершенно разныя. Между нами будь сказано, увѣряю тебя, что я не видѣлъ и двухъ особъ, которыхъ можно было бы сравнить съ моими Катей и Ольгой.

S.-Pétersbourg, le 7 Décembre 1835.

Il faut voir la joie de Костя pour la comprendre, je ne puis vous la décrire, mes chers amis. Гдѣ онъ не перебывалъ? enchanté où on le reçoit et enchanté où on ne le reçoit pas, car il y laisse ses cartes imprimées avec beaucoup de soin. Il a fini sa soirée par le théâtre; là tout le monde l'embrassait, dit-il, et les dames le saluaient de leurs loges en lui montrant sur leurs épaules ses épaulettes. Je conçois son bonheur, il y a bien longtemps qu'il soupire après son panache noir. Je suis fâché qu'il ne pourra pas venir avec moi à Moscou. J'ai touché cette corde avec le gr.-duc, en lui disant: quel bonheur ce sera pour la mère et les soeurs de le voir officier aux gardes! à quoi s. a. m'a

*) Т. е. послѣ смерти брата.

répondu: dans un an il pourra vous faire une visite, et cette réponse m'a dispensé de la peine de faire la moindre démarche pour lui obtenir un semestre. Je me sens très fatigué de ma matinée et de ce grand monde que j'ai vu. Le bal qui devait avoir lieu aujourd'hui au palais est remis à Mardi, dit-on. Dmitri Wolkonsky, mad. Mery Pachkoff et plusieures personnes me disaient: nous vous verrons, car vous serez sûrement engagé, à quoi j'ai répondu: je pouvais faire cesser mon deuil pour un jour aussi heureux pour la Russie, comme le 6 de Décembre, mais certes, on ne me verra à aucun bal.

J'ai oublié de vous dire, ma chère Natalie, qu'au château un homme vient m'embrasser, je regarde et je reconnais notre ancien ami, l'amiral Hamilton, toujours le même, vif et pas du tout changé; il m'a beaucoup demandé de vous et me disait: jai été et j'ai suis toujours son adorateur, *rapel vous* cette *délicieuse* romance, le voyageur s'est égaré? O! comme elle chantait cela! Encore quelqu'un qui m'a beaucoup demandé de vous, c'est le bon amiral Greig.

Ne vous étonnez pas que j'écris à Ф. П., c'est mon unique consolation maintenant que de voir et d'écrire aux amis de mon adorable frère. Tantôt à la cour tout le monde me parlait de lui comme s'il venait seulement de nous être enlevé. Si notre ange vivait, il aurait eu ce matin infailliblement le cordon de St. Alexandre, mais est-ce là la seule joie dont son absence nous prive? Ah, mon Dieu, combien d'autres jouissanses devions nous attendre de lui? Mais le Ciel nous l'a ravi. Brisons sur ce sujet horrible, funeste, et cependant pouvons-nous ne pas l'avoir toujours présent à notre pensée?

Ахъ грустно, мои милые! Сію минуту изъ церкви. Много очень было, но все свои, департаментскіе, а почтамтскіе въ сокрушеніи: этимъ бѣднымъ никакъ нельзя оставить работу свою, даже на полчасика. Мы были на хорахъ, М. К. *), дѣти, сестры. Je suis revenu très dérangé, malgré que les larmes m'aient extrêmement soulagé le coeur. Сашка n'a pu venir à cause de son service.

Переводъ.

Петербургъ, 7 Декабря 1835.

Нужно видѣть Костину радость, чтобы понять ее. Не умѣю описать вамъ ее, дорогіе мои друзья; гдѣ онъ не перебывалъ? Въ восторгѣ тамъ, гдѣ его принимаютъ и въ такомъ же восторгѣ, если не принимаютъ, такъ какъ тамъ онъ оставляетъ свои карточки, напечатанныя съ большой заботой! Онъ докончилъ свой вечеръ въ театрѣ; тамъ, какъ онъ говоритъ, всѣ

*) Вдова К. Я. Булгакова, Марья Константиновна.

его цѣловали, а дамы кланялись ему изъ ложъ, показывая на своихъ плечикахъ его эполеты. Я понимаю его счастье; давненько онъ вздыхаетъ по своему черному султану. Мнѣ жаль, что онъ не можетъ пріѣхать со мной въ Москву; я коснулся этого въ разговорѣ съ в. к., сказавъ ему: какимъ счастьемъ будетъ для матери и сестеръ увидать его гвардейскимъ офицеромъ! на что е. в. отвѣтилъ мнѣ: „черезъ годъ онъ можетъ навѣстить васъ", и этотъ отвѣтъ избавилъ меня отъ труда дѣлать малѣйшую попытку получить для него отпускъ. Чувствую себя очень уставшимъ отъ сегодняшняго утра и всей знати, которую я видѣлъ. Балъ, который долженъ былъ быть сегодня во дворцѣ, говорятъ, перенесенъ на Вторникъ. Дмитрій Волконскій, Мери Пашкова и еще нѣсколько человѣкъ говорили мнѣ: мы увидимъ васъ, навѣрное вы получите приглашеніе, на что я отвѣчалъ: я могъ снять трауръ ради такого счастливаго для Россіи дня, какъ 6-е Декабря, но ужъ конечно меня не увидятъ ни на одномъ балу.

Забылъ сказать тебѣ, дорогая Наташа *), что во дворцѣ кто-то подходитъ и обнимаетъ меня; смотрю и узнаю нашего стариннаго друга, адмирала Гамильтона, который все такой же живой и совсѣмъ не перемѣнился; онъ много разспрашивалъ о тебѣ и говорилъ: я былъ и всегда буду ея обожателемъ, помните превосходный романсъ „заблудившійся странникъ?" О! какъ она это пѣла! Еще о тебѣ много спрашивалъ добрый адмиралъ Грейгъ.

Не удивляйся, что я пишу Ф. П. Единственное для меня теперь утѣшеніе—видѣть друзей моего обожаемаго брата и писать къ нимъ. Давеча, во дворцѣ, всѣ говорили о немъ, точно онъ только что взятъ отъ насъ. Будь нашъ ангелъ живъ, непремѣнно получилъ бы сегодня Александровскую ленту; но развѣ это единственная радость, которой мы лишены его отсутствіемъ? Боже, сколько другихъ радостей должны бы мы ожидать отъ него! Но Небо отняло его у насъ. Прекратимъ этотъ ужасный, мрачный предметъ разговора, а между тѣмъ можемъ ли мы не имѣть его постоянно въ нашей мысли! .... Я вернулся очень разстроеннымъ, несмотря на то, что слезы очень облегчили мое сердце. Сашка не могъ быть изъ-за своего дежурства.

S.-Pétersbourg, le 10 Décembre 1835.

Le temps est beau ce matin, il n'y a qu'un degré de froid au lieu de vos 25. J'irai faire un tour à pied et je passerai moi-même aux boutiques pour chercher des bas pour mon excellente Сашка. J'aime cetenfant, il y a quelque chose de si bon, de si sensible en elle. А что дѣлаетъ ея разбойникъ братъ?

Je vous suis très reconnaissant de ne pas être allé par ce froid horrible à la панихида de 40 jours. Cela vous aurait fait du mal; la cérémonie par elle-même déjà devait vous tourner le coeur; je sais que je suis revenu du couvent de Nefsky avec le coeur bouleversé. Je voyais ce bon Manitchar, Zawadofsky, Novossiltzow et tous ces amis de mon frère, cela me le rappelait encore plus vivement. Je n'aime pas Pétersbourg, mais je dois lui rendre cette justice: il n'y a ici qu'un

*) Наталья Васильевна, супруга А. Я. Булгакова.

sentiment unanime de regret pour notre défunt, on n'a jamais vu un exemple pareil pour l'affliction. On parle de lui jusqu'à présent, sa perte est toujours plus vivement sentie. Mais aussi soyons justes. N'était-ce pas un homme rare? Pouvait-on le quitter sans un certain sentiment d'amour et d'admiration. L'essence de son caractère, c'était la bonté, la bienfaisance. Que de monde qui ne l'avait même jamais vu, l'aimait tendrement? Да что и говорить объ этомъ ангелѣ!

J'ai fini avec le quartier de Костя. Je lui prends aussi un équipage, mais je pense que pour le moment et les mois d'hiver c'est assez d'un joli traîneau avec un bon cheval. Ce qui m'embarrasse beaucoup c'est de lui trouver un bon domestique, un homme fidèle, sûr, qui puisse lui servir de дядька.

J'ai beaucoup couru pour vos bas, ma chère Olga. On m'a dit, à la fin, qu'il y avait près des Ecuries dans le № 10; j'y suis allé. Il y avait six douzaines, on les a toutes achetées pour la grande-duchesse Hélène. On m'a dit qu'en coton je pourrai en trouver, mais en fil pas pour tout l'or du monde, а все-таки буду еще искать.

Переводъ.

Петербургъ, 10 Декабря 1835.

Сегодня прекрасное утро, всего 1° мороза вмѣсто вашихъ 25°; пройдусь пѣшкомъ и самъ зайду въ лавки поискать чулки для моей прелестной Сашки. Люблю я этого ребенка, въ ней что-то такое доброе, такое чуткое... Очень тебѣ признателенъ за то, что по такому страшному холоду не пошла на панихиду въ 40-й день. Это было бы для тебя вредно, уже сама служба должна бы перевернуть тебѣ всю душу; я знаю, что возвратился изъ Невской Лавры съ разбитымъ сердцемъ. Увидалъ тамъ добраго Манычара, Завадовскаго, Новосильцова и всѣхъ друзей брата. Это еще живѣе напомнило мнѣ его. Я не люблю Петербурга, но долженъ отдать ему справедливость: здѣсь чувство сожалѣнія о покойномъ братѣ единодушно, никогда не было примѣра такой скорби. До сихъ поръ о немъ говорятъ, потеря его чувствуется все живѣе, но будемъ же справедливы. Развѣ это былъ не рѣдкой души человѣкъ? Возможно ли было уйти отъ него безъ нѣкотораго чувства любви и удивленія? Сущность его характера это доброта и благотворительность. Какъ многіе, даже никогда не видѣвшіе его, нѣжно любили его!

Я покончилъ съ Костиной квартирой. Беру ему также экипажъ, но думаю, что въ настоящее время и на зимніе мѣсяцы достаточно нарядныхъ саней и хорошей лошади. Что̀ меня очень затрудняетъ это найти ему хорошаго лакея, человѣка надежнаго, вѣрнаго, могущаго быть при немъ дядькой.

Я много бѣгалъ изъ за твоихъ чулокъ, дорогая Ольга. Наконецъ, мнѣ сказали, что они есть близъ Конюшенной въ № 10, я отправился туда. Было тамъ шесть дюжинъ, всѣ были куплены для в. к. Елены Павловны. Мнѣ сказали, что бумажные я могу найти, но нитяныхъ ни за какія деньги; а все-таки буду еще искать.

Pétersbourg, le 11 Décembre 1835.

Il me semble vous avoir dit, Olga, que les seuls bas d'enfant de ce genre, qu'il y avait ici dans une boutique à la Perspective, ont été achetés pour la gr.-duchesse Hélène. Je n'ai pas pensé hier, que j'aurais pu faire des reproches au gr.-duc, car je revenais justement de mon expédition; je m'entends nommer dans la rue, je regarde: personne, je me retourne—c'était monseigneur en surtout d'aide-de-camp-général.—Здоровъ ли ты? Слава Богу, в. в.—Куда, гулять? Нѣтъ, пробираюсь уже домой.—А я только что отдѣлался отъ работы, время хорошо, je vais faire un grand tour; bonjour, mon cher. Такъ мы и разошлись, а я могъ бы сказать: в. в. сдѣлали внучку мою безъ чулокъ; cela lui aurait paru bien étrange.

Comme l'exercice me fait un très grand bien et que j'ai mal passé les deux dernières nuits, je suis allé me promener à pied hier avant de me coucher, les trottoirs d'ici sont si agréables et bien entretenus. J'ai été par le boulevard de l'Amirauté jusqu'au grand quai, j'ai vu le château resplendissant de lumières, il y avait, dit-on, 1300 personnes, au bal d'hier. Je n'en ai pas encore de nouvelles, mais cela indique toute fois que l'Impératrice se porte tout-à-fait bien. J'ai rencontré un enterrement magnifique hier, une immence quantité de clergé; je demande, il se trouve que c'est le père Криницкій, le confesseur de L. L. M. M. I. I.; il est mort il y a quelques jours, et la pompe était très grande.

Je suis sûr que le cœur ne m'aura pas trompé et que les affaires des orphelins s'arrangeront petit à petit. Il n'y a pas jusqu'à celui que le public gratifie du titre de Pierre-le-Cruel, le P-ce de pierre et P-ce Pétrifié, *) qui ne change de nature, quand il s'agit de la famille de notre défunt ange. L'Empereur vient d'accorder une nouvelle grâce, qui sauvera le bien de mon frère de la Russie, Blanche. Государь вносит за брата что слѣдуетъ въ Воспит. Домъ за два года и сверхъ того подушныя и другія повинности казенныя и жалуетъ деньги за кормъ прошедшій и нынѣшій мужиковъ; все это составляетъ почти 22 т. р., которыя были вчера привезены изъ Кабинета Государева. C'est une grande grâce, car d'où aurait-on pris ces 22 m. rbl.? Combien nous devons prier Dieu pour notre incomparable Empereur. Je suis bien malheureux que je partirai sans remercier S. M.

Переводъ.

Петербургъ, 11 Декабря 1835.

Дорогая Ольга, кажется, я уже писалъ тебѣ, что единственные дѣтскіе чулочки въ этомъ родѣ, бывшіе здѣсь въ одной лавкѣ на Невскомъ, были

*) Министръ двора, князь Петръ Михаиловичъ Волконскій.

куплены для в. к. Елены Павловны. Я не подумалъ вчера, а то бы могъ сдѣлать упрекъ в. князю, такъ какъ я именно возвращался изъ своей экспедиціи, какъ вдругъ слышу, меня зовутъ, смотрю: никого нѣтъ—оборачиваюсь—его высочество, въ генералъ-адъютантскомъ сюртукѣ.... Иду далеко прогуляться, прощай, любезный....—Это показалось бы ему очень страннымъ. Такъ какъ движеніе мнѣ очень полезно и въ виду того, что я плохо спалъ двѣ послѣднія ночи, я пошелъ вчера, передъ сномъ, прогуляться; здѣшніе тротуары такъ пріятны и хорошо содержатся; я прошелъ адмиралтейскимъ бульваромъ до большой набережной и видѣлъ дворецъ, залитый огнями; было, говорятъ, 1300 человѣкъ на вчерашнемъ балу; не имѣю пока о немъ свѣдѣній, но во всякомъ случаѣ это указываетъ на то, что Императрица совсѣмъ здорова. Встрѣтилъ вчера пышныя похороны, огромное количество духовенства, спрашиваю—оказывается хоронятъ отца Криницкаго, духовника Ихъ Императорскихъ Величествъ; онъ умеръ нѣсколько дней тому назадъ, торжественность была большая.

Я увѣренъ, что сердце меня не обмануло и что дѣла сиротъ устроются мало по малу. Даже тотъ, кого величаютъ Петромъ Жестокимъ, Княземъ Каменнымъ, Княземъ Окаменѣлымъ, и тотъ измѣнился, когда дѣло коснулось семьи нашего покойнаго ангела. Государь только что пожаловалъ новую милость, которая спасетъ имѣніе брата въ Бѣлоруссіи..... Это великая милость, такъ какъ откуда бы взять эти 22 т. руб.? Какъ мы должны Бога молить за нашего несравненнаго Государя! Я очень несчастенъ, что уѣду не поблагодаривъ Е. В.

S-Pétersbourg, le 21 Décembre 1835.

C'est avec un double plaisir que je prends aujourd'hui la plume pour vous écrire, mes chères amies, car je le fais pour vous annoncer mon départ. Il paraît que ce départ tant désiré aura enfin lieu demain, Dimanche, dans la nuit. J'ai enfin établi Lise dans son logement au palais Tauride. Sans la conduite indélicate de m-r le c-te Koutayssoff, ce serait fait depuis longtemps et pas par ce froid horrible. J'ai dîné chez ma soeur, c'est-à-dire dans la chambre d'Hélène et puis je l'ai conduite là-bas, elle a déjà trouvé tout arrangé et meublé et surtout l'appartement chaud. Il ne manque que quelques estampes pour orner les murs, et pour commencer je lui porterai aujourd'hui les portraits de nos bienfaiteurs l'Empereur et l'Impératrice. Lise est très contente de son gîte, et c'est vraiment dommage qu'il soit trop petit pour contenir les deux soeurs. Можетъ быть и очистится другая квартирка побольше. Какъ бы ни было, сестры имѣютъ на все жизнь кровъ и кусокъ хлѣба по милости Государя. Heureusement que je me suis trouvé ici pour être utile à ces pauvres filles; je ne parle pas de tout ce que cela m'a coûté d'argent pour meubler l'appartement de ma soeur, tout cela eût été une miette de pain pour le comptoir de la cour qui devait le faire, sans quoi Koutayssoff n'avait qu'à dire non, et voilà tout, mais il a mieux aimé nous mettre dedans. То-то что, comme disait hier le bon Kisséleff,

царь жалуетъ, да псарь не жалуеть. Mais laissons cela, обошлись мы и безъ этого полу-турка. Je vous assure que je le croyais au moins bien élévé; il n'a même pas le savoir vivre d'un homme comme il faut.

Ce soir je compte aller faire mes adieux à monseigneur. Hier il m'a dépassé dans la rue. Il était en traîneau et moi à pied, il m'a crié: bon jour, Bff, venez me voir!

J'ai fini toutes les affaires, il n'y a donc que l'histoire du cabinet de mon frère, mais je n'en vois pas la fin, et à mon grand regret je partirai sans retirer mes lettres ni emporter bien des objets que j'aurais désiré avoir et qui ont appartenu à mon frère. On me promet tout cela après, je veux bien y croire; au reste, puisque Dieu a voulu que je le perde, je saurai me passer de choses inanimées qui lui ont appartenu,

Переводъ.

Петербургъ, 21 Декабря 1835.

Съ двойнымъ удовольствіемъ беру сегодня перо писать вамъ, дорогіе друзья мои, такъ какъ дѣлаю это, чтобы сообщить вамъ о своемъ отъѣздѣ. Повидимому столь желанный отъѣздъ этотъ состоится, наконецъ, завтра, въ ночь на Воскресенье. Наконецъ я устроилъ Лизу въ ея помѣщеніи въ Таврическомъ дворцѣ. Если бы ни неделикатное поведеніе гр. Кутайсова, все было бы устроено уже давно и не по такому страшному холоду. Я обѣдалъ у сестры, т. е. въ комнатѣ Елены, а затѣмъ проводилъ ее туда; она нашла уже все устроеннымъ и меблированнымъ, а главное—помѣщеніе теплое. Недостаетъ только нѣсколькихъ эстамповъ, чтобы украсить стѣны; для начала повезу ей сегодня портреты нашихъ благодѣтелей Государя и Императрицы. Лиза очень довольна своей квартиркой и, дѣйствительно, жалко, что она слишкомъ мала, чтобы помѣститься обѣимъ сестрамъ вмѣстѣ. Къ счастью, я находился здѣсь и могъ быть полезенъ этимъ бѣднымъ дѣвушкамъ. Не говорю о томъ какихъ денегъ мнѣ стоило меблировать квартиру сестры, все это было бы крошкой хлѣба для конторы двора, которая должна была это сдѣлать, а иначе Кутайсову стоило только сказать *нѣтъ*, вотъ и все; но онъ предпочелъ проволочить насъ. То-то что, какъ вчера говорилъ добрый Киселевъ, царь жалуетъ, да псарь не жалуетъ. Но оставимъ это, обошлись мы и безъ этого полу-Турка. Увѣряю васъ, я думалъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, воспитанный человѣкъ, а у него даже нѣтъ обходительности порядочнаго человѣка. Сегодня вечеромъ собираюсь поѣхать проститься съ его высочествомъ. Вчера онъ обогналъ меня на улицѣ. Онъ ѣхалъ въ саняхъ, а я шелъ пѣшкомъ, онъ крикнулъ мнѣ: здравствуй Б—ъ, приходи ко мнѣ. Я кончилъ всѣ дѣла, остается, значитъ исторія съ кабинетомъ брата, но не предвижу конца ей и къ большому сожалѣнію своему уѣду не выручивъ своихъ писемъ и не взявъ многихъ вещей, принадлежавшихъ брату и которыя я желалъ бы имѣть; мнѣ обѣщаютъ отдать все это потомъ, охотно хочу вѣрить этому. А впрочемъ, если Богу угодно было, чтобъ я лишился брата, сумѣю обойтись безъ предметовъ неодушевленныхъ, которыя ему принадлежали.

ДНЕВНИКЪ Н. И. ЦЫЛОВА*).

1863—1864 г.г.

30 Апрѣля 1863 года, Вторникъ. Въ два часа пополудни пріѣхалъ ко мнѣ курьеръ изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и объявилъ что завтра въ 11 часовъ правитель канцеляріи министра приглашаетъ меня къ себѣ.

1 Мая. Въ 11 часовъ утра я пріѣхалъ къ правителю канцеляріи министра, Михаилу Николаевичу Шидловскому, который объявилъ мнѣ: «Что министръ намѣренъ командировать меня, кажется, въ Могилевъ; вы представьтесь теперь ему, онъ вамъ самъ скажетъ». Я тотчасъ же пошелъ въ пріемную комнату министра, который въ 12 часовъ вышелъ и сказалъ мнѣ такъ: «Ваше п-во, я намѣренъ дать вамъ командировку; согласны ли вы на то?» Я отвѣчалъ: я имѣлъ честь поступить въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, чтобы исполнять всѣ ваши порученія, какія благоугодно будетъ вамъ на меня возложить, и потому я, нисколько не разбирая, готовъ принять всякую командировку». Тогда министръ Петръ Александровичъ Валуевъ мнѣ сказалъ: «А что, скоро ли вы можете собраться въ путь?» Я отвѣтилъ: хоть сей-часъ! «Ну хорошо, сказалъ министръ, пріѣзжайте ко мнѣ завтра въ 5 часовъ полудня, и я вамъ дамъ отправленіе». Я поѣхалъ домой.

Въ тотъ день вечеромъ къ чаю пріѣхала ко мнѣ Марья Дмитріевна Игнатьева съ сыномъ Володей, пришелъ Ѳедоръ Николаевичъ Шіяновъ, и мы сѣли втроемъ играть въ преферансъ по копейкѣ (обыкновенная наша цѣна). Въ половинѣ 10-го часа вечеромъ пріѣхалъ курьеръ отъ министра и сказалъ, что министръ проситъ меня теперь же къ себѣ. Я тотчасъ къ нему отправился, и когда онъ меня принялъ, то сказалъ: «Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ назначенъ гене-

*) Въ „Азбучномъ Указателѣ Русскихъ дѣятелей“ (С.-Пб. 1888) значится: „Цыловъ Николай Ивановичъ, генералъ-майоръ, составитель Атласа плановъ С.-Петербурга и Царскаго Села, бывшій полицмейстеръ, род. 27 Ноября 1799 г. † 1887 г.“

ралъ-губернаторомъ западныхъ губерній и желаетъ васъ видѣть; поѣзжайте теперь же къ нему. Въ половинѣ 11-го часу вечеромъ я былъ уже у М. Н. Муравьева. Онъ принялъ меня въ кабинетѣ, посадилъ и распрашивалъ о моей службѣ, не отсталъ ли я отъ военной службы, бывалъ ли я въ западныхъ губерніяхъ, и о полицейской службѣ. Потомъ простился, сказавъ, чтобъ я къ нему навѣдывался и что дней черезъ пять онъ сдѣлаетъ распоряженіе. Я возвратился домой, засталъ у себя своихъ гостей и Андрея Гавриловича Игнатьева, который, пришедъ по моемъ отъѣздѣ къ министру, продолжалъ за меня игру въ преферансъ. Въ часъ ночи всѣ разошлись.

2-го Мая. Въ 11 часовъ утра я пошелъ къ М. Н. Муравьеву, и онъ поручилъ мнѣ разузнать о хорошихъ офицерахъ С.-Петербургской полиціи и завтра ему доложить.

3 Мая. Въ 11 часовъ утра я былъ у М. Н. Муравьева и представилъ списокъ шести офицеровъ полиціи, которые по моимъ распросамъ были мнѣ рекомендованы; онъ записку эту оставилъ у себя, и я ушелъ.

4 Мая. Въ 11-ть часовъ по обыкновенію я былъ у М. Н. Муравьева и никакихъ приказаній не получалъ. Вечеромъ былъ у Бильбасова.

5. Въ 11 часовъ утра былъ у М. Н. Муравьева, и онъ сказалъ мнѣ: «Ну, Цыловъ, помолитесь Богу (перекрестилъ меня) и отправляйтесь въ г. Вильну двумя днями ранѣе меня». Я ушелъ и послалъ къ сыну моему Николаю письмо, чтобъ онъ немедленно отправилъ мою записку къ маменькѣ, которая въ то время находилась въ своей деревнѣ Алфавитовкѣ.

6 Мая. Въ 11-ть часовъ утра я былъ у М. Н. Шидловскаго, объявилъ ему о сдѣланномъ мнѣ приказаніи М. Н. Муравьевымъ и просилъ дать мнѣ предписаніе отъ г. министра и снабдить меня прогонными деньгами. Онъ объ этомъ доложилъ министру и по возвращеніи отъ него просилъ меня пріѣхать завтра.

7 Мая. Въ 11-ть часовъ утра я пріѣхалъ къ М. Н. Шидловскому и получилъ отъ него предписаніе данное мнѣ отъ министра и другую бумагу о выдачѣ мнѣ прогонныхъ денегъ на имя Департамента Общихъ Дѣлъ. Съ этою послѣднею бумагою я отправился въ Департаментъ и получилъ 659 р., изъ которыхъ 225 р. тотчасъ уплатилъ долгъ Бибикову, портному Бенцеловичу, сапожнику и другимъ лицамъ.

8 Мая. Въ 11 часовъ былъ у М. Н. Муравьева, который объявилъ мнѣ, что о командированіи меня въ его распоряженіе онъ получилъ уже отъ министра внутреннихъ дѣлъ увѣдомленіе и что объ отправленіи моемъ я получу отъ него предписаніе, вслѣдствіе чего я поѣхалъ прощаться къ роднымъ, друзьямъ и знакомымъ и на пути отъ Андрея Гавриловича Игнатьева къ Авдотьѣ Ивановнѣ Витте, близъ Самсоніевскаго Б. Проспекта встрѣтилъ жену мою Елену Дмитріевну, ѣхавшую ко мнѣ вмѣстѣ съ моею невѣсткою Ниною и внукомъ Николаемъ изъ деревни. Мы поздоровались, я поѣхалъ къ Авдотьѣ Ивановнѣ, а она ко мнѣ домой, куда и я скоро пріѣхалъ.

9 Мая. По случаю моего отъѣзда въ городъ Вильну, я сегодня и въ предшествующіе дни ѣздилъ прощаться къ слѣдующимъ лицамъ: 1) къ А. Г. Игнатьеву, 2) къ А. И. Витте, 3) Борису Борисовичу Гротенфельду, 4) Карлу Петровичу Ганзену. 5) Н. В. Медему, 6) С. И. Фохтъ, 7) Ѳ. Т. Никитенко, 8) Г. А. Ангелю, 9) А. И. Вальцу, 10) А. А. Баранцову, 11) А. П. Безаку, 12) Владиславу Эмериковичу Ольшевскому, 13) А. А. Бильбасову, 14) Н. П. Арцыбушеву, 15) Ан. Гр. Абраменкову. 16) Н. Ан. Ермакову, 17) частному приставу Постовскому, 18) П. П. Нейгардту, 19) П. И. Полю, 20) И. К. и 21) А. К. Мясниковымъ, 22) М. Н. Бѣлавину, 23) Н. И. Миллеру, 24) П. Н. Глѣбову, 25) К. И. Роту, 26) В. И. Гурьеву, 27) Силичу, 28) вечеромъ былъ у С. В. Болотникова, 29) еще былъ я у Н. М. Клементьева и 30) у И. Ѳ. Базилевскаго.

10 Мая. Въ 9 часовъ утра былъ у М. Н. Муравьева, но его не видалъ, ибо онъ сбирался ѣхать къ Государю Императору въ Царское Село, и потому я отправился къ нему по назначенію въ три часа полудня, но онъ изъ Царскаго Села не возвратился, ибо былъ приглашенъ къ обѣденному столу Государя Императора. Возвратясь домой, я получилъ отъ М. Н. Муравьева предписаніе отъ сего 10 Мая за № 86 съ надписью на конвертѣ: самонужнѣйшее. Въ предписаніи этомъ приказано мнѣ немедленно отправиться въ г. Вильну и ожидать тамъ дальнѣйшихъ его приказаній. Тотчасъ же я началъ сбираться въ дорогу, чтобы завтра отправиться. Вечеромъ у насъ былъ А. Г. Игнатьевъ съ женою. Заходилъ проститься съ Д. П. Дегаемъ.

11 Мая. Съ утра сбирался въ дорогу и укладывался. П. П. Пущинъ мнѣ усердно помогалъ. Въ 8 часовъ вечера я, жена моя, Ниночка и внукъ Коля сѣли въ карету, отправились въ церковь Знаменской Божіей Матери и, помолясь тамъ у вечерни усердно Господу Богу, поѣхали на станцію С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дороги,

куда пріѣхалъ и сынъ мой Николай. Дружно всѣ они со мной простились, благословили меня, я сѣлъ въ вагонъ 2-го класса, а слуга мой Артемій Яковлевъ въ вагонъ 3-го класса. Въ $9\frac{1}{2}$ часовъ вечера вагоны двинулись тихо, какъ бы давая средство подолѣе наглядѣться на милыхъ друзей моему сердцу; алюръ вагоновъ увеличился, и другъ-жена моя и дѣти сокрылись съ глазъ моихъ! И понесся я въ бурю новой жизни въ западный край. Сердце мое сжалось, я перекрестился, отдался на волю Господа, полный неизвѣстностью. А утѣшалъ себя только мыслію: «Все что ни дѣлается, все къ лучшему!!!» Утромъ А. П. Дегай, пріѣхавшій изъ Астрахани и узнавъ, что я сегодня уѣзжаю, былъ у меня и простился.

12 Мая. Весь день былъ въ дорогѣ, и въ 11 часовъ вечера поѣздъ прибылъ въ г. Вильну. Я сѣлъ въ карету, пріѣхавшую за пасажирами изъ гостиницы Европа, и прибылъ туда. Поселившись въ 22-мъ нумерѣ, весьма усталый, я приказалъ подать чаю, выпилъ четыре стакана съ лимономъ, съ наслажденіемъ легъ спать въ чисто приготовленную постель и спалъ какъ мертвый. За нумеръ, состоящій изъ одной комнаты, я уговорился платить по одному рублю въ сутки.

13 Мая. Въ 12-ть часовъ поѣхалъ къ военному губернатору Владиміру Ивановичу Назимову, который, по неприбытію новаго генералъ-губернатора М. Н. Муравьева, все еще управлялъ краемъ. В. И. Назимовъ принялъ меня чрезвычайно внимательно и узналъ меня какъ стараго знакомаго еще по служенію моему въ Артиллерійскомъ Училищѣ; долго разговаривалъ о западномъ краѣ и простился со мной очень мило. Отъ него я поѣхалъ къ губернатору Галлеру, съ которымъ весьма хорошо познакомился. Отъ него я поѣхалъ осматривать городъ и изучать его расположеніе улицъ и замѣчательныхъ зданій. Потомъ заѣхалъ въ Трокскую улицу въ домъ Тишкевича къ Николаю Леонтьевичу Дубельту, который женатъ на Александрѣ Ивановнѣ Базилевской. У нихъ я былъ принятъ восторженно какъ родной. Александра Ивановна пригласила меня къ себѣ обѣдать не только сегодня, но и всякой день. Въ $2\frac{1}{2}$ часа до обѣда я возвратился въ свой 22-й нумеръ къ моему слугѣ Артемію, разложилъ на столѣ карту Царства Польскаго и сталъ ее изучать. Въ $3\frac{1}{2}$ часа пріѣхалъ ко мнѣ съ визитомъ губернаторъ Галлеръ и просидѣлъ цѣлый часъ въ весьма интересныхъ разговорахъ о Польшѣ. Между прочимъ разсказалъ мнѣ, что вчера, въ 10-ти верстахъ отъ Вильны, инсургенты повѣсили одного старосту, а брату его за то, что онъ показалъ слѣды, гдѣ была шайка мятежни-

ковъ и которая нашими войсками была разбита, отрѣзали языкъ *) и что этотъ несчастный крестьянинъ сегодня привезенъ въ госпиталь.

14 Мая. Взявъ съ собою проводникомъ Еврея Кляцку, ходилъ по городу и осматривалъ улицы и зданія, сдѣлалъ визитъ губернскому почтмейстеру барону Льву Васильевичу Россильону. Выкуривъ у него сигару, отправился домой, читалъ газеты; ко мнѣ зашелъ Александръ Петровичъ Дубельтъ, назначенный состоять при М. Н. Муравьевѣ. Онъ мнѣ сказалъ что М. Н. остался въ Динабургѣ и долженъ сегодня пріѣхать въ Вильну. Когда Дубельтъ ушелъ, я легъ отдохнуть и приказалъ Кляцкѣ, чтобы онъ далъ мнѣ знать, когда пріѣдетъ въ Вильну М. Н. Муравьевъ. Кляцка въ 3½ часа пришелъ и объявилъ что М. Н. ѣдетъ съ экстреннымъ поѣздомъ и чрезъ полчаса будетъ въ Вильну. Я тотчасъ одѣлся и поѣхалъ на станцію, и дѣйствительно чрезъ полчаса М. Н. пріѣхалъ, и его встрѣтилъ я съ нѣкоторыми чиновниками его свиты. Зять Михаила Николаевича Шереметевъ, воспитывавшійся въ Артиллерійскомъ Училищѣ, когда я тамъ служилъ, сѣлъ ко мнѣ въ коляску. Я довезъ его до дома генералъ-губернатора и самъ поѣхалъ къ Дубельту обѣдать; въ 8 часовъ вечера возвратился домой, напился чаю, записалъ въ журналъ сегодняшній день и легъ спать.

15 Мая. Сегодня былъ пріемъ у М. Н. Муравьева всѣхъ чиновъ военныхъ, гражданскихъ, духовенства, купечества, Евреевъ и ксендзовъ; при этомъ пріемѣ я присутствовалъ. М. Н. со всѣми порознь говорилъ и каждому изъ нихъ дѣлалъ вопросы такъ умно и кстати, что я удивлялся его глубокому уму и энциклопедическимъ его познаніямъ дѣлъ. Всѣхъ военныхъ отъ имени Государя Императора благодарилъ за отличную ихъ службу и храброе, неутомимое преслѣдованіе Польскихъ мятежниковъ. Гражданскимъ же чиновникамъ сказалъ: «Г. Г., присяга данная нами Государю Императору для насъ составляетъ *первое*, а жизнь наша—*второе*, и потому я прошу васъ служить по присягѣ. Я не принимаю отговорокъ, какъ напримѣръ меня застращали мятежники, хотѣли повѣсить и т. п., и кто изъ становыхъ приставовъ не предупредитъ правительство о сборѣ мятежниковъ, принося въ оправданіе подобныя отговорки, тотъ будетъ судимъ военнымъ судомъ. Господа же помѣщики, оставившіе свои имѣнія, проживающіе здѣсь, должны поѣхать въ свои имѣнія и тамъ, умножая свое хозяйство, оберегать и насъ, и себя».

*) Замѣчательно, что это злодѣйство совершено въ день пріѣзда моего въ Вильну, и въ послѣдствіи дѣло это, уже по назначеніи меня членомъ Политической Коммисіи, поступило для изслѣдованія ко мнѣ; я открылъ злодѣевъ и довелъ ихъ до сознанія. См. 7-ое Іюня.

Отъ М. Н. М. я пошелъ къ Ильѣ Степановичу Фролову, генералъ-адъютанту, помощнику начальника войскъ Виленскаго округа, какъ къ старому знакомому; просидѣвъ у него съ часъ, зашелъ домой. Въ это время были у меня съ визитомъ: Виленскій губернскій почтмейстеръ Л. В. Россильонъ и командиръ л.-гв. Драгунскаго полка Никол. Леонт. Дубельтъ. Въ три часа до обѣда я былъ у Конст. Егоровича Дитерихса, командира артиллеріи, въ Виленскомъ округѣ расположенной. Дитерихсъ былъ юнкеромъ въ Артиллерійскомъ Училищѣ и въ моемъ отдѣленіи портупей-юнкеромъ, когда я служилъ въ Артиллерійскомъ Училищѣ дежурнымъ офицеромъ, начальникомъ 2-го отдѣленія и преподавалъ тамъ математику. Въ 4 часа я отъ него ушелъ и обѣдалъ у Дубельта. Вечеромъ былъ дома. Написавъ письмо въ стихахъ Варварѣ Петровнѣ Дубельтъ, легъ спать.

16 Мая. Въ 10 часовъ былъ у М. Н. Муравьева и не получилъ никакого приказанія. Былъ у военнаго начальника Ив. Ив. Шамшева, заходилъ къ Софьѣ Петровнѣ Шишко урожденной Дубельтъ, но не засталъ дома. Потомъ гулялъ по городу, пришелъ домой и нашелъ у себя визитную карточку К. Е. Дитерихса. Въ 2 часа поѣхалъ къ коменданту Александ. Серг. Вяткину; онъ отдыхалъ, меня приняла очень мило жена его Елисавета Алексѣевна.

17 Мая. День для меня былъ грустный и тяжелый. Въ 9 часовъ утра я былъ у М. Н. Муравьева, дожидался до 12 часовъ; въ 12-ть часовъ онъ пригласилъ меня въ кабинетъ, посадилъ и прочелъ мнѣ бумагу Слѣд. Коммиссіи по политическимъ дѣламъ, изъ которой было видно, что служащій въ Виленскомъ интендантствѣ ст. сов. Терлевскій три раза получилъ изъ Варшавы посылки, на которыхъ было надписано: 1-я) съ сукномъ, 2-я) съ книгою, 3-я) опять съ сукномъ, и что всѣ эти посылки заключали въ себѣ революціонныя прокламаціи, вслѣдствіе чего М. Н. приказалъ мнѣ снять съ Терлецкаго подробное показаніе, а бумагу препроводить къ губернатору, Ив. Владим. Галлеру. Потомъ онъ сказалъ мнѣ по секрету, чтобы сегодня ночью сдѣлать тщательный обыскъ въ богадѣльнѣ дворянки Домбровской. Вышедъ отъ М. Н., въ канцеляріи его получилъ я слѣдующее предписаніе: «Состоящему при мнѣ отставному генералъ-маіору Цылову. Предоставивъ в-е п-во въ распоряженіе начальника Виленской губерніи, прошу васъ явиться къ г.-г. Галлеру для полученія отъ него надлежащихъ указаній по могущимъ быть возложеннымъ на васъ порученіямъ. 17-го Мая 1863 года, № 182».

Представьте себѣ, мои друзья, кому не сдѣлается грустно отъ

такого предписанія? Анализируйте его. Во 1-хъ, заглавіе: *состоящему при мнѣ отставному г.-м. Цылову*. Что̀ это значитъ? Если я состою при немъ, значитъ я на службѣ, а не отставной. Правда, что изъ военной службы по производствѣ меня за отличіе въ ген.-маіоры я былъ уволенъ отъ службы и причисленъ къ Мин. Внутр. Дѣлъ какъ отставной; но къ М. Н. я командированъ отъ министра, въ распоряженіе (именно) М. Н. Муравьева, а потому и слѣдовало заглавіе свое написать не такъ, а вотъ какъ: командированному въ мое распоряженіе отставному г.-м. Цылову. Это мелочь, обижаться нечѣмъ; но самое предписаніе поставило меня въ весьма грустное положеніе, и вотъ оно, во 2-хъ: я принялъ командировку отъ министра только потому, что дѣйствительно, уважая Михаила Николаевича, какъ человѣка Европейскаго, желалъ душевно быть при немъ. Какъ же я могъ быть предоставленъ въ распоряженіе гражданскаго губернатора Галлера безъ всякаго моего на то согласія?!! Тѣмъ болѣе, что въ заглавіи написано отставному, слѣдовательно свободному человѣку. Притомъ я прослужилъ съ честію и умомъ 40 лѣтъ, а Галлеръ 20-ть. Я службой удостоился репутаціи хорошей и извѣстной чуть ли не всей Россіи, а Галлеръ никому неизвѣстенъ. Да я бы и за 10 т. руб. жалованья не тронулся изъ Петербурга, еслибъ зналъ что меня предоставятъ г.-м. Галлеру. Но дѣлать нечего! Изъ привязанности моей къ доброй моей женѣ, я это неудовольствіе проглотилъ, хотя коломъ въ горлѣ стояла эта грустная штука, и сердце было воспламенено. Я подумалъ, что чести я не потерялъ, время политическое, помогать правительству требуютъ честь, присяга, патріотизмъ, и даже жизнью, если это сколько-нибудь поможетъ дѣлу. Рѣшился, имѣя отъ роду 63 года и, какъ бы ничего не было, явился къ губернатору. Въ 3 часа Терлевскаго ст. сов. Поляка вытребовали, и я приступилъ къ допросу. Полякъ всегда Полякъ. Онъ имѣлъ 59 лѣтъ, получилъ три посылки и сказалъ, что бросилъ ихъ въ нужникъ, никому объ революціонныхъ листкахъ не объявляя, впрочемъ будто написалъ въ Варшавскій почтамъ, чтобъ на его имя посылокъ не принимали, а если принесутъ, то чтобы осматривали что̀ въ пакетѣ посылается. Но это еще требуетъ повѣрки. Далѣе онъ показалъ, что, со дня объявленія Варшавскому почтамту, онъ получилъ съ почты 4-ю, 5-ю и даже вчера 6-ю посылку; но всѣ эти посылки онъ, не вскрывая, представилъ своему начальству (всѣ эти послѣднія посылки онъ вѣрно потому представилъ, что испугался пріѣзда М. Н. Муравьева, а М. Н. Муравьевъ шутить не любитъ). На спросъ мой, почему же онъ не представилъ первую посылку начальству, равно 2-ю и 3-ю, онъ объявилъ, что боялся мщенія революціоннаго комитета. Когда я сказалъ ему: напрасно вы первыхъ посылокъ не представили,

тогда бы правительство сдѣлало распоряженіе поймать того человѣка, который бы принесть могъ вторую посылку на ваше имя, и революціонный комитетъ былъ бы открытъ, онъ мнѣ отвѣчалъ, что испугался и не зналъ что̀ дѣлать. По окончаніи допроса я сдалъ Терлевскаго губернатору; губернаторъ доложилъ мой допросъ М. Н. Муравьеву, который приказалъ Терлевскаго арестовать и дѣло передать въ слѣд. комиссію. Домой я пріѣхалъ въ 6 часовъ, не обѣдавши и потерявъ аппетитъ, выпилъ для возбужденія его рюмку водки, съѣлъ кусокъ хлѣба съ солью, легъ спать и проснулся въ 8 ч. Подали самоваръ, какъ вдругъ пришелъ ко мнѣ Зальманъ Викторъ, родной братъ бывшей жены моего сына Алексѣя; мы съ нимъ наговорились, напились чаю, и онъ ушелъ къ своему генералу барону Дельвигу *), а я пошелъ къ Дубельту и просидѣлъ у него до 11½ ч. Въ 12-ть ч. ночи пріѣхалъ ко мнѣ младшій полицейм. г. Вильны маіоръ Кон. Мих. Ножинъ, и я поѣхалъ для исполненія назначеннаго обыска въ предмѣстье Снипишки, въ благотворительное заведеніе дворянки Софіи Домбровской. Я разставилъ кругомъ дома часовыхъ; потомъ, еле-еле дозвонившись, вошелъ въ эту богадѣльню, разставилъ къ каждой двери по часовому, началъ обыскивать вездѣ, чрезъ квартальн. надзирателей Островскаго и Наумова и м. полиц. Ножина, но ничего подозрительнаго не нашелъ. И такъ, отъ 12-ти ч. ночи до 6½ ч. утра на 18-е Мая производился мною обыскъ по всѣмъ чердакамъ, подваламъ, чуланамъ и 50-ти слишкомъ комнатамъ. Въ 6½ часовъ я легъ спать какъ убитый.

18 Мая. Всталъ въ 10-ть ч., а въ 11-ть былъ у Галлера, а потомъ у Муравьева. Обѣдалъ у Дубельта, послѣ обѣда гулялъ вмѣстѣ съ Алекс. Ивановной Дубельтъ, докторомъ Войновымъ въ Ботаническомъ саду. Возвратясь домой, узналъ, что губернаторъ Галлеръ присылалъ за мной, и я тотчасъ же къ нему отправился. Онъ поручилъ мнѣ съ одного дворянина, управляющаго имѣніемъ и бумажною фабрикою помѣщицы Пуславской, находящихся въ пяти верстахъ отъ гор. Вильны, Бухгольца, снять допросъ. Дѣло въ томъ: вчера ночью въ Антокольскомъ католическомъ монастырѣ, называемомъ Петро-Павловскимъ, въ кельяхъ, гдѣ живутъ ксендзы, при обыскѣ найдены были четыре небольшихъ ящика, величиною въ сто сигаръ; въ трехъ ящикахъ находилась серебряная монета рублями, полуимперіалы и червонцы, а въ 4-мъ серебряныя вещи, которыя, какъ показалъ дворянинъ Потоцкой, находящійся въ монастырѣ на покоѣ, будто отданы ему на сбереженіе директоромъ той же бумажной фабрики. По снятіи

*) Барону Андрею Ивановичу (онъ также оставилъ записки о томъ времени). П. Б.

допроса оказалось, что Бухгольцъ даже съ Потоцкимъ и не знакомъ и тѣ ящики не отдавалъ на сбереженіе ему.

19-ое Мая. Троицынъ день. Утромъ въ 10 ч. прислалъ за мной губернаторъ и сказалъ, что надо снять допросъ съ дворянина, который управляетъ фабрикой, а Бухгольцъ управляетъ всѣмъ имѣніемъ, и потому для допроса далъ мнѣ уже другого дворянина, который дѣйствительно показалъ и доказалъ, что тѣ ящики принадлежатъ ему, и что онъ отдалъ ихъ на сбереженіе изъ опасенія, что инсургенты могутъ ихъ у него обобрать. Довольно неосновательная ошибка со стороны г. губернатора, не узнавъ человѣка, съ котораго надо было снимать допросъ, дать мнѣ другого какъ Бухгольца и чрезъ это заставлять меня трудиться безъ пользы. Допросъ я другой снялъ и отправился домой, собралъ свои вещи и изъ гостинницы Европа переѣхалъ на даровую квартиру Павла Васильевича Кукольника, который уѣхалъ на два мѣсяца за границу и въ своей большой квартирѣ помѣстилъ Павла Петр. Войнова, доктора л. гв. драгунскаго полка, которымъ командовалъ Н. Л. Дубельтъ и у котораго я съ нимъ познакомился.

20 Мая. Утромъ я былъ у М. Н. Муравьева въ парадномъ мундирѣ, потому что простого мундира не было (изъ Петербурга еще не прислали). Онъ поручилъ мнѣ дѣло. о Карлѣ Генрихѣ Малицкомъ, Австрійскомъ подданномъ изъ Галиціи, присланномъ изъ Петербурга. Я заѣхалъ домой, переодѣлся и поѣхалъ къ коменданту, потомъ пошелъ въ арестантскую къ Малицкому, первоначально разспросилъ его, чтобы познакомиться съ дѣломъ и вечеромъ что̀ было нужно доложилъ Михаилу Николаевичу.

21 Мая. Съ 9-ти ч. утра и до 9-ти ч. вечера провелъ въ сырой холодной комнатѣ у смотрителя секретныхъ арестантовъ подпоручика Никотина*), допрашивалъ Малицкаго. Комендантша Елисавета Алексѣевна Вяткина присылала мнѣ завтракъ, а съ Никотинымъ я раздѣлилъ вмѣстѣ армейской его обѣдъ.

22 Мая. Утромъ въ 9 ч. вмѣстѣ съ П. П. Войновымъ поѣхали смотрѣть на площадь, гдѣ разстрѣливали ксендза Ишору, но пріѣхали туда тогда, когда его уже закапывали, и войска возвращались; тутъ, разставшись съ Войновымъ, я поѣхалъ въ крѣпость къ коменданту, опять къ смотрителю Никотину и оканчивалъ допросъ съ Малицкаго до 9-ти ч. вечера и опять съ этимъ подпоручикомъ я отобѣдалъ. Въ 10 ч. по-

---

*) Можетъ быть сынъ Ивана Акимовича Никотина, превосходныя записки, котораго о Польскомъ мятежѣ напечатаны въ „Русской Старинѣ“ 1902 и 1903 г.г. П. Б.

шелъ къ М. Н. Муравьеву, но его не видалъ, потому что много было народу съ разными ему докладами. Въ этотъ день я получилъ письмо отъ жены за № 1-мъ и былъ отъ него очень веселъ.

23 Мая. Утромъ былъ у М. Н. Муравьева съ произведеннымъ мною допросомъ Малицкаго; въ часъ онъ меня принялъ, велѣлъ подождать и занялся съ другими лицами, а обо мнѣ позабывъ, отпустилъ уже въ 4½ часа, приказавъ допросъ Малицкаго прочесть со мною вмѣстѣ г. м. Петру Львовичу Соболевскому. Въ 5-ть ч. пріѣхалъ къ Дубельту, но они уже пообѣдали; добрая же Александра Ивановна приказала обѣдъ для меня оставить, мнѣ накрыли столъ, и я пообѣдалъ. Вечеръ тоже былъ у нихъ, игралъ въ преферансъ и выигралъ три рубля. Въ 1-мъ ч. ночи она приказала запрячь карету, и меня отвезли домой.

24 Мая. Въ 9 ч. утра я отправился съ Войновымъ смотрѣть разстрѣливаніе одного ксендза Землтскаго и одного помѣщика Лясковича. Это производилось въ 10½ ч. Церемоніалъ былъ весьма гласный; ихъ вели по улицамъ Вильны съ барабаннымъ боемъ, народу было гибель, всѣ тротуары, окна были засыпаны людьми, женскаго полу любопытствующихъ было болѣе, чѣмъ мущинъ. Польки ревели до истерическихъ припадковъ, падали на землю, молились, ругались, но ничто не взяло: ихъ разстрѣляли какъ разбойниковъ и мятежниковъ, тутъ же зарыли и затоптали. Съ мѣста казни я поѣхалъ въ арестантскую къ Малицкому и снялъ съ него дополнительное показаніе, отвезъ къ М. Н. и отдалъ генералу Соболевскому приложить къ первому моему допросу.

25 Мая. Утромъ я получилъ объявленіе съ почты на посылку присланную мнѣ: мундиръ, брюки и жилетъ. Пошелъ на почту и посылку получилъ. Возвратясь домой, у меня былъ съ визитомъ Николай Николаевичъ Хитрово, адъютантъ М. Н. Муравьева и помѣщикъ Henri Bielinski. Я съ Хитрово поѣхалъ къ Дубельтовымъ, чтобъ познакомить съ ними Хитрово. Въ тоже время за мною прислалъ М. Н. Муравьевъ, и по случаю командировки въ Динабургъ ген. маіора Петра Львовича Соболевскаго приказалъ мнѣ написать бумаги къ шести губернаторамъ по дѣлу Малицкаго. До обѣда я написалъ къ двумъ, обѣдалъ у Дубельта и послѣ обѣда пошелъ съ П. П. Войновымъ къ вечернѣ первоначально въ домовую церковь митрополита, а оттуда въ соборъ Св. Николая Чудотворца; въ 7 ч. въ канцелярію М. Н. Муравьева, гдѣ написалъ остальныя бумаги къ 4 губернаторамъ, выбравъ для каждаго тѣ обстоятельства изъ дѣла Малицкаго, которыя къ кому изъ губернаторовъ относились. Въ 12 ч. ночи эти бумаги, мною написанныя, были поданы къ подписи, и М. Н. Муравьевъ всѣ ихъ одобрилъ и подписалъ.

26 Мая. Подалъ М. Н-чу чрезъ Н. Гр. Лошкарева докладную записку объ опредѣленіи меня на службу по артиллеріи и съ оставленіемъ въ его распоряженіи. Потомъ былъ у арестанта Малицкаго. Потомъ у Шамшева, командира Атаманскаго полка.

27 Мая. Утромъ былъ у меня съ визитомъ г. Шишко, мужъ Софьи Петровны Дубельтъ, долго сидѣлъ у меня, разговоръ былъ политической, и я его убѣдилъ въ глупости Польскаго мятежа и въ томъ вредѣ, какой Поляки приносятъ своей отчизнѣ.

28 Мая. Утромъ ходилъ на почту и отослалъ письма въ Городскую Думу на вопросъ, желаю ли я поступить въ оцѣночную комиссію членомъ, и къ Порфирію Н. Глѣбову. Въ часъ получилъ предписаніе М. Н. Муравьева отъ сего числа за № 363: «Назначивъ в. п-во членомъ Виленской Слѣдственной Комиссіи, съ производствомъ присвоеннаго этой должности содержанія, предлагаю вамъ немедленно явиться къ предсѣдателю означенной комиссіи, коему вмѣстѣ съ симъ сообщено о вашемъ назначеніи». Я тотчасъ одѣлся и явился къ г. л. Сергѣю Гавриловичу Веселитскому. Собрался идти обѣдать къ Дубельту, но прислалъ за мной М. Н. Муравьевъ и поручилъ дѣло о дворянкѣ Еврипѣ Стаховской, которая была арестована за полученное на имя ея письмо съ возмутительными бумагами. Обѣдалъ у Дубельта и послѣ обѣда допрашивалъ Стаховскую, а вечеромъ доложилъ о ней М. Н., который и приказалъ ее освободить.

29 Мая. Освободилъ Стаховскую, и она цѣловала мои руки.

30 Мая. Съ 9-ти ч. утра до 4-хъ былъ въ комиссіи и занимался дѣломъ предводителя дворянства Гродненской губерн. гр. Старжинскаго.

31 Мая. Съ 9-ти ч-въ утра былъ въ комиссіи, потомъ поѣхалъ въ отдѣленіе Военнаго Госпиталя Св. Якова допрашивать Корзуна. Мѣстность великолѣпная.

1 Іюня. Въ 9-ть ч. зашелъ къ коменданту, старому знакомому ген. лейт. Александру Серг. Вяткину; прекрасная его супруга предложила мнѣ чаю, и я выпилъ четыре стакана; велѣли заложить лошадь и отправили домой.

3. Іюня. Окончилъ дѣло графа Старжинскаго и началъ дѣло повстанца дворянина Адама Домбровскаго.

4. Іюня. Ночь почти не спалъ отъ разныхъ мыслей, оставаться ли мнѣ на службѣ отставнымъ; заснулъ только въ 6 часовъ утра на 5-ое число.

6 Іюня. Одинъ изъ мятежниковъ просилъ смотрителя доложить комиссіи, что онъ имѣетъ тайну, которую скажетъ только въ комиссіи. Пришедъ онъ объявилъ, что такіе-то арестанты въ разговорахъ съ нимъ разсказали ему: что около 10 Мая они получили отъ Польскаго Комитета приказъ, чтобы старосту и лѣсника изъ одной и той же деревни, перваго повѣсить, а второму вырѣзать языкъ, и что это они исполнили въ лѣсу около двухъ миль отъ Вильны. Злодѣяніе это дѣйствительно было совершено, ибо лѣсника съ отрѣзаннымъ языкомъ привезли въ Госпиталь въ Вильну, и я ѣздилъ его смотрѣть. Изъ числа шести человѣкъ совершившихъ это злодѣяніе трое попались въ плѣнъ вѣроятно по Божіей волѣ, и тайна ихъ открылась упомянутымъ доносомъ. Дѣло это съ сегодня производить началъ я. Обѣдалъ у Дубельта, потомъ вмѣстѣ съ ними и прочими гостями поѣхали къ горѣ Трехъ Мучениковъ, вошли на нее и восхищались дѣйствительно красотою видовъ Вильны и самымъ городомъ. Оттуда поѣхали на музыку въ Ботаническій садъ, а изъ сада я пріѣхалъ домой сильно уставши. Чтобы не забыть, я запишу слѣдующее обстоятельство. Состоящій при военномъ министрѣ ген. маіоръ В. былъ назначенъ предсѣдателемъ нашей комиссіи вмѣсто ген. лейт. Сергѣя Гавриловича Веселитскаго. Новый предсѣдатель 4-го Іюня прибылъ въ комиссію; тутъ я увидѣлъ его въ первый разъ, и рожа его равно, какъ и манера, мнѣ очень не понравилась, а особенно мнѣ показалось что онъ вельми глупъ. Прослуживъ 45 лѣтъ, я былъ весьма опытенъ узнавать людей съ перваго взгляда. Все время присутствія В. былъ въ комиссіи вмѣстѣ съ Веселитскимъ. Что-же? На другой день въ комиссію поступаетъ отъ М. Н. Муравьева предложеніе объ оставленіи С. Г. Веселитскаго впредь до распоряженія по старому предсѣдателемъ комиссіи, а В., какъ говорятъ, оказался неспособнымъ съ перваго его разговора съ Михаиломъ Николаевичемъ и отъ предсѣдательства отказался. Дуракъ дуракомъ отправился обратно въ С.-Петербургъ. И такъ первое мое къ нему впечатлѣніе увѣнчалось справедливымъ моимъ взглядомъ на эту личность.

7 Іюня. Въ 8 часовъ пошелъ въ комиссію, подарилъ Атласъ 13-ти частей С.-Петербурга Сер. Гав. Веселитскому; занимался дѣломъ о повѣшаніи мятежниками одного деревенскаго старосты и объ отрѣзаніи языка лѣсничему; оба они были между собою родные братья. То и другое злодѣяніе совершилъ ксендзъ Мацкевичъ съ 15-ю человѣками мятежниковъ изъ шайки Вислоуха. Къ искреннему показанію объ этомъ преступленіи доведенъ мною до сознанія плѣнный Михаилъ Мацкѣвичъ. Отослалъ письмо къ управляющему домомъ нашимъ Лебедеву, съ приложеніемъ условія о проводѣ по всему дому газоваго освѣщенія мастеромъ Стольценбергомъ.

9 Іюня. Занимался съ часъ дѣлами вмѣстѣ съ Веселитскимъ. Изъ комиссіи я поѣхалъ въ соборъ св. Николая, усердно помолился Богу. По окончаніи обѣдни, нашедъ въ соборѣ Войнова, зашелъ познакомиться къ отцу протоіерею Гомолицкому; просидѣвъ у него съ полчаса, я замѣтилъ, что онъ весьма опытный и умный человѣкъ. По окончаніи визита поѣхалъ любоваться архитектурою постройки костела св. Анны. Когда Наполеонъ I былъ въ Вильнѣ, въ 1812 году, и видѣлъ этотъ костелъ, то сказалъ: онъ такъ хорошъ, что я на ладоняхъ бы перенесъ его въ Парижъ. Дѣйствительно, архитектура и работа геніальны. Внутри я не былъ; но говорятъ, что внутренность не соотвѣтствуетъ далеко наружности. Потомъ поѣхали мы къ Н. Н. Вельяминову, командиру Павловскаго полка *), у него я посидѣлъ съ полчаса, заѣхалъ справиться въ канцелярію М. Н. Муравьева, гдѣ живетъ Н. Н. Хитрово, его адъютантъ, но не добившись толку, поѣхалъ въ лавку, гдѣ купилъ образъ Остробрамской Божіей Матери вызолоченный и три фотографіи того же образа. Купилъ 21 листъ почтовой бумаги съ видами Вильны.

10 Іюня. Въ 10-ть часовъ утра разстрѣленъ дворянинъ Юліанъ Лѣсневскій.

12 Іюня. Въ 4 часа председатель комиссіи пригласилъ меня вмѣстѣ съ собою и членомъ г.-м. Алексѣевымъ ѣхать для допроса къ Сигизмунду Сѣраковскому. Мы поѣхали втроемъ въ коляскѣ въ отдѣленіе Военнаго Госпиталя св. Якова и, пробывъ у Сѣраковскаго до 6 часовъ, ничего не могли отъ него добиться кромѣ ученыхъ его преній; но весьма любопытно было слышать и видѣть его энергію, съ которою онъ стремился добиться гласнаго надъ нимъ суда. Любопытно видѣть, какъ онъ объяснялся, зная, что смерть близка, зная самъ, что его преступленіе заслуживаетъ смертную казнь неизбѣжно, сознавая ее, какъ имъ заслуженную. Возвратившись отъ Сѣраковскаго въ 6½ часовъ, я не имѣлъ уже аппетита обѣдать, совершенно морально разстроенный. Уснулъ и въ 9-мъ часу для развлеченія поѣхалъ на музыку, а оттуда къ Дубельтовымъ пить чай и играть въ ералашъ, выигралъ 2 р. 30 к.

13 Іюня. Занимался дѣломъ ксендза Кайро, который былъ законоучителемъ въ Ковенской гимназіи и при директорѣ гимназіи Шульгинѣ, читая урокъ, о царской власти употребилъ выраженіе: а если

---

*) Николай Николаевичъ Вельяминовъ (скончавшійся въ Москвѣ директоромъ Измайловской богадѣльни) оставилъ также записки о службѣ своей въ Вильнѣ. П. Б.

царь будетъ предписывать, что противъ религіи, то вы должны быть.... *) т. е. въ большомъ волненіи. Обѣдалъ у Дубельта, послалъ женѣ письмо и 100 рублей. Къ чаю пріѣзжала ко мнѣ Генріета, урожден. Сипайло, чай не пила.

14 Іюня. Съ 8 до 5 часовъ въ комиссіи занимался дѣломъ отставнаго полковника Андрея Орды. Обѣдалъ у Дубельта. Послѣ обѣда былъ у Дурасѣвича, который женатъ на дочери Сипайло, пилъ у нихъ чай.

15 Іюня. Отослалъ письма къ сыну Андрею и женѣ моей за № 4. Сегодня въ 10 часовъ утра казнили смертью повѣшанія бывшаго капитана генер. штаба Сѣраковскаго, который измѣнилъ присягѣ, вступилъ въ шайку мятежниковъ, предводительствовалъ ею, казнилъ плѣнныхъ смертію повѣшанія. Назывался подъ именемъ Доленги. Шайка его была разбита ротами л. гв. Финляндскаго полка, подъ командою командира полка г.-м. Ганецкаго. Сѣраковскій былъ раненъ и взятъ скрывавшимся въ избѣ лѣсника вмѣстѣ съ другимъ начальникомъ шайки Колышкою, который казненъ прежде.

18 Іюня. Въ 7 часовъ вечера такой шелъ дождь съ громомъ, что по гористымъ улицамъ Вильны какъ бы быстрыя рѣки текли глубиною въ аршинъ, зрѣлище прекрасное! Сегодня я кончилъ слѣдствіе надъ мятежниками, которые въ деревнѣ нашего мужика старосту Андрея Томашевича повѣсили, а родственнику его Ивану Томашевичу отрѣзали языкъ. Преступники: Вашкѣвичъ, Мунчунскій и Королькѣвичъ подлежатъ наказанію смертной казни. Грустно мнѣ было производить это слѣдствіе, но что дѣлать? Сами виноваты, въ преступленіи сами сознались при слѣдствіи.

20 Іюня. Обѣдалъ по приглашенію у С. Г. Веселитскаго. Видѣлъ у него его брата Ив. Гавр. Веселитскаго, бывшаго воспитанника Артил. Училища и который женатъ на дочери Алексан. Богдан. Дихеуса. Сегодня удалось сдѣлать въ комиссіи доброе дѣло, защитить одного крестьянина отъ незаслуженнаго имъ наказанія.

23 Іюня. Всталъ въ 9 ч., былъ у обѣдни въ домовой церкви генер.-губернатора, встрѣтился тамъ съ Степаномъ Ѳедоровичемъ Панютинымъ, который назначенъ губернаторомъ въ г. Вильну вмѣсто г.-м. Галлера. Вотъ судьба: С. Ф. Панютинъ, вмѣстѣ со своими братьями, Николаемъ и Павломъ, былъ у меня пансіонеромъ въ 1837 году, я ихъ готовилъ въ Артиллерійское Училище, и вотъ чрезъ 26 лѣтъ судьба привела быть мнѣ старику почти подъ командой, если бы въ Вильнѣ не

*) Такъ въ подлинникѣ. П. Б.

было генералъ-губернатора. Отдалъ сегодня проектъ мой о введеніи въ Вильнѣ адреснаго стола князю Шаховскому состоящему при М. Н. Муравьевѣ.

25 Іюня. Сегодня расчиталъ моего соннаго лакея Артемія и отпустилъ. Онъ получалъ въ мѣсяцъ 15 руб.

26 Іюня. За слѣдствіе, мною произведенное, за выписку и докладъ, мною составленный, предсѣдатель меня благодарилъ. Это слѣдствіе мною произведено объ отрѣзаніи мятежниками одному крестьянину языка и о повѣшаніи другого за то, что они навели наше войско на ихъ шайку. Фельдшеръ Бедеръ началъ мнѣ служить за 5 р. въ мѣсяцъ, такъ какъ я живу вмѣстѣ съ докторомъ Войновымъ.

28 Іюня. Отправилъ письма: къ сыну Николаю и къ Липранди два; съ 8 до 5 былъ въ комиссіи, занимался дѣлами тѣхъ же лицъ какъ и вчера; обѣдалъ въ клубѣ, потому что Дубельтъ вчера отправился въ Динабургъ смотрѣть Уланскій полкъ по порученію корпуснаго командира Его Высочества Николая Николаевича.

30 Іюня. Былъ у М. Н. Муравьева, его не видалъ. Потомъ ѣздилъ съ визитомъ къ начальнику штаба Виленскаго округа Аполону Эрнестовичу Цимерману.

1 Іюля. Занимался допросомъ бывшаго кондуктора Инженернаго Училища Сигизмунда Минѣйки, который сознался, что былъ начальникомъ шайки мятежниковъ въ Ошмянскомъ уѣздѣ.

2 Іюля. Вторникъ. Отослалъ письмо внуку Николѣ Цылову.

3 Іюля. Веселитскій объявилъ, что М. Н. Муравьевъ назначаетъ его Гродненскимъ губернаторомъ. Я занимался составленіемъ докладовъ по дѣлу жены кол. сов. Октавіи Пальчевской и по дѣлу полковника Андрея Орды.

4 Іюля. Ко мнѣ пришли помѣщикъ Снитко, бывшій воспитанникъ Артиллерійскаго Училища, и губернскій почтмейстеръ Россильонъ, пили у меня чай до 11½ часовъ. Получилъ сегодня дѣло Александра Оскерки, которымъ и занимался. Въ этотъ день я видѣлъ необыкновенное слѣдующее зрѣлище: лѣсникъ, которому мятежники отрѣзали языкъ, выздоровѣлъ и призванъ былъ въ комиссію; когда я представилъ ему виновниковъ сознавшихся въ этомъ преступленіи, то одинъ изъ нихъ, по фимиліи Мунчунскій, бросился къ нему въ ноги и сталъ ихъ цѣловать, прося прощенія. Зрѣлище умилительное, зная, что преступниковъ скоро должно казнить.

5 Іюля. Занимался дѣлами: 1) отставнаго поручика Александра Оскерки, какъ участника въ Польскомъ возстаніи по литературной части; 2) Еврея Израиля Пензена, имѣвшаго сношеніе съ мятежниками.

7 Іюля. Былъ у обѣдни въ церкви у ген.-губернатора, потомъ ѣздилъ съ визитомъ къ губернатору С. Ф. Панютину, отвезъ ему книгу мою: Описаніе улицъ С.-Петербурга въ 1863 году, но не засталъ его дома. Потомъ былъ съ визитомъ у коменданта Вяткина. Видѣлся у него съ А. В. Паткулемъ.

10 Іюля. Занимался въ комиссіи дѣломъ архитектора Бема, который по мнѣнію моему вовсе ничѣмъ не виноватъ.

11 Іюля. Вечеромъ у меня пилъ чай ст. сов. Дмитрій Егоровичъ Савичъ.

12 Іюля. Въ комиссіи занимался дѣлами Еврея Пекара, Идаліи Парадовской и ксендза Гундіуса. Сегодня совершенно убѣдился, что предсѣдатель Веселитскій собственно весьма хорошъ къ моей личности, но такъ несправедливъ, дерзокъ и грубъ съ лицами попавшимися подъ слѣдствіе, что компрометируетъ не только лицъ правительствующихъ, но и самую Россію. Благородному человѣку нельзя быть свидѣтелемъ его дѣйствій, и я даю честное слово себѣ не скрывать его дѣйствій, если къ тому представится случай; если же теперь молчу, то потому только, что не хочу быть доносчикомъ. Но Богъ его строго накажетъ за дѣла: полковника Орды, Идаліи Парадовской, Андрея Бема и Александра Оскерки!!! И я впередъ угадываю, что у меня должна быть когда-нибудь съ нимъ такая разладица, чрезъ которую я изъ комиссіи выйду, и если правда будетъ имѣть мѣсто у людей, какъ у совѣсти и у Бога, то я долженъ буду остаться въ большомъ выигрышѣ у начальства и у службы. Если жъ истина до высшихъ властей не дойдетъ, чрезъ что зло, несправедливость и взятки будутъ имѣть мѣсто, то я всетаки, останусь какъ масло поверхъ воды; ибо до сихъ поръ всѣ люди меня знающіе практически всегда считали, считаютъ и будутъ считать за человѣка справедливаго, честнаго, благороднаго и вѣрнаго слугу отечеству и Государю. 44 года я служу, и нѣтъ человѣка, который бы, ставъ со мной лицо къ лицу, могъ бы представить или уличить въ какомъ либо случаѣ компрометирующемъ мою честь и совѣсть, чтò составляетъ все мое достояніе.

Іюля 13. Вечеромъ возвращался въ С.-Петербургъ л.-гв. Финляндскій полкъ, командиръ котораго былъ Ив. Степан. Ганецкій. Полкъ этотъ заслужилъ особое уваженіе во всѣхъ дѣлахъ при разбитіи мя-

тежническихъ Польскихъ шаекъ, особенно подъ мѣстечкомъ «Мяткишки» Виленскаго уѣзда. Всѣ военнослужащіе въ г. Вильнѣ устроили сдѣлать проводы л.-гв. Финляндскому полку, и потому составилась подписка. Къ 11-ти часамъ вечера почти всѣ начальствующіе военные чины, штабъ генералъ-губернатора, въ числѣ всѣхъ до ста человѣкъ, собрались на станцію желѣзной дороги, гдѣ въ большой залѣ былъ накрытъ ужинъ. При входѣ въ залъ г.-м. Ганецкаго, главныя лица его встрѣтили, и хоръ музыки того же полка привѣтствовалъ виновника нашего дружескаго вечера восторженнымъ чувствомъ Русскихъ, съ неумолкаемымъ ура, всѣхъ солдатъ, стоящихъ на дворѣ, кругомъ залы, при открытыхъ окнахъ. Чинно всѣ усѣлись за столъ, и послѣ перваго блюда, при душевныхъ воедино слившихся чувствахъ, былъ выпитъ каждымъ непремѣнно полный бокалъ шампанскаго вина, при возглашенномъ тостѣ: за здравіе Государя Императора Освободителя! Это ура изображало самую побѣдоносную силу Россіи, силу, изображающую величіе Царя и величіе Русскаго народа, вѣрноподданнаго безъ малѣйшей примѣси лицемѣрія. Ура долго не останавливалось, и лишь малѣйше звукъ его прекращался, какъ съ большей еще силой возобновлялся. Звукъ этотъ, сливаемый съ хоромъ военной музыки игравшей: Боже царя храни, производилъ въ свидѣтеляхъ и вмѣстѣ дѣйствующихъ лицахъ такое благоговѣйное чувство восторга, которое не выражается ни въ какую форму словъ. Спустя нѣсколько минутъ былъ предложенъ тостъ за здравіе великолѣпнаго нашего начальника края Михаила Николаевича Муравьева. Электрическое ура, повторенное много разъ и раздавшееся по всей Вильнѣ, выразило то непритворное чувство дѣйствительнаго и полнаго къ нему уваженія, которое онъ вселилъ своимъ мудрымъ управленіемъ краемъ, возстановивъ въ немъ народное Русское чувство гордости, снявъ съ него арестъ, наложилъ его на Поляковъ, ихъ образумилъ и указалъ имъ законное правительство, предъ которымъ они должны давать отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Мы, ближайшіе свидѣтели его распоряженій, можемъ вѣрнѣе оцѣнить то благо, которое проявляется на насъ Русскихъ отъ бдительности, вѣрнаго взгляда и ума Михаила Николаевича. Теперь мы спимъ покойно и не кладемъ револьверовъ подъ подушку, по улицамъ ходимъ безбоязненно и безъ провожатыхъ даже ночью. Траура, напоминающаго грусть, нѣтъ! При встрѣчахъ намъ учтиво и съ большою вѣжливостію даютъ дорогу съ видимымъ уваженіемъ. Объ искусственныхъ дождяхъ и помину нѣтъ, музыки два хора играютъ въ саду ежедневно. Театръ возстановился и бываетъ полонъ, и даже 14-го Іюня, Воскресенье, хоръ славныхъ Русскихъ дѣвушекъ, разнаряженныхъ въ разноцвѣтныя веселыя платья, цѣлымъ хоромъ возлѣ театра пѣли ро-

димыя наши Русскія пѣсни про невѣстъ и жениховъ. Извините это отступленіе отъ провожанія достойнаго полка, сливающагося съ именемъ благородной Финляндіи, увлекло чувство теперешней жизни въ г. Вильнѣ, чувство удовольствія и возстановившагося достоинства Русскаго отъ специфическихъ средствъ управленія. Возвратимся продолжать ужинъ и восторженность чувствъ. Третій тостъ былъ предложенъ за здоровье Ив. Ст. Ганецкаго, командира полка, всѣхъ г. г. штабъ и оберъ-офицеровъ полка и всѣхъ въ немъ служащихъ нижнихъ чиновъ. Ура, которое было вызвано этимъ тостомъ, понятно Русскому сердцу, равно какъ и послѣдующіе звуки ура отъ тостовъ: за Россійское храброе воинство, за 1-ю и 2-ю гвардейскія дивизіи, за л.-гв. Драгунскій и Казачій полки, участвовавшіе лихо въ дѣлахъ противъ мятежниковъ Польскихъ и инсургентовъ, за полковыхъ командировъ сихъ полковъ Н. Л. Дубельта и Ив. Ив. Шамшева, за нижнихъ чиновъ получившихъ знаки отличія военнаго ордена, а уже потомъ... и отъ всѣхъ и за всѣхъ!!! Словомъ, радость, веселье, чувства вѣрноподданническія и непритворное чувство благодарности Михаилу Николаевичу составляли великолѣпный квартетъ, разыгранный тысячью человѣками какъ бы однимъ самымъ высокимъ виртуозомъ. Разумѣется, ужинъ не прошелъ безъ спичей, которыхъ было до десяти, и длинные, и средніе, и короткіе, но всѣ кстати, и въ чувствахъ выражающихъ: благородный патріотизмъ Русскихъ, безпредѣльную вѣрноподданническую преданность и любовь къ Царю Освободителю, и братство Русскаго народа. Для собственной своей памяти я записываю спичъ, сказанный мною, положимъ хоть худой, но и онъ болѣе интересенъ для моего потомства и друзей занимающихъ бель-этажъ моего сердца:

Иванъ Степановичъ!
Не жалѣли вы трудовъ,
Не жалѣли жизни вашей,
И разбивши Поляковъ,
Не забудьте жъ дружбы нашей!

Самодуръ Веселитскій неудачно сказалъ спичъ и предложилъ тостъ за здравіе В. И. Назимова, который допустилъ безпорядки въ Литвѣ.

Въ часъ пополуночи подъѣхалъ къ вокзалу поѣздъ съ вагонами, полкъ и Ганецкій усѣлись въ вагоны или правдивѣе улеглись и помчались въ Петербургъ съ дружными проводами на дружныя встрѣчи. Почти въ 2 часа я пріѣхалъ домой на телѣгѣ, ибо не нашелъ извозчика, и легъ спать полупьяный. День пріятнаго молодаго ощущенія на 63-мъ году моей жизни! За эти проводы съ каждаго лица пришлось заплатить по 13 рублей. И я денежки 13 рублей внесъ.

14 Іюля. Послѣ обѣдни въ церкви дома г.-губернатора былъ съ визитомъ у князя Анатолія Ив. Барятинскаго, который прибылъ съ полкомъ л.-гв. Преображенскимъ имъ командуемымъ, у г.-м. Александра Романовича Дрентельна, начальника 1-й дивизіи, смѣнившей вторую и у князя Александра Прохоровича Ширинскаго-Шахматова, попечителя Виленскаго учебнаго округа.

16 Іюля. На квартирѣ остался одинъ, ибо Войновъ переѣхалъ въ госпиталь на Антоколѣ. Служба въ комиссіи дошла до отвратительности.

17 Іюля. Подалъ Веселитскому записку объ увольненіи меня изъ членовъ комиссіи. Послалъ статью къ Краевскому о проводахъ л.-гв. Финляндскаго полка.

18 Іюля. Окончилъ дѣло дѣвицы Парадовской и архитектора Бема и подалъ отдѣльное свое мнѣніе о ихъ невинности. Потомъ занимался дѣлами братьевъ Колбовъ и дѣломъ инструментальнаго мастера Коровая.

21 Іюля. Говорилъ Н. Гр. Лошкареву о поданной мною запискѣ предсѣдателю Виленской комиссіи по политическимъ дѣламъ г.-л. Веселитскому о томъ, что я не хочу быть членомъ этой комиссіи, потому что въ ней дѣла рѣшаются не такъ какъ должно, несправедливо, обращеніе предсѣдателя съ несчастными подсудимыми дерзко, невѣжливо, что комиссія эта компрометируетъ Россію и что мнѣ совѣстно, при такомъ предсѣдателѣ-болванѣ, быть членомъ комиссіи этой. Просилъ меня уволить. Лошкаревъ обѣщалъ. Потомъ я поѣхалъ къ Павлу Васильевичу Полянскому, управляющему земскою случною конюшнею. Отъ него поѣхалъ къ Н. М. Муравьеву, сыну ген.-губернатора, потомъ былъ у князя Ширинскаго-Шахматова, отдалъ ему книгу моего изданія Описаніе улицъ С.-Петербурга. Таковую же книгу съ моею надписью занесъ къ Н. М. Муравьеву.

22 Іюля. День тезоименитства Государыни Императрицы. Къ 10-ти часамъ утра всѣ военные и гражданскіе чины собрались въ полной парадной формѣ къ М. Н. Муравьеву. Въ 10 часовъ онъ вышелъ, подходилъ ко всѣмъ сословіямъ, къ собраннымъ помѣщикамъ, къ ксендзамъ, къ обществу Евреевъ и весьма кстати и умно сказалъ имъ приличныя наставленія. Потомъ всѣ православные отправились въ соборъ Св. Николая Чудотворца. Обѣдню служилъ архіерей. Великолѣпные пѣвчіе митрополита, торжественная обѣдня, въ замѣчательномъ архитектурою соборѣ, все это вселяло въ душу божественное умиленіе съ расположеніемъ къ теплой молитвѣ. Къ молебну облачился митрополитъ Симашко и совершалъ молебствіе самъ лично; къ молебну прі-

ѣхалъ и генералъ-губернаторъ. Представьте себѣ старца митрополита Симашко (наружность его величественная, лицо выражающее глубокій умъ) въ полномъ великолѣпномъ облаченіи стоящаго и держащаго въ рукахъ, отъ старости дрожащихъ, крестъ нашего Христа Спасителя, которымъ осѣняетъ провозглашеніе многія лѣта Царю-Освободителю Александру II-му, и представьте имя М. Н. Муравьева принадлежащее потомству, имя, которое заняло высокое мѣсто на скрижалахъ Исторіи Русской, и лично самого Михаила Николаевича цѣлующаго крестъ и руку благословителя.

Дѣти и потомки мои! Вѣрьте, что государство только тогда славно и велико, когда народъ мыслитъ какъ одинъ человѣкъ о безпредѣльной преданности своей къ такому Царю какъ Александръ II, несмотря на ошибки правительства, которыя вездѣ возможны и которыя всегда будутъ, ибо правительства составляютъ люди, а у людей есть страсти. Отъ обѣдни я пошелъ домой; на дорогѣ меня настигъ П. В. Полянской, ѣхавшій изъ церкви въ коляскѣ, пригласилъ меня сѣсть съ собой. Мы заѣхали ко мнѣ на квартиру, я ему подарилъ на память книгу моего изданія планы С.-Петербурга съ 1700 года по царствованіямъ, и потомъ вмѣстѣ мы поѣхали къ Александру Романовичу Дрентельну поздравить супругу его Марью Васильевну со днемъ ея ангела. Вечеромъ былъ театръ. Весь городъ былъ отлично илюминованъ, не было окна даже въ подвальномъ этажѣ, на которомъ бы не стояли двѣ зазженныя свѣчи, во многихъ мѣстахъ были выставлены транспараны съ вензелями Царя и Царицы. Народъ веселился, музыка играла, и пѣсни Русскія въ столицѣ Литвы раздавались въ разныхъ мѣстахъ города; замѣчательно были илюминованы костелы, на высокихъ колокольняхъ которыхъ ярко горѣли вензеля Александра II и Императрицы Маріи Александровны.

23 Іюля. Занимался дѣлами ксендза Гундіуса, Вончеслава и составлялъ выписку изъ дѣла Еврея Ицки Пекара. 20-го Іюля въ Суботу случилось казусное обстоятельство при допросѣ моемъ ксендза Гундіуса. Между бумагами найденными у васъ найдена проповѣдь ваша; поясните, въ которомъ году и гдѣ вы ее говорили, и съ какою цѣлію вы избрали въ такое мятежное время, въ церкви, тему вашего проповѣданія о борьбѣ и о войнѣ? Для того, чтобы ему было легче объяснять свою проповѣдь на данный ему вопросъ, я отдалъ ему собственноручно написанную имъ проповѣдь на Польскомъ языкѣ, а самъ началъ читать другое дѣло. Когда Гундіусъ написалъ отвѣтъ, то я предложилъ ему прочесть мнѣ что̀ онъ написалъ. Гундіусъ началъ съ того, что проповѣдь эту онъ читалъ въ г. Вильнѣ въ костелѣ Св. Яна, но въ кото-

ромъ году не помнитъ. Надо здѣсь предварительно замѣтить, что Гундіусъ уже былъ сосланъ на жительство въ г. Вятку за возмутительныя свои проповѣди и по манифесту 17-го Апрѣля 1862 года былъ возвращенъ на родину подъ надзоръ деревенскаго настоятеля. А какъ на подлинной проповѣди на углу листа была помѣта 1863 Mich., доказывающая, что проповѣдь эту онъ читалъ послѣ возвращенія своего изъ Вятки, и что ссылка не исправила его отъ распространенія въ Литвѣ возмутительнаго духа, то Гундіусъ, предполагая, что помѣты его: «1863 Mich.» я не замѣтилъ, тихонько, когда я отошелъ отъ стола своего, за которымъ сидѣлъ и Гундіусъ, оторвалъ этотъ уголокъ отъ подлинной бумаги и спряталъ его въ боковой карманъ, предполагая, что тѣмъ онъ утаитъ время чтенія проповѣди, а слѣдовательно время чтенія проповѣди, оторваніемъ помѣты, онъ отнесетъ до ссылки его въ Вятку, и тогда эта возмутительная проповѣдь будетъ служить его прежнею виною, за корую онъ былъ сосланъ и тѣмъ скроетъ его новое преступленіе. Но когда я спросилъ: отчего оторванъ уголъ, на которомъ была помѣта 1863 Mich., то онъ оробѣлъ и признался, что это онъ самъ оторвалъ, о чемъ и былъ составленъ актъ. Сегодня же, когда я сдѣлалъ ему письменный вопросъ: съ какою цѣлію онъ оторвалъ ту помѣту, онъ такъ заплакалъ и такъ рыдалъ отъ сознанія, что онъ это сдѣлалъ противъ совѣсти и что этотъ поступокъ ляжетъ на его душу какъ клеймо тяжкое, что я не могъ вынести его мученій, и мои слезы уже начали орошать мои рѣсницы, и я вышелъ на крыльцо. Разсудите его поступокъ психологически, и вы согласитесь, что онъ оторвалъ помѣту безсознательно, изъ чувства самосохраненія, ибо утопающій и за соломенку хватается. Богъ ему проститъ! И я прощаю, но глупый и звѣрской предсѣдатель комиссіи, Грибоѣдовскій Скалозубъ, или настоящій Веселитскій ему не проститъ, чтобы выслужиться у М. Н. Муравьева; но онъ ошибется, ибо М. Н. человѣкъ хотя очень строгій но вмѣстѣ съ тѣмъ и благородный и честный и непремѣнно понимающій Веселитскаго. Теперь иду къ Н. Л. Дубельту обѣдать и отвести душу въ разсужденіяхъ этого благороднаго и умнаго человѣка. Помѣта Гудіуса 1863 Mich. означаетъ, что проповѣдь эта была читана въ костелѣ, находящемся въ мѣстечкѣ Михалишкахъ Виленскаго уѣзда, въ 1863-мъ году.

24 Іюля. Сегодня я получилъ для изслѣдованія дѣло, поступившее въ комиссію 6-го Іюля, и по безпорядку въ комиссіи существующему (подъ предсѣдательствомъ г. л. Веселитскаго, справедливо прозваннаго самодуромъ) отданное мнѣ только сегодня, т. е. спустя 18 дней. При дѣлѣ этомъ препровождены были четыре родныхъ брата крестьяне Шве-

довичи Виленскаго уѣзда, арестованные по доносу крестьянина Ивана Маслинскаго. Разсмотримъ теперь дѣло Шведовичей и результатъ отъ безпорядковъ въ комиссіи существующихъ.

По разслѣдованію пристава 3 стана Виленскаго уѣзда оказалось, что 106 человѣкъ крестьянъ подъ присягою показали, что Шведовичи отличнаго поведенія, хорошіе и зажиточные хозяева, что старшій изъ нихъ Феликсъ, 18 лѣтъ, былъ старшиною общества и имѣетъ двѣ серебреныя медали за усердіе, и что они, какъ и ни одно лицо съ ихъ деревни, никакихъ сношеній съ мятежниками не имѣли и никакихъ припасовъ имъ не доставляли. Напротивъ, доносчикъ Иванъ Маслинскій дурной нравственности, пьяница, безпокойный и ложный человѣкъ, и сдѣлалъ на Шведовичей доносъ изъ мщенія за то, что они ведутъ съ нимъ дѣло по раздѣлу земли, и что старшій ихъ братъ, бывши старшиною, по приговору общества, наказывалъ Маслинскаго за воровство и за побои, причиненныя имъ родному своему отцу, котораго онъ даже сѣкъ розгами. Далѣе въ дѣлѣ есть и показаніе доносчика Маслинскаго, въ которомъ онъ самъ сознается, что доносъ этотъ онъ сдѣлалъ по наущенію его другимъ крестьяниномъ, который будто увѣрилъ Маслинскаго, что если Шведовичей арестуютъ, тогда землю отъ нихъ возмутъ и отдадутъ Маслинскому. Каковъ этотъ проклятой доносчикъ? И каково страданіе физическое и моральное четырехъ родныхъ честныхъ братьевъ и каково невинное страданіе оставшихся четырехъ ихъ семействъ въ рабочее время, проживающихъ только трудами своихъ рукъ? И эти бѣдные труженики, страдающіе отъ нелѣпаго доноса, еще болѣе страдаютъ отъ равнодушія и безпорядка комиссіи. Въ то время, когда дѣло ихъ можетъ быть кончено въ полчаса, невинные содержатся подъ арестомъ болѣе 18-ти дней, только отъ того, что бумага объ нихъ залежалась въ комиссіи столько времени!!! Бывши въ комиссіи членомъ подъ предтѣдательствомъ самодура, я принялъ за основаніе: какимъ бы я ни былъ занятъ серіознымъ дѣломъ, но во всякомъ случаѣ только что новое дѣло ко мнѣ поступаетъ, я тотчасъ его пробѣгу и посмотрю, нѣтъ ли въ немъ невинно арестованныхъ, и если таковыхъ найду, бросаю всѣ дѣла и принимаюсь за вновь полученное. Сегодня такъ и случилось. Я тотчасъ принялся за дѣло Шведовичей и, кончивъ его въ часъ, написалъ докладъ М. Н. Муравьеву и отдалъ его самодуру. Посмотримъ, скоро ли ихъ выпустятъ?! Я съ своей стороны все сдѣлалъ, что̀ отъ меня зависѣло и поблагодарилъ Бога за доставленіе мнѣ случая сдѣлать доброе дѣло. Еще разъ благодарю за то нашего Господа! Возвращаясь отъ Дидрихса, меня остановилъ патруль л. гв. Преображенскаго полка, и рядовой Данило Кузнецовъ 3-й стрѣлковой

роты, въ точности и благородно исполнившій свой долгъ, спросилъ меня: отъ чего вы, милостивый государь, идете безъ фонаря? Я распахнулъ шинель и, указывая на крестъ, сказалъ: отъ того, любезный, что я Русскій генералъ и Георгіевскій кавалеръ. Тогда Кузнецовъ съ сознаніемъ своего достоинства сказалъ мнѣ: извините, ваше п-во, я въ темнотѣ не увидѣлъ вашей формы, но исполнилъ свою обязанность. Я его поблагодарилъ за вѣжливость и написалъ письмо полковому командиру князю Барятинскому съ приложеніемъ одного рубля сереб. для отдачи Кузнецову отъ меня какъ отъ лица бывшаго нечаяннымъ свидѣтелемъ хорошаго достоинства солдата Русскаго, имѣющаго счастіе служить въ л. гв. Преображенскомъ полку. Сегодняшнимъ днемъ я совершенно доволенъ и благодаренъ Господу.

Шведовичей выпустили чрезъ мѣсяцъ!

27 Іюля. День рожденія Императрицы Маріи Александровны. Въ соборѣ Св. Николая точно такое было служеніе какъ и 22-го Іюля и таже самая картина. Я не могъ быть на этомъ торжествѣ, но я торжествовалъ лучше: я поѣхалъ къ арестантамъ въ миссіонерское зданіе, гдѣ три арестанта, которыхъ дѣла были у меня въ производствѣ (дѣла ихъ и самый ихъ арестъ основаны на фальшивомъ злоумышленномъ доносѣ, и люди эти томятся подъ арестомъ невинно). Я воспользовался праздничнымъ днемъ, чтобъ ускорить окончаніемъ ихъ дѣлъ: Русецкаго помѣщика и дворянина Ивана Окушко. Сынъ же Окушкинъ виноватъ и долженъ быть наказанъ не менѣе какъ отдачею въ солдаты. Изъ тюрьмы я пріѣхалъ домой; въ это время ко мнѣ пріѣзжалъ съ визитомъ князь Барятинскій. Вечеромъ былъ въ театрѣ, оттуда пришелъ домой. Преображенцы сегодня устроили на Замковой горѣ фейерверкъ. Прекрасная была картина, когда на горѣ зажженъ былъ щитъ съ вензелемъ, и сверху до подошвы горы были разноцвѣтные бенгальскіе огни между деревьями на покатости горы. Неумолкаемое ура, пушечные выстрѣлы въ это самое время и гимнъ двухъ хоровъ: Боже царя храни, вполнѣ удовлетворяли патріотическимъ чувствамъ Русскихъ. Дай Богъ, чтобъ они сохранились на многія лѣта. Городъ былъ иллюминованъ еще лучше чѣмъ 22 Іюля, ибо безъ исключенія на каждомъ домѣ былъ царскій вензель, выставлены въ нѣкоторыхъ окнахъ бюсты Императора и Императрицы, украшенные лавровыми вѣнками и освѣщены разноцвѣтными огнями. Этотъ день памятенъ и для исторіи: 260 человѣкъ помѣщиковъ Виленской губерніи представили начальнику края адресъ на имя Государя Императора, въ которомъ они просятъ помилованія съ изъявленіемъ желанія на вѣчныя времена состоять вѣрноподданными Государя Россійскаго и никогда не заблуждаться,

чтобы Литва могла присоединиться къ Царству Польскому. М. Н. Муравьевъ принялъ этотъ адресъ и сказалъ Виленскому дворянству: Это вы давно должны были сдѣлать, и это хорошо; но хотя вы говорите, что вы раскаиваетесь чистосердечно, но я не вѣрю... Исторія должна будетъ рѣшить, правду ли сказалъ Михаилъ Николаевичъ Полякамъ. Я на сторонѣ Мих. Николаевича. Объ этомъ адресѣ было дано знать въ Петербургъ по телеграфу, а вечеромъ посланъ въ Петербургъ къ Государю Императору съ подлиннымъ донесеніемъ и адресомъ ротмистръ Кавалергардскаго Ея Величества полка, князь Шаховской.

Шаховской возвратился флигель-адъютантомъ.

29 Іюля. Сегодня переѣхалъ на нанятую мною квартиру на Большой улицѣ, въ казенномъ домѣ, принадлежащемъ Гимназіи Виленской.

30 Іюля. Вчера пріѣзжалъ ко мнѣ И. Ив. Шамшевъ и просилъ меня, чтобы сегодня я пришелъ къ нему обѣдать, и потому изъ коммиссіи я прямо пришелъ къ Шамшеву. Цѣль обѣда была та вопервыхъ, что полкъ Шамшева л.-гв. Казачій выступаетъ изъ Вильны въ Ригу, а во 2-хъ, по случаю пріѣзда казацкаго ген.-лейт. Бакланова, назначеннаго командовать всѣми казачьими войсками въ Вильнѣ. Обѣдъ былъ великолѣпный и радушный. Я одинъ только былъ приглашенъ изъ постороннихъ, прочіе же были всѣ служащіе въ л.-гв. Казачьемъ полку. Сколько день этотъ былъ веселъ и пріятенъ въ кругу дружной и прекрасной семьи лейбъ-казаковъ, столько же онъ былъ грустенъ для лицъ благородныхъ: въ 9-ть часовъ утра одинъ изъ Польскихъ злоумышленниковъ пришелъ въ квартиру предводителя дворянства Виленской губерніи Домейко, позвонилъ у двери, человѣкъ дверь отперъ, спросилъ что̀ вамъ надобно? Пришедшій отвѣтилъ: мнѣ надо подать предводителю прошеніе. Человѣкъ доложилъ предводителю и когда тотъ вышелъ, злоумышленникъ бросился на него съ кинжаломъ, но къ счастію не могъ его убить, а нанесъ три раны въ руку и человѣку въ грудь, самъ скрылся, и до сихъ поръ не отысканъ. Зло это содѣлано за то, что 27 Іюля Виленскіе помѣщики поднесли адресъ Государю Императору съ изъявленіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Посмотримъ, откроютъ ли злодѣя? М. Н. Муравьевъ приказалъ съ сегодняшняго числа съ 9-ти часовъ вечера по улицамъ Вильны никому по городу не ходить, кромѣ Русскихъ, и потому въ 9-ть час. Вильна изображаетъ какъ бы такой городъ, изъ котораго всѣ до единой души изъ города выѣхали. Всякій встрѣченный на улицѣ есть непремѣнно Русскій. Отъ Шамшева я пошелъ въ садъ ка музыку, пробылъ тамъ съ часъ, пошелъ домой и встрѣтился съ капитаномъ л.-гв. Драгунскаго

полка Люце, зазвалъ его къ себѣ на чай, по польски *на гербатъ*. Въ $10^1/_2$ часовъ утомленный легъ спать.

2 Августа. За мной прислалъ Муравьевъ адъютанта, чтобы я привезъ къ нему дѣло, которымъ я въ комиссіи сегодня занимался было 11 часовъ уже, темно очень, дождь большой. Я поѣхалъ тотчасъ въ комиссію, взялъ дѣло о найденномъ въ бричкѣ порохѣ и ружейныхъ ложахъ, поѣхалъ къ М. Н. Муравьеву, у котораго и пробылъ до половины 2-го часу. Легъ спать въ 2 часа.

5 Августа. Въ комиссіи занимался дѣлами: 1) ксендзовъ Гембицкаго и настоятеля Тринитарскаго монастыря Осташевскаго, 2) дѣломъ о станціонномъ смотрителѣ Сморгонской станціи. Былъ у меня Войновъ, съ которымъ мы ѣздили смотрѣть повѣшанныхъ сегодня въ 11 часовъ утра двухъ родныхъ братьевъ Ревковскихъ (дворяне-мастеровые), которые были наняты центральнымъ мятежническимъ Польскимъ комитетомъ для умерщвленія тѣхъ лицъ, которыхъ комитетъ имъ прикажетъ. За исполненіе этой должности каждый изъ нихъ получалъ отъ отъ комитета жалованье по 40 руб. серебромъ въ мѣсяцъ. Такіе люди служащіе такъ постыдно комитету называются у нихъ жандармами, и въ городѣ Вильнѣ ихъ поймано довольно, и вѣроятно прочіе будутъ тоже повѣшаны. Послѣ покушенія на жизнь Домейко, этихъ жандармовъ стали открывать дѣятельнымъ дѣйствіемъ полиціи и лицъ служащихъ подъ вѣдѣніемъ М. Н. Муравьева. Но настоящій злодѣй, покусившійся на жизнь Домейки, еще не найденъ.

6 Августа. По окончаніи литургіи на плацу противъ дома, гдѣ живетъ нашъ мудрецъ Мих. Ник. Муравьевъ, л.-гв. Преображенскій полкъ былъ выстроенъ тремя фасами ко дворцу; мудрый нашъ мужъ въ старческомъ санѣ прошелъ по фронту, поздравляя солдатъ съ праздникомъ и сопровождаемый восторженнымъ ура! Потомъ началось молебствіе, послѣ котораго Мих. Николаевичъ, снявъ съ аналоя приготовленный солдатскій Георгіевскій крестъ и вызвавъ удостоившагося получить этотъ крестъ солдата, скомандовалъ полку на караулъ, самъ лично надѣвалъ на храбраго отличившагося солдата этотъ благородный крестъ. Послѣ чего полкъ прошелъ мимо Мих. Николаевича церемоніальнымъ шагомъ и отправился на роскошно приготовленный солдатамъ обѣдъ. Пока люди переодѣлись, М. Н. стоялъ на плацу окруженный лицами дѣйствительно его уважающими. Когда солдаты собрались къ столу, Михаилъ Николаевичъ, сопровождаемый всей свитой, пошелъ черезъ садъ къ полку, и когда они установились каждый у своего прибора, тогда Мих. Н., стоя на крыльцѣ, велѣлъ подать себѣ

рюмку солдатской водки и провозгласилъ здоровье Государя Императора. Ура было восторженное! Въ то же время была получена отъ Государя Императора телеграфическая депеша, въ которой Государь поздравляетъ славный Преображенскій полкъ, сожалѣетъ, что онъ не имѣетъ удовольствія съ ними праздновать обычнымъ образомъ. Ура возобновилось. Послѣ сего былъ провозглашенъ тостъ за здравіе Императрицы и всего Августѣйшаго дома, ура возобновилось и долго, долго продолжалось. Обѣдъ, названный завтракомъ, былъ роскошный и лакомый, а главное блюдо было сердечное радушіе князя Анатолія Ивановича и всѣхъ г. г. офицеровъ его полка.

Теперь обратимся къ факту историческому, почти небывалому. Изъ Августовской губерніи Царства Польскаго, не состоящей подъ начальствомъ Михаила Николаевича, пріѣхали депутаты - крестьяне въ числѣ 20 человѣкъ и поднесли Михаилу Николаевичу прошеніе, заключающееся въ томъ, что крестьяне Августовской губерніи, Поляки, въ это время просятъ генерала Муравьева принять ихъ подъ свое покровительство, прописывая, что «ты генералъ подавилъ мятежъ въ Литвѣ и возстановилъ порядокъ, подави мятежъ и въ нашей губерніи, успокой и насъ несчастныхъ!» Намѣстникомъ царства Польскаго въ это время былъ Его Высочество Константинъ Николаевичъ, а потому Михаилу Николаевичу ничего не оставалось дѣлать, какъ только посовѣтовать имъ самимъ вооружиться, и что просьбу ихъ онъ повергнетъ къ стопамъ великаго нашего Государя. Князь Барятинскій пригласилъ этихъ депутатовъ къ общему солдатскому обѣду, и эти крестьяне Поляки сами подошли къ офицерскому столу и съ такимъ чувствомъ радости и умиленія закричали ура за здравіе Государя Императора, что невольно залегаетъ въ душу сладостное чувство гордости Русскаго. Эти крестьяне подъ угрозою смертію—пьютъ за здравіе Русскаго Государя! И въ это же время находящійся за завтракомъ ксендзъ Немекша за таковое крестьянъ дѣйствіе цалуетъ ихъ каждаго порознь. Картина славная.

Послѣ завтрака я пріѣхалъ домой полупьяный въ 4 часа полудня, бывъ приглашеннымъ въ этотъ же день вечеромъ въ тотъ же полкъ для окончанія торжественнаго ихъ полковаго праздника. Спалъ я ровно 4 часа; а въ 8-мь часовъ ко мнѣ пріѣхалъ Ив. Ив. Шамшевъ, командиръ л. гв. казачьяго полка; мы напились чаю и въ 9 часовъ поѣхали къ Преображенцамъ. Казармы великолѣпно были иллюминованы, вензель Царя и Царицы горѣлъ ярко, музыка, пѣсенники, солдатскіе танцы сильно одушевляли присутствующихъ. Жженка, чай подавались безпрерывно. Наконецъ накрыли ужинъ. Заздравные тосты возобно-

вились, я взялъ часы и удостовѣрился математически, что тостъ за здравіе благодѣтеля Россіи Государя Императора продолжался ровно $^1/_2$ часа неумолкаемо. Да, здѣсь наяву изображалась душа Русскаго народа, добровольно отданная Александру II-му. Въ этой преданности къ нему можно быть увѣреннымъ, и если бъ было нужно, то каждый Россіянинъ согласился бы съ честію за Русь Святую и Царя отдать въ жертву свою жизнь. Потомъ опять тостъ за здравіе Михаила Николаевича. И такъ далѣе. Уходя я обратился къ г.г. офицерамъ полка и, поблагодаривъ ихъ за радушный пріемъ, сказалъ: «Г.г. я старъ, теперь могу умирать, ибо лучшаго какъ было въ этотъ день я не увижу». Очень кстати на наше торжество пріѣхалъ Англичанинъ, редакторъ журнала, кажется, Morning-Post. Цѣль его пріѣзда въ Литву была та, чтобъ лично удостовѣриться въ дѣйствіяхъ Русскихъ касательно нынѣшняго положенія нашего принятаго къ подавленію Польскаго мятежа.

7 Августа. Въ 11-ть часовъ ѣздилъ смотрѣть казнь повѣшанія дворянъ-мастеровыхъ: Іосифа Яблонскаго и Карла Сиповича, имѣющихъ близъ 20 лѣтъ отроду. Вечеромъ у меня пили чай: семейство Дурасѣвича, Ив. Ив. Шамшевъ, Н. Л. Дубельтъ. Дочь Дурасѣвича Отоля играла на фортепіано. Въ 10 часовъ разъѣхались. Англичанинъ былъ при исполненіи казни повѣшанія, потомъ былъ въ нашей коммиссіи, сидѣлъ часа два и слушалъ наше слѣдопроизводство; переводчикомъ былъ князь Урусовъ, членъ нашей комиссіи.

9 Августа. Занимался дѣломъ ксендза Лодзе и дѣломъ Еврея Пензена. Вотъ какую глупость сказалъ Англичанину самодуръ Веселитской 7-го Августа: «Мнѣ знакòмъ одинъ Англичанинъ, онъ можетъ вамъ засвидѣтельствовать, что я человѣкъ справедливый». Это говоритъ предсѣдатель комиссіи туристу Англичанину. Къ чему это?

11 Августа. Н. Гр. Лошкаревъ, который хорошо знаетъ желаніе мое вступить въ дѣйствительную службу, спросилъ меня, что̀ хорошенькаго? Я отвѣтилъ ему—ничего, и вслѣдъ за этимъ сказалъ: молись и торчи, Провидѣнью Святому покорный, понимая подъ словомъ *торчи* при Мих. Ник. Муравьевѣ. Лошкаревъ, самый близкій человѣкъ Михаилу Николаевичу, отвѣтилъ: *торчи*, такъ и *выторчишь*! Отвѣтъ утѣшителенъ; посмотримъ, выторчу ли? А торчать буду. Изъ церкви, идя по дорогѣ домой, я услышалъ *похоронную* музыку, пошелъ на ея звукъ и увидѣлъ похороны рядоваго Мясоѣдова л. гв. Гренадерскаго полка, умершаго отъ ранъ полученныхъ въ сраженіи съ Польскими мятежниками. Похороны были теплыя: впереди несли крышку съ двумя по

бокамъ хоругвями, съ двумя ассистентами офицеры л.-гв. Преображенскаго полка. Потомъ покойника въ простомъ гробѣ, розовымъ коленкоромъ обитомъ, съ золотыми по угламъ кистями гробъ несли четыре солдата и четыре штабъ-офицера л.-гв. Преображенскаго полка; сзади гроба шли двѣ сестры милосердія, которыя за раненымъ ухаживали, потомъ сопровождали гробъ штабъ и оберъ-офицеры Виленскаго гарнизона, къ нимъ присталъ и я. За нами шли барабанщики, потомъ музыканты и потомъ взводъ л.-гв. Преображенскаго полка. Проводивъ покойника версту, я перекрестился, пожелалъ ему царства небеснаго и, позавидовавъ славной его смерти, пошелъ домой погруженный въ мысль: изъ чего мы всѣ бьемся въ то время какъ справедливо завидуемъ покою рядового, съ честію и дружбою погребаемаго? Вѣчная ему память!

12 Августа. Я получилъ записку отъ секретаря ген.-губернатора, въ которой онъ спрашивалъ меня, когда я получилъ послѣднюю награду? Я написалъ: въ 1860 году произведенъ за отличіе по службѣ въ генералъ-маіоры съ увольненіемъ и пенсіономъ полнаго оклада, отнесъ записку самъ, отдалъ ее Владиміру Александровичу Рачинскому и просилъ, чтобъ меня опредѣлили на службу; болѣе я никакихъ наградъ не желаю.

13 Августа. При допросахъ въ комиссіи такъ изучаешь людей, что съ перваго разговора съ обвиняемымъ прямо видишь, виноватъ онъ или нѣтъ. Сегодня я допрашивалъ нѣкоторыхъ крестьянъ-повстанцевъ взятыхъ въ плѣнъ; это люди взятые въ шайку силою и такіе дураки, что рѣшительно ни въ чемъ не виноваты; я удивляюсь глупости возстанія Польскаго съ такими людьми, набранными въ шайку; притомъ ихъ почти не кормили! Великая глупость со стороны Польши, что они погубили людей и стольких раззорили.

14 Августа. Занимался въ комиссіи дѣломъ о помѣщицѣ Павловичевой, на которую ложно донесли, что она посылала въ лѣсъ къ мятежникамъ пищу и сама съ дочерью къ нимъ ходила.

15 Августа. Сегодня одинъ мой знакомый, которому выданъ паспортъ съ дозволеніемъ по болѣзни матери ѣхать за границу, именно Іозефъ Шишко, женатый на двоюродной сестрѣ Н. Л. Дубельта, говорилъ мнѣ: «Знаете ли, Николай Ивановичъ, что̀ объ васъ говорятъ въ Вильнѣ? Богъ того любитъ, чье дѣло поступитъ къ вамъ; значитъ, правый будетъ правымъ». Слышать это для меня было утѣшительно.

16 Августа. День моего брака съ Вильгельминою Васильевною Бриммеръ. Отослалъ письма: къ Ив. Θ. Базилевскому и сестрѣ Аннѣ Ивановнѣ Симантовской съ 5-ю рублями. Англичанинъ-туристъ пріѣзжалъ въ комиссію посмотрѣть, какъ производятся въ Россіи слѣдственныя дѣла. Сегодня предсѣдатель г.-л. Веселитскій допрашивалъ крестьянина лѣтъ 20-ти взятаго въ плѣнъ. Крестьянинъ этотъ совершенный дуракъ, не умѣетъ и говорить. Веселитскій разсердился на него и одною своею рукою схватилъ его за волосы и сталъ трепать. Мнѣ стало это прискорбно и, видя, что у него нѣтъ терпѣнья, я несчастнаго этого арестанта взялъ къ себѣ, допросилъ его ласково и подарилъ ему 20 коп., чтобъ сколько нибудь загладить скверный, дерзкій и неприличный поступокъ Русскаго генералъ-лейтенанта. Экой болванъ!

17 Августа. Сегодня разстрѣляли за измѣну Корпуса Лѣсничихъ прапорщика Маковецкаго.

18 Августа. Послѣ обѣдни былъ съ визитомъ у Павла Васильевича Кукольника.

21 Августа. Къ 6-ти часамъ вечера поѣхалъ на Погулянки (такъ называется одна мѣстность въ Вильнѣ) въ отдѣленіе Госпиталя Св. Якова, куда должна была собраться вся комиссія уличать одного арестанта, который былъ раненъ въ шайкѣ мятежниковъ, взятъ въ плѣнъ, назвался помощникомъ кондитора Вернишемъ и долго запирался, что онъ есть подпоручикъ Копорскаго полка Николай, хотя его уличали въ глаза два его товорища, служившіе съ нимъ въ одномъ полку, изъ которыхъ одному онъ Николай подарилъ свою фотографическую карточку; но Николай упорно запирался, говоря, что онъ ихъ знать не знаетъ. Всѣ эти улики дѣлались не сегодня, и я при нихъ не находился; сегодня же былъ и я приглашенъ въ Госпиталь Св. Якова, гдѣ Николай находится раненый въ грудь на вылетъ пулей и двѣ раны штыками. По приводѣ Николая онъ по старому сталъ запираться; началъ я говорить съ измѣнникомъ и въ продолженіе 10 минутъ моего съ нимъ разговора Николай признался, и въ это время ему сдѣлалось дурно, его положили на кровать. Вотъ примѣръ самодурства Веселитскаго: для уликъ Николая онъ собралъ офицеровъ и солдатъ до 10 человѣкъ, служившихъ съ Николаемъ въ одномъ полку и его знающихъ, и послѣ его сознанія хотѣлъ вторично дѣлать ему очную ставку съ призванными для уликъ 10-ю человѣками! Какая же надобна улика въ томъ, что предъявленный имъ человѣкъ есть Николай, когда онъ безъ уликъ самъ сознался и просилъ, чтобы по слабости его дальнѣйшій допросъ ему отложили до утра. Но гнусный самодуръ и вмѣстѣ жесто-

кій всетаки сталъ его допрашивать. Когда онъ призвалъ уличающихъ людей для очной ставки, я и за мной другіе члены комиссіи сказали: для чего же очная ставка? теперь ея не надо, тогда самодуръ ихъ отпустилъ. Николая же допросами довелъ до обморока, и тогда только его отпустилъ, когда онъ отъ слабости чуть не умеръ. Запирательство Николая по моему взгляду имѣетъ основательную причину: умереть ему все равно, или отъ ранъ или отъ разстрѣлянія за измѣну, и потому, чтобы скрыть товарищей мятежа и особенно дамъ, которыя съ нимъ ѣздили къ мятежникамъ, онъ не признавался. Теперь же онъ покажетъ искренно все. Послѣ этой продѣлки, всѣ мы пошли на Минеральныя воды, тутъ же вблизи находящіяся, выпили 4 бутылки ананасовой воды и разъѣхались. Я съ А. М. Лосевымъ поѣхалъ къ нему пить чай, гдѣ познакомился съ милою его женою и до 11 часовъ провелъ у нихъ время весьма пріятно. Передъ собраніемъ комиссіи въ Госпиталь Св. Якуба, я, пріѣхавши рано, пошелъ на Нѣмецкое кладбище. Замѣчательно тамъ хорошо. Это просто рай! Это садъ, въ которомъ просторно лежатъ покойники между прекрасными цвѣтниками и столѣтними деревами, въ полной силѣ и роскоши растущими. Садъ—кладбище огромное. Я гулялъ тамъ съ часъ, и мнѣ такъ тамъ понравилось, какъ нигдѣ. Я самъ себѣ сказалъ: здѣсь такъ хорошо, что желательно умереть! Этимъ кладбищемъ много бѣдныхъ себя содержатъ: они получаютъ по три рубля въ мѣсяцъ по найму отъ желающихъ, чтобы былъ присмотръ за могилой и памятникомъ, тогда памятникъ всегда находится въ порядкѣ, въ цвѣтахъ. Это уже дѣло нанявшагося смотрѣть за памятникомъ.

22 Августа. Окончилъ дѣло смотрителя почтовой Сморгонской станціи Даніила Каминскаго; оказался *не виноватымъ*, я очень радъ! Дѣло представлено г. губернатору. Николай сегодня не могъ быть окончательно допрошенъ, потому что болѣзнь его отъ раны въ грудь усилилась, и сдѣлалась опухоль въ легкихъ. Если онъ умретъ, то виноватъ будетъ самодуръ.

23 Августа. Начальникъ штаба Виленскаго округа прислалъ просить меня на чай, и я у него былъ. Постороннихъ было только я и Павелъ Вас. Кукольникъ; прочіе были всѣ служащіе въ штабѣ округа свитскіе штабъ и оберъ-офицеры. Кукольникъ декламировалъ стихи своего сочиненія. Вечеръ провелъ пріятно.

24 Августа. Въ комиссію пришелъ Александръ Степановичъ Чевати; его прислалъ Мих. Никол., чтобъ онъ присмотрѣлся къ дѣламъ. Кажется, онъ будетъ назначенъ предсѣдателемъ нашей комиссіи вмѣсто самодура.

25 Августа. Въ этотъ день я произведенъ въ офицеры въ 1817 году.

26 Августа. День коронаціи Александра II. Въ 10 ч. пошелъ къ М. Н. Муравьеву во всей формѣ. Стеченіе всѣхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ было большое. Михаилъ Николаевичъ вышелъ, поздравилъ всѣхъ съ праздникомъ и сказалъ: кажется, дѣла наши идутъ успѣшно, нами доволенъ Государь и довольна Россія. Благодарю васъ. Всѣ поѣхали въ соборъ Св. Николая. Обѣдня была торжественная. Къ молебну вышелъ служить самъ митрополитъ Симашко. Минута колѣнопреклоненія была великолѣпна, когда этотъ маститый старецъ, поддерживаемый двумя священниками, сталъ на свои старческія колѣна, снявъ свою митрополичью шапку. Дай Господи здоровья и многія лѣта благодѣтелю Россіи Царю Александру Николаевичу, съ благоговѣніемъ сказалъ я про себя, но чистосердечно предъ Господомъ.

Обѣдалъ у Н. Л. Дубельта, отъ него я пришелъ домой и остался дома цѣлый вечеръ. Денегъ у меня было только семь рублей, а жить надо еще до перваго числа, и потому нельзя было пойти даже въ театръ. Городъ былъ отлично иллюминованъ, но я никуда не выходилъ и никуда не хотѣлось, разумѣется, потому что мало было денегъ. Берегите, дѣти, деньги какъ я ихъ берегу, чтобъ не тратить того, что̀ я и ваша мамаша сберегли для васъ, поощряемые нашею о васъ заботливостію и любовію къ вамъ. Сегодня написалъ письмо къ Александрѣ Ивановнѣ Дубельтъ.

27 августа. Отослалъ письмо къ А. И. Дубельтъ и приказалъ Жиду Янкену всѣ мои вещи перенести на новую квартиру въ Нѣмецкой улицѣ въ домѣ Шишко. Самъ отправился въ 8 часовъ въ коммиссію. Злодѣя, который хотѣлъ убить 30 Іюля Домейку (смотри 30 Іюля) нашли и взяли въ то время на станціи желѣзной дороги, когда онъ взялъ билетъ, чтобъ ѣхать въ Варшаву, имѣя заграничный паспортъ. Фамилія его Бенковскій, цирюльникъ изъ Варшавы. Просидѣвъ въ комиссіи до 4-хъ часовъ, я пошелъ обѣдать къ Н. Л. Дубельту, Послѣ обѣда я пришелъ уже прямо на новую квартиру. Вечеромъ я былъ у Павла Полянскаго, а въ 12 часовъ легъ спать.

28 Августа. Съ 8 до 4-хъ часовъ былъ въ комиссіи, въ 11 часовъ утра ѣздилъ смотрѣть казнь повѣшенія трехъ преступниковъ: Бенковскаго, который хотѣлъ убить Домейку и которому изъ Центральнаго Комитета было обѣщано за убіеніе Домейки 1000 рублей серебромъ (изъ нихъ 700 рублей было выдано впередъ; когда его

схватили, то при обыскѣ найдено было при немъ 620 рублей); Марчевскаго, фельшера, который доставилъ Бенковскому изъ Центральнаго Комитета кинжалъ для убіенія Домейки, и Чаплинскаго, фельдшера, который указалъ Бенковскому, гдѣ живетъ Домейко, и когда лучше къ нему придти. Всѣ эти преступники были тайные жандармы Центральнаго Комитета, нанятые для убіенія тѣхъ лицъ которыхъ комитетъ назначитъ. Они получали жалованье отъ комитета, по 40 или 50 руб. въ мѣсяцъ. Преступниковъ этихъ везли по городу на эшафотной повозкѣ, а Чаплинскаго на дрожкахъ, потому что съ нимъ сдѣлался отъ испуга обморокъ, когда только ему объявилъ пришедшій въ тюрьму ксендзъ, чтобъ приготовить ихъ къ будущей жизни. Его везли на лобное мѣсто безъ всякихъ чувствъ какъ мертваго; когда же его повѣсили, то онъ такъ сталъ махать ногами, что всѣ удивились. Прочіе двое имѣли грустныя лица и спокойно умерли. Бенковскій, когда ему прочли конфирмацію, сказалъ: въ Варшавѣ я также убилъ Радзіевскаго.—Обѣдалъ я у Дубельта, а вечеромъ проводилъ его на станцію желѣзной дороги, ибо онъ поѣхалъ въ Петербургъ до 5-го Сентября. Получилъ письма: отъ доброй моей жены, отъ Бенцеловича, портнаго, и отъ сестры Анны Ив. Симантовской.

30 Августа. Въ 10 часовъ всѣ военные и гражданскіе чины собрались къ М. Н. Муравьеву съ поздравленіемъ великаго для Россіи праздника: тезоименитства Государя Императора Александра Николаевича, этого возлюбленнаго Монарха, Благодѣтеля и Освободителя. Всѣ отправились въ соборъ Св. Николая Чудотворца на торжественную обѣдню и молебенъ, которую совершалъ митрополитъ Симашко. Въ этотъ день М. Н. Муравьевъ получилъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго. Послѣ обѣдни я поѣхалъ поздравить именинниковъ, Александра Прохоровича князя Ширинскаго-Шихматова, жандармскаго полковника Александра Михаиловича Лосева, коменданта Александра Сергѣевича Вяткина и начальника 1-й гвардейской дивизіи Александра Романовича Дрентельна, который еще вчера звалъ меня на сегодняшній день обѣдать. Въ два часа я былъ въ Еврейской синагогѣ. Пѣвчіе прекрасно пѣли по обряду ихъ литургіи, мотивы пѣнія были знаменитыхъ композиторовъ, Мендельсона и другихъ. Въ срединѣ синагоги надъ пѣвчими стоялъ вензель А. прекрасно убранный цвѣтами. Потомъ проповѣдникъ на Русскомъ языкѣ сказалъ рѣчь и провозгласилъ многолѣтіе Государю Императору, Императрицѣ Маріи Александровнѣ и Наслѣднику Николаю Александровичу и всему царствующему дому; потомъ начальнику края М. Н. Муравьеву. Пѣвчіе пропѣли даже и губернатору Степану Өедоровичу Панютину. Въ

заключеніе пѣвчіе весьма хорошо пропѣли гимнъ: Боже царя храни! Тѣмъ кончилось. Въ этотъ день Евреи угощали войско, въ Вильнѣ расположенное. Къ этому дню всѣ, которыхъ Михаилъ Николаевичъ удостоилъ представленія къ наградамъ, ожидали ихъ получить, но до сихъ поръ ($3\frac{1}{2}$ часа полудня) еще ихъ не получили. Сегодня я былъ съ визитомъ у предсѣдателя Казенной Палаты д. ст. сов. Де-Роберти. Въ этомъ день я, желая сдѣлать доброе дѣло, просилъ прелата ксендза Немекшу помѣстить на казенный счетъ въ пансіонъ Государыни Императрицы Маріи Александровны, въ Вильнѣ находящійся, дочь органиста костела Св. Яна Доминику Цѣхановичъ. Не знаю, успѣю ли, но по крайней мѣрѣ все, что̀ отъ меня зависѣло, я сдѣлалъ и лично подалъ записку прелату Немекшѣ. Обѣдалъ я у Дрентельна, послѣ обѣда я поѣхалъ къ А. М. Лосеву и просидѣлъ у него до 9-ти часовъ. Пріѣхавши домой, читалъ романъ: «Руфь». Передъ обѣдней подошли ко мнѣ артиллерійскіе офицеры и пригласили меня сегодня на артиллерійской ужинъ въ 11-ть часовъ вечера въ Европейскую гостиницу, противъ которой я квартировалъ, въ нумерѣ 9-мъ. Когда было одиннадцать часовъ безъ десяти минутъ, артиллеристы прислали ко мнѣ офицера спросить, буду ли я? И мы съ нимъ тотчасъ же отправились въ среду милаго и прекраснаго артиллерійскаго общества. Собраніе было около 50 человѣкъ, нелицемѣрныхъ между собою пріятелей. Меня приняли какъ дѣдушку артиллерійскаго. На почетномъ мѣстѣ сидѣлъ начальникъ Артиллерійскаго Округа А. П. Нѣмчиновъ, съ правой его стороны его помощникъ Кон. Егор. Дидерихсъ, а съ лѣвой—я. Громогласные тосты были: за здравіе Государя Императора, генералъ-фельдцейхмейстера Михаила Николаевича, за начальника края М. Н. Муравьева, за А. П. Нѣмчинова, К. Е. Дидерихса, потомъ за славныхъ артиллеристовъ. Въ заключеніе я всталъ и сказалъ: «Г. г. позвольте мнѣ васъ поблагодарить за честь, которую вы мнѣ дѣлали приглашеніемъ въ среду вашего любезнаго общества. Мнѣ, какъ старому артиллеристу, это весьма пріятно; а главное весьма пріятно видѣть, что между вами ближайшіе ваши начальники, воспитанники Артиллерійскаго Училища, такъ ясно и такъ завидно умѣли заслужить къ себѣ то глубокое всѣхъ и ваше уваженіе, которое сейчасъ выразилось въ вашемъ громогласномъ и продолжительномъ артиллерійскомъ ура!» Всѣ закричали ура, и всѣ г.г. офицеры встали со своихъ мѣстъ и подходили ко мнѣ съ бокалами въ рукахъ, предлагая чокнуться и выпить за мое здоровье. Этотъ день для меня былъ днемъ великолѣпно-пріятнымъ.

31 Августа. Въ 11-ть часовъ пріѣхалъ въ комиссію состоящій по особымъ порученіямъ при М. Н. Муравьевѣ вновь произведенный

въ подполковники Ник. Ник. Хитрово и, войдя ко мнѣ въ комнату, подалъ мнѣ, ни слова не говоря, визитную карточку Ивана Демьяновича Булычова, двора е. и. в. камергера, д. с. совѣтника; на карточкѣ этой чернилами написано: «Искреннее поздравленіе шлетъ генералъ-маіору Цылову». Потомъ Хитрово подалъ мнѣ телеграфическую депешу на имя генерала Муравьева отъ военнаго министра Милютина слѣдующаго содержанія: «Отставного генералъ-маіора Цылова высочайше разрѣшено опредѣлить на службу съ зачисленіемъ по полевой пѣшей артиллеріи, на дняхъ будетъ объявлено въ приказѣ. Г.-а. Милютинъ». Я такъ былъ обрадованъ, что отъ слезъ умиленія не могъ говорить ни слова. Когда онъ, Хитрово, уѣхалъ, я принялся продолжать заниматься дѣломъ дворянина Королевича, и отъ радости ничего не шло въ голову, такъ что я противъ обыкновенія ушелъ изъ комиссіи въ три часа прямо къ уважаемому мною коменданту А. С. Вяткину, который уже послѣ обѣда спалъ, но у супруги его была въ то время Пелагея Васильевна Муравьева, супруга виновника моего удовольствія Михаила Николаевича. Здѣсь она увидѣла меня съ неосохшими еще слезами умиленія, я поцѣловалъ у ней ручку. Она сказала мнѣ: я этого еще не знала, и взяла въ руки подлинную депешу, прочла ее и меня поздравила, сказавъ: какъ пріятно видѣть человѣка, который такъ доволенъ и такъ благодаренъ за награду! Я еще поцѣловалъ ей ручку, и она уѣхала. Елисавета Алексѣевна Вяткина, А. Р. Дрентельнъ и его супруга Марія Александровна, расположенные ко мнѣ душевно, были очень рады моему благополучію, что я опять поступилъ на дѣйствительную службу. Благодарю Господа, Царя Александра Николаевича и благодѣтеля моего Михаила Николаевича. Дай Господи имъ полнаго счастія и полнаго здоровья! Обѣдалъ я въ клубѣ, всѣ меня душевно поздравляли. Послѣ обѣда игралъ въ бостонъ, выигралъ 8 руб. и пошелъ къ П. Е. Дидерихсу раздѣлить мою радость. Онъ дѣйствительно былъ душевно радъ, что наконецъ меня опредѣлили и подарилъ мнѣ генеральскіе погоны. У него были П. В. Полянскій и Егоръ Ѳедор. Шерингъ, мы напились чаю, и въ 9-ть часовъ ушли. Егоръ Ѳедоровичъ по дорогѣ зашелъ ко мнѣ, выкурилъ папиросу и ушелъ, а я написалъ письма къ Н. Л. Дубельту, просилъ его привести мнѣ эполеты, султанъ и гербъ для кепи, къ А. Г. Игнатьеву и отослалъ на желѣзную дорогу въ 11-ть часовъ вечера. Въ первомъ же часу ночи письма эти поѣдутъ по адресамъ. До пріѣзда въ комиссію Хитрово, ко мнѣ въ комиссію же пріѣхалъ прелатъ Ксендзъ Немекша и объявилъ, что вчерашняя просьба моя исполнена (смотри 30 Августа), и Доминика Цѣхановичъ опредѣлена въ пансіонъ на казенный счетъ. Вотъ что значитъ дѣлать добрыя дѣла! И мнѣ за то Богъ сегодня послалъ такое

въ жизни удовольствіе, котораго я еще не испыталъ. Вѣрьте, дѣти, что добрыя дѣла не остаются безъ награды и отъ Бога, и отъ людей!!!

1. Воскресенье. Въ 10 часовъ утра всѣ получившіе награды представлялись и благодарили М. Н. Муравьева; онъ мнѣ сказалъ: очень радъ, вы такъ давно и такъ хорошо служите, ожидаю отъ вашей службы такого же продолженія. Въ 11 часовъ пошелъ въ Европейскую гостиницу, гдѣ всѣ получившіе награды согласились ужинать. П. С. Лебедевъ сказалъ прекрасный спичь, въ которомъ выразилъ: были Румянцевцы, были Суворовцы, были Ермолисты, будемъ же мы Муравьевцы! Съ этой минуты—я Муравьевецъ! Во время ужина пріѣхалъ директоръ канцеляріи военнаго министра Кауфманъ, всѣ съ нимъ тотчасъ же познакомились. Въ заключеніе всѣ настаивали, чтобъ я что-нибудь сказалъ. Въ удовлетвореніе ихъ желанія я всталъ и сказалъ:

Великій царь начальникомъ намъ Муравьева утвердилъ,
И онъ тотчасъ же здѣсь покой возстановилъ!

Въ два часа ночи я возвратился въ свою квартиру.

2 Сентября. Вчера за ужиномъ я въ первый разъ былъ въ вицъ-мундирѣ съ генеральскими погонами. Сегодня въ 8 часовъ пошелъ въ комиссію и пробылъ до 4-хъ часовъ. Идя мимо квартиры Бакланова и увидя, что онъ сидитъ у окна и пьетъ чай, я зашелъ къ нему; онъ радостно меня принялъ, много читалъ своихъ писемъ и далъ мнѣ копію съ своего приказа 7-го Іюля 1863 года, отданнаго имъ Донскимъ казачьимъ полкамъ, расположеннымъ въ Виленскомъ военномъ округѣ, въ Витебской и Могилевской губерніяхъ. Приказъ бравый.

3 Сентября. Въ 8 часовъ поѣхалъ въ комиссію, отдалъ оконченное мною дѣло дворянина Королевича по доносу староверовъ. Королевичъ въ моихъ глазахъ остался правъ. Въ 9 часовъ поѣхалъ въ зданіе миссіонерокъ, гдѣ содержалось 280 человѣкъ, допрашивалъ тамъ дочь Писинки дѣвицу Виригo и ксендза Писанку, завтракалъ у смотрителя зданія и арестантовъ.

5 Сентября. Отослалъ письмо къ министру внутреннихъ Дѣлъ Петру Александровичу Валуеву, которымъ просилъ не отчислять меня отъ министерства.

6 Сентября. Отъ 2-хъ до 5-ти часовъ былъ въ Госпиталѣ Св. Якова, куда ѣздилъ вмѣстѣ съ Веселитскимъ допрашивать Октавію Пальчевскую.

7 Сентября. Съ 8-ми до 2-хъ былъ въ комиссіи, а въ 2 часа съ членомъ комиссіи маіоромъ Полемъ поѣхалъ снимать допросъ съ помѣщицы Изабеллы Чижъ, находящейся на квартирѣ, и съ мужа ея, 84-хъ лѣтняго старика.

8 Сентября. Послалъ письмо къ Андрюшѣ, моему доброму сыну, и сто рублей денегъ. Послалъ Нюшѣ письмо и 15 руб. денегъ на музыку. Въ $10^1/_2$ часовъ поѣхалъ въ соборъ Св. Николая и въ это время первый разъ надѣлъ генеральскія эполеты. М. Н. Муравьевъ въ церкви меня увидѣлъ и поздравилъ. Послѣ обѣдни я былъ у Пелагеи Васильевны Муравьевой, она меня приняла и была весьма любезна. Потомъ былъ у князя Шаховскаго, потомъ у А. М. Лосева, потомъ у интенданта Польмана, потомъ у Россильона, потомъ пошелъ къ директору канцеляріи военнаго министра Кауфману. Обѣдавъ у Н. Л. Дубельта, въ 6 часовъ я съ нимъ поѣхалъ на станцію желѣзной дороги встрѣтить Греческаго короля Георга, который проѣзжалъ въ С.-Петербургъ представиться Государю Императору Александру Николаевичу. Георгъ только что избранъ на Греческій престолъ, отъ роду имѣетъ 18 лѣтъ. На станціи въ вокзалѣ ему данъ былъ обѣдъ съ музыкой и почетный караулъ л.-гв. Преображенскаго полка. Всѣ генералы ему представлялись, въ числѣ ихъ и я. Въ 8 часовъ онъ отправился далѣе въ Петербургъ.

9 Сентября. Въ 8 часовъ поѣхалъ къ артиллерійскимъ подполковникамъ: Григорію Ивановичу Мейендорфу и Константину Игнатьевичу Редену, вмѣстѣ живущимъ.

11 Сентября. Занимался дѣломъ мѣщанъ братьевъ Флюхтовъ. Въ 2 часа съ Веселитскимъ поѣхалъ въ Госпиталь Св. Якова, допрашивали Октавію Пальчевскую, жену кол. сов. Она противъ прежнихъ показаній болѣе созналась, но еще многое утаиваетъ; надо еще разъ къ ней съѣздить и еще разъ порасспросить. Отослалъ письмо къ женѣ, письмо за № 12-мъ и послалъ письмо въ Тверь В. А. Честнокову. Въ комиссіи А. М. Лосевъ сказалъ мнѣ, что въ Петербургъ ѣдетъ жандармъ, не хочу ли я написать письмо и что нибудь себѣ выписать? Я тотчасъ пошелъ къ нему въ комнату и написалъ женѣ письмо, которымъ просилъ, чтобъ она ко мнѣ пріѣхала вмѣстѣ съ жандармомъ. Ожидаю ее какъ ангела моего хранителя. Вмѣстѣ съ тѣмъ я написалъ къ приказчику Бабикова Ивану Степановичу, чтобъ онъ прислалъ три фунта паюсной икры и копченыхъ сиговъ; для этой покупки я, Лосевъ и кн. Урусовъ Петръ Александровичъ, сложились по два рубля.

13 Сентября. Въ 11 часовъ утра разстрѣляли Нарвскаго пѣхот-

наго полка поручика Николая, который пошелъ въ шайку мятежниковъ, гдѣ въ сраженіи противъ Русскихъ войскъ взятъ въ плѣнъ раненый пулею въ грудь навылетъ, и выздоровѣлъ. На казнь онъ шелъ покойно, сохранивъ все присутствіе духа; когда ему прочли конфирмацію, онъ сказалъ: если пуля не взяла меня въ сраженіи, то должна взять теперь. Это были его послѣднія слова, сказанныя спокойно и хладнокровно. Смотри 21-е Августа.

14 Сентября. Съ 8 часовъ до 3-хъ былъ въ комиссіи, занимался дѣломъ помѣщика Іосифа Чижа. Получилъ отвѣтъ на письмо мое 3-го Сентября къ министру внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуеву. Отвѣтъ написанъ по порученію министра исправляющимъ должность директора департамента общихъ дѣлъ министерства П. А. Мартыновымъ и заключается въ томъ, что объ отчисленіи меня отъ министерства не имѣлось и не имѣется никакихъ предположеній. Вечеромъ былъ у меня адъютантъ М. Н. Муравьева маіоръ Василій Ивановичъ Павловъ. Ему поручено приведеніе въ порядокъ наружнаго управленія Виленской полиціи и города Вильны, но съ тѣмъ, чтобы каждый докладъ, дѣлаемый имъ Михаилу Николаевичу по части полицейской, первоначально былъ разсмотрѣнъ мною. Слышать это для меня было пріятно. Потолковавъ съ нимъ объ нѣкоторыхъ полицейскихъ предметахъ и, напившись чаю, мы вмѣстѣ отправились на Жидовскую свадьбу для любопытства и куда мы оба были приглашены. Въ жизни моей я вездѣ совался, чтобъ видѣть то, что̀ я еще не видѣлъ; такъ точно сунулся я и на эту свадьбу. Притомъ и оказалось, что свадьба уже была три дня тому назадъ. Впрочемъ свадьба у Евреевъ бываетъ на дворѣ, молодыхъ ставятъ подъ покрывало, и они изъявляютъ согласіе на добровольное супружество ихъ въ присутствіи окружающаго ихъ народа, и потомъ идутъ въ комнаты и танцуютъ. Меня приняли очень почетно. И вотъ въ чемъ заключается этотъ праздникъ. Три комнаты, изъ коихъ двѣ очень маленькія, а средняя небольшая, полны Евреями обоего пола, двѣ пары танцуютъ неуклюже Французскую кадриль. Изъ этихъ двухъ паръ одна пара состояла изъ дамъ, изъ которыхъ одна маленькая, горбатая и одѣтая въ балахонъ, но страстная охотница танцовать. По окончаніи этой кадрили, исполненной отъ тѣсноты на четырехъ квадратныхъ аршинахъ, я вижу, что три бывшіе тамъ музыканта сквозь толпу пробираются, становятся противъ меня и вдругъ заиграли Польской—отвратительный! Я спросилъ что̀ это значитъ? Хозяйка отвѣтила мнѣ, что они желаютъ, чтобъ вы что нибудь имъ пожаловали. По окончаніи Польскаго они тотчасъ заиграли Боже царя храни. У меня было въ портмоне только 1 р. 60 к. Я вынулъ портмоне и изъ имѣющагося у

меня капитала далъ этимъ тремъ Жидовскимъ музыкантамъ рубль серебромъ. Далѣе я спросилъ, что жъ не танцуютъ? Хозяйка мнѣ отвѣтила, что за каждый танецъ надо платить деньги. И вдругъ всѣ Жиденята-подросточки лѣтъ по 12-ти, хорошенькія, подбѣжали ко мнѣ и пристали просить кто по-нѣмецки, кто по-русски, кто по-жидовски всѣ разомъ: и я буду танцовать, и я, и я, и я и т. д. Я опять спрашиваю, что̀ это значитъ? Хозяйка отвѣчаетъ: они просятъ у васъ, чтобы вы за нихъ заплатили музыкантамъ, безъ чего музыканты не играютъ. Нечего дѣлать, я отдалъ этимъ дѣвчонкамъ остальныя мои 60 коп. Танцы устроились, и пошли танцовать казачка со страшною энергіею. По окончаніи танца я всталъ, распростился и ушелъ, боясь, чтобъ еще за что-нибудь не спросили у меня денегъ. Той же участи подверглись всѣ Русскіе офицеры, пришедшіе на этотъ пиръ удовлетворить своему любопытству. Жиды ни на что денегъ не выдаютъ, и потому на балѣ этомъ никакого рѣшительно угощенія не было, кромѣ вонючихъ сальныхъ свѣчей. Музыкантовъ не нанимаютъ и танцуютъ только тогда, когда кто нибудь изъ гостей заплатитъ 20 коп. музыкантамъ, чтобъ они сыграли, напримѣръ, кадриль, или вальсъ, или польку, или казачка (послѣдній танецъ они очень любятъ). И потому на эти балы Жиды очень просятъ насъ дураковъ Русскихъ, ибо тогда только они и танцуютъ. Безъ Русскихъ танцевъ нѣтъ, ибо Жиды не разщедрятся ни на копейку, а развѣ музыканты сыграютъ даромъ. Послѣ этого вечера я рѣшилъ, что чрезъ тысячу лѣтъ всѣ деньги будутъ въ рукахъ Жидовъ, ибо у нихъ имѣется только одинъ приходъ, расходу же у нихъ нѣтъ! Жиды не пренебрегаютъ ни одной полушкой, а мы бросаемъ рублями какъ ни по чемъ. Послѣ этого какъ не предположить, что когда нибудь всѣмъ міромъ завладѣютъ Жиды и на семъ всемъ мірѣ будетъ одно только Жидовское царство? И если ихъ не останавливать, то они этого добьются непремѣнно.

15 Сентября. Въ 12 часовъ пошелъ къ М. Н. Муравьеву; онъ меня увидѣлъ и сказалъ: вы проситесь въ Петербургъ? Я отвѣтилъ: если прикажите! А на сколько дней? спросилъ онъ. На десять, сказалъ я. Много, много, много, онъ сказалъ и отошелъ къ другимъ. Я не думалъ проситься въ С.-Петербургъ, а онъ самъ хочетъ меня послать, чтобы завести и устроить адресный столъ въ Вильнѣ.

19 Сентября. Занимался дѣлами ксендза Лапинскаго и помѣщика Гоувальта. Отослалъ письмо къ Ал. Ив. Дубельтъ со стихами на смерть Терезы Константиновны Ознобишиной.

21. Сентября. Всталъ въ 6 часовъ, въ 7 часовъ поѣхалъ на же-

лѣзную дорогу провожать Н. Л. Дубельта, выступившаго съ своимъ полкомъ для усмиренія мятежа въ Августовской губерніи. Экспедиція эта назначена подъ командою г. л. Бакланова и раздѣлена на три колонны. 1-я подъ командою самого Бакланова, 2-я подъ командою г. м. Ник. Леон. Дубельта, а 3-я подъ командою князя Анатолія Ив. Барятинскаго. Проводивши л. гв. Драгунскій полкъ, пожелавши ему успѣха въ побѣдахъ и благополучнаго возвращенія и простившись съ достойнымъ и драгоцѣннымъ моимъ другомъ Н. Л. Дубельтомъ, я поѣхалъ въ комиссію, въ которой занимался дѣлами помѣщика Чижа и помѣщика Витольда Гоувальта до 4-хъ часовъ. Идя изъ комиссіи, я встрѣтилъ пріѣхавшаго изъ С.-Петербурга генералъ-адъютанта Александ. Владимировича Паткуля и, сѣвъ къ нему на дрожки, поѣхалъ къ А. Р. Дрентельну, гдѣ онъ остановился съ женою своею Марьею Александровною, урожденною маркизою де-Траверсе.

25 Сентября. Обѣдалъ по приглашенію у П. В. Полянскаго. Онъ мнѣ показывалъ послѣ обѣда лошадей-жеребцовъ земской конюшни. Прекрасныя лошади, и видно, что Полянскій мастеръ своего дѣла; подобнаго порядка я нигдѣ не видалъ и съ восхищеніемъ смотрѣлъ лошадей. Это просто прелесть! Это превосходныя живыя картины, оторваться не хотѣлось. Я видѣлъ ихъ 50 штукъ, одна другой лучше. Какъ выдержаны, какая кроткая ихъ игривость, стоитъ посмотрѣть, и не охотникъ сдѣлается охотникомъ. Спасибо другу П. В. Полянскому! Просто спеціалистъ. Послѣ обѣда онъ поѣхалъ къ вечернѣ, велѣлъ запрячь карету и завезъ меня домой.

26 Сентября. Былъ въ банѣ. Баня хороша въ Вильнѣ, чистая, опрятная, а въ особенности вода очень хорошая.

27 Сентября. Въ 8 часовъ былъ въ Зайковскихъ казармахъ и смотрѣлъ всѣхъ арестантовъ изъ шайки Вислоуха, предъявлялъ ихъ тѣмъ арестантамъ, которые были также въ шайкѣ Вислоуха и которые совершали казнь надъ крестьянами Томашевичами; съ тою цѣлію это предъявленіе я дѣлалъ, что не признаютъ ли они въ числѣ арестантовъ тѣхъ, которые вмѣстѣ съ ними совершали казнь Томашевичамъ. Но таковыхъ не оказалось.

28 Сентября. Не обѣдалъ, потому что пропалъ аппетитъ: ибо изъ комиссіи я поѣхалъ въ Госпиталь Св. Якова, чтѐ на Погулянкахъ, въ которомъ находятся шесть человѣкъ раненыхъ изъ той же шайки Вислоуха. Причина посѣщенія моего этихъ Вислоуховскихъ плѣнныхъ была таже самая, чтѐ и вчера. Вечеромъ у меня было все семейство

Еврея Кляцко и дочь его Юдесъ, за которую сватается одинъ Еврей, пріѣхавшій изъ Петербурга. Юдесъ очень хороша, жаль выдать ее за неизвѣстнаго человѣка, и потому все это семейство съ женихомъ пришли ко мнѣ за совѣтомъ. Я такъ рѣшилъ: 1) что объ женихѣ собрать подробныя справки въ С.-Петербургѣ, какой онъ человѣкъ и какими средствами тамъ живетъ? 2) Чтобъ онъ внесъ раввину пятьсотъ рублей на сбереженіе, что̀ будетъ доказывать его денежность и вмѣстѣ способность деньги сберегать; 3) чтобъ онъ для своей избранной Юдесъ прислалъ изъ Петербурга хорошій презентъ. Всѣ они на это согласились, я напоилъ ихъ чаемъ, угостилъ ½ ф. конфектъ и 10 грушъ, и они, оставшись вполнѣ мною довольны, отправились по домамъ.

29 Сентября. Отослалъ письмо къ Мамышеву, редактору-изданія: Кавказцы и Георгіевскіе кавалеры, и къ сыну Николаю. Былъ у обѣдни въ домѣ ген.-губернатора. Гродненское дворянство подало адресъ на вѣрноподданство. Снялъ съ себя фотографической портретъ, 24 карточки за 10 руб.

2 Октября. Съ 3 до 4 часовъ былъ въ комиссіи, допрашивалъ дѣвицъ Малецкихъ. Окончилъ дѣло помѣщика Бослеслава Поморнацкаго. Обѣдалъ дома изъ трактира, супъ и зразу за 35 коп.

3 Октября. Занимался дѣломъ ксендза Лапинскаго. Давалъ очныя ставки Октавіи Кальчевской, жены кол. сов. и родной ея сестры Елены Вириго, съ дѣвицами Малецкими (тоже двѣ родныя сестры). И что же? Кальчевская отъ всѣхъ своихъ показаній отперлась, принявъ всю вину въ участіи къ мятежникамъ на себя. Съ одной стороны это благородно, а съ другой подло; зачѣмъ было путать Малецкихъ?

4 Октября. Кончилъ дѣло ксендза Лапинскаго, въ участіи къ мятежникамъ; онъ оправдался, но въ сборѣ съ крестьянъ денегъ Евейской Карафіи по рублю съ хаты и взятіи съ нихъ же излишнихъ денегъ за исполненіе требъ остался виноватъ. Въ докладѣ я выразилъ и большую виновность Виленской Римско-Католической Духовной консисторіи, какъ потому, что они позволяютъ ксендзамъ дѣлать сборъ съ крестьянъ денегъ безъ разрѣшенія консисторіи, такъ и не повѣряютъ сборныхъ книгъ отъ консисторіи имъ выдаваемыхъ не болѣе какъ срокомъ на годъ. А у Лапинскаго найдена книга для сбора, выданная ему изъ консисторіи въ 1856 г. и не контролированная консисторіею ни разу.

5 Октября Окончилъ дѣло ксендза Гембицкаго, который долженъ быть высланъ на жительство въ одну изъ отдаленныхъ губерній Рос-

сіи. Обѣдалъ въ клубѣ на годовомъ обѣдѣ. За обѣдомъ было до ста человѣкъ, обѣдъ былъ очень хорошъ, много пили шампанскаго; и я, почувствовавъ, что мнѣ скоро будетъ дурно, поѣхалъ домой.

7 Октября. Читалъ Литовскій вопросъ, рукопись, которую далъ мнѣ Веселитскій для отсылки въ Петербургъ, чтобъ напечатать ее.

8 Октября. Въ зданіи миссіонерокъ разспрашивалъ помѣщицу Добужинскую о дѣлѣ ея по доносу крестьянъ, будто былъ у нея раненый повстанецъ и лѣчился у нея въ домѣ, гдѣ отняли ему руку; а когда онъ умеръ, то она велѣла похоронить его на старомъ кладбищѣ. Хотя по доносу и была отрыта изъ земли правая рука человѣка уже разлагавшаяся, но вѣры доносу я по крайней мѣрѣ не даю и полагаю, что это сдѣлано коварно, на томъ основаніи, что у крестьянъ Литовскихъ гнѣздится мысль, что если отъ помѣщика отымутъ землю, т. е. конфискуютъ имѣніе, то земля будто бы поступитъ во владѣніе крестьянъ. Эта запавшая въ нихъ мысль распространяетъ самые злодѣйскіе доносы на помѣщиковъ, и они дѣлаются невинными жертвами такого зла. Я не оправдываю всѣхъ помѣщиковъ, но много изъ нихъ страдаютъ невинно и, какъ я полагаю, помѣщица Добужинская есть невинная жертва отъ коварнаго доноса. Тѣмъ болѣе, потому что она уже пять лѣтъ вдова и имѣетъ пять человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ старшему десять лѣтъ. Оправдываю я Добужинскую, не подумайте, читатели, оттого что она вѣрно была хороша. Нѣтъ, въ справедливости моей красота женщины не можетъ найти укрывательства, если она виновата. А къ тому Добужинская не воспламенитъ и молодого человѣка, а не только меня, 64-хъ лѣтняго слѣдователя и честнаго открывателя истины. Посмотримъ, что̀ покажетъ слѣдствіе, которое я только сегодня началъ одними ея разспросами.

9 Октября. Въ 8 час. вечера поѣхалъ на балъ, затѣянный въ клубѣ молодежью, состоящею при М. Н. Муравьевѣ, подъ распоряженіемъ Н. Н. Хитрово; мнѣ поручено было пригласить А. П. Нѣмчинова и К. Е. Дитерихса съ ихъ женами, что̀ я и исполнилъ. Что же? Мы всѣ пріѣхали въ $8^1/_2$ часовъ на балъ, а швейцаръ сказалъ, что балъ отказанъ. Что̀ завѣтренность! И какъ же не дать знать заранѣе и заставить дамъ пріѣхать на мнимый балъ? Очень нехорошо.

10 Октября. При дальнѣйшемъ сегодня слѣдствіи о Добужинской начала показываться ея виновность и ложность ея показаній, такъ что участіе мое къ ея положенію поколебалось. Посмотримъ, что̀ будетъ далѣе.

11 Октября. Въ Госпиталѣ Св. Якова допрашивалъ помѣщицу Довгяло; потомъ поѣхалъ въ зданіе миссіонерокъ, гдѣ допрашивалъ дѣвицу Фелицію Рудомино.

14 Октября. Занимался дѣломъ помѣщицы Анны Довгяло по доносу на нее крестьянъ. По дѣлу, кажется, она невиновата. Доносамъ одного шляхтича по фамиліи Залѣскаго предсѣдатель комиссіи давалъ вѣру, и шляхтичъ этотъ началъ дѣлать поборы съ помѣщиковъ и другихъ лицъ, а которые ему не давали денегъ, то онъ ихъ оговаривалъ, арестовывалъ и доносилъ нелѣпо въ комиссію. Наконецъ это открылось; ибо нашли письмо, въ которомъ онъ пишетъ къ одному помѣщику, чтобъ онъ далъ 2 т. рублей адъютанту Муравьева, тогда дѣло его онъ не доложитъ, и оно такъ и умретъ. Адъютантомъ онъ называетъ князя Шаховскаго и что Залѣскій упросилъ будто его взять за это дѣло только 300 руб. Письмо эго было представлено въ комиссію, и Залѣскій сознался, что желалъ попользоваться деньгами. Экой подлецъ! Между тѣмъ по доносу его много людей арестовано, въ томъ числѣ и дѣвица помѣщица Фелиція Рудомино, которую я допрашивалъ 11-го Октября и которой родной братъ по доносу же Залѣскаго сосланъ на жительство въ Тобольскую губернію еще въ управленіе краемъ Назимова, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ сего года. Можно ли было вѣрить подлецу Залѣскому и на его только показаніяхъ такъ дѣйствовать? Слава Богу, что по этимъ дѣламъ я въ сторонѣ, и все это оттого, что ни одному человѣку я не вѣрю кромѣ своимъ глазамъ и своимъ ушамъ. Вотъ какіе результаты могутъ выходить отъ глупости предсѣдателей разныхъ комиссій!!! Много бы я написалъ, да боюсь чтобъ гусей не раздразнить. Другое дѣло, если спросятъ, тогда и говори; а если не спрашиваютъ, то держись выраженію: слово серебро, а молчаніе золото. Веди только честно свои дѣла, а въ чужія не мѣшайся, если тебя не спрашиваютъ.

19 Октября. Былъ въ клубѣ ,чтобъ разсѣятся, ибо по Суботамъ въ клубѣ обѣдъ бываетъ съ музыкой. Вчера Витебское дворянство поднесло адресъ М. Н. Муравьеву на имя Государя Императора. Дворянство было принято весьма ласково.

20 Октября. Вся Виленская комиссія по политическимъ дѣламъ снимала группою фотографію: предсѣдатель Веселитскій, члены: я, кн. Урусовъ, полк. Лосевъ, подполк. Хаматьяновъ, маіоръ Поль, аудиторы: Бормотовъ и Щеголевъ и Кирсановъ, жандармы: шт. кап. Кабановъ и поруч. Казанцовъ и два рядовыхъ. Послѣ снятія зашли всѣ ко мнѣ, позавтракали и ушли. Веселитскій не былъ.

21 Октября. Успѣлъ довести до сознанія Добужинскую. Она объявила мнѣ, что дѣйствительно къ ней были приведены пять раненыхъ повстанцевъ, она ихъ приняла къ себѣ въ домъ, изъ нихъ одинъ былъ раненъ навылетъ въ грудь, это былъ поручикъ Нарвскаго полка измѣнникъ Николай, впослѣдствіи разстрѣлянъ (см. 13 Сентября). Трое были ранены легко, а пятый иностранецъ Рудольфъ былъ раненъ въ руку близъ плеча, съ раздробленіемъ кости; ему отрѣзали руку, которую она и велѣла зарыть; впослѣдствіи, чрезъ 10-ть дней, онъ умеръ, и Добужинская велѣла его похоронить. Въ этомъ состоитъ доносъ крестьянъ на Добужинскую. Я составилъ докладъ М. Н. Муравьеву и закончилъ его такъ: «Помѣщица Феличія Добужинская признается виновною въ томъ, что дала пристанище раненымъ повстанцамъ и не извѣстила о томъ полицію; но, принявъ въ соображеніе, что Добужинская вдова, съ четырьмя малолѣтними дѣтьми, беззащитная, а поступокъ ея принадлежитъ къ образованному чувству благороднаго сердца и теплаго участія къ человѣчеству, то я полагаю ее освободить изъ-подъ ареста и водворить на мѣсто жительства къ дѣтямъ въ ея фольварокъ Галванки; а за то, что не дала знать полиціи о нахожденіи у нея въ домѣ раненыхъ повстанцевъ, учредить за ней секретный надзоръ, хотя впрочемъ она могла не давать о томъ знать полиціи съ одной стороны изъ жалости, а съ другой изъ боязни, чтобъ повстанцы не сожгли ея фольваркъ, чему и были примѣры». Посмотримъ, какая будетъ резолюція. Впрочемъ резолюцію я могу и не узнать, если не буду интересоваться. Обѣдалъ у любезнѣйшаго Н. Л. Дубельта, благополучно возвратившагося изъ похода въ Августовскую губернію. Резолюція: выслать на жительство въ Тобольскую губернію подъ надзоръ полиціи.

22 Октября. Допрашивалъ дворянина Тучинскаго. Въ 11½ часовъ поѣхалъ вмѣстѣ съ Веселитскимъ на закладку памятника въ память подавленія въ Литвѣ мятежа и въ память всѣхъ убитыхъ Русскихъ воиновъ въ стычкахъ съ мятежниками. Памятникъ заложенъ на Георгіевской площади; онъ будетъ изображать часовню, въ которой на стѣнахъ будутъ написаны имена и фамиліи сдѣлавшихся жертвами при подавленіи мятежа.

25 Октября. Занимался дѣломъ 20-ти лѣтняго юноши дворянина Ходынскаго; онъ увлеченъ былъ пойти въ шайку изъ любезности къ паненкамъ, которыя его стыдили и называли трусомъ. Паненки первыя двигатели къ возстанію, вся молодежь ими увлечена, потомъ ксендзы, потомъ помѣщики. Сего же дня я занимался дѣломъ Ромуальда Шульца, и оказалось, что онъ арестованъ по доносу Еврея Ицко, за то что да-

валъ мятежникамъ хлѣбъ и крупу. Шульцъ содержался за эту вину 9-ть недѣль въ Іюнѣ и Іюлѣ мѣсяцѣ и выпущенъ въ Августѣ по слѣдствію мною произведенному; ибо повстанцы пришли къ нему на фольваркъ и взяли хлѣбъ и крупу насильно, о чемъ онъ донесъ полиціи на другой же день. А теперь опять за тоже посадили. Какъ это неосновательно и какъ глупо!

28 Октября. Вечеромъ у меня пилъ чай Н. А. Дубельтъ и прощался, потому что отправился съ полкомъ своимъ въ С.-Петербургъ.

30 Октября. Послѣ обѣда получилъ изъ Динабурга депешу отъ жены, что она ѣдетъ въ Вильну ко мнѣ. Я тотчасъ послалъ за Ривкой и приказалъ ей нанять карету къ $8^1/_2$ часамъ, въ которое время я поѣхалъ на станцію желѣзной дороги и въ $9^1/_2$ часовъ встрѣтилъ мою жену.

3 Ноября. Вечеромъ были музыканты-Жиды. Купилъ мѣхъ на пальто за 35 руб. Жиды-скорняки сшивали мѣхъ. Ривка привела своихъ сестеръ Юдесъ и Малку, они танцовали.

5 Ноября. Въ Комиссіи разсматривалось дѣло ксендза Гундіуса; всѣ члены, числомъ пять, рѣшили за вину его отдать подъ судъ, но самодуръ Веселитскій разозлился, всталъ и ушелъ въ свою комнату, сказавъ членамъ: я несогласенъ съ мнѣніемъ членовъ, я напишу отдѣльно свое мнѣніе, чтобъ Гундіуса не отдавать подъ судъ, а заточить его навсегда безъ суда въ Шлиссельбургскую крѣпость. Экой самодуръ!!!

7 Ноября. Занимался составленіемъ записки по дѣлу Яцѣвича, который предводительствовалъ шайкою по взятіи въ плѣнъ Минейки. Потомъ былъ при очной ставкѣ даваемой помѣщицѣ Умановичевой съ доносчикомъ на нее шляхтича Межевича. Доносъ Межевича по моему мнѣнію несправедливъ, и я психологически это доказалъ; а наконецъ тотъ доносъ, который доноситель доказать не можетъ, всегда есть доносъ коварный, душегубный. Межевичъ донесъ, что Умановичева Мунчинская будто ему разсказывала, что въ Вильнѣ есть жандармы-вѣшатели и при нихъ начальникъ, а Мунчинская говоритъ, что это ложь, и что она разсказывала Яцѣвичу тò о жандармахъ-вѣшателяхъ, чтò было напечатано въ газетахъ. А какъ Яцѣвичъ за доносы получаетъ деньги, то онъ весьма натурально старается изыскивать всѣ случаи ихъ добывать. Притомъ образъ жизни Мунчинской устраняетъ всякое подозрѣніе на участіе ея въ возстаніи. Я сильно говорилъ въ ея защиту, и она по моему настоянію изъ подъ ареста освобождена.

10 Ноября. Сдѣлалъ себѣ пальто на мѣху песцовомъ и въ пер-

вый разъ надѣлъ его отправясь къ обѣднѣ по обыкновенію. Переѣхалъ изъ дома Шишко на квартиру въ домъ Тишкѣвича, за 25 руб. въ мѣсяцъ. Обѣдалъ съ женой чѣмъ Богъ послалъ.

13 Ноября. Съ 8 до 4 былъ въ комиссіи, куда провожала меня, какъ и вчера, жена моя.

14 Ноября. Въ 6-ть часовъ поѣхалъ въ зданіе № 14-го съ писаремъ Чепыжниковымъ, гдѣ переписалъ на контрамарки для адреснаго стола всѣхъ арестантовъ, которыхъ въ этотъ день содержалось въ этомъ зданіи 53 человѣка. Съ сегодняшняго дня я началъ устраивать адресный столъ для всѣхъ арестантовъ, содержащихся въ Вильнѣ и непремѣнно приведу ихъ личности въ математическій порядокъ.

18 Ноября. Опечатали домъ Тишкѣвича.

19 Ноября. Въ 3 часа поѣхалъ въ Воен. Госпиталь Св. Якова, потомъ въ Доминиканскій, а потомъ въ Францисканскій монастырь для составленія контрамарокъ въ адресный столъ.

24 Ноября. Въ 12 часовъ былъ у М. Н. Муравьева. Онъ представлялъ всѣхъ генераловъ, въ томъ числѣ и меня, пріѣхавшему изъ Петербурга министру государственныхъ имуществъ Зеленому.

25 Ноября. Въ 6 часовъ былъ въ Доминиканскомъ зданіи, гдѣ допрашивали и давали очную ставку членамъ революціоннаго комитета. Изъ комиссіи въ 9-мъ часу я ѣздилъ къ Николаю Алексѣевичу Милютину, онъ былъ въ Вильнѣ проѣздомъ. Онъ спрашивалъ меня о моей службѣ и предложилъ служить въ Варшавѣ. Я отвѣтилъ, что въ такое время ни одинъ благородный человѣкъ отъ службы отказываться не долженъ, но пока я служу у М. Н. Муравьева, то я не пойду служить въ рай къ Богу, а вотъ когда Михаилъ Николаевичъ выдетъ или оставитъ мѣсто генералъ-губернатора Западнаго края, тогда я готовъ идти на службу, куда угодно и просилъ, чтобъ Н. А. Милютинъ на меня разсчитывалъ.

1 Декабря. Въ 12 часовъ былъ у М. Н. Муравьева, который смотрѣлъ и прощался со 2-мъ баталіономъ л.-гв. Преображенскаго полка, отправляющимся сегодня въ С.-Петербургъ. Это былъ послѣдній баталіонъ гвардіи, бывшей въ Литвѣ для усмиренія мятежа. Вчера была балотировка въ члены Виленскаго клуба, а сегодня мнѣ объявили, что я единогласно выбранъ членомъ этого клуба, въ которой я вступить не имѣлъ намѣренія, такъ какъ со дня на день ожидаю окончанія моей службы въ Вильнѣ.

3-го Декабря. Вторникъ. Съ 8-ми до 4 часовъ былъ въ комиссіи, обѣдалъ дома, вечеромъ былъ въ клубѣ.

4 Декабря. Среда. Съ 8-ми до 4 часовъ былъ въ комиссіи, обѣдалъ дома, вечеромъ былъ у К. Е. Дитерихса.

5 Декабря. Четвергъ. Отъ 8 до 4 часовъ былъ въ комиссіи, обѣдалъ и вечеръ былъ дома. У насъ пилъ чай Дурасѣвичъ.

6-го Декабря. Пятница. Утромъ былъ у обѣдни въ домѣ генер.-губерн., оттуда вмѣстѣ съ Дитерихсомъ поѣхалъ на ротный праздникъ къ подполк. Редену, откуда пріѣхалъ домой и, напившись дома съ женою чаю, поѣхалъ на вечеръ къ Редену опять. Получилъ отъ Игнатьева телеграмму.

7-го Декабря. Веселитскій для открытія адреснаго стола арестантамъ сдѣлалъ всѣмъ членамъ великолѣпный завтракъ въ самой комиссіи и былъ очень любезенъ. Послѣ завтрака довезъ меня въ коляскѣ до моей квартиры.

10 Декабря. Былъ у П. В. Кукольника, онъ читалъ свое сочиненіе о Польскомъ возмущеніи и разборъ сочиненія Нарона *) о Христѣ Спасителѣ.

11. Съ 8 до 4 въ комиссіи, обѣдалъ дома, вечеромъ съ женой былъ у Дитерихса. Послалъ письмо къ внуку Николѣ.

12 Декабря. Въ 6-ть часовъ пришелъ ко мнѣ А. И. Ознобишинъ, который сидитъ со мной въ одной комнатѣ въ слѣдственной комиссіи; онъ игралъ съ женой въ 4 руки на фортепіано.

13 Декабря. Получили телеграфъ изъ Динабурга отъ сына Николая съ извѣщеніемъ, что онъ ѣдетъ въ Вильно, жена моя поѣхала его встрѣчать на желѣзную дорогу.

14 Декабря. Вечеромъ былъ въ клубѣ вмѣстѣ съ сыномъ Николей; за ужиномъ радушный намъ пріемъ былъ для меня весьма умилителенъ, пили за мое и Николино здоровье безпрестанно, и мы пріѣхали домой въ 4 часа.

19 Декабря. Вечеромъ былъ у А. П. Нѣмчинова, онъ давалъ прощальной вечеръ К. Е. Дитерихсу, который назначенъ начальникомъ артилеріи гренадерскаго корпуса.

20 Декабря. Въ 8 часовъ вечера поѣхалъ въ общее собраніе клуба, гдѣ разсматривался годовой отчетъ, въ 10-мъ часу пріѣхалъ къ Редену, у котораго были всѣ артилеристы и ихъ главный начальникъ А. П. Нѣмчиновъ, для провожанія отъѣзжающаго въ Москву К. Е. Дитерихса,

*) Такъ въ подлинникѣ. П. Б.

съ женою Елеонорою Александровною по случаю новаго его назначенія. Отъ Редена всѣ поѣхали на станцію желѣзной дороги, тамъ проводы были К. Е. Дитерихсу такъ умилительны, что не было лица, которое бы отъ умиленія не плакало. Дружная семья артилеристовъ, бывшихъ его подчиненныхъ, слилась въ одну душу ему благодарную. Онъ заслужилъ полное къ себѣ уваженіе, которое такъ непритворно выразилось въ ихъ чувствахъ, въ ихъ ему сказаніяхъ. Самъ Дитерихсъ и жена его отъ полноты чувствъ благодарности не могли говорить, слезы радости катились изъ ихъ глазъ. Подчиненные поднесли и ей и ему памятные подарки.

21 Декабря. Въ 11-ть часовъ производилась казнь повѣшеніемъ участниковъ революціоннаго Польскаго комитета: Прусскаго подданнаго изъ Познани дворянина Дорომановскаго, Мечеслава Францова 27 лѣтъ, католика и дворянина Здановича.

22. Декабря. Послѣ обѣдни М. Н. Муравьевъ подошелъ ко мнѣ и благодарилъ, что я устроилъ адресный столъ всѣмъ арестантамъ и сказалъ, что ему хотѣлось бы устроить адресный столъ всѣмъ жителямъ г. Вильны и потому поручилъ губернатору С. Ф. Панютину переговорить о томъ со мною. Въ 2 часа Панютинъ пріѣхалъ ко мнѣ, мы посовѣтовались, и я написалъ проектъ учрежденія адреснаго стола. Въ 8-мь часовъ я съ женой поѣхали къ Нѣмчиновымъ, оттуда я ѣздилъ къ Панютину и отвезъ проектъ мой.

23 Декабря. Вечеромъ ѣздилъ въ канцелярію генералъ губернатора для ускоренія отправленія меня въ С.-Петербургъ.

24 Декабря. Вечеромъ откланивался Михаилу Николаевичу и въ 12-ть съ $^1/_2$ часовъ поѣхалъ вмѣстѣ съ женой по желѣзной дорогѣ въ С.-Петербургъ.

25 Декабря. Среда. Рождество Христово. Цѣлый день былъ въ дорогѣ, а въ 11-ть часовъ вечера пріѣхалъ съ женой въ Петербургъ и остановился въ квартирѣ сына Николая.

26 Декабря. Утромъ дѣлалъ визиты, а вечеромъ былъ у Болотникова.

27 Декабря. Являлся къ дежурному генералу и къ коменданту.

28 Декабря. Являлся къ министру внутрен. дѣлъ Валуеву, но онъ поручилъ просить меня завтра; потомъ являлся къ воен. министру Милютину и былъ съ визитомъ у разныхъ лицъ. По приглашенію А. Ф. Лихачова обѣдалъ въ Англійскомъ клубѣ, а вечеромъ былъ у Бильбасова.

29 Декабря. Являлся министру Валуеву, а въ часъ имѣлъ счастіе за разводомъ представляться Государю Императору. Государь сказалъ мнѣ: Ты изъ Вильнὸ?—Точно такъ, отвѣтилъ я.—Какъ здоровье Михаила Николаевича? спросилъ Государь.—Слава Богу; только говорятъ, что глаза слабы, сказалъ я.—Ну у васъ въ Вильнѣ все благополучно? продолжалъ Государь.—Благодаря Бога, отвѣтилъ я. Тогда Государь сказалъ: я очень радъ, и съ тѣмъ кончивъ со мною разговоръ, обратился къ слѣдующему генералу, возлѣ меня стоявшему.

31 Декабря. Занимался дѣломъ по устройству адреснаго стола въ Вильнѣ и исполненіемъ разныхъ порученій въ Вильнѣ мнѣ надаванныхъ.

Конецъ 1863 года, счастливаго для меня только тѣмъ, что я былъ откомандированъ въ распоряженіе знаменитаго и геніальнаго Михаила Николаевича Муравьева, и тѣмъ, что ни одна невиновная Польская душа напрасно не подверглась взысканію по слѣдствію мною производимому. Благодарю Господа несчетно!

1864 годъ. Благослови Господи вѣнецъ Твоея благости на лѣто 1864-ое.

1-ое Января. Вечеромъ въ 7 часовъ былъ у Н. А. Крыжановскаго по его приглашенію. Сегодняшнимъ высочайшимъ приказомъ онъ назначенъ помощникомъ къ М. Н. Муравьеву.

2-го Января. Былъ у воен. министра Милютина по его приказанію явиться предъ моимъ отъѣздомъ въ Вильну. Онъ приказалъ мнѣ свидѣтельствовать душевное почтеніе Михаилу Николаевичу. Министръ Валуевъ тоже поручилъ мнѣ свидѣтельствовать почтеніе Михаилу Николаевичу. Пообѣдавъ съ семействомъ, я въ 8-мь часовъ вечера вмѣстѣ съ другомъ моимъ женою поѣхали на Варшавскую желѣзную дорогу, гдѣ я, простившись съ нею, отправился въ Вильну, такъ какъ срокъ моей командировки для устойства адреснаго стола былъ по 3 Января. Долго смотрѣлъ я изъ окошка движущагося вагона, пока ликъ моего друга перешелъ въ воображеніе.

3-го Января. Пріѣхавъ въ Вильну въ 11-ть часовъ вечера, я тотчасъ переодѣлся и поѣхалъ явиться къ Михаилу Николаевичу, которому вручилъ отъ дежурнаго генерала графа Гейдена Памятную Книжку на 1864-й годъ. М. Н. принялъ меня весьма ласково, посадилъ и разспрашивалъ о Петербургѣ и когда сказалъ мнѣ: чтὸ, насъ тамъ бранятъ? тогда я ему отвѣтилъ: дай Богъ, чтобъ внуковъ нашихъ такъ бранили; конфекты въ Петербургѣ продаютъ съ вашимъ портретомъ, стихи вамъ пишутъ во славу вашу. При этомъ М. Н. спросилъ: какіе стихи? Тогда я испросилъ его позволенія ихъ ему представить, чтὸ

онъ тотчасъ же и приказалъ, т. е. подать ихъ. Я вышелъ изъ кабинета, и тотчасъ же, вынувъ стихи изъ моего портфеля, подалъ ихъ Михаилу Николаевичу. Стихи эти были написаны къ 1-му Января 1864 года и разосланы ко всѣмъ патріотамъ и оцѣняющимъ геніальное управленіе Литовскимъ краемъ, въ которомъ вспыхнувшій мятежъ и глубоко распространившійся могъ только удержать знаменитый Михаилъ Николаевичъ, мудрымъ и въ полномъ сохраненіи строгости закона управленіемъ. Стихи эти дала мнѣ Варвара Петровна Базилевская, она сама есть авторъ слѣдующихъ стиховъ:

Михаилу Николаевичу Муравьеву.

Твое имя—есть ужъ слава,
Твоимъ подвигамъ—ура!
Вознесетъ тебя держава,
Возвеличатъ племена!
Подъ крыломъ Архистратига
Смѣло ты иди впередъ.
Благодарная Россія
Тебѣ лавры поднесетъ.

Михаилъ Николаевичъ прочелъ стихи съ улыбкою удовольствія и потомъ спросилъ о наградахъ, какія вышли къ новому году; но я, по случаю отъѣзда изъ Петербурга 2-го Января и въ хлопотахъ, ничего не зналъ.

4-го Января. Явился къ предсѣдателю комиссіи г.-л. Веселитскому, коменданту г.-л. Вяткину и начальнику штаба г.-м. Циммерману, обѣдалъ дома и весь вечеръ занимался составленіемъ инструкціи для полицейскихъ чиновниковъ и для домовладѣльцевъ касательно устройства адреснаго стола въ г. Вильнѣ, на который мнѣ отпущено 500 рублей.

13 Января. Обѣдалъ у губернатора Степана Ѳедоровича Панютина. Проѣздомъ изъ-за границы въ Петербургъ, обѣдалъ у него въ этотъ же день графъ Н. Н. Амурскій. Рядовой Якубъ Чеханъ сегодня разстрѣлянъ за побѣгъ изъ службы въ шайку мятежниковъ.

15 Января. Сегодняшній день замѣчателенъ двумя обстоятельствами: а) пріѣхалъ генералъ-адъютантъ Н. А. Крыжановскій, назначенный помощникомъ къ начальнику Западнаго края М. Н. Муравьеву; б) буквально у меня не было ни одной копѣйки денегъ, и я занялъ у поручика Казанскаго 11 р. серебромъ, безъ чего не было бы возможности даже заплатить извозчику. Такого обстоятельства не случалось ни съ однимъ генераломъ и даже никакой службы, т. е. ни Русской, ни иностранной, ни статской и ни военной. И въ этомъ случаѣ судьба выбрала меня, и потому не удивляйтесь, друзья и потомки, что вся жизнь моя оригинальна. Любопытно, чѣмъ-то она кончится кромѣ смер-

ги? Но могу сказать вамъ въ утѣшеніе, что за то получено изъ Динабургской коммисаріатской комиссіи увѣдомленіе отъ 11 Января 1864 года за № 583-мъ, что слѣдующее мнѣ жалованье за Сентябрьскую треть прошлаго года выслано въ настоящее время быть не можетъ, по неимѣнію въ комиссіи денегъ. Вотъ видите ли, на мою бѣду и денегъ въ комиссіи нѣтъ. И во всемъ-то мнѣ все также! По пословицѣ: Ѳомкѣ жениться—такъ и ночь коротка. Не унывай, другъ мой Николай Ивановичъ! Помолясь Богу, съ тѣмъ я легъ спать. Впрочемъ веселъ и счастливъ, душой покоенъ и самъ собой доволенъ.

16 Января. Съ 8-ми до 4-хъ часовъ былъ въ комиссіи, потомъ, пріѣхавъ домой, увидѣлъ на столѣ визитную карточку Николая Андреевича Крыжановскаго, который пріѣзжалъ ко мнѣ, но я былъ еще въ комиссіи. Пообѣдавъ, я одѣлся во всю форму, и въ $8^1/_2$ часовъ вечера отправился къ Николаю Андреевичу явиться. Онъ принялъ меня весьма ласково, оставилъ у себя пить чай. Сегодня отдалъ въ печать всѣ формы мною составленныя для адреснаго стола.

29 Января. День былъ очень снѣжный и скучный, а особенно потому, что получилъ письмо отъ доброй моей жены, которая все грустить и скучаетъ отъ обстоятельствъ не стоющихъ никакой грусти, тѣмъ болѣе потому, что и я, и она, и дѣти слава Богу здоровы. Спать мнѣ не хотѣлось, згрустнулось; я подумалъ, что Полякамъ еще скучнѣе, сѣлъ, закурилъ трубку, потомъ походилъ по комнатѣ, и для развлеченія написалъ слѣдующіе стихи, принявъ за тему показаніе одного заблудшагося ксендза:

Намъ слѣдствія комиссій показали,
Кто возмутилъ всѣхъ Поляковъ.
Они съ раскаяньемъ сказали:
Зачѣмъ мы увлеклись мечтою дураковъ!
Неблагодарная забылась,
Живя безпечно столько лѣтъ!
Кто возмутилъ твою отчизну?
Кто бросилъ искру Полякамъ?
Хотѣлъ кто праздновать здѣсь тризну
Потомкамъ вашимъ и сынамъ?
И вы запутались всѣ въ сѣти,
И съ вами старцы, внуки, дѣти.

Ксендзъ.

Коварный Галлъ насъ обольстилъ,
Измѣной, лестью напоилъ.
На тронъ взошелъ онъ съ поруганьемъ,
Бразды правленья нагло взялъ,
И избалованный мечтаньемъ

Онъ о Россiи замечталъ!
Слѣдователь.
Забылъ скрижаль онъ Николая.
Забылъ Варшавы цитадель.

Допрашивали: предсѣдатель ген.-лейт. Веселитскiй, членъ ген.-м. Цыловъ. Такъ подписываются всѣ допросы, кто бы ихъ ни снималъ, съ тою только разницею, что фамилiя члена измѣняется, а фамилiя предсѣдателя, какъ въ математикѣ, есть величина постоянная.

30 Января. Чай пилъ у любезнаго сосѣда князя Михаила Валентиновича Шаховского.

1 Февраля. Обѣдалъ у князя М. В. Шаховскаго, вечеромъ былъ у Польмана, отъ него поѣхалъ съ Игельстромомъ въ маскарадъ и восхищался, какъ Польки танцуютъ мазурку, польку, а въ особенности вальсъ; впрочемъ въ 3-мъ часу уѣхалъ домой.

6 Февраля. Въ театрѣ очень хорошо играли: Доходное Мѣсто (Островскаго).

7 Февраля. Въ 8 часовъ вечера пришелъ ко мнѣ Александръ Павловичъ Ильинъ, ротмистръ л.-гв. Кирасирскаго полка, который стоитъ въ Царскомъ Селѣ, и я съ нимъ былъ знакомъ, когда былъ я тамъ полицiймейстеромъ.

13 Февраля. Въ Губерн. Правленiи были собраны надзиратели г. Вильны, которымъ я объяснилъ объ адресномъ столѣ.

23 Февраля. Обѣдалъ у С. Г. Веселитскаго, который обѣдъ этотъ давалъ для всѣхъ членовъ комиссiи слѣдственной по тому случаю, что арестантовъ за комиссiею осталось менѣе 150 человѣкъ. Тостъ былъ предложенъ Веселитскимъ за мое здоровье, а я предложилъ тостъ отъ всѣхъ членовъ за его здоровье.

26 Февраля. Писалъ правила для частной прислуги въ г. Вильны.

28 Февраля. Изъ комиссiи вмѣстѣ съ А. И. Ознобишинымъ мы прiѣхали домой ко мнѣ, нашли посылку отъ моей доброй жены, присланную изъ Петербурга; въ посылкѣ было: свѣжая икра, сыръ, свѣжая корюшка, и боченокъ сельдей. Закусивъ свѣжей икры, остальную, чтобъ не испортилась, равно какъ и корюшку, взяли съ собой и поѣхали въ клубъ; корюшку велѣлъ сварить, которую всѣ налично обѣдавшiе, какъ и икру съ блинами, съѣли, похваливая и икру, и корюшку. Вечеромъ я былъ у Редена, за обѣдомъ пили за здоровье жены моей Елены Дмитрiевны.

10 Марта. Въ этотъ день были назначены выборы новыхъ директоровъ клуба. Меня выбрали директоромъ единогласно. Этотъ день для

меня былъ самымъ пріятнымъ, ибо изъ 230-ти человѣкъ членовъ клуба, выборъ меня въ числѣ прочихъ старыхъ директоровъ въ директоры, обнаружилъ расположеніе ко мнѣ членовъ, удостоившихъ меня выборомъ.

25 Марта Благовѣщеніе. Сегодня минуло 25 лѣтъ присоединенія Уніи къ Православной Церкви, и потому въ Духовомъ монастырѣ была совершена литургія самимъ виновникомъ такого присоединенія, митрополитомъ Литовскимъ Симашко. Къ литургіи съѣхались всѣ генералъ и штабъ-офицеры военные, всѣ гражданскіе чиновники и самъ начальникъ края М. Н. Муравьевъ. Литургія и самое служеніе были великолѣпны. По окончаніи всѣ чины отправились къ митрополиту съ поздравленіемъ.

29 Марта. Послѣ обѣдни, въ часъ было освященіе адреснаго стола мною устроеннаго.

7 Апрѣля. Въ 12 часовъ поѣхалъ вмѣстѣ съ княземъ Шаховскимъ въ полной парадной походной формѣ на станцію желѣзной дороги встрѣчать (проѣздомъ въ Петербургъ) его высочество Константина Николаевича. Для встрѣчи были собраны всѣ генералы въ Вильнѣ находящіеся и самъ М. Н. Муравьевъ. Его высочество по случаю болѣзни изъ вагона не выходилъ, пригласивъ къ себѣ въ вагонъ только Михаила Николаевича и Н. А. Крыжановскаго. Утромъ Веселитскій пригласилъ меня гулять, и мы пошли изъ комиссіи къ Замковой горѣ и, выбравъ самое крутое мѣсто, взобрались на гору. Труда было много, мнѣ 65 лѣтъ, а Веселитскому хотя 60, но за то онъ втрое меня толще и съ одной рукой! Впрочемъ, подходя или лучше подлѣзая къ вершинѣ горы, находящіеся на горѣ караульные солдаты, спустясь къ намъ, помогли взобраться. Этотъ моціонъ былъ мнѣ полезенъ.

9 Апрѣля. Занимался по вечерамъ составленіемъ проекта объ учрежденіи въ г. Вильнѣ справочной конторы для продажи недвижимыхъ имуществъ во всемъ Западномъ краѣ.

18 Апрѣля. Въ $11\frac{1}{2}$ часовъ поѣхалъ къ заутренѣ въ домъ генералъ-губернатора. Послѣ заутрени всѣ разгавливались у М. Н. Муравьева. Онъ былъ весьма ласковъ со всѣми.

19 Апрѣля. Воскресеніе Христово. Прошелъ въ визитахъ. Это дурацкое шлянье изъ дому въ домъ, отъ подъѣзда къ подъѣзду, въ Вильнѣ имѣетъ большую моду; а я всѣхъ просилъ, чтобъ не дѣлали мнѣ визитовъ, ибо я не измѣряю къ себѣ почтеніе тѣмъ, кто былъ или кто не былъ у меня съ поздравленіемъ.

20 Апрѣля. Вмѣстѣ съ женою былъ у обѣдни въ Троицкомъ монастырѣ. Служилъ молебенъ митрополитъ Литовскій и Виленскій Си-

машко, въ присутствіи М. Н. Муравьева и всѣхъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Познакомился съ Аркадіемъ Дмитріевичемъ Столыпинымъ, свиты Его Величества генералъ-маіоромъ; онъ былъ у меня съ визитомъ.

25 Апрѣля. Съ 24 на 25 Апрѣля С. Г. Веселитскій отправился въ отпускъ въ С.-Петербургъ, и я вступилъ въ исполненіе должности его, предсѣдателя Виленской Слѣдственной Комиссіи по политическимъ дѣламъ. Въ 12-ть часовъ полудня по случаю отъѣзда въ С.-Петербургъ М. Н. Муравьева, всѣ генералы въ полной парадной походной формѣ собрались къ нему. Онъ принялъ всѣхъ весьма внимательно, благодарилъ за службу, два раза взялъ меня за руку и поручилъ управленіе комиссіею. Въ 4 часа послѣ обѣда всѣ собрались на станцію желѣзной дороги провожать Михаила Николаевича, и онъ благополучно отправился, и когда изъ окошка вагона сказалъ, прощайте господа, тогда всѣ присутствующіе закричали: «до свиданья».

28 Апрѣля. Вечеромъ, въ общемъ собраніи директоровъ Дворянскаго Виленскаго клуба, гдѣ былъ непріятный диспутъ касательно смѣны секретаря клуба по непріятностямъ директора-хозяина Хитрово съ секретаремъ Виноградовымъ, который должность свою оставилъ за дерзости, наговоренныя ему Хитровымъ.

29, 30. Съ 1-го на 2-ое Мая проѣзжалъ за границу Его Высочество Константинъ Николаевичъ, всѣ собрались генералы во всей формѣ въ 4 часа ночи; но Его Высочество телеграфировалъ со станціи, что никого принимать не будетъ и мы, не спавъ ночь, отправились по домамъ.

10 Мая. Обѣдалъ съ женою у Нѣмчинова; возвратясь домой послѣ обѣда въ 5-ть часовъ, я нашелъ письмо отъ Виктора Петровича Брянчанинова, который поздравляетъ меня съ царскою милостію. Указъ о пожалованіи меня орденомъ Св. Станислава 1-й степени подписанъ Государемъ Императоромъ 8-го Мая 1864 года. Благодарю тебя, Господи, что служба моя тяжкая не осталась безъ возмездія. Благодарю Михаила Николаевича, моего мудраго начальника. Дай Богъ ему всѣхъ благъ на свѣтѣ!

23 Мая. Пріѣхалъ изъ отпуска Веселитскій и вступилъ въ должность, которую я исправлялъ мѣсяцъ во время его отпуска.

27 Мая. Въ часъ съ половиною утра Государь Императоръ съ Императрицею изволили ѣхать чрезъ Вильну за границу. Въ Вильнѣ встрѣча была сердечная. Государь изволилъ завтракать и былъ чрезвычайно милостивъ ко всѣмъ, а въ особенности къ М. Н. Муравьеву.

Пробывъ въ декарбардерѣ съ часъ, изволилъ отправиться въ дальнѣйшій путь благополучно. Народу было множество, и крики ура не умолкали.

28 Мая. Вознесенье. Представлялся М. Н. Муравьеву и благодарилъ за награду. Аркадій Дмитр. Столыпинъ одолжилъ мнѣ ленту и звѣзду, и я въ первый разъ сегодня надѣлъ звѣзду и ленту.

30 Мая. Субота. Елена Дмитріевна моя добрая жена, сегодня въ 4 часа и 20 минутъ полудня отправилась изъ Вильны въ С.-Петербургъ. По ея отъѣздѣ мнѣ было очень грустно оставаться одному въ чужомъ городѣ безъ родныхъ и друзей, и я усердно молился Богу, чтобы чѣмъ нибудь разыгралось мое положеніе въ Вильнѣ: или бы дали мнѣ постоянное мѣсго для службы, или бы отправили въ С.-Петербургъ, по крайней мѣрѣ и въ томъ и другомъ случаѣ я былъ бы вмѣстѣ съ женой, съ семействомъ, родными и со старыми друзьями. Господи, исполни молитву мою!

10-го Іюня во Вторникъ былъ вечеромъ у М. Н. Муравьева съ ремаркою о числѣ арестантовъ, содержащихся за Виленскую комиссію. 12-го прислали грамоту на пожалованіе меня орденомъ Св. Станислава 1-й степени за подписью Императора Александра II-го. За орденъ взыскали съ меня 120 рублей серебромъ въ Капитулъ.

— 20 Іюня. Въ этотъ день проѣзжалъ за границу чрезъ Вильну Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ. Его Высочество встрѣчали: начальникъ края М. Н. Муравьевъ и всѣ генералы. Я опоздалъ и видѣлъ только, когда Его Высочество прошелъ чрезъ комнату садиться въ вагонъ.

21 Іюня. Представлялся въ числѣ прочихъ ген. лейт. Хрущову, назначенному помощникомъ къ начальнику края М. Н. Муравьеву.

27 Іюня. Въ 9 часовъ вечера я имѣлъ первый разъ докладъ М. Н. Муравьеву по дѣламъ политическихъ арестантовъ. М. Н. былъ доволенъ и сказалъ мнѣ: ваша комиссія останется навсегда, и я совершенно надѣюсь, что она у васъ пойдетъ хорошо. Благодарю тебя Господи, что Ты сподобилъ меня угодить Михаилу Николаевичу, моему мудрому начальнику!

(Извлечено изъ «Сборника П. И. Щукина», книги пятой).

ВСЕПОДДАННѢЙШЕЕ ДОНЕСЕНІЕ КНЯЗЯ П. П. БАГРАТІОНА О СМЕРТИ ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ ПРОЗОРОВСКАГО.

Всемилостивѣйшій Государь!

Исполняя печальную для меня обязанность, Вашему Императорскому Величеству симъ всеподданнѣйше доношу, что генералъ-фельдмаршалъ, главнокомандующій здѣшнею арміею, князь Прозоровскій сего Августа 9-го дня пополудни въ 5 часовъ, находясь въ лагерѣ при устьѣ Матчинскаго гирла, по волѣ Всемогущаго Бога изъ жизни сей перешелъ въ обитель вѣчную.

Съ полною справедливостью оплакиваютъ въ немъ всѣ тѣ, которые его знали, и опытнаго воина, и истиннаго сына отечества, нелицемѣрно преданнаго Государю своему.

Извѣстіе сіе получилъ я въ лагерѣ на правой сторонѣ рѣки Бузео при деревнѣ Саржатѣ, куда я отъ покойнаго главнокомандующаго былъ откомандированъ прежде перехода его на правую сторону Дуная, для сохраненія общей связи между всѣми отрядами по Валахіи. По чему самому осмотрѣлъ уже я весь правый флангъ помянутаго корпуса и все надобное по мѣстоположенію и обстоятельствамъ учредилъ на основаніи данныхъ мнѣ отъ покойнаго главнокомандующаго предписаній. Но, получа помянутое извѣстіе, поспѣшилъ я отправиться въ главную квартиру и прибылъ сюда сего Августа 11-го дня пополуночи въ 11-мъ часу. Здѣсь нашелъ я между прочимъ депеши, привезенныя изъ С.-Петербурга фельдъегеремъ сего Августа 8-го дня, которыхъ однакоже покойный главнокомандующій, по чрезвычайной слабости, не читалъ. Между сими депешами нашелъ я также высочайшій Вашего Императорскаго Величества рескриптъ на имя покойнаго генералъ-фельдмаршала отъ 30-го минувшаго Іюля подъ № 168 со вложеніемъ высокомонаршаго Вашего Величества указа о назначеніи меня главнокомандующимъ здѣшнею арміею.

Упадая къ освященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, пріемлю дерзновеніе принести всеподданнѣйшую глубочайшую благодарность за столь отличный знакъ высокомонаршей ко мнѣ довѣренности. Всѣ силы и все мое разумѣніе конечно напрягу, дабы усердіемъ и трудами содѣлаться достойнымъ такія милости монаршей.

Во исполненіе вышеупомянутаго высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указа, принялъ я главное начальство надъ арміей и извѣстилъ о томъ войска, нынѣ моему предводительству ввѣренныя. Вмѣстѣ съ тѣмъ приступаю я войти во всѣ подробности высокомонаршихъ Вашего Величества наставленій, предмѣстнику моему данныхъ, которыя мнѣ доселѣ извѣстны были.

Обо всѣхъ же имѣющихъ послѣднихъ происшествіяхъ и распоряженіяхъ моихъ не премину я въ свое время всеподданнѣйше доносить Вашему Императорскому Величеству.

(Сообщилъ С. А. Панчулидзевъ).

ИЗЪ ЖИЗНИ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ ВЪ РИМѢ ВЪ 1853—1856 ГОДАХЪ.

(Замѣтка).

Въ одинъ изъ жаркихъ лѣтнихъ дней минувшаго 1905 года въ Римѣ я остановился посмотрѣть разложенныя вдоль забора старыя книги и гравюры, составляющія походную лавочку мелкаго торговца-букиниста. Здѣсь, среди разнаго хлама на Итальянскомъ, Французскомъ, Латинскомъ языкахъ, къ удивленію, увидѣлъ я книгу съ надписью на обложкѣ на языкѣ Славяно-Русскомъ, а именно: „Воспоемъ пѣснь свою Богови на землѣ чуждей. Пойте разумно!" (Псал. 63). Книжка представляла собою рукопись-ноты: „Литургія св. Іоанна Златоустаго. Переложена на фортепіано трудами пѣвчаго Петра Долоцкаго". За книжку букинистъ запросилъ двѣ лиры, но потомъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ сбылъ ее мнѣ за лиру. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, въ семействѣ отца діакона Римской посольской церкви, мнѣ удалось встрѣтить супругу названнаго Долоцкаго, Е. В. Долоцкую. Отъ нея я узналъ, что мужъ ея долгое время служилъ псаломщикомъ при посольской церкви въ Римѣ и умеръ въ 1893 году. По ея словамъ, ему принадлежатъ печатныя труды: Путеводитель по Риму для Русскихъ и переводъ литургіи Іоанна Златоустаго и Василія Великаго на Итальянскій языкъ. Видѣть эти труды, къ сожалѣнію, мнѣ не удалось.

Въ пріобрѣтенной мною такимъ образомъ у букиниста рукописи П. Ѳ. Долоцкаго, въ концѣ, содержится списокъ лицъ, принимавшихъ участіе въ пѣніи на клиросѣ въ Русской посольской церкви въ Римѣ въ 1853—1856 годахъ, т. е. во время Крымской войны. Этотъ списокъ можетъ служить для характеристики жизни Русскихъ въ „вѣчномъ городѣ" въ указанное время, и представляется тѣмъ болѣе любопытнымъ, что между этими лицами встрѣчаемъ имена извѣстныхъ художниковъ, напримѣръ, Боголюбова, Сорокина и др. Вотъ этотъ перечень, печатаемый съ соблюденіемъ орѳографіи подлинника:

„Пѣли на клиросѣ Православной Греко-Россійской Церкви, что̀ при Россійскомъ Посольствѣ въ Римѣ.

1853 года.

Князь Анатолій Барятинскій.
Князь Александръ Мещерскій.
Князь Яковъ Голицынъ.

Графъ Сергій Ностицъ.

Ихъ благородія Михаилъ Абаза, Рихтеръ (дирижеръ), Фей.

Художники:
Антонъ Ивановъ [1]).
Михаилъ Щуруповъ
Иванъ Крюковъ.
Карлъ Штельбъ.

1854 года.

Художники:
Константинъ Григорьевичъ.
Евграфъ Сорокинъ (ἀρχὴ ξάζτης) [2])
Михаилъ Желѣзновъ [3])
Михаилъ Щуруповъ.
Орестъ Тимашевскій [4]).
Иванъ Кабановъ.

Князь Григорій Петровичъ Волконскій.

1855 года.

Художники:
Евграфъ Сорокинъ.
Антонъ Ивановъ.
Михаилъ Желѣзновъ.

Т. (теноръ) Боголюбовъ [5]). } Художники.
„ Иванъ Кабановъ. } Художники.
„ Князь Максютовъ.

---

[1]) Ивановъ Антонъ, род. въ 1821 г., изъ крѣпостныхъ помѣщика Владимирской губ. подполковника Домашнева. Въ Римѣ, если не ошибаюсь, мнѣ передавали, что этотъ Ивановъ въ Римѣ и умеръ, и могила его находится на Римскомъ Русскомъ кладбищѣ.

[2]) Трудно понять, что̀ хотѣлъ сказать П. Ѳ. Долоцкій послѣднею фразой (по-гречески). Евграфъ Семеновичъ Сорокинъ род. въ 1821 г. †1892 г. Его картины въ храмѣ Христа Спасителя въ Москвѣ: „Благовѣщеніе", „Свиданіе Богоматери съ Елисаветою".

[3]) Желѣзнова, по словамъ А. Авдѣева („Русскій Вѣстникъ" за 1856 г., Іюль, стр. 62) можно было назвать „художникомъ словеснымъ, какъ человѣка занимавшагося отчасти и исторіей искусства", и ему принадлежитъ напечатанная въ „Отечественныхъ Запискахъ" и „Современникѣ" статья о значеніи Брюлова въ исторіи Русской живописи, а равно и замѣтка въ „Современникѣ" (1857 г. № 2) по поводу „Писемъ изъ Рима" А. Авдѣева.

[4]) Тимашевскій, Орестъ Исаакіевичъ, род. 1822 г. съ 1860 г. академикъ; †въ 1866 г.

[5]) Боголюбовъ, Алексѣй Петровичъ, род. 16 Марта 1824 г. въ с. Помер[illegible]ѣ Новгор. губ. † 26 Окт. 1896 г. въ Парижѣ, извѣстный маринистъ.

Б. (басъ) Иванъ Андреевъ.
„ Князь Григорій Волконскій.
А. „ Петръ Волконскій.
„ „ Иванъ Трубецкой.
Т. Господинъ Бецкій.
„ Михаилъ Щуруповъ. } Художники.
Т. Б. Орестъ Тимашевскій. }

Б. prof. Николай Петровъ, капитанъ фельтъф. (?) корпуса.

1856 года.

Басъ Евграфъ Сорокинъ.
Теноръ Михаилъ Желѣзновъ.
Басъ, онъ же и хоръ (?) Боголюбовъ. } Художники.
Теноръ Иванъ Кабановъ.
Басъ Иванъ Толстолужскій".

Въ дополненіе къ этому перечню можно указать на статью А. Авдѣева въ „Рускомъ Вѣстникѣ" за 1856 г., Май и Іюль, подъ заглавіемъ: „Мастерскія Русскихъ художниковъ въ Римѣ (письма изъ Рима)". Изображая занятія этихъ художниковъ, авторъ здѣсь, между прочимъ, о художникѣ Чернышевѣ говоритъ: „Все покорно и послушно ложится подъ карандашемъ его: и карнавальная сцена и цѣлованіе папской туфли. Въ альбомѣ г. Чернышева мы видѣли портреты всѣхъ его товарищей въ различныхъ видахъ, и гуляющихъ на Пинчіо, и поющихъ на клиросѣ con amore. Мы должны сознаться, что разсматривали этотъ альбомъ съ большимъ наслажденіемъ" („Русск. Вѣстн". 1856 г. Іюль, стр. 59). Альбомъ этотъ, конечно, могъ бы служить иллюстраціей къ приведенному перечню.

Итакъ, въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ минувшаго XIX столѣтія Русская колонія въ Римѣ интересовалась церковнымъ пѣніемъ; на клиросѣ посольской церкви сходились лица самыхъ различныхъ званій, положеній, профессій и пѣли здѣсь con amore, съ любовью, съ увлеченіемъ, находя въ этомъ отраду, утѣшеніе. Подъ вѣчно голубымъ небомъ Италіи Русскому человѣку, все-таки, чувствовалось тогда, какъ Еврею въ Вавилонскомъ плѣну, „на землѣ чуждей", особенно, вѣроятно, въ виду непріязненнаго отношенія Западной Европы къ Россіи и неудачъ послѣдней въ Крымскую войну, и родное, Русское становилось дороже, милѣе. Находясь лѣтомъ прошлаго года въ Римѣ и слушая повсюду извѣстія и разговоры о пораженіяхъ Россіи, позорѣ ея, мнѣ казалось, я отчасти понималъ душевное настроеніе Русской колоніи въ Римѣ во время Крымской кампаніи, даже переживалъ его.

Михаилъ Ив. Успенскій.

СЛАВЯНСКІЕ ВЫХОДЦЫ.

(По бумагамъ изъ архива бывшаго Новороссійскаго генералъ-губернаторскаго управленія).

30 Мая 1803 года послѣдовалъ высочайшій указъ на имя Херсонскаго военнаго губернатора Беклешова, гдѣ значится, что въ началѣ этого года прибыли въ Петербургъ „депутаты Славянскаго народа, населяющаго Черную Гору и область Герцеговинскую", сердарь Мина Никшичъ и оберъвоевода Иванъ Тіоти, что они просили Государя Императора о дозволеніи переселиться желающимъ изъ народа ихъ въ Россію и что „по прошенію сему Его Величество высочайше повелѣть соизволилъ обнадежить черезъ сихъ депутатовъ, что желающіе перейти на поселеніе въ Новороссійскій край получатъ тамъ земли и каждому семейству, какъ скоро прибудетъ оно въ Черноморскіе порты, выдано будетъ по двадцати червонныхъ за издержки, на пути сдѣланныя".

Въ Октябрѣ 1804 г. прибыли въ Одессу изъ Герцеговины именуемые во всѣхъ актахъ „дворянами", Славяно-Сербы, въ количествѣ 97 душъ обоего пола, въ томъ числѣ и Мина Никшичъ съ семьею. Дюкъ-де-Ришелье вступившій въ то время въ отправленіе обязанностей Херсонскаго военнаго губернатора и принявшій на себя заботы о стекавшихся тогда въ Новороссійскій край иностранныхъ колонистахъ, сдѣлалъ распоряженіе объ уплатѣ 500 червонцевъ шкиперу, доставившему въ Одесскій портъ Славянскихъ выходцевъ и о выдачѣ имъ назначеннаго для нихъ вспомоществованія. Никшичъ отъ имени всѣхъ прибывшихъ съ нимъ переселенцевъ ходатайствовалъ о признаніи ихъ въ дворянскомъ достоинствѣ, согласно полученной ими раньше грамотѣ отъ императора Павла I, и объ отводѣ имъ 12.000 десятинъ земли, независимо отъ особаго участка для него за оказанныя Россіи услуги. Послѣдовалъ рескриптъ на имя Ришелье, въ которомъ повелѣно было: 1) землю отвести имъ по усмотрѣнію дюка-де-Ришелье, наблюдая, дабы каждая фамилія дворянская, соотвѣтственно способамъ, которые она имѣть будетъ къ обрабатыванію земли или къ устроенію хозяйственныхъ заведеній, получила, на основаніи правилъ, для раздачи земель изданныхъ, нужное количество земли въ собственность свою; Славянамъ же поселенческаго состоянія отведена была бы положенная пропорція, составляющая по 30 десятинъ на каждую душу мужского пола, и 2) учинить симъ людямъ нужное къ поселенію пособіе, Славянамъ простымъ на основаніи

общихъ правилъ для колонистовъ изданныхъ, а дворянскимъ фамиліямъ съ нѣкоторыми даже, по мѣстному усмотрѣнію дюка-де-Ришелье, превосходящими издержками". На этомъ основаніи Ришелье, считая всѣхъ Славянскихъ выходцевъ принадлежащими къ дворянскому сословію, отвелъ имъ 12000 дес. въ Тираспольскомъ уѣздѣ и опредѣлилъ для каждаго изъ переселившихся 22 семействъ по 150 десятинъ, а также необходимую для обзаведенія ссуду. Никшичу отдѣльно назначено 1000 р. и 500 десятинъ.

Такимъ образомъ положено было въ 1806 году основаніе колоніи Славяносербску, которая пользовалась покровительствомъ какъ дюка-де Ришелье, такъ и замѣстителя его, графа Ланжерона. Въ заботахъ объ обезпеченіи положенія новыхъ колонистовъ, мѣстныя власти упустили совершенно изъ виду, что выданная имъ ссуда не была возвращена, не смотря на истекшее уже десятилѣтіе и что дворянское ихъ происхожденіе не было еще документально установлено. Только въ 1819 году Министерство Внутреннихъ Дѣлъ возбудило вопросъ объ упомянутыхъ обстоятельствахъ и въ отношеніи своемъ на имя графа Ланжерона обратило его вниманіе на то, что на Славяно-Сербахъ числится по водвореніи ихъ казенный долгъ въ 16645 р., и неизвѣстно, въ какое время и какимъ образомъ должны они производить платежи для погашенія этого долга; что невыяснено, признаны ли они въ дворянскомъ достоинствѣ въ указанномъ законномъ порядкѣ, и что вслѣдствіе сего остается также неопредѣленнымъ ихъ правовое положеніе, такъ какъ опекунская контора до сихъ поръ не въ состояніи отвѣтить на сдѣланный ей запросъ о томъ, обязаны ли колонисты эти платить какія-либо подати и повинности и въ какомъ вѣдомствѣ они должны числиться. Возложивъ на графа Ланжерона „точнѣйшее изслѣдованіе условій водворенія Славяно-Сербовъ", министерство, съ своей стороны, находило, что, такъ какъ они получили отъ казны ссуду, подобно всѣмъ прочимъ колонистамъ, то причитающійся долгъ, по прошествіи положенной десятилѣтней льготы, долженъ быть взысканъ съ нихъ на основаніи общаго о колонистахъ положенія.

Поводомъ къ „точнѣйшему изслѣдованію" послужило поданное на высочайшее имя Богданомъ Никшичемъ прошеніе о дарованіи ему особыхъ льготъ и преимуществъ. Прошеніе это любопытно въ томъ отношеніи, что въ немъ говорится о настоящихъ побужденіяхъ Славянскихъ выходцевъ и ихъ главнаго руководителя и вдохновителя. „Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей (пишетъ Богданъ Никшичъ) сообщилъ 27 Апрѣля 1805 г. дюку-де-Ришелье высочайшее Вашего Императорскаго Величества соизволеніе объ отводѣ земли по предстательству брата моего, умершаго сердаря Мины Никшича, прибывшимъ Славянамъ, съ наблюденіемъ, чтобы каждая фамилія дворянская получила нужное количество въ собственность свою. Я, въ числѣ сказанныхъ Славяносербскихъ дворянъ, служилъ въ отечествѣ своемъ на собственномъ иждивеніи, командуя Сербами и будучи въ классѣ старшаго капитана, что̀ на Россійскомъ діалектѣ значитъ въ оберъ-офицерскомъ чинѣ, отъ 1789 до 1804 года. За вѣрную службу Россіи и за

храбрость я, имѣющій отъ непріятеля шесть тяжелыхъ ранъ, получилъ наравнѣ съ прочими въ урочищѣ Балаяхъ 150 десятинъ, на которыхъ и водворился съ покойнымъ братомъ. Вскорѣ послѣ того началась съ Портой Оттоманской война. Я, будучи порываемъ духомъ ревности, не могъ удержаться, чтобы не быть соучастникомъ наравнѣ съ прочими сынами Россіи за вѣру и престолъ моего Монарха на поприщѣ противу сильнаго врага, и отправился въ Валахію въ городъ Букарештъ, гдѣ въ 1807 году вступилъ въ службу Вашего Императорскаго Величества въ Черносербскій гусарскій полкъ подъ команду полковника Милорадовича и за усердную службу получилъ аттестатъ. По прибытіи же оттоль въ свое водвореніе, при обрабатываніи малаго участка хозяйственнымъ стараніемъ, при всѣхъ болѣзненыхъ отъ ранъ припадкахъ и при шестидесятилѣтней старости моей, претерпѣвалъ и нынѣ терплю крайній въ тѣснотѣ земли для хлѣбопашества и скотоводства недостатокъ, весьма нужной къ содержанію многочисленнаго семейства моего и 16-ти душъ крестьянъ моихъ. Отъ древнихъ временъ въ Славяно-Сербіи первая дворянская родословная наша фамилія Никшичей, отъ которой я происхожу, довольно въ Россійской монархіи ревностными воинскими подвигами ея извѣстна по высочайше дарованнымъ грамотамъ отъ предковъ всеавгустѣйшаго Монарха Государя Императора Петра Великаго въ 1711 году, Государыни Императрицы Екатерины Вторыя въ 1789 г., Государя Императора Павла Перваго въ 1798 г. Въ семъ же году, Мая 19 дня, всемилостивѣйше награжденъ я медалью на Александровской лентѣ. Грамотные акты записаны въ Правительствующемъ Сенатѣ по герольдіи, а славные подвиги Никшичей вѣдомы Иностранной Коллегіи и еще болѣе генералъ-лейтенанту графу Ивличу извѣстны истинныя заслуги мои для славной Россіи“.

По всѣмъ этимъ основаніямъ Никшичъ и ходатайствовалъ объ отводѣ ему и его тремъ сыновьямъ, состоявшимъ на государственной службѣ, 4500 дес. изъ числа тѣхъ 12000 дес., которыя въ 1805 г. предназначены были для Славянскихъ выходцевъ.

Заслуги семейства Никшичей были оцѣнены по достоинству. Началась предварительная переписка съ мѣстными властями. Приступлено было къ точному измѣренію указаннаго Богданомъ Никшичемъ участка и къ устраненію возникшихъ со стороны смежныхъ владѣльцевъ споровъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ появилась необходимость въ выясненіи правъ и обязанностей Славянскихъ выходцевъ вообще.

„Получивъ отношеніе вашего сіятельства (писалъ по этому поводу 28 Сентября 1817 года министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ графу Ланжерону), въ коемъ, сообщая мнѣніе ваше относительно взысканія съ поселенныхъ въ Тираспольскомъ уѣздѣ въ числѣ двадцати двухъ семей Славяно-Сербовъ, называющихъ себя дворянами, употребленныхъ отъ казны на водвореніе ихъ денегъ, изволили присовокупить, что по достаточному

ихъ состоянію возвратъ съ нихъ долговъ казнѣ для нихъ не будетъ отяготителенъ, я, согласно оному, входилъ съ представленіемъ въ Комитетъ Министровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ испрашивалъ разрѣшенія на счетъ взиманія съ нихъ податей и повинностей, а равно и о томъ, въ чьемъ должны они состоять вѣдомствѣ, колонистскаго или гражданскаго начальства. Комитетъ Министровъ, находя, что означенныя 22 семейства Славяно-сербскихъ выходцевъ водворены на счетъ казны на томъ точно основаніи, какъ и вообще поселены тамъ Нѣмецкіе колонисты, т. е. на основаніи правилъ, въ 1804 г. изданныхъ, о принятіи и водвореніи иностранныхъ колонистовъ, по коимъ должны быть обложены податьми и повинностями, по журналу 11 Сентября положилъ: 1) что на основаніи означенныхъ правилъ они должны быть въ вѣдѣніи колонистскаго начальства, и 2) что какъ они воспользовались уже высочайше дарованною по тѣмъ правиламъ 10-тилѣтнею льготою и имѣютъ достаточное состояніе, то дабы казна не лишилась болѣе принадлежащаго ей поземельнаго дохода, равномѣрно и издержки, употребленныя на обзаведеніе ихъ, были бы ей возвращены въ свое время, взыскивать съ отведеннаго имъ количества земли за каждую десятину по 20 к., а числящійся на нихъ казенный долгъ взыскивать въ теченіе 10 лѣтъ по равной части; все же сіе привесть въ исполненіе съ будущаго 1818 года. Сверхъ сего Комитетъ Министровъ положилъ, что если кто изъ нихъ или вообще всѣ будутъ доискиваться дворянскаго достоинства, то признавать ихъ въ ономъ не иначе, какъ по предъявленіи отъ нихъ видовъ, съ коими они прибыли въ Россію и въ коихъ означено ихъ званіе, каковые виды со всѣми документами могутъ быть разсмотрѣны въ Правительствующемъ Сенатѣ, подобно тому, какъ и о другихъ людяхъ, отыскивающихъ дворянство тамъ же чинится разсмотрѣніе; до представленія же таковыхъ видовъ и до разсмотрѣнія оныхъ они должны состоять въ званіи колонистскомъ, развѣ бы пожелали выйти изъ онаго въ другое".

Славяносербы, какъ оказалось, были крайне смущены предъявленнымъ къ нимъ требованіямъ относительно доставленія документальныхъ данныхъ о привилегированномъ своемъ званіи. Богданъ Никшичъ отправился лично въ Петербургъ для ходатайства по данному вопросу, и ходатайство это увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Земли же оказалось довольно для отвода Никшичу просимаго участка, а также для того, чтобы просьба племянника и наслѣдника сердаря Мины Никшича относительно оставленія въ его распоряженіи земли покойнаго, остававшейся свыше 10 лѣтъ незаселенной и поэтому подлежавшей возврату въ казну, была уважена, чему, впрочемъ, способствовало предстательство графа М. С. Воронцова, командовавшаго тогда во Франціи отдѣльнымъ корпусомъ, въ которомъ молодой Никшичъ служилъ подпоручикомъ.

Въ томъ же 1817 году были поселены вмѣстѣ съ Славяно-Сербами 16 семей Черногорцевъ, водвореніе которыхъ сопряжено было съ немалыми затрудненіями и осложненіями. Черногорцы эти составляли въ сущности лишь незначительную часть тѣхъ 835 эмигрантовъ, которые съ почину

Черногорскаго митрополита Нѣгоша, еще въ 1815 году рѣшились переселиться въ Россію. Для доставленія ихъ моремъ въ Одессу наняты были три купеческихъ корабля. Турецкое правительство воспрепятствовало, однакожъ, этому намѣренію, и несмотря на горячее заступничество тогдашняго Русскаго посланника въ Константинополѣ, барона Г. А. Строганова, только немногому числу ихъ удалось пробраться въ Новороссійскій край. Согласно выраженному ими сначала желанію, они были причислены къ Бугскому войску, но скоро съ ихъ стороны послѣдовало ходатайство объ отводѣ имъ также земли въ Тираспольскомъ уѣздѣ. Испрошенное графомъ Ланжерономъ высочайшее соизволеніе на новое переселеніе Черногорцевъ изъ Бугскихъ станицъ не замедлило послѣдовать, и еще въ Ноябрѣ 1817 года прибывшіе въ Одессу выходцы были временно размѣщены на зимнія квартиры въ Болгарской колоніи Большомъ Буялыкѣ. Въ 1818 году Черногорцы были наконецъ водворены близъ Славяносербской колоніи, и каждый получилъ по 60 десятинъ независимо отъ денежнаго вспомоществованія на хозяйственное обзаведеніе. Тѣмъ не менѣе выходцы эти обнаружили неудовольствіе и потребовали главнымъ образомъ, чтобы они считались не въ колонистскомъ званіи, а записаны были въ „вольномъ казачьемъ войскѣ". Началось довольно замѣтное броженіе, которое заставило мѣстныя власти обратиться за надлежащимъ разъясненіемъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. „Поелику (говорится въ отношеніи департамента государственнаго хозяйства на имя управляющаго колоніями Одесскаго водворенія отъ 16 Марта 1818 года) при обращеніи выходцевъ сихъ изъ Бугскаго войска они изъявили согласіе свое быть въ вѣдомствѣ колонистскомъ, а при томъ и не имѣется въ здѣшнихъ мѣстахъ такого рода званія, въ коемъ они намѣреваются быть записанными, предписывается мѣстному ихъ начальству внушить имъ недѣльныя и даже противныя имѣющимся объ нихъ постановленіямъ намѣренія, съ тѣмъ, чтобы, согласно прежнимъ предположеніямъ ихъ, избрали они опредѣлительно то званіе рода жизни, которое незадолго предъ симъ объявили начальству и по каковому поводу приняты они опять изъ Бугскаго войска, впредъ уже не смѣли бы затруднять правительство таковыми непостоянными и нерезонными требованіями своими". „Внушеніе" это подѣйствовало, и Черногорцы съ усердіемъ взялись за хлѣбопашество и скотоводство, достигнувъ въ сравнительно короткое время полнаго благосостоянія, что̀ удостовѣряется тѣмъ, что еще далеко до истеченія 10-тилѣтняго срока со дня послѣдняго ихъ водворенія въ Тираспольскомъ уѣздѣ они успѣли возвратить казнѣ не только всю выданную имъ заимообразно въ пособіе сумму, но и тѣ деньги, которыя получили сопровождавшіе ихъ въ Россію депутаты: воевода Станиславъ Петровичъ, Иванъ Шнадеръ и бывшій капитанъ Венеціанской республики Мартинъ Радоничъ. Изъ характерныхъ донесеній этихъ „депутатовъ" видно, что имъ стоило много усилій спасти отъ Турецкихъ звѣрствъ и преслѣдованій ту горсть выселенцевъ, которой посчастливилось переселиться въ Россію.

Л.

Ѳ. И. ТЮТЧЕВЪ.

Лѣтопись его жизни.

VII [1]).

Первые годы жизни по переселеніи въ Россію.—Отношеніе къ кружкамъ Славянофиловъ.—Смерть отца и поѣздка въ Овстугъ.—Поѣздка за границу въ Берлинъ, Веймаръ и Франкфуртъ.—Возвращеніе въ Россію (1846—1848 г.).

Очень рано, во всякомъ случаѣ еще въ годы жизни за границей, у Тютчева началъ складываться своеобразный строй воззрѣній, впослѣдствіи сдѣлавшій его своимъ среди Славянофиловъ. Баронъ Пфеффель увѣряетъ, что еще въ 30-хъ годахъ, въ спорахъ съ Шеллингомъ, Тютчевъ доказывалъ логическую необходимость признать истину вселенскаго церковнаго преданія, равно какъ и самую идею и догматъ церкви. Въ 1841 г. Тютчевъ написалъ посланіе къ Ганкѣ, въ которомъ высказалъ идею братства всѣхъ Славянскихъ племенъ. Въ томъ же году въ стихахъ на перенесеніе праха Наполеона онъ выразилъ мысль, что сила этого генія сокрушилась не о вещественную мощь Россіи, а о нравственную силу Русскаго народа, „о подводный вѣры камень“. Наконецъ, въ статьѣ „Россія и Германія“, написанной въ 1844 г., въ общемъ очеркѣ намѣчено уже все Славянофильское міросозерцаніе Тютчева, который называетъ здѣсь Россію „цѣлымъ міромъ, единымъ въ основномъ духовномъ началѣ“. Ю. Ѳ. Самаринъ разсказываетъ, какъ въ началѣ 40-хъ годовъ, еще до переселенія Тютчева въ Россію, на одномъ изъ вечеровъ, гдѣ происходилъ жаркій споръ между „Западниками“ и „Славянофилами“, присутствовалъ Мюнхенскій другъ Тютчева князь И. С. Гагаринъ и какъ онъ, слушая Хомякова, воскликнулъ: „Да это словно Тютчевъ говоритъ! Бѣдняга, такъ онъ влѣпится во все это! (Le malheureux comme il va donner là-dedans“) [2]).

Переселившись въ Россію, Тютчевъ естественно сталъ сближаться съ Славянофильскими кружками, съ которыми его связывала общность міросо-

---

[1]) Первые шесть главъ этого разслѣдованія помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ“ 1903 г., тетр. 11 и 12.

[2]) Аксаковъ, біографія Тютчева, стр. 64—69.

зерцанія. Понемногу и въ обществѣ на него начинали смотрѣть, какъ на одного изъ Славянофиловъ.

Такъ, 13 Октября 1845 г., А. И. Тургеневъ писалъ кн. П. А. Вяземскому о А. Н. Поповѣ: „Представь его милой своей княгинѣ да познакомь съ Тютчевымъ и съ прочими совопросниками вѣка сего, хотя не по началу Московскаго міра мудрствующими" [1]). Въ этомъ отзывѣ Тютчевъ прямо противополагается „совопросникамъ, мудрствующимъ *не* по началамъ Московскаго міра" т. е. западникамъ.

Характернѣе разсказъ А. О. Россета, въ его письмѣ отъ 8 Февраля 1846 г. къ сестрѣ А. О. Смирновой, о томъ, какъ вечеромъ 19 Января спорили Тютчевъ и князь Вяземскій. „Спорили, пишетъ Россетъ, *о всегдашнемъ сюжетѣ, l'Orient et l'Occident*; кончили тѣмъ, что серіозно поссорились. Тютчевъ взялъ шляпу и сказалъ: je vois, mon prince, que je n'ai rien à faire chez vous (споръ происходилъ у кн. Вяземскаго). У кн. Вяземскаго губы посинѣли и дрожали; его разобидѣла фраза Тютчева: vous ne lisez que des brochures et des articles de journaux. Вяземскій отвѣчалъ: en tout cas je ne suis pas moins intelligent que vous и проч. Вотъ въ какомъ родѣ былъ разговоръ. Кажется однако же, что они послѣ помирились" [2]). Въ томъ же письмѣ разсказывается, что 7 Февраля на балѣ у великой княгини Маріи Николаевны (она, какъ извѣстно, высоко цѣнила поэзію Тютчева и за него заступалась), когда Тютчевъ „плелся" за графиней Киселевой, при осмотрѣ комнатъ дворца, злые языки говорили: „а вотъ prédicateur Ritschard", намекая, конечно, на любовь Тютчева дѣлать догадки о будущихъ политическихъ событіяхъ. Въ другомъ письмѣ Россета, отъ 7 Іюня, читаемъ: „Вчера вечеромъ былъ на дачѣ у Карамзиныхъ; были тамъ André, Вяземскій, Тютчевъ и Нелидовъ; говорили о статьѣ Самарина. Она прекрасна, всѣмъ очень понравилась" [3]). *Всѣмъ*, значитъ и Тютчеву.

Въ томъ же свѣтѣ является Тютчевъ и въ письмахъ Плетнева къ Гроту. 16 Февраля 1846 г. Плетневъ еще считалъ нужнымъ напоминать Гроту, кто такой Тютчевъ: „Вчера пріѣхалъ Ѳ. И. Тютчевъ, *поэтъ и посланникъ*; долго разговаривали о нашемъ министерствѣ просвѣщенія, побранили порядочно Уварова" [4]). Но въ письмѣ отъ 6 Іюля, Тютчевъ уже выступаетъ ярко: „У Вяземскаго на обѣдѣ были Погодинъ, А. Поповъ, гр. Ржевусскій, А. Карамзинъ, Аркадій Россетъ, Тютчевъ и Самаринъ. Послѣ обѣда много спорили о Варягахъ. Тютчевъ не соглашается, чтобы Рюрикъ былъ изъ Скандинавовъ" [5]).

---

[1]) Остафьевскій Архивъ, IV.

[2]) „Русскій Архивъ", 1806, I, 304.

[3]) Тамъ же, стр. 309.

[4]) Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, Спб. 1896 г., I.

[5]) Тамъ же.

Показанія А. И. Тургенева, Россета и Плетнева во всемъ сходятся. Тютчевъ — „совопросникъ свѣта сего“, Тютчевъ — „prédicateur“, Тютчевъ — у Карамзиныхъ, у Вяземскаго, съ А. Поповымъ, съ Погодинымъ, споритъ о Западѣ и Востокѣ, о Варягахъ, обсуждаетъ статью Самарина... Ясно, что онъ уже „влѣпился во все это!“

23 Апрѣля 1846 г. умеръ отецъ Тютчева, Ив. Ник., въ томъ родовомъ своемъ имѣніи Овстугъ (Орловской губ., Брянскаго у.), гдѣ родился Ѳедоръ Ивановичъ. Вѣроятно семейныя обстоятельства помѣшали Тютчеву тогда же поѣхать въ Овстугъ (30 Мая у Тютчевыхъ родился сынъ Иванъ). Поѣздка устроилась осенью. Въ письмѣ къ женѣ, отъ 31 Авг., изъ Овстуга, Тютчевъ пересказываетъ впечатлѣнія, испытанныя имъ тамъ, гдѣ прошли годы его дѣтства. „Передо мной носился, писалъ онъ, какъ видѣніе, волшебный міръ моего дѣтства, такъ давно погибшій и исчезнувшій... Но очарованіе скоро исчезло, и возбужденіе угасло въ чувствѣ самой тѣсной и окончательной тоски“ [1]). Тогда же написаны Тютчевымъ стихи:

Итакъ опять увидѣлся я съ вами
Мѣста немилыя, хоть и родныя...
Ахъ, нѣтъ! Не здѣсь, не этотъ край безплодный
Былъ для души моей родимымъ краемъ,
Не здѣсь расцвѣлъ, не здѣсь былъ величаемъ
Великій праздникъ молодости чудной!

Изъ Овстуга Тютчевъ возвратился въ Петербургъ черезъ Москву, и у насъ есть письмо его изъ Москвы, помѣченное 13 Сентября [2]). Изъ него узнаёмъ, что въ Москвѣ Тютчевъ видѣлъ „молодого Аксакова“ (т. е. И. С. своего будущаго зятя и біографа).

Изъ первой половины 1847 г. мы знаемъ о Тютчевѣ лишь сообщеніе въ письмѣ А. О. Россета къ сестрѣ отъ 22 Марта [3]). Россетъ разсказываетъ, какъ онъ, по просьбѣ Гоголя, читалъ у кн. Вяземскаго, въ присутствіи еще Плетнева и Тютчева, непропущенныя цензурой письма изъ „Переписки съ друзьями“. Гоголь находилъ, что безъ этихъ писемъ его книга стала „оглодкомъ изъ общихъ мѣстъ“. Но Россетъ, кн. Вяземскій, Плетневъ и Тютчевъ остались при убѣжденіи, что новыя письма еще болѣе повредятъ книгѣ, добьютъ ее. При этомъ Тютчевъ и Плетневъ названы Россетомъ „доброжелателями и цѣнителями“ Гоголя.

Въ серединѣ Іюня 1847 г., жена Тютчева Эрнестина Ѳедоровна уѣхала въ Гапсаль. Самъ онъ въ это время жилъ въ Петергофѣ, собираясь ѣхать съ депешами, по порученію канцлера въ Берлинъ. Письмо Тютчева къ женѣ

---

[1]) Русск. Арх. 1898, III, 557.

[2]) Такъ же, стр. 558.

[3]) Русс. Арх. 1896, I, 365.

отъ 29 Іюня [1]) даетъ нѣсколько чертъ изъ его тогдашней жизни: „По возвращеніи моемъ изъ Петергофа (въ Петербургъ), писалъ онъ, я нашелъ, что Анна (старшая дочь Тютчева, впослѣдствіи Аксакова) устроилась у Кольбіана (Сардинскій посланникъ), какъ нельзя лучше. Они вздумали и меня водворить у себя. Я рѣшился пріѣхать къ нимъ ночевать съ Воскресенья послѣ большого бала у графини Юліи Строгановой. Съ тѣхъ поръ я съ ними не разставался, ежедневно съ ними обѣдалъ, а вечера мы проводили то у Вяземскаго, то у другихъ... Сегодня обѣдаю у министра Уварова". Видно, что для Тютчевъ уже начиналась та жизнь съ кочеваніемъ изъ дома въ домъ, какую онъ велъ уже до конца дней своихъ.

Въ началѣ Іюля Тютчевъ выѣхалъ изъ Петербурга за границу съ дочерью Анной, которой было тогда 18 лѣтъ [2]). Въ Свинемюнде Анна Ѳедоровна осталась у Клотильды Мальтицъ (родной своей тетки), у которой она воспитывалась по смерти матери. Встрѣча въ Свинемюнде съ Клотильдой, съ Мейендорфами, съ Максомъ Лерхенфельдомъ, его Мюнхенскими знакомыми, напомнившими ему его юношескія сердечныя увлеченія, глубоко поразила Тютчева. „Цѣлый міръ знакомыхъ впечатлѣній воскресъ во мнѣ", писалъ онъ.

Изъ Свинемюнде Тютчевъ выѣхалъ въ Берлинъ, а изъ Берлина въ Веймаръ. Для Тютчева желѣзная дорога была еще новостью [3]), и онъ въ письмѣ восхищался ею. „Для меня лично, пишетъ онъ, желѣзная дорога благодушіе, такъ какъ успокаиваетъ мое воображеніе предъ его самымъ страшнымъ врагомъ, пространствомъ, въ которомъ тонешь, въ которомъ исчезаешь на обыкновенныхъ дорогахъ". Изъ Веймара Тютчевъ направился во Франкфуртъ на Майнѣ, думая застать тамъ Жуковскаго и Гоголя [4]); но они уѣхали въ самый день его пріѣзда. Знакомыхъ тамъ было только семейство Убри [5]). Изъ Франкфурта Тютчевъ проѣхалъ въ Баденъ-Баденъ, гдѣ и былъ 22 Іюля; здѣсь онъ прожилъ нѣсколько дней и встрѣтился съ братьями Мухановыми.

У Тютчева кромѣ порученія въ Берлинъ были еще депеши въ Цюрихъ. Канцлеръ просилъ его не ѣхать въ Б. Баденъ прежде чѣмъ онъ отвезетъ эти депеши. Мы не знаемъ, исполнилъ ли эту просьбу Тютчевъ. Повидимому, Тютчевъ поѣхалъ изъ Франкфурта въ Цюрихъ именно черезъ

---

[1]) Русс. Арх. 1898, III, 558—559.

[2]) Письмо Тютчева изъ-за границы, 1847 г., см. Русс. Арх. 1898, III, 560—563.

[3]) Первая желѣзная дорога въ Германіи была построена въ 1835 г. Въ Россіи послѣ маленькой Царскосельской ж. д. (24 версты), построенной въ 1838 г., первая ж. д. Варшаво-Вѣнская, была открыта въ 1848 г.

[4]) Гоголь писалъ въ Іюнѣ изъ Франкфурта гр. А. П. Толстому: „Мухановыхъ и Тютчева еще нѣтъ" (Письма Гоголя, ред. Шеврока, III, 498). Послѣднее письмо Гоголя изъ Франкфурта получено 20 Іюля, а 24 Іюля Гоголь былъ уже въ Остенде.

[5]) П. П. Убри, дипломатъ, считался правой рукой канцлера князя Горчакова.

Баденъ-Баденъ, а изъ Цюриха вернулся обратно въ Баденъ. 29 Іюля мы его видимъ въ Карлсруэ, затѣмъ въ Эмсѣ, а 17 Августа вновь во Франкфуртѣ. Тютчевъ уже бывалъ въ этихъ мѣстахъ. Въ письмѣ изъ Карлсруэ онъ писалъ: „Я *снова* увидѣлъ эти мѣста, но они были уже не тѣ. Какъ мнѣ забыть, что когда я пріѣзжалъ сюда *въ первый, во второй, въ третій разъ*, я былъ еще молодъ, а теперь я сталъ... одинокъ, очень одинокъ".

Въ началѣ Іюля 1847 г. въ Эмсѣ были Жуковскій, Хомяковъ и Гоголь [1]). Кажется, Тютчевъ засталъ изъ нихъ тамъ одного Жуковскаго. Тютчевъ прожилъ въ Эмсѣ 6 дней. Жуковскій съ утра до вечера читалъ ему свой переводъ Одиссеи. „Повидимому Жуковскій остался доволенъ моимъ сочувствіемъ къ труду его, писалъ Тютчевъ, и онъ былъ правъ, потому что я сочувствую искренно". Самъ Жуковскій позднѣе (въ 1850 г.) такъ вспоминалъ объ этомъ чтеніи. „Первыя 12 пѣсенъ Одиссеи переведены въ Франкфуртѣ; тамъ жилъ въ моемъ домѣ Гоголь; я читалъ ему мой переводъ, онъ читалъ его мнѣ, и судилъ о немъ какъ поэтъ. Потомъ я читалъ его вмѣстѣ съ Хомяковымъ, наконецъ съ Тютчевымъ; все это было истиннымъ поэтическимъ наслажденіемъ, не пиромъ самолюбія, а просто лакомствомъ за трапезою Гомера" [2]). Изъ Эмса Тютчевъ съ Жуковскимъ переѣхали во Франкфуртъ и здѣсь, 28 Августа (нов. ст.) поминали обѣдомъ въ гостиницѣ Россія 98-ю годовщину рожденія Гёте.

Подъ стихотвореніемъ Тютчева „Un rêve" [3]) стоитъ помѣта 17 (19) Октября 1847 г. По содержанію стиховъ надо думать, что они написаны въ то время, когда Тютчевъ и его жена уже снова были вмѣстѣ. Слѣдовательно эта помѣта устанавливаетъ приблизительно время возвращенія Тютчева въ Россію: между концомъ Августа и началомъ Октября.

Возвратясь въ Петербургъ, Тютчевъ опять зажилъ своей непосѣдливой жизнью. Двѣ выписки изъ писемъ Плетнева къ Гроту [4]) могутъ дать о ней представленіе. 17 Марта 1848 г. Чтеніе драмы Сологуба (въ Понедѣльникъ 15-го), называющейся „Мѣстничество", было довольно интересно. Тамъ были: графъ Александръ Строгановъ, Тютчевъ, Вигель и графъ Мих. Вьельгорскій (отецъ). 7 Іюля 1848 г., Среда. У меня подъ бокомъ (въ Павловскѣ) Вяземскій и Тютчевъ. Но различіе въ образѣ жизни не даетъ мнѣ средствъ извлечь что-нибудь изъ ихъ общества: я встаю—они спятъ; я ложусь—они ѣдутъ кататься".

Въ 1848 г. Тютчевъ былъ опредѣленъ старшимъ цензоромъ при Осо-

---

[1]) См. Соч. А. С. Хомякова, изд. 1900 г. VIII, 464 и Соч. В. Жуковскаго, изд. 7-е, VI, 632.

[2]) Соч. П. Плетнева, III, 631.

[3]) Соч. Ѳ. Тютчева, изд. 1900. стр. 3.

[4]) Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, Спб. 1896 г., I.

бой Канцеляріи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ съ оставленіемъ въ прежней должности [1]).

VIII.

Революція 1848 г. — „Россія и Революція"—Политическія стихотворенія.—„Папство и Римскій вопросъ." — Лирическая дѣятельность.— Статья Н. Некрасова въ „Современникѣ."—Вліяніе ея на Тютчева (1848—1850).

Баронъ Пфеффель разсказываетъ, что уже 1830 г., въ „Іюльскіе" дни, Тютчевъ предсказывалъ послѣдовательный рядъ революцій въ Европѣ, наступленіе революціонной эры [2]). Вотъ почему событія 1848 г. не должны были особенно изумить его, хотя „возбудили и подвигли все его нравственное существо". Тютчевъ, по выраженію кн. Вяземскаго, „кипѣлъ и витійствовалъ, когда начали приходить извѣстія о Февральскихъ, Мартовскихъ и Апрѣльскихъ событіяхъ. „Какъ пошла эта перепалка событій, писалъ кн. Вяземскій, одно другого неожиданнѣе, я право боленъ былъ за Тютчева, что онъ изнеможетъ подъ тяжестью впечатлѣній и потрясающихъ ударовъ" [3]).

Весной 1848 г. Тютчевымъ была написана та, помѣченная 12 Апрѣля, „Записка, поданная Императору Николаю о положеніи Европы послѣ Февральской революціи", которая въ собраніяхъ сочиненій Тютчева печатается подъ заглавіемъ „Россія и Революція". Уже съ давнихъ поръ, по словамъ Тютчева, въ Европѣ только двѣ истинныя державы: Россія и Революція. Отъ исхода борьбы завязавшейся между ними зависитъ на многіе вѣка вся политическая и религіозная дѣятельность человѣчества. Россія—представительница Христіанства, Революція—одушевлена антихристіанскимъ духомъ. Революція противополагаетъ духу смиренія и самоотреченія духъ гордыни. Революція—не случайный взрывъ, объясняемый злоупотребленіями власти, но роковой фактъ народнаго сознанія, обличающій оскудѣніе вѣры". Статья эта съ большой полнотой излагаетъ все міросозерцаніе Тютчева. Еще до появленія въ печати она уже возбудила толки. Въ Іюлѣ 1848 г. Шевыревъ писалъ Погодину: „У Чаадаева есть меморія, Тютчевымъ написанная и читанная Государемъ, который желалъ, чтобы она была отпечатана... Достать это весьма важно" [4]). Раньше того, еще въ концѣ Мая, меморія была послана за границу. Кн. Вяземскій, по просьбѣ Е. Ѳ. Тютчевой, переслалъ рукопись въ Мюнхенъ Д. П. Сѣверину, чтобы передать ее бар. Пфеффелю. „Тутъ записка Тютчева о нынѣшнихъ политическихъ обстоятельствахъ, писалъ при этомъ кн. Вяземскій. Прочти ее. Государь былъ, сказываютъ, очень

---

[1]) Аксаковъ, Біографія, стр. 33.
[2]) Аксаковъ, Біографія. стр. 65.
[3]) Русс. Старина 1896 г., № 1, стр. 90—91.
[4]) Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. Погодина, IX, стр. 31.

ею доволенъ. Жаль, что нельзя напечатать. А почему нельзя, право не знаю“ [1]).

Статья была напечатана въ Парижѣ въ слѣдующемъ 1849 г., отдѣльной книжкой. Неизвѣстно, было ли сдѣлано это изданіе съ разрѣшенія автора или нѣтъ. Въ разборѣ статьи Тютчева, появившемся въ журналѣ „Revue de deux Mondes“ (отъ 1 Іюля 1849 г.) въ отдѣлѣ Chronique de la quinzaine, сказано, что нѣкто Поль-де-Бургуанъ, бывшій дипломатъ, получилъ эту статью въ Германіи и напечаталъ во Франціи въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ [2]). Это похоже на правду, потому что рукопись статьи дѣйствительно была послана въ Германію, въ Мюнхенъ, а П. Бургуанъ, въ бытность свою Французскимъ посланникомъ при Мюнхенскомъ дворѣ коротко зналъ Тютчева. Но можно допустить и то, что Тютчевъ зналъ о готовящемся изданіи и не видѣлъ причины воспротивиться ему. Разборъ статьи въ „Revue de deux Mondes“ былъ написанъ извѣстнымъ Французскимъ публицистомъ Форкадомъ.

Политическія событія оживили и поэтическую дѣятельность Тютчева. За четыре года, отъ 1844 по 1848, имъ было написано всего *одно* стихотвореніе („И такъ опять увидѣлся я съ вами...“) Разсказывая въ письмѣ о чтеніи ему Жуковскимъ „Одиссеи“, самъ Тютчевъ признавался, что, подъ вліяніемъ этого чтенія, въ немъ „вновь пробудилась *давно заснувшая способность* свободно и безраздѣльно отдаваться наслажденію исключительно литературному“ [3]). Въ 1848 г. въ Тютчевѣ пробудилась и жажда творчества. Первымъ изъ политическихъ стихотвореній было „Море и Утесъ“; далѣе слѣдовали за годы 1848—185: „Русская Географія“, „Разсвѣтъ“, „Пророчество“, „Тогда лишь въ полномъ торжествѣ“, „Ужъ третій годъ“ „Нѣтъ, карликъ мой, трусъ безпримѣрный“...

Въ свое время ни одно изъ этихъ стихотвореній напечатано не было, но они расходились въ рукописи. Исключеніе составляетъ одна строфа изъ стихотворенія „Море и Утесъ“. Она появилась въ „Русскомъ Инвалидѣ“, гдѣ подъ перепечатанными стихами Жуковскаго „къ Русскому великану“ сдѣлано было слѣдующее характерное примѣчаніе: „Чтеніе этихъ стиховъ воодушевило одного изъ нашихъ поэтовъ, чьи прекрасныя стихотворенія, печатавшіяся въ Современникѣ при жизни Пушкина, конечно, памятны читающей публикѣ Русской. Вотъ экспромтъ, набросанный поэтомъ“. Далѣе слѣдовала послѣдняя строфа стихотворенія Тютчева, въ ея первоначальномъ варіантѣ [4]).

---

[1]) Русс. Старина 1896 г. № 1, стр. 90—91. Сѣверинъ былъ нашимъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномощнымъ министромъ въ Мюнхенѣ.

[2]) Аксаковъ, Біографія, стр. 34.

[3]) Русс. Арх. 1898, III, 563.

[4]) См. Сочиненія П. Плетнева, III, 608.

Въ бумагахъ Тютчева, относящихся къ тому же времени, сохранилось начало обширной работы о современномъ политическомъ положеніи Европы. Рукопись помѣчена 1849 г., „чѣмъ свидѣтельствуется, по словамъ Аксакова, какой обильный потокъ мыслей вызвала въ Тютчевѣ наружу Февральская революція“. Работа должна была состоять изъ 9 главъ: I Положеніе дѣлъ, II Римскій вопросъ, III Италія, IV Единство Германіи, V Австрія, VI Россія, VII Россія и Наполеонъ, VIII Россія и революція, IX Будущность [1]). Всему сочиненію Тютчевымъ дано было заглавіе: Россія и Западъ. Подъ VIII главой разумѣлась, конечно, статья, напечатанная въ Парижѣ 1849 г. Отъ остальныхъ главъ сохранились только черновые наброски, и лишь II глава была обработана вполнѣ, какъ самостоятельная статья.

Эта статья, извѣстная теперь подъ заглавіемъ „Папство и Римскій вопросъ“, была написана, какъ показываетъ ея помѣта, между 1 и 17 Октября 1849 г. Тутъ Тютчевъ развиваетъ дальше свою мысль о начавшейся великой борьбѣ между Революціей и Христіанствомъ, причемъ все западное христіанство видитъ сосредоточеннымъ въ Папствѣ. Папство, говоритъ онъ, это единственный столпъ, который кое-какъ поддерживаетъ на Западѣ сводъ христіанства, еще уцѣлѣвшій послѣ великаго крушенія XVI в. и послѣдовавшихъ обваловъ. Подъ этотъ столпъ и направленъ теперь подкопъ. Не надо забывать, что статья была написана послѣ либеральной политики папы Пія IX, пытавшагося ввести конституціонный строй въ папской области, политики, кончившейся бѣгствомъ папы изъ Рима и занятіемъ Рима Французами (въ Іюлѣ 1849 г.).

Статья напечатана въ „Revue de deux Mondes“ въ № отъ 1 Января 1850 г. безъ подписи. Мы не знаемъ, самъ ли Тютчевъ переслалъ ее въ этотъ журналъ, или кто другой. Редакторъ журнала Лоранси (Laurentie) предпослалъ статьѣ большое примѣчаніе съ возраженіями въ защиту католицизма и съ указаніемъ, что статья написана тѣмъ же лицомъ, какъ и „Записка, представленная Императору Николаю“, разобранная въ томъ же журналѣ полгода назадъ. Впослѣдствіи, въ 1853 г., Лоранси издалъ отдѣльную книжку, оспаривающую взгляды Тютчева.

Статья Тютчева о Папствѣ произвела еще большее впечатлѣніе, чѣмъ его меморія о Россіи и Революціи, А. О. Россетъ писалъ, 16 Января, сестрѣ изъ Петербурга [2]), что статья Тютчева „надѣлала шуму въ Парижѣ, и теперь всѣ ее здѣсь читаютъ“. Съ осужденіемъ отнесся къ статьѣ А. И. Кошелевъ. Онъ писалъ А. Н. Попову [3]): „Чаадаевъ хлопочетъ о статьѣ Тют-

---

[1]) Аксаковъ, Біографія, стр. 199—234, гдѣ изложены всѣ уцѣлѣвшіе отрывки этой работы.

[2]) Русс. Архивъ 1896, I, 371.

[3]) Русс. Архивъ 1896, I, 353.

чева и готовится писать возраженіе. Хомяковъ ею доволенъ и хотя не апробуетъ всѣ мѣста, но вообще видитъ въ ней явленіе замѣчательное. По моему статья эта и написана неотлично и содержитъ въ себѣ болѣе ложныхъ, чѣмъ истинныхъ мыслей. Его опредѣленіе слова революція, его понятія о народной волѣ—просто нелѣпости. Вообще фразъ много, а послѣдовательности очень мало". Напротивъ, вотъ что писалъ о той же статьѣ тому же А. Н. Попову А. С. Хомяковъ [1]): „Статья Тютчева вещь превосходная, хотя я и не думаю, чтобы ее поняли и у насъ Питерѣ и въ чужихъ краяхъ. Она заграничной публикѣ не по плечу. Она не только лучшее, но единственное дѣльное сказанное объ Европейскомъ дѣлѣ, гдѣ-бы то ни было". Позже, когда появилась съ возраженіемъ Тютчеву отдѣльная книжка Лоранси, Хомяковъ отвѣчалъ ему такъ же книжкой, первой въ ряду его Французскихъ Богословскихъ сочиненій.

По словамъ Аксакова, въ Петербургѣ, въ тѣхъ кругахъ, гдѣ читалось „Revue de deux Mondes", отдавали долгъ блестящему изложенію статьи Тютчева, но въ общемъ находили ее исполненной крайностей. Кто-то, кого Тютчевъ называетъ „князь", даже написалъ и прислалъ Тютчеву возраженія на его статью. Нѣтъ ничего невозможнаго, что то былъ князь П. А. Вяземскій. Въ бумагахъ Тютчева сохранилось начатое въ отвѣтъ на возраженія, но недоконченное письмо, въ которомъ онъ хотѣлъ полнѣе развить свою мысль о значеніи Россіи для Запада [2]). Набросокъ письма помѣченъ Мартомъ 1850 г.

Одновременно съ нѣкоторой извѣстностью политическаго писателя, Тютчевъ дождался извѣстности и какъ поэтъ. Въ самомъ распространенномъ Парижскомъ журналѣ, въ №, помѣченномъ 1 Января 1850 г., появилась его статья, обратившая на себя вниманіе; и въ тоже самое время въ самомъ распространенномъ Русскомъ журналѣ, тоже въ № помѣченномъ 1 Января 1850 г., появилась первая серьезная статья о его поэзіи, тоже обратившая на себя вниманіе. То была статья Н. Н. (Н. Некрасова), напечатанная въ „Современникѣ" (издаваемомъ тогда И. Панаевымъ и Н. Некрасовымъ), въ ряду статей „Русскіе второстепенные поэты [3])." Статья эта была событіемъ въ исторіи Тютчевской поэзіи. То, что̀ говорилось до тѣхъ поръ о ней лишь въ дружескихъ кружкахъ, было здѣсь въ первой разъ высказано открыто.

Некрасовъ судилъ о поэзіи Тютчева только по его стихотвореніямъ, напечатаннымъ въ „Современникѣ" 1836—1840 г. „Поэтическая дѣятельность г. Ѳ. Т., писалъ онъ, продолжалась только пять лѣтъ; впрочемъ не

---

[1]) Соч. А. С. Хомякова, изд. 1900 г., VIII, 200—201. Изъ примѣчанія къ письму видно, что оно писано 29 Января 1850 г.

[2]) Аксаковъ, Біографія, стр. 176 и сл.

[3]) Статья была 3-ей въ этой серіи; двѣ первыя посвящены были поэзіи Н. Огарева и А. Фета.

можемъ сказать навѣрное, печаталъ ли онъ или нѣтъ гдѣ-нибудь свои стихотворенія прежде". Возможно, что Некрасовъ дѣйствительно не зналъ, кто скрывается подъ иниціалами Ѳ. Т.; но вѣроятнѣе, что онъ только выполнялъ литературный обычай, воспрещающій открывать чужой псевдонимъ. Нѣкоторыя стороны дарованія Тютчева оцѣнены въ статьѣ чрезвычайно вѣрно. „Уловить именно тѣ черты, говорится тамъ, по которымъ въ воображеніи читателя можетъ возникнуть и нарисоваться сама собой данная картина, дѣло величайшей трудности. Г-нъ Ѳ. Т. въ совершенствѣ владѣетъ этимъ искусствомъ... Его стихотворенія очень коротки, а между тѣмъ ни къ одному изъ нихъ рѣшительно нечего прибавить. Каждое слово мѣтко, полновѣсно". Некрасовъ перепечаталъ въ своей статьѣ 22 пьесы Тютчева и закончилъ пожеланіемъ, чтобы стихотворенія Ѳ. Т. были изданы отдѣльно. „Мы можемъ ручаться, прибавляетъ онъ, что эту маленькую книжечку каждый любитель отечественной литературы поставитъ въ своей библіотекѣ рядомъ съ лучшими произведеніями Русскаго поэтическаго генія".

Статья Некрасова произвела большое впечатлѣніе въ обществѣ. „Анонимъ (Ѳ. Т.) разумѣется открылся, пишетъ Аксаковъ [1]), да онъ никогда и не прятался". Однимъ изъ характернѣйшихъ послѣдствій этой статьи надо признать слѣдующія строки Хомякова въ томъ же его письмѣ (29 Января 1850 г.) къ А. Н. Попову, гдѣ онъ говоритъ о статьѣ Тютчева [2]) „Видите ли Ѳ. Тютчева? Разумѣется, видите. Скажите ему мой поклонъ и досаду многихъ за его стихи. Всѣ въ восторгѣ отъ нихъ и въ негодованіи на него. Не стыдно ли молчать, когда Богъ далъ такой голосъ? Если онъ вздумаетъ оправдываться и ссылаться, пожалуй, на меня, скажите ему, что это не дѣло. Безъ притворнаго смиренія я знаю про себя, что мои стихи, когда хороши, держатся мыслью, т. е. прозаторъ вездѣ проглядываетъ и слѣдовательно долженъ, наконецъ, заглушить стихотворца; онъ же насквозь поэтъ, durch und durch. У него не можетъ изсякнуть источникъ поэтическій. Въ немъ, какъ въ Пушкинѣ, какъ въ Языковѣ, натура античная въ отношеніи къ художеству. Пристыдите его молчаніемъ".

Въ дѣйствительности Тютчевъ вовсе не „молчалъ". Напротивъ, годы 1848—1850 были для него временемъ напряженной поэтической дѣятельности. Послѣднее изданіе его сочиненій относитъ къ этимъ годамъ тридцать два стихотворенія XCIII—CXXIV (впрочемъ, нѣкоторыя безъ достаточныхъ основаній). Тютчевъ только не заботился самъ о напечатаніи ихъ, а издатели журналовъ не обращались къ нему съ просьбой о сотрудничествѣ. Статья Некрасова заставила, по крайней мѣрѣ лицъ, близкихъ къ Тютчеву, вспомнить, что онъ поэтъ. Послѣ 1850 г. стихи Тютчева стали появляться въ „Москвитянинѣ" Погодина и въ альманахѣ „Раутъ" Сушкова [3]). За время

---

[1]) Біографія, стр. 38.

[2]) Соч. А. С. Хомякова, изд. 1900 г., стр. 200—201.

[3]) Ник. Вас. Сушковъ (1796—1871) былъ женатъ на сестрѣ Ѳ. И. Тютчева Дарьѣ Ивановнѣ (1806—1879). У нихъ въ домѣ жила вторая дочь Тютчева отъ его пер-

съ 1850 по 1854 г. Тютчевымъ было напечатано въ этихъ изданіяхъ около 20 стихотвореній. Въ „Раутѣ“ 1852 г. сдѣлано даже такое примѣчаніе: „Въ нынѣшнемъ году будетъ напечатано полное собраніе стихотвореній Тютчева“. Но изданіе это, какъ и предполагавшееся въ 1836 г., не состоялось.

Что касается внѣшнихъ событій въ жизни Тютчева за 1848—1850 г., то мы о нихъ (какъ и относительно слѣдующихъ трехъ лѣтъ) почти ничего не знаемъ. Числовыя отмѣтки подъ стихами не даютъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній [1]). То обстоятельство, что послѣднее изданіе относитъ къ 1850 г. стихотворенія Тютчева „Римъ ночью“ и „Венеція“ позволяетъ намъ догадываться, что Тютчевъ въ томъ году былъ въ Италіи.

Затѣмъ у насъ есть запись въ дневникѣ графа П. Х. Граббе, подъ 16 Декабря 1850 г. [2]): „Вечеръ у кн. Вяземскаго. Знакомство съ Тютчевымъ, бывшимъ въ Туринѣ повѣреннымъ въ дѣлахъ, мужемъ покойной Нелли“.

Біографъ Тютчева, которому будетъ доступенъ его архивъ, конечно, легко пополнитъ эти пробѣлы въ лѣтописи его жизни.

Валерій Брюсовъ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ РУССКАГО АРХИВА.

Отъ В. Е. Энгельгарда.

Лицейскій Энгельгардъ женатъ былъ на дочери почтдиректора Гана, жена котораго потомъ вышла за Англичанина Витекера, а мать ея была баронесса фонъ-деръ Паленъ, сестра извѣстнаго графа Петра Алексѣевича.

Александръ Павловичъ при Павлѣ не зналъ, какъ ему быть въ засѣданіяхъ Мальтійскаго Ордена. Энгельгардъ каждый разъ писалъ ему по этой части наставленіе, и однажды Павелъ былъ такъ доволенъ свѣдѣніями сына въ Мальтійскихъ дѣлахъ, что обнялъ его и поцѣловалъ. Впослѣдствіи Александръ Павловичъ говорилъ Энгельгарду, что никогда не забудетъ этой услуги, такъ какъ Павелъ тутъ въ первый разъ его обнялъ, съ тѣхъ поръ какъ воцарился. Онъ же говорилъ съ Энгельгардомъ о Польшѣ и о томъ, что Карамзинъ въ Октябрѣ 1819 г. подалъ ему извѣстную записку о Польшѣ. Государь былъ пораженъ тѣмъ, что Энгельгардъ, какъ будто сговорившись съ Карамзинымъ, давалъ ему тѣже самые совѣты.

ваго брака Екатерина (1835—1882), окончившая курсъ въ Смольномъ институтѣ. Сушковы жили въ Москвѣ, и ихъ гостиная считалась виднымъ „литературнымъ салономъ“.

[1]) 1849: 23 Іюля—„Тихой ночью, позднимъ лѣтомъ“, 29 Ноября—„Плаваніе“, 1850: 1 Марта—„Пророчество“, Май—„Нѣтъ, карликъ мой...“, Іюль—„На Невѣ“, 12 Августа—„Подъ дыханьемъ непогоды“, 23 Августа—„Promenade avec ma femme“, 15 Сентября—„Обвѣянъ вѣщею дремотой“.

[2]) Русс. Архивъ, 1889 г., приложеніе.

и у него въ рукахъ были Записки Екатерины, а отрывокъ изъ нихъ (объ арестѣ Бестужева) сообщилъ намъ еще въ 1854 году покойный князь В. А. Черкасскій. Въ царствованіе Николая Павловича Записки Екатерины были недоступны даже и для его Наслѣдника; подлинная Французская рукопись ихъ оставалась подъ запретными печатями, и только вслѣдъ за вступленіемъ его на престолъ начали ходить по Петербургу списки съ нея подлинникъ же снова запечатанъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ на короткое время печати были сняты, когда Государю пожелалось вновь прочитать Записки своей прабабки, и тогда, для удобства чтенія, взятъ былъ у М. Н. Лонгинова Французскій печатный экземпляръ ихъ; а за тѣмъ снова наложены печати. Въ 1860 году вышелъ за границею и Русскій переводъ Записокъ. Покойный князь А. Н. Волконскій, бывшій тогда посланникомъ въ Дрезденѣ, передавалъ намъ, что онъ имѣлъ порученіе отъ канцлера князя Горчакова скупить у книгопродавца Трюбнера всѣ экземпляры Записокъ, но что дѣло не состоялось, потому что Трюбнеръ запросилъ 40 т. рублей, а нему предлагали только 25.

Нынѣ Записки печатаются и въ „Историческомъ Вѣстникѣ" и въ „Русской Старинѣ". Это перепечатка Русскаго заграничнаго перевода, но безъ любопытнаго предисловія. Неизвѣстно, почему опущено слѣдующее предисловіе самой Екатерины, весьма важное и напоминающее про извѣстныя слова Суворова о счастіи:

„Счастіе не такъ слѣпо, какъ воображаютъ. Оно часто бываетъ послѣдствіемъ незамѣтныхъ для толпы вѣрныхъ и точныхъ мѣръ, которыя были приняты прежде чѣмъ событіе совершилось. Еще частнѣе, оно зависитъ отъ качествъ, характера и поступковъ дѣйствующаго лица. Для большей очевидности сдѣлаю слѣдующее умозаключеніе. Главное: качество и характеръ. Меньшее: поступки. Выводъ: счастіе или несчастіе. Вотъ тому два разительные примѣра: Петръ III-й. Екатерина II-я".

Лица, имѣвшія возможность видѣть подлинную Французскую рукопись, передавали намъ, что въ самомъ началѣ, въ видѣ какъ бы заглавія, Екатерина написала: A mon fils Paul (сыну моему Павлу). Для насъ этими словами опредѣляется цѣль Записокъ. Онѣ написаны именно для того, чтобы доказать Павлу Петровичу, что положеніемъ своимъ онъ обязанъ именно ей, а не Петру III-му. Записки начаты не раньше 1784 года: въ нихъ есть ссылка на вышедшій въ этомъ году томъ Бюшингова Магазина, и графъ Н. И. Панинъ (†1783) названъ покойникомъ. Намъ кажется, что написаніе ихъ находится въ связи съ намѣреніемъ предоставить наслѣдіе великому князю Александру и тѣмъ избавить Россію отъ возможныхъ бѣдствій Павловскаго царствованія. Петровскій законъ о Правдѣ воли монаршей не былъ тогда отмѣненъ. Кромѣ того Екатерина могла провѣдать, что въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ митрополитъ Платонъ положилъ на храненіе загробный манифестъ 1788 года, начинавшійся словами: „Мы Павелъ и мы Марія"...

Нельзя не пожелать, чтобы Записки великой Государыни были изданы въ подлинникѣ, подобающемъ имъ видѣ.

П. Б.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1906 года.

(Годъ 44-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1906 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкою и доставкою, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книжекъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

О неполученіи какой либо книги «Русскаго Архива» покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

Перемѣняя адресъ на новый, надо высылать прежній. За перемѣну адреса городскаго на городской и иногородняго на иногородный—30; при перемѣнѣ же городскаго на иногородный—90 к. (по цѣнамъ Почтамта).

☞ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, кромѣ дней праздничныхъ отъ 12 до 6 часовъ. Для переговоровъ съ издателемъ по Четвергамъ отъ 2 до 5 часовъ.

Отдѣльныя книжки «Русскаго Архива» *прежнихъ* годовъ можно получать по 1 рублю.

Московскіе подписчики 1906 года, покупая вмѣстѣ и весь 1905 годъ, платятъ вмѣсто 18 руб.— 17 руб.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

«РУССКІЙ АРХИВЪ» БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ 1907-мъ ГОДУ.

(45-й годъ изданія).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1906

11.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1906.

Старина и Новизна. Историческій Сборникъ, издаваемый при Обществѣ ревнителей Русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Книга XI. С.-Пб. 1906. Большая 8-ка, 4 нен., 298 и 2 нен. стр. съ азбучнымъ указателемъ.

Этого сборникъ становится все важнѣе и разнообразнѣе. Въ настоящемъ его выпускѣ находится Столовая книга патріарха Филарета за 1623 годы, т. е. вскорѣ по возвращеніи его изъ Польши и по водвореніи въ Москвѣ „великимъ Государемъ". Онъ, еще до постриженія въ монашество, зналъ по латыни и нѣсколько лѣтъ проживя за границею, конечно усвоилъ себѣ привычки иноземныя. Извѣстенъ портретъ его, на которомъ, по снятіи позднѣйшихъ красокъ, онъ безъ бороды (См. „Русскій Архивъ" 1863, стр. 348). Его „столовую книгу" слѣдуетъ сличить со спискомъ кушаній, которыя приготовлялись для патріарха Іосифа, напечатаннымъ во „Временникѣ Общества исторіи и древностей" при Московскомъ университетѣ. Списокъ возбуждаетъ удивленіе къ старинному поваренному искусству: въ Рожественскій постъ у патріарха было до ста б людъ (конечно постныхъ и рыбныхъ). Обиліе явствъ не должно удивлять насъ, такъ какъ у патріарха былъ многолюдный дворъ, а посылка какого нибудь блюда изъ Кремля отъ великаго господина патріарха имѣла значеніе нынѣшняго „высочайшаго благоволенія". Пишущій эти строки помнитъ на своемъ вѣку, что зажиточныя дворянскія семьи пересылались между собою кушаньями, и это было знакомъ взаимной пріязни. Въ столовой книгѣ Филарета Никитича не означаются ни одного разу напитки, которые конечно подавались патріарху, ни овощи: это записи ежедневнаго расхода только рыбы. Намъ кажется, что слѣдовало бы издать эту запись съ опущеніемъ одного и того же, повторяемаго въ ней каждый день. Запись эта важна и для исторіи Русскаго языка: въ ней довольно словъ, которыхъ значеніе нынѣ утрачено либо сохраняется еще гдѣ нибудь въ простонародьи. Напр. *прутъ* бѣлой рыбицы, слова *оханный, тяпоный, ковардакъ, вѣкошникъ* снитковъ, *схабъ* бѣлужій, горохъ *зобанецъ, сущъ* щипаной въ ухѣ.

Вторая, относящаяся къ допетровскому времени статья въ XI-й книгѣ сборника. „Князь Василій Ивановичъ Шуйскій" съ приложеніемъ духовнаго завѣщанія послѣдняго изъ князей Шуйскихъ, Ивана Ивановича. Это важный вкладъ въ исторію смуты. Изслѣдователь (скрывшій имя свое подъ буквами Г. С. Ш. и конечно легко узнаваемый всякимъ, кто занимается тѣмъ временемъ) рядомъ соображеній даетъ полагать, что В. И. Шуйскій былъ устроителемъ Угличскаго преступленія, имѣвшаго столь роковыя послѣдствія.

Это „Старина". Не менѣе любопытна „Новизна", т. е. статьи, отно-

ЗАПИСКИ ПРИСУТСТВУЮЩАГО ВЪ СВЯТѢЙШЕМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМЪ ВСЕРОССІЙСКОМЪ СИНОДѢ *).

(Архіепископа Херсонскаго Никанора).

1889—1890.

13 Августа. До сихъ поръ задавленъ былъ неотложною текущею работою и заботою. Въ Пасху, послѣ Пасхи не могъ управиться съ лежащими на мнѣ синодальными порученіями, которыя привезъ даже сюда. Тутъ и старыя Петербургскія заботы, и новыя свои Одесско-Херсонскія. Наконецъ, и нездоровье, увы, повидимому довольно капитальное. Разскажу все по порядку.

Не помню, на чемъ именно я остановился въ своихъ Рождественскихъ записяхъ. Кстати, у меня явилась мысль составить изъ нихъ сборникъ по лѣтописному порядку. Факты записать не могу, потому что порядка этого точно не помню. Постараюсь сгруппировать факты около лицъ, дѣйствовавшихъ во вторую половину, или точнѣе въ первую половину синодальнаго сезона этого 1889 г., для меня послѣдняго.

Начнемъ съ владыки Кіевскаго, высокопреосвященнаго митрополита Платона. Ни для него самого, ни для Синода не было особенно благоплодно его сидѣніе въ эту сессію въ Святѣйшемъ Синодѣ. Въ синодскихъ засѣданіяхъ владыка-митрополитъ почти не говорилъ. Возвысилъ, было, онъ свой голосъ только разъ или два, и весьма неблагоплодно, какъ для дѣла, такъ и для себя. Тутъ, по сосѣдству Дона и Ростова, мы знали, что, посѣтивъ Донъ, Ростовъ и Ново-Черкасскъ вторично, на этотъ разъ для встрѣчи Государя Императора, при живомъ тогда архіепископѣ Донскомъ Митрофанѣ, владыка Платонъ принималъ въ Ростовѣ пышные обѣды отъ шныря, головы Байкова, отъ соборнаго старосты Пан—ки и другихъ Ростовскихъ карманныхъ тузовъ. Предъ ними онъ задался торжественнымъ обѣщаніемъ, что онъ исходатайствуетъ имъ присоединеніе Ростова и Таганрога къ Донской епархіи. Вотъ однажды онъ и поднялъ въ Синодѣ голосъ на эту тему. Сперва говорилъ тихо, усиливаясь доказать раціональность

---

*) См. выше, стр. 161.

отдѣленія Ростова отъ далекаго Екатеринослава и присоединенія къ близкому Ново-Черкасску. Ему тихо же возражали владыка-митрополитъ Исидоръ, оберъ-прокуроръ К. П., В. К. С. и С. В. К—ій, что «такъ-то оно такъ, да тутъ экономическія затрудненія примѣшались: въ Екатеринославѣ сдѣланы значительныя постройки (семинарія, епархіальное женское училище и проч.), и для этихъ построекъ сдѣланъ значительный заемъ въ разсчетѣ между прочимъ и на богатый Ростовъ, Таганрогъ и весь приморскій край. А если эти города, какъ и весь край, отнять отъ Екатеринославской и присоединить къ Донской епархіи, тогда Екатеринославское епархіальное начальство должно обанкротиться». Возражая на это, старецъ Платонъ все твердилъ: «помилуйте, стóитъ предписать, чтобы Ростовъ и проч. отсылали свои свѣчныя и прочія суммы въ Екатеринославъ». Ему многократно ставилось также на видъ, что и это сдѣлать нельзя: нельзя будетъ настоять, чтобы эти города отдавали свои суммы въ чужой для нихъ край, Екатеринославскій. Усиливаясь настоять на своемъ, старецъ сталъ горячиться, возвышать голосъ, даже кричать: «помилуйте, всякій пойметъ, что Ростову и прочимъ разумнѣе относиться къ Ново-Черкасску, который подъ бокомъ, чѣмъ къ Екатеринославу, который за 500 верстъ». Синодалы начинали молчать, а старецъ не желаетъ отступить ни съ чѣмъ. Тогда выступилъ К-нъ П-чъ съ рѣшительными и откровенными словами. «Да дѣло вотъ въ чемъ: сыръ-боръ горитъ изъ-за того что Ростовъ отданъ Донцамъ. А нужно знать, какъ дѣло сдѣлалось. Государь Императоръ задался обѣщаніемъ Донскому атаману. Когда пришлось осуществить обѣщаніе, въ Государственномъ Совѣтѣ всѣ оказались противъ этого предположенія. Осуществить все-таки, однакоже, пришлось. Вышла ошибка. А теперь скорѣе надо ожидать, что Ростовъ будетъ отписанъ отъ козачества, чѣмъ отданъ ему навсегда. Такъ зачѣмъ же ему закрѣплять эту связь?» Старецъ всетаки не успокоивается. Но никто, ни однимъ звукомъ не поддержалъ его. Чрезъ нѣсколько времени пріѣзжалъ въ Петербургъ освѣдомиться объ этомъ вопросѣ соборный Ростовскій староста, Пан—ко, знакомый и мнѣ. Я разъяснилъ ему дѣло довольно прозрачно, давъ совѣтъ, что «вы-де скорѣе бейте на отдѣленіе вашего Ростова отъ Ново-Черкасска; скорѣе успѣете». А они уже сами начинаютъ тяготиться своею насильственной связью съ козачествомъ, которое связываетъ Ростовскихъ купцовъ въ торговыхъ правахъ, да и вообще не долюбливаетъ коренныхъ Русскихъ.

Вторымъ случаемъ, гдѣ владыка Платонъ заговорилъ было въ Синодѣ, было празднество 50-лѣтія по присоединеніи Уніи въ Вильнѣ. Толковали объ этомъ празднествѣ въ Синодѣ весьма немало и весьма

некоротко. Толковали о томъ, когда, гдѣ и какъ праздновать, въ Вильнѣ-ли, въ Жировицахъ или въ Полоцкѣ; праздновать ли во всѣхъ городахъ Россіи, или только юго-западныхъ; вызывать ли къ празднеству въ Вильну сосѣднихъ-ли, дальнихъ-ли архіереевъ; по какому чину священнодѣйствія праздновать; нужно ли воззваніе отъ Святѣйшаго Синода; что́ отчеканить въ память этого празднованія, кресты ли, медальоны ли и съ какими надписями; какія напечатать объяснительныя статьи и т. п. О многомъ и многомъ толковали. Владимиру Карловичу хлопотъ было больше всѣхъ; повидимому, меньше всѣхъ хлопоталъ и толковалъ многохитроумный Литовскій владыка Алексій, храня до поры до времени многомудрое молчаніе. Изъ владыкъ больше другихъ толковалъ сперва около себя владыка Кіевскій и главнымъ образомъ на тему, что на готовящійся праздникъ онъ поѣдетъ въ Вильну. Владыка-же Литовскій премудро и тутъ помалчивалъ, что-де пожалуйте, покорно просимъ. Наконецъ, въ одну Среду, когда собраніе синодаловъ было полное и К-нъ П-чъ былъ на лицо, приступили къ рѣшительному обсужденію предстоявшаго празднества. Старца Исидора обступили К-нъ П-чъ, Вл-ръ Карловичъ, оберъ-секретарь, показывая и обсуждая рисунки медалей, крестиковъ. Старецъ разглядываетъ и толкуетъ. А старецъ Кіевскій, крѣпко потянувшись впередъ на столъ, ловитъ минуту, когда можетъ быть выслушанъ, и какъ можно громче и раздѣльнѣе, чтобъ Исидоръ могъ услышать, выкрикиваетъ: «вотъ, ваше высокопреосвященство, торжество знаменательное, историческое; мнѣ думается, что хорошо было бы присутствовать на этомъ торжествѣ кому либо изъ старѣйшихъ, вотъ вамъ бы или мнѣ: мы, вѣдь, современники и участники самаго присоединенія, вы были тогда и въ Вильнѣ, и въ Жировицахъ, и я былъ; вотъ кому либо изъ насъ и теперь бы поѣхать». Старецъ Исидоръ толкуетъ, о чемъ толковалъ, показывая видъ, что и не замѣчаетъ и не слышитъ говора старца Платона. Старецъ Платонъ слѣдитъ за его взглядомъ пристально и, улучая, повидимому, благопріятную минуту, опять вытягивается впередъ и опять начинаетъ: «такъ вотъ я и говорю, ваше высоко-ство, что нужно было бы съѣздить на это рѣдкое торжество кому либо изъ насъ, изъ старѣйшихъ, вамъ бы, или мнѣ; мы участники самаго событія, я въ Вильнѣ предварилъ присоединеніе, видѣлъ его начало, продолженіе и завершеніе; лично зналъ всѣхъ участниковъ присоединенія, начиная съ Іосифа Сѣмашки»... Исидоръ продолжаетъ толковать, о чемъ толковалъ прежде, не замѣчая говора старца Платона. Этотъ опять ловитъ благопріятную минуту перерыва въ говорѣ Исидора и снова усиливается выставить на видъ и во уши свою тенденцію: «что вотъ хорошо бы, если бы Святѣйшій Синодъ назначилъ на это знаменательное торжество кого либо изъ старѣйшихъ, что я-де

охотно бы поѣхалъ, что въ Вильнѣ-де мнѣ все знакомо, тамъ я долго жилъ и немало дѣйствовалъ, былъ участникомъ самаго событія» и т. д. Старецъ Исидоръ продолжаетъ показывать видъ, что не замѣчаетъ обращенія къ нему Платона. Это, со стороны одного сцена намѣреннаго молчанія, а со стороны другаго сцена самой настоятельной рѣчи продолжалось съ полчаса. Мы дивились въ душѣ этой игрѣ, не знаю чего, но крайне выразительной. Наконецъ, старецъ Платонъ, безъ сомнѣнія, понялъ и замолчалъ. Началось, не помню, что-то другое. Всѣ вопросы относительно празднества порѣшены между старцемъ Исидоромъ и В. К. Литовскій владыка молчалъ также, якоже и мы. Московскій и Варшавскій также помалчивали.

Этотъ зимній сезонъ былъ кратокъ и съ перерывами масляницы, первой недѣли поста. Около Рождественскихъ праздниковъ владыка Кіевскій недуговалъ. Тутъ подошла масляница, первая недѣля поста; въ постъ было, по обычаю, одно засѣданіе на недѣлѣ. А тутъ скоро подошла и шестая недѣля. Кіевскому старцу приходилось уѣзжать. Заговариваетъ онъ о представленіи Государю предъ отъѣздомъ. Константинъ Петровичъ слушаетъ и помалчиваетъ. Наконецъ, объявляютъ, что Государь сказалъ: «недавно-де представлялся по прибытіи, нѣтъ нужды теперь въ особомъ представленіи при прощаніи». А у старца назначенъ уже и день отъѣзда. Но слышимъ, не уѣхалъ; слышимъ, разъѣзжаетъ съ прощальными визитами; слышимъ, хлопочетъ чрезъ чье-то посредство о представленіи Государю; слышимъ, получаетъ и разрѣшеніе представиться. Наши высшіе изумлены. А старецъ Исидоръ произноситъ приговоръ: «всегда-де былъ таковъ смолоду и до старости». Послѣ Пасхи скоро старецъ Платонъ присылаетъ въ Святѣйшій Синодъ не-то докладную записку, не-то прошеніе, не помню, что̀ именно по названію, съ заявленіемъ, что-де онъ намѣренъ предпринять вояжъ (буквально; надъ этимъ словомъ подшучивали) вояжъ въ Вильну на праздникъ 50-лѣтія по возсоединеніи Уніи, затѣмъ туда-то и туда-то и воротиться въ Кіевъ намѣренъ тогда-то. Святѣйшій Синодъ, конечно, формальныхъ препятствій не поставилъ. Такимъ образомъ, старецъ Платонъ, привыкшій достигать своихъ цѣлей, достигъ таки разрѣшенія Святѣйшаго Синода быть на Виленскомъ празднествѣ. Предъ прощаньемъ я давалъ ему прощальный обѣдъ на десять персонъ, за которымъ говорилъ и рѣчь, благодаря его за добро, какое видѣлъ отъ него въ жизни. Встрѣтились съ нимъ опять и окончательно простились уже въ Вильнѣ.

Теперь рѣчь о владыкѣ Московскомъ. Не безъ огорченій прошла для него эта синодская сессія. Изъ Москвы получались свѣдѣнія весьма неблагопріятныя. Во-первыхъ, въ Московской Троице - Сергіевой

Академіи воцарилось глубокое нестроеніе. На мѣсто инспектора Б., лѣтомъ переведеннаго въ ректора Кіевской Семинаріи, горько жаловавшагося на ректора Академіи, епископа Х., назначенъ инспекторомъ Академіи архимандритъ А. Но и этотъ скоро также поднялъ жалобы на академическіе порядки, на ректора, который недоступенъ, который вѣдается съ Академіей посредствомъ эконома-шпіона и т. д. Всего не помню. Въ академической церкви никогда не служитъ. Служитъ только въ лаврѣ, устраняя намѣстника, но и служитъ такъ, что лучше не служилъ бы; стоитъ странно, разставивъ ноги, крестится неистово и т. д.; съ академическою корпораціею разошелся; на Академію не имѣетъ никакого концентрирующаго вліянія. Съ жалобнымъ говоромъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и Н. И. С. Это шло изъ Академіи. Но многое шло и изъ Москвы, въ которую зачѣмъ-то ѣздилъ самъ В. К. Ну, да въ Москву изъ Петербурга, какъ и обратно, ѣздятъ многіе, самъ К. Петровичъ, прокуроръ Синодальной конторы Ш. и друг. Изъ Москвы всякіе говоры долетаютъ не только на крыльяхъ вѣтра, а и электричества. «Не популяренъ совсѣмъ, разошелся, и съ дворянствомъ, и съ купечествомъ, и съ Московскою интеллигенціей. Викаріевъ поставилъ молодыхъ, не заслуженныхъ, странныхъ, возбудившихъ въ Москвѣ шуточный говоръ. У преосв. М. послушникъ І—на Б—въ. Этотъ Іон—а напечаталъ визитныя карточки, подъ короною надпись: «отецъ І—на Б—въ», и развозитъ по Москвѣ, а Москва хохочетъ. Разошелся съ о. Павломъ Прусскимъ; тяжелъ къ Н. И. С. и покровительствуетъ К—ву». Послѣ Пасхи пріѣзжалъ изъ Москвы предводитель дворянства, Ш., который доходилъ до высочайшихъ сферъ, разнося всюду тѣже Московскія молвы. Дѣло стало совсѣмъ серьезно. По поводу Академіи владыка Московскій вынужденъ былъ выдержать не одну полуночную сессію съ глазу на глазъ съ В. К. Защищался и защищалъ Академію неравнодушно. Старались всячески не огорчать его, а тѣмъ паче не раздражать. А если бы онъ хоть чуточку подался, сію минуту ему названъ былъ бы одинъ архіерей, какъ желательный ревизоръ Московской Духовной Академіи. Но и слово объ этомъ вставить нельзя было: такъ владыка митрополитъ былъ далекъ отъ всякой мысли объ этомъ. А съ онымъ архіереемъ дѣло въ предварительныхъ совѣщаніяхъ было совсѣмъ слажено; оный толковалъ только: «онъ со своей стороны нимало не заинтересованъ въ назначеніи его ревизоромъ; напротивъ всячески не желалъ бы возбуждать противъ себя владыку-митрополита Московскаго, который всегда можетъ пригодиться, а тѣмъ скорѣе всегда имѣетъ возможность явить свое неблагорасположеніе. Да и лишній, тяжкій трудъ, лишнія издержки при нуждѣ жить на три дома и вѣроятность непредвидимыхъ, но неизбѣжныхъ непріятностей». Такъ, это дол-

го обдумываемое дѣло и закрылось завѣсою молчанія. Между тѣмъ я все-таки доставилъ его Московскому высокопреосвященству минуту огорченія задолго прежде, чѣмъ всѣ эти закулисности выяснились для моего сознанія. Выяснилось все это около Пасхи, я же свое дѣло сдѣлалъ вскорѣ послѣ Рождества.

Въ этомъ году я помѣщалъ въ «Страннникѣ» свои статьи «О перстосложеніи», направляемыя противъ сочиненія К—ва «Никонъ какъ реформаторъ». Въ эту пору Московская Академія выкинула выходку, по моему совсѣмъ не позволительную и прямо вредную. Именно, какой-то тамъ доцентъ Московской Академіи Г—въ напечаталъ въ «Твореніяхъ святыхъ отцовъ» статью о томъ же, о крестномъ знаменіи, въ которой проводитъ взгляды, взятые чистоганомъ у Нѣмцевъ, и далеко болѣе радикальные, чѣмъ у самого К—ва. Ахъ, Ты Господи! Мнѣ шагу нельзя было ступить впередъ, не коснувшись напередъ выводовъ этой совсѣмъ же непозволительной статьи Г—ва. А предлежало домашнее засѣданіе у владыки Московскаго. Первымъ дѣломъ я привезъ эту статью на это засѣданіе и показалъ ее митрополиту, какъ и всѣмъ. «Что же это они дѣлаютъ, эти профессоры Московской Духовной Академіи? Это они прямо разводятъ расколъ. Да и намъ кладутъ путы на руки и на ноги!»—«А, покажите, покажите!» говоритъ владыка Московскій. Надо сказать къ изумленію, что онъ запретилъ С—ну опровергать К—ва подъ предлогомъ не разводить шуму, раздраженія и скандала. Цѣль хорошая, но имѣющая и свою невыгодную сторону. А вотъ не сумѣлъ остановить Г—ва, свояка К—ва, чтобы и тотъ не выступалъ съ своею совершенно соблазнительною статьею. Выяснилось и то, что, увы, слишкомъ мало читаютъ, т. е. точнѣе ничего не читаютъ даже изъ того, что̀ печатается въ подвѣдомой Московской Академіи, за которою слѣдить бы слѣдовало. Вторымъ моимъ дѣломъ по поводу вредной статьи Г—ва было, что я въ ряду своихъ статей о перстосложеніи тиснулъ статью и противъ этой статьи, статью съ тяжкимъ оговоромъ попытки Г—ва; свою статью въ отдѣльныхъ оттискахъ я роздалъ всѣмъ, духовнымъ и свѣтскимъ синодаламъ, кромѣ двухъ старцевъ. Моя статья признана дѣльною и тяжеловѣсною даже въ Петербургской Академіи.

На масляную и недѣлю Православія владыка-митрополитъ Іоанникій въ Москву не поѣхалъ, казалось потому, что былъ огорченъ Московскими молвами. На Пасху ѣздилъ. Но тутъ, кромѣ этихъ молвъ, стряслась съ нимъ и другая непріятность, пожалуй, покрупнѣе. Узнаю я секретно, т. е. мнѣ разсказали, что предположено было дать ему къ Пасхѣ Владимира I-ой степени. Повидимому, составленъ былъ и списокъ награждаемыхъ архіереевъ. Повидимому, вслѣдствіе неблагопріят-

ныхъ Московскимъ молвъ К. П. неожиданно, но рѣшительно воспротивился: «не могу, никакъ не могу». Владимиръ не данъ. Между прочимъ о предположеніи пожалованія въ Москвѣ стало извѣстно. Тамъ предположеніе приняли за фактъ. Нашлись охотники принесть и поздравленіе, вмѣстѣ съ обычными пасхальными поздравленіями. Вышло совсѣмъ неловкое положеніе. Къ Троицѣ владыка-митрополитъ Іоанникій уѣхалъ окончательно. Не помню, какъ мы съ нимъ простились. Должно быть, я расписался у его швейцара. Впрочемъ ко мнѣ онъ не показывалъ ни тѣни неблагосклонности.

При всѣхъ такихъ обстоятельствахъ, не помню, передъ Пасхою, не помню послѣ Пасхи, онъ вынужденъ былъ выдержать въ Синодѣ два бурныя засѣданія. Должно быть, одно происходило до Пасхи, другое послѣ Пасхи. Одно началось съ ректора Академіи, епископа X., а другое съ викарія, епископа М. Не помню, съ чего начались рѣчи о первомъ. Старецъ Исидоръ сталъ говорить что-то неблагосклонно о ректорѣ X. Московскій владыка заволновался. «Да, помилуйте, объ этихъ вещахъ я первый бы долженъ знать. Но это все доходитъ сюда стороной, и мнѣ рѣшительно ничего неизвѣстно. Позвольте, вотъ я поѣду, развѣдаю и тогда распоряжусь». Да, вотъ припоминаю, дѣло началось съ предложенія старца Исидора назначить епископа X. викаріемъ въ Черниговъ.—«Викаріемъ въ Черниговъ, возражаетъ митрополитъ Московскій, это было бы уже слишкомъ. И за что? И кого на его мѣсто?» Отвѣчаютъ: «ректора Виѳанской Семинаріи».—«Ничего не имѣю противъ ректора Виѳанской Семинаріи. Но и тотъ нуженъ на мѣстѣ, какое занимаетъ. Мнѣ думалось бы, что вотъ Іосифъ К—кій недугуетъ безнадежно. Самая подходящая каѳедра была бы для ректора X». Поговорили и замолчали. Рѣчь о преосв. М. уже послѣ Пасхи началась съ предложенія владыки Московскаго назначить преосвященнаго М. на М—ую каѳедру, на мѣсто скончавшагося преосв. епископа В-на. Но противъ такого предложенія поднялись и старецъ, и К. П.—«Не годится: грубоватъ, безтактенъ. Туда, въ М—къ нужно бы человѣка попокладистѣе. Несолиденъ. Говорятъ: беретъ».—«Кто беретъ?»—«Викаріи берутъ».—«Викаріи... Боже мой! Да я же бы зналъ объ этомъ. Мнѣ сказали бы, мнѣ написали бы объ этомъ, хотя бы въ безыменныхъ пасквиляхъ. Ничего подобнаго до меня не доходило».—«Говорятъ: такой-то даже пьетъ.»—«Господи, да онъ вовсе неспособенъ пить, вѣдь онъ больной».—Говорятъ: «М. назначить бы куда либо въ раскольничій городъ; онъ привыкъ бесѣдовать съ раскольниками». Толковали, толковали и пришли къ заключенію, также немало подвергавшемуся пререканіямъ: перевести Симеона Орловскаго въ М—къ, а на мѣсто Симеона въ Орелъ перевесть М. Припоминаю, что это было уже предъ самымъ отъѣздомъ

моимъ изъ Петербурга. Не помню, чтобъ я подписывалъ протоколъ объ этихъ перемѣщеніяхъ. Узналъ я о состоявшемся и утвержденномъ рѣшеніи объ этихъ перемѣнахъ уже здѣсь, въ Одессѣ.

Скажемъ теперь о награжденномъ старцѣ, преосвященномъ епископѣ Германѣ. Вѣтшаетъ старецъ. Лѣтомъ прошлымъ, вслѣдствіе прогулки въ митрополичьемъ саду, онъ залучилъ ни болѣе, ни менѣе, какъ рожу на лицо и на голову болѣзнь совсѣмъ серьезную. Говоритъ, что глохнетъ, въ ушахъ постоянный шумъ. Говоритъ, что въ его родѣ не живутъ дольше 60 лѣтъ съ небольшимъ; теперь изъ его многочисленной семьи остались одна его сестра, лѣтъ 60, да онъ 62 лѣтъ. Вообще гнется подъ бременемъ старости и сильно бережется, такъ что въ Исакіевскомъ соборѣ стоитъ въ алтарѣ въ шубѣ, чего никто изъ архіереевъ на моей памяти не дѣлалъ. Но въ Синодѣ онъ совсѣмъ не молчитъ. Напротивъ, говоритъ иногда даже очень много, неумолкаемо, иногда даже до утомленія другихъ. Не могу опредѣлить характеръ его стремленій: консервативны ли они, либеральны ли. Не либеральны, но дальше нужно сказать только настойчивы, и только. Въ одномъ случаѣ онъ достигъ замѣчательнаго результата, которому я выразилъ, какъ и Алексій Литовскій, полное сочувствіе. При Святѣйшемъ Синодѣ работала особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ Саввы, архіепископа Тверского, разсматривавшая и исправлявшая служебники архіерейскій и простой. Комиссія работала года два-три. Ея труды предлежало разсмотрѣть самому Синоду и рѣшить дѣло окончательно. Для этого-то мы и собирались по вечерамъ у владыки-митрополита Московскаго. Собирались не разъ, останавливаясь на каждомъ словѣ, требующемъ исправленія. Рѣшающимъ голосомъ былъ предсѣдательствующій. Говорятъ, что слово: «о святѣй обители сей» нужно вездѣ поправить, какъ обыкновенно читается: «о святѣмъ храмѣ семъ». Съ этого пошли дебаты. Началъ преосв. Германъ: «Зачѣмъ бы это? Кому мѣшаетъ слово «обители». Зачѣмъ намъ забывать, что всѣ наши уставы богослуженія пошли изъ обителей? А въ обителяхъ должны будутъ при чтеніи поправлять «во святѣмъ храмѣ семъ» на —«обители сей»... Да и вообще разумно ли мы ведемъ всѣ эти поправки? Соображаемъ ли однѣ съ другими? Въ однѣхъ книгахъ будетъ по новому, въ другихъ по старому. Соображаемъ ли мы наши поправки съ исторіей исправленія богослужебныхъ книгъ вообще на Руси. Напр., было печатаемо въ предисловіяхъ: «книга сія печатается повелѣніемъ» такого-то государя, «благословеніемъ» же Святѣйшаго Синода; мы поправили и напечатали уже: «при державѣ» такого-то государя; вышло: «при державѣ такихъ-то великихъ князей и княгинь и всего царствующаго дома; въ тоже время осталось: «благословеніемъ же Святѣйшаго Синода». Вотъ мы

предполагаемъ исключить въ архіерейскомъ служебникѣ возгласъ: «яко святъ еси Боже нашъ» предъ молитвою трисвятаго, и оставить тотъ же возгласъ только послѣ молитвы. Мы не справляемся, какъ, по какимъ побужденіямъ, напечатали это Никоновскіе справщики. Я справился и нашелъ, что въ старопечатныхъ книгахъ было напечатано такъ, какъ мы теперь предполагаемъ—возгласъ только одинъ разъ, послѣ трисвятаго. А Никоновскіе справщики напечатали такъ, какъ печатается теперь: возгласъ дважды въ началѣ молитвы и въ концѣ. Были же и у нихъ на это свои причины, свои соображенія. А мы теперь ихъ поправляемъ безъ всякихъ соображеній; намъ просто кажется, что такъ-де лучше. А что скажутъ раскольники? Сами-де мы сочинили, что исправленіе худо, что̀ они твердятъ намъ давно и постоянно, въ частности о служебникѣ. Мы не справляемся ни съ Греческими старыми, ни съ старыми Словенскими харатейными служебниками, а рѣшаемъ: такъ-де по общимъ соображеніямъ. А къ чему это приведетъ?» Говорилъ онъ хотя и основательно, но крайне многословно, а главное безконечно, такъ что все наше засѣданіе превращалось въ слушаніе его рѣчи, которой и конца не предвидѣлось. Всѣ молчали; владыка-Московскій явно тяготился, какъ и всѣ. Наконецъ, я возвысилъ голосъ: «позвольте сказать слово... позвольте вставить слово». Куды тебѣ! Старецъ безъ удержу несетъ свое.—«Позвольте одно слово.—Нѣтъ. Тогда я, прикрывая его рѣзкій голосъ своимъ болѣе звонкимъ: «Позвольте же васъ спросить: чего вы хотите? Хотите ли вы остановить и перерѣшить цѣлый рядъ уже состоявшихся по этому предмету рѣшеній Святѣйшаго Синода? Въ такомъ случаѣ объ этомъ разсуждать надо не за этимъ столомъ, а въ синодскомъ залѣ, въ полномъ присутствіи. А то выходитъ у насъ теперь полная задержка засѣданія, когда надо бы двигать дѣло впередъ». Въ мою рѣчь онъ все-таки вслушался, хотя и не прерывалъ своей. «А хоть бы и такъ» говоритъ.—«Т. е. перерѣшить рѣшенія Святѣйшаго Синода?» спрашиваю я. «А, хоть бы и такъ», подтверждаетъ онъ.—«Въ такомъ случаѣ я не представляю ясно, когда и какъ это дѣло началось».—«Началось оно при мнѣ», тутъ онъ разъяснилъ, какъ началось. «Рѣшенія принимались съ самаго начала и до сегодня какъ-то случайно, безъ надлежащихъ справокъ, безъ соображенія со всѣми прежними исправленіями, безъ яснаго сознанія, куда мы идемъ, и безъ яснаго предвидѣнія, куда придемъ». Тутъ я говорю: «я совершенно раздѣляю ваши взгляды». Преосв. Литовскій Алексій говоритъ тоже: «И я раздѣляю. Это даже опасно. Богъ знаетъ, къ чему это приведетъ». Варшавскій говоритъ, что пора подниматься, оканчивать засѣданіе. Предсѣдательствующему Московскому, предложившему уже немало принятыхъ исправленій, такой поворотъ дѣла

былъ явно непріятенъ; но онъ смолчалъ, чувствуя основательность возраженій. Тогда рѣшитель дѣлъ, В. К. говоритъ: «Я доложу К. П. объ этомъ; въ самомъ дѣлѣ нужно подумать». Тогда Гильдебрандъ-докладчикъ молитвеннымъ тономъ говоритъ: «Отцы святые! Позвольте же. Это дѣло не приходитъ къ концу. Служебникъ печатать необходимо. Служебники давно всѣ вышли. Разрѣшите впредъ до усмотрѣнія печатать безъ исправленій». Чрезъ нѣсколько дней прошелъ протоколъ печатать служебникъ безъ исправленій, и всѣ подписали. Такъ дѣло и разрѣшилось этимъ протоколомъ; фактически отмѣненъ цѣлый рядъ синодальныхъ рѣшеній объ исправленіи служебника. И виновникомъ этого поворота былъ преосв. епископъ Германъ. Его настойчивость побѣдила. Хотѣли также исправлять канонъ Андрея Критскаго; владыка Московскій былъ на сторонѣ многихъ исправленій; преосв. же Германъ стоялъ за каждое слово и почти каждое слово отстоялъ... Вообще онъ для Святѣйшаго Синода необычно настойчивъ. Чѣмъ-то онъ кончитъ?

Но пока обстоятельства для него благопріятны. Московскій владыка къ нему холоденъ; по крайней мѣрѣ такъ самъ преосвященный Германъ понимаетъ; ни разу не отдалъ ему визита, въ его Донскомъ монастырѣ. Но В. К. къ нему явно благорасположенъ еще со времени его перваго предсѣдательства въ Училищномъ Совѣтѣ. Онъ-то и хлопоталъ, какъ въ прошломъ году, такъ и въ настоящемъ, чтобы преосв. Герману дали Александра Невскаго. К. П., какъ въ прошломъ, такъ и въ настояшемъ году, упирался, но въ нынѣшнемъ, наконецъ, сдался. «Да, зачѣмъ ему?» говоритъ К. П., Объясняютъ. «Дать крупную награду все равно, что руку отсѣчь». А другой объясняетъ еще рѣшительнѣе: «Хотятъ мало-по-малу прекратить жалованіе духовныхъ орденами, свѣтскихъ бо прикраса. Пускай-де украшаются внутренними крестами и этими завоевываютъ себѣ авторитетъ въ обществѣ». На что я говорю: «Хотятъ насъ сдѣлать Греческими архіереями. Тѣмъ не жалуютъ никакихъ знаковъ отличія. Таковыхъ они и желать не могутъ; а человѣческая немощь людямъ всегда присуща; такъ эта немощь у Греческихъ архіереевъ и устремляется къ единственному желательному и достижимому предмету,—къ «хримата». Отнимая у насъ право за правомъ, придутъ къ совершенно обратному результату, не къ возвышенію, а къ униженію духовенства». Впрочемъ, на эту тему говорено много и очень много въ разное время. За отмѣну орденовъ, повидимому, высказывается Іоанникій Московскій; за сохраненіе же нашего права открыто и громко высказываюсь только я одинъ.

Повидимому, преосвященный Германъ готовится къ смерти и готовится достойнымъ образомъ. Думая нѣкогда идти на покой, онъ

запасалъ какую-либо денежку на нужду чернаго дня. Теперь же, обезопасивъ себѣ прочный кусокъ хлѣба на остатокъ дней, имѣя за собой Донской монастырь, изъ котораго его, конечно, не погонятъ до смерти, онъ раздаетъ крупныя суммы. Такъ, преосв. Леонтію на братство онъ далъ 500 руб. Мнѣ на наше братство далъ 500 же р. на поминъ души Іоанникія, архіепископа Херсонскаго и конечно своей собственной. Слышно, что даетъ крупныя же суммы и другимъ учрежденіямъ и лицамъ. Это хорошо, это достойно готовящагося къ исходу изъ міра архіерея, всегда и во всемъ добраго инока. Теперь лѣтомъ, за частымъ уклоненіемъ старца Исидора отъ присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ, преосв. Германъ является существеннымъ членомъ Синода. И правду сказать, онъ и внимателенъ, и искусенъ въ распутываніи сложныхъ дѣлъ. Богъ зналъ, кого посадить за синодскій столъ.

Кстати слово о преосв. М—лѣ. И этотъ, повидимому, посаженъ въ Синодъ не даромъ. Имѣются и у него и толкъ, и слово. Впрочемъ, хорошо вглядываться въ него, за краткостью времени, я не могъ.

О Леонтіи Варшавскомъ сказать бы такъ, что ни во что же ино онъ упражняется, точію въ изученіе жизни и лицъ, въ оной видимыхъ. Всю духовную братію онъ знаетъ въ самыхъ сокровенныхъ закулисностяхъ. Гдѣ не знаетъ истины, тамъ собираетъ, не скажу сочиняетъ, сплетни. По крайней мѣрѣ въ одномъ случаѣ, именно о преосвященномъ архіепископѣ С., объ его жизни въ Херсонѣ, онъ сказалъ такую тяжелую вещь, какую можно бы и не говорить, которая тутъ въ Одессѣ всесовершенно отрицается; по крайней мѣрѣ здѣсь не слыхано ничего подобнаго. А сказано совершенно открыто за моимъ обѣдомъ, который я давалъ на прощанье владыкѣ-митрополиту Платону, о мертвомъ архіепископѣ. Сказать бы, что это и не совсѣмъ хорошо. Отсюда я пришелъ къ убѣжденію, что не все въ повѣствованіяхъ владыки Леонтія достойно вѣры. Манеръ своихъ онъ не измѣнилъ. Съ нами, юнѣйшими, обычное обращеніе его было довольно любезно, со старѣйшими-митрополитами, Кіевскимъ и Московскимъ, нерѣдко отзывалось явною небрежностью. Не скажу дальше, что къ старцу Исидору было изыскано-почтительно, хотя къ оному владыка Леонтій и любилъ заѣзжать по вечерамъ. Вѣроятно, одинъ любилъ начинять другого своими, не всегда неапокрифическими, сказаніями, а другой находилъ полезнымъ, быть можетъ, даже пріятнымъ начиняться. Въ одно изъ послѣднихъ вечернихъ, повидимому, собесѣдованій владыка Леонтій повелъ рѣчь объ отъѣздѣ своемъ на лѣто въ Варшаву. Старецъ изъяви свое соизволеніе. А владыка Варшавскій заяви это свѣтскимъ нашимъ, что-де владыка-митрополитъ согласенъ отпустить его на лѣто.

Повидимому, это заявленіе сопровождалось дѣйствіемъ обратнымъ ожидаемому. Такая антиципація желаемаго, кажись, показалась неумѣстною. По крайней мѣрѣ мнѣ дѣло было разсказано вскользь, съ особою игрою глазъ. Я промолчалъ. Въ другой разъ тоже самое отвѣчено было яснѣе: «Преосвященный-де Леонтій не любитъ свою епархію, между тѣмъ какъ его пребываніе дóма болѣе необходимо, чѣмъ въ иныхъ мѣстахъ. Вонъ, въ Варшавѣ, за неимѣніемъ православнаго архіерея, начальство вынуждено было обратиться къ архіерею католическому за совершеніемъ торжественно-всенароднаго священнодѣйствія, освященія новопостроеннаго моста». Владыка Леонтій уже чинилъ распоряженія о лѣтней поѣздкѣ въ Варшаву. Свита его толковала, что они воротятся. Между тѣмъ послѣдовало высочайшее повелѣніе: «уволить на епархію впредъ до востребованія». Въ послѣднемъ синодальномъ засѣданіи онъ простился со всѣми нами какъ-то нáскоро. Послѣдними словами его мнѣ было: «пожалуйста, моихъ родичей не оставьте».—«Я никогда не дѣлалъ имъ зла и впредъ не намѣренъ дѣлать».—«Знаю, знаю». У него въ Одессѣ имѣются два священника, женатыхъ на родныхъ его племянницахъ.

Подобное же нѣчто произошло и съ Алексіемъ Литовскимъ. Искренно самому себѣ говоря, повидимому, впечатлѣніе имъ произведенное не поддержало тѣхъ великихъ похвалъ, какія раздались было въ газетахъ при его появленіи въ Петербургѣ: «великій-де святитель, доблестный іерархъ». Вышло какъ-то, что Влад-ръ Карловичъ съѣздилъ къ богослуженію въ его церковь разъ, а въ другой разъ не поѣхалъ. Нашего перваго прихожанина у насъ преосв. Алексій не отбилъ. Владыка Алексій самъ сталъ частенько появляться у насъ на акаѳистахъ. Говорилось громко, что онъ займетъ наше Митрофаніевское подворье послѣ насъ, почему и изучáетъ наши акаѳисты. Въ Синодѣ сперва помалчивалъ; но когда говоритъ о людяхъ особенно, говоритъ рѣшишительно и рѣзко. Напр. объ архимандритѣ Ал-рѣ, нынѣ епископѣ Сухумскомъ: «онъ не можетъ быть епископомъ»; о преосв. Мемнонѣ, викаріи Херсонскомъ: «онъ не способенъ къ управленію епархіею» и т. п. Явно, однакоже, стало, что у него сидитъ крѣпкій толкъ въ головѣ, что воля у него столько неудобопреклонна, сколько удобопреклонна спина. Онъ почти всякому изъ порядочно поставленныхъ кланяется землекасательно, напр. мнѣ и подобнымъ; всякаго синодскаго провожаетъ со втораго этажа до выходной двери въ нижнемъ этажѣ Ярославскаго подворья, и отвратить его отъ этого нельзя. Не скажу, однакоже, чтобъ онъ не сознавалъ своего достоинства, не отстаивалъ своихъ правъ. Онъ по моему наиболѣе характерный іерархъ. Какое-то въ Вильнѣ выкопалъ онъ старое дѣло о нарушеніи контракта, по не-

досмотру нашего викарія, преосв. Мемнона, тогда намѣстника Свято-Духова монастыря въ Вильнѣ, при чемъ монастырь будто бы понесъ убытку на 20000 руб. Недолго думая, онъ ходатайствуетъ о взысканіи этихъ 20000 съ нашего преосв. Мемнона, предоставляя впрочемъ рѣшеніе дѣла благоусмотрѣнію Святѣйшаго Синода. Дѣло о ходатайствѣ показалось страннымъ и мнѣ, и В. К., даже очень страннымъ. «Какое странное дѣло! Ну-ну». Вообще стало замѣтно, что и деньги владыка Алексій сберегать охочъ и искусенъ. Чуялось въ наивысшихъ синодскихъ сферахъ нѣкоторое вѣянье разочарованія. Поддерживали владыку Алексія молвы Московскія, въ которыхъ онъ принималъ живое участіе, участіе—не скажу—злословія, но спокойной передачи всего, что̀ доходило до него изъ Москвы, изъ Сергіева посада. А доходило до него многое, все. Н. И. С-нъ его другъ и нарочно пріѣзжалъ изъ Москвы въ Петербургъ, повидимому, нарочно, съ сообщеніями. Замѣтное участіе его въ синодскихъ дѣлахъ выказалось только въ приготовленіяхъ къ празднеству 50-лѣтія присоединенія Уніи. Да и то выразилось въ совѣщаніяхъ съ В. К., такъ что сей послѣдній и хлопоталъ въ Синодѣ, а владыка Алексій и тутъ помалчивалъ. Хотѣлось В. К. склонить его на созваніе собора въ Вильнѣ, но хитроумный Виленскій іерархъ тоненько, тѣмъ не менѣе тугонько, отклонялъ всякую попытку толковать объ этомъ соборѣ. Говоритъ: «лучше бы въ Варшавѣ, лучше бы у естественнаго предсѣдателя собора Западно-Русскихъ іерарховъ, святителя Холмско-Варшавскаго Леонтія» и т. п., что́, кажется, весьма не нравилось.

Въ этихъ переговорахъ дѣло приблизилось къ отъѣзду и Литовскаго владыки, и моему. Мнѣ толкуютъ: «вотъ, вы уѣдете на Виленское торжество».—«Кое, говорю, общеніе Херсонскому архіерею съ Виленскимъ торжествомъ?» Объясняютъ на ухо: «И Литовскій владыка желаетъ этого. Знаете: вѣдь, онъ нѣмой, а сказать на торжествѣ кому-либо изъ архіереевъ приличное случаю слово будетъ необходимо».—«Но, у него же есть викарій рѣчистый, совсѣмъ хорошій проповѣдникъ, епископъ Ар-ій».—«Не знаю, на него онъ что-то не полагается». Мнѣ искренно не хотѣлось, не хотѣлось и задержки, и предвидимыхъ издержекъ, и самаго труда. Смотрю: на одинъ изъ послѣднихъ акаѳистовъ у насъ, вслѣдъ за В. К., прибылъ и Литовскій. Проситъ самъ пожаловать на Виленское торжество. Я возражаю: «ваше выс-ство, уже какъ хотите, раскошелиться вамъ надо будетъ, и принимать митрополита Кіевскаго надо будетъ; онъ пожалуетъ, будьте увѣрены, онъ вамъ и украситъ торжество, такъ что присутствіе нашего смиренія и не понадобится».—«Нѣтъ, уже вы пожалуйте». В. К. гнетъ въ туже сторону. Вижу, что хотятъ серьезно и говорю: «ваше высоко-ство же-

лаете этого серьезно. Извольте, я пріѣду!» а В. К. наединѣ объясняю: «владыка Кіевскій пожалуетъ въ Вильну неотложно; повѣрьте, онъ и проповѣдь приготовитъ. Онъ любитъ ознаменовывать подобные историческіе моменты своимъ словомъ».—«Нѣтъ, уже вы, пожалуйста». Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, три послѣднихъ дня я просидѣлъ за кабинетскимъ столомъ и приготовилъ бесѣду для Виленскаго торжества, которая и сказана. Конечно, я не ошибся, что и Кіевскій старецъ произнесетъ слово, которое и произнесъ.

Отбытіе Литовскаго владыки изъ Петрограда сице бѣ. Онъ явно разсчитывалъ остаться въ Петербургѣ еще на годъ, на два и т. д. Свита его не разъ говорила моей, что они хотятъ на слѣдующій годъ переходить на наше мѣсто, на Митрофаньевское подворье, что у насъ-де доходы больше. Мы слагали глаголы сіи въ сердцахъ нашихъ. Только слышу изъ источника покомпетентнѣе; спрашиваю у Литовскаго: не желаете ли остаться въ Петербургѣ на слѣдующій годъ? Отвѣтствуетъ многоумно: «въ гостяхъ хорошо, а дома лучше». Что̀ значило бы сіе откровеніе, не смѣю спросить ни у В. К., ни у другихъ. Черезъ день-черезъ два получаю другое откровеніе: въ оберъ-прокурорской канцеляріи перепутали: о владыкѣ Леонтіи написали тоже вмѣстѣ, что̀ и объ Алексіѣ: отпустить впредъ до востребованія. Одинъ членъ Свят. Синода, а другой—нѣтъ. Опять опасаюсь спросить объясненія. Спрашиваю какъ-то у своихъ изъ свиты: «Какъ же, Литовцы остаются въ Петербургѣ, или уѣзжаютъ? Вѣдь они же хотѣли перебираться на наше мѣсто, на Митрофаньевское подворье».—«Нѣтъ, говорятъ, уѣзжаютъ совсѣмъ».—«На лѣто?»—«Нѣтъ, говорятъ, уѣзжаютъ совсѣмъ и все забираютъ съ собой».—«Ну, а Варшавскіе?»—«Тѣ, говорятъ, уложились совсѣмъ; а въ прошедшемъ году они оставляли свои вещи на лѣто въ Петербургѣ». Среди такихъ разговоровъ съ своимъ келейникомъ пѣвчимъ Колькою, разъ подъѣзжаемъ изъ Синода къ своему подворью и перегоняемъ обозъ. «Да, вотъ, вотъ, говоритъ Колька, на этомъ обозѣ, на тюкахъ надпись: «въ Вильну, Алексію, архіепископу Литовскому». Это значитъ, что они отправляютъ свои вещи на вокзалъ желѣзной дороги. «Странно!» Пріѣзжаемъ въ засѣданіе, которое должно было быть послѣднимъ для владыки Алексія. Засѣданіе прошло незамѣтно. Когда кончилось, по обычаю поднимаемся и прощаемся. Подходитъ К. П. къ преосв. Алексію и съ открытою улыбкою и прощальнымъ жестомъ обѣими руками, произноситъ: «Ну, а вамъ скатертью дорога! Впрочемъ, что касается до осени, то тамъ»... Дальше я не разслышалъ; повидимому, слѣдовало слово: «то тамъ увидимъ». Такъ мы и простились съ Литовскимъ владыкою, впрочемъ до скораго свиданія, о которомъ некороткая рѣчь впереди.

11 Ноября 1889 г. Здоровье плохо: сердце и желудокъ ослабѣли. Затрудняюсь въ совершеніи литургій, особенно же съ молебнами. Какъ выйду на средину церкви, въ народную духоту, то я стою, громко, явственно стоная, лѣвою рукою не могу держать крестъ, чувствую нужду въ опорѣ, не могу ни давать народу крестъ для цѣлованія, ни благословлять отдѣльно каждаго изъ народа. Не всегда, но особенно въ приходскихъ церквахъ, на храмовыхъ праздникахъ вынужденъ отказываться, тогда какъ тяжело сознаваться не въ старости, а въ болѣзненно-старческой немощи.

23 Ноября. Сегодня литургисалъ на храмовомъ праздникѣ въ Комерческомъ Училищѣ. На литургіи и за молебствіемъ не было, кромѣ директора и мальчиковъ, почти никого. Но на обѣдъ или завтракъ собралось множество гостей, и сидѣли въ дальнихъ комнатахъ, ко мнѣ и не вышли, начиная съ градоначальника, пока я чай пилъ.

2 Января 1890 г. Продолжу свои записки съ того пункта, на которомъ остановился.

Начну со старца, удивительнаго старца, митрополита Исидора.

Вотъ, уже нѣкоторыя подробности изъ воспоминаній о старцѣ Исидорѣ печатаютъ. Памятны для меня встрѣчи съ нимъ на второй день св. Пасхи, въ день имянинъ К. П., оберъ-прокурора, въ день браковѣнчанія В. К. Павла Александровича и... и... особаго ничего уже не помню. На второй день Пасхи онъ сдѣлалъ мнѣ честь, посѣтивъ меня въ моей квартирѣ, при чемъ засталъ у меня К-на П-ча. Въ моей гостинной, уставленной сластями и украшенной елками (онъ не любитъ елокъ, напоминаютъ: мементо мори) онъ не сѣлъ, а прямо прошелъ въ столовую и сѣлъ тамъ на диванѣ; мы, конечно, послѣдовали за нимъ. К-нъ П-чъ также сѣлъ на диванѣ, поближе къ старцу, чтобы говорить ему на ухо; я поодаль въ креслѣ. Разговоръ они вели между собою. Сидѣли долго, съ полчаса времени. Владыка Исидоръ вывѣдывалъ отъ К-на Петр-ча придворныя новости. «Жаль, что вотъ эта А-са (Германская принцесса) уѣхала отъ насъ ни съ чѣмъ».—«Нѣтъ, тутъ серьезнаго ничего и не предполагалось», говоритъ К-нъ П-чъ, «повѣрьте, женить наслѣдника престола Россійской имперіи, задача весьма нелегкая».—«Ну, а скажите, касательно Милицы Черногорской никакихъ видовъ нѣтъ?»—«Ни малѣйшихъ», т. е. ни малѣйшихъ видовъ относительно Наслѣдника престола. О чемъ еще говорили, забылъ; а записанное ясно помню. На имянинахъ К-на П-ча, въ его кабинетѣ, внизу, владыка-митрополитъ уже засталъ меня; я пріѣхалъ по-прежде. Говорилъ онъ что-то остроумное, но я и это забылъ. Между прочимъ, помнится, говорилъ объ Алексіѣ Литовскомъ, и оба отзывались неласково: «воды-де въ ротъ набралъ, удивительно!» Я пересидѣлъ влады-

ку-митрополита. Но вотъ уже перезабылъ подробности. Чуть ли это не былъ мой прощальный визитъ К-ну П-чу, чуть ли онъ не отбывалъ къ преподобному Сергію на лѣтнее дачное жительство. Я съ глубокимъ чувствомъ сказалъ ему: «позвольте теперь, ваше высокопревосходительство выразить вамъ мою глубочайшую благодарность за всѣ ваши благодѣянія и милости». На что онъ мнѣ благодушно возразилъ: «ахъ, помилуйте, какія тутъ милости»... На томъ мы съ нимъ и разстались. Яснѣе помню разныя подробности изъ бракосочетанія Великаго Князя Павла Александровича.

Скажу слово о свадебномъ въѣздѣ. Этотъ въѣздъ, по отзывамъ всѣхъ, это было что-то волшебное, невиданное, неслыханное. Говорятъ, что прежніе въѣзды никакъ не могутъ сравняться съ этимъ по небывалому великолѣпію и полнѣйшей удачѣ. Начать съ того, что день былъ прелестнѣйшій. Народу несчетное множество. Сама Императрица, сидѣвшая вмѣстѣ съ невѣстой, блистала свѣжестью и красотою, такъ что въ публикѣ, въ разныхъ мѣстахъ спрашивали: «Да, которая же невѣста?» Невѣста—красивый типъ, нѣжный, бѣлоснѣжный цвѣтъ лица. За свадебнымъ столомъ я крѣпко, насколько позволяло приличіе, приглядывался къ Императрицѣ, съ которою сидѣлъ почти визави. Натуральная, совсѣмъ почти юная красота. Я на въѣздъ смотрѣть не поѣхалъ, хотя и могъ бы смотрѣть изъ синодскихъ залъ, не захотѣлъ, а потомъ пожалѣлъ; но потомъ о впечатлѣніяхъ въѣзда слышалъ отъ многихъ очевидцевъ.

Впечатлѣніе самаго бракосочетанія въ соборѣ Зимняго дворца было назидательное и трогательное. Особенности заключались въ томъ, что кто-то въ алтарѣ далъ сигналъ: «Идутъ!» Мы вытянулись изъ алтаря всѣ и устроились у входа въ соборъ, со старцемъ Исидоромъ во главѣ. Оказалось, дѣйствительно, что «идутъ». Но шли только государственные чины, министры, дипломатическій корпусъ, придворные и всякіе. В. К. по этому случаю выразился: «Очень жаль, іерархи вышли къ намъ навстрѣчу». Даромъ стоять, въ ожиданіи дѣйствительнаго выхода, намъ пришлось долго, болѣе получаса, дольше даже назначеннаго срока, такъ какъ невѣсту не успѣли къ сроку нарядить. Наконецъ раздался глухой стукъ гофмаршальскимъ жезломъ и начало вдвигаться въ церковь царственное шествіе. Старецъ-митрополитъ каждое августѣйшее лицо осѣнялъ крестомъ и кропилъ св. водою, послѣ чего слѣдовало взаимное цѣлованіе рукъ. Эта торжественная процедура продолжалась весьма не коротко, такъ какъ царственныхъ особъ было очень много. Жениха я не разглядѣлъ, который изъ нихъ женихъ; а невѣста показалась мнѣ подавленною излишествомъ украшеній. На ней былъ тяжелый, хотя и блестящій, головной уборъ, чуть ли не Им-

ператрицы Анны Іоанновны. Платье было необычно широкое; шлейфъ безконечный, держали его человѣкъ шесть или семь. Подъ массой украшеній юный человѣкъ со своими формами совершенно исчезалъ; выдѣлялось только на фонѣ блистательнаго костюма блѣдное личико. Въ заднихъ ступеняхъ царствующаго дома стали двигаться какіе-то старики. Тутъ я и не разобралъ, даже за обѣдомъ не разобралъ, что это В. Кн. К. Ник-чъ и т. д. Кинулась въ глаза въ концѣ царственной вереницы почти старуха, залитая брилліантами, повидимому, в. к. Е-на М-на. Н. Н. хорошо я не разглядѣлъ, даже не знаю, былъ ли онъ; но разглядѣлъ хорошо чуть ли не въ запрошломъ году, въ день Крещенья, во время Іорданскаго хода. Изъ дворца онъ, какъ немощный, уже не выходилъ, а стоялъ въ одной изъ залъ, по пути шествія. Лицо совсѣмъ пергаменное, жолтое, сморщенное. Легла на немъ печать старости и болѣзненности. Говорятъ, страдаетъ ногами. Много жито, и отжилось. Это уже отжившее поколѣніе, а между тѣмъ наше поколѣніе. Мы отжили... Не скажу, что весело; скорѣе грустно...

Обрядъ бракосочетанія совершился образцово, достоподражаемо. Протопресвитеръ Янышевъ священнодѣйствовалъ прекрасно, трогательно и авторитетно. Когда водили вокругъ аналоя, то за невѣстою ходило много людей, такъ что всѣ они не могли помѣщаться на широкомъ амвонѣ, а должны были соскакивать съ него, то снова вскакивать. Пѣвчіе пѣли все просто и умилительно, за исключеніемъ какого-то крайне сложнаго «Тебе Бога хвалимъ», котораго я никогда не пѣлъ и даже не слыхалъ. Послѣ бракосочетанія мы разъѣхались по домамъ до придворнаго обѣда. Къ сбору на обѣдъ я, по привычкѣ и осторожности, пріѣхалъ минута въ минуту въ назначенный срокъ; но оказалось, что явился одинъ изъ первыхъ, такъ что и не зналъ, въ какую залу идти. Впрочемъ, публика не заставила себя ждать, и залъ скоро наполнился совершенно. Въ сборной залѣ нашихъ никого не вижу. Оказалось, что они сгруппировались около старца Исидора, на противоположномъ концѣ залы, у самого входа, а я пробрался поглубже. Ко мнѣ подходили министръ народнаго просвѣщенія во Владимирской лентѣ, Т. И. Ф-въ въ лентѣ Спасителя, И. А. Чистовичъ съ Бѣлымъ Орломъ, и нѣкоторыя дамы: супруга Н. П. С-ва, М. Л-на, м-мъ Б-ъ. Первая даже сѣла подлѣ меня и вступила въ довольно лукавый разговоръ. А мнѣ просто совѣстно было отвѣчать ей и пялить на нее глаза. Грудь ея была, какъ и у всѣхъ барынь, вся совершенно открыта. Марія Львовна, та хоть субтильна и изящна, та хоть не садилась около меня, и за то спасибо. Это полуобнаженіе неудобно и для моего стариковскаго вкуса совсѣмъ же некрасиво, непривлекательно и даже стѣснительно. Придворные вкусы, привычки и правила съ цѣлью

и расчетомъ, чтобъ у всякой придворной дамы удобно было разсмотрѣть хотя одну грудь, красива ли, заманчива ли,—старинный придворный развратъ. Я хоть и не врагъ, хоть и цѣнитель красоты, но пренеловко, стыдно собесѣдницѣ въ глаза глядѣть, собесѣдницѣ, когда у нея и у зрителя передъ глазами вздымаются цѣлыя горы... Наконецъ, двинулись въ Николаевскую залу. Я изъ нашихъ одинъ. Смѣло спрашиваю одного изъ придворныхъ, куда прикажутъ идти.—«А, ваше имя?» Такой-то, Херсонскій.—«Пожалуйте»! Ввели внутрь покоя столовъ и указали № прибора. Скоро вошелъ старецъ Исидоръ; за нимъ пришлось сидѣть мнѣ, далѣе преосв. М-лъ (преосв. Германъ на богослуженіи былъ, но отъ обѣденнаго стола отказался) и наконецъ Іоаннъ Леонтьевичъ-духовникъ. По срединѣ стола сидѣлъ министръ двора. Вся Николаевская зала наполнена была столами и звѣздоносными людьми, какъ и дамами. Раздался тупой стукъ жезловъ. Старецъ Исидоръ говоритъ: «Идутъ!» Вошли, стали противъ насъ. Владыка Исидоръ прочиталъ молитву. Сѣли, гляжу. Министръ двора сидитъ противъ жениха и невѣсты, старецъ Исидоръ противъ Императрицы, я противъ Греческаго короля. Дальше въ нашу сторону не помню. Въ другую сторону, около невѣсты Государь, Греческая королева, нашъ Наслѣдникъ. А старые великіе князья сидѣли гдѣ-то по бокамъ, такъ что отъ насъ не было и видно. Императоръ и Императрица разговаривали только въ полголоса, почти шептались, съ ближайшими. Надъ всѣмъ собраніемъ стоялъ гулъ отъ бряцанія посуды и стонъ пѣнія актеровъ. Говорю стонъ, потому что въ нѣкоторыхъ партіяхъ звучали такія высокія ноты для сопрано, что было невыносимо слушать. Слышишь, что несчастная грудь пѣвицы дрожитъ, надрываясь отъ нечеловѣческихъ усилій. Мнѣ глубоко понравилась только первая пьеса—«свадебное шествіе», какая-то мирная, идилическая и торжественная, почти церковная музыка. Тревожно дѣйствовали на мои больные нервы чирканье ракетъ, означавшихъ провозглашеніе тостовъ и отвѣтный имъ громъ пушекъ. Нѣкоторые удары, вѣроятно изъ жерлъ, направленныхъ съ крѣпости къ нашимъ открытымъ окнамъ, были рѣшительно невыносимы, такъ что я вздрагивалъ, надъ чѣмъ, повидимому, тихонько нѣкоторые потѣшались... Но привычка чего не дѣлаетъ! Къ концу я выучился преодолѣвать свою нервную дрожь, или же подъ конецъ били изъ пушекъ, которыя обращены были къ крѣпости. Подъ конецъ обѣда Государь обратился въ нашу сторону къ одному только старцу: «Какъ ваше здоровье?» Старецъ не слышитъ и глядитъ въ мою сторону. Я громкимъ полуговоромъ повторяю: «Какъ ваше здоровье, Государь спрашиваетъ».—«А, покорнѣйше благодарю Ваше Величество», говоритъ митрополитъ въ сторону Государя. Государь: «прекрасно чи-

тали, громко, внятно!» Я повторяю на ухо старцу. Митрополитъ пріятно улыбнулся и поклонился. Поднялись, и тутъ поднялась совсѣмъ безцеремонная толкотня. Мы окружили старца, чтобъ его не затолкали, и такъ выбрались къ выходу среди придворной безцеремонной толпы. Но во всякомъ случаѣ я не похаялъ себя за то, что не отказался отъ этого царственнаго пиршества. Хоть разъ въ жизни, да посмотрѣлъ на него. Теперь имѣю понятіе, чт̀о это такое.

Это и былъ, помнится, канунъ моего отбытія изъ Петербурга, Пятница на Троицкой недѣлѣ. Должно быть, назавтра ѣздилъ я въ лавру съ послѣднимъ поклономъ къ моему ангелу Александру Невскому и къ старцу митрополиту. Старецъ опять повелъ рѣчь о Литовскомъ и опять въ неблагосклонномъ тонѣ на тему, что-де «воды въ ротъ набралъ; прибылъ-де по назначенію въ Вильну, всѣ ждали услышать хоть слово, ни слова. Совсѣмъ странно, а кажись и умный человѣкъ».

Еще одинъ или два штриха о старцѣ Исидорѣ. Подъ осень пріѣзжалъ сюда В. И. Ш.—«Ну, что старецъ митр́ополитъ?»—«Да что! Здоровъ, живъ, веселъ, хохочетъ. На дняхъ входитъ къ нему В. К. Старецъ хохочетъ.—Хотите я разскажу вамъ—начинаетъ старецъ—смѣшной анекдотъ, разсказанный мнѣ докторомъ такимъ-то (помнится З-мъ) Входитъ докторъ къ такому-то плутократу. Тотъ отдѣлалъ свой кабинетъ заново, со всѣми новѣйшими усовершенствованіями и техническими изобрѣтеніями. Водитъ доктора по кабинету, объясняетъ, открываетъ шкафы. Все на пружинахъ; вездѣ хитрые механизмы. Подходятъ еще къ одному новому изобрѣтенію. «А, это, говоритъ хозяинъ, самоновѣйшее изобрѣтеніе, то, чт̀о особенно нужно; ст̀оитъ подавить вотъ эту пуговку, и все выдвигается и раскрывается къ вашимъ услугамъ». Давитъ пуговку, и все выдвинулось и раскрылось, и на изобрѣтеніи возсѣдаетъ выдвигающаяся.... супруга хозяина!.. Ха, ха, ха», хохочетъ старецъ. А, вѣдь ему 90 лѣтъ оканчивалось и не умеръ ни для какого жизненнаго интереса, ни для юмора, ни для радостнаго смѣха, надъ тѣмъ, чт̀о поистинѣ смѣшно. А вотъ и трогательное. Трогательна его мысль ознаменовать годовщину его исполнившагося 90-лѣтія въ день Покрова сего, т. е. 1889 г., самымъ простымъ, но умилительнымъ подвигомъ. Старецъ поѣхалъ къ этому дню въ какую-то лѣсную глушь Новгородской губерніи святить сельскую церковь. Говорятъ, этотъ глубоко-осенній, Октябрскій день выдался необыкновенно-ясный, который, какъ будто, хотѣлъ отвѣтить тихимъ осеннимъ блескомъ вечерѣющее склоненіе къ закату тихаго свѣтила, свѣтлой личности ветхаго деньми, но необычайно бодраго духомъ и тѣломъ старца-митрополита Исидора. Въ глубокую осень, въ глубокой лѣсной

глуши, въ глубокой старости, въ самую годовщину исполнившагося своего 90-лѣтія старецъ-первосвятитель совершаетъ предлинное и утомительное священнодѣйствіе освященія простѣйшаго изъ сельскихъ храмовъ, литургію, обрядъ благословенія тысячъ Новгородскихъ селянъ, не легкій, но глубоко - трогательный трудъ простого, отеческаго, или точнѣе патріаршаго собесѣдованія съ этими дѣтьми природы. Конечно, если сопоставить это старческое посѣщеніе лѣсной Новгородской глуши первосвятителя Исидора съ постоянными торжественными разъѣздами другаго ветхаго-же и сановнаго старца, митрополита Платона, по разнымъ центрамъ Руси, то первое куда какъ привлекательнѣе освѣщается въ сопоставленіи со вторымъ.

«Корректура!»—«Давай!» Печатаю вторымъ изданіемъ 2-ой томъ моихъ проповѣдей. Теперь пока никому не разсылаю, пока все не напечатаю. 1-ый томъ вышелъ 3-мъ изданіемъ. Я не столько продаю, сколько раздаю. Оттого такое неравенство въ расходѣ I, II, III и IV томовъ. I-й выходитъ 3-мъ изданіемъ, II-й разошелся весь и выходитъ 2-мъ изданіемъ; а III и IV томовъ имѣется еще по нѣскольку сотъ экземпляровъ 1-го изданія.

6 Іюня, въ Субботу, на Троицкой недѣлѣ отбылъ я изъ Петербурга. Двинулись мы въ Вильну, мы, т. е. я, В. К. и о. протоіерей Петербургскаго Казанскаго собора, Ал. Л—въ, на празднованіе 50-лѣтія со дня присоединенія уніатовъ. Ѣхали въ одномъ вагонѣ. Переѣздъ прошелъ въ пріятномъ собесѣдованіи, безъ приключеній. 7-го Іюня, около полудня пододвинулись мы къ Вильнѣ. Выходимъ изъ вагона и встрѣчаемъ пышную встрѣчу: архіепископъ Литовскій Алексій, попечитель Н. А. С—ій, духовенство, масса народа. Ставъ лицомъ къ лицу съ землекасательно кланяющимся владыкою Алексіемъ, я наивно спрашиваю его: «Это зачѣмъ вы тутъ собрались? Кого ищете? Кого ждете?»—«Высокопреосвященнаго архіепископа Херсонскаго Никанора», отвѣтствуетъ многомудрый Литовскій владыка. Нечего дѣлать, пришлось принимать пышную встрѣчу на свой счетъ, по крайней мѣрѣ, повидимому главнымъ образомъ. Сущность оной могла быть разсчитана и на дѣйствительную силу: В. К. Въ карету мы сѣли съ владыкою Алексіемъ. «Куда васъ прикажете везти на жительство: въ Трииополь, или же въ Троицкій монастырь?»—«Да, владыка митрополитъ Платонъ здѣсь, или еще не прибылъ?»—«Прибылъ вчера и пребываетъ въ Трииополѣ»—«Ну, я желаю лучше остаться въ городѣ, въ Троицкомъ монастырѣ».—«Да, помѣщеніе готово и въ Трииополѣ».—«Нѣтъ, въ городѣ удобнѣе. Тутъ будетъ происходить торжество, будутъ всѣ службы; изъ Трииополя ѣздить будетъ хлопотливо. Вамъ довольно **хлопотъ** съ однимъ старцемъ». Повидимому владыкѣ Алексію хотѣлось

собрать всѣхъ насъ въ Триполѣ; но я остался при своемъ, что въ городѣ мнѣ удобнѣе, въ чемъ я и не ошибался. Къ общему столу 7-го Іюня мы отбыли, однакоже, въ Триполь. Людей тамъ оказалось довольно. Кромѣ старца-митрополита тутъ были уже преосв. А-ій Рижскій и нѣсколько свѣтскихъ: профессоры Академіи С.-Петербургской М. О. Кояловичъ и Кіевской М-ій и другіе. Да насъ подъѣхало трое: я, В. К. и о. Л-въ. Однимъ словомъ, за столъ сѣло 18 человѣкъ. Но первымъ дѣломъ пришлось разыскивать старца, который забрелъ куда-то далеко въ Трипольскій лѣсъ, вспоминая все, что̀ онъ видѣлъ здѣсь въ сравнительной молодости, 50 лѣтъ тому назадъ. Такъ мы, его ища въ разныхъ направленіяхъ, и не отыскали. Самъ отыскался и пришелъ. Я поклонился ему землекасательно, не такъ какъ владыка Алексій, который поклонился ему въ ноги. При первой встрѣчѣ ликъ старца показался блѣденъ и тусклъ. Но онъ имѣетъ обычай развеселяться среди шума, среди хорошаго обѣда, почему онъ такъ и любилъ торжественные обѣды. Вообще къ концу торжества, чрезъ два-три дня, старецъ развеселѣлъ, пріободрился, поздоровѣлъ, много говорилъ рѣчей и хорошо говорилъ, предаваясь трогательнымъ воспоминаніямъ о своей старой Виленской жизни и дѣятельности, и ему много говорили рѣчей, кадили ѳиміамомъ всеусердно, и старецъ помолодѣлъ чуть не на десять лѣтъ. Но объ этомъ дальше.

Труда намъ предстояло много. Въ этотъ самый день предлежало служить въ Троицкомъ монастырѣ заупокойную всенощную надъ гробами приснопамятнаго митрополита Іосифа и архіепископа Александра, съ поминовеніемъ всѣхъ подвизавшихся въ дѣлѣ возсоединенія Уніи. А заупокойная всенощная, — я служилъ ее первый разъ въ жизни,— богослуженіе умилительное, равнялась четыремъ часамъ моленія. Служили три архіерея со многими духовными чинами. Мнѣ сдѣлали, т. е. мѣстный архіепископъ сдѣлалъ, честь предоставленіемъ предстоятельства. Въ той же церкви мы и на завтра втроемъ же, т. е. я, Виленскій архіепископъ и Рижскій гость, совершали заупокойную литургію и панихиду. При семъ мнѣ кинулось въ глаза слѣдующее. Когда я въ началѣ литургіи вышелъ изъ алтаря кадить церковь, то протодіаконъ толкуетъ мнѣ: «теперь генералитету». Я не сразу понялъ, чего отъ меня хотятъ. Это нововведеніе многомудраго Литовскаго архипастыря, которое дѣлаетъ его столь пріятнымъ и желательнымъ «генералитету». По окажденіи иконъ у него принято кадить не клиросамъ, даже не близъ стоящему направо и налѣво народу, а почти по прямой линіи, на средину церкви (тамъ у нихъ становится генералитетъ), въ глуби церкви стоящему генералитету, потомъ на клиросы, а далѣе по уставу. Понявъ протодіакона, наконецъ, я говорю: «у насъ и нигдѣ такъ не

принято». Тѣмъ не менѣе, да не соблазнимъ ихъ, сталъ курить ѳиміамъ предъ генералитетомъ, а далѣе кадилъ по уставу. Еще нововведеніе многомудраго Литовскаго: онъ почти каждому изъ предстоящихъ замѣтному лицу подноситъ просфоры. Смотрю, самъ онъ во время Херувимской вынимаетъ по частицѣ изъ множества просфоръ. Если сказать, что ихъ было до 50, то это не будетъ преувеличеніемъ. Я и дерзнулъ спросить: «кого это вы поминаете?»—«А, помяни Господи, раба Твоего, вообще, кому достанется». Я подивился. Что же? Не богопротивно. Обязаны же мы молиться за всѣхъ и каждаго. Почему же не молиться и такъ: «помяни, Господи, раба Твоего X, егоже Ты, Господи, вѣси... Помяни, Господи, раба Твоего У, его же Ты, Господи, вѣси, кому достанется... Помяни, Господи, раба Твоего Z, его же Ты, Господи вѣси, кому сія просфора будетъ поднесена, въ благоугожденіе его милости». На обѣдъ мы ѣздили опять же въ Тринополь. Самымъ же главнымъ трудомъ нашимъ была всенощная подъ 9-е Іюня. Выходили мы изъ «митрополичьихъ» (по памяти митрополита Іосифа, покоевъ, хорошихъ, богато украшенныхъ картинами) покоевъ, со славою, мы, три архіерея: — я, самъ Литовскій и преосв. Арсеній. Владыка митрополитъ оставался въ Тринополѣ. Да, забылъ я сказать, что 8 числа, наканунѣ торжества, было дневное торжественное собраніе въ залѣ Виленской гимназіи.

Нужно замѣтить, что эта нынѣ гимназія, прежде Виленскій Университетъ, представляетъ замѣчательнѣйшее зданіе. Стѣны невиданно-массивныя. Церковь по архитектурѣ прекрасная, да и по православнымъ новѣйшимъ украшеніямъ совершенно благолѣпная. Особенно замѣчательны лѣстницы. Ихъ нѣтъ совсѣмъ. Съ нижняго этажа до верхняго вы поднимаетесь по покатой, устланной коврами, площади. Очень легко и удобно. Отлично придумано отцами-іезуитами. Зала—верхъ изящества и вообще совершенства, на этотъ разъ прекрасно убрана была зеленью, цвѣтами, гирляндами зелени и историческими портретами. Зала съ высокими сводами, хорами, большими на верху окнами, вообще презамѣчательная. Тутъ мнѣ чуть ли не первому пришлось прочитать свою проповѣдь-рѣчь о томъ, что папство лишено духа Христова. Прочитана не безъ эффекта. Чтеній было множество. Нѣкоторые предлинныя до утомительности. Кто и что̀ читали кромѣ меня еще на этомъ первомъ засѣданіи, не помню; на второмъ на завтра, то помню. На этотъ разъ чувствовалъ сильную усталость отъ долгой службы и собственнаго чтенія. Но вообще засѣданіе вышло преторжественное.

Всенощная подъ 9 Іюня также вышла преторжественная и преутомительная. На литію мы выходили изъ собора на площадь, на осо-

бую эстраду, весьма благолѣпно украшенную. Выстроенъ былъ особый павильонъ, украшенный флагами и зеленью. По всей площади разставлено было много столбовъ съ развѣвающимися флагами и зеленью. Вообще видъ эффектный. Народу было великое множество. На поліелей выходилъ и я съ двумя другими архіереями; но послѣ евангелія ушелъ въ алтарь. А преосв. Алексій и А-ій остались на срединѣ помазывать св. елеемъ народъ и раздавать книжки и крестики. Вышелъ шумный базаръ. Тѣмъ не менѣе праздникъ выходилъ на славу, совсѣмъ необычный. Между тѣмъ соединенные хоры, архіерейскій, генералъ-губернаторскій, семинарскій и еще какіе-то другіе, тянули всенощную безконечно. До 10 часовъ я простоялъ-просидѣлъ въ алтарѣ, затѣмъ ушелъ, такъ какъ сильно мучила отъ неправильнаго образа жизни, по выѣздѣ изъ Петербурга, моя, теперь крѣпко развившаяся, болѣзнь: недомоганіе желудка.

Дождались, наконецъ, и дня великаго торжества. Программою празднества предположено было, что владыка Алексій, одинъ со всѣмъ духовенствомъ, совершитъ крестный ходъ по всей Вильнѣ. По прибытіи хода, митрополитъ и мы войдемъ въ соборъ со славою. Литургію совершатъ митрополитъ и три архіерея. Проповѣдь скажетъ владыка-митрополитъ. Молебствіе совершатъ всѣ архіереи на площади. Изъ церкви прослѣдуютъ всѣ архіереи въ митрополичьи покои со славою. У хозяина будетъ учрежденіе веліе, съ провозглашеніемъ тостовъ чрезъ протодіакона. Вечеромъ торжественное собраніе опять въ гимназической залѣ. Вся программа выдержана блистательно. Митрополитъ поутру прибылъ въ городской митрополичій домъ. Мы, архіереи, я и преосв. Арсеній, прибыли туда же своевременно. По городу раздавался колокольный звонъ, сопутствуя совершающемуся крестному ходу. О крестномъ ходѣ, который лично сопровождалъ В. К., онъ отзывался восторженно: «какъ это онъ прекрасно шелъ». У каждаго костела останавливался. Остановится, обратится къ костелу и трижды перекрестится, съ низкими поклонами... «О, какъ это хорошо выходило». Своевременно владыка-митрополитъ и мы двинулись торжественно со славою въ соборъ, облачились, митрополитъ—на амвонѣ, мы—въ алтарѣ, и вышли навстрѣчу крестному ходу. Затѣмъ началась литургія.

Тутъ произошелъ нѣкоторый инцидентъ. Когда мы, четыре архіерея, стали всѣ на амвонѣ, стали по-петербургскому чину: митрополитъ, я слѣва отъ него, Алексій—справа, а Арсеній—слѣва отъ меня, вдругъ старецъ встревожился. «Преосвященный, преосвященный», обращается ко мнѣ, «станьте сюда, направо». Алексію указываетъ стать налѣво. Алексій движется спереди его, я сзади, старецъ меня не видитъ и опять шумитъ: «что же вы, преосвященный?»—«Иду, иду», отвѣ-

чаю я. Стали, какъ желательно было старцу. Только я и недоумѣваю, какъ же мнѣ быть теперь, второй ли я теперь или уже третій. Но какъ-то, при посредствѣ деликатности владыки Алексія, устроилось такъ, что я дѣйствовалъ, какъ второй. И возгласъ говорилъ: «да и тіи съ нами славятъ». Такъ учиняетъ Кіевскій митрополитъ. И губою крестилъ антиминсъ я же, и на большомъ выходѣ потиръ принималъ я же, помичая «и господина высокопреосвященнѣйшаго Платона и господина высокопреосвященнѣйшаго Алексія»... Ну и все сошло благополучно.

Проповѣдь въ свою пору сказывалъ старецъ-митрополитъ, говорилъ даже громко, хотя не было слышно ни слова. Въ соборѣ стоялъ гулъ, какъ на базарѣ. Тѣмъ не менѣе изъ «генералитета» кое-кто кое-что слышалъ. Правда, проповѣдь раздана была прежде произношенія и въ печатныхъ брошюрахъ. Генералитетъ могъ и прочитать. И въ послѣдствіи сильно хвалили: «сколько-де любви!»... И я, не слыша ни слова, тутъ же въ алтарѣ прочиталъ ее и нахожу ее, не болѣе, ни менѣе, какъ? Увы! Еретическою?.. Да... Она написана на тему, любимую старцемъ, къ которой онъ такъ часто возвращается, о которой высказался торжественно въ Коростышевскомъ костелѣ, что-де «православная и Римская церковь—двѣ родныя сестры, разошедшіяся по недоразумѣніямъ»; о которой высказался въ обращеніи къ раскольникамъ въ посланіи по случаю 900-лѣтія крещенія Руси, что-де «и расколъ произошелъ также изъ недоразумѣнія», что-де прежде крестились всяко: и одноперстно, и двуперстно, и треперстно, какъ и до сихъ поръ можно видѣть въ Кіево-Софійскомъ соборѣ; о которой высказался въ посланіи къ Кентерберійскому архіепископу, по случаю того же торжества 900-лѣтія, гдѣ Кіевскій митрополитъ величаетъ Аглицкаго митрополита, признавая сомнительную несомнѣнность его архіерейства «возлюбленнымъ о Господѣ братомъ». Такъ и Виленская, по случаю праздника 50-лѣтія по присоединеніи Уніи, конечно, историческая проповѣдь написана на туже любимую старцемъ тему, что-де «воздвигаемыя между собою разными церквами перегородки не доходятъ до неба», что «всѣ вѣры хороши, наша лучше, но и другія не дурны, и Богу непротивны, и спасеніе доставить человѣку могутъ; но вы-де, католики и лютеране, сдѣлаете лучше, если примете нашу совсѣмъ хорошую вѣру»; на что католики и лютеране, какъ и скопцы, и пашковцы, и штундисты, и раскольники-безпоповцы могутъ сказать обратно и намъ, какъ и говорятъ: «а вы примите нашу вѣру, потому что она лучше вашей». И замѣчательна у старца тенденція провести свою вредную еретическую мысль именно въ историческіе моменты, въ празднованіе 900-лѣтія по крещеніи Руси, въ праздникъ 50-лѣтія по присоединеніи

Уніи. Вѣдь, нарочито старецъ, вопреки нежеланію всѣхъ, и ѣхалъ въ Вильну, нарочно же и сочинялъ свою историческую проповѣдь, чтобы провести свою излюбленную, антицерковную идею. Значитъ, у него это глубокое сердечное убѣжденіе. Значитъ, хочетъ, чтобъ его услышали, чтобъ ему повѣрили, чтобъ его прославили за толеранцію въ такомъ вопросѣ величайшей важности и щекотливости. По моему суду, увы, это недостойно, вредно для церкви и преопасно, соблазнительно для соблазна «малыхъ сихъ», да и мнящихся великими умниковъ. Увы! Старецъ бравируетъ. Потому-то Виленскій «генералитетъ» и трубилъ: «Какъ прекрасно»! «Сколько любви!?» Замѣчательно, что посланіе старца къ архіепископу Кентерберійскому осуждали въ Синодѣ всѣ: «я-де готовъ содѣйствовать возстановленію общенія между церквами Россійской и Аглицкой!» И во-первыхъ, К. П.; но онъ же, К. П. былъ посредникомъ въ пересылкѣ сего посланія. А я говорилъ: «вотъ, Филаретъ Московскій, тотъ былъ истинный святитель-мудрецъ; тотъ, извѣстно, раскопалъ архіерейское преемство Англійскихъ примасовъ и доказалъ, что одинъ примасъ-Гарлоу не получилъ законнаго рукоположенія, почему и усумнился въ непрерывности апостольскаго преемства хиротоніи у Аглицкой іерархіи. А сей, долго не думая, ничего основательно не изучивъ, готовъ уже содѣйствовать возстановленію общенія между церквами православною и Аглицкою. Да насъ-то чтоже не спрашиваютъ? Да о старообрядцахъ что же не думаютъ?». Да о Грекахъ-то что же не вспомнятъ? Куда мы идемъ еще съ этими православными похоронами лютеранъ и всякихъ еретиковъ и подобными заявленіями старѣйшихъ іерарховъ? Насчетъ Виленской проповѣди я тамъ же высказался В. К., что она не православна. Тѣмъ не менѣе смотрю, она появилась въ нашемъ оффиціальномъ синодскомъ журналѣ, въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ». Въ оправданіе этого В. К. пишетъ мнѣ: «Никакъ не могли уклониться. Настойчиво потребовано, чтобъ эта проповѣдь была у насъ напечатана. Никакъ не могли отклониться». Но довольно на эту тему.

Въ Синодальной канцеляріи хранится мое письменное мнѣніе о служеніи православныхъ похоронъ и панихидъ надъ иновѣрцами. За нихъ стояли К. П. и старецъ митрополитъ Исидоръ, митрополитъ Іоанникій на половину—за, на половину—противъ, что̀ выразилъ, повидимому, и письменно. Старецъ митрополитъ Платонъ былъ въ старые годы крѣпко противъ нихъ; но теперь самъ отпѣвалъ въ Кіевѣ Т-ва, повидимому, лютеранина, за что владыка архіепископъ Леонтій и другіе громко осуждали его въ Петербургѣ. Вотъ оно положеніе вещей. Мое особое мнѣніе, сильно мотивированное, очевидно, не докладывается. Противъ идеи старца Платона, что всѣ вѣры спасительны, я напи-

салъ также цѣлую большую бесѣду на тему: «въ какой мѣрѣ, по заповѣди Христа Спасителя и св. апостоловъ Его можно и должно любить еретиковъ, раскольниковъ и всякихъ иновѣровъ?» Но не отваживаюсь пока напечатать, затрудняясь замаскировать мое писаніе такъ, чтобы старецъ не догадался, что моя бесѣда направлена противъ него. Думаю, какъ бы замаскировать, но печатать пока не отваживаюсь.

Послѣ литургіи 9-го Іюня мы всѣ выходили изъ собора на уготованную эстраду, гдѣ читали воззваніе Святѣйшаго Синода, проэктированное М. О. Кояловичемъ, но почти въ каждой фразѣ редактированное В. К. По прочтеніи воззванія, служили молебствіе. По молебствіи всѣ архіереи шли изъ собора торжественно со славою. Народъ рвался принимать благословеніе у старца-митрополита. И мы шли бы два часа, а то и больше, если бы къ нему всѣхъ подпустили. А то полиція всѣхъ просила: «пожалуйста, не утруждайте старца; онъ усталъ, онъ изнемогъ». И все же мы шли съ полчаса времени.

Обѣдъ начался попозже. Это было опять же нѣчто торжественное. Говорятъ, обѣдало до 150 человѣкъ. Провіантъ и вина были выписаны изъ Москвы. Обѣдало все духовное и свѣтское, всѣ депутаты и т. п. Говорятъ, владыка Алексій подалъ всѣмъ участникамъ торжества по иконѣ, отъ митрополита до келейника. Даже моему келейнику далъ икону, обложенную серебромъ, рублей въ пять, не менѣе. Вообще, издержки его были совсѣмъ необычайны. Ихъ нужно считать не сотнями, а тысячами. Развернулся вообще на славу. Говорятъ, что онъ скуповатъ, но тутъ не пожалѣлъ себя, своего дома и своего кармана. В. К. отзывался о немъ, объ его усердіи и умѣньи, какъ и о самомъ торжествѣ, съ восторгомъ. Я думалъ, что его снова непремѣнно позовутъ въ Петербургъ; думалъ, что къ празднику Александра Невскаго дадутъ Владимира. Ничего не бывало. Чуть-ли еще не въ Вильнѣ В. К. процѣживалъ: «Я говорю, не желаетъ ли онъ снова въ Петербургъ; а онъ многохитростный и отвѣтствуетъ: «въ гостяхъ, ваше превосходительство, хорошо, а дома еще лучше». Думаю, что К. П. сохраняетъ къ нему свое предубѣжденіе и казнитъ его за молчаливость.

За обѣдомъ тосты чрезъ протодіакона мнѣ не особенно нравились, хотя они и обдуманы были при помощи В. К. Какъ-то странно звучали по церковному: за царя, за духовныхъ это привычно, но за свѣтскихъ необычно для слуха. Восхищенный хозяиномъ, старецъ-митрополитъ сказалъ ему застольную рѣчь, которая поставила насъ, двухъ архіереевъ, въ неловкое положеніе. До такой степени онъ превозносилъ преосвященнаго Алексія, до такой степени ясно и открыто предрекалъ ему митрополію. «Вся Россія знаетъ-де васъ и цѣнитъ весьма высоко и уважаетъ весьма глубоко. Уважаетъ вашу мудрость, ваше умѣнье

жить, ваше искусство улаживать всякія затрудненія, вашу терпѣливость, выносливость, вашу»... и т. д. «Но, конечно, это только начало вашего служебнаго восшествія. Васъ ждетъ другое высшее назначеніе.... Желаю вамъ рости больше и больше, подниматься выше и выше на радость всѣмъ» и т. д. Конечно если бы старецъ былъ патріархомъ, то его слова имѣли бы и рѣшающее значеніе. А теперь приходится придать значеніе только предсказательное, провидя въ старцѣ пророка, во что я отчасти и вѣрую. Помоги, Боже, всѣмъ! Но чувствовалось какъ-то неловко намъ-двумъ архіереямъ. Выходило такъ, что мы-то далеко поплоше, и ничто такое намъ предсказывать нельзя. О себѣ я сознаюсь, что чувствовалъ себя неловко. А о преосвященномъ Арсеніи, какъ онъ чувствовалъ себя, скажу, когда дойду до завтрашняго дня.

Вечеромъ опять было торжественное засѣданіе въ гимназической залѣ. Началось, помнится, въ 7 часовъ. Засѣданіе безконечное. Тутъ ясно помню нѣкоторыя рѣчи, чтенія и адресы. Говорилъ М. О. Кояловичъ, украшенный Анненской лентой, счастливо избѣжавшій Польскаго Станислава; говорилъ порывисто, но не скажу складно. Говорилъ профессоръ М—кій мудрено и туманно. Лучше другихъ читалъ попечитель С—кій, тихо, ясно, послѣдовательно, многосодержательно, вообще замѣчательно хорошо. Отецъ Наумовичъ такъ себѣ. Говорили Славянскіе братья, излагая свои горести, свои стремленія къ России и Русской церкви, говорили безконечно и преутомительно. Досидѣли мы и до 10 часовъ. А конца не видно. А желудокъ у меня нылъ невыносимо. Корчился я, корчился и осмѣлился наконецъ заявить высокопреосвященному хозяину, что я усталъ, дурно себя чувствую и пора бы положить конецъ сему безконечному говоренію. Не тутъ-то было. По программѣ слѣдовало говорить еще и тому, и тому, и тому-то. Я видя, что ничтоже успѣваю, но паче молва бываетъ, осмѣлился наконецъ подняться съ своего предсѣдательскаго мѣста и уйти. В. К. проводилъ меня недоумѣннымъ и грустно-укорнымъ взглядомъ. Тѣмъ не менѣе, разъ навѣсившись, я уже ушелъ. Послѣ меня они тамъ еще сколько то времени сидѣли и дали высказаться всѣмъ намѣченнымъ и не намѣченнымъ ораторамъ. Кстати сказать, Славянскіе братья назавтра же попросили В. К. дать имъ на проѣздъ и на прокормленіе.—«Чтò вы такъ озабочены?».—«Хлопоталъ съ Славянскими братьями».—«Чего же имъ надо?» —«Какъ чего? Денежекъ на проѣздъ и прочее».—«Откуда же вы возьмете?».—«Предусмотрѣно, и были таковыя въ запасцѣ; удѣлилъ, сколько можно». Вообще христіаннѣйшаго, незлобивѣйшаго, заботливѣйшаго, готовнѣйшаго на помощь всякому, человѣка, при этомъ безкорыстнѣйшаго, мирнѣйшаго человѣка, какъ В. К., я не видалъ и, вѣроятно, не

увижу. Неутомимѣйшаго, какъ онъ, не видалъ. Вѣдь, и въ Вильнѣ онъ хлопоталъ денно-нощно, какъ и въ Петербургѣ хлопочетъ.

Назавтра, 10 Іюня, я хотѣлъ отбыть въ дальнѣйшій свой путь до Одессы. Но оказалось невозможно, потому что генералъ-губернаторъ К—въ разослалъ пригласительные билеты пожаловать къ нему на 10 Іюня, къ обѣденному столу. Уѣхать отъ этого офиціальнаго приглашенія было бы грубостью. Я остался до слѣдующаго дня, до 11 Іюня. Своевременно мы съѣхались къ генералъ-губернатору, всѣ разомъ. Пригласили пожаловать въ церковь генералъ губернаторскаго дворца. Церковь замѣчательна иконостасомъ, который въ 1813—1814 годахъ былъ съ Александромъ I въ походахъ, былъ въ Парижѣ. Входимъ. Очевидно, было напередъ условлено, что митрополитъ вступитъ въ церковь со славою, въ мантіи, при уставной литіи. Священникъ оказался ультра-придворный. Старецъ-митрополитъ стоитъ, а священникъ поминаетъ: «еще молимся о святѣйшемъ правительствующемъ Синодѣ и членѣ онаго, господинѣ преосвященнѣйшемъ Платонѣ, митрополитѣ Кіевскомъ и Галицкомъ и священно-архимандритѣ святыя Кіево-Печерскія лавры, и господинѣ высокопреосвященнѣйшемъ Никанорѣ, архіепископѣ Херсонскомъ и Одесскомъ и о господинѣ нашемъ высокопреосвященнѣйшемъ Алексіѣ, архіепископѣ Литовскомъ и Виленскомъ, и о господинѣ преосвященнѣйшемъ Арсеніи, епископѣ...» Митрополитъ у престола, при открытыхъ царскихъ дверяхъ, а я съ преосв. Арсеніемъ стоимъ въ алтарѣ и чувствуемъ себя пренеловко, чувствуя излишество угодливости придворнѣйшаго священника. Старецъ-митрополитъ при имени Арсенія, наскучивъ скучнымъ выкликаніемъ лишнихъ именъ и титуловъ, дѣлаетъ рѣзкій жестъ, почти поворачиваясь назадъ и громко выкликая: «н-ну!» Этимъ не кончилось. Придворный священникъ не вразумился и не сократилъ своего усердія. Выкликаетъ многолѣтіе сперва царю и... Пѣвчіе протяжно поютъ многолѣтіе. Придворный священникъ опять начинаетъ выкликать протяжно и отчетливо: «Святѣйшему правительствующему Синоду и члену онаго, господину»... Митрополитъ стоитъ съ крестомъ и ждетъ. Священникъ продолжаетъ выкликать «и господину... Никанору», съ титуломъ,—митрополитъ терпитъ, «и господину нашему... Алексію,—митрополитъ стоитъ терпѣливо-нетерпѣливо, «и господину... Арсенію», съ титулами. Митрополитъ при имени Арсенія опять повторяетъ свой нетерпѣливый жестъ и тоже самое нетерпѣливое: «н-ну», замѣтное рѣшительно всѣмъ. Оказалось, что преосв. Арсеній слагаетъ всѣ глаголы сіи въ сердцѣ своемъ. Улучивъ удобную минуту, онъ излился предо мною въ горькихъ жалобахъ на старца: «не понимаю, чтò я сдѣлалъ ему?» — «А что, развѣ онъ къ вамъ не благосклоненъ?» — «Помилуйте, онъ за эти злосчастные для

меня два-три дня всадилъ мнѣ тысячи шпилекъ, нанесъ сотни огорченій и оскорбленій. По истинѣ не понимаю, чѣмъ я его огорчилъ. Не выноситъ моего присутствія, не терпитъ моего имени». — «Ну, я утѣшаю, на старцѣ не взыщите. Просто, старецъ капризничаетъ». — «Конечно, Богъ съ нимъ! Мнѣ что? Но непріятно. Думаешь, думаешь, чѣмъ я его огорчилъ, что онъ такъ относится ко мнѣ при всѣхъ». Съ вечера владыка Арсеній и отбылъ въ свою Ригу. Повидимому, кроткій добродушный человѣкъ, благодушный, простой человѣкъ. На меня произвелъ совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. О генералъ-губернаторскомъ обѣдѣ что̀ сказать? Хорошій обѣдъ былъ, но преутомительный отъ многоглаголанія. Говорилъ рѣчь предлинную и хорошо говорилъ митрополитъ. Говорились рѣчи и свѣтскими и духовными митрополиту. Свѣтскіе мудрецы говорили что-то такое предлинное. Возгорѣлся краснорѣчіемъ командующій войсками Г-кій, хорошій, религіозный и усердный къ церкви человѣкъ, усердный по своему, по военному. Досадно ему стало, что спикеры все восхваляютъ присоединеніе Уніи, что съ присоединеніемъ-де Уніи край этотъ закрѣпленъ за Россіею. «Позвольте и мнѣ, человѣку военному, провозгласилъ воинственный генералъ, сказать свое простое солдатское слово. Говоря то-то и то-то, вы изволите забывать христолюбивое Россійское воинство. Все то-то и тѣ-то закрѣпили этотъ край за Россіей, а по мнѣ это не совсѣмъ-де вѣрно. По моему, куда ступила нога Россійскаго воина, то и закрѣплено за Россіей; до чего коснулась рука Русскаго воина, то и достояніе Россіи» и т. д. Тутъ я попросилъ позволеніе вставить свое слово. «Такъ, да не совсѣмъ такъ. Вотъ, примѣрно царство Польское по сосѣдству. Рука нашего воинства до него достала, нога стоитъ въ немъ. А скажите, закрѣплено ли оно за Россіей? Вотъ, по сосѣдству Остзейскій край, а скажите, закрѣпленъ ли онъ за Россіею? Вотъ Финляндія неправославная, а скажите, закрѣплена-ли она за Россіею? Вотъ, даже въ Азіи Кульджа, цѣлое царство, оно было присоединено къ Россіи; а какъ къ церкви православной не было присоединено, мы и были вынуждены воротить его Китаю. Нѣтъ, тогда только край закрѣпнетъ за Россіей, когда онъ вступаетъ и въ православную церковь. И доказательства этому налицо: этотъ самый край. Теперь онъ Русскій. А неправославныя окраины — тяжелый балластъ для Россіи, да при случаѣ политическо-военной бури и опасный балластъ». Все было сносно, пока не пробились къ старцу наша духовная братія, все депутаціи отъ разныхъ краевъ. Эти, польщенные честью, что могутъ ораторствовать въ такую минуту, въ такомъ высокомъ собраніи, эти, какъ почали красноглаголати, какъ пошли курить старцу ѳиміамомъ своего почтенія и преданности, то это многоглаголаніе стало наконецъ болѣе чѣмъ скучнымъ.

Мы уже повышли изъ-за стола и разсѣлись по большой залѣ группами, а многоглагольствованіе все еще продолжается. А старецъ слушаетъ со услажденіемъ, и еще съ бо̀льшимъ услажденіемъ отвѣчаетъ. Онъ тутъ вспомнилъ всю свою Виленскую жизнь, гдѣ что говорилъ, гдѣ что дѣлалъ, какой домъ купилъ и переѣхалъ, какую церковь перестроилъ, какъ открылъ подъ известкою колоннъ мраморъ и т. д. Ну, старецъ насытился наконецъ и своими воспоминаніями, и чужимъ куревомъ. А мы устали. Наконецъ кончилось. Но пошли еще на балконъ пить кофе и ликеры. Наконецъ-то старецъ двинулся къ выходу, за нимъ и мы. Вечеромъ я ходилъ проститься къ нему и къ преосв. Арсенію и къ гостепріимному хозяину. Имѣя отбыть завтра раннимъ утромъ, слышалъ, впрочемъ въ сотый разъ, что и старецъ завтра же по утру, но нѣсколько попозже, отбываетъ въ Ковну, въ сопровожденіи почтительно-угодливаго хозяина.

Назавтра, въ очень раннее утро, любезный хозяинъ уже стучится въ мою квартиру въ Троицкомъ монастырѣ. Пріѣхалъ провожать меня на желѣзно-дорожный вокзалъ. Отправились вмѣстѣ съ нимъ. Смотрю: на желѣзно-дорожной станціи опять все духовенство, попечитель Н. А. С-кій, все время являвшій мнѣ великую предупредительность и прочіе, соборъ многъ зѣло. Ударили звонки, пошли къ вагонамъ, я простился со всѣми, съ любезнымъ хозяиномъ во-первыхъ, кланяясь другъ другу землекасательно; я искренно благодарю за любовь, за радушіе. «Никогда-де до гроба не забуду этого великаго, знаменательнаго и радостнаго торжества. Глубоко-де радъ, что вынужденъ былъ вашею любовью принять въ немъ посильное участіе». Говорилъ и повторяю совершенно искренно. Но чу! Волненіе въ публикѣ. Митрополитъ прибылъ, приближалась и ему пора отбывать въ Ковну. Говорю: «нужно выходить, кланяться старцу». А тучи говорятъ: «самъ идетъ сюда, къ вамъ». Я поспѣшно выбрался изъ своего особаго вагона. Поклонился старцу землекасательно, съ глубокимъ умиленіемъ: «Богъ святой знаетъ, увидимся ли на землѣ». — «Прощайте, преосвященнѣйшій». Старецъ облобызался со мною прелюбезно. Ударилъ третій звонокъ, я быстро вскочилъ въ свой вагонъ и двинулся. Гляжу я на старца и думаю: повеселѣлъ, поздоровѣлъ, лицо—прямо здоровый колоритъ. Ему не только пріятна эта суета разъѣздовъ, но и полезна. Движеніе, ажитація, пріятныя впечатлѣнія общаго преклоненія предъ его высшимъ саномъ, предъ его популярностью, предъ его препрославленною маститостью. А дома что? Дѣла, заботы, огорченія,—скучно, нелестно!... И дома онъ замираетъ. А прокатится лѣтомъ, мѣсяца два-три, по разнымъ краямъ Россіи и окрѣпнетъ на пять лишнихъ лѣтъ жизни. Смотрите, изъ Кіева идутъ молвы, что старецъ Платонъ въ грядущее лѣто сего

1890 года собирается посѣтить родную ему Кострому и дальнюю Казань. А въ этихъ предположеніяхъ онъ самъ себѣ вѣренъ бываетъ. Напередъ толкуетъ, толкуетъ и втолкуется до того, что бываетъ увѣренъ, что это дѣло для всѣхъ рѣшенное, и для него самого, и для тѣхъ, кого оно касается, напр. для архіепископа Казанскаго, какъ Тверяка, какъ земляка, человѣка любезнаго и гостепріимнаго. Слышно вотъ, что преосвященный Калужскій въ прошлое лѣто огорчилъ его своимъ совершенно холоднымъ пріемомъ его высокопр-ства въ своемъ богоспасаемомъ градѣ Калугѣ. Самоновѣйшія свѣдѣнія о старцѣ сообщу въ концѣ. А имѣются довольно любопытныя и вѣрныя, весьма характерныя. Теперь же коснусь того, какъ, по какимъ мотивамъ, съ какими чувствованіями я самъ отбылъ изъ Петербурга.

Не скажу съ печальными, болѣе съ радостными, а еще болѣе съ обычными чувствованіями отсидѣлъ свое, и пора было во свояси. Но сему были свои прецеденты, которые начались около масляной или около начала великаго поста. Я зналъ, что мнѣ придется по сему предмету объясниться съ нашимъ другомъ и покровителемъ, В. К. Я чувствовалъ, что онъ весьма не прочь бы оставить насъ еще на годъ, но отчаивается устроить это и деликатно даетъ мнѣ понять это. Я навѣсился поговорить съ нимъ объ этомъ самъ, въ концѣ ли первой, или въ началѣ второй недѣли в. поста. Но какъ я чувствовалъ себя? Скажу совершенно безъ утайки: годъ прожить еще въ Петербургѣ средства къ этому мы нашли бы. Нами затрачено было немало денегъ на первоначальное обзаведеніе въ Петербургѣ. Легко сказать, что отъ нашего хлѣба питалось не менѣе (даже болѣе) 40 человѣкъ въ Петербургѣ и питалось жирно. Чего стоили горшки, кострюли, всякая кухонная и столовая рухлядь, койки, постели, подсвѣчники, лампы, ведра, боченки, бочки? Все это порушить, въ перспективѣ, быть можетъ, обзаводиться снова, черезъ годъ-черезъ два, даже убрать всѣхъ насъ изъ Петербурга,—это была задача не легкая. Если бы мнѣ категорически сказали прожить въ Петербургѣ еще одну зиму, какъ бывало съ другими архіереями, я остался бы безпечально. Да пожалуй и нужно бы, потому что много начато было печатанія о перстосложеніи въ «Странникѣ», и печатаніе было далеко отъ конца. Конечно, на лѣто по прошлогоднему попросился бы домой. Это одна сторона вопроса. Но была и другая. Чтò ни говорить, а епархія запустилась. Новое дѣло заведенія школъ, при апатіи и даже сопротивленіи духовенства, двигалось слабо. Домашнее хозяйство, при значительности затратъ, при необходимости жить на два дома, разстроивалось. Я чувствовалъ нужду отбыть въ Одессу совсѣмъ. А къ Петербургу я не чувствовалъ особой привязанности никакой. Я любилъ постоянное,

любезное и дорогое, скажу просто, назидательное, общество В. К., далѣе Иларіона Алексѣевича, С. В. Керскаго... Но чувствовалъ и то, что вѣкъ съ ними не проживешь. Архіерей обрученъ съ довѣренной ему церковью, и съ нею приходится вѣкъ вѣковать. С. В. Керскій какъ-то процѣдилъ, что «вамъ бы остаться еще на годъ». Я на это не договорилъ ему, что «не я долженъ желать этого, а я желаю, да и нужно домой». В. К. часто вздыхаетъ: «Съ кѣмъ-то мы останемся здѣсь? Я истинно скорблю при одной мысли объ этой разлукѣ». Я улыбаюсь и помалчиваю. Такъ я и дотянулъ, не помню до масляной, не помню до конца первой недѣли въ постѣ. Въ уроченное время, улучивъ подходящую минуту, я говорю В. К., что «приспѣло время поднять рѣчь о моемъ отъѣздѣ. Я съ своей стороны ничего не предрѣшаю. Пусть будетъ, что̀ угодно высшей волѣ. Но самъ съ своей стороны нахожу, что мнѣ нужно отбыть домой». Не помню собственныхъ выраженій, какими отвѣтилъ мнѣ на это В. К. Помню только, что отвѣтъ его былъ нерѣшителенъ. Быть можетъ, онъ и стѣснялся ясно высказаться, опасаясь опечалить меня. Должно быть, въ недѣлю Православія я поѣхалъ къ нашему другу И. А. Чистовичу, зная, что о мнѣ самомъ съ тѣмъ мнѣ удобнѣе будетъ объясниться. Лишь только я заикнулся предъ тѣмъ про мою заботу о моемъ отъѣздѣ, онъ замахалъ руками: «Помилуйте, сидите, сидите еще годъ. Къ чему вамъ торопиться?». Я говорю: «Необходимо ѣхать на епархію. Дѣла запускаются. Хозяйство запускается. Необходимо энергически двинуть дѣло учрежденія школъ».— «Все это такъ! Все это предстоитъ всѣмъ архіереямъ, которые здѣсь живутъ. Однакоже, живутъ, не рвутся отсюда. И вамъ торопиться не за чѣмъ». Я стараюсь процѣдить одну щекотливую мысль, что вы-де смо́трите на пребываніе здѣсь, какъ на особую честь, и я, коли хотите, смотрю также; но есть и другая сторона предмета. Здѣсь дѣлаютъ дѣло одинъ, два, три, двадцать умныхъ человѣкъ. Повѣрьте, безъ меня дѣла будутъ идти, какъ шли. Я ничего не прибавлю, не убавлю. —«Нѣтъ, нѣтъ, помилуйте. Все же здѣсь вѣдаются самые высшіе, центральные вопросы нашей жизни. Желать уклониться, воля ваша—это какъ-то необычно... Да и ваше участіе»... Нашъ другъ Иларіонъ Алексѣевичъ, да и С. В. Керскій, да и В. К. нерѣдко говаривали мнѣ самыя крупныя, какъ бы сказать, похвалы моимъ талантамъ, равно какъ и трудамъ. Трудился я немало, особенно по чтенію сочиненій, подаваемыхъ на соисканіе ученыхъ степеней, и по подобнымъ предметамъ ученаго свойства. На это я процѣдилъ Иларіону Алексѣевичу съ улыбкою тоже самое, что̀ процѣдилъ и Сергію Васильевичу: «Желать этого должны не мы»...—«Ну, вотъ постойте, я поговорю объ этомъ съ В. К. обстоятельно. Нѣтъ, нѣтъ, еще на годъ, еще на годъ»... Я не нашелъ

нужнымъ возражать, опасаясь всячески, какъ бы не оказать дѣятельной интервенціи въ рѣшеніи моей судьбы; съ суевѣрнымъ страхомъ, сказалъ бы свѣтскій, а я скажу—съ тайнымъ убѣжденіемъ, что личное мое вмѣшательство въ мою судьбу для меня вредно.

Не очень не скоро какъ-то Иларіонъ А-чъ входитъ въ мою квартиру и начинаетъ: «Ну, быть можетъ, вы и побраните меня. Хорошо ли, дурно ли я поступилъ, я не знаю. Я поговорилъ о вашемъ дѣлѣ не съ В. К., а прямо съ К. П. Былъ у него по дѣлу, и къ слову сказалось. И онъ съ перваго слова, знаете, съ обычною своею колеблющеюся манерою: «Да, да, преосвященный Никаноръ нуженъ и здѣсь, нуженъ и тамъ; но тамъ нужнѣе. Пускай его ѣдетъ»... Этимъ и рѣшился вопросъ окончательно. Не помню я, какое было у насъ, даже было ли какое особое объясненіе по этому предмету съ В. К., при первомъ свиданіи послѣ послѣдняго объясненія съ И. А-мъ. Но сразу же послѣ этого я принялъ рѣшительный тонъ касательно своего дальнѣйшаго пребыванія въ Петербургѣ, объяснивъ своей свитѣ, какъ объяснялъ и всѣмъ, что уѣзжаемъ на епархію совсѣмъ. Тогда еще имѣлось въ виду, что архіепископы Леонтій и Алексій останутся въ Петербургѣ. Тутъ-то наша свита и выслушала отъ Литовской, что они собираются перебираться на наше подворье, что на нашемъ-де подворьѣ доходы лучше. Конечно, болтала это свита, наивные Литовскіе людіе. А таинственная судьба уже рѣшала, что въ слѣдующій сезонъ не быть въ Петербургѣ ни тому, ни другому, ни третьему. Вышло такъ, что судьба владыкъ Леонтія и Алексія въ этомъ отношеніи рѣшилась даже прежде моей.

Былъ и еще одинъ замѣчательный разговоръ съ нашимъ другомъ, Ил. Ал-чемъ, на ту же и на соприкосновенную тему, вѣроятно около Пасхи или на самую Пасху. Онъ оказывался недоволенъ отношеніемъ ко мнѣ высшей воли. «Помилуйте, нелѣпость какая! Даже Александра не дали».—Я говорю: «Ну, ну, Богъ съ ними». А надо сказать, я зналъ уже давно, что Александра и въ этомъ году мнѣ не дадутъ; зналъ потому, что В. К., ни однимъ намекомъ не касаясь меня лично, сообщалъ подробности совѣщаній касательно предполагаемыхъ наградъ другимъ лицамъ. «Очень-де радъ, что удалось исхлопотать Александра нашему преосвященнѣйшему Герману. Я очень чту этого старчика. А К. П. уперся вотъ и ни съ мѣста: «На что ему, да на что ему? Ну, теперь въ отставкѣ. На что ему?» Ну, теперь вотъ подался К. П. Дать кому либо крупный орденъ—все равно что ему самому отсѣчь руку». На мое: «Богъ съ ними» Иларіонъ А-чъ возражаетъ: «Нѣтъ, не Богъ съ ними. Кого изъ архіереевъ изъ Петербурга отпускали ни съ чѣмъ? И странную причину придумали. Ихъ-де троихъ назначили вмѣстѣ ар-

хіепископами, т. е. васъ, Алексія и Амвросія. А всѣ трое вѣдь....» Дай одному, другіе обидятся. Долженъ сознаться, что разговоръ объ этомъ, о наградѣ лично мнѣ, я считалъ не только стѣснительнымъ для себя, но и болѣе того... Въ Одессѣ, при свиданіи въ прошлое лѣто, заговорилъ со мною объ этомъ даже самъ В. К-ъ, и на ту же тему, что приходится награждать насъ троихъ—меня, Амвросія и Алексія; это-де и стѣснило К. П. въ прошломъ году. На всѣ эти сообщенія я отвѣчалъ В. К. единственно только безмолвными улыбками. Не хочу разсказать здѣсь эпизодъ, какъ я просилъ и выпросилъ кабинетный крестъ своему ключарю Селецкому, который послѣ пріема Государя Императора у насъ въ Новой Прагѣ сшутилъ: «Всѣмъ дадутъ награды кромѣ насъ. Я-де встрѣчалъ столько-то разъ такихъ-то императоровъ, императрицъ, королей, великихъ князей, и ни отъ кого никогда не получалъ ничего». Нынѣшняго Государя Императора мы встрѣчали и въ запрошломъ 1888 г. въ Николаевѣ, какъ и въ прошломъ 1889 году въ Елисаветградѣ и въ Новой Прагѣ. Въ Новую Прагу мы кромѣ діаконовъ, протодіакона, служащихъ священниковъ и протоіереевъ возили еще цѣлый хоръ пѣвчихъ, что̀ стоило намъ не менѣе 1000 рублей. И не удостоились ничего, ни гласа, ни послушанія, тогда какъ въ Грузіи всѣ были осыпаны наградами, при самыхъ лестныхъ знакахъ вниманія, начиная съ экзарха и до послѣдняго сторожа буквально. Да, буквально сторожа. Именно я самолично слушалъ въ Синодѣ докладъ Д-ова-К-ова: «Такъ какъ всѣ удостоились отъ высочайшей милости соотвѣтствующихъ наградъ, между тѣмъ забытъ такой-то церковный сторожъ», то Дундуковъ-Корсаковъ (не помню онъ, не помню самъ экзархъ) и представлялъ его, этого сторожа, «благоволенію и благовниманію Святѣйшаго Синода, прося наградить его медалью на шею», каковой этотъ послѣдній человѣкъ и удостоенъ. Свѣтскіе у насъ получили много наградъ, начиная съ генералъ - губернатора Роппа, который въ прошломъ году возведенный въ полнаго генерала, въ 1889 г., въ Новой же Прагѣ, удостоился Александра Невскаго; губернаторъ Эрделили тамъ же получилъ Владимирскую звѣзду; другіе свѣтскіе удостоились другихъ соотвѣтствующихъ наградъ. Духовные же получили... однимъ словомъ, жалобное пророчество нашего о. ключаря исполнилось буквально: «кромѣ насъ». Я самъ распорядился представить къ соотвѣтствующимъ наградамъ все духовенство, какъ Елисаветградское, такъ и Ново-Пражское, въ память посѣщенія Государя Императора. А ключарю мнѣ хотѣлось выпросить кабинетный крестъ не въ очередь, такъ какъ послѣ награжденія его палицею прошло всего два года.

Я и заикнулся объ этомъ предъ В. К., да и представилъ ключаря къ кабинетному кресту. «О, это легко будетъ устроить», отвѣтилъ В.

К. съ обычною своею предупредительностью. Но вышло такъ, что я почувствовалъ неловкость отъ разсказанной ему мною полушутливой жалобы о. ключаря. Эта шутка имѣла странное же продолженіе. Ключарь, конечно, зналъ о представленіи его къ кабинетному кресту, и чтобъ заплатить мнѣ взаимностью, пишетъ мнѣ въ прошломъ году изъ Одессы (такъ около Рождества), что-де онъ «узналъ за-вѣрное, что для меня заказана драгоцѣнная панагія». Онъ думалъ, быть можетъ, и обрадовать меня этимъ сообщеніемъ. Меня же оно жестоко огорчило. «Боже мой, думаю. Проговорился. Подумали, что я прошу за себя. Не находятъ ни нужнымъ, ни возможнымъ украсить меня Александровскою звѣздою. Заказываютъ для меня панагію рублей въ 500. Доложатъ объ этомъ Государю. Государь горько подумаетъ, что ни одна душа изъ его вѣрноподданныхъ не хочетъ явить ему при этихъ встрѣчахъ свое радушіе безкорыстно; что всякій напротивъ норовитъ сорвать съ него увѣсистую награду для себя и своихъ, начиная даже съ отрекшихся отъ міра и отъ прелестей его, архіереевъ. Признаюсь, грѣшный человѣкъ, я ждалъ этой награды панагіею, какъ оскорбленія для себя. Даже увѣрился было въ своемъ предположеніи, когда В. К. сообщилъ мнѣ, что всю годичную синодскую сумму въ 1200 рублей, назначаемую по смѣтѣ на награды подарками, они въ этомъ году должны издержать на награду «одному архіерею». Я и подумай, ну, это на нашу злосчастную панагію. Уже около самой Пасхи я разувѣрился въ этомъ, узнавъ навѣрное, что рѣчь идетъ о бриллiантовомъ крестѣ на клобукъ для преосвященнаго Сергія Кишиневскаго. Признаюсь, я глубоко обрадовался своей ошибкѣ. Но эта исторія имѣла свое нелѣпое же продолженіе. Уже тутъ въ Одессѣ я спросилъ отца ключаря: «скажите, откуда вы взяли свое сообщеніе мнѣ, будто для меня заказана кабинетомъ драгоцѣнная панагія»?—«Изъ источника весьма уважительнаго. Это разсказывалъ здѣсь Ново-Пражскій голова со словъ якобы министра двора, графа В—ва-Д—ва, который, перечисляя всѣ награды данныя или приготовленныя для Ново-Пражцевъ, сообщилъ ему и то, что для вашего преосвященнаго заказана панагія въ 20000 рублей. Правду ли онъ говорилъ, не знаю; но что говорилъ, это вѣрно». Признаюсь, что я до самаго послѣдняго времени до 1889 года, до этой странной исторіи, не зналъ и не воображалъ, что награды, раздаваемыя якобы отъ царскаго кабинета по нашему вѣдомству, раздаются отъ кабинета только по имени, а въ существѣ дѣла на суммы, спеціально ассигнуемыя по смѣтѣ святѣйшаго Синода. Ассигнуется въ годъ именно всего 1200 рублей, не знаю изъ государственнаго ли казначейства, или изъ собственныхъ средствъ Свят. Синода. Эта исторія такъ глубоко запала въ мое сердце, что я рѣшился разсказать ее во всѣхъ подробностяхъ В.

К. въ Одессѣ, при свиданіи въ Сентябрѣ мѣсяцѣ. Началъ я ее весьма торжественно обращеніемъ, съ какимъ ни одного раза не обращался къ В. К. «Позвольте, ваше превосходительство, обратиться къ вамъ съ моею покорнѣйшею просьбою.»—«Приказывайте»!—«Прошу васъ, не подумайте, что я въ тотъ разъ, когда просилъ награды своему о. ключарю, именно кабинетнаго креста, послѣ встрѣчи Государя Императора въ Новой Прагѣ, что̀ я просилъ награду и самому себѣ». Разсказалъ затѣмъ легенду о якобы заказанной драгоцѣнной панагіи. Разсказалъ, что самая мысль о такой наградѣ глубоко и невесело меня волновала; волновало то, что̀ подумаетъ Государь, если ему доложатъ, что и меня нужно наградить «подарками» за Ново-Пражскую встрѣчу, т. е. заплатить за явленное съ нашей стороны усердіе. Фи!.. В. К. успокоилъ меня откровеніемъ, что и мысли подобной не было; если же не дали Александра, то К. П. сказалъ, что «ихъ троихъ вмѣстѣ сдѣлали архіепископами, неудобно же теперь одного изъ нихъ награждать, прочіе двое обидятся.» Ну, слава Богу, спасибо и на томъ, что включили насъ въ такой почтенный тріумвиратъ.

Нравилась ли мнѣ Петербургская жизнь? Объясняя прелести ея, нашъ другъ Иларіонъ А-чъ говорилъ: «Знаете, какое удобство представляетъ здѣшняя жизнь. Вѣдь, знаете, въ жизни вездѣ неизбѣжны непріятности и недоразумѣнія. Имѣются они и здѣсь. Но въ чемъ удобство? Прошли день, два, три. Встрѣтился и потолковалъ съ тѣмъ, другимъ и третьимъ. Начальство все тутъ налицо. Объяснился, и дѣло разъяснилось и уладилось. И туча разсѣялась, и опять свѣтло на душѣ. А поди-ка изъ провинціи...» Въ этомъ я не могъ не согласиться съ нимъ. Сколько лѣтъ тяготѣли на мнѣ Петербургскія недоразумѣнія, и тяготили меня такъ, что чуть-чуть... не вогнали меня, сказать какъ-бы такъ, въ архимандрита Ѳеодора. Этотъ предметъ я въ первый разъ называю по имени. А теперь посмотрѣли на меня по близости и увидѣли, что не такъ страшенъ ч... какъ его малюютъ добрые люди, въ видѣ тайной полиціи. И даже какъ-то странно, по милости Божіей, вышло, что сей еретикъ, сей преопасный вольнодумецъ оказался ревнителемъ православія, блюстителемъ церковнаго устава, любителемъ и знатокомъ церковнаго пѣнія и явно не отвыкъ держать книги въ рукахъ, не смотря на седьмой десятокъ лѣтъ чуть не въ половинѣ. Еще сродное же съ этимъ удобство. На провинціи, и въ Уфѣ, и здѣсь въ Одессѣ я проводилъ и провожу много тревожныхъ и безсонныхъ ночей. Это страннымъ образомъ отражалось на мнѣ и въ Петербургѣ. Вижу что-либо тревожное во снѣ и вскакиваю чуть не въ ужасѣ, хватаясь за голову: «Боже мой, что это я такое надѣлалъ? Кого это я обидѣлъ? Кому натворилъ грубостей?..» Но сознаніе проясняется, и я

говорю самъ себѣ въ успокоеніе: «Живу я не въ Одессѣ, а въ Петербургѣ. Никому я грубостей не наговорилъ. Никакихъ бѣдъ не натворилъ. Всѣ мнѣ здѣсь улыбаются. Нѣкоторые власть имущіе и хвалятъ наше смиреніе. И это случалось со мной не разъ, а сотни разъ. Такъ наболѣла душа отъ провинціальной жизни, отъ епархіальнаго управленія. За день перевернется у тебя (епархіальнаго архіерея-властодержца) двадцать-тридцать человѣкъ; изъ нихъ ласковыя слова сказать, пріятное сотворить удастся двоимъ, прочимъ же приходится отказать; эти лѣзутъ изъ кожи, доказывая свое право, свою правоту,— имъ наговоришь и грубостей, а кое-кого и серьезно пугнешь... И все это въ совокупности отражается не на чужихъ, а на моихъ же нервахъ. Результатомъ этого у меня бываетъ обычное у меня явленіе: ляжешь спать послѣ 12, скоро въ тревогѣ просыпаешься; влѣзаетъ мысль въ голову о тревожно, въ трудахъ и непріятностяхъ, прожитомъ днѣ, и никакъ ея не вытолкать изъ мозговъ; слышишь бьютъ часы три, дальше четверть четвертаго, дальше четыре часа и всѣ четверти пятаго, дальше пять часовъ и всѣ четверти шестого, дальше всѣ четверти седьмого и семь. Въ семь часовъ, обыкновенно, поднимаюсь. И это сегодня и завтра и послѣ-завтра одно и тоже. Происходитъ это отъ обыкновеннаго у меня нытья нервовъ. А это нытье происходитъ отъ переживаемыхъ сегодня и завтра и послѣ завтра волненій. Отъ этого усилившееся у меня ослабленіе дѣятельности сердца, усиленное неровное біеніе сердца, перебои пульса, нытье и боль въ лѣвомъ боку, смертная опасность. Теперь вотъ въ праздники сплю отъ 12 до 7 часовъ единственно потому, что не вижусь съ людьми и не занимаюсь консисторскими дѣлами. Да все это—дрязги; но они жизнь, они—жизненное дѣло, они даютъ намъ положеніе и хлѣбъ. Кинуть ихъ никакъ нельзя, чтобъ устремиться за болѣе благородными занятіями. Извѣстный поэтъ Кольцовъ повѣсился отъ голода и униженія; ему никто даже бумаги не хотѣлъ дать на переписку. Успенскій, писатель, зарѣзался отъ голода и нищеты. Достоевскій страдалъ также отъ нищеты со всею семьею, вынужденъ былъ попросить у литературнаго фонда и потерпѣлъ отказъ. А намъ консисторскія дрязги даютъ хорошую квартиру, карету съ четверкою лошадей и бархатную рясу. Вонъ преосвященнѣйшаго П-дія Волынскаго запрятали въ келью Почаевской обители съ окладомъ 1500 рублей въ годъ, да и ту пенсію (Германъ опасается) Выш-скій затруднитъ и сократитъ. А дѣла какъ-то умножаются съ каждымъ годомъ и умножаются. Труда прибываетъ, и никакъ не выберешь времени даже письмо написать, а не то что-либо литературное. А силы еще имѣются умственныя, психическія, хотя физическія, т. е. выносливость мозговъ, и ослабѣваютъ. Всему свое время, работано много.

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ БОГОЛѢПОВЪ.

Министромъ народнаго просвѣщенія.

По жесткимъ глыбамъ сорной нивы,
Съ утра, до истощенья силъ
Довольно, пахарь терпѣливый,
Я плугъ тяжелый свой водилъ...
Стереть бы потъ дневного зноя,
Стряхнуть бы грузъ дневныхъ заботъ!....
„Безумецъ! Нѣтъ тебѣ покоя,
Нѣтъ отдыха: впередъ, впередъ!“
Иду свершать, въ трудѣ и потѣ,
Удѣлъ назначенный Тобой,
И не сомкну очей въ дремотѣ,
И не ослабну предъ борьбой.

Въ моихъ предыдущихъ запискахъ, помѣщенныхъ въ «Русскомъ Архивѣ»*), я старалась, сколько умѣла, возстановить въ надлежащемъ свѣтѣ образъ моего мужа, какъ человѣка, администратора и педагога и при этомъ описать обстоятельства, среди которыхъ онъ дѣйствовалъ. Но образъ его въ моихъ описаніяхъ является, къ сожалѣнію, не полнымъ. Ранѣе я уже говорила, что не обладаю достаточно-научнымъ образованіемъ, чтобы дать желаемую оцѣнку ученыхъ трудовъ Ник. П-ча. Между тѣмъ большую и лучшую часть своей жизни онъ посвятилъ наукѣ; поэтому попытаюсь съ помощью сужденія свѣдущихъ людей дать хоть бы общее понятіе о его ученой дѣятельности. «Учено-литературная и преподавательская дѣятельность Боголѣпова» (сказано въ одной статьѣ, помѣщенной въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» по случаю его назначенія на должность министра народнаго просвѣщенія) «не только отличалась, по мнѣнію его ученыхъ критиковъ, рядомъ высокихъ научныхъ достоинствъ, но имѣетъ преимущественное значеніе для представляемой имъ науки. Это выразилось въ проведеніи имъ въ своихъ сочиненіяхъ новыхъ взглядовъ и въ стремленіи дать правильную постановку изученію Римскаго права. Нашъ ученый, хотя и примыкаетъ отчасти къ оппозиціонной школѣ Геринга, а отчасти и къ Англій-

---

*) См. 2-ю книгу „Русскаго Архива“ сего года.

скимъ и Французскимъ юристамъ, но выступилъ на самостоятельный путь въ изученіи Римскаго права». Связь права и жизни выставлена Н. П-чемъ въ гораздо большей наглядности, чѣмъ это было сдѣлано до него. Въ особенности докторская диссертація Н. П-ча «Формальное ограниченіе свободы завѣщанія» по суду нашихъ лучшихъ цивилистовъ является неоцѣненнымъ сокровищемъ для всякаго романиста. «Передъ нами (говоритъ извѣстный романистъ Муромцевъ) несомнѣнно ученый, серьезно знакомый съ своимъ предметомъ и обладающій самостоятельною мыслью, спасающею его отъ дѣйствія рутины, тѣмъ болѣе пагубной, что она, господствуя и у насъ, даже офиціально санкціонирована въ университетскомъ преподаваніи».

Но Н. П. не былъ только ученымъ, онъ во всемъ искалъ живую связь съ жизнью: отдаваясь съ горячимъ интересомъ наукѣ, онъ съ одинаковой любовью относился къ успѣшной передачѣ ея учащейся молодежи и съ первыхъ годовъ своего профессорства до самыхъ послѣднихъ дней своей административной и государственной дѣятельности ревностно работалъ надъ правильной постановкой преподаванія въ университетѣ. Однимъ изъ доказательствъ его педагогическаго таланта можетъ служить изданный имъ въ 1885 году учебникъ по Римскому праву. Опредѣленность и логичность доводовъ, выборъ самаго существеннаго и нужнаго въ передачѣ изучаемаго предмета, при большой простотѣ и ясности изложенія, дѣлаютъ этотъ учебникъ не только полезнымъ и цѣннымъ руководствомъ, но и вполнѣ доступнымъ для средняго студента; немудрено поэтому, что онъ до сихъ поръ остается любимымъ руководствомъ студентовъ. Однако, по извѣстному уже намъ методу *) Ник. П-ча, учебникъ долженъ былъ давать только систему элеметарныхъ свѣдѣній, а лекціи должны были знакомить учащихся съ практической разработкой ихъ и съ дальнѣйшими выводами и обобщеніями. Что же касается практическихъ занятій, они должны были учить самостоятельно работать и мыслить и развивать въ учащихся смѣлость въ проявленіи творческихъ способностей ума.

Такая настойчивая работа Н. П-ча надъ преобразованіемъ преподаванія въ университетѣ была вызвана бѣдственнымъ состояніемъ послѣдняго. Пассивное слушаніе лекцій и спѣшное зазубриваніе ихъ передъ экзаменами, по мнѣнію Н. П-ча, дѣлало университетское образованіе вреднымъ. Еще въ первое свое ректорство Боголѣповъ, какъ извѣстно, въ своей рѣчи къ студентамъ говорилъ, что наскоро пріобрѣтенныя знанія улетучиваются еще скорѣе чѣмъ накопляются.

*) См. 7-й выпускъ „Русскаго Архива" 1906 г.

Вслѣдствіе этого учащійся выходитъ изъ университета съ очень небольшимъ запасомъ знаній и съ полнымъ неумѣніемъ самостоятельно работать. Но небольшое количество студентовъ слѣдовало его совѣту, и не только они, но и многіе профессора съ недовѣріемъ отнеслись вначалѣ къ введенію Н. П-чемъ практическихъ занятій. Они настаивали на преимуществахъ исключительнаго чтенія лекцій. Но и Боголѣповъ отнюдь не отрицалъ пользу лекцій; онъ хотѣлъ только убѣдить профессоровъ и студентовъ, что одного пріобрѣтенія свѣдѣній, хотя бы въ большомъ количествѣ, очень мало. Какъ часто Н. П. указывалъ на плохую постановку преподаванія, какъ на причину многихъ тяжелыхъ явленій въ Русской жизни. «Неподготовленность и неумѣніе работать, говорилъ онъ, сопровождаются неудачами молодыхъ людей на жизненномъ пути и полнымъ отсутствіемъ интереса къ занятіямъ (и любви къ просвѣщенію), а это въ свою очередь влечетъ за собой ненависть и озлобленіе неудачниковъ къ обществу. Ихъ настроеніемъ успѣшно пользуются революціонные элементы. Послѣднимъ легко становится увлечь полуобразованныхъ и не любящихъ научную работу юношей своими легковѣсными, многообѣщающими теоріями, которыя не требуютъ ни усилій ума, ни труда для ихъ усвоенія, а только разжигаютъ аппетиты, обѣщая несбыточныя блага». Между тѣмъ какъ взгляды Н. П-ча встрѣчались въ Русскомъ обществѣ не только съ недовѣріемъ, но и враждебно, на Западѣ все чаще и чаще стали раздаваться голоса извѣстныхъ всѣмъ ученыхъ педагоговъ, порицающихъ тотъ же способъ преподаванія, который осуждаетъ Боголѣповъ. Приведу мнѣніе одного изъ нихъ. Густавъ Лебонъ въ своей книгѣ «Психологія воспитанія» пишетъ: «Человѣкъ, посвятившій 15 лѣтъ своей жизни загроможденію своей памяти всѣмъ, чѣмъ только можно ее загромоздить, не воспитавшій въ себѣ воли, не научившійся самостоятельно работать и мыслить, къ чему онъ годенъ?» Слова Лебона относятся къ постановкѣ преподаванія въ средней школѣ во Франціи.

Но если средняя школа, поставленная въ упомянутыя неблагопріятныя условія, заслуживаетъ подобное порицаніе, тѣмъ болѣе заслуживаетъ его высшее учебное заведеніе, подготовляющее молодыхъ людей на отвѣтственныя государственныя и частныя должности, причемъ ихъ невѣжественность и неспособность самостоятельно работать и мыслить вмѣстѣ съ преждевременною усталостью ведутъ къ пагубнымъ послѣдствіямъ. Лебонъ такъ же какъ и Боголѣповъ говоритъ, что мнемотическое преподаваніе ни въ какой области не можетъ создавать самостоятельныхъ и плодотворныхъ ученыхъ. Затѣмъ въ другомъ мѣстѣ своей книги онъ высказываетъ опять схожій съ Боголѣповымъ взглядъ: «Эти несчастные кандидаты, пишетъ онъ, познакомившись съ массой

вещей и не вполнѣ ихъ понимающіе, становятся совершенно неспособными наблюдать и понимать сложныя общественныя явленія и выносятъ изъ знакомства съ ними одну увѣренность въ ихъ мнимой несправедливости». Къ сожалѣнію Н. П. не издалъ своего «Метода преподаванія на юридическомъ факультетѣ». Онъ былъ написанъ въ 1897 г., въ послѣдній годъ его попечительства; въ то время множество дѣлъ по управленію округомъ и постоянныя студенческія волненія отвлекли его отъ окончательной обработки этого метода и слѣдовательно отъ изданія его.

Къ тому же не одни университетскія дѣла и преподаваніе заботили Ник. Пав.; его вниманіе привлекала и средняя школа. Онъ понималъ, что, при крупныхъ недостаткахъ ея, и она требуетъ коренныхъ преобразованій, тѣмъ болѣе, что она же готовила учениковъ въ высшія учебныя заведенія. Во время своего попечительства Ник. Павл. старался, насколько это было въ его власти, смягчить нѣкоторыя правила, стѣсняющія преподаваніе, такъ напр. онъ предоставлялъ больше свободы учителямъ въ выборѣ пріемовъ обученія.

Но всего болѣе привлекали вниманіе Боголѣпова народныя школы. Еще въ молодые годы и позднѣе въ годы профессорства и ректорства, онъ съ большимъ интересомъ слѣдилъ за ходомъ обученія народныхъ массъ и тужилъ постоянно о малочисленности элементарныхъ школъ. Напомню слова, сказанныя Боголѣповымъ Швейцарскому писателю Видману въ 1893 году. «Вы въ Швейцаріи, говорилъ онъ, находитесь въ счастливомъ положеніи: у васъ давно уже готовы основы, на которыхъ зиждется народное образованіе. У насъ въ Россіи не такъ. Конечно мы не должны упускать изъ виду наши университеты и политехникумы, но на первомъ планѣ должна теперь стоять народная школа». Во время своего попечительства онъ дѣлалъ все, что было возможно, чтобы увеличить количество народныхъ школъ. Онъ испрашивалъ не разъ у Министерства средства для открытія ихъ и охотно шелъ навстрѣчу частнымъ лицамъ, желавшимъ основывать народныя школы, но только въ томъ случаѣ, если эти лица не были заражены вреднымъ тенденціознымъ направленіемъ. Въ качествѣ попечителя Боголѣповъ могъ только предлагать Министерству желаемыя имъ улучшенія и преобразованія, но его могли и не послушать.

При любви и интересѣ Боголѣпова къ учебному дѣлу и при его увѣренности въ необходимости улучшить и преобразовать его, становится понятнымъ, что въ 1898 г. онъ согласился, вопреки своимъ личнымъ вкусамъ и желаніямъ, принять должность, еще болѣе высокую и отвѣтственную, чѣмъ ту, которую онъ занималъ. Предложеніе это пришло неожиданно, какъ внезапно налетѣвшая гроза въ солнечный лѣтній день.

Въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1897 г. умеръ министръ народнаго просвѣщенія графъ Деляновъ. Въ концѣ этого мѣсяца стали ходить слухи, что Николай Павл. будетъ назначенъ на его мѣсто; но мы были увѣрены, что эти слухи создаются праздной фантазіей и отнеслись къ нимъ совершенно спокойно. Однако 18-го Января 1898 г. Ник. Павл. получилъ телеграмму отъ товарища министра народн. просвѣщенія Аничкова, приглашавшую его явиться немедленно въ Петербургъ и захватить съ собой мундиръ и шпагу. Послѣднія слова насъ чрезвычайно испугали. Теперь для насъ не было сомнѣнія, что то тяжелое, о чемъ мы и думать не хотѣли, начинаетъ осуществляться. Очевидно, мундиръ и шпагу надо было захватить для представленія Государю.

Государь вызывалъ внезапно Боголѣпова. Для чего? Экстренныхъ причинъ къ тому не было: въ университетѣ за два послѣдніе мѣсяца все было спокойно, и въ округѣ дѣла шли своимъ обычнымъ порядкомъ. Повидимому, слухи, казавшіеся намъ невѣроятными, оправдывались. Мужъ, казалось, былъ застигнутъ врасплохъ. При большой скромности Ник. Пав-ча, его всего болѣе пугала чрезвычайная отвѣтственность министерской должности и неувѣренность въ своихъ силахъ. Къ тому же онъ съ отвращеніемъ думалъ объ интересахъ, присущихъ высшимъ Петербургскимъ офиціальнымъ сферамъ. Опять ему предстояла тяжелая борьба, тѣмъ болѣе неумолимая, что къ многочисленнымъ прежнимъ противникамъ присоединялись другіе, болѣе сильные, съ вліяніемъ и властью, уже искусившіеся въ ловкихъ, но не всегда желательныхъ пріемахъ борьбы. Но чувство любви и преданности къ дѣлу, которому онъ беззавѣтно служилъ всю свою жизнь, взяло верхъ и въ этотъ послѣдній разъ. Возможность съ пріобрѣтеніемъ большей власти выполнить желаемыя улучшенія привлекала Ник. Пав-ча. Въ это тяжелое для Боголѣпова время внутренней борьбы и колебаній, я съ своимъ женскимъ эгоизмомъ усугубляла послѣднія, настойчиво и страстно уговаривая его не принимать предлагаемой должности.

Зная по опыту, какъ въ дѣлахъ долга и совѣсти мужъ былъ непреклоненъ, я съ ужасомъ представляла себѣ его министромъ. Къ тому же у меня являлось какое-то предчувствіе, что предстоящая неизбѣжная борьба приведетъ къ плохому концу. О такомъ предчувствіи я конечно не говорила мужу, но старалась убѣдить его, что усиленный трудъ вмѣстѣ со всякими массой волненіями расшатаютъ его небольшія физическія силы и сдѣлаютъ неспособнымъ къ дальнѣйшей дѣятельности. Я также высказывала ему опасенія, что сырой и мрачный Петербургскій климатъ погубитъ здоровье нашей единственной дочери. Съ послѣднимъ доводомъ мужъ соглашался, но первые оспаривалъ. Онъ говорилъ, что всякій человѣкъ, горячо преданный своему дѣлу, терпитъ

ущербъ въ своемъ здоровьѣ и что неумѣстно заботиться преувеличенно о немъ, когда исполняешь свой долгъ, тѣмъ болѣе, что его здоровье вовсе не такъ плохо, какъ я это воображаю; при этомъ онъ напомнилъ мнѣ ректорскіе и попечительскіе волненія и труды. «Я этого мѣста не добивался и не желалъ, говорилъ Ник. Павл., и рѣшаюсь его взять только послѣ долгихъ колебаній и размышленій. Власть министра, если мнѣ ее предложатъ, дастъ мнѣ возможность предпринимать тѣ улучшенія и преобразованія, которыя я считаю столь необходимыми. Я выскажу Государю мои сомнѣнія относительно моихъ силъ и способностей, которыя могутъ не соотвѣтствовать труднымъ и отвѣтственнымъ обязанностямъ министра; передамъ ему и мои опасенія на счетъ твоего и Марусинаго здоровья. Но если Государь, вопреки всѣмъ моимъ соображеніямъ будетъ настаивать, я не считаю себѣ въ правѣ отказываться. Обѣщаю тебѣ, что постараюсь придать большую убѣдительность своимъ доводамъ».

19 Января, на другой день того дня, какъ была получена телеграмма Аничкова, Ник. Павл. уѣхалъ въ Петербургъ. На Петербургскомъ вокзалѣ его встрѣтилъ Аничковъ, товарищъ министра народнаго просвѣщенія, который и передалъ ему приказаніе Государя явиться къ нему въ 12 ч. дня. Въ заключеніе Аничковъ просилъ Боголѣпова оставить его въ занимаемой имъ должности товарища министра народнаго просвѣщенія, на что послѣдній отвѣтилъ ему, что въ такую спѣшную минуту не можетъ дать отвѣта, который требуетъ предварительнаго размышленія.

Въ назначенный часъ Ник. Павл. былъ во дворцѣ. Минутъ черезъ 30 Государь его принялъ. Первыми словами его было: «Все ли у васъ въ Москвѣ благополучно?» Когда мужъ отвѣтилъ, что «слава Богу, Ноябрь прошелъ благополучно, студенты не волновались», Государь сперва спросилъ, «почему это именно Ноябрь неблагопріятенъ для волненій?» а затѣмъ сказалъ: «Вы, можетъ быть, догадываетесь, зачѣмъ я пригласилъ васъ. Я обращаюсь къ вамъ съ большой просьбой и надѣюсь, что вы не откажетесь исполнить ее. Вотъ уже три недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ скончался бѣдный, уважаемый мною гр. Иванъ Давыдовичъ. Еще при жизни своей, графъ, говоря о своей смерти и о желаемомъ преемникѣ, указывалъ на васъ, и я по всему, что̀ о васъ знаю, желалъ бы назначить васъ на мѣсто графа. Я прошу васъ согласиться быть министромъ народнаго просвѣщенія». Боголѣповъ былъ глубоко тронутъ той формою, въ которой Государь выразилъ свое желаніе. Въ ней было такъ много простоты и задушевности, что, смущенный, онъ отвѣтилъ: «Государь! Ваше желаніе для меня законъ, и я исполню его, если Вы останетесь при немъ, когда выслушаете все, что̀ я имѣю

сказать Вашему Величеству. Дозвольте мнѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней обдумать мой отвѣтъ, а теперь я буду просить васъ позволенія изложить тѣ мои сомнѣнія, которыя сейчасъ у меня въ головѣ». Государь на это сказалъ: «Высказывайте все».—«Благодаря большой добротѣ и старости покойнаго графа Делянова, началъ Ник. Пав., создалось много неправильностей. Тяжело ломать все». Тутъ Государь перебилъ мужа: «Ломать не нужно, нужно постепенное улучшеніе». Н. П. продолжалъ: «Но и среди окружавшихъ графа лицъ были такія, которыхъ не слѣдовало бы оставлять, если заботиться объ успѣхѣ; а по моему характеру это тяжело». Государь опять перебилъ: «Мы всѣ служимъ не извѣстному кругу лицъ, а родинѣ; поэтому нельзя останавливаться передъ трудностями». Н. П.: «Я совсѣмъ не знаю Петербурга и его нравовъ».—Государь: «Это-то именно мнѣ и нравится».—Н. П: «Я совершенно не способенъ къ подпольной борьбѣ, не знаю ея пріемовъ». Государь: «Если вы въ своей дѣятельности будете имѣть за спиною мою полную поддержку, нѣчего вамъ бояться». Ник. Пав.: «Это великое слово, Ваше Величество! Мнѣ трудно послѣ этого что нибудь сказать; но если позволите, я буду продолжать. Люди могутъ такъ опутать человѣка сплетнями, что Ваше Величество, при всемъ желаніи поддержать меня, усумнитесь во мнѣ».—Государь: «Ахъ, я никогда не слушаю сплетень, не копаюсь въ этой грязи».—Ник. Павл.: «Дозвольте, Государь, указать на нѣкоторые мои личные недостатки, которые я вижу самъ: во-первыхъ я совсѣмъ не гибкій человѣкъ, я прямолинейный».—Государь: «Это не недостатокъ, а достоинство. Я именно этимъ и дорожу въ васъ».—Н. П.: «Затѣмъ, Ваше Величество, я не умѣю узнавать людей. Большею частью я узнаю ихъ, когда они сдѣлали что нибудь дурное». Государь засмѣялся, но ничего не сказалъ. Затѣмъ Боголѣповъ старался доказать, что никакія улучшенія въ учебномъ дѣлѣ невозможны, если не будетъ увеличенъ бюджетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. «Безъ денегъ, говорилъ Ник. Павл., невозможно имѣть людей: люди бѣгутъ изъ нашего вѣдомства». На это Государь замѣтилъ, что ему это извѣстно, но что въ этомъ отношеніи министръ народнаго просвѣщенія будетъ поставленъ не хуже другихъ министровъ *). Далѣе Ник. Пав. указалъ на ненормальныя отношенія между церковно-приходскими и министерскими школами. «Хотя они могли бы существовать, не мѣшая другъ другу, однако между ними существуютъ постоянныя столкновенія. Я былъ бы огорченъ, говорилъ Боголѣповъ, если бы долженъ былъ идти противъ уважаемаго Константина Петровича Побѣдонос-

*) Къ сожалѣнію, это желаніе Государя никогда не было приведено въ исполненіе, благодаря уловкамъ тогдашняго министра финансовъ С. Ю. Витте.

цева, а между тѣмъ это можетъ оказаться неизбѣжнымъ. Я готовъ дѣлать всякія уступки, пока этимъ не нарушаются мои обязанности. Во всемъ, что̀ будетъ касаться интересовъ школы, я не уступлю ни шагу». Государь опять усмѣхнулся и сказалъ: «Ну, это будетъ ужъ мое дѣло регулировать столкновенія и примирять интересы двухъ министерствъ». Въ концѣ концовъ Ник. Павл. высказалъ свои опасенія на счетъ плохого вліянія Петербургскаго климата для здоровья жены и дочери. «Изъ всѣхъ вашихъ препятствій, отвѣтилъ Государь, только одно мнѣ представляется серьезнымъ—здоровье вашей семьи; все остальное не существенно». Ник. Пав. подтвердилъ, что и онъ считаетъ это обстоятельство существеннымъ, тѣмъ болѣе, что еслибы кто нибудь изъ семьи не въ состояніи былъ вынести Петербургскаго климата, онъ долженъ былъ бы просить Его Величество объ увольненіи, и тогда Его Величеству пришлось бы опять заботиться о подысканіи кандидата на министерскую должность. Государь благодарилъ Боголѣпова за откровенность объясненія и выразилъ надежду, что̀ онъ и впредь будетъ также откровененъ. На это Ник. Пав. отвѣтилъ, что единственное, за что онъ можетъ ручаться въ себѣ, это, что ничего не утаитъ отъ Государя и никогда не покривитъ душой. Два раза Государь повторялъ, что питаетъ довѣріе къ Н. П-чу по всему, что̀ о немъ знаетъ. «О вашемъ прямомъ характерѣ, добавилъ Государь, говорилъ мнѣ послѣдній разъ Великій Князь Сергій Александровичъ». Ник. Пав. благодарилъ Государя за Его милостивое довѣріе и въ заключеніе разсказалъ Ему, что Аничковъ предлагалъ ему въ тотъ же день, какъ онъ пріѣхалъ, взять его въ товарищи министра, но что онъ (Боголѣповъ) считалъ бы это неудобнымъ. Государь согласился съ тѣмъ, что это было бы неудобно, потому что Аничковъ старше Ник. П-ча. «Что же? продолжалъ Государь, можно будетъ ему предложить что нибудь почетное, сенаторство напр.». Ник. Пав. прибавилъ: «и содержаніе: онъ бѣдный и многосемейный человѣкъ». И съ этимъ Государь согласился. Уходя, Боголѣповъ просилъ разрѣшенія представить Государю, послѣ трехъ дней обдумыванія, свою докладную записку съ изложеніемъ предвидѣвшихся ему препятствій. Его Величество позволилъ и сказалъ, что пригласитъ, можетъ быть, Н. П-ча для окончательныхъ переговоровъ.

Вернувшись изъ дворца, Ник. Пав. тотчасъ же написалъ мнѣ письмо, въ которомъ выражалъ свое сожалѣніе, что почти согласился на предложеніе Государя. Мужъ писалъ: «Я старался припомнить и перечислить всѣ препятствія. Что̀ забылъ, изложу въ докладной запискѣ, которую долженъ подать въ собственныя руки. Если у тебя есть что нибудь въ умѣ, пиши, и если можно телеграфируй. Здѣсь, лицомъ къ лицу, труднѣе настаивать на отказѣ. Тѣмъ не менѣе, я,

кажется, сказалъ все, но боюсь твоего тайнаго укора, что я не отказалъ безусловно. Пріемъ былъ очень милостивый и деликатный. Вчера я въ первый разъ послѣ долгихъ лѣтъ искренно молился, прося Бога вразумить меня и дать рѣшимость дѣйствовать такъ, какъ подсказываетъ совѣсть». Въ другомъ мѣстѣ письма онъ писалъ мнѣ, что всю ночь не спалъ отъ терзавшихъ его сомнѣній. По прочтеніи этого письма, мнѣ вспомнилось измученное волненіями лицо мужа въ день его отъѣзда, и я стала себя упрекать, что вѣчными эгоистическими стремленіями къ покою и тихой семейной жизни я мѣшаю ему исполнять свои обязанности и усиливаю его мучительныя колебанія. Поэтому я поспѣшила отвѣтить мужу, сперва подробной телеграммой, затѣмъ подробнымъ письмомъ. Въ той и другомъ я горячо и искренно просила его слѣдовать указаніямъ своей совѣсти и не руководствоваться моими чисто-женскими страхами и эгоистическимъ желаніемъ покоя. Я увѣряла его, что сама буду впослѣдствіи мучиться, если вовлеку его въ эгоистичный образъ дѣйствій и помѣшаю ему исполнить свой долгъ.

Повидимому это письмо мое успокоило мужа. Онъ писалъ мнѣ черезъ два дня: «Вчера я получилъ твое письмо и телеграмму. Благодарю тебя безконечно за нихъ. Ты вливаешь въ душу мою покой. Первую ночь послѣ представленія Государю я почти не спалъ отъ мучительныхъ мыслей и сомнѣній, а сегодняшнюю ночь я уже спалъ лучше и теперь спокойнѣе».

Сослуживцы Боголѣпова, нѣкоторые профессора, родственники и друзья, всѣ опять настойчиво убѣждали его принять предлагаемую ему должность. Какъ и раньше передъ попечительствомъ, они твердили, что онъ не имѣетъ права отказываться отъ веденія дорогого ему и имъ всѣмъ дѣла, недостатки котораго онъ всегда порицалъ и горячо желалъ исправить. Вопреки своимъ колебаніямъ, Николай Павловичъ и самъ такъ думалъ. Да и Государь повидимому не намѣревался отступать отъ своего намѣренія; такъ по крайней мѣрѣ передавалъ моему брату министръ юстиціи Н. В. Муравьевъ. Когда на вопросъ послѣдняго: кажется, мы накануне назначенія Николай Павловичъ министромъ народнаго просвѣщенія братъ отвѣтилъ, что ничего еще не рѣшено, Муравьевъ сказалъ ему: «Напрасно вы такъ думаете; Государь твердо рѣшился назначить васъ».

Такимъ образомъ колебанія Н. П—ча мало по малу уступили мѣсто сознанію, что необходимо принять предлагаемыя тяжелыя отвѣтственныя обязанности. Черезъ три дня послѣ представленія Государю его докладная записка была готова. Въ ней, послѣ небольшого вступленія, Боголѣповъ вторично, но подробнѣе перечислялъ препятствія,

которыя могли бы мѣшать успѣшному ходу его будущей министерской дѣятельности.

Вотъ эта записка:

Его Императорскому Величеству.

Начиная свою записку, я чувствую потребность прежде всего повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества выраженіе моей глубокой благодарности за то, что Вы осчастливили меня Вашимъ высокимъ довѣріемъ. Испрашивая у Вашего Величества всемилостивѣйшее разрѣшеніе представить докладную записку, я руководился опасеніемъ, что я забуду упомянуть о какомъ-нибудь моемъ затрудненіи или личномъ недостаткѣ и тѣмъ введу Ваше Величество въ заблужденіе относительно моихъ силъ для исполненія трудной обязанности, которую Ваше Величество вознамѣрились возложить на меня. Взвѣсивъ въ болѣе спокойномъ настроеніи то, что̀ я имѣлъ счастіе лично доложить Вашему Императорскому Величеству, я рѣшаюсь не утруждать вниманія Вашего, Государь, повторительнымъ указаніемъ моихъ личныхъ недостатковъ. Не могу только не выразить еще разъ опасенія, что моя прямолинейность и неумѣніе скоро распознавать людей могутъ вызвать Ваше неудовольствіе и вредить дѣлу. Обращаясь къ внѣшнимъ затрудненіямъ, пріемлю смѣлость повергнуть на разсмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества лишь слѣдующія обстоятельства, которыя, при управленіи Министерствомъ, могли бы сдѣлать безплодными мои усилія.

Во-первыхъ, вслѣдствіе недостаточнаго содержанія служащихъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія болѣе способные люди уходятъ въ другія вѣдомства, гдѣ ихъ трудъ оплачивается лучше, а тѣ, которые остаются, не прилагаютъ всѣхъ усилій къ службѣ. При недостаткѣ же способныхъ и усердныхъ преподавателей и администраторовъ нельзя совершенствовать школьное дѣло, нельзя найти надежныхъ воспитателей, способныхъ противодѣйствовать нигилистическимъ и революціоннымъ вліяніямъ.

Во-вторыхъ, школьныя помѣщенія съ наплывомъ учащихся дѣлаются все тѣснѣе. Эта тѣснота не только не дозволяетъ многимъ вступать въ школу, но и вредно вліяетъ на здоровье вступившихъ. Цѣлому ряду поколѣній прививаются въ школѣ худосочіе и нервность, которыя такъ часто теперь замѣчаются у людей Русскаго образованнаго класса. Осмѣливаюсь высказать увѣренность, что увеличеніе содержанія служащихъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія и улучшеніе школьныхъ зданій съ годами принесло бы плоды сторицею. Безъ усиленія средствъ для этихъ цѣлей управляющій Министерствомъ будетъ не въ состояніи оправдать ожиданія Вашего Императорскаго Величества.

Въ-третьихъ, рядомъ съ школами Министерства Народнаго Просвѣщенія существуютъ школы Императорскаго Техническаго Общества, числящіяся формально въ вѣдѣніи Министерства, но въ дѣйствительности составляющія какъ бы особое вѣдомство съ своими инспекторами и преподавателями. Эти школы учреждаются главнымъ образомъ среди фабричныхъ рабочихъ, куда особенно направляетъ свои силы соціалистическая пропаганда. Министерство Народнаго Просвѣщенія отвѣчаетъ за ихъ дѣятельность, но, въ силу ихъ особаго устава, не имѣетъ достаточно средствъ, чтобы предохранять ихъ отъ ненадежныхъ преподавателей и нежелательнаго направленія. И въ этомъ случаѣ управляющій Министерствомъ можетъ навлечь на себя неудовольствіе Вашего Величества, не смотря на свои благія намѣренія.

Съ другой стороны, школы церковно-приходскія закономъ совершенно опредѣленно отграничены отъ школъ министерскихъ, а между тѣмъ, на практикѣ оба вѣдомства нерѣдко сталкиваются враждебно. Если виновникъ столкновенія подчиненъ Министерству, то устранить раздоръ не трудно; если же причина лежитъ въ другомъ вѣдомствѣ, то управ-

ляющій Министерствомъ, при полномъ уваженіи къ идеѣ церковно-приходскихъ школъ, можетъ, защищая законные интересы своихъ училищъ, придти въ столкновеніе съ почтенными и авторитетными лицами.

Что́ касается моихъ опасеній относительно вліянія Петербургскаго климата на здоровье моихъ семейныхъ, то я просилъ мою жену посовѣтоваться съ домашними врачами и нынѣ имѣю свѣдѣніе, что врачи высказались сравнительно-благопріятно.

Повергая свои опасенія и сомнѣнія на всемилостивѣйшее благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества, почитаю долгомъ еще разъ выразить передъ Вами, Государь, мою полную готовность, не смотря на сознаніе слабости моихъ силъ, служить Вашему Величеству и родинѣ съ безграничною вѣрностью тамъ, гдѣ Вы повелите. Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданнѣйшій слуга Николай Боголѣповъ.

22 Января 1898 года.

24 Января приглашенный во дворецъ Николай Павловичъ снова высказалъ свои сомнѣнія на счетъ своихъ силъ и умѣнья справиться съ трудной и отвѣтственной должностью. Въ отвѣтъ на это Его Величество изволилъ сказать: «Не ожидайте видѣть скорыхъ плодовъ своей дѣятельности. Наша жизнь такъ ничтожна и такъ коротка въ сравненіи съ жизнью цѣлаго государства, что каждый государственный дѣятель въ свою короткую жизнь можетъ сдѣлать весьма мало. Тѣмъ не менѣе надо прилагать всѣ свои силы на общую пользу». Очевидно, Государь имѣетъ высокій взглядъ на служеніе отечеству, и на себя Онъ смотритъ какъ на перваго слугу государства. Далѣе Его Величество высказалъ желаніе, чтобы указъ о назначеніи Боголѣпова былъ изданъ черезъ недѣлю и обѣщалъ одновременно устроить Аничкова. Николай Павловичъ просилъ двухнедѣльнаго срока, чтобы окончить нѣкоторыя дѣла въ Москвѣ. Государь разрѣшилъ.

Краткое пребываніе Боголѣпова въ Москвѣ было очень грустное. Тяжела была не только разлука съ городомъ, полнымъ друзей, родныхъ и знакомыхъ, среди которыхъ мы жили болѣе 40 лѣтъ, но тяжело было ожиданіе неизвѣстнаго будущаго, представлявшагося намъ нерадостнымъ и даже грознымъ.

Ник. Павл. долженъ былъ уѣхать ранѣе меня и дочери. Мы остались нѣкоторое время, чтобы уложиться. Удручающее впечатлѣніе произвелъ на насъ отъѣздъ мужа. На вокзалѣ собрались сослуживцы его, товарищи по университету, друзья и родные. Всѣмъ имъ онъ показался необычайно грустнымъ. Когда же Ник. Павл. сталъ прощаться съ провожавшими, въ его глазахъ показались слезы, что̀ случалось съ нимъ рѣдко. Въ отвѣтъ одному изъ товарищей профессоровъ, подбодрявшему его, Боголѣповъ сказалъ: «Я ѣду на крестъ».

На другой день своего вступленія въ новую должность Ник. Павл. обратился къ чинамъ Министерства Нар. Просв. съ слѣдующими словами: «Вступая въ должность управляющаго министерствомъ, я чувствую

потребность помянуть добрымъ словомъ графа Ивана Давыдовича. И для меня, и для васъ онъ былъ добрымъ начальникомъ. Я не претендую на то, чтобы замѣнить вамъ его, но постараюсь, чтобы вы не имѣли повода жаловаться на недостатокъ вниманія съ моей стороны къ вашимъ трудамъ, талантамъ и личнымъ нуждамъ. Я не буду развивать здѣсь свою программу. Скажу только, что не имѣю намѣренія производить ломку. Такова воля Его Величества, и я не рискнулъ бы принять настоящую должность, если бы не держался того же взгляда. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сама жизнь предъявляетъ новыя требованія отъ всѣхъ типовъ и степеней школъ. И такъ будемъ работать надъ усовершенствованіемъ существующаго и осмотрительно вводить новое».

Вскорѣ послѣ словъ, сказанныхъ чинамъ Министерства, Ник. Павл. подробнѣе выразилъ свои взгляды на воспитаніе и обученіе въ рѣчи, сказанной имъ на съѣздѣ завѣдующихъ промышленными училищами Министерства Народн. Просв. «Привѣтствуя васъ, началъ онъ свою рѣчь, я желаю вамъ успѣха въ дѣлѣ, отъ котораго мы ждемъ добрыхъ плодовъ. Съ задачами съѣзда вы уже знакомы, и я о нихъ не буду говорить. Я хочу сказать нѣсколько словъ по одному пункту чисто-педагогическаго характера. Вамъ придется между прочимъ обсуждать вопросъ объ исправленіи программъ промышленныхъ училищъ. Нѣкоторые преподаватели обнаруживаютъ большое рвеніе къ усиленію программъ. Прошу васъ помнить, что вы не только техники, но и педагоги, и что, при увеличеніи программъ, необходимо имѣть въ виду силы растущаго организма. Программы не должны превышать этихъ силъ. Это правило, къ сожалѣнію, нарушается почти во всѣхъ нашихъ школахъ—высшихъ, среднихъ и низшихъ. Я желаю слышать ваше мнѣніе и ваши доводы по вопросу, желательно и возможно ли сократить переводные экзамены. Затѣмъ, по вопросу о надзорѣ за поведеніемъ учениковъ въ школѣ и внѣ ея, понимая его въ болѣе широкомъ смыслѣ, въ смыслѣ воспитательнаго вліянія на учениковъ, я желалъ бы знать, какія мѣры принимаются вами и какія желательно предпринять для улучшенія этой первостепенной стороны школьнаго дѣла. Вамъ вѣдь приходится имѣть дѣло, особенно въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и съ такими учениками, которые не получаютъ должнаго воспитанія въ семьѣ и даже живутъ не въ семьяхъ, а на наемныхъ квартирахъ. Еще разъ желаю вамъ успѣха въ предстоящихъ занятіяхъ».

Рѣчи и самое назначеніе Боголѣпова на должность министра были радостно привѣтствованы многочисленными газетными статьями. Они весьма лестно отзывались о немъ какъ объ ученомъ, администраторѣ и педагогѣ, успѣвшемъ за долгіе годы своей учительской, профессорской, ректорской и попечительской дѣятельности многосторонне позна-

комиться съ учебнымъ дѣломъ. О рѣчахъ Николая Павловича говорилось въ «Новомъ Времени» въ статьѣ «Новые Пути».

«Въ томъ, что̀ до сихъ поръ Русское общество услышало отъ Н. П. Боголѣпова, съ чрезвычайной опредѣленностью звучитъ совсѣмъ для нашего уха мало привычная нота уваженія къ требованіямъ жизни. Мы не присутствуемъ ни при акламаціи: «нѣтъ классицизма, кромѣ классицизма», ни при благодушномъ безразличіи къ установленной системѣ, которая предшественникомъ Н. П. Боголѣпова была воспринята какъ система къ исполненію и продолженію. Н. П. Боголѣповъ выражается, какъ человѣкъ, желающій идти рука объ руку съ жизнью и жизненными требованіями своей родины; человѣкъ, помышляющій не о «боевой системѣ», но о дѣйствительномъ воспитанія будущихъ поколѣній. Немного словъ, но всѣ они съ большимъ содержаніемъ. Давнымъ давно Русскому обществу такихъ словъ слышать не приходилось. И этими словами завязываются нити довѣрія между учебнымъ вѣдомствомъ и обществомъ, того довѣрія, которое, можетъ быть, сто̀итъ болѣе всякой учебной системы».

Еще болѣе лестный и даже теплый отзывъ появился въ Швейцарской газетѣ «Бундъ», перепечатанной въ Петербург. Вѣдом. въ № 196. Авторомъ ея былъ Швейцарскій писатель Видманъ, тотъ самый, который по смерти Боголѣпова помѣстилъ статью о немъ въ Берлинскомъ журналѣ «Die Nation». (Статья эта переведена на Русскій языкъ и помѣщена во 2-й тетради «Русскаго Архива» за 1906 г.).

Какъ извѣстно, писатель Видманъ имѣлъ случай лично познакомиться съ Боголѣповымъ во время лѣтняго пребыванія послѣдняго въ Швейцаріи. Въ «Бундѣ» онъ писалъ, что ставитъ Россіи въ большую заслугу назначеніе Боголѣпова министромъ Народн. Просвѣщенія. Затѣмъ далѣе говорилъ: «Никогда еще не случалось мнѣ въ нѣсколько часовъ такъ сильно почувствовать, что имѣешь дѣло съ необыкновенно благороднымъ и выдающимся человѣкомъ, какъ это было при свиданіи съ этимъ Ру́сскимъ ученымъ, при всей его скромности и спокойствіи. Онъ не ослѣпляетъ какъ геній-художникъ, потому что его окружаетъ атмосфера безстрастнаго спокойствія истиннаго философа. Кто вступаетъ въ эту окружающую его атмосферу, испытываетъ благодѣтельное чувство душевнаго мира, который можетъ исходить только отъ высокихъ и совершенно-чистыхъ умовъ. Никакой напускной торжественности въ немъ нѣтъ. Все обращеніе является выраженіемъ серьезнаго міровоззрѣнія, проникнутаго прекраснѣйшимъ чувствомъ человѣчности. Въ бесѣдѣ съ Боголѣповымъ мы отъ ежедневнаго немедленно переносимся на высоту общихъ понятій, не испытывая однако леденого холода чисто-отвлеченныхъ преній. Напротивъ, изъ голубыхъ глазъ говорящаго то и дѣло сверкаетъ теплый лучъ человѣколюбія, дающій истинный отпечатокъ этому насквозь добродушному характеру».

Ник. Пав. Боголѣповъ поразилъ своего собесѣдника глубокимъ пониманіемъ Швейцарскихъ дѣлъ, и особенно положенія въ Швей-

царіи вопроса о народныхъ школахъ. Въ своихъ бесѣдахъ о нихъ и о Швейцарской промышленности онъ проводилъ интересныя параллели между Славянскими и Германскими расовыми особенностями.

Появились статьи и въ Еврейскихъ органахъ печати, какъ напр. въ «Хроникѣ Восхода». Высказавъ, подобно Русскимъ газетамъ, похвалу рѣчамъ Ник. Пав-ча и его обѣщаніямъ, они какъ бы предписывали новому министру подобную программу будущихъ его мѣропріятій относительно дѣла Еврейскаго образованія. Можно быть увѣреннымъ, что если Николай Павловичъ исполнилъ бы всѣ эти требованія, онъ не палъ бы отъ руки убійцы, Еврея.

Между тѣмъ какъ газетныя статьи радостно привѣтствовали Николая Павловича и какъ бы сулили ему всеобщее сочувствіе и благожелательное къ нему отношеніе Русскаго общества, жизнь его въ Петербургѣ на самомъ дѣлѣ съ первыхъ шаговъ была тяжелою и далеко нерадостною. Доказательствомъ этого можетъ служить настроеніе души Николая Павловича, выразившееся въ одномъ изъ его писемъ ко мнѣ. На мой вопросъ, почему онъ старается отдалить время нашего пріѣзда въ Петербургъ, мужъ писалъ: «Я не желаю, чтобы ты первое время была участницею моихъ тревогъ: онѣ могутъ подорвать твое здоровье. Все равно ихъ переживать неизбѣжно, и лучше безъ свидѣтелей. Да и проку отъ меня теперь мало: я нахожусь въ такомъ состояніи, какъ ты бываешь, когда бываетъ больна Маруся или я». Затѣмъ въ другомъ мѣстѣ письма онъ писалъ: «Еслибы ты знала, какъ иногда здѣсь съеживается душа моя отъ дѣлового холода!» Прежде всего тяжело отражалась на его впечатлительной душѣ непріязнь, съ которою его встрѣтили многіе его будущіе сослуживцы. Первые три дня по пріѣздѣ въ Петербургъ Николай Павловичъ посвятилъ оффиціальнымъ визитамъ, и уже тутъ сказались враждебное чувство къ нему нѣкоторыхъ изъ нихъ и холодная сдержанность большинства. Интересенъ визитъ, сдѣланный Николаемъ Павловичемъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода Побѣдоносцеву. Послѣдній полтора часа разговаривалъ съ нимъ сухо и несочувственно и въ концѣ концовъ посовѣтовалъ ему не пускать корней въ Петербургѣ. Когда Николай Павловичъ попросилъ его объяснить ему эти слова, Побѣдоносцевъ отвѣтилъ, что совѣтуетъ ему недолго оставаться въ Петербургѣ. На это Боголѣповъ замѣтилъ, что иначе смотритъ на исполненіе своихъ обязанностей и что, обѣщавъ Государю принять предлагаемое ему мѣсто, онъ не можетъ браться за дѣло съ предвзятою мыслью какъ можно скорѣе бросить его.

Такая непріязнь проистекала отъ разныхъ причинъ. Иные видѣли въ Боголѣповѣ будущаго противника ихъ взглядовъ и дѣятельности.

Другіе недоброжелатели Боголѣпова, при обнаружившемся расположеніи къ нему Государя, опасались его вліянія на молодого Царя, тѣмъ болѣе, что и они не сочувствовали его направленію. Многіе пренебрежительно относились къ его происхожденію и досадовали на его быстрое повышеніе, унижавшее ихъ. Но злѣйшій врагъ Николая Павловича обнаружился не вдругъ; онъ росъ постепенно, по мѣрѣ того, какъ обнаруживалась все опредѣленнѣе самостоятельность взглядовъ Николая Павловича. Этимъ врагомъ былъ С. Ю. Витте. Если бы новый государственный дѣятель обнаруживалъ увеличивавшуюся склонность подчиняться и уступать министру финансовъ, онъ могъ разсчитывать на милостивое, хотя иногда и пренебрежительное, отношеніе послѣдняго къ нему. Но горе человѣку съ самостоятельными взглядами, имѣющему прежде всего въ виду интересъ дѣла, которому онъ служитъ; въ такомъ случаѣ враждебныя выходки ловкаго человѣка преслѣдовали его на каждомъ шагу его дѣятельности, во всѣхъ самыхъ крупныхъ и дорогихъ ему начинаніяхъ. Характеръ отношеній министра финансовъ прежде всего имѣлъ потому значеніе для каждаго его сослуживца, что онъ сидѣлъ, какъ шутливо выражался Николай Павловичъ, у сундука и весьма скупо и неохотно надѣлялъ необходимыми средствами то министерство, во главѣ котораго стоялъ человѣкъ для него неудобный. Путемъ упорной борьбы приходилось такому министру отвоевать суммы необходимыя для успѣшнаго веденія дѣлъ его вѣдомства. Но нежелательно было также имѣть противникомъ государственнаго дѣятеля, не разбиравшаго средствъ для достиженія своихъ, невсегда благовидныхъ, цѣлей. Такимъ знаетъ графа Витте вся Россія. Между нимъ и Боголѣповымъ должна была возникнуть борьба на жизнь и на смерть, уже по одному тому, что они принадлежали совершенно противоположнымъ направленіямъ: одинъ хотѣлъ радикальной ломки всего государственнаго строя Россіи, для созданія новаго порядка на развалинахъ стараго; другой желалъ постепеннаго и медленнаго улучшенія и преобразованія существующаго, сообразно историческимъ условіямъ страны и современнымъ требованіямъ жизни. Но непріязнь, съ которою былъ встрѣченъ Боголѣповъ на первыхъ порахъ его министерской дѣятельности, меньше безпокоила и утомляла его, чѣмъ множество отвѣтственныхъ крупныхъ дѣлъ, въ которыхъ онъ былъ еще совершеннымъ новичкомъ, при чемъ ему нельзя было разсчитывать на помощь опытныхъ въ этихъ дѣлахъ ближайшихъ подчиненныхъ лицъ: послѣдніе внушали ему недовѣріе къ себѣ еще во время Бѣлоруссовской исторіи.

Такимъ образомъ, не имѣя опытныхъ и по крайней мѣрѣ преданныхъ помощниковъ, Боголѣповъ напряженно работалъ одинъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, входя самъ во всѣ дѣла до мельчайшихъ подробно-

ностей. Но, несмотря на трехмѣсячную усиленную работу, сопряженную съ постоянными тревогами, Николай Павловичъ не жаловался на утомленіе. Когда въ теченіе этихъ трехъ мѣсяцевъ я навѣстила мужа, его наружное спокойствіе и бодрость духа удивили меня. Между тѣмъ каждое утро ему приносили ужасающую кипу бумагъ, которую онъ долженъ былъ перечитывать и подписывать. Два раза въ недѣлю Боголѣповъ просиживалъ съ утра до вечера въ своемъ Министерствѣ, выслушивая безконечные доклады. Четыре раза въ недѣлю онъ засѣдалъ въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Комитетѣ Министровъ, при чемъ предварительно готовился къ этимъ засѣданіямъ, и наконецъ, ѣздилъ съ докладами къ Государю и дѣлалъ безчисленные оффиціальные визиты. Такая напряженная работа не могла безнаказанно продолжаться три мѣсяца.

Вскорѣ по вступленіи своемъ въ должность, Николай Павловичъ представилъ Его Величеству всеподданнѣйшій докладъ съ просьбою разрѣшить назначеніе товарищемъ министра народнаго просвѣщенія Московскаго профессора и ректора Н. А. Звѣрева, а директоромъ департамента В. А. Рахманова, въ то время правителя канцеляріи Московск. Учебн. Округа. Они долго служили вмѣстѣ во время перваго ректорства Боголѣпова, когда Рахмановъ былъ секретаремъ Совѣта Университета, и во время попечительства Боголѣпова, когда Рахмановъ былъ уже правителемъ канцеляріи. Прослуживъ много лѣтъ въ Московскомъ Учебномъ Округѣ, онъ пріобрѣлъ большую опытность въ дѣлахъ учебнаго вѣдомства. Къ сожалѣнію, намѣченные помощники не могли вступить на назначенную имъ должность, одинъ ранѣе Мая, другой ранѣе Іюня, потому что, по разнымъ служебнымъ обстоятельствамъ, должны были до извѣстнаго срока продолжать исполненіе своихъ обязанностей на мѣстахъ.

Много порицаній въ обществѣ и въ министерской средѣ вызвали эти назначенія. Недовольные находили, что надо было назначить на упомянутыя должности кого нибудь изъ извѣстныхъ Петербургскихъ дѣятелей, уже знакомыхъ съ служебными пріемами въ Министерствѣ, умѣющихъ напр. редактировать законопроекты. По ихъ мнѣнію въ особенности товарищъ министра, замѣняющій иногда министра въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Комитетѣ Министровъ, долженъ быть человѣкомъ съ свѣтскимъ лоскомъ и обладающимъ даромъ слова. Всего болѣе порицалъ выборъ Ник. Пав. министръ Муравьевъ, который это высказалъ моему брату. Къ тому же онъ находилъ, что Ник. Павловичу было пора чѣмъ нибудь проявить свою дѣятельность: поднять какіе нибудь вопросы, назначить комиссію и т. п. Почти тоже повторилъ моему брату директоръ департамента Министерства Юстиціи Ш.;

но въ ихъ укорахъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, сказалась досада, что Боголѣповъ не послушался Муравьева, не взявъ этого самаго директора департамента къ себѣ въ товарищи министра. На слѣдующій день послѣ этого разговора Николай Павловичъ ѣхалъ съ Муравьевымъ въ Петергофъ и спросилъ его: «Я слышалъ, что вы не одобряете моего выбора, почему?» Муравьевъ отвѣтилъ: «Я думаю, что они не могутъ быть вамъ помощниками». Николай Павловичъ объявилъ, что въ Министерствѣ Народн. Просвѣщ. прежде всего теперь нужны ему честные и умные дѣятели, потому что онъ окруженъ людьми, на которыхъ трудно положиться. «Мнѣ кажется, замѣтилъ тогда Муравьевъ, что Рахмановъ не можетъ быть искуснымъ редакторомъ законодательныхъ проектовъ».—«Онъ мнѣ нуженъ, возразилъ Боголѣповъ, для водворенія порядка въ департаментѣ, въ которомъ я съ каждымъ днемъ открываю все бо́льшую распущенность, дѣловую и нравственную. Вообще Петербуржцы, не любящіе Москвичей, не одобряли большаго наплыва послѣднихъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія. Изъ Москвы они ожидали мало хорошаго...

*

Въ виду того, что министерская дѣятельность Н. П. Боголѣпова протекла въ недавнемъ прошломъ, не имѣется пока той исторической отдаленности, которая позволяетъ передавать правду, ни о чемъ не умалчивая. Недосказанное и недоговоренное придало бы совершенно другую окраску дѣятельности Николая Павловича, сохранившаго до конца свой высокій, чистый образъ. Ограничусь на время нижеслѣдующимъ его отчетомъ по управленію Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.

*

Представляя на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества краткій отчетъ о дѣятельности Министерства Народнаго Просвѣщенія за три года 1898-й, 1899-й и 1900-й, считаю своимъ всеподданнѣйшимъ долгомъ объяснить, что первые годы моего вступленія въ управленіе Министерствомъ отчасти были мною затрачены на продолжительное путешествіе по Россіи для осмотра, личнаго изученія и ознакомленія въ подробностяхъ съ учебными заведеніями, персоналомъ и нуждами разнородныхъ учебныхъ учрежденій въ различныхъ частяхъ нашего отечества. Въ тѣхъ же самыхъ видахъ наилучшаго ознакомленія съ положеніемъ у насъ учебнаго дѣла я нѣсколько разъ посылалъ въ разные края Россіи своего товарища, тайнаго совѣтника Звѣрева. Я полагалъ, что лишь путемъ такого личнаго знакомства съ ввѣреннымъ мнѣ дѣломъ, я буду въ состояніи наилучшимъ образомъ слѣдовать предначертаніямъ и указаніямъ Вашего Величества, выполняя ихъ на благо дорогого отечества.

Прежде всего мое вниманіе остановилось на начальныхъ народныхъ школахъ, какъ сельскихъ, такъ и городскихъ всякагó рода и наименованій. Начальное образованіе повсюду считается основаніемъ просвѣщенія; на немъ зиждется все образованіе народа, и потому увеличеніе количества начальныхъ школъ составляетъ первый долгъ и обязанность вѣдомства, на которомъ лежатъ заботы о народномъ просвѣщеніи.

Къ сожалѣнію, по причинамъ, которыя отъ нашихъ усилій вполнѣ не зависятъ, начальное образованіе въ Россіи далеко отстало отъ другихъ видовъ просвѣщенія народа, и если наше среднее и высшее образованіе даетъ странѣ спеціалистовъ и ученыхъ, которые нерѣдко могутъ идти въ уровень со спеціалистами другихъ образованныхъ странъ, то въ начальномъ образованіи и распространеніи его въ массѣ народа мы находимся далеко позади всѣхъ народовъ Западной Европы. Самые расходы нашего государства по этому предмету сравнительно незначительны: въ 1897-мъ году (предшествовавшемъ моему вступленію въ Министерство) расходы назначенные по росписи на среднія учебныя заведенія въ два раза превосходили расходы на начальныя школы, и даже расходы на одни университеты поглощали около $^4/_5$ той суммы, которая расходовалась на начальное образованіе. Правда, о начальномъ народномъ образованіи у насъ заботятся нѣсколько вѣдомствъ независимо одного отъ другаго, но тѣмъ не менѣе лишь малая часть запросовъ народа на начальное образованіе удовлетворяется съ помощью государственныхъ, земскихъ, городскихъ и частныхъ средствъ; большая часть народа по недостатку школъ или мѣста въ нихъ не находитъ доступа къ удовлетворенію столь похвальной потребности, какъ жажда грамотности и просвѣщенія. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, имѣвшимся налицо въ годъ моего вступленія въ Министерство, общее число всѣхъ начальныхъ училищъ всѣхъ вѣдомствъ въ Имперіи ограничивалось цифрою 78.737 при числѣ учащихся въ 3.801.977 человѣкъ. Принимая населеніе Имперіи за 1897-й годъ (за исключеніемъ Финляндіи) равнымъ 127.000.000 человѣкъ, получимъ, что число учащихся въ начальныхъ училищахъ не составляетъ у насъ полныхъ 3% населенія; но нашъ школьный возрастъ обнимаетъ четыре категоріи однолѣтокъ отъ 8 до 11-ти-лѣтняго возраста, число коихъ опредѣляется у насъ, приблизительно, въ 9% всего населенія; т. е. другими словами, не менѣе $^2/_3$ дѣтей всего школьнаго возраста въ Имперіи остаются безъ возможности всякаго обученія по самому снисходительному расчету. Такой печальный результатъ получается вовсе не потому, чтобы не было у народа въ настоящее время желанія научиться грамотѣ: какъ правило, огромное большинство школъ переполнено учениками. Значительная часть (до 30.000) училищъ помѣщаются въ обыкновен-

ныхъ крестьянскихъ избахъ, въ которыхъ въ каждой съ трудомъ могли бы обучаться отъ 15—20 учениковъ; между тѣмъ, среднее число учениковъ у насъ—почти 50 человѣкъ на одну школу. Всюду, гдѣ у насъ открываются новыя школы, онѣ обыкновенно сразу наполняются учащимися, порою до такой степени, что отказъ въ пріемѣ за недостаткомъ мѣста начинается съ перваго же года существованія школы; вообще отказы въ начальномъ образованіи за недостаткомъ мѣста являются самой характерной чертой нашего обученія и представляютъ явленіе обычное для всѣхъ мѣстностей Россійской Имперіи отъ Бессарабіи до отдаленнѣйшихъ захолустьевъ Сибири. Мѣстами количество такихъ отказовъ достигаетъ столь значительныхъ размѣровъ, что поступленіе въ начальную школу является счастливою случайностью; даже въ Петербургѣ, съ его относительно-богатыми средствами для образованія, въ 1896—97-мъ учебномъ году пришлось отказать въ пріемѣ 5.800 дѣтямъ или почти половинѣ желавшихъ поступить въ училища. Для всей же Петербургской губерніи ежегодно среднимъ числомъ каждое училище, содержимое земствомъ, отказываетъ въ пріемѣ 16-ти ученикамъ, училище министерское—10-ти, церковно-приходское—11-ти; тоже самое повторяется въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ по всему государству; даже въ Сибири, по всеподданнѣйшему докладу статсъ-секретаря Куломзина, отказъ въ образованіи за послѣдніе годы сдѣлался въ жизни многихъ сельскихъ и городскихъ училищъ явленіемъ хроническимъ, не смотря и на то, что свѣдѣнія о многихъ отказахъ ускользаютъ отъ регистраціи. Наиболѣе любопытно, что отъ недостатка средствъ къ образованію больше всего терпитъ коренное Русское православное населеніе, и многіе инородцы гораздо лучше обезпечили свою потребность въ образованіи, нежели Русскіе. Позволю себѣ ограничиться немногими примѣрами: въ Таврической губерніи одна Русская школа приходится на 1200 душъ Русскаго населенія, тогда какъ для Татарскаго имѣется одна школа на 388 Татаръ; въ Херсонской губерніи имѣется 31 пунктъ съ численностью населенія отъ 1000 до 1800 душъ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ никакой школы, между тѣмъ какъ Нѣмцы-колонисты и Евреи этой губерніи поголовно грамотны; въ Эриванской губерніи на одну Русскую школу существуетъ три Армянскихъ, въ Бакинской—на одну Русскую—семь Татарскихъ и т. д.

Эта скудость удовлетворенія столь существенной потребности народа въ начальномъ образованіи конечно объясняется недостаткомъ матеріальныхъ средствъ, находившихся между прочимъ въ распоряженіи Министерства Народнаго Просвѣщенія. Такъ, при моихъ предшественникахъ въ 1881—1895-г., то есть въ теченіе 15 лѣтъ, средства, отпускаемыя на устройство и содержаніе начальныхъ народныхъ училищъ

оставались почти неизмѣнными, и лишь съ слѣдующаго затѣмъ года начинается ихъ увеличеніе, но соотвѣтственно въ такой малой степени, что отпускаемыхъ кредитовъ недостаетъ на удовлетвореніе самыхъ насущныхъ потребностей дѣла; такъ по смѣтѣ 1897-го года увеличеніе выразилось всего лишь въ цифрѣ 250.000 р., по смѣтѣ на 1898-й годъ (которую мнѣ пришлось выполнить) кредитъ былъ увеличенъ лишь на 200.000 р., и въ виду крайней безотлагательности дѣла я обратилъ особое вниманіе на этотъ вопросъ. Прогрессивное увеличеніе мѣстныхъ ходатайствъ о пособіяхъ на устройство и содержаніе училищъ должно было составить по моему расчету къ 1-му Января 1899-го года не менѣе 2.700.000 рублей. Ограничивая до возможности удовлетвореніе ходатайствъ и уменьшая потребныя для того средства, я тѣмъ не менѣе долженъ былъ войти въ Государственный Совѣтъ съ ходатайствомъ высочайшаго Вашего Императорскаго Величества соизволенія на увеличеніе кредита Министерства Народнаго Просвѣщенія по сему предмету, начиная съ 1899 года, всего лишь на 1.000.000 рублей. Предварительно съ симъ я вошелъ въ соглашеніе съ Министерствомъ Финансовъ, которое однако, въ виду ослабленія въ поступленіи государственныхъ доходовъ, по случаю недорода, предложило ограничиться 500.000 р. и, вслѣдствіе ходатайства моего отъ 18-го Сентября 1898-го года воспослѣдовало это дополнительное ассигнованіе по 500.000 р. въ годъ съ 1899-го года на устройство и содержаніе начальныхъ народныхъ училищъ, что̀ сдѣлало возможнымъ удовлетвореніе хоть малой части болѣе настоятельныхъ нуждъ по этому отдѣлу народнаго просвѣщенія.

Эта мѣра являлась первымъ моимъ шагомъ въ заботахъ о расширеніи численности училищъ и способовъ удовлетворенія потребности въ народномъ образованіи. Всего въ теченіе трехъ лѣтъ, кончая 1898 годомъ, текущія потребности начальнаго образованія были исчислены въ суммѣ болѣе 4.500.000 рублей; кредитъ же въ дѣйствительности, былъ увеличенъ за всѣ эти три года въ суммѣ 950.000 руб. Столь значительная неудовлетворенность народныхъ потребностей начальнаго образованія естественно вызвала и продолжаетъ вызывать особое вниманіе Министерства къ данному вопросу, и въ слѣдующемъ еще году я предполагалъ ходатайствовать объ отпускѣ изъ казны съ 1900 года въ дополненіе къ ассигнуемымъ нынѣ на содержаніе народныхъ училищъ суммамъ по 1.500.000 руб. въ годъ. По предварительному, однако, сношенію съ г. министромъ финансовъ, въ виду невполнѣ благопріятныхъ условій прошлаго хозяйственнаго года, мое ходатайство было въ дѣйствительности удовлетворено лишь на 500.000 р., на кои воспослѣдовало утвержденіе Государственнаго Совѣта и соизволеніе Вашего Императорскаго Величества. Такъ какъ большая часть ассигнованныхъ

кредитовъ была скоро истощена, а Министерство Народнаго Просвѣщенія уже въ Іюнѣ настоящаго 1900 года имѣло предъ собой множество неудовлетворенныхъ требованій помощи на 2.990.000 руб.: то оно рѣшило возбудить установленнымъ порядкомъ ходатайство о новомъ усиленіи кредитовъ, о дополнительномъ отпускѣ въ 1901 году 1.300.000 руб. на устройство и содержаніе начальныхъ и приходскихъ училищъ. Министерство полагало, что потребность въ начальномъ образованіи для страны, гдѣ учится лишь $1/3$ дѣтей школьнаго возраста, не принадлежитъ къ числу такихъ, чтобы возможно было ожидать въ будущемъ какого либо ея ослабленія. Къ сожалѣнію, по сношеніи съ г. министромъ финансовъ, Министерство Народнаго Просвѣщенія получило на этотъ разъ, въ виду расходовъ вызванныхъ затрудненіями на Востокѣ, рѣшительный отказъ въ желательномъ отпускѣ новаго кредита въ 1901 году и предложеніе отложить разрѣшеніе сего вопроса до болѣе благопріятнаго времени.

Другой важной мѣрой, принятой въ области начальнаго образованія, слѣдуетъ считать измѣненіе правилъ о распредѣленіи суммъ на начальное образованіе. По прежнимъ узаконеніямъ еще въ 60-хъ годахъ Государственный Совѣтъ вмѣнилъ Министерству Народнаго Просвѣщенія въ обязанность открывать преимущественно одноклассныя образцовыя училища, но въ тоже время сильно ограничилъ размѣръ ихъ содержанія сравнительно съ двухклассными училищами: въ то время какъ для послѣднихъ отпускъ казенныхъ средствъ опредѣленъ въ 1000 руб., для одноклассныхъ всего лишь 226 рублей. При примѣненіи этого закона 1869-го года Министерство Народнаго Просвѣщенія встрѣчало постоянно затрудненія въ дѣлѣ открытія одноклассныхъ образцовыхъ училищъ въ виду ограниченности именно правительственной субсидіи 226 р., выдаваемой земству или инымъ учрежденіямъ, желающимъ открыть у себя одноклассное училище. При этомъ до извѣстной степени затрудненіемъ было также и то обстоятельство, что попечители не имѣли права своей властью назначать вышеуказанное пособіе и должны были въ каждомъ случаѣ ходатайствовать въ Министерствѣ. Въ измѣненіе этихъ правилъ я сдѣлалъ представленіе въ Государственный Совѣтъ, гдѣ оно было принято и удостоено высочайшаго утвержденія въ томъ смыслѣ, что попечителямъ предоставлено право собственной властью разрѣшать открытіе какъ одноклассныхъ, такъ и двуклассныхъ училищъ съ отпускомъ изъ ассигнованныхъ въ ихъ распоряженіе на содержаніе народныхъ училищъ кредитовъ: на одноклассныя училища 500 рублей вмѣсто 226 руб., а на двухклассныя до тысячи рублей ежегодно. Мнѣ предоставлено увеличивать собственной властью размѣръ вышеозначенныхъ пособій для первыхъ до

700 руб., для вторыхъ до 1400 руб.; дальнѣйшее же увеличеніе допускается не иначе, какъ по соглашенію съ г. министромъ финансовъ.

Сверхъ сего, въ тѣхъ же видахъ возможнаго увеличенія способовъ къ удовлетворенію потребности въ начальномъ образованіи, Министерство обратило вниманіе на нужды городскихъ, уѣздныхъ и окружныхъ училищъ, коихъ находится въ вѣдѣніи Министерства 527 городскихъ и 131 уѣздныхъ и окружныхъ. Такъ какъ многія изъ нихъ помѣщаются въ наемныхъ зданіяхъ, часто далеко неприспособленныхъ для учебныхъ заведеній, а нерѣдко прямо тѣсныхъ и неудобныхъ, то Министерство нашло полезнымъ въ видахъ улучшенія и расширенія помѣщеній образовать при центральномъ управленіи для этого спеціальный капиталъ; эта цѣль достигается путемъ отчисленія для сего четырехъ процентовъ изъ сбора за ученіе въ названныхъ училищахъ, и ходатайство мое по данному предмету было удостоено Вашего Императорскаго Величества соизволенія. Къ вышесказанной мѣрѣ присоединяется отпускъ изъ казны новыхъ кредитовъ на нужды городскихъ училищъ вслѣдствіе моихъ ходатайствъ. Еще въ 1872-мъ году состоялось постановленіе о преобразованіи всѣхъ уѣздныхъ училищъ въ городскія, но тѣмъ не менѣе даже въ 1899-мъ году оставалось 114 уѣздныхъ училища, гдѣ это преобразованіе не могло обойтись безъ пособій изъ средствъ Государственнаго Казначейства. Между тѣмъ, въ виду крайней важности и полезности этого типа учебныхъ заведеній для потребностей городского населенія, предстоитъ настоятельная необходимость открыть кромѣ того новыя городскія училища, гдѣ ихъ не было совсѣмъ. Ходатайство мое объ отпускѣ на этотъ предметъ новыхъ средствъ по предварительному соглашенію съ г-номъ министромъ финансовъ было удовлетворено, и для данной цѣли ассигновано по § 8 смѣты Министерства Народного Просвѣщенія въ 1900-мъ году—50000 рублей, въ 1901-мъ году 100000 рублей, въ 1902-мъ году 150000 рублей, въ 1903-мъ году—200000 рублей и, начиная съ 1904-го года, ежегодно по 250000 рублей. При этомъ мнѣ предоставлено было право, безъ особаго разрѣшенія Государственнаго Совѣта, не выходя изъ предѣловъ означенныхъ кредитовъ, расходовать таковые по предварительному соглашенію съ г. министромъ финансовъ на открытіе новыхъ и усиленіе средствъ уже существующихъ городскихъ училищъ. Черезъ это достигались одновременно двѣ цѣли: городское населеніе получило новое средство къ удовлетворенію своей потребности въ образованіи въ формѣ новыхъ городскихъ училищъ, а Государственный Совѣтъ избавлялся отъ затрудненія разсматривать ежегодно многочисленные вопросы объ отпускѣ изъ казны множества незначительныхъ по размѣру кредитовъ на ту или

иную потребность этого ряда, возникавшихъ вслѣдствіе множества ходатайствъ разныхъ городскихъ обществъ.

Вслѣдъ за увеличеніемъ способовъ къ умноженію численности всякаго рода начальныхъ училищъ и облегченія народу доступа къ элементарному образованію, главнѣйшей моей заботой являлось улучшеніе самаго преподаванія и его пріемовъ въ начальныхъ школахъ. Такъ, считая весьма важнымъ, ради лучшей постановки учебнаго дѣла въ народныхъ школахъ, расширять и поддерживать пріобрѣтаемыя народными учителями въ учительскихъ семинаріяхъ познанія, я старался содѣйствовать учрежденію такъ называемыхъ педагогическихъ музеевъ, которые представляютъ возможность желающимъ знакомиться со всѣми отраслями педагогической науки, наглядными учебниками, воспитательными пособіями и новѣйшими лучшими системами. Для этого было мною испрошено черезъ Комитетъ Министровъ высочайшее Вашего Императорскаго Величества соизволеніе на предоставленіе мнѣ права учреждать собственной властью педагогическіе музеи и утверждать для нихъ въ потребныхъ случаяхъ уставы. Открытіе этихъ музеевъ предполагается производить какъ на средства состоящія въ распоряженіи Министерства Народнаго Просвѣщенія, такъ и на суммы, которыя могутъ быть съ этою цѣлью добровольно собираемы среди лицъ, занимающихся преподаваніемъ въ народныхъ училищахъ и другихъ дѣятелей по народному образованію.

Въ виду той пользы, которую долженъ оказать обмѣнъ мыслей преподавателей по разнымъ педагогическимъ вопросамъ, 26-го Ноября 1899-го года выработаны были по моему указанію временныя правила о съѣздахъ учащихъ въ народныхъ училищахъ. Въ сихъ правилахъ изложены, какъ организація самихъ съѣздовъ, такъ и условія ихъ открытія и веденія съ цѣлью обезпечить съѣздамъ возможно наилучшій результатъ ихъ дѣятельности.

Точно также, въ интересахъ облегченія и улучшенія способовъ обученія, въ 1899-мъ году мною были приняты мѣры по вопросу о выработкѣ положенія и правилъ общедоступныхъ математическихъ курсовъ для народа, состоящихъ въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія. Ходатайства объ устройствѣ курсовъ по общеобразовательнымъ и спеціальнымъ предметамъ, по запросамъ постороннихъ вѣдомствъ и частныхъ лицъ, затруднялись часто тѣмъ обстоятельствомъ, что такіе курсы, какъ нѣчто новое, представлялись неподходящими ни подъ одинъ изъ знакомыхъ видовъ распространенія знаній въ народѣ, дозволенныхъ закономъ. Поэтому, признавая желательнымъ подтвердить законодательнымъ порядкомъ положеніе о такихъ общедоступныхъ народныхъ курсахъ, Министерство Народнаго Просвѣщенія поручило и своему Учено-

му Комитету выработать, въ видахъ устраненія въ будущемъ сказанныхъ затрудненій, какъ положеніе о названныхъ курсахъ, такъ и правила ихъ организаціи и надзора за ними. Положеніе и правила эти съ соблюденіемъ всѣхъ интересовъ образованія и облегченія ихъ устройства были разосланы мною на заключеніе попечителей учебныхъ округовъ съ тѣмъ, чтобы, обсудивъ обстоятельно, поставить данный вопросъ на болѣе твердую почву.

Помимо административно-педагогическихъ мѣръ, въ интересахъ успѣшнаго хода преподаванія въ начальныхъ училищахъ, играетъ также немаловажную роль и правильная постановка школьнаго надзора. Въ этомъ отношеніи замѣчается еще бо̀льшіе пробѣлы въ существующей организаціи надзора, которые съ давнихъ поръ составляли предметъ постояннаго попеченія центральнаго управленія Министерства Народнаго Просвѣщенія. Такъ въ нѣскольких губерніяхъ совсѣмъ не имѣется столь важнаго органа школьнаго надзора, какъ директоровъ народныхъ училищъ, обязанности коихъ возлагались частью на инспекторовъ или начальниковъ среднихъ учебныхъ заведеній, между тѣмъ самое дѣло преподаванія безъ должнаго попеченія и надзора не можетъ вестись достаточно успѣшно и согласно съ видами правительства. Директоры и инспекторы народныхъ училищъ не только наблюдаютъ за внѣшнимъ, но и за внутреннимъ благоустройствомъ народныхъ училищъ, за ихъ матеріальною обезпеченностью, педагогической компетентностью преподавательскаго персонала, являясь, въ силу возложенныхъ на нихъ обязанностей, часто руководителями и лучшими наставниками и совѣтчиками въ самыхъ пріемахъ и способахъ преподаванія (§ 8 инструкціи директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ); они пекутся о пріисканіи способныхъ и надежныхъ кандидатовъ въ учителя для открывающихся вакансій и о замѣщеніи оныхъ, наблюдаютъ за наилучшей практической подготовкой этихъ кандидатовъ и вообще заботятся обо всей учебной и нравственной части преподаванія, какъ за объемомъ и содержаніемъ его, такъ и за методомъ и характеромъ прохожденія въ школахъ обязательныхъ и необязательныхъ предметовъ, продолжительности учебнаго періода и вакаціоннаго времени (отъ § 10—17-го инструкціи).

Въ виду всѣхъ этихъ многосложныхъ и важныхъ для успѣшности хода преподаванія обязанностей, являются, конечно, значительной помѣхой указанные выше пробѣлы или неимѣніе для нѣкоторыхъ губерній и областей Россіи нужнаго персонала директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ. Для этого Министерство Народнаго Просвѣщенія 30-го Октября 1899 года представило на благоусмотрѣніе Государственнаго Совѣта объ учрежденіи съ 1-го Іюля 1900 года должности директоровъ народныхъ училищъ для пяти губерній и одной

области и 55-ти новыхъ должностей инспекторовъ народныхъ училищъ. Съ начала же, т. е. съ 1-го Января 1901 года, Министерство ходатайствовало отпускать средства на содержаніе 108 новыхъ должностей инспекторовъ народныхъ училищъ и, вдобавокъ, учредить канцеляріи при директорахъ народныхъ училищъ. Установленіемъ этихъ мѣръ лучшаго и болѣе тщательнаго школьнаго надзора Министерство Народнаго Просвѣщенія надѣется обезпечить лучшій ходъ преподаванія въ народныхъ училищахъ. Благодаря этимъ мѣрамъ, т. е. пріобрѣтенію средствъ для болѣе надежнаго контроля, окажется возможнымъ значительно расширить и самое число начальныхъ народныхъ училищъ, какъ сельскихъ, такъ и городскихъ.

Но никакое школьное преподаваніе не можетъ, разумѣется, вестись успѣшно, если учащія лица не обставлены удовлетворительно въ матеріальномъ отношеніи; къ сожалѣнію, учительскій персоналъ начальныхъ, какъ одноклассныхъ, такъ и двухклассныхъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, является далеко недостаточно обезпеченнымъ. Содержаніе учителей и учительницъ въ среднемъ размѣрѣ не превышаетъ 250 рублей въ годъ; поэтому семейный учитель долженъ постоянно испытывать тяжкую нужду; о какомъ либо сбереженіи на случай старости и инвалидности или обезпеченіи въ будущемъ не можетъ быть и рѣчи. По этой причинѣ многіе изъ учителей начальныхъ школъ бросаютъ свою профессію при первой возможности, какъ только открывается какое-нибудь болѣе выгодное поле дѣятельности; такъ за послѣднія 20 лѣтъ были случаи ухода народныхъ учителей изъ начальныхъ училищъ на другого рода занятій. Когда вводился институтъ полицейскихъ урядниковъ, многія училища должны были прекратить свою дѣятельность за поступленіемъ учителей въ полицейскіе урядники, и теперь тоже самое замѣчается въ мѣстностяхъ, гдѣ вводится казенная продажа питей за переходомъ учителей массами въ акцизное вѣдомство. Но если болѣе способные и живые преподаватели начальныхъ школъ покидаютъ въ видахъ улучшенія своего матеріальнаго благосостоянія учебныя занятія, то конечно остаются лишь менѣе способные, для которыхъ школа представляется своего рода богадѣльней. Съ такими учителями, разумѣется, народное образованіе не можетъ сдѣлать большихъ успѣховъ. Частыя смѣны преподавателей въ свою очередь представляютъ существенное препятствіе къ успѣшному обученію; чѣмъ больше расширяется дѣло народнаго образованія и увеличивается число училищъ и учащихся, тѣмъ указанное зло становится серьезнѣе и значительнѣе, и устраненіе его должно стать предметомъ государственныхъ соображеній.

Мысль о необходимости обезпечить положеніе учителей народныхъ училищъ возникла почти одновременно съ возникновеніемъ послѣднихъ, но до сихъ поръ она не выходила изъ области предположеній, благихъ пожеланій и неокончательныхъ попытокъ. Въ настоящее время Министерство Народнаго Просвѣщенія вновь обратило вниманіе на этотъ важнѣйшій предметъ. Вступивъ въ Февралѣ 1898 года въ управленіе Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, я не могъ не усмотрѣть настоятельной необходимости дать дѣлу объ учрежденіи пенсіонной кассы для учителей Министерства Народнаго Просвѣщенія дальнѣйшее движеніе; съ этою цѣлью была назначена комиссія и выработанъ проектъ устава пенсіонной кассы для народныхъ учителей на началахъ страховой системы. Этотъ выработанный комиссіей проектъ былъ разосланъ на заключеніе заинтересованнымъ вѣдомствамъ, при чемъ Министерство Финансовъ заявило съ своей стороны, что не встрѣчаетъ препятствій къ отпуску изъ суммъ Государственнаго Казначейства предположенной субсидіи кассѣ въ размѣрѣ 6% содержанія учителей, а также къ принятію на счетъ казны расходовъ по содержанію управленія кассою. Обязательными участниками новой кассы состоятъ учителя и учительницы училищъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, которыя вполнѣ или частью содержатся на счетъ суммъ, состоящихъ въ распоряженіи сего Министерства. Затѣмъ въ составъ обязательныхъ участниковъ предположено зачислять учителей и учительницъ школъ, содержимыхъ на счетъ казны по смѣтамъ двухъ вѣдомствъ, если по этимъ смѣтамъ будетъ ассигнованъ кредитъ на уплату въ доходъ кассы установленной въ 6% субсидіи, а также учителя и учительницы начальныхъ училищъ содержимыхъ земскими и городскими учрежденіями и сельскими обществами, если они состоятъ въ вѣдѣніи Министерства и обяжутся уплачивать 6% субсидіи. Средства проектированной кассы главнымъ образомъ состоятъ слѣдовательно изъ 6% вычета изъ жалованья участниковъ кассы и 6% субсидіи. Субсидіи эти вносятся за обязательныхъ участниковъ кассы изъ казны или спеціальныхъ капиталовъ, или же земствами, городами и сельскими обществами соотвѣтственно тѣмъ источникамъ, на счетъ которыхъ содержатся училища. Кромѣ того сюда присоединяются конечно добровольныя пожертвованія и суммы, завѣщанныя въ пользу кассы. Во всякомъ случаѣ пенсіонная касса народныхъ учителей и учительницъ имѣетъ цѣлью обезпечить участниковъ кассы и их семейства пенсіями независимо отъ тѣхъ, которыя будутъ имъ слѣдовать на основаніи другихъ уставовъ. Уставъ пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ представленъ на высочайшее Вашего Императорскаго Величества утвержденіе, а дѣйствія кассы должны открыться съ 1-го Янва-

ря 1901-го года. Съ того же срока въ составѣ департамента народнаго просвѣщенія устанавливается соотвѣтственное управленіе этой пенсіонной кассы и тогда же начинается ежегодный отпускъ изъ суммъ Государственнаго Казначейства по 120,000 руб. въ пособіе кассѣ и по 14,400 руб. на содержаніе управленія кассою. Такимъ образомъ я полагаю, что вышеозначенной мѣрой, т. е. устройствомъ пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ, дѣлается первый шагъ для обезпеченія до нѣкоторой степени участи народныхъ учителей и учительницъ подъ старость, а косвенно несомнѣнно обезпечивается бо́льшая устойчивость и привязанность къ своимъ занятіямъ этихъ столь полезныхъ тружениковъ народнаго просвѣщенія.

Сверхъ того, по данному вопросу улучшенія быта учащаго персонала, за указанные три года исполненія мною обязанностей министра, мною приняты еще двѣ мѣры относительно городскихъ училищъ, а именно 2-го Февраля 1898 года высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта, въ силу коего пенсіонный окладъ должностныхъ лицъ городскихъ училищъ, по Положенію 31-го Мая 1872 года, въ Рижскомъ учебномъ округѣ, рѣшено сравнять съ окладами присвоенными соотвѣтствующимъ должностнымъ лицамъ въ уѣздныхъ училищахъ 1-го разряда. Тѣмъ же повелѣніемъ Вашего Императорскаго Величества всѣмъ вообще помощникамъ учителей городскихъ училищъ присвоены пенсіи по учебной службѣ изъ окладовъ 200 руб. Кромѣ того, радѣя объ интересахъ того же учительскаго персонала, я испросилъ 21-го Марта 1900 г. отпускъ кредита для выдачи (согласно статьѣ 231 Устава Служ. Прав. изд. 1896 г.) третного не въ зачетъ жалованья лицамъ, опредѣляемымъ на должности учителей и учительницъ приходскихъ училищъ по 20.000 рублей. Беру въ заключеніе смѣлость завѣрить, что преподаваніе въ народныхъ школахъ, какъ я имѣлъ возможность убѣдиться изъ личныхъ своихъ наблюденій, такъ и товарища моего тайнаго совѣтника Звѣрева, поставлено вполнѣ правильно и ведется въ религіозномъ, патріотическомъ духѣ.

Слѣдующее за начальнымъ образованіемъ болѣе обширное поле дѣятельности для Министерства Народнаго Просвѣщенія представляетъ собою среднее образованіе. По суммѣ затрачиваемыхъ государственныхъ средствъ на среднее образованіе среднія школы обходятся государству (не считая расходовъ на центральную администрацію) въ два раза дороже, чѣмъ расходы на начальныя школы и слишкомъ въ два раза, чѣмъ на высшее образованіе. Хотя и здѣсь потребности въ среднемъ образованіи далеко не удовлетворены въ достаточной степени, но тѣмъ не менѣе острая нужда въ расширеніи численности средняго типа учебныхъ заведеній чувствуется меньше (исключая большихъ городовъ

и столицъ, гдѣ въ настоящее время усиліями Министерства Народнаго Просвѣщенія и увеличивается число среднихъ учебныхъ заведеній), чѣмъ въ народныхъ школахъ. Министерство Народнаго Просвѣщенія полагаетъ, что, удовлетворяя настоятельной потребности даннаго времени въ профессіональномъ и промышленномъ образованіи и увеличивъ число послѣднихъ школъ, оно можетъ надѣяться на то, что часть учащихся постепенно отъ общихъ среднихъ учебныхъ заведеній должна отливать въ эти профессіональныя, торгово-промышленныя школы, постоянно открываемыя помимо Министерства Народнаго Просвѣщенія и заботами другихъ вѣдомствъ, особенно Министерства Финансовъ. Въ виду этого соображенія относительно среднихъ учебныхъ заведеній Министерство Народнаго Просвѣщенія ограничилось въ вопросѣ объ расширеніи существующихъ заведеній лишь затратами отчасти въ счетъ кредита 1900 года 60,000 руб. на строительныя надобности нѣкоторыхъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній. Въ виду означенныхъ соображеній заботы Министерства о среднемъ образованіи сосредоточились главнымъ образомъ на двухъ пунктахъ: на мѣрахъ объ улучшеніи самой средней школы какъ по качеству и свойству преподаванія, такъ и на улучшеніе самого учебнаго персонала въ средней школѣ; во-вторыхъ, заботы Министерства о среднемъ образованіи выразились въ видѣ мѣръ о нуждахъ и матеріальномъ обезпеченіи преподавателей. Министерство полагаетъ, что лишь отъ преподавателей, должнымъ образомъ обезпеченныхъ въ своихъ нуждахъ, можно требовать и ожидать должнаго выполненія ихъ обязанностей. Съ улучшеніемъ качествъ преподаванія прекратился бы вѣроятно и острый вопросъ о достоинствахъ того или иного типа средней школы.

На первомъ мѣстѣ моихъ заботъ объ улучшеніи качества преподаванія въ средней школѣ слѣдуетъ поставить учрежденіе комиссіи, съ высочайшаго Вашего Величества соизволенія подъ моимъ предсѣдательствомъ, для разсмотрѣнія недостатковъ и неудовольствій въ публикѣ на существующія нынѣ среднія учебныя заведенія.

Возникла необходимость въ учрежденіи такой комиссіи. Уже давно среди педагоговъ и родителей учащихся въ нашихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ слышатся жалобы на недостатки этихъ учебныхъ заведеній; указываютъ, напримѣръ, на бюрократическій характеръ средней школы, на сухой формализмъ и мертвенность, тамъ якобы господствующіе, на ложныя взаимныя отношенія преподавателей и учениковъ, на нежелательную специализацію школы въ самыхъ младшихъ классахъ, на чрезмѣрность ежедневной умственной работы, возлагаемой на учениковъ, на излишнее преобладаніе въ гимназіяхъ древнихъ языковъ и неправильную постановку ихъ преподаванія съ одной стороны и недо-

статокъ преподаванія Русскаго языка, Русской исторіи, Русской литературы съ другой. Всѣ эти и подобныя имъ жалобы и указанія, не лишенныя извѣстной доли справедливости, давно уже обращали на себя вниманіе многихъ изъ лучшихъ нашихъ опытныхъ и выдающихся педагоговъ, и съ цѣлью ихъ разсмотрѣнія и провѣрки еще лѣтомъ 1899 года я рѣшился созвать въ теченіе предстоявшей зимы въ Петербургѣ особенную съ этой цѣлью комиссію, но предварительно счелъ нужнымъ обратиться съ циркуляромъ къ попечителямъ всѣхъ округовъ съ просьбой объ организаціи необходимыхъ для того предварительныхъ работъ въ видѣ избранія нѣсколькихъ лицъ по каждому округу изъ числа наиболѣе образованныхъ руководителей и преподавателей по возможности обѣихъ общеобразовательныхъ Русскихъ среднихъ школъ (гимназій и реальныхъ училищъ) и разныхъ направленій, господствующихъ среди педагоговъ. Въ руководство избраннымъ попечителями лицамъ я счелъ необходимымъ сообщить нѣкоторыя указанія, которыя предполагалъ дать вновь учреждаемой комиссіи по среднимъ школамъ.

Задача комиссіи должна была состоять въ томъ, чтобы всесторонне обсудить существующій строй средней школы въ тѣхъ двухъ видахъ, въ которыхъ она теперь имѣется налицо и подвергнуть также предварительному разсмотрѣнію видоизмѣненія существующихъ типовъ школы, которыя могутъ возникнуть при обсужденіи перваго вопроса. Во вторыхъ, я выразилъ желаніе, чтобы заключенія комиссіи являлись въ формѣ мотивированныхъ и разработанныхъ положеній, основанныхъ на наблюденіяхъ образованныхъ и опытныхъ педагоговъ, а не представляли собой лишь отвлеченныя разсужденія; въ третьихъ, я рекомендовалъ комиссіи руководиться соображеніями, что къ цѣли улучшенія существующихъ гимназій и реальныхъ училищъ должно идти постепенно и осторожно, ибо учебное дѣло не терпитъ грубой ломки; при этомъ указывалось на умноженіе у насъ разнаго рода профессіональныхъ учебныхъ заведеній, какъ на средство возможности болѣе свободнаго и правильнаго распредѣленія учащихся по ихъ призванію и подготовкѣ, тогда какъ нынѣ многія молодыя силы до нѣкоторой степени искусственно привлекаются въ общеобразовательныя школы какъ среднія, такъ и высшія; въ четвертыхъ, я рекомендовалъ комиссіи обратить вниманіе на вопросъ о физическомъ воспитаніи учащихся и обсудить для этого мѣры къ наилучшему распредѣленію всѣхъ занятій, возможному устройству физическихъ упражненій и игръ ради сохраненія здоровья, безъ ущерба преподаванію; въ пятыхъ, еще большее вниманіе я рекомендовалъ комиссіи обратить на нравственное воспитаніе въ широкомъ смыслѣ, употребляя всевозможныя мѣры, дабы развить въ воспитанникахъ волю,

управляемую религіозными и нравственными началами и, въ соотвѣтствіи, изучить и обсудить всѣ необходимыя для того условія и мѣры.

Установивъ указаннымъ способомъ предварительныя и подготовительныя работы комиссіи, я исходатайствовалъ высочайшее Вашего Императорскаго Величества соизволеніе, 16-го Февраля сего 1900 года, на учрежденіе самой комиссіи, коей выработанныя положенія соотвѣтственно указаніямъ сказаннаго циркуляра и подвергаются нынѣ окончательному разсмотрѣнію новой комиссіи о средней школѣ подъ предсѣдательствомъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа тайнаго совѣтника Яновскаго.

Въ настоящее время труды комиссіи напечатаны на правахъ рукописи въ восьми томахъ и, кромѣ протоколовъ всѣхъ засѣданій и особыхъ мнѣній сочленовъ спеціально по главному предмету обсужденія (преподаванію въ средней школѣ), труды эти содержатъ также весьма важный педагогическій матеріалъ отдѣльныхъ подкомиссій, на кои разбилась совмѣстная работа членовъ этого совѣщанія. Такъ въ трудахъ этихъ содержатся многія полезныя данныя и важныя соображенія: объ улучшеніи матеріальнаго положенія служащихъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, по вопросу о подготовкѣ учителей средней школы, объ учебникахъ и учебныхъ пособіяхъ, объ отношеніяхъ семьи и школы, о физическомъ воспитаніи учащихся въ средней школѣ и проч. и проч. Сверхъ того, приложенія къ журналу комиссіи заключаютъ въ себѣ длинный рядъ докладовъ свѣдущихъ лицъ по разнымъ вопросамъ, входившимъ въ кругъ разсмотрѣнія комиссіи.

Какъ только работы этой комиссіи докончатся, я буду имѣть счастіе повергнуть выводы ея на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества.

Обширныя занятія комиссіи по средней школѣ не могли и не должны были, конечно, остановить моихъ заботъ о другихъ способахъ улучшенія въ пріемахъ преподаванія и его контроля; такъ еще въ 1898 году я разрѣшилъ въ видѣ опыта на три года въ Московскомъ учебномъ округѣ установить въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ правила при извѣстныхъ условіяхъ или удовлетворительныхъ отмѣткахъ переводить безъ испытанія изъ класса въ классъ тѣхъ учениковъ, которые учились успѣшно въ теченіе года.

Находя въ слѣдующемъ затѣмъ 1900-мъ году, что порядокъ этотъ оказался на практикѣ соотвѣтствующимъ учебно-воспитательнымъ цѣлямъ, я обратился 14-го Марта того же года къ попечителямъ всѣхъ округовъ съ предложеніемъ примѣнить эту мѣру во всѣхъ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. Въ добавленіе къ сему, 5-го Апрѣля 1900 г. разрѣшено освобождать воспитанницъ женскихъ гимназій и прогимна-

зій отъ испытаній на тѣхъ же основаніяхъ, какъ это было установлено для мужскихъ гимназій и прогимназій.

Кромѣ того 21 Мая 1899 г., въ виду представленія на мое усмотрѣніе ходатайства отъ начальствъ среднихъ учебныхъ заведеній одного округа объ измѣненіи существующей системы отмѣтокъ учащихся, я обратился точно также съ запросомъ отзывовъ по этому важному вопросу къ попечителямъ всѣхъ округовъ. Я предложилъ имъ обсудить по данному предмету слѣдующіе вопросы: 1) можетъ ли обычная постановка отмѣтокъ ученикамъ быть признана необязательной; 2) чтобы вмѣсто отмѣтокъ не рѣже одного раза въ двѣ недѣли сообщались родителямъ свѣдѣнія о неуспѣвающихъ ученикахъ на основаніи записи въ особенныхъ журналахъ съ указаніемъ причины порицанія учащихъ и 3) чтобы отмѣтки ставились на прежнихъ основаніяхъ только за первыя три четверти учебнаго года, а вмѣсто четвертой—годовыя. Отзывы мною еще ожидаются.

Кромѣ того, желая, по возможности, облегчить для поступающихъ въ гимназіи и прогимназіи пріемныя испытанія, издано 12-го Апрѣля 1900 года распоряженіе допускать дѣтей, желающихъ поступить въ приготовительный классъ гимназій и прогимназій не только въ Августѣ, но и до начала лѣтнихъ каникулъ, т. е. въ Маѣ мѣсяцѣ.

Въ теченіе одного 1898-го года мною сдѣланъ рядъ болѣе мелкихъ распоряженій съ цѣлію улучшить преподаваніе тѣхъ или иныхъ предметовъ; такъ 13-го Мая за № 11, 745 мною предложено было начальствамъ учебныхъ округовъ принять мѣры къ лучшей постановкѣ физики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и выработать проекты нормальнаго списка приборовъ для физическихъ кабинетовъ учебныхъ заведеній. При циркулярномъ предложеніи Министерства отъ 6-го Іюля 1898 года за № 1700 были разосланы начальствамъ учебныхъ округовъ вновь пересмотрѣнные Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и духовнымъ вѣдомствомъ, по принадлежности, «учебные планы и примѣрныя программы предметовъ, преподаваемыхъ въ реальныхъ училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія».

Въ области женскаго образованія самою важной мѣрой, которую мнѣ удалось провести, является измѣненіе пенсіонныхъ правилъ для служащихъ въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. По прежде дѣйствовавшимъ положеніямъ по учебно-воспитательной части, начальницы, главныя надзирательницы, учительницы и т. д., по выслугѣ 25 лѣтъ и выходѣ въ отставку, получали пенсіи въ размѣрѣ всего лишь 125 руб. въ годъ. Находя такой размѣръ слишкомъ незначительнымъ и не могущимъ обезпечить дальнѣйшее ихъ существованіе, а также принимая во вниманіе, что образовательный цензъ лицъ женскаго пола, за-

нимающихъ соотвѣтственныя должности въ женскихъ гимназіяхъ, тотъ же, что преподавателей въ уѣздныхъ училищахъ, я счелъ справедливымъ сравнять этихъ лицъ и въ пенсіонномъ отношеніи. По сему я нашелъ цѣлесообразнымъ установить слѣдующіе новые пенсіонные оклады: для начальницъ, главныхъ надзирательницъ женскихъ гимназій, имѣющихъ званіе домашней наставницы или учительницы, 500 руб.; главныхъ надзирательницъ прогимназій—400 руб.; учительницъ, надзирательницъ и воспитательницъ, по 300 руб. При этомъ я также предполагалъ справедливымъ, чтобы лица женскаго пола сохраняли лично выслуженныя ими пенсіи какъ при вступленіи въ бракъ, такъ и если онѣ будутъ пользоваться пенсіями за службу ихъ мужей. Представленіе мое было удостоено быть принятымъ Государственнымъ Совѣтомъ и высочайшаго утвержденія Вашего Императорскаго Величества.

Затѣмъ, 10 Іюля 1898 года, въ виду недостатка хорошихъ преподавателей Французскаго языка, мною сдѣлано распоряженіе по всѣмъ округамъ о возможности допускать къ преподаванію Французскаго языка въ низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній лицъ женскаго пола, имѣющихъ званіе домашней наставницы или учительницы. Въ тѣхъ же видахъ отчасти улучшить преподаваніе и отчасти улучшить положеніе преподавательницъ, 11-го Января 1900 года мною было предложено къ руководству высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта о допущеніи лицъ женскаго пола къ испытанію на званіе учительницъ рисованія, а 7-го Іюля того же года испрошено высочайшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе о допущеніи къ преподаванію въ приготовительныхъ классахъ женскихъ гимназій и прогимназій лицъ женскаго пола, имѣющихъ званіе учительницъ начальныхъ училищъ. Такимъ образомъ женскій трудъ получилъ болѣе широкое для себя примѣненіе въ дѣлѣ преподаванія. Къ сему считаю долгомъ добавить также, что 4-го Сентября 1898 года мною разрѣшено было допустить къ поступленію въ С.-Петербургскій женскій медицинскій институтъ окончившихъ курсъ семи классовъ женскихъ гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія или выдержавшихъ соотвѣтственныя испытанія.

Еще моихъ предшественниковъ озабочивалъ щекотливый вопросъ о правѣ преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній давать частные за плату уроки ученикамъ того заведенія, въ которомъ онъ состоитъ на службѣ. Въ виду того, что такія занятія за плату не разъ вызывали нареканія на злоупотребленія, еще 17-го Ноября 1888-го года циркулярнымъ предложеніемъ моего предшественника по Министерству была разъяснена необходимость въ этомъ случаѣ для учителей брать на себя частные за плату уроки такого рода лишь съ вѣдома началь-

ства учебнаго заведенія. Въ настоящее время поднятъ былъ тотъ же вопросъ начальствомъ одного изъ учебныхъ округовъ; вопросъ этотъ былъ разсмотрѣнъ въ попечительномъ совѣтѣ, который постановилъ: рекомендовать преподавателямъ воздерживаться отъ уроковъ за плату своимъ ученикамъ, а начальникамъ заведеній безусловно не давать такихъ уроковъ. Затѣмъ было установлено, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вопросъ, возбужденный родителями ученика о репетиторѣ для ихъ сына, долженъ быть предварительно разсмотрѣнъ въ классныхъ комиссіяхъ и затѣмъ въ педагогическихъ совѣтахъ; послѣ такого разсмотрѣнія просьбы родителей, дозволяется или отказывается преподавателю въ таковыхъ занятіяхъ или рекомендуется родителямъ обратиться къ другому преподавателю. Вообще за правило принимается необходимость въ этомъ вопросѣ разрѣшенія начальства учебнаго заведенія. Я счелъ необходимымъ объ этомъ постановленіи попечительскаго совѣта сообщить всѣмъ попечителямъ съ просьбой, въ свою очередь, обсудить этотъ вопросъ во ввѣренныхъ ихъ округу попечительскихъ совѣтахъ и, по полученіи таковыхъ отзывовъ, передалъ ихъ своему Ученому Комитету, который въ настоящее время и занятъ окончательнымъ обсужденіемъ по сему предмету.

Весьма важнымъ недостаткомъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія несомнѣнно надо считать, что начинающіе въ нихъ преподаватели приступаютъ къ своему трудному и отвѣтственному дѣлу безъ всякой спеціальной педагогической подготовки; вслѣдствіе этого они въ первые годы своей дѣятельности производятъ опыты не всегда удачные надъ своими учениками, который, притомъ, большею частію пропадаетъ безъ пользы для будущихъ преподавателей. Съ другой стороны, отсутствіе подготовительной педагогической школы лишаетъ учебное начальство возможности выяснить сравнительныя достоинства кандидатовъ на учительскія должности, и такіе преподаватели своими неумѣлыми пріемами возбуждаютъ нерѣдко справедливыя сѣтованія родителей. Желая устранить указанное явленіе, я рѣшилъ принять мѣры, которыя бы обезпечили желательную педагогическую подготовку и лучшій выборъ преподавателей; съ этой цѣлью я обратился циркулярно къ начальству всѣхъ округовъ съ просьбой обсудить въ попечительскомъ совѣтѣ и представить затѣмъ заключенія въ Министерство по слѣдующимъ вопросамъ: въ какой формѣ было бы желательно осуществить мысль педагогической подготовки преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній; по какимъ предметамъ, въ какое время? А также сдѣлать указанія на матеріальныя средства, которыя нужны для осуществленія намѣченныхъ предположеній.

Вообще забота объ улучшеніи педагогическаго персонала среднихъ учебныхъ заведеній налагаетъ на Министерство обязанность въ тоже время позаботиться объ улучшеніи быта преподавателей съ матеріальной стороны; поэтому въ томъ же циркулярѣ я высказалъ пожеланіе обсудить въ попечительскомъ совѣтѣ или особыхъ совѣщаніяхъ вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ и формѣ желательно увеличить содержаніе и пенсіи служащихъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, чтобы обезпечить безбѣдное существованіе этихъ лицъ, отвѣчающее ихъ общественному положенію, имѣя въ виду также, что было бы желательно избавить преподавателей въ будущемъ отъ необходимости обременять себя непосильнымъ числомъ уроковъ. Когда будутъ получены отзывы на эти вопросы, я постараюсь ими воспользоваться въ должной мѣрѣ при рѣшеніи столь важнаго для всего средняго образованія вопроса, отъ правильной постановки котораго, съ одной стороны, зависятъ благосостояніе и достоинство учебнаго персонала и съ другой—несомнѣнно самое качество и цѣнность преподаванія. Желая обезпечить нѣсколько судьбу довольно многочисленнаго персонала преподавателей въ частныхъ школахъ, я предложилъ 26 Ноября 1899 г. обсудить вопросъ о предоставленіи права на пенсіи содержателямъ, содержательницамъ и учащимъ въ частныхъ заведеніяхъ съ обращеніемъ расхода на капиталъ призрѣнія домашнихъ наставниковъ, учителей и учительницъ.

Переходя затѣмъ къ отчету о дѣятельности своей по разряду высшихъ учебныхъ заведеній и во главѣ ихъ университетовъ, считаю долгомъ прежде всего обратить вниманіе на особый характеръ нашихъ учебныхъ заведеній, отличающій ихъ значительно отъ среднихъ и низшихъ. Хотя по возрасту студентъ лишь немного старше гимназиста, но учебное и общественное ихъ положеніе существенно различается. Съ окончаніемъ гимназіи совершается рѣзкій переходъ къ относительно-свободной жизни университета; изъ школьника молодой человѣкъ превращается сразу какъ бы въ взрослаго, ко мнѣнію, доброй волѣ и желаніямъ котораго обращаются какъ профессора, такъ и университетская администрація. Между тѣмъ, требуя такого отношенія къ себѣ, какъ къ взрослому, питомецъ высшихъ учебныхъ заведеній ведетъ себя часто далеко несоотвѣтственно этому отношенію, не признавая нерѣдко законнаго порядка и отрицая всякую дисциплину, безъ которой не можетъ существовать даже никакое разумное соединеніе людей, не говоря о такой сложной и опредѣленной организаціи, которую должно предоставлять изъ себя высшее учебное заведеніе.

Печальную страницу въ исторіи высшихъ учебныхъ заведеній представляютъ собою такъ называемые безпорядки 1899 года, распространившіеся крайне быстро по всей Россіи.

Отвлекая отъ другихъ дѣлъ и заботъ по высшимъ заведеніямъ, эти волненія всецѣло поглотили временно вниманіе Министерства. Въ виду разнообразнаго и обширнаго вреда ими приносимаго, какъ самому юношеству, такъ и всей странѣ, немедленно слѣдовало обсудить мѣры для того, чтобы предупредить случаи повтореніе такихъ безпорядковъ въ будущемъ. Нѣтъ сомнѣнія, главный корень этого неустойчиваго теченія нашей университетской жизни заключается въ общей малой культурности нѣкоторыхъ слоевъ Русскаго образованнаго общества; лишь большее развитіе въ немъ чувства долга и законности и привычка подчинять свою волю и личныя желанія установленнымъ правиламъ и общественнымъ требованіямъ могутъ ослабить тѣ условія, которыя благопріятствуютъ созданію волненій въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но ждать такихъ результатовъ возможно, въ свою очередь, опять таки лишь вслѣдъ за значительнымъ успѣхомъ и подъемомъ всего образованія въ странѣ и его усвоенія большинствомъ народа въ истинномъ внутреннемъ его содержаніи, а не во внѣшнемъ только видѣ, какъ это часто нынѣ имѣетъ мѣсто; пока же приходится довольствоваться лишь палліативами очень, впрочемъ, важными, которые заключаются въ устраненіи ближайшихъ острыхъ поводовъ къ неудовольствію между учащимися и учащими и къ утвержденію началъ, непосредственно способствующихъ мирному теченію всей университетской жизни.

Вашему Императорскому Величеству было благоугодно оказать истинно отеческое милосердіе лицамъ виновнымъ въ сказанныхъ нарушеніяхъ порядка университетской жизни въ 1899 году. Во исполненіе высочайшей воли, выраженной въ правительственномъ сообщеніи 25 Мая 1899 года, по совѣщаніи съ попечителями учебныхъ округовъ и начальниками высшихъ учебныхъ заведеній, я призналъ возможнымъ оказать снисхожденіе всѣмъ участникамъ бывшихъ безпорядковъ, за исключеніемъ лишь тѣхъ немногихъ лицъ, пребываніе коихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ было признано безусловно вреднымъ для правильнаго хода учебныхъ занятій. Къ числу помилованныхъ такимъ образомъ отнесены даже и тѣ лица, которыя во время безпорядковъ были исключены безъ права обратнаго поступленія въ какое нибудь учебное заведеніе, если было признано, что отъ нихъ нельзя ожидать вреднаго вліянія на товарищей и на правильный ходъ учебныхъ занятій. За симъ актомъ милосердія слѣдовало воспользоваться прошлымъ урокомъ и извлечь изъ него путемъ опыта полезные совѣты для будущаго видоизмѣненія и приспособленія университетской жизни къ новымъ требованіямъ времени.

Съ этой послѣдней цѣлью мною созвано было въ Іюнѣ 1899 года совѣщаніе изъ попечителей округовъ и начальниковъ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Послѣ упорной и настойчивой работы комиссія пересмотрѣла рядъ важнѣйшихъ пунктовъ и вопросовъ, дававшихъ поводы къ университетскимъ безпорядкамъ. Прежде всего совѣщаніе остановилось на инспекціи, какъ въ качествѣ ея, такъ и въ условіяхъ дѣятельности, и высказала здѣсь рядъ категорическихъ пожеланій, которыя подали поводъ впослѣдствіи къ особому моему въ этомъ случаѣ распоряженію. Затѣмъ совѣщаніе убѣдилось въ недостаткѣ единства дѣйствія, какъ въ разныхъ округахъ во время безпорядковъ, такъ и въ предѣлахъ одного округа. Совѣщаніе разработало нѣсколько мѣръ къ улучшенію какъ взаимной дѣятельности администраціи въ случаѣ повторенія волненій, такъ и отношенія ея къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ и къ самымъ крайнимъ изъ принимаемыхъ мѣръ въ родѣ обращенія къ полиціи и временнаго закрытія учебнаго заведенія.

Въ послѣднемъ случаѣ совѣщаніе пришло къ единодушному заключенію о томъ, что, при такой крутой и нежелательной мѣрѣ, какъ временное прекращеніе занятій въ учебныхъ заведеніяхъ, необходимо возмѣщеніе занятій во время каникулъ. Затѣмъ совѣщаніе подробно разсмотрѣло вопросъ о такъ называемой обструкціи или новыхъ формахъ противодѣйствія со стороны агитаторовъ и сторонниковъ безпорядка лицамъ, желающимъ мирнаго продолженія занятій. Совѣщаніе высказалось за рѣшительныя мѣры къ огражденію лицъ, желающихъ заниматься дѣломъ, противъ такихъ покушеній. Такъ какъ одной изъ причинъ, косвенно способствующихъ трудности бороться съ подобными нарушеніями теченія мирной жизни университетовъ, является переполненіе нѣкоторыхъ университетовъ, особенно столичныхъ и Кіевскаго, тогда какъ, наоборотъ, многіе провинціальные, напр., Казанскій, относительно, пустуютъ: то совѣщаніе пришло къ заключенію о необходимости обратить вниманіе на условія пріема студентовъ въ отдѣльные университеты и озаботиться о способахъ къ болѣе равномѣрному распредѣленію ихъ численности. Предлагаемыя разными лицами мѣры, въ родѣ установленія комплекта, повѣрочныхъ испытаній и конкурсовъ, были отвергнуты, и совѣщаніе остановилось на болѣе цѣлесообразной и удобной мѣрѣ—на рекомендаціи съ ближайшаго академическаго года при пріемѣ въ университетъ держаться университетовъ своихъ округовъ; тамъ же, гдѣ нѣтъ университета, рекомендовать, точно указывая, нѣкоторые изъ ближайшихъ университетовъ и просить въ то же время ректоровъ университетовъ держаться при пріемѣ численности для первыхъ курсовъ, которая выработана по этому поводу комиссіей. Затѣмъ совѣщаніе подробно разсмотрѣло вопросъ о желательности

допущенія подъ ближайшимъ надзоромъ администраціи и профессоровъ различнаго рода курсовыхъ организацій въ университетахъ съ правомъ выборовъ, сходокъ и голосованій. Совѣщаніе пришло по зрѣлому обсужденію цѣлаго ряда доводовъ къ нежелательности допущенія подобныхъ организацій; ибо какъ бы точно ни была опредѣлена дѣятельность университетскихъ организацій, но она всегда въ своихъ дѣйствіяхъ и сужденіяхъ рискуетъ выйти изъ рамокъ тѣхъ вопросовъ, которые ей дозволены, какъ показываетъ это продолжительный опытъ. На практикѣ этотъ переходъ къ недозволеннымъ сужденіямъ и соотвѣтственнымъ дѣйствіямъ совершается очень быстро: начинаютъ обыкновенно съ вопросовъ объ образованіи студенческихъ кассъ, библіотекъ и кружковъ саморазвитія, далѣе переходятъ къ вопросу о товарищескомъ судѣ и кончаютъ обсужденіемъ случаевъ столкновенія студентовъ съ инспекторами и профессорами и судомъ надъ профессорами и начальствомъ. Примѣровъ такого рода превращеній невинныхъ студенческихъ организацій въ сообщества нежелательныя и вредныя въ педагогическомъ отношеніи можно было бы указать много изъ недавняго прошлаго нашихъ университетовъ. Кромѣ того, по поводу указываемыхъ нѣкоторыми членами совѣщанія трудностей, при отсутствіи такихъ лицъ и организацій, вести студентамъ цѣлымъ курсомъ переговоры съ начальствомъ или профессорами по чисто-учебнымъ предметамъ, при существующемъ правилѣ считать студентовъ отдѣльными посѣтителями, я разъяснилъ имъ, что уставъ, собственно, этого взгляда на студентовъ не устанавливаетъ, что онъ созданъ въ 60-хъ годахъ по необходимости во время именно волненій, и что если представится студентамъ необходимость объясниться съ начальствомъ или профессорами, то никакихъ запрещеній этому въ уставѣ нѣтъ, и устройство отношеній указанныхъ лицъ зависитъ отъ умѣнья и такта начальства.

По тѣсной связи вопроса о карательныхъ мѣрахъ за безпорядки и о несеніи воинской повинности тѣми студентами, которые ей подлежатъ и для которыхъ она отсрочена, поднятъ былъ вопросъ, не слѣдуетъ ли вообще ставить условіемъ для обратнаго принятія исключенныхъ за безпорядки изъ высшихъ учебныхъ заведеній обязательное отбываніе воинской повинности всѣми уволенными, не исключая и тѣхъ, кои освобождены отъ нея по семейному положенію или инымъ причинамъ, а главныхъ виновниковъ этихъ безпорядковъ подвергать отбыванію воинской повинности путемъ жеребья. Значительное большинство, однако, членовъ совѣщанія высказалось противъ всякаго рода принудительнаго отбыванія воинской повинности какъ по тому высокому значенію, которое придано этой повинности манифестомъ 1871 года, такъ и потому, что примѣненіе этой мѣры повело бы ко многимъ несправедливо-

стямъ и несообразностямъ. По симъ соображеніямъ совѣщаніе признало возможнымъ, при примѣненіи къ уволеннымъ за безпорядки студентамъ отбыванія воинской повинности, довольствоваться въ будущемъ лишь дѣйствующими по сему предмету законоположеніями. Одинаково совѣщаніе отвергло предложенное по инициативѣ начальства нѣкоторыхъ округовъ учрежденіе особаго при учебномъ округѣ суда въ случаѣ возникновенія массовыхъ безпорядковъ: ибо, согласно университетскому уставу 1884 года, наложеніе взысканій на студентовъ законнымъ способомъ является не въ судебномъ, а въ дисциплинарномъ порядкѣ, а посему и самое взысканіе устанавливается гораздо менѣе въ цѣляхъ кары за проступки, чѣмъ въ цѣляхъ предупрежденія и прекращенія безпорядковъ.

Вмѣсто специальныхъ репрессивныхъ мѣръ вниманіе совѣщанія остановилось на всевозможной желательности, во-первыхъ—сближенія студентовъ со своими преподавателями и профессорами, и во-вторыхъ на большемъ занятіи студентовъ ихъ непосредственнымъ дѣломъ, полагая, что при соблюденіи этихъ условій могутъ наилучшимъ образомъ отклоняться поводы къ волненіямъ и устраняться необходимая для того почва. Косвеннымъ способомъ для достиженія указанныхъ цѣлей, по мнѣнію совѣщанія, является во-первыхъ устройство общежитій при всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, примѣръ чему положенъ щедротами Вашего Императорскаго Величества, давшаго средства на устройство такого общежитія при Московскомъ университетѣ. При этомъ совѣщаніе признало возможнымъ рекомендовать г. г. попечителямъ учебныхъ округовъ озаботиться, въ виду недостатка средствъ для столь полезной цѣли, образованіемъ возможно большаго числа такъ называемыхъ попечительныхъ комитетовъ для сбора этихъ средствъ, подобно существующимъ въ Москвѣ и другихъ городахъ Московскаго округа.

Затѣмъ второй важный способъ предварительныхъ мѣръ къ уменьшенію безпорядковъ, по единогласному мнѣнію совѣщанія, заключается въ необходимости ввести такъ назыв. практическія занятія по читаемымъ наукамъ на тѣхъ факультетахъ, гдѣ ихъ нѣтъ, и усилить тамъ, гдѣ онѣ существуютъ. Выгоды сихъ занятій, по мнѣнію комиссіи, неисчислимы: во-первыхъ, они должны заставить студентовъ болѣе серьезно заниматься; во-вторыхъ,—даютъ, наилучшій контроль и критерій за ихъ занятіями и въ-третьихъ, практическія занятія могутъ вести именно къ нѣкоторому сближенію профессоровъ съ студентами.

Таковы, въ сущности, важнѣйшіе пункты организаціи университетской жизни, на коихъ остановилось вниманіе совѣщанія или комиссіи, созванной мною для обсужденія возможныхъ мѣръ противъ повторенія нежелательныхъ безпорядковъ. Конечно, совѣщаніе не могло

установить или выдумать никакихъ особенныхъ новыхъ мѣръ къ прекращенію и предупрежденію безпорядковъ, но оно дало возможность путемъ личнаго обмѣна мыслей лицамъ, состоящимъ во главѣ округовъ и высшихъ заведеній, условиться между собой и примѣнять, въ случаѣ надобности, однообразные способы дѣйствія; наконецъ, совѣщаніе своимъ единомысліемъ подтвердило правильность того пути, которому Министерство полагало необходимымъ слѣдовать въ дальнѣйшихъ общихъ мѣрахъ къ поднятію и улучшенію высшаго образованія и быта учащихся при дѣйствіи настоящихъ законоположеній.

Но эти двѣ важныя цѣли, разумѣется, могутъ съ успѣхомъ преслѣдоваться лишь при условіи мирной, непрерываемой волненіями, жизни высшихъ учебныхъ заведеній. Неисчислимый и разнообразный вредъ всѣхъ безпорядковъ въ педагогическомъ, моральномъ и экономическомъ отношеніяхъ, превосходитъ по своей важности всякія другія несчастія и даже бѣдствія, которыя могутъ имѣть мѣсто въ жизни учебныхъ заведеній, какъ и цѣлой человѣческой жизни. Если напр. сгоритъ учебное заведеніе, на постройку котораго затрачены большія средства, это, разумѣется, составляетъ великое зло, можетъ быть, возмѣщаемое не сразу, и пройдетъ нѣсколько лѣтъ прежде чѣмъ найдутся средства выстроить новое, достойное для него помѣщеніе; но временно это учебное учрежденіе можно помѣстить, наконецъ, въ другомъ зданіи и этимъ частью ослабить вредные результаты даннаго несчастія. Если, съ другой стороны, напр. въ данномъ типѣ заведеній замѣчается недостатокъ хорошихъ преподавателей, злу можно помочь содѣйствіемъ къ созданію со стороны государства новыхъ, болѣе искусныхъ или достойныхъ преподавателей и въ нѣсколько лѣтъ исправить замѣченное зло. Но что̀ сдѣлать съ высшимъ учебнымъ заведеніемъ, въ которомъ мирное и правильное теченіе учебной жизни нарушается горстью лицъ, не желающихъ учиться и преслѣдующихъ часто совсѣмъ постороннія его назначенію цѣли? Всякій подобный, 1899 года, безпорядокъ прежде всего вноситъ важную потерю для всего ученія; при всѣхъ усиліяхъ со стороны учащаго персонала, многое изъ того, что̀ должно быть сдѣлано или прочитано, по той или иной наукѣ, не дѣлается или не успѣвается прочитать, многое усвояется плохо, а это отражается непосредственно на качествѣ послѣдующаго преподаванія и успѣшности усвоенія знаній. Далѣе:—болѣе или менѣе долгія волненія, отвлекающія отъ обычнаго и нормальнаго труда, развиваютъ непремѣнно у молодежи привычку къ бездѣлью, отучаютъ отъ регулярной работы, и картины каждодневнаго на глазахъ у всѣхъ нарушенія тѣхъ или иныхъ правилъ или порядковъ еще болѣе притупляютъ чувство законности и необходимости дисциплины, этого важнаго условія для правильнаго суще-

ствованія каждаго человѣческаго учрежденія! Наконецъ, не надо забывать и важныя для всей страны экономическія потери, которыя влекутъ за собой эти безпорядки. Содержаніе высшихъ учебныхъ заведеній стоитъ государству цѣлые милліоны; подобно фабрикамъ, гдѣ затрата значительныхъ средствъ на ихъ оборудованіе естественно вынуждаетъ производителя утилизировать всю силу, наличныя средства и механизмы наивозможно большее время, университеты также, конечно, одинаково заинтересованы непрерывнымъ продолженіемъ занятій все время, для нихъ предназначенное. Всякій насильственный и вызванный внѣшними причинами перерывъ занятій означаетъ собой болѣе или менѣе крупную потерю въ матеріальныхъ средствахъ, которыя уже затрачены и продолжаютъ затрачиваться на ихъ содержаніе и поддержку; такой перерывъ равенъ какъ бы уничтоженію многихъ сотень тысячъ, ассигнованныхъ государствомъ изъ средствъ, собранныхъ съ плательщиковъ налоговъ на благое дѣло народнаго просвѣщенія. Согласно отчету государственнаго контроля за 1898 годъ, на университеты, въ тѣсномъ смыслѣ, всего израсходовано 3.795.364 рубля, т.-е. при числѣ всѣхъ учащихся (студентовъ и стороннихъ слушателей) на 16.582 человѣка, не говоря уже объ огромномъ капиталѣ, который вложенъ въ самыя постройки и всю обстановку университетовъ и дорого стоющее въ теченіе многихъ лѣтъ приготовленіе института преподавателей. Если взять только указанный текущій расходъ, то каждый студентъ стоитъ въ годъ Русскому государству почти 229 рублей. Между тѣмъ на народныя школы расходуется всего въ годъ (лишь относительно малая часть отъ государства, остальное—отъ земства, городовъ и частныхъ пожертвованій)—22.973.238 р.; принимая число учащихся въ 2.318.138 человѣкъ, каждый школьникъ обходится въ $9_{,9}$—почти 10 рублей въ годъ, т. е. въ 22 раза дешевле нежели студентъ.

Но между тѣмъ, какъ многіе милліоны дѣтей въ Россіи тщетно стремятся сдѣлаться учащимися въ народныхъ училищахъ и, какъ мы видѣли, не находятъ себѣ ни мѣста, ни школы, по недостатку средствъ, учащіеся въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, участвовавшіе въ безпорядкахъ болѣе или менѣе продолжительное время, чуть не каждогодно прекращаютъ или вынуждаются прекращать ученіе.

За крупные безпорядки 1899 года, какъ извѣстно, ученіе во всѣхъ университетахъ сильно пострадало, хотя и невозможно точно сказать, на сколько именно дней оно прерывалось, такъ какъ прекращалось обыкновенно по частямъ и затѣмъ нѣсколько разъ возстанавливалось; совершенно прекращены были занятія, можно сказать, отъ двухъ недѣль и до мѣсяца въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Если считать послѣдній срокъ, какъ дѣйствительное время, потерянное для занятій,

(а это въ нѣсколько разъ ниже, навѣрное, настоящей потери) то, окажется, что прекращеніе занятій въ университетахъ въ 1899 году, даже считая его на одинъ лишь мѣсяцъ, обошлось Россіи въ 315.058 руб., то есть, если эту сумму раздѣлить на стоимость годового обученія одного школьника, то на эти, безплодно потраченныя, государствомъ средства, могло бы обучаться въ Россіи въ теченіе года и сдѣлаться, можетъ быть, грамотными за это время 31.824 человѣка дѣтей!!! Но число это увеличится значительно, если годовую стоимость потери времени раздѣлить (какъ бы это слѣдовало), не на всѣ двѣнадцать мѣсяцевъ, а на число собственно-учебныхъ мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ всегда происходятъ безпорядки. Если принять за цифру дѣйствительнаго учебнаго времени въ университетахъ лишь семь мѣсяцевъ, (какъ оно въ дѣйствительность и имѣло до сихъ поръ мѣсто), то въ результатѣ расчета оказалась бы экономическая потеря для страны еще бо́льшая, и на утраченныя безполезно деньги могло бы обучаться свыше 40.000 Русскихъ людей въ годъ.

Обращаясь за симъ къ мѣропріятіямъ относительно высшихъ учебныхъ заведеній, вызваннымъ въ свѣтъ вышеозначеннымъ совѣщаніемъ или комиссіею, считаю долгомъ перечислить тѣ распоряженія, которыя сдѣланы въ ближайшее затѣмъ время.

Какъ выяснилось это на совѣщаніи изъ обмѣна наблюденій, что представители инспекціи далеко не отвѣчаютъ своему назначенію (это особенно наглядно сказывается во время волненій) и что, справляясь болѣе или менѣе удовлетворительно съ задачей поддержанія порядка въ спокойное время, инспекція не имѣетъ, однако, достаточно авторитета среди учащейся молодежи, чтобы оказать надлежащее вліяніе, коль скоро мирное теченіе академической жизни чѣмъ либо нарушено. Посему я нахожу желательнымъ, чтобы въ будущемъ представители инспекціи не ограничивались заботами о внѣшнемъ порядкѣ, а приняли на себя обязанности благожелательнаго попеченія объ учащихся, оказывая имъ помощь всѣми способами и средствами, какими только можетъ располагать инспекція. Въ этихъ же видахъ я призналъ необходимымъ обратить особое вниманіе на осмотрительный выборъ помощниковъ инспектора, назначая ихъ изъ лицъ высшаго образованія и притомъ спеціальности того факультета, на который данный помощникъ назначается. Точно также я обратилъ вниманіе на низшихъ служителей инспекціи, на которыхъ въ послѣднее время высказывались не всегда безосновательныя жалобы и воспретилъ инспекціи возлагать на нихъ какія либо отвѣтственныя и деликатныя порученія, которыя не соотвѣтствуютъ ихъ служебному положенію и могутъ подать поводъ къ злоупотребленіямъ.

Затѣмъ, руководствуясь выводами того же совѣщанія по важному вопросу о разобщенности студентовъ между собою, профессорами и учебнымъ начальствомъ, я обратился къ мѣрамъ могущимъ по возможности постараться смягчить этотъ недостатокъ университетской жизни и для того остановился на слѣдующихъ мѣропріятіяхъ.

Во-первыхъ, развитіе общенія между студентами и профессорами. Несомнѣнно такое общеніе можетъ и должно происходить на почвѣ ученыхъ потребностей. Способствуя правильному развитію образованія молодыхъ людей и поддерживая въ преподавателяхъ энергію и интересъ къ ихъ трудному дѣлу, такое общеніе облегчаетъ въ тоже время и разрѣшеніе практическихъ вопросовъ разнаго рода, вызываемыхъ учеными потребностями. Учебное начальство должно содѣйствовать всѣми зависящими отъ него способами развитію и укрѣпленію такого общенія на почвѣ учебныхъ занятій, и лучшимъ для того способомъ я считаю широкую организацію практическихъ занятій, насколько то дозволяютъ существующія условія; особенно слѣдуетъ обратить вниманіе на ихъ развитіе на многолюдныхъ юридическихъ факультетахъ, на коихъ они почти не существовали раньше. Занятія эти должны сдѣлаться обязательными для всѣхъ студентовъ, и Министерство Народнаго Просвѣщенія должно озаботиться доставленіемъ необходимыхъ средствъ для веденія сихъ занятій во всѣхъ университетахъ. При этомъ я выразилъ въ циркулярѣ по этому предмету, т. е. по вопросу о практическихъ занятіяхъ, свою увѣренность, что преподаватели высшихъ учебныхъ заведеній, принимая къ сердцу интересы своихъ слушателей, съ готовностью пойдутъ навстрѣчу сближенія съ ними и что тотъ преподаватель, который ограничитъ свою дѣятельность лишь чтеніемъ лекцій въ положенные часы и не входитъ въ интересы и нужды учащихся, въ дѣйствительности исполняетъ лишь малую долю своихъ обязанностей, возлагаемыхъ на него высокимъ призваніемъ профессора.

Вторымъ способомъ того же желательнаго содѣйствія къ общенію студентовъ между собою и съ профессорами является учрежденіе, подъ непремѣннымъ руководствомъ профессоровъ, научныхъ и литературныхъ студенческихъ кружковъ, въ засѣданіяхъ коихъ могли бы читаться и обсуждаться студенческіе рефераты по научнымъ и литературнымъ вопросамъ. Къ категоріи такихъ же средствъ принадлежитъ учрежденіе студентами хоровъ и оркестровъ для тѣхъ молодыхъ людей, которые интересуются пѣніемъ и музыкой.

Третьимъ средствомъ для установленія желательнаго общенія между студентами, профессорами и учебнымъ начальствомъ является устройство правильно поставленныхъ студенческихъ общежитій. Снимая заботу съ молодыхъ людей, покидающихъ семью, о квартирѣ и столѣ и

ограждая ихъ въ тоже время отъ вредныхъ внѣшнихъ вліяній и соблазновъ, общежитіе въ тоже время, при надлежащей организаціи, даетъ широкій просторъ одинаково какъ для научныхъ занятій, такъ и для взаимнаго сближенія учащихъ и учащихся.

Вотъ тѣ мѣры, о развитіи которыхъ я озаботился прежде всего въ интересахъ поднятія и улучшенія быта всей учащейся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ молодежи, направляя на этотъ вопросъ вниманіе мѣстнаго начальства. Уже при всѣхъ университетахъ въ настоящее время примѣнены практическія занятія, вновь устроенныя большею частью на юридическомъ факультетѣ. Затѣмъ въ нѣсколькихъ университетахъ уже существуютъ общежитія, и приняты мѣры къ ихъ дальнѣйшему развитію путемъ, между прочимъ, поощренія частныхъ пожертвованій для данной похвальной цѣли. Точно также, въ исполненіе моего вышеприведеннаго предложенія, послѣдовали просьбы и соотвѣтственныя разрѣшенія на устройство научно-образовательныхъ кружковъ при Новороссійскомъ, Томскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ университетахъ, и для нѣкоторыхъ типовъ кружковъ даже выработаны образцовыя правила.

Къ мѣрамъ, имѣющимъ прямое отношеніе къ интересамъ преподаванія, слѣдуетъ отнести также мое циркулярное распоряженіе г.г. попечителямъ учебныхъ округовъ отъ 7-го Іюля 1899 года относительно начала занятій и длины учебнаго года. Какъ извѣстно, кромѣ Юрьевскаго и Варшавскаго университетовъ, гдѣ существуютъ свои спеціальные сроки для начала учебнаго полугодія, по дѣйствующему уставу занятія должны продолжаться отъ 20-го Августа до 20 Декабря одно полугодіе и съ 20 Января по 20-е Мая другое; между тѣмъ какъ въ дѣйствительности учебныя занятія начинаются вездѣ несравненно позднѣе и учебный годъ, благодаря этому, искусственно сильно сокращается. Обративъ вниманіе на этотъ серьезный вопросъ, я рекомендовалъ попечителямъ округовъ сдѣлать по этому предмету соотвѣтственныя распоряженія и принять мѣры къ тому, чтобы чтеніе лекцій и занятія въ ввѣренныхъ ихъ попеченію университетахъ начинались никоимъ образомъ не позже 1-го Сентября.

Изъ заботъ Министерства о расширеніи самаго высшаго образованія въ Россіи и равно и объ увеличеніи профессорскаго персонала слѣдуетъ прежде всего указать на старанія Министерства добыть необходимыя средства къ должному оставленію достойныхъ молодыхъ людей при университетахъ и къ посылки ихъ за границу для приготовленія къ профессорскому званію. Къ сожалѣнію средства, которыя имѣются по этому поводу въ рукахъ Министерства, крайне ограничены, составляя по статьѣ 1-й § 14-го дѣйствующей расходной смѣты Мини-

стерства Народнаго Просвѣщенія въ 1898 г. всего лишь 66000 рублей. Министерство не разъ и само, и побуждаемое просьбами мѣстныхъ начальствъ, стремилось къ увеличенію кредита для сей важной цѣли, значеніе которой притомъ поднялось съ вышеуказаннымъ устройствомъ практическихъ занятій на юридическомъ факультетѣ, требующихъ большаго количества подготовленныхъ молодыхъ людей. Въ такой матеріальной поддержкѣ Министерство Финансовъ отказывало нѣсколько лѣтъ подрядъ оставленнымъ при университетахъ и командированнымъ за границу лицамъ за недостаткомъ кредита: въ 1894 году отказано 4-мъ, въ 1895 году—7, въ 1896 году—15, въ 1897 г.—25, въ 1898 году—13.

Въ первый же годъ моего министерства я сносился съ министромъ финансовъ объ увеличеніи съ 1-го Января 1899-го года кредита на 10000 рублей въ годъ для приготовленія профессоровъ и учителей; но, къ сожалѣнію, къ нынѣ отпускаемымъ на упомянутый предметъ средствамъ мнѣ было прибавлено лишь 5000 рублей въ годъ, и нужда Министерства въ столь важныхъ цѣляхъ остается попрежнему весьма значительной. Особенно это выразилось въ нѣкоторыхъ университетахъ, напр., Кіевскомъ, гдѣ потребность и нужда въ усиленіи преподавательскаго персонала, частью за уходомъ многихъ профессоровъ уже въ отставку, частію вслѣдствіе спеціализаціи предметовъ и нужды въ лицахъ для завѣдыванія практическими занятіями, растетъ и увеличивается замѣтнымъ образомъ ежегодно.

Расширяя и увеличивая область высшаго образованія тамъ, гдѣ это вызывалось мѣстными нуждами и потребностями, я долженъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ учреждать особыя каѳедры, для существованія которыхъ приводились основательныя соображенія, какъ, напр., каѳедру Византійской филологіи въ Новороссійскомъ университетѣ съ 1-го Февраля 1900-го года, такъ и цѣлые факультеты. При мнѣ открыты: медицинскій факультетъ въ томъ же Новороссійскомъ университетѣ въ Одессѣ и юридическій факультетъ въ Томскомъ университетѣ, починъ и первоначальныя хлопоты объ учрежденіи которыхъ принадлежатъ моимъ предшественникамъ. Сверхъ того въ 1898 году пришлось приступить къ преобразованію Владивостокской гимназіи въ Восточный Институтъ. Великія и важныя экономическія перемѣны на далекихъ окраинахъ Сибири вызвали необходимость къ созданію этого послѣдняго учебнаго заведенія, а проведеніе великаго Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути и постоянно усиливающееся распространеніе Русскаго вліянія на Дальнемъ Востокѣ обусловили нужду въ людяхъ практически хорошо знакомыхъ съ языками прилегающихъ восточныхъ государствъ, а также изучившихъ экономическія условія жизни и правовыя отношенія этихъ государствъ.

Восточный Институтъ, какъ гласитъ его Положеніе, есть высшее учебное заведеніе, имѣющее цѣлью доставлять учащимся въ немъ спеціальное образованіе, подготовляющее къ службѣ въ административныхъ и торгово-промышленныхъ учрежденіяхъ (Восточно-Азіатской) Россіи и прилегающихъ къ ней государствахъ. Курсъ Института продолжается четыре года, а со второго курса имѣетъ четыре отдѣленія, смотря по тѣмъ языкамъ, которые въ отдѣленіи являются важнѣйшимъ предметомъ для изученія: Китайско-Японское, Китайско-Корейское, Китайско-Монгольское и Китайско-Манджурское. Съ цѣлью привлеченія наибольшаго количества слушателей для этого практически-необходимаго учрежденія, доступъ въ Восточный Институтъ открытъ безъ испытанія для всѣхъ молодыхъ людей, окончившихъ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній всѣхъ типовъ и вѣдомствъ.

Въ заключеніе о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ считаю долгомъ добавить, что какъ мои собственные разъѣзды по Россіи, такъ и моего товарища, т. с. Звѣрева выяснили, что въ близкомъ будущемъ для наилучшаго веденія преподаванія въ университетахъ предстоятъ еще большіе расходы, безъ которыхъ невозможно обойтись и упорядочить у насъ общую постановку дѣла высшаго образованія.

Ни одна область образованія не привлекаетъ до такой степени общаго вниманія, какъ образованіе промышленное въ широкомъ смыслѣ, то-есть имѣющее въ виду наилучшее приспособленіе книжнаго образованія къ цѣлямъ утилитарнымъ въ области промышленности, торговли, сельскаго хозяйства и другихъ видовъ экономической жизни. Связь образованія съ полезнымъ отъ него результатами для означенной дѣятельности несомнѣнна и сказывается довольно рѣзко. Всякій трудъ можно считать до нѣкоторой степени плодомъ умственной работы или требующимъ отъ человѣка извѣстной доли умственнаго развитія, какъ бы этотъ трудъ ни былъ простъ и несложенъ; поэтому развитіе въ странѣ общаго образованія непремѣнно сказывается въ благотворныхъ послѣдствіяхъ прямо для поднятія умственнаго роста народа, а косвенно для улучшенія свойствъ и качества его труда или всей экономической дѣятельности. Съ другой стороны, образованіе промышленное въ широкомъ смыслѣ ведетъ или къ ловкости рукъ вообще, или къ спеціальному техническому знанію той или иной отрасли промышленности; благодаря ему, всѣ способности человѣка нужныя для производства развиваются и улучшаются, при чемъ самое образованіе находитъ себѣ почву съ разнаго рода типахъ промышленныхъ и профессіональныхъ училищъ. Каждый типъ долженъ содѣйствовать мѣстнымъ потребностямъ, трудамъ и особеннымъ требованіямъ времени. Въ виду перечисленныхъ соображеній, на первомъ планѣ дѣятельности Мини-

стерства Народнаго Просвѣщенія должно стоять возможное содѣйствіе промышленному образованію въ смыслѣ его наибольшаго расширенія или открытія новыхъ училищъ, какъ низшихъ, такъ и среднихъ и высшихъ. Къ этому Министерство Народнаго Просвѣщенія настойчиво и стремится, насколько позволяютъ ограниченныя средства, отпускаемыя въ его распоряженіе.

Въ теченіе 1898 года Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія учреждено 11-ть низшихъ промышленныхъ училищъ разнаго типа и названій и 2 среднихъ. Въ 1899 году и 1900-мъ девять низшихъ и пять среднихъ. Открыто еще одно высшее промышленное учебное заведеніе, а именно учреждено Техническое училище въ г. Томскѣ, Лодзинское высшее ремесленное училище преобразовано въ семиклассное мануфактурно-промышленное, и Брянское низшее механико-техническое училище преобразовано въ семиклассное техническое съ низшей при семъ ремесленной школой. Кромѣ того, въ тѣхъ же видахъ возможнаго расширенія промышленнаго образованія и съ цѣлью скорѣйшаго удовлетворенія ходатайствъ на открытіе ремесленныхъ школъ, было испрошено высочайшее соизволеніе на ежегодный отпускъ изъ казны 20.000 руб. для устройство низшихъ ремесленныхъ школъ и школъ ремесленныхъ учениковъ. Въ тѣхъ же видахъ былъ выработанъ и утвержденъ нормальный уставъ организаціи ремесленныхъ училищъ, и г.г. попечителямъ учебныхъ округовъ были сообщены соображенія Министерства Народнаго Просвѣщенія объ условіяхъ и порядкѣ открытія также новыхъ промышленныхъ училищъ различныхъ типовъ.

Помимо основанія новыхъ учебныхъ заведеній промышленнаго характера Министерствомъ были приняты разнородныя мѣры къ увеличенію путемъ перестройки и расширенія разныхъ вспомогательныхъ учрежденій въ существующихъ уже разнаго рода техническихъ и промышленныхъ заведеній. Такъ расширена дѣятельность Гатчинскаго женскаго двухклассного городского училища учрежденіемъ спеціальнаго ремесленнаго класса, Томскаго ремесленнаго училища—открытіемъ литейной мастерской, Глазовскаго городскаго училища—открытіемъ ремесленнаго отдѣленія и т. д. Съ цѣлью возможнаго увеличенія пріема учащихся въ высшія спеціальныя учебныя заведенія, согласно высочайшему повелѣнію 4-го Іюня 1898 года, было ассигновано изъ казны 1.570.000 руб. на расширеніе зданій Технологическихъ институтовъ въ С.-Петербургѣ и Харьковѣ и Императорскаго Московскаго Техническаго Училища; сверхъ того испрошенъ кредитъ на постройку химической лабораторіи Рижскаго Политехническаго Института, на перестройку зданія Оренбургскаго ремесленнаго училища, на оборудованіе Иваново-Вознесен-

ской школы колористовъ и на другія строительныя надобности промышленныхъ училищъ.

Въ заключеніе дѣятельности отдѣленія промышленныхъ училищъ, Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія внесенъ въ Государственный Совѣтъ цѣлый рядъ представленій, пока еще не разрѣшенныхъ, какъ-то (отъ 30 Сентября сего года) объ отпускѣ въ теченіе трехъ лѣтъ, начиная съ 1901 года, по 10.000 руб. на приготовленіе профессоровъ и преподавателей для Томскаго Технологическаго Института и, кромѣ того, возбужденъ вопросъ вообще о порядкѣ приготовленія профессоровъ для высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія; сдѣлано также представленіе объ отпускѣ изъ казны въ 1901 году 5000 рублей на содержаніе и вознагражденіе лицъ, предназначенныхъ на должность начальниковъ открываемыхъ въ настоящемъ году промышленныхъ училищъ. Затѣмъ возбужденъ вопросъ объ образованіи въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія особаго строительнаго капитала промышленныхъ училищъ, путемъ отчисленія 3% или 4% изъ специальныхъ средствъ среднихъ и низщихъ техническихъ и ремесленныхъ училищъ. Наконецъ, по сношенію съ министромъ финансовъ, возбуждены вопросы объ открытіи цѣлаго ряда новыхъ ремесленныхъ школъ. Заслуживаетъ замѣчанія, что въ составѣ отдѣленія Ученаго Комитета по техническому и промышленному образованію Министерства Народнаго Просвѣщенія въ интересахъ улучшенія и поднятія спеціально женскихъ промышленныхъ училищъ, въ 1900 году учрежденъ особый отдѣлъ по женскому профессіональному образованію.

Въ тѣсной связи съ высшими учебными заведеніями находятся различныя ученыя учрежденія, которымъ частно были посвящены мои заботы главнымъ образомъ въ видѣ исходатайствованія пособій новыхъ штатовъ и средствъ на удовлетвореніе нуждъ и запросовъ науки. Первое мѣсто занимаетъ высшее ученое учрежденіе имперіи, Императорская Академія Наукъ, и въ интересахъ удовлетворенія представленныхъ ходатайствъ, я имѣлъ счастіе нѣсколько разъ испрашивать разрѣшеніе и утвержденіе Вашего Императорскаго Величества на отпускъ суммъ на различныя ученыя цѣли. Такъ въ 1898 году учреждена была особая комиссія для производства градусныхъ измѣреній на островѣ Шпицбергенѣ подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина Константиновича и отпущено 100.000 руб. на снаряженіе экспедиціи для производства этихъ измѣреній; затѣмъ въ томъ же году были утверждны новые штаты Геологическаго музея Императорской Академіи Наукъ и музея по антропологіи и этнографіи; въ слѣдующемъ 1899 году высочайше утверждены были новый штатъ Азіатскаго музея и новый

штатъ Ботаническаго музея. Кромѣ того Академіи Наукъ отпущены суммы на изданіе архивныхъ документовъ XVI и XVII вѣковъ и разрѣшенъ отпускъ суммъ на окончательное устройство зоологическаго музея Императорской Академіи Наукъ. Празднованіе столѣтія со дня рожденія Пушкина, какъ извѣстно, вызвало учрежденіе при отдѣленіи Русскаго языка и словесности въ Императорской Академіи Наукъ особаго разряда изящной словесности, въ члены котораго избраны были многіе наши писатели и художники.

15-го Декабря 1898 года высочайше было утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта объ объединеніи дѣятельности метеорологическихъ учрежденій; въ 1898 году отпущены суммы на расходы по международному метеорологическому конгрессу и приняты мѣры къ увеличенію средствъ различныхъ метеорологическихъ и физическихъ учрежденій; такъ 6-го Декабря 1899 года утверждены новые штаты Иркутской и Екатеринбургской магнитно-метеорологисиихъ обсерваторій и отпущено 10 785 руб. на устройство и содержаніе метеорологическихъ станцій на линіи Сибирской желѣзнӧй дороги; учреждено Одесское отдѣленіе Николаевской главной астрономической обсерваторіи и отпущено 58.000 руб. на постройки при Константиновской метеорологической обсерваторіи въ Павловскѣ.

Сверхъ того, исходатайствованы значительныя суммы на дальнѣйшее приведеніе въ порядокъ новаго зданія нашего важнѣйшаго книгохранилища, Императорской Публичной Библіотеки, и отпущено 110,000 рублей на обмеблированіе ея новаго зданія и 35,000 руб. на облицовку песчаникомъ сего зданія. По моему представленію удостоился утвержденія Вашего Величества отпускъ на устроенный при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ Музей Изящныхъ Искусствъ имени Императора Александра III-го 200000 р. Точно также отпущены суммы на постройки и другія цѣли Императортскаго Клиническаго Института Великой Княгини Елены Павловны и 78.704 руб. на капитальный ремонтъ зданій Московскаго Публичнаго Румянцевскаго Музея, давно требовавшаго и нуждавшагося въ перестройкѣ. Не говоря о другихъ болѣе мелкихъ пособіяхъ, исходатайствованныхъ мною для пользы науки и разныхъ ученыхъ учрежденій, кромѣ пріисканія необходимыхъ средствъ, дѣятельность моя относительно сихъ учрежденій выразилась также въ утвержденіи различныхъ Положеній и Уставовъ ученыхъ обществъ въ разныхъ городахъ Россіи; такъ 2-го Іюня 1899 г. утверждены Новое Положеніе и штаты С.-Петербургскаго Археологическаго Института; исходатайствованъ отпускъ суммъ на изданіе «Указателя Русской литературы по математикѣ и естественнымъ наукамъ», разрѣшенъ во время настоящихъ Рождественскихъ каникулъ въ Москвѣ

съѣздъ преподавателей физико-химическихъ наукъ; утвержденъ уставъ Варшавскаго кружка преподавателей физики и математики; уставъ Общества Любителей Русской словесности въ память Пушкина при Казанскомъ Университетѣ, уставъ Костромского Кружка любителей естествознанія; Педагогическаго Общества при Казанскомъ Университетѣ; Педагогическаго Отдѣла Историко-Филологическаго Общества при Новороссійскомъ университетѣ, Русскаго Библіографическаго Общества и нѣсколькихъ другихъ обществъ.

Имѣя счастіе представить на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества вышеприведенные факты отчета о моей трехлѣтней дѣятельности, считаю въ заключеніе всеподаннѣйшимъ долгомъ добавить, что этотъ отчетъ представляетъ собой лишь самый бѣглый обзоръ наиважнѣйшихъ событій, которыя я считалъ достойными утрудить вниманіе Вашего Величества. Вышеприведенныя данныя о моей дѣятельности, представляющія собой лишь строгое выполненіе воли и указаній Вашего Величества, никоимъ образомъ не обнимаютъ всего сдѣланнаго даже за этотъ періодъ времени; ибо многія важныя данныя въ области народнаго образованія еще находятся въ движеніи или не успѣли подвинуться дальше предварительнаго разсмотрѣнія, при чемъ мною употребляются всѣ мѣры, смотря по важности дѣла, чтобы двигать ихъ съ необходимой для того энергіей. Не смѣю умолчать о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя представляются налицо въ дѣятельности Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ то время, когда въ другихъ частяхъ государственнаго управленія постепенное увеличеніе народонаселенія съ ходомъ времени является вообще факторомъ благопріятнымъ, Министерству Народнаго Просвѣщенія это естественное явленіе приноситъ лишь новыя заботы о необходимости умноженія новыхъ школъ и измѣненія типа старыхъ, уже существующихъ. Между тѣмъ средства Министерства Народнаго Просвѣщенія и бюджетъ его растутъ далеко не параллельно съ этимъ естественнымъ ходомъ вещей и скорѣе отстаютъ отъ него. Если увеличеніе сѣтей желѣзныхъ дорогъ и другихъ путей сообщенія уменьшаетъ, напримѣръ, нужду проведенія новыхъ путей въ странѣ, или дѣлаетъ ее менѣе настоятельной: въ заботахъ о народномъ просвѣщеніи удовлетвореніе одной категоріи потребностей, напр., въ начальныхъ училищахъ, нисколько не умаляетъ насущной нужды открытія школъ среднихъ и высшихъ. Обратно съ прежде указаннымъ примѣромъ, удовлетвореніе одной потребности въ народномъ просвѣщеніи увеличиваетъ потребности другія, а не уменьшаетъ ихъ: размножая школы, напримѣръ, приходится заботиться и о размноженіи библіотекъ; увеличивая въ странѣ количество лицъ, напр., съ среднимъ и высшимъ образованіемъ, Министерство обязано заботиться въ бо́льшихъ размѣрахъ о по-

печеніи и содѣйствіи разнаго рода чисто-ученымъ учрежденіямъ, которыя естественно должны скорѣе при вышеозначенномъ условіи множиться и развиваться. Точно также, заботясь объ общемъ образованіи, Министерство практическими запросами жизни наталкивается все чаще и чаще на необходимость въ удовлетвореніи потребности въ профессіональномъ и промышленномъ образованіи страны. Вообще всякій новый шагъ въ дѣлѣ народнаго образованія родитъ непремѣнно и новую болѣе настоятельную заботу и потребность для того въ средствахъ. Эти особенности, заключающіяся въ самомъ существѣ дѣятельности Министерства Народнаго Просвѣщенія, естественно увеличиваютъ его трудъ и отвѣтственность; но въ тоже время Министерство находитъ тутъ и свою высшую награду въ нравственномъ сознаніи величія и благотворности народнаго просвѣщенія, которое покоится на патріотическихъ и нравственныхъ основаніяхъ. Распространеніе и развитіе такого образованія сторицею окупаетъ всѣ жертвы, приносимыя государствомъ и дѣлаетъ даже желательными новыя усилія на пользу народнаго образованія. Поднятіемъ и возвеличеніемъ, благодаря просвѣщенію, духовной и матеріальной жизни народа несомнѣнно умножается сила Россіи, направляемая державной волею исключительно на благо и миръ всего человѣчества.

КЪ ИСТОРІИ МАСОНСТВА ВЪ РОССІИ.

Дѣятельность Московской масонской ложи „Ищущихъ Манны“ въ 1817—1818 г.г.

а) Время съ основанія ложи по 1 Января 1818 г.

1817 г. Декабря 7 дня. Подъ управленіемъ великаго провинціальнаго мастера графа Віельгорскаго [1]) совершено торжественное открытіе ложи.

Вновь присоединены членами:

Камергеръ князь Алексѣй Ивановичъ Долгорукій;
Колежскій асессоръ Сергѣй Павловичъ Фонъ-Визинъ;
Коллежскій совѣтникъ Василій Дмитріевичъ Камынинъ;
Отставной маіоръ Юрій Андреевичъ Звѣревъ;
Титулярный совѣтникъ Яковъ Ивановичъ Венкштернъ;
Кавалергардскаго полка поручикъ Иванъ Юрьевичъ Поливановъ;
Отставной генералъ-маіоръ Өедоръ Михайловичъ Рахмановъ;
Адъютантъ герцога Виртембергскаго подполковникъ Щулепниковъ;
Коллежскій асессоръ Иванъ Михайловичъ Фроловъ.

Избраны:

Великимъ мастеромъ—Дмитріевъ-Мамоновъ [2]);
Намѣстнымъ мастеромъ Фонъ-Визинъ;
1-ымъ надзирателемъ—Курбатовъ [3]);
2-ымъ надзирателемъ—Садыковъ;
Секретаремъ Пушкинъ;
Риторомъ—Головинъ;
Казначеемъ—Фроловъ;

---

[1]) Во вторую половину жизни своей, сдѣлавшись вполнѣ царедворцемъ, графъ М. Ю. Вельегорскій, кажется, отсталъ отъ масонства. Онъ передавалъ А. И. Россету (а тотъ мнѣ), что въ масонствѣ имѣются тайные и зловредные политическіе замыслы. П. Б.

[2]) Отецъ художника Эмануила Александровича и дѣдъ художника Волкова. П. Б.

[3]) Петръ Александровичъ Курбатовъ, женатый на одной изъ Перовскихъ, дочери масона графа А. К. Разумовскаго. П. Б.

Обрядоначальникомъ—Долгополовъ;
1-ымъ стуартомъ—Камынинъ;
2-ымъ стуартомъ—Звѣревъ.
Всѣхъ братьевъ съ посѣтителями было 62.
Въ кружку бѣдныхъ собрано 376 рублей.

***

Декабря 11 дня. Совершено принятіе въ ученическую степень надворнаго совѣтника Аркадія Руфовича Степанова, помѣщика Пензенской губерніи.
Всѣхъ братьевъ съ посѣтителями было 30.
Въ кружку бѣдныхъ было собрано 130 рублей.

***

Декабря 17 дня. Ложа ученическая поученія для новопринятаго брата.
Всѣхъ братьевъ было 17.
Въ кружку бѣдныхъ собрано 48 рублей.

***

Декабря 24 дня. Ложа товарищеская. Принятіе въ сію степень гвардіи поручика Поливанова и Жуаё (гувернеръ въ домѣ графа Чернышева).
Всѣхъ братьевъ съ посѣтителями было 25.
Въ кружку бѣдныхъ—78 рублей.

***

Декабря 31 дня. Ложа ученическая торжества и по случаю конституціи, полученной отъ Великой провинціальной ложи изъ С.-Петербурга.
Вновь присоединенъ членомъ флота лейтенантъ Николай Іосифовичъ Поздѣевъ *).
Всѣхъ братьевъ съ посѣтителями было 29.
Въ кружку бѣдныхъ собрано 110 рублей.

***

Великій мастеръ Александръ Дмитріевъ-Мамоновъ.

б) Время за Январь мѣсяцъ 1818 г.

1818 г. Января 7 дня. Ученическая ложа принятія. Принятъ въ сію степень камеръ-пажъ Александръ Петровичъ Титовъ.
Всѣхъ братьевъ съ посѣтителями было 22.
Въ кружку бѣдныхъ собрано 56 рублей.

---

*) Сынъ Вологодскаго помѣщика, препрославленнаго въ масонствѣ Іосифа Алексѣевича. П. Б.

Присоединены братья ученики: губернскій секретарь Алексѣй Васильевичъ Перваго *), надворный совѣтникъ Масловъ, студентъ Адольфъ Карловичъ Шнейдеръ.

***

Января 14 дня. Ученическая ложа принятія. Принятъ въ сію степень иностранецъ, Россійскій подданный Гавріилъ Петровичъ Ланжуине.
Всѣхъ братьевъ съ посѣтителями было 21.
Въ кружку бѣдныхъ собрано 58 рублей 50 копѣекъ.

***

Января 21 дня. Ложа товарищеская принятія. Повышенъ въ сію степень братъ Перваго.
Всѣхъ братьевъ съ посѣтителями было 20.
Въ кружку бѣдныхъ собрано 152 рубля.

***

Января 28 дня. Ученическая ложа поученія. Читаны законы, полученные отъ Великой Провинціальной ложи.
Всѣхъ братьевъ съ посѣтителями было 24.
Собрано на погребеніе скончавшагося брата и на вспоможеніе бѣднаго его семейства 1008 руб. 50 коп.

***

Великій мастеръ Александръ Дмитріевъ-Мамоновъ.

в) Время за Апрѣль и Май 1818 г.

Апрѣля 1 дня. Ложа ученическая поученія. Великій мастеръ читалъ разсужденіе о намѣреніяхъ истиннаго искателя ко вступленію въ Общество.
Въ кружку бѣдныхъ собрано 35 рублей.
Всѣхъ братьевъ съ посѣтителями было 16.

***

Апрѣля 8 дня. Ложа ученическая принятія. Принятъ въ сію степень отставной гвардіи капитанъ Александръ Михайловичъ Быковъ.
Въ кружку бѣдныхъ собрано 67 рублей.
Всѣхъ братьевъ съ посѣтителями было 31.

***

Апрѣля 22 дня. Ложа ученическая поученія. Великій мастеръ читалъ раз-

---

*) Дядя поэта Стаховича. П. Б.

сужденіе объ образовательномъ и гіероглифическомъ принятіи ученика
Въ кружку бѣдныхъ собрано 77 рублей.
Всѣхъ братьевъ съ посѣтителями было 27.

***

Апрѣля 29 дня. Ложа ученическая принятія. Принятъ въ сію степень кандидатъ Московскаго Императорскаго Университета Степанъ Алексѣевичъ Масловъ *).

***

Въ кружку бѣдныхъ собрано 57 рублей·
Всѣхъ братьевъ братьевъ съ посѣтителями было 24.

Мая 6 дня. Ложа ученическая поученія. Великій мастеръ читалъ рѣчь о повиновеніи.
Въ кружку бѣдныхъ собрано 25 рублей.
Всѣхъ братьевъ съ посѣтителями было 15.

***

Мая 13 дня. Ложа ученическая поученія. Великій мастеръ читалъ опытъ о происхожденіи и существѣ истиннаго масонства.
Въ кружку бѣдныхъ собрано 43 рубля.
Всѣхъ братьевъ съ посѣтителями было 21.

***

Мая 27 дня. Ложа ученическая поученія. Великій мастеръ читалъ объ обязанностяхъ масона.
Въ кружку бѣдныхъ собрано 36 рублей.
Всѣхъ братьевъ съ посѣтителями было 19.

***

Великій мастеръ Александръ Дмитріевъ-Мамоновъ.

(Сообщила Тира Соколовская).

---

*) Извѣстный непремѣнный секретарь Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства. П. Б.

О КІЕВСКИХЪ МАСОНАХЪ.

(Изъ архива канцеляріи Военнаго Министерства, дѣло канцеляріи начальника главнаго штаба 1-й арміи № 5).

Рапортъ господину главнокомандующему 1-ю арміею[1]) военнаго генералъ-полицеймейстера генерала отъ инфантеріи Эртеля отъ 30-го Марта 1824 года за № 63.

Согласно повелѣнію вашего сіятельства отъ 2 Іюня прошедшаго года за № 48, имѣю честь донести, что послѣ закрытія бывшей въ Кіевѣ ложи, хотя разошлись они и подъ симъ названіемъ не существуютъ, однако отъ сей самой ложи, можно сказать, пошли другія отрасли масоновъ, чтò изволите усмотрѣть ваше сіятельство изъ прилагаемой при семъ записки, составленной мною. Считалъ также неизлишнимъ представить вашему сіятельству списокъ о деньгахъ масонскихъ, кои раздаются въ долгъ, для того, чтобъ изволили видѣть ихній ресурсъ. Я полагаю во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только они имѣютъ таковыя, собрать ихъ въ казну и обратить на богоугодныя дѣла: ибо посредствомъ сихъ денегъ вербуютъ они неопытныхъ, легкомысленныхъ людей въ свои секты, которые безъ того уже въ самомъ сильномъ градусѣ распространились, какъ изволите замѣтить изъ прилагаемыхъ безумныхъ правилъ ихъ, кои досталъ я съ большимъ трудомъ.

Эти правила слѣдующія:

Въ городѣ Кіевѣ аасонская ложа, подъ именемъ Бѣдные Славяне, открыта 1819-го года во время контрактовъ [2]) усильнымъ содѣйствіемъ флигель-адъютанта князя Лобанова-Ростовскаго 1-го.

Каждому новому брату давала ложа патентъ на пергаментѣ и Французскомъ языкѣ, во всей важности, съ печатью и знаками масонскими.

---

[1]) Князю Сакену.

[2]) Т. е. ярмарки.

По открытіи ложи съ каждаго брата взято въ масонскую казну по двадцати серебряныхъ рублей непремѣнно, а богатѣйшіе давали отъ ста и выше.

Нужно знать, что въ ложахъ существуетъ порядокъ, какъ и въ церквахъ, ходить съ кошелькомъ [1]) избранному для сего брату, въ который обязанъ каждый братъ положить непремѣнно рубль серебромъ не менѣе, а богатѣйшіе болѣе.

Въ 1819 году на контрактахъ было значительное собраніе, и по малой мѣрѣ можно было считать таковыхъ братовъ вкладчиковъ до тысячи человѣкъ [2]).

Сумма у масоновъ хранится на предметъ усиленія братіи и подстреканія революціи.

Коль скоро воспослѣдовалъ указъ 1822 года Августа 1-го о закрытіи тайныхъ обществъ, тотчасъ Кіевская ложа прекратила свое существованіе, бывшая въ домѣ Шиллинга. Но отставной изъ артиллеріи генералъ-маіоръ Бѣгичевъ, тотчасъ по уничтоженіи масоновъ, прибѣгъ къ отрасли масонскаго заговора, то есть: вмѣстѣ съ графомъ Хоткевичемъ открылъ магнетизмъ, которому послѣдовалъ и г. генералъ Раевскій [3]) со всемъ усердіемъ, даже многихъ особъ въ Кіевѣ самъ магнетизировалъ, равно и его адъютанты Капнистъ и Мухановъ.

Сей способъ масонской отрасли учитъ на тотъ предметъ, чтобъ имѣть лучшій способъ просящимъ якобы у магнетизма помощи, обязывать паціентовъ всѣмъ тѣмъ, что̀ только масонскія правила требуютъ.

Публика въ тишинѣ занялась соблазнительнымъ магнетизмомъ и около года была совершенно заблуждена, или не смѣла не вѣрить ясновидящимъ и проч., а болѣе всего, что занимался имъ заслуженный и первой человѣкъ въ городѣ. Наконецъ, начала публика шутить скромно надъ новоявившимся пользованіемъ больныхъ, потомъ громче и смѣлѣе, и нынѣ, кажется, магнетизеръ не имѣетъ болѣе паціентовъ; но выигрышъ масоновъ тотъ, что публика перестала говорить и забыла о масонахъ.

---

[1]) Съ кошелькомъ ходятъ непремѣнно при всякомъ собраніи ложи.

[2]) Надо знать: это подать не единовременная, но ежегодная, слѣдовательно суммы у масоновъ должны быть велики.

[3]) Герой Отечественной войны, Николай Николаевичъ Раевскій любилъ заниматься естественными науками и большой охотникъ былъ лечить и лечиться. П. Б.

Г. Бѣгичевъ рѣдко куда изъ дома выѣзжаетъ; у него бываетъ довольно часто г. генералъ Раевскій, и Бѣгичевъ также бываетъ у Раевскаго.

Сего года, на масляной недѣлѣ, были масонскіе блины съ Четверга до Субботы въ г. Кіевѣ, а отъ Субботы до Среды первой недѣли поста въ м. Бориспольѣ Полтавской губерніи у повѣтоваго маршала Василія Лукашевича.

Во все лѣто 1823 года масонская братія собирались въ 4-й части г. Кіева на Преваркѣ, въ хуторѣ Бѣгичева, который тамъ имѣетъ хорошій фруктовый садъ. Въ сей-то садъ съѣзжались братія каждое Воскресеніе пополудни въ пять часовъ и прогуливались до поздней ночи.

Подлинное подписалъ генералъ отъ-инфантеріи Эртель.

Отношеніе главнокомандующаго 1-ю арміею къ генералъ-барону Дибичу.

Марта 31 дня 1824 г. № 45.

Милостивый государь, баронъ Иванъ Ивановичъ.

По дошедшимъ до меня въ прошломъ годѣ слухамъ, что, не смотря на высочайшее запрещеніе, въ Кіевѣ продолжается существованіе масонской ложи, я поручалъ военному генералъ-полицiймейстеру развѣдать о томъ.

При случаѣ теперешней поѣздки въ Кіевъ, генералъ отъ инфантеріи Эртель открылъ, что хотя бывшая въ Кіевѣ ложа закрыта, но что отъ оной пошли другія отрасли масоновъ, которые продолжаютъ имѣть свои собранія. Полученное мною по сему предмету донесеніе генерала отъ-инфантеріи Эртеля, и приономъ особую записку о существованіи масоновъ, списокъ нынѣ извѣстнымъ масонамъ, и другой списокъ членамъ бывшей ложи, которые оной остались должны, все въ оригиналѣ имѣю честь препроводить при семъ къ вашему превосходительству, для доведенія о томъ до высочайшаго свѣдѣнія.

Отношеніе начальника главнаго штаба 1-й арміи къ генералъ-адъютанту барону Дибичу.

31 Марта 1824 г. № 47.

Милостивый государь баронъ Иванъ Ивановичъ.

Съ отходящею сего дня экстра-почтою отправляется къ вашему превосходительству отношеніе г. главнокомандующаго арміею со спи-

скомъ вновь открытыхъ масоновъ, въ числѣ коихъ состоитъ Кіевскій губернскій маршалъ графъ Олизаръ.

Извѣстясь, что онъ 28 сего Марта проѣхалъ здѣсь въ С.-Петербургъ, я долгомъ поставилъ увѣдомить о томъ ваше превосходительство, на тотъ случай, что, можетъ быть, изволите признать полезнымъ имѣть его въ наблюденіи, или даже взять предосторожности по искательствамъ его. По мнѣнію моему, если они и остаются въ неизвѣстности, что существованіе ихъ обнаружено, то уже одно пребываніе генерала Эртеля въ Кіевѣ должно было возродить въ нихъ опасеніе, а по сему легко быть можетъ, что цѣль поѣздки графа Олизара есть та, чтобъ посредствомъ тайныхъ связей или членовъ своихъ, въ различныхъ управленіяхъ въ С.-Петербургѣ находиться могущихъ, вывѣдать о послѣдствіяхъ поѣздки генерала Эртеля и стараться отвращать мѣры, которыя противъ сего принимаемы будутъ.

P. S. Такъ какъ наступаютъ праздники, то генералъ Эртель прибылъ изъ Кіева сюда не только по сему случаю, но и для испрошенія себѣ способовъ къ открытію по порученію данному ему отъ г. главнокомандующаго относительно злоупотребленій бывшихъ около Кіева въ разсужденіи корчемства. Между тѣмъ узналъ онъ предварительно, что въ семъ дѣлѣ замѣшана учебная команда 4-го корпуса, находившаяся въ Кіевѣ; почему и просилъ генералъ Эртель передъ отъѣздомъ своимъ изъ Кіева генерала Раевскаго команду сію оставить въ Кіевѣ до возвращенія его и розысканія всѣхъ обстоятельствъ до дѣла сего касающихся. Онъ не замедлитъ отправиться въ Кіевъ, о чемъ я вамъ донесу въ свое время.

Въ спискѣ объ игрокахъ генераломъ Эртелемъ представленномъ и при отношеніи г. главнокомандующаго приложенномъ не помѣщенъ Новиковъ, кажется, отставной капитанъ. Онъ извѣстенъ вездѣ въ Россіи, особенно въ Москвѣ, какъ плутовской игрокъ по ремеслу. Онъ проигралъ прежде своихъ 1000 душъ и теперь обыгрываетъ другихъ. Онъ глухъ и слушаетъ посредствомъ рожка.

Состоящій въ спискѣ генерала Эртеля Щитковъ есть тотъ самый, который въ 1821 и 1822 годахъ былъ подъ слѣдствіемъ по высочайшему повелѣнію за драку съ полковникомъ Кроминымъ по картежной игрѣ.

Секретное свѣдѣніе отъ Малороссійскаго военнаго губернатора объ уничтоженіи масонскихъ ложъ въ Малороссіи.

(Дѣло № 48, 1819 года).

Начальнику главнаго штаба Его Императорскаго Величества, господину генералу отъ инфантеріи, генералъ-адъютанту князю Волконскому генералъ-адъютанта князя Репнина рапортъ.

Получивъ повелѣніе вашего сіятельства, объявляющее мнѣ высочайшую волю о масонскихъ ложахъ 12-го Марта, я немедленно приказалъ закрыть существующую въ Полтавѣ; другихъ въ Малороссіи не находится.

Чуждъ будучи по совѣсти и правиламъ моимъ всякаго тайнаго сообщества, я никогда не покровительствовалъ масонскимъ ложамъ, но не воспрещалъ здѣсь нѣсколькимъ членамъ открыть таковую, потому что оная учреждалась съ дозволенія Петербургской главной ложи (Астреи), подвѣдомственной министерству полиціи, слѣдовательно и съ вѣдома онаго.

Безпрестанный надзоръ надъ нею и свѣдѣнія, которыя я имѣю объ ея дѣйствіяхъ, удостовѣрили меня, что въ ней ничего противузаконнаго не происходило.

Нынѣ, зная на сей предметъ высочайшую волю, имѣю увѣрить, что во все то время, въ которое Его Императорскому Величеству угодно будетъ оставить въ управленіи моемъ Малороссію, не откроется въ ней ни одной ложи. Подписалъ генералъ-адъютантъ князь Репнинъ *).

Полтава, 22-го Марта 1879 г.

(Сообщено Н. М. Затворницкимъ).

---

*) Рапортъ написанъ собственноручно княземъ Репнинымъ.

Т. Н. ГРАНОВСКІЙ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ПАНСІОНѢ КИСТЕРА.

Изъ воспоминаній его товарища.

Я зазналъ Грановскаго въ концѣ 20-хъ годовъ, въ пансіонѣ для благородныхъ дѣтей мужескаго пола, у коллежскаго совѣтника доктора Ѳеодора Кистера, какъ значилось это на вывѣскѣ дома, гдѣ былъ этотъ пансіонъ. Не помню, въ какомъ домѣ помѣщался нашъ пансіонъ, когда привезли Грановскаго. Въ началѣ 1826-го года пансіонъ занималъ еще домъ на Мясницкой, Лобанова - Ростовскаго, гдѣ нынѣ механическое заведеніе братьевъ Бутенопъ. Въ томъ же году осенью пансіонъ перебрался въ домъ, чтò противъ церкви Николы Мясницкаго (нынѣ домъ этотъ принадлежитъ почтовому вѣдомству). Весною 1827 года, возвратившись изъ деревни послѣ Святой недѣли, я нашелъ пансіонъ нашъ переселившимся на Моховую, въ домъ Гусятникова, чтò противъ экзерциргауза, на углу Воздвиженки, а 1828 года, лѣтомъ, во время вакаціи, послѣдовало новое переселеніе: съ Моховой на Большую Дмитровку, въ домъ бывшій Салтыкова, теперь занимаемый Купеческимъ Клубомъ.

Болѣе 30 лѣтъ миновало съ тѣхъ поръ, а потому я не могу опредѣлительно сказать, въ какомъ изъ домовъ въ первый разъ увидѣлъ я Грановскаго; но какъ теперь помню его идущаго дорожкою въ саду при домѣ Гусятникова и съ энергіей юности упрекавшаго надзирателя-Француза, шедшаго съ нами, въ суровомъ обращеніи съ учениками «On ne vous aime pas, parce que vous êtes trop sévère avec les écoliers» *).

Это было говорено въ Маѣ или Іюнѣ 1827 года передъ лѣтней вакаціей, и потому изъ этого воспоминанія я полагаю, что Грановскаго привезли въ Москву не задолго до перемѣщенія пансіона въ домъ Гусятникова. Надзиратель, котораго поучалъ Грановскій, имѣлъ похвальную привычку въ рапортичкахъ, подаваемыхъ Кистеру по Субботамъ, отмѣчать почти поголовно всѣхъ учениковъ въ дурномъ пове-

*) Васъ не любятъ, потому что вы слишкомъ строги съ учениками.

деніи, и потому въ первую же Субботу послѣ разговора въ саду въ спискѣ замѣченныхъ въ дурномъ поведеніи значился и Грановскій. Прилежаніе и благородное поведеніе Грановскаго при веселости, никогда не доходившей до шалостей пошлыхъ, были извѣстны всѣмъ ученикамъ. Грановскій составлялъ между товарищами авторитетъ нравственности безукоризненной, и когда нѣкоторымъ изъ шалуновъ, по утру, въ Субботу, удалось подсмотрѣть приготовленный надзирателемъ и на минуту оставленный имъ случайно на столѣ списокъ, то, увидѣвъ въ немъ имя Грановскаго, они повѣстили эту радостную вѣсть по всему пансіону. Всѣ, въ особенности шалуны, дѣйствительно дававшіе въ продолженіе недѣли волю своему отроческому разгулу, были убѣждены, что списокъ, въ который они внесены заурядъ съ именемъ Грановскаго, Кистеръ разорветъ непремѣнно, и угрожающая опасность быть не отпущенными изъ пансіона минуетъ виновныя головы. Такъ и случилось. Когда, въ 12 часовъ по окончаніи утреннихъ классовъ, ученики, имѣвшіе родителей и родныхъ въ Москвѣ, бросились проситься домой, Кистеръ, взявъ у надзирателя списокъ, сказалъ: «Allons enfants, il faut voir, peut-on encore vous laisser» [1]), и пошелъ въ сопровожденіи просителей въ залу, куда сбѣжались и другіе ученики. Кистеръ, съ веселымъ на этотъ разъ и добродушнымъ лицемъ, сѣлъ на стулъ посреди залы, вынулъ изъ кармана очки и, смотря изъподлобья на окружавшую его толпу, началъ медленно надѣвать ихъ на носъ. Нетерпѣливое волненіе отражалось на всѣхъ лицахъ. Надзиратель-Французъ стоялъ съ сіяющимъ лицомъ. Надѣвъ очки, Кистеръ также медленно развернулъ списокъ составленный на цѣломъ листѣ бумаги, сложенномъ въ четверо, развернулъ и снова, прежде нежели началъ читать, посмотрѣлъ опять на всѣхъ изподлобья, но уже въ очки. Потомъ онъ взялъ списокъ, и лицо его, до этой минуты веселое, подернулось выраженіемъ сильнаго неудовольствія. Лобъ съёжился, брови нависли на глаза. Онъ вскочилъ со стула, изорвалъ списокъ въ мелкіе куски, проговорилъ съ досадой обыкновенную свою поговорку: «Этыва, право, ей Богу....» проговорилъ такъ, какъ будто кто влилъ въ ротъ ему лимоннаго соку и, проходя мимо совсѣмъ растерявшагося надзирателя, сказалъ ему вполголоса: «Vous ne savez pas vous-même comment faut-il se conduire avec les écoliers [2]).... Потомъ, дойдя до двери, онъ еще разъ обернулся къ ученикамъ и, сказавъ: «Enfants, allez à la maison, qui le voudra» [3]), вышелъ изъ залы. Вскорѣ послѣ этого над-

---

[1]) Ну, дѣти, надо еще посмотрѣть, можно ли васъ отпустить.

[2]) Вы сами не знаете, какъ надо обходиться съ учениками.

[3]) Дѣти, ступайте домой кто хочетъ.

зиратель былъ разсчитанъ. Въ спискѣ, имъ поданномъ, имя Грановскаго стояло первымъ, ученики не ошиблись. Вмѣстѣ со многими и я радовался счастливому для насъ исходу дѣла—по милости Грановскаго.

Въ памяти моей Грановскій какъ будто начинаетъ жить съ описанной мною прогулки въ пансіонскомъ саду. Это былъ ясный и теплый Майскій вечеръ, часъ десятый. Большое каштановое дерево, росшее посрединѣ пушистой зеленой лужайки, было покрыто цвѣтами. Цвѣты на рабаткахъ и сирень наполняли воздухъ ароматомъ. Шумъ отъ колесъ экипажей по Моховой и по Воздвиженкѣ постепенно рѣдѣлъ, набѣгавшіеся ученики шли домой, въ саду становилось пусто. Вдругъ двое учениковъ, одинъ кучеромъ, а другой лошадкой, завозженой веревочкой, въ курточкахъ и башмакахъ, съ пылавшими отъ бѣганія лицами, еще пронеслись по открытой дорожкѣ и скрылись въ аллеѣ изъ акацій. Мнѣ было тогда лѣтъ 15. Грановскій былъ старѣе меня, какъ я полагаю, годами двумя; но ростомъ онъ уже былъ высокъ и тонокъ. Вообще онъ былъ худощавъ, такъ что руки и ноги казались длинными; щеки имѣлъ нѣсколько впалыя, при разговорѣ быстро оживляемыя румянцемъ; глаза живые, темные, и не коротко остриженные волосы бывали тщательно причесаны. На верхней губѣ чернѣлся пухъ, оттѣнявшійся подобно усамъ. Надъ черными широкими и сросшимися бровями [1]) какъ будто витала дума; на губахъ же, если только не говорилъ чего серьезнаго, или не училъ урокъ, постоянно сіяла юношеская улыбка. Я былъ степеннѣе другихъ учениковъ моего возраста, и хотя однимъ классомъ учился ниже Грановскаго, но по возрасту почиталъ себя въ правѣ быть его товарищемъ и высказывать свои мнѣнія о поэзіи и литературѣ, какъ предметахъ, по тогдашнимъ нашимъ понятіямъ, единственно достойныхъ занятія людей съ высшимъ развитіемъ въ той небольшой средѣ мыслящихъ учениковъ, въ которой обращался Грановскій.

Впрочемъ нѣкоторые предметы и однихъ учителей я слушалъ въ высшемъ классѣ вмѣстѣ съ Грановскимъ.

Эти предметы были: исторія всемірная, проходимая по Шреку, географія по Каменецкому, и Русская исторія по книгѣ изданной для народныхъ училищъ. Исторію Русскую, всемірную и географію по руководствамъ этимъ преподавалъ экстраординарный профессоръ императорскаго Московскаго Университета Николай Андреевичъ Бекетовъ [2]).

[1]) Мать Грановскаго была смуглая Малороссіянка Чарнышъ. П. Б.

[2]) Въ домѣ Салтыкова его впослѣдствіи замѣнилъ Николай Васильевичъ Савельевъ служившій учителемъ при Екатерининскомъ Институтѣ.

Какъ руководство, такъ и система преподаванія Николая Андреевича достойны того, чтобы поговорить о нихъ. Не знаю, удовлетворяла ли исторія Шрека потребностямъ низшихъ учебныхъ заведеній въ Германіи, въ то время, когда Русскій переводчикъ (кажется Константиновъ) познакомилъ съ твореніемъ Шрека Русское юношество; но въ настоящее время можно сказать положительно, что, при всемъ недостаткѣ нашей педагогической литературы, оно очень плохо. Въ Географіи Каменецкаго можно было узнать и о моряхъ, и о рѣкахъ, и о городахъ; но все изложенное сухо и безцвѣтно, и для того, чтобы усвоить себѣ географическія познанія, нужно было имѣть много памяти и упорнаго терпѣнія. Объ исторіи Россійской для народныхъ училищъ еще менѣе можно сказать: это небольшая книжечка въ 8 долю листа, скверно и на скверной бумагѣ напечатанная, не могла дать никакого понятія объ исторіи Россіи. Правда, въ ней по порядку излагались дѣянія князей Рюрика, Олега, Святослава, Владимира; но такъ коротко, что исторія каждаго изъ нихъ ограничивалась много если двумя страничками. Если бъ мы въ свободное время не читали Исторіи Государства Россійскаго Карамзина, какъ произведенія въ высшей степени литературнаго, т. е. если бы не находили наслажденія въ чтеніи Карамзина, учебникъ нашъ не помогъ бы намъ не только заглянуть за завѣсу вѣковъ, но и не показалъ бы возможности, какъ приступить къ этому.

Система преподаванія, какъ Географіи, такъ и Исторіи, была оригинальнѣе руководства. Н. А. Бекетовъ являлся въ классъ всегда почти опаздывая получасомъ, а иногда и болѣе. При входѣ въ дверяхъ класса всѣ ученики встрѣчали его привѣтствіемъ: «Здравствуйте, г-нъ профессоръ!» что̀ онъ очень любилъ. Потомъ онъ отдавалъ шляпу и палку кому-нибудь изъ встрѣчавшихъ его учениковъ, и тотъ, принимая съ подобострастіемъ эти регаліи, относилъ и складывалъ ихъ на окошко. Николай Андреевичъ былъ видный, здоровый и дебелый мущина. На лицѣ его всегда изображалась спокойная самоувѣренность и хотя въ движеніяхъ былъ довольно развязенъ, но развязность эта была груба и неразборчива. Соревнованіе и подобострастіе въ принятіи отъ него шляпы и палки происходили не отъ уваженія къ его личности, а отъ желанія задобрить его въ свою пользу на случай незнанія урока, что̀ почти всегда оказывалось напрасною надеждою. Взойдя на каѳедру и сѣвъ на стулъ, онъ закладывалъ обѣ руки на голову и, упершись колѣнками въ столъ, начиналъ качаться на стулѣ. Веселая безпечность его сообщала веселость всему классу, и хотя многіе ожидали неизбѣжной таски, но всѣ готовы были смѣяться отъ души. Ну-ка, Г . . . . . въ, что̀ новаго у васъ по полиціи, сказывай, спрашивалъ Николай Андре-

евичъ ученика Г. . . . . ва, сидѣвшаго на первой лавкѣ. Г. . . . въ былъ сынъ частного пристава Сущовской части, и такъ какъ онъ былъ полупансіонеръ, то всегда имѣлъ возможность замѣнить собою для Николая Андреевича тогда еще не существовавшій полицейскій листокъ. Вопросъ Николая Андреевича давалъ Г. . . . ву поводъ занять его разсказомъ о случившемся воровствѣ, о смертоубійствѣ, о найденномъ трупѣ или пожарѣ, и разсказы эти продолжались нерѣдко добрыхъ полчаса, послѣ чего Николай Андреевичъ говорилъ: «довольно» и начиналъ вызывать къ каѳедрѣ учениковъ для спроса уроковъ цѣлыми лавками. «Ей вы, шестеро изъ бочки!» крикнетъ бывало онъ, не переставая покачиваться на стулѣ съ заложенными на голову руками, и шестеро самыхъ плохихъ учениковъ подходили къ нему съ послѣдней лавки. На вопросъ его, производившійся обыкновенно по книжкѣ, они поднимали глаза къ потолку и молчали.

«Мужи Галилейскіе, восклицалъ тутъ г-нъ профессоръ, чтó вы стоите зряще на небо, преклоните колѣна. Поближе, поближе къ каѳедрѣ, къ каѳедрѣ-то, поближе», говорилъ онъ становившимся на колѣна, и становилъ ихъ такъ, чтобъ можно было достать рукою до волосъ виновныхъ. Послѣ этого выкликались «четверо изъ бочки» сидѣвшіе на предпослѣдней скамейкѣ; тѣ сначала отвѣчали кое-что, но подъ конецъ и къ нимъ примѣнялось названіе Галлилейскихъ мужей, и они становились, какъ и первые, на колѣна возлѣ каѳедры.

За этими слѣдовала третья лавка, и пока онъ спрашивалъ урокъ у вновь подошедшихъ для ради занятія, щипалъ съ самымъ веселымъ лицемъ стоявшихъ на колѣняхъ за волосы, по его словамъ какъ куръ щиплютъ, приговаривая при этомъ: «полудурье, дуракъ, скотина....» На каѳедрѣ его всегда лежала костяная указка, употребляемая обыкновенно при изученіи букварей и имѣвшая подобіе пѣтуха. Она замѣчательна тѣмъ, что была пріобрѣтена для класса Бекетова иждивеніемъ учениковъ; и когда разъ одна указка куда-то пропала или изломалась, то ученики немедленно замѣнили ее новою. Этою указкою или пѣтухомъ, если г-нъ профессоръ не щипалъ волосъ, долбилъ онъ по головамъ или хлопалъ по ладонямъ, отъ чего начинался страшный визгъ и пискъ. Самъ же онъ хохоталъ, и за нимъ весь классъ хохоталъ; и чтò страннѣе всего, вслѣдъ за визгомъ или вмѣстѣ съ визгомъ и нерѣдко сквозь слезы хохотали и тѣ, которыхъ онъ долбилъ и щипалъ.

Въ этихъ занятіяхъ проходилъ весь классъ, и для первой лавки на которой въ числѣ прочихъ сидѣлъ Грановскій, для спроса урока оставалось очень немного минутъ. Передъ концемъ урока Бекетовъ по-

сылалъ одного изъ учениковъ къ Кистеру за двугривеннымъ на извощика, какъ говорилъ онъ: «за прогонами», потомъ, задавъ урокъ, т. е. отворотивъ, почти несмотря, пол-книги, онъ бралъ шляпу и палку и напутствуемый восклицаніями учениковъ «прощайте г-нъ профессоръ», выходилъ изъ класса.

Никакого толкованія, никакого изустнаго объясненія, ни даже разговора объ исторіи, какъ предметѣ занятія, мы не слыхали въ классѣ. Безсмысленно задать урокъ, безсмысленно спросить его, и въ случаѣ незнанія отколотить могъ бы и приходскій дьячекъ.

Но, не смотря на эту болѣе нежели жалкую методу преподаванія, Грановскій учился хорошо, и уже въ то время замѣтна была въ немъ любовь къ Исторіи. Кто бы впрочемъ могъ тогда думать, что изъ класса Бекетова на исторической каѳедрѣ Московскаго Университета появится со временемъ знаменитый профессоръ.

Кромѣ исторіи и географіи, общимъ классомъ для меня съ Грановскимъ былъ классъ Русской словесности. Предметами преподаванія были реторика и поэзія, преподавателемъ же былъ Петръ Ѳеодоровичъ Калайдовичъ. Для заучиванія на память предметовъ его преподаванія служили двѣ рукописныя тоненькія тетрадки, и хотя онѣ были переписаны у всѣхъ и каждый разъ приносились въ классы, но уроковъ Калайдовичъ никогда не задавалъ и не спрашивалъ. Всякій воленъ былъ заучать и не заучать на память изъ этихъ тетрадокъ, Петру же Ѳедоровичу не было нужды до этого: онъ имѣлъ дѣло съ юношами уже взрослыми, которые сами должны были заботиться о своей пользѣ. Преподаваніе его ограничивалось задаваніемъ небольшихъ сочиненій, а часто и переводами изъ Французской Хрестоматіи, которые онъ исправлялъ, указывая на ошибки противъ языка, грамматики или на неправильность слога. Потомъ онъ читалъ стихотворенія лучшихъ нашихъ поэтовъ, минувшаго и настоящаго времени, или, какъ тогда подраздѣляли, поэтовъ классическихъ и романтическихъ; читалъ увлекательно, разъяснялъ красоты читаемыхъ произведеній и объяснялъ направленіе и духъ школъ. Изъ класса Калайдовича, хотя мы выходили не умнѣе и немного ученѣе, чѣмъ приходили, но за то выходили добрѣе духомъ, проникнутые прелестью поэзіи, съ сознаніемъ человѣческаго достоинства, и потому Петра Ѳедоровича очень любили.

Двадцатые годы были золотымъ вѣкомъ Русской поэзіи. Пушкинъ, Жуковскій, Баратынскій, Дельвигъ, Крыловъ и другіе замѣчательные поэты, какъ напримѣръ Вяземскій, Глинка, Языковъ, Козловъ и еще

многіе составляли благородную фалангу писателей, призывавшихъ всѣхъ и каждаго отрѣшиться отъ пошлости существеннаго и унестись вмѣстѣ съ ними въ міръ поэзіи, въ страну незримую, но исполненную всего высокаго и прекраснаго. Литература вообще и поэзія въ особенности составляли предметъ общественныхъ разговоровъ. Въ кругу молодыхъ дамъ и дѣвицъ молодые люди читали на память, изъ принесенной тетрадки или изъ альманаха, новое какое нибудь стихотвореніе. Строфы Пушкина витали постоянно на устахъ молодыхъ людей и дѣвицъ; стихотворенія всѣхъ поэтовъ старыхъ и новыхъ переписывались и списывались всѣми, и кипы тетрадей, наполненныхъ стихотвореніями, составляли существенную принадлежность каждаго кабинета и каждаго щегольского будуара свѣтской дамы (разумѣется, умѣвшей читать по русски) и скромной спальни деревенской барышни «Татьяны».

Написать какое нибудь стихотвореніе, маленькую элегію, микроскопическое посланіе или акростихъ, чтобъ имѣть право называться поэтомъ хоть бы только въ своемъ муравейникѣ, было исходной точкой стремленія всей просвѣщенной молодежи. Писать прозой никто не чувствовалъ призванія, всякій хотѣлъ писать стихи.

Увлеченный духомъ времени (далеко не практичнаго и не меркантильнаго какъ теперь) Грановскій созналъ себя поэтомъ, или, лучше сказать, стихотворцемъ достойнымъ названія поэта; признали его и мы, его товарищи. Плоды его вдохновенія читались съ уваженіемъ, и какова была похвала молодому поэту, когда мы, сравнивая его стихотворенія съ твореніями князя Шаликова, находили, что талантъ его не ниже! Эти взгляды и приговоры теперь смѣшны; но тогда мы были молоды и зелены; мы не понимали призванія Грановскаго.

Кромѣ него стихотворствомъ занимался еще ученикъ Б. . . . ъ; кто-то и еще подвизался писать стихами или прозою, не помню, только занятія эти дали поводъ къ образованію литературныхъ вечеровъ. Способствовалъ этому магистръ Московскаго Университета Гавриловъ занимавшій у насъ въ пансіонѣ комнату и обѣдавшій съ нами за однимъ столомъ. Кажется, если не ошибаюсь, онъ платилъ Кистеру за столъ и квартиру; но, какъ мнѣ помнится, уроковъ не давалъ. Вообще отъ учениковъ онъ держалъ себя очень далеко. Не смотря на это, онъ настроилъ Кистера завести ученическіе литературные вечера, объяснилъ ученикамъ цѣль и значеніе такихъ вечеровъ и тѣмъ возбудилъ въ нихъ сильное желаніе, чтобъ вечера эти дѣйствительно состоялись. Кистеръ же былъ доволенъ тѣмъ, что литературные вечера

въ его пансіонѣ должны были произвести въ публикѣ полезный для заведенія эффектъ.

Въ одинъ прекрасный зимній вечеръ, въ половинѣ 7-го часа, въ танцовальной залѣ дома Салтыкова былъ поставленъ большой продолговатый столъ, покрытый зеленымъ коленкоромъ. Въ одномъ изъ узкихъ концовъ стола, облеченный званіемъ президента сидѣлъ Грановскій; по сторонамъ стола сѣли члены литературнаго общества, человѣкъ до 6-ти или 8-ми. Изъ числа этихъ членовъ я помню только трехъ: Б....а, С....а и П....а. На столѣ поставлены были двѣ бронзовыхъ чернильницы, а передъ каждымъ изъ сидѣвшихъ положены листъ бѣлой бумаги и неочиненное перо. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ другого конца стола, на поставленныхъ полукружіемъ креслахъ, сѣли Кистеръ, Калайдовичъ, Гавриловъ и еще, не помню хорошенько, Куртенеръ или Пельтъ, и князь Шаликовъ, знаменитый издатель Дамскаго Журнала, долгое время бывшій редакторомъ Московскихъ Вѣдомостей. Въ то время въ пансіонѣ нашемъ учился сынъ князя Шаликова въ ожиданіи поступленія въ кадетскій корпусъ; для Кистера же сближеніе съ редакторомъ Московскихъ Вѣдомостей и Дамскаго Журнала было интересно: черезъ него можно было такъ, стороною, косвеннымъ образомъ, довести до свѣдѣнія публики о замѣчательномъ экзаменѣ въ заведеніи такого-то, объ отеческой заботливости содержателя пансіона, о необыкновенныхъ успѣхахъ учениковъ и даже о литературныхъ вечерахъ.

Вслѣдъ за посѣтителями впустили и насъ всѣхъ остальныхъ учениковъ, и мы сѣли на диванахъ, окружавшихъ залу.

Вечеръ открылся рѣчью Грановскаго. Что̀ было сказано въ этой рѣчи и для чего она была сказана, я рѣшительно не припомню. Послѣ этой рѣчи принесли на подносѣ чай въ чашкахъ, подали его сначала посѣтителямъ, а потомъ и литераторамъ; намъ же ученикамъ по обыкновенію чай поданъ былъ въ кружкахъ. Во время чаю посѣтители разсуждали о достоинствѣ рѣчи, а литераторы сидѣли молча. Послѣ чаю Б....ъ прочелъ стихотвореніе Грановскаго, прочелъ со всѣмъ жаромъ юности и возбудилъ чтеніемъ общее удовольствіе. Грановскій за слабостію груди не читалъ самъ своихъ стиховъ, вѣроятно увѣренный вполнѣ, что пылкій Б....ъ прочтетъ его стихотвореніе лучше, нежели бы онъ прочелъ его самъ. Во все продолженіе чтенія и въ остальное время вечера Грановскій сидѣлъ неподвижно, какъ будто что̀ называется аршинъ проглотилъ; но помню и какъ теперь вижу умное и кроткое выраженіе его худощаваго лица, отѣненнаго темными

волосами. Послѣ стиховъ Грановскаго Б....ъ читалъ свои стихи, тамъ кто-то читалъ прозу, и наконецъ дѣло за неимѣніемъ матеріаловъ для чтенія должно было кончиться, разсуждать же нашимъ литераторамъ было не о чемъ. Дѣйствительная жизнь, безъ которой все мертво и безсознательно, едва только начинала касаться ихъ, да и то прикосновеніе это было еще такъ нѣжно-обаятельно, что не затрудняясь можно его сравнить съ первымъ поцѣлуемъ любви, подъ вліяніемъ котораго ни мыслить, ни говорить не хочется... Конечно міръ фантазіи и надеждъ внушалъ намъ многое, что̀ нерѣдко высказывалось въ дружескомъ кругу; и когда дорывались мы до чтенія произведеній тогдашней литературы и журналистики, то нерѣдко подвергали все читанное своему критическому разбору, а вслѣдствіе этого возникали и литературные споры. Но все это производилось случайно, домашнимъ образомъ, въ надеждѣ, что все, что̀ ни соврешь, все сойдетъ. Быть же на выставкѣ передъ почтенной публикой и разсуждать какъ по заказу—дѣло совсѣмъ другое: быть профаномъ никому не хотѣлось... Впрочемъ Гавриловъ предвидѣлъ это, и потому, обратясь къ Грановскому, сказалъ: Нѣтъ ли у васъ какого вопроса требующаго обсужденія и разрѣшенія ученымъ образомъ? Ну чего-нибудь такого, о чемъ еще говорено не было. Предложите подобный вопросъ.

Гавриловъ заранѣе уже приготовилъ вопросъ, который долженъ былъ предложить предсѣдатель, и Грановскій предложилъ его. Вопросъ заключался въ томъ, какое различіе имѣютъ слова: литература и словесность? Члены литературы продолжали молчать; но объясненіемъ вопроса занялись посѣтители. Всѣ они говорили и толковали. Болѣе всѣхъ говорилъ Гавриловъ, заранѣе приготовленный къ предвидѣнному спору. Кистеръ началъ было сперва разсуждать по-русски: этыва, этыва права, ей Богу... но, видя несостоятельность свою въ Русскомъ языкѣ, разгорячился и заспорилъ по-нѣмецки. Не знаю, чѣмъ кончился ученый диспутъ, только, какъ мнѣ помнится, стихотворенія, читанныя на литературномъ вечерѣ, были напечатаны въ Дамскомъ Журналѣ.

Сознавъ свое поэтическое призваніе, я тоже написалъ тогда стихотвореніе: «Вечеръ» въ подражаніе «Сельскому Кладбищу» Жуковскаго, но втрое короче. Изъ всего моего созданія остались у меня въ памяти только два послѣднихъ стиха первой строфы:

«Лишь въ отдаленіи далекомъ,
«Звучатъ охотничьи рога!»

Не смотря на это далекое отдаленіе, участники литературнаго общества, изъ которыхъ я только нѣкоторымъ и то по секрету рѣшил-

ся прочитать «вечеръ», признали во мнѣ несомнѣнный, хотя еще не созрѣвшій талантъ. Грановскій взялся исправить какъ далекое отдаленіе, такъ и другіе недостатки моей элегіи, и обѣщалъ прочесть ее въ слѣдующій литературный вечеръ, предполагая, что вечера эти будутъ продолжаться постоянно хотя разъ въ двѣ недѣли или въ мѣсяцъ; но ожиданія эти не сбылись. Литературнымъ вечерамъ суждено было существовать одинъ только вечеръ.

Стихотвореніе мое, исправленное Грановскимъ, по общесоставленному нами плану, должно было явиться на литературномъ вечерѣ, какъ присланное отъ *неизвѣстнаго автора.*

Въ тайнѣ сердца моего я очень былъ недоволенъ оставаться въ неизвѣстности, но и обнаружить себя я боялся. Во-первыхъ, я не былъ тогда еще формально ученикомъ высшаго класса, во-вторыхъ учился дурно. Ну какъ, помилуй Господи, думалъ я, Кистеръ скажетъ съ кисло-насмѣшливымъ выраженіемъ въ лицѣ: «Этыва права, ей-Богу, мальшикъ... ушится дурно... глюпы стихи писать!..» и проч. Я не могъ при всемъ пристрастіи къ себѣ не сознавать въ предполагаемыхъ словахъ Кистера доли правды, и потому ожидалъ, какой эффектъ произведетъ мое стихотвореніе на общество. При хорошемъ впечатлѣніи я бы умѣлъ открыться.

Между 60-ю или 70-ю человѣкъ учениковъ разныхъ видовъ и возрастовъ не возможно было, чтобы обходилось безъ усобицъ. Бывали ссоры, бывало и подерутся. Грановскій былъ такого возраста и такъ держалъ себя, что драться было бы для него страннымъ и нелѣпымъ; но разъ я, какъ теперь вижу, одинъ задорный ученикъ и уже не маленькій, но много ниже Грановскаго ростомъ, вздумалъ открытымъ единоборствомъ принудить Грановскаго къ уступкѣ и даже лѣзъ ему съ кулаками къ носу. Грановскій тоже вспыхнулъ, вытянулъ свои длинныя худыя руки, какъ барабанныя палки, сжалъ кулаки, и такъ какъ ростомъ былъ выше своего врага, то и забарабанилъ по немъ самымъ учащеннымъ образомъ дробь. Врагъ былъ окончательно побѣжденъ и со стыдомъ отступилъ. Еще осталось у меня въ памяти празднованіе имъ своего рожденія или имянинъ, хорошо не помню. Товарищъ его, жившій съ нимъ въ одной комнатѣ, С....въ былъ также въ тотъ день или имянинникъ или новорожденный, и потому они положили праздновать за одно. Грановскій принялъ на себя утреннее угощеніе, т. е. завтракъ, С....въ послѣобѣденное — дессертъ. Учениковъ въ этотъ день въ пансіонѣ оставалось немного, классовъ не было, и потому я полагаю, что день былъ праздничный, и чуть ли

не 9 Мая, день перенесенія мощей Св. Николая Чудотворца; можетъ быть это было и въ другой какой день и не въ Маѣ, можетъ быть даже и въ Январѣ или Декабрѣ, ручаться не могу, только въ числѣ немногихъ приглашенныхъ участвовать въ празднествѣ былъ и я. Утреннее угощеніе Грановскаго состояло изъ круглаго заказаннаго въ трактирѣ пирога съ фаршемъ въ родѣ паштета. Онъ самъ разрѣзалъ его на ровные куски и положилъ каждому на тарелку. Было и еще что-то съѣстное, и завтракъ окончился бутылкою вина. Грановскій былъ веселъ, говорилъ много и, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ, вдругъ остановился, приложилъ палецъ ко лбу и сказалъ: господа, я вамъ сейчасъ скажу экспромптъ и, сказавъ это, снова зашагалъ по комнатѣ. Онъ обдумывалъ, мы ѣли пирогъ и ожидали экспромпта; но, не смотря на указательный перстъ Грановскаго, прикладываемый имъ, то ко лбу, то къ носу, вдохновеніе не пришло. Экспромпта мы не слыхали. Ожидаемый десертъ не былъ такъ роскошенъ, какъ завтракъ: орѣхи простые, красная патока съ калачемъ, да кажется одна ли двѣ ли бутылки меду, вотъ и все. Десертомъ этимъ, хотя и не было высказано это С....ву въ слухъ по чувству деликатности, ни Грановскій, ни гости не были довольны: всѣ находили его далеко не соотвѣтствующимъ завтраку.

Въ 1829 году я уже не возвратился съ лѣтней вакаціи въ пансіонъ. Желаніе скорѣе надѣть мундиръ, подпоясать саблю да гарцевать на лихомъ конѣ, имѣя «киверъ звѣрски на бекрень...» дѣлало дальнѣйшее ученіе для меня противнымъ. Вступить въ Университетъ и быть студентомъ я бы и не былъ прочь; но употребить для этого хотя немного упорнаго труда я не хотѣлъ, и потому въ концѣ того же года поступилъ юнкеромъ въ Казанскій драгунскій полкъ.

Въ концѣ 1830 года въ Царствѣ Польскомъ вспыхнулъ мятежъ, и я, только почти за годъ сошедшій съ школьной скамьи, очутился на дымныхъ бивакахъ, въ удаломъ кругу веселыхъ товарищей, и мѣсяца черезъ два по переходѣ за границу былъ произведенъ въ офицеры. Стукъ оружія, громъ пушекъ, звукъ трубъ и бурный разгулъ почти изгладили изъ памяти моей воспоминаніе о товарищахъ пансіона: и сами они, и жизнь ихъ казались мнѣ блѣдными предъ дѣйствительными опасностями и беззаботной мишурою блестящей жизнію офицера-кавалериста. Но миръ послѣ войны, однообразные смотры и ученья, шагистика, аллюры и, главное, чтеніе и лѣта, мало по малу охладили меня ко всему тому, къ чему сначала я такъ стремился. Я началъ прислушиваться къ жизни въ другой, чуждой для насъ сферѣ, во мнѣ пробуждалась усиленная мысль о наукѣ, какъ о вѣрнѣйшемъ пособіи къ достиженію нравственной свободы, и наука начала возникать предо

мною высокимъ идеаломъ блага и истины. Я приближался уже къ 30 лѣтнему возрасту, когда имя Грановскаго дѣлалось извѣстнымъ просвѣщенной Россіи.... Неужели это онъ, тотъ школьный товарищъ, думалъ я, услышавъ въ первый разъ о имени Грановскаго, какъ о замѣчательномъ профессорѣ Московскаго университета?.. Дѣйствительно это былъ онъ.

Вышедъ въ отставку и женившись, я часто посѣщалъ Москву. Сердце мое рвалось къ Грановскому; но боязнь отнять у Грановскаго часъ времени отъ его ученыхъ занятій, недостатокъ самоувѣренности будетъ ли мое посѣщеніе для него пріятно, боязнь наконецъ быть ему въ тягость, быть не кстати, меня постоянно удерживали отъ поѣздки къ нему.

Въ ту зиму, когда Призывающій къ себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ къ покою призвалъ къ себѣ Гоголя, я зимовалъ въ Москвѣ; а въ день отпѣванія его тѣла вмѣстѣ съ другими чтителями великаго таланта пріѣхалъ къ обѣднѣ въ университетскую церковь. Тихо лежалъ усопшій. Бѣденъ былъ гробъ его, но около этого гроба была тѣснота и давка, и это желаніе воздать послѣдній долгъ усопшему было краснорѣчивѣе самыхъ лавровъ, вѣнчавшихъ омертвѣвшее чело. Я стоялъ въ правой сторонѣ церкви, прислонясь къ западной стѣнѣ. Возлѣ меня стоялъ незнакомый какой-то мнѣ господинъ съ чертами лица серьезными и мрачными. Вонъ, сказалъ онъ мнѣ, собрались всѣ Славянофилы, и указалъ мнѣ на нѣсколько лицъ стоявшихъ у южной стѣны. Грустно мнѣ было слышать эти слова, и гдѣ же, у гроба Гоголя? Неужели и тутъ, имѣя предъ глазами живое доказательство всего преходящаго, передъ лицомъ вѣчности, можно было питать вражду за различіе взглядовъ, за различно избранные пути къ достиженію одной и той же цѣли осуществленія истины... и тогда именно, когда одна цѣль и одна мысль собрала всѣхъ къ одному гробу? Но тутъ запало мнѣ сомнѣніе въ сердцѣ:—дѣйствительно ли такъ, что во имя одной и той же цѣли и одной мысли собрались всѣ? Всѣ ли вѣрятъ въ покой, обѣщанный Искупителемъ для труждающихся и обремененныхъ? Не пустая ли жажда демонстраціи собрала многихъ? У всѣхъ ли въ сердцѣ молитва, за которую безсмертный духъ Гоголя сказалъ бы бо́льшее спасибо нежели за лавры, которыя его христіанская натура еще при жизни отвергала, какъ земныя игрушки.... Пока я мыслилъ и озирался во всѣ стороны, близъ гроба Гоголя показался какой-то мужчина съ длинными волосами. Студенты, стоявшіе толпою, съ почтеніемъ давали ему мѣсто; онъ оглянулся, и я въ мужественныхъ, бла-

городныхъ чертахъ его узналъ своего пансіоннаго товарища Грановскаго.

При видѣ его легкимъ быстрымъ видѣніемъ въ памяти моей воскресъ другой образъ, образъ 18 лѣтняго юноши съ IX томомъ Исторіи Государства Россійскаго въ рукахъ и съ патріотическимъ одушевленіемъ глядящаго изъ оконъ дома Гусятникова на верхи Кремлевскихъ соборовъ, озлащаемые послѣполуденнымъ солнцемъ въ то время, когда стаи галокъ тучами и съ крикомъ слетаютъ и унизываютъ собою и кресты Ивана Великаго, и шпили башень, и кровли храмовъ и зданій Кремлевскихъ.

Другое мгновеніе представило мнѣ того же юношу стоящимъ за класснымъ столомъ между сидящими товарищами и голосомъ, выходившимъ изъ груди, отвѣчающаго на вопросы законоучителя священника Сергія Ивановича Тяжелова изъ Православнаго Катехизиса. Пронеслось и это мгновеніе, и снова передо мною бѣлые зубчатые стѣны Кремля, и зелень лужаекъ Кремлевскаго сада, и молодыми липами осѣненная дорожка. По темному вечернему небу плыветъ серебряная луна, и тотъ же юноша съ двумя или тремя сверстниками идетъ по дорожкѣ, а тѣ жадно слушаютъ читаемые вполголоса мелодическіе стихи Грановскаго.

И много свѣтлыхъ и дѣтскихъ, тяжелыхъ и забавно комическихъ мгновеній быстро смѣнялось и замѣнялось мимолетнымъ видѣніемъ, а я продолжалъ смотрѣть на Грановскаго, не разставаясь съ вопросомъ, внушеннымъ мнѣ собравшеюся толпою; и когда священникъ возгласилъ: упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего, и возгласъ этотъ повторялъ клиръ, я впился глазами въ знаменитаго профессора... и у меня отлегло какъ будто на сердцѣ, когда я увидѣлъ, что за упокой души Грановскій перекрестился.

Раздвигая толпу, я протѣснился къ нему. Онъ стоялъ въ это время у самаго гроба, когда отдавали усопшему послѣднее цѣлованіе.

Узнаете ли вы стараго товарища? спросилъ я, протягивая руку Грановскому. Онъ посмотрѣлъ на меня привѣтливымъ взоромъ. С-въ, сказалъ онъ. Вы—С-въ. Чтò вы не повидаетесь со мною? Гдѣ вы стоите?

У гроба въ это время началось сильное движеніе, лавровый вѣнокъ разрывали на части, и счастливъ былъ тотъ, кому удавалось воспользоваться хоть однимъ листочкомъ на память Гоголя.

Я буду у васъ, сказалъ я.—Пріѣзжайте!

Михайло Семеновичъ Щепкинъ накладывалъ гробовую крышку.... толпа волновалась.

Въ слѣдующее Воскресенье я пріѣхалъ къ Грановскому. Онъ квартировалъ въ приходѣ Харитонія въ Огородникахъ и принялъ меня въ кабинетѣ. Онъ былъ не одинъ. Я нашелъ въ кабинетѣ двухъ или трехъ незнакомыхъ посѣтителей и нѣсколько человѣкъ студентовъ, обращавшихся къ Грановскому съ вопросами и съ просьбами книгъ.... Занимаясь съ ними болѣе четверти часа, онъ не могъ мнѣ посвятить ни одной минуты. Наконецъ онъ сѣлъ, припомнилъ прежнюю пансіонскую жизнь, поговорилъ о судьбѣ нѣкоторыхъ товарищей... Намъ бы собраться когда-нибудь воспитанникамъ Кистеровскаго пансіона. Я это устрою. Гдѣ вы стоите? Я дамъ вамъ знать, я позову К. . . . ра, васъ; найдемъ и еще кого-нибудь.

Разговоръ нашъ былъ при нѣсколькихъ молча слушавшихъ незнакомыхъ мнѣ лицахъ. Мнѣ было неловко. Я не могъ быть нараспашку душою, какъ въ былое время, съ товарищемъ юности... Свидѣтели молчали, какъ будто дожидались, чтобъ я скорѣе кончилъ; я взялъ шляпу, пожалъ крѣпко руку Грановскаго, простился до свиданія и вышелъ изъ кабинета. Но свиданію этому суждено совершиться только въ будущей жизни. Дня черезъ три я долженъ былъ оставить Москву, и когда пріѣхалъ опять въ Бѣлокаменную, Грановскаго уже не было въ этомъ мірѣ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ А. Я. БУЛГАКОВА КЪ ЕГО ДОЧЕРИ КНЯГИНѢ О. А. ДОЛГОРУКОЙ *).

1836.

Moscou, le 11 Mars 1836.

Dites à Дишка que le clob Anglais est désespéré et tout-à-fait à sec du bonheur d'Alexis Galitzine, qui a pompé tout l'argent comptant de tous les joueurs. Jean Poutiata m'a dit que depuis 5 ou 6 jours Galitzine avait gagné près de 200 m. rbl. Каковъ! Et on prétend qu'il était tout-à-fait aux abois.

La noce de la Manteufel, qui devait avoir lieu hier, a été remise apparemment pour indisposition de m-r ou d'elle. Mad. la p-sse Catherine Al. Wolkonsky m'a fait dire qu'elle était arrivée et avait le désir de me voir; mais je ne me laisse plus prendre à ces douces paroles, car quand j'arrive, j'entends: здоровъ ли ты, какъ я тебя люблю, что̀ новаго; присылай мнѣ газеты; дай мнѣ лошадей въ Суханово, et autres choses tendres, pressées et intéressantes dans ce genre.

Je vous envoie, ma chère amie, les journaux étrangers et comme les criminels aiment les complices, je vous envoie aussi les feuilles de la gazette de Pétersbourg qui contient les départs pour l'étranger.

---

*) См. выше, стр. 218. Похоронивъ брата, устроивъ въ Таврическомъ дворцѣ обѣихъ сестеръ своихъ Шумлянскихъ и утѣшившись производствомъ въ офицеры старшаго сына своего, Александръ Яковлевичъ возвратился на свое Московское почтдиректорство и зажилъ прежнею жизнію. Его благополучіе въ служебномъ отношеніи обезпечивалось для него духовною связью главнаго его начальника, князя А. Н. Голицына, съ одною изъ Шумлянскихъ (къ которой онъ ѣзжалъ для духовныхъ бесѣдъ, когда та жила у своего брата Константина Яковлевича); новый же Петербургскій почтдиректоръ Ѳедоръ Ивановичъ Прянишниковъ не чуждъ былъ также союзу Татариновой. Съ тогдашнимъ великимъ визиремъ, графомъ Бенкендорфомъ, Александръ Яковлевичъ находился въ давней, почти пріятельской связи, а денежныя дѣла его были въ отличномъ положеніи: обѣ дочери выданы за людей богатыхъ, а самъ онъ, кромѣ жалованья и большаго казеннаго помѣщенія, получалъ (какъ и Прянишниковъ) всю пересылочную плату съ газетъ и журналовъ. Но душевное настроеніе его, съ кончиною брата, начало понижаться, какъ это уже отчасти сказывается въ нижеслѣдующихъ его письмахъ.

Ne voyant personne, je ne sais ce que font tous les principaux acteurs de votre côterie. Ayant nommé le p-ce Nicolas m. *Coco*, en parlant à la p-sse Nathalie, elle dit: ah! non, non! pas Coco, c'est Rococo! Dans ce cas, lui dis-je, s'il est Rococo, vous êtes *Rocoquette*. Cela lui a beaucoup plu, et elle ajouta: Papa Bulgakow, nommez moi toujours comme cela.

Переводъ.

Москва, 11 Марта 1836.

Скажи Дишкѣ, что Англійскій клубъ въ отчаяніи и совсѣмъ безъ копѣйки денегъ, благодаря счастью Алексѣя Голицына, который выкачалъ всѣ наличныя деньги у всѣхъ игроковъ. Иванъ Путята сказалъ мнѣ, что въ 5 или 6 дней Голицынъ выигралъ около 200 т. руб. Каковъ! А утверждаютъ, будто онъ былъ въ послѣдней крайности.

Свадьба Мантейфель, которая должна была быть вчера, отложена, вѣроятно по нездоровью его или ея. Княгиня Екатерина Ал. Волконская [1]) прислала сказать мнѣ, что пріѣхала и желаетъ меня видѣть; но я не попадусь больше на эти сладкія рѣчи, потому, что когда пріѣзжаю, слышу: . . . . . и другія нѣжныя, спѣшныя и интересныя вещи въ этомъ родѣ. Посылаю тебѣ, дорогой другъ мой, иностранныя газеты и такъ какъ преступники любятъ соучастниковъ [2]), посылаю тебѣ также Петербургскую газету, въ которой сообщаются выѣзды за границу.

Не видя никого, не знаю что̀ дѣлаютъ главные дѣйствующія лица вашего кружка. Когда, говоря съ княгиней Наталіей, я назвалъ кн. Николая *Коко*, она сказала: ахъ, нѣтъ, нѣтъ, не Коко, онъ Рококо! Въ такомъ случаѣ, сказалъ я, если онъ Рококо, то вы *Рококетка*. Это ей очень понравилось, и она прибавила: Папенька Булгаковъ, называйте меня всегда такъ.

Moscou, le 12 Mars 1836. A minuit.

Maman vous embrasse et vous remercie pour vos prières. Demain matin Zakrefsky vient chez elle avec le gouverneur Nébolsine, qui s'est offert de venir se concerter avec elle sur ce qu'il y a à faire contre cette charmante soeur Obreskoff.

En ville on ne parle que de cette rupture des Manteufel; la promise est chagrine, dit-on, et c'est toujours une chose désagréable pour une jeune personne. On dit qu'il a mal agi, car il voulait l'argent tout de suite. La mère dit: l'argent est là, déposé chez moi; il faudra trouver une terre à acheter, et à cela M. objecta: а ежели вы деньги промотаете? Mais, répondit la c-sse, je vous donne plus que 200 m. rbl, je vous confie ma fille et son bonheur, je ne voudrais pas la dé-

---

[1]) Урожд. Мельгунова, владѣтельница стариннаго помѣстья Суханова, близъ Подольска и по мужу тетка князя Волконскаго, министра двора.

[2]) Зять и дочь А. Я. Булгакова собирались ѣхать въ чужіе края.

pouiller; mais l'autre ne voulut pas démordre: arrivé à la maison, il renvoya portrait, lettres etc. Comme il paraît qu'il n'en voulait qu'à l'argent, c'est bon qu'on en est quitte, et il a déjà quitté Moscou. Au reste, aucune nouvelle en ville.

Переводъ.

Москва, 12 Марта 1836, въ полночь.

Маменька цѣлуетъ тебя и благодаритъ за твои молитвы; завтра утромъ пріѣзжаетъ къ ней Закревскій съ губернаторомъ Небольсинымъ, который вызвался пріѣхать, чтобы условиться, какъ дѣйствовать противъ прелестной сестрицы Обрѣзковой.

Въ городѣ только и говорятъ о разрывѣ Мантейфеля; невѣста, слышно, огорчена, да во всякомъ случаѣ это непріятная вещь для молодой особы. Говорятъ, онъ плохо поступилъ, желая получить всѣ деньги тотчасъ. Мать сказала: деньги здѣсь, у меня на храненіи; нужно будетъ найти землю для покупки, а на это М. возразилъ: а ежели вы деньги промотаете? Но, отвѣтила графиня, я даю вамъ больше 200 т. р., я вручаю вамъ свою дочь и ея счастье, не захочу же я ее ограбить; но тотъ не подумалъ отступиться: вернувшись домой, онъ отправилъ назадъ портретъ, письма и проч. Такъ какъ, повидимому, ему нужны были только деньги, то хорошо, что съ нимъ развязались, и онъ уже покинулъ Москву. Въ остальномъ въ городѣ нѣтъ никакихъ новостей.

Moscou, le 14 Mars 1836.

J'ai la tête grosse ce matin. Je me suis levé à 7 heures du matin. C'était comme une conspiration de paperasses contre mon repos: il a fallu parler des affaires avec maman, j'ai du rédiger et même copier au mot la lettre qu'elle vient de signer pour l'Empereur. A peine avais-je pris la plume, qu'arrive la poste de Pétersbourg.; вотъ часа два, что все принимаюсь къ тебѣ писать и не даютъ. Скажи маменькѣ *), что я самъ ѣздилъ, самъ искалъ въ ея комнатѣ потерянную сережку; но нигдѣ не нашли; она, можетъ быть, ее потеряла съ уха внѣ дома, въ каретѣ etc.

Je vous conterai à la hâte ce qu'on me dit de Pétersbourg. D'abord on ne cesse de parler de l'histoire de Pavloff. Apréleff est mort le 8, il y a un bruit que l'assasin est mort aussi, mais un fait c'est que le père Pavloff a écrit une lettre à l'Empereur, que le lendemain on lui a accordé 2000 rbl de pension et la permission d'accompagner son fils, que les travaux forcés ont été commués en deux ans de service comme soldat. Enfin il y a quelque chose d'extraordinaire dans tout cela et que nous saurons avec le temps. Le pauvre Gritti est très mal, on n'espère pas le sauver. Voilà donc les deux antagonistes qui sûrement ont puissamment contribué à se donner la mort par ce long et maudit pro-

*) Т. е. княгинѣ Долгорукой.

cès. Il est arrivé une chose tragique encore. Une mad. Stolipine accompagnait son fils à Cronstadt, ce fils devait partir pour l'étranger, il sert aux gardes à cheval; il s'assit sur un banc de tillac, la tête lui tourne, et il tombe dans l'eau. C'était à 4 verstes du quai Anglais. Vous savez comme les pyroscaphes vont vite, de sorte que non seulement on ne put donner aucun secours, mais même il fut impossible de retrouver le corps. Imaginez vous l'état de la malheureuse mère qui était là, avec d'autres parents encore, pour reconduire le jeune homme.

Ma belle-soeur á enfin un quartier, c'est la maison du c-te Lamsdorf à la Моховой; il coûtera 4500 rbl, mais il est bien et plus grand que celui qu'on leur a soufflé.

J'ai été fort étonné de recevoir l'autre jour une lettre de l'étranger et, jugez, pas cachetée; elle est arrivée comme cela de Genève jusqu'à Moscou, il se trouve qu'elle était de mad. Orloff. Je l'ai envoyée au mari avec deux mots: apparemment qu'il n'y a pas de communication entre la Suisse et les Pyrénées, puisqu'ils n'ont pas de cire d'Espagne là-bas.

Переводъ.

Москва, 14 Марта 1836.

Сегодня у меня голова кругомъ идетъ, я всталъ въ 7 часовъ утра, точно бумаги составили заговоръ противъ моего покоя; нужно было говорить о дѣлахъ съ маменькой, мнѣ пришлось сочинить и даже переписать письмо къ Государю, которое она сейчасъ подписала. Только что я взялъ перо, какъ пришла Петербургская почта........ Разскажу тебѣ наскоро что̀ мнѣ сообщаютъ изъ Петербурга. Во-первыхъ, не перестаютъ говорить объ исторіи Павлова*). Апрѣлевъ умеръ 8, есть слухъ, что убійца тоже умеръ; но суть въ томъ, что Павловъ-отецъ написалъ письмо Государю, что на слѣдующій день ему пожаловали пенсію въ 2000 руб. и дали разрѣшеніе сопровождать сына, что каторга была смягчена двумя годами службы въ солдатахъ. Однимъ словомъ, есть что-то необыкновенное во всемъ этомъ, что̀ мы со временемъ узнаемъ. Бѣдный Гритти очень плохъ, не надѣются его спасти. И такъ, вѣроятно оба противника сильно способствовали своей смерти этою долгою и проклятою тяжбою. Произошелъ еще одинъ трагическій случай. Нѣкая госпожа Столыпина провожала своего сына въ Кронштадтъ, этотъ сынъ долженъ былъ ѣхать за границу, онъ служилъ въ конной гвардіи; сѣлъ онъ на палубѣ на скамейку, вдругъ у него закружилась голова, и онъ падаетъ въ воду, это было въ 4 верстахъ отъ Англійской набережной. Ты знаешь, какъ быстро идутъ пароходы, такъ что не только не могли подать ему никакой помощи, но даже не было возможности найти тѣло. Вообрази себѣ состояніе несчастной матери, бывшей тамъ съ другими родственниками, чтобы проводить молодого человѣка.

---

*) Въ домовой церкви графа Шереметева вѣнчался Александръ Өедоровичъ Апрѣлевъ (братъ котораго, сенаторъ Иванъ Өедоровичъ, завѣдывалъ Шереметевскими имѣніями) и былъ застрѣленъ нѣкіимъ Павловымъ (кажется, за то, что, будучи передъ тѣмъ женихомъ сестры Павлова, отступился отъ нея).

Наконецъ у моей невѣстки есть квартира, въ домѣ гр. Ламздорфа на Моховой; будетъ стоить 4500 рубл., но она гораздо больше той, которую у нихъ перебили.

Я былъ очень удивленъ, получивъ на дняхъ письмо изъ за границы, и посуди: не запечатанное; оно въ такомъ видѣ пришло изъ Женевы въ Москву; оказывается, отъ г-жи Орловой. Я отправилъ его къ ея мужу, написавъ два слова: очевидно нѣтъ сообщенія между Швейцаріей и Пиренеями, такъ какъ у нихъ тамъ не имѣется сургуча [1]).

Moscou, le 10 Mai 1836.

Uu témoin oculaire a raconté à m-r Tchertkoff la fin tragique de ce pauvre Stolipine. Quand il fit la chute, la p-sse Lobanoff et sa fille, qui étaient là aussi, tombèrent évanouies croyant que c'était le jeune Lobanoff, qui, étant à côté de Stolipine, était le malheureux. Un Anglais et un matelot se jetèrent tous d'abord dans une chaloupe; l'Anglais attrapa la main de Stolipine, mais il avait un gant, et la main de l'Anglais glissa, le corps disparut en laissant sur l'eau sa фуражка. Par malheur, Stolipine avait pour 10 m. rbl d'or dans ses poches et qu'il avait emporté avec lui de Pétersbourg; peut-être que ce poids contribua à le faire couler à fond. Le fait est qu'on ne vit plus le corps. Le désespoir de cette famille fit qu'on retourna au quai Anglais pour débarquer la malheureuse mère et les autres parents, après quoi le pyroscophe continua son chemin tout tristement. Столыпинъ виноватъ самъ! сѣлъ на самомъ концѣ палубы, ему кто-то сказалъ: смотри, упадешь, Какое дѣло, отвѣчалъ онъ, я плаваю какъ рыба.

Nous ne savons encore rien sur le voyage de la Cour. L. L. M. M. sont en attendant à Царское Село. Voyez ce que Catherine m'écrit des bontés de l'Impératrice.

Vous lirez dans la gazette que m-r Tatischeff est malade, mais que cela ne vous inquiète pas; il écrit lui-même à Paolino qu'il a été malade pour s'être promené au soleil sans chapeau, mais que tout est passé. Le c-te Tolstoy est arrivé. On raconte que l'auteur Pouchkine, qui est ici, demande à quelqu'un: чтò новаго?—Пріѣхалъ графъ Петръ Александровичъ.—Да, répondit l'autre, en coupant la parole, пріѣхалъ графъ П. А., только не Румянцевъ-Задунайскій, а Толстой. П. П. Novossilzoff n'est pas resté en arrière pour les bons mots, car il dit: c'est *Pierre* jetée dans notre jardin.

Переводъ.

Москва, 10 Мая 1836.

Свидѣтель-очевидецъ разсказывалъ Черткову про трагическую смерть бѣднаго Столыпина [2]). Когда онъ упалъ, княгиня Лобанова съ дочерью, бывшія

[1]) Игра словъ: по-французски сургучъ называется Испанскимъ клеемъ.

[2]) Какой это Столыпинъ, не знаемъ.

тутъ же, упали въ обморокъ, думая, что злополучнымъ былъ молодой Лобановъ, находившійся возлѣ Столыпина. Какой-то Англичанинъ и матросъ тотчасъ бросились въ шлюпку. Англичанинъ поймалъ руку Столыпина, но тотъ былъ въ перчаткѣ, и рука Англичанина скользнула; тѣло скрылось, оставивъ надъ водой его фуражку. Къ несчастью у Столыпина было въ карманахъ на 10 т. руб. золота, которое онъ взялъ съ собой изъ Петербурга; быть можетъ, эта тяжесть способствовала тому, что онъ пошелъ ко дну; дѣло въ томъ, что тѣла больше не видѣли. Отчаяніе семьи заставило вернуться къ Англійской набережной, чтобы высадить несчастную мать и остальныхъ родственниковъ, послѣ чего пароходъ печально продолжалъ свой путь.

Ничего не знаемъ еще о поѣздкѣ Двора. Пока Ихъ Величества въ Царскомъ Селѣ. Посмотри что̀ Катя мнѣ пишетъ о милостяхъ Императрицы.

Въ газетѣ прочтешь, что Татищевъ боленъ, но ты этимъ не тревожься: онъ самъ пишетъ Паолино [1]), что былъ боленъ оттого, что гулялъ по солнцу безъ шляпы, но что все уже прошло. Графъ Толстой [2]) пріѣхалъ. Разсказываютъ, будто поэтъ Пушкинъ, который здѣсь, спросилъ кого-то: что̀ новаго? —Пріѣхалъ графъ Петръ Александровичъ.—Да! отвѣтилъ онъ, прервавъ собесѣдника; пріѣхалъ графъ П. А., только не Румянцевъ-Задунайскій, а Толстой.— П. П. Новосильцевъ не отсталъ въ остротѣ, сказавъ: это камень (*Pierre*), брошенный въ нашъ огородъ.

Moscou, le 19 Mai 1836.

J'ai des nouvelles agréables à vous donner de Catherine. Ce serait à elle à faire des démarches pour avoir le bonheur de faire sa cour à l'Impératrice, et c'est au lieu de cela S. M. I. qui a fait les avances par Pauline Barténeff. L'Impératrice a reçu votre soeur dans son cabinet; mais pour éviter la répétition et gagner du temps, voici la lettre de votre soeur.

Il n'y a rien de nouveau de Pétersbourg, mais il en part une foule de monde, c'est une émigration générale. Michel Wielgorsky, après un refus formel d'une longue absence pour l'étranger, a obtenu enfin la permission d'aller reconduire sa femme jusqu'à Berlin, il a un sémestre de 28 jours. J'avais voulu vous écrire d'avantage, mais m-r Nébolsine est venu parler des affaires de votre maman, et il est resté très longtemps chez nous. J'ai reçu une lettre de Wiasemsky, qui me dit qu'il vient d'échapper à une fièvre chaude bilieuse et pour maintenant cela va bien; je ne sais d'après cela si la noce de sa fille Marie a eu lieu ou non. Молодые должны быть сюда тотчасъ послѣ свадьбы.

---

[1]) Т. е. зятю Булгакова, Павлу Дмитріевичу Соломирскому.

[2]) Графъ П. А. Толстой (жившій въ Зимнемъ дворцѣ) присланъ былъ въ Москву исполнять должность Московскаго ген.-губернатора, по случаю отъѣзда въ чужіе края князя Д. В. Голицына, который былъ другомъ просвѣщенія, тогда какъ графъ Толстой любилъ подозрѣвать писателей во враждѣ къ правительству.

Переводъ.

Москва, 19 Мая 1836.

Могу сообщить тебѣ пріятныя извѣстія о Катѣ. Слѣдовало бы *ей* хлопотать о счастьѣ представиться Императрицѣ, а вмѣсто того Ея В-ство сама вызвалась на это черезъ Полину Бартеневу. Императрица приняла твою сестру у себя въ кабинетѣ; но, дабы избѣгнуть повторенія и выиграть время, вотъ тебѣ письмо твоей сестры.

Изъ Петербурга новаго ничего нѣтъ, но оттуда выѣзжаетъ много народу, это всеобщая эмиграція. Послѣ формальнаго отказа на долгое отсутствіе за границей, Михаилъ Віельгорскій получилъ, наконецъ, разрѣшеніе поѣхать проводить жену до Берлина, онъ имѣетъ отпускъ на 28 дней. Хотѣлъ написать тебѣ больше, но пришелъ Небольсинъ говорить о дѣлахъ маменьки [1]) и оставался у насъ очень долго. Получилъ я письмо отъ Вяземскаго, который говоритъ, что только что отдѣлался отъ желчной горячки, но что теперь онъ здоровъ. Изъ этого не вижу, была ли свадьба его дочери Маріи или нѣтъ [2]).

Moscou, le 21 Mai 1836.

C'est un jour, chère Olga, si heureux jadis, et maintenant je ne puis vous dire ce qui se passe en moi. Tous ceux qui viennent me féliciter eux-mêmes ou qui envoyent, me font du mal. Hélas, il n'est plus cet homme adorable, la perle des Constantins et de tous les mortels de ce bas monde!

Je ne puis vous dire comme votre départ m'est tous les jours plus sensible. Quelquefois, l'ouvrage fini, je sors pour dîner et j'apprends: Нат. Василь. давно изволили откушать, почивать легли. Je dois dîner seul, et vous savez comme j'aime cela: ничего въ горло не пойдетъ.

La poste de Pétersb., arrivée dans le moment, m'a apporté une lettre de Sophie; elle me dit que les médecins ont exigé que l'Impératrice reste l'été tranquille, de sorte que les voyages seront abandonnés, S. M. passera tout l'été à Царское Село et n'ira même pas à Élaguine.

Не продолжаю письмо мое; что-то грустно, не хочу навести и на тебя тоску.

Переводъ.

Москва, 21 Мая 1836.

Дорогая Ольга, сегодня день, нѣкогда столь счастливый, а теперь не могу тебѣ сказать, что̀ происходитъ во мнѣ; всѣ, приходящіе сами или при-

---

[1]) У супруги А. Я. Булгакова Натальи Васильевны были дѣла по суконной ея фабрикѣ въ подмосковномъ селѣ Горбовѣ.

[2]) Княжна Марья Петровна Вяземская выходила за Петра Александровича Валуева (позднѣе министра внутреннихъ дѣлъ).

сылающіе поздравить меня [1]), дѣлаютъ мнѣ зло. Увы! нѣтъ его больше, этого превосходнаго человѣка, этого лучшаго изъ Константиновъ и изо всѣхъ смертныхъ въ этомъ мірѣ.

Не могу сказать тебѣ, насколько твой отъѣздъ съ каждымъ днемъ для меня чувствительнѣе. Иногда, окончивъ работу, иду обѣдать и узнаю: „Нат. Васил. давно изволили откушать, почивать легли". Я долженъ обѣдать одинъ, а ты знаешь, какъ я это люблю: ничего въ горло не пойдетъ.

Только что пришедшая почта изъ Петербурга привезла мнѣ письмо отъ Сони [2]); она пишетъ, что доктора потребовали, чтобъ Императрица оставалась лѣтомъ въ покоѣ, такъ что поѣздки будутъ оставлены, Ея Величество проведетъ все лѣто въ Царскомъ Селѣ и даже на Елагинъ не поѣдетъ.

Moscou, le 23 Mai 1836.

Voyons que vous dire maintenant de Moscou? Il y a eu hier trois mariages en ville: 1-e celui de Iermoloff, 2-e celui de Norof, 3-e celui de m-r Annenkoff avec la p-sse Gagarine, fille de feu le prince André. Un plaisant a dit que les trois promis n'avaint que trois jambes, savoir: Annenkoff deux, Norof une et Iermoloff pas de jambes du tout. Le mariage de celui-ci a été célébré dans la chapelle des Troubetzkoy de la Покровка, on n'y a laissé entrer personne. Les nouveaux mariés partent dans dix jours pour l'étranger. Hier on assurait que, la cérémonie finie, Iermoloff s'est retiré chez lui et sa jeune femme chez son père. Cela ne me paraît guère probable. On peut se dire des douceurs par lettres, mais *tout* dans ce monde ne peut se faire par correspondance et encore moins les devoirs matrimoniaux, à moins que la jolie nouvelle mariée ne fasse comme cette dame qui est devenue grosse à force de penser à son mari absent.

Я слышалъ еще bon mot на счетъ графа Толстого. Я писалъ тебѣ, что онъ болѣе проводитъ времени въ Подмосковной своей нежели здѣсь. Какой-то проситель пришелъ къ отцу и командиру Москвы. Швейцаръ говоритъ: графа нѣтъ, онъ въ *Узкомъ*, à quoi le solliciteur, qui était pressé, répondit: графъ въ *узкомъ* [3]), а мы всѣ въ *тонкомъ*.

Никита Всеволожскій a été nommé maître des cérémonies de la cour. Je ne savais pas que la d-lle Jérebzoff, qu'il venait d'épouser, était une production de la façon du p-ce Pierre Wolkonsky. Voilà pourquoi le ministre de la maison impériale n'a pas fait de cérémonies pour ce titre de maître de cérémonies.

---

[1]) Съ имянинами старшаго сына.

[2]) Старшей дочери покойнаго Константина Яковлевича, позднѣе графини Перовской.

[3]) Узкое, подмосковная графа Толстаго по Троицкой дорогѣ (нынѣ, кажется, М. Н. Кристи).

Il y a grande rumeur: Lundi on donne le Ревизоръ, pièce qui a fait du bruit à Pétersbourg.

Переводъ.

Москва, 23 Мая 1836.

Ну, что же тебѣ сказать о Москвѣ? Вчера состоялось въ городѣ три свадьбы: 1-я Ермолова, 2-я Норова, 3-я Анненкова съ княжной Гагариной, дочерью покойнаго князя Андрея. Какой-то шутникъ сказалъ, что у трехъ жениховъ всего три ноги, а именно: у Анненкова двѣ, у Норова одна, а у Ермолова ни одной. Вѣнчаніе послѣдняго было совершено въ домовой церкви Трубецкихъ на Покровкѣ, куда никого не пускали. Молодые уѣзжаютъ черезъ десять дней за границу. Вчера увѣряли, будто, по окончаніи службы, Ермоловъ уѣхалъ къ себѣ, а его молодая жена къ своему отцу. Это кажется мнѣ неправдоподобнымъ. Можно говорить другъ другу нѣжности въ письмахъ, но не можетъ въ этомъ мірѣ все дѣлаться черезъ переписку, а тѣмъ менѣе супружескія обязанности, развѣ что хорошенькая молодая сдѣлаетъ какъ та дама, которая такъ много думала о своемъ отсутствующемъ мужѣ, что забеременѣла.

. . . . . на что проситель, который торопился, отвѣтилъ: графъ въ *узкомъ*, а мы всѣ въ *тонкомъ*.

Никита Всеволожскій назначенъ церемоніймейстеромъ двора. Я не зналъ, что мамзель Жеребцова, на которой онъ только что женился, есть произведеніе князя Петра Волконскаго. Вотъ почему министръ императорскаго двора не поцеремонился для этого назначенія церемоніймейстеромъ.

Въ городѣ большое волненіе: въ Понедѣльникъ даютъ Ревизора, пьесу, надѣлавшую много шума въ Петербургѣ.

Moscou, le 25 Mai 1836.

J'ai une lettre fort agréable de Catherine. Elle a été à une petite soirée chez l'Impératrice, mais si petite, qu'il n'y avait que la famille Impériale, les demoiselles de service, Фоѳка Apraxine, la Bariatinsky, mad. Krüdner et votre soeur. L'Empereur était à sa partie de whist et l'Impératrice brodait; au reste, voici la lettre de Catherine où vous trouverez tous les détails. Vous verrez que l'Empereur parla du voyage de Дишка à l'étranger.

En attendant c'est le mariage forcé de Iermoloff qui occupe tout le monde. L'intendant de la maison Troubetzkoy a raconté à m-r Чертковъ que la cérémonie était fort triste, il n'y avait que les Scherbatoff, pere, mère et filles, et du côté du promis *pas une âme*. Iermoloff était sur un fauteuil et quand on chanta Исаія, qu'il a fallu faire le tour, le prêtre ayant insisté que le promis se lève, il a fallu que cet intendant, aidé du p-ce Georges Troubetzkoy, le prennent sous les épaules pour le traîner; après la cérémonie I. rentra chez lui, et la nouvelle

mariée chez son père. Il n'y aura donc pas la dépense d'un double lit. On prétend que ce serait l'arrêt de mort du pauvre Iermoloff, mais comme ils partent dans dix jours pour l'étranger et que le diable est malin, qui sait si le double lit ne sera pas remplacé par un sopha dans quelque auberge et si Iermoloff ne donnera pas un démenti aux médecins. Ce ne sera pas la première fois que ces messieurs auront radoté. Je le désire pour le jeune couple de tout mon coeur. Послушать что̀ говорятъ, такъ уши вянутъ. Quant à Norof, on dit qu'il a été brave et vaillant comme à la bataille de Borodino et qu'il a emporté une batterie sans perdre la jambe qui lui reste. Il m'a engagé au dîner de noce, je devais être le seul *non-parent*, mais je ne vais nulle part, comme vous savez, et me suis excusé.

C'est prodigieux, l'émigration de Pétersbourg pour l'étranger. Je vous envoye la continuation des publications de Pétersbourg.

Il y a des bruits que les princes français n'ont pas eu très bon accueil à Berlin. Le publie avait de mauvais projets sur ces altesses tricolores, aussi elles n'allèrent pas au spectacle le premier jour. Le lendemain on fit un tour de maître diplomatique. La reine des Pays-Bas que ces Prussiens adorent, étant à Berlin dans ce moment-ci, le roi l'a fait aller au théâtre (quoiqu'elle fut un peu malade) avec les princes Français. Quand elle parut, ce furent des applaudissements et une joie à ne pas finir. Sur cela les petits-fils de m-r Égalité se mirent à faire des révérences prenant cela pour eux. Je suis d'avis qu'il fallait ou ne pas consentir à leur arrivée ou les recevoir déjà comme il faut.

On m'annonce dans le moment le beau-père de Iermoloff, le papa Scherbatoff.

Переводъ.

Москва, 25 Мая 1836.

Я получилъ очень пріятное письмо отъ Кати; она была на маленькомъ вечерѣ у Императрицы, но настолько домашнемъ, что была только царская фамилія, дежурныя фрейлины, Фофка Апраксинъ, Барятинская, мад. Криднеръ и твоя сестра. Государь былъ за своей партіей виста, а Императрица вышивала; впрочемъ вотъ письмо Кати, въ которомъ найдешь всѣ подробности. Ты увидишь, что Государь говорилъ о поѣздкѣ Дишки за границу.

Въ данное время всѣхъ занимаетъ принудительная свадьба Ермолова. Управляющій домомъ Трубецкихъ разсказывалъ Черткову, что обрядъ вѣнчанія былъ весьма печаленъ, были только Щербатовы, отецъ, мать и дочери, и со стороны жениха—*ни души*. Ермоловъ сидѣлъ въ креслѣ, а когда запѣли Исаія, нужно было идти вокругъ налоя и священникъ потребовалъ, что-

бы женихъ всталъ, пришлось этому управляющему съ помощью кн. Юрія Трубецкаго взять его подъ руки и тащить; послѣ вѣнчанія Ермоловъ уѣхалъ къ себѣ, а молодая къ своему отцу. Значитъ, не будетъ расхода на двойную кровать. Утверждаютъ, будто это было бы смертнымъ приговоромъ для бѣднаго Ермолова, но такъ какъ черезъ десять дней они ѣдутъ за границу, а бѣсъ лукавъ, кто знаетъ, не будетъ ли двойная кровать замѣнена диваномъ въ какой нибудь гостинницѣ и не изобличитъ ли Ермоловъ докторовъ во лжи? Это было бы не въ первый разъ, что они наговорили вздору. Отъ всего сердца желаю этого молодымъ супругамъ. Послушать что̀ говорятъ, такъ уши вянутъ. Что̀ касается до Норова, говорятъ, онъ былъ храбръ и мужественъ какъ въ Бородинскомъ сраженіи и что овладѣлъ батареей, не потерявъ оставшейся у него ноги. Онъ приглашалъ меня на свадебный обѣдъ, я долженъ былъ быть единственный *не-родственникъ*; но, какъ ты знаешь, я нигдѣ не бываю, такъ что извинился.

Это удивительно какое переселеніе изъ Петербурга за границу. Посылаю тебѣ продолженіе Петербургскаго списка.

Ходятъ слухи, что Французскимъ принцамъ [1]) въ Берлинѣ оказанъ не очень хорошій пріемъ. Публика имѣла плохія намѣренія противъ трехцвѣтныхъ высочествъ, поэтому въ первый день они и не поѣхали въ театръ. На слѣдующій день продѣлали ловкую дипломатическую штуку. Такъ какъ въ это время находилась въ Берлинѣ королева Нидерландская, которую Пруссаки такъ боготворятъ, то король заставилъ ее ѣхать въ театръ (хотя она была нездорова) съ Французскими принцами. Когда она показалась, раздались рукоплесканія, и радость была безконечная. На это внуки Господина Эгалитэ принялись раскланиваться, принимая все на свой счетъ. Я того мнѣнія, что не слѣдовало соглашаться на ихъ пріѣздъ или ужъ принять ихъ какъ слѣдуетъ.

Сейчасъ мнѣ докладываютъ о приходѣ тестя Ермолова, папаши Щербатова [2]).

Moscou, le 28 Mai 1836.

Le c-te Benkendorf m'écrit qu'il a déjà eu le bonheur de remettre à l'Empereur la supplique de maman et qu'il fera tout pour nous servir dans cette occasion. Слава Богу! Votre mère respire, et moi aussi.

Переводъ.

Москва, 28 Мая 1836.

Графъ Бенкендорфъ пишетъ мнѣ, что уже имѣлъ счастье передать Государю маменькину просьбу и что все сдѣлаетъ, чтобы оказать намъ услугу въ данномъ случаѣ. Слава Богу! Твоя маменька вздохнула, и я тоже.

Moscou, le 30 Mai 1836.

La ville a été en grand émoi à cause de l'enterrement d'un moine nommé Евсей et qui passe pour saint, parce qu'il a prédit à Filarète,

---

[1]) Сыновья Людовика Филиппа.

[2]) Какой это былъ именно князь Щербатовъ, мы не могли доискаться. Равно и безногій Ермоловъ намъ неизвѣстенъ.

quand celui-ci n'avait que 7 ans, qu'il serait un jour archevêque de Moscou.

Il y avait, dit-on, une foule immense à cet enterrement. Votre maman y a été aussi, c'etait à Simonoff. Je ne sais d'où maman a pris son courage, elle, qui craint les morts comme Pierre-le-Grand craignait les тараканы; mais le fait est que votre maman a baisé les pieds de ce feu saint Евсей; elle dit q'elle l'a fait à cause de sa grande ressemblence avec feu княземъ Василіемъ Александровичемъ, mon beau-père.

Переводъ.

Москва, 3 Мая 1830.

Въ городѣ было большое движеніе по случаю похоронъ одного монаха по имени Евсея, который почитается святымъ за то, что предсказалъ Филарету, когда тому было всего 7 лѣтъ, что онъ нѣкогда будетъ Московскимъ архіепископомъ. Говорятъ, на этихъ похоронахъ была огромная толпа. Твоя маменька тоже была тамъ, въ Симоновомъ монастырѣ. Не знаю, откуда маменька набралась храбрости, она, которая боится мертвецовъ какъ Петръ Великій таракановъ; но дѣло въ томъ, что твоя маменька цѣловала ноги этого покойнаго святого Евсея; она говоритъ, что сдѣлала это изъ-за большого сходства его съ покойнымъ княземъ Василіемъ Алексѣевичемъ, моимъ тестемъ.

Moscou, le 2 Juin 1836.

Je ne puis vous dire comme j'ai été charmé de revoir la princesse Calme, je m'attache à elle toujours plus, elle a avec ses petites singularités des qualités si estimables et essentielles.

Переводъ.

Москва, 2 Іюня 1836.

Не могу тебя сказать, какъ я былъ радъ снова увидать княгиню Кальмъ *); я все больше къ ней привязываюсь, при ея маленькихъ странностяхъ, въ ней есть качества столь существенныя и достойныя уваженія.

Moscou, le 4 Juin 1836.

J'ai vu enfin Longue—inof de Lonne—dres; il est très engraissé. Il m'a dit que le voyage de l'Héritier dans l'intérieur de la Russie a été remis à l'année prochaine; quant à L. L. M. M., on ne savait pas au juste *si* et *quand* elles venaient ici. Bientôt doit arriver le fameux mangeur de coeur et de côtelettes, Alexandre Tourgueneff. Wiasemsky me dit qu'il est déjà en route.

---

*) Читатели уже знаютъ, что такъ звалъ А. Я. Булгаковъ свекровь своей дочери княгиню Екатерину Алексѣевну Долгорукую (ур. графиню Васильеву).

Переводъ.

Москва, 4 Іюня 1836.

Я видѣлъ, наконецъ, *Лон—инова* изъ *Лон—дона*; онъ очень потолстѣлъ. Онъ сказалъ мнѣ, что поѣздка Наслѣдника по Россіи отложена до будущаго года; что же касается Ихъ В-ствъ, еще неизвѣстно, *когда* и *будутъ ли* они здѣсь. Скоро долженъ пріѣхать знаменитый пожиратель сердецъ и котлетъ, Александръ Тургеневъ. Вяземскій пишетъ мнѣ, что онъ уже въ пути.

Moscou, le 8 Juin 1836.

Parlons de la grande nouvelle dont la ville est pleine. Vous avez fait *la diplomate*, et je vous ai payé de la même monnaie; car je savais depuis deux semaines que la grande affaire s'arrangeait. Je suis enchanté du mariage de m-elle Aurore, mais je pense que Démidoff n'est pas moins heureux qu'elle. Il n'a pas vécu, ni joui de la vie jusqu'à présent. Cette Aurore-là c'est l'aurore de son bonheur. Je le crois bon au fond; quant à sa singularité, elle saura s'y faire, elle saura même le refaire: elle a tant d'esprit. C'est la femme qu'il lui fallait pour l'âge et sous tous les rapports. Ну, что завистниковъ! Une dame me disait: всѣ эти *Чухонки* такъ счастливы! Знаютъ, кого подцѣпить. Надобно же было, чтобъ этотъ Мухановъ умеръ, чтобы Императрица взяла ее къ себѣ, чтобъ Демидовъ былъ куртизанъ; онъ ее вѣрно не любитъ, а беретъ только, чтобы сблизиться болѣе съ крестами и фаворомъ. Говори себѣ тамъ, что хочешь! On prétend que le p-ce Scherbatoff a dit: quel mariage! il est plus riche 1000 fois que Iermoloff, et il se porte comme le pont neuf!

A propos de cela des méchantes langues, pour lesquelles le mariage de m-elle Nastacia était aussi un crève-coeur, ont imaginé la méchante fable que Scherbatoff négociait le mariage de son autre fille avec... m-r Wolynsky. Да говорите себѣ, кумушки, что̀ хотите. Il y a une Providence qui arrange tout dans ce bas monde sans demander aux commères leur avis.

Nous avons dîné hier chez Labadie, Дишка насъ потчевалъ. Nous arrivons lui, moi, Swinyine et le c-te Wladimir; nous voyons la comtesse Émilie à sa fenêtre. Pourquoi n'est-elle pas des nôtres aussi, pourquoi dînera-t-elle seule? Нѣтъ, dit le mari, давайте обѣдать en garçons, она будетъ обѣдать одна. Sur cela je crie à la comtesse de la fenêtre: prenez garde, si vous ne dînez pas avec nous, nous descenderons et nous nous mettrons dans la rue à genoux sous votre fenêtre; jugez du scandale! Que diront les passants? Прекрасно! s'écrie Дишка. Voilà que nous descendons, et bref votre mari, votre papa et Swinyine se mettent à ge-

noux; la comtesse ne savait que faire. M-r Wladimir, forcé dans son retrenchement, va et nous amène sa femme. J'avais sur moi l'empreinte de ma genouflexion, et la c-sse me dit: une tache comme celle-là doit être nettoyée par moi-même avec mon propre mouchoir. Vous voyez que si nous avons été galants, elle n'est pas restée en arrière en amabilité. Le dîner a été fort gai.

Кажется, особенныхъ новостей никакихъ нѣтъ, за то свадьба Демидова стôитъ всѣхъ другихъ; il faudrait ên parler comme mad. Sévigné parle du mariage de Lauzun avec la Grande-Demoiselle Montpensier.

Переводъ.

Москва, 8-е Іюня 1836.

Поговоримъ о важной новости, которой занятъ весь городъ. Ты вела себя *дипломаткой*, ну и я отплатилъ тебѣ тою же монетой, такъ какъ двѣ недѣли тому назадъ зналъ, что великое дѣло налаживается. Я въ восторгѣ отъ свадьбы мамзель Авроры; но думаю, что Демидовъ не менѣе счастливъ, чѣмъ она. До сихъ поръ онъ не жилъ и не пользовался жизнью. Эта Аврора и есть заря его счастья [1]). Я считаю его въ сущности добрымъ; чтô касается его странностей, она съумѣетъ къ этому привыкнуть, сумѣетъ даже передѣлать его, она такъ умна; это женщина, которую ему нужно было и по возрасту, и во всѣхъ отношеніяхъ. Ну, что завистниковъ! Одна барыня сказала мнѣ....

Утверждаютъ, будто кн. Щербатовъ сказалъ: какой бракъ! онъ 1000 разъ богаче Ермолова и здоровъ какъ быкъ. По этому поводу злые языки, для которыхъ свадьба мамзель Настасіи была тоже досадна, выдумали злую басню, будто Щербатовъ ведетъ переговоры о свадьбѣ другой своей дочери съ.... Волынскимъ. Да говорите себѣ кумушки чтô хотите. Существуетъ Провидѣніе, которое все устраиваетъ въ этомъ мірѣ, не спрашивая у сплетницъ ихъ мнѣнія.

Вчера мы обѣдали у Лабади [2]). Дишка насъ потчевалъ. Пріѣзжаемъ: онъ, я, Свиньинъ [3]) и гр. Владимиръ [4]); видимъ у окна графиню Эмилію. Почему она тоже не съ нами, почему она будетъ одна обѣдать? Нѣтъ, сказалъ мужъ, давайте обѣдать холостяками, она будетъ обѣдать одна. На это я кричу графинѣ въ окно: берегитесь, если вы не будете съ нами обѣдать, мы сойдемъ и среди улицы станемъ на колѣни передъ вашимъ окномъ; судите какой бу-

---

[1]) Вспоминается Баратынскій:

Выдь, дохни намъ упоеньемъ,
Соименница Зари...
Для кого онъ выводитъ
Солнце счастья за собой?

[2]) Извѣстная гостинница на Большой Лубянкѣ.

[3]) Петръ Павловичъ.

[4]) Графъ Мусинъ-Пушкинъ.

детъ скандалъ! Что скажутъ прохожіе? Прекрасно! вскрикиваетъ Дишка. И вотъ мы встаемъ; ну, словомъ, твой мужъ, твой отецъ и Свиньинъ становятся на колѣни; графиня не знала чтò дѣлать. Владиміръ, взятый съ бою, идетъ и приводитъ къ намъ свою жену. На мнѣ была печать моего колѣнопреклоненія, и графиня сказала мнѣ: такое пятно, какъ это, должно быть вычищено мною самою, моимъ собственнымъ платкомъ. Ты видишь: если мы были учтивы, то и она не осталась въ долгу въ любезности. Обѣдъ былъ очень веселый... Слѣдовало бы о ней говорить какъ мадамъ Севиньэ говоритъ о свадьбѣ Лозёнъ съ принцессой Монпаньсьэ.

Moscou, le 11 Juin 1836.

J'ai été bien saisi hier; j'ai dîné chez Novosiltzeff aux Sokolniki. Arrive m-r Kozloff. Откуда вы, Петръ Ивановичъ? Ah, dit il en soupirand, съ похоронъ прекрасной женщины.—Кто такая?—Хвощинская! J'ai été frappé de cette nouvelle inattendue. Je savais qu'elle était malade, mais je ne croyais que cela irait si vite, les fièvres lentes durent longtemps quelques fois. Pauvre femme! Si jeune, aimable et spirituelle, tout cela n'a pas pu la sauver de l'arrêt de la Providence. J'ai été toute la journée triste et n'ai pu revenir de cette fatale nouvelle.

La nouvelle du jour est toujours le mariage de m-lle Aurore; c'est toujours le même dépit pour les mamans, le même désespoir pour les filles, mais elles prendront leur parti. Démidoff ne pouvait pas épouser toutes les demoiselles de la Russie à la fois.

Georges Pachkoff m'a dit que Penza avait été presque détruite par un incendie affreux, plus de 1000 maisons ont brûlé; ce serait beaucoup même à Moscou.

On vient de me demander un открытый листъ pour Мих. Мих. Бороздинъ, il va à Woronège, mais je ne crois pas que St. Mitrophane fasse le miracle de le guérir; on le dit effrayant, car la moitié de son visage est rongé par ce cancer, qu'il avait à la lèvre seule. Ce qui est inconcevable, c'est la manière dont il envisage son mal. Il se regarde souvent dans le miroir en disant: cela ne va pas mieux! Et cela sans avoir horreur de son état.

On parle de je ne sais quelle farce faite encore au régiment de chevaliers-gardes, et on ajoute que l'Impératrice a déclaré qu'au premier mécontentement encore elle prierait l'Empereur de la dispenser du commandement de ce régiment et de lui en donner un autre.

Переводъ.

Москва, 11 Іюня 1836.

Я былъ очень пораженъ вчера. Я обѣдалъ у Новосильцева въ Сокольникахъ, пріѣзжаетъ Козловъ. Откуда вы, Петръ Ивановичъ? А, сказалъ онъ

вздыхая, съ похоронъ прекрасной женщины.—Кто такая?—Хвощинская! Я былъ пораженъ этимъ неожиданнымъ извѣстіемъ. Я зналъ, что она была больна, но не думалъ, что это пойдетъ такъ скоро: изнурительныя лихорадки иногда длятся очень долго. Бѣдная женщина! Такая молодая, милая и умная, все это не могло спасти ее отъ приговора Провидѣнія. Я былъ весь день печаленъ и не могъ опомниться отъ этого роковаго извѣстія.—Важнѣйшею новостью все еще свадьба мамзель Авроры, все таже досада маменекъ, тоже отчаяніе дѣвицъ, но онѣ покорятся этому: не могъ же Демидовъ жениться сразу на всѣхъ барышняхъ въ Россіи.

Егоръ Пашковъ сказалъ мнѣ, что Пенза почти уничтожена страшнымъ пожаромъ, болѣе 1000 домовъ сгорѣло; это было бы много даже для Москвы.

Только что просили у меня открытый листъ для Мих. Мих. Бороздина; онъ ѣдетъ въ Воронежъ, но не думаю, чтобы св. Митрофанъ сотворилъ чудо, излѣчивъ его; говорятъ, онъ страшенъ, половина лица у него разъѣдена этимъ ракомъ, который у него былъ на одной губѣ. Что непостижимо, это, какъ онъ относится къ своей болѣзни. Онъ часто смотрится въ зеркало говоря: а вѣдь не лучше! И это безъ ужаса къ своему положенію.

Говорятъ, не знаю о какой-то штукѣ, продѣланной опять въ кавалергардскомъ полку, и прибавляютъ, что Императрица объявила, что, при первомъ новомъ неудовольствіи, она попроситъ Государя избавить ее отъ командованія этимъ полкомъ и дать ей другой.

Moscou, le 15 Juin 1836.

Ну, бѣда выѣзжать въ Понедѣльникъ! Бѣда ежели заяцъ пробѣжитъ черезъ дорогу съ правой стороны на лѣвую. Nous nous sommes trouvés dans ces deux cas, ma chère Olga; aussi nous avons eu des aventures sans fin. Колесо, было, загорѣлось отъ воспламенившейся втулки, надобно было остановиться, ворочаться назадъ ко второй отъ васъ деревнѣ, гдѣ нашли мы дурака-кузнеца; пробившись полтора часа, мы рѣшились ѣхать въ Москву въ телѣгѣ, бросивъ Ванюшку съ коляскою на дорогѣ. Телѣга была готова и подвезена, но Ванюшкѣ горе внушило какую-то счастливую мысль пособить бѣдѣ. Колесо коекакъ было исправлено, но мы у всякой лужи должны были оное мыть и часто смазывать; однимъ словомъ, мы дотащились сюда почти въ 12 часовъ.

Переводъ.

Москва, 15 Іюня 1836.

..... мы очутились, дорогая Ольга, въ обоихъ этихъ положеніяхъ, за то и было съ нами приключеній безъ конца.

Moscou, le 18 Juin 1836.

J'ai eu ce matin la visite d'Alexis Lobanoff, qui est parti pour Pétersbourg; il vient de Simbirsk où l'Empereur l'a envoyé pour faire

une enquête et passer en revue le bois de construction et les mâtures qui s'y trouvent.

J'ai été hier dire adieu à Alexis Pérofsky, qui dépérit tout-à-fait. Sa soeur Tolstoy le conduit dans le midi de la France; il paraît étique sans retour, tousse et crache avec des efforts qui font peine à voir. La figure est encore plus malade à côté de cette face fraîche et réjouie de sa soeur. Si Дишка avait été ici, il aurait peut-être acheté ce joli tableau de Brulow «молодая гадальщица передъ зеркаломъ», qui a été vendu, dit-on, pour rien, et qu'on payera bien cher dans une 20-ne d'années. Pérofsky s'est défait de tout ce qu'il ne peut emporter. Je lui ai donné un postillon, et il part demain. J'ai eu hier la visite de Dmitri Boutourline.—Jomini, le pauvre homme a eu bien du malheur. Figurez vous qu'entre Лопасня et Подольскъ il a eu le malheur de passer sur le corps d'une petite fille de paysan de 9 ans, qu'on a retirée brisée et morte de dessous la dormeuse. Quelques heures plus tard, en descendant vers le pont de Крымскій бродъ, le cheval de son postillon bronche, l'homme tombe, et les quatre chevaux du timon lui passent sur le corps; on l'a retiré sans connaissance, et il y a peu d'espoir pour sa vie. Il est certes innocent de ces malheurs, mais s'ils m'étaient arrivés, j'en serais devenu, je crois, fou. Il a donné à la malheureuse mère de la petite fille 500 rbl, mais quel est l'argent qui rende à une mère son enfant? Il m'a demandé si j'en écrirai à Pétersbourg? Je n'en vois pas le besoin, cela regarde la police du district et de la ville, et je n'ai d'ailleurs eu aucune plainte ni réclamation. Je suis cependant sûr que cela fera un très mauvais effet à Pétersbourg où l'on supposera qu'il allait ventre à terre.

Sophie m'écrit une charmante lettre, elle m'envoye des boutons de chemise que mon frère portait toujours. Cela m'a rendu triste pour toute la matinée. Сашка et Костя sont déjà au camp, ainsi que votre soeur, qui va faire l'amazone et mener la vie de camp; au moins elle n'a pas à craindre que quelque balle musulmane vienne encore s'aplatir contre la machoire de Paolino, ou qu'un boulet français, soit blanc, soit tricolore, métamorphosât le pauvre Paolino en pendant d'Abram Norof.

Переводъ.

Москва, 18 Іюня 1836.

Сегодня утромъ былъ у меня Алексѣй Лобановъ, уѣхавшій въ Петербургъ; онъ вернулся изъ Симбирска, куда Государь посылалъ его произвести одно изслѣдованіе и осмотръ находящагося тамъ строевого и мачтòваго лѣса, Вчера я ѣздилъ проститься съ Алексѣемъ Перовскимъ, который совсѣмъ уга-

саетъ. Сестра его, Толстая, везетъ его на Югъ Франціи; повидимому онъ въ безнадежной чахоткѣ, кашляетъ и отхаркиваетъ съ такими усиліями, что тяжело видѣть. Лицо его еще болѣзненнѣе рядомъ съ свѣжимъ, веселымъ лицомъ его сестра. Будь Дишка здѣсь, онъ можетъ быть купилъ бы хорошенькую картину Брюлова „молодая гадальница передъ зеркаломъ", которая, говорятъ. была продана за безцѣнокъ и за которую лѣтъ черезъ 20 заплатятъ довольно дорого. Перовскій продалъ все, чего не можетъ увезти съ собой. Я далъ ему почтальона и завтра онъ уѣзжаетъ. Вчера былъ у меня Дмитрій Бутурлинъ-Жомини *). Бѣдный малый перенесъ много бѣдъ. Представь себѣ, между Лопасней и Подольскомъ онъ имѣлъ несчастіе переѣхать тѣло 9 лѣтней крестьянской дѣвочки, которую вытащили изъ-подъ дормеза раздавленную и мертвую. Нѣсколько часовъ спустя, спускаясь къ Крымскому броду, спотыкается лошадь его форейтора; человѣкъ падаетъ, и четверикъ дышловыхъ переѣзжаетъ черезъ него; его вытащили въ безсознательномъ состояніи, и мало надежды на его жизнь. Конечно, онъ неповиненъ въ этихъ несчастіяхъ, но если бы они со мной случились, я, кажется, съ ума бы сошелъ отъ этого. Онъ далъ несчастной матери этой дѣвочки 500 руб., но какія деньги вернутъ матери ея ребенка? Онъ спрашивалъ, буду ли я писать объ этомъ въ Петербургъ? Не вижу въ этомъ надобности: это касается уѣздной и городской полиціи, да я и не получалъ никакихъ жалобъ, ни требованій. Тѣмъ не менѣе я увѣренъ, что это произведетъ очень плохое впечатлѣніе въ Петербургѣ, гдѣ будутъ предполагать, что онъ скакалъ во весь опоръ.

Соня пишетъ мнѣ прелестное письмо; она присылаетъ мнѣ запонки, которыя братъ постоянно носилъ. Это меня опечалило на все утро. Сашка и Костя уже въ лагерѣ, какъ и твоя сестра, которая будетъ изображать собою амазонку и вести лагерную жизнь; по крайней мѣрѣ ей нечего бояться, что какая нибудь мусульманская пуля сплющится о челюсть Паолино или Французское ядро, бѣлое либо трехцвѣтное, искалѣчитъ бѣднаго Паолино и уподобитъ Абраму Норову.

Moscou, le 22 Juin 1836.

Savez vous, ma chère Olga, que votre Chémétovo devient un petit Versailles; d'abord il y a un superbe palais comme là, et puis, au lieu du vieux Louis XIV et de sa bigote Maintenon, il y a le jeune et beau Дишка et l'excellente maman, aimée de tout le monde, qui attirent à eux tout ce qu'il y a à cent verstes à la ronde.

Votre soeur a assisté a une bataille, et comme le grand-duc Michel lui-même a été témoin de son intrépidité, je suis sûr qu'elle reviendra à Zarskoé Selo avec la croix de St. Georges; au reste, voici sa lettre, lisez là.

Je savais bien qu'on ne parlerait pas longtemps du mariage de m-elle Aurore.

---

*) Дмитрія Петровича Бутурлина звали въ обществѣ Бутурлинъ-Жомини, такъ какъ онъ былъ военный писатель, каковымъ прославился Жомини.

Il y a un frère de tous ces Tchertkoff, dont l'un veuf, l'autre marié à Lise Tchernichoff etc., qui vient de faire à la couronne un don magnifique, savoir d'un million et demie en argent et de 1000 paysans à Woronège, où il va être établi un corps des cadets, qui portera son nom. L'Empereur lui a rendu les épaulettes de général (car il était hors du service) et lui a rendu en outre l'ordre de St. Wladimir de la 2-de classe. D'après le statut de l'ordre il pouvait prétendre à la première classe, mais l'autre serait toujours plus basse que la récompense; il n'y a, dit-on, que les frères qui n'approuvent pas cet élan patriotique, le corps à soi vaut mieux que le plus beau corps des cadets. Pancratieff à Varsovie a succombé à sa longue et douloureuse maladie, la ville désigne déjà Alexis Lobanoff pour le remplacer comme gouverneur militaire.

Je n'ai pas pu ne pas rire. J'entre chez maman, qui dînait. Ну уже коллекція! Un moine en habit de paysan, une femme de 100 et 6 ans, qu'elle a déterrée Dieu sait où, la bosse qui met du blanc, Арина Сергѣевна et Клабздія. Comme elles font maigre, moi je dîne plus tard seul avec Pachka.

Переводъ.

Москва, 22 Іюня 1836.

Знаешь ли ты, дорогая Ольга, что ваше Шеметово становится маленькимъ Версалемъ; во-первыхъ здѣсь чудесный дворецъ какъ и тамъ, а затѣмъ—вмѣсто стараго Людовика XIV и его ханжи-Ментенонъ, здѣсь молодой красивый Дишка и прелестная всѣми любимая маменька, которые привлекаютъ къ себѣ все, что есть на сто верстъ въ округѣ. Твоя сестра присутствовала при одномъ сраженіи и такъ какъ вел. кн. Михаилъ самъ былъ свидѣтелемъ ея неустрашимости, то я увѣренъ, что она вернется въ Царское Село съ крестомъ Св. Георгія; впрочемъ вотъ ея письмо, прочти его.

Я такъ и зналъ, что не станутъ долго говорить о свадьбѣ мамзель Авроры.

Есть братъ всѣхъ этихъ Чертковыхъ, изъ которыхъ одинъ вдовецъ, другой женатъ на Лизѣ Чернышевой и т. д. *) Онъ только что сдѣлалъ казнѣ великолѣпный даръ, а именно, полтора милліона деньгами и 1000 душъ крестьянъ въ Воронежѣ, гдѣ будетъ основанъ кадетскій корпусъ его имени. Государь снова далъ ему генеральскія эполеты (такъ какъ онъ не на службѣ) и кромѣ того пожаловалъ ему Св. Владиміра 2-й степени. По орденскому уставу онъ могъ бы предъявить право на 1-ю степень, но—то было бы все таки меньше чѣмъ награда. Говорятъ, одни только братья не одобряютъ этого порыва патріотизма: свое тѣло (корпусъ) цѣннѣе самаго лучшаго кадетскаго корпуса. Панкратьевъ въ Варшавѣ умеръ отъ продолжительной и

*) Это холостякъ Николай Дмитріевичъ Чертковъ; но корпусъ названъ Михайловскимъ, а не Чертковскимъ.

мучительной болѣзни; въ городѣ уже указываютъ на Алексѣя Лобанова, какъ замѣстителя его военнымъ губернаторомъ.

Я не могъ не разсмѣяться: вхожу къ маменькѣ, которая обѣдала. Ну, уже коллекція! Монахъ въ мужицкомъ одѣяніи, женщина 106 лѣтъ, которую она Богъ знаетъ гдѣ откопала, горбъ, который бѣлится, Арина Сергѣевна и Клабздія. Такъ какъ они постничаютъ, то я обѣдаю позднѣе отдѣльно съ Пашкою *).

Moscou, le 24 Juin 1836.

Helas, la joie des Pouchkine vient d'être troublée par un malheur bien inattendu. Le comte Jean est mort sur le pyroscaphe dans la traversée avant d'aborder à Lubeck. Wiazemsky me l'écrit, et voilà les détails qu'il a de sa femme embarquée sur le même batiment. La navigation a été malheureuse, car au 6-me jour ils n'étaient pas encore arrivés, et la p-sse a écrit de l'île de Rügen où ils ont dû relâcher. Ils ont essuyé une tempête. Le c-te Jean, ne voulant descendre dans sa cabine, est tombé sur l'escalier; le mal qu'il s'est fait n'était pas grand, mais il paraît qu'il a eu un saisissement, qui aurait réclamé la saignée, mais dans le danger général, qui occupait tout le monde, on n'a pas pensé au danger d'un seul. Son valet de chambre le mit dans le lit, le temps s'était calmé, on vint le voir, il dormait, mais hélas! c'était du sommeil éternel: un coup d'apoplexie l'a emporté, et figurez vous que c'est l'ambassadrice de France, mad. de Barante qui a lu sur son corps les prières des morts. On a mis le corps dans une petite chaloupe qui fut posée à la proue du bâtiment. Je pense que de Lubeck on le renverra en Russie à moins qu'il ne soit enterré avec son frère Alexandre, dont le corps est aussi quelque part dans ces contrées-là. J'ai tout de suite pensé au malheureux Wladimir, mais je n'ai pu prendre sur moi de lui porter ce coup. Cependant, comme il y avait hier une lettre de la Шаховская pour la comtesse Émilie, j'ai écrit à celle-ci pour lui annoncer le malheur et j'ai mis sur le paquet pour que Wladimir n'ait pas la fantaisie de le décacheter: ma fille Olga veut que ce soit la c-sse Émilie et pas son mari qui lise le premier et comme il y a des lettres pour lui de ses terres, il les lira sûrement, et la c-sse aura le temps de prendre les mesures qu'il faut. J'attends avec anxiété des nouvelles de Valouevo. Это право полоса несчастная! Вчера графъ П. А. Толстой прислалъ ко мнѣ сына просить у меня почтальона, чтобы проводить дочь его и зятя Бахметева въ Пензу, куда она тотчасъ поѣхала, получивъ извѣстіе о кончинѣ отца ихъ Николая Яковлевича Бахметева. Вчера у насъ случилось также несчастіе. Я обѣдалъ у Льва Г., nous étions si gais, il n'y avait qu'eux, Nadine, Lise Wassilieff et un prince fou, qui nous a beaucoup amusé, parlant d'une princesse d'Allemagne, qui est amoureuse

*) Младшій сынъ А. Я. Булгакова.

de lui et qui arrive à Moscou pour l'enlever etc. Après dîner on m'anonce un postillon, je sors et j'apprends que mon bon vieux Treskine venait de mourir. J'ai trouvé à la poste un spectacle bien déchirant: huit orphelins entourant le corps inanimé de leur excellent père! Je fais une grande perte aussi dans ce brave homme, dans lequel j'avait un adjoint zélé et sûr. Il est à peine mort, et déjà je suis tourmenté par ceux qui briguent sa place; aussi j'ai été hier bien sombre toute la journée.

Le p-ce Repnine a été renvoyé du Conseil et privé de son titre d'aide-de camp g. de l'Empereur; il faut qu'il y ait eu de gros motifs pour une mesure pareille, lui, qui porte le nom de Repnine et proche parent du p-ce Wolkonsky.

Le petit Troubetzkoy a été chez moi; dans le moment il part pour Valouevo. Le pauvre Vl. est abîmé de chagrin; malgré ma précaution il a eu la fatale curiosité d'ouvrir mon paquet pour la c-sse Émilie et il a été frappé comme d'un coup de hache: c'était si inattendu pour lui. Elle pleure aussi beaucoup, m'a dit Troubetzkoy. Enfin il n'y a rien à faire.

Переводъ.

Москва, 24 Іюня 1836.

Увы! радость Пушкиныхъ *) только что была нарушена неожиданнымъ несчастіемъ. Графъ Иванъ умеръ на пароходѣ при переѣздѣ, не дойдя до Любека. Вяземскій пишетъ мнѣ объ этомъ, а вотъ и подробности, которыя онъ получилъ отъ своей жены, бывшей на томъ же пароходѣ. Плаваніе было не удачное, такъ какъ на 6-й день они еще не прибыли, и княгиня написала съ острова Рюгена, куда имъ пришлось зайти. Они выдержали бурю; графъ Иванъ, не пожелавъ спуститься къ себѣ въ каюту, упалъ на лѣстницѣ; боль, причиненная ему, была не велика, но, видимо, у него было сотрясеніе, требовавшее кровопусканія; въ общей опасности, захватившей всѣхъ, не подумали объ опасности, угрожавшей одному человѣку. Слуга его положилъ его въ постель, погода утихла, пришли провѣдать его, онъ спалъ—но увы! вѣчнымъ сномъ: ударъ постигъ его и, представь себѣ, молитвы по усопшемъ читала надъ нимъ Французская посланница, госпожи Барантъ. Тѣло положили въ маленькую шлюпку, которую поставили на носъ парохода; я думаю, изъ Любека его отправятъ въ Россію, если только его не похоронятъ вмѣстѣ съ его братомъ Александромъ, тѣло котораго тоже гдѣ-то въ тѣхъ краяхъ. Я тотчасъ подумалъ о несчастномъ Владимирѣ, но не могъ рѣшиться нанести ему этотъ ударъ. Между тѣмъ, такъ какъ вчера пришло письмо къ графинѣ Эмиліи отъ Шаховской, я ей написалъ, сообщая о несчастіи и дабы Владимиръ не вздумалъ распечатать пакетъ, я написалъ на немъ: Моя дочь

---

*) Т. е. графовъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ. Это дѣти славнаго археолога, изъ которыхъ одинъ (холостой) убитъ подъ Лейпцигомъ, другой женатъ былъ на Емиліи Карловнѣ Шерваль, а третій на кн. Урусовой погибъ на пароходѣ. Изъ сестеръ ихъ одна за кн. И. Л. Шаховскимъ, а другая за кн. Н. И. Трубецкимъ.

Ольга желаетъ, чтобы первою прочла графиня Эмилія, а не ея мужъ. Такъ какъ къ нему есть письма изъ имѣній, онъ, конечно, ихъ прочтетъ, и графиня успѣетъ принять нужныя мѣры. Со страхомъ жду извѣстій изъ Валуева. . . . . . . Мы были такъ веселы, были только они, Над. Серг., Лиза Васильева и одинъ сумасшедшій князь, который насъ очень забавлялъ, говоря о какой-то влюбленной въ него Нѣмецкой принцессѣ, которая пріѣзжаетъ въ Москву, чтобъ похитить его и т. д. Послѣ обѣда мнѣ докладываютъ о приходѣ почтальона; выхожу и узнаю, что мой добрый старикъ Трескинъ только что скончался. На почтѣ я увидалъ раздирающее зрѣлище: восемь сиротъ, окружавшихъ бездыханное тѣло своего чудеснаго отца! Я тоже понесъ большую утрату въ этомъ честномъ человѣкѣ, въ которомъ имѣлъ усерднаго и вѣрнаго помощника. Онъ только что умеръ, а уже меня терзаютъ домогающіеся его мѣста; поэтому я былъ мраченъ весь день вчера.

Князь Репнинъ былъ уволенъ изъ Совѣта и лишенъ своего званія генералъ-адъютанта при Государѣ; должны быть важныя причины для такихъ мѣропріятій; онъ, носящій фамилію Репнина и близкій родственникъ князя Волконскаго [1])!

Маленькій Трубецкой [2]) былъ сейчасъ у меня, онъ уѣзжаетъ въ Валуево. Бѣдный Владимиръ потрясенъ горемъ; несмотря на мою предосторожность, онъ возымѣлъ роковое любопытство распечатать мой пакетъ на имя графини и былъ пораженъ точно ударомъ молота; это было для него такъ неожиданно! Трубецкой говорилъ, что и она сильно плачетъ. Словомъ, дѣлать нечего.

Moscou, le 2 Juillet 1836.

Nous avons mis 10 heures et demie à arriver ici. Отъ васъ до Троицы особенно ужасная грязь, мы тащились три часа съ половиною, насъ закачало и запекло, ибо жаръ былъ ужасный; но путешествіе было ежели не быстро, то благополучно, а о пріятности въ вашемъ земномъ раю нечего и говорить. Дорого бы я далъ погостить у васъ хоть бы недѣльку, но надобно довольствоваться тѣмъ, что̀ можно имѣть, а то будемъ походить на извѣстнаго генерала Костенецкаго, который хотѣлъ имѣть ты знаешь что или лучше кого?

Почтамтъ нашелъ я на томъ же все мѣстѣ. Ежели тебя интересуетъ, то сообщу тебѣ, что по мѣсячному рапорту принято въ Іюнѣ экспедиторомъ Ключаревымъ 15,826,904 руб.. а Пареевымъ выдано

---

[1]) Князь Николай Григорьевичъ Репнинъ, Малороссійскій генералъ-губернаторъ, такъ и не успѣлъ оправдаться передъ Государемъ. Вина его состояла въ избыткѣ благотворительности, изъ-за которой онъ, раздавъ собственныя деньги, бралъ ихъ изъ казначейства и конечно возвращалъ; но такого рода безпорядокъ не могъ быть терпимъ. Посланный въ Полтаву для разслѣдованія графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ говорилъ намъ съ большимъ о немъ сочувствіемъ и выразился о немъ такъ: не зналъ я человѣка честнѣе и благороднѣе князя Репнина. П. Б.

[2]) Т. е. малорослый. Николая Ивановича Трубецкаго звали желтымъ карликомъ (le Nain Jaune) по желтому цвѣту лица его.

Москвичамъ 17,601,012 р. и 70 к., и все это прошло мимо носу твоего папашки, а въ карманъ его не попало ни денежки. C'est assez bêtement arrangé; il aurait fallu me donner au moins la *moitié*, j'aurais eu le plaisir de faire de cette moitié tant d'autres moitiés encore; не забылъ бы и тѣхъ, которые ѣдутъ въ чужіе края.

Переводъ.

Москва, 2 Іюля 1836.

Мы употребили 10 часовъ съ половиною, чтобы доѣхать сюда.......... Это довольно глупо устроено; слѣдовало мнѣ дать по крайней мѣрѣ *половину* я имѣлъ бы удовольствіе сдѣлать изъ этой половины еще столько половинъ.....

Moscou, le 4 Juillet 1836.

Il n'y a rien de nouveau que l'arrivée d'Alexandre Tourguéneff, dont Norof s'est établi d'autant plus volontiers le tuteur, le guide, l'assistant, la bonne et le protecteur, que Korsakoff et Léon Galitzine sont absents.

J'ai une lettre de Костя, du camp; on a voulu le faire aide-de-camp du régiment, mais il a décliné cela et prétend que c'est pour ne pas devoir acheter un cheval de selle, mais je pense que ce sera pour quelqu'autre raison. Я плохо вѣрю ему, а просто отъ лѣни отказалъ, ибо много было занятій у него, а мы любимъ баклуши бить.

Переводъ.

Москва, 4 Іюля 1836.

Новаго ничего нѣтъ кромѣ пріѣзда Александра Тургенева, при которомъ Норовъ пристроился опекуномъ, руководителемъ, ассистентомъ, нянькою и покровителемъ, тѣмъ охотнѣе, что Корсаковъ и Левъ Голицынъ отсутствуютъ.

Я получилъ отъ Кости письмо изъ лагеря; хотѣли назначить его полковымъ адъютантомъ, но онъ это отклонилъ и утверждаетъ будто для того, чтобы не покупать верховой лошади, но я думаю, что по какой нибудь другой причинѣ.......

Moscou, le 8 Juillet 1836.

Hier j'ai eu une triste journée: c'était l'aniversaire de la mort de mon père. J'ai été au couvent de Pocroff chanter une messe de mort sur la tombe de votre grand-père, cela a réveillé dans mon âme du souvenir tout aussi triste et bien plus récent et m'a dérangé pour tote la journée.

Каковъ Россини *)? Какъ его Дишка здѣсь нашелъ въ одномъ фра-

*) Итальянецъ-слуга.

кѣ, въ шляпѣ. Онъ сѣлъ на козлы съ нимъ и пустился въ Шеметово съ нимъ; я успѣлъ только дать ему свою старую фуражку; je crains en vérité qu'il sera tombé malade en route, car il fesait frais, et peut-être sera-t-il tombé du siège, car il était ivre, le cochon.

Переводъ.

Москва, 8 Іюля 1836.

Вчера для меня былъ печальный день, день годовщины смерти моего отца. Я былъ въ Покровскомъ монастырѣ, служилъ панихиду на могилѣ твоего дѣдушки, это пробудило въ моей душѣ столь же печальныя, но гораздо болѣе недавнія воспоминанія и разстроило меня на весь день.

...... Я въ самомъ дѣлѣ боюсь, какъ бы онъ незаболѣлъ въ дорогѣ; вѣдь было свѣжо, а можетъ быть онъ и упалъ съ козелъ, такъ какъ онъ, свинья, былъ пьянъ.

Moscou, le Juillet 1836.

J'ai été chez les Pouchkine, j'ai aussi fait la connaissance de ces dames. La maman présente de beaux restes, on ne dira pas la même chose un jour de sa fille Aline: c'est sa soeur Aurore, mais en laid, une figure tout-à-fait Sicilienne et même Africaine, noire, ayant des moustaches qui n'annoncent pas un tempérament flegmatique, mais le son de la voix, le parler, tout-à-fait de la c-sse Émilie; elle aurait dû lui emprunter beaucoup plus. Elle a été très causante du premier abord.

J'ai été fort agréablement surpris ce matin (Dimanche); m-r Prianichnikoff m'écrit du 2 que la veille, le 1-r, Сашка était en ординарцахъ chez l'Empereur, que le grand-duc Michel chanta ses louanges à S. M. I. Сашка fut inopinément nommé officier aux chevaliers gardes, c'est une grande distinction, parce qu'elle arrive avant terme; le gr.-duc. a dit à l'Empereur: ручаюсь В. И. В., что онъ будетъ отличный офицеръ, et certes on peut le garantir. Habitué sans cesse à de mauvaises nouvelles, celle-ci m'a comblé de joie; elle était fort inattendue. Спасибо Прянишникову, что тотчасъ написалъ.

Переводъ.

Москва, Іюля 1836.

Былъ я у Пушкиныхъ, познакомился также съ дамами. Мамаша сохранила остатки красоты. Не скажутъ когда-нибудь того же про ея дочь Алину; это сестра ея Аврора, но въ худшемъ видѣ, совсѣмъ Сицилійская физіономія и даже Африканская, черная, съ усами, которые не указываютъ на флегматичный темпераментъ, но звукъ ея голоса, разговоръ, совсѣмъ какъ у графини Эмиліи; ей бы слѣдовало позаимствовать у нея гораздо больше. Она сразу была очень разговорчива.

Сегодня утромъ (Воскресенье) я былъ очень пріятно удивленъ. Пряшниковъ пишетъ мнѣ отъ 2-го числа, что наканунѣ, 1-го числа, Сашка былъ ординарцемъ у Государя, что в. к. Михаилъ расхваливалъ его Государю. Сашка неожиданно былъ назначенъ офицеромъ кавалергардскаго полка; это большое отличіе, потому что оно является раньше срока; в. к. сказалъ Государю: ручаюсь В. И. В., что онъ будетъ отличный офицеръ, и конечно за это можно поручиться.

Такъ какъ я привыкъ безпрестанно получать дурныя вѣсти, то эта преисполнила меня радостью; она была совсѣмъ неожиданна.

Moscou, le 16 Juillet 1836.

Wiazemsky m'a dit qu'il a été chez le gr.-duc Michel la veille de son départ et qu'il est resté tard à causer avec S. A. Le p-ce Koslovsky y était aussi. Monseigneur part sur le pyroscaphe Геркулесъ, ce qui a fait dire Wiazemsky: поѣдетъ одинъ, а дай Богъ, ваше в-ство, чтобы два Геркулеса къ намъ воротились. On m'écrit que le jour de naissance de l'Empereur il y a eu à Peterhoff banquet pour tous les cadets, il y en avait près de 3.000, la famille impériale fesait les honneurs; au rôti on présenta de l'hydromel pour le toast impérial, la jeunesse se leva, but, cria ypa, et ensuite, à la grande surprise de S. M. I., ces trois milles voix entonnèrent le Боже Царя храни. C'était tout-à-fait inattendu, et l'Empereur fut ému aux larmes. Il se mit à embrasser ceux des cadets qui étaient le plus près de lui. Cela a dû être un effet touchant de voir cet hommage des futurs défenseurs de la patrie.

Rien de nouveau, mais je vous dirai seulement à l'oreille que l'Empereur part le 7. Il sera à Moscou le 11, 12 et 13 et ensuite à Нижній, Kazan, Simbirsk, Penza (dites aux Léonidas *) que S. M. y sera le 28 et le 29), Tamboff, Woronège, Чугуевъ, Kieff, Brest, Warsovie et par Pskoff à Царское Село pour le 2 d'Octobre. Dans chacune des villes de gouvernement l'Empereur s'arrêtera par 2, 3 et 4 jours. Une marcheroute avait été déjà faite pour l'Impératrice; mais il a été ensuite décidé qu'il n'y aurait pas de voyage cette année-ci.

Je vous envoye, chère Olga, de la mort aux mouches. Vous savez comment cela se fait: налить горячей воды, посыпать квассіи и нѣсколько мелкаго сахару, чтобы болѣе привлекать этихъ каналій, которыя *каниннналіи*! и теперь писать мнѣ не даютъ къ тебѣ.

Alibeau a prononcé à la chambre des pairs, où il a comparu, un discours pour justifier son attentat si atroce que Parquier a été obligé de lui interdire la parole; il lui ordonne de se taire et de s'asseoir, mais Alibeau reste debout et continue à lire son discours. Alors les gendar-

---

*) Вѣроятно относится къ князю Льву (Léon) Голицыну и его семейству.

mes le firent asseoir de force, il remit ses manuscripts à son avocat. Le discours est défendu; cependant la gazette de France l'a imprimé, aussi a-t-elle été sucrée. Каковъ сахаръ! Il a parlé aussi des Polonais.

Переводъ.

Москва, 16 Іюля 1836.

Вяземскій говорилъ мнѣ, что былъ у в. к. Михаила наканунѣ его отъѣзда и что поздно оставался, бесѣдуя съ е. в. Князь Козловскій*) былъ тоже тамъ. Е. в. ѣдетъ съ пароходомъ Геркулесъ, что́ дало поводъ Вяземскому сказать: поѣдетъ одинъ, а дай Богъ, ваше выс-ство, чтобы два Геркулеса къ намъ воротились. Мнѣ пишутъ, что въ день рожденія Государя въ Петергофѣ былъ банкетъ для всѣхъ кадетъ; было ихъ тамъ около 3.000. Царская семья принимала гостей, за жаркимъ подали меду для Царскаго тоста, молодежь встала, выпила, кричала ура, а затѣмъ, къ большому удивленію Е. В. эти три тысячи голосовъ запѣли Боже Царя храни. Это было совершенно неожиданно, и Государь растрогался до слезъ. Онъ сталъ обнимать тѣхъ изъ кадетъ, которые ближе всего были отъ него. Должно быть было трогательно видѣть такое угощеніе будущихъ защитниковъ родины.

Новаго ничего; скажу только тебѣ на ушко, что Государь уѣзжаетъ 7-го; онъ будетъ въ Москвѣ 11, 12 и 13-е, а затѣмъ въ Нижнемъ, Казани, Симбирскѣ, Пензѣ (скажи Леонидасамъ, что Е. В. будетъ тамъ 28 и 29), Тамбовѣ, Воронежѣ, Чугуевѣ, Кіевѣ, Брестѣ, Варшавѣ и черезъ Псковъ въ Царскомъ Селѣ ко 2 Октября. Въ каждомъ губернскомъ городѣ Государь остановится по 2, 3 и 4 дня. Былъ сдѣланъ уже маршрутъ для Императрицы, но потомъ было рѣшено, что въ этотъ году не будетъ поѣздки.

Посылаю тебѣ, дорогая Ольга, мухоморъ. Ты знаешь какъ это дѣлается...

Въ палатѣ пэровъ, куда онъ явился, Алибо произнесъ рѣчь, чтобы оправдать свое покушеніе, настолько ужасную, что Парньэ былъ вынужденъ лишить его слова; онъ приказалъ ему замолчать и сѣсть, но Алибо продолжаетъ стоять и читать свою рѣчь. Тогда жандармы силою заставили его сѣсть, онъ передалъ свои рукописи своему адвокату. Рѣчь эта запрещена, между тѣмъ Французская Газета напечатала ее, за то и была она подслащена. Каковъ сахаръ! Онъ говорилъ и о Полякахъ.

Moscou, le 19 Juillet 1836.

Ce serait piquant que le Domino-Rose se remontre quelque part sur le grand chemin avec le manteau impériale; quant au grand-duc, il est probable que vous le verrez à Florence ou à Naples. Ce serait fort agréable, et vous aurait rapprochée encore plus de lui.

---

*) Князь Козловскій былъ принимаемъ, какъ необыкновенно умный собесѣдникъ, королемъ Людовикомъ Филиппомъ, княземъ Паскевичемъ и другими высокими лицами. Онъ страдалъ „Тѣлесе озлобленіемъ" т. е. страшною толщиною и ему было трудно писать; но его съѣзжались слушать. Нѣсколько вечеровъ разсказывалъ онъ нецензурную по тому времени повѣсть, въ которой доказывалъ, что владѣть крѣпостными людьми тяжелѣ, нежели самому быть крѣпостнымъ человѣкомъ.

Que vous dire de nouveau? il n'y a rien. On m'a parlé en l'air d'un trait de galanterie de Paul Démidoff. Il a passé par un village qui venait de brûler quelque part près de Vilna. Le voilà qui prend sa cassette, en fait sortir 40, d'autres disent 60, mille roubles (le minimum est déjà joli) et donne cela aux incendiés, en leur recommandant de prier Dieu pour sa promise m-elle Aurore Schenval. Comme il a été beaucoup question de cela chez les Pachkoff, je m'imagine que Nadine vous raconte la chose en détail. J'aime le trait moins pour la générosité que par ce que cela prouve de l'attachement pour sa promise; c'est cependant une petite folie, soit dit en passant.

Переводъ.

Москва, 19 Іюля 1836.

Было бы занимательно, если бы Розовое Домино *) снова показалось гдѣ нибудь на большой дорогѣ съ царственною накидкою; что касается в. к., возможно, что вы увидите его во Флоренціи или въ Неаполѣ. Это было бы очень пріятно и еще больше сблизило бы васъ съ нимъ.

Что̀ сказать тебѣ новаго? Ничего нѣтъ. Мнѣ передавали вздорный разсказъ объ одномъ благородномъ поступкѣ Павла Демидова. Онъ проѣзжалъ мимо недавно погорѣвшей деревни, гдѣ-то около Вильны. И вотъ, онъ беретъ свою шкатулку, достаетъ изъ нея 40, другіе говорятъ 60 тысячъ рублей (ужъ и минимумъ хорошъ) и отдаетъ это погорѣльцамъ, поручая имъ молиться за его невѣсту m-elle Аврору Шернваль. Такъ какъ объ этомъ было много рѣчи у Пашковыхъ, я думаю, Над. Серг. разскажетъ тебѣ это дѣло подробно. Поступокъ нравится мнѣ не столько какъ черта щедрости, какъ доказательство его привязанности къ невѣстѣ; между прочимъ вѣдь это маленькое безуміе.

Moscou, le 21 Juillet 1836.

Скоро ожидаемъ сюда Вяземскаго, который меня насмѣшилъ: пишетъ, что когда призванъ былъ Репнинъ къ Бенкендорфу и сей объявилъ ему о его отставкахъ отъ всѣхъ мѣстъ, то Репнинъ тутъ же разъ за разомъ три раза... passez moi le terme....! Но такъ громко, что слышно было въ ближней комнатѣ. Je m'imagine l'embarras du pauvre Benkendorf, mais même celui de Répninne. C'est tout-à-fait du nouveau: j'ai ouï dire qu'on tirait du canon en signe de réjouissance pour des événements heureux, mais il paraît qu'ici ce n'était nullement le cas. Le pauvre Wiazemsky me dit qu'il est tombé malade juste le jour de sa naissance; il a manqué d'accomplir 44 ans pour ne pas passer outre, mais grâce au Ciel, il a été quitte pour un commen-

*) Читатели припомнятъ про розовое домино княгини Ольги Александровны.

cement de fièvre bilieuse, et cela est passé; aussitôt remis tout-à-fait il arrive ici.

Dans ce moment sort de chez moi le jeune Bottmann, un joli garçon, fils de ce richard qui fût notre consul à Francfort et dont la femme, belle personne, était en liaison avec Vaniche Woronzow, quand je passais en 1819 par Francfort. Vous trouverez cela dans mon journal. A Pétersbourg le fameux feu d'artifice a été remis au 20, et on dit maintenant au 31. La bataille de Navarine sera représentée sur l'eau, et on fera sauter la flotte Turque. 20-го должны были начаться большіе маневры. Разсказываютъ, что на одномъ изъ подготовительныхъ маневровъ Государь, увидѣвъ артиллерію построенную впереди кавалеріи, сильно разгнѣвался и сдѣлалъ очень строгій выговоръ генералу, забылъ фамилію (Польская, кажется Пенхержевскій). Тотъ промолчалъ. Государь прибавилъ: 8 лѣтній ребенокъ не поставилъ бы орудія хуже; откуда вы это выдумали?—Мнѣ было такъ приказано, одинъ изъ адъютантовъ В. В-ства привезъ мнѣ приказъ объ этомъ.—Который?—Я не видѣлъ его въ лицо и поэтому не сумѣю сказать, В. В-ство. Это имѣло видъ плохого извиненія, и Государь еще больше разсердился. Ожидали наказанія послѣ маневровъ, какъ вдругъ кн. Радзивилъ, узнавъ обо всемъ этомъ, явился къ Государю и признался, что неправильно понялъ приказъ Государя и передалъ его генералу П. Государь пожурилъ его, а затѣмъ, приказавъ всѣмъ бывшимъ при немъ слѣдовать за собой, подъѣхалъ къ генер. П. и при всѣхъ громко попросилъ у него прощенія, но въ выраженіяхъ настолько преисполненныхъ добротой, что всѣ умилились, а мнимый преступникъ еще больше чѣмъ остальные.

Moscou, le 23 Juillet 1836.

Что же тебѣ новенькаго сказать? Tout le monde est occupé du fameux feu d'artifice qui a été remis, dit-on, au 31; ce sera quelque chose d'horriblement beau et en pleine mer, une répresentation de la bataille de Navarin, et pour le bouquet 22 vaisseaux Turcs qui sauteront en l'air; il me semble que même au simulacre de cette bataille il y aura du danger pour les spectateurs et encore plus pour les marins.

Il y a deux débarqués à Pétersbourg: Anatole Démidoff qui est, dit-on, tout-à-fait perclu et a l'air d'un spectre, et puis Grégoire Volkonsky, qui amène des actrices et des danseuses de Paris.

Наконецъ подняли, колоколъ который былъ въ землѣ. Не знаю почему положено было операцію эту сдѣлать въ 4 часа утра; видно,

чтобы не было зрителей въ страхѣ новой неудачи, въ случаѣ коей были слухи, что Француза Монферана народъ собирался поколотить. Какъ ни спѣшили, не могли кончить приуготовленія прежде шести часовъ утра. Mais enfin la chose est faite, et l'adjoint de mon exécuteur, qui y a été, m'a dit que la cloche est élevée à 4 archines audessus de la terre; il faudra voir maintenant ce qu'on en fera. Bachiloff m'a dit que le comte Tolstoy voulait donner une fête champêtre à l'Empereur au théâtre Petrofsky, qu'on ferait un parquet qui égaliserait le parterre avec la scène, que là serait S. M. avec les имѣющіе въѣздъ ко двору и представленные, et que les loges seraient abandonnées aux public et le paradis aux marchands et au peuple; que le parc serait illuminé ainsi que tout le chemin depuis le théâtre jusqu'au château de l'Empereur en ville. On ne parle pas d'autre chose.

Переводъ.

Москва, 23 Іюля 1836.

.....Всѣ заняты знаменитымъ фейрверкомъ, который отложенъ, говорятъ, на 31-е число; это будетъ какое-то страшное великолѣпіе и въ открытомъ морѣ представленіе Наваринской битвы, а самое лучшее, это то, что 22 Турецкимъ судна взлетятъ на воздухъ; мнѣ кажется, что даже въ примѣрномъ подражаніи этой битвы будетъ опасность для зрителей и еще бо̀льшая для моряковъ.

Въ Петербургѣ двое вновь прибывшихъ: Анатолій Демидовъ, который, говорятъ, совсѣмъ разбитъ параличемъ и имѣетъ видъ призрака, а затѣмъ Григорій Волконскій, который привозитъ актрисъ и танцовщицъ изъ Парижа.

...... Но, наконецъ, дѣло сдѣлано, и помощникъ моего экзекутора, который былъ тамъ, говорилъ мнѣ, что колоколъ поднятъ на 4 аршина отъ земли; посмотримъ, что̀ теперь съ нимъ будутъ дѣлать. Башиловъ говорилъ мнѣ, что гр. Толстой хочетъ устроить Государю деревенскій праздникъ въ Петровскомъ театрѣ, что сдѣлаютъ паркетъ, который сравняетъ партеръ со сценой, что тамъ будутъ находиться Е. В. со всѣми имѣющими пріѣздъ ко двору и что ложи будутъ предоставлены публикѣ, а раёкъ—купечеству и народу, что паркъ будетъ иллюминованъ, также какъ и весь путь отъ театра до императорскаго дворца въ городѣ. Ни о чемъ другомъ не говорятъ.

Moscou, le 27 Juillet 1836.

Ce matin j'ai eu des visites sans fin. Arriva un monsieur avec une lettre de Londres de Lomonossoff. C'est le capitaine Craford Royal Narg, après lui vint le vicomte de Quinemont de l'ambassade de France avec une lettre de mad. Élise Hitroff que je vous prie de déchiffrer pour moi, si vous le pouvez Plus tard arriva le fameux Loeve-Veymars (j'ai confondu, c'est lui qui m'apporta la lettre de mad. Élise). Il est de la taille

de Norof avec une figure blonde et plus avantageuse cependant que celle du petit philosophe. Ils m'ont fais tous grand plaisir, car ils sont dans l'enchantement de notre Empereur; le dernier m'est aussi recommandé par Wiazemsky. Ils voulaient tous partir dans quelques jours pour Нижній, mais je leur ai dépeint d'une manière si attrayante l'Empereur en milieu de la nation au Kreml, qu'ils ont changé de plan. Ils partent d'abord pour la foire, je leur donne Рубцовъ, la perle des postillons; ils mettront deux jours à aller, deux à revenir, trois à y rester et pourront revenir ici pour l'époque de l'arrivée de S. M. I. Ils partiront tous les trois ensemble.

Maman vient de me dire que le couvent de Новый Іерусалимъ a été pillé il y a de cela deux jours la nuit; on a dévalisé la ризничая et pris aux images toutes les pierres précieuses; il serait difficile que la chose ait pu se faire sans la participation des moines; l'archimandrite ne sait où donner de la tête. On dit aussi comme si le choléra avait paru à Волоколамскъ; je ne crois pas, car vous savez que je ne crois jamais aux mauvaises nouvelles.

Переводъ.

Москва, 27 Іюля 1836.

Сегодня утромъ у меня было посѣтителей безъ конца. Пріѣхалъ господинъ съ письмомъ изъ Лондона отъ Ломоносова. Это капитанъ Краффордъ Рояль Наргъ, послѣ него пріѣхалъ виконтъ де Киномонъ изъ Французскаго посольства съ письмомъ отъ Лизы Хитрово, которое прошу тебя разобрать за меня, если сможешь. Затѣмъ пріѣхалъ извѣстный Лёве-Веймарсъ (я спуталъ, это онъ привезъ мнѣ письмо отъ Лизы); онъ одного роста съ Норовымъ, блондинъ, однакожъ лицо у него болѣе красиво, чѣмъ у маленькаго философа. Всѣ они доставили мнѣ большое удовольствіе, такъ какъ всѣ въ восхищеніи отъ нашего Государя; послѣдній изъ нихъ рекомендованъ мнѣ тоже Вяземскимъ. Они всѣ хотѣли черезъ нѣсколько дней ѣхать въ Нижній, но я въ такомъ привлекательномъ видѣ описалъ имъ Государя среди своего народа въ Кремлѣ, что они перемѣнили планъ. Сначала они ѣдутъ на ярмарку, я даю имъ Рубцова, лучшаго изъ почталіоновъ; они употребятъ два дня на поѣздку туда, два на обратный путь, три дня проведутъ тамъ и могутъ вернуться сюда ко времени пріѣзда Е. В. Всѣ они ѣдутъ вмѣстѣ.

Маменька только что сказала мнѣ, будто два дня тому назадъ ночью былъ ограбленъ монастырь Новый Іерусалимъ; обокрали ризничую и съ иконъ сняли всѣ драгоцѣнные камни; трудно было бы совершить такое дѣло безъ соучастія монаховъ, архимандритъ въ отчаянномъ положеніи; говорятъ также, будто въ Волоколамскѣ появилась холера; я не вѣрю, такъ какъ ты знаешь, что я не вѣрю дурнымъ извѣстіямъ.

Moscou, le 28 Juillet 1836.

Il paraît que le choléra n'a été q'un faux bruit. Je ne sais si je vous ai dit comment je l'ai appris. Un homme qui a anciennement servi

à la poste et qui se trouve sans place, vient chez moi il y a quelques jours et me tient à peu près ce langage: Que vous êtes beau! Que vous êtes bon! Нельзя ли мнѣ мѣстечко какое нибудь дать?—Да какое же мѣсто?—А вотъ слышно, что въ Волоколамскѣ умерло уже холерою нѣсколько человѣкъ; такъ ежели будетъ опять холерный комитетъ, такъ меня туда опредѣлить, послѣ даютъ всегда награжденіе. Cela m'a fait rire, mais il paraît que le чиновникъ n'a pas été oiseau de mauvais augure.

Je reçois dans ce moment une lettre de Катя; son long silence tenait à une maladie très grave qu'elle a faite, une inflammation à l'estomac et dont 40 sangsues l'ont tirée.

Переводъ.

Москва, 28 Іюля 1836.

Повидимому извѣстіе о холерѣ былъ только ложнымъ слухомъ. Не знаю, говорилъ ли я тебѣ, какъ я объ этомъ узналъ. Человѣкъ, въ бывшее время служившій на почтѣ и находящійся теперь безъ мѣста, приходитъ ко мнѣ нѣсколько дней тому назадъ и ведетъ, приблизительно, такую рѣчь: Какъ вы хороши! Какъ вы добры!... Это меня разсмѣшило, но, кажется, чиновникъ не былъ зловѣщимъ предсказателемъ.

Сейчасъ получилъ письмо отъ Кати; причиной ея долгаго молчанія была очень серьезная болѣзнь, которую она перенесла: воспаленіе въ желудкѣ, отъ котораго ее спасли 40 піявокъ.

Moscou, le 30 Juillet 1836.

Notre pauvre diacre qui s'avisa de mourir, il a été emporté par une phtisie galopante. C'était un jeune homme doux et très instruit et beau-fils, comme vous savez, de notre ex-diacre; celui-ci me prie maintenant de marier son autre fille à un séminariste et d'en faire notre diacre. Tout cela peut s'arranger, mais la pauvre promise en vue n'a que 15 ans; au moins si elle avait le même âge qu'avait mad. Дишка lors de son mariage! A Moscou il y a déjà un peu de remue-ménage pour l'arrivée prochaine de notre Seigneur et Maître; on nettoye, répare, pave, lave, peint, arrange, et des troupes se rassemblent pour les revues. Mad. Olga, pas celle d'Alexandrie, mais du Caucase, me demande le postillon Архиповъ pour la ramener ici, ces dames doivent partir de la-bas le 17. C'est un de mes bons sujets, et je ne sais comment faire, car les bons sujets me seront nécessaires pour l'époque de l'arrivée de S. M. La c-sse Coutayssoff-mère me demande un moutard; Wassiltchikoff, marié à l'Archaroff, est venu ce matin m'en demander aussi un, et tout le monde en veut de bons. Comment arranger tout cela? Надобно, чтобы овцы были цѣлы и чтобы волки были сыты; je demande pardon aux illustres personnages d'en faire des loups.

Avant que je l'oublie, il est bon de vous dire que la nouvelle du choléra à Wolokolamsk se trouve être fausse, pas plus de choléra que sur ma main. На силу-то уѣхалъ князь Н. Н. Хованскій; il m'a pris un temps infini et précieux; on m'annonce l'arrivée de la poste de Pétersbourg, vous croyez que cela le chassa, pas du tout! Voyons, dit-il, voyons ce qu'il y a de nouveau, et qu'y avait-il de nouveau? Justement qu'il doit attendre à Pétersbourg les ordres de l'Empereur et ne pas retourner avant à Witebsk, chose qu'il ne désirait pas lui-même au reste. Je pense qu'on le fera membre de Conseil. Le pauvre Pérofsky n'a pas pu gagner Dresde, il est mort à Varsowie deux jours après y être arrivé; autant valait-il mourir à Moscou. Voilà bien des embarras pour sa soeur. J'ai l'annonce officielle du voyage de l'Empereur, c'est toujours le 7 que S. M. part et le 11 qu'elle arrive ici et le 14 qu'elle nous quitte. Il faut 53 chevaux. Il y aura avec l'Empereur le c-te Benkendorf, Adlerberg, le secrétaire d'état Rosen, le colonel Rauch, le maître d'hôtel Müller, deux feldyaiger et un valet de chambre.

Le fameux feu d'artifice aura lieu le 31. Prianichnikoff m'envoie le programme, j'en fais tirer une copie pour vous. Cela fera un train épouventable; au reste, rien de nouveau.

On apprend de tous les côtés des détails sur les affreux dégats occasionnés par la grêle à Чугуевъ et Kharcoff; des hommes ont été tués, car les grêlons étaient d'un $^1/_4$ et d' $^1/_2$ livre de poids, et il y en avait de plus grands encore. A Pétersbourg la foudre a mis feu à une barque qui était sur la Néva et dans la terre poste-directoriale de m-r Prianichnikoff 17 maisons de paysans ont été réduits en cendre mais où les malheurs ont été plus grands encore, c'est à Екатеринодаръ: тамъ человѣкъ 20 убило градомъ. Видно, градъ Екатерины подумалъ, что ему должно быть великимъ, какъ она сама была.

Переводъ.

Москва, 30 Іюля 1836.

Бѣдный нашъ діаконъ вздумалъ умереть, его похитила скоротечная чахотка. Это былъ кроткій молодой человѣкъ, очень образованный и, какъ ты знаешь, зять нашего бывшаго діакона, который теперь проситъ меня выдать замужъ его другую дочь за семинариста и сдѣлать его діакономъ у насъ. Все это можно бы устроить, но бѣдной невѣстѣ всего 15 лѣтъ, будь она по крайней мѣрѣ въ томъ возрастѣ, въ которомъ была Дишкина жена при выходѣ замужъ! Въ Москвѣ уже началась нѣкоторая суматоха по случаю скораго пріѣзда нашего Государя и Повелителя, чистятъ, чинятъ, мостятъ, моютъ, красятъ, приводятъ въ порядокъ и войска собираются для смотровъ. Мад. Ольга, не Александрійская, а Кавказская, проситъ у меня почтальона Архи-

пова, чтобы проводить ее сюда, эти дамы должны выѣхать оттуда 17-го. Онъ одинъ изъ лучшихъ людей у меня, и я не знаю какъ сдѣлать, потому что хорошіе люди будутъ мнѣ нужны на время пріѣзда Е. В. Графиня Кутайсова-мать проситъ у меня мальчишку; Васильчиковъ, женатый на Архаровой, пришелъ сегодня утромъ тоже просить мальчика и всѣ хотятъ хорошихъ. Какъ все это устроить; надобно, чтобы овцы были цѣлы и чтобы волки были сыты; прошу у знатныхъ особъ извиненія за то, что называю ихъ волками.

Пока не забылъ, нужно тебѣ сказать, что извѣстіе о холерѣ въ Волоколамскѣ оказалось ложнымъ, тамъ такая же холера, какъ у меня на рукѣ. Насилу-то уѣхалъ князь Н. Н. Хованскій, онъ отнялъ у меня безконечно много драгоцѣннаго времени, мнѣ докладываютъ о приходѣ Петербургской почты, ты думаешь, это его выпроводило, вовсе нѣтъ! Посмотримъ, сказалъ онъ, посмотримъ что новаго, а что было новаго? именно то, что онъ долженъ въ Петербургѣ ждать приказаній отъ Государя и раньше не возвращаться въ Витебскъ, впрочемъ онъ и самъ этого не желалъ. Я думаю, его сдѣлаютъ членомъ Совѣта. Бѣдный Перовскій не могъ доѣхать до Дрездена: онъ умеръ въ Варшавѣ черезъ два дня по пріѣздѣ, лучше было бы ему умереть въ Москвѣ. Вотъ будутъ хлопоты его сестрѣ! Я имѣю офиціальное сообщеніе о поѣздкѣ Государя; Государь попрежнему выѣзжаетъ 7, 11-го будетъ здѣсь, а 14-го уѣдетъ отъ насъ. Нужны 53 лошади. Съ Государемъ будутъ гр. Бенкендорфъ, Адлербергъ, государственный секретарь Розенъ, полковникъ Раухъ, дворецкій Миллеръ, два фельдъегеря и лакей.

Знаменитый фейерверкъ состоится 31-го числа. Прянишниковъ присылаетъ мнѣ програму, я велѣлъ переписать ее для тебя. Это вызоветъ страшное оживленіе; въ остальномъ нѣтъ ничего новаго.

Со всѣхъ сторонъ получаются извѣстія объ опустошеніяхъ, произведенныхъ градомъ въ Чугуевѣ и Харьковѣ; были убитые люди, такъ какъ градины доходили вѣсомъ до $^1/_4$ и $^1/_2$ фунта, были и еще больше. Въ Петербургѣ отъ молніи загорѣлась барка на Невѣ, а на почтъ-директорской землѣ Прянишникова 17 крестьянскихъ домовъ сгорѣли до тла; но гдѣ несчастія были еще огромнѣе, это въ Екатеринодарѣ....

Moscou le 31 Juillet 1836.

Ce matin j'étais à écrire lorsqu'on m'annonce tout à coup l'ambassadeur de France. De ma vie je n'ai fait aussi vite ma toilette, en attendant je l'ai fait entrer dans notre salon paré, où je suis accouru le recevoir. C'est un homme qui n'a rien d'extraordinaire dans la figure, de 50 à 55 ans, taille moyenne. Il me présenta une lettre du c-te Nesselrode. Je lui décochai la petite harangue que voici, sans ouvrir la lettre: un ambassadeur de France et surtout un m-r de Barante, n'a pas besoin de lettre de recommandation pour moi; il lui suffit de se présenter pour être accuelli avec égard et empressement. Je ne sais si c'est le compliment qui parut lui faire grand plaisir ou si c'est sa manière habituelle, mais je l'ai trouvé extrêmement poli, aimable, de très bonnes manières, et on ne le prendrait pas pour le représentant d'un roi pas régnant par la grâce de Dieu, mais élu par la populace révoltée de Paris.

Nous avous causé pendant ³/₄ d'heure de différentes choses. Il est dans l'enchantement de Moscou et tellement qu'il escamote son voyage à la foire de Нижній pour rester ici attendre l'Empereur, dont il m'a parlé avec enthousiasme. Je suis en vérité fâché que ma maison soit tout-à-fait démontée comme ma personne et que je ne puisse bien faire les honneurs de chez-moi. Je n'ai pas comme jadis mes deux filles pour m'aider. Barante est en général enchanté de la Russie et trouve que c'est l'alliée la plus naturelle que la France puisse avoir. Je suis dans le moment interrompu par une carte et deux lettres que m'envoye le ministre de Bavière le c-te de Lerchenfeld, l'une est du comte Nesselrode, l'autre de Wielhorsky, je vous enverai celle-ci Lundi. Il a amené avec lui la fameuse mad. Krüdener ainsi que sa femme. Je suis charmé que maman a l'intention d'aller leur faire une visite; mais hélas, je crois que tout se bornera à des simples politesses et toujours par la raison dont je parle plus haut. J'irai demain chez les deux diplomates. J'ai une lettre de Catherine. Elle me dit que Сашка est tout-à-fait bien en officier et heureux comme un roi (pas comme celui des Français pourtant). Elle a vu chez Мар. Конст. Anatole Démidoff et me fait un triste tableau de lui, disant qu'elle a manqué crier en le voyant; il a d'abord le bras paralysé, en écharpe et marche avec des béquilles. Sa figure est tellement effrayante qu'elle ne l'aurait pas reconnu, l'air d'un cadavre, il ne promet pas une longue existence; aussi part-il pour l'Italie tout de suite.

Barante m'a dit qu'Horace Vernet accompagnait l'Empereur ici et à Нижній qu'il ferait une escapade à Paris et reviendrait à Pétersbourg y faire un long séjour.

Переводъ.

Москва, 31 Іюля 1836.

Сижу я сегодня утромъ, пишу, какъ вдругъ докладываютъ о пріѣздѣ Французскаго посла. Въ жизнь никогда такъ быстро я не одѣвался, а пока, его провели въ нашу парадную гостиную, куда я побѣжалъ его принять. Это человѣкъ, не имѣющій въ лицѣ ничего особеннаго, лѣтъ 50—55, средняго роста. Онъ подалъ мнѣ письмо отъ гр. Нессельроде. Не открывая письма, я сказалъ ему слѣдующее маленькое привѣтствіе: Французскій посолъ, и особенно г-нъ де Барантъ, не нуждается въ рекомендательномъ письмѣ ко мнѣ; ему достаточно представиться, чтобы быть принятымъ съ почтеніемъ и радушіемъ. Не знаю, комплиментъ ли доставилъ ему большое удовольствіе или это его обыкновенная манера, но я нашелъ его крайне вѣжливымъ, любезнымъ, обладающимъ прекрасными манерами, и нельзя бы принять его за представителя короля, царствующаго не Божіей милостію, а по избранію возмутившейся черни Парижа. Мы бесѣдовали съ нимъ въ продолженіи ³/₄ часа о разныхъ вещахъ. Онъ въ восхищеніи отъ Москвы и на-

столько, что урвалъ отъ своей поѣздки на Нижегородскую ярмарку, чтобы остаться здѣсь ожидать Государя, о которомъ онъ мнѣ говорилъ съ энтузіазмомъ. Мнѣ въ самомъ дѣлѣ досадно, что мой домъ такъ же разстроенъ, какъ я самъ и что не могу какъ слѣдуетъ принимать у себя. Нѣтъ, какъ бывало, моихъ дочерей, чтобы мнѣ помочь. Барантъ вообще въ восхищеніи отъ Россіи и находитъ ее самой естественной союзницей, какую можетъ имѣть Франція. Сейчасъ меня прервали карточкой съ двумя письмами, которыя присылаетъ мнѣ Баварскій посланникъ, графъ Лерхенфельдъ; одно письмо отъ гр. Нессельроде, другое отъ Віельгорскаго, послѣднее пришлю тебѣ въ Понедѣльникъ. Онъ привезъ съ собой знаменитую г-жу Криднеръ и свою жену. Я очень радъ, что маменька имѣетъ намѣреніе поѣхать къ нимъ, но увы, думаю, что все ограничится простыми любезностями и все по той же причинѣ. Поѣду завтра къ обоимъ дипломатамъ.

Я имѣю письмо отъ Кати. Она говоритъ, что Сашка очень хорошъ офицеромъ и счастливъ какъ король (впрочемъ не такъ какъ Французскій король).

У Мар. Конст. *) она видѣла Анатолія Демидова и рисуетъ грустную картину, говоря, что чуть не крикнула, увидавъ его; во-первыхъ у него рука парализована, на перевязи, и ходитъ онъ на костыляхъ. Лицо такое страшное, что она бы не узнала его; видъ мертвеца. Онъ не обѣщаетъ долгаго существованія и немедленно уѣзжаетъ въ Италію.

Барантъ сказалъ мнѣ, что Горацій Вернэ сопровождаетъ Государя сюда и въ Нижній, скатаетъ въ Парижъ и вернется въ Петербургъ на продолжительное время.

Moscou, le 3 Août 1836.

J'ai été chez m-r de Barante, mais sans le trouver: il court toute la journée.

Je n'ai pas vu encore l'autre diplomate non plus. Je me suis trompé en vous disant que mad. Krudener était ici. Le c-te Lerchenfeld est avec sa femme et sa belle-mère; ce soir on attend le p-ce Buttera qui arrive avec sa femme de la foire de Нижній où ils ont vendu, dit-on, pour 900 m. rbl de fer. Понемножку весь дипломатическій корпусъ соберется здѣсь. Au reste, rien de nouveau en ville.

Вотъ тебѣ на обмѣнъ того другое письмо отъ Катеньки. Sophie me dit la même chose aussi d'Anatole Démidof, mais elle ajoute que le frère Paul est aussi malade de la goutte à Dresde. Pauvre Anatole! A quoi sert sa richesse? Je crois qu'il porte envie à chaque mendiant bienportant qui l'aborde pour lui demander l'aumône. Un гривенникъ arrange tout dans un instant, mais avec la santé c'est autre chose.

J'ai reçu une lettre, devinez d'où et de qui? Vous ne tomberez jamais dessus, aussi je vous dirai que la lettre est datée du grand Océan

*) Вдова Константина Яковлевича.

en vue de l'île de Madeire. Vous vous doutez qu'elle vient de Lomonossoff, ce n'est plus la lettre d'un diplomate, fin et rusé et aimable, mais d'un véritable et enragé marin, navigateur; il ne me parle que de la mer, des vents et du punch, il paraît qu'il est toute la journée entre ce liquide et l'eau salée. Je vous enverrai sa lettre plus tard.

Hélas, il fait de nouveau froid aujourd'hui, c'est en vérité désespérant. Nous avions 9 mois d'hiver, faut-il donc que nous en ayons 12? Je vous embrasse tous bien tendrement, je baise les mains de la chère princesse Calme et vous envoie, cher ange, ma bénédiction. Je pense que voici ma dernière lettre. Adieu.

Переводъ.

Москва, 3 Августа 1836.

Я былъ вчера у Баранта, но не засталъ его: онъ цѣлые дни въ бѣгахъ. И другого дипломата еще не видѣлъ. Я ошибся, сказавъ тебѣ, что мадамъ Криднеръ здѣсь. Гр. Лерхенфельдъ съ женой и тещею; сегодня вечеромъ ждутъ князя Буттера*), который пріѣзжаетъ съ женой съ Нижегородской ярмарки, гдѣ, говорятъ, они продали на 900 т. руб. желѣза...... Въ остальномъ ничего нѣтъ новаго въ городѣ.

...... Соня говоритъ мнѣ тоже самое объ Анатолѣ Демидовѣ, но прибавляетъ, что братъ его Павелъ въ Дрезденѣ тоже боленъ подагрой. Бѣдный Анатоль! Къ чему его богатство? Мнѣ кажется, онъ завидуетъ каждому здоровому нищему, который подходитъ къ нему за милостынею. Гривенникъ все сразу устраиваетъ, а съ здоровьемъ другое дѣло.

Я получилъ письмо, догадайся откуда и отъ кого? Ни за что не отгадаешь, поэтому я тебѣ скажу, что на письмѣ выставлено Великій Океанъ въ виду острова Мадеры, ты, вѣрно, догадываешься, что оно отъ Ломоносова; это ужъ письмо не тонкаго, хитраго и любезнаго дипломата, а настоящаго завзятаго моряка и мореплавателя: онъ только и говоритъ о морѣ, вѣтрахъ и о пуншѣ; кажется, весь день онъ проводитъ между этимъ напиткомъ и соленой водой. Пришлю тебѣ его письмо позднѣе.

Увы! сегодня опять холодно, это въ самомъ дѣлѣ весьма грустно. Зима была у насъ 9 мѣсяцевъ, неужели же ей быть 12 мѣсяцевъ? Нѣжно всѣхъ васъ обнимаю, цѣлую ручки дорогой княгини Кальмъ, а тебѣ, дорогой мой ангелъ, шлю свое благословеніе. Думаю, что это мое послѣдне письмо. Прощай.

---

*) Неаполитанскаго посланника, женившагося на вдовѣ Полье (въ первомъ бракѣ графинѣ Шуваловой), урожденной княжнѣ Шаховской.

1812 ГОДЪ.

Херсонсій помѣщикъ Скаржинскій.

Въ переживаемые нами дни, когда понятія о долгѣ гражданина на столько перепутались, что черное легко выдается за бѣлое, а достойное порицанія прославляется, отрадно остановиться на картинахъ прошлаго, рисующихъ душу Русскаго человѣка въ ея духовной красотѣ и нравственной мощи и напоминающихъ о тѣхъ жертвахъ, которыя приносились на алтарь отечества въ началѣ прошлаго столѣтія. Одна изъ такихъ картинъ развертывается предъ нами при разсмотрѣніи дѣла, хранящагося въ архивѣ канцеляріи бывшаго Новороссійскаго генералъ-губернатора и озаглавленнаго: „О патріотическомъ намѣреніи помѣщика коллежскаго ассесора Скаржинскаго сформировать изъ собственныхъ людей эскадронъ по случаю вторженія непріятеля въ предѣлы Россіи“. Эти сухія бумаги говорятъ краснорѣчивѣе искуственныхъ описаній и „сочиненій“.

Въ исходѣ Августа 1812 года Херсонскій губернскій предводитель дворянства Петръ Горба представилъ на усмотрѣніе дюка-де-Ришелье прошеніе помѣщика Виктора Скаржинскаго о разрѣшеніи ему вмѣстѣ съ отрядомъ крѣпостныхъ людей присоединиться къ дѣйствующей арміи. Изъ прошенія видно, что Скаржинскій „по силѣ всемилостивѣйшаго воззванія, изображеннаго въ высочайшемъ манифестѣ, всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества къ защищенію онаго, бывъ исполненъ горячимъ рвеніемъ, поспѣшилъ прибыть изъ С.-Петербурга, дабы жертвовать собою и людьми“. Ходатайство Скаржинскаго получило быстрое движеніе, о чемъ свидѣтельствуетъ отвѣтъ Ришелье на имя Скаржинскаго отъ 30-го Августа. „Получилъ я, пишетъ Ришелье отъ Херсонскаго губернскаго дворянства предводительства донесеніе со вложеніемъ прошенія вашего, на имя его вами поданнаго, что вы, по силѣ всемилостивѣйшаго воззванія, въ высочайшемъ манифестѣ изображеннаго, выбрали, съ позволенія матери вашей госпожи генералъ-маіорши, въ Херсонской губерніи изъ тысячи ея съ вами крестьянскихъ душъ 100 человѣкъ, способныхъ во всѣхъ частяхъ къ военной службѣ, не старше 35 лѣтъ, всѣхъ ихъ обмундировать по примѣру иррегулярныхъ войскъ, снабдили уже верховыми лошадьми со всѣмъ приборомъ и вооруженіемъ пиками, пи-

столетами и саблями; сверхъ того вы приняли на себя продовольствовать оную сотню провіантомъ пока выступить въ походъ, а жалованье будете производить во все время, до оканчанія войны съ Французами, всякому рядовому по 13 р. въ годъ, равнымъ образомъ и приглашенному вами корнету Семенову по 300 р., одному унтеръ-офицеру по 160 р. Со стороны же казны испрашиваете одного только продовольствія лошадей фуражемъ, а людей провіантомъ узаконенной дачею со дня выступленія въ походъ и на все то время, сколько оная сотня будетъ находиться на службѣ. При объясненномъ вашемъ пожертвованіи посвятили и себя на службу съ употребленіемъ командиромъ тѣми людьми, кои состоятъ во всей готовности тотчасъ по повелѣнію выступить куда назначено будетъ. Хотя по высочайшему повелѣнію вооруженіе людей во ввѣренныхъ мнѣ губерніяхъ и отмѣнено, но какъ сіе ваше отличнѣйшее пожертвованіе для пользы отечества приносится добровольно, то я, одобряя оное съ живѣйшимъ чувствомъ моего удовольствія и соглашаясь съ предположеніемъ вашимъ: объясненномъ во второмъ прошеніи, поданномъ вами мнѣ, для должнаго исполненія предлагаю вамъ: 1) позволяю довербовать вольными людьми, незаписанными въ подушной окладъ; по примѣру тому, какихъ вербуютъ въ уланскіе полки на капитуляціи, до полнаго эскадроннаго комплекта, въ которомъ бы состояло унтеръ-офицеровъ 14, въ томъ числѣ вахмистръ 1, квартирмейстеръ 1, рядовыхъ 128, трубачей два, съ производствомъ всѣмъ имъ жалованья, обмундированія, вооруженія, съ доставкою лошадей отъ васъ. 2) Сему эскадрону называться именемъ вашимъ. 3) По полученіи сего черезъ 4 дня выступить вамъ съ онымъ эскадрономъ и слѣдовать по приложенному у сего маршруту въ Каменецъ-Подольскъ въ армію г. адмирала Чичагова, которому вы о выступленіи своемъ отрепортуете съ приложеніемъ маршрута съ числами, и мнѣ таковой же доставьте. 4) Со дня выступленія вашего имѣете продовольствовать лошадей фуражемъ, и людей провіантомъ отъ жителей подъ квитанцію, по неимѣнію у меня на сей предметъ суммы; фуражъ и провіантъ записывать въ приходъ и расходъ по книгамъ, кои предписалъ я комиссіонеру 14 класса Волкову, здѣшняго провіантскаго магазина смотрителю, выдать вамъ и сверхъ того снабдить васъ формами, при семъ случаѣ нужными, также формою вѣдомости, ежемѣсячно отправляемой по командѣ о продовольствіи, гдѣ какое получать будете. 5) Фуражъ принимать для строевыхъ лошадей по числу людей вышеобъясненныхъ, т. е. на 144, если всѣ будутъ состоять на лицо, да на 12 подъемныхъ, кои полагаются подъ свозъ десятидневнаго провіанта, патроннаго ящика и артельной повозки, кои также всѣ уже вами на свой счетъ и скуплены. Провіантъ на продовольствіе 144 человѣка строевыхъ, да на 3 фургейтовъ къ тѣмъ повозкамъ, или сколько когда всѣхъ оныхъ людей состоять будетъ налицо. 6) О состояніи сего эскадрона, по приложенной у сего формѣ, отправлять ежемѣсячные рапорты тому начальнику, въ командѣ котораго состоять будете, каждаго мѣсяца перваго числа, и Государю Императору; первоначально же при вступленіи доставите таковой г. адмиралу Чичагову и съ полученіемъ сего мнѣ для отправленія по

командѣ. 7) Я получилъ сего числа донесеніе Тираспольскаго коменданта г. полковника Кардомича, что корнету Семенову, отъ васъ отправленному, отпущено изъ Тираспольскаго арсенала ружей изъ негодныхъ волонтерскихъ 30, сабель изъ негодныхъ казачьихъ 53, Турецкихъ 10, волонтерскихъ 62, пистолетовъ гусарскихъ 47 паръ, калмыцкихъ $2^1/_2$ пары и изъ негодныхъ драгунскихъ $10\ ^1/_2$ паръ. Не оставьте все сіе оружіе содержать въ надлежащей годности и по окончаніи войны возвратить въ военный арсеналъ. 8) По комплекту уланскаго эскадрона я предписалъ здѣшней артиллерійской команды командиру г. подполковнику Облеухову 2-му отпустить вамъ и на запасные патроны принадлежащее количество пороху и свинцу на пистолеты нужное. О пріемѣ онаго донесите мнѣ. Увѣдомляю васъ также и о томъ, что о невзысканіи съ помянутыхъ въ прошеніи вашемъ 1000 душъ, изъ коихъ набрали бы означенную сотню, рекрутъ начальству отъ меня предписано".

Въ тотъ же день дюкъ-де-Ришелье довелъ до свѣдѣнія Государь Императора, черезъ управлявшаго Военнымъ министерствомъ г.-л. князя Горчакова 1-го о пожертвованіи Скаржинскаго и о принятыхъ имъ мѣрахъ къ безотлагательному удовлетворенію всѣхъ ходатайствъ жертвователя.

4-го Сентября Скаржинскій закончилъ всѣ приготовленія и выступилъ въ походъ. Эскадронъ его состоялъ изъ 1 штабъ-офицера, 1 оберъ-офицера, 1 унтеръ-офицера 1 заурядъ унтеръ-офицера изъ вольноопредѣляющихся, 6 заурядъ унтеръ-офицеровъ изъ крѣпостныхъ, 2 трубачей 92 рядовыхъ, 3 рядовыхъ изъ вольноопредѣляющихся и 4 нестроевыхъ. Согласно выданному ему маршруту, Скаржинскій долженъ былъ прибыть на 21 день въ Каменецъ-Подольскъ но, какъ видно изъ рапорта, отправленнаго имъ 6-го Сентября изъ Ольвіополя на имя дюкъ-де-Ришелье, произошло невольное замедленіе, и онъ вынужденъ былъ отступить отъ заранѣе составленнаго маршрута въ виду полученнаго имъ извѣщенія Ольвіопольскаго нижняго земскаго суда объ „опасности продолжать туда трактъ по причинѣ открывшейся моровой язвы за Бугомъ въ 30 верстахъ отъ Ольвіополя въ селеніи Бузниковатой" и необходимости „перемѣнить трактъ и слѣдовать черезъ посадъ Архангельскій и Умань на Могилевъ".

Эскадронъ Скаржинскаго принималъ участіе въ дѣйствіяхъ Русскихъ войскъ противъ Французовъ, а командиръ его пользовался особымъ вниманіемъ со стороны командовавшаго южной арміей адм. Чичагова, возлагавшаго на него весьма важныя порученія, требовавшія частыхъ отлучекъ Скаржинскаго въ обѣ столицы и нѣкоторыя внутреннія губерніи. Это подтверждается обширной и продолжительной перепиской, возникшей черезъ нѣсколько мѣсяцевъ относительно взысканія съ Скаржинскаго въ пользу казны 1343 р. за отпущенное для его людей оружіе и патроны. Требованіе объ уплатѣ упомянутой суммы долго странствовало по разнымъ учрежденіямъ, такъ какъ Скаржинскій разъѣзжалъ по Россіи и числился въ командировкѣ.

Болѣе года продолжалась служба эскадрона Скаржинскаго, и когда въ 1814 году дѣла войны были окончательно окончены, изъ находившейся тогда въ Парижѣ главной квартиры были присланы „воинамъ-добровольцамъ" главнокомандующимъ всѣми арміями Барклаемъ-де-Толли высочайше пожалованныя имъ 96 медалей въ память кампаніи, открывшей многимъ изъ нихъ поприще для проявленія на дѣлѣ своей отваги и храбрости и доставившей самому вчинателю возможность блеснуть благороднымъ порывомъ сердца, свидѣтельствующимъ о широко понимаемомъ долгѣ гражданина, о безграничной любви къ родинѣ, о беззавѣтной преданности престолу.

Л.

ВОСПОМИНАНІЯ БЫЛОГО ВРЕМЕНИ.

По великому милосердію Божію я удостоился достигнуть семидесяти-пяти-лѣтняго возраста и быть свидѣтелемъ всѣхъ, послѣдовавшихъ въ продолженіе моей жизни, измѣненій, какъ относительно экономической, такъ и политической жизни Россіи. Мало того, что и въ климатическихъ условіяхъ много произошло измѣненій противъ прежняго времени, сколько людей разнаго званія и состоянія, сдѣлавшихся для меня, по какимъ либо обстоятельствамъ, болѣе другихъ замѣчательными, таковыхъ всѣхъ и не перечтешь.

Первоначальная моя жизнь была во время существованія крѣпостнаго права, когда въ Россіи общественная образованность находилась, можно сказать, лишь въ младенческомъ состояніи. Фабрикъ и промышленныхъ заведеній было очень немного; не было ни пароходовъ, ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ, ни въ достаточномъ количествѣ школъ, по этому и обученіе юношества шло весьма туго, и то, преимущественно только, въ дворянскомъ и духовномъ сословіяхъ. Сословія же купеческое, мѣщанское и крестьянское, за немногими исключеніями, окончательно оставались безъ всякаго образованія, вслѣдствіе чего и царили вездѣ и во всемъ грубость и невѣжество. Напримѣръ въ мануфактурныхъ лавкахъ, гдѣ былъ обычай за все запрашивать цѣну въ три-дорога, если покупатель не сошелся въ цѣнѣ и уходилъ изъ лавки, ничего не купивши, его осмѣивали и сопровождали самыми грубыми и обидными словами; а покупателей-малолѣтковъ, въ этомъ случаѣ, иногда даже безцеремонно таскали и за волосы, съ такими именно словами: „Вшивый песъ съ грошомъ лѣзетъ дорогую вещь покупать". Въ свою очередь и тогдашніе помѣщики, занимавшіе, преимущественно на государственной службѣ высшія должности, и какъ привыкшіе грубо и дерзко обращаться съ своими крѣпостными крестьянами, точно также поступали и на службѣ съ лицами имъ подчиненными, состоявшими, какъ извѣстно, преимущественно изъ духовнаго званія. Для этихъ лицъ отъ дворянъ существовали даже особо-ругательскія названія „кутейникъ и дурья порода", не смотря на то, что эти лица и составляли тогда движущую машину во всемъ служебномъ механизмѣ, самые же начальники-помѣщики занимались тѣмъ, что подписывали изготовленныя и обработанныя въ канцеляріи бумаги. Извѣстно, что помѣщики и компанію вели только между собою, а другихъ сословій всегда сторонились и, можно сказать, даже презирали. Да, дворяне

тогдашняго времени были самые счастливѣйшіе люди въ Россіи. Они пользовались отъ всѣхъ великимъ почётомъ и вліяніемъ во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, и такимъ образомъ все совершалось по ихъ произволу къ поступленію ихъ на государственную службу влекла не нужда въ денежныхъ средствахъ, а тщеславіе и охота къ пріобрѣтенію чиновъ и орденовъ. Тѣже помѣщики, которые не были заняты службою, вели жизнь въ высшей степени праздную и неодобрительную. По своей лѣности, они окончательно сдѣлались апатичными ко всему просвѣщенному и полезному, гонялись за зайцами, выступали на медвѣдей, а за тѣмъ вели между собою веселыя компаніи. А были еще своего рода и большіе чудаки-помѣщики; такъ напримѣръ одинъ мнѣ извѣстный, по имени Николай Петровичъ Пол—въ. Если по какому либо случаю долго не удавалось ему гостей принимать къ себѣ и самому быть въ гостяхъ, тогда онъ у себя дома устраивалъ фантастическую компанію, по такой методѣ, что предварительно приказавши прислугѣ подготовить на столахъ въ разныхъ комнатахъ выпивки и закуски, потомъ садился въ волтеровскія кресла на колесахъ и приказывалъ везти себя въ первую комнату, въ которой онъ представлялъ, что прибылъ къ своему сосѣду-помѣщику такому-то, гдѣ одинъ на единѣ и велъ разговоръ, давая самъ и вопросы и отвѣты, а также и предложеніе выпить и закусить. И такимъ образомъ выпивши въ этой комнатѣ и распростившись съ импровизированнымъ хозяиномъ, переѣзжалъ онъ въ послѣдующія комнаты, гдѣ въ каждой изъ нихъ продѣлывалъ тоже самое какъ и въ первой, только съ перемѣною названій хозяевъ, а въ концѣ-концовъ въ послѣдней комнатѣ дѣлался уже сильно пьянъ и, откинувшись на спинку кресла, засыпалъ богатырскимъ сномъ. Болѣе же зажиточные помѣщики проживали въ столицахъ, а больше за границею, и преимущественно, во Франціи, гдѣ изъ тщеславія безжалостно расточали свое состояніе, доставленное имъ тяжелымъ трудомъ крѣпостныхъ крестьянъ. Во время своего пребыванія за границею помѣщики усваивали себѣ всѣ обычаи и манеры тамошней аристократіи, а также въ совершенствѣ и изучали Французскій языкъ, на которомъ, вообще обязательно, всегда объяснялись и въ своихъ семействахъ, и во всѣхъ компаніяхъ, даже и переписку между собою вели на этомъ же языкѣ, окончательно пренебрегая Русскимъ, считая таковой языкомъ холопскимъ. Изойдите изъ конца въ конецъ всю землю, и не найдется ни одной націи, которая бы такъ пренебрегала своимъ роднымъ языкомъ.

А вотъ съ какою грустію, можно сказать, приходится вспоминать былую жизнь въ Россіи податныхъ сословій, т. е. крестьянъ и мѣщанъ. Вѣдь извѣстно, что всѣ государственныя тягости они только одни выносили на своихъ плечахъ, именно: платили подати, отправляли рекрутскую повинность и другія разныя натуральныя повинности, и въ тоже время постоянно были тѣснимы и обираемы разными властями. Для нихъ и наказанія за разныя преступленія полагались закономъ весьма жестокія, именно: розги, плети и шпицрутены. Два раза въ своей жизни мнѣ привелось видѣть эти наказанія, и не дай Богъ еще увидать что либо подобное. Наказывали пятерыхъ

солдатъ-дезертировъ шпицрутенами, проводя ихъ сквозь цѣлый баталіонъ, разставленный въ два ряда, и въ тоже время еще четырнадцать солдатъ наказывали розгами въ такихъ размѣрахъ, какъ это видно было изъ сдѣланныхъ на сапогахъ мѣломъ надписей: кому 300, кому 500 и включительно даже до 900 ударовъ. Это вѣдь ужасно, и главное удивительно то, что все-таки послѣ такого сильнаго истязанія остались люди живыми. А второй случай былъ тотъ, что наказывали плетьми двухъ женщинъ изъ содержавшихся въ рабочемъ домѣ, которыми была зарѣзана смотрительница этого дома и которымъ присуждено было одной 85, а другой 90 ударовъ. Эти несчастныя послѣ перваго удара только сильно взвизгнули, а потомъ до самаго конца отъ нихъ не было слышно никакого голоса, а только по окончаніи наказанія, когда привязанныхъ къ скамьѣ палачъ поднялъ къ верху и началъ клеймить имъ лица, тогда онѣ снова жалобно застонали. Да, это было жестокое время для податнаго сословія, и однакоже къ чести его надо вспомнить, что все это переносилось, можно сказать, безропотно, не проявлялось никакихъ смутъ, и вполнѣ во всемъ было подчиненіе властямъ. Вообще надобно сказать, что тогдашніе крестьяне, въ нравственномъ отношеніи, стояли несравненно выше, чѣмъ въ настоящее время. Огульнаго пьянства между ними тогда почти было мало, а производилась попойка только въ исключительныхъ случаяхъ, преимущественно на свадьбахъ, въ Пасху и въ храмовые праздники. А затѣмъ богобоязливость и уваженіе старшихъ считалось непремѣннымъ условіемъ. Никогда мною не было замѣчено, чтобы младшіе выказывали старикамъ, и особенно дѣти своимъ родителямъ, въ чемъ бы то ни было, своеволіе или ослушаніе, они всегда безпрекословно подчинялись ихъ волѣ, не потому, что будто бы знали пятую заповѣдь относительно почитанія родителей, или слова апостольскія „предъ лицомъ сѣдаго возстани“ и „почти лицо старче“, а потому, что въ то время вообще во всѣхъ сословіяхъ признавалось это необходимѣйшимъ условіемъ для общественнаго порядка и семейнаго благополучія. Тогда напримѣръ и на сельскихъ сходахъ у государственныхъ крестьянъ прямо говорилось такъ: „что̀ скажутъ старики, то и будетъ го̀же“. А на семейныхъ обѣдахъ, которые мнѣ нѣсколько разъ приводилось видѣть, всегда царили въ высшей степени скромность и благоговѣніе; все шло спокойно и молча, а если изъ малыхъ дѣтишекъ кто закапризничаетъ или зашалитъ, тогда старикъ, засѣдающій впереди, безъ всякихъ словъ, только постучитъ по столу ложкою, и мгновенно снова возстановляется тишина. Семейства крестьянскія тогда преимущественно были многолюдные, потому что, при строгомъ подчиненіи младшихъ старшимъ, раздѣловъ почти вовсе не существовало, и такимъ образомъ не было рѣдкостью встрѣтить живущими въ одной семьѣ прадѣдовъ съ правнучатами. Изъ отхожихъ промысловъ самый распространенный тогда былъ бурлаческій, уносившій много человѣческихъ жизней, по случаю весьма изнурительнаго труда и въ осеннее время простуды, такъ какъ бурлакамъ очень часто приводилось тянуть суда лямкою, идя по водѣ чуть не по самое горло. По городамъ же отхожихъ промысловъ было очень немного, слѣдо-

вательно и городская жизнь, съ разными соблазнами, для крестьянъ вовсе не была извѣстна; поэтому и благосостояніе ихъ было, можно сказать, болѣе удовлетворительное, чѣмъ въ настоящее время. Не было также и аграрнаго вопроса, такъ какъ въ пользованіи государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ въ то время находилось земли не менѣе 6-ти десятинъ на душу. Къ тому же мнѣ вовсе не помнится сильныхъ неурожайныхъ годовъ, и въ нѣкоторыхъ селеніяхъ мнѣ даже приводилось видѣть скирды съ хлѣбомъ, стоявшіе на гумнахъ не обмолоченными года по два-по три. При такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ крестьяне нѣкоторыхъ селеній даже допускали для себя своего рода роскошь въ томъ, что нерѣдко, и особенно къ свадьбамъ, къ Пасхѣ и къ храмовымъ праздникамъ, варили пиво на своихъ пивоварняхъ, такъ какъ при существованіи тогда откуповъ никому не было запрещенія это дѣлать, только разумѣется для своего собственнаго употребленія. Въ этихъ случаяхъ я вообще разумѣю здѣсь крестьянъ только государственныхъ и удѣльныхъ; относительно же помѣщичьихъ крестьянъ я долженъ сказать, что благосостояніе ихъ всецѣло зависило отъ нравственныхъ и сердечныхъ качествъ помѣщиковъ или ихъ управляющихъ, такъ какъ извѣстно, что крестьяне эти сами по себѣ никакихъ гражданскихъ правъ тогда не имѣли.

Въ духовномъ вѣдомствѣ тогда осуществлялась реформа относительно того, что въ священники обязательно ставились лица, получившія богословское образованіе; нигдѣ же не обучавшимся старикамъ-священникамъ Святѣйшимъ Синодомъ было вмѣнено въ обязанность непремѣнно изучать краткій катихизисъ съ тою цѣлію, чтобы они, хотя мало-мальски, усвоили себѣ понятіе о законѣ Божіемъ. Однакоже такая мѣра вовсе не достигала цѣли. Гдѣ же, на самомъ дѣлѣ, сельскому священнику, занятому по приходу требами и въ тоже время исполняющему для себя и всѣ сельскія работы, заниматься на старости лѣтъ еще изученіемъ катихизиса? И вотъ одинъ изъ такихъ священниковъ, на сдѣланный ему архіереемъ вопросъ изъ краткаго катихизиса отвѣтилъ ему откровенно и самымъ невиннымъ образомъ такъ: „не знаю, ваше преосвященство; а вотъ у насъ въ семинаріи учатъ, такъ тамъ знаютъ". Архіерей разсмѣялся на такія простодушныя слова священника и сказалъ ему: „ну, старикъ, доживай ужъ тутъ спокойно вѣкъ". Въ свою очередь я такихъ священниковъ встрѣчалъ уже тогда очень мало; они оставались только въ самыхъ бѣдныхъ приходахъ и отъ своихъ прихожанъ-крестьянъ отличались только длинными волосами, да еще тѣмъ, что носили рубахи не пестрыя, какъ у крестьянъ, а бѣлыя холщевыя. Все это были люди весьма скромные, тихіе и въ высшей степени добродушные, за что и пользовались неограниченною любовію прихожанъ. По своимъ ли старческимъ немощамъ, по разсѣянности ли, или отъ того, что въ продолженіе пятидесяти и болѣе лѣтъ, дѣлая все одно и тоже, они уже наконецъ наскучили въ точности исполнять свои служебныя отправленія, поэтому и производили ихъ уже, такъ сказать, шаля-валя, съ большими пропусками, такъ какъ по своей простотѣ и незнанію ни каноническихъ, ни догмати-

ческихъ правилъ, они не сознавали и важности своихъ священническихъ обязанностей, а слѣдовательно и дѣлаемые означенные поступки вовсе не считали для себя преступленіемъ. А что, батюшка, развѣ не будемъ ходить вокругъ купели? однажды сдѣлала такой вопросъ бабушка-повитуха старику-священнику во время крещенія младенца. Да развѣ не ходили, свѣтъ? сказалъ священникъ. Да нѣтъ, батюшка. Ну, давайте походимте, нисколько не смущаясь, сказалъ священникъ, и при этомъ, снятую было уже съ себя ризу снова надѣлъ и повелъ кума съ кумой и бабку съ младенцемъ вокругъ купели, добросердечно произнося положенныя при этомъ слова: „Елицы во Христа креститеся, во Христа облекостеся, аллилуйя". „Ну вотъ, бабушка, и походили, сказалъ священникъ, поздравляю тебя съ новокрещеннымъ", и при этомъ благословилъ и младенца.

А вотъ три духовныя личности, сдѣлавшіяся мнѣ извѣстными съ самаго моего ребяческаго возраста и относительно которыхъ даже до сихъ поръ сохранилось въ душѣ моей глубочайшее уваженіе. Первая личность, это Лукояновскій протоіерей, магистръ Духовной Академіи Ефимъ Ивановичъ Лебедевъ, вторая—священникъ села Стараго Иванцева Николай Алексѣевичъ Лебединскій (онъ былъ и моимъ отцомъ крестнымъ) и третья личность священникъ же села Кудеярова Семенъ Ивановичъ Покровскій. Это были люди чрезвычайно умные, добрые и въ высшей степени симпатичные, составлявшіе одну сплоченную компанію, къ которой принадлежалъ и мой родитель, священникъ с. Мамлѣева, Иванъ Алексѣевичъ Колосовъ. Къ тому же они всѣ четверо состояли членами Лукояновскаго Духовнаго Правленія. И такимъ образомъ, кромѣ почти постояннаго общенія между собою по службѣ, они еще очень часто ходили другъ къ другу въ гости. Пріятно было смотрѣть на эту компанію, въ которой не было ни чрезмѣрной выпивки, ни споровъ, ни противорѣчій другъ другу, и все шло тихо, спокойно и въ высшей степени дружелюбно. Изъ нихъ по общежитію болѣе всѣхъ замѣчателенъ мой крестный отецъ Н. А. Лебединскій. Окончивъ курсъ семинаріи первымъ ученикомъ, онъ намѣревался было продолжать ученіе и поступить въ Духовную Академію; однакоже судьба указала ему другой путь. Графъ Протасовъ, бывшій въ то время оберъ-прокуроромъ Св. Синода, а также и помѣщикомъ с. Стараго Иванцева, просилъ Нижегородскаго преосвященнаго Моисея назначить въ означенное его село на открывшуюся вакансію священника самаго лучшаго студента семинаріи, поэтому именно и палъ жребій на моего крёстнаго. Доводы его, что онъ желаетъ продолжать ученіе и поступить въ Духовную Академію, не имѣли успѣха предъ архіереемъ, который прямо доказывалъ ему, что въ этомъ селѣ онъ всегда будетъ находиться подъ сильнымъ покровительствомъ графа Протасова, и что будетъ ему тутъ весьма хорошо. Село Иванцево населено Мордвою, а Мордва, какъ извѣстно, по своей природѣ, народъ самый простой и весьма добродушный.

Когда я былъ еще ребенкомъ, для меня была великая радость, когда родители мои, собравшись ѣхать къ моему крёстному въ гости, брали съ

собою и меня. Тамъ для меня все было хорошо и въ высшей степени завлекательно. Даже при самомъ въѣздѣ въ с. Иванцево мое ребяческое воображеніе сильно поражалось прежде всего величественнымъ и нигдѣ мною еще не виданнымъ явленіемъ того, что у самой околицы находились съ обѣихъ сторонъ два большихъ конусо-образныхъ каменныхъ столба, съ свѣтлыми мѣдными на нихъ плитами, на которыхъ были изображены гербы графа Протасова, а потомъ и самый домъ крёстнаго, который былъ устроенъ чисто по-барски, довольно обширный, съ мезониномъ и съ четырьмя колонами снаружи; даже и кухня не находилась въ этомъ домѣ, а была, какъ у помѣщиковъ, въ отдѣльномъ строеніи на дворѣ. При домѣ былъ обширный фруктовый садъ, въ которомъ находилось множество ульевъ со пчелами. Хозяйство велось въ высшей степени умѣло и, можно даже сказать, образцово; вездѣ чистота и опрятность, и въ тоже время во всемъ великое изобиліе, какъ напримѣръ, меду, моченыхъ яблоковъ, брусники и разныхъ сортовъ соленыхъ грибовъ, набранныхъ своими трудами въ графскомъ лѣсу, былъ запасъ на цѣлый годъ. Однимъ словомъ, какъ говорится, во всемъ была полная чаша. Такою жизнію моего крёстнаго, пожалуй, могъ бы позавидовать любой священникъ изъ губернскаго города. Матушку-попадью, жену крёстнаго, я уже въ живыхъ не засталъ; все же хозяйство въ домѣ вели родныя сестры крёстнаго, двѣ пожилыя дѣвицы. Онѣ обѣ были очень трудолюбивы.

Въ 1835 г. преосвященный Іоаннъ былъ перемѣщенъ изъ Пензы на Нижегородскую каѳедру. Переѣздъ его на новое мѣсто долженъ былъ совершиться чрезъ городъ Лукояновъ, гдѣ еще до того извѣстно было, что преосвященный Іоаннъ Нижегородецъ, сынъ священника с. Кандрыкина, Лукояновскаго уѣзда, въ мірѣ называвшійся Михаиломъ, по фамиліи Доброзраковымъ; поэтому всѣ и ожидали его пріѣзда съ большимъ нетерпѣніемъ. Къ тому же еще изъ числа членовъ Лукояновскаго Духовнаго Правленія были его товарищами: Лебединскій по Нижегородской Духовной Семинаріи, а протоіерей Е. И. Лебедевъ по Духовной Академіи. Преосвященный Іоаннъ, встрѣтившись съ своими товарищами, задушевно и крѣпко нѣсколько разъ съ ними разцѣловался; оказалъ великое благоволеніе и остальнымъ двоимъ членамъ Правленія, т. е. моему родителю И. А. Колосову и Кудеяровскому священнику С. И. Покровскому. Однакоже по случаю поздняго пріѣзда въ г. Лукояновъ и сильнаго въ дорогѣ устатка, преосвященный не могъ долго съ ними бесѣдовать и пожелалъ для себя отдыха, любезно распростившись съ ними до слѣдующаго утра. Надобно же было такъ случиться, что моя родительница, сильно пожелавшая увидать преосвященнаго, тоже прибыла въ Лукояновъ и, расположившись ночлегомъ въ домѣ протоіерея Ефима Ивановича, разрѣшилась отъ бремени близнецами двоими сыновьями. Объ этомъ событіи было сообщено преосвященному Ефимомъ Ивановичемъ въ то время, когда они утромъ всѣ четверо представились ему. Да, сказалъ преосвященный, по всему видно, что это такъ случилось отъ сильнаго желанія видѣть меня. Точно тоже самое случилось, еще сказалъ онъ, и съ одною да-

мою въ Пруссіи во время пріѣзда короля въ какой-то городъ, и когда объ этомъ узналъ король, тогда онъ пожелалъ быть воспріемникомъ новорожденнаго. Мой родитель, ободрившись такими словами, осмѣлился просить его удостоить такой же чести и его новорожденныхъ сыновей, на что преосвященный охотно согласился, поручивъ вмѣсто себя быть при купели протоіерею Еѳиму Ивановичу, а въ метрику воспріемникомъ приказалъ записать себя, и при этомъ, по Русскому обычаю, вручилъ моему родителю, какъ говорится, на зубокъ, два полуимперіала, въ 5 руб. каждый, а затѣмъ, послѣ совершенія таинства крещенія, сказалъ ему: „Ну, кумъ, теперь поѣдемъ со мною въ гости къ моимъ родителямъ въ с. Кандрыкино". Это село отъ г. Лукоянова верстахъ въ пятнадцати.

По прибытіи моего родителя въ с. Кандрыкино, онъ сдѣлался очевидцемъ умилительной сцены. Преосвященный Іоаннъ, лишь только вступилъ въ родительскій домъ, гдѣ родители встрѣтили его со слезами отъ радости, тотчасъ же палъ имъ въ ноги, съ видимымъ сознаніемъ, что настоящему своему великому сану онъ всецѣло обязанъ ихъ попеченію и заботамъ. А мать его старуха, видя предъ собою не архіерея Іоанна, который для нея, можно сказать, былъ и не интересенъ, но своего любимаго сына Михаила, котораго она родила и вскормила своею грудью, въ слезахъ твердила: „Милый мой Мишенька, дорогой сыночекъ, Богъ привелъ мнѣ, на старости лѣтъ, видѣть тебя, можетъ быть уже въ послѣдній разъ". Затѣмъ старики, мало по малу успокоившись отъ волненія, съ великимъ радушіемъ занялись угощеніемъ всѣмъ, что̀ допустимо для монаха и что̀ оказалось въ запасѣ въ скромной ихъ сельской жизни. Между тѣмъ преосвященный приказалъ своему келейнику принести изъ его кареты все, что̀ въ ней находилось по части выпивки и закуски; а послѣ этого, снявъ съ себя рясу, сказалъ моему родителю: „Сними свою и ты, кумъ; здѣсь церемониться не кстати, мы въ гостяхъ у батюшки". Затѣмъ началась чисто родственная бесѣда, которую родитель мой съ удовольствіемъ часто вспоминалъ въ продолженіе всей своей жизни. Кушай, кумъ, такъ говорилъ старикъ, отецъ преосвященнаго, угощая моего родителя. Названіе моего родителя архіерейскимъ кумомъ, на долго сохранилось въ дружескихъ компаніяхъ.

О преосвященномъ Іоаннѣ сверстники его разсказываютъ, что когда онъ былъ еще семинаристомъ, его называли „Мишкою Горячимъ", потому что онъ былъ весьма задоренъ и часто вступалъ въ поединокъ съ такими товарищами, которые окончательно ему были не подъ силу, какъ на примѣръ съ Іоасаѳомъ Некрасовымъ, который сдѣлался впослѣдствіи протодіакономъ, а по голосу и умѣнью въ служеніи и пѣніи знаменитѣйшимъ. Этотъ Іоасаѳъ, учась въ семинаріи, былъ въ тоже время и архіерейскимъ пѣвчимъ; а вѣдь извѣстно, что пѣвчіе всегда пользовались особымъ архіерейскимъ благоволеніемъ, поэтому они въ Семинаріи, ничего не страшась, всегда держали себя вольно и своихъ товарищей, иногда, сильно обижали; но Мишка горячій, не смотря на свою малосильность въ сравненіи съ Іоасаѳомъ, ни въ чемъ ему не уступалъ, и по этому иногда даже вынуждалъ Іоасаѳа

убѣгать тъ него, чтобы не получить удара сапогомъ или линейкою. Но вотъ однажды былъ такой случай, что, во время преслѣдованія, Іоасафъ побѣжалъ по лѣстницѣ сверху внизъ, и въ тоже время, незамѣтнымъ образомъ для преслѣдователя, успѣлъ вынуть одну изъ ступеней лѣстницы, гдѣ будущій архіерей упалъ и сильно расшибся, послѣ чего Іоасафъ и сдѣлался для него величайшимъ врагомъ. Хотя, можетъ быть, этотъ случай и не могъ быть вспомянутъ преосвященнымъ Іоанномъ въ то время, когда онъ уже прибылъ на Нижегородскую каѳедру, однакоже протодіаконъ Іоасафъ, въ свою очередь, этого не забылъ, и по этому при первомъ же представленіи преосвященному высказался ему такъ: „Не помяни, преосвященнѣйшій владыко, поступка моего юношества“. Преосвященный на это разсмѣялся и сказалъ, что мы теперь съ тобою уже не школьники и драться уже не будемъ, и это самое наглядным образомъ выразилось тѣмъ, что протодіаконъ Іоасафъ сдѣлался для преосвященнаго любимымъ и всегда желаннымъ его гостемъ.

Съ поступленіемъ преосвященнаго Іоанна на Нижегородскую каѳедру, въ родную мѣстность, на первыхъ порахъ, нѣкоторыя лица предполагали, что онъ выкажетъ себя пристрастнымъ къ своимъ родственникамъ и такимъ образомъ постарается ихъ отъ всѣхъ отличить, и не въ примѣръ прочихъ облагодѣтельствовать. Однакоже этого не случилось, и во все время управленія имъ здѣшнею епархіею онъ не только какого нибудь зауряднаго родственника, какъ напримѣръ кума своего, моего родителя, или другихъ подобныхъ ему, ничѣмъ не отличилъ и не возвысилъ, но даже своего отца и родного брата, священника села Азрапина, Лукояновскаго уѣзда, Ивана Степановича Доброзракова, оставилъ безъ всякаго отличія на прежнихъ ихъ мѣстахъ.

Доброта и великій умъ преосвященнаго Іоанна пріобрѣли общую любовь и уваженіе къ нему Нижегородцевъ, съ которыми онъ и находился въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Бывало, ни одинъ публичный обѣдъ не былъ устраиваемъ дворянскимъ обществомъ, на который не былъ бы приглашенъ преосвященный Іоаннъ. Вмѣстѣ съ нимъ для бо́льшаго эфекта, приглашались еще нѣкоторые изъ заслуженныхъ протоіереевъ. И вотъ однажды на подобномъ обѣдѣ, устроенномъ по случаю окончанія дворянскихъ выборовъ, произошелъ курьезный случай. Выборы на этотъ разъ были закончены на послѣднихъ дняхъ сырной недѣли, а обѣдъ устроенъ на первой недѣли великаго поста, для дворянъ изъ кушаньевъ скоромныхъ, а для духовенства изъ постныхъ. Однакоже, при самомъ обѣдѣ, офиціантами кушанья были перепутаны, и духовнымъ, вмѣсто постнаго, было подано скоромное. Преосвященный, разумѣется, не могъ знать, что это такъ произошло по ошибкѣ офиціантовъ; поэтому, благословивъ кушанья, онъ началъ и кушать ихъ. По примѣру его тоже сдѣлали и всѣ прочія духовныя лица, кромѣ впрочемъ одного протоіерея Варваринской церкви Андрея Соколовскаго. А ты что, отецъ Андрей, не кушаешь? спросилъ преосвященный этого протоіерея. Да вѣдь нынѣ постъ, ему отвѣтилъ тотъ. А ты подумалъ, что я

это и забылъ, сказалъ преосвященный, и больше ему тутъ ничего не высказалъ; но послѣ, у себя на дому, куда нарочно былъ призванъ означенный протоіерей, онъ такую задалъ ему бучку, что тотъ и нечаялся какъ уйти отъ него. Вѣдь насъ пригласили на обѣдъ, сказалъ преосвященный, и мы должны были ѣсть все, что̀ намъ предложили, а если бы отъ предложеннаго отказались, тогда этимъ мы обидили бы все дворянское общество.

Наконецъ, послѣ девяти или десятилѣтняго управленія преосвященнымъ Іоанномъ Нижегородскою епархіею, наступило время и разлуки съ нимъ по случаю назначенія его въ архіепископа Новочеркасскаго. А когда ему привелось ѣхать къ новому мѣсту назначенія чрезъ г. Арзамасъ, гдѣ въ то время въ Духовномъ Училищѣ обучались его крестники, мои братья, тогда они возымѣли смѣлость явиться къ своему крёстному для полученія отъ него на прощаніе благословенія. Высокопреосвященный принялъ ихъ весьма ласково, и послѣ разныхъ вопросовъ, касающихся ученія, благословилъ ихъ и при прощаніи далъ имъ по 3 р. серебромъ каждому.

Съ поступленіемъ вмѣсто означеннаго архипастыря на Нижегородскую каѳедру преосвященнаго Іакова, родитель мой былъ возведенъ имъ въ санъ протоіерея, съ перемѣщеніемъ изъ с. Мамлѣева въ г. Горбатовъ, а впослѣдствіи уже преосвященнымъ Нектаріемъ былъ назначенъ настоятелемъ ко вновь выстроенной въ Н. Новгородѣ Трехсвятительской церкви. Перемѣщенъ былъ также къ Нижегородской Петропавловской (кладбищенской) церкви и Кудеяровскій священникъ С. И. Покровскій.

Въ 1853 г. началась Крымская война, окончившаяся для Россіи, какъ извѣстно, несчастнѣйшимъ образомъ; но за то послѣдствіемъ ея было во-первыхъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, а потомъ разныя преобразованія, какъ въ административной, такъ и судебной частяхъ. Открылись земскія учрежденія, гласный судъ и установлена всесословная воинская повинность. Однимъ словомъ, Россія вступила на широкій путь обновленія. Фабричное и ремесленное производство, а также и торговля стали сильно разширяться. Строились: пароходы, желѣзныя дороги и телеграфы, а также вновь открывались разнаго вида учебныя заведенія, и такимъ образомъ просвѣщеніе усиливалось, вмѣстѣ съ распространеніемъ и литературы, и грамотность стала развиваться даже въ селеніяхъ между крестьянъ. Однако же, по случаю увеличивающагося въ ихъ средѣ народонаселенія, сталъ ощущаться большой недостатокъ въ землѣ, а въ тоже время съ распространеніемъ фабрикъ, пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ, для которыхъ въ весьма большихъ размѣрахъ безпощадно уничтожались лѣса, послѣдовало сильное обмеленіе рѣкъ, породившее за тѣмъ засухи и частые неурожаи хлѣбовъ. Вслѣдствіе чего цѣны на все сильно увеличились, и жизнь въ экономическомъ отношеніи сдѣлалась дорогою; поэтому многіе изъ крестьянъ обратились къ отхожимъ промысламъ по городамъ, и преимущественно на фабрики, доставлявшія имъ болѣе выгодныя средства, чѣмъ занятіе хлѣбопашествомъ, отчего въ городахъ сильно развился пролетаріатъ, со всѣми присущими ему порочными послѣдствіями: сквернословіемъ, распутствомъ,

пьянствомъ, буйствомъ, воровствомъ, и даже грабежемъ. Тунеядство, а затѣмъ и нищенство съ своими весьма назойливыми и грубыми, а иногда даже и дерзкими, выпрашиваніями, распространились повсемѣстно. Къ нимъ тоже въ большихъ размѣрахъ присоединились еще сборщики церквей и монастырей, по случаю сильно развившейся страсти заводить при церквахъ большіе колокола и комфортно устраиваться на счетъ доброхотныхъ дателей, и вслѣдствіе этого произошло то, что при церквахъ сдѣлалось даже весьма труднымъ пробиваться чрезъ всю эту ораву назойливыхъ джентльменовъ, а по улицамъ и шагу нельзя ступить, чтобы ихъ не встрѣтить. Въ самыхъ селеніяхъ, между осѣдлыхъ крестьянъ, религіозность и вообще нравственность сильно понизились: пьянство развилось въ большихъ размѣрахъ, послушаніе младшихъ старшимъ окончательно прекратилось, и на сельскихъ сходахъ не стало уже слышно одобрительныхъ словъ младшихъ на мнѣнія стариковъ, какъ это было прежде, а напротивъ того даже съ дерзостію стали уже возражать старикамъ такъ: „ты, дѣдушка Макаръ, изъ ума ужъ выжилъ, поэтому и баишь не ладно". Даже и дѣти мало стали почитать и повиноваться своимъ родителямъ, отъ чего усилились семейные раздѣлы, пагубно отразившіеся на экономическую жизнь, такъ какъ извѣстно, что у единичныхъ лицъ всякая работа идетъ медленнѣе и гораздо хуже, чѣмъ въ компаніи у нѣсколькихъ лицъ. Однимъ словомъ, во всемъ произошелъ сильный разладъ.

Не лучше дѣла пошли и въ другихъ слояхъ общества. Юношество окончательно вышло изъ родительскаго повиновенія и начальническаго послушанія, сильно стремясь все устроить по своему произволу. Кромѣ того вездѣ и во всемъ замѣчается сильная безурядица. Ложь, обманъ, самоубійства, грабежи и въ весьма широкихъ размѣрахъ хищничества сдѣлались обычнымъ явленіемъ. Всѣ эти явленія кажутся весьма странными при томъ соображеніи, что они происходятъ именно при постоянно усиливающемся въ Россіи просвѣщеніи, отъ котораго, какъ извѣстно, люди должны бы быть въ поступкахъ своихъ болѣе облагороженными и самые ихъ нравы смягченными.

А вотъ еще произошли въ Россіи странности и относительно температуры, сильно измѣнившейся противъ прежнихъ годовъ. Прежде въ здѣшней мѣстности очень часто зимою доходили морозы по Реомюру до 40 градусовъ, а начиная съ восемьдесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія, морозы сильно ослабли, доходя не болѣе какъ до 25 градусовъ; а напротивъ того въ южныхъ губерніяхъ температура сильно понизилась. Не имѣетъ ли это обстоятельство связи съ повсемѣстнымъ распространеніемъ желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, служащихъ хорошимъ проводникомъ электричества, и такимъ образомъ не служитъ ли уравненіемъ и температуры? Но этотъ предметъ весьма мудреный, который разрѣшится можетъ только людьми знающими, а мнѣ же самому совсѣмъ не под-силу.

В. И. Глоріантовъ.

Нижній-Новгородъ.

сящіяся ко времени послѣ-Петровскому. Н. И. Чечулинъ помѣстилъ въ настоящей книгѣ „Старины и Новизны“ большую, толковую, очень занимательную записку о Сибири, составленную въ 1848 г. Авраамомъ Пальмеромъ для президента С. Американскихъ Штатовъ. Между прочимъ безпристрастный иноземецъ хвалитъ мѣры нашего правительства относительно ссыльныхъ. „Для наказанія преступника и даже для исправленія его Сибирь—наилучшее исправительное мѣсто во всемъ мірѣ“. Если ссыльный не приговоренъ къ работѣ въ рудникахъ, то ему даютъ участокъ земли, домъ, лошадь, двухъ коровъ, земледѣльческія орудія и на первый годъ провизію. Три года онъ свободенъ отъ податей, а въ слѣдующіе десять лѣтъ вноситъ только половину полной суммы. Такимъ образомъ, страхъ худшаго и надежда на покой и за будущность предохраняютъ его отъ новаго преступленія, онъ уже боится потерять вторично свой домъ, чтобы не попасть въ рудники, въ работу тяжкую. „Такова родительская заботливость правительства о своихъ чадахъ, впавшихъ въ преступленія не важныя“. Такъ и вспоминаются стихи Пушкина? „Тому кого караетъ явно, онъ втайнѣ милости творитъ“.

Императору Александру Александровичу посвящены двѣ статьи объ отношеніяхъ его къ академику Я. К. Гроту и воспоминаніе князя Донскаго монастыря архимандрита Іеронія. Записка Пальмера, найденная въ Русскомъ переводѣ въ бумагахъ графа В. А. Перовскаго, и доселѣ не утрачиваетъ своего значенія.

К. Я. Гротъ сдѣлалъ для XI-й книги въ переводѣ съ Французскаго извлеченіе изъ однообразныхъ дневниковъ И. И. Козлова. Тутъ много повтореній одного и того же; но передъ читателемъ рисуется, можно сказать, академія любителей поэзіи. Вѣщій слѣпецъ умѣлъ привлекать къ себѣ лучшихъ людей, и посреди ихъ благодѣтельнымъ геніемъ является Жуковскій.

Характеренъ отзывъ его Якову Карповичу, когда тотъ утѣшалъ его по поводу изъ Ниццы вѣстій объ умиравшемъ старшемъ братѣ: „Нѣтъ, я ужъ вижу, что нѣтъ надежды; всѣ придворные страшно перемѣнили свое обращеніе со мною и начали за мной ухаживать“. И только что вышедъ изъ отрочества, и въ послѣднее свое путешествіе по Россіи оставался онъ все тотъ же, искренній, цѣльный, надёжный.

И неизмѣненъ жизни новой
Дошелъ къ таинственнымъ вратамъ
Какъ Волги валъ бѣлоголовый
Доходитъ цѣлый къ берегамъ.

Краткое описаніе новаго владѣнія Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея имени Императора Александра III въ городѣ Москвѣ, составленное П. И. Щукинымъ.

Изданіе Отдѣленія Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея имени Императора Александра III Музея. П. И. Щукина.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1906 года.

(Годъ 44-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1906 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Москвѣ, Петербургѣ Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книжекъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

О неполученіи какой либо книги «Русскаго Архива» покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

Перемѣняя адресъ на новый, надо высылать прежній. За перемѣну адреса городскаго на городской и иногородняго на иногородный—30; при перемѣнѣ же городскаго на иногородный—90 к. (по цѣнамъ Почтамта)

☞ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, кромѣ дней праздничныхъ отъ 12 до 6 часовъ. Для переговоровъ съ издателемъ по Четвергамъ отъ 2 до 5 часовъ.

Отдѣльныя книжки «Русскаго Архива» годовъ можно получать по 1 рублю.

Московскіе подписчики 1906 года, покупая вмѣстѣ и весь 1905 годъ, платятъ вмѣсто 18 руб.— 17 руб.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ Петръ Бартеневъ.

«РУССКІЙ АРХИВЪ» БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ 1907-мъ ГОДУ.

(45-й годъ изданія).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1906

12.

„РУССКІЙ АРХИВЪ“ БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ ВЪ 1907 ГОДУ НА ПРЕЖНИХЪ УСЛОВІЯХЪ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,

на Страстномъ бульварѣ.

1906.

Изданіе Великаго Князя Николая Михаиловича. Русскіе портреты XVII и XIX столѣтій. Томъ II-й, выпускъ 3-й. С.-Пб. въ большой листъ (съ Французскимъ переводомъ).

Портретная многочисленная выставка въ великолѣпныхъ залахъ Таврическаго дворца въ Петербургѣ (обреченнаго нынѣ на служеніе иного рода) и „Русскіе Портреты", на прекрасное изданіе которыхъ полагаетъ свой трудъ и достояніе Великій Князь Николай Михаиловичъ, суть явленія однородныя и полныя смысла историческаго. Въ то самое время, какъ отходятъ въ глубину прошедшаго бытъ и обстановка, среди которыхъ жили и дѣйствовали изображенныя въ портретахъ лица, они почтительно сберегаются для будущаго. Вѣка прошли, и народы исчезли съ лица земного, а Юлій Кесарь, Августъ, Сократъ и другіе представители классическаго міра живы въ уцѣлѣвшихъ отъ всесокрушающаго времени изваяніяхъ. Точно туже услугу оказываетъ исторіи и живопись. Въ высокомъ желаніи передать черты свои потомству сказывается безсознательное стремленіе къ безсмертію. Его Императорское Высочество какъ бы отвѣчаетъ призыву поэта:

... Пристойную могилу,
Какъ успетъ онъ, предку дай.

Въ новомъ выпускѣ этого удивительнаго по изяществу изданія помѣщено 52 портрета, каждый съ жизнеописаніемъ изображеннаго лица, а именно.

Анна Павловна вел. кн.
Анна Ѳедоровна вел. кн.
Будбергъ А. Я. баронъ.
Двое князей Гагариныхъ.
Двое князей Голицыныхъ.
Долгорукій Ю. В. кн.
Елисавета Алексѣевна имп.
Каподистрія. гр. И. А.
Красинскій гр. В. И.
Крыловъ И. А.
Пятеро Муравьевыхъ.
Четверо Муравьевыхъ-Апостоловъ.
Семеро Орловыхъ.
Панина гр. М. Р.
Трое гр. Потоцкихъ.
Поццо-ди-Борго гр. К. А.
Пушкинъ А. С.
Четверо Раевскихъ.
Двое Рибасовъ.
Рожнецкій А. А.
Самойлова гр. Е. С.
Семеро Чернышевыхъ.
Шаховской кн. И. Л.
Шереметева гр. А. П.
Двое Шуваловыхъ.

Выборъ, очевидно, случайный. Жизнеописанія тоже не равны. Одни очень кратки; а въ другихъ, которымъ можетъ быть посвящена цѣлая статья или даже книга, удивляешься умѣнью на одной страницѣ дать все существенное. Нѣкоторыя жизнеописанія содержатъ въ себѣ показанія вполнѣ новыя или доселѣ неизвѣстныя въ печати.

*

Pou domo sua. Стороженки. Фамильный архивъ. Томъ второй. Кіевъ, 1906. Большая 8-ка. IV, 714 и 2 нен. стр. съ 8 превосходно исполненными портретами.

ЗАПИСКИ ПРИСУТСТВУЮЩАГО ВЪ СВЯТѢЙШЕМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМЪ ВСЕРОССІЙСКОМЪ СИНОДѢ *).

(Архіепископа Херсонскаго Никанора).

1890.

7 Января. Звонятъ къ обѣднѣ. Иду слушать обѣдню въ прекрасную нашу крестовую.

9 Января. Теперь остается сказать только о посѣщеніи насъ В. К. Еще въ Петербургѣ онъ обѣщалъ это посѣщеніе Одессы, предвидя, что ему придется ѣхать за границу съ В. К. Екатериною Михаиловною. Прибылъ онъ какъ разъ къ великому Одесскому празднику, ко дню ея именинъ (воспоминаніе основанія Одессы, 22 Августа); присутствовалъ при литургіи, совершенной преосв. Мемнономъ, и великолѣпномъ крестномъ ходѣ, совершенномъ нами обоими по всей Одессѣ. Замѣчательно однакоже не то, что̀ онъ видѣлъ въ Одессѣ, а то, что̀ онъ сообщилъ о Петербургѣ и Всероссійской іерархіи. Никогда онъ не былъ такъ откровененъ, какъ въ этотъ разъ. Онъ коснулся почти всѣхъ архіереевъ. Не знаю, кого мы позабыли. На этотъ разъ я дерзалъ предлагать и кое-какіе вопросы, впрочемъ общаго качества, напр.: «а такой-то архіерей?» Многое уже позабылъ; помню крупнѣйшее, но не все можно довѣрить бумагѣ. О Харьковскомъ богослуженіи отзывался не очень-то лестно. Объ особѣ преосв. Павла я спросилъ и получилъ самый лестный изъ всѣхъ отзывъ: «онъ умный, его въ Казани полюбили и любятъ». Кстати: вчера нашъ о. ректоръ (М. Ф. Чемена), имѣющій у себя учениковъ и изъ Грузіи, сказывалъ мнѣ, что преосв. Павла начинаютъ оцѣнивать въ самой Грузіи, и обратно оцѣнивать и настоящаго экзарха. Кіевомъ, особенно упадкомъ богослуженія, крайне недовольны.

Кстати: Н. А. Новосельскій на дняхъ сказывалъ мнѣ, что въ послѣдніе дни онъ заходилъ къ новому Кіевскому генералъ-губернатору; тотъ говорилъ ему: «К. П., конечно, недоволенъ мною за то, что я ему до-

---

*) См. выше, стр. 321.

кучаю. Докучаю о митрополитѣ: все запускаетъ, а викаріямъ ничего не довѣряетъ, все хочетъ дѣлать самъ и объ одномъ архіереѣ».

Я прервалъ было писаніе этихъ записокъ, чтобъ отвѣтить на неотложный запросъ владыки митрополита Кіевскаго. Между прочимъ онъ пишетъ: «Можетъ быть, вы недоумѣваете, почему я такъ долго не ѣду въ Петербургъ? Въ объясненіе сего скажу вамъ, что въ прошедшемъ году удерживало въ Кіевѣ меня нездоровье отъ простуды, а теперь задерживаетъ исполненіе одного порученія, даннаго мнѣ свыше. Впрочемъ въ половинѣ Января предполагаю отправиться въ столицу». Конечно безплодно гадать, какое бы это было порученіе. Думаю, не отвѣтилъ-ли Кентерберійскій архіепископъ на посланіе владыки-митрополита чрезъ оберъ-прокурора и не идетъ ли дѣло о соединеніи церквей. Суетное предпріятіе.

31 Января. Дѣло оказалось проще. Великая Княгиня, Кіевская отшельница построила цѣлый монастырь, возвела множество зданій, потратила повидимому сотни тысячъ, а платить нечѣмъ. Вотъ, владыкѣ-митрополиту свыше и поручено, по возможности, уладить это дѣло *).

Да, забылъ. 14 Января, во время литургіи, поспѣшно, генераломъ Лагоріо принесено намъ въ церковь, въ алтарь, извѣстіе о внезапной кончинѣ Ѳедора Ѳедоровича Радецкаго, героя послѣдней восточной войны. Мы тутъ же помянули его за панихидою, которую служили за Пантелеймоновскаго на Аѳонѣ игумена Макарія. 15 Января служили въ 12 часовъ панихиду на дому. Похороны были въ Среду 17.

27 Февраля. Подумываю начать «Записки умирающаго», но пока еще не начинаю. Смерть, повидимому, уже оскаливаетъ на меня свои зубы, въ видѣ желудка, который отказывается принимать обыкновенную пищу. Это уже съ прошлой осени, съ начала Сентября. Теперь въ первую и вторую недѣли пошло дѣло, ускакало настолько, что я не имѣю отъ болей желудка ни минуту покоя ни днемъ, ни ночью. Врачи выразились знаменательно: «вы сами видите, что лѣчиться вамъ необходимо», и посадили меня на дѣтскую пищу, буквально чуть не на соску. Такъ и живемъ, пока Богу угодно. А что̀ дальше будетъ, то увидимъ. Въ половинѣ седьмаго десятка лѣтъ не думается, чтобъ этотъ мой старый недугъ, нажитый десятками же лѣтъ усидчивой умственной жизни, чтобы теперь онъ прошелъ окончательно. Много, что̀ будетъ маленько попускать. И я выхожу невольнымъ постить, хоть и нестрого, по церковному уставу. Что̀ дѣлать! На консиліумѣ врачъ Грязновъ говоритъ: «Хорошо еще, что вы не унываете. Обыкновенно больные этого рода болѣзнью падаютъ духомъ и становятся крайне мнительны,

*) Удѣльнымъ вѣдомствомъ все было уплачено. П. Б.

крайне боязливы ко всему». А я ему на это: «Не знаю, чего же бояться. Вѣдь, въ самомъ худшемъ исходѣ можетъ быть только смерть. А смерть въ половинѣ седьмаго десятка, что же тутъ удивительнаго? Самое естественное, неизбѣжное явленіе».—«Ну, не всякій такъ глядитъ на вещи».

Сегодня такое свѣтлое весеннее утро, и мнѣ даже весело, свѣтло на душѣ. Что же? Пожито, и пожито довольно. Радостей мало видѣлъ на своемъ вѣку; но это была вольная воля, которая съ раннихъ лѣтъ обрекла на хмурую монашескую жизнь. За то теперь не смущаютъ вопли жены и непристроенныхъ дѣтей. Теперь умирать бы еще спокойнѣе, если бы совсѣмъ таки не было кого пожалѣть; точнѣе, если бы не оставалось людей, которымъ придется пожалѣть о насъ.

10 Мая. Вознесенье. Воротился изъ поѣздки по епархіи. Коекакъ съ грѣхомъ пополамъ проѣздили. Здоровье плохо и за поѣздку не поправилось. Вообще обрисовывается одинъ конецъ, которымъ заканчивается немощная старость.

29 Мая. На Большомъ Фонтанѣ, на морскомъ берегу. Новость не-газетная одна, что здоровье не поправляется, несмотря на гомеопатическое лѣченіе, на свѣжій воздухъ, даже на морскія нагрѣтыя ванны.

4 Іюля. Св. Григорьевскій Бизюковъ монастырь. Сегодня исполнилось 19 лѣтъ моего архіерейства. Не скажу, что здоровье мое лучше. Такъ себѣ. Скорѣе недомогаю. Жара дѣйствуетъ разслабляющимъ образомъ. Вчера началъ купанье на Днѣпрѣ. Выношу. Вода хороша. А вѣтеръ нѣсколько досаждаетъ.

10 Іюля, Воскресенье. Сегодня я служилъ въ каѳедральномъ соборѣ. Не зналъ, что присутствуютъ два Саратовскихъ священника, Левъ и Елпидифоръ Владыкины, оба мои ученики по Саратовской семинаріи, изъ первыхъ курсовъ. Левъ, вѣроятно, кончилъ въ 1860 году, а Елпидифоръ въ 1862 году. Левъ сѣдъ больше меня самого. Левъ былъ при мнѣ въ семинаріи запѣвалою. Хорошо знаетъ хоровое и всякое церковное пѣніе. Отзывались о нашемъ богослуженіи съ восторгомъ, какъ о небываломъ: «это торжество, это торжество», да и я того мнѣнія, что не вездѣ наше богослуженіе отыщешь. «На всемъ виденъ рѣзецъ художника. Извините» и т. д.

15 Іюля. Св. Григорьевъ монастырь на берегу Днѣпра. Здоровье не поправляется. А повидимому, даже не настойчивыя занятія утомляютъ.

Сегодня осматривалъ Парижскій докторъ Каравья; говоритъ, что кромѣ расширенія желудка ничего нѣтъ. Рекомендуетъ постоянное растираніе спиртомъ и молочное лѣченье; могутъ вылѣчить не лѣкарства, а только діета.

17 Августа. Большой Фонтанъ. Здоровье почти хуже. Разстройство желудка. Появился отекъ въ ногахъ. Бизюковъ мало помогъ. 6-го

отслужили торжественно, соборомъ четырехъ архіереевъ (я, преосв. Николай, Мемнонъ и Аркадій Аккерманскій), усталъ я сносно. Но 15-го, отслуживъ обѣдню въ Успенской, усталъ и изнемогъ тяжело.

24 Августа. Успенскій монастырь на Большомъ Фонтанѣ. Вчера пріобрѣтенъ и пущенъ въ ходъ бандажъ, такъ какъ стали обнаруживаться боль и опухоль въ пахахъ. Одно къ одному. Болѣзненная старость катитъ къ намъ на почтовыхъ. Это была болѣзнь моего родного дѣда, священника Петра Павловича Бровковича.

12 Сентября. Уже городская квартира. Здоровье все хуже. Слабость больше. Рѣшено ѣхать въ Харьковъ къ Оболенскимъ. Сегодня отправлено письмо къ Амвросію, архіепископу Харьковскому. Поправляемся изъ кулька въ рогожку. Сегодня предлагаютъ лѣчиться.... какимъ-то волшебствомъ, подъ именемъ электро-гомеопатіи.

Эпилогъ.

23 Окт. 1890.

Хочу записать, какъ я ѣздилъ въ Москву къ Захарьину и какъ пріѣзжалъ къ намъ въ Одессу В. К. Саблеръ.

Ходъ моей болѣзни, повидимому предсмертной, таковъ. Желудокъ у меня сыздавна уже изнемогалъ. Лѣтъ 30 я страдалъ отрыжками, обильными изверженіями черезъ горло желчи и слизей, какъ и остатковъ неудобоваримой пищи. Почему отъ многихъ яствъ я уже давно отказался. Я думалъ, да и говорилъ, что у меня разовьется недугъ «мизерере». Въ тоже время я много лѣтъ страдалъ выдѣленіемъ кислотъ изъ желудка. Для укрощенія кислотъ я много лѣтъ, начиная съ Казанскаго моего жительства, поглощалъ порошокъ соды; въ Новочеркасскѣ я замѣнилъ его Ессентукскою солью, а въ Уфѣ порошкомъ Виши, который истощалъ до Пасхи настоящаго года. Въ тоже время, постоянно занимаясь учеными и всякими предметами, требующими напряженія головы и страдая приливами крови къ головѣ, стомаха ради и частыхъ желудочныхъ недуговъ, въ подкрѣпленіе я не употреблялъ ни водки, ни подъ какимъ видомъ, ни пива ни подъ какимъ видомъ, ни даже вина. Вино пилъ по временамъ, для препровожденія времени и въ великіе праздники, урывками; но регулярно не пилъ никогда. Такимъ образомъ оставлялъ слабость желудка при полной свободѣ развиваться безъ преграды.

25 Октября 1890 г. Сегодня я исповѣдовался предсмертною исповѣдью и соборовался.

Продолжаю. Лишь только я прибылъ въ Одессу, въ 1884 году, взятый мною докторъ, который лѣчилъ и покойнаго архіепископа Ди-

митрія, Мочутковскій освидѣтельствовавъ меня всесторонне, констатировалъ у меня расширеніе желудка. Онъ принялся было и лѣчить меня сряду же отъ желудка, для чего сталъ было давать мнѣ пепсинъ, желудочную кислоту и воду Виши́. Но я все это скоро отвергъ, такъ какъ это лѣченіе измѣняло во мнѣ всю экономію желудочныхъ отправленій и возбуждало во мнѣ другую раздражительную систему, уринную. Сверхъ того, тогда мнѣ приходилось лѣчить постоянно дыхательные пути и возиться съ нервами, свѣтобоязнью и сердцемъ. Все это теперь у меня прошло: горло не болитъ, свѣтобоязни почти нѣтъ, и біеніе сердца прекратилось. Даже появилась нѣкоторая возможность лежать на лѣвомъ боку, чего я много лѣтъ всесовершенно не могъ: сейчасъ останавливалось сердце и затекала голова. Такъ дѣло длилось до вызова въ Петербургъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ.

Въ Петербургѣ пошла перестановка. Горло переставало и перестало болѣть совсѣмъ. Слабость сердца продолжалась. Но сталъ развиваться недугъ недомоганія желудка. У всей моей свиты появился тотъ же недугъ, недомоганіе желудка. Я обратился, не мудрствуя лукаво, за совѣтомъ къ доктору Митрофаньевскаго подворья, на которомъ мы жили, Пономареву. И тотъ прописалъ мнѣ противъ живота микстуру «Nux vomica» и т. д. Лекарство оказалось удачно, и я почти не покидалъ его во всѣ два года пребыванія въ Петербургѣ. Да еще не переставалъ употреблять свое стародавнее Виши́ въ видѣ порошка. Сталъ я замѣчать, что меня утомляютъ двухчасовыя Синодскія засѣданія, особенно во второй годъ присутствованія въ Синодѣ. Сталъ замѣчать, что меня нервно утомляетъ непривычная для меня манера мышленія ушами, а не глазами. Цѣлый вѣкъ я мыслилъ глазами: бумага передъ носомъ; сейчасъ, переворачивая ее, сообразишь, въ чемъ начало дѣла, продолженіе и конецъ; а въ Синодѣ слушай напряженно получасовой, часовой докладъ: для тебя не остановятся, повторять не станутъ; соображай по памяти, съ чего дѣло началось, чѣмъ продолжалось и какъ вяжется съ концомъ, чтобы составить въ головѣ опредѣленное мнѣніе для рѣшенія. Это меня утомляло и отражалось на тяжкомъ недомоганіи желудка, отчего я поднимался и становился за кресломъ, возилъ въ карманѣ порошки Виши́ и тайно клалъ ихъ въ ротъ. Но и тутъ сталъ замѣчать, что они не помогаютъ. А нужно было поскорѣе отдѣлаться, сѣсть въ карету на свѣжій воздухъ и по прибытіи домой съ полчаса гулять по комнатамъ, а потомъ уже садиться обѣдать. Не менѣе, если еще не болѣе, утомляли меня вечернія засѣданія у митрополита Московскаго и оберъ-прокурора, особенно послѣднія, продолжительныя, со многими чтеніями, въ тяжелой духотѣ.

Сталъ замѣчать также, что мнѣ начинали становиться антипатичны умственныя занятія. Между тѣмъ, кромѣ обычныхъ текущихъ занятій, К—нъ П—чъ и В-ръ К-чъ продолжали заваливать меня учеными порученіями. Не хотѣлось мнѣ, вынужденъ былъ писать «Воззваніе братьямъ Славянамъ». Тамъ Владимиръ Соловьевъ представилъ вздоръ о подчиненіи Россіи папамъ; напиши, молъ, отвѣтъ. Тамъ настоятельно самъ владыка Литовскій и В. К. зовутъ въ Вильну, на праздникъ Уніи, въ тѣхъ же видахъ, чтобы я написалъ и сказалъ что-либо. Это послѣднее писалъ, уже выѣзжая изъ Петербурга, среди множества заботъ. Уже чувствовалъ, что мнѣ тяжело... Но пока еще было сносно.

Дурно я почувствовалъ себя именно въ Вильнѣ. Вотъ что. Впрочемъ и въ Петербургѣ я уже чувствовалъ антипатію къ обѣдамъ. Эта духота, этотъ шумъ, даже видъ этихъ обильныхъ яствъ, особенно же соленыхъ и рыбныхъ закусокъ, дѣйствовали на меня дурно, возбуждая просто тошноту. На меня прогнѣвались, когда я уѣхалъ отъ большого обѣда въ Академіи. Профессорство на мой счетъ острило: «пожалѣлъ-де хорошей рясы, которую надѣлъ», что̀ было и правда. Надѣлъ хорошую голубую рясу, потому что зналъ, что отъ обѣда уклонюсь. На первомъ обѣдѣ, который я выдержалъ въ Петербургской Академіи, у меня просто голова закружилась отъ этого прескучнаго, безпрерывнаго говора, въ которомъ каждый участникъ воображалъ, что изрекаетъ геніальныя вещи. Около меня посаженъ былъ М. О. Кояловичъ, который безпрерывно трещалъ мнѣ на ухо, приставляя кончикъ своего носа къ самому моему носу, что̀ всегда дѣйствуетъ на мои нервы нехорошо, такъ что я всегда отъ такого собесѣдника отодвигаюсь. А тутъ и отодвинуться было некуда, такъ что я, утомленный этимъ обѣдомъ, тутъ же почувствовалъ, что нужно подобнаго не повторять. Отжилъ, хотя и мало живши. Съѣлъ всѣ свои обѣды, хотя и мало ихъ ѣлъ.

Въ Вильнѣ, на праздникѣ 50-лѣтія Уніи, владыка Алексій приготовился на славу. Это многодневное угощеніе многихъ и знатныхъ гостей, особенно же великолѣпными рыбными яствами, стоило ему не сотень, а тысячъ рублей. Все выписано было изъ Москвы: рыба, вина, закуски, фрукты, чуть ли не самые офиціанты. Въ первый день ѣдемъ на обѣдъ въ Тринаполь. Обѣдъ совсѣмъ парадный, подъ предсѣдательствомъ митрополита Платона. Кушавшихъ бояръ оказалось 18 желудковъ. Я занимался больше старцемъ владыкою Платономъ, его угощеніемъ, чѣмъ угощеніемъ самого себя. А надо замѣтить, что послѣ этого въ цѣлый день не приведется положить въ животъ ни крошки: чужіе люди всѣ въ Тринаполѣ, а ночевалъ я въ Вильнѣ. Чай пилъ на ночь, подъ полночь, послѣ весьма продолжительной заупокойной всенощной. Гдѣ и какъ я завтра обѣдалъ, не помню; должно быть, въ томъ же

Тринаполѣ, и такъ же, какъ и вчера, т.-е. остался впроголодь, не имѣя возможности глотать большую часть выставленныхъ великолѣпныхъ яствъ. За то въ этотъ день, для меня роковой день 7-го Іюня 1889 года, у меня рѣзко обозначилось то недомоганье желудка, которое по дальнѣйшимъ опытамъ оказалось у меня глухо-болѣзненнымъ ощущеніемъ голода, чего однакоже я тогда не понималъ. Болѣзненное ощущеніе сказалось такъ рѣзко, что я не могъ найти себѣ покоя, ни стоя, ни сидя, и, чего со мной никогда не бывало, не достоялъ нашей 5-ти часовой всенощной и вынужденъ былъ уйти, чтобы согрѣть свой страждущій желудокъ пустымъ чайкомъ подъ самую полночь. А завтра предстояли новые труды съ утра до ночи. Назавтра прошли со славою въ соборъ. Дождались крестнаго хода. Отслужили наиторжественнѣйшую обѣдню. Выслушалъ я, сидя, некороткую, болѣе чѣмъ оригинальную проповѣдь старца. Отслужили на площади молебствіе. Выдержали торжественнѣйшій ходъ со славою, при чемъ массы рвались получить благословеніе старца-митрополита и задерживали шествіе. Въ гостиной торжественное чаепитіе. Торжественнѣйшій обѣдъ на 150 персонъ, съ пѣніемъ и ликами, рѣчами и длиннѣйшими многочисленными тостами. Въ 7 часовъ торжественное засѣданіе, въ которомъ мнѣ пришлось занимать предсѣдательское кресло, хотя дѣло предсѣдателя и велъ самъ владыка Алексій. Къ половинѣ засѣданія я почувствовалъ себя по вчерашнему весьма дурно, именно вслѣдствіе незаглушимаго томленія желудка. Я сталъ шептать владыкѣ Алексію, что пора кончить засѣданіе, которое грозило затянуться до полночи. Наконецъ, видя, что ничтоже успѣваю, а молва жаждущихъ произносить рѣчи Славянскихъ и не-Славянскихъ братьевъ все возрастаетъ, я поднялся за 10 часовъ и вышелъ, сопровождаемый изумленными взглядами многихъ и укоризненными взглядами самого В. К. Но я страдалъ отъ голода и оставаться не могъ. Дóма, около полуночи, я побаловалъ свой желудокъ пустымъ чайкомъ. А назавтра еще торжественнѣйшій обѣдъ у генералъ-губернатора, съ обиліемъ яствъ, въ родѣ осетровъ и стерлядей Московскихъ, какихъ мой желудокъ давно уже не выноситъ. Назавтра, утомленный и истощенный, хотя и съ свѣтлымъ настроеніемъ духа, отбылъ я изъ Вильны. Въ вагонѣ я продовольствовалъ себя тѣмъ, что̀ Богъ посылалъ, пирожками и т. п. Помню, что въ Виленской губерніи ѣлъ свѣжую землянику, вспоминая дѣтство.

Но лишь только я свалился въ знойную Одессу, лишь только свалились на меня Одесскія жары, какъ и потерялъ я разъ навсегда всякую тягу къ пищѣ. Что̀ это такое? Не хочется изъ съѣстного ничего. Ничто не говоритъ воображенію. Никакой, самый живительный запахъ не возбуждаетъ желанія съѣсть, полакомиться тѣмъ-то. Полнѣйшее от-

сутствіе ощущенія: хочется ѣсть. А «хочется пить», это остается. Такъ и до сего дня. Но этого мало. Обнаружилась тошнота въ церкви, за всенощною. Сперва бѣжитъ струя слюны изо рта, при спазмахъ тошнота въ глоткѣ; затѣмъ, отдѣляющаяся слюна густѣетъ, начинаетъ выдѣляться клоками, и затѣмъ все выдѣленіе слюны прекращается. Припадокъ кончился. Скоро такіе припадки стали повторяться ежедневно, даже по нѣскольку разъ днемъ и ночью. Этого мало. Стали повторяться припадки настоящей рвоты, но какой-то укороченной. Спазмъ тошноты бѣжитъ отъ глотки въ желудокъ, оттуда въ кишки. Весь желудокъ корчится въ мучительнѣйшихъ спазмахъ, вызывающихъ мучительные стоны. При этомъ изъ желудка выдѣляется незначительная часть слизи или пищи. Не было ни одного случая, чтобы мнѣ выворотило весь животъ до дна. Да мнѣ и извергать нечего, потому что у меня животъ уже издавна пустъ. Эти спазмы-рвоты были до такой степени напряжены, что надорвали мнѣ низъ живота и въ концѣ Августа просверлили мнѣ грыжу. А грыжа великій, тяжкій пакостникъ плоти. Боль отъ нея особенная, боль, какъ ударъ по нерву на колѣнкѣ. А бандажъ—это пытка невыносимая.

Во всѣхъ служебныхъ отношеніяхъ я былъ еще безукоризненъ. Службы Божіи выдерживалъ по примѣру прежнихъ лѣтъ, это было моею задачею. Дѣла изъ рукъ не выпускалъ. Ѣздилъ по епархіи, хотя и съ трудомъ, потому что нечѣмъ было кормиться. Кое-что и пописывалъ. Ѣздилъ на экзамены. Но приближалась пора жаровъ и страды. Троицу я выдержалъ, служилъ. Назавтра, въ Греческой церкви, среди страшной жары, отслужилъ съ трудомъ. Въ недѣлю всѣхъ святыхъ, на кладбищѣ отслужилъ только панихиду, но уже не обѣдню. Затѣмъ, къ концу Іюня отбылъ въ Свято-Григорьевскій (Бизюковъ) монастырь, надѣясь, что тамъ избуду отъ Одесскихъ жаровъ. Ошибся всесовершенно.

Да. Я забылъ сказать, какъ я перемѣнилъ систему лѣченія алопатическаго на гомеопатическое. Надо сказать, что совѣтовъ, какъ мнѣ вылѣчиться самыхъ настойчивыхъ, я получаю массу. Передъ Пасхою кругомъ меня зажужжали совѣты, что нужно обратиться къ гомеопатіи. Я близко зналъ гомеопатію съ-издавна и не считалъ ее шарлатанствомъ. Она такое же раціональное лѣченіе, какъ и алопатія, только менѣе провѣренное обиліемъ опытовъ. Тутъ, въ Одессѣ, за гомеопатію стояли совѣты высшихъ людей, генерала Роопа (весьма расположеннаго ко мнѣ человѣка), нашего лорда-мэра Маразли и другихъ. «Гомеопатія, непремѣнно гомеопатія!..» Рѣшительно же поколебало меня письмо владыки Литовскаго Алексія. Въ письмѣ, указывая на два опыта исцѣленій гомеопатіею двухъ тяжко больныхъ моею же болѣзнью, владыка Алексій умолялъ меня: «умоляю васъ обратиться къ гомеопатіи». Долго не откла-

дывая, въ Четвергъ на Пасхѣ, генералъ Роопъ прислалъ ко мнѣ доктора-гомеопата, у котораго самъ успѣшно лѣчился, который лѣчилъ Марази отъ хроническаго пораженія глазъ и вылѣчилъ и т. д. Докторъ, онъ и аптекарь, Еврей, но весьма толковый человѣкъ. Онъ мнѣ преподавалъ преподробный совѣтъ, какъ пить, питаться, лѣчиться и проч. Сталъ я лѣчиться гомеопатіею, и нѣкоторые мои старые недуги гомеопатія, какъ рукой, сняла. Это меня обнадежило и утвердило. Я сталъ, не оглядываясь вспять, держаться одной гомеопатіи. Не могла она побѣдить во мнѣ одного: тошноты, рвоты и полнаго ослабленія аппетита. Отъ истощенія лѣтомъ я доходилъ уже до того, что лежаніе становилось для меня нормальнымъ состояніемъ. Сижу, какъ занимаюсь, да и то прилегая на диванъ. А какъ пью чай, лежу; обѣдаю, лежу; бесѣдую съ близкими, лежу. Истощеніе шло прогрессивно. И вотъ мой гомеопатъ объявляетъ, что слѣдуетъ въ Одессу гомепатическая врачебная знаменитость, докторъ Бразоль, Русскій-де баринъ. Является ко мнѣ и Бразоль. Осматриваетъ меня превнимательно, разспрашиваетъ о количествѣ съѣдаемаго мною. «Ясно, говоритъ, что чаемъ жить нельзя. Необходимо вамъ помочь». Даетъ лѣкарства внутрь, даетъ мазь на животъ. Говоритъ, что если эти не помогутъ, то онъ прописываетъ и оставляетъ тому прежнему доктору Леве цѣлый режимъ лѣченія, чему я долженъ слѣдовать. Лѣкарства его не помогали; напротивъ, одно вызвало истеченіе слюны и тошноту. Съ тѣмъ я уѣхалъ въ Бизюковъ монастырь; кстати захвативъ съ собою алопатическія противухолерныя капли, прописанныя моимъ прежнимъ врачемъ, алопатомъ Мочутковскимъ.

Въ Бизюковѣ, какъ ударили Іюльскія-Августовскія жары, я пришелъ въ полное разстройство. Ѣсть ничего не хочется и нельзя. А пить хочется. Со стола не сходилъ стаканъ чая, съ краснымъ виномъ для утоленія неутолимой жажды. Какъ только положишь въ желудокъ что-либо съѣстное, сейчасъ же разстройство и такое, что казалось мнѣ дисентеріей. Выходило ясно, что желудокъ отказывается что либо поглощенное и принимать и держать. Тутъ уже алопатическое лѣченіе я все оставилъ и спасалъ жизнь единственно противу-холерными каплями. Такъ протянулось дѣло до Августа.

Къ храмовому празднику нашего собора, къ 6 Августа, я отправился въ Одессу. 6-го отслужилъ торжественно всенощную съ двумя викаріями; обѣдню служили даже четыре архіерея: на́большій, старшій викарій, преосв. Николай, младшій преосв. Мемнонъ и Кишеневскій викарій преосв. Аркадій, такой бородатый, благолѣпный старецъ. Въ праздникъ Успенія обѣдню я отслужилъ, но страшно изнемогъ; а 22 Августа, въ праздникъ основанія Одессы, и литургіи уже не служилъ, а только по частямъ участвовалъ въ совершеніи нашего торжественнаго крестнаго хода.

Надо сказать, что я говорю и повторяю, что я изнемогаю физическими, но не духовными силами. Голова свѣтитъ свѣтло и работаетъ скоро и твердо. Душевная сила изнемогаетъ потолику, поколику зависитъ отъ физической. Голова скорѣе устаетъ. Не хочется браться за умственное дѣло. А возмешься, и какъ будто забываешь, что изнуренъ и тяжко немощенъ. Работа все-таки накипаетъ. Въ такомъ состояніи лѣтомъ я писалъ о «Крейцеровой Сонатѣ». Мнѣ прислалъ ее А. И. Пономаревъ, редакторъ «Странника». Я подумалъ: не возмусь я, не возмется изъ нашихъ никто. И взялся. Уставалъ, но дѣла не покидалъ. Писалъ не менѣе недѣли времени. Пріѣдетъ, бывало, о. ректоръ. «Устаю, говорю, тяжело, а кропаю». Написалъ, сдалъ, жду, съежившись, приговора ближайшихъ. О. ректоръ говоритъ: «ничего, хорошо, только вы часто называете Толстаго сумасбродомъ». Рѣшили поправить на «юрода». Въ Бизюковѣ монастырѣ я занимался даже большимъ сочиненіемъ, давно затѣяннымъ: «О свободѣ воли», но ослабѣлъ и не одолѣлъ, хотя бумаги измаралъ и довольно. Думалъ, что оно будетъ моею «лебединою пѣснью», но не выгорѣло дѣло. Проповѣдь на юбилей города Николаева написалъ такъ-себѣ, безъ особаго труда и затѣй; но она пока выходитъ моимъ послѣднимъ и крайне сильнымъ писаніемъ, почти завѣщаніемъ. Боялся бѣдъ, но произнесъ въ присутствіи великихъ генераловъ, и сошло благополучно; а въ Россіи, въ Москвѣ отразилось очень шумно. Въ Николаевѣ на 29, на 30 Августа литургіи я не служилъ, а служилъ только всенощную наканунѣ 29-го; совершилъ крестный ходъ и панихиду 29-го; 30 совершилъ крестный ходъ и торжественное молебствіе на площади. Торжество отпраздновано прекрасно, хотя для меня и не свѣтло, потому что силы измѣняли. Въ отношеніи къ отправленію Божіихъ службъ великій пакостникъ плоти, это грыжа. Такъ защемитъ, что хоть умри на мѣстѣ. И бандажа никакъ нельзя подвязать такъ, чтобы онъ не причинялъ муки.

Послѣ юбилея въ Николаевѣ предположено было обозрѣніе епархіи, но отложено по болѣзненному состоянію. 8 Сентября я служилъ всенощную и литургію въ соборѣ еще весьма бодро; 14 Сентября также; даже крестъ воздвигалъ самолично, весьма торжественно и особенно не усталъ. Но тутъ привзошелъ вопросъ о поѣздкѣ въ Москву къ доктору Захарьину.

Я толковалъ, что не имѣю особой вѣры въ знаменитости; что въ самой Одессѣ имѣется достаточно врачей, чтобъ и здѣсь умереть по всѣмъ правиламъ искусства; что они всѣ знаютъ, что̀ знаютъ, и прилагаютъ всѣ усилія, чтобы вылѣчить, потому того требуютъ ихъ слава и выгода. И рѣшительно не думалъ ѣхать къ Захарьину, трясти послѣдніе силы и рубли. Но около меня, именно на мѣстѣ священника въ

каѳедральномъ соборѣ, имѣется мой родной племянникъ, академикъ, серьезный человѣкъ, женатый на дочери единственнаго моего роднаго брата. Этотъ одинъ разъ приходитъ и начинаетъ почти сердито: «Простите!... Да почему бы вамъ въ самомъ дѣлѣ не съѣздить въ Москву, къ Захарьину?... Мы вотъ и съ Олей толкуемъ. Почему-бы? Почему бы не успокоить, наконецъ, всѣхъ, кто принимаетъ участіе въ вашемъ серьезномъ положеніи?» Я говорю: «я не вѣрю въ авторитеты».— «Когда весь свѣтъ вѣритъ?!»—«Это трата послѣднихъ силъ».—«Поѣздка подѣйствуетъ на васъ благопріятно».—«Трата 500 рублей».—«Богъ съ ними, съ 500 руб.: жизнь дороже». И прочее. Вообще объясняется настойчиво; ясно, что рѣшилъ добиться цѣли. Я остался при своемъ. Но 14 Сентября я заѣхалъ на новоселье къ ректору Университета Ив. Ст. Некрасову. Эти мужъ и жена, благородные люди и весьма ко мнѣ расположенные, по обычаю, пристали ко мнѣ съ настояніями. Лечитесь, да лѣчитесь. «Позовите нашего доктора Дмитревскаго. Онъ мнѣ лѣтомъ помогъ. А я лѣтомъ серьезно страдалъ сердцемъ. Человѣкъ благочестивый и богобоязненный. Ну, пусть онъ васъ посмотритъ. Вреда не сдѣлаетъ».—«Хорошо, пришлите». Прислали. Этотъ первый прописалъ мнѣ кондуранго. Занялся мною весьма внимательно. Надо сказать, что онъ изъ учениковъ Боткина. Разъ толкуетъ: «да, отчего-бы вамъ въ самомъ дѣлѣ не съѣздить въ Москву, къ Захарьину?» Я говорю: «не вѣрю въ авторитеты. Ихъ дѣлаетъ случайность. Напр. вашъ Боткинъ. Ну, профессоръ; взятъ ко двору. Всякій и всякая спрашиваетъ другаго и другую: а вы совѣтовались съ Боткинымъ? Такъ, сочиняется извѣстность». На это докторъ отвѣтилъ мнѣ задумчиво: «Нѣтъ. Въ нашемъ мірѣ, какъ и вездѣ, имѣются люди, надѣленные отъ природы особою проницательностью. Вотъ противъ вашей болѣзни есть сотни лѣкарствъ; а какое изъ нихъ можетъ именно васъ вылѣчить, кто его знаетъ? Этимъ даромъ проницательности извѣстенъ былъ и Боткинъ. Еще больше славится имъ Захарьинъ. Дастъ совѣтъ, по крайней мѣрѣ поставитъ лѣченіе на твердую почву. Вы вотъ желаете ѣхать въ Харьковъ». А надо сказать, чтобы отвязаться отъ этихъ приставаній, чтобъ я ѣхалъ къ знаменитостямъ, я рѣшилъ было поѣхать въ Харьковъ, къ доктору Оболенскому, о которомъ братъ Илья изъ Сумъ писалъ, что онъ весьма цѣлесообразно вылѣчилъ подобную же болѣзнь у одной знакомой намъ обоимъ особы, направивъ лѣченіе именно на нервы, на позвоночникъ. О поѣздкѣ въ Харьковъ я сносился уже съ преосв. архіепископомъ Амвросіемъ. Но докторъ Дмитревскій поколебалъ меня: «Поѣдете вы въ Харьковъ къ Оболенскому. Ничѣмъ человѣкъ не извѣстенъ. Человѣкъ старый. Ужъ коли ѣхать, то въ Москву, къ Захарьину. По крайней мѣрѣ на совѣсти не останется укора, что дѣлали дѣло, да не додѣлали».

Это меня поколебало. Я объявилъ, что для успокоенія совѣсти своей и другихъ поѣду въ Москву, къ Захарьину, но поѣду къ 17 Октября, послѣ проѣзда чезъ Одессу В. К. Саблера, чтобы 17-го послушать въ Москвѣ большой Ивановскій колоколъ, котораго не слышалъ никогда. Вопросъ о посѣщеніи Одессы Вл-мъ Карл-мъ возникъ самъ собою изъ нашей постоянной переписки. Лѣтомъ я звалъ его въ нашъ Бизюковъ монастырь, пожить и отдохнуть. Тогда онъ занятъ былъ и отказался. Выяснилось изъ переписки, что онъ можетъ быть въ Одессѣ проѣздомъ изъ-за границы, около 10 Октября. Я такъ и разсчитывалъ, что около 10 Октября приму его, а затѣмъ отправлюсь въ Москву, къ 17-му. Но стали падать силы, начала ухудшаться погода, робко стали проявляться около меня совѣты, зачѣмъ откладывать, лучше бы воспользоваться и остаткомъ силъ и хорошей погодой, чтобы не откладывая съѣздить въ Москву. Я такъ и сдѣлалъ.

Распорядились быстро. Добыли особый вогонъ, въ который и сѣли я, мой секретарь П. С. Лобачевскій и келейникъ, 23 Сентября, втроемъ. Въ Кіевѣ и нигдѣ изъ вагона не выползали. Въ Москву прибыли 26 Сентября, по утру. Предварительно я снесся съ преосв. Германомъ, присутствующимъ въ Святѣйшемъ Синодѣ, за разрѣшеніемъ остановиться въ его Донскомъ монастырѣ. На вокзалѣ, въ Москвѣ я встрѣченъ былъ намѣстникомъ Донскаго монастыря, архимандритомъ Исидоромъ. Человѣкъ совсѣмъ здоровый, благодушный; сидя съ нимъ въ каретѣ, я чувствовалъ, что отъ него чуточку потягиваетъ Русскою рѣдечкою. Должно быть, выпилъ рюмочку и закусилъ цѣлебною Россійскою, Московскою пряностью, чтобы желудокъ варилъ не такъ, какъ скверный желудокъ у Херсонскаго архіепископа. Такой благодушный братъ, заботливый. «Пожалуйста, чтò угодно! Все къ вашимъ услугамъ; такъ и преосв. Германъ настаиваетъ».—«Хорошо, хорошо, не поцеремонимся»... Къ сожалѣнію, мнѣ слишкомъ немногое теперь нужно. Отжилъ, все пережилъ. «Я пережилъ свои желанья». Отъ Курскаго вокзала доѣхать до Донскаго монастыря это значитъ почти перерѣзать всю Москву. О. архимандритъ говоритъ: «я ѣзжу въ 34 минуты». Доѣхали. Но лошади были въ мылѣ.

Москва глядѣла хмуро. День былъ пасмурный. Много, много оригинальнаго, много прекраснаго, особенно церквей. Много картинъ, на которыя съ непривычки заглядываешься, одна другой краше и исключительнѣе. Подъѣзжаемъ и къ Донскому. Этакая прелесть! Крѣпость, зàмокъ, чтò хотите. Башни, стѣны съ зубцами, на всемъ печать художественности. Сколько растительности. Какъ должно быть хорошо весною и лѣтомъ среди зноя. Какіе грандіозные и художественные храмы. Сколько лежитъ историческихъ мертвецовъ, сколько памятниковъ. Тутъ

цѣлая Русская исторія. Тотчасъ по прибытіи въ Донской монастырь, я пошелъ изъ настоятельскихъ (прекрасныхъ, благолѣпныхъ) келій поклониться главному соборному храму и сдѣлать визитъ о. намѣстнику, архимандриту Исидору. И тутъ же я впервыя замѣтилъ, что не могу самъ идти безъ сторонней помощи. Тутъ впервыя меня вели два юные послушника подъ руки. Съ этимъ я остался и по сей день. Въ той же Москвѣ замѣчено, что, когда я захочу промять свои кости отъ постояннаго сидѣнья или лежанья, то кто-либо, по преимуществу секретарь Порфирій Степановичъ, поднимаетъ меня подъ руки и проводитъ разъ или два по настоятельскимъ келіямъ. Только спустившись на эту ступеньку слабости, я уже не поднимаюсь назадъ.

У о. Исидора проживалъ въ эти дни проѣзжавшій изъ Петербурга въ Харьковъ преосвященный епископъ В., переведенный съ мѣста Петербургскаго, Нарвскаго викарія, на мѣсто викарія епископа Сумскаго. Конечно, вопросы: «что̀ и кто, и какъ, и почему?»—«Не знаю, самъ не знаю, объяснялъ преосвященный, никакого ни внушенія, ни предостереженія, ни неудовольствія, ни даже косого взгляда. Не зналъ ничего, пока не получилъ указа. Самъ я примирился съ своимъ положеніемъ. Но вотъ что горько: семью раззорили; вѣдь у меня пять душъ дѣтей, всѣ воспитываются въ Петербургѣ. При мнѣ же въ Петербургѣ пригрѣвалъ свою старость старикъ-отецъ. Дѣтей оставляю въ Петербургѣ, а старика-отца препроводилъ на родину». Причину главную находили въ г-жѣ С-ой, начальницѣ Исидоровскаго училища. Подробностей я и не помню, и записывать не хочу. Но поправилъ дѣло уже здѣсь въ Одессѣ В. К. С. Я его спросилъ о причинѣ перевода преосв. В-ра, и даже предпославши ходячее замѣчаніе, что не хорошо, не красиво, что старость на старости лѣтъ рѣшается на такія рѣзкія мѣры, подъ вліяніемъ окружающихъ старыхъ половъ. В. К. говоритъ: «Нѣтъ, нѣтъ, тутъ не одинъ старецъ. Вообще, преосв. В—ъ въ Петербургѣ не пришелся. Онъ входилъ въ неблаговидныя столкновенія съ преосвященнымъ М-омъ. И все знаете изъ-за поповства, изъ-за халтуръ. Ну, его и рѣшили сбыть въ Харьковскому Амвросію. Кстати Амвросію теперь и нуженъ викарій, а самъ онъ какъ-то выбрать не можетъ». Назавтра, 27 Сентября, преосвященный В. отбылъ въ свой Харьковъ.

Должно быть, въ этотъ же вечеръ, 26 Сентября, ѣздилъ я къ протоіерею Петру Алексѣевичу Преображенскому, редактору «Православнаго Обозрѣнія», подѣлиться съ нимъ въ послѣдній разъ товарищескою и дружескою и братскою бесѣдою. Засталъ дома и остался совершенно доволенъ. Затѣмъ онъ до 1-го Октября включительно ѣздилъ ко мнѣ ежедневно и выкладывалъ предо мною всѣ Московскія, особенно же духовныя новости. Набрасывать на бумагу всѣ подробности не сто̀итъ.

27 Сентября, по утру, въ регаліяхъ отправился я къ владыкѣ-митрополиту Московскому, хотя и зналъ, что въ Москвѣ его не обрѣтается, что онъ отбылъ къ преподобному Сергію и воротится въ Москву 29 Сентября, въ Субботу. Думалъ сдѣлать визитъ и прокурору Синодальной конторы А. Н. Шишкову, котораго много разъ видѣлъ у себя въ Петербургѣ. Ѣдемъ. Уже отъѣхали значительно отъ монастыря. Вдругъ мелькнула у меня предъ глазами знакомая сѣдая фигура. Пока я ударилъ въ каретный звонокъ, разъѣхались уже на значительное разстояніе. Келейникъ Петръ говоритъ: «выходитъ изъ экипажа, сюда идетъ».—«Ахъ, ваше превосходительство, Андрей Николаевичъ».—«А я къ вамъ».—«А я къ вамъ и ко владыкѣ-митрополиту».—«Да его нѣтъ».—«Это я знаю и всетаки поѣду расписаться».—«Ну, такъ я поворочу къ себѣ».—«Я сейчасъ пріѣдь за вами». Такъ я и сдѣлалъ. Поѣхалъ къ А. Н. въ зданіе Синодальной типографіи. Тамъ рѣчи наши посвящены были единственно и исключительно церковному пѣнію. Условились, что я прибуду въ новую ихъ синодальную капеллу въ Субботу (29 Сентября вечеромъ), ко всенощной, а въ Воскресенье отслушаю литургію въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ поютъ синодальные же пѣвчіе.

Оттуда я отбылъ къ владыкѣ-митрополиту Московскому. Ѣхалъ, ѣхалъ, цѣлое утро ѣхалъ и все разсуждалъ, зачѣмъ это владыки Московскіе такъ глубоко запрятали свое столичное мѣстопребываніе. Вѣдь какіе-то жалкіе переулки не столицы первопрестольной, а городскаго предмѣстья. Безтолковые повороты изъ одного въ другой, то направо, то налѣво. И вдругъ, самымъ неожиданнымъ образомъ выростаютъ передъ носомъ довольно грандіозные ворота. Кажется, кучеръ слазилъ отворять ихъ. Тутъ я не былъ отъ дней святителя Филарета Московскаго. Теперь стало чище и благолѣпнѣе. Въ старые годы, по длинному и глубокому двору тянулся цѣлый рядъ конюшень, сѣноваловъ, сараевъ, съ обнаженіемъ сарайнаго хлама. Теперь сараи во всю глубь двора закрыты дощатымъ заборомъ, хорошо выкрашеннымъ. Справа изъ-за оголившихся растеній сада выдвигается тѣнью силуэтъ митрополичьихъ покоевъ. Подъѣздъ не отъ середины зданія, а совершенно сбоку, такъ что поражаетъ непривычнаго совершенной неожиданностью. Кто это такъ портилъ дѣло, не знаю, не слышалъ; но странно. Красота зданія нарочито спрятана. Безобразіе «подворья» выставлено напоказъ. И все это внѣ требованій архитектуры, внѣ указаній самаго простаго хозяйскаго и изящнаго вкуса. Главное жительство Московскихъ святителей! Подъѣзжаемъ. Двери заперты. Сзади за нами подбѣгаетъ швейцаръ: «Не трудитесь. Владыки нѣту дома»—«Я знаю, говорю, а все таки распишусь».—«А, пожалуйте». Входимъ. Швейцарская, прихожая, лѣстница роскошнѣйшая, изъ желтаго мрамора, на которомъ и стать-то не

безопасно, сейчасъ поскользнешься и полетишь. Благо, устлана коврами. Окидывая прихожую своимъ взглядомъ, я говорю: «въ старые годы, при святителѣ Филаретѣ, попроще было.—«Не помню», говоритъ швейцаръ. «Да гдѣ вамъ помнить, вы очень молоды». Видя, что я разглядываю, швейцаръ вдругъ предлагаетъ: «не угодно-ли взглянуть на покои владыки?» — «Что-же, хорошо». Я согласился. Пошли. Кругъ круговой, сперва по одной анфиладѣ комнатъ, потомъ назадъ по другой. Убранство изящное и роскошное. Поражаютъ особенно картины, одна другой цѣннѣе и краше. Что̀ поразили меня еще во дни Филарета двѣ картины, полныя свѣта, это оказалось апокалипсическое видѣніе Христа среди седми свѣтильниковъ и Жены, облеченной въ солнце. Такъ мы прошли до кабинета, весьма широкаго, простирающагося отъ стѣны до стѣны, и поворотили назадъ по другой анфиладѣ. Видѣли и ту комнату, въ которой геніальный Филаретъ удостоилъ меня трехъ-часовой бесѣды съ собою. «Что̀ у васъ это за комната?».—«Это малая гостиная; въ большой владыка принимаетъ генералъ-губернатора, а здѣсь кого попроще». Пошли дальше до крестовой. Крестовая попроще нашей. Но вообще вынесли такое впечатлѣніе, что это самое роскошное помѣщеніе, какое мы видѣли на своемъ вѣку у архіереевъ. Въ книгѣ у швейцара его выс-ства я расписался такъ: «Никаноръ, архіепископъ Херсонскій и Одесскій, пріѣзжалъ къ доктору Захарьину лѣчиться». Тѣмъ дѣло и кончилось. Отсюда больше ни гласа, ни послушанія. Въ Субботу владыка-митрополитъ воротился въ Москву, прожилъ 30 Сентября; 1-го Октября даже служилъ гдѣ-то, но къ намъ не прислалъ даже навѣдаться своего эконома. Къ викаріямъ по слабости я не поѣхалъ, къ Александру, потому что могу считать себя знакомымъ съ нимъ (я заѣзжалъ къ нему, хотя и не былъ принятъ); а къ В-ну не поѣхалъ, потому что не былъ съ нимъ знакомъ, предоставляя имъ самимъ поискать меня въ Донскомъ монастырѣ, какъ значительно старѣйшаго ихъ и какъ тяжко больного. Они однако не взыскались, погнавшись за самодостоинствомъ Московскихъ мандариновъ. Богъ съ ними! А отчего бы болящаго архіепископа не опросить, что̀ молъ и какъ вы? Не нуждаетесь-ли въ нашемъ участіи? Мы-де рады. А то нѣтъ. Мы-де рады, что вы насъ не безпокоите. Да и нейдетъ намъ, Московскимъ викаріямъ, очень великимъ людямъ, дѣлать для васъ первый шагъ вниманія и участія. Пріидите намъ поклониться. Это такъ! Вотъ, если бы они тяжко больные прибыли къ намъ въ Одессу, и объявлено было во всѣхъ газетахъ, что они тяжко больные, остановились тамъ-то и тамъ-то, къ на̀большему архипастырю даже съѣздили росписаться; а мы, я и мои викаріи, оставили ихъ. Да, въ Одессѣ это было-бы Богъ знаетъ на что похоже; а въ Москвѣ это само на себя похоже. Загрубѣлая въ Китайскомъ самодовольствѣ Москва.

Того-же 27 Сентября ѣздилъ я къ своему старому знакомому, профессору философіи, Николаю Гроту. Между прочимъ мы чинили надлежащія сношенія, чтобы проникнуть до Захарьина. Оказалось, что къ нему проникнуть можно не иначе, какъ чрезъ ассистента его, доктора Попова. Къ Попову Порфирій Степановичъ поѣхалъ лично. Поповъ спрашиваетъ: «тотъ ли это архіепископъ Никаноръ, который пишетъ противъ графа Толстаго?»—«Тотъ самый».—«Я къ нему самъ завтра пріѣду въ 1 часъ». Въ назначенный часъ назавтра онъ и прибылъ и занимался осмотромъ и опросомъ моей персоны 1 часъ и 5 минутъ; однимъ словомъ, въ высшей степени внимательно и добросовѣстно.

Но тутъ инцидентъ! Еще со вчерашняго вечера присылаетъ ко мнѣ корректурный листъ и спросъ, когда меня можно видѣть, нѣкто П . . . . . въ. Корректурный листъ наполненъ былъ бранью противъ Евреевъ. Я отвѣтилъ, что травлею Евреевъ не занимаюсь, да и принимать не могу по слабости. Назавтра, однакоже, когда осматривалъ меня докторъ Поповъ, мнѣ докладываютъ: «П . . . овъ».—«Проси подождать». Лишь только Поповъ поднялся уходить, сейчасъ же входитъ пожилой приличный господинъ и называетъ себя: «П — овъ. Поздравляю васъ съ полнымъ исцѣленіемъ вашихъ недуговъ». Я думалъ, онъ поздравляетъ меня съ тѣмъ, что я прибылъ въ Москву, къ Захарьину, который меня и вылѣчитъ. Не тутъ-то было. Онъ принялся рѣзко бранить Попова, когда еще спина его не закрылась дверью, и самого Захарьина. «О, этого большого (Попова) я давно знаю. Давно они съ своимъ Захарьинымъ всѣмъ въ Москвѣ надоѣли. Сколько наше собственное семейство потратило на нихъ денегъ! А пользы? Никому, никакой! Куши любятъ они брать крупные. Они васъ осмотрятъ. Вы имъ только не мѣшайте разговаривать между собой. Дадутъ кучу и совѣтовъ. А въ результатѣ будетъ нуль»... «Да позвольте же, вы не совѣтуете мнѣ обращаться къ Захарьину?»—«Именно, это самое».—«Какъ же тогда вы поздравляете меня съ исцѣленіемъ?»—«Я надѣюсь, вы послушаетесь категорическаго совѣта и обратитесь къ внушенію».—«Не понимаю, какъ же это къ внушенію?»—«Дѣло въ томъ, что у меня есть знакомый молодой докторъ Даль, сынъ бывшаго попечителя Оренбургскаго учебнаго округа (оказался и мнѣ знакомый человѣкъ). Тотъ лѣчитъ просто внушеніемъ. Увѣряю васъ! Вотъ, вамъ факты». П . . . въ разсказалъ мнѣ нѣсколько фактовъ, въ которыхъ Даль исцѣлялъ внушеніемъ, исцѣлялъ старыхъ и молодыхъ.—«Ну, послушайте-же, говорю, я архіепископъ. Оглашено что ѣду изъ Одессы въ Москву, къ доктору Захарьину за совѣтомъ. А вмѣсто того, чтобы идти въ Москвѣ къ Захарьину за раціональнымъ совѣтомъ, я пойду гласно на всю Москву искать Даля, чтобы лѣчиться посредствомъ внушенія, посред-

ствомъ какого-то чародѣйства. Нѣтъ, я этого не сдѣлаю. Это насмѣшитъ и станетъ смѣшнымъ». Скоро, конечно, я постарался спихнуть этого скучнаго Московскаго оригинала, не сказать бы самодура.

Сбылъ одного, нажилъ сію же минуту другаго. «Генералъ Дашковъ». Смотрю, и лошади у подъѣзда, великолѣпныя, сѣрыя. Припоминаю, что этотъ Дашковъ былъ у меня въ Петербургѣ. Дѣйствительный тайный, какой-то почетный опекунъ и т. д. Входитъ, не ошибаюсь. —«Я былъ у васъ въ Петербургѣ. Помните»?—«Помню»—«Великій вашъ почитатель» и т. д. Далѣе началось сидѣніе и не скажу, переливанье изъ пустаго въ порожнее; но отъ этого было мнѣ не легче. Прелюбознательный старикашка поднялъ свое достоинство даже до Донскаго монастыря. Ѣхалъ съ визитомъ. Дѣлать-то нечего. Утро дѣвать некуда. Вотъ свое и взято. Сидитъ-де у архіепископа Никанора, котораго считаютъ-де мыслителемъ. «Да, какъ-то; да почему это? да почему это не такъ, да отчего это?»—«Ахъ, ты Боже мой! Загонялъ меня старикашка до того, что я взмолился: Ваше высоко-ство! Я человѣкъ немощный, я едва сижу въ креслѣ. Да и васъ принимаю не перваго. Сперва принималъ профессора философіи Грота; затѣмъ доктора Попова; затѣмъ редактора П . . . . . ова; теперь васъ»!—«Ахъ, извините, извините! Я васъ утомляю».—«Да, вѣрно: я выбился изъ силъ и не въ состояніи вести умныя рѣчи». Разстались. Быть можетъ, онъ и послалъ меня въ душѣ куда либо, не въ хорошее мѣсто; но я рѣшительно выбился изъ силъ, занимая сего Московскаго празднолюбца. Богъ съ ними со всѣми!

Добравшись до постели, я кое-какъ улегся и сейчасъ же отъ усталости задремалъ. Не тутъ-то было. Слышу у себя въ спальнѣ какое-то движеніе. Келейникъ Петръ: «ваше выс-тво»... Смотрю: тутъ же о. архимандритъ Исидоръ. «Извините, Бога ради! Забрался сюда, въ нашъ Донской монастырь. Говоритъ: никакъ, не увидѣвши, не поѣду назадъ. Нарочно ѣхалъ, чтобъ увидѣться и познакомиться».—«Да, кто-такой, наконецъ?»—«Да, генералъ-губернаторъ Долгоруковъ».—«Ну, этого нужно принять, необходимо принять. Просите».—«Да онъ тутъ уже».—«Сейчасъ выйду». Пришлось со сна, съ великой усталости, боля всѣми костями, снова снаряжаться къ выходу. Маленькій старикашка, уже старенькій старикашка. Самъ говоритъ: «80 лѣтъ». Чубъ взбитый пѣтушкомъ на парикѣ. Гордый бояринъ! А ручка какая-то жесткая, съ какими-то наростами внутри ладони. Говоритъ: «Такъ много слышалъ. Вся Москва говоритъ о васъ. Давно искалъ случая познакомиться. Уже извините, что побезпокоилъ» и т. д. Сидѣлъ некоротко, по меньшей мѣрѣ полчаса. Особенно крупнаго въ разговорѣ ничего. «Поживите у насъ въ Москвѣ подольше. Вотъ, весною бы у насъ пожить. Зелени много. Оживились-бы».

29 Сентября, въ Суботу, по утру предлежало намъ исполненіе того, зачѣмъ это ѣхали мы въ Москву, предлежало ѣхать на консультацію къ Захарьину. Онъ все это время жилъ еще на дачѣ, а въ Москву наѣзжалъ по Вторникамъ и Суботамъ. Отправились мы въ квартиру ассистента его Попова, гдѣ предположенъ пріемъ. Прибыли. Захарьина, повидимому, еще не было. Вся квартира переполнена была приходящими и уходящими. Сказывали, что это все врачи. Меня отвели въ особый кабинетъ, гдѣ докторъ Поповъ разспрашивалъ меня о моей болѣзни не менѣе получаса. Въ дверь нашу постучали. Поповъ всталъ и вышелъ. Вѣроятно, это было знакомъ, что учитель прибылъ и глашаетъ тя. Черезъ нѣсколько минутъ меня позвали въ другой кабинетъ. «Благословите!» Я благословилъ большимъ крестомъ. Человѣкъ въ сюртукѣ, повидимому, въ валенкахъ, не очень старый, не очень сѣдой, скорѣе черный, съ плохо подстриженною бородою, съ острымъ чернымъ взглядомъ. «Ну, сядьте, сядьте такъ, какъ вамъ спокойнѣе! Ну, скажите что либо о вашей болѣзни, скажите!» Я сказалъ нѣсколько словъ. «Ну, позвольте, я буду спрашивать въ порядкѣ. Очень важно, чтобы болѣзнь была изложена въ порядкѣ, причины, время, способы лѣченія, настоящіе симптомы». Съ вопросами онъ больше обращался къ своему ассистенту. Послѣ допроса меня тщательнѣйшимъ образомъ осмотрѣли и оскультировали. «Все хорошо. Грудь хороша. Печень хороша. Сердце нѣсколько слабо, однакоже и оно хорошо. Селезенка хороша. Даже нервы хороши. Это видно изъ того, что вы довольно спокойно спите. У васъ застарѣлый катарръ желудка и верхней части кишечнаго канала... Позвольте! Вы говорите, что болѣзнь обнаружилась у васъ въ Вильнѣ, при переѣздѣ изъ Петербурга въ Одессу. Извините, нескромный вопросъ. Вы можете на него вовсе не отвѣтить; можете отвѣтить какъ хотите... Не было ли у васъ въ эту пору какой либо крупной непріятности, какого либо потрясенія?»—«Ни малѣйшей, ни малѣйшаго. Напротивъ, все было отлично. Но я много занимался и чувствовалъ, что устаю. А потомъ какъ свалился изъ Петербургскаго холода въ Одесскій жаръ и какъ отнялся у меня аппетитъ, такъ и отнялся до сего дня. Пошли тошноты и рвоты».—«Да, задумчиво сказалъ Захарьинъ, перекинуть человѣка изъ Петербурга въ Одессу не легко».

Разставаясь и видя, съ какою теплотою они меня провожаютъ и какая сильная написана у нихъ въ глазахъ охота помочь мнѣ, я говорю Захарьину: «Я ѣхалъ сюда безъ малѣйшаго просвѣта надежды на выздоровленіе. Теперь же, видя, какъ вамъ желательно помочь мнѣ, я чувствую въ себѣ, конечно, не надежду, а только нѣкоторый проблескъ луча надежды на выздоровленіе». На это Захарьинъ, горячо пожимая

мнѣ руки, говоритъ съ умолчаніями: «Вы сами... предстоите престолу Божію. Знаете, чтò такое молитва. Помолитесь! Пособите, чтобы Богъ помогъ намъ помочь вамъ». На томъ мы разстались. На столѣ у него я оставилъ Екатерину II. Обѣщано было, что назавтра ассистентъ Поповъ привезетъ подробное росписаніе режима, какъ жить, какъ лѣчиться, чего остерегаться, чего совсѣмъ избѣгать, чтò назавтра г. Поповъ и исполнилъ, за что я, за два посѣщенія уплатилъ г. Попову 50 руб. Кстати, показывая Захарьину свои ноги, я говорю, что у меня появляется отекъ, на что Захарьинъ, какъ и Поповъ, отвѣтили отрицательно: «Никакого отека, ни слѣда отека». Тѣмъ лучше! Пріятно такъ ошибаться. На томъ моя конференція съ г. Захарьинымъ и кончилась. Уѣхать предположено было 1-го Октября, въ день Покрова, чтобъ услышать синодальныхъ пѣвчихъ, услышать, если можно, большой Ивановскій колоколъ, взглянуть на Покровскій крестный ходъ и другія Московскія службы.

Вечеромъ, въ Суботу, предположено было слушаніе всенощной въ залѣ синодальной капеллы. Нужно замѣтить, что въ какое-то изъ этихъ утръ мнѣ сдѣлано посѣщеніе директоромъ капелы. Директоръ Смоленскій, человѣкъ въ своемъ дѣлѣ и многосвѣдущій, и пріятный. Ко мнѣ относились всѣ они, какъ уже извѣстному знатоку и своему сотруднику. Условлено было, что вечеромъ въ Суботу я пріѣду въ капеллу, за часъ до начала всенощной, чтобы предварительно познакомиться съ капеллою. Теперь это учрежденіе только выростающее. Огромная зала, даже еще невполнѣ отстроенная, только лишь открывается. Въ акустическомъ отношеніи она превосходна, ничего лучше желать нельзя. Выслушавъ эту художественно пропѣтую всенощную, я высказалъ однакоже подробный критическій взглядъ объ этомъ пѣніи, осудивъ унисонное пѣніе одними альтами ирмосовъ и антифоновъ, какъ вовсе неблагоговѣйное и въ церкви неумѣстное. Обѣдню на завтра я слушалъ въ Успенскомъ соборѣ. Пѣли тѣже Синодальные, уже гораздо глуше, чѣмъ въ своей пѣвческой залѣ; литургисалъ протопресвитеръ Сергіевскій совершенно глухо. Оттуда я велѣлъ ѣхать на соборъ Спасителя, чтобы взглянуть на него вблизи. Подъѣзжаемъ къ подъѣзду и слышимъ, что звонятъ въ большіе колокола и народъ выходитъ изъ церкви. Я послалъ келейника узнать, чтò такое дѣлается въ соборѣ. Отвѣтъ, что преосв. А. служитъ молебенъ. Я пошелъ въ соборъ. Въ эту минуту лилъ дождь, валилъ снѣгъ и гудѣлъ такой свирѣпый вѣтеръ, что чуть не сорвалъ у меня клобука и чуть не сдулъ меня съ ногъ, да и повалилъ бы, если бы келейникъ, дюжій парень, не поддержалъ. Въ Спасскомъ соборѣ мнѣ все не приглянулось. Протодіаконъ читалъ эктенію низкимъ басомъ, не было слышно ни слова. Пѣвчіе пѣли наинебрежнѣйшимъ

образомъ. Преосвященный А. читалъ возгласы и евангеліе, ни слова не слышно. Молитву читалъ, ни слова не слышно. А я стоялъ отъ амвона не далѣе двухъ саженей. Пѣвчіе пѣли «Тебе Бога хвалимъ» на 6-й гласъ, наипоспѣшнѣйшимъ образомъ. Однимъ словомъ, на всемъ богослуженіи печать полнѣйшаго спустяруканничества. Гдѣ?. Въ Москвѣ, въ соборѣ Христа Спасителя!

Вечеромъ на всенощную, подъ Покровъ, такъ никуда я и не поѣхалъ, а предполагалъ было ѣхать именно въ храмъ Христа Спасителя. Зато назавтра поутру мы выбрались пораньше, чтобы не прозѣвать начало крестнаго хода изъ Успенскаго собора. День оказался прелестнѣйшій, ясный, теплый, совершенно весенній. Съ своею каретою мы стали у подъѣзда Чудова монастыря, откуда слѣдили за приливомъ народа въ Кремль. Народъ однакоже приливалъ туго. Вотъ и зазвонили сперва перезвономъ, а потомъ въ одинъ большой колоколъ. Колоколъ такой прекрасный, голосистый, что я, не видя его изъ кареты, все воображалъ было, что это бьютъ въ колоколъ Ивана Великаго. По повѣркѣ оказалось однакоже, что самый большой колоколъ молчалъ, а звонили во второй; но отличный звонъ. Который онъ изъ нихъ, я не видѣлъ. Наконецъ, изъ собора ударилъ звонокъ, и вся Ивановская колокольня огласилась звуками. Это зрѣлище нигдѣ нельзя видѣть. Какъ будто и не громко, но такъ полно, такъ голосисто, такъ стройно, такъ умилительно. Эта торжественная минута стоила того, чтобы мнѣ, больному, умирающему, взять на себя трудъ дожидаться ея, стоя на крыльцѣ Чудова монастыря. Крестный ходъ, не очень многолюдный, медленно продвинулся мимо насъ. Я сѣлъ въ карету, заѣхалъ съ визитомъ къ генералъ-губернатору и оттуда направился въ Донской монастырь собираться въ путь-дорогу. Съ Москвой у меня все было кончено.

Къ 1 часу дня на Курскій вокзалъ проводилъ меня тотъ же о. архимандритъ Исидоръ, все озабочиваясь, какъ бы мнѣ доѣхать до своей Одессы поблагополучнѣе.

А онъ-то о. архимандритъ Исидоръ скоро послѣ этого и померъ. А мнѣ все смерти Богъ не посылаетъ!

На желѣзную дорогу меня проводили также А. Н. Шишковъ и протоіерей П. А. Преображенскій. Іерархическая Москва въ этотъ день и часъ ѣла жирныя кулебяки послѣ храмовыхъ службъ въ разныхъ пунктахъ Москвы; владыка-митрополитъ въ какомъ-то женскомъ монастырѣ.

Изъ Москвы до Одессы мимо Кіева промелькнули мы по желѣзной дорогѣ незамѣтно. Только изъ Курска отправили телеграмму къ владыкѣ-митрополиту Кіевскому такого содержанія: «Прошу великодушнаго прощенія. Не могу заѣхать поклониться Кіеву. Немощенъ, раз-

строенъ. Нужны тепло, покой. Прошу святительскихъ молитвъ, отеческаго благословенія». Отвѣтъ на это отъ владыки Кіевскаго я получилъ весьма теплый, что онъ учредилъ о моемъ здравіи моленія во всей лаврѣ. Вообще онъ теплосердечный и отзывчивый, не Московскимъ чета.

Прибылъ я въ Одессу и не порадовался; потому что лишь раздѣлся, какъ увидѣлъ, что отекъ водянистый поразилъ всю нижнюю часть моихъ ногъ, а оттуда сталъ распространяться на верхнюю часть ногъ и на желудокъ. Теперь желудокъ переполненъ водою, какъ барабанъ. Познавъ, словомъ, что болѣзнь идетъ своимъ правильнымъ роковымъ ходомъ, помимо нашихъ хлопотъ, помимо лѣченья. Ну желудокъ, а тамъ грудь, сердце, а тамъ и конецъ, и конецъ-то тяжкій, отъ задушенія.

Но слово о В. К. Саблерѣ. У меня было свѣдѣніе отъ него, что онъ можетъ быть въ Одессѣ около 10 Октября. Между прочимъ въ Москвѣ самъ А. Н. Шишковъ толкуетъ, что онъ долженъ проѣхать чрезъ Москву 5 Октября. Поэтому я два раза телеграфировалъ въ Почаевъ къ преосв. Модесту, что пребываю въ Москвѣ и отбываю изъ Москвы чрезъ Кіевъ 1-го Октября. Думалось, какъ бы не взыскался онъ меня въ Кіевѣ. Однакоже, проѣхали чрезъ Кіевъ никѣмъ не потревоженные. 3-го или 4-го Октября, какъ очутились въ Одессѣ, оказалось, что отъ В. К. никакой вѣсти не имѣется. Однакоже она не замедлила, одна и другая. Онъ направлялся къ намъ на 12 Октября, чтобы прожить у насъ Суботу и Воскресенье.

Конечно, онъ вытрясъ у насъ цѣлый мѣшецъ Петербургскихъ и иныхъ новостей. Начнемъ съ преосв. Павла Казанскаго, съ Востока. Вотъ съ чего началась исторія преосв. Митрофана Екатеринбургскаго. Изъ какого-то столкновенія съ игуменьей. Преосвященнаго Митрофана они понимаютъ, какъ страннаго. Симпатично отзываются о В. Пермскомъ и всячески стараются его утѣшить. О Казанскомъ архіепископѣ В. И. Ш—нъ отзывался, какъ о самомъ умномъ архіереѣ. В. К. прибавляетъ, что онъ пришелся къ мѣсту, городъ его полюбилъ, и онъ городъ. О Самарскомъ я спросилъ.—«Старецъ помышляетъ о викаріи». О Симбирскомъ разсказывалъ, что онъ совершенно больной человѣкъ, Нижегородскій также сильно разстроенъ и страдаетъ. Владимирскаго Леонтій подбивалъ взять Воронежъ, и тотъ подавался. Но ему представили, что ужели онъ оставитъ свой излюбленный Владимиръ, такъ что преосв. Ѳеогностъ самъ не захотѣлъ: «никуда я не пойду изъ Владимира». Въ Воронежъ былъ серьезнымъ кандидатомъ Ташкентскій; совсѣмъ было слажено, а потомъ сообразили: «Да вѣдь тамъ нуженъ! Самъ оттуда не просится; зачѣмъ его тревожить?» Такъ и оставили и взялись за А—сія. Мак—ій Донской подалъ было на покой по болѣзни; а потомъ, какъ открылась Воронежская каѳедра, онъ написалъ, что

здоровъ и попросилъ Воронежъ; тогда и не добылъ ни того, ни другаго, ни Воронежа, ни покоя. Преосвященный Кишиневскій все хлопоталъ тутъ около насъ, какъ и въ прошломъ году, чтобы В. К. заѣхалъ изъ Одессы въ Кишиневъ, но безуспѣшно. Слышно было, что его все-таки вызываютъ въ Петербургъ. Преосвященный Волынскій очень счастливъ и превознесенъ удачно. О Варшавскомъ кинута фраза: «все пугаетъ Варшавою». О Тверскомъ Саввѣ я спросилъ, не пошлютъ ли его экзархомъ въ Грузію?—«Нѣтъ, никакъ не пошлютъ. Они и такъ съ своимъ викаріемъ ничего не дѣлаютъ». Для нихъ школы—мертвая буква. Объ экзархѣ я не посмѣлъ спросить и не выслушалъ никакого сужденія. Увы! Къ покойному уже теперь Алексію Литовскому былъ неблагосклоненъ В. И. Ш—нъ. Но всего больше они неблагосклонны, кажется, къ столпамъ-владыкамъ, за исключеніемъ старца. Съ Кіевскимъ нельзя имѣть никакого дѣла, нельзя и говорить о дѣлѣ. Все сны свои разсказываетъ. Московскій же самъ не желаетъ имѣть съ ними дѣла. Да и викарій его В—онъ оказывается крайне неподвижнымъ. Въ Московской Академіи не видно добра. Палладій, бывшій Волынскій, принялъ въ тихомъ, полусознательномъ состояніи; «спасибо, говоритъ, что зашли». Я не былъ любознателенъ по болѣзни, а назойливъ никогда, и потому о большинствѣ нашей братіи не спросилъ. Между тѣмъ матерій для поддержанія разговоровъ было множество, особенно пѣніе и штунда. В. К. объѣздилъ всѣ наши учрежденія, присутствовалъ на большой спѣвкѣ, отстоялъ большую великознаменную всенощную, такую же на завтра торжественную архіерейскую обѣдню. Служилъ я совмѣстно съ преосв. Николаемъ, съ трудомъ. Это было 14 Октября, да и думаю, что я это служу свою послѣднюю архіерейскую обѣдню. Пока и не ошибся.

Утѣшительныхъ словъ выслушали мы отъ В. К. множество, самыхъ глубокихъ и щедрыхъ на похвалу намъ. Если-бы да въ столицахъ такъ!.. Я не даромъ прожилъ въ Одессѣ эти послѣдніе полтора года. Многое поставлено на ноги. Школы растутъ. Пѣніе крѣпнетъ.

Того же 14 Октября, вечеромъ я проводилъ В. К. приснопамятнаго для меня, наилюбезнѣйшаго человѣка, на вокзалъ желѣзной дороги, хотя изъ кареты по слабости и не выходилъ. Храни его Богъ и заплати за все добро, какое я отъ него видѣлъ!

Между тѣмъ послѣ сего 14 Октября ослабленіе моихъ силъ пошло быстро. По росписанію мнѣ слѣдовало служить всенощную и литургію 22 Октября. Всенощную кое-какъ отслужилъ, отъ литургіи отказался. Ноги отказались стоять. 24 Октября, въ храмовой день нашей крестовой, Богородицы Всѣхъ Скорбящихъ, мнѣ слѣдовало тоже служить и всенощную, и литургію. Оказалось, что на всенощной я еле двигаюсь,

едва поднимаюсь на ступеньки, на величаніи едва едва окадилъ цер-

ковь. Послѣ поліелея я поднялся въ кельи и сказалъ самъ себѣ: нѣтъ, никакъ нельзя; никакъ нельзя—грѣхъ одинъ. Къ обѣднѣ я не вышелъ

и пересталъ выходить къ богослуженію. Безъ усильной помощи людей не могу ни подняться, ни стоять, ни двигаться, ни перевернуться съ боку на бокъ, хотя вотъ и сижу за письменнымъ столомъ и пишу. Говорю: генералъ-губернаторъ Дрентельнъ, еще въ утро Владимира, садясь на коня, чувствовалъ себя молодцомъ, отцомъ-командиромъ, источникомъ великой силы, пока не покачнулся съ коня. Такъ и я: какъ усядусь за письменный свой столъ, еще старый боецъ мысли и слова, пока не придется подняться со стула и передвинуться. Увы! А тутъ уже люди придутъ, передвинутъ, поднимутъ, уложатъ ноги на постель, передвинутъ на постели выше-ниже. Самъ ничего не могу. И въ перспективѣ медленная, но всетаки вѣрная смерть.

Относительно соборованія я распорядился быстро, съ ночи съ 24 на 25 Октября. Распорядился потому, что передъ тѣмъ нѣсколько ночей сряду не спалъ и въ эту ночь подвергался явному бреду. И такъ какъ у меня вода уже подпираетъ дыханіе, то я убоялся, чтобъ она не ударила мнѣ мгновенно въ сердце и въ голову, чтобы не лишиться сознанія. Вотъ съ ранняго утра 25 я и разослалъ повѣстки, кому явиться къ моему соборованію, которое и совершено въ высшей степени благолѣпно. Предъ соборованіемъ же я держалъ предлинную исповѣдь. А 2-го Ноября, послѣ такой же, тяжко проведенной ночи (вода запирала дыханіе), у себя въ кельяхъ удостоился причаститься Св. Таинъ. Теперь Божья воля!

Не хочу я расписывать твердость своего духа въ виду надвигающейся смерти. Я говорю, что еще не сорвалось съ устъ моихъ слово молитвы: «Господи, продли жизнь мою». Нѣтъ. А это срывается постоянно: «Господи, Твоя воля да будетъ. Въ руцѣ Твои предаю духъ мой». Ну, и это приходится повторять: прошу у Бога кончины христіанской, безболѣзненной, а она выходитъ болѣзненная, томительная, мучительная. Что̀ дѣлать? Теперь пока еще съ терпѣніемъ Господь посылаетъ и избытіе. А что̀ дальше будетъ, то увидимъ.

Вотъ преосвященный Алексій, рабъ Божій: «ахъ, ахъ, ахъ, охъ, охъ, охъ и готовъ! Охъ!» Оховъ то и аховъ я испустилъ довольно, а все же не готовъ. И теперь вотъ дышать трудно. А ничего, маемся! А нужно еще ночь пережить. Теперь 8 часовъ вечера, безъ малаго. А тяжело становится около полуночи!

*

Владыка Никаноръ, архіепископъ Херсонскій и Одесскій, скончался близъ полночи 27 Декабря того же (1890) года.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ТВЕРСКАГО АРХІЕПИСКОПА САВВЫ.

Немало отведено мѣста въ Запискахъ архіепископа Саввы нѣкоей «болящей Юліи» [1]). Это была бѣдная дворянка Харьковской губерніи Ю. Н. Петрова. Пріѣхавъ въ 1841 г. въ Москву для излѣченія своей тяжкой болѣзни, она скончалась 26 Ноября 1853 г. Погребена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ; на ея памятникѣ, устроенномъ Екатериной Алексѣевной Мухановой, сдѣлана надпись по приказанію митрополита Филарета: «по множеству болѣзней въ сердцѣ моемъ утѣшенія Твоя возвеселиша душу мою». Игуменія Страстного монастыря Евгенія прислала Саввѣ объ этой Юліи выписку изъ своего дневника, за то время, когда она еще не постриглась. «Мы отправились за Москву-рѣку въ приходъ св. Іоанна Воина; тамъ, въ глухомъ переулкѣ, близъ церкви, находился домъ Рыженкова; тамъ-то укрывалось сокровище невѣдомое міру! Входимъ; все просто, даже бѣдно, но чисто, все дышало какою-то дивною тишиною. Сердце у меня билось какъ голубь. Дошли до спальни. Юлія лежала на кровати. «Я веду къ тебѣ гостей, сказала М. Н.» [2]). «Милости просимъ», былъ отвѣтъ. «Вотъ Авдотья Семеновна Озерова, о которой я тебѣ говорила». Я безъ словъ залилась слезами и бросилась обнимать болящую. Она умѣрила мой порывъ разумнымъ спокойствіемъ, посадила у постели подлѣ себя и, когда вышла М. Н., ласково сказала мнѣ: «Отецъ вашъ (умершій) приходилъ ко мнѣ и просилъ принять и утѣшить васъ. Вотъ вамъ отъ меня благословеніе». Съ сими словами подала она мнѣ икону величиною въ вершокъ, въ серебряной вызолоченной ризѣ, *Нерукотвореннаго образа* Спасителя, который и теперь всегда находится въ образномъ моемъ кіотѣ. Съ этимъ благословеніемъ я ожила, всю скорбь забыла, забыла весь міръ; я почувствовала, что сердце мое не умерло, и что нашла человѣка, который будетъ мнѣ опорой. На первый разъ надо было послѣ недолгой бесѣды проститься и дать обѣщаніе хранить тайну о

---

[1]) См. о ней въ Запискахъ игуменьи Евгеніи Озеровой въ „Р. Архивѣ“ 1898 г.

[2]) Марья Николаевна Павлова. П. Б.

ея существованіи. Происхожденіе болящей не могу точно опредѣлить; знаю только, что она была высокаго рода, чуть ли не изъ семьи царевичей Грузинскихъ, разными бѣдственными обстоятельствами доведена до крайней нищеты, но никогда не была оставлена помощію свыше. Какъ праведный Іовъ, испытуема была отъ Господа въ горнилѣ скорбей и терпѣніемъ, можно сказать, уподобилась праведному. Тѣлесныя страданія были неимовѣрны: ее корчило, сводило голову съ ногами, кости трещали отъ напряженія, медицина не умѣла опредѣлить болѣзни, помощь отъ Господа и свѣтлыя видѣнія были ей отрадой. Послѣ припадка мучительныхъ корчей, она впадала будто въ сонъ, который былъ ничто иное, какъ благодатное нечувствіе телѣсныхъ страданій и вмѣстѣ тихая бесѣда со *святымъ старичкомъ* (какъ она называла), который былъ неотлучнымъ ея покровителемъ и наставникомъ. Сей св. старичекъ былъ не иной кто, какъ святитель Николай. Подробности о жизни болящей находятся въ запискахъ Е. А. Мухановой, кои, по приказанію святого владыки-митрополита Московскаго Филарета, хранились въ ризницѣ Борисо-Глѣбско-Аносина монастыря въ числѣ документовъ монастырскихъ».

Далѣе объ этой Юліи Савва приводитъ записку В. А. Муханова. «Въ началѣ сороковыхъ годовъ пріѣхала изъ Харькова бѣдная больная, здѣсь никому неизвѣстная, подъ именемъ Юліи Николаевны Петровой, и помѣстилась за Москвой-рѣкой въ очень небольшой квартирѣ. При ней былъ младенецъ, мальчикъ Николай, незаконнорожденный, котораго мать уговорила Юлію взять на воспитаніе, обѣщая давать ей на содержаніе своего сына, чего однако не исполнила; но эту помощь она передавала таинственно, потому что была извѣстнаго круга и скрывала свой поступокъ. Отказаться Юліи не было возможности, потому что, бывши еще, до пріѣзда своего изъ Харькова, на Кавказѣ, на водахъ, она встрѣтилась съ этой дамой (гораздо старѣе ея годами), которая ей значительно помогала денежно, и тѣмъ дала ей способъ доѣхать съ Кавказа до Харькова. Юлія, изъявляя ей свою глубокую благодарность, сказала, что рада была бы и съ своей стороны оказать ей какую-либо услугу, но, находясь въ бѣдности и не имѣя ни знакомыхъ, ни покровителей, ничѣмъ не можетъ изъявить ей свою признательность. Та на это отвѣчала: Кто знаетъ? Иногда и бѣдные люди могутъ тоже помочь богатымъ, если истинно возымѣютъ на то усердіе. Больная и молодая Юлія, не имѣя еще никакой опытности въ жизни, приняла это за деликатное уклоненіе отъ изъявленія ей благодарности. Позднѣе, бывши уже въ Харьковѣ, получила она письмо, гдѣ вышеупомянутая дама убѣдительно ее просила не отказываться принять на воспитаніе ея новорожденнаго сына, напоминая ей ея соб-

ственныя слова, когда она имѣла случай ей подать помощь на Кавказѣ. Этотъ младенецъ много горя причинилъ Юліи впослѣдствіи, навлекая на нее самыя неприличныя подозрѣнія, тѣмъ болѣе, что при немъ и бумагъ никакихъ не было, такъ что въ Москвѣ многіе отвратились отъ нея, кто прежде покровительствовалъ ей. Не знаю, сколько времени оставалась она въ Харьковѣ, но лечилась у многихъ докторовъ отъ ужасныхъ судорогъ и корчей, съ которыми и сюда пріѣхала; онѣ приводили ее въ ужасное положеніе, совсѣмъ для нея безсознательное, такъ что она иногда съ кровати падала на полъ, и тутъ начинались ясновидѣніе и разговоры шепотомъ съ невидимыми благодатными силами, что̀ частію разсказано въ дневникѣ покойной сестры моей Екатерины, познакомившейся съ нею въ 1843 году. Въ Ахтыркѣ была она на духу у игумена Сергія и принесла ему полную исповѣдь свою. Она безъ умиленія никогда впослѣдствіи не могла о немъ вспоминать. Онъ, между прочимъ, совѣтовалъ ей, чтобы она никому не открывала тайну сверхъестественнаго своего положенія, говоря, что многіе священники не поймутъ этого состоянія. Въ Москвѣ она избрала себѣ въ духовники Сергія Григорьевича Терновскаго, который въ теченіе десяти лѣтъ ея здѣсь жизни былъ постояннымъ ея духовникомъ по нѣскольку разъ въ годъ. Мы ее узнали за Москвой-рѣкой, въ приходѣ Іоанна Воина; но чрезъ нѣсколько времени покойная сестра моя Екатерина, которая очень съ нею сблизилась, купила маленькій домъ въ переулкѣ у Ржевской Божіей Матери, близъ Молчановки, и тутъ Юлія скончалась въ 1853 году. Она взяла за нѣсколько лѣтъ до смерти второго ребенка, дѣвочку, которую ей подкинули на крыльцо въ глубокую осень; при этомъ второмъ младенцѣ была икона Иверской Божіей Матери, тонкія пеленки, часы дамскіе и письмо, гдѣ обѣщали вскорѣ взять младенца обратно, надѣясь на счастливый бракъ; но это никогда не состоялось, а хлопотъ было съ ребенкомъ много, хотя нареканія и клеветы не такъ преслѣдовали, потому что, кто ее зналъ, тотъ видѣлъ, что это была мученица-страдалица, часто не владѣвшая ногами. Наконецъ, по мѣрѣ уменьшенія видимыхъ судорогъ и корчей, у нея развилась скоротечная чахотка, соединенная съ водянкой, что̀ и прекратило дни ея. Въ ея христіанскомъ направленіи отличительныя черты были незлобіе и благотворительность; то, что̀ получала отъ ближнихъ ей, раздѣляла съ неимущими, оставляя себѣ только самое необходимое и говоря, что данное ей—не ея, а даръ Божій, принадлежащій бѣднѣйшимъ».

Объ этой Юліи митр. Филаретъ (весьма секретно) писалъ къ архим. Антонію *) «О Петровой мало я говорилъ вамъ потому, что вамъ

*) Письмо отъ 11 Окт. 1855. III, 351.

ея состояніе не казалось хорошимъ, а мнѣ казалось хорошимъ, хотя и не совершеннымъ; и я не хотѣлъ опираться на свое мнѣніе. Но я зналъ о ней немало примѣчательнаго. Незадолго до своей смерти, въ болѣзни, она видѣла себя въ путешествіи въ Кіевъ, имѣла потомъ значительное облегченіе, и имѣла, кажется, надежду, что видѣнное сбудется; однако не сбылось. Но иное сбывалось необыкновеннымъ образомъ. Съ нею бывало такое состояніе, что она видѣла въ духовномъ мірѣ, сохраняя сознаніе видимаго чувственнаго міра, и тогда скрывала видимое въ духовномъ мірѣ; но иногда теряла при семъ сознаніе видимаго міра, и ея необыкновенное состояніе могло быть примѣчено. Для сего старались удалить отъ нея постороннихъ; но одна христіанская подруга ея имѣла къ ней всегда безпрепятственный входъ. Такимъ образомъ однажды, вошедши къ ней, услышала, что она уговариваетъ султана не начинать войны съ Россіею. Это было гораздо ранѣе посольства князя Меньшикова, когда никто не думалъ о войнѣ съ Турціею. Года за два или за три до кончины покойнаго императора она говорила, что жизнь его не продолжится, и что врачъ не безъ вины будетъ. О видѣніи препод. Сергія въ ризницѣ она мнѣ написала записку, сказавъ, что видѣла во снѣ, какъ обыкновенно выражалась, когда открывала нѣчто изъ своихъ видѣній. Къ препод. Сергію она имѣла особенную вѣру и признавала многія отъ него ей милости. Въ первое время болѣзни моей матушки, она прислала мнѣ просфору, принесенную за ея здоровье, съ запиской, въ которой сказала, что это послѣдняя изъ сорока ежедневно приносимыхъ, и что это ей велѣно было сдѣлать. Мнѣ примѣтно было, что матушка проходила въ сіе время нѣкоторое душевное состояніе, которому особенно приличествовала молитвенная помощь и которое потомъ перемѣнилось на лучшее. Несомнѣнно вѣрно слово: *пришедшу слову познаютъ пророка*; но, при нѣкоторыхъ признакахъ, и прежде исполненія оставлять безъ вниманія предостерегающее слово едва ли благоразумно. Если слово предостереженія примемъ, какъ посланное, и употребимъ осторожность, то, хотя бы она оказалась не нужною, грѣха и вреда не будетъ. А если оставимъ предостереженіе безъ вниманія, а оно окажется справедливымъ, будетъ и вина, и вредъ».

«Въ нашемъ столѣтіи» со дня рожденія митроп. Филарета, Обществомъ Любителей Духовнаго Просвѣщенія было устроено торжество и затѣмъ предложено Московской Городской Думѣ, не угодно-ли оказать какое-нибудь денежное пособіе для изданія юбилейнаго сборника. Въ собраніи Думы поднялись пререканія, въ высшей степени оскорбительныя и для Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, и для памяти великаго святителя. Одинъ изъ почтенныхъ гласныхъ Думы поднялъ

голосъ въ пользу предложенія Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, присовокупивъ, что если за два года предъ симъ Дума не затруднилась отпустить значительную сумму на устроеніе торжественныхъ похоронъ одного музыканта, начальника музыкальнаго училища, всего менѣе можно колебаться, когда идетъ дѣло о пособіи со стороны Думы на такое доброе дѣло, какъ изданіе сборника въ честь великаго Московскаго святителя. «Но этотъ музыкантъ принесъ существенную пользу обществу», послышался чей-то голосъ въ Думѣ, поддержанный другими гласными. Вслѣдствіе разногласія обсужденіе спорнаго дѣла отложено до слѣдующаго засѣданія. Въ виду возможности новыхъ оскорбительныхъ для памяти святителя заявленій при дальнѣйшемъ обсужденіи, Общество поспѣшило взять назадъ свое предложеніе».

Въ этомъ постановленіи Думы однако сказалось не неуваженіе къ памяти митр. Филарета, а къ Московскому духовенству, которое въ большинствѣ своимъ положеніемъ и отношеніемъ далеко не заслуживало любви и почитанія. Московскіе монахи и попы всѣмъ извѣстны, а безапелляціонные поборы съ церквей и безъ того безцеремонны. Ужъ одно обложеніе церквей и прихожанъ на Семинаріи, гдѣ по годамъ, изъ-за забастовокъ дѣтей духовенства, не производится ученія, возбуждаетъ ропотъ церковныхъ старостъ, зачѣмъ же платимъ учителямъ, которые не ходятъ и въ Семинарію? Впрочемъ и не одни старосты ропщутъ; стало поговаривать объ этомъ и духовенство, знающее хорошо причины этихъ забастовокъ. Теперь, въ большинствѣ, наставники Семинаріи смотрятъ на свое мѣсто, какъ на синекуру и знаютъ иногда гораздо меньше своихъ учениковъ, посѣщающихъ вмѣсто классовъ общественныя библіотеки и гимназіи.

.... Лѣнь, пьянство; полнѣйшая бездарность: вотъ отличительная черта такихъ педагоговъ, дотягивающихъ до пенсіи и эмеритуры. О неуваженіи всѣхъ сословій къ духовенству проф. Ростиславовъ говорилъ очень подробно. Кажется, надо признать справедливою мысль, писалъ онъ, что въ древней Руси духовенство вообще пользовалось гораздо бо̀льшимъ уваженіемъ и любовію у православнаго народа, нежели нынѣ. Монахи, особенно епископы, имѣли даже политическое значеніе; съ ними очень часто совѣтовались. Великіе князья и даже цари не рѣдко обращались къ нимъ, когда нужно было помирить двѣ враждующія стороны, укротить негодованіе какого-либо князя, принимали отъ нихъ благословеніе, даже искали въ нихъ моральной подпоры, когда рѣшались на отважный какой-либо подвигъ и пр. Для этого стоитъ только припомнить имена Сергія преподобнаго, Алексѣя, Филиппа, Никона и пр. Бѣлое духовенство не пользовалось такимъ же уваженіемъ, какъ черное, но не было впрочемъ и въ пренебреженіи;

даже, какъ кажется, имѣло сильное моральное вліяніе на мірянъ. Конечно, доказательствъ на это приходится искать въ событіяхъ достойныхъ сожалѣнія, именно въ волненіяхъ, происшедшихъ по случаю появленія раскольниковъ. Тутъ двигателями и предводителями являются духовныя лица напр. протопопъ Аввакумъ, священникъ Никита, называемый Пустосвятъ, дьяконъ Александръ, основатель Дьяконовщины, Корнилій пономарь, основавшій Выговское общежитіе и пр. Я нисколько не хвалю этихъ предводителей, но скажу, что увлекать за собою массы и поддерживать борьбу противъ сильной церковной и гражданской власти можно тѣмъ только людямъ, которые пользуются уваженіемъ и любовію увлекаемыхъ».

«Напротивъ нынѣ очень уже извѣстно, что духовенство особенно бѣлое, потеряло уваженіе и любовь чуть не во всѣхъ сословіяхъ. Отдѣльныхъ изъ него лицъ любятъ и уважаютъ, да и нельзя не полюбить и не уважать, многіе стоютъ этого; но цѣлое сословіе находится въ презрѣніи. Вмѣсто того, чтобы, разслѣдовавъ безпристрастно причины этого печальнаго явленія, принять дѣятельныя рѣшительныя мѣры къ примиренію пастырей съ паствою, авторитетные дѣятели въ духовенствѣ не хотятъ признать даже существованіе самаго факта. Или не догадываясь на столько, чтобы замѣтить, или намѣренно, закрывая себѣ глаза, или видя, но показывая себя невидящими, они говорятъ, что паства по прежнему благоговѣетъ предъ своими пастырями, что у священника продолжаютъ цѣловать руку, открывать предъ нимъ свою совѣсть, прибѣгаютъ къ нему за утѣшеніемъ въ грозный предсмертный часъ и пр.».

«Въ Петербургѣ 1 Марта, отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ Савва, совершилось весьма прискорбное событіе. Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, членъ Государственнаго Совѣта Маковъ лишилъ себя жизни выстрѣломъ изъ револьвера; такая трагическая смерть послѣдовала на 53 году его жизни. По словамъ «Новаго Времени» (№ 2516), Маковъ былъ человѣкъ гуманный, глубоко вѣрующій. Что же было причиною такой необычной и неприличной столь высокопоставленному лицу смерти? Едва ли онъ не былъ прикосновененъ къ дѣлу о происходившемъ около того времени расхищеніи казенныхъ лѣсовъ въ Оренбургскомъ краѣ»*.) Въ «Новомъ Времени» возвѣщено, что 15-го Апрѣля, въ Великій Пятокъ, въ Сергіевской пустыни, близъ Петербурга, надъ могилой герцогини Терезіи Петровны, по случаю 9-го дня ея кончины, совершена была настоятелемъ монастыря архимандритомъ Игнатіемъ соборнѣ торжественная панихида. Какой соблазнъ для православныхъ!

---

*) Это напраслина: Маковъ былъ человѣкъ честный. П. Б.

«Въ этотъ великій день митр. Филаретъ не разрѣшилъ своему викарію, епископу Леониду, совершить въ домовой церкви барона М. Л. Боде поминовеніе о матери его глубоко-благочестивой старицѣ. Въ Вел. Пятокъ, писалъ Филаретъ къ Леониду, не творится память даже и святыхъ людей; въ этотъ день совершается православною церковію только воспоминаніе о великомъ Голгоѳскомъ страдальцѣ».

Отъ Н. П. Кирѣевской, пишетъ Савва, слышалъ я разсказъ о покойномъ митрополитѣ Макаріи и о несчастно-погибшемъ архимандритѣ Срѣтенскаго монастыря Мелетіи, будто имена того и другого изъ нихъ значатся въ спискѣ соціалистовъ, захваченномъ въ Харьковѣ у какой-то Филипповой. Затѣмъ преосвященный Владимирскій Ѳеогностъ разсказывалъ о причинѣ перемѣщенія въ Тверь экзарха Грузіи, архіепископа Евсевія (похищеніе у него извѣстною особою 30.000 рублей) и о епископѣ Іоаннѣ Алеутскомъ. О послѣднемъ сказывалъ, что онъ, во время пребыванія въ Санъ-Франциско, просилъ у Синода разрѣшенія имѣть въ своемъ домѣ *жёнскую* прислугу, по причинѣ крайней дороговизны прислуги мужской. Княгиня С. В. Мещерская сообщила мнѣ, со словъ князя Ив. Вас. Мещерскаго, который, состоя въ званіи шталмейстера, поддерживалъ въ день коронаціи порфиру Государя, что, когда царскія особы привѣтствовали Его Величество по совершеніи чина коронованія, онъ ясно слышалъ слово Великаго Князя Константина Николаевича: «простите».

Съ Витебскомъ Савва не прерывалъ сношеній, и его прежніе сослуживцы сообщали ему новости. Такъ протоіерей Волковъ 2-го Іюня писалъ «Торжество свящ. коронованія праздновали и мы, какъ умѣли и какъ могли. Радость выражалась молитвами, флагами и иллюминаціями. Но что наше празднованіе противъ Московскаго? Поистинѣ одна капля противъ моря... При томъ же тамъ всѣ и все ликовало неподдѣльно, не фальшиво, всецѣло душой и тѣломъ. Но можно ли вѣрить въ искренность Католиковъ и Жидовъ? Чтобы они ни говорили, какъ бы ни увѣряли въ своей вѣрности и преданности—ложь... и тотъ ошибается и согрѣшитъ, кто вѣритъ Русскимъ патріотическимъ чувствамъ ихъ. А тутъ, какъ на зло, газеты все требуютъ Жидамъ равноправія съ Русскими»...

Нашему губернатору Фонъ-Валю, который надѣялся, не дали 1-й ст. Станислава. Какъ человѣкъ по службѣ энергическій, дѣятельный, честный, онъ заслуживаетъ награду; но какъ Нѣмецъ, котораго всѣ симпатіи на сторонѣ Нѣмцевъ и Католиковъ, съ которыми только братается и дружится, не стоитъ... Весьма полезно было бы, если бы его куда-нибудь, въ Тамбовъ, въ Рязань, въ Вологду перевели, а сюда Русскаго и православнаго. Витебскую губернію запрудили Нѣмцы...

Нуженъ, очень нуженъ здѣсь губернаторъ всегда Русскій и православный тѣломъ и душой».

Преосвященный Іаковъ писалъ изъ Владимира, что 8 Іюня гостилъ у нихъ, а потомъ ѣздилъ въ Суздаль Т. И. Филипповъ. Въ Суздальской крѣпости онъ посѣтилъ старообрядческаго епископа Конона, разсчитывая получить отъ него копію замѣчаній его на Регламентъ Петра І-го, но не достигъ этого: старецъ, говорятъ, носитъ на груди свои замѣтки и видимо не хочетъ, чтобы при жизни его знали его мысли относительно Духовнаго Регламента. Однако, какъ видно и это невиннѣйшее желаніе страдальца-епископа не исполнилось. Жестокосерднымъ комендантомъ Суздальской обители иноческаго чина у Конона были отобраны всѣ бумаги и записки, которыя онъ велъ во время заключенія [1]). Гдѣ же эти бумаги?

19 Іюня Савва получилъ изъ Витебска отъ каѳедральнаго протоіерея письмо съ извѣщеніемъ о смерти преосвященнаго Викторина, того самаго, который обобралъ всѣ драгоцѣнности Спасо-Казанскаго монастыря, гдѣ онъ былъ настоятелемъ [2]). Жалѣя его, о. протоіерей между прочимъ присовокупляетъ, что напрасно кончину Викторина приписываютъ непріятностямъ, понесеннымъ имъ въ Каменцѣ-Подольскѣ: онъ выѣзжалъ оттуда уже съ зловѣщими задатками смерти и прямо, въ откровенной дружеской бесѣдѣ, приписывалъ ихъ тѣмъ огорченіямъ и оскорбленіямъ, какія причинилъ ему пресловутый Поповицкій въ своей газетѣ Церковно-общественномъ Вѣстникѣ. «Вотъ кто истые его убійцы». Значитъ, опять виноваты писатели и обличители. Не нравится нашимъ владыкамъ правдивое слово, особенно обличающее ихъ не совсѣмъ монашеское поведеніе и любостяжательность. «И настоящій нашъ владыка архіепископъ Маркеллъ, продолжаетъ въ этомъ же письмѣ Витебскій протоіерей, очень плохъ здоровьемъ. Въ день св. Николая на литургіи, во время херувимской пѣсни, онъ, постоянно слабый и хилый, совершенно лишился было чувствъ, и мы сослужащіе хотѣли его уже разоблачить, полагая, что онъ кончается. Впрочемъ, не смотря на болѣзненное состояніе, онъ ведетъ дѣло по управленію епархіею неутомимо и по пути строго законному».

Маркеллъ еще 6 лѣтъ продолжалъ управлять епархіей и только когда увидѣли «тамъ», что держать долѣе нѣтъ возможности, въ 1889 г. назначили его присутствовать въ Синодѣ!

Припоминаются слова профессора Ростиславова. «Одинъ архіерей и съ молоду не отличавшійся знаніемъ дѣлъ, перевадивъ за 70 лѣтъ,

---

[1]) „Русск. Архивъ", 1906, стр. 403.

[2]) Русск. Архивъ, 1905, стр. 281.

предоставилъ распоряжаться всѣмъ или своей дворнѣ или консисторіи; епархія страдала отъ взяточничества и несправедливостей. Услыхали о томъ и положили перевести старика, годнаго только на покой, въ какой либо монастырь, въ другую высшую по номераціи епархію, полагая тоже, что онъ не предприметъ далекаго пути; но ошиблись: старикъ поѣхалъ, и теперь даетъ возможность другой консисторіи богатѣть и наживаться. Другого владыку ударилъ параличъ, руки трясутся такъ, что онъ не можетъ держать сосуда. Когда ему нужно бываетъ дѣлать визитъ главноуправляющему нѣсколькими губерніями, то онъ цѣлую четверть часа употребляетъ на то, чтобы перейти залу. Священниковъ въ такихъ случаяхъ требуютъ въ крестовую или каѳедральный соборъ и, какъ скоро увидятъ трясеніе въ рукахъ, увольняютъ отъ должности; но архіерей, управляющій одною изъ важнѣйшихъ въ настоящее время епархій, не смотря на свое параличное состояніе, продолжаетъ оставаться на своемъ мѣстѣ; служеніе въ соборѣ поручилъ онъ своему викарію, дѣлами распоряжается одинъ протоіерей. Четвертый назначенъ былъ въ одну изъ заграничныхъ миссій, гдѣ ему нужно было играть и политическую роль. Поэтому г. министръ иностранныхъ дѣлъ захотѣлъ видѣть человѣка, съ которымъ ему нужно будетъ имѣть сношенія. Бесѣдуя съ нимъ, министръ убѣдился, что на новаго епископа рѣшительно нельзя положиться: такъ ограничены были его умственныя способности. Тутъ спорить было нельзя, министру дали новаго епископа; но прежняго не послали куда либо на покой въ монастырь, гдѣ онъ, по своимъ монашескимъ правиламъ, можетъ быть, былъ бы на мѣстѣ, по крайней мѣрѣ вредилъ бы одному монастырю; нѣтъ, ему поручили въ управленіе многолюднѣйшую епархію. У него тотчасъ же явился alter ego, намѣстникъ, или лучше временщикъ-іеромонахъ, который всѣмъ и началъ распоряжаться небезкорыстно. О вопіющихъ несправедливостяхъ и безпорядкахъ, которые произошли, дошло до свѣдѣнія высшаго начальства; епархіальному начальнику дали знать, чтобы онъ удалилъ отъ себя іеромонаха. «Нѣтъ, отвѣчалъ іерархъ, я не могу съ нимъ разлучиться; смѣните лучше меня». Неразрывныхъ друзей не разлучили и оставили епархію подъ общимъ ихъ управленіемъ. О пятомъ были получены донесенія отъ генералъ-губернатора, жандармскаго штабъ-офицера, градского головы и пр., что жизнь его вовсе не архипастырская. Улики были на лицо; долго думали, какъ бы выпутать изъ бѣды своего брата; положили вытребовать его въ Петербургъ для присутствія въ Синодѣ и при этомъ случаѣ посмотрѣть на него. Пріѣхалъ; разумѣется, два года нужно и можно было отъ всего воздержаться, по крайнѣй мѣрѣ устроить дѣло такъ, чтобы не все выходило наружу. И потому изъ третьеклассной епархіи перевели его во второклассную и

вмѣстѣ съ тѣмъ наградили орденомъ. Шестая личность представляетъ собою едва ли не самый замѣчательный примѣръ ненаказанности. Въ своей епархіи онъ распоряжается, рѣшительно ничѣмъ не стѣсняясь, и потому на него поступило сначала множество жалобъ. Одна важная особа въ проѣздъ свой чрезъ резиденцію этой личности отдала ей цѣлую кипу жалобъ и просила быть только поосторожнѣе. Жалобы даже не были помѣчены. Изъ дальней епархіи былъ вызванъ въ Петербургъ архіерей для засѣданія въ Св. Синодѣ, но такъ какъ онъ оказался слишкомъ старъ, то былъ посланъ съ почетомъ на другую епархію для ея исправленія. Встрѣтила паства новаго святителя и порадовалась, что наконецъ-то порядокъ дѣлъ будетъ возстановленъ, что каждое чадо, какъ Израиль во дни Соломона, отдохнетъ подъ сѣнію своей кущи (слова изъ привѣтственной рѣчи); но вскорѣ узнали на дѣлѣ, что преосвященный, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, слишкомъ уже дряхлъ. Между тѣмъ, ради этой старости, свыше оказывалось ему глубочайшее вниманіе. Потребовались владыкѣ нѣкоторыя знакомыя ему личности изъ прежней епархіи; ихъ тотчасъ же вызвали для утѣшенія старика. Въ числѣ-то этихъ вызванныхъ личностей появились новые секретарь и письмоводитель. Что надѣлали здѣсь эти выходцы, со стороны трудно повѣрить: грабили и грабили всѣхъ, не обращая вниманія ни на званіе, ни на состояніе; не пощадили даже сиротскихъ денегъ. Паства вопіяла, вопль доходилъ и до верхнихъ слоевъ административной атмосферы, но изъ уваженія къ владыкѣ-старику удовлетворенія не было. Шесть лѣтъ продолжались страданія. Наконецъ преосвященный умеръ. На погребеніе изъ Петербурга пріѣхалъ другой архіерей и тотчасъ занялся ревизіей или изслѣдованіемъ. При гробѣ покойника поднялся судъ надъ всѣми членами консисторіи, безъ разбора. Когда приступили къ набору новыхъ членовъ, то оказалось, что все духовенство городское, болѣе надежное, уже подъ судомъ. Выслушавъ указъ объ увольненіи отъ членства, одинъ изъ членовъ могъ только замѣтить: «это было давно, въ нѣкоторомъ царствѣ былъ такого рода обычай, что когда умиралъ царь, то убивались и всѣ чиновники, служившіе при немъ». Пусть бы и такъ; только зачѣмъ же къ древнимъ обычаямъ прибавлять еще новые? Всѣхъ членовъ отдали подъ судъ; секретаря, его помощника, чиновника канцелярскаго, даже въ острогъ посадили, а одинъ изъ членовъ, при помощи протекціи, все таки успѣлъ сухимъ вылѣзть изъ воды; письмоводитель же до суда съ хорошимъ запасомъ денегъ убрался въ Петербургъ и тамъ, говорятъ, живетъ отлично, успѣвъ даже за какія-то медали, выбитыя имъ въ память чего-то, получить перстень изъ кабинета. Снисходительность или потачки относительно епархіальныхъ начальниковъ бываетъ такъ велика, что иногда верховная власть

сама требуетъ отъ Синода болѣе бдительнаго надзора и формальнаго дознанія, или даже удаляетъ виновныхъ.

26-го Іюня братъ Костромского епископа Игнатія, преподаватель Московской семинаріи, С. Д. Рождественскій увѣдомлялъ Савву о причинахъ болѣзни Игнатія, его кончинѣ и какъ его отстранили отъ участія въ коронаціи, и затѣмъ добавляетъ: «Покойный никогда не жаловался на свое здоровье, не говорилъ о томъ, что онъ тѣмъ-то и тѣмъ-то не доволенъ и испытываетъ непріятности. А непріятности несомнѣнно были. Такъ, преосв. Амвросій (Ключаревъ) въ Октябрѣ 1882 г., передавалъ мнѣ о томъ, что идетъ слухъ, будто преосвященный Костромской «записываетъ». Въ виду того, что Амвросій говорилъ мнѣ именно съ тѣмъ, чтобы я написалъ объ этомъ брату, я рѣшился написать. Для покойнаго брата, отличавшагося крайнимъ воздержаніемъ, такое извѣстіе было крайне-прискорбно. Но теперь ужъ не поправишь дѣла». Въ концѣ письма Рождественскій, какъ самое интересное, сообщилъ, что послѣ Игнатія осталось кредитными билетами 5.000 и 13.000 банковыми билетами. Игнатій пробылъ на Костромской епархіи пять лѣтъ, не пользовался любовію своей паствы и, по характерному выраженію митр. Филарета, часто «затворялся въ келіи», что̀, быть можетъ, и дало поводъ къ обвиненію «въ запитіи». Кромѣ того, не смотря на строго цензурное время, про него проскакивали и ядовитыя корреспонденціи. Такъ, въ «Московскомъ Листкѣ» между прочимъ упоминалось, что въ мѣстной губернской типографіи печатается трудъ Игнатія «Руководство для преосвященныхъ, вызываемыхъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ» съ таблицами и росписаніями. Затѣмъ въ одномъ изъ писемъ къ Саввѣ между прочимъ упоминается, что болѣзнь Игнатія приключилась очевидно отъ тоски по Москвѣ, такъ какъ особыхъ причинъ не было.

Вызванный для присутствованія въ Синодѣ, Савва 26 Іюня отправился въ С.-Петербургъ, и первый визитъ имъ былъ конечно нанесенъ митр. Исидору, который между прочими разговорами хвалилъ К. П. Побѣдоносцева за его благонамѣренность и безпристрастіе и порицалъ систему дѣйствованія графа Д. А. Толстого за излишнее покровительство бѣлому духовенству. Однако въ данномъ случаѣ графъ Толстой былъ правъ. О гордости нашихъ старинныхъ іерарховъ особенно въ отношеніи къ бѣлому духовенству далъ превосходную справку тотъ же Ростиславовъ. «Старинные наши митрополиты», писалъ онъ, «и даже первые изъ патріарховъ съ современными имъ архіереями не любили пропускать случаи, гдѣ бы имъ можно было выказать свое величіе; но настоящую аристократическую, даже автократическую или, лучше, автоіерархическую важность стали обнаруживать наши іерархи со временъ

Никона. Патріархъ (Никонъ) окружилъ себя недоступнымъ величіемъ». По словамъ же современниковъ Никона онъ *возлюбилъ стоять высоко, ѣздить широко.* И грозенъ былъ, должно думать, святитель, когда приставленный для надзора за нимъ Нероновъ говорилъ: «да и какая тебѣ честь, владыка святый, что всякому ты страшенъ, и другъ другу, грозя, говорятъ: знаете ли, кто онъ, звѣрь ли лютый левъ, или медвѣдь, или волкъ? Дивлюсь. . . . отъ тебя всѣмъ страхъ, и твои посланники пуще царскихъ всѣмъ страшны, никто не смѣетъ съ ними говорить». Самъ царь Алексѣй Михайловичъ въ полномъ смыслѣ боялся грознаго владыки. «Въ то время, какъ патріархъ Антіохійскій и царь Алексѣй пріѣхали въ Саввинъ монастырь, тамъ содержался въ заточеніи дьяконъ Сербскаго митрополита. Этому дьакону Никонъ запретилъ священнослуженіе. Дьаконъ, выбравъ удобную минуту, бросился въ ноги царю и умолялъ дозволить ему совершить въ тотъ день службу. Царь отказался удовлетворить его просьбѣ и сказалъ: *боюсь патріарха Никона*; онъ отдастъ, пожалуй, мнѣ свой посохъ и скажетъ: возми и самъ паси монаховъ и священниковъ; я не вмѣшиваюсь въ то, какъ ты распоряжаешься своими воеводами и войсками, зачѣмъ же препятствуешь мнѣ управлять священниками и монахами?»

Знаменитый патріархъ нашелъ себѣ подражателей въ другихъ іерархахъ. Въ этомъ случаѣ особенно замѣчателенъ Іосифъ архіеп. Коломенскій. «Станетъ Іосифъ прохладенъ (на веселѣ) и не щадитъ никого, ни царя, ни патріарха, ни бояръ; говоритъ про великаго государя, что не умѣетъ въ царствѣ никакой расправы самъ-собою чинить; люди имъ владѣютъ, . . . а патріархъ Іоакимъ мало и грамотѣ умѣетъ, . . . на соборѣ только бороду уставя сидитъ, ничего не знаетъ, непостояненъ, трусъ... поученіе станетъ говорить, только гноитъ, и слушать не хочется... Іосифъ называлъ патріарха глупцомъ и безлюдицею, архіереевъ скотами и трусами, шушерою, бояръ—хамовымъ родомъ».

Воцарился и долгонько поцарствовалъ Петръ I. Это былъ уже не Алексѣй Михайловичъ; про него нельзя было сказать, чтобы онъ боялся патріарха; а между тѣмъ іерархи наши не усмирились еще, не отказались отъ высокаго мнѣнія о себѣ; иначе бы Регламентъ не сталъ предписывать, чтобы «всякъ епископъ не высоко о своей чести мыслилъ»; иначе не говорилось бы о томъ, что нужно «укротити оную вельми жестокую епископовъ славу». Петръ своею желѣзною волею еще могъ обуздывать притязанія и замашки духовной аристократіи; но по смерти его одинъ изъ архіереевъ рѣшился на неслыханный въ нашей исторіи поступокъ. Бывшій еще при Петрѣ Петербургскимъ архіепископомъ Ѳеодосій потребовалъ отъ своихъ подчиненныхъ почти такой

же присяги, какую у насъ даютъ императору, и т. о. устроилъ у себя въ Невскомъ монастырѣ маленькое царство. Вотъ эта присяга: «Великому господину, Св. Пр. Синода вице-президенту, преосв. Ѳеодосію, архіеп. Великоновгородскому и Великолуцкому и архимандриту Александро-Невскому, обязуюсь во всемъ по должности моей вѣренъ и весьма покоренъ быти и все до его архіерейской чести принадлежащее, по послѣдней моей силѣ, умножать, и охранять, и остерегать, и защищать, и тайность хранить всеусердно буду, и о противныхъ случаяхъ доносить и всякіе вреды отвращать всеприлежно потщуся, и повѣренной и положенной на мнѣ чинъ, въ которой я указомъ его преосв. опредѣленъ, какъ по приличному званію моему императорскаго величества указомъ и регламентомъ и прочимъ правамъ, такъ и по его преосвященнаго архіепископа опредѣленіямъ и инструкціямъ, каковы мнѣ вручены или впредъ даны будутъ, отъ которыхъ что̀ до моего званія и порученнаго мнѣ правленія надлежитъ, долженствую исправлять по совѣсти моей вѣрно и справедливо». Хотя за эту попытку на самодержавіе и другія дѣянія помянутый плутъ Ѳеодосъ (какъ выражается Синодъ) кончилъ жизнь въ заключеніи; хотя при Биронѣ между архіереями явились даже безвинные страдальцы: но все-таки *вельми жестокая гордость* ихъ вполнѣ не укротилась. Когда Екатерина II-я рѣшилась на отобраніе населенныхъ имѣній отъ монастырей и архіерейскихъ домовъ, то нашелся еще у насъ подражатель попамъ. «Вмѣсто буллы Ростовскій Арсеній Мацѣевичъ въ чиноположеніи Недѣли Православія прибавилъ Анаѳему обидчикамъ церквей и монастырей». Поплатился и Арсеній за свое «Анаѳема» заточеніемъ; іерархи увидали, что имъ съ свѣтскимъ правительствомъ бороться невозможно; оставалось быть предъ нимъ смиренными пастырями. Слышалъ я между прочимъ отъ одной весьма почтенной особы, что Петербургскій митрополитъ, настаивая на уничтоженіи министерства духовныхъ дѣлъ, будто бы на одно замѣчаніе Императора сказалъ: «кому и учить васъ, какъ не мнѣ?»

Но, смирившись предъ правительстномъ, наши іерархи могли еще «*стоять высоко и ѣздить широко*» относительно своихъ подчиненныхъ. И въ этомъ случаѣ историческія преданія имъ весьма благопріятствуютъ. Знаменитый Кіевскій митрополитъ Петръ Могила не отличался снисхожденіемъ къ монахамъ и даже къ митрополиту, своему предшественнику. Будучи посланъ отъ него уполномоченнымъ на коронацію Владислава, Могила выхлопоталъ себѣ королевскую грамоту на митрополію и, возвратившись въ Кіевъ, свергнулъ митрополита Исаію, выгналъ его, больного старика, изъ Михайловскаго монастыря въ одной власяницѣ, такъ что онъ кончилъ жизнь въ бѣдности; потомъ съ вооруженнымъ отрядомъ и пушками напалъ на Николаевскій пустынный монастырь, велѣлъ бить монаховъ плетьми до тѣхъ поръ, пока не объявили, гдѣ

у нихъ спрятаны деньги и серебро, и выгнанные монахи бродили безъ пристанища. Нѣкоторыхъ Печерскихъ монаховъ, заковавши въ кандалы, отсылалъ онъ къ казакамъ, какъ уніатовъ; Арсенія, игумена Троицкаго монастыря, слѣпого, такъ били, что онъ чрезъ нѣсколько недѣль умеръ.

И Великороссійскіе архіереи похожи были на Петра Могилу. Еще при Алексѣѣ Михайловичѣ «не только мелочной Іосифъ, но и преемникъ его Никонъ по характеру своему не былъ способенъ мягко и благодушно относиться къ подчиненнымъ, уважать въ нихъ высокость пастырскаго сана... «Впрочемъ отъ Никона доставалось не попамъ однимъ. «Паисій (архіерей) хотѣлъ было первый говорить; но Никонъ, увидавъ его, вышелъ изъ себя, и бранныя рѣчи полились на Лигарида: «воръ, нехристь, собака, самоставленникъ, мужикъ; давно ли на тебѣ архіерейское платье? Есть ли у тебя отъ вселенскихъ патріарховъ ко мнѣ грамоты? Не въ первый разъ тебѣ ѣздить по государствамъ и мутить; и здѣсь хочешь дѣлать тоже!» Заговорилъ Іосифъ Астраханскій, Никонъ бросился на него: «Помнишь ли ты, бѣдный, свое обѣщаніе? Обѣщался ты и царя не слушать, а теперь говоришь! Развѣ тебѣ бѣдному дали что-нибудь, я тебя слушать и говорить съ тобою не стану». Если такъ обращались съ архіереями, то очень можно повѣрить, что при великомъ патріархѣ «Татарскимъ абызамъ» было жить гораздо лучше, нежели попамъ, что дворяне и боярскіе люди имѣли право говорить: «Бей попа, что̀ собаку, лишь бы живъ былъ».

Но Іосифъ, Коломенскій архіепископъ, кажется, превзошелъ самого Никона. Конечно, можно прійти въ ужасъ, читая въ Ледяномъ Домѣ Лажечникова, какъ клевреты Бирона въ жесточайшій морозъ обливали на открытомъ воздухѣ хохла Гордѣенку водою и какъ она постепенно замерзала на обнаженномъ тѣлѣ несчастнаго мученика, покрыла его толстою ледяною корою и составила ледяную статую. Конечно также можно прійти въ негодованіе, слушая разсказы о тѣхъ расправахъ, которыя недавно *чинили* помѣщики и помѣщицы надъ своими крестьянами и крестьянками, даже дѣвицами. Но, вѣроятно, вы, господа читатели, сдѣлаетесь поснисходительнѣе къ клевретамъ Бирона и къ помѣщикамъ, когда прочитаете, что «кого начнетъ смирять Іосифъ (архіеп. Коломенскій), то кричитъ: Кто васъ у меня отниметъ? Не боюсь я никого; ни царь, ни патріархъ васъ у меня не отниметъ». Виноватымъ наказанія были жестокія: били шелепами и плетьми, сажали на цѣпи, дня по три ѣсть не давали, холодною водою со снѣгомъ (на дворѣ Бирона снѣгу не клали въ воду) за утренею соборныхъ поповъ и пѣвчихъ знобили, водою поливали, снѣгъ за пазуху клали; какого-то Петрушу Кирилова самъ архіерей на молебнѣ въ соборной церкви зашибъ до крови, поповъ билъ плетьми нагихъ и приговаривалъ: *бей*

гораздо, мертвые наши!» Вѣдь, какъ угодно, а Іосифа можно поставить выше и клевретовъ Бирона, и помѣщиковъ. Тѣ, можетъ быть, не заморозили бы Гордѣенку, если бы случайный пріѣздъ Императрицы не заставилъ ихъ сдѣлать ледяную статую. А помѣщики конечно жестоко наказывали своихъ крестьянъ, но изъ собственныхъ выгодъ не могли кричать: *бей гораздо, мертвые наши*: имъ нужны были живые люди для работъ и оброковъ. Іосифъ же могъ разсуждать такъ же, какъ разсуждали въ Наугеймскихъ соловарняхъ въ Гессенѣ, гдѣ, встрѣтивъ бочку съ разсоломъ, запряженную людьми, кто-то спросилъ: «Зачѣмъ вы не заведете лошадей?»—«Прежде были, ему отвѣчали, но нашли невыгоднымъ: лошадь околѣетъ, нужно купить новую, а умретъ человѣкъ, убытка нѣтъ». И его преосвященство Іосифъ мертваго попа могъ безъ всякаго убытка для себя замѣнить живымъ.

Не думайте, чтобы въ императорскій даже періодъ нашей исторіи іерархи отличались бо̀льшею гуманностію относительно своихъ подчиненныхъ. Въ 1767 г. Синодъ изъ производившихся въ немъ дѣлъ усмотрѣлъ, что «во многихъ епархіяхъ.... священнослужителямъ за происходящіе отъ нихъ проступки отъ духовныхъ командировъ, равно какъ бы и въ свѣтскихъ командахъ подлому народу, тѣлесныя чинятся наказанія и пристрастные распросы, чрезъ что духовенство, а особенно священнослужители, теряютъ должное по характеру своему отъ общества почтеніе, паствѣ же ихъ подается немалый соблазнъ и причина къ презрѣнію». И потому приказано было, чтобы «священникамъ.... какъ пристрастныхъ распросовъ, такъ и никакихъ тѣлесныхъ наказаній чрезъ побои въ духовныхъ командахъ отнюдь чинимо не было». Потомъ указомъ 20-го Мая 1771 г. предписано было сообразжаться съ предыдущимъ указомъ относительно дьяконовъ. Но и послѣ этого иные не оставили *чинить* тѣлесныя наказанія, для которыхъ въ архіерейскомъ дому имѣлись и плети. Въ этомъ отношеніи особенно отличался Владимирскій Іеронимъ. Я самъ слыхалъ отъ старика-священника, какъ въ его присутствіи этотъ архипастырь при всѣхъ приказывалъ сѣчь плетьми священнослужителей. Не вдругъ было оставлено *отеческое наказаніе*. Иначе нельзя объяснить высочайшую волю покойнаго императора Александра Павловича «относительно умѣреннаго, какъ выражался Синодъ, обхожденія съ духовными чинами», вслѣдствіе чего Синодъ предписалъ епархіальнымъ архіереямъ указами, чтобы «съ людьми духовнаго званія во всѣхъ случаяхъ начальники духовные поступали съ благоразумною кротостію и обходились умѣренно, сообразно духовному чину и нравственному ихъ состоянію».

«Акаѳистныхъ дѣлъ мастеръ» А. Ѳ. Ковалевскій *), посылая преосв.

*) См. „Русскій Архивъ" 1906, стр. 411.

Саввѣ свою статью «Воспоминанія о митрополитѣ Филоѳеѣ», пишетъ между прочимъ, что его «очень стѣсняло писать при воспоминаніяхъ о святителѣ, что воистину вышло смѣшеніе золота съ навозомъ, съ чѣмъ не мирился мой внутренній человѣкъ, такъ что я даже было обрадовался, когда редакторъ «Душеполезнаго Чтенія», по поводу слуховъ о большомъ капиталѣ въ Бозѣ почившимъ святителемъ оставленномъ его наслѣдникамъ, и объ искѣ между ними по этому поводу, усумнился сразу напечатать мою статью и задержалъ ее, пока не навелъ справокъ у лицъ, близко знавшихъ святителя. Но видно Богу угодно было, чтобы статья попала въ печать, почему теперь и сдѣлался я отвѣтственъ за нее вполнѣ». Статья Ковалевскаго, напечатанная во 2-й книжкѣ Душеп. Чтен. за 1883 г., разумѣется полна елейныхъ восхваленій праведнаго святителя. Въ этомъ же письмѣ Ковалевскій упоминаетъ, что ему Богъ помогъ прославить акаѳистною похвалою угодниковъ Божіихъ преп. Муромскихъ Петра и Ѳевронію, Нила Сорскаго и Корнилія Комельскаго. Оба послѣдніе акаѳиста, присовокуплялъ медоточивый составитель, написаны по древнему образцу, вышли довольно удачно и приняты съ утѣшеніемъ о. о. настоятелями. «На счетъ нашего владыки (Амвросія Ключарева), заканчиваетъ свое письмо А. Ѳ. Ковалевскій, много слышно шумнаго, звонкаго и нравящагося людямъ вѣка сего. Начинаніе его о сборѣ капитала для открытія закрытыхъ церквей, буде увѣнчается оно успѣхомъ, дѣйствительно очень возвыситъ его въ лицѣ іерарховъ нашихъ; но успѣхъ-то, кажется, сомнителенъ, и образъ сбора подчасъ не удаченъ по пріемамъ своимъ». Амвросій, назначенный въ Харьковъ черезъ три года послѣ Саввы, кажется, не очень радушно принималъ, хотя и благочестиваго, но очень самолюбиваго Андрея Ѳедоровича. Просвѣщенный и образованный Москвичъ, конечно, не могъ жаловать ханжу, не идущаго въ своихъ пониманіяхъ далѣе акаѳистнаго набора словъ, разсыпаемаго по заказамъ о. о. настоятелей Русскихъ обителей для ихъ утѣшенія и увеличенія доходовъ.

Въ другомъ письмѣ, говоря о дальнѣйшихъ своихъ акаѳистныхъ сочиненіяхъ (заказы на которыя онъ получилъ даже съ Аѳона) Ковалевскій жалуется на редакцію Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, гдѣ нéчего читать, и въ особенности опять порицаетъ Амвросія за то, что владыка рѣшительно обираетъ церкви своей епархіи на свои духовныя училища, требуетъ то, что̀ совсѣмъ не по силамъ, и что если такъ продолжится долѣе, то многія церкви останутся безъ возможности ремонтироваться.

Поборы съ церквей безъ всякаго участія прихожанъ, подобно контрибуціямъ, накладываемымъ побѣдителями на побѣжденныхъ и взимаемымъ безъ всякихъ возраженій, прямо возмутительны.

Преосв. Саввой было получено письмо изъ невѣдомаго ему скита Чечель Херсонской епархіи отъ знакомой игуменьи Валеріи, бывшей настоятельницы Московскаго Страстного монастыря. Эта сподвижница извѣстной игуменіи Митрофаніи писала, что и ее, наконецъ, Господь устроилъ на новомъ мѣстѣ, послѣ пятилѣтняго мытарства по чужимъ монастырямъ, которое привело ее еще къ убѣжденію, что въ наше время исполненіе заповѣди о любви къ ближнему и обѣтъ нестяжанія не цѣнятся людьми, а монашествующими въ особенности. Никто не вѣритъ, что можно пожертвовать собой безкорыстной цѣли, а еще менѣе вѣрятъ, что можно служить не накапливая капиталовъ; и нѣтъ той нелѣпицы, какую бы не сочиняли про тѣхъ отсталыхъ личностей, которыя въ наше время считаютъ за грѣхъ наживаться отъ ввѣренныхъ имъ имуществъ. Какъ бы вновь защищая себя отъ громкой молвы по Митрофанинымъ дѣламъ, Валерія кидаетъ грязью въ тоже время на только что умершаго Таврическаго преосвященнаго Гурія, который будто бы изъ своихъ личныхъ видовъ клеветалъ на нее и дѣлалъ ей зло по жестокости своего сердца и любви къ деньгамъ. Затѣмъ Валерія просила, чтобы Савва, засѣдая въ Синодѣ, сказалъ тамъ о ней, въ случаѣ нужды, доброе слово. Очевидно это доброе слово было замолвлено, можетъ быть и не однимъ Саввой; ибо Валерія скончалась настоятельницей, кажется, Ладинскаго монастыря въ Полтавской губерніи на рукахъ своего дорогого друга Митрофаніи, переѣздъ которой туда былъ разрѣшенъ Императрицей по ходатайству сестры Митрофаніи Аладьиной. Со смертью Валеріи и захолустный Ладинскій монастырь потерялъ для Митрофаніи всякое значеніе. Жилось тоскливо, а натура требовала общества и дѣятельности. Вскорѣ Синодъ разрѣшилъ Митрофаніи проживать въ разныхъ губерніяхъ, и она переѣхала въ Одессу, проживала въ Тамбовскихъ и Нижегородскихъ монастыряхъ, ѣздила въ Іерусалимъ. Затѣмъ переѣхала въ Усмань и часто бывала и живала въ Балашевскомъ монастырѣ, гдѣ сошлась съ сестрой Маріей, которая и замѣнила ей умершую Валерію. Это тотъ самый Балашовскій монастырь, гдѣ такъ поэтично описаны Шебуевымъ въ «Руси» прогулки на лодкахъ игуменьи Маріи съ преосв. Павломъ, проживающимъ на покоѣ въ этой святой обители.

19 Іюля Савва снова былъ у митр. Исидора и провелъ съ нимъ цѣлый часъ въ живой бесѣдѣ. Рѣчь шла между прочимъ о неодобрительныхъ и непріятныхъ отношеніяхъ свѣтскаго общества къ церкви и духовенству. Владыка со скорбію передавалъ, что нѣкоторыя изъ нашихъ царственныхъ особъ, посѣщавшія Константинополь, не отдавали визита вселенскому патріарху, тогда какъ Французская императрица Евгенія посѣщала всѣхъ почти католическихъ епископовъ и прелатовъ.

Заказанные для подарковъ народу, по случаю коронація, платки съ изображеніемъ какой-то богини не были допущены къ раздачѣ по внушенію Исидора черезъ оберъ-прокурора.

21 Іюля Савва получилъ приглашеніе прибыть въ Петропавловскій соборъ къ 11 часамъ дня на панихиду по Императрицѣ Маріи Александровнѣ. Пріѣхавъ въ $10\frac{1}{2}$ ч., онъ узналъ, что архіерейская панихида будетъ только въ 2 часа, а въ 11 ч. начнется литургія и послѣ оной панихида будетъ совершена для особъ Императорской фамиліи придворнымъ духовенствомъ. Савва хотѣлъ было вернуться домой, но ему вмѣстѣ съ Леонтіемъ предложили подождать и войти въ архіерейскую палатку. Палатка эта небольшая, довольно грязная комната; но вскорѣ ихъ перевели въ покои коменданта Ганецкаго, гдѣ угостили чаемъ и шеколадомъ. По окончаніи литургіи и царской панихиды Савва вмѣстѣ съ Леонтіемъ отправили эту панихиду въ присутствіи лишь 4—5 высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ. «Такіе порядки на первый разъ, заключаетъ Савва, поразили меня весьма непріятно».

Вскорѣ Савва былъ у министра народнаго просвѣщенія Делянова, разсказывавшаго ему о борьбѣ оберъ-прокурора съ Лорисъ-Меликовымъ, котораго и самъ Деляновъ страшно ненавидѣлъ за стремленіе къ конституціи. Въ слѣдующемъ визитѣ къ тому же Делянову Савва слышалъ отъ него о проектѣ бывшаго министра Н. П. Игнатьева относительно созванія на коронацію Земскаго собора и предложенія выборнымъ вопроса «чего они желаютъ, самодержавія или конституціи?» Проектъ этотъ былъ отвергнутъ всѣми министрами, и въ особенности оберъ-прокуроромъ. Такая неудача графа Игнатьева и была причиною удаленія его отъ министерства. Игнатьевскій проектъ Савва называетъ «нелѣпымъ».

Отъ Т. И. Филиппова Савва слышалъ подробности дѣла Булахъ и что дѣло о Ржевскомъ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія было началомъ безсонницы, а потомъ и умоповрежденія Филоѳея, который будто бы взялъ отъ Булахъ 30 т. р. на разныя богоугодныя учрежденія и что у Филоѳея оказалось очень много и писемъ Булахъ.

Говоря затѣмъ о смерти царскаго духовника Бажанова († 31-го Іюля 1883 г.) Савва дѣлаетъ примѣчаніе, что въ 1873 г., въ день своего полувѣкового юбилея, Бажановъ былъ награжденъ орденомъ Владимира 1-й степ., а по случаю окончанія перевода Ветхаго Завѣта на Русскій языкъ получилъ бриліантовый крестъ *на бриліантовой цѣпочкѣ*, между тѣмъ какъ ему хотѣлось имѣть по этому случаю панагію. Даже во время соборнаго служенія въ день коронаціи, когда настало время причащенія служащихъ, Бажановъ взялъ потиръ изъ рукъ епископа и причастился какъ служащій безъ епископа.

Описывая это происшествіе, Савва какъ бы подтвердилъ справедливость словъ проф. Ростиславова, который писалъ, что у бѣлаго духовенства осталась одна привилегія, которую бы монашествующіе желали уничтожить. Эта привилегія принадлежитъ протопресвитерамъ и особенно тѣмъ, которые по своимъ должностямъ непремѣнные члены Синода: и митра, которую они носятъ, и голосъ, который имѣютъ въ Синодѣ, и значеніе, которое пріобрѣтаютъ своимъ умомъ и заслугами, не нравятся монашествующимъ. Послѣ коронаціи Александра II-го одинъ архипастырь, считавшійся постникомъ, благочестивымъ, даже смиреннымъ, съ душевнымъ прискорбіемъ разсказывалъ своему задушевному другу (свѣтскому ханжѣ) объ одномъ непріятномъ впечатлѣніи, которое онъ вывезъ изъ Москвы. «Чтò нынѣ мы, архіереи? Бѣлое духовенство все у насъ отбиваетъ, а со временемъ отобьетъ. Представьте себѣ: вотъ мы пришли въ залу представиться Государю Императору, стоимъ въ ряду; я даже ногой шевельнуть, глазами повернуть не смѣлъ. А вотъ Василій Борисовичъ говоритъ съ великими князьями, смѣется съ ними: они жмутъ ему руку. Чтò тутъ? Чего намъ ожидать?» Десятка за два лѣтъ, одинъ свѣтскій профессоръ, пришедши къ пріятелю архимандриту, баккалавру академіи, засталъ его въ веселомъ расположеніи духа. «Чтò вы такъ веселы, о. архимандритъ?»—«Какъ же не быть веселымъ? Сейчасъ вотъ ѣду на *халтуру* *), буду на выносѣ служить обѣдню въ Сергіевскомъ соборѣ и погребеніе, потомъ провожу покойника на кладбище. Вѣдь славная халтура! Теперь извини меня; приходи вечеромъ, напьемся вмѣстѣ чаю». Пріятель пришелъ, но засталъ о. архимандрита въ крайнемъ негодованіи, чуть не въ бѣшенствѣ. «Чтò съ вами? Вѣрно, плоха вышла халтура».—«Ну нѣтъ, ошибаешься, отвѣчалъ архимандритъ. Деньги я получилъ хорошія, но униженія, которое я нынѣ вынесъ, никогда не забуду».—«Въ чемъ же было униженіе?»—«Вообрази, пожалуйста. Выносъ сдѣлалъ я изъ дому съ попами и шелъ, разумѣется, первымъ. Прихожу въ Сергіевскій соборъ, читаю входную, облачаюсь, хочу начать обѣдню, анъ-смотрю, предъ престоломъ стоитъ уже Музовскій, и я, архимандритъ, долженъ былъ стать съ боку, какъ какой-либо попъ; потомъ точно также стоялъ на отпѣваньи, а хуже всего: шелъ на кладбище по улицамъ. Вѣдь это совершенный срамъ!» Чтобы судить объ униженіи о. архимандрита, надобно сказать, что Музовскій былъ въ то время семидесятилѣтнимъ старцемъ, духовникомъ Императора, членомъ Синода, кавалеромъ Александра Невскаго. И все-таки о. архи-

*) Халтурою называется вознагражденіе за трудъ богослуженія. П. Б.

мандриту съ небольшимъ въ 30 лѣтъ, баккалавру Академіи, притомъ очень недалекому, казалось унизительнымъ стоять ниже Музовскаго.

А вотъ очень недавное происшествіе. Ректоръ Московской Академіи, протоіерей Горскій, получивъ митру, пріѣхалъ въ Москву и долженъ былъ 25 Декабря участвовать въ торжественномъ молебнѣ въ Успенскомъ соборѣ. Митрополитъ приказалъ ему стоять непосредственно за настоятелями ставропигіальныхъ монастырей; такимъ образомъ, прочіе отцы архимандриты очутились ниже протоіерея, притомъ очень недавно посвященнаго. Нѣкоторые изъ нихъ поняли справедливое распоряженіе митрополита; остальные, разумѣется, въ присутствіи своего начальника, скрыли свою досаду; но за глазами его въ дружеской бесѣдѣ съ негодованіемъ говорили о своемъ униженіи. А между тѣмъ негодовавшіе почти только тѣмъ и оказали услугу отечеству и церкви, что носятъ на головѣ митру, да проживаютъ доходы своихъ монастырей.

Преемнику Бажанова по званію царскаго духовника хотѣлось занять кресло своего предшественника въ Синодѣ; но этому противодѣйствовали. «И справедливо, заключаетъ Савва: управленіе православною церковію, по каноническимъ правиламъ, принадлежитъ исключительно іерархіи, безъ участія пресвитерства». Такимъ образомъ въ этомъ заключеніи Саввы мы видимъ, что ссылки на каноническія правила и примѣненіе ихъ приводятся только въ тѣхъ случахъ, гдѣ выгодно и удобно монашеству.

Вражда между чернымъ и бѣлымъ духовенствомъ превосходно изложена проф. Ростиславовымъ. «Эта пропасть, эта дистанція», писалъ онъ, «уже существовала, когда христіанство введено было въ Россіи. Пріѣзжавшіе тогда и долго еще послѣ того изъ Константинополя къ намъ архіереи и митрополиты привозили съ собою уже покоренныхъ и вполнѣ покорныхъ пресвитеровъ. Покорность эта у насъ должна была принять еще бо̀льшіе размѣры. Всѣхъ священниковъ, нужныхъ для Русскаго народа, нельзя было выписывать изъ Греческой имперіи; понадобилось производить ихъ изъ туземцевъ. Но теперешній споръ между Болгаріею и Константинопольскою патріархіею показываетъ, какъ архіереи, пріѣзжающіе изъ Царьграда къ Славянскимъ народамъ, обращаются съ ввѣренною имъ паствою и пастырями. Конечно, со временъ великаго князя Владиміра до императора Александра II-го прогрессъ могъ многое усовершить въ Константинопольскихъ Грекахъ, но зародыши того, чѣмъ они сдѣлались при султанѣ Абдулъ-Меджидѣ и Абдулъ-Азисѣ давали уже отпрыски при Василіи и Константинѣ. Не даромъ наши великіе князья такъ хлопотали о томъ, чтобы ихъ уволили отъ Грековъ-митрополитовъ. Не по доброй же волѣ каждый

изъ Русскихъ митрополитовъ, отправляясь въ Константинополь за утвержденіемъ въ новой должности, считалъ непремѣнною обязанностью брать съ собою какъ можно болѣе подарковъ и денегъ патріарху и его сотрудникамъ. Да и нынѣ, если какой-либо іеромонахъ, особенно архимандритъ съ Аѳона, изъ Іерусалима и пр., пріѣхавши для собиранія подаянія въ Россію, обращается такъ важно съ подающими, принимаетъ приношенія такъ, какъ будто бы онъ этимъ дѣлаетъ намъ милость и снисхожденіе, то можете судить, чѣмъ были архіереи изъ Грековъ, управлявшіе Русскою церковію, по отношенію къ священникамъ изъ Славянъ-туземцевъ? Существовавшая дистанція между тѣми и другими увеличивалась и отъ другихъ обстоятельствъ. Греки при Владимирѣ и его преемникахъ все-таки были образованнѣе Славянъ, особенно тѣхъ, которые поступали въ сельскіе священники. По всѣмъ этимъ причинамъ сіи послѣдніе смотрѣли на своихъ архипастырей, какъ на людей высшаго разряда, предъ которыми они должны преклоняться; они и не знали, и даже не могли подозрѣвать, что епископъ нѣкогда былъ только первый изъ пресвитеровъ.

Наконецъ и архіереи, и самъ митрополитъ избирались уже только изъ Русскихъ. Но это немного помогло нашему бѣлому духовенству. Отношенія его къ архіереямъ уже установились, особенно съ того времени, какъ боярство наше стало измѣняться въ барство. Въ самомъ дѣлѣ, когда наши бояре могли обращаться съ своими крестьянами, какъ съ рабами, когда воеводы въ городахъ самоуправно распоряжались не только карманами, но и спинами чиновниковъ и земскихъ людей, когда палочные удары, плети и пр. были въ употребленіи даже относительно придворныхъ: то почему же и архіереямъ нужно было церемониться съ своими уже не пресвитерами, не іереями, а просто *попами*? Зачѣмъ щадить ихъ и самолюбіе, и карманъ, и спину? Какъ ни униженно было положеніе бѣлаго духовенства до Петра Великаго, однако и тогда нѣкоторые члены его *осмѣливались* не любить іерархіи и даже при случаѣ выражать это. Такой случай былъ при погребеніи Алексѣя Михайловича. По обыкновенію, отпустительную молитву влагаетъ въ руки покойника духовникъ, но относительно царя сдѣлалъ это патріархъ. У духовника царскаго давно, вѣроятно, *рвалось сердце* на патріарха; а тутъ онъ не могъ уже сдержать себя: послѣ погребенія пошелъ онъ въ комнату, гдѣ собралось все царское семейство и началъ кричать: «покойный государь прощенія не получилъ; патріархъ не далъ мнѣ вручить ему прощальную грамоту; дайте мнѣ 2000 войска; я пойду на патріарха и убью его; или оружіемъ, или какою отравою убейте мнѣ супостата моего патріарха; если же не предадите смерти патріарха, то я васъ прокляну, а съ патріархомъ управлюсь самъ; я уже

нанялъ 500 ратныхъ людей, чтобы убить его». Глупый крикунъ былъ отданъ патріарху и сосланъ въ монастырь.

Но бѣлое духовенство скоро начало становиться поумнѣе. Наши цари не предложили, а приказали завести училища и семинаріи для приготовленія священниковъ. Не смотря на то, что духовно-учебныя заведенія дурно управлялись и управляются, въ бѣлое духовенство проникла и болѣе и болѣе проникаетъ образованность и заставляетъ какъ подчиненныхъ, такъ и начальниковъ подумывать, или хоть задумываться, о новыхъ взаимныхъ отношеніяхъ. Образованный человѣкъ быстро понимаетъ неестественность своего положенія и своихъ отношеній къ высшимъ себя; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принимаетъ мѣры къ тому, чтобы измѣнить все къ лучшему. Въ этомъ случаѣ для своихъ притѣснителей онъ бываетъ тѣмъ опаснѣе и досаднѣе, что дѣйствуетъ осторожно, безъ крика и выходокъ. Самое его молчаніе, его спокойный пристальный взглядъ, его при случаѣ торжественная и внушающая уваженіе постать, отнимаютъ иногда и языкъ и руки у самаго задорнаго, зазнавшагося начальника. А если тотъ начнетъ говорить съ логикою философа, съ воодушевленіемъ оратора, съ достоинствомъ честнаго человѣка, тогда побоятся ему сказать даже грубое слово. Въ послѣднія 50 лѣтъ многіе члены бѣлаго духовенства стали чувствовать несправедливость гнета, надъ ними тяготѣющаго, и желаніе освободиться отъ него. Желаніе это особенно оправдывалось и подстрекалось однимъ обстоятельствомъ. Какъ будто бы для того, чтобы испытать, способно ли бѣлое духовенство управляться лицами, избранными изъ среды его, безъ поступленія въ монашество, въ полной независимости отъ епархіальныхъ архіереевъ и консисторіи, начальниками надъ духовенствомъ гвардейскаго и армейскаго вѣдомства сдѣланы протоіереи подъ именемъ оберъ-священниковъ, нынѣ главныхъ священниковъ. Опытъ удался какъ нельзя лучше. Духовенство этихъ вѣдомствъ считаетъ себя счастливымъ, находясь внѣ монашескаго вліянія, постоянно улучшается во внѣшнемъ своемъ благосостояніи, въ кругу своихъ прихожанъ пользуется завиднымъ для приходскихъ священниковъ уваженіемъ, отличается нравственными своими качествами; въ немъ не знаютъ тѣхъ кляузъ и мерзостей, которыя такъ многочисленны въ консисторіяхъ. Это нельзя приписать образованности этого духовенства; въ него поступаютъ не самые лучшіе люди изъ семинаристовъ и академистовъ, а прежде военное духовенство набиралось почти что кое изъ кого; и всетаки и было, и жило лучше епархіальнаго. Какъ угодно, а подобныя метаморфозы нельзя приписать случаю; главные или оберъ - священники своимъ умнымъ и благороднымъ управленіемъ тутъ много, если не все, значатъ. Между тѣмъ духовенство епархіальное и не-епар-

хіальное сходится, роднится, знакомится особенно въ Петербургѣ. Если бы первое вовсе не догадывалось о своихъ правахъ, то одно сближеніе съ послѣднимъ ему могло бы открыть глаза. Прибавьте къ этому шутки, насмѣшки, сожалѣнія, разсказы не-епархіальнаго духовенства, поневолѣ встрепенется и заговоритъ ретивое у епархіальнаго духовенства. Благоденствіе и свобода нынѣ заразительно дѣйствуютъ на бѣдность и неволю. Съ другой стороны епархіальное начальство давно уже догадывается и слышитъ о затаенномъ желаніи подчиненныхъ своихъ высвободиться изъ подъ его тяжелой опеки, а иногда даже видимъ, какъ это желаніе проявляется въ дѣйствіяхъ. Всякое другое правительство поняло бы справедливость этихъ желаній и сдѣлало бы уступки; но правительство изъ лицъ, составляющихъ нѣчто въ родѣ касты, особенно монашеской, никогда не уступаетъ; девизъ его—*non possumus*. Авторъ романа Le Maudit прекрасно говоритъ: «Каста не сдается, не можетъ рѣшиться пожертвовать самою ничтожною привилегіею, развѣ только продолжительныя и страшныя несчастія помогутъ сокрушить ея неумолимое сопротивленіе».

Когда въ Твореніяхъ Св. Отцовъ и въ Православномъ Обозрѣніи, а потомъ и въ другихъ журналахъ, было напечатано, что архіереями не всегда были монахи, а сначала и долго пресвитеры, не разлучаясь даже съ женами; когда явились намеки, что этотъ порядокъ возможенъ и нынѣ, то съ какимъ изумленіемъ священники спрашивали: «Неужели все это правда? неужели это напечатано? Неужели можно разсчитывать на такое нововведеніе, или по крайней мѣрѣ на ограниченіе произвола епархіальныхъ властей?» Съ какимъ удовольствіемъ слушали они утвердительные отвѣты на свои вопросы, или читали самыя статьи? Тутъ наружу выходило все, что̀ таилось давно въ душѣ... Во многихъ семинаріяхъ запрещалось строжайше читать все, гдѣ хоть сколько-нибудь порицался старый порядокъ вещей, вырѣзывали статьи даже изъ духовныхъ журналовъ. Напротивъ книги, написанныя въ опроверженіе злонамѣренныхъ, какъ выражаются клерикалы, толковъ, напр. изданная въ Берлинѣ о сельскомъ духовенствѣ апологія, брошюра г. Предтеченскаго о нападкахъ на духовенство и пр., такія книги не только навязывали ученикамъ, но даже читали ихъ въ общихъ собраніяхъ.

9 Августа Савву навѣстилъ Виленскій протоіерей Гомолицкій. Много невыгоднаго сообщилъ онъ о бывшемъ Литовскомъ архіеп. Макаріи и намѣстникѣ его арх. Мелетіи. Макарій довелъ до разоренія архіерейскій домъ, такъ что преемнику его, архіепископу Александру пришлось приводить его въ порядокъ почти на свой счетъ. Мелетій, несчастно погибшій въ Москвѣ, былъ орудіемъ Макарія и велъ жизнь не трезвую. О Полоцкомъ епископѣ Маркеллѣ Попелѣ († 1903) Гомо-

лицкій передавалъ, что онъ не любимъ ни возсоединенными, ни древне-православными.

Харьковскіе сослуживцы Саввы продолжали время отъ времени сплетничать на своего архіерея. Преосв. Амвросій, писалъ одинъ изъ Харьковцевъ, въ настоящее время сильно озабоченъ искорененіемъ того, что̀ принято называть «поборами» духовенства. Онъ безусловно вѣритъ всякой жалобѣ на эту тему и не вѣритъ никакимъ опроверженіямъ на эти жалобы, считая всѣ опроверженія ложными, а жалобы правдивыми.

Отмѣчая въ своемъ дневникѣ о кончинѣ секретаря Московской Духовной Консисторіи Н. П. Розанова, автора многочисленныхъ историческихъ статей и двухъ большихъ трудовъ (Исторіи Московскаго Духовнаго Управленія и матеріаловъ для исторіи Московской епархіи подъ управленіемъ митр. Филарета) Савва, говоритъ: «Намъ извѣстно, что послѣ этого почтеннаго и добросовѣстнаго труженика остались интересныя записки и много историческаго духовнаго матеріала, не возможнаго для печати по цензурнымъ условіямъ тогдашняго времени. Гдѣ эти матеріалы? Неужели и они пошли туда же, куда всѣ бумаги Анастасевича?»

Преосв. Савва навѣстилъ протоіерея Владимирской церкви о. Леонида Андр. Павловскаго и разсматривалъ у него «дневникъ» покойнаго протоіерея І. В. Рождественскаго. Дневникъ этотъ заключается въ 42 небольшихъ томахъ. Въ немъ, безъ сомнѣнія, содержится весьма много важнаго и интереснаго, такъ какъ покойный о. протоіерей въ продолженіе многихъ лѣтъ вращался въ высшихъ придворныхъ сферахъ и былъ законоучителемъ царскихъ и великокняжескихъ дѣтей. Конечно жаль, если этого драгоцѣннаго дневника не увидимъ въ печати. Да и цѣлъ-ли онъ? Не промѣнялъ ли его владѣлецъ за чечевичную похлебку?

Затѣмъ въ дневникѣ Саввы отмѣчено, что 16 Октября скончались въ Одессѣ извѣстный ученый Н. П. Мурзакевичъ, а въ Парижѣ графъ Ефимъ Васильевичъ Путятинъ, необыкновенною смертію: въ ваннѣ обварилъ себя кипяткомъ.

5 Августа 1883 г. Саввѣ поручено разсмотрѣть сочиненіе братьевъ Ф. и С. Терновскихъ «Греко-Восточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ». «Сочиненіе направленія неблагонамѣреннаго. Старшій изъ братьевъ Филиппъ Терновскій кончилъ курсъ въ Московской академіи, назначенъ былъ на должность баккалавра въ Кіевскую академію. Впослѣдствіи съ этой должностью онъ соединялъ должность профессора церковной исторіи при университетѣ св. Владимира. Младшій братъ, Сергѣй Терновскій, по окончаніи курса въ Кіевской академіи, назначенъ доцентомъ по каѳедрѣ Еврейскаго языка и Библейской

археологіи въ Казанскую академію. По просмотрѣ означеннаго сочиненія, я полагалъ бы дать такое заключеніе:

1) Поручить кому либо изъ преподавателей въ академіяхъ церковной исторіи подвергнуть сочиненіе строгому критическому разбору, который и напечатать въ одномъ изъ академическихъ журналовъ.

2) Потребовать отъ Совѣта Университета Св. Владимира объясненіе, на какомъ основаніи онъ допустилъ, вопреки цензурному уставу, напечатать означенное сочиненіе.

3) Внушить чрезъ подлежащія начальства братьямъ Терновскимъ, что если они будутъ продолжать преподаваніе церковной исторіи въ такомъ же духѣ и направленіи, въ какомъ издана ими настоящая книга, они будутъ удалены отъ должности».

31 Октября ректоръ Московской академіи протоіерей Смирновъ поздравлялъ преосв. Савву съ тѣмъ, что ему поручено изданіе бумагъ митрополита Филарета, и между прочимъ сообщалъ о бѣдѣ, постигшей Кіевскаго профессора Филиппа Алексѣевича Терновскаго: его отставили отъ Академіи и отъ службы въ Университетѣ. Это былъ одинъ изъ даровитыхъ и образованнѣйшихъ профессоровъ Академіи. Его сочиненія: Три первые вѣка христіанства (1878) и Грековосточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ (1883 г.) суть капитальный вкладъ въ историческую науку; за послѣднюю книгу его и подвергли жестокому безапелляціонному остракизму. Терновскій не перенесъ этого удара и черезъ полгода послѣ увольненія скончался, 46 лѣтъ, въ полномъ расцвѣтѣ своей ученой дѣятельности. Усмотрѣвшіе неправославность въ его сочиненіяхъ забыли мудрое изреченіе: dubitando ad veritatem pervenimus.

Вскорѣ послѣ полученія этого письма Савва посѣтилъ И. Д. Делянова, который сообщилъ ему, что дѣло о сочиненіи братьевъ Терновскихъ возбуждено въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, и записка объ этой книгѣ составлена членомъ Совѣта Мин. Внутр. Дѣлъ Варадиновымъ. Тамъ же, отмѣчаетъ Савва, была рѣчь о редакторѣ Церковно-общественнаго Вѣстника Поповицкомъ. Да и самъ Савва въ письмѣ къ профессору Кіевской академіи Д. В. Поспѣлову о Терновскомъ отозвался неодобрительно. Благодаря за книгу «Несторій и Евтихій, ересіархи V вѣка» (переведены съ Французскаго), Савва пишетъ: «Изъ предисловія къ вашей книгѣ видно, что вы осторожнѣе поступили съ сочиненіемъ иностраннаго писателя, нежели бывшій сослуживецъ вашъ Ф. Терновскій. Если бы и онъ, такъ же какъ вы, болѣе критически отнесся къ иностраннымъ источникамъ и пособіямъ при своемъ сочиненіи о Греко-восточной церкви, онъ не потерпѣлъ бы такой горькой участи. Меня крайне удивилъ и огорчилъ такой либерализмъ моего бывшаго ученика по Академіи. А его поверхностныя и оскорбительныя газетныя

статьи о митроп. Филаретѣ по поводу его юбилея въ минувшемъ году были для меня совершенно неожиданны. О Терновскомъ я былъ совсѣмъ иного мнѣнія».

18 Ноября, отмѣчаетъ Савва, происходило ректора Могилевской семинаріи архим. Александра († 1899 г.) Острожскаго нареченіе во епископа. Описавъ обрядъ нареченія, Савва присовокупляетъ, что въ этотъ день въ Невской лаврѣ издавна существуетъ и поддерживается очень странный и неприличный обычай. Нареченный во епископа архимандритъ устрояетъ въ одной изъ монастырскихъ палатъ обѣдъ, къ которому приглашаются близкіе къ нему архимандриты, ученые протоіереи, средніе чиновники синодскіе и др. За трапезой происходитъ обильное возліяніе питей, и подъ вліяніемъ выпитыхъ паровъ изливаются изъ устъ ораторовъ краснорѣчивые спичи съ восторженными похвалами виновнику торжества, которое слыветъ подъ именемъ *«духовнаго дѣвишника»*. Нареченный архимандритъ, вмѣсто того, чтобы молитвеннымъ уединеніемъ приготовлять себя къ достойному принятію столь великаго таинства, принимаетъ по необходимости участіе въ этомъ, иногда очень шумномъ, пиршествѣ, и все это происходитъ на глазахъ у первенствующаго члена Св. Синода!... Впрочемъ, при слѣдующемъ черезъ два мѣсяца нареченіи архим. Мемнона во епископа Елисаветградскаго обычнаго *«духовнаго дѣвишника»* уже не было; да и въ самый день хиротоніи хиротонисавшимъ архіереямъ не было предложено даже по чашкѣ чаю.

Въ одномъ изъ писемъ къ пр. Алексѣю, Савва говоритъ о матеріалахъ для біографіи м. Филарета. «Эти драгоцѣнныя сокровища были вручены мнѣ, и я съ восхищеніемъ прочиталъ уже пять огромныхъ томовъ. При чтеніи этихъ письменныхъ документовъ не могъ я надивиться высокому, глубокому, широкому, всеобъемлющему уму приснопамятнаго святителя. Мнѣ кажется, на сто лѣтъ впередъ разрѣшены въ этихъ документахъ многообразные вопросы церковно-каноническаго, государственнаго, соціальнаго и проч. свойствъ. Если суждено будетъ напечатать, хотя и не вполнѣ (*есть вещи весьма секретныя*), эти матеріалы, тогда увидитъ весь міръ, какого мужа имѣла Россія въ лицѣ Филарета. Все, что̀ до сихъ поръ было напечатано о немъ, еще далеко не можетъ дать полнаго понятія о его духовныхъ совершенствахъ, о его заслугахъ передъ церковію не только Россійскою, но и вселенскою, передъ государствомъ и обществомъ».

Смотритель Куманинской богадѣльни М. И. Соколовъ, спрашивая Савву, что̀ онъ подѣлываетъ въ Синодѣ, сообщалъ, что въ мірѣ дѣла плохи изъ рукъ вонъ. Преосв. Амвросій (Харьковскій) жалуется на свое духовенство. Если такъ погрязъ духовный элементъ, то что̀ ска-

зать о мірянахъ? Савва ему отвѣчалъ, что въ Синодѣ текущихъ дѣлъ множество, но они обременяютъ не столько членовъ, сколько канцелярію. «Наше дѣло только два раза въ недѣлю и часа на полтора, на два пріѣзжать въ Синодъ, чтобы послушать, посудить о томъ, что̀ намъ доложатъ и затѣмъ приготовленные по доложеннымъ дѣламъ протоколы подписать на дому: вотъ и весь нашъ трудъ. Если преосв. Амвросій жалуется вамъ сильно на Харьковское духовенство, то это показываетъ въ немъ еще малое знакомство съ духовенствомъ *Всероссійскимъ*. Харьковское духовенство, по моимъ четырехлѣтнимъ наблюденіямъ за нимъ и по сравненію его съ духовенствомъ тѣхъ епархій, какія мнѣ извѣстны, далеко не изъ худшихъ, не исключая и Московской. А если бы преосвященный посидѣлъ въ Синодѣ, то онъ услышалъ бы такія повѣсти о художествахъ духовныхъ персонъ разныхъ епархій, о коихъ ему и въ голову не можетъ придти. И такъ пусть онъ успокоится на счетъ подвѣдомствованнаго ему духовенства.»

«Въ Синодѣ, писалъ проф. Ростиславовъ, есть три власти: *власть монашеская, архіерейская*; она сильна и почти необорима, когда дѣло касается м—ва и особенно архіерейскаго сана; тутъ монашествующіе члены почти всегда составляютъ *едину душу, едино тѣло*; тутъ они сумѣютъ защитить дорогіе для нихъ интересы отъ двухъ другихъ властей. *Власть оберъ-прокурора* сильна особенно, когда облеченный ею есть дѣйствительно око царево, представитель и вмѣстѣ знатокъ закона; при такихъ условіяхъ эта власть можетъ, Богъ знаетъ, сдѣлать сколько добра. *Власть канцеляріи* принципами не любитъ заниматься; она стремится пріобрѣсти и обнаруживаетъ свою силу преимущественно въ частныхъ случаяхъ, или, почти можно сказать, *обдѣлываетъ дѣлишки*. Одна только власть слаба, это власть бѣлаго духовенства; а ей-то бы и надобно тутъ быть главною; ея представители, составляя меньшинство, при всемъ своемъ умѣ и опытности, не могутъ вѣчно бороться съ монашествомъ и всегда одерживать побѣду надъ нимъ».

Въ своемъ дневникѣ 17 Декабря 1883 г. пр. Савва отмѣчаетъ: «Въ № 2807 газеты «Новое Время» въ первый разъ напечатаны были заявленія отъ 16 лицъ разнаго званія исцѣленныхъ отъ различныхъ болѣзней молитвами священника Кронштадтскаго собора о. Іоанна Сергіева. Когда эти заявленія 21 числа прочитаны были оберъ-прокуроромъ въ Синодѣ, всѣ мы были удивлены такимъ неожиданнымъ извѣстіемъ, а митрополитъ Исидоръ выразилъ неудовольствіе на то, что эти заявленія были напечатаны въ свѣтской газетѣ безъ разрѣшенія духовной цензуры. Подобныя заявленія сообщены были затѣмъ въ № 2867 той же газеты».

Вскорѣ Савва получилъ и еще письмо отъ М. И. Соколова. «Въ

Синодѣ, писалъ онъ, вы говорите, много дѣлъ; поэтому, разумѣется, они медленно и двигаются. Но это очень жаль, медленное-то движеніе! Мнѣ думается, что ваши канцеляріи больше занимаются разговорами о вчерашнихъ спектакляхъ, а не дѣлами вашими. Я немножко знаю этихъ Питерскихъ чиновниковъ; они, кажется, каждый шагъ свой и каждую строку, ими написанную, цѣнятъ на вѣсъ золота. Грѣшный человѣкъ, не люблю я чиновниковъ Питерской закваски; они одно говорятъ, а совсѣмъ другое дѣлаютъ, а особенно какъ тароваты на обѣщанія! Вамъ поручили порыться въ архивѣ для установленія истиннаго значенія личности приснопамятнаго вселенскаго іерарха. Хотя трудное, но очень пріятное для человѣка, искренно преданнаго памяти почившаго. Пожалуй новыя изысканія не излишни будутъ, а то есть еще лица, не отдающія полной справедливости почившему». «Что̀ вы постоянно намъ тычете въ глаза порядки, установленные Филаретомъ? спрашиваетъ не рѣдко и съ азартомъ преосв. Мисаилъ. Что̀ это за вселенская знаменитость? Вотъ настоящій образцовый святитель—Іоаникій. «А что нибудь сказать о преосв. Амвросіи (Ключаревѣ)—бѣда. Только и твердитъ: я вымету до чиста эту Амвросіевщину. Какъ вамъ покажутся такія выходки, особенно относительно митрополита Филарета?»

Преосвященный Мисаилъ, бывши въ 1878 году ректоромъ Калужской семинаріи, отчасти соприкасался и къ братству Пафнутія Боровскаго, хотя и не игралъ тамъ никакой роли. Основатель этого братства преосв. Владиміръ, бывшій инспекторъ Кіевской Академіи, человѣкъ просвѣщенный, часто говорилъ прекрасныя проповѣди, направленныя противъ раскола, которыя потомъ и печатались въ мѣстныхъ органахъ. Въ бытность свою въ Москвѣ, Мисаилъ одну изъ такихъ проповѣдей пр. Владиміра не только произнесъ, но и напечаталъ, какъ авторъ, съ своей подписью, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, перемѣня слово Калуга—на Москву. Плагіатъ былъ вскорѣ обнаруженъ, а такъ какъ преосвященный въ Москвѣ особой любовію не пользовался, то и начались яростныя обличенія въ разныхъ газетахъ. Особенно была ядовита передовая статья въ Московскомъ Листкѣ, написанная покойнымъ Ѳ. А. Гиляровымъ, гдѣ авторъ, говоря объ упадкѣ нашей церковной проповѣди, порицалъ бездарныхъ плагіатистовъ. Кажется, послѣ этой скандальной исторіи Мисаилъ изъ Москвы былъ переведенъ, а въ послѣднее время онъ уже жилъ на покоѣ въ захолустномъ Жировицкомъ Успенскомъ монастырѣ Гродненской епархіи.

26 Декабря почтилъ Савву въ первый разъ своимъ посѣщеніемъ митрополитъ Исидоръ. Обыкновенно въ этотъ день онъ ежегодно отдавалъ визиты членамъ Синода и свѣтскимъ Синодскимъ властямъ.

«Вскорѣ послѣ пріѣзда моего въ Петербургъ, пишетъ Савва, мит-

рополитъ извинялся передо мною, что онъ по старости и по слабости силъ не можетъ сдѣлать мнѣ визита; но я не смѣлъ этого и требовать отъ него, хотя ни старость, ни дряхлость не препятствовали и не препятствуютъ его высокопреосвященству еженедѣльно выѣзжать на роскошные обѣды къ богатой вдовѣ Базилевской. Но вотъ о чемъ не могъ я не пожалѣть. Митрополитъ говорилъ мнѣ тогда же, что онъ хотѣлъ бы насъ членовъ и присутствующихъ въ Синодѣ архіереевъ почаще приглашать къ себѣ для домашнихъ бесѣдъ о дѣлахъ церковныхъ, но опасается-де безпокоить насъ. Совершенно напрасное опасеніе: мы всѣ охотно бы стали собираться къ нему въ назначенный день и часъ для такихъ бесѣдъ. Митр. Филаретъ мнѣ сказывалъ, что когда онъ присутствовалъ (до 1842 г.) въ Синодѣ, каждое Воскресенье, послѣ вечерни, всѣ члены Синода собирались къ митр. Серафиму на вечерній чай и въ то время занимались предварительнымъ обсужденіемъ болѣе важныхъ вопросовъ по дѣламъ церковнымъ прежде, нежели они окончательно рѣшались въ офиціальномъ засѣданіи Синода. Если-бы подобныя домашнія собранія продолжались доселѣ, я увѣренъ, что дѣла Синодскія шли бы правильнѣе и стройнѣе».

Изъ Москвы преосв. Алексѣй писалъ, что важныя матеріи въ Синодѣ, какъ слышно, отлагаются до Новаго года. «Способствуй-же, владыка, къ уничтоженію академическаго многовластія, къ оцерковленію этихъ духовныхъ заведеній, теперь имѣющихъ совершенно свѣтскій характеръ, къ введенію въ нихъ строгой дисциплины и порядка; теперешнее состояніе академій—немыслимое и невозможное».

По поводу этого же предмета Савва писалъ къ преосвящ. Θеогносту: «Въ нашемъ духовномъ коллегіумѣ особеннаго ничего нѣтъ; досихъ поръ занимались только обыкновенными текущими дѣлами. Разсмотрѣніе и рѣшеніе спеціальныхъ вопросовъ со дня на день отлагается, и скоро ли будетъ приступлено къ рѣшенію ихъ—неизвѣстно».

Наступилъ 1884 г., и 11 Января преосв. Савва присутствовалъ при ревизіи суммъ Св. Синода, какихъ оказалось свыше 33 милліоновъ.

Въ этотъ же день имъ было получено письмо отъ Ушаковой (игумены Осташковскаго монастыря † 1891), которая, посылая вырѣзку изъ газетъ, присовокупляла: «Витебскъ не на шутку модный городъ; и тамъ банковый крахъ. Знаете ли, что сановитый Густавъ Карловичъ Шефлеръ, бывшій при васъ директоромъ гимназіи и банка, изволилъ развлечся 50 тысячами!... Конечно, для ихъ превосходительства это игрушка, ничтожность, но все-таки къ этому дѣлу отнеслись нѣсколько строго. Господи! Господи! Чтó дѣлается на этомъ свѣтѣ?»

Въ дневникѣ подъ 22 Января Савва отмѣчаетъ: «Московскій митрополитъ Іоаникій частнымъ образомъ пригласилъ меня и арх. Леон-

тія образовать комиссію для пересмотра проекта устава православныхъ духовныхъ академій, составленнаго въ 1883 г. комитетомъ подъ предсѣдательствомъ преосв. Сергія Кишиневскаго. Къ намъ присоединенъ былъ оберъ-прокуроръ и его директоръ канцеляріи Ненарокомовъ. Засѣданія происходили съ 24-го Января до 16 Февраля. Въ продолженіи 5—6 засѣданій нами внимательно былъ разсмотрѣнъ проэктъ устава и сдѣлано немало дополненій и измѣненій; но при этомъ немало было и словопреній. По нѣкоторымъ вопросамъ я не былъ согласенъ съ прочими членами комиссіи и просилъ свои мысли представить на благоусмотрѣніе Синода, но мое заявленіе оставлено было безъ вниманія. Затѣмъ предложено было еще разъ собраться на 2-й недѣлѣ Великаго поста для окончанія сужденія о сдѣланныхъ нами замѣчаніяхъ на проектъ устава; но это, неизвѣстно мнѣ почему, осталось безъ исполненія. Между тѣмъ въ концѣ поста составленный нами проектъ устава академій внесенъ былъ митрополитомъ Іоаникіемъ въ Синодъ для подписанія. Митрополиты Исидоръ и Платонъ подписали, не заглянувши даже въ переписанную на бѣло тетрадь; преосв. Ярославскій Іонаѳанъ, не участвовавшій въ нашей комиссіи, хотѣлъ бы прочитать этотъ проектъ, но ему это не удалось. Такимъ образомъ подписанный всѣми членами Синода проектъ представленъ былъ черезъ оберъ-прокурора на высочайшее воззрѣніе и 20 Апрѣля 1884 г. былъ утвержденъ».

«Такъ-то у насъ, заключаетъ преосв. Савва, совершаются столь важныя церковно-государственныя реформы». Въ данномъ случаѣ преосв. Савва былъ вполнѣ правъ: уставъ не просуществовалъ и двухъ десятковъ лѣтъ и вполнѣ показалъ всю его непригодность, если не сказать болѣе...

На плохое состояніе нашей духовной школы и ученую дѣятельность нашего духовенства было обращено вниманіе еще въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка.

«Въ исторической запискѣ, составленной по случаю празднованія пятидесятилѣтія Московской Духовной Академіи, говоритъ проф. Ростиславовъ, авторъ старается страницахъ на двадцати выставить на видъ ученые труды, которыми отличались начальники, наставники и воспитанники Академіи; по всей вѣроятности онъ не скрывалъ тутъ ни лицъ, ни произведеній, замѣчательныхъ въ этомъ отношеніи. Итакъ чѣмъ же ознаменовала себя Московская Духовная Академія въ теченіи 50 лѣтъ? Если исключить курсовыя студенческія разсужденія, которыя прежде печатались, переводы разныхъ отеческихъ сочиненій, преимущественно помѣщавшіеся въ журналѣ: Творенія Св. отцовъ, и разныя статьи, напечатанныя въ прибавленіяхъ къ тому же журналу: то ученая дѣятельность окажется очень неплодовитою. По исторической запискѣ она въ

первыхъ трехъ ректорахъ академіи ограничивалась только чтеніемъ и составленіемъ лекцій, которыя нигдѣ не напечатаны. Изъ остальныхъ ректоровъ только двое выставлены какъ писатели, изъ нихъ особенно извѣстенъ теперешній Черниговскій архіепископъ Филаретъ. Говоря о самыхъ замѣчательныхъ профессорахъ академіи, Голубинскомъ и Делицынѣ, историческая записка указываетъ только на ихъ лекціи, переводы, или на сочиненія въ рукописяхъ. Наконецъ, авторъ записки ученую дѣятельность Академіи доказываетъ составленными программами и конспектами для нѣкоторыхъ наукъ, указываетъ на Пасхалію Тяжелова, Латинскую Хрестоматію ректора Поликарпа, Патристику преосв. Филарета Черниговскаго, учебникъ г. Казанскаго по всеобщей исторіи, разсужденіе студента Руднева о Русскихъ ересяхъ и расколахъ, исторію Флорентійскаго собора, сочиненія о Дмитріѣ митрополитѣ Ростовскомъ и о литургіи преждеосвященныхъ даровъ. Вотъ и все, что авторъ записки нашелъ нужнымъ и возможнымъ сказать объ ученой дѣятельности начальниковъ, наставниковъ и воспитанниковъ Академіи; а послѣднихъ было въ 50 лѣтъ 1164 человѣкъ! Вѣдь маловато. Во время самаго юбилея почтенные гости, воспитанники Академіи, выслушавъ всю историческую записку, съ улыбкою другъ другу говорили: *немного же сдѣлала Академія для учености*; а другіе прямѣе выражались: *и видно, что ничего почти не сдѣлала*».

«Христіанство перешло въ Россію въ то время, когда Византія не отличалась ученостію; слѣд. оно не могло у насъ привить расположенія къ занятію свѣтскими науками; такъ продолжалось дѣло долго, очень долго. Нашимъ предкамъ монахи говорили: «соблюдайте, соблюдайте дѣтей вашихъ отъ яда (т. е. отъ литературы и науки)».... Говорили тоже: «не лучше ли изучать часословецъ, псалтырь, октоихъ, апостолъ и евангеліе и другія церковныя книги, быть простымъ богоугодникомъ и пріобрѣсть вѣчную жизнь, чѣмъ постигнуть Аристотеля, Платона—этихъ поганыхъ учителей, машкарниковъ и комедійниковъ—и прослыть въ сей жизни мудрымъ философомъ, а потомъ отойти въ геенну?» Развѣ очень немногіе были знакомы съ богословскими науками. Даже въ поздній періодъ лица, которыя могли обнаруживать притязаніе на богословскую ученость, были не очень счастливы въ Россіи. Сильвестръ Медвѣдевъ, *неукъ* сей, какъ его величаютъ лѣтописи, былъ разстриженъ и сталъ Сенька Медвѣдь. Симеонъ Полоцкій при жизни спасся отъ бѣды только п. ч. былъ силенъ и уважаемъ при дворѣ; но зато, по смерти, патріархъ Іоакимъ призналъ его іезуитомъ. Гавріилъ Домецкій, другъ Новгородскаго митрополита Іоны и архимандритъ Симонова монастыря, долженъ былъ искать безопасности въ Кіевѣ. Братьевъ Лихудовъ уже при Петрѣ Великомъ сослали въ Ипатіевскій монастырь.

Наконецъ, не только правительство, но и духовное начальство увидало нужду въ школахъ, въ наукѣ; и вслѣдствіе этого появилась Кіевская братская и Московская Славяно-греко-латинская академіи. Къ нашему несчастію это случилось въ то время, когда на Западѣ іезуиты устроили католическія духовныя училища сообразно съ своими цѣлями. По образцу этихъ школъ были первоначально съ немногими измѣненіями устроены и наши духовныя училища. Питомцы Кіевской и Московской академій въ первыя времена могли себя считать и называть если не учеными, то достаточно поучившимися и слыть выше прочихъ. Потомъ мало-по-малу наши духовныя училища начали улучшаться чрезъ расширеніе программы, чрезъ ознакомленіе съ иностранными литературами, отчего въ прошедшемъ столѣтіи, особенно къ концу его, изъ нихъ начали выходить уже люди ученые, пріобрѣтшіе извѣстность и даже имѣвшіе право на нее. Но все-таки они были учены преимущественно въ томъ специальномъ духѣ, который къ намъ перешелъ изъ западныхъ католическихъ школъ. Судите же теперь о томъ изумленіи, даже, м. б., о той досадѣ, которыя они почувствовали, услышавъ, что ихъ ученость неудовлетворительна, что науки, которыхъ знатоками они считали себя вовсе не такъ должны быть преподаваемы, что кромѣ нихъ еще есть науки, которыхъ знаніе необходимо не только для образованнаго вообще человѣка, но и для богослова. Заговорили о математикѣ, о наукахъ, относящихся къ естествовѣдѣнію, измѣнили взглядъ на исторію человѣчества и нашли нужнымъ увеличить программу семинарскую и академическую новыми предметами, о которыхъ старые духовные ученые большею частію не имѣли никакого понятія. Что же теперь оставалось дѣлать? Не сознаться же имъ предъ наставниками и учениками, что они не знаютъ нужной, хотя и свѣтской, науки? Гораздо лучше и на словахъ и на дѣлѣ выражать, что имъ, какъ духовнымъ лицамъ, нѣтъ надобности заниматься ею и что поэтому самому ученикамъ, какъ будущимъ пастырямъ Церкви, можно обойтись безъ нея. А, можетъ быть, они похожи были на профессоровъ Добролюбова, которымъ какъ-то неловко было смотрѣть, какъ ученикъ въ вашихъ глазахъ и за вашими часами какъ разъ узнаётъ больше васъ самихъ. Если бы духовно-училищные начальники не были богословами, лицами духовными и особенно монашествующими, то ихъ нерасположеніе къ новымъ свѣтскимъ наукамъ, или къ новому направленію прежнихъ наукъ, могло бы скоро смягчиться и уничтожиться; прикрывать его не-духовнымъ людямъ благовидными предлогами нелегко, а духовнымъ особамъ очень нетрудно».

А. Титовъ.

ПЕРЕПИСКА И. С. АКСАКОВА СЪ Н. И. КОСТОМАРОВЫМЪ О МАЛОРОССІИ *).

1861.

Въ 1861 году выходила въ Галиціи, во Львовѣ, Русинская газета „Русское Слово". Печаталась она на языкѣ очень близкомъ къ Русскому и держалась направленія народнаго. Два номера этой газеты попались въ руки Чернышевскому, который въ Іюльской книжкѣ „Современника" напечаталъ статью „Національная безтактность" и въ ней прочелъ строгую нотацію Русинскимъ издателямъ за то, что они не издаютъ своей газеты на Малороссійскомъ языкѣ, который-де ближе къ Русинскому, чѣмъ Русскій, а также и за то, что они желали во главѣ своей дѣятельности поставить Галицкаго митрополита. Осердило Чернышевскаго то обстоятельство, что на Поляковъ газета „Русское Слово" смотрѣла, какъ на своихъ исконныхъ и самыхъ опасныхъ враговъ. „Поляки вовсе не опасны и даже благопріятны для Русскаго дѣла здраво понятаго, увѣрялъ бойкій публицистъ; нечего вспоминать старыя обиды и подводить старые счеты: надо руководиться интересами минуты и помириться съ Поляками. Издатели „Русскаго Слова" крайне безтактны и могутъ лишь повредить своимъ соотечественникамъ". Статья Чернышевскаго, написанная столь развязно, вызвала опроверженіе со стороны И. С. Аксакова въ „Днѣ" за 1861 годъ. Чернышевскій отвѣчалъ статьею въ „Современникѣ" же, подъ заглавіемъ „Національная безтолковость", гдѣ глумится надъ Аксаковымъ и старается выставить его въ смѣшномъ видѣ. Добросердечный Н. И. Костомаровъ въ то время еще не вполнѣ освободился отъ Польскаго вліянія, подъ которымъ онъ находился, живучи передъ тѣмъ въ ссылкѣ въ Саратовѣ, и по поводу вопроса объ употребленіи Славянами Русскаго языка было написано имъ письмо къ Аксакову. Письма этого мы не имѣемъ; но вотъ что отвѣчалъ ему И. С. Аксаковъ. Ю. Б.

---

*) Горько, жалко и смѣшно вспомнить, что эта переписка, помѣщенная въ 7-й тетради „Русскаго Архива" 1893 года, была, послѣ долгой переписки и задержки, вырѣзана по распоряженію тогдашняго начальника печати Ѳеоктистова и уничтожена. П. Б.

Милостивый государь Николай Ивановичъ.

Я получилъ ваше письмо. Я не сталъ бы отвѣчать на него, еслибъ оно не было подписано *вами*. Оно написано въ такомъ тонѣ, съ употребленіемъ такихъ выраженій, которыя дѣлаютъ споръ невозможнымъ. Я бы могъ легко на дерзости отвѣчать еще сильнѣйшими дерзостями,—браниться дѣло не головоломное; но это было бы недостойно дѣла, которому мы оба служимъ. Охотно извиняя ваши выраженія раздраженіемъ племеннаго *) самолюбія и полагая, что вы сами не желаете дѣлать споръ невозможнымъ, не уклоняетесь отъ спора, я отвѣчаю вамъ sine ira et studio.

Вы говорите, что моя газета задираетъ двѣ родственныя народности, Южно-Русскую и Польскую, и нападаетъ на лежачаго, беззащитнаго. Во-первыхъ, это фактически несправедливо. О Полякахъ не было и рѣчи, покуда они не вздумали задирать насъ Русскихъ. Они наводнили иностранную литературу клеветами на Россію и искаженіями исторической истины; они громко предъявляютъ притязанія на древнія Русскія области; они приводятъ въ дѣйствіе свои замыслы. Газета моя, отвѣчая имъ, поступила совершенно такъ же, какъ и вы въ статьѣ: Niema Rusi. Во-вторыхъ, на Малорусскую народность никто и не нападалъ; а если напали, такъ не на народъ и не на народность, а на тенденціи нѣкоторыхъ «патріотовъ», касающіяся вопроса объ языкѣ. Вообще между мной и вами та существенная разница, что я стою на сторонѣ исторіи и народа, а вы противъ исторіи и противъ народа. Какъ противорѣчащее народу, ваше ученіе можетъ быть названо аристократическимъ. Такъ напримѣръ, вы хотите игнорировать вопросъ вѣры, столь важный для народа Южнорусскаго и полагающій несокрушимую преграду между нимъ и католиками-Поляками. Вы или авторъ статьи «Современника» (это все равно, потому что вы говорите, что готовы подписаться подъ нею), утверждаете, что съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права «угашаются послѣднія искры» вражды между Малороссами и Поляками (это вы пишете даже въ вашемъ письмѣ), забывая о борьбѣ вѣроисповѣданій, двухъ разныхъ просвѣтительныхъ началъ. Народъ этого не забываетъ, и я также. Вы идете на перекоръ не только народнымъ тенденціямъ вашей Малороссіи, но и тенденціямъ трехъ-милліоннаго народа въ Галиціи. Страданія, влеченія, ожиданія

*) Н. И. Костомаровъ, уроженецъ Острогожскаго уѣзда Воронежской губерніи, былъ Малороссомъ по своей матери, простолюдинкѣ. П. Б.

всего этого народа не трогаютъ сердца шляхтича и «патріотовъ» Малорусской Петербургской колоніи.

Относительно Малороссіи и Галиціи вотъ мое profession de foi.

Малороссіи я не только вполнѣ сочувствую, но люблю ее всею душою, любовью вполнѣ свободною и, такъ сказать, объективною, не только физіологическою. Съ этою любовью я остаюсь вполнѣ Русскимъ или Великороссомъ, не жалуя себя въ Малороссы, какъ мой пріятель Жемчужниковъ. Я не постигаю полноты Русскаго развитія безъ Малороссіи. Слѣдовательно полнѣйшее соединеніе съ Малороссіею во всѣхъ отношеніяхъ есть, по моему мнѣнію, такая же историческая необходимость для Россіи, какъ головы и сердца въ организмѣ, или придумайте другое сравненіе. Это соединеніе есть и будетъ и безъ нашихъ хлопотъ; но вотъ мое убѣжденіе, которое проводить и высказывать (хотя бы и не въ полемической формѣ) вы не можете поставить въ вину человѣку убѣжденному. Что̀ касается до народа Малорусскаго, то, при всей нелюбви въ Москалю и Кацапу, народъ своимъ историческимъ смысломъ остается и останется всегда вѣрнымъ однажды данному имъ изволенію: для него, хотя бы и несознательно, такъ же какъ и для Великорусса, дорого единство земли Русской; для него Царь Православный имѣетъ то же значеніе, что̀ для Рязанца или Владимирца. Я жилъ въ Малороссіи и хорошо это знаю. Казаки, превратившіеся такъ охотно въ высокоблагородныхъ и принявшіе отъ Русскаго правительства подачку—крѣпостное право *), стали въ глазахъ Малорусса-крестьянина на одну степень со всѣми Московскими панами. Точно также, какъ Великорусскій народъ видитъ въ Русскомъ Царѣ демократическое нивелирующее начало, точно также и Малороссъ видитъ въ немъ свой оплотъ противъ пановъ и другихъ налегающихъ на него сословій. Во сколько ошибаются оба, это другой вопросъ; но и вѣрятъ, и видятъ, и ошибаются они одинаково.—Что̀ касается до языка, то я не вѣрю въ возможность образованія Малорусскаго общаго литературнаго языка, кромѣ чисто-народныхъ художественныхъ произведеній; не вижу къ этому никакой возможности, не желаю и не могу желать никакихъ искусственныхъ попытокъ нарушить цѣльность обще-Русскаго разви-

*) Кстати замѣтить, что не Екатерина ввела въ Малороссіи крѣпостное право, а оно (много лѣтъ раньше 1783 года) само ввелось въ ней въ ужасающихъ размѣрахъ, благодаря чиновнымъ казакамъ, для которыхъ идеаломъ служили бытъ и обстановка Польскихъ пановъ съ висѣлицами для простонародья. П. Б.

тія, отклонить Малороссійскихъ художниковъ отъ писанія на Русскомъ языкѣ. Слава Богу, что Гоголь жилъ и дѣйствовалъ раньше, чѣмъ возникли эти требованія: у насъ не было бы «Мертвыхъ Душъ»; вы или Кулишъ наложили бы на него путы племеннаго эгоизма и съузили бы его горизонтъ кругозоромъ одного племени. И какая, признаться сказать, звучитъ во всемъ этомъ фальшивая нота! Вотъ и теперь два Малоросса, Максимовичъ и Кулишъ, спорятъ между собою о Малороссѣ-Гоголѣ, писавшемъ по-русски и о Великороссіянкѣ (Маркѣ Вовчкѣ), пишущей по-малорусски!! Но разумѣется, никто изъ насъ никогда не хотѣлъ и не думалъ *мѣшать* вамъ. Пишите сколько угодно, переводите Шекспира и Шиллера на Малорусское нарѣчіе, одѣвайте героевъ Гомера и Греческихъ боговъ въ Малороссійскій кожухъ и очипокъ,—вольному воля! Но не можетъ же Русская литература пройти молчаніемъ такое явленіе.

О томъ, что мы враги всякой репрессивной мѣры, всякаго стѣсненія свободы и безпрепятственнаго самообличенія лжи, говорить нечего. Только сознающіе всю несостоятельность и слабость своихъ основаній могутъ насъ обвинять въ этомъ, хватаясь за это, какъ за единственное свое оружіе или способъ для менѣе постыдной ретирады.

Въ Галиціи я былъ. Нужно имѣть каменное или Польское, но не Малорусское сердце, чтобъ не сочувствовать стремленіямъ народа, который, страданіями своими, выработался до потребности ограничить свое племенное самолюбіе, потопить узкій племенной эгоизмъ въ эгоизмѣ Все-русскаго народа, созданнаго изъ разныхъ Русскихъ племенъ исторіею. А вы его потчуете племенными особенностями! Вполнѣ, разумѣется, сочувствуя этому стремленію Галицкаго народа, могу ли я быть равнодушенъ къ статьѣ «Современника», идущей наперекоръ тенденціямъ, которыя я признаю за истинныя, смущающей бѣдный народъ, да еще выдающей себя за голосъ Россіи? Будь эта статья подписана Полякомъ, появись она въ Польскомъ журналѣ, появись даже въ «Основѣ», значеніе ея было бы другое. Но допустить, чтобы голосъ Польскій самозванно, исподтишка, прикидывался Русскимъ и морочилъ опаснымъ мороченьемъ цѣлый народъ, намъ сочувственный, допустить это было бы величайшею низостью для всякаго истиннаго Русскаго.

Что̀ касается до Польши, то мое мнѣніе и желаніе было и есть, чтобы правительство вывело всѣ войска и всѣ Русскія начальства изъ Царства Польскаго, предоставивъ Полякамъ вѣдаться самимъ съ собою. Я не думаю, чтобъ уроки Исторіи послужили имъ въ пользу; но этотъ

урокъ былъ бы самый убѣдительный. Впрочемъ, разумѣется, кромѣ Царства Польскаго, я бы не далъ имъ ни пяди Русской земли. Для этого надо было бы опредѣлить границы. Мнѣ хотѣлось давно поднять этотъ вопросъ въ литературѣ и совершить такимъ образомъ въ литературѣ полюбовное съ Поляками размежеваніе. Еще бы лучше спросить вашихъ Малороссовъ (народъ), хотятъ ли они быть подъ Ляхами? Не угодно ли произвести suffrage universel въ Галиціи?

Я не вызываю международную вражду, а напротивъ, предостерегаю отъ нея. Требованіе Кіева и пр. я считаю *безумнымъ*; слѣдовательно всѣ требующіе Кіева заслуживаютъ названіе *безумныхъ*. Вы попрекаете мнѣ, что я съ этимъ словомъ обратился ко *всей* націи, т. е. вы хотите сказать, что *не всѣ* Поляки раздѣляютъ это безумное требованіе. Очень радъ это слышать отъ васъ; но въ такомъ случаѣ только безумствующіе и обидятся этимъ названіемъ, а прочіе хорошо поймутъ, что къ нимъ оно не относится. Вы не хотѣли замѣтить, что я браню Поляковъ за то, что они портятъ сами *свое* правое дѣло неумѣренными притязаніями.

И такъ вотъ мои убѣжденія, которыя я высказывалъ изустно, буду высказывать и печатно. Упрекать меня въ угодливости власти могутъ только Поляки, которые большею частію прибѣгаютъ ко всякой лжи, клеветѣ и прочимъ подлостямъ, какъ къ обыкновенному своему оружію. Когда Герценъ въ 1858 году, кажется, печаталъ въ «Колоколѣ» свои письма къ Полякамъ и отстаивалъ противъ нихъ Кіевъ и другія Русскія области, то *мнѣ самому* Поляки говорили, что онъ подкупленъ Русскимъ правительствомъ и находится въ тайной перепискѣ съ Императрицею! Если же и ваши Малороссы прибѣгаютъ къ такой же уловкѣ относительно меня, то значитъ они сильно ополячились.

Такія пошлости меня не остановятъ, точно такъ, какъ и вамъ всѣ эти соображенія не помѣшали написать статью Niema Rusi. Вѣдь нельзя же было отвѣчать Полякамъ на вашу статью въ Россіи печатно. Зачѣмъ же вы били лежачихъ? Вы скажете—вы возражали. Да и я возражалъ. Вы скажете—Поляки могли отвѣчать за границей. Пусть и мнѣ отвѣчаютъ. Я бы ничего такъ не желалъ, какъ чтобъ позволили Полякамъ безнаказанно возражать мнѣ въ Россіи. Подъ статьей Кояловича я даже прошу объ этомъ, и предложилъ даже печатать *анонимныя* возраженія; но цензура это слово вычеркнула.

Какъ скоро статья «Національная безтактность» была напечатана

по-русски, въ Россіи, въ Русскомъ журналѣ, то стало быть—споръ открытъ, и возражать на нее можно. Если же авторъ статьи, печатая, разсчитывалъ на то, что возражать будетъ неловко, что возражателю можно будетъ зажать ротъ обвиненіемъ въ неблагородствѣ, я не знаю благороднымъ ли назовете вы этотъ поступокъ? Авторъ швыряетъ изъ за угла въ насъ камнемъ и сердится, когда мы вскрикиваемъ отъ боли и крикомъ обличаемъ его продѣлку! Вѣроятно онъ хотѣлъ бы, чтобъ мы ему кланялись и улыбались и позволяли себя бить безнаказанно. Все это напоминаетъ мнѣ обвиненіе, дѣланное Европою Россіи въ неблагородствѣ за то, что она сожгла Турецкій флотъ въ Синопѣ, и требованіе, чтобы Россія вела только оборонительную войну, а не смѣла защищаться, предупреждая нападеніе и т. п.

Вы не находите противорѣчія между статьею вашею въ «Основѣ» и статьею «Современника». Да если одну можно было «бить» (по вашему выраженію) другою, такъ какъ же нѣтъ тутъ противорѣчія? Своею готовностью подписать статью «Современника», вы ставите меня въ совршенное недоумѣніе. Подъ статьею Niema Rusi я готовъ подписать свое кацапское имя, но конечно не подпишу его подъ «Національной безтактностью».

Недавно одинъ изъ моихъ пріятелей-матеріалистовъ приходитъ ко мнѣ и говоритъ, что статья Самарина неблагородна, что Бюхнеръ защищаться не можетъ. Цѣлые журналы на всѣхъ страницахъ съ перваго до послѣдняго нумера проповѣдуютъ матеріализмъ и проповѣдуютъ съ успѣхомъ, а возражать имъ безъ обвиненія лицъ—неблагородно!.. Это въ родѣ обвиненія за Синопское сраженіе.

Вы угрожаете мнѣ тѣмъ, что правительство будетъ гладить по головкѣ за статьи противъ Поляковъ... Я не веду оппозицію правительству по западному, quand même. И если правительство скажетъ: «я признаю Христа», я не стану говорить, что вѣрю въ чорта. Вы же въ «Основѣ» поете гимнъ манифесту 19-го Февраля, и такой гимнъ, до паѳоса котораго мнѣ доходить не случалось. Это было очень пріятно правительству, повѣрьте: не стать ли вамъ ради этого ужъ за «гонимое и тѣснимое» крѣпостное право? Если статьи противъ Поляковъ не противны правительству, то за то, къ сожалѣнію, другія статьи пришлись ему противъ шерсти. Говорю къ сожалѣнію, потому что опасаюсь усиленія цензурныхъ строгостей.

Перечитывая ваше письмо, нахожу еще слѣдующія мѣста, требу-

ющія отвѣта: 1) Вы говорите, что не противились бы и тому, чтобъ Галичане писали на чистомъ Великорусскомъ языкѣ. Авторъ статьи «Современника» положительно этому противится. 2) Вы рисуете картину ужасовъ Волыни, Подоліи и проч., донесенія о которыхъ я буду получать, сидя въ комфортабельной комнатѣ и пр. Именно для того, чтобъ этого не было, нужно, чтобъ Поляки послушались добраго совѣта, перестали считать Волынь и Подолію Польскими землями, распространять свои Польскіе буквари и т. п. Мы возбуждаемъ вражду! И вы можете по совѣсти сказать это? Мы хотимъ отстранить то, чтò возбуждаетъ вражду, и только даемъ отпоръ нападеніямъ. 3) Вы считаете неприкосновенность границъ Россіи дѣломъ правительства—«тутъ наша хата съ краю». Можетъ быть, ваша; но не моя. Какія странныя слова вы высказали! Такъ вамъ все равно, если Поляки или Австрійцы или Турки отнимутъ у Россіи Кіевъ, Черниговъ, Смоленскъ, Москву, и поставятъ свою границу на Волгѣ? И вы послѣ того станете утверждать, что ваше сердце бьется однимъ чувствомъ съ *народомъ*! Нѣтъ, вы ему чужды совершенно—съ своею аристократическою привилегіею патріотизма и историческаго пониманія.

Довольно. Эти два листа, мною исписанные, служатъ лучшимъ доказательствомъ моего уваженія къ вамъ. Если вы кому-нибудь читали ваше письмо ко мнѣ, прошу васъ прочесть имъ же и мой отвѣтъ. Надѣюсь также, что вы оцѣните мою воздержность отъ тѣхъ неприличныхъ выраженій и неумѣстныхъ фразъ негодованія, которыми испещрено ваше письмо. Моя филокацапская газета охотно помѣститъ на своихъ столбцахъ всякое печатное (разумѣется, прилично написанное) возраженіе ваше противъ нашихъ Москальскихъ теорій.

Васъ глубоко уважающій и душевно преданный Ив. Аксаковъ.

30 Окт. 1861. Москва.

Отвѣтъ Н. И. Костомарова И. С. Аксакову.

Милостивый государь Иванъ Сергѣевичъ.

Прежде всего я почитаю обязанностью просить у васъ извиненія, мало этого—прощенія въ тѣхъ выраженіяхъ, которыя вы находите дерзкими. Я имѣлъ дѣло не съ личностью вашею, а со школою, съ ученіемъ. Во всякомъ случаѣ буду воздержнѣе.

Вы находите, что стремленіе писать по-малорусски и создавать особую литературу противно исторіи и жизни. Да, противно исторіи. Но какой? Исторіи войнъ, трактатовъ, министерскихъ распоряженій, кабинетскихъ соображеній, насильственнымъ размежевкамъ краевъ, составленію данныхъ и купчихъ на милліоны человѣческихъ душъ живущихъ и грядущихъ къ земной жизни. Но оно не противно исторіи народной мысли, народныхъ чувствованій и побужденій, слѣдовательно, не противно и жизни. Коль скоро существуетъ народъ съ собственною физіогноміею, съ своеобразными пріемами, съ собственнымъ нарѣчіемъ, то не противно жизни и его своеобразное свободное развитіе. Вы не видите возможности его. Я, признаюсь, не вижу впереди ни условій неизбѣжной возможности, ни безусловной невозможности. Все зависитъ отъ послѣдующей исторіи. Будьте логичны и вѣрны себѣ: откройте намъ принципъ вашъ и дѣйствуйте съ нами сообразно съ нимъ. Либо станьте на точку государственной принудительности и дѣйствуйте за одно съ III-мъ Отдѣленіемъ, либо уважайте право Южно-Русскаго народа и не приказывайте ему молчать на своемъ языкѣ и говорить на вашемъ. Позвольте ему самому рѣшать свою судьбу, а не закидывайте ему на шею помочей, чтобы вести его; судите Южно-Русскую литературу по ея плодамъ, а не отдавайте подъ судъ ея существованія и не осуждайте ея на смерть за то единственно, что она имѣла несчастіе родиться вблизи отъ васъ. «Современникъ» гораздо васъ последовательнѣе и справедливѣе.

Вы пишите, что готовы предоставить Польшѣ вѣдаться самой себѣ, и въ тоже время говорите: *впрочемъ, разумѣется, кромѣ Царства Польскаго, я бы не далъ имъ ни пяди Русской земли.* Хорошо. Но вѣдь эта Русская земля населена Русскимъ народомъ. Ну, еслибъ этотъ Русскій народъ оказалъ симпатію къ Польшѣ и пожелалъ бы съ нею соединиться? Какъ же по вашему? Надобно было бы его усмирять штыками, картечами, плетьми и насильно заставить благоденствовать созерцаніемъ *цѣльности*, которую вы лелѣете! Въ такомъ случаѣ проповѣдуемая вами свобода противорѣчитъ вашимъ дѣламъ. Она невозможна. Вы говорите: будьте свободны, *но думайте* и поступайте, чувствуйте и желайте такъ, какъ мы хотимъ и вамъ приказываемъ!.. Точно какъ въ стихотвореніи Niema Rusi Ляхъ, возглашая свободу и равенство предъ Европою, говоритъ Русину: bądi Polakiem, chamie; jesli nie—dam poczuć swę ramie.

Вы говорите Южно-Руссамъ: Будь Москалемъ, Хохолъ! А между тѣмъ рисуетесь дешевымъ свободолюбіемъ.

Ну, что̀ изъ того будетъ, что вы подымете въ литературѣ вопросъ о полюбовномъ размежеванiи съ Польшею? Вы ужъ размежеваны съ нею тремя раздѣлами и трактатомъ 1815 г. Народнаго размежеванiя вамъ не произвести. Вы будете писать: *это вамъ, Поляки; это намъ.* А можно ли будетъ кому нибудь закричать: *Постойте, господа; мы ни къ вамъ, ни къ намъ не хотимъ; мы желаемъ жить сами по себѣ*... Такъ какъ же можете вы рѣшить дѣло полюбовнаго размежѐванiя въ литературѣ? Не будетъ ли это Андрусовскiй договоръ, воскресшiй въ XIX вѣкѣ на столбцахъ «Дня»? Вы, конечно, скажете, что разсчитываете на извѣстную вамъ симпатiю Южно-Русскаго народа; вы пишите, что знаете его. Да, вы знаете край, его внѣшность: это доказываетъ ваше превосходное сочиненiе о ярмаркахъ; но едва ли вы знаете глубину народной души. Вы не подозрѣваете, что на днѣ ея почти у каждаго думающаго, неглупаго Южно-Русса спятъ Выговскiй, Дорошенко, Мазепа, и проснутся, когда наступитъ случай. Душа истаго Южно-Русса совсѣмъ не такая распашная, какъ Великорусская. Это высказывается постоянно и въ обыденной жизни. Не вѣрьте Южно-Руссу, ибо онъ вамъ не вѣритъ, сколько вы ни открываете ему вашу душу. Не разсчитывайте на народъ въ той степени, въ какой вы подмѣтили его. Онъ выскажется только тогда, какъ, оглядѣвшись вокругъ, увидитъ и убѣдится, что его спрашиваютъ не затѣмъ, чтобы надѣть на него веревку, если онъ отвѣтитъ не въ вашъ тонъ. Вы говорили о suffrage universel. Показала себя эта новомодная выдумка въ Ниццѣ и Савойѣ!

Что же, спросите вы, неужели Южно-Русскiй народъ пойдетъ за Ляхомъ? Не знаю, быть-можетъ пойдетъ за Ляхомъ; быть-можетъ, пристанетъ къ вамъ; быть-можетъ, ни къ вамъ, ни къ нимъ не пристанетъ, а захочетъ самъ собою жить. Все зависитъ отъ обстоятельствъ, среди которыхъ вы его спросите.

Вы находите, что Россiи слѣдуетъ вывести войска изъ Польши и предоставить ее самой себѣ. Что же изъ этого выйдетъ? Развѣ вы этимъ удовлетворите Польшу? Поляки не хотятъ такой Польши, какою вы ихъ жалуете. Поляки хотятъ Польши въ границахъ Сигизмунда III-го или по крайней мѣрѣ Яна Собѣскаго. Едва только Русскiя войска выйдутъ изъ Польши, какъ Поляки ворвутся въ край, составлявшiй нѣкогда великое княжество Литовское. Все католическое и Польское пристанетъ къ нимъ; примутъ ихъ сторону и толпы православныхъ (бывшiе унiаты сейчасъ покинутъ Православiе: въ этомъ увѣряютъ самые пламенные ревнители Православiя, но знающiе хорошо Бѣло-

русскій край); другіе православные воспротивятся; поднимется безтолковая междоусобная война; Русскіе будутъ водворять порядокъ, пойдутъ на Варшаву, возмутъ ее и опять начнутъ держать Польшу въ ежовыхъ рукавицахъ. Какой же результатъ выйдетъ изъ всего? Напрасное кровопролитіе, и больше нечего.

Вы хотите совмѣстить несовмѣстимое... Вмѣстѣ съ Хомяковымъ вы желаете свободы мнѣнія и сомнѣнія; но прежде чѣмъ эта свобода дана, вы уже ополчаетесь на тѣхъ, которые не въ силахъ возражать вамъ. Вотъ вы приводите споръ съ поклонникомъ Фейербаха и Бюхнера и указываете на «Современникъ», который проводитъ ихъ ученіе. Но иное дѣло *проводить*, иное дѣло открыто спорить. Вы съ вашимъ христіанскимъ православнымъ воззрѣніемъ смѣете изъясняться прямо, смѣло, вразумительно; а Чернышевскій долженъ будетъ передъ вами лавировать, увертываться... Для васъ доступно всякое оружіе, для него нѣтъ!...

Я высказалъ одобреніе, еслибъ «Русское Слово» писало по велико-русски, тогда какъ «Національная безтактность» этого не говоритъ. Дѣло въ томъ, что я не признаю закономъ, чтобы человѣкъ непремѣнно писалъ на такомъ-то, а не на другомъ языкѣ. Напиши онъ о Малороссіи хоть на Итальянскомъ... Что же? Это дѣло его вкуса, нравится ему Итальянскій языкъ—пусть себѣ и пишетъ на немъ съ Богомъ. Пусть бы и Галичане писали по-великорусски: иначе для чего они перевели мою статью, писанную по-великорусски на свой Тарабарскій? Конечно ихъ добрая воля создавать себѣ и Тарабарскій языкъ; но наша добрая воля заложить себѣ уши отъ его мелодическихъ звуковъ. Я вовсе не признаю закономъ, чтобъ Малороссы не писали по-великорусски; напротивъ, если они не захотятъ брать въ руки Малороссійскихъ книгъ, я не поставлю имъ этого въ вину. Значитъ, жизнь того требуетъ. Не виноваты тѣ, которые по убѣжденію хотятъ развитія Малорусскаго языка; не виноваты тѣ, которые не хотятъ читать того, чтò пишется на этомъ языкѣ. Но пока, Малороссійская письменность растетъ и кругъ читателей увеличивается; слѣдовательно есть потребность, и несправедливо вооружаться противъ права на свободное существованіе Малорусской литературы. Говоря, что ея появленіе противно исторіи и жизни, вы сами себѣ противорѣчите, изъявивъ опасеніе, что Гоголь, еслибъ живъ былъ теперь, склонился бы на убѣжденія Кулиша и компаніи и сталъ бы писать по южно-русски и вы бы не увидали «Мертвыхъ Душъ». Стало быть, вы признаете въ созданіи Южно-русской литературы великую силу, когда предполагаете,

что такой талантъ, какъ Гоголь, могъ отдаться этой мысли? Я самъ думаю, что еслибъ Гоголь былъ живъ теперь, то вѣрно свои повѣсти, напечатанныя въ «Вечерахъ», написалъ бы по южно-русски и конечно упрочилъ себя напередъ лучшимъ запасомъ знанія народности. Но это ничуть не помѣшало бы ему писать «Мертвыя Души», которыя и не могутъ быть написаны по южно-русски.

Мнѣ кажется, что вы несправедливы къ студентамъ. Вы соглашаетесь съ «Свѣточемъ», что они не уважаютъ науки. Нѣтъ, они уважаютъ науку, уважаютъ ее даже и тѣ, которые въ ней слабы по недостатку способностей или прилежанія. Разумѣется, въ семьѣ не безъ урода; но о всей массѣ такъ отзываться несправедливо. Аудиторіи наши постоянно были наполнены. Чему приписать это, какъ не уваженію науки и участію въ ней? Вѣдь лекціи скучно слушать: для забавы не пойдутъ, особенно двадцать - сорокъ разъ. Въ Маѣ пришлось мнѣ экзаменовать оканчивавшихъ курсъ въ историко-филологическомъ факультетѣ: изъ сорока двухъ я одному только сдѣлалъ снисхожденіе, потому что онъ былъ недавно боленъ тифомъ; прочіе получили полные балы по достоинству. Волненія ихъ не безъ цѣли; у нихъ была цѣль, также показывающая уваженіе къ наукѣ. Ихъ возмутило преграждение пути бѣднымъ къ образованію. Конечно, становясь на государственно-полицейскую точку, я не скажу, чтобъ правительство, по своимъ видамъ дѣйствуя, было неправо, заключивши ихъ въ крѣпость (хотя по моему крайнему разумѣнію не для чего было ихъ бить прикладами по головамъ, когда можно было безъ этого погнать въ крѣпость, куда они сами хотѣли); но suum cuique... нельзя же не отдать полнаго одобренія этимъ благороднымъ юношамъ, которые въ этомъ держали себя чрезвычайно прилично, съ уваженіемъ къ общественному порядку, и пошли въ тюрьму бодро, сознательно-благородно. Еслибъ они и заблуждались, то побужденія ихъ были честны. Вы находите, что такія явленія—плодъ подражанія Западу и что Русскому человѣку противно все *условное, формальное*, какъ-то *обѣды со спичами, условныя торжественныя позы, изученные пріемы*, затверженныя фразы и т. п. Помилуйте! Да не держался ли весь обиходъ старыхъ Великорусскихъ царей на такихъ условныхъ пріемахъ, не состоялъ ли весь изъ обрядности? Обѣды со спичами! А помните ли, какъ поступали, когда угощали посланниковъ? Помните ли спичи съ царскими титулами, заздравные возгласы; помните ли торжественныя тройныя встрѣчи дѣтей боярскихъ, гостей и всякаго народа толпы, нарочно одѣтыя въ цвѣтное платье; помните ли ребяческіе споры съ чужеземными послами о томъ, кому первому ступить, кому первому

заговорить? Помните ли, что изъ-за описокъ въ титулѣ воевали съ Поляками? Наконецъ, вся Русская домашняя жизнь закована въ условные пріемы и сѣтью обрядовъ опутана. Свадьба, похороны, имянины, вездѣ—обрядъ, вездѣ *условныя позы, изученные пріемы, затверженныя фразы* и проч. и проч. Странно: вы приписываете Западу то, что̀ существовало издавна у насъ, какъ наша особенность. Я никакъ не поклонникъ обезъянничества Западу: оно мнѣ приторно и гнусно; но для чего же взваливать на Западъ то, что̀ само собою и безъ Запада необходимо является какъ общечеловѣческое качество? Я рѣшительно не понимаю *высшаго требованія внутренней свободы* и не знаю, когда Русскій человѣкъ заявлялъ его. Чего нѣтъ внѣ, того и внутри нѣтъ: иначе внутреннее высказалось бы внѣшнимъ. Не думаю, чтобъ Русскій человѣкъ чуждался *лжи и неправды*, а напротивъ и въ исторіи, и въ настоящей жизни только и вижу, что ложь и неправду, и вполнѣ раздѣляю генеральное изреченіе Хворостинина: *Русская земля оретъ все рожью, а живетъ все ложью*. Да вы сами противорѣчите сказанному въ 3 № тѣмъ, что̀ такъ превосходно высказали въ прежнихъ.

Глубоко уважающій васъ и безпредѣльно преданный Н. Костомаровъ.

За сообщеніе обоихъ этихъ писемъ (въ подлинникахъ) обязаны мы благодарностью профессору Ивану Васильевичу Помяловскому, кончину котораго нынѣ оплакиваютъ друзья его и Русской науки.—Письмо Костомарова безъ означенія мѣста и времени. Не знаемъ, отвѣчалъ ли ему Аксаковъ. Припомнимъ, что переписка происходила наканунѣ Польскаго мятежа. П. Б.

ПОСЛѢ ГРОМА ПОБѢДЪ.

(Русская гвардія въ 1815—1834 годахъ).

Громъ пушечныхъ выстрѣловъ смолкъ. Наполеонъ, игравшій царствами и народами, свезенъ на пустынный островъ, и съ его удаленіемъ съ Европейскаго материка вихрь, который пронесся смерчемъ чрезъ Европу, стихъ.

Цѣлый рядъ боевыхъ годовъ, проведенныхъ Русской арміей, принесъ большой боевой опытъ: отъ Аустерлица до взятія Парижа прошло десять лѣтъ. И, конечно, любопытнымъ, и не съ одной военно-бытовой точки зрѣнія, является вопросъ о томъ, какъ использовала Русская армія свой боевой опытъ въ войнѣ съ исполиномъ Наполеономъ, какъ измѣнилась система подготовки войскъ въ мирное время, какъ отразились войны на внутреннемъ бытѣ войскъ.

Увы, безпристрастный историческій приговоръ по этому вопросу не можетъ быть названъ благопріятнымъ: Русская армія продолжала жить подъ прежнимъ экзерциргаузнымъ режимомъ, и внѣшность осталась единственнымъ объектомъ военнаго воспитанія. Мы и прежде не умѣли пользоваться опытомъ!

Парады и разводы, разводы и парады наполняли почти все время занятій. Особенно, конечно, страдала отъ этого гвардія, квартировавшая въ столицѣ и бывшая на виду у высшихъ военныхъ чиновъ. Графъ Милорадовичъ, командиръ гвардейскаго корпуса, 9 Апрѣля 1816 г. издалъ приказъ о томъ, что л.-гв. Семеновскій полкъ оказался на высочайшемъ парадѣ неисправнымъ и что за это упущеніе было высочайше повелѣно сдѣлать выговоръ полковому командиру генералъ-адъютанту Потемкину и арестовать на сутки баталіонныхъ командировъ, полковниковъ Паткуля, Гурко и Фредерикса. Слѣдовательно, парадъ считался столь важнымъ строевымъ „испытаніемъ", что за не вполнѣ успѣшное выполненіе различныхъ строевыхъ тонкостей могъ подвергнуться высочайшему выговору государевъ генералъ-адъютантъ, а штабъ-офицеры даже аресту. Здѣсь слѣдуетъ еще замѣтить, что императоръ Александръ I вообще арестовывалъ за дурной парадъ даже полковыхъ командировъ. 28 Іюля 1815 г. А. А. Закревскій, дежурный генералъ Главнаго Штаба, занесъ въ свой дневникъ: „Вступили въ Парижъ 2-я кирасирская и 3-я гренадерская дивизіи съ 4-мя артиллерійскими ротами. Государь арестовалъ командировъ полковъ Сибирскаго—полковника Поту-

лова, 26-го Егерскаго—подполковника Медвѣдева и 29-го подполковника Татаринова и посадилъ на Аглицкую гаубтвахту за то, что полки дурно прошли". А. П. Ермоловъ, вступился было за командировъ, прося не арестовывать ихъ при гаубтвахтѣ, занятой карауломъ иностранныхъ войскъ, но лишь вызвалъ неудовольствіе Государя. Скорѣйшимъ приведеніемъ въ исполненіе высочайшаго повелѣнія объ арестованіи полковыхъ командировъ былъ крайне озабоченъ кн. П. М. Волконскій, начальникъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, который въ тотъ же день 28 Іюля, въ 9 час. веч., писалъ А. А. Закревскому: „Арсеній Андреевичъ, увѣдомьте, пожалуйста, отчего по сіе время не присланы полковые командиры на гаубтвахту; кончится, я думаю, уже тѣмъ, что меня самого пошлютъ, ибо безпрестанно спрашиваетъ о нихъ, и прикажите послать къ генералу Ермолову, чтобы онъ завтра поутру пріѣхалъ во дворецъ самъ для объясненія, почему не исполнено по сіе время Его повелѣніе".

Въ сообщаемомъ эпизодѣ важно, конечно, не то, что были арестованы полковые командиры, а важна причина ихъ арестованія—неудовлетворительное прохожденіе полковъ церемоніальнымъ маршемъ. Арестованіе же полковыхъ командировъ не было какимъ-либо исключительнымъ случаемъ и въ арміяхъ Барклая-де-Толли. Приказомъ 6 Сентября 1815 г., главнокомандующій объявлялъ о своемъ замѣчаніи, что „Софійскій полкъ шелъ въ совершенномъ безпорядкѣ, офицеры одѣты были въ сюртукахъ и фуражкахъ-шапкахъ и сверхъ того не находились при своихъ мѣстахъ, а были позади полка, въ довольно дальнемъ разстояніи"; за это упущеніе полковой командиръ былъ арестованъ на двое сутокъ. Точно также 22 Сентября подверглись аресту командиры Ярославскаго и 39 Егерскаго полковъ за то, что въ ихъ частяхъ произошли безпорядки и воинскими чинами были оказаны притѣсненія Баденскимъ жителямъ въ мѣстахъ расквартированія этихъ полковъ. 14 Іюня 1812 г. Барклай-де-Толли объявилъ въ приказѣ о томъ, что имъ замѣчено, что Копорскій полкъ былъ „совершенно разбросанъ, ружья имѣлъ въ кучѣ и безъ надлежащихъ карауловъ"; полковой командиръ былъ арестованъ на двое сутокъ. Причины, вызвавшія эту дисциплинарную мѣру, заключались въ упущеніяхъ по сохраненію ввѣренныхъ командирамъ частей въ должномъ порядкѣ на маршѣ, въ военное время, почти въ виду непріятеля; строгость наказанія, оправдывалась военнымъ временемъ и вполнѣ соотвѣтствовала винѣ командировъ, арестованіе же за дурной парадъ уже явилось данью плацъ-парадному направленію и экзерциргаузному режиму.

Замѣчанія за дурное прохожденіе церемоніальнымъ маршемъ продолжали отдаваться въ приказахъ по гвардейскому корпусу. 9 Октября 1817 г. было объявлено высочайшее замѣчаніе кавалеріи за то, „что во время похода забытъ совсѣмъ ходъ церемоніальнаго марша". 13 Іюня 1818 г. было предписано гвардейскимъ частямъ ходить церемоніальнымъ маршемъ „по мѣстамъ, камнемъ вымощеннымъ, дабы къ пріѣзду Его Императорскаго Величества пріучить нижнихъ чиновъ къ прохожденію церемоніальнымъ маршемъ, со-

блюдая вѣрность и равенство шага по каменной мостовой". Приказомъ 8-го Декабря 1816 г. устанавливалась скорость шага: при тихомъ маршѣ не болѣе 75-ти и не менѣе 72 шаговъ въ минуту, а при скоромъ не болѣе 110 и не менѣе 107 шаговъ.

Весьма любопытными въ военно-бытовомъ отношеніи являются приказы съ объявленіемъ подробныхъ замѣчаній, сдѣланныхъ при высочайшихъ парадахъ: въ этихъ приказахъ выясняются тѣ требованія, которыя предъявлялись войскамъ при прохожденіи церемоніальнымъ маршемъ. Два приказа по гвардейскому корпусу отъ 12 Января 1819 г. и 31 Марта 1826 г. напечатаны мною въ Сентябрьской книжкѣ „Русскаго Архива" за 1905 г., приказъ о результатахъ смотра гвардіи 16 Мая 1819 г. напечатанъ въ приложеніяхъ къ извѣстному труду Заблоцкаго-Десятовскаго о графѣ Киселевѣ; но почтенному изслѣдователю не было извѣстно, что весь этотъ приказъ писанъ лично Императоромъ Александромъ I. Въ богатѣйшемъ Лефортовскомъ Архивѣ (гдѣ, къ сожалѣнію, хранятся рядомъ драгоцѣннѣйшіе документы съ ничего нестоющимъ архивнымъ хламомъ и не выдѣлены въ особенный архивный музей даже царскіе автографы), мнѣ удалось видѣть черновикъ этого приказа, писанный собственноручно Государемъ. При высочайшемъ смотрѣ 16 Мая 1819 г. было Государемъ, между прочимъ, усмотрѣно, что „Семеновской полкъ прошелъ со взводными дистанціями не чисто, у многихъ взводовъ левые фланги были назади, надлежащей тишины въ шеренгахъ не было, много колѣнъ было согнутыхъ, ногу подымали не ровно, носки были не вытянуты, некоторыя дистанціи между взводовъ были велики, замѣчательно дурно равнялись въ 1-мъ бат. оба взвода 3-ей роты; Московскій полкъ прошелъ оба раза весьма дурно, взводы равнялись не чисто, должной тишины въ шеренгахъ не было, всѣ дистанціи между взводовъ были велики, сомкнутыми колонами равномѣрно дистанція отъ замыкающихъ унд. офиц. до переднихъ шеренгъ слѣдующихъ взводовъ были велики, офицеры не чисто шли и шпаги дурно и не ровно держали; гв. конной полкъ прошелъ шагомъ со взводными дистанціями хорошо, кромѣ шт. р. Захаржевскаго, которой не умѣетъ левой руки держать, сомкнутыми колоннами рысію сей полкъ прошелъ изрядно, второй полуэскадронъ 6-го эскадрона былъ отставши; артиллерія пешая прошла хорошо, у конной же одно орудіе, бывъ неисправно, не могло пройтить съ прочими, за чтò и делается замѣчаніе ген.-м. Козену" (орѳографія Государя сохранена). Въ приказѣ отъ 12 Января 1819 г. было замѣчено, что, „когда духовная церемонія проходила мимо, отъ непозволительнаго любопытства во фронтѣ и которому подали примѣръ нѣкоторые изъ господъ офицеровъ, ряды уже были смѣшаны, и не было въ баталіонахъ надлежащаго равненія"; относительно же драгунскаго и уланскаго полковъ было изложено: „посадка господъ офицеровъ не уравнена; у многихъ лѣвые локти совсѣмъ отдѣлены отъ тѣла, кисть лѣвой руки не на мѣстѣ, сабли дурно и не ровно держатъ"; приказъ оканчивался предложеніемъ начальникамъ внушить офицерамъ, „что во всякомъ случаѣ имъ слѣдуетъ быть примѣромъ

подчиненнымъ и что ловкость и точность офицеровъ во фронтѣ, украшая ихъ самихъ, служитъ важнымъ способомъ къ превосходному устройству войска". Наконецъ, приказъ 31 Марта 1826 г. касался подробностей высочайшаго смотра кавалеріи; Государь изволилъ замѣтить неравномѣрность аллюра, несоблюденіе дистанцій, отсутствіе равненія и неправильное держаніе сабель въ полкахъ легкой кавалеріи.

Отъ парадовъ—прямой переходъ къ разводамъ.

Сколько труда тратилось на этотъ родъ занятій! Герлахъ, бывшій Прусскій генералъ-адъютантъ, подъ 18 Іюля 1828 г. заноситъ въ свой дневникъ слѣдующіе строки: „14-го числа опять былъ разводъ; прохожденіемъ караула, состоявшаго изъ 21-го человѣка, занято было много лицъ, между прочими, 31 генералъ и множество адъютантовъ". На двухъ нижнихъ чиновъ приходилось по три генерала!

Конечно, неумолкаемо раздавались голоса противъ увлеченія разводами и парадами, противъ муштры, которая внушала почти благоговѣніе. Академикъ Парротъ писалъ императору Александру I: „Немного больше, немного меньше дрессировки, это теперь не рѣшаетъ участи государства, другое дѣло —духъ солдата; пусть онъ будетъ гордиться тѣмъ, что онъ Русскій, обожать своего монарха и любить свою родину". Это голосъ штатскаго человѣка. Но вотъ что̀ писалъ графъ И. Ѳ. Паскевичъ, кажется, достаточный свѣдущій въ военномъ дѣлѣ: „Я требовалъ строгую дисциплину и службу, я не потакалъ безпорядкамъ и распутству, но я не дозволялъ акробатства съ носками и колѣнками солдатъ; я сильно преслѣдовалъ жестокость и самоуправство, и хорошихъ храбрыхъ офицеровъ я оберегалъ. Но къ горю моему экзерцирмейстерство все захватывало".

Разводъ между тѣмъ составлялъ не только средство воспитанія войскъ, но его цѣль.

Чтобъ избѣжать какихъ либо замѣчаній, войсковые начальники стали прибѣгать къ хитрости: они наряжали въ караулы 1-го отдѣленія офицеровъ изъ другихъ баталіоновъ, конечно, офицеровъ вполнѣ проникшихся „разводною наукою". Это было замѣчено Государемъ, о чемъ и послѣдовалъ приказъ по корпусу 30 Января 1817 г. По поводу этого приказа цесаревичъ Константинъ Павловичъ писалъ начальнику штаба гвардейскаго корпуса: „Скажу вамъ, что нечего дивиться тому, что полковые командиры выбираютъ и однихъ и тѣхъ же посылаютъ офицеровъ въ 1-е отдѣленіе на раздѣлку, ибо нынѣ завелась такая во фронтѣ танцовальная наука, что и толку не дать; такъ поневолѣ пошлешь тѣхъ же самыхъ офицеровъ, точно какъ на балахъ обыкновенно увидишь, что прыгаютъ Французскій кадриль всегда одни и тѣже лица, пары четыре или восемь, а другіе не пускаются. Я болѣе двадцати лѣтъ служу и могу правду сказать, что во время покойнаго Государя былъ изъ первыхъ офицеровъ во фронтѣ, а нынѣ такъ премудрено, что и не найдешься".

Для однообразнаго исполненія различныхъ перестроеній и ружейныхъ пріемовъ было повелѣно присутствовать при разводахъ флигель-адъютанту Клейнмихелю, который обо всѣхъ ошибкахъ представлялъ Государю записки. Въ приказѣ по гвардейскому корпусу отъ 13 Февраля 1819 г. былъ объявленъ цѣлый рядъ указанныхъ ошибокъ, съ присовокупленіемъ, что нѣкоторыя изъ нихъ дѣлаются „въ пятый, шестой и даже въ осьмой разъ“.

Присутствовать при разводахъ были обязаны всѣ адъютанты для принятія пароля. На отсутствующихъ налагались взысканія; такъ, приказомъ отъ 8 Августа 1817 г. былъ арестованъ на три дня адъютантъ л.-гв. Измайловскаго полка, какъ отсутствовавшій на разводѣ.

Увлеченіе разводомъ и плацпарадными тонкостями переходило всякія границы. Баронъ А. Е. Розенъ, офицеръ Финляндскаго полка, впослѣдствіи декабристъ, передаетъ въ своихъ запискахъ, что однимъ изъ совершеннѣйшихъ знатоковъ экзерциргаузнаго дѣла былъ саперный полковникъ Люце. „Этотъ архи-профессоръ (пишетъ Розенъ) отвѣтилъ генералу К. И. Бистрому, спросившему его мнѣнія объ учившемся 1-мъ баталіонѣ лейбъ-гвардіи егерскаго полка: хорошъ, ваше превосходительство, славно учится, но, когда стоитъ на мѣстѣ, то жаль, что примѣтно дыханіе солдатъ; видно, что они дышутъ“. Этотъ полуанекдотъ извѣстенъ большой публикѣ, но въ запискахъ Розена онъ пріобрѣтаетъ особый интересъ, какъ пріуроченный къ опредѣленнымъ личностямъ.

Все дѣлалось на показъ. Страннымъ на современный взглядъ представляется приказъ августѣйшаго командира гвардейскаго корпуса отъ 1 Іюля 1827 г. Великій князь Михаилъ Павловичъ дѣлалъ замѣчанія о томъ, что „въ нѣкоторыхъ полкахъ шинели вообще, а въ особенности воротники сдѣланы такимъ образомъ, что оные не надѣваются и не застегиваются на мундирѣ способно, покойно и хорошо“; великій князь вынужденъ былъ объявить такую азбучную истину, что „шинель солдату дается не просто для щегольства, но для предохраненія онаго отъ погоды“. На слѣдующій день великій князь отдалъ еще болѣе любопытный приказъ: „Всѣ вещи, солдату даваемыя, суть необходимы, шинель въ числѣ самыхъ нужнѣйшихъ, и чехолъ, ее отъ погоды охраняющій, не есть прикраса, и слѣдовательно, выводить въ строй съ шинельными чехлами, соломою или картузною бумагою набитыми, оставляя шинели дома, значитъ терять изъ виду пользу ея употребленія, превращая полезнѣйшую вещь въ обманчивую только наружность“.

Удобство при носкѣ обмундированія ставилось на задній планъ. И. И. Венедиктовъ, офицеръ Волынскаго полка, описываетъ головной уборъ въ такихъ выраженіяхъ „Это—большая, кожанная, обтянутая сукномъ кадушка съ разными металическими прибавками, всего вѣсомъ въ нѣсколько фунтовъ, и пригонялся онъ на голову вплотную, да еще такъ притягивался къ подбородку, что у другого глаза выпучивались“.

Да и сами воинскіе чины не заботились о томъ, чтобы обмундировка ихъ не стѣсняла. Нѣсколько разъ въ приказахъ по гвардіи (напримѣръ, 16 Января 1818 г.) подтверждалось запрещеніе черезъ чуръ перетягивать портупеи, что̀ дѣлалось изъ мнимаго щегольства. Любопытную записку генералъ-адъютанта Красовскаго, испещренную собственноручными замѣчаніями императора Николая I, удалось мнѣ видѣть въ одномъ изъ архивовъ. Красовскій предлагалъ Государю ввести новую форму обмундированія и, между прочимъ, рекомендовалъ поясную портупею. Государь, близко знакомый съ нуждами войска и опытомъ ознакомившійся съ условіями военной службы по своей прежней службѣ въ войскахъ гвардейскаго корпуса, положилъ резолюцію: „Мы носили эти портупеи и знаемъ, что даже въ кавалеріи съ трудомъ удержаться можно отъ перетяжки; въ пѣхотѣ отъ того были грыжи".

14 Октября 1811 года было запрещено, подъ угрозою выписки изъ гвардіи, подпрапорщикамъ и юнкерамъ гвардейскаго корпуса ходить въ партикулярныхъ платьяхъ. 28 Апрѣля 1818 г. приказомъ по корпусу былъ арестованъ на мѣсяцъ подпоручикъ л.-гв. Семеновскаго полка Ржевскій, который, рапортуясь больнымъ, былъ встрѣченъ полковымъ командиромъ на улицѣ въ партикулярномъ платьѣ. 27 Ноября 1832 г. великій князь Михаилъ Павловичъ отдалъ приказъ о томъ, что на Литейной улицѣ ему повстрѣчался офицеръ, ѣхавшій въ фуражной шапкѣ и старавшійся скрыться въ ближайшихъ домахъ сосѣдней улицы, какъ только онъ замѣтилъ великаго князя; дежурный адъютантъ послѣдняго разыскалъ неисправнаго офицера, который оказался прапорщикомъ л.-гв. Преображенскаго полка Арсеньевымъ; такъ какъ означенный прапорщикъ былъ нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ замѣченъ корпуснымъ командиромъ въ ненахожденіи на мѣстѣ во время своего дежурства по 3-му батальону л.-гв. Преображенскаго полка, то великій князь справедливо усмотрѣлъ, что Арсеньевъ „не дорожитъ ни честію носить мундиръ того полка, въ которомъ числится, ни службою въ гвардейскомъ корпусѣ", а потому и вошелъ съ представленіемъ о переводѣ его въ армію. 9 Января 1831 г. приказомъ по корпусу было повелѣно „ваты въ груди офицерскихъ мундировъ вовсе не класть". 11 Апрѣля 1832 г. въ приказѣ было объявлено, что великій князь встрѣтилъ нѣкоторыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ не по формѣ одѣтыми; такъ, л.-гв. коннаго полка штабсъ-ротмистра Анненкова въ вицмундирѣ, фейерверкера 1-ой артиллерійской бригады—въ шелковомъ галстухѣ и перчаткахъ, а чиновъ гвардейскаго экипажа—съ растегнутыми чешуями; взамѣнъ того, нижніе чины л.-гв. Преображенскаго полка и л.-гв. конной артиллеріи были усмотрѣны великимъ княземъ „отлично опрятно одѣтыми, отмѣнно внимательными, ловкими". 21 Октября 1832 г. былъ арестованъ на недѣлю прапорщикъ л.-гв. Московскаго полка кн. Хованскій за то, что при встрѣчѣ съ корпуснымъ командиромъ отдалъ ему честь, „имѣя шляпу съ поля". 26 Декабря 1833 г. было объявлено замѣчаніе начальнику гвардейской кирасирской дивизіи генералъ-адъютанту графу Апраксину и строгое замѣчаніе генералъ-маіорамъ

барону Мейендорфу и Кошкулю за то, что они „находились въ парадѣ въ шитыхъ мундирахъ, тогда какъ надлежало имъ быть въ полковыхъ мундирахъ“.

Великій князь строго наблюдалъ, чтобы „уборъ“ его лошади вполнѣ соотвѣтствовалъ мундиру, въ который онъ былъ одѣтъ. По словамъ Синельникова, разъ какъ-то шталмейстеръ великокняжескаго двора Ушаковъ, по разсѣянности, распорядился осѣдлать лошадь къ разводу, бывшему въ экзерциргаузѣ, съ уборомъ не той части войска, которой мундиръ надѣлъ его высочество. Великій князь совсѣмъ не сѣлъ на коня, оставаясь пѣшимъ. По окончаніи развода Михаилъ Павловичъ позвалъ Ушакова и встрѣтилъ его вопросомъ: „а ты что̀ сегодня съумничалъ?“ На признаніе Ушаковымъ своей вины, великій князь сказалъ ему: „виноватъ, такъ стань въ уголъ“.

Замѣчу, что привычка одѣваться въ партикулярное платье осталась у Русскихъ офицеровъ со времени взятія Парижа Русскими войсками. Послѣ возвращенія гвардіи изъ похода во Францію, офицеры, которымъ было разрѣшено одѣвать фраки въ Парижѣ для избѣжанія столкновеній съ Французами, продолжали носить ихъ и въ Петербургѣ. По словамъ Вигеля, „зрѣлище совершенно новое и отъ того довольно странное въ воинственно-придворномъ Петербургѣ было тогда; какъ на улицахъ, такъ вездѣ, отсутствіе военныхъ мундировъ, генеральскихъ и офицерскихъ; всѣ ходили во фракахъ“. А Ѳ. Львовъ, впослѣдствіи управлявшій дѣлами императорской главной квартиры, разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что въ день бунта 14 Декабря 1825 г. онъ отправился отыскивать Измайловскій полкъ, будучи одѣтъ „въ партикулярной бекешѣ и круглой шляпѣ“. Естественно, что съ такою привычкою приходилось бороться начальствующимъ лицамъ.

Душа воинской службы, дисциплина поддерживалась корпусными командирами. А. А. Закревскій, дежурный генералъ Главнаго Штаба, 27 Февраля 1822 г. писалъ Г. Д. Киселеву: „Нѣжность и привѣтствіе пустое есть вредъ настоящій для службы, и давать солдату чувствовать, что не можетъ его наказывать унтеръ-офицеръ и фельдфебель, это значитъ внушать солдату нашему ихъ не слушать. Нашъ солдатъ не есть иностранный, его надо держать въ рукахъ и чтобы боялся поставленныхъ надъ нимъ начальниковъ, которые имѣютъ право всегда его наказывать, но всегда отпускать ему все принадлежащее и ничего не удерживать, пещись о немъ, быть строгу, но справедливу“. Иначе говоря, Закревскій проповѣдывалъ необходимость разумной строгости. Эту же самую мысль встрѣчаемъ и въ приказѣ по гвардейскому корпусу 9 Сентября 1817 г. Поводомъ къ изданію приказа этого послужило „взятіе“ полиціею нѣсколькихъ гвардейскихъ солдатъ „по разнымъ случаемъ“; корпусный командиръ долженъ былъ напомнить, что „гдѣ строгость дѣлается нужною, тамъ всякое снисхожденіе и такъ называемая деликатность есть вредная слабость“. 20 Апрѣля 1818 г. было приказано представлять къ выпискѣ изъ гвардіи нижнихъ чиновъ, замѣченныхъ „въ худомъ

поведеніи“, такъ какъ гвардейскій корпусъ долженъ былъ являться „во всѣхъ отношеніяхъ отличнымъ и примѣрнымъ для другихъ войскъ“. 23 Декабря 1826 г. корпусный командиръ объявлялъ, что имъ усмотрѣно нахожденіе подъ судомъ такихъ нижнихъ чиновъ, которые имѣютъ за долголѣтнюю службу нашивки; по мнѣнію же корпуснаго командира, „невѣроятно, чтобы люди, прослужившіе болѣе 10 или 15 лѣтъ безпорочно, могли перемѣнить образъ своего поведенія и впадать не только въ пороки, но даже въ преступленія“; посему рекомендовалась бо̀льшая разборчивость при удостоеніи нашивками. Любопытнымъ для современнаго военнаго человѣка является запрещеніе офицерамъ появляться внѣ службы на улицѣ вмѣстѣ съ нижними чинами, хотя бы то были ихъ родственники. Приказаніемъ по корпусу отъ 11 Апрѣля 1833 г. объявлено, что Михаилъ Павловичъ видѣлъ, какъ на Дворцовой набережной прапорщикъ л.-гв. Измайловскаго полка фонъ-Барановъ 2-й шелъ рядомъ съ вахмистромъ школы гвардейскихъ юнкеровъ Перовскимъ; прапорщикъ былъ арестованъ на три дня, а въ приказаніи было подтверждено, „чтобы г.г. офицеры отнюдь не ходили по улицамъ рядомъ съ нижними чинами, хотя бы то были ближайшіе ихъ родственники, подъ опасеніемъ строгаго за сіе взысканія, исключая однакожъ воспитывающихся въ кадетскихъ корпусахъ; ибо сіи не считаются на службѣ, тогда какъ юнкера, будучи зачислены въ полки, состоятъ на дѣйствительной службѣ“. Прапорщикъ Поцейко, встрѣтивъ на одной изъ Петербургскихъ улицъ знакомаго кадета, разрѣшилъ ему одѣть шапку; случайно это увидѣлъ Михаилъ Павловичъ, гнѣвно спросившій офицера: „развѣ онъ тебѣ отдаетъ честь?“—„Вотъ предъ чѣмъ онъ отдаетъ честь!“ продолжалъ великій князь, указывая на эполеты прапорщика. „На гауптвахту!“ И прапорщикъ отсидѣлъ подъ арестомъ сутки.

Дѣятельность Михаила Павловича, клонившаяся къ поддержанію дисциплины въ гвардейскомъ корпусѣ, была обширна. Однако оцѣнка этой дѣятельности не всегда производилась безпристрастно. Ѳ. Я. Мирковичъ, конногвардейскій офицеръ, а затѣмъ директоръ 2 кадетскаго корпуса, относится отрицательно къ настойчивости великаго князя поддержать дисциплину въ гвардіи. „Охраненіе дисциплины въ его глазахъ являлось не средствомъ для воспитанія, а главною цѣлію всего военнаго строя; подъ вліяніемъ грустныхъ событій, происходившихъ при восшествіи на престолъ императора Николая, великій князь видѣлъ въ усиленныхъ требованіяхъ службы лучшее средство отвратить молодое поколѣніе отъ увлеченія либеральными мечтами; напускная суровость вошла у него въ привычку, и въ офиціальныхъ сношеніяхъ съ подчиненными подчасъ онъ бывалъ весьма непріятенъ; нерѣдко позволялъ онъ себѣ насмѣшки, колкости и глумленія надъ окружавшими и подчиненными, что̀ ставило ихъ въ положеніе въ высшей степени непріятное“. Между тѣмъ по справедливости дѣятельность великаго князя къ поддержанію дисциплины должна быть признана вполнѣ правильной въ своей основѣ.

Въ приказѣ 20 Февраля 1826 г. великій князь говорилъ о посѣщеніи Кавалергардскаго полка. Дежурный по полку ротмистръ Львовъ не тотчасъ

явился къ великому князю, а дежурный по 3-му дивизіону поручикъ Полетика совсѣмъ въ казармахъ не находился; за эти упущенія офицеры были арестованы, первый—на восемь дней, а второй—на три недѣли. 20 Сентября 1833 г. по корпусу объявлено было, что при посѣщеніи Михаиломъ Павловичемъ Кирасирскаго Его Величества полка были усмотрѣны имъ дежурные офицеры не по формѣ одѣтыми, въ растегнутыхъ мундирахъ и безъ оружія, въ дежурной же комнатѣ, „вокругъ дивана, были подушки и шинели г. г. офицеровъ, на которыхъ они лежали"; великій князь призналъ, что „это служитъ новымъ доказательствомъ, до какой степени служба между офицерами л.-гв. Кирасирскаго Его Величества полка распущена" и что „старшіе офицеры не умѣютъ себя поставить на такую ногу, чтобы младшіе имѣли должное къ нимъ уваженіе и чинопочитаніе; главная пружина воинской службы въ семъ полку между офицерами весьма ослаблена, а, напротивъ того, существуетъ между ими непростительное панибратство". 6 Октября 1833 г. приказъ принесъ немилость подпоручику л.-гв. Финляндскаго полка Леонтьеву. Леонтьевъ занималъ караулъ во дворцѣ великаго князя, который изъ окна увидѣлъ, что въ проходъ мимо Леонтьева полковника Квашнина-Самарина тотъ сидѣлъ на барьерѣ, въ шинели, курилъ трубку и не отдалъ чести этому штабъ-офицеру, который, проходя къ караулу спиной, не замѣтилъ проступка Леонтьева. Великій князь, заключивъ, что подпоручикъ Леонтьевъ „не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о чинопочитаніи, со стороны же общежитія ни малѣйшаго понятія о самой простой вѣжливости", призналъ, что Леонтьевъ не можетъ оставаться въ гвардіи, „которая, какъ войско отборное, отъ коего во всякомъ случаѣ можно требовать примѣрнаго состоянія по фронтовой части, а кольми паче въ чинопочитаніи, какъ главной и коренной силѣ всякаго войска".

Своебразнымъ караульнымъ нарядомъ былъ караулъ „на съѣздахъ", т. е. у городскихъ воротъ. Отбываніе этого наряда тоже вызывало нерѣдко замѣчанія корпусныхъ командировъ. 9 Декабря 1817 г. было сдѣлано замѣчаніе, что офицеры, бывавшіе въ этомъ нарядѣ, не записываютъ всѣхъ проѣзжающихъ, „отчего представляемые Государю Императору рапорты бываютъ почти бѣлые", между тѣмъ „по другимъ свѣдѣніямъ оказывается, что проѣзжающихъ бываетъ много". Чрезъ два дня, 11 Декабря 1817 г., былъ назначенъ на три не въ очередь караула поручикъ л.-гв. Преображенскаго полка Титовъ 4-й, за то, что, стоя въ караулѣ у Московскихъ воротъ, „не опрошалъ выѣхавшаго изъ города генералъ-адъютанта Балашова". Приказомъ 25 Августа 1822 г. былъ арестованъ на сутки мичманъ гвардейскаго экипажа Миллеръ за то, что „при проѣздѣ главнокомандующаго не вышелъ въ ружье", не взирая на то, что „объ ожидаемомъ проѣздѣ его сіятельства извѣстно было чрезъ посланныхъ нарочно къ означенной заставѣ жандарма и лейбъ-казачьяго унтеръ-офицера". Баронъ Розенъ, скептически относившійся къ дѣятельности начальника штаба гвардейскаго корпуса П. Ѳ. Желтухина, описываетъ подробности своего доклада этому генералу послѣ заня-

тія имъ караула на Петергофской гауптвахтѣ. Генералъ спросилъ сперва Розена, почему онъ не отмѣтилъ, куда ѣхали генералъ-адъютанты Апраксинъ и Левашевъ; Розенъ отвѣчалъ, что этотъ вопросъ ясно разрѣшается заголовкомъ его рапорта—проѣхавшіе въ Петергофъ; затѣмъ Желтухинъ сказалъ: „какъ вы рапортуете о пріѣздѣ генерала-отъ-инфантеріи князя Ливена, между тѣмъ какъ его здѣсь нѣтъ; одинъ князь Ливенъ посломъ въ Лондонѣ, другой въ чужихъ краяхъ?“ Розенъ отвѣчалъ, что опросъ проѣзжающихъ совершается не офицеромъ, а унтеръ-офицеромъ и что самъ онъ лишь видѣлъ, какъ промчалась большая карета; притомъ онъ лично не знаетъ князя Ливена. Положеніе караульныхъ офицеровъ, пожалуй, бывало щекотливымъ.

Примѣнялись и другія мѣры для поддержанія дисциплины. Государь изволилъ замѣтить, что на улицахъ попадаются нижніе чины въ нетрезвомъ видѣ. Какъ гласилъ приказъ по корпусу отъ 31 Іюля 1818 г., „такіе поступки, противные вообще порядку службы и подающіе поводъ къ непріятнымъ происшествіямъ, унижаютъ солдатъ въ собственномъ ихъ и товарищей мнѣніи, и тѣмъ болѣе неизвинительны, что они, имѣя счастіе находиться предъ лицемъ Государя Императора и будучи отборнымъ войскомъ, должны службою и поведеніемъ своимъ быть примѣромъ для прочихъ войскъ“; этимъ приказомъ запрещалось посѣщеніе нижними чинами кабаковъ и разрѣшалась продажа вина въ самихъ ротахъ. Эту мѣру нельзя считать вполнѣ достигшею цѣли, и декабристъ А. С. Гангебловъ справедливо пишетъ: „Государь Александръ Павловичъ каждый день дѣлалъ прогулки то пѣшкомъ, то на дрожкахъ или санкахъ, всегда одинъ-одинешенекъ, если не считать его кучера Илью. На этихъ прогулкахъ Государю случалось встрѣчать солдатъ въ нетрезвомъ видѣ. Такой безпорядокъ не оставался, конечно, безъ замѣчаній начальству. Начальство, изыскивая средства, которыя поставили бы солдатъ въ невозможность шататься по городу пьяными, возымѣло несчастную мысль завести кабаки по полкамъ, по одному каждой ротной артели. На первый взглядъ ничего придумать лучше было нельзя: солдатъ не пойдетъ пить въ городской кабакъ уже и потому, что въ артели вино продавалось дешевле, да и напиваться ему у себя дома было свободнѣе, а охмелѣетъ, изъ казармы его не выпустятъ. Цѣль начальства, стало быть, достигнута. Но каковы же оказались послѣдствія этой мѣры? Солдаты, ничѣмъ не стѣсняемые, сходились на выпивки цѣлыми сборищами, а гдѣ сборище—тамъ толки, особливо подъ чаркой“. Приказомъ 6 Января 1817 г. запрещалось устройство въ полкахъ лотерей. Приказомъ 24 Января 1819 г. было объявлено, что до высочайшаго свѣдѣнія дошло, что „нижніе чины лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка, расположенные въ Петергофѣ, рубили на дрова лѣсъ, находящійся въ звѣринцѣ, и истребили часть аллеи, ведущей отъ развалинъ дома, принадлежащаго князю Меншикову“; порубка была, конечно, запрещена, съ предупрежденіемъ, что „если случится впредъ подобное происшествіе, то всѣ офицеры и нижніе чины того эскадрона выпишутся изъ гвардіи, а полковой командиръ будетъ отставленъ отъ службы“. Приказомъ отъ 4 Октября 1822

года были запрещены сборища нижнихъ чиновъ у Обводнаго канала, за Семеновскимъ валомъ, гдѣ происходила игра въ орлянку и на деньги.

Обращалось вниманіе на размѣръ побѣговъ нижнихъ чиновъ со службы. Еще въ сороковыхъ годахъ, въ высочайшихъ приказахъ по военному вѣдомству, продолжали изъясняться высочайшія благодарности и замѣчанія за малое или большое число побѣговъ; такъ, въ высочайшемъ приказѣ 17 Марта 1843 г. былъ объявленъ высочайшій выговоръ нѣсколькимъ командирамъ полковъ „за значительные побѣги нижнихъ чиновъ", причемъ было изложено: „Государь Императоръ изволитъ надѣяться, что командиръ 2-го пѣхотнаго корпуса употребитъ всѣ мѣры, отъ него зависящія, къ уменьшенію столь значительнаго числа бѣжавшихъ нижнихъ чиновъ и тѣмъ болѣе, что изъ представленныхъ отчетностей его величество изволилъ усмотрѣть столь разительное несходство въ числѣ бѣжавшихъ изъ полковъ одного и того же корпуса". Въ виду такого общаго требованія, и начальство гвардейскаго корпуса прилагало со своей стороны усилія къ уменьшенію числа побѣговъ. Приказомъ 26 Октября 1819 г. былъ поставленъ въ примѣръ, гв. Павловскій полкъ за отсутствіе бѣжавшихъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ; Сибирскому же уланскому полку было замѣчено, что въ немъ число бѣжавшихъ „превосходитъ далеко соразмѣрность". Приказомъ 30 Іюля 1830 г. объявлялось о томъ, что побѣги не прекращаются, „а особенно въ гвардейской пѣхотѣ", и требовалось, чтобы начальствующія лица въ гвардейскихъ пѣхотныхъ полкахъ приняли мѣры къ прекращенію побѣговъ, тѣмъ болѣе, что за семь мѣсяцевъ не было ни одного бѣжавшаго въ л.-гв. Уланскомъ и Гусарскомъ полкахъ и обѣихъ гвардейскихъ артиллерійскихъ бригадахъ, а между тѣмъ „служба въ пѣхотѣ несравненно легче противу кавалерійской службы, а особенно противу артиллерійской".

Любопытны также приказы объ отношеніяхъ къ полиціи. Приказъ отъ 30 Января 1817 г. извѣщалъ, что полицейскій офицеръ поручикъ Зиминъ отгонялъ во время парада кучера съ санями штабсъ-ротмистра лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка Масюкова; въ это время подошелъ къ Зимину Масюковъ и ударилъ его по лицу; за этотъ „непозволительно-дерзкій поступокъ" Масюковъ былъ арестованъ на двѣ недѣли. Приказаніемъ отъ 11 Апрѣля 1834 г. было запрещено гвардейскимъ офицерамъ, „во время публичныхъ съѣздовъ въ театры, концерты и гулянья, распоряжаться чинами жандармской и полицейской командъ".

Съ цѣлію болѣе полнаго и всесторонняго воздѣйствія офицеровъ на нижнихъ чиновъ требовалось, чтобы офицеры присутствовали на всѣхъ занятіяхъ и не покидали своихъ мѣстъ на маршѣ и въ походѣ. Приказомъ отъ 21 Января 1818 г. былъ арестованъ на недѣлю прапорщикъ Аверкіевъ за то, что команда, ввѣренная его начальствованію, была встрѣчена Государемъ въ безпорядкѣ, а самъ „не былъ при своемъ мѣстѣ, но шелъ сзади пѣшкомъ". 25 Сентября 1819 г. было объявлено, что гренадерскій графа Арак-

чеева полкъ, будучи наряженъ на погребеніе генерала Спренгпортена и возвращаясь въ казармы, „шелъ въ совершенномъ безпорядкѣ, при баталіонахъ не было штабъ-офицеровъ, и даже оберъ - офицеровъ находилось не болѣе трехъ, и тѣ не на своихъ мѣстахъ, шли вмѣстѣ впереди въ непростительной безпечности“. Приказъ 11 Марта 1830 г. несъ немилость л.-гв. Измайловскому полку. Государь, проѣзжая по Обухову мосту, усмотрѣлъ этотъ полкъ шедшимъ въ совершенномъ безпорядкѣ; въ двухъ первыхъ баталіонахъ не было совсѣмъ командировъ, а при третьемъ баталіонѣ и вовсе не было штабъ-офицера, „офицеры совершенно не находились на своихъ мѣстахъ, нижніе чины шли по обѣимъ сторонамъ улицъ, какъ кому хотѣлось; нѣкоторые изъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, отдавъ нести ружья свои рядовымъ, шли безъ оныхъ; словомъ, полкъ сей представлялъ какую-то толпу людей, не похожую на войско благоустроенное и въ особенности гвардіи“; за эти упущенія были арестованы: полковники Анненковъ—на 7 дней, Норовъ—на 6 дней, а баронъ Штакельбергъ и Свиньинъ—каждый на 3 дня.

Гвардейскимъ корпусомъ командовали послѣдовательно такія выдающіяся лица, какъ графъ М. А. Милорадовичъ, И. В. Васильчиковъ, Ѳ. П. Уваровъ, Депрерадовичъ, Войновъ, наконецъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Отдавая дань времени, эти лица желали поддержать въ корпусѣ дисциплину и создать при гвардіи отборное войско. Можетъ быть, пріемы, къ которымъ прибѣгали корпусные командиры, представляются нѣсколько своеобразными на современный взглядъ; но вѣдь оцѣнку прошлаго, имѣющаго почти вѣковую давность, нужно производить съ крайнею осмотрительностью. И не взирая на извѣстную „Семеновскую исторію“, на увлеченіе офицеровъ движеніемъ, поведшимъ къ катастрофѣ 14 Декабря, гвардія въ послѣ - Наполеоновское время въ общемъ являлась украшеніемъ Русскаго воинства.

Михаилъ Соколовскій.

ПИСЬМА С. А. СОБОЛЕВСКАГО.

О Соболевскомъ (род. 4 Сент. 1804 † 6 Окт. 1870) вскорѣ по его кончинѣ была нами помѣщена статья въ „Русскомъ Архивѣ“ 1870 года (стр. 2140—2144). Дополнимъ ее нѣкоторыми чертами. Онъ былъ сыномъ богатаго Московскаго помѣщика Александра Николаевича Соймонова и вдовы камергера Лобкова, Анны Ивановны, ур. Игнатьевой (внуки генералъ-поручика и Андреевскаго кавалера, Степана Лукича Игнатьева, коменданта Петропавловской крѣпости). Отъ Лобкова у нея, кажется, не было дѣтей. Съ нимъ рядомъ похоронена она въ Москвѣ въ Донскомъ монастырѣ, и тутъ же по близости лежитъ и Соболевскій. Къ памяти своей матери питалъ онъ почтительную, нѣжную привязанность и въ послѣдніе свои годы нерѣдко ѣздилъ на ея могилу; съ отцомъ же своимъ обходился онъ какъ съ человѣкомъ полузнакомымъ. За то къ его супругѣ (ур. Левашовой) былъ онъ сердечно привязанъ, съ ея двумя дочерями друженъ и даже (года за два до смерти) ѣздилъ къ нимъ въ Казань и тамъ признался имъ, что его сочиненія стихи 1841 года, облетѣвшіе всю Россію

Вотъ женился Сашенька,
Вышла замужъ Машенька....

Но сестрамъ своимъ Соболевскій не оставилъ ничего, а завѣщаніемъ отказалъ все вдовѣ (съ Апрѣля 1868) Андрея Михайловича Львова Софьѣ Николаевнѣ (ур. Наумовой), съ которою былъ близокъ въ теченіи многихъ лѣтъ и на которой собирался жениться и поѣхать съ нею за границу. По кончинѣ князя В. Ѳ. Одоевскаго (†1868), издавна дружнаго съ нимъ и жившаго въ одномъ съ нимъ домѣ, одолѣла его тоска одинокой жизни. Онъ до смѣшного ухаживалъ за Львовой, бродилъ подъ ея окнами, нанималъ ложу противъ той ложи, которую она взяла, чтобъ только смотрѣть на нее. Съ этою цѣлью перевелъ онъ свои деньги отъ Англійскихъ банкировъ во Французскія бумаги къ Ротшильду; думалъ также продать свою библіотеку, и торговать ее пріѣзжали въ Москву Лейпцигскіе книгопродавцы Листъ и Конъ. Они давали ему 40 тысячъ талеровъ, но въ разсрочку; онъ же хотѣлъ получить чистоганомъ. Дѣло разошлось, и въ отместку Соболевскій возилъ Еврея Кона осматривать Кремль, гдѣ въ Успенскомъ соборѣ заставлялъ его класть крестное знаменье. Франко-Прусская война встревожила его: Ротшильдъ не могъ ему выплачивать срочныхъ процентовъ, и на прожитокъ долженъ былъ онъ сдѣлать заемъ, чтó, при всегдашней его бережли-

вости, было ему ненавистно. Когда Соболевскій умеръ, у него оставалось всего 75 руб. денегъ, и хоронилъ его г-нъ Ратцигъ, завѣдывавшій дѣлами И. С. Мальцова. Получивъ его наслѣдство, Львова уѣхала за границу и продала за 25 т. талеровъ всѣ его книги и бумаги тѣмъ же Листу и Кону. Они напечатали каталогъ его библіотеки и распродали ее по частямъ; а рукописи пріобрѣлъ у нихъ графъ С. Д. Шереметевъ.

Въ обществѣ людей, не близко съ нимъ знакомыхъ, Соболевскій слылъ нахаломъ (это какъ бы принадлежность незаконнорожденія); но у него было немало прекрасныхъ качествъ, и сердца былъ онъ чувствительнаго, что̀ видно и изъ нижеслѣдующихъ писемъ. Сатирическіе стихи его останутся на всегда цѣннымъ достояніемъ Русской словесности. Былъ онъ отчасти нашимъ Марціаломъ. П. Б.

Къ А. П. Елагиной.

23 (7) Февраля (1829, Флоренція)..

Благодарю васъ крѣпко за память вашу и надѣюсь, и вѣрю, что благословеніе ваше не пропадетъ на мнѣ. Пародируя васъ, вотъ что: по праву разстоянія скажу вамъ того, чего бы въ глаза я бы вамъ никакъ не сказалъ: милая, добрая Авдотья Петровна, я васъ смерть люблю.

Благодарю васъ за стихи. Мнѣ, признаться, давно уже не нравились новинки Жуковскаго; но это—прелесть-новинка [1]). Кстати, вотъ вамъ анекдотъ. Едва прочелъ эти стихи одному Русскому (впрочемъ не глупому) онъ мнѣ сказалъ: une jolie allégorie; c'est l'Empereur et l'Impératrice [2]). Судите по этому, каково здѣсь моему сердцу?

Профессоръ [3]), задремавъ, скользитъ съ креселъ; Лилька бѣжитъ за Андреемъ, который бѣжитъ, подпрыгивая; Николя хотѣлъ бы за ними, да Петръ Васильевичъ держитъ его въ ногахъ, въ сплину, а трубка во рту. Иванъ сидитъ по-турецки, качается, молчитъ, пьетъ кофе и куритъ. Алексѣй Андреевичъ бродитъ на костыляхъ, пока не забудется; вы няньчаете Гаврилу, передъ которымъ Марья Васильевна въ восхищеніи. Мнѣ весело, что я въ Москвѣ; отворяются двери, входятъ тьмы Янишей, Похвисневыхъ—чуръ меня; мнѣ не совсѣмъ-то дурно и во Флоренціи.

Прощайте и вѣрьте, что васъ очень любитъ Соболевскій.

---

[1]) Какіе это стихи, намъ неизвѣстно.

[2]) Хорошая аллегорія, это Императоръ и Императрица.

[3]) А. П. Петерсонъ, лѣвый братъ А. П. Елагиной, который тогда готовился быть профессоромъ. Дальше—младшія дѣти ея.

Кланяйтесь Похвисневымъ, Янишамъ и завѣрьте ихъ, что я ихъ *помню*.

Какъ я нынѣ разболтался; пакетъ вамъ, другой Веневитинову. Я ли лѣнивъ?

Къ И. В. Кирѣевскому.

Давно не писалъ я къ тебѣ, но чья вина? Разумѣется, что твоя, ибо отъ вашей лѣни нѣтъ ни словечка; а мнѣ писали изъ Москвы, что-де Кирѣевскій ѣдетъ по первому пути. Первый же путь въ половинѣ Ноября, и я уже ждалъ твоего пріѣзда, какъ вдругъ отъ Сергѣя Ивановича [1]) новое извѣстіе: что-де думаетъ отправиться въ послѣднихъ числахъ Декабря.

Побранилъ. Подумаешь, что довольно? Анъ нѣтъ, еще бранить. Похвалимъ однакоже сначала. *Хвала*: получивъ деньги отъ Полеваго, ты мнѣ ихъ выслалъ во Флоренцію. Умно и честно.

Историческое между хвалой и бранью. Fenzi, banquier à Florence, получилъ этотъ пакетъ и мнѣ сюда около 25 Ноября выслалъ; но пакетъ какъ въ воду канулъ. Здѣсь на почвѣ нѣтъ; такъ какъ я не знаю ни суммы, ни подписи векселя, ни даже вексель ли или кредитивъ, то les pieds et poings liés [2]), не могу приступить ни къ какимъ розыскамъ, и даже рискую все потерять: ибо если кто въ день срока вздумаетъ, поймавши вексель, расписаться на немъ моимъ именемъ vu que, ne connaissant pas le banquier sur qui le billet est tiré, je ne peux former opposition [3]), то по здѣшнимъ законамъ банкиръ правъ, а я бѣгай за преступникомъ и вѣшай его на свой счетъ, если мнѣ угодно. Изъ сего проистекаетъ основанная на слѣдующихъ резонахъ *брань*. Если бы вы, Иванъ Васильевичъ, не забывали своихъ друзей, писали бы имъ вслѣдствіе вашего *честнаго слова* ежемѣсячно, то друзья ваши брали бы нужныя мѣры и пр. и пр.

Это будетъ маленькій supplément [4]) къ дѣлу объ моей отставкѣ [5]), которую я получилъ, но которой бы при меньшей вашей лѣни я бы

---

[1]) Лицо намъ неизвѣстное. Можетъ быть, С. И. Пашковъ.

[2]) Связанный по ногамъ и рукамъ.

[3]) Такъ какъ, не зная банкира, на котораго данъ вексель, я не могу противодѣйствовать.

[4]) Дополненіе.

[5]) С. А. Соболевскій служилъ въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, вмѣстѣ съ братьями Кирѣевскими. Позднѣе жизнь и долгая разлука произвели между ними

не просилъ. Вы же довольно наказаны тѣмъ, что имѣли бы счастье обнять мою персону въ концѣ Октября, а теперь скачите за этимъ блаженствомъ сюда.

О дружба, кто тебя не знаетъ,

тотъ не знаетъ и счастья бранить другъ друга безъ сердца и умолка.

Теперь станемъ говорить объ тебѣ и обо мнѣ. Начну неучтиво съ меня. Я здѣсь нынѣ ровно *мѣсяцъ*. Пріѣхавъ сюда съ цѣлымъ чемоданомъ рекомендательныхъ писемъ отъ всего свѣта, я немедленно же пустился въ общество и о сю пору знакòмъ со всей литературой обѣихъ партій. Съ блистательнымъ же свѣтомъ я не успѣлъ, ибо онъ начинается не прежде половины Генваря. Если ты, такъ какъ мнѣ пишутъ, ѣдешь сюда, то это вѣроятно для того, чтобы учиться *людямъ*, болѣе чѣмъ наукамъ [1]). Надѣюсь, что буду тебѣ очень полезенъ въ этомъ отношеніи и замѣчу тебѣ, что касательно денегъ Парижъ такой городъ, что можно жить и тремя тысячами въ годъ, и тремя милліонами. Здѣсь ты обязанъ только проживать то, чтò тебѣ покойнѣе; людей съ состояніемъ такое множество, что *primer* [2]) здѣсь безъ милліоновъ никому не должно идти на умъ. Былъ бы на тебѣ чистый фракъ и вылощенные сапоги. Множество потребителей довело здѣсь по разнообразію предпріятій многіе предметы до чрезвычайной дешевизны: въ каретѣ omnibus ты ѣдешь за 25 centimes изъ одного края Парижа къ другому: ты обѣдаешь за 18 sous (90 копѣекъ) и имѣешь, какъ и всѣ студенты, полбутылки вина, супъ, хлѣба *въ волю* и три кушанья на выборъ.

остуду. Слишкомъ четверть вѣка Соболевскій почти не встрѣчался съ ними и не участвовалъ въ ихъ дѣятельности (хотя и не примыкалъ къ западникамъ). На единомышленную съ ними достопочтенную графиню А. Д. Блудову онъ написалъ даже стихи:

Я не причастенъ сектѣ оной,
И въ Панславическомъ жару,
Передъ Булгарскою Мадонной
Я на колѣни не паду.
Смѣшны мнѣ синіе чулочки,
Хотя бъ и въ пожилыхъ годахъ,
Хотя бъ на министерской дочкѣ,
На камерфрейлинскихъ ногахъ.

Къ матери же Кирѣевскихъ (про которую Т. Н. Грановскій говорилъ пишущему эти строки, что считаетъ ее умнѣе дѣтей ея) Соболевскій до конца дней своихъ неизмѣнно сохранялъ почтительную приверженность.

[1]) И. В. Кирѣевскій собирался въ Парижъ, но не успѣлъ побывать въ немъ.

[2]) Первенствовать.

Я обѣдалъ тамъ и рѣшилъ, что все *свѣжо* и *питательно*, не менѣе и той ресторацiи, гдѣ я могъ бы обѣдать за 75 francs par tête. Съ твоимъ *леженабокствомъ* совѣтую тебѣ не нанимать квартиры, а *vous mettre en pension* [1]) въ какой-нибудь хорошей семьѣ. Тебя франковъ за 60, а если уже хочешь быть очень покоенъ, за 100 будутъ освѣщать, кормить, поить, чистить и услуживать. Письма твои развозитъ по городу la petite poste [2]), и человѣкъ, при неимѣнiи экипажа, ни на что не нуженъ, какъ для *набитiя трубокъ*. Назначь остальныя 1800 на платье, на перчатки, на фiакры, и вотъ твои 3000. Всѣ же журналы и книги ты читаешь за 100 франковъ въ годъ. Я бы и самъ жилъ точно также, если бы мнѣ не мѣшало присутствiе нѣкоторыхъ Петербургскихъ знакомыхъ, на которыхъ я здѣсь набрелъ, съ которыми, за неимѣнiемъ другого товарищества, связанъ и отъ которыхъ безъ недружества не могу теперь отдѣлиться.

Чтò сказать тебѣ *поинтереснѣе*? Французы въ массѣ совершенно не то, чтó они индивидуально; притомъ ты больше видишь въ Россiи смѣшную и глупую ихъ генерацiю прошлаго вѣка, чѣмъ теперешнюю, сильную и мощно сбросившую иго нацiональныхъ предразсудковъ о своемъ неоспоримомъ преимуществѣ, предразсудковъ, которые держали ихъ въ Китайскомъ совершенствѣ. Притомъ и старики, прошедшiе здѣсь три вѣка въ тридцатилѣтiе отъ 1789 года, столько терлись о высокое и разнообразное, что невольно потеряли то, чтò нельзя было иначе выразить, какъ *Францужествомъ*. Изъ женщинъ я здѣсь часто бываю у извѣстной Récamier, которой 52 года и которой безъ всякаго увеличенiя нельзя дать болѣе 24 лѣтъ. Тамъ я вижу Шатобрiана и вообще все общество, собиравшееся прежде у m-me Staël и страшившее Наполеона. У Ancelot и Julien я встрѣчаю всѣ médiocrité политическаго и ученаго мiра, какъ-то: Alfred de Vigny, Soumeth, Mérimée (l'auteur du Théâtre de Clara Gazul), Victor Hugo у перваго, Balbi и чортъ ужъ знаетъ кого у второго. У Saint-Aulaire я очень хорошо познакомился съ Villemain, Barante, Guizot; часто бываю у милаго и умнаго Cousin, у слывущаго здѣсь большимъ шарлатаномъ Кювье. Sismondi, къ которому имѣю письмо, здѣсь нѣтъ; онъ женится въ Génève. У Gérard, съ которымъ я очень близокъ, всѣ живописцы, литераторы и музыканты гуртомъ. Все это домà, съ которыми ты будешь знакòмъ на первой недѣлѣ твоего прiѣзда и куда ты можешь ходить пѣшкомъ и ѣздить на фiакрѣ. Захочешь же видѣть *часто* балы

---

[1]) Помѣститься въ пансiонѣ.

[2]) Маленькая почта.

(которые менѣе блистательны вашихъ), прошу брать карету и рядиться въ башмаки.

Театровъ ты не бойся: первое уже потому, что и при ограниченномъ знакомствѣ тебѣ не очень-то будетъ когда и ѣздить туда; во-вторыхъ, они вообще дурны, а балетъ рѣшительно хуже Московскаго. Въ третьихъ, они по цѣлымъ мѣсяцамъ даютъ однѣ и тѣже піесы, такъ что, пожертвовавши сначала мѣсяцомъ и 150 франковъ, чтобъ осмотрѣть ихъ, тебѣ рѣдко придется случай навѣщать спектакль; развѣ только, чтобы видѣть чудное для насъ зрѣлище перваго представленія, буйнаго, свистящаго и рукоплескающаго, особенно когда авторъ извѣстенъ своей приверженностью къ той или другой литературной партіи, а еще болѣе къ политическимъ.

Кстати о политикѣ. Скажу тебѣ, что на ней-то основанъ весь здѣшній разговоръ, и не читать газетъ значитъ обречь себя совершенному онѣмѣнію. Кстати объ разговорѣ; я забылъ тебѣ сказать, что всего чаще навѣщаемое мною здѣсь общество есть домъ *Ségur*. Это тотъ самый, который былъ посланникомъ Людовика 16-го при Екатеринѣ, оберцеремоніймейстеромъ при Наполеонѣ и авторомъ многихъ томовъ. У этого умнаго и милаго старика ежедневно собирается все отличнѣйшее между литераторовъ и публицистовъ. Какъ вскочитъ Полевой, когда онъ узнàетъ, что я тутъ ежедневно вижу Charles Dupin!!! *).

У меня ужъ рука нѣмѣетъ отъ многаго писанія. Прощай. Если тебя письмо это застанетъ еще въ Москвѣ, то исполни самъ мои порученія; если нѣтъ—то надѣюсь на Авдотью Петровну, къ которой я обращаюсь съ своими накладами, какъ наши молитвы къ Богу, то есть не зная, примутъ ли ихъ, а надѣюсь много. Что же касается до моего возвращенія, то я совершенно завишу отъ хода моихъ дѣлъ въ Москвѣ до Мая. Если же они въ Маѣ не рѣшатся, то не скоро ждите меня въ Москвѣ, ибо къ этому времени Соймоновы воротятся въ Россію, дѣлá поручу имъ, а самъ пущусь во всѣ края земли.

Если ты не боишься парализіи въ рукахъ при малѣйшемъ прикосновеніи оныхъ до пера, то напиши мнѣ, когда рѣшительно ты будешь въ Парижѣ. Ты меня найдешь тамъ: rue place Vendome № 1.

Прощай. Твой Соболевскій.

P. S. Отъ Шевырева и Рожалина давно нѣтъ у меня извѣстій.

---

*) Славный математикъ.

PP. SS. Если ты еще не выѣхалъ изъ Россіи, то привези мнѣ Сѣверные Цвѣты, лѣтнія стихотворенія Пушкина (второе изданіе), пѣсни Дельвига и прочее нетолстое, новенькое. Не вози только *терпи горе.* Что̀ за идеалъ глупости!

Paris, 25 (13) Décembre 1829.

Къ нему же.

О Иванъ, Иванъ, Иванъ!!!

Душа моя, голубчикъ мой, красавица моя и проч. и проч. и проч. Написавъ къ тебѣ третьяго дня письмо, я отнесъ оное со многими другими на почту (это здѣсь необходимо; ибо люди укарманиваютъ деньги, а письма посылаются въ Айдесъ, что̀, кажется, и со мною въ Вѣнѣ и Венеціи случалось), сунулъ ихъ съ деньгами въ окошечко и отворотился; вдругъ вижу, идутъ двѣ здѣшнія дамы. Такъ какъ здѣшніе обычаи требуютъ бо̀льшей учтивости, чѣмъ у васъ, я долженъ былъ броситься къ нимъ, и подать имъ руки, и проводить ихъ куда имъ угодно. Руки мои приняты, я съ горя любезничаю; вдругъ встрѣчаю моего Филиппа, который между тѣмъ сходилъ на poste restante и подаетъ мнѣ письмо, да какое! препухлое. И такъ, вообрази меня Танталомъ новаго покроя, съ яствомъ и питьемъ въ карманѣ; и это продолжалось болѣе четверти часа. O dio sagrado! Благодарю тебя, прощаю отъ всей души, но только съ условіемъ вѣрю твоему обѣщанію писать ежемѣсячно, то-есть не иначе какъ за поручительствомъ Авдотьи Петровны. Благодарю Полторацкаго и прошу у него прощенія за злое поношеніе, не благодарю Вас. Сем. за то, что онъ о сю пору ничего мнѣ объ дѣлахъ моихъ не пишетъ, хотя онъ (кое-что à part) прекрасный и честнѣйшій человѣкъ. Кланяюсь Малиновскому и посылаю ему черезъ курьера коллежскаго каталогъ собранныхъ аббатомъ Ciampi матеріаловъ касательно Россіи и папскихъ на оную прожектовъ; пеняю тебѣ, что ты не извѣстилъ меня, когда выѣзжаетъ Зенаида [1]) изъ Питера, по зимнему ли пути или ждетъ весны; я бы въ такомъ случаѣ расчелъ свиданіе съ Шевыревымъ. Прошу тебя написать мнѣ больше о Пушкинѣ, какъ и когда пріѣхалъ, гдѣ и какъ жилъ, въ кого влюблялся и когда ѣдетъ? Рекомендую Баратынскаго обнять до удава, желаю имѣть списокъ взятыхъ Пуш. книгъ; не понимаю кто *М. В.*, издающій альманахъ въ 6 книгахъ. Полевому ништо: мнѣ не пишетъ. Герке [2])

---

[1]) Княгиня Волконская.

[2]) Христіанъ Ивановичъ Герке, бывшій гувернёръ Веневитиновыхъ.

совѣтую усладить свое горе о Труб.; въ Россію ѣдутъ Соймоновы, и я просилъ ихъ взять его въ учителя Нѣмецкой и даже Англійской литературы; лучше его я никого не знаю, хотя впрочемъ я мѣтилъ скоса на Шевырева, да боялся его Саратовскихъ отчинъ.

Первая страница свидѣтельствуетъ тебѣ въ моей аккуратности; я всегда при отвѣтѣ читаю полученное письмо съ перомъ въ рукѣ и отвѣчаю по пунктамъ. Совѣтую и тебѣ это дѣлать, чтобы удовлетворять хозяйственному моему любопытству. Теперь, поговоривши, давай болтать. Карнавалъ кончился четвертаго дня большимъ театральнымъ маскарадомъ. Ложи были наполнены дамами, кавалерами *de la société*, которые безпрестанно изъ одной въ другую бѣгали, или сходили въ партеръ, или на сцену, гдѣ плясала всякая всячина. То-то раздолье молодежи, то-то бѣда бѣднымъ мужьямъ! Слѣдить за женами нельзя, ибо тѣснота страшная, а многія ложи закрыты спереди и запираются снутри! Послѣдніе три дни—corso, то-есть гулянье на подобіе всѣхъ нашихъ каретныхъ гуляній, и перестрѣлка конфетами; много открытыхъ, странныхъ рыдвановъ, наполненныхъ шумящими и поющими массами; въ три часа музыка заиграла какой-то винигретъ, и всѣ бросались тушить свѣчи платками, шляпами и проч. Это прощанье съ масляничнымъ удовольствіемъ. Во всѣхъ почти ложахъ накрыты столы, льется вино и исчезаютъ кушанья.

Я во всемъ этомъ участвовалъ не хуже другихъ, бѣгалъ, смѣялся, ужиналъ со всѣми и съ немногими сгрустнулъ, когда все потухло. Не могу не нахвалиться Флоренціей. Я вездѣ принятъ какъ *старый* знакомой, *всюду* позванъ и вѣроятно чрезъ три дня буду *давно* и *всюду* забытъ при отъѣздѣ, ибо Флоренція—трактиръ Италіи.

Теперь я оставилъ намѣреніе ѣхать въ Римъ, за неимѣніемъ чистыхъ денегъ, и долженъ буду остаться здѣсь до полученія оныхъ. Тогда (т. е. около вашего 16-го Апрѣля), поѣду, если позволитъ жара, въ Римъ и Неаполь, а если дадутъ мнѣ разрѣшеніе, отправлюсь въ Tarente и съѣзжу на мѣсяца два въ Морею. Впрочемъ все въ руцѣ Божіей, а можетъ быть у какихъ-нибудь ножекъ. Кстати объ ножкахъ, здѣсь много хорошенькихъ женщинъ, Benevelli, Pucci, Marsallus, Rucellai, Vernaci, Mozzi, del Turco, Martellini, Moore; но нѣтъ ни одной beauté frappante или, какъ сказалъ бы Итальянецъ, *splendissima, bellissima*. Онѣ вообще всѣ очень добро-милы, вольны въ обращеніи и худо образованы; только нѣкоторыя маракуютъ по-французски. Съ ними, если не привязаться къ одной исключительно (а это по необразованію ихъ трудно), скучно тѣмъ, что у нихъ обыкновенно по два мужа, то-есть мужъ и какой-нибудь вѣчный cavaliere

servente; впрочемъ иногда имъ обоимъ приходится плохо, но не часто и не всегда.

Литературный здѣшній кругъ мнѣ пока былъ мало знакомъ по незнанію Итальянскаго языка, но я болѣе и болѣе въ него втягиваюсь. Здѣсь Sgrici, импровизаторъ; Николини—трагикъ; Cooper, Medvin (Conversations de Byron), Eynar (филло-еллинъ), comte St. Leu (Louis Buonaparte); весь этотъ народъ собирается по Понедѣльникамъ у Vieusseux, содержателя газетнаго кабинета, библіотеки для чтенія и издателя: Antologia Italiana; и хозяинъ, и его вечера—Полевой и его Воскресенья. Я всякій день беру уроки въ Итальянскомъ у Pepe, извѣстнаго тебѣ по послѣднему возмущенію въ Неаполѣ, другой въ Англинскомъ; иногда пишу и обрабатываю свой essai, часто ничего не дѣлаю, а всегда помню объ васъ и сержусь; но нынѣ сердцу—basta. На карманныя деньги занялъ, а все прочее беру въ кредитъ, что̀ впрочемъ мнѣ почти никакой не дѣлаетъ разницы: ибо я, видя, что В. С. не шлетъ денегъ, расплатился со всѣми и, вооружась мнимымъ полученіемъ милліоновъ, сдѣлалъ на все аккорды и потомъ объявилъ, что прежде трехъ мѣсяцевъ не плачу, на что они здѣсь очень съ привычки благосклонны, ибо здѣсь почти у всѣхъ съ купцами одинъ расчетъ въ годъ. Впрочемъ не говори этого В. С., а пой ему, что я, за неимѣніемъ чистыхъ денегъ и живя въ кредитъ, разоряюсь. Я къ Рожалину писалъ изъ Вѣны, но письма, къ нему и къ тебѣ посланныя съ лонъ-лакеемъ, вѣроятно у него остались въ карманѣ; отселѣ я писалъ вторично, и странное дѣло! имѣлъ будто *предчувствіе*, что тутъ есть цензура; писалъ къ нему осторожно!! Ты говоришь, что онъ изъ своего путешествія ничего кромѣ своей комнаты не видалъ; это не диво, пока зима, а зимой въ Дрезденѣ и галлерей не топятъ: Нѣмецкая скупость. Я самъ не видалъ ничего; грязь до Вѣны, Вѣну, Альпы, Венецію въ туманѣ и скукѣ, и Флорентійскія мостовыя; театръ гадкій, улицы об. и об. За нѣсколько дней до отъѣзда я намѣренъ написать статью—Флоренція. Матеріаловъ у меня по крайней мѣрѣ на одинъ томъ, ибо я всегда, пришедши домой, записываю наскоро свои мысли объ ней и бросаю въ пустой ящикъ; то-то при прочтеніи найду противорѣчій и глупостей! Сомовъ лопнулъ бы съ досады; честь отшибли. Кстати объ Сомовѣ, я здѣсь ѣлъ намедни свѣжую осетрину, и встрепенулось мое сердце и мой желудокъ по родинѣ и по Орестѣ Сомовомъ!?

Что за гиль читала вамъ Каролина *), и по-каковски? Пора бы ей

*) К. К. Янишъ, впослѣдствіи Павлова.

не вязаться съ Аполлономъ, а съ какимъ нибудь супругомъ. Какіе у васъ балы? На какихъ бываешь ты? Кто теперь *поминаемая* тобой? Чтó Погодинъ, у васъ ли? Чтò типографія Полевова? Чтò говоритъ мой другъ Ширяевъ? Полевой—пакосникъ: пишетъ, пишетъ Булгарину, Павлову, Гречу, а не пишетъ ко мнѣ; да изсохнутъ его чернила, да притупятся его перья, да изломаются его цилиндры и (о ужасъ) да перейдутъ его подписчики къ Пчелѣ, или Галатеѣ и къ Олину! Кстати, чтò Олинъ со своимъ журналомъ? Скажи Пушкину, что я пришлю ему 200 бутылокъ Aliatico на слѣдующихъ условіяхъ: 1) онъ мнѣ напишетъ восемь страницъ сплетень своего сердца, 2) извѣстить меня объ здоровьѣ Людмилки, Анны Петровны и Лизы, 3) назначить мнѣ, къ кому адресовать въ Петербургѣ, 4) заплатитъ мнѣ 250 рублей, ибо Aliatico здѣсь не болѣе 125 centimes il fiasco, 5) пересылку выплатитъ, но это впрочемъ вздоръ, равно какъ и пошлина. Много ли разошлось Телеграфа и Веневитинова? Чтò Walter Scott, чѣмъ кончился?

Ты меня называешь *милымъ пузомъ*; за прилагательное благодарю, да уже прикладывать-то къ чему пузо? *Fuit*, и я сталъ сбиваться на человѣка. Да какъ не исхудать? Итальянцы—не повара; съ голоду бѣгаешь да бѣгаешь по улицамъ. Я здѣсь только два раза надѣвалъ днемъ бекешь; въ концѣ Генваря я нѣсколько разъ съ бала отпускалъ карету и въ три часа утра гулялъ при лунномъ сіяніи въ одномъ фракѣ и въ шелковыхъ чулкахъ. Иногда, когда снѣгъ выпадетъ на Аппенины, становится страхъ холодно; даже разъ доходило до одного градуса съ половиной по Реомюру. Здѣсь гомеопатистъ Бестужевъ; сердитъ на меня за то, что я ему не отдалъ визита, излѣчился отъ тѣлесныхъ недуговъ; прощай. Твой Соболевскій.

Я писалъ Сергѣю Ивановичу, чтобы онъ взыскивалъ съ Полтарацкаго 150 рублей; это ошибка; поставьте—*сто*.

О Пушкинъ, Пушкинъ, пиши мнѣ!!! Я тебя здѣсь хвалю, величаю; не то—напечатаю свой переводъ *тебя*, и горе, горе посрамленному!

23 Февраля (7 Марта).

ПИСЬМА ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА КИРѢЕВСКАГО [1]).

Къ своему вотчиму А. А. Елагину.

1826. Августъ [2]).

Вы ко мнѣ не хотите писать, милый папенька, потому что въ грустномъ расположенiи духа, а я гораздо лучше бы хотѣлъ отъ васъ получить грустное письмо, нежели шуточное, и пишу къ вамъ теперь именно потому, что мнѣ не весело. Въ эти минуты душа невольно какъ-то обращается къ тому, чтò всего дороже, и забываетъ все, чтò ее разсѣевало, и всѣ обыкновенныя занятiя, которыя, скользя только по поверхности ея, не доходили въ глубь. Я, по крайней мѣрѣ, во время печали, невольно ищу предмета, который бы вполнѣ занималъ всего меня, который бы заключалъ въ себѣ не одно опредѣленное желанiе, не одну опредѣленную мысль, но входилъ бы во всѣ желанiя, во всѣ мысли, и если что нибудь живое на землѣ можетъ быть такимъ предметомъ *полнаго я*, то, безъ сомнѣнiя, это вы и маменька. Ибо вы оба служите для меня связью всей прошедшей моей жизни и входите во всѣ тѣ планы, которые воображенiе строитъ въ будущемъ, которые, можетъ быть, несбыточны, но которые трогаютъ самыя чувствительныя струны моего сердца. На всемъ пути жизни моей (которую, признаюсь, люблю одѣвать въ блестящiя краски) я вижу васъ непремѣннымъ спутникомъ моимъ, и до сихъ поръ не рождалось у меня ни одного желанiя, ни одной надежды, которыя бы вполнѣ занимали меня

---

[1]) Подлинники этихъ писемъ любезно сообщены въ „Русскiй Архивъ", племянницею И. В. Кирѣевскаго Марьею Васильевной Беэръ (урожденною Елагиною). Очеркъ его жизни помѣщенъ во 2-й книгѣ „Русскаго Архива" 1894, II, 325—348, съ портретомъ; а письмо его къ своему вотчиму съ просьбою отпустить его въ путешествiе по чужимъ краямъ, еще 1823 года, см. въ „Русскомъ Архивѣ" 1894, III, 208—210. Большую часть помѣщаемыхъ здѣсь писемъ заимствуемъ изъ написаннаго братомъ его Николаемъ Алексѣевичемъ Елагинымъ предисловiя къ собранiю его сочиненiй (М. 1861), дополняя ихъ тѣмъ, чтò было опущено. Въ трудѣ приведенiя этихъ писемъ въ хронологическiй порядокъ принималъ участiе А. Е. Грузинскiй. П. Б.

[2]) 22 Августа 1826—день коронованiя Николая Павловича, послѣ казни Декабристовъ и ссылки въ Сибирь ихъ сообщниковъ. Сосланъ былъ и близкiй другъ и сослуживецъ А. А. Елагина, артиллеристъ Гаврiилъ Степановичъ Батеньковъ. П. Б.

и которыя бы могли исполниться безъ васъ. Вотъ почему и думается объ васъ, когда грустно; а если думается, то и пишется. Но, впрочемъ, мысли эти не связываются ни съ чѣмъ тѣмъ, что̀ у насъ *теперь* дѣлается, ни въ чемъ изъ того, что̀ насъ *теперь* занимаетъ, и связываются только съ тѣмъ, что̀ занимаетъ меня всегда, къ чему я постоянно возвращаюсь отъ вседневныхъ занятій. И такъ, если бы писать къ вамъ объ томъ, о чемъ думается, и такъ, какъ хочется, то я не писалъ къ вамъ ни объ васъ, ни обо мнѣ, ни объ нашемъ, но писалъ бы къ вамъ о высочайшемъ счастіи, о средствахъ къ общему нашему достиженію онаго, о самоусовершенствованіи и т. п. Не знаю, впрочемъ, въ какую минуту вы получите письмо мое; можетъ быть, въ минуту холодную,—а мнѣ бы не хотѣлось профанировать моихъ мыслей. И такъ, если вы хотите, чтобы я къ вамъ писалъ, то обѣщайте мнѣ, что вы иначе не распечатаете письма моего, какъ тогда, когда вамъ будетъ грустно. Это необходимое условіе для того, чтобы понять меня, какъ я того хочу.

1827.

Къ А. И. Кошелеву.

Спасибо, Кошелевъ, за твое письмо. Истинно счастливый подарокъ. Я въ немъ нашелъ прежнее участіе, прежнюю любовь и довѣренность. Минута полученія была для меня драгоцѣнною минутою. Признаться стыдно, но необходимо для облегченія совѣсти, что и я начиналъ уже сомнѣваться въ твоихъ чувствахъ ко мнѣ. Твои холодныя письма—и Богъ знаетъ что еще—а можетъ быть и привычка къ потерямъ, внушали мнѣ самыя грустныя мысли. Я ихъ развивалъ и оправдывалъ. Я думалъ: теперь Кошелевъ живетъ въ свѣтѣ, сдѣлалъ много новыхъ знакомствъ и, можетъ быть, пріобрѣлъ новыхъ друзей; они открыли ему новую сторону въ жизни, и его образъ мыслей могъ измѣниться; можетъ быть, онъ нашелъ людей съ умомъ возвышеннымъ, съ дарованіями рѣшительными, и тѣ качества, которыя уважалъ прежде, уже считаетъ ничтожными. Я съ своей стороны долгимъ молчаніемъ далъ ему право думать, что и я перемѣнился, и пр. пр. Все это оправдывалось одно другимъ и сливалось въ одно тяжелое чувство. Но твое письмо, милое, дружеское, разомъ уничтожило все сплетенье несправедливыхъ предположеній, сказавъ: Кошелевъ тотъ же, онъ тебя любитъ и увѣренъ въ твоей любви.

Благодарю тебя за твои разспросы обо мнѣ и буду охотно отвѣчать на нихъ обстоятельно; ибо нѣтъ тяжелѣ состоянія, какъ быть

неузнаннымъ тѣми, кого мы любимъ. Для меня на всемъ земномъ шарѣ существуютъ только два человѣка, которыхъ одобреніемъ я дорожу, какъ собственнымъ: это ты и Титовъ [1]). И оба вы меня не поняли. Вы думаете, что я, не зная цѣны жизни, безполезно трачу свое время, не сожалѣя о потерянныхъ минутахъ и не имѣя въ душѣ того огня, который не позволяетъ успокоиться въ бездѣйствіи, за настоящимъ забываю и прошедшее и будущее; что я произвольно предоставилъ обстоятельствамъ направлять мои поступки по волѣ случая, и оправдываю это состояніе (которое ты справедливо называешь состояніемъ ничтожества) тѣмъ, что въ немъ есть нѣчто поэтическое. Но въ самомъ дѣлѣ не знаю я: есть ли поэзія въ произвольной утратѣ самобытности; знаю только, что я не искалъ *такой* поэзіи. Но не вы виноваты въ томъ, что не поняли меня; виноватъ одинъ я, или, лучше сказать, тѣ обстоятельства, которыя ввели меня въ двумысленное положеніе.

Если бы передъ рожденіемъ судьба спросила меня: что̀ хочешь ты избрать изъ двухъ? Или родиться воиномъ, жить въ безпрестанныхъ опасностяхъ, безпрестанно бороться съ препятствіями и, не зная отдыха, наградою за всѣ труды имѣть одно сознаніе, что ты идешь къ цѣли высокой,—и лечь на половинѣ пути, не имѣя даже въ послѣднюю минуту утѣшенья сказать себѣ, что ты видѣлъ желанное? Или провесть спокойный вѣкъ, въ кругу мирнаго семейства, гдѣ желанья не выходятъ изъ опредѣленнаго круга возможностей, гдѣ одна минута сглаживаетъ другую, и каждая встрѣчаетъ тебя равно довольнымъ, и гдѣ жизнь течетъ безъ шума и утекаетъ безъ слѣда?.. Я бы не задумался о выборѣ и рѣшительною рукою взялъ бы мечъ [2]). Но, по несчастію, судьба не посовѣтовалась со мною. Она окружила меня такими отношеніями, которыя разорвать значило бы измѣнить стремленію къ той цѣли, которая одна можетъ украсить жизнь, но которыя сосредоточиваютъ всю дѣятельность въ силѣ перенесенія. И здѣсь существуетъ для меня борьба, и здѣсь есть опасности и препятствія. Если онѣ незамѣтны, ибо происходятъ внутри меня, то отъ того для меня значительность ихъ не уменьшается.

---

[1]) Владиміръ Павловичъ Титовъ, на высотѣ почестей, не охладѣлъ въ привязанности къ семьѣ Елагиныхъ и, будучи самъ старикомъ, съѣздилъ повидаться съ Авдотьею Петровною въ Дерптъ, гдѣ суждено ей было кончить жизнь у единственнаго остававшагося ей сына Василья Алексѣевича. П. Б.

[2]) Это напоминаетъ Екатерину II-ю. Когда къ ней обращенъ былъ тотъ же вопросъ, какой здѣсь ставитъ И. В. Кирѣевскій, она тоже отвѣчала, что выбрала бы службу военную и въ первомъ же бою кинулась бы навстрѣчу смерти. П. Б.

Въ самомъ дѣлѣ, разсмотри безпристрастно (хотя въ теперешнемъ твоемъ положеніи это значитъ требовать многаго): какое поприще могу я избрать въ жизни, выключая того, въ которомъ теперь нахожусь? Служить—но съ какою цѣлью? Могу ли я въ службѣ принесть значительную пользу отечеству? Ты говоришь, что сообщеніе съ людьми необходимо для нашего образованія, и я съ этимъ совершенно согласенъ; но ты зовешь въ П. Назови же тѣхъ счастливцевъ, для сообщества которыхъ долженъ я ѣхать за тысячу верстъ, и тамъ употреблять большую часть времени на безполезныя дѣла. Мнѣ кажется, что здѣсь есть вѣрнѣйшее средство для образованія: это—возможность употреблять время, какъ хочешь. Не думай, однакоже, чтобы я забылъ, что я Русскій и не считалъ себя обязаннымъ дѣйствовать для блага своего отечества. Нѣтъ! Всѣ силы мои посвящены ему. Но мнѣ кажется, что внѣ службы я могу быть ему полезнѣе, нежели употребляя все время на службу. Я могу быть литераторомъ, а содѣйствовать къ просвѣщенію народа не есть ли величайшее благодѣяніе, которое можно ему сдѣлать? На этомъ поприщѣ мои дѣйствія не будутъ безполезны; я могу это сказать безъ самонадѣянности. Я не безполезно провелъ мою молодость, и уже теперь могу съ пользою дѣлиться своими свѣдѣніями Но цѣлую жизнь имѣя главною цѣлью образовываться, могу ли я не имѣть вѣса въ литературѣ? Я буду имѣть его и дамъ литературѣ свое направленіе. Мнѣ все ручается въ томъ, а болѣе всего сильные помощники, въ числѣ которыхъ не лишнее упомянуть о Кошелевѣ; ибо люди, связанные единомысліемъ, должны имѣть одно направленіе. Всѣ тѣ, которые совпадаютъ со мной въ образѣ мыслей, будутъ моими сообщниками. Кромѣ того, слушай одно изъ моихъ любимыхъ мечтаній: у меня четыре брата *), которымъ природа не отказала въ способностяхъ. Всѣ они будутъ литераторами, и у всѣхъ будетъ отражаться одинъ духъ. Куда бы насъ судьба ни завела и какъ бы обстоятельства ни разрознили, у насъ все будетъ общая цѣль: благо отечества, и общее средство—литература. Чего мы не сдѣлаемъ общими силами? Не забудь, что когда я говорю *мы*, то разумѣю и тебя, и Титова...

Мы возвратимъ права истинной религіи, изящное согласимъ съ нравственностію, возбудимъ любовь къ правдѣ, глупый либерализмъ замѣнимъ уваженіемъ законовъ и чистоту жизни возвысимъ надъ чистотою слога. Но чѣмъ ограничить наше вліяніе? Гдѣ положишь ты ему предѣлъ, сказавъ nec plus ultra? Пусть самое смѣлое воображеніе по-

---

*) Петръ, Василій, Николай, Андрей (умершій студентомъ). П. Б.

ставитъ ему Геркулесовы столбы,—новый Колумбъ откроетъ за ними новый свѣтъ *).

Вотъ мои планы на будущее. Что̀ можетъ быть ихъ восхитительнѣе? Если судьба будетъ намъ покровительствовать, то представь себѣ, что лѣтъ черезъ 20 мы сойдемся въ дружескій кругъ, гдѣ каждый изъ насъ будетъ отдавать отчетъ въ томъ, что̀ онъ сдѣлалъ, и въ свои свидѣтели призывать просвѣщеніе Россіи. Какая минута!

Но если я теперь не дѣлаю ничего, то причина тому, по несчастію, слишкомъ достаточная. Я такъ разстроилъ свое здоровье въ нынѣшнюю зиму, что всякое напряженіе ума для меня вредно. Нѣкоторыя обстоятельства заставляютъ даже опасаться чахотки, и потому ѣздить верхомъ, ходить, спать и прочее, составляетъ всѣ мои занятія. Даже кофе, на который ты такъ нападаешь, долженъ я былъ промѣнять на шоколадъ à la santé. Трубка еще не покидаетъ меня, но это потому, что она мнѣ не вредитъ. Впрочемъ, образъ жизни моей весьма однообразенъ. Утро я провожу въ своей комнатѣ, читаю романы, стихи и все то, что̀ не требуетъ большого труда. Послѣ обѣда сплю, а ввечеру ѣзжу верхомъ. Новыхъ знакомствъ не дѣлаю, и видаюсь почти только съ Рожалинымъ, Полевымъ, Мицкевичемъ и Соболевскимъ, съ которымъ вмѣстѣ ѣзжу по окрестностямъ Москвы. Вотъ тебѣ подробный отчетъ обо всемъ, что̀ до меня касается. Надѣюсь получить отъ тебя такой же. Если же ты собираешься скоро къ намъ, то оставь Титову завѣщаніе: не лѣниться. Онъ сталъ ни на что не похожъ.

Къ нему же.

Получивши твое письмо 17 Сентября, я отложилъ отвѣтъ до сегодняшняго дня, потому что рѣшился писать къ вамъ, Петербургскимъ, только два раза въ мѣсяцъ, 1-го и 15, для того, чтобы писать, ибо иначе я вѣчно бы остался при однихъ сборахъ. И такъ, ты не долженъ на меня сердиться за медленность отвѣта и напередъ пріучи себя ждать двѣ недѣли, выключая экстренныхъ случаевъ. Я лучше хочу навѣрное писать изрѣдка, нежели собираться цѣлый годъ—писать каждый день, т. е. я не хочу брать примѣра съ людей, каковъ Кошелевъ.

*) Какъ вспоминается писанное лѣтъ тридцать посланіе Хомякова къ И. В. Кирѣевскому:

„Ты сказалъ намъ: за волною
Вашихъ мысленныхъ морей“...

Кстати замѣтить, что посланіе это написано уже по кончинѣ Кирѣевскаго. П. Б.

Нечего сказать, министръ на обѣщанія! Хотѣлъ писать часто и до сихъ поръ написалъ только одно письмо; хотѣлъ прислать отрывки изъ своихъ сочиненій объ исторіи, и я увѣренъ, и сочиненія, и отрывки sind noch im Werden *). Хотѣлъ перевести Cousin, хотѣлъ прочесть всего Гердера, и я дамъ руку отсѣчь, что ты одного не кончилъ, а другого и не начиналъ. Знаешь ли ты, отчего ты до сихъ поръ ничего не написалъ? Отъ того, что ты не пишешь стиховъ. Если бы ты писалъ стихи, тогда бы ты любилъ выражать даже бездѣльныя мысли, и всякое слово, хорошо сказанное, имѣло бы для тебя цѣну хорошей мысли, а это необходимо для писателя съ душой. Тогда только пишется, когда весело писать; а тому, конечно, писать не весело, для кого изящно выражаться не имѣетъ самобытной прелести, отдѣльной отъ предмета. И потому: хочешь ли быть хорошимъ писателемъ въ прозѣ? —пиши стихи. Я увѣренъ, что Титовъ моего мнѣнія. Что Шеллингъ любитъ поэзію и хорошо знаетъ всѣхъ древнихъ и новыхъ поэтовъ это извѣстно; но, читая его рѣчь объ искусствахъ, нельзя сомнѣваться, чтобы онъ въ молодости не писалъ стиховъ. За то Кантъ, поручусь, никогда не прибралъ ни одной риѳмы; за то онѣ незванныя приходили къ нему въ его прозѣ; за то читатели Канта къ читателямъ Шеллинга какъ 5 къ 5000. Изо всего этого слѣдуетъ: Кошелевъ, пиши стихи! Не будешь писать стиховъ, не будешь имѣть читателей, какъ бы твои мысли хороши ни были; слѣдовательно: Кошелевъ, пиши стихи!

Я увѣренъ, что не только для усовершенствованія слога, но и для образованія ума и воображенія, для развитія чувства изящнаго (которое, какъ мы съ тобой знаемъ, есть начало, причина, мѣра и цѣль всякаго усовершенствованія), слѣдовательно для счастія жизни, для красоты жизни, для возвышенности жизни, необходимо писать стихи; и потому: Кошелевъ, пиши стихи!

Ты вѣрно согласенъ, что чѣмъ образованнѣе человѣкъ, тѣмъ онъ лучше владѣетъ своимъ языкомъ; но развей эту мысль, и ты увидишь, что въ ней самой заключается еще другая: чѣмъ лучше человѣкъ владѣетъ языкомъ, тѣмъ онъ образованнѣе. Слѣдовательно, опять возвратимся къ моему припѣву: Кошелевъ, пиши стихи!

Не думай, чтобы это была шутка, или что я пишу къ тебѣ объ стихахъ отъ *нечего писать*: нѣтъ, у меня это крѣпко лежитъ на сердцѣ и я считаю *за долгъ* говорить тебѣ объ томъ, что̀ мнѣ кажется въ тебѣ недостаткомъ. Впрочемъ, если ты знаешь другое средство заставить

*) Находятся еще въ созиданіи.

себя заниматься языкомъ для самого языка, тогда, пожалуй, можешь и не писать стиховъ. Но мнѣ все таки лучшимъ средствомъ кажутся стихи, потому: Кошелевъ пиши стихи!

Перейдемъ къ прозѣ, т. е. къ моимъ занятіямъ. Съ твоего отъѣзда мои занятія состояли въ ничего-недѣланіи. Прожектовъ много, но лѣни еще больше. Не думай однако, чтобъ я не писалъ стиховъ; я часто ихъ дѣлаю, хотя, разумѣется, никому не показываю. Но мое стихотворство не помѣшаетъ моей дѣятельности. Не знаю, отчего, мнѣ даже некогда читать то, что̀ хочется, а некогда отъ того вѣроятно, что я ничего не дѣлаю. Правда, я прочелъ комедій 200 послѣ твоего отъѣзда; одну съигралъ, одну перевелъ, но мои прожекты объ Жуковскомъ, объ критикѣ, объ философіи въ Россіи, до сихъ поръ все еще прожекты. На дняхъ намѣренъ приняться за исполненіе. Между тѣмъ много еще другихъ сочиненій-кандидатовъ, которые просятся въ комплектъ, но которыхъ я до сихъ поръ оставляю при особенныхъ порученіяхъ. А между тѣмъ ты понимаешь, что они другъ другу мѣшаютъ, перебиваютъ другъ у друга мѣста и пр. Но я буду писать, и скоро. Если бы ты зналъ, какъ весело быть писателемъ. Я написалъ одну статью, говоря по совѣсти довольно плохо, и если бы могъ, уничтожилъ бы ее теперь. Но, не смотря на то, эта одна плохая статья доставила мнѣ минуты неоцѣненныя; кромѣ многаго другого, скажу только одно: есть въ Москвѣ одна дѣвушка, прекрасная, умная, любезная, которую я не знаю, и которая меня отъ роду не видывала. Тутъ еще нѣтъ ничего особенно пріятнаго, но дѣло въ томъ, что у этой дѣвушки есть альбомъ, куда она пишетъ все, что̀ ей нравится, и, вообрази, подлѣ стиховъ Пушкина, Жуковскаго и пр., списано больше половины моей статьи. Что̀ она нашла въ ней такого трогательнаго, я не знаю; но, несмотря на то, это одно можетъ заставить писать, если бы даже въ самой работѣ и не заключалось лучшей награды.

Кстати или не кстати: на другой день послѣ твоего отъѣзда былъ у меня А. Н *). съ своею поэмою. Я уговорилъ его не печатать ее, не сдѣлавши нѣкоторыхъ поправокъ; а поправки я ему задалъ такія, что, надѣюсь, будетъ работы по крайней мѣрѣ еще на годъ. Мнѣ того только и хотѣлось, ибо въ поэмѣ много хорошихъ мѣстъ, но вся она никуда не годится. Чѣмъ больше онъ будетъ поправлять ее, тѣмъ лучше. Я знаю, ты другого мнѣнія; но если ты хочешь спорить, то я возвра-

---

*) Не Андрей ли Николаевичъ Муравьевъ, утомлявшій тогда пріятелей чтеніемъ своей поэмы Тиверіада (см. письма В. А. Муханова въ 6-й книгѣ „Сборника П. И. Щукина")?

щусь опять къ старому припѣву: Кошелевъ, пиши стихи! Между тѣмъ пиши письма. Сдѣлай по моему, пиши рѣдко и много. Отчего бы, напримѣръ, но развивать тебѣ твои мысли объ исторіи въ письмахъ ко мнѣ? Мы будемъ спорить, толковать, и право, это будетъ намъ обоимъ полезно, а всего полезнѣе для твоего сочиненія, ибо это заставить тебя невольно больше и чаще объ немъ думать. Одно условіе: пиши безъ приготовленій, чтò въ голову придетъ, и въ томъ порядкѣ, какъ придетъ въ голову; иначе мнѣ вѣкъ не дождаться твоего письма. Такая переписка всего лучше познакомитъ насъ съ положеніемъ другъ друга; для насъ теоретическія мысли еще жизнь; наша опытность—опытность ума; покуда мы не будемъ богаче дѣлами, чѣмъ мыслями, до тѣхъ поръ, вмѣсто вопросовъ о здоровьѣ, о житьѣ-бытьѣ и пр., намъ надо спрашивать другъ у друга: какія перемѣны въ вашемъ образѣ мыслей? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ мы скажемъ все. Въ старости будетъ у насъ другая переписка.

Твоимъ мыслямъ о Cousin, я очень радъ. Чтò ты говоришь объ его лекціяхъ, я тоже думалъ объ его Fragments philosophiques. Но я еще больше радъ тому, что тебѣ нравится Гердеръ. Не испорченность ума, какъ ты думаешь, но бòльшая зрѣлость заставляетъ тебя предпочитать поэтическое сухимъ выкладкамъ. Самъ Шеллингъ—поэтъ тамъ, гдѣ даетъ волю естественному стремленію своего ума. Только необходимость приноравливаться къ ограниченному понятію читателей заставляетъ его иногда быть сухимъ. Но, мнѣ кажется, онъ въ этомъ ошибся: кто не понялъ мысль чувствомъ, тотъ не понялъ ея, точно такъ же какъ и тотъ, кто понялъ ее однимъ чувствомъ. Но для меня не понятно то, чтò ты говоришь о пламенной любви Гердера ко *вселенной*. Чтò такое любовь ко вселенной? Ты что-то не то хотѣлъ сказать.

Было у меня еще что-то сказать тебѣ, но теперь забылъ. Прощай. Твой Кирѣевскій.

Къ нему же.

4 Іюля 1829 г. Москва.

Письмо твое доставило мнѣ такое же наслажденіе, какое получаетъ скупой, когда пересматриваетъ свои сокровища, и, хотя никогда не сомнѣвался въ ихъ цѣлости, но, несмотря на то, все таки чувствуетъ неизъяснимое удовольствіе пересчитывать ихъ безпрестанно и снова убѣждаться въ ихъ невредимости. Тѣ не знаютъ тайнъ дружества, которые говорятъ, будто оно чуждается словъ, и, конечно, они не испытали прелести дружескихъ увѣреній, простыхъ, но крѣпкихъ, какъ руко-

пожатіе. Когда время очиститъ наши чувства, и воспоминаніе отдѣлитъ радость отъ горя, восторгъ отъ скуки, поэзію отъ прозы,—тогда слова дружбы соберутся въ одномъ углу сердечной памяти вмѣстѣ съ лучшими событіями жизни.

Мнѣ бы хотѣлось, чтобы во время твоей поѣздки въ Рязань ты ограничилъ бы свои занятія однимъ мышленіемъ, т. е., не стараясь прибавить къ понятіямъ новыхъ свѣдѣній изъ новыхъ книгъ, уже полученныя прежде перегонялъ бы черезъ кубикъ передумыванья, и водку мыслей передвоилъ бы въ спиртъ [1]). Ихъ количество, можетъ быть, уменьшится, но за то качество прибудетъ и невольно заставитъ тебя писать. А это теперь для тебя необходимо. Мнѣ кажется: первый удачный опытъ, показавъ тебѣ твои силы, рѣшитъ тебя сдѣлаться писателемъ. Это званіе не мѣшаетъ ничему, но, напротивъ, еще помогаетъ сдѣлать однимъ камнемъ два удара. Къ тому же не забудь, что ты обѣщалъ Погодину. Кстати къ Погодину; онъ задумалъ пресмѣшную вещь: хочетъ писать особенную брошюрку о томъ, что политическое равновѣсіе Европы принадлежитъ къ числу тѣхъ мыслей, которыя, вмѣстѣ съ повѣрьями о колдунахъ, привидѣньяхъ и чертяхъ, суть порожденія невѣжества и суевѣрія, и въ *нашъ просвѣщенный* вѣкъ должны вывестись и исчезнуть при свѣтѣ *истиннаго* мышленія. Сколько я ни толковалъ ему, а переубѣдить не могъ; ибо для этого нужно понять что̀ такое политическое равновѣсіе, а здѣсь-то и запятая. Однако надѣюсь еще остановить его отъ этой шалости, которая достойна издателя Московскаго Вѣстника. Впрочемъ, ты не говори объ этомъ ни ему, когда увидишь, ни кому другому. Пусть оно умретъ вмѣстѣ со всѣми его глупостями. По моему эта послѣдняя стоитъ казаковъ Останкинскихъ [2]).

Сомнѣваться въ моемъ отвѣтѣ на твое будущее обѣщанное письмо не должно. Охотно готовъ возобновить съ тобой бумажную мѣну мыслей: будь же опять мой кошелекъ, въ который я стану складывать все золото мое. Прощай, твой Кирѣевскій.

---

[1]) А. И. Кошелевъ въ это время занимался уже винными откупами.

[2]) Что̀ значитъ, не знаемъ.

Письма домой изъ Петербурга и Риги, передъ отъѣздкою въ чужіе края.

11 Января [1]) 1830. 11 часовъ вечера.

Какъ провели вы нынѣшній день? Я встрѣтилъ его тяжело, а кончилъ грустно, слѣдовательно легче; я кончилъ его съ Жуковскимъ, у котораго въ комнатѣ пишу теперь. Хотѣлось бы разсказать вамъ все, что̀ было со мною до сихъ поръ и, лучше сказать, было во мнѣ; но этого такъ много, такъ смѣшано, такъ нестройно. Оставя Москву, я уже оставилъ родину; въ ней все, что̀ въ отечествѣ не могила и все, что̀ могила! Я оставилъ все; на дорогу вы отпустили со мною память о вашихъ слезахъ, которыхъ я причиною. Осушите ихъ, если любите меня; простите мнѣ то горе, которое я доставилъ вамъ; я возвращусь, возвращусь скоро. Это я чувствую, разставшись съ вами. Тогда, можетъ быть, мнѣ удастся твердостью, покорностью судьбѣ и возвышенностью надъ самимъ собою загладить ту слабость, которая заставила меня уѣхать, согнуться подъ ударомъ судьбы [2]).

Половина перваго.

Я остановился писать, задумался и, очнувшись, уже не въ состояніи продолжать. Прощайте до завтра. Трое сутокъ я почти не спалъ, а сегодня почти ничего не ѣлъ и оттого усталъ очень, хотя здоровъ совершенно. Боюсь только, что завтра не вспомню всего, что̀ говорилъ съ Жуковскимъ. Вы теперь еще не легли, а вы, маменька, еще, можетъ быть, долго не заснете. Чѣмъ заплачу̀ я вамъ?

12 Января.

Я пріѣхалъ въ Петербургъ вчера въ два часа. Къ конторѣ дилижансовъ меня ждали уже два письма: одно отъ Александры Петровны [3]), другое отъ Жуковскаго. Первая пріискала для меня квартиру, а Василій Андреевичъ звалъ переѣхать прямо къ нему. Я такъ и сдѣлалъ. Жуковскій обрадовался мнѣ очень и провелъ со мною весь вечеръ, распрашивалъ обо всѣхъ васъ, радовался моему намѣренію ѣхать учиться и совѣтовалъ ѣхать въ Берлинъ, хотя на мѣсяцъ. «Тамъ на мѣстѣ ты лучше увидишь, что̀ тебѣ дѣлать: оставаться въ Берлинѣ, или ѣхать въ Па-

---

[1]) День рожденія А. П. Елагиной. Въ этотъ день, кромѣ родныхъ, собирались къ ней, въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій, друзья, знакомые и почитатели. Бывало, навезутъ ей много цвѣтовъ, которые она такъ любила. П. Б.

[2]) Кирѣевскій влюбился въ свою троюродную сестру Наталью Петровну Арбеневу, (внуку старшей сестры Жуковскаго Натальи Аѳанасьевны Вельяминовой), посватался, но получилъ отказъ. Позднѣе она вышла за него замужъ.

[3]) Лицо намъ неизвѣстное.

рижъ». Послѣднее, однако, кажется, ему не нравится. Я послушаюсь его, поѣду въ Берлинъ, проведу тамъ мѣсяцъ, буду ходить на всѣ лекціи, которыя меня будутъ интересовать, познакомлюсь со всѣми учеными и примѣчательными людьми, и если увижу, что Берлинская жизнь полезнѣе для моего образованія, нежели сколько я ожидаю отъ нея, то останусь тамъ и больше. Въ расходахъ, если это сдѣлаетъ разницу, то разницу выгодную, т. е. я въ этотъ мѣсяцъ истрачу меньше въ Берлинѣ, чѣмъ въ Парижѣ и что тотчасъ найму квартиру и не буду оставаться въ гостинницѣ. Денегъ до сихъ поръ я истратилъ 30 рублей, изъ которыхъ 10 заплачено еще въ конторѣ дилижанса въ Москвѣ, 5 дано кондуктору и 15 на дорогѣ за обѣды, чаи и ужины. Кромѣ того истратилъ и 4 рубля на мелочи, которые маменька отпустила со мной, на отправленіе къ вамъ писемъ съ дороги, на извощика и перевозъ вещей изъ конторы дилижансовъ на квартиру, которую я нанялъ прежде въ конторѣ, чтобы переодѣться и напиться кофе, ибо я былъ голоденъ и какъ Карлъ Ивановичъ [1]) бывалъ въ старые годы передъ чаемъ.

Разговоръ Жуковскаго я въ связи не припомню. Вотъ вамъ нѣкоторыя отрывочныя слова, которыя остались у меня въ памяти; вообще каждое его слово, какъ прежде было, носитъ въ себѣ душу, чувство, поэзію. Я мало съ нимъ разговаривалъ, потому что больше слушалъ и старался удержать въ памяти все хорошо сказанное, т. е. все похожее на него; а хорошо сказано и похоже на него было каждое слово. При немъ невольно теплѣешь душою, и его присутствіе даетъ самой прозаической головѣ способность понимать поэзію. Каждая мысль его—ландшафтъ съ безконечною перспективою. Вотъ что я запомнилъ изъ его разговора: «Изо всѣхъ насъ твоя мать перемѣнилась меньше всѣхъ. Она все таже, по крайней мѣрѣ такъ кажется изъ ея писемъ Все, кажется, она пишетъ *одно* письмо. Ты будешь со временемъ писателемъ, когда поучишься хорошенько. Теперь объ этомъ еще и думать рано. У тебя въ слогѣ, сколько я читалъ твои сочиненія, есть свой характеръ; виденъ человѣкъ мыслящій, но еще молодой, который кладетъ свои мысли на Прокустову постель [2]). Но со временемъ это качество можетъ быть полезно, ибо это доказываетъ привычку думать. Теперь тебѣ надо наблюдать просто, безкорыстно. Теоріи только вред-

[1]) Вагнеръ, жившій въ Долбинѣ наставникомъ при братьяхъ Кирѣевскихъ.

[2]) Въ сочиненіяхъ Жуковскаго нерѣдко говорится про это сказаніе классической древности о разбойникѣ Прокустѣ, который клалъ своихъ плѣнниковъ на желѣзную кровать, и кто не укладывался, тому обрубалъ ноги, а кто былъ ростомъ короче кровати, тому вытягивалъ ноги. Это сказаніе примѣняется къ тѣмъ, кто насилуетъ чужія мнѣнія, подводя ихъ подъ свои.

ны, когда мало фактовъ. Замѣчай самъ все и не старайся подвести подъ систему твои наблюденія; бойся вытянуть карлу и обрубить ноги великану. Впрочемъ, слогъ твой мнѣ нравится. Знаешь ли, у кого ты выучился писать? У твоей матери. Я не знаю никого, кто бы писалъ лучше ея. Ея письма совсѣмъ она. Она, М. А. [1]) и Саша—вотъ три. Саша тоже писала прекрасно, il y avait du génie dans son style [2]). Письма Машины...» Тутъ пріѣхалъ Гаврилъ Петровичъ Опухтинъ, и я ушелъ въ ту комнату, которую Жуковскій отвелъ для меня. Мнѣ бы хотѣлось описать вамъ эту комнату, потому что она произвела на меня сильное впечатлѣніе своими картинами. Горница почти квадратная. Съ одной стороны два окна и зеркало, передъ которымъ бюстъ покойной Прусской королевы, прекрасное лицо и хорошо сдѣлано. Она представлена сонною. На другой стѣнѣ картины Фридрихса. По серединѣ большая: ночь, луна и подъ нею сова. По полету видно, что она видитъ; въ расположеніи всей картины видна душа поэта. Съ обѣихъ сторонъ совы виситъ по двѣ маленькихъ четвероугольныхъ картинки. Одна подарокъ Александра Тургенева, который самъ заказалъ ее Фридрихсу: даль, небо, луна,—впереди рѣшетка, на которую облокотились трое: два Тургенева и Жуковскій. Такъ объяснилъ мнѣ самъ Жуковскій. Одного изъ этихъ мы вмѣстѣ похоронили, сказалъ онъ. Вторая картина: ночь, море и на берегу обломки трехъ якорей. Третья картина: вечеръ, солнце только что зашло, и западъ еще золотой; остальное небо, нѣжно-лазоревое, сливается съ горою такого же цвѣта. Впереди густая высокая трава, по срединѣ которой лежитъ могильный камень. Женщина въ черномъ платьѣ, въ покрывалѣ, подходитъ къ нему и, кажется, боится, чтобы кто-нибудь не увидалъ ее. Эта картина понравилась мнѣ больше другихъ. Четвертая, pendant къ ней, это могила Жидовская. Огромный камень лежитъ на трехъ другихъ меньшихъ. Никого нѣтъ подлѣ. Все пусто и кажется холодно. Зеленая трава наклоняется кое-гдѣ отъ вѣтра. Небо сѣро и испещрено облаками; солнце уже сѣло и кое-гдѣ на облакахъ еще не погасли послѣдніе отблески его лучей. Этимъ наполнена вторая стѣна противъ двери. На третьей стѣнѣ четыре картины, также Фридрихсовой работы. На одной, кажется, осень, внизу зеленая трава, на верху голыя вѣтви деревьевъ, надгробный памятникъ, крестъ, бесѣдка и утесъ. Все темно и дико. Вообще природа Фридрихсова какая-то мрачная и всегда одна. Это островъ Рюгенъ, на которомъ онъ жилъ долго. Другая картина—полуразвалившаяся каменная стѣна; на

---

[1]) Марья Андреевна Мойеръ и Александра Андреевна Воейкова, племянницы Жуковскаго. Удивительно-прекрасныя письма первой см. въ „Уткинскомъ Сборникѣ“ (М. 1903), писемъ второй еще не было въ печати.

[2]) Въ ея слогѣ была геніальность.

верху, сквозь узкое отверстіе, выходитъ луна. Внизу, сквозь вороты, чуть виденъ ландшафтъ: деревья, небо, гора и зелень. Третья картина: огромная чугунная рѣшетка и двери, растворенныя на кладбище, которое обросло густою, непроходимою травою. Четвертая картина: развалины, образующія сводъ посерединѣ колонны, подлѣ которой стоитъ, облокотившись, женщина. Она обернулась задомъ, но видно, по ея положенію, что она уже давно тутъ, давно задумалась, засмотрѣлась ли на что-нибудь, или ждетъ, или такъ задумалась—все это мѣшается въ головѣ и даетъ этой картинѣ необыкновенную прелесть. На третьей стѣнѣ портретъ Елисаветы Алексѣевны, подлинникъ портрета, подарокъ Прусскаго короля, и съ боку двѣ хорошенькія картинки, но не Фридрихса. Тамъ дверь. Между нею и окномъ Мадонна съ Рафаэлевой,—чей-то подарокъ. Двѣ стѣны комнаты занимаетъ одинъ угловой диванъ, подлѣ котораго большой круглый столъ—подарокъ Прусскаго принца. Онъ самъ разрисовалъ его.

Когда Опухтинъ уѣхалъ, я опять пришелъ къ Жуковскому. Ему принесли Сѣверную Пчелу, и разговоръ сдѣлался литературный. Про Булгарина онъ говоритъ, что у него есть что-то похожее на слогъ и однако нѣтъ слога; есть что-то похожее и на талантъ, хотя нѣтъ таланта; есть что-то похожее на свѣдѣнія, но свѣдѣній нѣтъ; однимъ словомъ, это какой-то восковой человѣкъ, на котораго разныя обстоятельства жизни положили нѣсколько разныхъ печатей, разныхъ гербовъ, и онъ носится съ ними, не имѣя ничего своего.

Выжигинъ ему крѣпко не нравится, также и Самозванецъ; онъ говорилъ это самому Булгарину, который за то на него сердится. Юрій Милославскій ему понравился очень. Я показывалъ ему дѣтскій журналъ и сочиненія. Онъ прочелъ *все*, съ большимъ удовольствіемъ, смѣялся и особенно радовался повѣстью, которую хвалилъ на каждомъ почти словѣ. Разспрашивалъ, объ нашемъ житьѣ-бытьѣ, взялъ мою статью на ночь и улегся спать. На другой день говорилъ, что она ему не понравилась. Опять Прокустова постель, говоритъ онъ. Гдѣ нашелъ ты литературу? Какая къ чорту въ ней жизнь? Чтò у насъ своего? Ты говоришь объ насъ, какъ можно говорить только объ Нѣмцахъ, Французахъ и проч. Душегрѣйка ему не понравилась, о Баратынскомъ также; однимъ словомъ, онъ почти ничего не похвалилъ. Говоритъ однакоже, что эта статья также хорошо написана, какъ и первая, и со временемъ изъ меня будетъ прокъ, только надобно бросить Прокустову постель.

Мы говорили о Погодинѣ, но объ этомъ послѣ напишу подробно.

Онъ расправшивалъ много про Петерсона [1]). Ему бы должно было готовиться въ профессоры, онъ долженъ непремѣнно держать экзаменъ, писать и готовиться къ этой цѣли. То-то вотъ! Они были такъ хороши въ Дерптѣ! А всѣ тамъ такъ хвалятъ Петерсона, такъ любятъ его; не понимаю, отчего онъ не хотѣлъ экзаменоваться.

Потомъ я отправился въ Титову и Кошелеву. Обѣдали мы вмѣстѣ съ Жуковскимъ, который остался дома нарочно для меня; разспрашивалъ про Долбино, про Мишенское. Всѣ домà, говоритъ онъ, всѣ слѣды прежняго уже не существуютъ. Въ Москвѣ я не узнаю ни одного дома; они сгорѣли, перестроены, уничтожены; въ Мишенскомъ также, въ Муратовѣ также. И это, казалось ему, было отмѣнно грустно. Послѣ обѣда онъ легъ спать въ моей комнатѣ; я также. Въ вечеру онъ отправился въ Эрмитажъ, а ко мнѣ пришелъ Кошелевъ и увелъ меня къ Одоевскому, гдѣ ждалъ Титовъ; объ деньгахъ говорить ему и поручить Тинькову. Кошелевъ и Титовъ оба зовутъ меня переѣхать къ нимъ; но, кажется, что я не стѣсняю Жуковскаго. Здѣсь я останусь до слѣдующей Середы, т.-е. до 22-го Января. У Александры Петровны я не успѣлъ еще быть до сихъ поръ. Въ своихъ я нашелъ здѣсь еще больше дружбы и теплоты, нежели сколько ожидалъ. Говоря свои, я разумѣю Титова и Кошелева. Вчерашній вечеръ у Одоевскихъ была совсѣмъ Москва.

Я былъ вчера въ Казанскомъ соборѣ и слушалъ Евангеліе загадавши, но не разслушалъ ни одного слова, кромѣ послѣдняго: «*И возвратися въ домъ свой*».

Прощайте, пора на почту.

14-го Января.

Отправивши письмо къ вамъ, я пошелъ къ Александрѣ Петровнѣ, которую едва узналъ, такъ она перемѣнилась, похудѣла и состарилась. Послѣдняго разумѣется я ей не сказалъ. Она, кажется, обрадовалась мнѣ, разспрашивала про васъ, про Ф. Б. [2]), сердилась за то, что долго у нея не былъ и пр. Оттуда я пошелъ осматривать Потербургскія улицы и искать черепаховаго гребешка для папеньки, но не нашелъ нигдѣ, ни въ Голландскомъ, ни въ Англійскомъ, ни въ Нюренбергскихъ, ни въ модныхъ магазинахъ: вездѣ складные и тонкозубые; сегодня, можетъ быть, буду удачнѣе. Заходилъ въ лавку къ Смирдину. Вертеръ, который у него былъ, уже весь проданъ [3]), и онъ проситъ прислать ему эк-

[1]) Александръ Петровичъ Петерсонъ, лѣвый братъ А. П. Елагиной, бывшій передъ тѣмъ наставникомъ при внукахъ княгини Ш. К. Ливенъ, а потомъ при князѣ С. М. Воронцовѣ.

[2]) Кто, не знаемъ.

[3]) Переводъ Н. М. Рожалина, изданный Елагиными.

земпляровъ 20 на комиссію, но онъ говоритъ, что прежніе экземпляры получалъ отъ Ширяева. Полеваго Исторіи у него разошлось около 200 экз., т. е. почти всѣ, на которые онъ подписался. Юрій Милославскій былъ разхваченъ въ одну минуту, и теперь его въ Петербургѣ нельзя найти до новаго полученія изъ Москвы. Видѣлъ тамъ Денницу, и ея изданіе мнѣ очень понравилось. Скажите это Максимовичу, которому кланяются всѣ здѣшніе и я включительно. Выйдя изъ лавки Смирдина, я озябъ порядочно и отправился обѣдать къ Демуту, оттуда къ Титову, тамъ домой. Въ вечеру явились Тит. и Одоевск., съ которыми мы просидѣли до часу ночи. Жуковскій, который сидѣлъ вмѣстѣ съ нами, былъ очень милъ, веселъ, любезенъ, не смотря на то, что его глаза почти слипались, какъ говоритъ Вася, ибо онъ обыкновенно ложится въ 10 часовъ. Онъ разсказывалъ много интереснаго про свое путешествіе, про Жанъ-Поля, говорилъ объ Исторіи Полеваго, объ Юріи Милославскомъ и пр., словомъ, выискивалъ разговоръ общезанимательный. Я еще не описалъ вамъ его образа жизни, потому что не хорошо знаю его и не успѣлъ распросить всего подробно. Я выѣзжаю отсюда ровно черезъ недѣлю, потому отвѣтъ на это пишите ко мнѣ въ Берлинъ, poste-restante. Похвиснева еще не видалъ. Жуковскій, который сейчасъ заходилъ ко мнѣ въ комнату, велѣлъ самъ сказать, что онъ не писалъ къ вамъ вчера и сегодня, потому что долженъ былъ уходить рано со двора. Собирается писать завтра, если не полѣнится. Прощайте до завтраго. Отчего нѣтъ отъ васъ писемъ? Есть ли что нибудь отъ брата? [1]) Сколько разъ былъ у васъ Рамихъ? [2]) Съ кѣмъ вы видѣлись? Часто ли вы играете?

Отъ 15 Января.

Я получилъ ваше письмо, милая маменька, какое грустное, какое тяжелое. Я раскаиваюсь, что оставилъ васъ. Я бы воротился назадъ, если бы не боялся, что присутствіе мое дома, безъ надежды уплаты, будетъ для васъ тяжелѣ самой разлуки. Впрочемъ это будетъ еще зависить отъ вашихъ слѣдующихъ писемъ, отъ болѣзни дѣтей и пр. Но кори бояться вы не должны; она пристаетъ только отъ непосредственнаго прикосновенія, слѣдовательно, отдаливши дѣтей отъ той комнаты, гдѣ Ел. Ив. [3]), вы можете быть увѣрены, не смотря на утвержденіе Рамиха, что они останутся здоровыми; а если и въ самомъ дѣлѣ она пристала къ Васѣ (что́ невѣроятно, потому что она пристаетъ только подсыхая), то все же бояться нечего, когда точно извѣстно, что это

---

[1]) Петра Васильевича, бывшаго тогда въ Мюнхенѣ.

[2]) Докторъ.

[3]) Елисавета Ивановна, дочь книгопродавца Попова, воспитавшаяся у А. П. Елагиной.

она. Есть вещи страшнѣе: это ваши слезы, ваше огорченіе; это для дѣтей вреднѣе болѣзни. Милая маменька, зачѣмъ говорите вы мнѣ, что любите меня, что вамъ жаль, что я уѣхалъ и пр.? Сомнѣваться въ вашей любви мнѣ еще не приходило въ голову, и видѣть *такія* доказательства ея мнѣ не весело, а грустно. Скажите мнѣ лучше: Я переношу разлуку съ твердостью, *потому* что люблю тебя; я стараюсь разсѣяться, стараюсь быть здоровой, *потому* что люблю тебя, люблю твоихъ и моихъ. Безпокоиться объ моемъ здоровьѣ насчетъ вашего значитъ лечить меня ядомъ. Обдумайте это хорошенько, увѣрьте себя, что вы—это я, это мы всѣ, и лелейте, покойте себя, какъ вы мнѣ велите дѣлать. Я поступаю совѣстливѣе васъ, хотя Богъ далъ вамъ душевной твердости много, и несравненно больше, чѣмъ мнѣ. Но я не имѣю права утѣшать васъ; я долженъ молчать при вашихъ жалобахъ и въ каждой слезѣ вашей видѣть заслуженное, хотя несоразмѣрное съ виною, наказаніе.

Вотъ второе письмо ваше отъ 11-го. Какое коротенькое и ни слова о кори. Что это значитъ? Или вы нездоровы? Отчего мой другъ папенька не пишетъ ко мнѣ ни слова? Здоровъ ли онъ? Отчего молчитъ сестра? Я никакъ не могу понять этого и чѣмъ больше объясняю, тѣмъ болѣе боюсь своихъ объясненій. Не забудьте, что я одинъ, что я за тысячу верстъ, что я также, какъ вы, еще не привыкъ къ разлукѣ.

Одно мѣсто въ вашемъ письмѣ было мнѣ особенно тяжело. Вы его знаете. Всего тяжелѣе видѣть васъ способною къ несправедливости, васъ!

Я всякій день вижусь съ своими Петербургцами: съ Титовымъ, Кошелевымъ, Одоевскимъ и Мальцевымъ. Пушкинъ былъ у насъ вчера и сдѣлалъ мнѣ три короба комплиментовъ объ моей статьѣ. Жуковскій читалъ ему дѣтскій журналъ, и Пушкинъ смѣялся на каждомъ словѣ, и все ему понравилось. Онъ удивлялся, ахалъ и прыгалъ; просилъ Жуковскаго «Зиму» напечатать въ Литературной Газетѣ, но Ж. не далъ. На Литературную Газету подпишитесь непремѣнно, милый другъ папенька; это будетъ газета достоинства Европейскаго; большая часть статей въ ней будетъ писана Пушкинымъ, который открылъ средство въ критикѣ, въ простомъ извѣщеніи объ книгѣ, быть такимъ же необыкновеннымъ, такимъ же поэтомъ, какъ въ стихахъ. Въ его извѣщеніи объ исповѣди Амстердамскаго палача вы найдете, какъ говоритъ Жуковскій, и умъ, и приличіе, и поэзію вмѣстѣ.

16 Генваря 1830 г.

Сегодня отъ васъ нѣтъ письма: видно вы не всякій день пишете. Правда, вы не обѣщали этого, и я также, однако, разставаясь, мы еще

не знали, что̀ такое разставаться. Послѣднее письмо ваше было такъ коротко. Я боюсь бояться и думать; надѣюсь еще получить, а если не получу, постараюсь объяснить это тѣмъ, что вамъ помѣшали или что вы пишете большое письмо къ завтрашнему дню. Что же касается до меня, то я буду писать всякій день, покуда въ Петербургѣ; напишу разъ изъ Риги, потомъ изъ Берлина, а тамъ черезъ мѣсяцъ по письму. Теперь мнѣ легко писать всякій день; у меня больше времени, чѣмъ у васъ, мнѣ ничто не мѣшаетъ, я здоровъ и еще не привыкъ по цѣлымъ днямъ не говорить съ вами. Я былъ вчера у Алек. Петр., которая не хотѣла мнѣ показать вашего письма. Это дало бы мнѣ дурныя мысли, если бы я не считалъ ее способною сдѣлать это просто изъ глупости. Жуковскому опять нѣтъ времени писать къ вамъ: сегодня по утру онъ уже отправился со двора, а вчера воротился домой во второмъ часу съ бала Потоцкаго; это было что-то отмѣнно великолѣпное. Я вчера провелъ утро дома, въ 2 часа съ пол. у Алекс. Петр. до 3-хъ, тамъ обѣдалъ дома вмѣстѣ съ Жуковскимъ, потомъ отправился гулять по Петербургу съ Пушкинымъ, котораго встрѣтилъ на улицѣ, а вечеръ провелъ у Одоевскаго съ Тит., Кош. и старою княгинею, т. е. съ молодою женою Одоевскаго, которая очень любезна, несмотря на наружность *). Сегодня Жуковскій дѣлаетъ для меня вечеръ, зоветъ Крылова, Пушкина, Гнѣдича, Перовскаго (Погорѣльскаго), Плетнева, Тит., Кош. и Одоевскаго. Съ тѣхъ поръ и не знаю еще, что́ буду дѣлать. Жуковскій со мною такъ милъ, такъ добръ, обходителенъ, съ такою дружбою къ вамъ, что я не знаю, какъ описать вамъ все это подробно. Впрочемъ, зачѣмъ описывать то, что́ вы легко можете сами отгадать.—Милый папенька, я не пишу къ вамъ особеннаго письма, потому что мнѣ бы хотѣлось, чтобы мои письма были общія; мнѣ бы не хотѣлось разобидѣть тѣхъ, кого я люблю вмѣстѣ. А ты, Машка, видно въ самомъ дѣлѣ думаешь, что мнѣ не интересны твои письма, какъ ты мнѣ изволила сказать передъ отъѣздомъ. Пиши ко мнѣ, милая, какъ можно больше, мельче и подробнѣе. Пиши всякій день, веди журналъ тому, что̀ у васъ дѣлается. Васенькѣ поручаю ѣсть супъ руками, если Алек. Петр. будетъ еще лѣниться. Развѣ вы забыли, что у васъ корь, что вы не веселы, что маменька нездорова и что я хотя и не мнителенъ, но и не совсѣмъ храбраго десятка. Васенька можетъ быть теперь на постели, въ жару; что-то другія дѣти? Что вы всѣ? Берегите больныхъ послѣ выздоровленія; тогда простуда всегда опаснѣе, какъ съ скарлатиною. Мѣсяца два не велите имъ выходить изъ теплой и темной комнаты. Прощайте. Мнѣ еще много писемъ писать, а уже почти 12 часовъ.

*) Княгиня Ольга Степановна (ур. Ланская) была нѣсколько лѣтъ старше своего мужа.

Жуковскаго опять нѣтъ дома; у него почти нѣтъ свободной минуты; оттого немудрено ему лѣниться писать. Вчера однако мы видѣлись съ нимъ на минуту поутру и вмѣстѣ провели вечеръ съ Пушкинымъ.

17 Января.

Опять нѣтъ писемъ отъ васъ, хотя въ послѣднемъ вы обѣщали писать на другой день. Я не знаю, какъ объяснить это. Подожду еще, а между тѣмъ скажу вамъ, что если вы хотите воротить меня, то это не средство, лучше сказать просто. Дни мои проходятъ все однимъ манеромъ. Поутру я встаю поздно, часовъ въ 11, пишу къ вамъ, потомъ одѣваюсь, кто нибудь является ко мнѣ, или я отправляюсь куда нибудь; потомъ обѣдаю по большей части въ трактирѣ, потому что домашній столъ Вас. Андр., хотя и ничего ему не стоитъ, но назначенъ для его людей. Послѣ обѣда я сплю, или гуляю; въ вечеру, если дома, то съ Жуковскимъ, а если не дома, то съ Петербургскими Москвицами; потомъ ѣду къ вамъ въ Москву, т. е. ложусь спать: въ эти два часа, которые проходятъ между раздѣваньемъ и сномъ, я не выхожу изъ-за Московской заставы; но тамъ сплю, потомъ встаю, и опять тоже. Вчера Жуковскій сдѣлалъ вечеръ, какъ я уже писалъ къ вамъ; были всѣ, кого онъ хотѣлъ звать, выключая Гнѣдича, мѣсто котораго заступилъ Василій Перовскій, и, слѣдовательно, число 12 не разстроилось. Жуковскій боялся тринадцати, говоря, что онъ не хочетъ, чтобы на моемъ прощальномъ вечерѣ было несчастное число. Чтобы дать вамъ понятіе о Крыловѣ, лучше всего повторить то, что̀ говоритъ объ немъ Жуковскій, т. е. что это славная виньетка для его басень: толстый, пузатый, сѣдой, чернобровый, кругломордый, старинный, въ каждомъ движеніи больше смѣшной, чѣмъ острый.—Пришелъ Мальцевъ. Прощайте до завтра.

18 Генваря 1830.

Вотъ, наконецъ, разомъ два письма отъ васъ, милая маменька; но кромѣ васъ никто не пишетъ, и вы такъ мало, такъ грустно. Благодарю за письма брата. Какая чистая, какая хорошая душа у нашего Петра; какой наблюдательный умъ онъ пріобрѣлъ какъ будто вдохновеніемъ. Это не мудрено, впрочемъ: разлука и одиночество натягиваютъ нервы и будятъ умственную дѣятельность. Я письма Петрухины возьму съ собой, а за щедрость его къ Тютчевымъ разбраню еще изъ Берлина. Неужели вы не помните вашихъ писемъ?—Въ одномъ вы говорите, что у васъ корь, а потомъ объ этомъ ни слова, какъ будто я не за 1000 верстъ; въ послѣднемъ только пишите вы, что у Васи жаръ, и онъ

кашляетъ. Но какая болѣзнь это? Корь ли? Простуда ли? Чтò бы вы сказали, если бы я съ вами поступалъ также?

Прощайте. Длина моихъ писемъ будетъ соразмѣрительна длинѣ вашихъ. До послѣзавтра, ибо завтра Воскресенье. Еще отправлю вамъ письмо съ Похвисневымъ и съ Мальцовымъ.

20 Января.

Неужели вы не получаете моихъ писемъ, тогда какъ я писалъ каждый день, три раза во время дороги и здѣсь уже разъ 12? Не носятъ ли писемъ моихъ кому другому? Нѣтъ ли другой Елагиной у Красныхъ воротъ? Если вы теперь получили мои письма, то вы видѣли изъ нихъ, что вчера я еще разъ осматривалъ Эрмитажъ. Я употребилъ на это три часа; стоялъ передъ нѣкоторыми картинами болѣе $^1/_4$ часа и потому все еще не видалъ большей половины какъ должно. Оттуда я отправился къ Dubois (это родъ Andrieux), гдѣ меня ждали Титовъ и Кошелевъ; оттуда къ Одоевскому, потомъ домой, гдѣ проспорилъ съ Васильемъ Андреевичемъ до 1-го о Фламандской школѣ, и, кажется, опять оставилъ о себѣ такое же мнѣніе, какое онъ имѣлъ обо мнѣ послѣ перваго нашего свиданія въ 26 году [1]). Но я не раскаиваюсь; когда нибудь мы узнàемъ другъ друга лучше. Онъ читалъ мнѣ нѣкоторые стихи свои давнишніе, но мнѣ неизвѣстные: къ фрейлинамъ, къ Нарышкину, на заданныя риѳмы и пр. Cette profanation du génie m'a choqué [2]). Теперь онъ не пишетъ ничего, и тѣмъ лучше. Поэтическое дѣло важнѣе поэтическихъ стиховъ. Но окончивши, ему опять хочется возвратиться къ поэзіи и посвятить остальную жизнь Греческому и переводу Одиссеи.

Кстати. Я видѣлъ Гнѣдича, и его переводъ сдѣлался мнѣ еще противнѣе послѣ знакомства съ переводчикомъ. Видѣлъ Козлова: еще болѣе убѣдился въ его пустотѣ, неизяществѣ, обыкновенности и невинной добротѣ. Видѣлъ Плетнева и не перемѣнилъ объ немъ своего мнѣнія: пустота съ Анною на шеѣ. Погорѣльскій ниже своей Черной Курицы и аффектированъ въ манерахъ до Чичеринства. Но за то Василій Перовскій понравился мнѣ своей остротою и добродушіемъ какъ нельзя больше. Прощайте. Ѣду завтра, но еще напишу передъ отъѣздомъ.

---

[1]) Значитъ, Кирѣевскій былъ тогда въ Петербургѣ; Жуковскій же въ этомъ году въ Москву не ѣздилъ.

[2]) Это опошленіе генія меня коробитъ.

Адресъ: Ея высокоблагородію, милостивой государынѣ Марьѣ Михайловнѣ *Похвисневой*, въ Москвѣ, въ домѣ Почтамта для доставленія *А. П. Елагиной*.

Если бы я могъ высказать вамъ всю дружбу, которую мнѣ показываютъ здѣсь всѣ наши, то вѣрно доставилъ бы вамъ этимъ большое удовольствіе; особенно Кошелевъ, который обходится со мною такъ, какъ только дѣлается между родными братьями. Жуковскій надавалъ мнѣ кучу рекомендательныхъ писемъ въ Берлинъ и Парижъ; кромѣ того подарилъ мнѣ свою дорожную чернилицу и ящикъ съ складными перьями. Онъ читалъ письма Петрушины и говоритъ объ нихъ съ большимъ чувствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, письма брата такъ хороши, что по нимъ можно узнать его. Жуковскій обѣщается писать къ вамъ послѣ моего отъѣзда, и я увѣренъ, что сдержитъ слово. Напишите мнѣ въ Берлинъ все, что̀ онъ скажетъ обо мнѣ. По многимъ причинамъ мнѣ это будетъ отмѣнно интересно. Если можно, пишите обо всемъ, что̀ для меня можетъ быть интересно и что̀ мнѣ весело будетъ узнать и что̀ нѣтъ,—только бы я зналъ.

21 Генваря.

Писалъ ли я вамъ, что я былъ въ Екатерининскомъ Институтѣ и видѣлъ Воейковыхъ? [1]) Онѣ обѣ очень милы, а Катенька хороша; въ профиль она напоминаетъ Александру Андреевну. Жуковскій обходится съ ними какъ дѣдушка, читаетъ имъ проповѣди, интересуется всякою бездѣлицею, а онѣ обходятся съ нимъ какъ съ товарищемъ, ласкаются къ нему, толкаютъ, разсказываютъ и какъ-то трогательно откровенничаютъ съ простосердечіемъ. Обѣ онѣ выросли много. Катя похорошѣла, и Саша, хорошенькій Александръ Ѳедоровичъ [2]), сдѣлалась отмѣнно тиха и совсѣмъ не похожа на прежнюю рѣзвую, живую дѣвочку. Имъ хорошо, и онѣ очень довольны своимъ Институтомъ.

Завтра писать будетъ некогда, потому что завтра надо укладываться и въ 9 часовъ быть уже въ конторѣ дилижансовъ, или, лучше сказать, не завтра, а сегодня, потому что уже 2 часа за полночь. Боюсь, что не успѣю вамъ разсказать всего что хочется; страшусь тѣмъ, что вамъ знать будетъ интереснѣе другого. Если бъ я могъ высказать вамъ всю дружбу, какую мнѣ показывали здѣсь всѣ *наши*, то вѣрно доставилъ бы вамъ этимъ больше чѣмъ удовольствіе. Особенно Коше-

[1]) Двухъ старшихъ дочерей Свѣтланы. Младшая Марья, тогда еще младенецъ (впослѣдствіи графиня Бревернъ-де-ла-Гарди, умершая 18 Октября нынѣшняго года), жила у бабушки своей Е. А. Протасовой въ Орловской деревнѣ.

[2]) Воейковъ.

левъ, который обходится съ мною такъ, какъ только дѣлается между родными братьями. Послѣ этого вамъ неудивительнымъ покажется, что я согласился взять у него 5000, которые онъ получитъ съ Одоевскихъ, по роспискѣ, которую я оставилъ ему. Титовъ поручился мнѣ за то, что Одоевскій заплатитъ мнѣ *непремѣнно* 15 Февраля: ибо Одоевскій далъ слово заплатить къ этому сроку, очень извинялся что не отдалъ до сихъ поръ, разсчитывалъ, какъ онъ думаетъ, заплатить ихъ изъ тѣхъ денегъ, которыя ему должны, но не платятъ, и предлагалъ отдать ихъ *теперь*, признаваясь однако, что это сдѣлаетъ ему разстройку. Онъ точно бы отдалъ ихъ, если бы я настоятельно потребовалъ; но я лучше соглашаюсь на предложеніе Кошелева, видя, что ему сдѣлаетъ удовольствіе одолжить меня и что онъ даже могъ обидѣться, если я не соглашусь. Вы однакожъ, папенька, напишите къ Кошелеву 12 Февраля, поблагодарите его за меня и спросите, получилъ ли онъ деньги отъ Одоевскаго. Не разсказывайте однако объ этомъ никому и не браните никакъ Одоевскаго: пусть вся неделикатность будетъ съ одной его стороны. Писавши къ Кошелеву, не говорите, что Одоевскій поступилъ неделикатно: Кошелевъ съ нимъ друженъ, и это будетъ ему непріятно. Если же не полѣнитесь, то напишите къ Кошелеву теперь и поблагодаривъ его, попросите, чтобы онъ увѣдомилъ васъ 15-го Февраля, заплатилъ ли Одоевскій; если Кошелевъ не увѣдомитъ, то напишите ему опять.

Жуковскій надавалъ мнѣ кучу рекомендательныхъ писемъ въ Берлинъ и въ Парижъ. Кромѣ того подарилъ мнѣ свою дорожную чернильницу, ящичекъ со стальными перьями и жестяной дорожный футляръ для бритвы, мыла и пр. Мальцовъ [1]) далъ мнѣ на дорогу славный портфель и отмѣнно краткій альбомъ in folio съ милою надписью. Боюсь, чтобы все это не было слишкомъ тяжело для дилижанса. Жаль, что выѣзжаю изъ Петербурга, не приславъ ничего ни для папеньки, ни для Петерсона; но не нашелъ ничего, чтобы сдѣлать имъ удовольствіе или что было бы здѣсь дешевле Московскаго. Пришлю что нибудь изъ Берлина; также и дѣтямъ. Извините меня предъ Эйнбротомъ [2]) въ томъ, что я не отдалъ его письма брату. Это сдѣлалось потому, что у меня не было въ теченіи той недѣли, которую я провелъ здѣсь, *ни одной* свободной минуты. Но я поручу это письмо доставить Кошелеву. Скажите Петерсону, что ежели онъ не станетъ теперь готовиться къ экзамену, если не выдержитъ его и къ моему возвращенію не будетъ

---

[1]) Вѣроятно Сергѣй Сергѣевичъ, рано умершій, младшій братъ получившаго позднѣе извѣстность Ивана Сергѣевича.

[2]) Извѣстный въ Москвѣ докторъ медицины.

профессоромъ, то, безъ прибавленія, у меня пропадетъ половина удовольствія свиданія. Пусть онъ работаетъ такъ, какъ будто отъ каждой половины часа зависитъ судьба всего Русскаго просвѣщенія, а между тѣмъ пусть его лѣчится еще прилежнѣе. Правду ли вы мнѣ пишетъ, что у дѣтей не было кори, что вы всѣ здоровы, что Лиз. Иван. уже ходитъ? (Послѣднее она дѣлаетъ очень напрасно). Если вы обманываете меня, то берегитесь. Я узна̀ю это скоро, а тогда вся успокоительность вашихъ писемъ для меня пропала. Представьте-же, каково мнѣ будетъ не знать объ васъ ничего и не довѣрять тому, что̀ знаю я! Всегда пишите мнѣ все такъ, какъ есть. Лучше знать дурное, нежели не вѣрить хорошему. Судите по себѣ и представьте, каково бы вамъ было, если бы я васъ обманывалъ. Пожалуйста, отвѣчайте мнѣ съ каждымъ приходомъ моихъ писемъ какъ можно аккуратнѣе. Пишите чаще и накрестъ строки. Я желалъ бы даже, чтобы у васъ былъ хуже почеркъ; а то маленькія письма ваши такъ скоро читаются, что кажутся отъ этого еще меньше.

Жуковскій читалъ Петрушины письма и говоритъ объ немъ съ большимъ чувствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, письма брата такъ хороши, что по нимъ можно узнать его. Жуковскій обѣщается писать къ вамъ много послѣ моего отъѣзда, и я увѣренъ, что сдержитъ слово. Напишите въ Берлинъ все, что̀ онъ скажетъ обо мнѣ. По многимъ причинамъ мнѣ это будетъ отмѣнно интересно. Если можно пишете *обо всемъ*, что̀ для меня можетъ быть интересно и что̀ мнѣ весело будетъ узнать и что̀ нѣтъ; только бы я зналъ. Прощайте, усталъ: завтра кончу письмо.

22 Генваря, 9 часовъ утра.

Чуть-чуть было̀ не забылъ: Титовъ берется хлопотать о Вертерѣ; пришлите ему 50 экземпляровъ. Больше ненадобно, ибо они понапрасну загромоздятъ его комнату. Вообще адресуйтесь къ Титову за всѣмъ, что̀ вамъ нужно будетъ сдѣлать въ Петербургѣ. Прощайте, пора ѣхать, а я еще не совсѣмъ уложился. Прощайте до Риги, такъ что недѣли черезъ полторы получите отъ меня первое письмо послѣ этого.

27 Января, Воскресенье, Рига.

Вотъ онъ *я*, въ Ригѣ. Вчера въ вечеру пріѣхалъ и вчера же отправился съ письмомъ отъ Жук. къ прокурору Петерсону, которымъ studiosus Петерсонъ стращалъ станціонныхъ смотрителей. Этотъ прокуроръ Петерсонъ принялъ меня какъ родного, какъ друга. Но въ будущемъ письмѣ я опишу это подробно. Сегодня цѣлый день провелъ я въ расхаживаньи, въ разъѣздѣ по городу, котораго достопримѣчатель-

ности показывалъ мнѣ этотъ милый толстый прокуроръ. Сейчасъ изъ муссы [1]), гдѣ видѣлъ Нѣмцевъ, которые еще Vorschmack [2]) тѣхъ Нѣмцовъ, къ которымъ ѣду. Въ Дерптѣ я не былъ у бабушки [3]), потому что проѣзжалъ черезъ Дерптъ въ 2 часа ночи; но видѣлъ ихъ домъ и отсюда пошлю ваше письмо, вмѣстѣ съ своимъ, и съ вашимъ образомъ. Прощайте, уже 1 часъ, а завтра мнѣ надо вставать въ 6, мѣнять деньги, пить кофе у Петерсона и перемѣнить паспортъ, который оказался недѣйствительнымъ, ибо по новому постановленію онъ живетъ только три недѣли. Найду ли я на почтѣ письмо отъ васъ? Я оставляю здѣсь у Петерсона подробное описаніе моего отъѣзда изъ Петербурга сюда, до послѣдняго часа отсюда въ Кенигсбергъ. Петерсонъ отправитъ это на слѣдующей почтѣ.

27 Января. Рига.

Я ошибся вчера числомъ и вмѣсто 26 поставилъ 27. Сегодня, т. е. въ Понедѣльникъ, я послѣдній день въ Ригѣ и завтра вмѣстѣ съ свѣтомъ выѣзжаю въ Кенигсбергъ, куда нанялъ извощика за 40 руб. сер. Это очень дешево по мнѣнію цѣлой Риги, потому что я познакомился почти съ цѣлой Ригой у милаго, почтеннаго, толстаго, добраго Петерсона, который совершенно плѣнилъ меня своею добротою, добродушіемъ, готовностію къ добру и умѣньемъ его дѣлать. Весело видѣть человѣка, котораго почти каждая минута посвящена пользѣ и добру. Онъ пользуется здѣсь всеобщимъ уваженіемъ и заслуживаетъ его болѣе, чѣмъ кто другой. Das rechte [4]) вотъ его цѣль, его любовь, его божество. Въ два или три дня, которые я пробылъ здѣсь, я успѣлъ уже узнать его такъ хорошо, что готовъ отвѣчать головою за каждый его поступокъ. Право, онъ успѣлъ уже сдѣлать столько хорошаго, показать столько доброты, сколько у другого частнаго человѣка растянется на всю жизнь. Въ исполненіи своей должности онъ отличается какимъ-то рыцарствомъ законности, независимостію отъ постороннихъ толковъ и частныхъ волей (какъ вы говорите), самостоятельностію характера, твердостію, прямотою и необыкновеннымъ знаніемъ дѣла и людей. Вотъ общая молва объ немъ всего города. Комната его съ утра до вечера набита людьми, изъ которыхъ одни приходятъ просить у него совѣта, другіе помощи, третьи услуги, четвертые приходятъ толковать о городскихъ новостяхъ, пятые ничего не дѣлать, и для всѣхъ для нихъ достанетъ у него времени, охоты и веселости. Теперь особенно домъ

---

[1]) Муссою называется, кажется, вольное собраніе студентовъ.

[2]) Предвкушеніе.

[3]) Т. е. у тётки-бабки, Екатерины Аѳанасьевны Протасовой.

[4]) Справедливое.

его набить народомъ, потому что все почетное дворянство Остзейскихъ провинцій съѣхалось сюда провожать маркиза Паулучи, который черезъ недѣлю ѣдетъ въ Италію, оставляя свое мѣсто графу Палену. Со мной Петерсонъ обошелся такъ, какъ обходятся съ 20-лѣтнимъ другомъ. Но я разскажу вамъ все подробно. Изъ Петербурга выѣхалъ я 22-го. Жуковскій, Мальцевъ, Титовъ и Кошелевъ провожали меня въ контору дилижансовъ. Всѣ провожавшіе меня обѣщались въ тотъ же день писать къ вамъ. Напишите, кто сдержитъ слово. Дорога была довольно безпокойна, потому что дилижансы изъ Петербурга въ Ригу устроены скверно. Черезъ Дерптъ я проѣхалъ въ 2 часа ночи и не видалъ никого и ничего. Но только дышать Дерптскимъ воздухомъ и знать, что здѣсь университетъ, здѣсь Ласточка [1]) и проч.—все это такъ живо напоминаетъ нашего Петерсона и Языкова, что мнѣ было въ Дерптѣ и весело, и скучно. Въ Ригу я пріѣхалъ 25-го въ 12 часовъ, остановился въ трактирѣ Петербургъ, напился кофе, выбрился, разложился; между тѣмъ пришло время обѣда, послѣ котораго я улегся спать и въ осьмомъ часу отправился къ прокурору Петерсону. У него я засталъ большое общество и музыку. Онъ самъ маленькій, толстый, плѣшивый, въ тепломъ пестромъ халатѣ, сидитъ важно посреди комнаты въ большихъ креслахъ, которыя едва вмѣщаютъ его персону. Когда я отдалъ ему письмо отъ Жукокскаго и назвалъ свое имя, онъ вскочилъ, бросился обнимать меня и пришелъ въ совершенный восторгъ. Когда первый порывъ его кончился, прерванная музыка доигралась, то онъ повелъ меня въ другую комнату, прочелъ письмо Жуковскаго, говорилъ много объ немъ, объ Дерптѣ, съ большимъ чувствомъ, съ большою душою, и растроганный разговоромъ и воспоминаніемъ, досталъ кошелекъ, который подарила ему А. А. W. [2]), при прощаніи, и поцѣловалъ его со слезами, говоря, что это лучшее сокровище, которое онъ имѣетъ. На другой день этотъ кошелекъ отдавалъ онъ мнѣ на память. Нужно ли еще разсказывать вамъ, *какъ* онъ обходился со мною? Вы знаете уже Петерсона по его отношеніямъ къ Жуковскому и Дерпту и слышали объ немъ отъ Марьи Андреевны; но когда нибудь я разскажу вамъ нѣсколько анекдотовъ объ его жизни, которые стоятъ памяти. Между тѣмъ вотъ вамъ Рижская новость: сегодня въ 2 часа ночи умеръ отъ аневризма въ сердцѣ Рашетъ, который былъ въ Москвѣ свидѣтельствовать [3]). Вчера еще онъ былъ совершенно здоровъ и провелъ вечеръ у Петерсона.—Интереснаго я въ Ригѣ видѣлъ: 1).Die Domkirche, гдѣ недавно отвалился камень и открылся замуравленный человѣкъ: это

---

[1]) 8-милѣтняя дочь Маріи Андр. Мойеръ, Екатерина Иван. (впослѣдствіи Елагина)?

[2]) А. А. Воейкова, скончавшаяся въ предъидущемъ году.

[3]) Собственное имя не разобрано нами.

былъ рыцарь, заколовшій епископа въ этой же церкви. Вотъ повѣсть для Погодина. Церковь сама стара только снаружи, внутри все перекрашено, выбѣлено и—чисто. 2) Домъ Шварцгейптеровъ, das Schwarzhäupterhaus, котораго зала превращена въ новую, но изъ подъ новаго можно отгадать и весего отгадывать бывшее старое. Я многое осматривалъ еще, но интереснаго, кромѣ этого, не видалъ; былъ однако въ муссѣ, смотрѣлъ водопроводъ и безпрестанно гляжу на памятникъ 12-го года, который стоитъ передъ моими окнами. Это такая же холодная металлическая слава, какая стоитъ у насъ на Красныхъ воротахъ, только вмѣсто Красныхъ воротъ узенькая колонна, вмѣсто Москвы Рига, вмѣсто—и проч. Забылъ еще интересное: постыдный столпъ, къ которому привязывали преступниковъ.—Довольны ли вы моею аккуратностію? Чего я не разсказалъ, то вы можете легко отгадать. Отъ васъ же писемъ здѣсь нѣтъ, и Богъ знаетъ, будутъ ли. Какъ скоро пріѣду на мѣсто, то буду вести журналъ и переписывать вамъ изъ него интересное. Прощайте! Молчаніе папинькино безпокоитъ меня не нашутку, а молчаніе сестрино просто сердитъ. Обнимаю всѣхъ отъ всей души.

ИЗЪ ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ А. П. ЕЛАГИНОЙ.

Середа, 21 Января, Спб. 1830.

Нынче въ 10 часовъ отправился нашъ милый странникъ въ путь свой, здоровый и даже веселый. Мы съ нимъ простились у самаго дилижанса, до котораго я его проводилъ. Ему будетъ хорошо ѣхать. Повозка теплая, просторная; онъ не одинъ; хлопотъ не будетъ никакихъ до самаго Берлина. Дорога теперь хороша, и ѣзда будетъ скорая. Въ Берлинѣ ему будетъ, надѣюсь, пріятно. Я снабдилъ его письмами въ Ригу, Берлинъ и Парижъ. Въ Ригѣ одинъ мой добрый пріятель поможетъ ему уладить свои экономическія дѣла, то-есть размѣнять деньги выгоднѣйшимъ образомъ. Въ Берлинѣ мое письмо познакомитъ его прозаически съ нашимъ посломъ, который дастъ ему рекомендательныя письма далѣе, и поэтически съ Гуфландомъ, который потѣшитъ душу его своею душою. Въ Парижѣ онъ найдетъ Тургенева, котораго я просилъ присосѣдить его къ себѣ и быть ему руководцемъ на Парижскомъ паркетѣ. Для меня онъ былъ минутнымъ милымъ явленіемъ, представителемъ яснаго, и веселымъ образомъ будущаго: ибо, судя по немъ и по издателямъ вашего домашняго журнала (особливо по знаменитому автору заговора Катилины) и еще по Мюнхенскому нашему медвѣженку, въ вашей семьѣ заключается цѣлая династія хорошихъ писателей. Пустите ихъ всѣхъ по этой дорогѣ! Дойдутъ къ добру. Ваня—самое чистое, доброе, умное и даже философическое твореніе. Его узнать покороче весело. До извѣстной вамъ раны я не прикасался. Дорога затянетъ ее.

НЕИЗДАННОЕ МѢСТО ИЗЪ ЗАПИСОКЪ А. С. ГАНГЕБЛОВА *).

(Послѣ того, гдѣ упоминается о княгинѣ Кудашевой, бывшей замужемъ за полковникомъ княземъ Манвеловымъ, роднымъ братомъ моей матери).

Въ нашемъ уѣздѣ, но подъ Кременчугомъ, были два князя Манвеловы: Иванъ Ивановичъ и Николай Ивановичъ (о послѣднемъ изъ нихъ упомянуто въ моихъ Запискахъ, какъ о членѣ общества Масоновъ). Оба эти брата были большіе оригиналы. Стóитъ привесть нѣсколько наиболѣе выдающихся чертъ изъ ихъ характеровъ. При Екатеринѣ они служили въ кавалергардахъ, еще довольно молодыми вышли въ отставку и «засѣли» въ наслѣдственномъ своемъ богатомъ имѣніи Морозовкѣ. Почти ни съ кѣмъ они не имѣли сношеній, никогда не дѣлили между собою имѣнія и управляли имъ кое-какъ, а также никогда не строили себѣ господскаго дома: жили въ крестьянской избѣ со множествомъ къ ней пристроекъ и своими прикащиками были обкрадываемы немилосердно. Такъ они прожили нѣсколько лѣтъ и стали уже забывать о прошломъ, о своей Петербургской молодости, какъ вдругъ князь Николай Ивановичъ получаетъ изъ Полтавы письмо отъ князя Куракина. Князь Куракинъ ему пишетъ, что вотъ онъ пріѣхалъ на службу (генералъ-губернатора) въ Полтаву и, узнавъ, что онъ недалеко оттуда живетъ въ деревнѣ, проситъ пріѣхать съ нимъ, старымъ другомъ, повидаться и вспомнить о веселомъ прошломъ. Князь Николай Ивановичь, недолго думавши, отправился налегкѣ въ путь, но вмѣсто краткаго свиданія онъ прожилъ у князя Куракина все время пребыванія этого послѣдняго въ Полтавѣ; а когда, готовый уже къ выѣзду въ Петербургъ, князь Куракинъ ему сказалъ: «а знаешь что, Николай, поѣдемъ со мной въ Питеръ: и прокатишься, и повеселишься въ столицѣ», Манвеловъ сѣлъ съ нимъ въ карету и отправился въ дальній путь,

---

*) Любопытныя записки декабриста Александра Семеновича Гангеблова напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ" 1886 года II, 181 и 438; III, 167. Они вышли и отдѣльною книгою. Гангебловы и князья Манвеловы происхожденія Грузинскаго. См. о князьяхъ Манвеловыхъ въ Родословной книгѣ князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго.

не подумавъ навѣдаться въ Морозовку и проститься съ братомъ и сестрою. Но тутъ еще не конецъ курьезу: пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ въ немъ безвыѣздно прожилъ.... 40 лѣтъ. Во все это время въ столицѣ онъ вращался въ сферѣ высшаго общества: у Лобановыхъ, Юсуповыхъ, Безбородко, Куракиныхъ и т. п. и вездѣ былъ своимъ человѣкомъ. Онъ и жилъ на даровой квартирѣ, въ одной изъ надворныхъ построекъ дома княгини Лобановой, на Морской. Тамъ я изрѣдка у него бывалъ; вѣроятно на той же квартирѣ онъ и умеръ въ пятидесятыхъ годахъ, доживъ до глубокой старости. Денежныя средства къ жизни присылались ему изъ Морозовки. Въ его двухъ компатахъ царилъ самый нескладный безпорядокъ: то вы видѣли какую-нибудь очень цѣнную вещь или вещицу, или изящную женскую работу, и подлѣ нихъ огарки свѣчей; то рѣдкій по сезону фруктъ и рядомъ съ нимъ разорванная четвертка Гишаровскаго вакшгафа съ разсыпавшимся вокругъ табакомъ и т. д. Домой онъ не возвращался иногда по нѣсколько дней, особливо лѣтомъ.

Какъ примѣръ безпечности князя Николая Ивановича, стоитъ разсказать слѣдующее. Племянникъ его лейбъ-уланъ, тоже князь Манвеловъ, собравшись ѣхать въ отпускъ, въ нашъ край, зашелъ къ нему проститься. «Вотъ кстати, сказалъ обрадовавшись дядя, отвези, душа моя, вотъ это (онъ указалъ на большой сундукъ), отвези это сестрѣ Настасьѣ Ивановнѣ; это фарфоровый сервизъ, я его купилъ къ ея имянинамъ на аукціонѣ, о чемъ ей тогда же и писалъ, да вотъ все не соберусь отправить». Молодой князь Монвеловъ не могъ исполнить этого порученія, такъ какъ долженъ былъ ѣхать на перекладныхъ, а когда онъ спросилъ, на какомъ аукціонѣ сдѣлана покупка, то оказалось что, сундукъ съ сервизомъ простоялъ на мѣстѣ болѣе восемнадцати лѣтъ.

Князь Иванъ Ивановичъ, по отъѣздѣ брата къ кн. Куракину, продолжалъ жить въ Морозовкѣ, попрежнему, съ сестрой. Это былъ человѣкъ истинно добрый, честный и обязательный. При такой строгой отчужденности отъ свѣта у него всегда водились деньги, но жилъ онъ очень просто, собственно по безпечности, а не потому чтобы былъ скупъ; напротивъ, онъ никогда не отказывалъ въ денежныхъ ссудахъ и всегда безъ процентовъ. Все это не мѣшало, однакожъ, ему быть такимъ же какъ и его братъ эксцентрикомъ. При такой однообразной, манотонной жизни онъ и его сестра неладно жили между собою.

На другой день послѣ одной изъ ссоръ съ нею князь къ утреннему чаю не явился. Подождали, подождали и заглянули къ нему въ

спальню; въ спальнѣ нѣтъ; искали во дворѣ, тоже нѣтъ; искали вездѣ, разсылали дворовыхъ людей на поиски по всѣмъ мѣстамъ обычныхъ его прогулокъ: въ поле, на хуторъ, но и тамъ нѣтъ и нѣтъ! Розыски полиціи кончились тоже ничѣмъ. Рѣшили тѣмъ, что князь погибъ, что, отправившись пѣшкомъ на хуторъ, онъ вѣроятно былъ съѣденъ волками, которыхъ въ то время было очень много. Такъ князя и слѣдъ простылъ, о немъ совсѣмъ забыли. Прошло одиннадцать лѣтъ. Однажды утромъ, среди зимы, въ ворота двора входитъ незнакомый мужикъ, въ нагольномъ тулупѣ, съ длинной бородой. Мужикъ направляется къ дому, подымается на крыльцо; на вопросы прислуги: кто онъ и чего ему надо, онъ не обращаетъ вниманія и слѣдуетъ дальше въ комнаты, какъ человѣкъ, которому знакомо расположеніе дома; въ столовой садится и приказываетъ подать себѣ чаю. Вышла княжна Настасья Ивановна; онъ не шевельнулся, а когда она, вглянувшись пристальнѣе, въ нежданномъ гостѣ узнала брата и съ крикомъ бросилась ему на шею, то онъ молча ее отстранилъ и молча принялся за поданный ему чай. Все это онъ продѣлалъ съ такимъ невозмутимымъ ко всему равнодушіемъ, какъ будто только вчера отлучился изъ дому.

Замѣчательно, что во всѣ долгіе годы, которые онъ за тѣмъ еще прожилъ, онъ никому даже и изъ тѣхъ родственниковъ, съ которыми наиболѣе былъ близокъ, не открывалъ тайны своей Одиссеи. Доходили смутные слухи, что онъ состоялъ при главнокомандующемъ князѣ Прозоровскомъ и пользовался полнѣйшею у него довѣренностью. Это весьма вѣроятно, такъ какъ до отлучки еще своей князь упоминалъ о давнишнихъ его съ княземъ Прозоровскимъ отношеніяхъ, по служебному-ли товариществу или какъ иначе.

Князь Иванъ Ивановичъ былъ женатъ; но когда и на комъ онъ женился, не знаю; знаю только, что съ женой онъ разошелся, при чемъ малолѣтнихъ сына и дочь оставилъ при себѣ. Дѣтей хотя онъ любилъ, но о воспитаніи ихъ мало заботился, отдавъ ихъ въ полное распоряженіе сестры, женщины доброй, но простой. Когда сынъ (кн. Борисъ) достигъ юношескаго возраста, то былъ отправленъ въ Петербургъ къ дядѣ его кн. Николаю Ивановичу для опредѣленія куда-нибудь на службу; но опредѣленіе это замѣшкалось, какъ потому что отецъ юноши забылъ снабдить его нужными бумагами и все медлилъ ихъ высылкою, такъ и по нерадивости самого дяди. Между тѣмъ кн. Борисъ былъ дядею введенъ во всѣ тѣ дома, гдѣ вращался самъ кн. Николай Ивановичъ, и сошелся съ молодежью этихъ домовъ. Однажды общество этихъ молодыхъ людей, а съ ними и кн. Борисъ, отправились ночью на

Невскій проспектъ и что-то крѣпко нашалили. Полиція ихъ перехватала, и началось дознаніе; тѣ изъ накутившихъ, у которыхъ имѣлись сильнѣе покровители, изъ бѣды вывернулись, а кн. Борисъ былъ написанъ въ солдаты и отправленъ на службу въ какой-то армейскій полкъ.

За тѣмъ судьба стала благосклоннѣе къ пострадавшему. Начальство полюбило кн. Бориса за его порядочность и усердіе къ службѣ и стало ходатайствовать о производствѣ его въ офицеры; но встрѣтило помѣху съ другой стороны: его отецъ, кн. Иванъ Ивановичъ, несмотря на неоднократныя требованія присылки Борисовыхъ бумагъ, этихъ бумагъ не высылалъ. Тогда только онъ удовлетворилъ требованія начальства своего сына, когда ему самому понадобился помощникъ въ управленіи имѣніемъ, такъ какъ онъ сдѣлался старъ и немощенъ. Благодаря своей чудовищной безпечности, онъ продержалъ сына въ нижнихъ чинахъ слишкомъ четырнадцать лѣтъ.

Какъ назвать, какъ объяснить эти странности, странности до неестественныхъ размѣровъ, въ характерахъ обоихъ братьевъ? Сказать бы что имъ не доставало нравственныхъ силъ для удержанія въ должныхъ границахъ врожденной ихъ индиферентности; но нѣтъ: о кн. Николаѣ въ тѣхъ обществахъ, которыя онъ посѣщалъ въ Петербургѣ, отзывались, какъ о человѣкѣ съ большимъ природнымъ умомъ *); да онъ не былъ бы принятъ и въ масоны, если бы представлялъ съ этой стороны какой-нибудь недостатокъ. Относительно же князя Иванъ, котораго я гораздо ближе зналъ: то, сколько могу судить, ему далеко нельзя было отказать въ умственныхъ способностяхъ.

Странности отца нисколько не отразились на сынѣ. Послѣ смерти его, кн. Борисъ Ивановичъ прожилъ двадцать лѣтъ и оставилъ по себѣ память заботливаго отца семейства и примѣрно рачительнаго сельскаго хозяина.

---

*) Это я слышалъ отъ моего „старшаго пажа“ Ос. Мих. Миклашевскаго, который принадлежалъ къ тому же аристократическому обществу и нерѣдко тамъ встрѣчался съ княземъ Николаемъ Ивановичемъ Манвеловымъ.

КТО БЫЛЪ ВЪ МІРѢ СТАРЕЦЪ ІОНА ЧЕБОТОВЪ?

Въ бархатной Книгѣ Новикова (I, 336) и затѣмъ по сообщенію покойнаго В. В. Руммеля о родѣ Чеботовыхъ извѣстно:

I.

1. Иванъ Васильевичъ Чулковъ, прозванный Чоботъ (Чеботъ), 1500 пожалованъ въ окольничіе; 1500 Февраля 13 былъ вторымъ дружкою на свадьбѣ князя В. Д. Холмскаго; † 1501.

II.

1. { 2. Андрей Ивановичъ Чоботовъ, второй воевода въ Рязани: 1511.
3. Яковъ Ивановичъ Чоботовъ, 1511 голоса въ Серпуховѣ; 1528 воевода въ Нижнемъ Новгородѣ.

III.

2. { 4. Иванъ Андреевичъ Медвѣдь, 1550 третій воевода въ Смоленскѣ; 1553 второй воевода въ Васильгородѣ.
5. Дмитрій Андреевичъ, 1530 голова въ Смоленскѣ, 1550 Октября 2 писанъ во 2-й статьѣ дѣтей боярскихъ въ „Тысячной книгѣ"; 1552 пожалованъ въ окольничіе и второй воевода въ Казани; 1557 упоминается; 1558 первый воевода въ Неровскомъ городѣ; 1561—62 второй воевода въ Свіяжскѣ.
6. Юрій Андреевичъ убитъ разбойниками.

7. Иванъ Яковлевичъ, 1547 Февраля 4 упоминается въ чинѣ свадьбы царя Іоанна Васильевича съ Анастасіею Романовною; 1550 Октября 2—въ 3-й статьѣ, дѣтей боярскихъ въ „Тысячной книгѣ"; 1552 былъ подъ Казанью и пожалованъ въ окольничіе; 1553 первый воевода въ Казани; 1554 упоминается въ чинѣ свадьбы царя Симеона Казанскаго; 1555 въ чинѣ свадьбы окольничаго И. Д. Бѣльскаго; 1557 второй воевода Сторожевскаго

полка въ Калугѣ; 1558 дружка на свадьбѣ князя Владимира Андреевича 1559 пожалованъ въ боярѣ († 1566 [1]).

Лѣтомъ 1898 года, проѣзжая Борисоглѣбскимъ, что на Устьѣ, монастыремъ (въ 16 верстахъ отъ Ростова Яросл.), я увидалъ близъ соборной церкви Бориса и Глѣба только что вырытую плиту, отчасти поврежденную, но все-таки сохранившуюся настолько, что можно было возстановить нѣкоторыя части виднѣвшейся на плитѣ подписи. Я прочиталъ: „Лѣта 7... мѣсяца Генв... на па.... ...ѵр...., он... преставися раб Бож... старецъ Иона Чеботовъ“...

Въ изданной мною „Вкладной и кормовой книгѣ Борисоглѣбскаго монастыря“ на 87 стр. записано: „Генваря въ 31 день по инокѣ старце Іоне Чеботовѣ кормъ болшой“. Значитъ, память по Чеботовѣ творилась въ день его смерти, и потому недостающія слова на плитѣ можно читать, за исключеніемъ года, такъ: „мѣсяца Генваря въ 31 день на память святыхъ безсребренниковъ Кѵра и Іоанна преставися рабъ Божій старецъ Іона Чеботовъ“.

Въ той же Вкладной и кормовой книгѣ на стр. 34—35 читаемъ: „Лѣта 7073 (1565 г.) далъ Иванъ Яковлевичъ Чеботовъ селцо Старое [2]) и с рожью в землѣ с(лесы) и с(пожнями, и со всѣми угодьи, да тысячю четвертей ржы, да пятьсотъ четвертей овса за свое здоровье и по своихъ родителяхъ, и за дачу за Иваново здравіе Бога молите по все дни на молебнѣхъ и на обѣдне, а на Ивановы имянины мѣсяца Марта въ 30 день за Ивана панихида пѣти и обѣдни служити соборомъ и братью кормити кормъ болшой“.

„А по Ивановѣ отцѣ Іакове и по матери инокине Александре и по всѣхъ его родителехъ мѣсяца Октября въ 9 день панахида пѣти и обѣдни служити соборомъ и братью кормити кормъ болшой. А Богъ пошлетъ по Иванову душу и на Иваново преставленіе мѣсяца панахиды пѣти и обѣдни служити соборомъ и братью кормити кормъ болшой“.

„Да Иванъ же Яковлевичъ далъ 200 рублевъ по матере Иванове Елене, а во иноцѣхъ Александре, на сѣ память мѣсяца Маіа въ 22 день панахида пѣти и обѣдня служити соборомъ и братію кормити кормъ болшой, докуды и монастырь стоитъ“.

„Да Иванъ же Яковлевичъ далъ при игумене Никифоре [3]) сто рублевъ“.

„А Иванъ же Яковлевичъ далъ при игумене Ермогене сто рублевъ.

---

[1]) Годъ смерти у Руммеля едва ли вѣренъ: ибо Иванъ Яковлевичъ Чеботовъ, бояринъ, въ Февралѣ 1567 г.. посланъ на рубежъ (Русск. Истор. Библ. ч. III, стр. 291).

[2]) Сельцо Старое—теперь деревня близъ Борисоглѣбскихъ слободъ.

[3]) Никифоръ упоминается въ 1571 году (у Строева).

Да послѣ старца Іоны Чеботова прі игумене Антоніе [1]) осталося пятдесятъ рублевъ денегъ".

„И за ту дачю и остатки такожъ панахиды пѣти и обѣдни служити соборомъ и братью кормити и кормъ болшой докуды и монастырь стоитъ".

Въ другомъ кормовомъ спискѣ Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря добавлено: „Да послѣ его живота далъ старецъ Іона Чеботовъ село Переславцево [2]) съ деревнями и пустошами".

Во Вкладной книгѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, напечатанной Сахаровымъ въ 1 томѣ Записокъ Археологическаго Общества 1851 года, подъ 1570 г. 31 Января записанъ вкладъ Іоанна Грознаго 200 рублей по старцѣ Іонѣ Чеботовѣ, который согласно указателю къ Кормовой книгѣ, составленному Сахаровымъ, былъ въ мірѣ Иванъ Ивановичъ. Если это такъ. то не возможно ли допустить, что этотъ Иванъ Ивановичъ Чеботовъ былъ сынъ Ивана Васильевича Чулкова-Чеботова, дядя Ивана Яковлевича. Очевидно, Иванъ Ивановичъ былъ въ числѣ опричниковъ царя Грознаго, и къ нему должно, по моему мнѣнію, относиться донесеніе Таубе и Крузе, помѣщенное въ 131 примѣчаніи IX т. Исторіи Карамзина, гдѣ значится, что царь Грозный въ 1564 г. велѣлъ Салтыкову, Чеботову и нѣкоторымъ дьякамъ идти изъ Александровской слободы въ Москву пѣшкомъ, раздѣвъ ихъ донага. Если это такъ, то Строевъ въ своемъ Ключѣ къ Исторіи Карамзина (ч. I, стр. 266) ошибочно смѣшалъ его съ Иваномъ Яковлевичемъ. Впрочемъ у Крузе имя Чеботова не показано, а упомянута одна фамилія.

Родовыя помѣстья Чеботовыхъ были въ Ростовскомъ и Угличскомъ, уѣздахъ, Ярославской губерніи вблизи Борисоглѣбскаго монастыря и отданы потомъ ими въ эту обитель на поминъ души, гдѣ и самъ Иванъ Ивановичъ кончилъ жизнь старцемъ Іоной Чеботовымъ.

Во всякомъ случаѣ желательно бы было выяснить вопросъ, кто же этотъ старецъ Іона (по Сахарову въ мірѣ Иванъ Ивановичъ Чеботовъ) и чѣмъ былъ при царѣ Иванѣ Грозномъ, который не забылъ его по кончинѣ и далъ по немъ щедрый по тому времени вкладъ—200 рублей въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Затѣмъ, дѣйствительно ли этотъ вкладъ Грознаго помѣченъ въ Кормовой книгѣ 7078 годомъ, и на какомъ основаніи Сахаровъ напечаталъ въ своемъ указателѣ къ Кириловской Кормовой книгѣ, что старецъ Іона Чеботовъ былъ въ мірѣ Иванъ Ивановичъ.

А. Титовъ.

Ростовъ Великій,
1 Ноября 1906.

---

[1]) Антоній былъ игуменомъ 1579—1584 г. (у Строева).

[2]) С. Переславцево, Угличск. уѣзда, по дорогѣ въ Борисоглѣбскій монастырь. Въ виду того, что жертва въ монастырь была при игуменѣ Антоніи, а Іона умеръ въ 7088 или 7089 г., какъ же согласовать вкладъ Грознаго въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь въ 1570 г.? Подлинника я не видалъ, а пользовался лишь Записками Археологическаго Общества, гдѣ показанъ этотъ 1570 годъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ БИБЛІОФИЛА.

Автографъ графа М. М. Сперанскаго.

Въ одинъ изъ воскресныхъ дней я, по обыкновенію, отправился къ Сухаревой башнѣ, на рынокъ, съ цѣлью купить тамъ какихъ либо книжекъ. Въ этотъ разъ мое путешествіе къ Сухаревой башнѣ было счастливо. (Тамъ, вообще говоря, въ настоящее время, рѣдко попадаются интересныя для библіофиловъ книги).

На рогожѣ, раскинутой на мостовой, валялось довольно большое количество книгъ, и все въ кожанныхъ старинныхъ переплетахъ. Тутъ, среди другихъ книгъ, попалась мнѣ книга въ старомъ кожанномъ переплетѣ съ окрашенными въ красный цвѣтъ листами въ мѣстѣ ихъ обрѣзовъ.

Заглавіе этой книги такое: „Духъ Бюффона. Съ Французскаго перевелъ Алексѣй Малиновской. Иждивеніемъ Новикова и компаніи. Въ Москвѣ. Въ Университетской Типографіи, у Н. Новикова 1783 года“.

Книга эта не представляетъ собою библіографической рѣдкости. Она встрѣчается въ продажѣ не рѣдко. Но подписи, которыя оказались на этой книгѣ, на столько замѣчательны, что я рѣшаюсь сказать о нихъ нѣсколько словъ.

На первой страницѣ, предшествующей титулу книги, на верху ея, значится такая надпись чернилами:

„За отличные успѣхи и благонравіе Богословіи студенту господину Сперанскому. Ректоръ арх. Іннокентій. 25 Декабря 1790 года“. Затѣмъ ниже этой надписи, на той же страницѣ, находится другая надпись, также чернилами, сдѣланная уже другимъ почеркомъ. Вотъ она: „Любезному другу и товарищу Ивану Сергѣевичу Вышеславскому, при отъѣздѣ его въ Суздаль, даритъ сію книжку студентъ Михаилъ Сперанскій $10\frac{10}{1}91$ г.“.

Здѣсь невольно возникаетъ вопросъ: не принадлежитъ ли послѣдняя подпись знаменитому впослѣдствіи графу Михаилу Михайловичу Сперанскому?

Автографовъ М. М. Сперанскаго, когда онъ достигъ видныхъ мѣстъ въ государственной службѣ, конечно, много можно найти въ различнаго рода бумагахъ и письмахъ его, сохранившихся и до сего времени. Но подпись М. М. Сперанскаго, когда онъ былъ еще студентомъ Богословіи, во всякомъ случаѣ, есть автографическая рѣдкость.

Въ книгѣ Н. Малицкаго подъ заглавіемъ: „Исторія Владимірской духовной семинаріи“, въ 1-мъ ея выпускѣ, напечатанномъ въ Москвѣ, въ 1900 году, на 157 страницѣ, есть, между прочимъ, факсимиле подписи М. М. Сперанскаго, сдѣланной имъ въ 1787 году, когда онъ былъ еще ученикомъ реторики Суздальской семинаріи. Эта подпись была сдѣлана имъ, какъ расписка въ полученіи имъ жалованія за Октябрь 1787 года, въ количествѣ 50 копѣекъ, что̀ выдавалось тогда, въ видѣ казеннаго пособія, ученикамъ этой семинаріи. Но факсимиле этой подписи не имѣетъ никакого сходства съ тою, объ которой идетъ теперь рѣчь.

Много позднѣе этой за 1787 годъ подписи М. М. Сперанскаго извѣстны мнѣ факсимиле его подписей за 1806, 1823 и 1838 годы. Онѣ напечатаны подъ его портретами, помѣщенными въ книгѣ барона М. Корфа, „Жизнь графа Сперанскаго“, изданной въ С.-Петербургѣ въ 1861 году. Корфъ говоритъ (стр. XIV), что почеркъ графа Сперанскаго, въ теченіе времени, почти не измѣнялся. Извѣстно также мнѣ факсимиле его подписи, напечатанной въ книгѣ, И. Ф. Моргенстіэрна, подъ заглавіемъ: „Психо-графологія, или наука объ опредѣленіи внутренняго міра человѣка по его почерку“. Книга эта вышла въ свѣтъ въ Спб., въ 1903 году. Въ ней на страницѣ 283 факсимилирована не только подпись М. М. Сперанскаго, но и цѣлая тирада изъ его письма написаннаго въ 1820 году 24 Іюня, въ Иркутскѣ *). Сличая всѣ вышеупомянутые факсимиле, легко можно замѣтить, что всѣ они имѣютъ несомнѣнное сходство съ подписью, сдѣланною въ 1791 году, объ которой идетъ въ этой замѣткѣ рѣчь.

Это сходство уже говоритъ въ пользу того, что подпись на книгѣ „Духъ Бюффона“, которую посчастливилось мнѣ купить на рынкѣ у Сухаревой башни, есть, по всему вѣроятію, автографъ М. М. Сперанскаго. Но мнѣ кажется, что этого сходства еще не достаточно, чтобы съ полною увѣренностію сказать, что эта подпись есть несомнѣнно автографъ М. М. Сперанскаго.

Постараюсь сдѣлать по поводу этой интересной подписи дальнѣйшія изысканія.

---

*) Не могу не привести здѣсь одной фразы изъ этого письма М. М. Сперанскаго: такъ глубокомысленна эта фраза „Для странниковъ, измученныхъ жизнію, бой часовъ есть голосъ друга, зовущаго его къ покою“. Не забудемъ, что это письмо написано изъ Иркутска, гдѣ онъ находился въ почетной, такъ сказать, ссылкѣ изъ Петербурга.

1) Въ надписи на книгѣ „Духъ Бюффона" между прочимъ, значится слѣдующее: „Ректоръ Арх. Іннокентій. 25 Декабря 1790 года".

Былъ ли въ это время ректоромъ Александро-Невской семинаріи, въ которой, какъ извѣстно, учился М. М. Сперанскій, архимандритъ Иннокентій?

Въ Словарѣ историческомъ о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина Греко-Россійской церкви, составленномъ митрополитомъ Евгеніемъ Болховитинымъ и напечатанномъ въ С.-Пб. въ 1827 году, на стр. 202-й тома 1-го, сказано: „Иннокентій Дубравицкій, архимандритъ, родился, около 1760 года, въ Вятской губерніи, а обучался въ Новгородской семинаріи, гдѣ по окончаніи наукъ въ 1781 году проходилъ и учительскія званія до префекта, а въ 1788 году переведенъ ректоромъ въ Александро-Невскую семинарію [1]).

Въ „Исторіи С.-Петербургской Духовной Академіи", составленной профессоромъ ея Иларіономъ Чистовичемъ и вышедшей въ свѣтъ въ С.-Пб. въ 1857 году, на 82 стр. значится, что, въ числѣ ректоровъ Александро-Невской семинаріи былъ Иннокентій Дубровицкій съ 12 Октября, 1788 года.

2) Далѣе на той же книгѣ „Духъ Бюффона" написано, что эту книгу даритъ Г. Вышеславскому студентъ Михаилъ Сперанскій $17\frac{I}{10}91$.

Былъ ли въ это время Михаилъ Михайловичъ Сперанскій студентомъ Александро-Невской семинаріи?

Въ вышеозначенной книгѣ профессора Чистовича на страницѣ, 83 и 84, напечатано, что М. М. Сперанскій былъ присланъ изъ Владимирской семинаріи для высшаго образованія въ Александро-Невскую семинарію въ 1789 году и обучался въ ней четыре года богословскимъ и философскимъ наукамъ и математикѣ.

Тѣже самыя данныя, т.-е. что М. М. Сперанскій обучался въ Александро-Невской семинаріи съ 1789 года, можно найти въ вышеупомянутой Исторіи Владимирской Духовной Семинаріи, къ 1-мъ ея выпускѣ. Тутъ на страницѣ 157 сказано, что М. М. Сперанскій въ 1789 (?) году, по требованію С.-Петербургскаго митрополита Гавріила, былъ отправленъ въ Александро-Невскую Семинарію [2]).

---

[1]) Онъ, между прочимъ извѣстенъ тѣмъ, что въ 1790 году напечаталъ въ С.-Пб. на Латинскомъ языкѣ классическую книгу подъ названіемъ Священная Реторика (Rhetorica sacra).

[2]) М. М. Сперанскому не хотѣлось продолжать свое дальнѣйшее образованіе въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1788 году М. М. Сперанскій окончилъ философскій классъ во Владимирской семинаріи и долженъ былъ перейти въ богословскій классъ въ Суздальской семинаріи (за переводомъ въ Суздаль семинаріи изъ Владимира). Онъ желалъ поступить въ Московскій Университетъ для изученія математики и Французскаго

Наконецъ, есть въ моей библіотекѣ рѣдкая брошюрка, перепечатка изъ Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей (№ 29. 1892 года). Въ этой брошюркѣ напечатано слово, которое было произнесено М. М. Сперанскимъ въ день усѣкновенія главы Св. Іоанна Предтечи, на текстъ: Иродъ бо бояшеся Іоанна, вѣдый сего мужа праведна и свята и соблюдоше его; и послушавъ его, много творяща и въ сладость его послушаше (Марка, VI. 20) Въ сноскѣ на первой страницѣ этой брошюры редакторомъ Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей Н. Корсунскимъ напечатано: „Слово сіе принадлежитъ ни болѣе, ни менѣе какъ графу М. М. Сперанскому, знаменитому статсъ-секретарю Императора Александра Павловича. Слово это относится къ временамъ жизни М. М. Сперанскаго еще въ Александро-Невской семинаріи, когда отъ митрополита С.-Петербургскаго Гавріила ему, между прочимъ, изъ за проповѣдей, были дѣлаемы самыя лестные предложенія, однако же имъ отклоненныя. Подписано сіе слово въ принадлежащей мнѣ рукописи переписчикомъ такъ: „Сочиненное баккалавромъ Сперанскимъ“. Но эта подпись, говоритъ Корсунскій, можетъ означать только то, что проповѣдь переписчикомъ списана въ то время, когда М. М. Сперанскій былъ уже баккалавромъ; по происхожденію же она относится къ временамъ еще студенчества Сперанскаго; къ какому именно году, не рѣшаемъ“. Поэтому Н. Корсунскій, при

языка. По этому случаю М. М. Сперанскій обратился къ Самборскому, занимавшему тогда важное положеніе въ духовномъ мірѣ, съ просьбою походатайствовать предъ мѣстнымъ архіереемъ о переходѣ его изъ семинаріи въ университетъ. „Ваше высокопреподобіе, милостивый государь! писалъ Сперанскій къ нему 16 Іюля 1788 года о. Самборскому, особливая благосклонность отцу моему въ бытность вашу въ селѣ Черкутенѣ, равно и мнѣ въ Москвѣ вами оказанная, возбуждаетъ во мнѣ смѣлость просить въ настоящихъ моихъ обстоятельствахъ вашего вспомоществованія. Въ бывшей Владимирской семинаріи окончилъ я философскій курсъ. Послѣ вакаціи въ Суздальской долженъ буду вступить въ богословскій классъ; но мнѣ желательно, слушая богословію, вмѣстѣ съ изученіемъ Французскаго языка, и математическими заняться науками, коихъ въ симинаріи не преподаютъ. Охота къ познанію сихъ наукъ убѣждаетъ меня изъ духовнаго училища перейти въ Московскій университетъ, но я увѣренъ, совершенно, что архипастыръ мой сему желанію моему исполниться не дозволитъ. Для чего нижайше прошу васъ, милостѣйшій государь, принять на себя трудъ попросить чрезъ письмо его преосвященство о моемъ увольненіи. Вы тѣмъ увеличите цѣну вашихъ ко мнѣ благодѣяній и премного обяжите человѣка, который съ глубочайшимъ къ вамъ высокопочитаніемъ пребывая, за счастіе себѣ почитаетъ быть вашего высокобагословенія покорнѣйшимъ слугою. Бывшей Владимирской семинаріи философіи студентъ М. Сперанскій. (Стеллецкій Н. Протоіерей А. А. Самборскій, законоучитель Императора Александра 1-го. Кіевъ 1896 года). Отецъ М. М. Сперанскаго и онъ самъ были знакомы съ Самборскимъ потому, что сей послѣдній посѣтилъ село Черкутино, родину М. М. Сперанскаго, вмѣстѣ съ Черкутинскимъ владѣльцемъ княземъ Н. И. Салтыковымъ, главнымъ воспитателемъ великихъ князей. Самборскій же былъ законоучителемъ вел. кн. Александра и Константина Павловичей. Самборскій, бывая въ Черкутинѣ, въ домѣ отца Сперанскаго, любовался Мишею, бѣленькимъ мальчикомъ, бѣгавшимъ босикомъ, бралъ его на руки, звалъ его въ шутку въ С.-Пб. (Баронъ Корфъ, Жизнь Сперанскаго, т. 1-й, стр. 19).

оглавленіи этой проповѣди, и выставилъ дату: отъ 1790—2 годовъ [1]) т. е. ко времени студенчества Сперанскаго.

3) Затѣмъ въ надписи на книгѣ: „Духъ Бюфона" сказано: „Любезному другу и товарищу Ивану Сергѣевичу Вышеславскому".

Былъ ли И. С. Вышеславскій другомъ и товарищемъ М. М. Сперанскому?

Баронъ М. Корфъ въ вышеупомянутой книгѣ, на стр. 17, говоритъ, что Сперанскій въ Январѣ 1790 года былъ съ двумя товарищами Вышеславскимъ и Шиповскимъ отправленъ въ Петербургъ. По прибытіи туда всѣ трое поступили въ новую семинарію на казенное содержаніе. Н. Малицкій, авторъ вышеозначенной исторіи Владимирской Духовной Семинаріи, на стр. 157-й этой исторіи, говоритъ: „Иванъ Вышеславскій въ 1789 году, по требованію митрополита Гавріила, отправленъ вмѣстѣ съ М. М. Сперанскимъ въ Александро-Невскую Семинарію". Но болѣе подробныя свѣдѣнія, объ этой отправкѣ можно читать въ первомъ выпускѣ брошюры, напечатанномъ во Владимирѣ (губернскомъ) въ 1895 г., подъ заглавіемъ: „Изъ прошлаго Владимирской епархіи". Позволяю себѣ сдѣлать выписку изъ этой интересной брошюры: „Объявители сего епархіальной моей семинаріи студенты школъ богословіи Михайло Сперанскій, философіи Вышеславскій, въ исполненіе присланнаго изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода указа, отправлены въ царствующій Сенктпетербургъ для продолженія ученія въ Санктпетербургской Семинаріи. Того ради о освободномъ оныхъ студентовъ, Сперанскаго и Вышеславскаго, по надлежащему отъ Суздаля до Санктпетербурга тракту, пропускѣ, командующимъ чинить по Ея Императорскаго Величества указамъ; а чтобъ оные семинаристы нигдѣ ни малѣйшей проживности не имѣли и въ другія непринадлежащія по тракту мѣста не заѣзжали, въ томъ они обязаны въ консисторіи подпискою; по прибытіи ихъ въ Санктпетербургъ явиться имъ съ симъ къ синодальному члену преосвященному Гавріилу, митрополиту Новгородскому и Санктпетербургскому. Декабря 16 дня 1788 года Викторъ епископъ Суздальскій [2]).

4) Наконецъ въ надписи на книгѣ: „Духъ Бюффона сказано: „при отъѣздѣ его, т. е. Ивана Сергѣевича Вышеславскаго въ Суздаль, даритъ сію книжку студентъ Михаилъ Сперанскій $17\frac{I}{10}91$.

Отъѣзжалъ ли въ этомъ году И. С. Вышеславскій въ Суздаль? И если отъѣзжалъ, то по какой причинѣ?

---

[1]) Нельзя не сказать, что проповѣдь эта, сказанная М. М. Сперанскимъ, еще очень молодыхъ лѣтахъ, носитъ на себѣ, печать талантливости.

[2]) Эта выписка авторомъ книги „Изъ прошлаго Владимирской епархіи", взята изъ архива Суздальской Духовной Консисторіи за 1789 годъ № 780 и слѣдовательно указаніе Корфа, что Сперанскій былъ отправленъ въ С.-Пб. въ Январѣ 1790 года вмѣстѣ съ Вышеславскимъ не вѣрно. Сперанскій отправленъ въ С.-Пб. въ 1788 году съ однимъ Вышеславскимъ.

Баронъ М. Корфъ въ своей книгѣ: „Жизнь графа Сперанскаго“ на 17 страницѣ, говоритъ: „Вышеславскій, по окончаніи курса въ Александро-Невской Семинаріи, былъ назначенъ учителемъ реторики и физики въ Суздальскую семинарію“.

Принимая во вниманіе, что И. С. Вышеславскій поступилъ въ Александро-Невскую Семинарію, вмѣстѣ съ М. М. Сперанскимъ, въ 1789 году и имѣя въ виду, что въ 1791 году, когда была подарена книжка „Духъ Бюффона“ Сперанскимъ Вышеславскому, сей послѣдній еще не могъ окончить полнаго курса въ Александро-Невской семинаріи, потому что въ ней ученіе до полнаго окончанія курса продолжалось четыре года (какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ профессоръ С.-Петербургской духовной академіи И. Чистовичъ въ Исторіи Спб. Духовн. Академіи, стр. 84), слѣдуетъ полагать, что И. С. Вышеславскій въ 1791 году или ѣздилъ въ Суздаль, какъ въ городъ, гдѣ онъ учился въ семинаріи, по какимъ либо обстоятельствамъ, для насъ неизвѣстнымъ, или онъ, еще до окончанія полнаго курса въ Александро-Невской семинаріи, былъ назначенъ учителемъ въ Суздальскую семинарію. Послѣднее мнѣніе находитъ себѣ подтвержденіе въ Исторіи Владимирской духовной семинаріи, составленной Н. Малицкимъ, гдѣ на страницѣ 157-й сказано: „Иванъ Вышеславскій обучался въ Александро-Невской семинаріи два года и слушалъ философію, ариѳметику, алгебру, геометрію, физику и въ Февралѣ 1791 года посланъ въ Суздальскую семинарію учителемъ синтаксимы и математики“. Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ заключить, что Иванъ Сергѣевичъ Вышеславскій посланъ былъ учителемъ въ Суздальскую семинарію не окончивши полнаго курса въ Александро-Невской семинаріи, какъ объ этомъ повѣствуетъ баронъ Корфъ въ своей книгѣ, и что слѣдовательно книжка „Духъ Бюффона“ была подарена М. М. Сперанскимъ И. С. Вышеславскому предъ отъѣздомъ его въ Суздаль по причинѣ назначенія его учителемъ въ Суздальскую семинарію. И дата на книжкѣ „Духъ Бюффона“, конечно, указываетъ, что назначеніе И. С. Вышеславскаго учителемъ въ Суздальскую семинарію уже состоялось къ 10 Января 1791 года, и Вышеславскій въ это время былъ уже, такъ сказать, на канунѣ своего отъѣзда въ Суздаль, который совершился въ Февралѣ того же года.

И такъ нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что подпись на книгѣ „Духъ Бюффона“ есть дѣйствительно автографъ графа М. М. Сперанскаго, за то время, когда онъ былъ еще студентомъ Александро-Невской семинаріи.

D—г Вас. Остроглазовъ.

19 $\frac{X}{27}$ 06.

КЪ СТАТЬѢ О КІЕВСКИХЪ И ПОЛТАВСКИХЪ МАСОНАХЪ.

(„Русскій Архивъ", 1906, XI, 412—416).

Считаю нелишнимъ внести нѣкоторыя поправки и дополненія къ документамъ о Кіевской и Полтавской масонскихъ ложахъ.

Кіевская ложа называлась не ложею Бѣдныхъ Славянъ, а ложею Соединенныхъ Славянъ. Она работала не только на Французскомъ языкѣ, но и на Русскомъ. Она была учреждена 12 Марта 1818 г. и вошла впослѣдствіи въ союзъ Великой ложи Астреи. Въ 1820—1821 г. г. должностными лицами въ ней были: управляющимъ мастеромъ—помѣщикъ Францъ Харлинскій, намѣстнымъ мастеромъ—Леонтій Дубельтъ, тогда подполковникъ, а впослѣдствіи начальникъ штаба у шефа жандармовъ гр. А. Х. Бенкендорфа; надзирателями—отставной капитанъ Максимъ Дрентельнъ и Карлъ Шварценбергъ, секретаремъ—врачъ Кнотъ, витіею—помѣщикъ Александръ Харлинскій, казначеемъ врачъ Иванъ Сааръ, обрядоначальникомъ—капитанъ Антонъ Терлецкій, милостынесобирателемъ—прапорщикъ Николай Павловскій. Въ числѣ почетныхъ членовъ состоялъ извѣстный впослѣдствіи декабристъ князь Сергѣй Волконскій. Упоминаемый въ донесеніи полицеймейстера Эртеля графъ Олизаръ также состоялъ почетнымъ членомъ ложи, а Мухановъ былъ офицеромъ л.-гв. Измайловскаго полка и имѣлъ мысль издавать военный журналъ; впослѣдствіи онъ сталъ извѣстенъ какъ декабристъ.

Ложа въ Полтавѣ называлась ложею Любви къ Истинѣ. Она тоже примыкала къ союзу Астреи, будучи учреждена 30 Апрѣля 1818 г. Должностными лицами въ ней были: управляющимъ мастеромъ—надв. сов. М. Н. Новиковъ, намѣстнымъ мастеромъ—дѣйств. ст. сов. С. М. Кочубей, надзирателями—ст. сов. В. В. Тарновскій и надв. сов. Л. М. Дьяковъ, витіею—маіоръ И. П. Котляревскій, казначеемъ—надв. сов. С. Ѳ. Левенецъ.

Тира Соколовская.

СПИСОКЪ ВОЕВОДЪ ЯРЕНСКАГО НА ВЫМИ ГОРОДКА.

(Нынѣ г. Яренска Вологодской губ.)

Въ „Спискахъ городовыхъ воеводъ Московскаго государства XVII ст.“ [1]) между прочимъ, на стр. 284, помѣщены воеводы и г. Яренска. Въ своемъ предисловіи А. П. Барсуковъ выразилъ пожеланіе, чтобы его списки, по возможности, дополнились, т. к. онъ пользовался только печатными источниками. Нынѣ въ Нижегородскую Ярмарку (1906 г.) вмѣстѣ съ разными рукописями сѣвернаго края мнѣ пришлось пріобрѣсти тетрадку со спискомъ Яренскихъ воеводъ. Въ этой тетрадкѣ одна половина воеводскаго перечня до № 49 написана болѣе старымъ почеркомъ, который можно отнести къ Петровскому времени, а съ № 49 – другимъ, болѣе позднѣйшимъ, но тоже XVIII в.

Этотъ перечень Яренскихъ воеводъ, составленный на мѣстѣ, значительно пополняетъ собою тотъ списокъ, который составленъ А. П. Барсуковымъ; но къ сожалѣнію въ нашемъ спискѣ не показаны годы воеводства, тогда какъ у А. П. Барсукова они означены.

Печатая списокъ Яренскихъ воеводъ, мы отмѣчаемъ тѣхъ воеводъ, которые не значатся въ спискѣ А. П. Барсукова.

Яренскъ—небольшой уѣздный городокъ Вологодской губерніи. Въ актахъ 1609 года онъ называется „Еренскій городокъ“. Первоначально онъ находился на самомъ устьѣ рѣки Яренги, впадающей въ р. Вычегду; но такъ какъ рѣка Вычегда начала сильно подмывать его, то Яренскій воевода Мина Грязевъ [2]) перенесъ городокъ на нынѣшнее его мѣсто. Академикъ Лепехинъ, бывшій въ Яренскѣ, говоритъ, что отъ стараго города не осталось никакого слѣда, кромѣ песчанаго бугра, на которомъ онъ стоялъ при Борисѣ Годуновѣ, однако въ прежнемъ городѣ были монастырь и церковь.

Званіе именъ.

1. Василій Ивановичъ Ларіоновъ. 1609.
2. Ѳедоръ Осиповичъ Яновъ. 1612.
3. Никифоръ Игнатьевичъ Засѣцкій. (у Барсукова нѣтъ)
4. Севрюга Ивановичъ Палицынъ. 1614.
5. Алексѣй Ѳедоровичъ Паленовъ. 1615—1616.
6. Андрей Ѳедоровичъ Наумовъ (у Барсукова нѣтъ) a)
7. Князь Петръ Андреевичъ Хилковъ. 1616—17—1619.
8. Елизарій Ѳомичъ Корсаковъ. (у Барсукова нѣтъ) b)
9. Ѳедоръ Безсоновъ сынъ Дементьевъ. 1625—1627.

---

[1]) Составл. А. Б. Барсуковымъ, изъ Археографич. коммиссіи. 1902 г.

[2]) По списку № 13. a) 7619 въ Осколѣ, 1627 въ Вязьмѣ, b) 1616 въ Тарѣ. c) 1664 въ Ярославлѣ, d) 1633 и 1647 въ Муромѣ.

10. Лаврентій Михайловичъ Раевскій. (у Барсукова нѣтъ)
11. Григорій Михайловичъ Юшковъ. 1627—1628.
12. Яковъ Михайловичъ Милославскій. 1629—1630—31.
13. Мина Кирилловичъ Грязевъ. 1632.
14. Борисъ Васильевичъ Приклонскій } (у Барсукова нетъ).
15. Иванъ Андреевичъ Кропотовъ }
16. Василій Яковлевичъ Унковскій с. } с.
17. Князь Василій Кропоткинъ. 1635.
18. Стольникъ Никита Ивановичъ Заболоткій 1636—1637.
19. Григорій Ареѳьевичъ Нероновъ. }
20. Титъ Ивановичъ Дубровинъ. }
21. Никита Ивановичъ Ласкиревъ d) } (у Бурсукова нѣтъ)
22. Петръ Павловичъ Нальяновъ. }
23. Иванъ Алферьевичъ Бѣгичевъ. 1645.
24. Иванъ Никифоровичъ Выбовскій (у Барсукова нѣтъ).
25. Иванъ Павловичъ Акинфовъ e) }
26. Иванъ Ивановичъ Хрущовъ. }
27. Захаръ Петровичъ Новосильцевъ. } у Барсукова нѣтъ.
28. Андрей Павловичъ Акинфовъ f) }
29. Игнатій Васильевичъ Палицынъ. }
30. Иванъ Савиновичъ Неѣловъ g)
31. Никита Ивановичъ Хвостовъ (1652 г.).
32. Елисѣй Максимовичъ Веревкинъ. (у Барсукова нѣтъ)
33. Князь Яковъ Ивановичъ Вяземскій. 1665 г. *) i).
34. Григорій Григорьевичъ Чириковъ. j).
35. Иванъ Ивановичъ Чагинъ (1669—1670).
36. Михаилъ Ивановичъ Мусорскій (1669—1671),
37, Борисъ Константиновичъ Кайсаровъ (1671).
38. Василій Александровичъ Даудовъ. (1674).
39. Василій Ѳедоровичъ Шишкинъ. k) (у Барсукова нѣтъ).
40. Князь Василій Ивановичъ Шаховской. (1678—1679).
41. Романъ Аристарховичъ Яковлевъ (стольникъ 1679 г.).
42. Иванъ Ѳедоровичъ Николаевъ (стольникъ 1682 г.).
43. Дмитрій Ермолаевичъ Нефедьевъ (1683).
44. Михаилъ Богдановичъ Бѣлкинъ }
45. Борисъ Ивановичъ Беклемишевъ. l) } у Барсукова нѣтъ.
46. Константинъ Васильевичъ Неплюевъ }
47. Павелъ Михаиловичъ Скрябинъ m) }
48. Гурій Родіоновичъ Украйнцевъ. 1691).
49. Савва Игнатьевичъ Украйнцевъ (у Барсукова нѣтъ).
50. Петръ Леотьевичъ Грозовъ.
51. Василій Борисовичъ Полозовъ.
52. Данило Ивановичъ Шанской.
53. Григорій Ивановичъ Вахрамѣевъ.
54. Иванъ Ивановичъ Кемтиновъ.

---

*) Годъ 1665 выставленъ другимъ почеркомъ и приписано: „а въ таможенныхъ головахъ Ѳедоръ Тимофеевичъ Оболтинъ". e) стольникъ 1651 въ Якутскѣ, 1655 Енисейскѣ, 1664 Тамбовѣ 1673, Казани f) 1670 въ Тобольскѣ, g) 1666 въ Пустозерскомъ острогѣ. i) стольникъ 1682 въ Сольвычегодскѣ, 1688 въ Енисейскѣ, j) 1686 въ Опочкѣ, k) 1680 въ Нарымѣ, l) 1677 въ Мещовскѣ, m) 1679 въ Орлѣ.

55. Ландратъ Иванъ Мироновичъ Кологривый.
56. Петръ Васильевичъ Коноплинъ.
57. Иванъ Мироновичъ Кологривый (вторично).
58. Иванъ Ивановичъ Трахапіотовъ.
59. Комендантъ Василій Дмитріевичъ Кишкинъ.
Воеводствовали по два годь.
1. Ларіонъ Минычъ Витязевъ 1730.
2. Степанъ Матвѣевичъ Бердяевъ 1732.
3. Маіоръ Михаилъ Ивановичъ Салтыковъ 1734.
4. Капитанъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Кашинцевъ 1736.
5. Князь Семенъ Ивановичъ Вяземскій 1738.
6. Капитанъ Алексѣй Ивановичъ фонъ-Бернлоковъ 1740.
7. Асессоръ Осипъ Тимоѳеевичъ Квашнинъ-Самаринъ 1742.
Съ 1744 года не по два года, а до указа.
Того жъ года вторая ревизія была.
8. Асессоръ Иванъ Тимоѳеевичъ Бѣлкинъ съ 1744 г. 10 лѣтъ и 7 мѣс.
9. Асессоръ Иванъ Ѳедоровичъ Бѣшенцовъ съ 1754 г. Август. 6½ л.
10. Асессоръ Михаилъ Ѳедотовичъ Бурцевъ съ 1761 г. Февраль 4¼ г.
Товарищи были Иванъ Неклюдовъ, Иванъ Понамаревъ по 1 году.
11. Асессоръ Иванъ Дмитріевичъ Дмитріевъ съ 1766 г. 4 года.
Товарищъ маіоръ Иванъ Елизаровичъ Комаровъ 7 мѣс.
12. Асессоръ Иванъ Дмитріевичъ Вельяминовъ съ 1770 г. 2 г.
13. Асессоръ Алексѣй Александровичъ Толбузинъ съ 1773 г. Марта 29 дня. 5 лѣтъ.
14. Асессоръ Василій Николаевичъ Болдыревъ съ 1778 г. Февр. 17. Другимъ почеркомъ приписано: „отрѣшенъ по предложенію губернатора за его безчинство въ 1779 году Октября 3 дня. Сего воеводы хуже не бывало. Дерзокъ, неразсуденъ, неправдивъ, пьяница и глупъ. Безчинствовалъ въ Яренскѣ 7 мѣсяцевъ и 12 дней.

А. Титовъ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

Издателя „Русскаго Архива“.

Осенью 1863 года графъ Д. Н. Блудовъ съ своею дочерью графинею Антониною Дмитріевною проживалъ въ Москвѣ, во дворцѣ, въ Нескучномъ. Я пользовался ихъ просвѣщеннымъ вниманіемъ, гащивалъ у нихъ въ Петербургѣ, а въ 1851 и 1852 годахъ, вскорѣ по выходѣ изъ Московскаго университета, жилъ у дочери графа Блудова, Лидіи Дмитріевны Шевичъ и давалъ уроки двумъ старшимъ сыновьямъ ея, Ивану и Дмитрію Егоровичамъ. Въ ту пору мы почти не знали новой Русской исторіи, и бесѣды съ графомъ Блудовымъ, которому Государь Николай Павловичъ поручалъ разработку считавшихся тогда секретными бумагъ XVIII столѣтія, очень пригодились для позднѣйшей моей дѣятельности. Это были, какъ выражаются Нѣмцы, meine historische Vorstudien. Графъ очень много зналъ такого, о чемъ нигдѣ нельзя было прочитать, а на людяхъ даже заикнуться. Извѣстно, что, по желанію Карамзина, онъ, до воцаренія Николая Павловича, готовился писать Русскую Исторію за время послѣ царствованія Петра Великаго; ему разрѣшено было даже брать на домъ бумаги изъ Государственнаго Архива. У него въ Нескучномъ бывалъ я ежедневно и по цѣлымъ часамъ заслушивался его разсказовъ о событіяхъ, которыя въ царствованіе Александра Николаевича уже не было опасности передавать; онъ же былъ отмѣнно-словоохотливъ.

Въ одинъ изъ вечеровъ, когда я уже начиналъ утомляться слушаніемъ, вдругъ старикъ-графъ, какъ бы мимоходомъ, сказалъ, что Екатерина Вторая была замужемъ за Потемкинымъ. Я изумился точно какъ читающій Дикенсова Коперфильда изумляется, узнавая въ концѣ книги, что у тетушки-Бетси былъ мужъ. Признаюсь, мнѣ подумалось, уже не сталъ ли бредить престарѣлый предсѣдатель Государственнаго Совѣта (это былъ послѣдній годъ его жизни, † 19 Февраля 1864). Однако, я разумѣется, началъ допытываться, откуда онъ про это знаетъ, и графъ сообщилъ мнѣ, что М. С. Воронцовъ, пріѣзжавшій въ Петербургъ по кон-

*) Мои историческія предварительныя занятія.

чинѣ своей тещи, племянницѣ Потемкина, А. В. Браницкой († 1839) сказывалъ ему, что она сообщила ему эту тайну и передала даже самую запись объ этомъ бракѣ.

Екатерина, ея царствованіе, ея судьба, ея великія заслуги передъ Россіею, занимаютъ меня съ юношескихъ лѣтъ моихъ. Мой профессоръ С. М. Соловьевъ сочувствовалъ моей приверженности къ славной ея памяти. И онъ считалъ, что ея воцареніе было дѣломъ народнаго избранія, такъ какъ тогдашняя гвардія была представительницею всѣхъ сословій Русскаго народа (нѣкоторые утверждаютъ даже, что это избраніе было законнѣе избранія Михаила Ѳедоровича). Я же воспитывался и подъ дѣйствіемъ преданія семейнаго: мой дѣдъ по матери, Петръ Тимоѳеевичъ Бурцевъ, послѣ военной службы долго и съ честію былъ городничимъ въ городѣ Липецкѣ и покинулъ эту должность вслѣдъ за воцареніемъ Павла Петровича. Тамбовскій губернаторъ Державинъ, цѣнилъ его, и я еще отрокомъ зналъ наизустъ стихи изъ Фелицы и видѣнія Мурзы. У насъ въ домѣ говорили про Екатерину съ благоговѣніемъ, а когда былъ я еще студентомъ, покойный Д. Н. Свербеевъ звалъ меня загробнымъ фаворитомъ Екатерины (favori posthume).

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1869 года я собрался изъ Москвы до Одессы (еще не совсѣмъ по желѣзной дорогѣ), приглашенный туда (при посредствѣ А. А. Васильчикова) княземъ Семеномъ Михаиловичемъ Воронцовымъ для переговора объ изданіи въ свѣтъ его архива. На первыхъ же порахъ знакомства, князь сообщилъ мнѣ, что у матушки его (тогда еще здравствовавшей), княгини Елисаветы Ксаверьевны, хранится списокъ записи о бракѣ императрицы Екатерины Второй съ ея дѣдомъ-дядею, свѣтлѣйшимъ княземъ Потемкинымъ. Позднѣе, въ другую мою Одесскую поѣздку, графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ сказывалъ мнѣ, что эта запись хранилась въ особой шкатулкѣ, которую княгиня Воронцова поручила ему бросить къ море, когда онъ ѣздилъ изъ Одессы въ Крымъ.

Въ Москвѣ, я нерѣдко проводилъ пріятнѣйшіе для меня часы на Покровкѣ, у князя Михаила Ѳедоровича и княгини Юліи (Луизы) Трофимовны Голицыныхъ. По кончинѣ князя въ 1874 году, княгиня передала въ «Русскій Архивъ» Записки свекра своего, князя Ѳедора Николаевича Голицына съ тѣмъ, чтобы на помѣщеніе нижеслѣдующаго въ нихъ мѣста испросилъ я соизволеніе Государя. Выписку препроводилъ я министру двора, графу А. В. Адлербергу съ докладною запискою, въ которой упомянулъ, что, коль скоро въ печати говорится о любимцахъ Екатерины, то почему бы не огласить о томъ, что свои отношенія къ Потемкину она освятила бракомъ? Графъ отвѣчалъ мнѣ, что

Государь благодаритъ за сообщеніе, которое было для него ново, и прикажетъ сыскать подтвержденія. Не знаемъ, произведены ли были розыски; а можно бы въ архивѣ Св. Синода, гдѣ, слышно сохранилась и подлинная брачная запись.

Вотъ это мѣсто изъ Записокъ князя Ѳ. Н. Голицына, человѣка отличавшагося правдивостью (его могло занимать особенно это показаніе, потому что его родной дядя и воспитатель И. И. Шуваловъ находился въ подобныхъ же отношеніяхъ къ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ; когда И. И. Шуваловъ поѣхалъ въ чужіе края, Вольтеръ писалъ: c'est l'empereur de Russie ci-devant, qui nous vient):

«Одинъ изъ моихъ знакомыхъ, бывшій при Павлѣ 1-мъ въ дѣлахъ и въ большой довѣренности, увѣрялъ меня, что императрица Екатерина, вслѣдствіе упорственнаго желанія князя Потемкина и ея къ нему страстной привязанности, съ нимъ вѣнчалась у Самсонія, чтó на Выборгской сторонѣ. Она изволила туда пріѣхать поздно вечеромъ, гдѣ уже духовникъ ея былъ въ готовности, сопровождаемая одною Марьею Савишною Перекусихиной. Вѣнцы держали графъ Самойловъ и Евграфъ Александровичъ Чертковъ». (Списано съ подлинника 19 Генваря 1874).

Родной, по матери своей, внукъ графа Самойлова, графъ Алесандръ Алексѣевичъ Бобринскій зналъ по преданію и передалъ мнѣ, что, когда совершалось таинство этого брака, Апостолъ читанъ былъ графомъ Самойловымъ, который при словахъ: «жена да боится мужа своего» поглядѣлъ въ сторону вѣнчавшейся, и она кивнула ему головою, и что брачную запись графъ Самойловъ приказалъ положить себѣ въ гробъ. Графъ В. П. Орловъ-Давыдовъ (человѣкъ воздержный и на языкъ) передавалъ мнѣ, что однажды онъ пришелъ къ престарѣлому графу Самойлову, въ то время какъ онъ разбиралъ свои драгоцѣнности. «А вотъ пряжка, сказалъ онъ ему, подаренная мнѣ Государынею на память брака ея съ покойнымъ дядюшкою». Брачная запись, полученная М. С. Перекусихиной должна, если не истреблена, храниться у свѣтлѣйшаго князя Петра Дмитріевича Волконскаго, и ее также слѣдуетъ искать у Чертковыхъ (бездѣтному Евграфу Александровичу наслѣдовалъ братъ его). Можетъ быть, найдется указаніе и въ архивѣ Конно-гвардейскаго полка, именно въ бумагахъ о полковой церкви: Потемкинъ былъ человѣкъ церковный, онъ написалъ даже Канонъ Спасителю (см. «Русск. Архивъ» 1881, II, 17); вѣроятно помѣстилъ онъ что нибудь въ церковь полка, корнетомъ котораго впервыя узнала его Екатерина. Въ домовой церкви князя С. М. Голицына у Пречистенскихъ воротъ, гдѣ Екатерина провела,

почти весь 1775-й годъ, старожилы видали иконы-портреты Екатерины Мученицы и Григорія Просвѣтителя. О брачныхъ вѣнцахъ въ Московской церкви Большаго Вознесенія у Никитскихъ воротъ цѣлая статья въ «Русскомъ Архивѣ» (1882, II, 91). Но всего убѣдительнѣе письма Екатерины къ Потемкину, т. е. способъ выраженій въ нихъ.

Можно полагать, что бракосочетаніе совершилось либо осенью 1774 года (когда вся опасность пугачевщины миновала), либо передъ отъѣздомъ въ Москву, т. е. въ половинѣ Января 1775 года. Лѣто сего послѣдняго года новобрачные проводили въ Коломенскомъ и въ нынѣшнемъ Царицынѣ (тогда Черной Грязи). Въ Запискахъ Державина за этотъ годъ читаемъ: «Государыня изволила тамъ жить въ маленькомъ домикѣ, не болѣе какъ изъ шести комнатъ состоящемъ, въ коемъ помѣщался Потемкинъ».

*

Отъ красавицы, жены придворнаго служителя Попова, урожденной Гусятниковой, графъ Ѳ. Г. Орловъ († 1796) имѣлъ: Алексѣя, Михаила, Владимира († 19 лѣтъ) и Григорія. По смерти ея онъ вошелъ въ связь съ Татьяной Ѳедоровной Ярославовой, урожденной Окуловой (умершей лишь въ 1846 г.) и имѣлъ сына Ѳедора и дочь Анну (въ бракѣ за А. М. Безобразовымъ). Эти дѣти графа Ѳ. Г. Орлова еще при Екатеринѣ пожалованы дворянствомъ и получили Орловскій гербъ. Умирая, отецъ завѣщалъ имъ свое *благопріобрѣтенное*, а въ *пожизненное* владѣніе оставилъ Ярославовой 1500 душъ въ Вологодской губерніи. Окуловы не отдавали этого имѣнія; но Н. М. Орловъ, сынъ Михаила Ѳедоровича, выигралъ тяжбу, купивъ долю Итальянки, дочери Григорія Ѳедоровича и получивъ въ даръ долю князя А. Ѳ. Орлова.

Опекуномъ втораго поколѣнія Орловыхъ былъ графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ, помѣстившій всѣхъ братьевъ въ пансіонъ аббата Николя, который говорилъ по-русски книжною рѣчью Ломоносова. Въ этомъ пансіонѣ былъ отличный дядька Терентій, который безсознательно и для себя, и для дѣтей ограничивалъ католическое и Французское вліяніе. Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій тоже полюбилъ четырехъ молодцовъ, и они сдружились съ его дочерью, знаменитою Анною Алексѣевной. Говорили даже, что будущій князь Алексѣй Ѳедоровичъ имѣлъ виды получить ея руку.

*

Графъ П. А. Паленъ говаривалъ своему племяннику барону Шеппингу, что единственный геніальный человѣкъ, котораго онъ зналъ, былъ князь Потемкинъ.

Паленъ получилъ отъ Екатерины большія помѣстья въ Курляндіи, Экау, Котсмюнде. По словамъ барона Шеппинга, графу Палену дѣйствительно бывали привидѣнія.

*

Великая княгиня Анна Ѳедоровна сказывала князю П. А. Вяземскому, что въ первую ночь царствованія Александра Павловича Елизавета Алексѣевна пришла къ ней просить, чтобы она уговорила ея мужа выйти къ публикѣ. Елисаветы Алексѣевны не послушался новый Государь; и она стала упрашивать невѣстку, чтобы та пошла, такъ какъ онъ ея послушается. Анна Ѳедоровна нашла Государя лежащимъ на диванѣ въ мундирѣ и горько плачущимъ. По ея убѣжденію онъ вышелъ. Отъ Николая Яковлевича Скарятина я слышалъ, что его отецъ посланъ былъ сообщить Александру Павловичу про кончину Павла. Александръ Павловичъ пришелъ въ полное отчаяніе, метался на диванѣ и восклицалъ: Qu'avons nous fait, qu'avons nous fait! (что̀ мы сдѣлали, что́ мы сдѣлали!)

*

По словамъ Н. И. Тургенева (Mémoires d'un Proscrit), Карамзинъ былъ такого мнѣнія о своихъ соотечественникахъ: «Вы сами неспособны ни къ какому преуспѣянію. Довольствуйтесь тѣмъ, что̀ для васъ сдѣлали ваши правители и не пытайтесь произвести какое-либо измѣненіе, такъ какъ опасно, чтобы не надѣлали вы глупостей».

Князь Вяземскій мнѣ говорилъ, что Карамзинъ совѣтовалъ ему уклоняться отъ мнѣній, которыя становятся модными: въ нихъ всегда ложь, такъ какъ истина—достояніе немногихъ.

Въ той же книгѣ Н. И. Тургеневъ повѣствуетъ, что въ главной квартирѣ союзниковъ 1814 года императоръ Александръ Павловичъ вставалъ ночью и ходилъ въ сопровожденіи своего флигель-адъютанта, который несъ передъ нимъ фонарь, къ главнокомандующему князю Шварценбергу переговаривать о движеніи войскъ. Князь иногда уже былъ въ постелѣ; Государь садился подлѣ него на стулъ и бесѣдовалъ съ нимъ. Однажды былъ удостоенъ такого же посѣщенія и генералъ-квартермистръ князя Шварценберга Лангенау.

Въ Парижѣ положеніе Государей Нѣмецкихъ было весьма жалкое. Ихъ какъ будто не замѣчали. Народъ, видя ихъ вмѣстѣ съ нашимъ Александромъ, оглашалъ воздухъ криками: Vive Alexandre! Однажды эти крики раздались въ оперѣ. Государь, при входѣ въ ложу, пропустилъ впередъ себя императора Франца, чтобы онъ отвѣчалъ на привѣтствія; но зрители воскликнули: Vive l'Empereur Alexandre!

На дворцовой площади поднята была бумага, очень огорчившая Александра Павловича. Въ ней перечислялись неудовольствія народа на правительство и выражалась угроза Государю гнѣвомъ народа.

Ермоловъ, во второй проѣздъ свой черезъ Москву изъ Петербурга на Кавказъ, говорилъ одному изъ членовъ Союза Благоденствія: «Государь знаетъ, зачѣмъ вы сюда пріѣхали; но онъ думаетъ, что васъ много. Если бы онъ зналъ, что васъ всего наперечетъ, то вамъ бы не сдобровать».

Князь Н. Г. Репнинъ былъ съ докладомъ у императора Александра Павловича вслѣдъ за Ермоловымъ, который вышелъ изъ государева кабинета съ заплаканными глазами. Чтò такое у васъ было? спросилъ онъ потомъ Ермолова; когда я вошелъ къ Государю, онъ отиралъ слезы.—Ничего, отвѣчалъ Ермоловъ: другъ друга надували!

Были сумерки. Николай Павловичъ спускался съ лѣстницы изъ дворца къ озеру, вдругъ слышитъ въ кустахъ какой-то шорохъ. Государь, думая, что это собака, свистнулъ; въ эту минуту изъ кустовъ выскочилъ злоумышленникъ. Государь строго на него взглянулъ, и подъ взглядомъ Государя тотъ упалъ на колѣни, продолжая однако держать руку за спиной... Видя это, Государь, приказалъ ему подать то, чтò у него въ рукѣ; онъ подалъ ему пистолетъ. Ступай, сказалъ ему Государь, но чтобы никто объ этомъ никогда не услышалъ.

Когда Николай Павловичъ возвращался съ Калишскихъ маневровъ, на него сдѣлано было неудавшееся покушеніе кѣмъ-то изъ Поляковъ (пуля слегка задѣла только молодаго чиновника Кирилина, впослѣдствіи секретаря при министрѣ двора). Узнавъ о томъ, одинъ изъ директоровъ какого-то кадетскаго корпуса въ Петербургѣ приказалъ отслужить благодарственный о спасеніи Государя молебенъ. По возвращеніи Государя, директору сдѣлало было строжайшее внушеніе. «Объ этого рода случаяхъ молчатъ, а не разглашаютъ ихъ», выразился Николай Павловичъ. Много позднѣе, митрополитъ Филаретъ послалъ въ Синодъ записку о крайней неблаговидности частыхъ напоминаній про Каракозова и Березовскаго.

*

Карамзинъ, пріѣхавши въ Петербургъ для поднесенія Исторіи Государства Россійскаго Государю, засталъ еще въ живыхъ Державина и, навѣстивъ его, говорилъ ему: «Гаврилъ Романовичъ, не вѣрьте Бесѣдникамъ». (Отъ графа Д. Н. Блудова).

Почетный опекунъ Николай Ивановичъ Барановъ (письма къ которому императрицы Маріи Ѳедоровны въ «Русскомъ Архивѣ» 1870 года)

страдалъ до того сильною одышкою, что могъ только лежать, либо стоять, а сидѣть ему было трудно. Въ Московскомъ Англійскомъ клубѣ игралъ онъ въ карты стоя.

*

Дантесъ носилъ на рукѣ перстень съ именемъ Генриха IV-го и любилъ показывать его. Онъ былъ въ Кавалергардскомъ полку и сначала такъ бѣденъ, что сидѣлъ большею частію дòма. Императрица Александра Ѳедоровна, шефъ Кавалергардовъ, назначила ему денегъ изъ своей шкатулки.

Князь Вяземскій ему сказалъ, что не можетъ принимать его вмѣстѣ съ Пушкинымъ. Онъ опять явился. Тогда княгиня Вяземская напрямикъ ему объявила, что онъ рискуетъ увидѣть карету у ея подъѣзда и услышать отъ швейцара, что ихъ нѣтъ дома.

Пушкинъ говорилъ про Дантеса, что il l'a troublé *), т.-е. его жену.

Пушкинъ воображалъ себя практикомъ.

Д. В. Дашковъ сказывалъ князю Вяземскому про неловкость Жуковскаго, который сталъ просить Государя, чтобы по смерти Пушкина его семейству дана была таже пенсія, что̀ и Карамзинымъ. «Послушай, сказалъ ему Государь, какъ ты этого не понимаешь? Карамзинъ былъ почти святой человѣкъ; а какова была жизнь Пушкина? Я готовъ помочь его семьѣ, но сравнять его съ Карамзинымъ не могу».

*

Выраженіе Пушкина про небо съ кучерявыми, рѣдкими облаками: *Небо простоквашею*.

В. Я. Брюсовъ сообщилъ намъ слѣдующую выписку изъ метрической книги въ Московской церкви Богоявленія въ Ѣлоховѣ 13, 27. Во дворѣ колежскаго регистратора Ивана Васильева Скворцова, у жильца его моэора Сергія Львовича Пушкина родился сынъ Александръ. Крещенъ Іюня 8 дня. Воспріемникъ графъ Артемій Ивановичъ Воронцовъ. Кума мать означеннаго Сергія Пушкина вдова Ольга Васильевна Пушкина.

Въ стихахъ Хомякова «Спи» заключается легкій намекъ объ его преждевременной и для всѣхъ неожиданной кончинѣ.

*

Двоюродный племянникъ князя М. С. Воронцова Михаилъ Павловичъ Щербининъ (впослѣдствіи сенаторъ и начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати) былъ острословъ. Однажды за обѣдомъ у князя

*) Онъ ее встревожилъ.

М. С. Воронцова получено было извѣстіе, что Никаноръ Михайловичъ Лонгиновъ (кривой на одинъ глазъ) тяжко заболѣлъ; Щербининъ тутъ же сказалъ:

Nicénor au tombeau va descendre.
Son trépas ne doit nous effrayer:
Car il a peu d'esprit à rendre
Et n'a qu'un seul oeil à fermer.

(Отъ князя М. С. Воронцова).

*

Всероссійская, а потомъ и всеевропейская извѣстность Михаила Никифоровича Каткова началась съ 1862 года, когда покойный Великій Князь Константинъ Николаевичъ былъ намѣстникомъ въ Царствѣ Польскомъ.

Много позднѣе я ѣздилъ въ Петербургъ изъ Москвы поблагодарить Его Императорское Высочество за его сотрудничество (ему принадлежитъ статья о покушеніи Ярошинскаго, появившаяся въ «Русскомъ Архивѣ» 1873 года). Когда я вошелъ къ нему въ прекрасный его кабинетъ въ Мраморномъ дворцѣ, первыми его словами были: Катковъ меня оклеветалъ передъ Россіею, будто я хотѣлъ быть Царемъ Польскимъ. Теперь онъ разубѣдился и недавно даже у меня обѣдалъ. Вслѣдъ за тѣмъ Великій Князь изволилъ дать мнѣ для прочтенія письма къ нему Императора Александра Николаевича за Іюнь, Іюль и Августъ 1862 года, изъ которыхъ я узналъ, что сначала самъ Государь приказывалъ ему отдалять отъ себя Русскихъ, враждебныхъ Полякамъ, а въ Августѣ мѣсяцѣ уже вспоминалъ, какъ оба они, будучи молоды, осуждали своего родителя за строгость къ Полякамъ, и потомъ пришлось убѣдиться въ справедливости его мѣръ, и какъ притомъ сообщалъ брату о нѣкоторыхъ изъявленіяхъ Польскаго нахальства. Я провелъ не одинъ часъ въ чтеніи этихъ писемъ и вышелъ изъ Мраморнаго дворца ошеломленный исторіографическими откровеніями. Очень можетъ быть, они были сдѣланы и М. Н. Каткову.

Въ 1864 году, министръ народнаго просвѣщенія, А. В. Головнинъ, искреннѣйшій приверженецъ Великаго Князя Константина Николаевича, можно сказать, влюбленный въ него, какъ П. М. Леонтьевъ въ Каткова (оба горбачи, и въ обоихъ случаяхъ было во что влюбиться) и вполнѣ раздѣлявшій тогдашнее убѣжденіе о возможности мирнаго соглашенія съ Поляками, разослалъ по университетамъ и предписалъ учебнымъ заведеніямъ пріобрѣтать, написанную въ пользу Поляковъ книгу легкомысленнаго Курляндца инженера барона Фиркса, скрывшаго свое имя подъ псевдонимомъ *Шедоферотти*. Книга эта встрѣчена была негодованіемъ лучшихъ Русскихъ людей, и по поводу ея и одобренія ея Русскому

юношеству М. Н. Катковъ (тогда уже издававшій Московскія Вѣдомости, взятыя имъ передъ тѣмъ въ аренду) началъ рядъ своихъ громоносныхъ, великолѣпныхъ статей. Москва зачитывалась этими статьями. Англійскій клубъ чествовалъ Каткова многолюднымъ, торжественнымъ съ музыкою, обѣдомъ и рѣчами. Графъ В. П. Орловъ-Давыдовъ поднесъ ему драгоцѣнную чернильницу съ большою подставкою и на ней съ надписью на Греческомъ языкѣ, значащею въ Русскомъ переводѣ: «омокай перо въ разумъ» (изреченіе одного изъ древнѣйшихъ философовъ, которыми нѣкогда Катковъ занимался). По Москвѣ собрано нѣсколько тысячъ подписей подъ благодарственнымъ ему адресомъ. Подписи собирали Александръ Александровичъ Араповъ, Николай Васильевичъ Сушковъ, Сергѣй Павловичъ Шиповъ и Александръ Ивановичъ Менде (всѣ четверо маленькаго роста). Митрополитъ Филаретъ послалъ Каткову свое благословеніе съ иконою, которую подносила ему Александра Васильевна Кирѣева (нѣкогда воспѣтая Пушкинымъ и Языковымъ). Поднесеніе иконы и адреса состоялось въ день именинъ Каткова, 8 Ноября 1864 года.

Всегда чуждый политическихъ увлеченій, С. А. Соболевскій написалъ по этому случаю слѣдующіе забавные стихи:

Катковъ! Ты тѣмъ сталъ милъ,
Что намъ въ Шедофероттѣ
Тьму пакостей открылъ.
Милліонъ сочувствій вотъ те!

*

Какой въ немъ правды гласъ?
Вы всѣ насъ знать привыкли;
Скажите жъ, между насъ
Что каждый не великъ ли? *(выступаютъ впередъ).*

*

И смѣетъ онъ сказать
Про нашихъ, что-де хамы,
Когда протестовать
Здѣсь стали даже дамы?! *(указывая на А. В. Кирѣеву).*

*

Держи, держи, Катковъ,
Газету на арендѣ:
Араповъ, Н. Сушковъ,
Сергѣй Шиповъ, А. Менде *).

Черезъ нѣсколько лѣтъ я читалъ эти стихи М. К. Каткову, и они разсмѣшили его.

---

*) По-нѣмецки Am Ende—наконецъ.

Notes of a visit to the Russian Churh in the yers 1840, 1841. By William Palmer. Selected and arranged by cardinal Newman London. 1882 [1]).

Пальмеръ родился 12 Іюля 1811. Въ 1838—1843 годахъ онъ былъ туторомъ въ коллегіи Св. Магдалины. Перешелъ въ католичество въ 1855, умеръ 5 Апрѣля 1879 въ Римѣ. Его братъ лордъ-канцлеръ Сельборнъ (Selborne).

Ньюманъ, ревностный католикъ, въ этой книжкѣ многое опустилъ. У него же остались записки и о второмъ путешествіи Пальмера въ Россіи, но онъ ихъ не издаетъ.

Аверкіевъ про Коптева [2]).

Когда въ столицу царь въѣзжалъ,
И всюду было ликованье,
Въ случной конюшнѣ генералъ
Василій Коптевъ испускалъ
Патріотическое ржанье.

Покойная княгиня Мещерская посылала въ Парижъ къ аббату Мишу̀, угадчику свойствъ человѣка по его почерку, письма трехъ Московскихъ дѣятелей печати. Аббатъ прислалъ ихъ съ своими показаніями. Одно изъ этихъ показаній княгиня мнѣ подарила. Вотъ оно.

Paris 15 Septembre 1884.

Madame,

L'écriture que vous me communiquez est d'autant plus difficile à déchifrer que la langue russe m'est inconnue. Je vais cependant essayer de vous en rendre compte.

Au point de vue de l'intelligence, je vois un esprit déductif, chercheur, persévérant, capable d'une grande tenacité dans la poursuite d'un but positif. Je me trompe fort, ou cette écriture est d'un homme de lettre et dénotte un grand exercice de la main, tout en étant serrée et originale. Ce n'est pas un esprit critique, il est souvent disposé aux idées préconçues, il pourrait accepter, sans trop les approfondir, des suggestions parfois dénuées d'un fondement solide; il a bien plus d'enthousiasme que de méfiance; j'ose dire que pour un homme de lettres ou un savant, ce serait même un défaut.

Sous le point de vue affectif, nous avons un homme de coeur très sensible et capable d'agir sous l'impulsion de sa sensibilité souvent aux dépens du bon sens; il a des côtés pratiques, mais sa nature prime-sautière est en-

---

[1]) Замѣтки о посѣщеніи Русской церкви въ 1840 и 1841 годахъ Вильяма Пальмера. Выбранныя и приведенныя въ порядокъ кардиналомъ Ньюманомъ. Лондонъ, 1882.

[2]) Василій Ивановичъ Коптевъ, конскій заводчикъ, написалъ большую книгу объ исторіи коннозаводства въ Россіи.

thousiaste. Je ne le crois pas poête, plutôt littérateur ou savant; sa persévérance doit être très grande, et il arrivera à des résultats dans ses travaux. A côté de ses côtés sérieux, cette nature a de singuliers petits épanouissements, qui doivent se traduire par l'amour de la famille, les joies du foyer, l'amour des oiseaux ou des chats, l'amour abstrait de la poésie, de la nature et même un sens inné de la beauté. Il serait intéressant de voir certaines lettres majuscules et sa photographie pour compléter le portrait d'un être complexe.

Vous m'obligerez, madame, en me disant si ce portrait est réussi.

Veillez agréer, madame, l'expression de mes sentiments bien distingués.

Michou.

Переводъ.

Парижъ, 15-е Сентября 1884.

Милостивая государыня, присланный вами почеркъ для меня тѣмъ труднѣе разобрать, что Русскій языкъ мнѣ неизвѣстенъ. Однакоже попробую дать вамъ отчетъ въ немъ.

Въ отношеніи умственныхъ способностей я усматриваю умъ любящій разбирать предметы, пытливый, настойчивый, способный къ большому упорству въ достиженіи положительной цѣли. Или я сильно ошибаюсь, или этотъ почеркъ принадлежитъ литератору и указываетъ на большое упражненіе въ письмѣ, будучи въ тоже время сжатымъ и своеобразнымъ. Это умъ не критическій; онъ часто склоненъ къ предвзятымъ мыслямъ и способенъ, не вникнувъ глубоко, принять внушенія, порою лишенныя прочнаго основанія; въ немъ гораздо больше энтузіазма, чѣмъ недовѣрчивости; осмѣлюсь сказать, что для литератора или ученаго эта черта является даже недостаткомъ.

Въ отношеніи душевныхъ качествъ передъ нами человѣкъ съ очень чувствительнымъ сердцемъ, способный дѣйствовать подъ толчкомъ своей восприимчивости, часто въ ущербъ здравому смыслу. Въ немъ есть практическія стороны характера, но натура у него легко восторгающаяся и дѣйствующая подъ первымъ впечатлѣніемъ. Не думаю, чтобъ онъ былъ поэтомъ; скорѣе онъ литераторъ, либо ученый. Настойчивость въ немъ должна быть очень велика, и онъ достигнетъ въ своихъ трудахъ обильныхъ плодовъ.

На ряду съ серьезностью характера, есть въ этой натурѣ и свѣтлыя стороны, выражающіяся въ любви къ своей семьѣ и радостямъ семейнаго очага, въ любви къ птицамъ или кошкамъ, въ отвлеченной любви къ поэзіи, къ природѣ и даже въ присутствіи врожденнаго чувства красоты.

Чтобы сдѣлать полную характеристику столь сложнаго человѣка, было бы интересно увидѣть, какъ онъ пишетъ нѣкоторыя прописныя буквы, и имѣть его фотографію. Очень обяжете меня, милостивая государыня, сообщивъ, удалось ли это изображеніе. Примите выраженіе моего почтенія къ вамъ, милостивая государыня. Мишу.

Благосклонный читатель! Извольте догадаться, кто это? П. Б.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

Выше, на стр. 441 „Русскаго Архива" находится примѣчаніе къ письмамъ Булгакова: „Какой это былъ именно князь Щербатовъ, мы не могли дознаться. Равно и безногій Ермоловъ намъ неизвѣстенъ".

По этому поводу могу сообщить вамъ слѣдующія точныя свѣдѣнія.

Князь Щербатовъ—это генералъ-майоръ, князь Николай Григорьевичъ (р. 23 Іюня 1778 г. † 1845 г.), родной братъ Московскаго генералъ-губернатора, князя Алексѣя Григорьевича Щербатова, женатаго на Соѳ. Ст. Апраксиной. У князя Николая Григорьевича было только 4 дочери (сыновей не было); изъ нихъ именно вторая, княжна Анастасія Николаевна, и вышла въ 1836 г. за больнаго, разбитаго параличомъ Ѳедора Александровича Ермолова, младшаго сына Екатерининскаго фаворита Александра Петровича Ермолова (отъ брака съ княжной Елисаветой Михайловной Голицыной, родной сестрой извѣстнаго князя Сергія Михайловича). Ѳедоръ Александр. Ермоловъ р. въ 1799 г., воспитывался въ Австріи подъ руковоствомъ католич. аббатовъ, съ 1816 по 1820 г. служилъ въ военной службѣ, въ 1824 г. былъ въ Москвѣ адъютантомъ князя Дм. Влад. Голицына. Параличъ ногъ заставилъ его оставить службу. Онъ жилъ на Пречистенкѣ, рядомъ съ А. Маріин. Институтомъ (теперь домъ Морозова), любилъ общество, былъ хорошій музыкантъ. Умеръ въ Апрѣлѣ 1846 г. Жена его, овдовѣвъ, пожертвовала капиталъ Дамскому попечительству, и часть его пошла на Маріинско-*Ермоловскій* Институтъ (оттуда и названіе), а часть на Ермоловско-Ѳедоровскій пріютъ, близъ Донского монастыря. Уѣхавъ навсегда въ Швейцарію, А.Н.Ермолова вышла замужъ за племянника покойнаго своего мужа, сына его старшаго брата, всегда жившаго заграницей, за Александра Петровича Ермолова. Отъ этого брака, кажется, было потомство, едва ли и сейчасъ не существующее во Франціи. Портреты акварельные, и Ѳ. А. Ермолова, и его красивой супруги находятся въ Ермоловскомъ пріютѣ. Имена Ѳ. А. Ермолова и Анастасіи Николаевны заслуживаютъ памяти въ исторіи Москвы.

А. Голомбіевскій.

*

Винимся въ нашемъ недосмотрѣ. Помѣщенное въ XI-й тетради „Русскаго Архива" нынѣшняго года Воспоминаніе о Т. Н. Грановскомъ было уже напечатано въ „Русской Старинѣ" 1878 года, и за тѣмъ вошло въ „Полное собраніе сочиненій В. В. Селиванова" (Владиміръ, 1901—1902). За указаніе на это обязаны мы достоуважаемому Алексѣю Васильевичу Селиванову.

Въ „Р. Архивѣ" 1902, II, 62, Ив. Вас. сынъ Бугаевскій *Благодарный*. Не слѣдуетъ ли: Бугаевскій—Благодатный? Такъ значится его фамилія и на портретѣ Боровиковскаго, его работы, и на портретѣ профессора живописи Иванова (въ Академіи Художествъ. На выставкѣ 1905 г., въ Таврическомъ дворцѣ подъ № 1258).

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ „РУССКОМЪ АРХИВѢ“

1906 года *).

*) 12 выпусковъ „Русскаго Архива“ составляютъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ. Въ этомъ Указателѣ ко всему годовому изданію Римскою цифрою означена книга, Арабскою страница оной.

*

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЕЙ КНИГИ

«РУССКАГО АРХИВА»

1906 года.

(выпуски 9, 10, 11 и 12).

417. Т. Н. Грановскій въ Московскомъ пансіонѣ Кистера.

358. Николай Павловичъ Боголѣповъ министромъ народнаго просвѣщенія. **Е. А. Боголѣповой**.

537. Переписка **И. С. Аксакова** съ **Н. И. Костомаровымъ** о Малороссіи и Малороссійскомъ языкѣ.

132. Стихи князя П. А. Вяземскаго. Пригласительная записка В. А. Жуковскому. 1808.

561. Письма **С. А. Соболевскаго** къ А. П. Елагиной и И. В. Кирѣевскому.

580. **И. В. Кирѣевскій**: его письма домой изъ Петербурга и Риги передъ отъѣздомъ въ чужіе края.

320 и 613 Изъ Записной книжки „Русскаго Архива“ (О бракѣ Екатерины съ Потемкинымъ.—Разсказы о императорахъ Александрѣ и Николаѣ Павловичахъ.—Карамзинъ, Жуковскій.—Князь Вяземскій.—Пушкинъ.—Стихи С. А. Соболевскаго по поводу чествованія М. Н. Каткова.—Угадчикъ свойствъ по почерку и пр.).

601. Кто былъ въ мірѣ старецъ Іона Чоботовъ? Разысканіе **А. А. Титова**.

604. Изъ Записокъ библіофила. Автографъ Сперанскаго. Разслѣдованіе **В. И. Остроглазова**.

310. Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ. Лѣтопись его жизни. Разслѣдованіе В. Я. Брюсова.

612. Списокъ воеводъ Яренскаго на Выми городка. **Его же**.

Внутри сорочки: Изъ рѣчи **Л. М. Савёлова** на Владимирскомъ археологическомъ съѣздѣ.—О Запискахъ Екатерины Великой. —Объ XI-й книгѣ „Старины и Новизны“.— О Русскихъ портретахъ, изданіи Великаго Князя Николая Михаиловича.

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Въ конторѣ „Русскаго Архива" въ Москвѣ на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, можно получать, по уменьшенной цѣнѣ, слѣдующія книги этого историческаго изданія, изъ которыхъ нѣкоторыя уже разошлись въ продажѣ.

ГЛАВНОЕ СОДЕРЖАНІЕ «АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА».

Книга третья. Собственноручный служебный журналъ гр. М. Л. Воронцова. Письма Ѳ. Д. Бехтѣева. Дѣло Каржавина. Арестъ Лестока. Бумаги Елисаветинской Конференціи. Письма графа А. П. Бестужева-Рюмина къ барону Корфу. Письма графа Санти. Переписка съ графомъ А. Г. Головкинымъ.

Книга четвертая. Мнѣнія графа Бестужева о принятіи Англійскихъ субсидій въ 1747 году. О Московскихъ пожарахъ. Переписка графа А. П. Бестужева съ Апраксинымъ. 1757 г. Доклады графа Воронцова 1758 года. Семилѣтняя война. Записка гр. Воронцова о ней. Дѣло Лестока. Переписка съ графомъ К. Г. Разумовскимъ. Письма М. В. Ломоносова.

Книга пятая. Бумаги графа А. Р. Воронцова. Автобіографическое показаніе. Переписка съ графомъ М. Л. Воронцовымъ. Письма княгини Дашковой. Письма А. Н. Радищева и Е. В. Рубановской. Разборъ сочиненія Радищева, написанный Екатериной Великой. Повинная его. Допросные пункты. Письма Вольтера.

Книга шестая. Бумаги графа М. Л. Воронцова. Доклады коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Переписка съ Ѳ. Д. Бехтѣевымъ, И. И. Шуваловымъ, съ главнокомандующими въ Семилѣтнюю войну. Взятіе Берлина Русскими войсками. О Русскомъ войскѣ въ 1757. Приложенъ планъ взятія Берлина.

Книга седьмая. Бумаги графа М. Л. Воронцова. Доклады Елисаветѣ Петровнѣ отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Рапортъ Костюрина о Русской арміи, дѣйствовавшей противъ Прусаковъ. О перемиріи съ Пруссіей. Дѣло графа Тотлебена. Реляція графа Бутурлина 21 Августа 1761 года. Проектъ графа П. И. Шувалова о рекрутскихъ наборахъ. Рескрипты графу Бутурлину. Тайная переписка Елисаветы съ Людовикомъ XV. Доклады Петру III. Переписка съ Екатериною Второю. Замѣчанія княгини Дашковой на книгу Рюльера. Портретъ графа М. Л. Воронцова и снимокъ.

Книга восьмая. Автобіографія графа С. Р. Воронцова. Переписка съ графомъ Ѳ. В. Ростопчинымъ.

Книга девятая. Письма гр. С. Р. Воронцова къ гр. А. Р. Воронцову.

Книга десятая. Письма гр. С. Р. Воронцова къ гр. А. Р. Воронцову и разнымъ лицамъ въ царствованія Павла и Александра I. Со снимкомъ.

Книга одиннадцатая. Переписка графа С. Р. Воронцова съ графомъ Н. П. Панинымъ и съ Н. Н. Новосильцовымъ. Со снимкомъ.

Книга двѣнадцатая. Письма графа П. В. Завадовскаго къ братьямъ Воронцовымъ; княгини Е. Р. Дашковой къ графу А. Р. Воронцову; Д. П. Троцинскаго, А. Н. Радищева. Бумаги о разлученіи герцога Виртембергскаго съ его супругою. Письмо графа А. Р. Воронцова къ князю А. Чарторыжскому. Со снимкомъ.

Книга тринадцатая. Письма князя А. А. Безбородки.

Книга четырнадцатая. Письма князя Кочубея, графа А. И. Маркова, князя А. И. Вяземскаго, П. А. Левашова, И. П. Страхова.

Книга пятнадцатая. Письма А. Я. Протасова. Переписка графа А. Р. Воронцова съ княземъ А. Чарторыжскимъ. Записка С. Р. Воронцова о внутреннемъ управленіи въ Россіи. Записка его о Питтѣ Младшемъ.

Книга шестнадцатая. Письма графа С. Р. Воронцова къ его отцу, къ П. В. Завадовскому, А. А. Безбородку. Переписка съ Екатериной Второй для предотвращенія войны съ Англіею, письма къ гр. Остерману, М. К. Макарову, Павлу Петровичу, К. С. Рындину и др.

Книга семнадцатая. Письма графа С. Р. Воронцова къ его сыну.

Книга восемнадцатая. Письма кн. В. П. Кочубея къ гр. С. Р. Воронцову. Д. П. Татищева къ графамъ Воронцовымъ. Н. Н. Новосильцова.

Книга девятнадцатая. Переписка братьевъ графовъ Воронцовыхъ съ П. В. Чичаговымъ и С. К. Грейгомъ.

Книга двадцатая. Письма графа А. И. Моркова, В. С. Тамары, А. Я. Италинскаго, барона Грима, В. Г. Лизакевича, св. Я. И. Смирнова, П. Н. Каверина. Мысли о родѣ занятій Русскаго министра въ Римѣ.

Книга двадцать вторая. Переписка братьевъ графовъ Воронцовыхъ съ баронами А. Л. и П. А. Николаи.

Книга двадцать третья. Письма Н. М. Лонгинова къ гр. С. Р. Воронцову.

Книга двадцать четвертая. Записка объ управленіи Россіи гр. А. И. Остермана. Автобіографическая записка Бирона. Записка канцлера Бестужева о Лестокѣ. Мать и братъ Екатерины въ Семилѣтнюю войну. Сношенія съ Франціей при Елисаветѣ. Послѣдніе дни Елисаветы. Записка объ Индіи. Письма къ гр. А. Р. Воронцову, И. И. Голикова, А. В. Храповицкаго гр. П. А. Зубова, П. И. Измайлова, А. В. Гудовича (объ отношеніяхъ къ Павлу Петровичу). Письмо Костюшки къ Павлу Петровичу.

Книга двадцать пятая. Причины перемѣнъ правленія въ домѣ Романова. О царствованіи Іоанна III, регентство герцога Курляндскаго, о Аннѣ Леопольдовнѣ и восшествіи на престолъ Елисаветы. Etat de la famille du duc de Brunswic (1748). La cour de Russie vis-à-vis des puissances étrangères. L'arrêt du comte de L'Estoq. Мать Екатерины Великой. Графъ Разумовскій и А. В. Олсуфьевъ о Малороссійскихъ дѣлахъ. Rélation de la Révolution arrivée en Russie le 6 Juillet. Записка о Россіи въ первый годъ царствованія Екатерины. Записка о Малороссіи. Письма Екатерины къ Понятовскому. Изъ Записокъ Понятовскаго. Письма Екатерины къ гр. А. В. Браницкой.

Книга двадцать шестая. Изъ бумагъ графа П. В. Завадовскаго и П. И. Панина. Письма Потемкина къ Суворову. Донесенія графа З. Г. Чернышова Екатеринѣ Второй объ открытіи Московской губерніи. Переписка Саксонскаго резидента Гельбига съ Лоссомъ. Дѣло барона Армфельда.

При каждой книгѣ имѣется азбучной указатель.

Цѣна каждой книгѣ „Архива Князя Воронцова“ отдѣльно 1 р. 50 к. съ пересылкой ДВА рубля. Выписывающіе не менѣе 10 книгъ пользуются уступкою 10%.

Это книжная рѣдкость, такъ какъ отпечатана только въ 200 нумеиаванныхъ экземплярахъ и вызвана въ свѣтъ благороднымъ желаніемъ сохранить семейную переписку отъ погромовъ современности. Книга имѣетъ и общее исторіографическое значеніе, такъ какъ въ ней какъ живой выступаетъ одинъ изъ вѣрныхъ дѣятелей Николаевскаго времени, Андрей Яковлевичъ Стороженко, правая рука Паскевича въ Царствѣ Польскомъ. Его переписка съ сыномъ Владимиромъ Андреевичемъ очень любопытна и поучительна.

Владимирская Ученая Архивная Комиссія съ отличною дѣятельностью неослабно разрабатываетъ ниву отечествовѣдѣнія. Вотъ новыя изданныя ею книги.

Краткое описаніе рукописей Церковно-историческаго Древнехранилища при братствѣ Св. Бл. Вел. Кн. Александра Невскаго. Выпускъ I. Владиміръ. Типографія Губернскаго правленія 1906. 8-ка, V (предисловіе *С. Недешева*), 2 нен. и 154 стр.

Хронологическая опись дѣлъ о расколѣ, хранящихся въ архивахъ губ. г. Владиміра. Часть первая (1720—1855 г.г.) Составилъ дѣйствительный членъ Владимірской Ученой Архивной Комиссіи Ѳ. К. Сахаровъ. Владиміръ Типографія Губернскаго Правленія 1906. 8-ка, VI, 362 и 2 нен. стр.

Монастыри, собоны и приходскія церкви Владимірской епархіи. цостроенныя до начала XIX столѣтія. Краткія историческія свѣдѣнія съ приложеніемъ описей, похраняющихся въ нихъ древнихъ предметовъ. Часть I-я. Монастыри.

Издано подъ редакціей дѣйствительнаго члена Владимірской Ученой Архивной Комиссіи протоіерея В. В. Касаткина. Губ. гор. Владиміръ. Типографія Губернскаго Правленія. 1906. 8-ка, III, 350 и 4 нен. стр.

*

Книга эта имѣетъ важное значеніе, и желательно, чтобы составлены были подобныя въ другихъ мѣстностяхъ Россія, которая обязана монастырямъ и вѣковой ихъ *непоказной* дѣятельности питаніемъ и сохраніемъ внутренней своей силы. Въ этомъ отношеніи сравнительно съ ними умаляются заслуги нашихъ семинарій я духовныхъ академій.

Дербентское городское упрощенное общественное управленіе. Къ столѣтію присоединенія Дербента къ Россійской имперіи. 1806—1906. **Исторія города Дербента.** Составилъ **Е. И. Козубскій**, дѣйствительный членъ-секретарь Дагестантскаго статистическаго комитета. Съ 26 рисунками. Темихъ-Ханъ-Шунъ. «Русская типографія» В. М. Сорокина. 1906. Большая 4-ка XII и 468 стр.

Покойный А. Л. Зиссерманъ, такъ много писавшій о Кавказѣ, говаривалъ, что въ настоящее время никто не знаетъ Кавказа лучше Е. И. Козубскаго.